UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01444680 1

РУССКІЕ ПОЭТЫ

ВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Gerbel, Nikolai Vasil'evich (comp.)

РУССКІЕ ПОЭТЫ

ВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ

СОСТАВИЛЪ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЬ

2 izd. ispr. i dop.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1880

(482)

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. О., 2 л., 7.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, чистые сердцемъ, вамъ, любящимъ Русь
Съ ея озерами — морями,
Съ ея неоглядным просторомъ полей.
Съ ея городами, рѣками,
Съ ея благодушнымъ народомъ, волной
Залившимъ отъ краю до краю
Равнины и степи родимой земли —
Вамъ новый мой трудъ посвящаю!

Всѣ эти жемчужины чистой воды,
Всѣ эти крупицы-топазы,
Что также какъ жемчугъ плѣняютъ нашъ взглядъ
И блещутъ порой, какъ алмазы,
Я бережно сóбралъ — и нынѣ на судъ
Несу ихъ въ убогой кошницѣ:
Да славится жемчугъ! да снидетъ хвала
И къ блещущей искрой крупицѣ!

Н. Гербель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ печатанью второго изданія «Русскихъ Поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ», единственная цѣль котораго была и есть — дать русской читающей публикѣ возможно-полный сборникъ избранныхъ произведеній русскихъ поэтовъ не только первостепенныхъ, но и такихъ, которые написали всего какихъ-нибудь два-три стихотворенія, оставшихся въ русской литературѣ, я тщательно пересмотрѣлъ первое изданіе своего сборника и сдѣлалъ всѣ необходимыя поправки и дополненія.

Единственной попыткой къ составленію сборника, подобнаго предлагаемому нынѣ, независимо отъ христоматій, издающихся для учащагося юношества, былъ у насъ до-сихъ-поръ «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», изданный въ 1858 году покойнымъ Н. Ѳ. Щербиной. Несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, сборникъ этотъ такъ незначителенъ по объёму, что, само-собою разумѣется, въ нёмъ могла найти мѣсто только самая малая частица всего хорошаго въ русской поэзіи. Мой же планъ при изданіи предлагаемаго сборника былъ, какъ увидитъ читатель, гораздо обширнѣе и полнѣе, такъ-какъ я имѣлъ въ виду собрать въ нёмъ всё лучшее изъ числа стихотворныхъ произведеній всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ поэтовъ, то-есть всё тó, чѣмъ справедливо гордится русская литература по части поэзіи. Успѣлъ ли я въ томъ — предоставляю судить критикѣ и публикѣ.

Въ предлагаемомъ сборникѣ нашли мѣсто только лучшія *оригинальныя* произведенія русскихъ поэтовъ, почему и прошу читателя не удивляться, если онъ не найдётъ въ нашемъ собраніи біографій и произведеній нѣкоторыхъ изъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ-*переводчиковъ*, или вовсе не

оставившихъ оригинальныхъ стихотвореній, или оставившихъ въ этомъ родѣ только рядъ неудачныхъ попытокъ.

Всѣ сто двадцать девять біографій, вошедшихъ въ предлагаемое изданіе, составлены мною — частью по новѣйшимъ печатнымъ источникамъ, частью по собраннымъ лично мною матеріаламъ.

Благодаря значительному количеству писемъ, полученныхъ мною со всѣхъ концовъ Россіи вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго изданія «Русскихъ Поэтовъ», съ указаніемъ на разнаго рода неточности, проскользнувшія въ нѣкоторыя біографіи поэтовъ, преимущественно новыхъ, трудъ мой по исправленію и дополненію ихъ ко второму изданію оказался вовсе не такимъ тяжолымъ, какъ это можно было предполагать сначала. Поэтому считаю пріятною для себя обязанностью принести здѣсь мою искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ, кто откликнулся на мою просьбу и тѣмъ помогъ мнѣ въ нелёгкомъ дѣлѣ собиранія матеріаловъ.

Не говоря о поправкахъ и значительныхъ добавленіяхъ къ большинству біографій, вошедшихъ въ предлагаемое второе изданіе «Русскихъ Поэтовъ», оно, сверхъ того, дополнено одиннадцатью жизнеописаніями слѣдующихъ авторовъ: А. И. Писарева, Н. В. Гоголя, Д. Т. Ленскаго, П. А. Каратыгина, Ѳ. А. Кони, А. Н. Яхонтова, В. Р. Зотова А. В. Дружинина, А. Ѳ. Писемскаго, Г. П. Данилевскаго и Н. С. Курочкина и тринадцатью отрывками изъ слѣдующихъ драматическихъ произведеній, написанныхъ въ прозѣ: «Недоросля»—Фонвизина, «Мельника»—Аблесимова, «Лукавина»—Писарева, «Ревизора» и «Женитьбы»—Гоголя, «Льва Гурыча Синичкина»—Ленскаго, «Булочной»—Каратыгина, «Петербургскихъ квартиръ»—Кони, «Бѣдной невѣсты», «Доходнаго мѣста» и «Женитьбы Бальзаминова»—Островскаго и «Горькой Судьбины»—Писемскаго.

Льщу себя надеждой, что читающая публика, встрѣтившая такъ радушно первое изданіе «Русскихъ Поэтовъ» и раскупившая пять тысячъ его экземпляровъ въ теченіе шести лѣтъ, отнесётся также радушно и ко второму ихъ изданію, нынѣ выходящему въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ.

16-го сентября 1879 года.

Г. Ялта.

Николай Гербель.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ холмогорскаго рыбака, родился въ 1711 году, въ деревнѣ Денисовой, лежащей на двинскомъ островѣ, недалеко отъ Холмогоръ. Въ это время весь дальній Сѣверъ былъ ещё не только полонъ чудными разсказами о пребываніи великаго государя Петра Алексѣевича въ архангельскихъ и олонецкихъ тундрахъ, но разсказы эти уже приняли форму какихъ-то древнихъ легендъ, въ которыхъ великій царь являлся полубогомъ, по единому мановенію котораго стихаютъ бури, возникаютъ города и флоты и самыя нѣдра земныя радушно предлагаютъ ему свои сокровища. По этому, весьма вѣроятно, что разсказы о Петрѣ Великомъ были первыми свѣдѣніями, усвоенными пытливымъ умомъ ребёнка-Ломоносова и что Пётръ Великій съ колыбели сдѣлался идоломъ всей его жизни, какъ это видно изъ его «Похвальнаго слова Петру Великому», написаннаго уже въ зрѣломъ возрастѣ, и въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Кому жь я героя нашего уподоблю? часто размышлялъ я. Каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море? дохнётъ духъ Его — и потекутъ воды; прикоснётся горамъ — и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.» Отецъ Ломоносова, Василій Дорофеевъ, отправляясь на промыселъ, въ *чайкѣ* собственнаго изобрѣтенія, по Бѣлому морю и Сѣверному океану, за полярный кругъ, бралъ съ собою и сына. Проводя лѣто среди опасностей и бурь, въ созерцаніи дикихъ и величественныхъ картинъ сѣверной природы, Михайло проводилъ зиму въ чтеніи. Страсть къ чтенію развилась въ нёмъ очень рано. Выучившись грамотѣ у приходскаго дьячка, онъ вскорѣ сталъ лучшимъ чтецомъ въ околодкѣ, восхищая прихожанъ звучностью и выразительностью своего голоса, торжественно звучавшаго съ клироса и съ амвона во время церковнаго богослуженія. Долго довольствовался Ломоносовъ чтеньемъ однѣхъ церковныхъ книгъ; но когда ему, совершенно случайно, попались въ руки «Славянская грамматика» Смотрицкаго, «Ариѳметика» Магницкаго и «Псалтырь», переложенный въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, онъ, несмотря на молодость, понялъ очень скоро, что гдѣ-то, подальше, знаютъ много такого, чего ему и во снѣ не грезилось. Выучивъ добытыя имъ книги наизусть ему захотѣлось достать другихъ; но люди свѣдующіе, къ которымъ онъ обращался съ своими разспросами, отвѣчали ему, что такихъ книгъ много въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ, гдѣ живутъ люди учоные. Тогда, обуреваемый страстнымъ желаньемъ учиться, онъ задумалъ бросить всё ему дорогое — родину, семью, старика-отца — и бѣжать въ Москву. На семнадцатомъ году, въ одну зимнюю ночь, захвативъ съ собою свои завѣтныя книжки, онъ вышелъ, ни кѣмъ незамѣченный, изъ отцовскаго дома, настигъ въ семидесяти верстахъ отъ Денисовой обозъ съ мёрзлою рыбой, вышедшій оттуда наканунѣ, и съ нимъ пришолъ въ Москву. Тамъ случай свёлъ его съ землякомъ, господскимъ прикащикомъ, который, узнавъ о причинѣ его бѣгства изъ дому родительскаго, познакомилъ

его съ однимъ монахомъ Заиконоспасскаго монастыря, прося помѣстить его въ монастырскую школу. Монахъ исполнилъ его просьбу — и Ломоносовъ былъ вскорѣ принятъ въ число учениковъ Заиконоспасскаго училища.

Быстро переходя изъ класса въ классъ, Ломоносовъ къ концу года сталъ понимать и писать по латыни и по гречески; но вскорѣ умъ его пересталъ удовлетворяться тонкостями тогдашней философіи и скудными уроками словесности — и весь отдался изученію физики и математики. Затѣмъ онъ сталъ проситься въ Кіевскую академію. Желаніе Ломоносова было исполнено; но и это заведеніе не удовлетворило его любознательности — и, ровно черезъ годъ, онъ вернулся въ Москву. Наконецъ, въ 1734 году, къ величайшей его радости, онъ былъ переведёнъ въ гимназію при Санктпетербургской Академіи Наукъ, гдѣ посвятилъ себя исключительно изученію химіи, физики и минералогіи. По прошествіи двухъ лѣтъ, какъ лучшій студентъ, онъ былъ отправленъ, для окончанія курса наукъ, въ Германію, въ Марбургъ, къ славному тогдашнему философу и математику Вольфу. Отсюда, по совѣту самого Вольфа, подъ руководствомъ котораго Ломоносовъ проработалъ цѣлыхъ три года, переѣхалъ онъ въ Фрейбургъ, къ горному совѣтнику Генкелю, чтобы подъ его руководствомъ заняться изученіемъ металлургіи и горнаго дѣла на практикѣ. Черезъ годъ Ломоносовъ былъ снова въ Марбургѣ, и усердно продолжалъ прежнія свои занятія, которыя, впрочемъ, не помѣшали ему, въ концѣ того же 1739 года, написать свою первую оду «На взятіе Хотина». Эта ода — есть первый поэтическій опытъ Ломоносова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое тоническое стихотвореніе, написанное на русскомъ языкѣ, такъ-какъ стихи Тредьяковскаго, написанные прежде, хотя и выдаются имъ за тоническіе, но признаны за такіе быть не могутъ, потому-что они, по крайнему своему безобразію, скорѣй походятъ на скверную прозу, чѣмъ на стихи. Ода была встрѣчена въ Россіи всеобщимъ одобреніемъ. Баронъ Корфъ, тогдашній президентъ Академіи Наукъ, поднесъ её императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которая приняла ее благосклонно и поручила благодарить автора. Что же касается публики, то она съ жадностью читала и заучивала звучныя ея строфы, мѣрныя и плавныя стихи которыхъ и теперь, по истеченіи ста сорока лѣтъ, читаются не безъ удовольствія. Въ 1740 году Ломоносовъ женился на дочери своего квартирнаго хозяина, и вскорѣ сдѣлался отцомъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ разгульною жизнью нѣмецкаго студента, которую онъ вёлъ въ Марбургѣ, дѣля своё время между аудиторіей и погребкомъ, въ которомъ собирались студенты пить пиво и балагурить, ввели Ломоносова въ неоплатные для него долги. Дѣлать было нечего: угрожаемый тюрьмою, онъ бѣжалъ изъ Марбурга, располагая пробраться въ Любекъ или въ Голландію, чтобы оттуда отправиться моремъ въ Петербургъ. На третій день своего побѣга, онъ остановился на постояломъ дворѣ, гдѣ встрѣтился съ прусскими вербовщиками. Тутъ, за стаканомъ вина, охмѣлѣвшему Ломоносову пришиваютъ красный воротникъ — и на другое утро онъ уже прусскій солдатъ. Напрасно протестуетъ онъ противъ насилія: его отводятъ въ Везель. Но Ломоносовъ не унываетъ. Ночью вылѣзаетъ онъ изъ окна и перебирается за валъ; затѣмъ, сынъ бурной стихіи, онъ переплываетъ два рва, пробирается черезъ контръэскарпъ, покрытый ходъ, палисадъ и гласисъ — и выходитъ въ поле. Пробѣжавъ около мили, онъ услыхалъ за собой пушечный выстрѣлъ изъ крѣпости, извѣщавшій о дезертирѣ; но въ это время онъ уже переходилъ вестфальскую границу и потому могъ спокойно продолжать свой путь. Въ Амстердамѣ его приняли ласково, снабдили деньгами — и вотъ онъ въ Россіи, въ Петербургѣ, въ Академіи, гдѣ, вскорѣ по пріѣздѣ, его дѣлаютъ адъюнктомъ, а черезъ пять лѣтъ назначаютъ профессоромъ физики и химіи.

Устроивъ дѣла, Михаилъ Васильевичъ вызвалъ своё семейство изъ Германіи — и провёлъ всю остальную жизнь въ занятіяхъ науками, искусствомъ и словесностью. Дѣятельность Ломоносова не имѣетъ ничего себѣ равнаго. Если ему было много дано отъ Бога, то также много и сдѣлано было имъ въ жизни на пользу горячо любимой имъ родины. Польза и слава отечества — были задушевными его мыслями. Движимый ими, онъ вникалъ во всё и отъ души жаждалъ дѣла, и дѣлалъ всё, что сдѣлать былъ въ силахъ. Всё привлекало его вниманіе; на всё отзывалась его душа. Начиналъ ли онъ думать о томъ, какъ это мы говоримъ и пишемъ, какъ составились въ нашемъ языкѣ слова, чѣмъ они различаются между собою, какъ мы ихъ соединяемъ, чтобы выходила понятная рѣчь — и результатомъ его размышленій являлась «Русская грамматика», трудъ, по тогдашнему времени, необъятный и драгоцѣнный. Принимался ли онъ за чтеніе какихъ-нибудь изысканій о Россіи, сей-часъ въ умѣ его зарождались вопросы: откуда идётъ Русь,

какъ жили и что дѣлали наши предки, какою была въ древнія времена наша Россія? — и являлась «Древняя Россійская Исторія», написанная имъ въ тѣ короткіе промежутки времени, которые оставались у него отъ постоянныхъ и тяжолыхъ работъ по Академіи. Западала-ль въ его голову мысль, что въ пѣдрахъ Россіи много золота, серебра и другихъ металловъ — и начиналъ онъ думать о томъ, какъ слѣдуетъ добывать ихъ изъ земли, очищать отъ примѣси другихъ металловъ, плавить и узнавать ихъ достоинство? соображать всё видѣнное имъ въ германскихъ рудникахъ, всё слышанное тамъ отъ профессоровъ — и книга «Первыя основанія металлургіи» составлялась мало по малу въ назиданіе занимающимся горнымъ дѣломъ.

Хотя Ломоносовъ, подобно Кантемиру, не былъ поэтомъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе онъ всё-таки стоитъ несравненно выше Кантемира не только какъ стихотворецъ, но и какъ человѣкъ. Ломоносовъ, подобно Петру Великому, былъ геній всеобъемлющій. Ему были равно доступны и поэзія, и химія, и физика, и мозаика, и исторія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ исключительно ни поэтомъ, ни физикомъ, ни химикомъ, ни мозаистомъ, ни историкомъ. Ломоносовъ не поэтъ; но онъ изобрѣлъ метръ — форму, въ которую слѣдовало облечь русскій стихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, первый понялъ ясно, что не силлабическое, а тоническое стихосложеніе всего болѣе можетъ быть приспособлено къ рускому языку; онъ создалъ нашу лирическую поэзію и испыталъ свои силы въ одѣ, пѣснѣ, поэмѣ и трагедіи; онъ создалъ русскую литературу. И чтó такое была русская поэзія и русская литература до Ломоносова? Между-тѣмъ, какъ со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны и распространеніемъ неслыханной роскоши, какъ при дворѣ, такъ и въ средѣ аристократіи, въ Петербургѣ и Москвѣ сталъ замѣтно распространяться вкусъ къ изящному, то-есть къ баламъ, маскарадамъ, итальянской оперѣ и нѣмецкой комедіи, а русскій языкъ сталъ уступать мѣсто языкамъ иностраннымъ — о русской литературѣ, русской поэзіи не было и помину. Да и возможно ли было любить и уважать литературу, первымъ представителемъ которой былъ Тредьяковскій, игравшій роль жалкаго шута. И въ это время является Ломоносовъ, съ своей «Одой на взятіе Хотина»:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведётъ на верьхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сёстръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю;
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей — и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по тёмной ночи.

Ломоносовъ не поэтъ; но вслушайтесь, чтó за перлы вдохновенья сыплетъ онъ иногда даже въ своихъ похвальныхъ одахъ! У него чуть не въ каждой одѣ встрѣчаются превосходныя, державинскія строфы — но только строфы.

Послѣ Петра Великаго, съ новою жизнію народа, свѣжія силы Русской Земли являли истинно-геніальныхъ людей по всѣмъ отраслямъ, на всѣхъ ступеняхъ общества; но всѣ эти геніи были односторонни, были явленіями частными. «Было только однажды явленіе въ Россіи тотчасъ послѣ Петра», говоритъ Н. А. Полевой, «явленіе генія многосложнаго, изумительнаго своимъ разнообразіемъ, брошеннаго судьбою въ самыя низшія званія народа, вышедшаго изъ нихъ своею непобѣдимою волею, блеснувшаго потомъ на самыхъ высшихъ ступеняхъ современной образованности — явленіе генія, боровшагося съ жизнью, съ людьми, съ природою, съ самимъ собою, вѣчно устремлённаго въ томительное многоразличие, вѣчно недовольнаго собою: этимъ явленіемъ былъ Ломоносовъ, имя у насъ народное, имя типовое. Онъ не только стихотворецъ, не только художникъ, не только учоный, не только писатель: въ его пламенной душѣ кипѣло всё и, подъ сосредоточенными лучами впечатлѣній, отовсюду летѣвшихъ въ его душу, всё сгорало въ ней, какъ алмазъ горитъ и углится подъ лучами соединённыхъ зеркалъ.» Но, не смотря на всю свою геніальность, Ломоносовъ не былъ поэтомъ, и Пушкинъ не даромъ сказалъ, что онъ по лирѣ своей не родня ему. Стѣснённый въ своей поэтической дѣятельности и духомъ времени, и правилами піитики, и самымъ родомъ своихъ занятій, онъ глядѣлъ на поэзію, какъ на воспѣваніе торжественныхъ случаевъ — и первая его ода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первое русское стихотвореніе, написанное правильнымъ размѣромъ, была «Ода на взятіе Хо-

тина». Впрочемъ, *воспитательный* взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщённой Европѣ, и потому нечего удивляться, что Ломоносовъ, не будучи поэтомъ въ душѣ, не глядѣлъ на неё иначе. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя Ломоносовъ отливалъ свои мысли, дѣлаютъ его похвальныя оды утомительными и тяжолыми. Гораздо лучше его оды духовныя. «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» и «Подражаніе Іову» до-сихъ-поръ поражаютъ читателя своей необыкновенной торжественностью и звучностью своего стиха. Также очень хороши: переводъ «Оды на счастье» Руссо и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ, напримѣръ: 1-го, 14-го и 145-го. Поэма «Пётръ Великій», за исключеніемъ двухъ-трёхъ картинъ сѣверной природы, весьма слаба. Что же касается его трагедій «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ», то они и при жизни автора не имѣли успѣха, тогда какъ въ то же время всѣ восхищались трагедіями Сумарокова, которыя въ настоящее время давно всѣми позабыты. Послѣднимъ изъ большихъ стихотворныхъ произведеній, написанныхъ Ломоносовымъ, было «Письмо о пользѣ стекла» къ графу И. И. Шувалову. Стихъ «Письма» такъ гладокъ и звученъ, что его до-сихъ-поръ ещё приводятъ въ христоматіяхъ, какъ образецъ посланій.

28-го іюня 1762 года Екатерина II взошла на престолъ; 4-го апрѣля 1765 года скончался Ломоносовъ. Онъ умеръ съ желаніемъ доказать государынѣ, что готовъ пожертвовать жизнью, еслибъ жизнь его понадобилась для доказательства, какъ высоко онъ её цѣнитъ. «Вижу», говорилъ умирающій Ломоносовъ другу своему Штелину: «вижу, другъ, что мнѣ надо умереть. Равнодушно смотрю я на смерть, и только о томъ жалѣю, что не успѣлъ кончить начатаго мною для пользы отечества, славы наукъ и чести Академіи; жалѣю, чувствуя, что благія намѣренія мои исчезнутъ со мною.»

Когда печальная вѣсть о смерти Ломоносова пронеслась по Петербургу, громкія сѣтованія стали раздаваться повсюду; многіе говорили: «могъ бы ещё пожить и потрудиться для славы и пользы отечества»! Похороны Ломоносова были великолѣпны. Чуть не весь городъ сопровождалъ его въ послѣдній пріютъ, въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ онъ и похороненъ. Впослѣдствіи, на могилѣ его былъ воздвигнутъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, а другой — въ Архангельскѣ, на главной площади, а въ скоромъ времени будетъ поставленъ ему ещё третій памятникъ — въ Холмогорахъ. Ломоносовъ, будучи отъ природы угрюмъ и раздражителенъ, былъ крайне настойчивъ во всёмъ задуманномъ имъ, а, при случаѣ, и мстителенъ, какъ мы это знаемъ изъ дѣла съ Шлецеромъ, котораго онъ едва не погубилъ, въ отмщеніе за оскорбленіе его авторскаго самолюбія. «Съ нимъ шутить было накладно», говоритъ А. С. Пушкинъ. «Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали, во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей, въ Академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при нёмъ пикнуть.» Но при всёмъ томъ, въ сущности Ломоносовъ былъ скорѣе человѣкъ добрый, что̀ можно видѣть изъ статьи Батюшкова, въ которой авторъ приводитъ нѣсколько прекрасныхъ его поступковъ, въ которыхъ вполнѣ высказалась его любящая и добрая душа. Сочиненія Ломоносова изданы были всего семь разъ: 1) Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Спб. 1751. 2) Собраніе сочиненій Ломоносова. Двѣ части. Изданіе второе. М. 1757. 3) Собраніе сочиненій Ломоносова. Двѣ части. М. 1778. 4) Собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. Спб. 1803. (Изданіе Академіи Наукъ.) 5) Избранныя сочиненія Ломоносова. (Изд. Перевлевскаго.) Спб. 1846. Три тома. 6) Сочиненія Ломоносова. Спб. 1847. (Изданіе Смирдина, помѣщённое въ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ».) 7) Собраніе сочиненій русскихъ писателей. I. Сочиненія Ломоносова. Спб. 1867.

I.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣтило
Простёрло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть,
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;

Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О, коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что̀ Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
«Великъ Зиждитель, нашъ Господь!»

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лiётся радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И что̀ угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный царь!

II.

ІОВЪ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ —
И такъ его на распрю звалъ:

«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда Я твердь земли поставилъ —
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

«Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжжонныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Моё величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсiяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

«Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?

«Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождёмъ прохладнымъ напоить,
Пловцу свободный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

«Стремнинами путей ты разныхъ
Прошолъ ли моря глубину
И счёлъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою,
Со страхомъ, смертныя врата?
Ты стёръ ли адовы уста?

«Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ — быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

«Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орёлъ, на высоту паря,
По вѣтру крыла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?

Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ,
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу далъ.—
Толь быстро око ты ль создалъ?

«Воззри въ лѣса на бегемота,
Что̀ Мною сотворёнъ съ тобой:
Колючій тёрнъ его охота
Безвредно попирать ногой;
Какъ верви, сплетены въ нёмъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ нёмъ рёбра какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотреть?

«Ты можешь ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ, какъ мѣдными щитами,
Копьё и мечъ, и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.

«Какъ жорновъ сердце онъ имѣетъ
И зубы — страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ
И твёрдость оныхъ презираетъ:
Для крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.

«Когда ко брани устремится,
То море какъ котёлъ кипитъ,
Какъ печь, гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздражонны,
Какъ угль въ горнилѣ раскалённый;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ гоня.
Кто можетъ стать противъ Меня?

«Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?»

Сіё, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть!
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньѣ часть.
Онъ всё на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

III.

ИЗЪ ОДЫ «НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ».

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёлъ, градо̀въ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своё богатство по земли...

Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ!
Пространная твоя держава
О какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течётъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтётъ...

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣвера страна,
Гдѣ мёрзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной...

Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіё воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зелёныхъ берегахъ крутится,

Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манжуръ...

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіёмъ:
Сребро и злато истекаетъ
Во всёмъ наслѣдіи твоёмъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятётся,
Что россамъ въ руки предаётся
Другой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зовётъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны
Раченьемъ вашимъ, показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и въ трудѣ...

IV.

ИЗЪ «ПИСЬМА О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА».

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучёмъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше пользы въ нёмъ, не меньше въ нёмъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено, огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живётъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ который океанъ на брань къ нему входилъ;
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно чорный дымъ навёлъ густую тѣнь
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ,
Изъ ней разжжонная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что жь, отъ нѣдръ земныхъ родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло...

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе — досада.
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада:
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ,
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?...

Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ,

Сколь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею вкругъ ней луной течетъ,
Которую хотя весьма пространну знаемъ,
Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О коль велико ихъ создавше Божество!
О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
Что на̀ землю послалъ возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся.
Стекло приводитъ насъ чрезъ оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣдѣнія тьму.
Преломленныхъ лучей предѣлы въ нёмъ не ложны,
Поставлены Творцомъ: другіе — невозможны.
Въ благословенный нашъ и просвѣщённый вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?
Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ ещё не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ:
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы.
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса —
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что ещё? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманамъ не льстится:
Стекло поможетъ намъ — и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ то жъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по̀ морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ сёмъ и горъ златыхъ достойно!

V.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ».

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полкѝ и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой вёлъ войну.
Сквозь страхи проходя, вознёсъ свою страну,
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ
И міръ дѣлами весь и завпсть удивилъ.
Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна!
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И, полонъ ревности, спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понёсъ труды, для насъ неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ, отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.

—

Тогда плывущимъ Пётръ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньѣ сіи слова вѣщалъ:
«Какая похвала россійскому народу
Судьбой дана — пройти покрыту льдами воду!
Хотя тамъ, кажется, поставленъ плыть предѣлъ,
Но бодрость подаётъ примѣры славныхъ дѣлъ.
Полденный свѣта край обшолъ отважный Гама
И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
Герои на моряхъ, Колумбъ и Магелланъ,
Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ!
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невѣжды,
Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
Иное небо тамъ и новыя свѣтила;
Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила;
Бездонный океанъ травой, какъ лугъ, покрытъ;
Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ;
Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина — страшнѣе,
Что портитъ въ жилахъ кровь, свирѣпыхъ ядовъ злѣе.

Лишаетъ долгій зной здоровья и ума;
А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
Самъ лёдъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
Колумбы русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ —
И наша досягнётъ въ Америку держава;
Но нынѣ настоитъ въ войнахъ иная слава!»
Надежды полный взглядъ слова его скончалъ —
И добрый духъ къ трудамъ на всёмъ лицѣ сіялъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло:
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
Отъ сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ,
И воду вихрями крутятъ и къ верху бьютъ,
Предшествуя царю пространныя пучины,
Что двинулся къ Петру, ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосягаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мелями,
Покрытый золотымъ пескомъ простёрся долъ:
На томъ сего царя палаты и престолъ.
Столпы округъ его — огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы;
Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучъ густыхъ,
Что кажетъ, укротясь, намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря;
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верхи — подъ чешуёй великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни — покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ — жемчугами усыпанный янтарь.
На нёмъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ царь,
Въ заливы, въ океанъ десницу простираетъ,
Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
Одежда царская — порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
Ни мразы, ни Борей туда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ.
Воздвигли радостный морскія птицы крикъ.
Онъ въ слѣдъ къ плывущему герою обратился
И новости судовъ Петровыхъ удивился:
«Твои», сказалъ, «моря! надъ ними царствуй вѣкъ!
Тебѣ теченіе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
Построй великій флотъ! поставь въ пучинѣ стѣны!»
Скончали пѣніемъ сей гласъ его сирены.
То было, либо такъ быть надобно бъ сему,
Что долженъ океанъ монарху своему.
Уже на западѣ восточными лучами
Открылся освѣщёнъ съ высокими верхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ изъ дикихъ камней градъ,
Гдѣ вольны плѣнники, спасаяся, сидятъ,
Отъ міра отдѣлясь и моремъ и святыней,
Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пустыней,
Лишь только лишены пріятнѣйшихъ плодовъ
Отъ древъ, что подаютъ и пищу и покровъ:
Не можетъ произвесть короткое ихъ лѣто;
Снѣгами въ протчи дни лицо земли одѣто.
Сквозь мракъ и сквозь туманъ, сквозь буйныхъ вѣтровъ шумъ,
Восходитъ къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ...

А. П. СУМАРОКОВЪ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Панкратьевича, родился 14-го ноября 1717 года; воспитывался сначала дома, а съ 1731 года — въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, единственномъ въ то время высшемъ учебномъ заведеніи въ Россіи, гдѣ вскорѣ своими способностями обратилъ на себя вниманіе начальства. Одарённый умомъ, пылкимъ воображеніемъ и нѣжнымъ сердцемъ, онъ съ дѣтства посвятилъ себя наукѣ и литературѣ, предоставляя другимъ пользоваться правомъ рожденія и достигать высокихъ ступеней на поприщѣ служебной дѣятельности. Ещё будучи кадетомъ, онъ пробовалъ свои силы въ сочиненіи трагедій, которыя находили читателей и почитателей не только между товарищами, но и внѣ стѣнъ корпуса. Въ 1740 году онъ былъ выпущенъ въ офицеры и вскорѣ послѣ того поступилъ адъютантомъ къ графу А. Г. Разумовскому. Первая трагедія Сумарокова «Хоревъ» была напечатана въ 1747 году и цѣлые три года находила однихъ читателей и слушателей, а не зрителей, и только въ 1749 году была сыграна кадетами сухопутнаго шляхетнаго корпуса, въ присутствіи самого Сумарокова. Узнавъ о томъ отъ графа А. Г. Разумовскаго, императрица Елизавета Петровна приказала кадетамъ повторить это представленіе во дворцѣ. Спектакль удался какъ нельзя больше. Всѣ присутствовавшіе были въ восторгѣ. Импера-

трица была растрогана до слёзъ, позвала къ себѣ въ ложу Сумарокова, осыпала его похвалами и подарила ему драгоцѣнный перстень со своей руки. Ободрённый успѣхомъ, молодой драматургъ написалъ въ скоромъ времени ещё двѣ трагедіи, «Синава и Трувора» и «Семиру», которыя окончательно упрочили его славу въ глазахъ современниковъ.

Въ 1756 году состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи придворнаго русскаго театра, причёмъ Сумароковъ, имѣвшій чинъ полковника, былъ назначенъ его директоромъ. Первымъ дѣломъ новаго директора было — расширеніе репертуара новыми своими пьесами: трагедіями, операми и комедіями. Но самымъ важнымъ дѣломъ его директорства было — открытіе театра въ Москвѣ, для чего былъ командированъ имъ туда извѣстный актёръ Волковъ, ярославскій антрепренёръ. Императоръ Пётръ III произвёлъ Сумарокова въ бригадиры, а Екатерина II — въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожаловала кавалеромъ ордена Св. Анны 1-го класса. Въ 1761 году Сумароковъ оставилъ управленіе театромъ и жилъ съ-тѣхъ-поръ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Кромѣ названныхъ выше трёхъ трагедій, Сумароковъ написалъ ещё слѣдующія: «Гамлетъ», «Артистона», «Ярополкъ и Демиза» (1758), «Вышеславъ» (1768), «Димитрій Самозванецъ» (1771) и «Мстиславъ» (1774), но изъ нихъ имѣли успѣхъ только «Гамлетъ», передѣланный изъ пьесы Шекспира и «Димитрій Самозванецъ». Первый успѣхъ и названіе русскаго Расина, данное Сумарокову тотчасъ послѣ представленія «Хорева», внушили ему желаніе сочинить что-нибудь не расиновское, а ещё небывалое на парижской сценѣ — и Сумароковъ, слегка ознакомившись съ Шекспиромъ, рѣшился по-своему воспользоваться его «Гамлетомъ». Но и тутъ нашъ драматургъ поступилъ, по-своему, добросовѣстно, то-есть воспользовался всего однимъ сюжетомъ, да и тотъ перекроилъ на свой ладъ. Напримѣръ: онъ нашолъ неприличнымъ выводить на сцену пришлецовъ изъ могилы — и онъ замѣнилъ явленіе тѣни отца Гамлета сномъ, привидившимся герою трагедіи. Далѣе, изъ Полонія, придворнаго льстеца и шута, онъ сдѣлалъ театральнаго злодѣя, дышущаго злобою и помышляющаго объ однихъ убійствахъ. Наконецъ, самый конецъ трагедіи онъ измѣнилъ совершенно: вмѣсто кровавой развязки, которою Шекспиръ заключаетъ свою трагедію, Сумароковъ оканчиваетъ её очень наивно: наказаніемъ порока и торжествомъ добродѣтели, то-есть — соединеніемъ двухъ пламенныхъ сердецъ, Гамлета и Офеліи, законнымъ бракомъ и словами Офеліи, умывающей руки въ смерти своего отца, Полонія:

Я всё исполнила, что̀ дщери надлежало!
Ты само Небо днесь Полонья покарало!
Ты, Боже мой, ему былъ долготерпѣливъ!
Я чту судьбы Твои: твой гнѣвъ есть справедливъ!
Ступай мой князь во храмъ, яви себя въ народѣ;
А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ.

Въ «Димитріѣ Самозванцѣ» также замѣтно подражаніе Шекспиру: главное дѣйствующее лицо трагедіи есть сколокъ съ Ричарда III, въ драмѣ Шекспира того же имени. Кромѣ девяти трагедій, положившихъ основаніе славы Сумарокова, онъ написалъ ещё двѣнадцать комедій («Опекунъ», «Лихоимецъ», «Три брата совмѣстники», «Ядовитый», «Нарцисъ», «Приданое обманомъ», «Чудовищи», «Тресотиніусъ», «Пустая ссора», «Рогоносецъ по воображенію», «Мать совмѣстница дочери» и «Вздорщица»), три оперы и одну драму. Комедіи Сумарокова иногда довольно забавно рисуютъ современное ему общество, гдѣ французское образованіе уже начало пускать свои корни, но ещё далеко не укрѣпилось, не освоилось съ жизнью.

Не одна драматическая поэзія была призваніемъ Сумарокова: чтобы сравниться съ *господиномъ* Вольтеромъ, онъ писалъ во всѣхъ родахъ, и потому не успѣлъ ни въ одномъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ привычку сочинять торопливо, не заботясь объ обработкѣ написаннаго. Онъ писалъ оды, перелагалъ псалмы, сочинялъ посланья, сатиры, басни, сказки, идилліи, пѣсни, элегіи, эклоги, стансы, сонеты, загадки, эпиграммы, эпитафіи и мадригалы. Словомъ, писалъ всё и обо всёмъ, и только не создалъ одной героической поэмы, страсть къ которымъ, впрочемъ, проявилась немного позже. Лучшее въ этомъ отдѣлѣ — басни. Многіе изъ нихъ читаются до-сихъ-поръ съ удовольствіемъ. Не даромъ современники ставили Сумарокова выше Лафонтена! Ни слова, современники придавали ужъ слишкомъ большое значеніе произведеніямъ Сумарокова: они отъ души восхищались его трагедіями, которыя считали равными произведеніямъ Корнеля и Расина, смѣялись до слёзъ, любуясь его комедіями, не уступавшими, по ихъ мнѣнію, мольеровскимъ, декламировали его притчи, которыя ставили выше басенъ Лафонтена и сердились, читая его сатиры и эпиграммы. И мнѣніе это раздѣляли лучшіе люди того времени. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ о Сумароковѣ Новиковъ,

одинъ изъ умнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей того времени: «Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. И хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ во оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина. Его эклоги равняются знающими людьми съ виргиліевыми, и по днесь ещё остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнаса, и въ сёмъ родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де-ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ сёмъ родѣ.» («Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ», стр. 207.) Читая такіе восторженные отзывы и, притомъ, такихъ уважаемыхъ людей, невольно думается: не можетъ быть, чтобы въ сочиненіяхъ Сумарокова не было ровно никакого достоинства. Если Корнель и Расинъ ещё до-сихъ-поръ считаются классическими писателями, то и Сумароковъ не вовсе бездарный писака, какъ его называютъ теперь, такъ-какъ онъ подражалъ имъ; а удачно-ли? о томъ могутъ свидѣтельствовать восторженные отзывы современниковъ и похвалы французскихъ критиковъ, въ томъ числѣ Вольтера. «Votre letre et vos ouvrages», говоритъ онъ въ отвѣтъ на письмо Сумарокова: «sont une grande preuve, que le génie et le gout sont de tous pays. Ceux qui ont dit, que la poésie et la musique étaint bornées aux climats tempérés, se sont bien trompés.» Отецъ русскаго театра, онъ перенёсъ въ Россію современную ему французскую драму, сохранивъ безъ всякаго измѣненія всѣ правила, условія и форму парижскаго театра. Въ комедіяхъ же, подражая Мольеру, показалъ образцы разговорной прозы, пытаясь, такимъ образомъ, создать комедію изъ русскихъ нравовъ. Наконецъ, его сатиры, его простодушно-желчныя выходки противъ *крапивнаго сѣмени*, равно какъ и нѣкоторыя прозаическія статьи, болѣе или менѣе касавшіяся вопросовъ современной ему дѣйствительности — всё это указываетъ на какое-то стремленіе къ сближенію литературы съ жизнью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ, что сочиненія Сумарокова, не смотря на свой устарѣвшій языкъ и отсутствіе художественности, заслуживаютъ изученія, а имя его, сперва не по достоинству возносимое, а въ настоящее время несправедливо унижаемое, заслуживаетъ уваженія потомства.

Сумароковъ былъ до крайности самолюбивъ и вспыльчивъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добръ и великодушенъ, любилъ правду и ненавидѣлъ зло и невѣжество. Имѣя весьма ограниченное состояніе, онъ былъ щедръ до расточительности. Разсказываютъ, что, гуляя однажды, онъ встрѣтился съ безрукимъ офицеромъ, просившимъ милостыню. Это такъ тронуло Сумарокова, что онъ, не имѣя денегъ ни при себѣ, ни дома, снялъ съ себя вышитый золотомъ кафтанъ и отдалъ его изумлённому просителю, а самъ вернулся домой въ плащѣ своего слуги, бывшаго съ нимъ. Сумароковъ умеръ въ Москвѣ 1-го октября 1777 года — и похоровёнъ въ Донскомъ монастырѣ. Сочиненія Сумарокова были собраны послѣ его смерти Новиковымъ и изданы имъ въ 1781—1782 годахъ, въ десяти томахъ, подъ заглавіемъ: «Полное Собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ А. П. Сумарокова.» Второе изданіе было напечатано имъ же въ 1787 году.

I.

НА СУЕТУ ЧЕЛОВѢКА.

Суетенъ будешь
Ты, человѣкъ,
Если забудешь
Краткій свой вѣкъ!
Время проходитъ,
Время летитъ:
Время проводитъ
Всё, что ни льститъ.
Счастье, забава,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и слава -
Всё только сонъ.
Какъ ударяетъ
Колоколъ часъ —
Онъ повторяетъ
Звукомъ сей гласъ:
«Смертный, будь ниже
Въ жизни ты сей!
Сталъ ты поближе
Къ смерти своей!»

II.

ЕПИСТОЛА О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, какъ они, другъ друга разумѣемъ

И. помощію словъ пространна языка,
Всё можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока.
Описываемъ всё: и чувствія и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мелки части.
Пріявъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца,
Изображеніемъ вселяемся въ сердца.
То, что̀ постигнемъ мы — другъ другу сообщаемъ,
И въ письмахъ то своихъ потомкамъ оставляемъ.
Но не такіе такъ полезны языки,
Какими говорятъ мордва и вотяки.
Возьмёмъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у грековъ,
Какой у римлянъ былъ, и, слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французскій,
Иль наконецъ сказать, каковъ способенъ русскій.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на нёмъ писцовъ.
Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечётъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаётъ,
Природну красоту съ лица ея берётъ.
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.
Тотъ прозой скаредной стремится къ небесамъ
И хитрости своей не понимаетъ самъ.
Тотъ прозой и стихомъ ползётъ — и письма оны,
Ругаючи себя, даётъ писцамъ въ законы.
Хоть знаетъ, что ему во мзду смѣётся всякъ,
Однако онъ своихъ не хочетъ видѣть вракъ.
«Пускай, онъ думаетъ, меня никто не хвалитъ;
То сердца моего нимало не печалитъ:
Я самъ себя хвалю — на что мнѣ похвала?
И знаю то̀, что я искусенъ до зѣла.»
Зѣло, зѣло, зѣло, дружокъ мой, ты искусенъ,
Я спорить не хочу, да только складъ твой гнусенъ.
Когда не вѣришь мнѣ, спроси хотя у всѣхъ:
Всякъ скажетъ, что тебѣ перомъ владѣти грѣхъ.
Но только ли того? не можно и помыслить,
Чтобъ враки мнѣ писцовъ подробно всѣ исчислить.
Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ;
Но многіе писцы о томъ не разсуждаютъ:
Довольны только тѣмъ, что̀ рѣчи составляютъ.
Несмысленны чтецы, хотя ихъ не поймутъ,
Дивятся имъ и мнятъ, что будто тайна тутъ,
И разумъ свой покрывъ, читая, темнотою,
Невнятный складъ пѣвца пріемлютъ красотою.
Нѣтъ тайны никакой безумственно писать!
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зовётъ,
Съ отсутствующими обычну рѣчь ведётъ.
Быть должно безъ затѣй и кратко сочинённо,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъяснённо.
Но кто не наученъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Слова, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышнѣе сложены
И риторски бъ красы въ нихъ были включены,
Которыя въ простыхъ словахъ хоть необычны,
Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
Намъ въ ономъ счастлива природа путь являетъ
И двери чтеніе къ искуству отверзаетъ.
Посёмъ скажу какой похваленъ переводъ:
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ.
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишь тѣмъ путёмъ и область дай уму.
Ты симъ, какъ твой творецъ письмомъ своимъ ни славенъ,
Достигнешь до него и будешь самъ съ нимъ равенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ,
Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ,
Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка:
И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
Которую никто не отгадаетъ въ вѣкъ;
То даромъ, что слова всѣ точно ты нарекъ.
Когда переводить захочешь безпорочно —
Не то, творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ, и пышенъ, и богатъ,
Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ;
Такъ, чтобъ незнаніемъ его намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ рифмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.

Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога?
Затворена къ нему въ ученіи дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать «Бову», «Петра златы ключи».
Подъячій говоритъ: «писаніе тутъ нѣжно;
Ты будешь человѣкъ — учися лишь прилежно.»
И я то думаю, что будешь человѣкъ;
Однако грамотѣ не станешь знать во вѣкъ.
Хоть лучшимъ почеркомъ, съ подъяческа совѣта,
Четыре литеры сплетай ты въ слово «лѣта»,
И вычурно писать научишься «конецъ» —
Повѣрь, что никогда не будешь ты писецъ.
Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщаніе искусству ревновало
И показало имъ, коль мысль сія дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка.
Сердись, что мало книгъ у насъ и дѣлай пени:
Когда книгъ русскихъ нѣтъ, за кѣмъ идти въ степéни?
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя;
А еслибъ юность ты не прожилъ своевольно,
Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ берётъ
Отвсюду тó, что ей потребно въ сладкій мёдъ,
И, посѣщающа благоуханну розу,
Берётъ въ свои соты частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
Кто виненъ въ томъ, что ты псалтыри не постигъ
И бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно.
Коль *аще, точію* обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А что изъ старины понынѣ неотмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтёмъ,
Которы мы съ тобой не русскими зовёмъ.
Онъ тотъ же, а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишь,
Лишь только отъ того, что ты его не смыслишь,
Такъ что жь осталось бы при русскомъ языкѣ.
Отъ правды мысль твоя гораздо въ далекѣ.
Не знай наукъ, когда не любишь ихъ, хоть вѣчно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

III.

КЪ НЕПРАВЕДНЫМЪ СУДЬЯМЪ.

О вы, хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества вреда,
Которы силою и должностію власти
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалѣете невинныхъ поражать!
Случилось ли себѣ вамъ тó воображать,
Колико тягостно вамъ кланяться напрасно,
Молитвы принося, какъ Богу, повсечасно,
Противъ васъ яростью по правости кипѣть
И въ сердцѣ тó скрывать, сердиться и терпѣть?
Иль вы не помните, въ ожесточеньи тверды,
Что Вышній справедливъ, а вы немилосерды?
Иль вы не вѣрите, что Богъ неправду мститъ
И вамъ стенаніе невинныхъ отплатитъ?
Иль вы забыли тò, что время скоротечно,
И что и на землѣ намъ счастіе не вѣчно?
Неправду видитъ Богъ, и внемлетъ бѣдныхъ стонъ,
Что вы ни мыслите, о всёмъ извѣстенъ Онъ;
А что творите вы, такъ тó и люди знаютъ,
Которые отъ васъ отчаянно стонаютъ.

IV.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

На что кулачный бой?
За-что у сихъ людей война между собой?
За это ремесло къ чему бойцы берутся?
За-что они дерутся?
За-что?
Великой тайны сей не вѣдаетъ никто,
Ни сами рыцари, которые воюютъ,
Другъ друга кои подъ бока
И въ носъ и въ рыло суютъ,
Куда ни попадётъ рука;
Посредствомъ кулака
Расквашиваютъ губы
И выбиваютъ зубы.

Какихъ вы, зрители, тутъ ищете утѣхъ,
Гдѣ только варварство позорища успѣхъ!

V.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕОРГІЙ И КСЕНІЯ.

КСЕНІЯ.

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,

Кто пользой общества себя превозвышаетъ
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни.

ГЕОРГІЙ.

О ты, печальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низвержена съ престола добродѣтель
Томящаясь Москва въ уныніи дрожитъ;
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ:
Дни свѣтлы кажутся густой темнѣе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,
Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ.
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ.
Пострадаетъ такъ Москва, какъ страждетъ Новый Свѣтъ!
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой — кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ тó тебѣ, Россія, нынѣ!

КСЕНІЯ.

Всѣ силы пагубны — Димитрій, Климентъ, адъ —
Изъ сердца моего тебя не истребятъ!
О Небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ — не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ —
Едино только тó, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы
На счастьи подданныхъ основаны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера возметала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала.
Извержетъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся
И Домы Божіи въ Москвѣ опустошаться.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ,
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИМИТРІЙ *(одинъ)*.

Не твёрдо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ —
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О, устрашающи меня Кремлёвы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
«Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ!»
Гласятъ граждане: «мы тобою разорёны!»
А храмы вопіютъ: «мы кровью обагрёны!»
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя ступени —
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геєннѣ я — и въ пламени горю;
Воззрю на небеса — селенья райски зрю:
Тамъ добрые цари природы всей красою
И ангелы кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ, бѣги! Кого бѣжать? — себя:
Не вижу ни кого другого предъ собою.
Бѣги! куда бѣжать? — твой адъ вездѣ съ тобою!
Убійца здѣсь — бѣги! Но я убійца сей!
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу! Кому? — себѣ... себя ль возненавижу?
Люблю себя, люблю — за что? — того не вижу.
Всё вопитъ на меня: грабёжъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла — всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда.
А я здѣсь царствую — и мучуся всегда.
Гори и погибай, возшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ! живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

ДИМИТРІЙ *(одинъ)*.

Довольно я терплю душевныхъ огорченій!
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій!
Мнѣ всё приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ.
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
(Слышенъ колоколъ.)
Въ набатъ біютъ! Сему біенью что причина?

Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ!
Трепещетъ духъ во мнѣ: сего не зналъ я прежде!
Объятъ отчаяньемъ — и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ...
О, Боже!... Но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются и виду.
Смотрю прибѣжища — не зрю: въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества, и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы,
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы!
И человѣчества я врагъ и божества:
Противъ я шолъ тебя, противъ и естества.
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооружонны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближонны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.
Всё, всё противъ меня: и небо и земля!
О градъ, которымъ я ужь больше не владѣю,
Достанься ты но мнѣ такому же злодѣю!

М. М. ХЕРАСКОВЪ.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, авторъ «Россіады», родился 25-го октября 1733 года. Отецъ его, сынъ валахскаго выходца, выселившагося въ Россію при Петрѣ Великомъ, служилъ въ кавалергардахъ. Благодаря его хлопотамъ, молодой Херасковъ былъ записанъ, въ исходѣ 1743 года, въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ, въ теченіи семи лѣтъ, обучался разнымъ наукамъ и языкамъ, а въ 1751 году выпущенъ поручикомъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прослужилъ до 1754 года. Оттуда онъ былъ переведёнъ въ Коммерцъ-коллегію, съ переименованіемъ въ титулярные совѣтники, а въ 1755 году, при учрежденіи Московскаго университета, опредѣлёнъ къ нему въ штатъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора: затѣмъ, въ 1761 году, произведёнъ въ надворные совѣтники, а въ 1763 — назначенъ директоромъ университета. Въ 1770 году онъ оставилъ службу въ университетѣ и былъ переведёнъ въ Бергъ-коллегію вице-президентомъ, въ которой прослужилъ до 1775 года, послѣ чего вышелъ въ отставку съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но черезъ три года онъ былъ снова вызванъ на службу изъ своего уединенія и назначенъ кураторомъ Московскаго университета. Эту послѣднюю должность Херасковъ занималъ цѣлые двадцать четыре года, то-есть до преобразованія университета въ 1802 году, и въ теченіе этого времени былъ произведёнъ въ тайные (1796) и въ дѣйствительные тайные совѣтники (1799) и награждёнъ орденомъ Св. Владиміра 2-го класса (1786) и Св. Анны 1-й степени (1799). По увольненіи отъ должности куратора, Херасковъ жилъ въ отставкѣ до самой смерти, послѣдовавшей 27-го сентября 1807 года.

Ещё будучи кадетомъ, Херасковъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда въ корпусѣ стремленія къ литературѣ и подъ руководствомъ плодовитѣйшаго изъ поэтовъ того времени Сумарокова, началъ сочинять мелкія стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», журналѣ, издаваемомъ профессоромъ Академіи Наукъ Миллеромъ, съ 1754 по 1765 годъ. Затѣмъ, онъ самъ задумалъ сдѣлаться журналистомъ, и въ теченіи трёхъ лѣтъ, начиная съ 1760 года, издавалъ журналъ «Полезное Увеселеніе», а съ 1763 — «Свободные Часы», страницы которыхъ почти исключительно наполнялись его собственными стихами. Что же касается отдѣльныхъ изданій его сочиненій, то вотъ ихъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ: «Плоды наукъ», поэма въ 3-хъ пѣсняхъ (1757), «Венеціянская монахиня», трагедія въ 3 дѣйствіяхъ (1758), «Храмъ Славы», поэма (1761), «Басни» (1764), «Мартезія» и «Фалестра», двѣ трагедіи, каждая въ 5-ти дѣйствіяхъ (1765), «Новыя философическія пѣсни» (1767), «Нума Помпилій» (1768), «Селимъ и Селима», поэма и «Ненавистникъ», комедія (1770), «Чесменскій бой», поэма въ 5-ти пѣсняхъ (1771), «Бориславъ», трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ (1774), «Россіада», ироическая поэма въ 12-ти пѣсняхъ (1779), «Владиміръ возрождённый», эпическая поэма въ 18-ти пѣсняхъ (1785), «Кадмъ и Гармонія», повѣсть въ прозѣ въ 2-хъ частяхъ (1789), «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи», повѣсть въ прозѣ (1794), «Пилигримы или искатели счастья», поэма въ 6-ти пѣсняхъ (1795), «Царь или спасённый Новгородъ», поэма въ 7-ми пѣсняхъ (1800) и «Бахаріана или Неизвѣстный», эпическая поэма въ 14-ти пѣсняхъ (1803).

Несмотря на всю искусственность поэзіи Хераскова, современники высоко цѣнили его поэмы и находили стихи его верхомъ изящества и чудомъ гармоніи, причёмъ особенно выхваляли слѣдующія два стиха изъ «Россіады»:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть тёмныя мѣста...
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова...

Но въ настоящее время трудно восхищаться поэмами Хераскова, хотя нельзя не сказать, что и въ нихъ встрѣчаются мѣста истинно-поэтическія, преимущественно — описаніе природы, надъ которыми нельзя не призадуматься. Подобно всѣмъ своимъ современникамъ-поэтамъ, Херасковъ вовсе не заботился о вѣрномъ изображеніи жизни и дѣйствительности, поставивъ для себя единственною задачею — приблизиться, насколько возможно, къ французскимъ писателямъ-образцамъ, изъ такъ-называемой классической школы, слѣдовавшей рабски правиламъ, начертаннымъ въ кодексѣ Буало, именуемомъ: «L'art poétique».

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ «РОССІАДА».

Пою отъ варваровъ Россію свобождённу,
Попранну власть татаръ и гордость побѣждённу,
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань!
Изъ круга сихъ времёнъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.
О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое моё и тёмное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
Отверзи, вѣчность, мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтарёмъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царёмъ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ — да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей!

—

Въ пещерахъ внутреннихъ кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачныи составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ,
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ.
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды;
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времёнъ сестра
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра.
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замёрзшие пары.
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооружонны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озарённы;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда — громада льдовъ горитъ.
Стихія каждая движенья не имѣетъ:
Ни воздухъ тронуться, ни огнь пылать не смѣетъ.
Тамъ пёстрыхъ нѣтъ полей — сіяютъ между льдовъ
Одни замёрзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода, растоплена подъ сводами лучами,
Окаменѣвъ, виситъ волнистыми слоями;
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но всё застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ инеи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градо̀въ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣснённы мразами, составили снѣга
Сребристые бугры, алмазные луга.
Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ
И соки жизненны древесные сосётъ,
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несётъ,
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи.
Её со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю природу сонъ и страхъ она наводитъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВЛАДИМІРЪ ВОЗРОЖДЕННЫЙ».

Вдохни небесное мнѣ, муза, восхищенье,
Владимірово пѣть святое просвѣщенье,
Которымъ древняя полночная страна,
Какъ солнцемъ съ высоты, доднесь озарена!
Владиміръ свой народъ преобразилъ, прославилъ,
Кумировъ истребилъ и Богу храмъ поставилъ.
О, духъ мой! плавая въ пучинѣ суеты,
Когда ты не лишонъ небесной чистоты —
Какъ голубь полетѣлъ изъ Ноева ковчега,
Его пернатостью бѣлѣй и чище снѣга,

Предобразующій земли съ водою миръ —
Лети, крылатый духъ, быстрѣе, чѣмъ зефиръ!
Дерзай, пари, пройди пространный шаръ весь
зѣмный,
И масличную вѣтвь внеси въ ковчегъ мой темный.
Рцы, Господи, мнѣ рцы: «въ тебѣ да будетъ свѣтъ!»
И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоетъ.
А ты, священный князь, Россіи просвѣтитель,
Какъ вѣры былъ святой, мнѣ буди предводитель!
Дозволь представить мнѣ и тёрны и цвѣты,
По коимъ шествовалъ къ небесной славѣ ты.
Клонился къ вѣчности уже десятый вѣкъ,
Какъ въ мірѣ возсіялъ и Богъ и Человѣкъ;
Сивиллы древнія оракулы молчали,
Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали;
Но Кіевъ, истины взирая на лучи,
Дремалъ безбожнаго невѣрія въ ночи.
Какъ-будто былъ Творецъ никѣмъ не знаемъ въ
мірѣ,
Являлся тамо Богъ въ безчувственномъ кумирѣ;
То сонная была и мутная вода,
Въ которой небеси не видно никогда.

—

Между песчаныхъ горъ, гдѣ бурный Днѣпръ свои
Влечётъ сквозь тростники шумящія струи,
Томлённы жаждою долины орошаетъ
И шумомъ пѣсни птицъ въ дубравахъ заглушаетъ,
Со брегу надъ водой угрюмый лѣсъ нависъ
И выдался въ рѣку крутой, безплодный мысъ —
Видна глубокая кремнистая пещера;
Кругомъ ея растётъ кудрявая гедера;
Изсохши древеса дрожащу мещутъ тѣнь.
Пещеру никогда не посѣщаетъ день:
Тамъ, кажется, ночныхъ жилище привидѣній,
Убѣжище тоски, вертепъ печальныхъ мнѣній;
Тамъ вѣчный одръ себѣ устроилъ томный сонъ
И скука мрачная соорудила тронъ;
Тамъ царствуютъ всегда нахмуренны туманы,
Слетаются кругомъ стадами чорны враны.
Зломіръ тамъ обиталъ, безбожный чародѣй,
Врагъ неба, врагъ земли, врагъ Бога, врагъ людей;
Во чернокнижіи искусенъ былъ глубокомъ,
Именовался онъ у кіевлянъ пророкомъ;
Въ пещерѣ съ сонмищемъ бесѣдовалъ духовъ,
Защитникъ идоловъ и другомъ былъ жрецовъ.
Тамъ человѣчіи изсохши кости видны,
Шипящіи змѣи и лютыя ехидны;
Тамъ ненависть, людей, ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя,
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится,
И паки пищею злодѣйства становится;
Тамъ злоба рвётъ власы, тамъ бѣдный страхъ
дрожитъ;
Цѣпями совѣсть тамъ окована лежитъ;
Обманъ и лесть сидятъ украшены вѣнцами,
Готовы царствовать надъ слабыми сердцами.
Межъ ними, день и ночь волшебствуя, Зломіръ
Геенской прелестью обворожаетъ міръ.
Изъ сей губительной, подобной аду, бездны
Взираетъ чародѣй въ ночи на круги звѣздны.

—

Изъ тьмы сгустившейся престолъ его устроенъ.
На нёмъ сидящій царь быть думаетъ спокоенъ,
Повсюду сѣя зло, спокоенъ чаетъ быть;
Но тотъ ли счастливъ есть, не можетъ кто любить?
Не можетъ кто любить, а только ненавидѣть,
Бѣды и вредъ творить, добра не хочетъ видѣть?
Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ;
Одежда—бурный вихрь, а плоть—сгущённый мракъ
Какъ громы рѣчь его, сверкающіе очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Въ нёмъ сердце — есть гора, дышащая огнёмъ,
Какъ искры, мещуща лежащи злости въ нёмъ;
Убійство — взоръ его, дыханіе — отрава,
Утѣха — общій плачъ, мучительство — забава.
Но злобный міра князь хоть мраками одѣтъ,
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ:
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тьму и развращенье.
Не рѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли
Распростирается князь міра по земли,
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ поражаетъ,
Въ дубравахъ нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ,
Во мрежи онъ влечётъ повсюду смертныхъ родъ,
Таится въ тьмѣ ночной, таится въ нѣдрѣ водъ;
Крылами воздухъ весь невидимо объемлетъ;
Онъ смотритъ внутрь сердецъ, слова людскія внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ,
Вселяется въ неё и въ ней поставитъ тронъ.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ, авторъ «Недоросля», родился 3-го апрѣля 1744 года въ Москвѣ. Родъ Фонвизиныхъ не коренной русскій, хотя и совершенно обрусѣвшій въ своёмъ новомъ отечествѣ. Предки ихъ были рыцарями ордена Меченосцевъ. Пётръ Фонъ-Визенъ, взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Денисомъ, во время ливонской войны въ царствованіе Іоанна Гроз-

наго, былъ водворёнъ въ Москвѣ и, по-неволѣ, сдѣлался подданнымъ русскаго царя, сохранивъ свою вѣру. Но уже внукъ его, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, принялъ православіе и названъ при крещеніи Аѳанасіемъ. Съ-тѣхъ-поръ потомки плѣннаго рыцаря, утрачивая всё болѣе и болѣе черты своей прежней національности, стали даже самую частицу *фонъ* писать слитно съ своей фамиліей. Такъ писалась она впослѣдствіи и во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, хранящихся въ родѣ Фонвизиныхъ Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ Ревизіонъ-коллегіи и имѣлъ собственный домъ въ Москвѣ, недалеко отъ университета. Это былъ человѣкъ умный, но не получившій надлежащаго образованія. Подъ его-то руководствомъ молодой Фонвизинъ получилъ своё первоначальное образованіе, заключавшееся въ чтеніи церковно-славянскихъ книгъ и въ слабомъ пониманіи четырёхъ правилъ ариѳметики. Замѣтивъ, наконецъ, что духовная пища, предлагаемая имъ сыну, не вполнѣ удовлетворяла его любознательность, старикъ рѣшился отдать мальчика въ гимназію, незадолго предъ тѣмъ открытую при Московскомъ университетѣ. Несмотря на вполнѣ-младенческое состояніе вновь-открытой гимназіи, Фонвизинъ учился, сравнительно съ другими, хорошо и успѣлъ вынести изъ гимназіи кое-какія познанія въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также въ словесныхъ наукахъ. Затѣмъ, на торжественномъ актѣ, происходившемъ 26-го апрѣля 1759 года, въ присутствіи всѣхъ московскихъ сановниковъ, Фонвизинъ былъ *произведенъ* въ студенты Московскаго университета. Факультетъ, избранный имъ, былъ философскій. Одинъ изъ профессоровъ этого факультета Рейхель, авторъ «Исторіи о Японскомъ государствѣ» и издатель журнала «Собраніе Лучшихъ Сочиненій», обратилъ вниманіе на своего даровитаго слушателя и поручилъ ему переводъ четырёхъ статей для своего журнала: «О зеркалахъ древнихъ», «Торгъ семи музъ», «О приращеніи рисовальнаго художества» и «О дѣйствіи и существѣ стихотворства», которыя и были напечатаны въ нёмъ. Затѣмъ Фонвизинъ сдѣлалъ переводъ басень Гольберга для одного московскаго книгопродавца, и получилъ отъ него за трудъ, вмѣсто условленнаго гонорарія, на 50 рублей иностранныхъ книгъ соблазнительнаго содержанія. Въ это же время, по его собственному свидѣтельству, онъ написалъ нѣсколько сатиръ, наполненныхъ «острыми ругательствами»; къ сожалѣнію, эти первые опыты молодого писателя не дошли до насъ, за исключеніемъ басни «Лисица-кознодѣй», которую читатель найдётъ въ нашемъ изданіи. Къ этому же времени относятся его переводы «Овидіевыхъ превращеній» и «Альзиры» Вольтера. Послѣдній переводъ, сдѣланный стихами, надѣлалъ, по свидѣтельству самого Фонвизина, много шуму въ Москвѣ, конечно, благодаря имени Вольтера. Въ 1762 году Фонвизинъ окончилъ курсъ, послѣ чего отправился въ Петербургъ и опредѣлился тамъ на службу въ Иностранную коллегію переводчикомъ съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Ознакомившись короче съ французскимъ языкомъ, онъ принялся за французскихъ писателей XVIII столѣтія — и вскорѣ прилѣпился къ нимъ всею душою, обольщённый ихъ занимательностью, жаромъ и остроуміемъ. Начитавшись Вольтера, Руссо, Дидро и другихъ энциклопедистовъ, онъ невольно проникнулся ихъ матеріалистическо-скептическимъ образомъ мыслей и, подъ ихъ вліяніемъ, написалъ извѣстное «Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ», исполненное сомнѣнія относительно важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Но доморощенный атеизмъ не долго царилъ въ умѣ и сердцѣ Фонвизина. Нѣсколько поѣздокъ въ Москву, гдѣ скептицизмъ его не только не находилъ поддержки, а, напротивъ, встрѣчалъ одинъ суровый отпоръ, гдѣ поминутно возникали въ душѣ его воспоминанія дѣтства, осмѣянныя, но ни чѣмъ основательно не разрушенныя — всё это, взятое вмѣстѣ, мало-по-малу разсѣяло тучи, нависшія надъ нимъ, и водворило прежній миръ въ душѣ его. Въ 1766 году Фонвизинъ окончилъ свою первую оригинальную комедію «Бригадиръ». Всѣ, слышавшіе комедію, приходили отъ нея въ восторгъ, и вскорѣ молва о ней дошла до императрицы. Приглашонный въ Петергофъ, Фонвизинъ прочёлъ свою пьесу государынѣ — и былъ удостоенъ самаго милостиваго вниманія. Съ этой минуты молодой писатель сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Великій князь Павелъ Петровичъ, графы Панины, графы Чернышовы, графъ Строгановъ, графъ Шуваловъ, графиня Румянцова — всѣ наперерывъ желали видѣть автора и слышать его пьесу. Вниманіе, съ которымъ былъ встрѣченъ «Бригадиръ» въ началѣ и ненависть, которую онъ навлёкъ на автора впослѣдствіи, яснѣе всего свидѣтельствуютъ о высокомъ достоинствѣ пьесы. Остроумная насмѣшка, соста-

влявшая всю силу писателей XVIII вѣка, привилась къ Фонвизину тѣмъ легче, что въ его собственной природѣ было много расположенія къ сатирѣ. Какъ мнѣніе современника, интересно сужденіе о пьесѣ Фонвизина графа Н. И. Панина, одного изъ умнѣйшихъ людей вѣка Екатерины. «Я вижу», сказалъ онъ автору, «что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ или бабушку, или тётушку, или какую-нибудь свойственницу.» Въ декабрѣ 1769 года графъ Панинъ перечислилъ Фонвизина въ свой штатъ, въ которомъ онъ и оставался до самой смерти графа, причёмъ отношенія ихъ оставались до конца самыми дружественными. Въ 1774 году Фонвизинъ женился на вдовѣ Хлоповой, а въ 1777 — отправился, вмѣстѣ съ женою, заграницу. Плодомъ этой первой поѣздки были извѣстныя письма его къ графу Панину, содержащія въ себѣ изображеніе тогдашняго французскаго общества и дышащія то горячимъ негодованіемъ, то простодушно-язвительною насмѣшкою. За-границей Денисъ Ивановичъ держалъ себя, какъ знатный человѣкъ, и водилъ знакомство съ мѣстными аристократами, русскими посланниками и знаменитѣйшими изъ учоныхъ и литераторовъ. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ путешествіемъ, онъ написалъ «Недоросля», имѣвшаго ещё болѣе успѣха, чѣмъ «Бригадиръ». Авторъ «Недоросля» сдѣлался кумиромъ общественнаго мнѣнія. Всѣ хвалили Фонвизина и восхищались его комедіей, и даже самъ Потёмкинъ не могъ скрыть своего восторга, сказавъ: «умри, Денисъ: ничего лучшаго не напишешь!» Пророчество Потёмкина сбылось: дѣйствительно, Фонвизинъ не написалъ послѣ «Недоросля» ничего замѣчательнаго. «Выборъ гувернёра» и другіе драматическіе отрывки, появившіеся послѣ «Недоросля» — не болѣе какъ блѣдныя копіи его первыхъ комедій. Въ 1784—85 годахъ Фонвизинъ совершилъ своё второе заграничное путешествіе, причёмъ объѣхалъ всю Италію. Въ маѣ 1785 года онъ оставилъ Венецію, а въ августѣ того же года уже былъ въ Москвѣ, гдѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, ударъ паралича лишилъ его руки и ноги и свободнаго употребленія языка. Весною 1786 года онъ снова отправился заграницу съ спеціальной цѣлью поправить здоровье; но ни эта поѣздка, ни поѣздка въ 1789 году въ Ригу, Бальдонъ и Митаву ни сколько не облегчили его болѣзни, и утраченное здоровье уже болѣе не возвращалось къ нему. По смерти графа Панина, въ 1783 году, Фонвизинъ не долго находился на дѣйствительной службѣ — и въ чинѣ статскаго совѣтника вышелъ въ отставку. Въ 1788 году талантъ Фонвизина вспыхнулъ-было въ послѣдній разъ новою, живою искрою: онъ задумалъ изданіе сатирическаго журнала, подъ названіемъ «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Уже нѣсколько статей было заготовлено для задуманнаго журнала и даже объявленіе о скоромъ выходѣ его печаталось въ типографіи, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для Фонвизина, было получено имъ увѣдомленіе отъ петербургской полиціи, что изданіе журнала не можетъ быть разрѣшено. Это обстоятельство показало ясно Фонвизину, что императрица перестала благоволить къ нему. Поводомъ къ неудовольствію государыни послужило одно политическое разсужденіе, написанное Фонвизинымъ, по порученію графа Панина, для великаго князя, въ которомъ былъ затронутъ основной принципъ нашего государственнаго устройства. Узнавъ объ этомъ, императрица, обратясь къ своимъ приближеннымъ, сказала: «плохо мнѣ приходитъ жить: ужь и господинъ Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать!» Всѣ эти неудачи и непріятности сильно вліяли на здоровье Дениса Ивановича, и безъ того сильно разстроенное. Послѣдніе годы своей жизни онъ не могъ ни ходить, безъ чьей-либо помощи, ни говорить сколько-нибудь внятно. Вотъ какъ описываетъ его И. И. Дмитріевъ, видавшій его за день до смерти: «Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонвизинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличомъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охрипылымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привёлъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ былъ уже въ гробѣ.» Фонвизинъ скончался 1-го декабря 1792 года въ Петербургѣ, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Кромѣ упомянутыхъ выше сочиненій и переводовъ, Фонвизинъ написалъ ещё слѣдующія пьесы: «Коріонъ», комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, въ сти-

хахъ, передѣланная изъ Грессе (1764), «Торгующее дворянство противуположное дворянству военному» (1766), «Сидней и Салли, англійская повѣсть» (1769), «Калисѳенъ, греческая повѣсть» (1770), «Слово похвальное Марку Аврелію, соч. Томаса» (1777), «Поученіе, говорённое въ Духовъ день іереемъ Василіемъ» (1783), «Всеобщая придворная грамматика» (1783) и «Чистосердечное признанье» (1792). Всѣхъ изданій полнаго собранія сочиненій Фонвизина — девять 1): Собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визена. 2 части. М. 1829. Весьма плохое изданіе. 2) Собраніе оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина. 3 части. М. 1830. Тоже плохое изданіе. 3) и 4) Полное Собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. 4 части. М. 1830. Тоже. Изданіе второе. М. 1838. Лучшее изъ всѣхъ изданій, за исключеніемъ послѣдняго (Ефремова), составлено П. П. Бекетовымъ. 5) 6) и 7) Сочиненія Фонъ-Визина. Изданіе А. Смирдина. Спб. 1846. Тоже, изданіе второе. Спб. 1847. Тоже, изданіе третье. Спб. 1852. Всѣ три изданія сдѣланы крайне небрежно. 8) Избранныя сочиненія Д. И. Фонвизина. Изданіе Перевлевскаго. Спб. 1858. Изданіе хорошее, но не полное. 9) Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонъ-Визина. Редакція изданія П. А. Ефремова. Спб. 1866. Самое полное изданіе.

I.

КЪ УМУ МОЕМУ.

Къ тебѣ, о разумъ мой, я слово обращаю!
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Хоть въ свѣтѣ больше всѣхъ я самъ себя люблю,
Но склонностей своихъ я больше не терплю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Но льзя ль успѣху быть въ намѣреньѣ такомъ?
Останется дуракъ на-вѣки дуракомъ.
Скажи, какія ты къ тому имѣешь правы,
Чтобъ прочихъ исправлять и разумы и нравы?
Всѣ склонности твои прилежно разобравъ,
Увидѣлъ ясно я, что ты и самъ не правъ.
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Отвсюду сей товаръ безъ пошлины идётъ
И прибыли казнѣ ни малой не даётъ.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралося бы въ годъ!
Таможенный бы сборъ былъ первый здѣсь доходъ.
Но, видно, мы за-то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ.
Казалось бы, что сей взаимный договоръ
Французамъ доставлялъ такой же малый сборъ;
Но нѣтъ: у насъ о томъ совсѣмъ не помышляютъ,
Что подати тамъ съ насъ другія собираютъ.
Во Франціи тарифъ извѣстенъ намъ каковъ:
Чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ!

II.

ПОСЛАНІЕ КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ ШУМИЛОВУ, ВАНЬКѢ И ПЕТРУШКѢ.

Скажи, Шумиловъ, мнѣ: на что сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ.
Любезный дядька мой, наставникъ и учитель,
И денегъ, и бѣлья и дѣлъ моихъ рачитель,
Боишься Бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на чтó мы созданы?
На чтó сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На чтó сотворены и Ванька, и Петрушка?
На чтó ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?
На тò ли, чтобъ свой вѣкъ провёлъ ты въ крѣпкомъ снѣ?
О, таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясёшь, Шумиловъ, ты сѣдой своей главою:
«Не знаю», говоришь, «не знаю я того —
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами
И вѣкъ работать намъ руками и ногами;
Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной
И помню только тò, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки;
На чтó сей созданъ свѣтъ, изволь спросить у Ваньки.»
Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плечà, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница,
И стало, наконецъ, угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь;
Готовься на вопросъ мудрёный дать отвѣтъ,

Вѣщай, великій мужъ, на что сей созданъ свѣтъ?
Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ.
Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя и чело;
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: «На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи.
И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ отличить отъ ижицы аза!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Неловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ
И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ;
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте жь, каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы:
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
Шатаясь пò свѣту и вдоль и поперёгъ,
Чтò могъ увидѣть я, того не простерёгъ.
Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генераловъ;
А чтобъ не завести напрасный съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
Извощикъ, лошади, карета, хомуты
И всё, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда не обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того ещё примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги — дворецкаго, дворецкіе — господъ,
Другъ друга — господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи́, подъячіе, солдаты и крестьяне;
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ:
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ,
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе моё скажу я вамъ не ложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь и овца.
Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ:
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.
Довольно я мололъ, пора и помолчать:
Петрушка, можетъ-быть, вамъ станетъ отвѣчать.»
— «Я мысль мою скажу», вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
«Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Чтò нужды, хоть потомъ и вòзьмутъ душу черти,
Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!
На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй,
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ,
Щечи его казну — твоя казна прибудетъ;
А чтобъ пріятнѣе ещё казался свѣтъ,
Бери, лови, хватай всё что ни попадетъ.
Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
Чтò ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ въ шутку.
Не часто ль оттого родится всѣмъ бѣда,
Что тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами,
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ.
Однако ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ её...» Симъ рѣчь окончилъ онъ;
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою, хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону —
И трое всѣ они, возвыся громкій гласъ,
Вѣщали: «Не скрывай ты таинства отъ насъ:
Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
«И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!»

III.

ЛИСИЦА-КОЗНОДѢЙ.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.

Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-Кознодѣй, при мрачномъ сёмъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіетъ:
«О, рокъ! лютѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слёзъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростёртъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благости, величія, щедротъ?
Въ его правленіи невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно председала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ нёмъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ былъ другъ и покровитель.»
— «О, лесть подлѣйшая!» шепнулъ Собакѣ Кротъ:
«Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ,
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей;
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И, словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смога, такъ тотъ того въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился
И Пификъ-слабоумъ, списатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у Двора честнѣе всѣхъ лисицъ,
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ
Пятнадцать въ цѣлый ростъ и двадцать поясныхъ,
Да сверхъ того ещё, по новому манеру,
Альфреско росписалъ монаршую пещеру:
За-то что въ жизнь свою трудился сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду третьёго-дня издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможноль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредётъ презрѣнными путьми,
Такъ, видно, никогда ты нё жилъ межъ людьми».

IV.

ИЗЪ КОМЕДІИ «НЕДОРОСЛЬ».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Простакова, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ)*. Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремѣевна отходитъ)*. Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ! Митрофанушка, другъ мой, я чаю, тебя жмётъ до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофанъ отходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-жа Простакова, Еремѣевна и Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растётъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Ещё онъ же и споритъ, Портной учился у другого, другой у третьяго; да первой-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первой-то портной, можетъ-быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ *(вбѣгаетъ)*. Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: «тотчасъ».

Г-жа Простакова. Такъ поди же, вытащи его, коли добромъ не дозовёшься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ *(отъ робости запинаясь).* Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что̀ широко, что̀ узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? за что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что-жь ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойти сюда! Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднёхонько.

Г-жа Простакова. *(Тришкѣ).* Выйди вонъ, скотъ! *(Еремѣевнѣ)*... Поди-жь, Еремѣевна, дай позавтракать ребёнку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители прійдутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть.

Еремѣевна. Да во здравіе матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помниться, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню — пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая-жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ *(въ сторону).* Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ *(разнѣжась).* Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова *(съ досадою).* Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ — одно моё утѣшеніе.

Скотининъ. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По-крайней-мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю. То-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужь не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужь лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-ка теперь на голубятню: такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка! *(Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ V.

Правдинъ, г-жа Простакова, Митрофанъ, Милонъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова. Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его

готовлю въ люди. *(Здѣсь появляются Кутейкинъ съ «Часословомъ», а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну — входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ.)*

Г-жа Простакова *(не видя ихъ, продолжаетъ).* Авось-либо Господь милостивъ и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ *(въ сторону).* Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной!

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да ещё пятнадцать, несчётны годы!

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе, а нынѣ пошолъ въ чистую.

Милонъ. Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счётныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счётецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь: праздно жить не люблю. На досугѣ жь ребятъ обучаю. Вотъ и у нихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными бьёмся, да что-то плохо клеятся. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врёшь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, чтó другой ловитъ на полётѣ.

Правдинъ *(Кутейкину).* А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ учоныхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ учоныхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Реторики, да, Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости, проситъ отъ нея «объ увольненіи», на что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то «де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть — не мечите бисера предъ свиніями, «да не попрутъ его ногами.»

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣевна. Я и къ нему было толкнулась, да на силу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое, Еремѣевна! «Нѣсть грѣха въ куреніи табака.»

Правдинъ *(въ сторону).* Кутейкинъ ещё и умничаетъ!

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается. Во Псалтырѣ именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Правдинъ. Ну, а ещё гдѣ?

Кутейкинъ. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку — и въ той то же.

Правдинъ *(г-жѣ Простаковой).* Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего: слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жь вы, государи мои?

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только-что своя семья съ Софьюшкой.

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ!

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдётъ на умъ ученье! Ты бъ ещё навезла сюда дядюшекъ.

Г-жа Простакова. Что? что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки тàска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я — спасибо: ужь одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись).* Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну — такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова (внѣ себя). Уморилъ! уморилъ, Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Всё дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што.

Г-жа Простакова (въ злобѣ). Ну.

Еремѣевна. Присталъ къ нему: «хочешь ли жениться?»

Г-жа Простакова. Ну?

Еремѣевна. Дитя не таилъ: «уже давно-де, дядюшка, охота берётъ.» Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскипется!

Г-жа Простакова (дрожа). Ну, а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздёрнула ему рыла по уши...

Еремѣевна. Приняла-было... охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что: не твоё дитя, бестія! По тебѣ ребёнка хоть убей до смерти.

Еремѣевна. Ахъ, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту жь минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во чтобъ Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (указывая на ногти), я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всё вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ!

Еремѣевна (заплакавъ). Я не усердна вамъ, матушка! Ужь какъ больше служить — не знаешь. Рада не токмо что живота не жалѣешь, а всё не угодно.

Кутейкинъ. Намъ во свояси повелите? } *Вмѣстѣ.*
Цыфиркинъ. Намъ куда походъ, ваше благородіе? }

Г-жа Простакова. Ты же ещё, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. (Къ Митрофану.) Пойдёмъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взъедёшь дѣточекъ. (Къ Еремѣевнѣ.) Съ братцемъ перевѣдаюсь не по-твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что̀ ма̀ма и что̀ мать родная. (Отходитъ съ Митрофаномъ.)

Кутейкинъ. Житье твоё, Еремѣевна, яко тьма кромѣшная. Пойдёмъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку.

Цыфиркинъ. А тамъ другую — вотъ-те и умноженье.

Еремѣевна (въ слезахъ). Нелёгкая меня не приберётъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость всё та же.

Кутейкинъ. А велика ль благостыня?

Еремѣевна. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощёчинъ на день. (Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ-руки.)

Цыфиркинъ. Смекнёмъ же за столомъ, что̀ тебѣ доходу въ круглый годъ.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ VI.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьёшься. Здѣсь каждое утро процвѣтётъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живётъ. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанта не стало.

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвирнѣ, взалкалъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житьё-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ пріидетъ на тя.

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхалъ-ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три. (Вздохнувъ.) Охъ-ти мнѣ! Грусть берётъ.

Кутейникъ. О, горе мнѣ, грѣшному!

Цыфиркинъ. О чёмъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаешься. Далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ — трёхъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручина. Четвёртый годъ мучу свой животъ. Почесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберётъ; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а Нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (съ жаромъ). Я далъ бы себѣ ухо

отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грѣшничу путёмъ накостылять.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь: только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жь быть сговору.

Г-жа Простакова. Прійдётъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришолъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жь меня взманила — пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. *(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель.)*

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелёкъ повяжу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было бы куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что̀ писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! ужь ребёнокъ не смѣй и избранить. Пафнутьича! Ужь и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Всё зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твоё дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка вперёдъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмёмъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Единожды три — три; единожды нуль — нуль.

Г-жа Простакова. Что̀, что̀ — до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Врётъ онъ, другъ мой сердечный! Нашолъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и ещё прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жь бы на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Нуль да нуль — нуль; одинъ да одинъ. *(Задумался.)*

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой: гроша не прибавлю. Да и не за что̀, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а всё вижу пустота. Денегъ нѣтъ — что̀ считать, деньги есть — сочтёмъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Небось, брать. Матушка тутъ сама не ошибётся. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *(открываетъ Часословъ. Митрофанъ беретъ указку)*. Начнёмъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. А не человѣкъ.

Митрофанъ *(также)*. А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарить хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься натъ сфаей утропой, катора тефятъ мѣсесофъ

таскала, такъ скасать, асмое тифа фъ сфѣтѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь всё есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ *(затворяя Часословъ)*. Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка моя, што тепѣ натопно? Сынокъ, какофъ есть, да талъ Похъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ скасать, Аристотелисъ, да въ могилу.

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера пебрежно поужиналъ.

Вральманъ. Разсути-шь, мать мая, напилъ прюхо лишпѣ — пѣда; а фить калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха; напить её лишнѣ — захрани Поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребёнокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ — дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Расумпай шеловѣкъ пикахта ефо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умпыми лютьми не сфясывайся, такъ и путетъ плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то пе охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли тѣло!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ, да изъ кого-жь ты её выберешь?

Вральманъ. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрат.. сепѣ кампаній.

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарпли ефо па ушенье! Россиска краматъ! Арихметика! Ахъ, Хосспоти Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаёса! Какъ путто пы россиски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать пезъ россиской краматъ!

Кутейкинъ *(въ сторону)*. Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто пы до арихметики пыли люти тураки несчотные!

Цыфиркинъ *(въ сторону)*. Я те ребра-то пересчитаю. Попадёшься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потрепно снать, какъ шить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ напзустъ; я самъ терта калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большого свѣта, Адамъ Адамычъ! Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пыфало, о праспикѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ хосподамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало не сойту ни на минуту съ коселъ.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Вральманъ *(въ сторону)*. Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ! *(Вслухъ)*. Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегда лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ, та и смотру польшой сфѣтъ съ коселъ.

Г-жа Простакова. Конечно, виднѣе. Умный человѣкъ знаетъ куда взлѣсть.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какъ нипуть всмаститца лютей посматрѣть и сепя покасать. Уталецъ! *(Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается.)*

Вральманъ. Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь пезъ усды. Ступай! Фортъ! *(Митрофанъ убѣгаетъ.)*

Г-жа Простакова *(усмѣхаясь радостно)*. Ребёнокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однако жь, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ. Поти, мая матушка! Салётна птиса! Съ нимъ тфой гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ! *(Отходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ *(насмѣхаясь)*. Эка образина!

Кутейкинъ *(насмѣхаясь)*. Притча во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, нѣвжи?

Цыфиркинъ *(ударивъ по плечу)*. А ты что брови-то нахмурилъ, чухонская сова!

Вральманъ. Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ *(ударивъ по плечу)*. Филинъ проклятый, что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ *(тихо)*. Пропаль я. *(Вслухъ.)* Што фы истефаетесь, репята, што-ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь и другимъ ничего дѣлать не даешь; да ты-жь ещё и рожи не уставишь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ *(оправляясь отъ робости)*. Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушоной персоной? Я накраулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы те пчесть отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я Часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пошаляюсь.

(Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, а Кутейкинъ Часословомъ.)

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на пятеро.
Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу.
(Вмѣстѣ.)

(Вральманъ бѣжитъ.)

Цыфиркинъ. Ага! поднялъ трусъ ноги!

Кутейкинъ. Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ *(въ дверяхъ)*. Што фсяли, пестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ. Уплёлъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. Засѣлъ пребеззаконный! Много-ль тамъ васъ басурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

Вральманъ. Съ атнимъ не слатили! Эхъ, пратъ, что фсяли!
Цыфиркинъ. Одинъ десятерыхъ уберу.
Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣшныя земли.
(Всѣ вдругъ кричатъ.)

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Скотининъ, г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(входя)*. Всё-ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвёртой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка!

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели-бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, всё за мною по пятамъ. Я пришолъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею. *(Стародуму.)* Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударяня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся кромѣ Митрофана и Еремѣевны.)* Вотъ въ чёмъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ — намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить! — даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы всё дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу наперёдъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину)*. Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ.
Митрофанъ. Всему, чему изволишь.
(Вмѣстѣ)

Правдинъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что-жь вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна, да прилагательна...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому-что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ ещё не навѣшана: такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому-что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо!

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силёнъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ ещё сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берётся!

Г-жа Простакова. Однако, всё-таки не придётъ противъ Адамъ Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Прадинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*). А я почёмъ знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька: теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чёмъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еорг^фія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ её и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова. (*Стародуму*). А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что-жь? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда — свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать всё то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да, коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмёмъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ; а какова была голоушка!

Правдинъ. Что-жь такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что̀ случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться — какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ учоный лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаёте себя неучонымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче учонаго.

Стародумъ (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой, да что̀ за радость и выучиться? Мы это видимъ своими гла-

зами въ нашемъ краю. Кто посмышлёнѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ ещё въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышлёнѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

В. П. ПЕТРОВЪ.

Василій Петровичъ Петровъ родился въ 1736 году въ Москвѣ, гдѣ началъ своё образованіе дома, подъ надзоромъ приходского дьячка, и окончилъ его въ тамошней духовной академіи, вмѣстѣ съ будущимъ *великолѣпнымъ княземъ Тавриды*, Потёмкинымъ, который въ дни своей славы и могущества никогда не забывалъ своего стараго товарища. По окончаніи курса, Петровъ былъ оставленъ при академіи преподавателемъ піитики, реторики и греческаго языка, а въ 1769 году, по рекомендаціи Потёмкина, получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца императрицы Екатерины II, что̀ дало ему право, въ письмѣ своёмъ къ государынѣ, посланномъ въ 1774 году изъ Лондона, сказать: «я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ Вашего Величества стихотворцемъ». («Библіографическія Записки», 1858, стр. 528.) Затѣмъ, въ 1770 году онъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ Силовымъ, въ Англію, для довершенія своего образованія. Здѣсь онъ изучилъ основательно англійскій языкъ и ознакомился съ англійской литературой, имѣвшей большое вліяніе на всю остальную его литературную дѣятельность. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ произведёнъ въ статскіе совѣтники и назначенъ придворнымъ библіотекаремъ императрицы. Это мѣсто занималъ онъ до самой смерти. Петровъ умеръ въ Петербургѣ 4-го декабря 1799 года.

Оды Петрова, отличавшіяся крайнею напыщенностью, но богатыя мыслями и выразительностью, пользовались въ своё время громадною извѣстностью и даже нѣкоторыми предпочитались одамъ Ломоносова. Эти неумѣренныя похвалы вызвали Новикова на слѣдующую, довольно рѣзкую, замѣтку объ одахъ Петрова, помѣщённую въ «Опытѣ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ»: «Вообще о сочиненіяхъ его (Петрова) сказать можно, что онъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова), и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова.» Помѣщённое въ нашемъ собраніи посланіе «Къ ***, изъ Лондона» — есть лучшее произведеніе Петрова. Посланіе этого пользовалось въ своё время большою извѣстностью, такъ-что нѣкоторыя мѣста его не остались безъ подражанія: такъ въ сатирѣ И. И. Дмитріева «Чужой толкъ» можно указать стихи, написанные подъ вліяніемъ сатиры Петрова, который имѣлъ сатирическій талантъ. Кромѣ сочиненія одъ и посланій, Петровъ занимался переводами, изъ которыхъ болѣе извѣстны: переводы «Энеиды» Виргилія (Спб. 1787) и «Потеряннаго Рая» Мильтона (Спб. 1796). «Сочиненія Петрова» были изданы два раза: въ первый — имъ самимъ въ 1796 году, а во второй — его вдовою въ 1811 году въ трёхъ частяхъ. Въ 1867 году П. А. Ефремовъ издалъ его сатирическое стихотвореніе «Приключеніе короля шведскаго Густава III», написанное въ 1788 году и ходившее до-тѣхъ-поръ по рукамъ въ рукописи.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ «КЪ ***, ИЗЪ ЛОНДОНА».

О, просвѣщённые вѣковъ грядущихъ роды,
Примите вы мои всемилостиво оды!
Не баснословный бредъ, не обща то дрема —
Препоручаю вамъ сокровище ума.
Я пѣлъ — струны мои казались очень звонки;
Пріятелей моихъ разсудки сильно тонки:
Бывало, какъ стихи прочту я въ ихъ кругу,
Свидѣтель Аполлонъ, всё хвалятъ — я не лгу.
Я въ жизни не съ однимъ имѣлъ знакомство домомъ:
Гдѣ ни обѣдывалъ — меня звали *громомъ;*
Я *прахъ* теперь: моя жива ль-то въ свѣтѣ честь?
Молю, стихи мои не дайте моли съѣсть!
То правда, въ разныя идутъ они потребы:
Ихъ подъ-исподъ кладутъ, какъ въ печь сажаютъ хлѣбы;
Купцы, что продаютъ различный смертнымъ злакъ,
Завёртываютъ въ нихъ хрѣнъ, перецъ и табакъ:
Идутъ они въ дѣла, идутъ и въ забабоны:
На мѣрки для портныхъ и войску на патроны,
Ребятамъ на змѣй, хлопушки и пыжи,
Свѣчамъ, окорокамъ копчёнымъ — на брыжи...
Я признаюсь: въ стихахъ я самъ жужжу какъ муха,
Но это моего не оскорбляетъ уха:
Не всякій папою быть можетъ кардиналъ;
Всякъ ждётъ, чтобъ на него сей жеребій упалъ.

Спроси писца стиховъ: желаетъ ли онъ славы?
Смиренный дастъ отвѣтъ: онъ пишетъ для забавы,
Избытокъ въ томъ лишь дней препроводить хотя,
Онъ межъ парнасскихъ чадъ невинное дитя.
Но загляни сему ты въ сердце огрочати —
Тамъ найдешь: я піитъ — стихи мои въ печати!
Но если дѣло всё въ печати состоитъ,
То всякій грамотѣй въ мигъ можетъ быть піитъ:
Поставь слова твои въ пристойныя шеренги,
Поди въ печатный домъ и заплати тамъ деньги;
Тамъ въ мигъ твой тиснутъ слогъ и выйдетъ мокрый листъ;
Ты въ ту жь минуту сталъ сатирикъ иль лиристъ.
Пошолъ въ домъ съ вѣчною въ своёмъ карманѣ славой;
Дерзай — ты деньги далъ, ты стихотворецъ правой.
Вотъ тайна вся стиховъ: рука да голова,
Чернильница, перо, бумага, да слова.
И диво ль, что у насъ піиты столь плодятся,
Какъ отъ дождя грибы въ березникѣ родятся!
Однако мнѣ жалка такихъ піитъ судьба,
Что ихъ и слогъ стоитъ не долѣе гриба.
Когда же всѣ мы толь недолговѣчны крайне,
Другой какой-нибуть тутъ должно крыться тайнѣ:
Знать, не отъ риомъ однѣхъ и точныхъ стопъ числа
Зависитъ нашего удача ремесла.
Какъ путный, на театръ онъ риѳменный выходитъ,
Берётъ перо межъ перстъ и по бумагѣ водитъ:
Вотъ это, говоритъ, поставилъ я «творогъ»,
Такъ долженъ ужъ стоять въ другой строкѣ «пирогъ».
Прибравши такъ слова, онъ мыслитъ — сдѣлалъ чудо,
Что предъ читателя вдругъ выставилъ онъ блюдо.
Со всею худобой нескладицы, бредни,
Слывётъ онъ у своей писаталемъ родни,
Великій умница и со смѣха морецъ;
У знатоковъ прямыхъ онъ — жалкій риомотворецъ:
Межъ нимъ и игрокомъ въ томъ только разность вся:
Тотъ кликнутъ въ дѣло былъ, а этотъ самъ вплелся.
Обоимъ, станется, имъ быть въ театрѣ любо:
Тотъ малый съ проста радъ, нашъ писарь буй сугубо.
Природа, видитъ всякъ, въ дарахъ къ нему скупа;
Онъ мыслитъ: голова другихъ людей тупа,
И, не сошлясь на свѣтъ, себя всѣхъ выше ставитъ:
Другой кто стань писать — онъ къ буйству злость прибавитъ,
Вдругъ вышлетъ на тебя сто надписей, сатиръ:
Ты смѣлъ потрясть его въ умахъ людскихъ кумиръ:
Дастъ жаломъ знать кто онъ — онъ колоколъззвонный,
Горацій онъ въ Морской и Пиндаръ въ Милліонной;
Въ приказахъ и въ рядахъ, гдѣ Мойка, гдѣ Нева,
Неугомонная шумитъ объ нёмъ молва...
Кто знаетъ? можетъ-быть, при каждой онъ страницѣ
Пыхтѣлъ и мучился, подобно роженицѣ;
Такъ пусть, когда онъ чадъ съ такимъ трудомъ родитъ,
Пусть матерски на нихъ любуется, глядитъ.
Гляди, лишь не кричи: «мои другой породы!
Мои — какъ ангелы; у всѣхъ другихъ уроды!»
Какой-то тамъ живётъ на Мойкѣ меценатъ,
Что пестуетъ твой слогъ, а ты тому и радъ,
И думаешь, что въ нёмъ невѣдь какая сдоба;
Но истинныхъ красотъ не знаете вы оба.
Не видитъ проку онъ кромѣ тебя ни въ комъ —
Причина вся тому, что ты ему знакомъ.
Оставь читателей судьями думъ твоихъ:
Есть аполлоновы наперсники и въ нихъ;
Имъ шепчетъ въ уши Фебъ, чей лучше слогъ, чей хуже,
Кто въ Ипокренѣ пилъ, кто черпалъ въ мутной лужѣ;
Свѣтъ знаетъ и безъ насъ, полезно что ему,
Гдѣ сердце зиждется, гдѣ пища есть уму;
Пчела не черезъ-чуръ віется вкругъ навоза:
Любимы ей мѣста — нарцисъ, піонъ иль роза.
Купцы товаръ лицомъ, не горломъ продаютъ,
И только лишь въ набатъ, коль нездорово, бьютъ...

И. Ѳ. БОГДАНОВИЧЪ.

Ипполитъ Ѳёдоровичъ Богдановичъ родился 23-го декабря 1743 года въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, въ Малороссіи, и уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обнаружилъ страстную любовь къ чтенію, рисованью, музыкѣ и поэзіи. За тѣмъ, двѣнадцати лѣтъ онъ былъ отвезёнъ въ Москву и записанъ въ Юстицъ-коллегію юнкеромъ. Побывавъ однажды въ театрѣ, онъ такъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ тамъ, что тотчасъ же отправился къ директору московскаго театра, которымъ въ ту пору былъ Херасковъ, авторъ «Россіады», и объявилъ желаніе вступить въ актёры. Поговоривъ съ нимъ, Херасковъ сталъ уговаривать его лучше записаться въ число слушателей университета, предлагая поселиться у него въ домѣ. Богдановичъ согласился — и вскорѣ правила языка и тайны стихосложенія сдѣлались ему извѣстны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія его въ иностранныхъ языкахъ значительно расширились. Первые поэтическіе опыты Богдановича появились въ журналѣ «Полезныя Увеселенія». Въ

1761 году онъ имѣлъ уже мѣсто надзирателя надъ университетскими классами, а въ 1763—былъ опредѣлёнъ въ штатъ графа Н. И. Панина переводчикомъ, и тогда же началъ издавать журналъ «Невинное Упражненіе». Въ нёмъ напечаталъ онъ свои довольно удачные переводы изъ Вольтера, а также и нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій, отличавшихся нѣжностью чувствъ и неподдѣльнымъ простодушіемъ. Затѣмъ, въ 1766 году, назначенный состоять секретарёмъ при нашей миссіи въ Саксоніи, онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ и провёлъ нѣсколько самыхъ счастливыхъ лѣтъ своей жизни, какъ, впослѣдствіи, выражался самъ, вспоминая годы своей молодости. Блестящая обстановка, образованное общество, живописныя окрестности города и сокровища искусства, украшавшія знаменитую дрезденскую картинную галлерею, совершенно очаровали Богдановича и, конечно, имѣли сильное вліяніе на его поэтическій талантъ. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1768 году, онъ совершенно посвятилъ себя литературѣ, преимущественно поэзіи: сочинялъ стихи, переводилъ стихами и прозой и, наконецъ, около 1775 года, написалъ свою знаменитую поэму «Душенька», прославившую его имя и поставившую его на ряду съ первыми поэтами своего времени. Успѣхъ «Душеньки» былъ полный. Императрица Екатерина отозвалась о поэмѣ съ большой похвалою, сановники и придворные наперерывъ спѣшили заявить автору знаки своего уваженія; поэты и журналисты писали оды, мадригалы и восторженныя рецензіи въ честь и славу творца «Душеньки». Всё, написанное Богдановичемъ послѣ «Душеньки» («Радость Душеньки», «Славяне» и другіе), не имѣло и тѣни успѣха его знаменитой поэмы; да и вообще вся его послѣдующая дѣятельность не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. «Душенька» была издаваема много разъ. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что первая книга поэмы была издана графомъ. М. Ѳ. Каменскимъ въ 1778 году, но въ каталогахъ Сопикова и Смирдина ничего не говорится объ этомъ изданіи. Первое намъ извѣстное изданіе «Душеньки» принадлежитъ Ржевскому. Оно явилось въ Петербургѣ въ 1783 году, подъ заглавіемъ: «Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ». Затѣмъ, первая и третья книги этого изданія перепечатаны безъ перемѣны Сопиковымъ во 2-мъ томѣ его «Опыта Россійской Библіографіи». Второе исправленное изданіе вышло въ 1794 году; третье — въ 1799; четвёртое — въ «Собраніи сочиненій и переводовъ Богдановича», изданномъ Бекетовымъ, въ 1809 — 10 годахъ, въ шести частяхъ; пятое — отнесено Сопиковымъ къ 1811 году, но оно сгорѣло въ Москвѣ, во время пожара 1812 года; наконецъ, шестое и послѣднее сдѣлано Смирдинымъ, въ 1848 году, въ его изданіи «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», куда вошли и остальныя сочиненія Богдановича.

Въ 1780 году Богдановичъ былъ назначенъ членомъ въ государственный санктпетербургскій архивъ, въ 1788 — его предсѣдателемъ, а въ 1796 году вышелъ въ отставку. Проживъ еще около году въ столицѣ, онъ переѣхалъ на жительство сперва въ Сумы, а потомъ въ Курскъ, гдѣ и умеръ 6-го января 1803 года.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДУШЕНЬКА».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька, я въ помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ свободной я слагаю!
Не лиры громкій звукъ — услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ и разумъ мой осмѣль
Коснуться счастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ весёлости одни!
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Иппокрены!
Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнассъ
Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ зефиры;
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и бѣды.
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселье морщится, амуры плачутъ сиры.
О, ты пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
Вездѣ умомъ богатыхъ,
И равныхъ, и двойчатыхъ,
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ тебя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь не строю!
По вольному стиховъ покрою,

На всякій образецъ крою.
И малой мѣры, и большія,
И часто риѳмы холостые,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А если отъ того устану,
Отважно и покойно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грóзу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто прозу.

2.

ВЕНЕРА.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвинулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхóмъ,
Гоня далёко всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги
И, чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ.
Другой, изъ краевъ самыхъ дальнихъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несётъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
«О, еслибъ видъ сей», онъ вѣщаетъ,
«Остался вѣчно въ хрусталѣ!»
Но тщетно то тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ призракъ сей, какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ въ тунѣ тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская къ верху водный ключъ.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межь-тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ былями небылицы,
Её стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякій трудъ,
Богинѣ опахаломъ машутъ;
Другія жь, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать...
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межь-тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаётъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И, съ ними спутавшись, летитъ;
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
Любовь ей нá ухо свиститъ;
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды
И падаетъ безъ силъ средь водъ;
Другой въ уста и въ очи дуетъ
И ихъ украдкою цалуетъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

3.

ДУШЕНЬКА.

Тутъ взорамъ Душеньки открылась тьма чудесъ:
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ
Великолѣпные представились чертоги,

Блестящіе среди безчисленыхъ огней —
И всюду розами усыпаны дороги...
Порфирныя врата, съ лица и со сторонъ,
Сапфирные столпы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы и стѣны изумрудны —
Простому смертному должны казаться чудны...
Царевна ласково на каждую ей честь,
Отвѣтствовала всѣмъ, то знакомъ, то словами.
Зефиры, въ тѣснотѣ толкаясь головами,
Хотѣли въ домъ её привесть, или принесть;
Но Душенька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,
И къ дому шла сама, среди различныхъ слугъ,
И смѣховъ и утѣхъ, летающихъ вокругъ...
Царевна, посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
Не знала — духъ ли былъ иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала
И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или вокругъ летала,
Увѣдомить сё подробнѣй не могла —
И Душенька о нёмъ въ незнаніи была.
Межь-тѣмъ она прошла крыльцовыя ступени
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней
Прекрасный видъ аллей,
И рощей и полей;
И болѣе потомъ высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны.
Царевна райскіе увидѣла сады —
И прежніе свои забыла всѣ труды.

Оттуда сорокъ нимфъ ввели её въ чертоги,
Какіе создать лишь только могутъ боги,
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору, вмѣсто водъ, повсюда собирали;
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри
И благовонныя работали ей мыла,
Какими моются восточные цари
И коихъ вѣдома бодрительная сила.
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ вздоховъ не могли оттуда выйти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Затѣмъ-что ростомъ мелки,
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась:
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась...

Зефиры, коихъ я счастливѣйшими чту,
Вы, кои видѣли царевны красоту —
Зефиры, вы меня, какъ должно, научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите
Всѣ части, всѣ черты
И всѣ пріятности царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить неудобно:
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты...
Но здѣсь молчите вы: молчанье разумѣю!
Къ изображенію божественныхъ даровъ
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ...
Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю!

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Съ улыбкою свои раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платье, и наряды,
И нѣкакой вѣнецъ...
Не трудно разумѣть, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила —
Иль, лучше такъ сказать: то мысль ея творила,
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала —
Они рождаются ея единымъ взглядомъ
И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
Отъ головы до ногъ,
Легко могла судить царевна на досугѣ
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.
Межь-тѣмъ, къ ея услугѣ
Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ готовъ:
Тамъ яства и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.

Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ,
И всё, чтб для боговъ,
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
Могло служить къ ихъ пищѣ,
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Иной вкусивъ — она печали забывала,
Другая — ей красотъ и силы придавала.
Амуры, чтобъ притомъ ей ревность изъявить,
Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ посуду,
Иль рюмки наливалъ — и всякъ совался всюду;
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая богиня
Полрюмки нектару изволила поднесть;
И многіе предъ ней стояли ротъ розиня:
Хотя амуры въ томъ,
По правдѣ, жадными отнюдь не почитались
И болѣ, нежели виномъ,
Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались.
Межь-тѣмъ надъ ней, съ верховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ
И пѣсенъ ей похвальныхъ,
Какія сочинять лишь можетъ богъ стиховъ...

Потомъ одна изъ нимфъ явилась доложить,
Что время было опочить.
При словѣ «опочить» царевна покраснѣла
И, какъ невѣста, оробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька; ведутъ её въ чертогъ
И тамъ, какъ надобно, къ покою отъ дорогъ,
Кладутъ её въ постель на нѣкоемъ престолѣ
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.
А если спросятъ — какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ-потьмахъ —
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ:
Какъ духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не открылся.
Никто не вѣдаетъ — ни чтб сказалъ женихъ,
Ни чтб они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, притомъ какія были:
На вѣки тайна та осталась между нихъ.
Но только по утру примѣтили амуры,
Что нимфы межь собой смѣялись подтишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между нихъ съ завѣшенымъ ушкомъ.

Супружество могло царевнѣ быть пріятно,
Лишь только таинство казалось непонятно:
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ;
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ
И, вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая, кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала
Съ какимъ чудовищемъ, иль богомъ ночевала.
Не слыханъ былъ подобный бракъ!
Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала.
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ
Какъ-будто онъ себя затѣмъ и не казалъ...
Межь-тѣмъ какъ Душенька въ постелѣ
Не знала, какъ рѣшить о дѣлѣ,
Заря гнала ночную тѣнь —
И свѣтлый видъ воспринялъ день.

А. О. АБЛЕСИМОВЪ.

Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ, авторъ «Мельника», родился 27-го августа 1742 года. Сынъ небогатаго помѣщика галичскаго уѣзда, онъ получилъ самое скудное образованіе, и то благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ *отцу россійскаго театра* Сумарокову, который, будучи его крестнымъ отцомъ, называлъ Аблесимова своимъ *чернильнымъ сыномъ* и давалъ ему переписывать на̀ чисто свои сочиненія. Это послѣднее обстоятельство вскорѣ ознакомило его съ механизмомъ стиховъ и побудило самаго приняться за ихъ сочиненіе. Первые литературные опыты Аблесимова, а въ томъ числѣ и «Сказки», имѣвшія два изданія (Спб. 1769 и М. 1780), не представляютъ ничего заслуживающаго какого-нибудь вниманія. Всё это было слабое подражаніе *россійскому Расину* — не болѣе. Извѣстность его, какъ писателя, начинается только съ появленія въ 1779 году, на московской сценѣ, его первой оперы «Мельникъ — колдунъ, обманщикъ и сватъ», съ музыкою Соколовскаго, составленною изъ русскихъ пѣсень. Интрига пьесы напоминаетъ французскія оперетки; но въ подробностяхъ встрѣчаются истинно-русскія черты, столь рѣдкія въ тогдашней литературѣ. Онѣ-то вмѣстѣ съ мыслью совершенно новою для его времени — заставить дѣйствовать на сценѣ лица изъ простого народа

а также и весёлость, оживлявшая пьесу, доставили ей громкую извѣстность и обезпечили за ней продолжительный успѣхъ на сценѣ. Первое представленіе «Мельника» состоялось въ Москвѣ 20-го января 1779 года, причёмъ пьеса была дана 22 раза сряду, а въ Петербургѣ — 27. Первое же изданіе «Мельника» вышло въ Москвѣ въ 1782 году, послѣ чего пьеса была перепечатана много разъ, въ томъ числѣ въ 1821 году въ Орлѣ, и въ 1831— въ Петербургѣ. Слѣдовавшія за «Мельникомъ» оперетки Аблесимова, «Счастье по жеребью (М. 1780) и «Странники» и комедіи «Подъяческая пирушка» и «Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ» (М. 1780), не имѣли большого успѣха, хотя и были написаны въ томъ же русскомъ вкусѣ, какъ и первая пьеса. Въ 1781 году онъ началъ-было издавать сатирическій журналъ «Разсказчикъ забавныхъ басенъ», но затѣянное имъ предпріятіе не имѣло ни малѣйшаго успѣха, почему и прекратилось въ томъ же году. Аблесимовъ служилъ сначала въ Коммиссіи Проекта Новаго Уложенія; потомъ перешолъ въ военную службу и, въ чинѣ капитана, былъ экзекуторомъ Московской Управы Благочинія и умеръ въ 1783 году въ Москвѣ въ крайней бѣдности, оставивъ послѣ себя только одинъ треногій столъ, на которомъ были сочинены имъ его оперетки и комедіи. Д. И. Языковъ, въ біографіи Аблесимова, напечатанной въ I томѣ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара, защищая тогдашнюю московскую дирекцію театровъ отъ обвиненія въ томъ, что она допустила автора «Мельника» до такого бѣдственнаго положенія, говоритъ, что дирекція неоднократно давала въ пользу его бенефисы; но онъ всё, что ни получалъ, употреблялъ на воспитаніе единственной своей дочери, которой, однако же, кромѣ стола, ничего не оставилъ. Полное собраніе его сочиненій было издано въ 1849 году Смирдинымъ, въ одномъ томѣ съ сочиненіями Кострова, въ коллекціи «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ».

I.

ИЗЪ ОПЕРЫ «МЕЛЬНИКЪ».

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, а съ другой стороны мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. На переди же всего дерево.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мельникъ *(одинъ. Онъ, стругая доску, поетъ; только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ).* Какая бишь эта пѣсня? Да: «какъ вечоръ у насъ со полуночи!» Такъ. *(Начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая свою работу.)*

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта...

Какой проливной было-пошолъ дождикъ, да перссталъ скоро. *(Продолжаетъ пѣть и работать.)*

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца...

Ну, ужь былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть-было и мельницу-то мою совсѣмъ не спорушилъ. Въ пень бы я сталъ, да — спасибо — хоть исковеркалъ, да немного; а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла. *(Принаравливаетъ доску.)* Ну, будетъ, ладно, пойдётъ опять за-ново. *(Подошедъ къ оркестру.)* Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужь-де мельникъ всякій не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ, какъ черти, ворочаютъ... Ха! ха! ха! Какой сумбуръ мелютъ! А я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарѣлся на мельницѣ; а ни одного домовова съ роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышлёнъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ всё и колдовство тутъ. Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывёшь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ міряномъ —
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!

ЯВЛЕНІЕ II.

Филимонъ и прежній.

Мельникъ *(его увидя).* А! это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. *(Къ Филимону.)* Путь-дорога доброму молодцу.

Филимонъ. Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ. Издалеча-ль бредёшь, куда путь держишь?

Филимонъ. Не пуще дальное дѣло.

Мельникъ. Да волею, или неволею?

Филимонъ. Коней ищу: савраско да гнѣдко вдвоёмъ куда-то запропастплись; а кони-то, кони-то какіе добрые были. *(Особливо.)* Это онъ-то ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. *(Къ Мельнику.)* Што, старинушка, хочу спросить тебя...

Мельникъ. О чёмъ поволишь? Извольста, мы ваши работники!

Филимонъ. Доброе дѣло — и мы вамъ плательщики. Итакъ поворожи мнѣ — найдутся ли мои кони?

Мельникъ. Найдутся ли кони?

Филимонъ. Такъ, старинушка: мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

Мельникъ. А вотъ, эдакъ, напримѣръ, какъ будетъ ли отъ тебя што? *(Подставливаетъ руку.)*

Филимонъ. Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

Мельникъ
(отворачивается, сердится и начинаетъ пѣть).

Угадать —
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато.

Филимонъ. Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду.

Мельникъ.

На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Филимонъ. Ни изъ чего не солгу, повѣрь, пожалуй.

Мельникъ.

Въ тотъ черёдъ,
Напередъ,
Эти басни не подъ нужу,
Вынь-ка мошну-то наружу,
И пустого не болтай,
Да намъ денежки считай.

(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза.)

Филимонъ. Ну, коли такъ, изволь, пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копѣекъ.

Мельникъ. Это только-то?

Филимонъ. Будетъ покамѣстъ — чего больше?

Мельникъ *(особо).* Ладно, ты безъ полтинки-то отъ меня не отъѣдешь.

Филимонъ. Што-жь ты мнѣ скажешь?

Мельникъ. А какъ теперь на дворѣ рано?

Филимонъ. Не больно ещё поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

Мельникъ. Перевернись же три раза по солнцу.

Филимонъ. Што бы такъ?

Мельникъ. Што бы такъ! Къ ворожбѣ это надо. Ну, дѣлай, што велятъ!

Филимонъ. Въ твою угоду мы и повернёмся. *(Вертится одинъ разъ.)*

Мельникъ. Ещё противъ солнца.

Филимонъ *(вертясь).* Ещё таки и противъ солнца.

Мельникъ. Теперь стань вотъ къ этому дереву. *(Филимонъ хочетъ идти.)* Нѣтъ, нѣтъ, постой! Есть ли у тебя платъ?

Филимонъ *(вынимаетъ платокъ).* Есть—вотъ.

Мельникъ. Зажми-же глаза плотно, завяжи платомъ крѣпче — ещё крѣпче. Ну, ладно! Теперь слушай-же: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и ни кому не аукайся; а я пойду къ старшому.

Филимонъ *(исполняя все, что Мельникъ ему ни приказывалъ).* А буде кто безъ тебя ко мнѣ придётъ и станетъ меня спрашивать: «зачѣмъ-де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясныя твои очи завязаны?»

Мельникъ. Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ. А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

Мельникъ. Всполошишь всѣхъ: не надо.

Филимонъ *(про себя).* Эдакая причина!

Мельникъ. Стой же плотно.

Филимонъ. Инъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія, а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ, крадучись, и говоритъ съ сердцемъ.)

Мельникъ. Тють! Тють! Што ты это чудесишь? Эдакой рахманный! Вѣдь испужаешься... *(Взявъ его за руку.)* Поди за мною! Стой, ухватись вотъ за это дерево! *(Очерчиваетъ его меломъ.)* Ну, стой-же, слышь ли ты, плотно! Не тронься и за черту ни ногою, а то быть худу. *(Отходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Филимонъ *(одинъ).*
(Онъ, приклоняя голову въ ту сторону, куда Мельникъ ушолъ, слушаетъ.)

Слышится, колдунъ ушолъ! Такъ, ушолъ теперь! Што-то онъ мнѣ скажетъ? Ну, да што ни будетъ, то будетъ! *(Открываетъ немного глаза.)* Да... нѣтъ... Ужь меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто

морозъ по кожѣ подираетъ. Што жь мнѣ дѣлать? Ничего иного, какъ орать что есть мочи «нѣтъ!» Стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся!
Спою пѣсню; да какую жь я спою?
А! любиму свою.

(Музыка начинаетъ, а въ это время какъ Филимонъ готовится пѣть.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова и ставитъ ихъ у мельницы.)

Филимонъ *(продолжаетъ пѣть на голосъ: «Какъ ходилъ гулялъ молодчикъ»).*

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалёкъ.
Ходилъ молодецъ на Прѣсню
Изъ Сесвяцкаго села
Подъ вечерокъ,
Путь недалёкъ
Изъ Сесвяцкаго села.
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается.)

Дѣвка... ду...ша...

(Оканчиваетъ дикимъ голосомъ.)

Мельникъ. Разступись вода! Растворись мельница! Явись ко мнѣ сѣдой демонъ!

(Вертитъ опять жерновомъ и производитъ шумъ.)

Филимонъ *(дрожитъ).* Чуръ меня! чуръ меня! Съ нами невидимая сила!

Мельникъ *(подбѣгая къ Филимону).* Ухватись, ухватись за дерево плотнѣе.

Филимонъ *(хватается за дерево и самъ дрожитъ).*

Мельникъ *(обходя его кругомъ).* Будутъ кони? будутъ кони? Таки будутъ? *(Сиповатымъ голосомъ.)* Нѣтъ, не будутъ! *(Обходитъ другой разъ.)* Придутъ кони? таки придутъ ли кони? *(Также сиповато.)* Нѣтъ, не придутъ! Што за дьявольщина! *(Обходитъ третій разъ.)* Найдутся ли кони? да найдутся ли кони? *(Притворнымъ голосомъ съ сердцемъ.)* Хоть найдутся, да не скоро! *(Своимъ голосомъ.)* Исчезни жь, окаянный! *(Самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ его; потомъ, подошедъ къ Филимону.)* Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимонъ *(развязавъ глаза).* У! *(Дрожа поетъ.)*

О, ты дѣдушка Ѳаддей!
И ты сильный ворожища!
Ты могучій чародѣй!

Мельникъ.

Кабы ковшъ теперь пивища,
Я въ него бы поглядѣлъ,
То надѣлалъ бы ужь дѣлъ.

Филимонъ.

Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

Мельникъ *(особо).*

Я тѣмъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба.

Фил. Ты намъ, дѣдушка, } помога.
Мел. Я вамъ, дѣтушки, }
Фил. } У кого } кручины } много.
Мел. } } есть денегъ }

Филимонъ. Итакъ, дѣдушка, пропали мои кони?

Мельникъ *(поетъ).*

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Што жь ты мнѣ скажешь?

Мельникъ *(еще поетъ).*

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Да вотъ, пожалуй, я и ещё дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ. *(Даетъ ему денегъ.)*

Мельникъ *(заикаясь).* А! А кармливалъ ты ихъ овсомъ?

Филимонъ. О, нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

Мельникъ. Ну, такъ вѣкъ не найдутся.

Филимонъ. Эдакое моё горе!

Мельникъ. Постой ещё. Подай-ка мнѣ свою руку! *(Филимонъ кажетъ руку, а мельникъ водитъ на ладони пальцемъ.)* Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердцѣ кручина пала...

Филимонъ *(особливо).* Какъ сказали объ нёмъ, такъ и подлинно, што онъ всё подноготное узнаётъ!

Мельникъ. Погляди-ка сюда пряменько! Што-то есть у тебя на мысли?

Филимонъ. Охъ, старинушка, есть, да боюсь молвить!

Мельникъ. Не бось, не бось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу: авось-либо въ чёмъ и пособить можно.

Филимонъ. Нѣтъ, дѣдушка, кажется несбыточное дѣло, и статца-то этому не можно.

Мельникъ. Не болтай пустова.

Филимонъ

(на голосъ: «Западала путь-дороженька моя»).

Я повѣдаю тоску печаль ему,
Отъ чего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожище
И мнѣ стался быть дружище:
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю.

Мельникъ. Не утай, не утай ничего; а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ. Ну, инъ быть такъ, правду молвить. Я прибрёлъ-было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ. Я задумалъ, добрый молодецъ, жениться — и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя: отецъ и мать ея другъ съ другомъ не согласны. Старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья, а выдана въ крестьянство по неволѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка. И за то-то мужъ съ женою и хлопочутъ.

Мельникъ. О! о! это плёвое дѣло. Я смекнулъ какъ быть этому: дѣвка будетъ наша. Что за работу?

Филимонъ. Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

Мельникъ. Ну-тка по рукамъ — ладно.

(Поетъ на голосъ: «Вы, рѣченьки, рѣченьки».)

Не кручинься молодецъ!
Горю сдѣлаемъ конецъ:
Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ.
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимонъ.

О томъ, дѣдушка, ни слова:
Будетъ рожь тебѣ готова.
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

Мельникъ.

Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ вѣкъ не буду!

Филимонъ.

Чудеса ты всё творишь:
Какъ рублёмъ меня даришь.

Мельникъ.

Мы пойдёмъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться.

Филимонъ.

Пойдёмъ къ дѣлу поспѣвать.

Мельникъ.

Пойдёмъ свадьбу затѣвать.

Оба.

А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И придтить повеселѣя,
Такъ зайдёмъ мы въ кабачёкъ,
Тяпнемъ тамъ винца крючёкъ.

И. И. ХЕМНИЦЕРЪ.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, знаменитѣйшій изъ русскихъ баснописцевъ прошлаго вѣка, родился 5-го января 1745 года, въ Енотаевскѣ, Астраханской губерніи, основанномъ только за три года предъ тѣмъ, въ 140 верстахъ отъ Астрахани. Замѣчая въ ребёнкѣ большую любознательность, при тихомъ и меланхолическомъ нравѣ, отецъ рано сталъ его знакомить съ азбукою, а потомъ съ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, а также и съ первыми правилами ариѳметики. За тѣмъ мальчика отдали въ ученье къ пастору Нейбауеру, у котораго молодой Хемницеръ оказалъ большіе успѣхи и на шестомъ году уже былъ переведёнъ въ синтаксическій классъ. Что же касается русскаго языка и математики, то оба эти предмета преподавалъ ему знакомый инженерный офицеръ. Въ 1755 году семейство Хемницера переѣхало въ Петербургъ, гдѣ, годъ спустя, отецъ помѣстилъ его къ учителю латинскаго языка при медицинскомъ училищѣ, основанномъ Петромъ Великимъ и послужившимъ, впослѣдствіи, разсадникомъ для учреждённаго Екатериной II медико-хирургическаго института. За тѣмъ, 27-го іюня 1757 года, Хемницеръ, которому не было ещё тринадцати лѣтъ, вопреки желанію отца, поступилъ рядовымъ въ Нотебургскій пѣхотный полкъ, съ которымъ сдѣлалъ всю кампанію 1759 года, упорно длившейся тогда войны съ пруссаками, получившей впослѣдствіи громкое названіе семилѣтней, въ продолженіи которой былъ произведёнъ въ сержанты и, наконецъ, въ прапорщики, а незадолго до восшествія на престолъ Екатерины II назначенъ адъютантомъ къ

генералу Остерману. Прослуживъ двѣнадцать лѣтъ въ военной службѣ, Хемницеръ вышелъ въ отставку, и около 1770 года мы уже видимъ его на службѣ при Горномъ училищѣ. Это новое мѣсто Хемницеръ получилъ по ходатайству своего друга, Н. А. Львова, извѣстнаго въ то время литератора и родственника М. Ѳ. Соймонова, тогдашняго главнаго начальника горнаго управленія въ Россіи. Благодаря предстательству Львова, Хемницеръ нашолъ въ Соймоновѣ добраго начальника и покровителя, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ, а въ 1776 году совершилъ съ нимъ поѣздку за границу, продолжавшуюся болѣе года.

Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Хемницера — была весьма плохая ода: «На взятіе крѣпости Журжи», появившаяся въ 1770 году въ однomъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Не смотря на всю свою незначительность, ода эта послужила поводомъ къ знакомству его съ Львовымъ, которое вскорѣ превратилось въ самую горячую дружбу. Въ 1774 году Хемницеръ напечаталъ свой стихотворный переводъ героиды Дорà: «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы», и посвятилъ этотъ трудъ Львову, называя его «любезнымъ другомъ». По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Хемницеръ во многомъ измѣнился: началъ пудриться и обращать большое вниманіе на свою одежду, хлопоча о томъ, чтобы она соотвѣтствовала модѣ; утра проводилъ на службѣ, вечера — въ обществѣ; всё же остальное время посвящалъ литературѣ, руководствуясь совѣтами Державина, благодаря которымъ онъ вскорѣ вступилъ на путь самостоятельнаго труда. Впрочемъ, занятія поэзіей не мѣшали его учонымъ занятіямъ по части горнаго дѣла. Въ 1778 году онъ напечаталъ свой переводъ сочиненія академика Лемана, подъ заглавіемъ: «Кобальтословіе, или описаніе красильнаго кобальта», а въ слѣдующихъ годахъ появилось въ печати нѣсколько переводныхъ сочиненій, также по части металлургіи, просмотрѣнныхъ и исправленныхъ Хемницеромъ, носившимъ уже въ это время званіе оберъ-бергмейстера.

Первое собраніе басенъ Хемницера, подъ заглавіемъ «Басни и сказки N. N», безъ означенія года изданія, вышло въ 1779 года въ Петербургѣ; но современники, не смотря на очевидныя достоинства, заключавшіяся въ нихъ, не обратили вниманія на произведенія неизвѣстнаго сочинителя и продолжали восхищаться притчами Сумарокова, считавшимися въ то время образцовыми. Прошло сто лѣтъ — и взгляды совершенно измѣнились: басни Хемницера до-сихъ-поръ не утратили своего достоинства и составляютъ принадлежность всякой «Христоматіи», тогда-какъ притчей Сумарокова никто уже не читаетъ.

Между-тѣмъ въ горномъ вѣдомствѣ произошли перемѣны, вслѣдствіе которыхъ Соймоновъ отказался отъ занимаемой имъ должности. Хемницеръ, не желавшій продолжать службу подъ начальствомъ другого директора, послѣдовалъ его примѣру — и въ 1781 году былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Но не имѣя никакого состоянія, онъ вынужденъ былъ въ скоромъ времени искать новой службы. Благодаря ходатайству Львова, графъ Безбородко обѣщалъ пристроить Хемницера — и дѣйствительно въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Смирну. Грустно простился Хемницеръ съ друзьями и отечествомъ, какъ-будто предчувствуя, что ему не вернуться и не свидѣться съ ними — и въ іюнѣ 1782 года выѣхалъ изъ Петербурга. Перемѣна климата и совершенное одиночество сильно подѣйствовали на здоровье и воображеніе хилаго и нервнаго поэта: онъ сталъ тосковать; душевныя страданья довершили разстройство физическихъ силъ, и 20-го марта 1784 года — Хемницера не стало. Тѣло Хемницера было привезено въ Россію и похоронено въ Николаевѣ. На плитѣ, покрывающей могилу поэта, высѣчены слѣдующіе два стиха, сочинённые самимъ покойнымъ поэтомъ:

> Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
> И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Главное достоинство басенъ Хемницера — простота и естественность разказа. Не надо забывать, что у нашего баснописца не было другого предшественника, кромѣ Сумарокова, и что онъ выступилъ на литературное поприще за цѣлое десятилѣтіе до извѣстности Карамзина и когда ещё не было ни «Душеньки» Богдановича, ни «Недоросля» Фонвизина. Также не должно упрекать его въ недостаткахъ стиха и бѣдности риѳмъ: довольно того, что онъ побѣдилъ трудности языка и выработалъ такой слогъ, какого не имѣлъ ни одинъ современный ему писатель и который до-сихъ-поръ, по прошествіи почти ста лѣтъ, поражаетъ насъ своею правильностью и благозвучностью. Наконецъ, самый стихъ Хемницера, не смотря на свои наглагольныя риѳмы, укладывается у него непринуждённо, не подвергаясь искусственной перестановкѣ словъ.

Второе изданіе басенъ Хемницера вышло также въ Петербургѣ, въ 1782 году, незадолго до отъѣз-

да автора въ Смирну. Третье изданіе, подъ заглавіемъ: «Басни и сказки Н. И. Хемницера», вышло въ 1799 году въ Петербургѣ же. Напечатанное по распоряженію его друга Львова, оно полнѣе предъидущихъ и украшено виньетками, работы Оленина, и силуэтомъ автора. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, изданія басенъ Хемницера быстро слѣдовали одно за другимъ, и въ настоящее время ихъ насчитывается до пятнадцати. Цифра эта краснорѣчивѣе всевозможныхъ рекламъ и рецензій выражаетъ то значеніе, какимъ уважаемое имя Хемницера до нынѣ продолжаетъ пользоваться, какъ въ исторіи русской литературы, такъ и въ кругу русской читающей публики.

I.

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что зá море дѣтей учиться посылаютъ
И что того, кто зá моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ, чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину зà море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался нà руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А нà вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, съ глупости онъ пó-просту болталъ,
Теперь всё свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньёмъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи
«Сыскать начало всѣхъ началъ»,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился верёвку принести —
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А думный между-тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...»
Отецъ съ верёвкой прибѣжалъ:
«Вотъ — говоритъ — тебѣ верёвка: ухватися!
Я потащу тебя, держися!»
—«Нѣтъ, погоди тащить! скажи мнѣ напередъ»,
Понёсъ студентъ обычный бредъ:
«Верёвка вещь какая?»
Отецъ его былъ не учонъ,
Но разсудителенъ, умёнъ.
Вопросъ учоный оставляя:
«Верёвка вещь — ему отвѣтствовалъ — такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадётъ».
— «На это-бъ выдумать орудіе другое»,
Учоный всё своё несётъ:
«А это что такое —
Верёвка?... вервіе простое!»
«Да время надобно!» отецъ ему на тò:
«А это хоть не ново,
Да, благо, ужь готово.»
— «А время что?...»
— «А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди», сказалъ отецъ, «пока приду опять».

Что, еслибы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?
Да яма надобна большая!

II.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюхòвъ
И кто бы нѝ былъ ты таковъ —
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождётся,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдаётся.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,

Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ-быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ,
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое иль «да» иль «нѣтъ».
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдётъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался —
Сказать нельзя какой пріёмъ!
Всѣ встали передъ богачёмъ,
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Зачѣмъ», онъ говоритъ ему:
«Достоинствамъ, уму
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
—«Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ.»

III.

ДВА СОСѢДА.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ;
И каждый день намъ тожь примѣрами твердитъ.
Какъ можно, не вплетаться въ споры;
А если и дойдётъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать сначала ихъ,
И лучше до суда хотя ни съ чѣмъ мириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла
И тамъ бѣдъ пропасть накутила:
Гряду изрыла.
Встревожился весь домъ —
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
«Собакъ, собакъ сюда!» домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали
И ну свинью травить,
Швырять въ неё, гонять и бить:
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили,
Полѣньями её, метлами, кочергой,
Тотъ шапкою швыркомъ, другой её ногой
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что наконецъ свинью убили
(Охотники тѣ люди были).
Сосѣди въ тяжбу межъ собой:
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнёмъ другъ на̀ друга сосѣди дышатъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой же, что свинью его въ нёмъ затравили;
И первый говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.»
Другой же говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня свинью мою ты затравилъ.»
Хоть виноваты оба были,
Но кстати-ль, чтобъ они другъ другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно, суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали:
Не стало ни кола у йстцевъ, ни двора.
Тогда судьи имъ говорили:
«Мы дѣло ваше ужь рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.»

IV.

ДРУЗЬЯ.

Давно я зналъ и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ ни кого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ лёдъ переѣзжать —
И возъ его сквозь лёдъ, къ несчастью, провалился.

Мужикъ — метаться и кричать:
«Ой, батюшки, тону, тону! ой, помогите!»
— «Ребята, что же вы стоите?
Поможемъ-те!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
— «Поможемъ!» каждый подтвердилъ.
Но къ возу между-тѣмъ никто не подходилъ.
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись;
Другъ друга братомъ всякъ зовётъ —
А братній возъ ко дну идётъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались
И вытащили возъ на лёдъ.

Я. Б. КНЯЖНИНЪ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ родился 3-го октября 1742 года въ Псковѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ своего отца, и продолжалъ его въ Петербургѣ, подъ надзоромъ профессора Модераха. Здѣсь выучился онъ языкамъ французскому, нѣмецкому и итальянскому, и началъ писать стихи. Окончивъ воспитаніе, Княжнинъ поступилъ на службу въ Иностранную коллегію, откуда вскорѣ перешолъ въ Контору строенія домовъ и садовъ. За тѣмъ онъ оставляетъ гражданскую службу и переходитъ въ военную — капитаномъ, съ назначеніемъ адъютантомъ въ штабъ графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго. Около этого времени, то-есть въ 1769 году, онъ написалъ свою первую трагедію «Дидона», обратившую на него вниманіе императрицы Екатерины. Потомъ отправился въ Москву, познакомился съ Сумароковымъ, причёмъ поднёсъ ему свою «Дидону», сдѣлался его другомъ и впослѣдствіи женился на его дочери, Екатеринѣ Александровнѣ. Около 1773 года какія-то огорченія заставили его выйти въ отставку, послѣ чего онъ уединился въ своёмъ семействѣ и занялся исключительно литературой. Это удаленіе отъ службы продолжалось около восьми лѣтъ, послѣ чего онъ получилъ мѣсто секретаря при знаменитомъ Бецкомъ. Впрочемъ, занятія по канцеляріи не препятствовали ему работать для театра. Въ 1784 году была окончена имъ и поставлена на сцену новая трагедія «Рославъ», утвердившая окончательно его славу при Дворѣ и въ Петербургѣ. Тогда онъ пересталъ уединяться, а вскорѣ и самъ началъ жить открыто. Но и среди свѣтскихъ развлеченій онъ находилъ время трудиться для «Собесѣдника», журнала благоволившей къ нему императрицы, работать для Россійской Академіи и говорить рѣчи на ея засѣданіяхъ, писать по порученію государыни трагедіи, какъ, напримѣръ, «Титово милосердіе» (1785), давать уроки русской словесности въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ и сочинять стихи на случаи. Въ 1787 году онъ издалъ свои сочиненія въ четырёхъ томахъ и посвятилъ ихъ Екатеринѣ II, которой былъ преданъ всѣмъ сердцемъ. Кромѣ упомянутыхъ нами выше, Княжнинымъ написаны были ещё слѣдующія драматическія произведенія: трагедіи — «Владиміръ и Ярополкъ» (1772), «Софонизба» (1786), «Владисанъ» (1786) и «Вадимъ Новгородскій» (1789), комедіи — «Хвастунъ», «Неудачный примиритель», «Трауръ» и «Чудаки», оперы — «Несчастіе отъ кареты», «Сбитеньщикъ», «Скупой», «Орфей», «Притворно-сумасшедшая» и «Мужья — женихи своихъ жонъ». Послѣднія двѣ комедіи и послѣдняя опера были напечатаны уже послѣ смерти Княжнина. Кромѣ того, ему приписываютъ напечатанныя въ 1779 году переложенія бѣлыми стихами «Сида», «Помпеевой смерти» и «Цинны» Корнеля. Бѣлыми же стихами перевёлъ онъ «Генріаду» Вольтера (1777) и прозой — романъ «Графъ Коменджъ» (1771). Послѣдняя изъ трагедій Княжнина, «Вадимъ Новгородскій», написанная имъ въ 1789 году, то-есть въ годъ начала французской революціи, и не поставленная на сцену по ея *несовременности*, была напечатана, по распоряженію княгини Дашковой, въ 1793 году, отдѣльною книгой и въ 39 части «Россійскаго Ѳеатра» — и это напечатаніе, совпавшее съ разгаромъ французской революціи, было причиною большихъ непріятностей, какъ для княгини, такъ и для вдовы и дѣтей покойнаго Княжнина. Книга была признана вредною; по словамъ митрополита Евгенія, она показалась *набатомъ*. Сначала её предполагалось сжечь *рукою палача*, но, подумавъ хорошенько, ограничились уничтоженіемъ оставшихся въ кладовой Академіи экземпляровъ и вырѣзаньемъ пьесы изъ «Россійскаго Ѳеатра». Княжнинъ былъ членомъ Россійской Академіи и участвовалъ въ сочиненіи «Россійско-Академическаго Словаря». Онъ скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни 14-го января 1791 года въ Петербургѣ. «Сочиненія Якова Княжнина» имѣли четыре изданія: первое — 4 тома, Спб. 1787; второе — 5 томовъ, М.

1802—1803; третье — 5 томовъ, Спб. 1817—1818, и четвёртое (Смирдинское) 2 тома, Спб. 1847—1848.

I.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ: «ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ II.

Вадимъ, Пренестъ *и* Вигоръ.

Вадимъ.

Иль Рюрикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ — разить?

Пренестъ.

Мы алчемъ въ слѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить,
Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
Но хоть усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
Однако способовъ ещё къ тому не зритъ.
Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
Коль должно умереть — мы умереть готовы;
Но чтобы наша смерть не тщетная отъ зла
Спасти отечество любезное могла,
И, чтобы узы рвать стремяся мы въ неволѣ,
Не отягчили бы сихъ узъ ешё и болѣ!
Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать —
И боги случай намъ удобный могутъ дать.

Вадимъ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги дали намъ свободу возвратить:
И сердце — чтобъ дерзать, и руки — чтобъ разить!
Ихъ помощь въ насъ самихъ: какой ещё хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите,
А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
О, рокъ! Отечества три лѣта отлучённый,
За славою его побѣдой увлечённый,
Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся, свергаю гордость въ прахъ;
Я подвиговъ моихъ плоды несу народу:
Чтожь вижу здѣсь? вельможъ, утратившихъ свободу,
Во подлой робости согбенныхъ предъ царёмъ
И лобызающихъ подъ скиптромъ свой ярёмъ.
Скажите: какъ вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить —
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

Вигоръ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью!

Вадимъ.

Не словомъ доказать то должно бъ — вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или отечество быть можетъ у рабовъ?

Вигоръ.

Имѣя праведно духъ грустью огорчённый,
Напрасно, противъ насъ ты гнѣвомъ омрачённый,
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.
Жилище тишины преобразилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась,
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ сограждан воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ, ты спасенія не зрѣлъ!
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И, плача не о нихъ — о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рюрика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечомъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнурёнъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озарёнъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но, отходя къ богамъ, чтя Рюрика геройство,
Народу завѣщалъ — да сохранитъ онъ власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

Вадимъ.

Владыкой! Рюрика! — кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что́ дѣлалъ онъ для насъ?
Онъ долгъ платилъ! Но коль его благодѣянья
Казалися вамъ быть достойны воздаянья —
Иль должно было вамъ свободою платить
И рабство ваше въ даръ заслугѣ положить?
О! души низкія, падущія предъ рокомъ,
И увлекаемы случайности потокомъ —
Ахъ, еслибъ вы себя умѣли почитать!
Блаженъ бы Рюрикъ былъ, когда бъ возмогъ онъ стать,
Въ порфирѣ облечёнъ, гражданамъ нашимъ равенъ;
Великимъ титломъ симъ между царей всѣхъ славенъ,

Сей честью былъ бы онъ съ избыткомъ награждёнъ.
Гласите: Гостомыслъ, геройствомъ убѣждёнъ,
Вамъ узы завѣщалъ, чтобъ кончить ваше бѣдство.
Иль вольность согражданъ была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ дать,
Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ III.

Рюрикъ, Вадимъ *и народъ*.

Рюрикъ *(Вадиму)*.

Желалъ ли я вѣнца — ты вѣдаешь то самъ!
Я нёсъ не для себя спасенье симъ странамъ...
Искалъ ли власти я, отъ коей отрицался,
И можетъ ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
Иль славы прида̀лъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣдъ — превыше тотъ царей,
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
Но согражда̀нъ твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили — ихъ счастья не лишить.
Начавъ благотворить — былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?
Вы вольны, счастливы — стонаю только я.
Который гражданинъ, хранящій добродѣтель,
Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель?
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнялъ ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
За-то — щедротою моею утѣшалъ.
Скажите — истину ль, гражда́не, я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,
Страшился слабостей подъ бременемъ упасть;
И прихоть гордости я долгомъ удручая,
Нёсъ иго скипетра, себя не примѣчая.

II.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ХВАСТУНЪ».

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ VI.

Верхолетъ *со скороходами, лакеями и прочими*, Честонъ, Чванкина *и* Полистъ.

Верхолетъ.

Со мною встрѣтиться — и шляпы не подвинуть!
За это должно бы его съ крыльца мнѣ скинуть.

Чванкина.

А кто осмѣлился, сіятельнѣйшій зять,
Такія грубости предъ вами показать?
Какой-нибудь дуракъ, невѣжа и скотина!

Верхолетъ.

Замиръ, сударыня!

Чванкина *(испугавшись)*.

Я, право, не причина.

Честонъ.

Что будетъ далѣе! Но только этотъ графъ,
Какъ кажется, однимъ своимъ нахальствомъ правъ.

Верхолетъ *(Честону)*.

Подумайте, сударь! Извѣстно вамъ то буди!
И графы и князья, всѣ, словомъ, знатны люди,
То вѣдая, кто я, почтенье кажутъ мнѣ.
Всей здѣшней, думаю, извѣстно сторонѣ...
Да что! извѣстно то̀ въ мѣстахъ и дальнихъ свѣта,
Какъ должно почитать всѣмъ графа Верхолета;
А мальчикъ...

Честонъ.

Можетъ-быть, онъ васъ и не узналъ.

Верхолетъ *(хохочетъ)*.

Вотъ что смѣшно! не знать меня?

Чванкина.

Нѣтъ, онъ нахалъ,
Мальчишка! *(На ухо Честону.)* Не сердись; ужь должно тутъ браниться,
Коль знатный господинъ изволитъ разсердиться.

Честонъ *(на ухо Чванкиной)*.

Я знатности слуга, и знатнымъ я не чту,
Кто....

Чванкина.

Развѣ виснетъ брань кому на вороту?
Иль сына твоего онъ этимъ поубавитъ?
Изволилъ побранить, а послѣ не оставитъ.

Верхолетъ.

Не знаю, отчего такой молокососъ
Возмогъ осмѣлиться предъ графомъ вздёрнуть носъ?
Иль, бывъ соперникъ мой, онъ равенъ мнѣ быть мыслитъ?

Честонъ.

Онъ васъ достойнѣе себя Милены числитъ.

Верхолетъ.

Я это думаю.

Чванкина.

Милена и сама
И спитъ и видитъ, чтобъ...

Верхолетъ

Она не безъ ума.

Чванкина.

И всё ужь сдѣлаетъ, когда ей растолкуютъ:
Она вѣдь знаетъ тó, гдѣ раки-то зимуютъ.

Верхолетъ.

И графа, думаю, мальчишкѣ предпочтётъ. *(Честону.)*
Но дерзость мнѣ, сударь, его съ ума нейдётъ.
Вотъ такъ-то молодость и счастіе теряетъ,
Когда такихъ уже, какъ я, не почитаетъ.
Я, можетъ, тѣмъ его немного огорчилъ,
Что сердце отъ него Милены отлучилъ;
Но было у меня ему во утѣшенье
За-то уже совсѣмъ готово награжденье.
Когда бы не таковъ онъ былъ и грубъ и рьянъ,
То былъ бы гвардіи онъ завтра капитанъ.

Честонъ.

Того не надобно: пусть въ арміи послужитъ.

Верхолетъ.

Изрядно сказано! Пускай его потужитъ,
Пускай научится, какъ графовъ почитать.
И лучше бы отецъ его не могъ сказать...
Но кто его отецъ?

Чванкина.

Его онъ ожидаетъ.

Верхолетъ.

Для свадьбы, слышалъ я. Напрасно прогуляетъ
Путь дальній старичёкъ; его мнѣ очень жаль.

Честонъ.

Отцу увидѣться со сыномъ не печаль,
И вѣрьте, что ему не будетъ то досадно...

Верхолетъ.

Что у меня со всѣхъ сторонъ съ Миленой ладно,
Не правда ли? И такъ, умнѣе сына онъ?
А какъ его зовутъ?

Честонъ.

Зовутъ его Честонъ.

Чванкина.

Пречестный старичёкъ! и онъ сюда не будетъ...
(Честону.) Прошенья моего Честонъ не позабудетъ?

Честонъ *(на ухо Чванкиной).*

Докуда можно мнѣ.

Верхолетъ.

Гдѣ служитъ онъ и чѣмъ?

Чванкина.

Дѣлами такъ вертитъ, какъ-будто бы мячемъ.
Такой учтивецъ онъ! такой ко всѣмъ привѣтникъ!
И въ городѣ у насъ коллежскій онъ совѣтникъ.
За-то отъ всѣхъ почтёнъ онъ въ нашей сторонѣ.

Верхолетъ.

Честонъ? совѣтникъ? Ба! да онъ извѣстенъ мнѣ.
За чиномъ долго здѣсь у знатныхъ волочился —
Ни что не помогло; но я уже вступился...

Честонъ.

Такъ долженъ васъ Честонъ за чинъ благодарить?

Верхолетъ.

Кого жь? неужто васъ? коль смѣю я спросить.

Честонъ *(въ сторону).*

Безстыднѣйшій хвастунъ!

Верхолетъ.

Когда неймёте вѣры,
Откройте только мнѣ желаній вашихъ мѣры —
Въ минуту сдѣлано и я служить вамъ радъ.

Честонъ.

На просьбы я, сударь, не много туговатъ.

Верхолетъ.

Да безъ меня нельзя жь вамъ будетъ обойтиться:
Пришло бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону возвратиться,
Напрасно время здѣсь и трудъ свой погубя.

Честонъ.

Да знаете ли вы его?

Верхолетъ.

Какъ самъ себя.
И этотъ батюшка любовника Милены
Въ передней у меня потёръ спиною стѣны —
Не правда ли, Полистъ? Вамъ скажетъ секретарь.

Полистъ.

Безплодно потоптавъ онъ крыльца здѣшнихъ баръ,
Которые ему совсѣмъ ужь отказали,
Знать, невозможностью дать чинъ ему считали,
Не помню, у меня какъ случай онъ нашолъ —
И я его тотчасъ, чрезъ графа, произвёлъ.

Честонъ.

Божуся вамъ, что вы не знаете Честона.

Верхолетъ.

Не знать его, сударь, мнѣ не было бъ урона;
Но если я его вамъ живо опишу,
Со мной объ этомъ споръ я разомъ утишу.

Чванкина *(Честону на ухо).*

Не спорь, отецъ мой, съ нимъ: онъ, знаешь, баринъ знатный.

Честонъ *(на ухо Чванкиной).*

Онъ дерзкій человѣкъ, хвастунъ, шалунъ развратный!

Чванкина *(заткнувъ уши).*

Не слышу я.

Верхолетъ.

Что тамъ вамъ смѣютъ говорить?

Чванкина *(съ трусостью).*

Нѣтъ, право ничего: изволитъ васъ хвалить.

Верхолетъ.

Да почему же тò быть можетъ непонятно,
Что мнѣ Честонъ знакóмъ?

Честонъ.

Мнѣ то невѣроятно
По слуху одному, который говоритъ,
Что, честно онъ служа, въ переднихъ не стоитъ,
Что онъ чрезъ подлости достоинствъ не ловитель,
Что баринъ — честь его, а служба — покровитель,
Что молвить за себя не проситъ онъ словца;
А, впрочемъ, я его не знаю и лица.

Верхолетъ.

Такъ я жь вамъ сдѣлаю его изображенье:
Лицо широкое его, какъ «Уложенье»,
Одѣто въ красненькій сафьянный переплётъ:
Не вѣрю я тому, но, кажется, онъ пьётъ;
Хоть сѣдъ отъ старости, но бодръ ещё довольно...

Честонъ.

А я вотъ слышалъ такъ, что говоритъ онъ вольно,
И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволитъ врать.
Онъ сухъ, лицо его ни мало не широко,
И хвастуновъ его далёко видитъ око;
А впрочемъ онъ во всёмъ походитъ на меня;
Но чтобы всё сказать: Честонъ, сударь, самъ я.

Верхолетъ.

Какое же враньё, какая дерзость эта!
Ну, кстати ль, старичёкъ, въ твои почтенны лѣта
Лгать нагло...

Чванкина.

Подлинно!

Честонъ.

Нѣтъ, вамъ, когда вы графъ,
Не стыдно ль, честности, сударь, презрѣвъ уставъ,
Который вамъ хранить...

Верхолетъ.

Я васъ не разумѣю.

Честонъ.

Поди, сударь, поди: я вмѣсто васъ краснѣю.
А вы...

Верхолетъ.

Полистъ, ужель всѣ письма къ королямъ...

Полистъ.

Готовы всѣ, сударь.

Честонъ *(къ Чванкиной).*

А вы? Не стыдно ль вамъ,
Когда при васъ меня увѣрить въ томъ дерзаютъ,
Что я — не я; когда притомъ меня ругаютъ,
А вы, сударыня, молчаніе храня...

Чванкина.

Охъ, Боже мой! на что ссылаться на меня?
Честонъ ли ты, иль нѣтъ — я этого не знаю;
Угодно графу такъ — я такъ и почитаю.

Честонъ.

Какъ! столько подлости вы можете имѣть,
Чтобъ уличить его въ толь видной лжи не смѣть?
И бывъ знакомы мнѣ, сударыня, такъ близко,
Хотите потакать, и потакать такъ низко?
Не графъ, повѣрьте мнѣ — хвастунъ престрашный
онъ;
И это правда такъ, какъ то̀, что я Честонъ.

Чванкина.

Такъ что жь, что ты Честонъ? Хоть знаю, да не вѣрю.

Верхолетъ

(съ видомъ насмѣшливымъ и презрительнымъ).

О, нѣтъ, нѣтъ, что я графъ, я въ этомъ лицемѣрю!
Не графъ я, а такой вотъ точно дворянинъ,
И тёмный и простой, какъ этотъ господинъ.

Честонъ.

Повѣрьте, быть такимъ желаю вамъ не ложно.

Верхолетъ *(съ насмѣшкой).*

О, много чести мнѣ, мнѣ въ томъ признаться должно.
(Къ Чванкиной.)
А впрочемъ, пусть по мнѣ онъ будетъ то̀, что онъ;
Да въ свѣтѣ только ли, что онъ одинъ Честонъ?
Что чиномъ одолжилъ Честона я безмѣрно,
Я это вѣдаю и знаю очень вѣрно.

Честонъ.

Такъ я вамъ изъясню...

Верхолетъ.

Того-то не терплю;
И изъясненій я ни мало не люблю. *(Къ Чванкиной.)*
Вы видите ль, что сталъ теперь онъ признаваться,
И съ благодарностью ужь хочетъ унижаться?
Но благодарности стараюсь избѣгать;
Я не для этого желаю одолжать.

Чванкина.

Какой безстыдникъ онъ!

Верхолетъ.

То правда, что безстыденъ;
И онъ, какъ въ зеркалѣ, въ своёмъ Замирѣ видѣнъ,
Который подло такъ Милену клеветалъ.

Честонъ.

Не правда! и мой сынъ...

Чванкина.

Бездѣльникъ и нахалъ!

Верхолетъ *(Чванкиной).*

Пойдёмъ, ужь онъ опять бѣситься начинаетъ.
(Къ Честону отходя.)
О вашихъ дуростяхъ сегодня жь Дворъ узнаетъ.
Прости!

Чванкина *(къ Честону, отходя).*
Не знаешь, какъ онъ силенъ у Двора!
Пропалъ ты — и навѣкъ.

Честонъ.
Убила ты бобра!

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ, величайшій изъ русскихъ лириковъ, пѣвецъ «Бога» и «Фелицы», родился въ Казани 3-го іюля 1743 года. 13-е число этого мѣсяца — есть день архангела Гавріила, и новорождённому дали при крещеніи это имя. Раннее дѣтство Державина прошло въ скитаньяхъ по городамъ восточной Россіи. Ему не исполнилось ещё и году, когда его родители должны были переселиться, вмѣстѣ съ нимъ, въ Яранскъ, Вятской губерніи, а потомъ въ Ставрополь, Саратовской, и, наконецъ, въ 1749 году въ Оренбургъ. Хотя есть извѣстіе, что маленькій Державинъ умѣлъ уже читать на четвёртомъ году, но оффиціальное воспитаніе его началось позже, именно — въ Оренбургѣ, когда ему было семь лѣтъ. Первымъ наставникомъ его былъ каторжный изъ нѣмцевъ, Іосифъ Розе, совершенный невѣжда и негодяй. Всё, что пріобрѣлъ отъ него ребёнокъ въ теченіе четырёхлѣтняго ученія, это — довольно-слабое умѣнье писать, читать и говорить по-нѣмецки. По смерти мужа, вдова Державина переселилась со всѣмъ семействомъ въ Казань, а сына, въ ожиданіи открытія гимназіи, отдала, для обученія ариѳметикѣ и геометріи, артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву. Чтò дѣлалъ Державинъ въ теченіе слѣдующихъ четырёхъ лѣтъ: ограничивались ли всѣ его занятія уроками у Полетаева, или онъ учился ещё чему-нибудь и у кого-нибудь? — объ этомъ ничего не говорится въ «Запискахъ». Наконецъ, 21-го января 1759 года Казанская гимназія была открыта — и Державинъ вступилъ въ число ея воспитанниковъ. Но и тутъ пробылъ онъ всего три года. Не окончивъ и скуднаго своего воспитанія, онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, такъ-какъ въ началѣ 1762 года пришло въ Казанскую гимназію требованіе, чтобы онъ немедленно явился въ Преображенскій полкъ, куда онъ былъ записанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. По пріѣздѣ въ столицу, онъ немедленно зачисленъ былъ на дѣйствительную службу и 28-го іюня того же года, въ день вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, стоялъ уже на часахъ въ Зимнемъ дворцѣ. Вотъ какъ описываетъ самъ Державинъ своё житьё-бытьё въ первый годъ своего пребыванія въ Петербургѣ: «Поступивъ на настоящую службу, жилъ я въ казармѣ, между многими женатыми и холостыми. По тѣснотѣ, неудобно мнѣ было заниматься ни музыкою, ни рисованьемъ. Оставивъ сіи искусства, занимался я безпрестанно, когда другіе спали, чтеніемъ книгъ, кои въ Петербургѣ удобнѣе было доставать; также писаньемъ для разныхъ людей писемъ, а иногда стиховъ на разные случаи, единственно для себя. Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредіаковскаго, а въ выраженіяхъ и словахъ старался подражать Ломоносову, но, не имѣя подобнаго ему таланта, въ томъ не успѣвалъ.» Эта необыкновенная скромность и неувѣренность въ себѣ были всегда отличительными чертами характера Державина, какъ мы увидимъ это изъ дальнѣйшей исторіи его жизни. Такимъ образомъ, промаялся онъ цѣлыя семь лѣтъ, то-есть до производства въ первый офицерскій чинъ. Съ перемѣной общественнаго положенія, у Державина оказалось столько свободнаго времени, что онъ могъ посвятить нѣкоторую его часть на изученіе нѣмецкаго языка, и съ этою цѣлью сталъ переводить произведенія Клейста, Гагедорна и другихъ. Благодаря своимъ занятіямъ, Державинъ вскорѣ прослылъ грамотѣемъ, слѣдствіемъ чего было его знакомство съ Херасковымъ, Хемницеромъ, директоромъ Академіи Наукъ Домашневымъ и другими; но, тѣмъ не менѣе, онъ ещё не пользовался извѣстностью, какъ литераторъ. Сочиненія свои онъ бóльшею частью истреблялъ, а если чтó и оставлялъ, то показывалъ ихъ только изрѣдка своимъ ближайшимъ друзьямъ. Однако, не смотря на всё недовѣріе къ своимъ силамъ, онъ принялся около этого времени за переводъ «Мессіады» Клопштока, и перевёлъ уже двѣ пѣсни изъ этой поэмы, когда Домашневъ, выпросивъ у него переводъ для прочтенія, потерялъ его и тѣмъ лишилъ Державина возможности и охоты продолжать свой трудъ. Въ это же время были напечатаны, тайкомъ отъ него, въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, нѣкоторыя его стихотворенія, въ томъ числѣ «Посланіе Вавилы къ Кавку» Овидія, чѣмъ авторъ, однако, остался не совсѣмъ доволенъ.

Вскорѣ обстоятельства измѣняются — и въ 1773 году мы уже видимъ Державина въ приволжскихъ степяхъ, куда онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ генераломъ Бибиковымъ, назначеннымъ для дѣйствій противъ Пугачёва. Здѣсь Державинъ заживаетъ настоящею

жизнью воина: вихремъ переносится изъ одной губерніи въ другую, проводитъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ и исполняетъ удачно возлагаемыя на него порученія. Онъ разбиваетъ большое скопище мятежниковъ, готовившихся вторгнуться по рѣкѣ Иргизу во внутреннія губерніи Имперіи, защищаетъ саратовскія луговыя колоніи отъ разграбленія ихъ киргизъ-кайсаками и, послѣ удачнаго сраженія съ ними, освобождаетъ болѣе тысячи семей, захваченныхъ мятежниками. Наградою Державина за оказанные имъ подвиги были — чинъ капитанъ-поручика и 300 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, а вскорѣ послѣ того и чинъ полковника арміи. Во время службы своей при Бибиковѣ, Державинъ писалъ много, а по возвращеніи въ Петербургъ издалъ книжку своихъ стихотвореній, назвавъ ихъ «Читалагайскими одами», по имени горы, около которой онъ жилъ довольно долго, во время своей экспедиціи. Большая часть этихъ одъ была заимствована у Фридриха Великаго; изъ оригинальныхъ же пьесъ только «Ода на знатность» встрѣтила общее одобреніе; что же касается остальныхъ, то они прошли почти незамѣченными.

Въ 1778 году Гавріилъ Романовичъ женился на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидоновой, воспѣтой имъ подъ именемъ Плѣниры, прелестной и доброй дѣвушкѣ, страстно полюбившей въ нёмъ поэта. Бракъ этотъ можно назвать вполнѣ счастливымъ. Она окружила поэта самою нѣжною заботливостью: любовь ея разсѣявала его постоянныя сомнѣнія въ собственныя силы, укрощала душевныя бури, которымъ онъ легко и часто предавался, и утѣшала въ горькіе дни служебныхъ передрягъ, которыя преслѣдовали поэта всюду въ теченіе всей жизни, благодаря его пылкому и прямому характеру. Между-тѣмъ Державину не очень счастливилось по службѣ: переведённый въ Сенатъ, онъ только черезъ пять лѣтъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1784 году, вслѣдствіе разныхъ непріятностей, былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Тогда, не стѣсняемый болѣе служебными занятіями, Державинъ отдался весь поэзіи. Ободряемый любовью жены и похвалами друзей, Львова, Капниста и другихъ, а также подкрѣпляемый ихъ добрыми совѣтами и наставленіями Баттё, Державинъ, подражавшій до того Ломоносову, сталъ мало-по-малу выходить на новую дорогу, которая, впослѣдствіи, прославила его имя и передала его потомству. Но и теперь Державинъ всё ещё относился скептически къ своимъ великимъ произведеніямъ, и, печатая ихъ въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ», никогда не подписывалъ подъ ними своего имени. Напрасно разсказывали ему о томъ впечатлѣніи, которое производили его безъимянныя стихотворенія въ обществѣ: поэтъ болѣе удивлялся, чѣмъ радовался этимъ извѣстіямъ. И это недовѣріе къ собственнымъ силамъ тѣмъ болѣе изумительно, что онъ въ это время уже былъ авторомъ такихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ: «На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока», «На смерть князя Мещерскаго», «Къ первому сосѣду», «Властителямъ и судьямъ» и другихъ. Но, наконецъ, геній Державина вспыхнулъ со всею силою, свойственною одному генію, и явился во всёмъ блескѣ своего величія передъ изумлённою публикою въ лучшемъ, быть-можетъ, произведеніи нашего великаго лирика — въ «Фелицѣ». Написанная въ 1782 году, по поводу выхода въ свѣтъ сказки императрицы Екатерины: «Царевичъ Хлоръ», и напечатанная друзьями поэта, безъ его вѣдома, въ «Собесѣдникѣ» графини Дашковой, «Фелица» была встрѣчена самыми восторженными похвалами и мгновенно пріобрѣла самую шумную извѣстность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и причиной множества непріятностей, обрушившихся на голову автора, по милости людей, считавшихъ себя задѣтыми въ названномъ стихотвореніи. Императрица Екатерина, прочитавъ «Фелицу», осталась очень довольна какъ ея содержаніемъ, такъ и формою, и подарила автору золотую табакерку въ 500 червонцевъ. Успѣхъ «Фелицы» ободрилъ Державина и поощрилъ его къ новымъ трудамъ. За «Фелицею» послѣдовала «Благодарность Фелицѣ», «Видѣніе Мурзы» и «Рѣшемыслу». Послѣднее стихотвореніе было написано Державинымъ съ цѣлью снискать расположеніе Потёмкина; но изъ этого ничего не вышло, и труды поэта пропали даромъ. Наконецъ, въ 1784 году, было напечатано въ «Собесѣдникѣ» знаменитѣйшее его произведеніе: ода «Богъ», упрочившая его славу и сдѣлавшая его имя извѣстнымъ во всѣхъ концахъ вселенной. Ода начата была имъ ещё въ 1780 году, по возвращеніи отъ заутрени свѣтлаго христова воскресенья; но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему окончить её. Наконецъ, весною 1784 года, онъ, по выходѣ въ отставку, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ свою оду, мысль о которой тревожила его въ теченіе почти четырёхъ лѣтъ. Ни одно изъ стихотвореній этого рода не имѣло такого громаднаго успѣха, какъ ода «Богъ». Она пріобрѣла всемірную извѣстность и

переведена по нѣскольку разъ на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Однихъ французскихъ переводовъ, по счету В. С. Полторацкаго, существуетъ болѣе пятнадцати, не считая прозаическаго перевода Жуковскаго, сдѣланнаго имъ въ 1799 году, когда онъ былъ ещё ученикомъ благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ.

Но Державинъ не долго пользовался независимостью своего положенія: императрица Екатерина, ровно черезъ четыре мѣсяца по выходѣ его въ отставку, по собственному побужденію опредѣлила его губернаторомъ въ Олонецкъ, гдѣ въ то время генералъ-губернаторствовалъ Тутолминъ, родственникъ князя Вяземскаго, бывшаго начальника Державина въ Сенатѣ, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ. Тутолминъ, на первыхъ же порахъ, не замедлилъ выказать своё расположеніе къ Державину, пославъ его открывать городъ Кемь, лежащій на берегу Бѣлаго моря. Гавріилъ Романовичъ безропотно, съ опасностью жизни, пробрался, черезъ непроходимыя болота и тундры, въ новый городъ и, по исполненіи возложеннаго на него порученія, возвратился въ Петрозаводскъ съ «Проектомъ о прокормленіи лапландцевъ». Прочитавъ проектъ, Тутолминъ публично осмѣялъ его самымъ безпощаднымъ образомъ. Чтобы не остаться въ долгу, Державинъ написалъ длинное опроверженіе системы канцелярскаго порядка, заведённаго генералъ-губернаторомъ — и пошла потѣха. Впрочемъ, вражда двухъ губернаторовъ продолжалась не долго: она разрѣшилась въ слѣдующемъ, 1785, году переводомъ Державина губернаторомъ же въ Тамбовъ, куда онъ и отправился немедленно.

Съ переѣздомъ въ Тамбовъ, Державинъ усердно принялся за службу: написалъ «Постановленіе о больницахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія», «Проектъ о судоходствѣ въ Тамбовской губерніи» и «Топографическое описаніе Тамбовской губерніи», и вовсе не сочинялъ стиховъ, если не считать «Пролога», написаннаго имъ для своего домашняго театра. Но, не смотря на всю осторожность, черезъ два года по переводѣ его въ Тамбовъ, горячій нравъ и прямодушіе вовлекли его и здѣсь въ тысячи непріятностей — и ни старанія друзей, ни собственныя объясненія не помогли ему: отрѣшонный отъ службы, онъ былъ отданъ подъ судъ. До-сихъ-поръ, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, съ самаго переѣзда въ Тамбовъ, Державинъ воздерживался отъ сочиненія стиховъ; но когда увидѣлъ, что и это не помогаетъ, и его по прежнему гонятъ и бранятъ, онъ принялся снова за перо съ удвоенною ревностію — и цѣлый рядъ прелестнѣйшихъ стихотвореній обогатилъ нашу литературу. Это были: «На смерть графини Румянцевой», «Осень во время осады Очакова», «Побѣдителю», «Величіе Божіе», «На счастіе», «Изображеніе Фелицы» и другіе. Въ 1790 году мы видимъ Державина снова въ Петербургѣ, гдѣ первымъ его произведеніемъ была ода «На взятіе Измаила», написанная имъ въ самомъ началѣ 1791 года, то-есть тотчасъ послѣ того, какъ графъ Зубовъ привёзъ это радостное извѣстіе императрицѣ. Прочитавъ поднесённую ей оду, великая Екатерина осыпала автора самыми восторженными похвалами и вручила ему въ подарокъ осыпанную брилліантами табакерку. Великолѣпный князь Тавриды, по пріѣздѣ своёмъ въ Петербургъ, также изъявилъ поэту свою искреннюю благодарность за его стихотвореніе — и вскорѣ Державинъ, описавшій, по его просьбѣ, великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, данный Потёмкинымъ по случаю взятія Измаила, былъ оправданъ по суду и взятъ императрицею въ статсъ-секретари. Въ этой новой должности Державинъ могъ свободно писать обо всёмъ, не стѣсняясь служебными отношеніями, хотя и долженъ былъ, прежде напечатанія, показывать всё имъ написанное самой императрицѣ. Къ этому времени относятся слѣдующія стихотворенія: «Прогулка въ Царскомъ Селѣ», «Памятникъ герою», «Къ второму сосѣду», «Водопадъ», «На умѣренность», «На рожденіе в. к. Ольги Павловны», «Къ Н. А. Львову», «Храповицкому», «Горѣлки» и другія. Затѣмъ, въ 1793 году, Державинъ былъ сдѣланъ сенаторомъ въ день бракосочетанія великаго князя Александра Павловича (28-го сентября того же года), произведёнъ въ тайные совѣтники и пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-го класса, а нѣсколько недѣль спустя назначенъ президентомъ Коммерцъ-коллегіи. Не смотря на трудныя служебныя обязанности, сопряжонныя съ новою должностью, Державинъ и тутъ находилъ время для своихъ любимыхъ занятій. Оплакивая потерю горячо-любимой жены, скончавшейся 15-го іюля 1794 года, онъ прилежно занимался поэзіею. Вотъ болѣе замѣчательныя стихотворенія Державина, написанныя имъ до 1796 года, то-есть до смерти императрицы Екатерины: «Буря», «Ласточка», «На гробъ Е. Я. Державиной», «Призваніе и явленіе Плѣ-

ниры», «Мой истуканъ», «Вельможа», «Соловей», «Павлинъ», «На кончину графа Орлова», «Побѣда красоты», «Пчёлка», «Памятникъ» и многія другія, которыя онъ собралъ въ одну рукописную тетрадь и поднёсъ государынѣ. Со смертью великой Екатерины, которой вѣкъ и дѣла были главнымъ источникомъ его вдохновеній, Державинъ понялъ, что поприще его кончено, что звѣзда его закатилась и что ему нечего дѣлать при Дворѣ. Императоръ Павелъ назначилъ-было Гавріила Романовича правителемъ канцеляріи Государственнаго Совѣта, но вскорѣ отмѣнилъ своё распоряженіе и оставилъ старика въ прежнемъ званіи сенатора. Державинъ снёсъ это безъ ропота и снова принялся за прежнія дѣла, и только изрѣдка развлекалъ себя переводами одъ Горація и псалмовъ Давида.

Но вотъ наступаетъ 1799 годъ, ознаменованный побѣдами Суворова въ Италіи, озарившими новою славою русское оружіе — и Державинъ снова берётся за перо, и снова вдохновенныя строфы ложатся на бумагу. Изъ ряда одъ, посвященныхъ маститымъ поэтомъ подвигамъ русскихъ войскъ въ въ Италіи, лучшія: «На побѣды въ Италіи» и «На переходъ Альпійскихъ горъ». Обѣ оды удостоились милостиваго вниманія императора Павла. Затѣмъ, по именному повелѣнію государя, онъ былъ командированъ для изслѣдованія крайне-запутанныхъ дѣлъ покойнаго Зорича, а по разъясненіи этого дѣла — въ Бѣлоруссію, для изысканія мѣръ къ отвращенію голода и для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго положенія тамошнихъ крестьянъ. Успѣшное окончаніе возложенныхъ на Державина порученій, доставило ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Вскорѣ послѣ того, онъ былъ снова назначенъ президентомъ Коммерцъ-коллегіи, а черезъ три мѣсяца — государственнымъ казначеемъ. Въ день коронаціи императора Александра I Гавріилъ Романовичъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго и, вслѣдъ затѣмъ, уволенъ отъ всѣхъ своихъ должностей, за исключеніемъ сенаторской. Въ 1802 году, при образованіи министерствъ, государь назначилъ Державина министромъ юстиціи; но вскорѣ самъ маститый поэтъ увидѣлъ, что новая должность ему не по лѣтамъ, и потому черезъ годъ, по собственной просьбѣ, былъ уволенъ въ отставку, съ полученіемъ въ пенсіонъ прежняго жалованья. Съ-тѣхъ-поръ Державинъ до самой смерти проживалъ лѣто въ своей новгородской деревнѣ Званкѣ, а зиму — въ Петербургѣ, посвящая всё свободное отъ занятій по хозяйству время литературѣ и, притомъ, почти исключительно — поэзіи. Но, къ сожалѣнію, всё написанное имъ съ этого времени, не исключая и драматическихъ произведеній, не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Старость видимо гасила живительную искру въ душѣ его и налагала свою разрушительную печать на его воображеніе. Всё написанное имъ съ начала нынѣшняго столѣтія — вяло, блѣдно, самый стихъ далеко не такъ звученъ, какимъ онъ бывалъ въ лучшее время его поэтической дѣятельности — время великой Екатерины. Изъ всей массы стиховъ, написанныхъ Державинымъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, выдаются всего только двѣ пьесы: «Жизнь Званская» и «Атаману и войску донскому». Первое стихотвореніе — есть посланіе поэта къ епископу старорусскому Евгенію Болховитинову, бывшему потомъ митрополитомъ кіевскимъ, о своёмъ житьѣ-бытьѣ въ Званкѣ, а второе — посланіе къ тогдашнему атаману войска донского Платову. Особенно замѣчательно первое посланіе, отличающееся именно державинскими красотами. Кромѣ того, имѣли успѣхъ, благодаря своему содержанію, нѣкоторыя оды, написанныя въ 1812 — 1814 годахъ, напримѣръ: «Гимнъ лирико-эпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества», «На смерть фельдмаршала князя Смоленскаго», «На побѣду при Лейпцигѣ», «На покореніе Парижа» и «На срѣтеніе побѣдителя Европы Александра I». Послѣдняя изъ этихъ одъ вошла въ народъ и долго была любимою пѣснью на Руси. Въ началѣ весны 1816 года Державинъ, по обыкновенію, переѣхалъ въ Званку, гдѣ и скончался 9-го іюля того же года, на 73 году отъ рожденія. Тѣло его, согласно желанію покойнаго, погребено въ Хутынскомъ Варлаамовскомъ монастырѣ. Глыба гранита, увѣнчанная чорною мраморною урной и окружонная вызолоченною рѣшоткой, украшаетъ его могилу. Болѣе великолѣпный памятникъ Державину украшаетъ, съ 1847 года, дворъ Казанскаго университета.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи Россія произвела всего только одного поэта, въ полномъ значеніи этого слова: это былъ — Державинъ. Какъ лирикъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ и предшествовавшихъ ему стихотворцевъ, не исключая самого Ломоносова. Живя и дѣйствуя въ лучшую эпоху вѣка, ознаменованную блестящимъ царствованіемъ великой Екатерины, дѣла которой были предметомъ удивленія совре-

менниковъ и потомства, Державинъ, ещё будучи юношей, понялъ всё величіе этой государыни — и вѣкъ ея, вѣкъ великихъ дѣлъ и славы Россіи, сталъ источникомъ его вдохновеній. Онъ пѣлъ её, свою божественную Фелицу, глубоко пораженный ея величіемъ, и не лесть, а искренное чувство управляло его перстами, перебиравшими струны высоко-настроенной лиры. Читая оды Державина, хотя иногда и тяжеловатыя по стиху, нельзя не удивляться ихъ поэтической восторженности, глубинѣ мыслей и силѣ выраженія. Державинъ былъ, по выраженію одного извѣстнаго критика, первый живой глаголъ русской поэзіи, и это совершенно справедливо, такъ-какъ до Державина Россія не имѣла ни одного истиннаго поэта. Но, рождённый поэтомъ, онъ самъ не вполнѣ понималъ своё истинное призваніе: мѣнялъ лиру на мечъ, поэзію — на канцелярскія занятія, часто совсѣмъ отказывался отъ поэзіи, досадовалъ на неудачи по службѣ, грустилъ объ удаленіи отъ Двора — и всё это не мѣшало ему въ то же время гремѣть на лирѣ и пѣть свои вдохновенныя пѣсни. Лучшая пора поэтической дѣятельности Державина — есть время между появленіемъ «Фелицы» и концомъ его политическаго поприща. Державинъ былъ вообще добръ, правдивъ, постояненъ въ дружбѣ и откровененъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ характеръ крайне-раздражительный, вслѣдствіе чего часто говорилъ и дѣйствовалъ рѣзко и тѣмъ навлекалъ на себя большія непріятности. Стихотворенія Державина были изданы, при жизни автора, четыре раза; именно: въ 1776 году («Оды, переведённыя и сочинённыя при горѣ Читалагаѣ 1774 года»), въ 1798 («Сочиненія Державина», ч. I), въ 1804 («Анакреонтическія пѣсни») и въ 1808 («Сочиненія Державина», четыре части), да въ 1816 — 5-й томъ къ изданію 1808 года. Затѣмъ, книгопродавецъ Смирдинъ издалъ въ 1831 году новое «Полное собраніе сочиненій Державина», перепечатанное имъ ещё разъ въ 1833 году. Это довольно полное и исправное изданіе долгое время считалось за лучшее, и только со времени появленія въ свѣтъ послѣдняго изданія «Сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота», (1864—1872, семь томовъ), потеряло свою прежнюю цѣну.

I.

БОГЪ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трёхъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто всё собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ —
Въ Твоёмъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый всё единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь въ вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Её содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возжжонныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днёмъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что̀ мной зримая вселенна?
И что̀ передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь — конечно есть и Ты!

Ты есть! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ моё мнѣ сердце то̀;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть — и я ужь не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я — связь міровъ повсюду сущихъ,
Я — крайня степень вещества,
Я — средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшолъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твоё созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Моё безсмертно бытіё,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твоё!

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слёзы лить.

II.

ФЕЛИЦА.

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ.
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти её совѣтъ!

Подай, Фелица, наставленье:
Какъ честно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ;
Но, кротости ходя стезёю,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая праздникъ въ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ вестфальскій,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ —
Шампанскимъ вафли запиваю,
И всё на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дыши́тъ,
Гдѣ всё мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

Или́ великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить мёду заѣзжаю;
Или, какъ то́ наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или́ кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или́, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Ил надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.

Иль, сидя дома, я прока̀жу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю —
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
«Полкана» и «Бову» читаю,
За «Библіей», зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть — ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашолъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашолъ — но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ сёмъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти?
Гдѣ намъ учоные невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тьмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живётъ:
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жь добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растётъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;

Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ Понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаёшь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ и́детъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Ещё же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всёмъ — и въявь и подъ рукой —
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и нѣбыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слёзъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худого —
И самого сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть:
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ.

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки
И счастье дома находить.

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличёнъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость пó міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтёшь?
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живёшь —
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ:
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслажусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

III.

ИЗЪ ОДЫ «НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА».

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрагала
Отъ лихова старика:
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчёлы прятались въ дуплахъ;
Засыпали нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время, столь холодно,
Какъ Борей былъ разъярёнъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рождёнъ.
Родился — и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ — и лиръ согласно
Звукъ разнёсся въ сей странѣ;
Онъ простёръ лишь дѣтски руки —
Ужь порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки —
И весь сѣверъ возсіялъ...

IV.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ всевышній Богъ — да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ, «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчáстливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»

Не внемлютъ! видятъ — и не знаютъ!
Покрыты мракомъ очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падёте,
Какъ съ древъ увядшій листъ падётъ!
И вы подобно такъ умрёте,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умрётъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь одинъ царёмъ земли!

V.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зовётъ меня, зовётъ твой стонъ,
Зовётъ — и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ —
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На тó, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости всё смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапно похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мёртвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жь онъ? Онъ тамъ! Гдѣ тамъ? Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рождённымъ въ свѣтъ»!

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятётся отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики —
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышённый,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня — богъ, а завтра — прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли —
И весь, какъ сонъ, прошолъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужь младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ —
Зовётъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдётъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минётъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдётъ, прейдётъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ конечно!
Почто жь терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой её себѣ къ покою —
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

VI.

ВЕЛЬМОЖА.

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами,
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ нёмъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ —
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы перскія на васъ
И не бразильски звѣзды ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Они суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Осёлъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами:
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ —
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ —
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ *)
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Пётръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ,
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный —
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Болярииъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

*) Купецъ Чупятовъ, вслѣдствіе пожара, истребившаго его амбары съ пенькою, на петербургской биржѣ, объявилъ себя банкротомъ, а для избѣжанія преслѣдованія со стороны своихъ довѣрителей, представился помѣшаннымъ, увѣряя, что марокская принцесса въ него влюблена и прислала ему въ подарокъ нѣсколько лентъ и звѣздъ, которыя онъ и носилъ на себѣ, какъ равно и множество другихъ лентъ, присылаемыхъ ему городскими шутниками.

Вельможу дóлжны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ.

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простёрши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай — густое льётъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ —
На то ль чтобы на всё взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ.

Орёлъ, по высотѣ паря,
Ужь солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно спишь — а тамъ?

А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межь челядью твоей златою,
Поникнувъ лáвровой главою,
Сидитъ и ждётъ тебя ужь часъ.

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слёзы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрёлъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ, гдѣ жирный пёсъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами —
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ! — ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращённомъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ.
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!»
Злодѣй! Увы! — и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу.
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи — равѐнство,
Свободу — во уздѣ страстей.

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужого не касаясь дѣла;
Глава не ждётъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твёрдымъ узломъ естества
Коль царство лишь живётъ счастливымъ —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣёй предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О, россій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ:
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла,
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошолъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, ма̀слиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ!

Пари — и съ высоты твоей
По missing мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели ещё царя!
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаётъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря!

VII.

ИЗЪ ОДЫ «ВОДОПАДЪ».

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчу́гу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьётъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ — и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубками въ дебряхъ тёмныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъёмныхъ.
О, водопадъ, въ твоёмъ жерлѣ
Всё утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны поражонны —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторжонны —
Стираются тобой въ пески,
Сковать ли воду льды дерзаютъ —
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на нёмъ щетиной зрится.
Рождённый на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань и́детъ робко, чуть ступаетъ;
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ:
Её страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идётъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, хранитъ, ушми прядётъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится —
Отважно въ хлябь твою стремится.

Подъ наклонённымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утёса горъ на яры воды,
Я вижу — нѣкій мужъ сѣдой *)
Склонился на̀ руку главой.

*) Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій.

Копьё и мечъ, и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной —

Сидитъ и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.

«Не такъ ли съ неба время льётся,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздаётся,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?

«Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрипъ подземный?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?...

«О, слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты точно сей есть водопадъ.
Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
И шумомъ льющихся прохладъ
Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

«Дивиться вкругъ себя людей
Всегда толпами собираетъ;
Но если онъ водой своей
Удобно всѣхъ не напояетъ,
Коль рвётъ брега и въ быстротахъ
Его нѣтъ выгодъ смертнымъ — ахъ!

«Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть?
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?

«Пусть на обросшій дёрномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.

«О, будь безсмертенъ, витязь бранный,
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!»
Вѣщалъ сѣдой мужъ вѣнчанный
И, въ небеса воззрѣвъ, умолкъ.
Умолкъ — и гласъ его промчался:
Гласъ мудрый всюду раздавался.

Но кто тамъ йдетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды чорны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны?
На тёмномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на тёмномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты *).

Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близь трона
У сѣверной Минервы былъ,
Во храмѣ музъ — другъ Аполлона,
На полѣ Марса — вождемъ слылъ?
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ —
Могущъ, хотя и не въ порфирѣ!

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь росса, духъ Екатерины
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

*) Потёмкинъ, о которомъ идётъ рѣчь, умеръ въ степи недалеко отъ столицы Молдавіи — Яссъ.

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ Понтъ Чорный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ россской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твёрдой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?...

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь не что иное
Какъ лишь мечтаніе пустое...

Иль нѣтъ! — тяжолый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ, зефиры лёгки рвутъ!...

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво любовь сидитъ;
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ:
Геройскій образъ оживляетъ.

Поутру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златой зажжотся,
Лежатъ объяты серны сномъ
И паръ вокругъ холмовъ віётся —
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь прахъ Потёмкина сокрытъ!»

Алкивіадовъ прахъ! — И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? Увы!
И плоть и грудь коль истлѣваетъ,
Что жь нашу славу составляетъ?

Лишь истина даётъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ...

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

VIII.

РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ.

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектàра чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Мёдъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ — огнь,
Благовоній мгла летала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсенъ хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ
И, увидя царства, грады,
Чтó погибли отъ боёвъ,
Что богини мещутъ взгляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ,
Распалился столько гнѣвомъ,
Что, курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землёй.
Вмигъ сокрылся блескъ лазури:
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихорь съ ризъ его — и буря
Восшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы;
Мракъ во пламени горѣлъ;
Яры волны — будто холмы;
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворённы безднъ утробы
Тартаръ искры извергалъ;
Въ тучи Фебъ, какъ съ чорны гробы,
Погружонный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль ещё бы грянулъ громъ —
Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился:

Стало, знать, красавицъ жаль;
А какъ съ ними не смирился,
Новую тотчасъ создалъ:
Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щёки и уста,
Небо въ очи голубыя,
Пѣну въ грудь — и красота
Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя табуномъ,
На свои её взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби станицей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись,
И, летя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ:
Зевсъ объялъ её лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги, молча, удивлялись
На красу, разинувъ ротъ,
И согласно въ томъ признались:
Миръ и брани — отъ красотъ.

IX.

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей:
То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,
Ахъ, не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жь жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой целоваться,
Слушать пѣсни соловья.

X.

КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ.

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвенныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой:
И аліатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льётся водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распалённый страстной,
Съ младой, весёлою, прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь.
Она поётъ — ты страстью таешь:
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомлёнъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что ввѣкъ благополученъ ты,
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты,
Что Парка дней твоихъ не коситъ,
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра
И дождь златой къ тебѣ ліётся.
Блаженъ, кто поутру проснётся
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!

Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но, вихремъ поражонны, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство — доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ граціи трепать;
И, можетъ-быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужь Пенелопа въ скукѣ
Ковёръ не будетъ распускать.

Не будетъ, можетъ-быть, лелѣять
Судьба ужь болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ: береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно:
Веселье то́ лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

XI.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ «ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ».

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при Дворѣ ни злата, ни честей
И чуждъ суетъ разнообразныхъ.

Зачѣмъ же въ Пѐтрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ чорная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О, коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!...

Бьётъ полдня часъ: рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идётъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ.

Багряна ветчина, зелёны щи съ желткомъ,
Румяно-жолтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пёстрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ, иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно всё и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравый...

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль и́зъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными игра̀ми.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купалень, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ...

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льётъ,
И, движа ма̀шину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ царъ столповъ на воздухъ бьётъ,
Клокоча огнь, толчётъ и мелетъ...

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зелёныхъ, чорныхъ волнъ,
Какъ дёрнъ бугритъ соха, злакъ травъ падётъ косами,
Серпами злато нивъ и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межь нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ чорной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозелёнымъ
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетёмнымъ.

Иль, утомясь, идёмъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь,
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на̀ воду ложится красный день
И пьёмъ подъ небомъ чай душистый...

Стёклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору жолтый всходъ межь розъ осiявая,
Гдѣ встрѣчу водомётъ шумитъ лучей дождёмъ,
Звучитъ музыка духовая...

Чего въ мой дремлющiй тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жь, ищу я вкругъ, минувшiй красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? Сокрылось солнце — тѣнь!
Кто вѣсть и впредь полётъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ;
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ перуны.

Умолкнутъ ли они? Сiё лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ пѐрстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой, ведётъ,
Ко благу общему склоняя мѣры...

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы! и даже прахъ спахнётъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна мiра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезелёный взглядъ
И развѣ дымъ сверкнётъ съ землянки.

XII.

ЦѢПИ.

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогiя:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя.

Такъ наслаждайся жь здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струёй,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и тебя подъ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велитъ когда-либо природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Прiятнѣй этотъ плѣнъ, чѣмъ самая свобода.

XIII.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный:
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полётъ его не сокрушитъ.

Такъ, весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастётъ моя, не увядая,
Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ прóйдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Чорныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льётъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить тò въ народахъ неисчотныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ —

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ смиренной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О, Муза! возгордись заслугой справедливой
И, презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринуждённою рукой, неторопливой,
Чело твоё зарёй безсмертiя вѣнчай.

XIV.

ПОСЛѢДНIЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА.

Рѣка времёнъ въ своёмъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если чтó и остаётся
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрётся
И общей не уйдётъ судьбы.

—

Е. И. КОСТРОВЪ.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ, сынъ крестьянина Вятской губерніи и Вобловицкой волости, родился въ самомъ началѣ 1752 года, учился сперва въ Вятской семинаріи, а потомъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи и, наконецъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1778 году, со степенью баккалавра. Въ 1782 году Костровъ былъ произведёнъ во второй офицерскій чинъ, въ провинціальные секретари, и въ этомъ чинѣ оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ Москвѣ 9-го декабря 1796 года. Онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей учоности при Московскомъ университетѣ, что видно изъ оды его на день открытія этого общества. Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Кострова было посланіе къ архимандриту Новоспасскаго монастыря Іоанну, написанное ещё въ бытность его ученикомъ Вятской семинаріи и напечатанное въ университетской типографіи въ Москвѣ, въ 1773 году. За тѣмъ, будучи студентомъ Славяно-греко-латинской академіи, онъ напечаталъ въ 1775 году ещё три стихотворенія: «Идиллію Аполлонъ», «Эпистолу» и «Стихи графу Григорію Александровичу Потёмкину». Стихотворенія Кострова печатались или въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», университетской газетѣ, или отдѣльными брошюрами. Онъ былъ, такъ-сказать, привиллегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ Московскаго университета, отъ лица котораго отзывался въ своихъ торжественныхъ одахъ на всѣ замѣчательныя событія своего времени, какъ бы въ благодарность за получённое въ нёмъ высшее образованіе. Оды Кострова не имѣютъ въ себѣ ничего характеристическаго, особеннаго. «Общія похвальныя мѣста», говоритъ г. Галаховъ, «служащія содержаніемъ одъ Кострова, страдаютъ отвлечённостью, то-есть, отсутствіемъ живой, современной дѣйствительности. Мѣста, въ которыхъ выказывается отношеніе ихъ къ эпохѣ, современной автору, составляютъ самую малую ихъ долю. Да и эта малая доля обставлена такими несовременными формами, выражена до того общими мѣстами, что читатель съ трудомъ пробирается черезъ нихъ къ ясному и положительному факту, настроивавшему риторическую лиру пѣснотворца.» Впрочемъ, надо отдать справедливость Кострову, что впослѣдствіи онъ самъ распознадъ и понялъ дурныя стороны искусственной оды, увидавъ, сколько теряетъ содержаніе отъ условной обстановки, и потому, когда Державинъ сталъ протаптывать новый путь къ Парнассу и пѣть дѣянія Фелицы, не сѣдлая Пегаса и не ударяя въ струны лиры, онъ радушно привѣтствовалъ геніальнаго лирика посланіемъ, и это посланіе — есть лучшее произведеніе Кострова. Появленіе въ печати «Фелицы» Державина, вызвавшее посланіе, имѣло сильное и благодѣтельное вліяніе на Кострова. Его торжественныя оды приняли совершенно другой характеръ, такъ-что ихъ можно раздѣлить на два отдѣла, именно — на оды сочинённыя до «Фелицы», и на оды написанныя послѣ. Первыя — торжественны и холодны, вторыя — довольно просты по тону и изложенію. Къ сожалѣнію, схоластическое образованіе и сила привычки помѣшали Кострову рѣшительнѣе обратиться къ простотѣ, къ которой, быть-можетъ, онъ былъ склоненъ отъ природы. Кромѣ сочиненія одъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, Костровъ занимался и переводами. Онъ перевёлъ стихами: «Тактику» Вольтера, «Эльвиру» Арно и восемь съ половиной пѣсень «Илліады». Первые два перевода сдѣланы мѣстами хорошо, мѣстами очень плохо, но оба — вѣрны. Что же касается перевода «Илліады», то его смѣло можно назвать класическимъ и въ наше время; для своего же времени онъ былъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ, и по понятіямъ, какое тогда имѣли о переводахъ поэтическихъ произведеній, вполнѣ удовлетворялъ вкусу публики. Забытый нами, какъ стихотворецъ, Костровъ ещё на долго сохранится въ нашей памяти, какъ переводчикъ «Илліады». Собраніе сочиненій и переводовъ Кострова въ стихахъ имѣли два изданія. Первое вышло въ Петербургѣ, въ 1802 году, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ г. Кострова». Во второмъ изданіи, смирдинскомъ, сочиненія Кострова напечатаны вмѣстѣ съ сочиненіями Аблесимова, тоже въ Петербургѣ, въ 1849 году. Оба изданія не удовлетворительны для любителя литературы, понимающаго дѣло — ни полнотою, ни системою, такъ-какъ въ первомъ недостаетъ для *полнаго* изданія 12 стихотвореній, а во второмъ не помѣщены переводы въ прозѣ.

I.

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Средь гласовъ радостныхъ склоняя къ лирамъ слухъ,
Щедротой веселя усердныхъ россовъ духъ,

Монархиня, позволь — да слава всей Эллады,
Гдѣ зрѣли мудрецы душѣ своей отрады,
Да честь ея, Гомеръ, въ стихахъ твоихъ сыновъ
Явясь, найдётъ въ тебѣ прибѣжище, покровъ.
Въ теченьи дней своихъ воспитанникъ сей Феба
Едва ли не лишонъ насущнаго былъ хлѣба;
Нисшедъ во гробъ, онъ сталъ достоинъ алтарей,
Былъ удивленіемъ народовъ и царей.
Исполненъ духомъ музъ, таинственнымъ предчувствомъ,
Онъ въ пѣсняхъ сладостныхъ, витійственнымъ искусствомъ,
Ещё въ свой мрачною покрытый мглою вѣкъ,
О славѣ дней твоихъ, владычица, предрекъ.
Живая кисть его Минерву описуя,
И щитъ ея и шлемъ очамъ изобразуя,
Явила въ истинѣ россіянъ божество
И храбра Сѣвера надъ Югомъ торжество:
Подъ сѣнію твоихъ безчисленныхъ Эгидовъ,
Ахилловъ зрѣли мы, Аяксовъ, Діомидовъ,
Со именемъ небесъ, со именемъ твоимъ
Стремившихъ молнію въ Стамбулъ и буйный Крымъ;
Твои подвижники, преславны, знамениты,
На сушѣ лаврами и на волнахъ покрыты;
Престолъ твой общею любовью утверждёнъ
И правосудіемъ отвсюду ограждёнъ;
Лучи премудрости съ высотъ его простерты,
Въ подножіи враги попраны и сотерты;
Взвивающійся твой надъ Геллеспонтомъ флагъ
Есть ужасъ варварамъ, источникъ грекамъ благъ.
Почій, Гомеръ, почій средь лавра и оливы,
Коль вымыслы твои пріятны, справедливы!
О россахъ истинно предчувствіе твоё:
Въ Екатеринѣ зримъ его событіё.

II.

ТВОРЦУ ФЕЛИЦЫ.

Пѣвецъ, которому съ улыбкой нѣжной муза
Недавно принесла съ Парнасскихъ горъ вѣнокъ,
Желаю твоего я дружества, союза!
Москва жилище мнѣ, ты невскій пьёшъ потокъ;
Но самые пути далеки,
И горы, холмы, лѣсъ и рѣки
Усердья моего къ тебѣ не возбранятъ:
Оно въ Петрополь пронесётся
И въ грудь твою и въ слухъ влiётся —
Не трудно музамъ всё, что музы восхотятъ!

Скажи, пожалуй, какъ безъ лиры, безъ скрипицы,
И не сѣдлавъ притомъ парнасска бѣгунца,
Воспѣлъ ты сладостно дѣянія Фелицы
И животворные лучи ея вѣнца?
Ты, видно, Пинда на вершинѣ
И въ злачной чистыхъ музъ долинѣ
Дорожки всѣ насквозь и улицы прошолъ,
И чтобъ царевну столь прославить,
Утѣшить, веселить, забавить,
Путь не протоптанный и новый ты обрѣлъ.

Обрѣлъ — и въ бѣгъ по нёмъ пускаешься удачно:
Ни пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ;
Тебѣ являлось всё, какъ-будто поле злачно;
Нигдѣ кафтаномъ ты за тёрнъ не зацѣпилъ.
Царевнѣ похвалы вѣщая,
Пашей затѣи исчисляя,
Ты на гудкѣ гудѣлъ и равно важно пѣлъ;
Презрѣвъ завистныхъ совѣсть злую,
Пустился ты наудалую;
Парнассъ, отвагу зря, вѣнецъ тебѣ соплелъ.

Кораллами власы украшены имѣя,
Власы по раменамъ пущённы со главы,
Бѣлорумянну грудь съ ланитами лелея,
Прелестныхъ лики нимфъ возникли изъ Невы;
Поверхъ зыбей колеблясь нѣжно,
Тебѣ внимали всѣ прилежно,
Хваля твоихъ стиховъ прекрасну новизну,
И, въ знакъ своей усердной дани,
Съ восторгомъ восплескавши въ длани,
Пускаются опять въ кристальну глубину.

Чрезъ почту лёгкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала, къ восторгу всѣхъ сердецъ;
Всѣхъ чтущихъ честь тебѣ воздать она подвигла:
Всѣ знающіе вкусъ сплели тебѣ вѣнецъ.
Читали всѣ её стократно,
Но слушаютъ охотно, внятно,
Коль кто ещё при нихъ начнётъ её читать,
Не могутъ усладить столь духа,
Насытить также плѣнна слуха,
Чтобъ вновь забавнымъ въ ней игрушкамъ не внимать.

Такъ садъ, кусточками и тѣнью древъ прелестенъ,
Стоящій на горѣ надъ токомъ чистыхъ водъ,
Хотя и будетъ намъ совсѣмъ уже извѣстенъ,
Хотя извѣстенъ въ нёмъ по вкусу каждый плодъ
Хотя дорожки всѣ знакомы,
Но, тайнымъ чувствіемъ влекомы,
Ещё охотно мы гулять въ него спѣшимъ:

Повсюду взоры обращаемъ,
Увидѣть новости желаемъ,
Хоть взоромъ много разъ всё видѣли своимъ.

Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И — полно, кажется, за облака летать,
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ и ногъ не изломать:
Хоть сколь ни будемъ мы стараться
Въ своёмъ полётѣ возвышаться —
Фелицыны дѣла явятся выше насъ.
Ей простота пріятна въ слогѣ:
Такъ лучше намъ, по сей дорогѣ
Идя со скромностью, къ ней возносить свой гласъ

Въ союзѣ съ нимфами Парнасса обитая,
По звучной арфѣ я перстами пробѣгалъ,
Киргизкайсацкую царевну прославляя,
Хвалы холодныя лишь только получалъ.
Стихи мои тамъ каждый славилъ,
Мнѣ льстилъ, себя чрезъ то забавилъ:
Теперь въ забвеніи лежать имѣютъ честь.
Признаться, видно, что изъ моды
Ужь вывелись парящи оды.
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознесть!

Какъ прежде, ты пиши ещё письмо къ сосѣду:
Ты лакомство его умѣлъ представить намъ,
Какъ приглашаетъ онъ чернь жадную къ обѣду,
Къ забавамъ, къ роскоши, разлитой по столамъ;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальныя намъ воды,
Какъ нѣкогда воспѣлъ ты Гребенёвскій ключъ.
Сей ключъ, текущій по долинѣ,
Ещё любезенъ мнѣ донынѣ:
Я жажду утолялъ... отрадъ блисталъ мнѣ лучъ.

А ты, что́ предсѣдишь премудрыхъ въ славномъ ликѣ,
Предстательница музъ, трудовъ ихъ судія,
Гремящей внемлюща сладчайшей ихъ музы́кѣ,
Тебѣ достоитъ честь и похвала сія,
Что ревностію ты пылая
И всѣ пути изобрѣтая,
Стараешься вознесть природный нашъ языкъ.
Онъ важенъ, сладокъ и обиленъ,
Гремящъ, высокъ, текучъ и силенъ —
И въ совершеніи его твой трудъ великъ.

Тобой приглашены, въ прехвальный путь вступили
Любители наукъ со ревностью въ сердцахъ
И въ «Собесѣдникѣ» успѣхи намъ явили:
Мы зримъ россійскій слогъ прекрасенъ въ ихъ трудахъ.
Скажу, скажу не обинуясь:
Минервѣ ты сообразуясь,
Своё спокойствіе на жертву музъ несёшь;
Отечества драгого слава —
Твоя утѣха и забава:
Въ завидномъ для мужей ты подвигѣ течёшь.

Фелицы именемъ любезнымъ, драгоцѣннымъ,
Фелицы похвалой и славой мудрыхъ дѣлъ
Начатокъ сихъ трудовъ явился украшённымъ,
И въ радость и въ восторгъ читателей привелъ.
Благословенно то начало,
Ея гдѣ имя возсіяло —
И увѣнчается успѣхами конецъ.
Тому, что такъ Фелицу славилъ
И новый вкусъ стихамъ возставилъ —
И честь и похвала отъ искреннихъ сердецъ!

В. И. МАЙКОВЪ.

Василій Ивановичъ Майковъ, авторъ «Елисея», родился въ 1728 году, а въ 1742 — уже былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Семёновскій полкъ; но это поступленіе на службу было номинальное, такъ-какъ мальчикъ до восемнадцати лѣтъ оставался дома для «наукъ». Начавъ дѣйствительную службу съ 1747 года, Майковъ прослужилъ въ полку тринадцать лѣтъ, послѣ чего, 25-го декабря 1761 года, былъ выпущенъ въ отставку гвардіи капитаномъ. Оставивъ службу, Майковъ поселился въ Москвѣ, отлучаясь по временамъ въ Ярославль и своё ярославское имѣнье. Затѣмъ, 4-го августа 1766 году онъ снова поступилъ на службу и занялъ должность товарища губернатора Московской губерніи, въ которой и оставался до 1768 года. Въ 1775 году онъ былъ произведёнъ въ бригадиры и назначенъ старшимъ членомъ Московской Оружейной Палаты, въ вѣдѣніи которой состояли всѣ древніе драгоцѣнности, принадлежавшія императорскому двору. Въ началѣ 1778 года Майковъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было предложено мѣсто герольдмейстера. Но прежде, чѣмъ состоялось это повышеніе, онъ вернулся въ Москву и здѣсь скоропостижно скончался 17-го іюня 1778 года. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ. Получивъ самое скудное образованіе, скудное даже для того

времени, «ограниченное», по свидѣтельству графа Хвостова, «чтеніемъ священныхъ книгъ и нравственными наставленіями», Майковъ, въ первые же годы своего пребыванія въ Петербургѣ, съумѣлъ расширить свои познанія усиленнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ людьми образованными, съ которыми онъ, по счастью, сошолся въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности. Къ сожалѣнію, полное незнаніе иностранныхъ языковъ, считавшееся въ то время необходимымъ условіемъ образованія дворянина, ставило ему безпрестанныя преграды и на этомъ пути самообразованія. Любовь къ поэзіи проявилась у него довольно рано, но писать стихи началъ онъ уже по пріѣздѣ въ Петербургъ, и только въ началѣ 1762 года появились въ печати (въ «Полезномъ Увеселеніи») первыя его литературныя произведенія: «Цитемель», «Эпиграмма» и «Ода императрицѣ Екатеринѣ II». Затѣмъ, въ «Свободныхъ Часахъ» на 1763 годъ были напечатаны три стихотворенія Майкова: «На страшный судъ», «Собака на сѣнѣ» и нѣсколько отрывковъ изъ овидіевыхъ «Превращеній», которыя онъ, не зная по латыни, переложилъ въ стихи съ прозаическаго русскаго перевода. Кромѣ названныхъ пьесъ, Майковъ, въ продолженіе своего пребыванія въ Москвѣ, написалъ нѣсколько торжественныхъ одъ, цѣлый рядъ басенъ и юмористическую поэму «Игрокъ Ломбера», изданныя имъ отдѣльно. Успѣхъ поэмы былъ необычайный, что̀ можетъ засвидѣтельствовать скорое появленіе въ свѣтъ второго и третьяго ея изданій, и похвальный отзывъ о ней въ «Словарѣ» Новикова. Въ 1769 году на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ была дана трагедія Майкова «Агріопа», имѣвшая успѣхъ, благодаря игрѣ Дмитревскаго. Остальныя же двѣ трагедіи: «Ѳемистъ и Іеронима» и «Меропа», *трагедія господина Вольтера, переложенная въ стихи изъ русской прозы*, изданныя имъ въ 1773 и 1775 годахъ, представлены не были. Впрочемъ, извѣстность Майкова зиждется не на трагедіяхъ его, которыя вообще очень плохи, а также и не на одахъ, басняхъ и мадригалахъ, не представляющихъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго, а на двухъ шуточныхъ его поэмахъ: «Игрокъ Ломбера» и «Елисей, или раздраженный Вакхъ». Они нравились современникамъ автора своимъ шутливымъ тономъ, игривымъ остроуміемъ и, главное, эпическимъ представленіемъ предметовъ вовсе не эпическихъ. Но особенной славой всегда пользовался «Елисей», вышедшій въ свѣтъ въ 1771 году первымъ изданіемъ, а въ 1778 — вторымъ. Въ третій разъ поэма была перепечатана въ «Собраніи сочиненій Василія Майкова» (Спб. 1809), собраніи весьма неполномъ. Совершенно полное собраніе сочиненій Майкова вышло только въ 1867 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Редакція изданія П. А. Ефремова. Спб. 1867».

I.

ИЗЪ ОДЫ «О СУЕТѢ МІРА».

Всё на свѣтѣ сёмъ превратно,
Всё на свѣтѣ суета!
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица пріятство,
Сила, здравіе, богатство,
И порфира, и виссонъ;
Что̀ въ очахъ намъ ни блистаетъ,
Всё то, яко воскъ, растаетъ
И минётся, яко сонъ.

Всякой вещи въ свѣтѣ время,
Всякой мысли есть конецъ!
Старость — наше тяжко бремя
И мученія сердецъ:
Только старость овладѣетъ —
Кровь, изсякнувъ, охладѣетъ,
Чувства нѣжныя замрутъ;
Что̀ насъ прежде услаждало,
Что̀ веселіе рождало,
То родитъ болѣзнь и трудъ.

Помѣстятся мысли скучны
Вмѣсто всѣхъ весёлыхъ думъ,
И печали неотлучно
Будутъ отягчати умъ;
Умъ во скукѣ злой потонетъ,
Сердце томное застонетъ
И утѣхъ не ощутитъ;
Всё затьмится предъ очами,
Дни покажутся ночами:
Что̀ увижу — всё смутитъ.

Ахъ, о время дней кратчайшихъ!
Время, лютый нашъ тиранъ:
Воды струй твоихъ сладчайшихъ
Льются въ вѣчный океанъ.
Мы тобой себя прельщаемъ,
Только рѣдко ощущаемъ,
Сколь ты скоро протечёшь,

И чтó въ жизни намъ пріятно,
Ты съ собою невозвратно
Всё во вѣчность увлечёшь...

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ:

«ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРОЖОННЫЙ ВАКХЪ».

Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали;
По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали;
Ужь хлѣбъ на полвершка посѣянный возросъ:
Настало время намъ идти на сѣнокосъ.
А наши пажити, какъ всѣмъ сіё извѣстно,
Сошлись съ валдайскими задами очень тѣсно;
Ихъ некому развесть опричь межевщика:
Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука.
И такъ они у насъ всегда бывали въ спорѣ:
Вотъ вся вина была къ ужасной нашей ссорѣ!
Уже насталъ тотъ день: пошли мы на луга
И взяли молока, яицъ и творога,
Обременилися со квасомъ бураками,
Блинами, ситными, виномъ, крупениками.
Съ снарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ
Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ:
Стоятъ съ оружіемъ тамъ гордые валдайцы.
Мы дрогнули — и всѣ побѣгли, яко зайцы,
Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья:
Жердей, тычинъ, шестовъ, осколковъ и дубья;
Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ;
Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ.
Начальникъ нашея ямскія слободы,
Предвидя изъ сего ужасныя бѣды,
Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ;
Лишь сòбралъ, взялъ перо—бумагу имъ мараетъ.
Хоть не былъ онъ французъ и не былъ также грекъ—
Онъ русскій былъ, но былъ приказный человѣкъ
И былъ коричневымъ одѣянъ онъ мундиромъ.
Не дай Богъ быть писцу военнымъ командиромъ!
Онъ, вынувши перо, и пишетъ имена,
Тогда-какъ нашу боль ужь чувствуетъ спина
Отъ ниспаденія къ намъ каменнаго града.
И можно ль, чтобъ была при писарѣ Паллада?
Онъ пишетъ имена, а насъ валдайцы бьютъ;
Старухи по избамъ на небо вопіютъ;
Ребята малые, всѣ дѣвки, бабы, куры
Забились подъ печи и спрятались въ конуры.
Мы видимъ, что не быть письму его конца —
Не стали слушаться мы болѣе писца:
Какъ вихри, ото всѣхъ сторонъ мы закрутились
И, сжавшись кучею, ко брани устремились.
Плетни ни отъ воды не могутъ насъ сдержать;
Валдайцамъ лишь одно спасеніе — бѣжать.
Однако противъ насъ стоятъ они упорно
И дѣйствуютъ своимъ дреколіемъ проворно;
Не можемъ разорвать мы ихъ порядка связь;
Летятъ со обоихъ сторонъ каменья, грязь,
Неистовыхъ людей военные снаряды;
Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады,
Но наши такъ стоятъ, какъ твёрдая стѣна.
Прости, что я теперь напомню имена,
Которыя сюда вносить хотя бъ не кстати,
Однакъ безъ нихъ нельзя бъ побѣды одержати;
Хотя бы нашъ писецъ ещё мудрѣе былъ,
Но онъ бы лбомъ своимъ стѣны той не разбилъ,
Которую едва мы кольемъ раздробили.
Ужь мы каменьями другъ друга больно били,
Какъ первый Стёпка нашъ, ужасный озорникъ —
Хотя невзраченъ онъ, но сильный былъ мужикъ —
Сей съ яростію въ бой ближайшій устремился
И въ кучу толстую къ валдайцамъ проломился,
Біётъ урáзиной; возсталъ межь ними крикъ,
А Стёпка дѣйствуетъ надъ ними какъ мясникъ.
Потомъ тотчасъ его племянникъ, взявъ дубину,
Помчался, оробѣлъ и далъ имъ видѣть спину,
Гдѣ рѣзвый на него валдаецъ наскочилъ
И верхъ надъ нашимъ сей героемъ получилъ:
Въ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи
Вскочилъ ко нашему герою тотъ на плечи
И превознёсся тѣмъ надъ всею онъ ордой —
Онъ началъ битвою, а кончилъ чехардой.
Но шутка такова окончилась бѣдою:
Валдаецъ не успѣлъ поздравить насъ съ ѣздою,
Племянникъ Стёпкинъ взялъ валдайца за кушакъ
И тропнулъ ò землю сего героя такъ,
Что носъ его разбилъ и сдѣлалъ какъ плющатку:
Съ-тѣхъ-поръ онъ нà носъ свой кладётъ всегда заплатку.
И се увидѣли мы всѣ тогда въ дали:
Несётся человѣкъ замаранъ весь въ пыли.
То былъ прегордый самъ валдайцевъ предводитель;
Сей скотъ былъ нашему подобный управитель.
Свирѣпствуя на насъ во внутреннемъ огнѣ,
Онъ скачетъ къ нашему герою на конѣ.
Всѣ мнили, что они ужасною борьбою
Окончатъ общій бой одни между собою.
Всѣ смотримъ, всѣ стоимъ, и всѣхъ насъ обнялъ страхъ.
Уже съѣзжаются герои на коняхъ;
Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсѣмъ перемѣнились:

Они не бился, но только побранились,
Оставя кончить бой единымъ только намъ;
Ихъ кони развезли обоихъ по домамъ.
Межь-тѣмъ ужь солнышко, коль хочешь это вѣдать,
Сіяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать;
И если бы не бой проклятый захватилъ,
Я, можетъ-быть, куска бъ ужь два-три проглотилъ;
Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
Не шли на умъ мнѣ щи, нижѐ крутая каша.
Когда начальниковъ лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели.
Не стало между всѣхъ порядка никакого,
И съ тѣмъ не стало вдругъ большого, ни меньшого:
Смѣсилися мы всѣ и стали всѣ равны.
Трещатъ на многихъ тамъ и порты и штаны,
Восходитъ пыль столбомъ, какъ облако віётся;
Визгъ, топотъ, шумъ и крикъ повсюду раздаётся...
Вдругъ братъ мой въ помощь къ намъ какъ ястребъ палетѣлъ:
Смутилъ побоище, какъ брагу онъ въ ушатѣ.
Но не поставь мнѣ въ ложь, что̀ я скажу о братѣ:
Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ;
Гдѣ съ нею онъ пройдётъ, такъ улица явится,
А гдѣ повѐрнется, тамъ площадь становится.
Уже онъ близь часа валдайцевъ поражалъ —
И словомъ, отъ него тамъ каждый прочь бѣжалъ,
Какъ вдругъ против̀ъ его соперникъ появился.
Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ совсѣмъ остановился:
Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ
И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
И тако братецъ мой, возлюбленный Илюха,
Пришолъ на брань съ ушьми, а прочь пошолъ безъ уха!
Тащится, какъ свинья, совсѣмъ окровавлёнъ,
Изъѣденъ, оборва̀нъ, а пуще осрамлёнъ.
Какая же, суди, мнѣ сдѣлалась утрата:
Лишился уха онъ, а я лишился брата!
Съ-тѣхъ-поръ за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сію.
Когда онъ былъ ещё съ обоими ушами,
Тогда онъ трогался несча̀стливыхъ словами;
А нынѣ эта дверь совсѣмъ затворена,
И слышитъ только онъ одно, кто молвитъ: «на!»
А «дай» — сего словца онъ нынѣ ужь не внемлетъ
И лѣвымъ ухомъ просьбъ ни чьихъ онъ не пріемлетъ.
Въ пустомъ колодезѣ не скоро на̀йдешь кладъ,
А мнѣ безъ этого не надобенъ и братъ.
По потерянии подвижника такого,
Не стало средства намъ къ побѣдѣ никакого;
Валдайцы истинный надъ нами взяли верхъ —
Разятъ насъ, бьютъ, тѣснятъ и гонятъ съ поля всѣхъ.
Пришло было ужь намъ совсѣмъ въ тотъ день пропасти,
По Стёпка насъ тогда избавилъ отъ напасти:
Какъ молнія, онъ вдругъ къ намъ сзади забѣжалъ
И насъ, уже совсѣмъ бѣгущихъ, удержалъ...
Уже явилася зав̀еса тёмной ночи —
И драться болѣе ни въ комъ не стало мочи.
Пошли мы съ поля всѣ, валдайцевъ побѣдивъ,
А я пришолъ домой, хоть голоденъ, но живъ.

В. В. КАПНИСТЪ.

Василій Васильевичъ Капнистъ, сынъ бригадира Василія Петровича, павшаго геройской смертью подъ Егерсдорфомъ, родился въ 1757 году, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ наслѣдственной деревнѣ Обуховкѣ, которую онъ изобразилъ впослѣдствіи въ стихотвореніи того же имени, подражая Горацію и Державину, воспѣвшему свою Званку. Потерявъ отца ещё въ колыбели, онъ чуть не съ самаго дѣтства былъ предоставленъ самому себѣ и, можно сказать положительно, что своимъ образованіемъ, прославившимъ впослѣдствіи его имя въ нашей литературѣ, онъ обязанъ только себѣ самому, своему уму и своей настойчивости. Брошенный на произволъ судьбы среди шумной столицы, Капнистъ, на пятнадцатомъ году, началъ свою службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Прослуживъ четыре года, онъ былъ произведёнъ въ 1775 году въ офицеры, имѣя отроду 18 лѣтъ. Во всё это время онъ посвящалъ свободные отъ службы часы наукамъ, знакомился съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, изучалъ древнихъ и новыхъ классиковъ, вчитывался въ произведенія отечественныхъ поэтовъ. Знакомство и дружба съ Державинымъ, Хемницеромъ и Богдановичемъ поддерживали и ободряли его къ новымъ трудамъ. Первымъ сочиненіемъ Капниста была ода на французскомъ языкѣ, напечатанная особой брошюрой въ 1775 году. За ней послѣдовала «Сатира первая и послѣдняя», помѣщённая въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» на 1780 годъ. Въ 1777 году Капнистъ оставилъ военную службу и возвратился въ Малороссію. Здѣсь, въ 1782 году, онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда, Кіевскаго намѣстничества, а въ 1785 году — облечёнъ, по общему желанію кіевскаго дворянства, въ почётное званіе губернскаго предводителя, на 28-мъ году отъ рожденія. Затѣмъ,

въ томъ же году, былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго члена Императорской Россійской Академіи, въ 1787 — произведёнъ въ коллежскіе, а въ 1799 — въ статскіе совѣтники, съ причисленіемъ къ императорской театральной дирекціи. Въ 1783 году явилась первая торжественная ода Капниста «На рабство», невошедшая потомъ въ оба собранія его сочиненій, изданныя въ 1796 и 1849 годахъ. За этимъ первымъ опытомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ же одъ, въ которыхъ встрѣчаются прекрасныя мѣста, но общій характеръ которыхъ носитъ тотъ же отпечатокъ искусственности, какъ и оды всѣхъ остальныхъ поэтовъ XVIII вѣка, за исключеніемъ одного Державина. Оды правоучительныя и элегическія, проникнутыя весьма часто истиннымъ чувствомъ и какою-то задушевною грустью, удавались Капнисту несравненно болѣе, чѣмъ оды торжественныя. Что же касается его одъ гораціянскихъ и анакреонтическихъ, то онѣ досихъ-поръ читаются съ удовольствіемъ, несмотря на нѣкоторую устарѣлость языка. Въ нихъ особенно замѣтна тщательная обработка стиха, чѣмъ Капнистъ всегда отличался отъ большинства современныхъ ему поэтовъ, весьма мало думавшихъ объ отдѣлкѣ своихъ стихотвореній. Большая часть одъ этого отдѣла есть — болѣе или менѣе близкое подражаніе латинскому поэту; но встрѣчаются между ними и оригинальныя произведенія Капниста; напримѣръ: «Камелёкъ», «Силуетъ», «Вздохъ», «Неосторожный мотылёкъ», «Обуховка» и другіе. Лучшее въ этомъ отдѣлѣ — *переводъ* «Памятника» Горація, который такъ чудно *воспроизведёнъ* Державинымъ и Пушкинымъ. Но слава Капниста зиждется не на торжественныхъ и анакреонтическихъ одахъ, а на пяти-актной комедіи его «Ябеда», которая сдѣлала имя его извѣстнымъ всей Россіи. «Ябеда», посвящённая императору Павлу, была напечатана въ 1798 году и тогда же поставлена на сцену. Успѣхъ комедіи былъ необычайный. Она долго держалась на сценѣ и была вытѣснена только комедіями Грибоѣдова и Гоголя. Поощрённый успѣхомъ «Ябеды», Капнистъ перевёлъ комедію Мольера «Сганарель», которая была дана въ 1806 году на петербургскомъ театрѣ, но не имѣла большого успѣха. Что же касается его оригинальной трагедіи «Антигона», представленной въ 1814 году, то судьба ея была ещё плачевнѣе: она провалилась на первомъ представленіи. Капнистъ встрѣтилъ оба эти удара съ стоическимъ равнодушіемъ, и самъ осмѣялъ свои пьесы въ слѣдующихъ эпиграммахъ:

1.

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ «Сганарелѣ» смѣлъ такъ осрамить Мольера;
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то Капнистъ.

2.

Любезну Антигону,
Которой прелестью насъ Озеровъ плѣнилъ,
Капнистъ, чтобъ угодить Креону,
Въ трагедіи своей убилъ.

Послѣдніе годы своей жизни Капнистъ провёлъ въ своей Обуховкѣ, занимаясь переводомъ одъ Горація. Въ 1806 году онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, которыя посвятилъ императору Александру, за что получилъ бриллiантовый перстень. Въ 1815 году онъ помѣстилъ въ 17-мъ № «Чтеній въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» своё письмо къ графу С. С. Уварову, по поводу возникшаго тогда спора о томъ, какъ надо переводить «Илліаду» — александрійскимъ стихомъ или гекзаметромъ. Въ 1818 году напечаталъ онъ въ «Сынѣ Отечества» своё образцовое произвеведеніе «Обуховка». Послѣднимъ произведеніемъ Капниста было — стихотвореніе «Въ память бересту» росшему въ его саду. Капнистъ скончался 28-го октября 1824 года въ Обуховкѣ, гдѣ и погребёнъ. Первое собраніе сочиненій Капниста вышло въ Петербургѣ въ 1796 году, второе, подъ заглавіемъ: «Лирическія Сочиненія» — въ Петербургѣ же въ 1806 году, а третье, смирдинское, тамъ же, въ 1849 году, подъ названіемъ: «Полное собраніе сочиненій В. Капниста».

I.

НА РАБСТВО.

Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней,
Простерши руку отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою,
И, соглася съ моей тоскою,
Унылый, томный звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Единъ подсолнечною всей,

На милость души преклоняешь
Возлюбленныхъ Тобой царей,
Хранишь отъ злого ихъ навѣта,
Содѣлай — да владыки свѣта
Внушатъ мою не лестну рѣчь,
Да гласу правды кротко внемлютъ,
И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
Тобою имъ вручённый мечъ!

Въ печальны мысли погружонный,
Пойду, отъ людства удалюсь
На холмъ древами осѣнённый;
Въ густую рощу уклонюсь;
Подъ мрачнымъ, мшистымъ дубомъ сяду.
Тамъ моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являетъ видъ:
Ручей тамъ съ ревомъ гору роетъ,
Уныло вѣтръ межъ сосенъ воетъ,
Летя съ древъ томно листъ шумитъ.

Куда не обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхи,
Весёлыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златыя нивы сиротѣютъ,
Поля, лѣса, луга пустѣютъ:
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, сёла, грады
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ твёрды зиждитъ власть ограды
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо, счастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.
Увы, судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Намъ ясный день во мрачну ночь!

Такъ древле міра Вседержитель
Изъ мрака словомъ свѣтъ создалъ;
А вы, цари?... На то ль Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ
Изъ счáстливыхъ людей — несчастныхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то ль даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?

Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей,
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы
И раздаётся звукъ цѣпей:
Тамъ къ бѣдству смертные рождённы,
Къ уничтоженью присуждённы,
Несчастій полну чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы
Потоками льютъ потъ кровавый
И злѣе смерти жизнь ведутъ.

Насилія властей страшатся:
Потупя взоръ, должны стенать;
Поднявъ главу, воззрѣть боятся
На жезлъ, готовый ихъ карать.
Въ веригахъ рабства унываютъ:
Низвергнуть ига не дерзаютъ
Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ
И мысленно насилу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ.

Я вижу ихъ: они исходятъ
Поспѣшно изъ жилищъ своихъ;
Но для чего съ собой выводятъ
Несущихъ розы дѣвъ младыхъ?
По-что, въ знакъ радости народной,
Въ забавѣ искренней, свободной
Сей празднуютъ прискорбный часъ?
Чей образъ лаврами вѣнчаютъ
И за кого днесь возсылаютъ
Къ Творцу своихъ моленій гласъ?

Ты зришь, царица?—се ликуетъ
Стенящій въ узахъ твой народъ:
Съ восторгомъ днесь онъ торжествуетъ
Твой громкій на престолъ восходъ;
Яремъ свой носитъ терпѣливо
И молитъ небо — да счастливо
Ты царствуешь, народъ любя —
И ты ль его умножишь мýки,
Обременишь цѣпями руки,
Благословляющи тебя?

Но нѣтъ, души твоей доброты
Подвластные боготворятъ!
Твой кроткій судъ, твои щедроты
Врага, преступника щадятъ!
Возможно ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?
И мыслей чужда ты суровыхъ —

Такъ что же? благъ не скрыла ль новыхъ
Подъ мнимымъ гнётомъ бѣдствій сихъ?

Пары изъ моря подымая,
Когда свой солнце кроетъ видъ,
Громъ мрачны тучи разрывая,
Небесный сводъ зажечь грозитъ;
Отъ громкаго перуновъ треска
И молніи горящей блеска
Мятётся трепетна земля;
Но солнце страхъ сей отгоняетъ
И градъ сгущённый растопляетъ,
Дождёмъ проливши на поля.

Такъ ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданныхъ сердецъ,
Взложённый Вышнею рукою
Носяща съ славою вѣнецъ,
Сгущённу тучу бѣдъ надъ нами
Любви къ намъ твоея лучами,
Какъ бурнымъ вихремъ, разобьёшь,
И, къ благу бѣдствія устроя,
Унылыхъ чадъ твоихъ покоя,
На жизнь ихъ радости прольёшь.

Дашь зрѣть намъ то̀ златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдныхъ сложишь бремя
Съ моей отчизны дорогой.
Тогда — о лестно упованье! —
Прервётся въ тѣхъ краяхъ стенанье,
Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ:
Тамъ, вмѣсто воплей и стенаній,
Раздастся шумъ рукоплесканій
И съ счастьемъ вольность процвѣтетъ.

Тогда, прогнавши мракъ печали
Изъ мысли горестной моей,
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастья нашихъ дней,
Отъ узъ свободными руками
Зелёнымъ лавромъ и цвѣтами
Украшу лиру я мою:
Тогда, во слѣдъ правдивой славы,
Съ блаженствомъ твоея державы
Твоё я имя воспою.

II.

ОБУХОВКА.

Въ миру съ сосѣдями, съ родными,
Въ согласьи съ совѣстью моей,
Въ любви съ любезною семьей,
Я здѣсь отрадами одними
Теченье мѣрю тихихъ дней.

Пріютный домъ мой подъ соломой
По мнѣ — ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ нёмъ уголокъ;
А къ двери, знатнымъ не знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Горой отъ сѣвера закрытый,
На злачномъ хо̀лмѣ онъ стоитъ
И въ рощи, въ дальній лугъ глядитъ;
А Псёлъ, предъ нимъ змѣёй извитый,
Стремяся къ мельницамъ, шумитъ.

Вблизи — любимый сынъ природы,
Обширный многосѣнный лѣсъ
Густыми купами древесъ,
Пріятной не тѣсня свободы,
Со всѣхъ сторонъ его обнесъ.

Предъ нимъ, въ прогалинѣ укромной,
Искусство, чтобъ польстить очамъ,
Пологость давъ крутымъ буграмъ,
Воздвигнуло на горкѣ скромной
Умѣренности скромный храмъ.

Умѣренность, о другъ небесный,
Будь вѣчно спутницей моей!
Ты къ счастію ведёшь людей;
Но твой алтарь, не всѣмъ извѣстный,
Сокрытъ отъ чванныхъ богачей.

Ты съ юныхъ дней меня учила
Честей и злата не искать,
Безъ крыльевъ кверху не летать
И въ свѣтломъ червякѣ — свѣтила
На диво міру не казать.

Съ тобой, милѣйшимъ мнѣ на свѣтѣ,
Моимъ удѣломъ дорожу;
Съ тобой, куда ни погляжу,
Вездѣ и въ каждомъ здѣсь предметѣ
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль съ горы — древесъ густою
Покрытой тѣнью теремокъ,
Сквозь наклонённый въ сводъ лѣсокъ,
Усталаго зовётъ къ покою
И смотрится въ кристальный токъ.

Тутъ вѣчно царствуетъ прохлада
И освѣжаетъ чувства, умъ;

А тихій, безумолкный шумъ
Стремительнаго водопада
Наводитъ сонъ средь сладкихъ думъ.

Тамъ двадцать вдругъ колёсъ вертятся:
За кругомъ поспѣшаетъ кругъ;
Алмазы отъ блестящихъ дугъ,
Опалы, яхонты дождятся;
Подъ ними клубомъ бьётъ жемчугъ.

Такъ призракъ счастья движетъ страсти,
Кружится ими цѣлый свѣтъ.
Догадливъ, кто отъ нихъ уйдетъ:
Они всё давятъ, рвутъ на части,
Что имъ подъ жорновъ попадетъ.

Пойдёмъ, пока не вѣчерѣетъ,
На ближній островъ отдохнуть;
Къ нему ведётъ покрытый путь,
Куда и солнца лучъ не смѣетъ
Сквозь тёмны листья проскользнуть.

Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
Опёршись на дебелый пень.
Увы, не долго, въ жаркій день,
Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь!

Ужь онъ склонилъ чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Ужь смотритъ въ мрачну глубину —
И скоро, въ бурну непогоду,
Вверхъ корнемъ ринется ко дну.

Такъ въ мірѣ времени струями
Всё рушится средь вѣчной при:
Такъ пали древни алтари;
Такъ, съ ихъ престольными столпами,
И царства пали, и цари.

Но скорбну чтобъ разсѣять думу,
Отлогою стезёй пойдёмъ
На окружонный лѣсомъ холмъ,
Гдѣ отражаетъ тѣнь угрюму
Съ зенита яркимъ Фебъ лучомъ.

Я вижу скромную равнину
Съ оградой пурпурныхъ кустовъ:
Тамъ Флора, нѣжна мать садовъ,
Свою разсыпала корзину
Душистыхъ полную цвѣтовъ.

Тамъ далѣ, въ области Помоны,
Плоды деревья тяготятъ;
За ними — вакховъ вертоградъ,
Гдѣ, сока нектарнаго полны,
Янтарны гроздія блестятъ.

Но можно ль всѣ красы картины
Всю прелесть ихъ изобразить?
Тамъ дальность съ небосклономъ слить,
Стадами тутъ устлать долины,
Златою жатвой опушить?

Нѣтъ, нѣтъ! оставимъ трудъ напрасный!
Ужь солнце скрылось за горой;
Ужь надъ эѳирной синевой
Межь тучъ сверкаютъ звѣзды ясны
И зыблются въ рѣкѣ волной.

Всхожу на холмъ! Луна златая
На лёгкомъ облакѣ всплыла
И верхъ текущаго стекла,
По голубымъ зыбямъ мелькая,
Блестящій столбъ свой провела.

О, какъ сіё мнѣ мѣсто мило,
Когда, во всей красѣ своей,
Приходитъ спутница ночей
Сливать съ мечтой души унылой
Воспоминанье свѣтлыхъ дней!

III.

МОТЫЛЁКЪ.

Къ верху жаворонокъ вьётся;
Надъ горой летитъ соколъ;
Выше облаковъ несётся
Къ солнцу дерзостный орёлъ;
Не летаетъ надъ землёю
Съ мягкой травки на цвѣтокъ,
Нѣжной пылью золотою
Отягчённый, мотылёкъ.

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положонъ предѣлъ:
Въ урнѣ роковой, конечно,
Жребій мой отяжелѣлъ.
Случай какъ ни потрясаетъ
Урну — всё успѣха нѣтъ;
Какъ жезломъ въ ней ни мѣшаетъ,
Жребій мой на дно падетъ.

Такъ и быть! Пусть на вершинѣ
Дубы гордые стоятъ:
Вѣтры буйные въ долинѣ

Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Если жь рокъ и тутъ озлится —
Что осталося? — терпѣть!
Болѣ счастливый боится,
Чѣмъ несчастный, умереть.

IV.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ЯБЕДА».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кривосудовъ, Өекла, Наумычъ *и* Архипъ.
Послѣдніе два съ корзиной въ рукахъ.

Кривосудовъ *(передразнивая).*
«Лишь только подписать: готовъ и протоколъ!»
Нѣтъ, другъ мой! да и я, вѣдь, также не осёлъ:
Когда всё на-голо̀ подписывать я буду,
То скоро работа̀ть и челюстьми забуду.
Перо — и то въ себя чернилы, вѣдь, берётъ:
Такъ мнѣ ли одному сидѣть, разиня ротъ,
И, видя по̀дъ носомъ летящихъ куропатокъ,
Изъ сотни не схватить одну или десятокъ?
Простъ былъ бы я и впрямъ!

Өекла.
Вотъ, милый муженёкъ,
Къ намъ Про̀валовъ прислалъ Наумыча.

Кривосудовъ.
Дружокъ,
Здорово! Господинъ каковъ твой?

Наумычъ.
Васъ поздравить
Велѣлъ съ днёмъ ангела, и симъ...
(Показываетъ на корзину.)

Өекла *(Архипу).*
Изволь поставить.

Наумычъ.
Поклонъ вамъ отдаётъ.

Кривосудовъ.
Благодари его!
Но много такъ на что?

Наумычъ.
И, сударь, ничего!

Кривосудовъ.
Но, право, совѣстно.

Наумычъ.
Домашнее всё это.

Өекла.
А намъ бы всё платить наличною монетой.

Наумычъ.
Ужель, сударыня?

Кривосудовъ.
Но будетъ ли онъ къ намъ
На дружескій обѣдъ?

Наумычъ.
Когда угодно вамъ.

Кривосудовъ.
Пожалуста, проси.

Өекла.
Мы будемъ дорогова
Ждать гостя.

Наумычъ.
Я скажу. О дѣлѣ я два слова
Хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ.

Кривосудовъ.
Онъ былъ ужь у меня.

Наумычъ *(Өеклѣ, разбирающей корзину).*
Въ бутылкахъ эрмитажъ.

Кривосудовъ.
Но я его оттёръ. О дѣлѣ небылицы
Занёсъ-было; но я замялъ рѣчь...

Наумычъ *(Өеклѣ).*
Фунтъ горчицы.

Кривосудовъ.
И съ рукъ сжилъ.

Наумычъ.
Сколько жь вамъ мой господинъ, сударь,
Обязанъ. *(Өеклѣ.)* На робронъ атласъ.

Өекла.
Какой хабаръ!

Кривосудовъ.
Но какъ онъ намекнулъ, то дѣло плоховато.

Наумычъ.
Всё ложно.
(Өеклѣ.) На кафтанъ тутъ бархатецъ косматый.
(Кривосудову.) И вы словамъ, сударь, не вѣрьте.

Кривосудовъ.
Ну, добро!
Посмотримъ.

Наумычъ *(Өеклѣ).*
Флёрв цвѣтной невѣстѣ на фуро.
(Кривосудову, указывая на подарки.)
На дѣлѣ мы, суда̀рь, доказываемъ ясно.

Кривосудовъ.
Добро, добро!

Наумычъ *(Өеклѣ).*
За насъ словцо. Шампанско красно.

Кривосудовъ.
Ужо посмотримъ.

Өекла.
Да, мой милый, посмотри.
Одной провизіи не съѣсть недѣли въ три.

Кривосудовъ *(глядя на подарки).*

Ба, Ба! что вижу впрямь! да это дворъ гостинный!

Наумычъ.

Изволите шутить.

Ѳекла *(Наумычу).*

Обернуто холстиной?

Наумычъ *(Ѳеклѣ).*

Швейцарскій сыръ. Такъ мы надѣемся на васъ?

Кривосудовъ.

Ну, кланяйся! добро!

Ѳекла.

Обѣдъ нашъ ровно въ часъ.

Наумычъ.

Навѣрно будетъ.

Ѳекла.

Ну, спасибо!

Кривосудовъ.

Ну, спасибо!

Ѳекла.

Спасибо!

Наумычъ.

Тамъ, въ сѣняхъ, въ кулькѣ провѣсна рыба.

(Уходитъ съ Архипомъ. Слуга уноситъ подарки.)

Ю. А. НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ.

Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій родился 6-го сентября 1752 года, учился сперва дома, потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Возвратившись въ Россію, онъ вступилъ въ военную службу и, начиная съ 1770 года до самаго заключенія Кайнарджійскаго мира въ 1774 году, прослужилъ въ дѣйствующей арміи, причёмъ, во всё продолженіе осады Бендеръ, находился подъ стѣнами крѣпости, а при овладѣніи ею участвовалъ въ приступѣ. По заключеніи мира, Нелединскій былъ награждёнъ чиномъ премьеръ-майора и назначенъ состоять кавалеромъ посольства нашего въ Константинополѣ, при князѣ Репнинѣ. Затѣмъ поступилъ въ составъ корпуса войскъ, расположонныхъ въ Финляндіи, а въ 1786 году вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Въ 1796 году, по восшествіи на престолъ Императора Павла, Нелединскій снова принятъ былъ на службу статсъ-секретарёмъ при принятіи прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя, причёмъ ему былъ пожалованъ чинъ статскаго совѣтника. Затѣмъ въ 1797 году онъ получилъ 800 душъ крестьянъ; въ 1798 — сопровождалъ государя въ его поѣздкѣ въ Москву, Казань и Бѣлоруссію; въ 1799 — награждёнъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденомъ Св. Анны 1-й степени; въ 1800 — пожалованъ въ сенаторы и, вслѣдъ затѣмъ, произведёнъ въ тайные совѣтники, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ, вмѣстѣ съ Лопухинымъ, обревизовать Слободско-Украинскую (нынѣ Харьковскую) губернію. Послѣ того онъ занималъ мѣсто почётнаго опекуна Санктпетербургскаго Опекунскаго Совѣта, былъ членомъ совѣта Общества Благородныхъ Дѣвицъ и Института Ордена Св. Екатерины, причёмъ всё время пользовался полной довѣренностью и расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Труды этого времени, понесённые Нелединскимъ, были награждены александровскою лентой (1808). Тѣмъ временемъ лѣта и сопряжонныя съ ними болѣзни, всё болѣе и болѣе подтачивая его и безъ того слабое здоровье, заставили, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы, которое онъ и получилъ въ 1826 году. Оставивъ Петербургъ, онъ переѣхалъ на жительство въ Калугу, къ своей дочери, бывшей замужемъ за тамошнимъ губернаторомъ, княземъ Оболенскимъ, гдѣ и умеръ 13-го февраля 1829 года. Юрій Александровичъ былъ человѣкъ очень умный, образованный и благородный въ полномъ значеніи этого слова. Въ литературѣ онъ особенно извѣстенъ своими пѣснями, исполненными чувства и простоты, изъ которыхъ одна, «Выйду я на рѣченьку», облетѣла всю Россію, на ряду съ пѣснями: «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ» (Богдановича), «Стонетъ сизый голубочекъ» (И. И. Дмитріева), «Гусаръ на саблю опираясь» (Батюшкова) и «Кто могъ любить такъ страстно» (Карамзина). Другія пѣсни и романсы Нелединскаго: «У кого душевны силы», «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», имѣли, для своего времени, такое же значеніе, какое впослѣдствіи пріобрѣли пѣсни: «Среди долины ровныя» (Мерзлякова), «Ахъ ты, ночь ли», «Пѣла, пѣла пташечка» и «Соловей мой, соловей» (Барона Дельвига), «Вотъ мчится тройка удалая» (Ѳ. Н. Глинки) и «Что отуманилась зоринька ясная» (Вельтмана). Нелединскій писалъ также и въ другихъ родахъ, но всё эти стихотворенія не могутъ идти въ сравненіе съ его пѣснями. Онъ также оставилъ нѣсколько переводовъ изъ болѣе извѣстныхъ французскихъ поэтовъ: Томаса, Флоріана, Лафонтена и Вольтера, также не представляющихъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Изъ Вольтера онъ перевёлъ цѣлую трагедію «Заиру». Всѣ эти произведенія, разбросанныя по разнымъ журналамъ и сборникамъ, были только въ 1850 году собраны и изданы Смирдинымъ, въ

одномъ томѣ съ сочиненіями Барона Дельвига. Наконецъ, имъ было написано прошеніе Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода императору Александру I — о принятіи имъ титула «Благословенный» и о позволеніи воздвигнуть ему памятникъ.

I.

ПѢСНЯ.

Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю:
Унеси моё ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струёй струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Всё къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая.
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ чтò душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и — не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ;
Взглядъ его — мой весь законъ.
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему;
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мыслю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдётъ мой стонъ къ тебѣ.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жь тó найдёшь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь —
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

II.

ПѢСНЯ.

Ты велишь мнѣ равнодушнымъ
Быть, прекрасная, къ себѣ:
Если хочешь зрѣть послушнымъ,
Дай другое сердце мнѣ.
Дай мнѣ сердце, чтобъ умѣло,
Знавъ себя, свободнымъ быть;
Дай такое, чтобъ хотѣло
Не одной тобою жить.

Тó, въ которомъ обитаетъ
Несравненный образъ твой —
Сердце, чтó тобой страдаетъ,
То и движется тобой.
Въ нёмъ ужь чувства нѣтъ иного,
Ни другой въ нёмъ жизни нѣтъ.
Ты во тьмѣ мученья злого —
Жизнь, отрада мнѣ и свѣтъ.

Вѣрность ли къ тебѣ нарушу?
Вздохъ мой первый ты взяла,
И, что я имѣю душу,
Ты мнѣ чувствовать дала.
Ты мнѣ душу, ты вложила;
Твой же даръ несу тебѣ;
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю ихъ себѣ.

Лишь не мучь, повелѣвая,
Чтобъ твоимъ престалъ я быть:
Чѣмъ, въ безмолвіи страдая,
Чѣмъ тебя мнѣ оскорбить?
Развѣ чтишь за преступленье
Взоръ небесный твой узрѣть,
Имъ повергнуться въ смущенье
И безъ помощи терпѣть!

III.

ПѢСНЯ.

У кого душевны силы
Истощилися тоской,
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой —
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнётъ въ послѣдній разъ.

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится,
Казнь и благо дней моихъ,
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ!
Душу чтб во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Чтб дышало божествомъ!
Отъ меня ты примешь жертву
И въ сёмъ мірѣ, и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить.

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей...
Если жь будешь хоть случайно
Близь гробницы ты моей —
Самый прахъ мой содрогнётся:
Твой приходъ въ нёмъ жизнь родитъ —
И тотъ камень потрясётся,
Подъ которымъ буду скрыть.

IV.

КЪ ЛУНѢ.

Въ вечерній мирный часъ, когда природа дремлетъ,
Какъ царствуетъ вездѣ любезна тишина,
Безмолвный твой глаголъ душа и сердце внемлетъ,
Другъ меланхоліи, сребристая луна!

Лучомъ волшебнымъ ты смиряешь чувствъ волненье,
Надежды сладкое питаешь упоенье,
Стенящему несёшь отраду въ злой судьбѣ
И образъ кротости являешь намъ въ себѣ.

Краса величія и благости подруга,
О кротость, первое сокровище царей!
Бесѣды избранной средь счастливаго круга,
Ты всё животворишь въ странѣ прелестной сей.

Въ ней геній благости, тобою намъ сіяя,
Благоговѣнье въ насъ воззрѣньемъ осмѣляя,
Къ пристойной вольности здѣсь каждаго зовётъ
И чистыхъ намъ утѣхъ примѣръ въ себѣ даётъ.

Свѣтило милое, Цинтія дорогая!
Свой дѣвственный къ намъ взоръ умильно обращая,
Когда среди небесъ являешься безъ тучъ —
Утѣхамъ здѣшнимъ твой тогда подобенъ лучъ.

КНЯЗЬ И. М. ДОЛГОРУКОЙ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, потомокъ родного брата князя Якова Ѳеодоровича, знаменитаго и правдиваго сподвижника Петра Великаго и внукъ князя Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, родился 7-го апрѣля 1764 года въ Москвѣ, въ домѣ отца, на Тверской, учился сначала дома а потомъ, съ 1777 по 1780 годъ, въ Московскомъ университетѣ. Первымъ литературнымъ опытомъ Долгорукова — былъ переводъ книги Мерсье: «Les Songes philosophiques», сдѣланный имъ ещё во время своего студенчества и напечатанный въ 1780 году. По выходѣ изъ университета, онъ поступилъ въ Московскій пѣхотный полкъ офицеромъ, какъ кончившій курсъ студентъ; затѣмъ, спустя два года, былъ переведёнъ лейбъ-гвардіи въ Семёновскій полкъ, гдѣ въ 1785 году былъ произведёнъ въ поручики, въ 1788 — въ капитанъ-поручики, въ 1790 — въ капитаны, а въ началѣ 1791 года уволенъ въ отставку съ чиномъ бригадира, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Долгорукова было стихотвореніе «На смерть Горича», убитаго при штурмѣ Очакова въ 1787 году. Стихи были написаны тогда же; но напечатаны только въ 1788 году, въ видѣ приложенія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Въ 1787 году Долгорукой женился на Евгеніи Сергѣевнѣ Смирновой, отецъ которой былъ казнёнъ Пугачёвымъ, а въ 1791 былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу. Жизнь въ Пензѣ, послѣ блестящей петербургской жизни,

конечно, не могла вполнѣ удовлетворить его наклонности къ свѣтскимъ развлеченіямъ. За-то это обстоятельство заставило его тѣмъ съ бо̀льшею горячностью приняться за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей, всю важность которыхъ онъ хорошо понималъ. Между немногими, съ кѣмъ онъ сблизился въ городѣ, особенно пришлось ему по сердцу семейство Загоскиныхъ, отца и матери извѣстнаго впослѣдствіи романиста М. Н. Загоскина, автора «Юрія Милославскаго» и «Рославлева». Съ жизнью его въ Пензѣ совпадаетъ наибольшая его извѣстность, какъ поэта. Въ одной поэзіи, этой успокоительницѣ сердца, находилъ онъ прибѣжище и въ счастьи и въ несчастьи; ей одной ввѣрялъ онъ тѣ сильныя черты негодованія, которыя такъ часто встрѣчаются въ его стихахъ. Однимъ изъ первыхъ стихотвореній, написанныхъ въ Пензѣ, было посланіе «Къ швейцару», обратившее на себя общее вниманіе оригинальностью своего содержанія. Здѣсь же, въ 1795 году, написалъ онъ философическую оду «Каминъ въ Пензѣ», пріобрѣвшую громкую извѣстность. Въ первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ только для знакомыхъ автора; но распространившаяся извѣстность оды побудила автора напечатать её вторично. Къ этому же году относится его посланіе «Къ судьбѣ», въ которомъ, перебравъ разныя шутки судьбы съ людьми и народами, упрекаетъ её въ перемѣнахъ своей жизни. Подъ конецъ своей службы въ Пензѣ, онъ испыталъ большія неудачи и много непріятнаго, но продержался на мѣстѣ до самой кончины Екатерины II, которая не любила разрѣшать узлы правосудія, по примѣру Александра Македонскаго. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла I Долгорукой былъ немедленно *отставленъ отъ дѣлъ*, вслѣдствіе чего переѣхалъ снова на житьё въ Москву. Въ 1797 году онъ былъ опять принятъ въ службу, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленіемъ въ Главную Соляную Контору, находившуюся въ Москвѣ. Здѣсь, въ 1798 году, онъ написалъ комедію «Отчаяніе безъ печали» и оперу «Любовное волшебство», а въ самомъ концѣ года — стихотвореніе: «1799 годъ», замѣчательное по своимъ воспоминаніямъ объ Екатеринѣ Великой. Въ 1799 году написано имъ два стихотворенія: «Завѣщаніе» и «Спасибо 1799-му году». Въ первомъ изъ названныхъ стихотвореній Долгорукой впервые обнаружилъ ту глубину души, которая съ того времени всё чаще и чаще стала проявляться въ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Въ 1802 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ во Владимірѣ, а въ 1804 — произведёнъ въ тайные совѣтники. Въ исходѣ того же года онъ имѣлъ несчастье потерять любимую супругу, примирявшую его такъ часто въ бурные дни и съ жизнью, и съ самимъ собою. Долгорукой со всею искренностью своего добраго сердца оплакалъ ея кончину, что̀ могутъ засвидѣтельствовать всѣ стихотворенія поэта, написанныя имъ во время вдовства и изданныя въ 1808 году отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Сумерки моей жизни». Но что̀ вѣчно подъ луною?

Мёртвый въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

сказалъ Жуковскій. 13-го января 1808 года, то-есть черезъ три года по смерти первой жены и въ самый годъ изданія «Сумерокъ», посвящённыхъ ея памяти, князь Долгорукой вступилъ во второй бракъ съ Аграфеною Алексѣевною, урождённою Безобразовой, а по первому мужу Пожарскою. 25-го августа того же года ему пожалована была Анненская лента, первый и послѣдній орденъ, имъ полученный: другихъ у него не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ — это была и послѣдняя награда, заслуженная имъ въ теченіе слишкомъ тридцатилѣтней его службы. 23-го марта 1812 года былъ подписанъ указъ, которымъ князь Долгорукой увольнялся въ отставку, а 25-го того же мѣсяца онъ уже покидалъ Петербургъ, куда пріѣзжалъ для объясненій по разнымъ дѣламъ, возникнувшимъ послѣ ревизіи Владимірской губерніи, которыя продолжались ещё долго послѣ этого, и кончились въ 1816 году выговоромъ, то-есть почти ничѣмъ въ сравненіи съ обвиненіями. Возвратившись въ Москву, онъ прожилъ въ ней не долго, такъ-какъ французы быстро приближались къ первопрестольной нашей столицѣ. 31-го августа 1812 года семейство князя Долгорукова выбралось, наконецъ, изъ Москвы, а 2-го сентября вечеромъ французы заняли городъ. Проживъ до конца сентября въ подмосковномъ селѣ Никольскомъ, Долгоруковы отправились обратно во Владимірскую губернію и основали временное своё пребываніе въ Шуѣ. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ Московскаго пожара, князь Иванъ Михайловичъ написалъ стихотвореніе: «Плачъ надъ Москвою», въ которомъ изобразилъ тогдашнее своё положеніе. По освобожденіи Москвы, Долгоруковы возвратились въ Никольское, а 1-го ноября пріѣхали взглянуть на Москву, причёмъ съ радостью увидали, что пожаръ пощадилъ ихъ старый домъ,

купленный ещё отцомъ князя въ 1784 году. Весь 1813 годъ Долгоруковы провели въ переѣздахъ между Никольскимъ, Нижнимъ-Новгородомъ и Шуей и только къ концу этого года устроились на постоянное жительство въ Москвѣ. Къ этому времени принадлежитъ стихотвореніе «Везётъ», имѣвшее большой успѣхъ. Послѣдніе годы своей жизни князь Долгорукой провёлъ въ Москвѣ, не оставляя своихъ литературныхъ занятій. Однимъ изъ послѣднихъ его вдохновеній было стихотвореніе «Взглядъ старца на заходящее солнце», проникнутое грустнымъ предчувствіемъ близкой смерти. Князь Долгорукой скончался скоропостижно 4-го декабря 1823 года и погребёнъ на кладбищѣ Донского монастыря.

«Князь Долгорукой никакъ не можетъ назваться образцовымъ писателемъ», говоритъ его біографъ: «но онъ одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые никому не подражаютъ и которые сами никогда не могутъ имѣть подражателей, потому-что подражательность можетъ занять только форму, а не можетъ усвоить духа. Форма его не оригинальна и не блестяща; а духъ — есть врождённый даръ природы, не передающійся другому.»

Сочиненія князя Долгорукова были изданы четыре раза: три первыя — самимъ авторомъ, подъ заглавіемъ: «Бытіё сердца моего» (1-е изд. — М. 1802; 2-е — М. 1808 и 3-е — М. 1818), а четвёртое — книгопродавцемъ Смирдинымъ, подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій Долгорукова (Князя Ивана Михайловича). Спб. 1849.»

I.

КАМИНЪ ВЪ МОСКВѢ.

Ещё мы лѣта не видали,
А ужь опять зима какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выдти не дадутъ.
Краса природы измѣнилась:
Завѣсой ночи обложилась.
Ахти! что̀ дѣлать? что̀ начать?
Придвинусь къ милому камину
И съ нимъ мою тоску, кручину,
Какъ прежде, стану раздѣлять.

Въ какихъ краяхъ я ни шатался,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ за̀мкахъ величался,
Иль крылся внутрь своихъ хоромъ —
Каминъ, мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель:
По суткамъ съ нимъ живалъ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады —
Всё мой завѣдывалъ каминъ.

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу
И у камина въ кабинетѣ
О человѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моёмъ воображеньи
О счастьи общія всѣмъ мнѣньи
Могу я съ правдой согласить.
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто счастья что̀ находитъ?
Причины новыя тужить.

Цари, по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью,
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ нерѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнѣютъ,
А также въ счастіи блѣднѣютъ,
Какъ самый ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ, иль пещерѣ —
Равно противъ напасти слабъ.

Вездѣ о счастіи писали
И будутъ вѣчно толковать —
Нигдѣ его не отыскали:
Ахъ, трудно счастіе стяжать!
И я — мужикъ хоть не мудрёный —
Сказать то также, какъ учоный,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ;
Да гдѣ и какъ найдти? — не знаю!
Въ печали — на яву страдаю,
А веселъ — всё будто во снѣ.

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмуря, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его всё тихо,
Философъ свой даётъ законъ:
«На что страстямъ порабощаться?
Разсудку должно покоряться.
Всѣ наши прихоти — мечта;
Всё здѣсь, о люди, скоротечно:
Ищите въ небѣ счастья вѣчно,
А міръ — суетъ есть суета.

«Коль сытъ однимъ — на что три блюда?
Коль есть кафтанъ — на что ихъ пять?

Къ чему потребна денегъ груда?
Умрёшь — съ собой вѣдь ихъ не взять.
Стѣсни ты нуждъ своихъ границы,
Бѣги въ деревню изъ столицы,
Живи спокойно малый вѣкъ,
Терпи обиду равнодушно,
Сноси печаль великодушно,
Будь выше, нежли человѣкъ!»

Да самъ ты что, мой поучитель?
Ты Богъ, иль ангелъ во плоти?
Глубокой мудрости рачитель,
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искусства —
Ужель таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу — тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты — пустой кимвалъ.

О, если бъ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ крови бъ не кипѣлъ —
Куда бы было жить прекрасно!
Всё было бъ мирно, безопасно,
Любовь была бъ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бы не ѣли;
Ужиться межь собой умѣли
Французъ, арабъ и мусульманъ.

О, если бъ — это только слово
Когда въ заглавьѣ положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны,
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты рости вседневно станутъ,
Къ каминамъ бѣгать перестанутъ —
Совсѣмъ переродимся мы.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камина стало!
Оставимъ лучше всё, какъ есть:
Того, чтó мнѣ на разумъ впало,
Никакъ не можно произвесть.
Пускай себѣ кружится сфера
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ всё къ лучшему устроитъ:
Насъ нынѣ стужа безпокоитъ,
За-то не страшенъ лѣтній громъ.

Молву я слышу повсечасну
О свойствахъ добрыхъ поселянъ:
Какую жизнь ведутъ прекрасну,
Законъ природы не попранъ.
«У нихъ грубѣй», твердятъ мнѣ, «нравы,
Но несравненно ихъ забавы
Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ.»
Неправда! — также, каковъ часъ.

Когда даются серенады
У насъ въ прекрасный лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь:
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздираетъ,
Или беремя дровъ тащитъ,
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядитъ.

Каминъ, тобой не помѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь:
Всегда мнѣ милъ, вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны:
Печаль и радость съ ними смѣжны.
Ты будь престолъ моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю тѣ, что мнѣ на нравъ.

Когда же книгу я оставлю
И углублю въ каминъ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ соборъ!
Моей всей юности картину,
Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ воображу;
На сѣверъ, югъ и на столицу,
И на финляндскую границу
Какъ-будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой Боже, предъ Тобою!
Я праздно молодость убилъ;
Влекомъ обычая волною,
И день и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ: «это всё заёмъ,
Которымъ я кого ссужаю;

Современемъ сей долгъ, я знаю,
Красёнъ мнѣ будетъ платежомъ.»

Пора ко нравамъ примѣниться!
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ:
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.
Искать друзей — есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людского равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра:
Увы! — во множествѣ они!

Въ глаза другъ друга всѣ расхвалятъ,
Но случай лишь придётъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалятъ —
Пойдутъ, не молвя слова, прочь.
Умёнъ ли кто — тотъ такъ придавитъ,
Что цѣлый вѣкъ тебя заставитъ
О нёмъ съ слезами вспомянуть;
Дуракъ — тотъ гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградитъ твой путь.

Отъ золъ такихъ моя отрада —
Единый Богъ, Богъ твари всей!
Мнѣ ничего уже не надо:
Не жду блаженства отъ людей.
Стократъ пріятнѣй, дома сидя,
Соблазновъ свѣта въ нёмъ не видя,
Съ своей семьёю просто жить,
И, скромно время провождая,
Разсудку здраво угождая,
Дрова въ каминѣ шевелить.

II.

ПРИКАЗЪ ШВЕЙЦАРУ.

Андрюшка, кинь топоръ; я въ знать тебя пустилъ:
Изъ русскихъ мужиковъ швейцаромъ окрестилъ.
Живи теперь въ сѣняхъ, опрятно одѣвайся,
Носи большую трость и шпагой величайся,
Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ.
И здѣсь вѣдь ужь большой открылся нынѣ свѣтъ:
Всѣ пò уши въ долгахъ, всѣ знаютъ толкъ въ уборахъ
И купчикъ завелся каретой на рессорахъ.
Лишь только кто ко мнѣ пожалуетъ на дворъ,
Ты встрѣть его тотчасъ, вступи съ нимъ въ разговоръ.
А чтò кому сказать на разный спросъ придётся,
Однажды навсегда инструкція даётся:
«Для знатныхъ баръ меня во весь день дома нѣтъ;
Пріятелей зови на дружескій обѣдъ;
Купцамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю,
Попамъ — что и безъ нихъ спастись одинъ съумѣю;
Приказныхъ и судей къ мѣстамъ ихъ посылай,
А нищихъ и сиротъ всегда ко мнѣ пущай.»
Я требую, чтобъ ты былъ низокъ передъ ними;
Жалѣй о ихъ судьбѣ и не ругайся ими:
Пускай, увидя твой привѣтливый пріёмъ,
Пойдутъ они ко мнѣ, увѣрены въ моёмъ.
Кто дряхлъ, кто притѣснёнъ, кто пищи не имѣетъ,
Того согнать съ двора никто да не посмѣетъ!
Намъ знатность, власть, чины цари даютъ на тò,
Чтобы въ подданствѣ ихъ не бѣдствовалъ никто,
Чтобъ люди, не страшась пить скорби чашу люту,
Блажили свой удѣлъ на каждую минуту,
И нищему велятъ съ тѣмъ руку протянуть,
Чтобъ шагъ ихъ поддержать, а не въ оврагъ столкнуть.
Я князь не для того, чтобъ чваниться породой;
Другой богатъ не съ тѣмъ, чтобъ жить согласно съ модой;
На то ль иной въ звѣздахъ, чтобъ камней нанизать
И, къ солнцу ими ставъ, какъ пряникомъ играть?
Породою своей кто выситься желаетъ,
Благотворенью тотъ весь вѣкъ свой посвящаетъ,
А кто лишь знатенъ тѣмъ, что знатный носитъ санъ,
Тотъ прахъ предъ Божествомъ, предъ трономъ истуканъ.
Андрюшка, бойся ты сказать: «теперь не время»
Тому, кто терпитъ золъ различныхъ тяжко бремя!
Пріятно ль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у судьи, чтобъ въ спальнѣ разсвѣло,
Стоять въ его сѣняхъ, покамѣстъ онъ проспётся,
Причешетъ паричёкъ и кофею напьётся?
Зимой мужикъ озябъ, а лѣтомъ недосугъ:
Собрать онъ долженъ хлѣбъ, скосить онъ долженъ лугъ.
Какъ нѣжный сынъ къ отцу въ объятія стремится,
Лобзаніемъ его въ нёмъ сердце обновится,
Такъ точно и къ судьѣ поселянинъ бѣжитъ.
Прямой судья примѣръ въ Екатеринѣ зритъ:
Ей всѣ часы равны, какъ днёмъ, такъ и средь ночи,
На пользы странъ ея всегда отверсты очи;
Несчастливыхъ судьбинъ въ ея державѣ нѣтъ:
Ей россы тѣмъ должны, чѣмъ долженъ Богу свѣтъ.
У многихъ здѣсь господъ, я знаю, что швейцару
Приказъ данъ различать четвёрку, цугъ и пару,
Провесть иного вверхъ, иному отказать,

Иного за порогъ передней не пускать.
Однако, чтобъ швейцаръ отъ этого разбору
Не сдѣлалъ иногда какого-нибудь вздору,
Купца не распознавъ, затѣмъ-что онъ обритъ,
Не молвилъ бы врасплохъ, что баринъ ещё спитъ,
То велѣно уже торговому народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу.
Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему на верхъ чай, сахаръ и гроши;
А сей, пріемля даръ тихонько въ кабинетѣ,
Благодаритъ боговъ: не худо жить на свѣтѣ!
И вправду, вѣдь нельзя того грѣхомъ назвать,
Что Богу и царю — обоимъ вдругъ солгать.
Присяга въ старину считалась важнымъ дѣломъ,
А нынѣ всё пустякъ — всѣ люди пишутъ мѣломъ:
Сегодня присягнулъ и крестъ расцаловалъ,
Назавтра обманулъ, обидѣлъ и укралъ.
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ бѣдности почтенной
Судъ праведный творитъ, на мздѣ не положенный,
Кто чести смыслитъ вѣсъ и милости предѣлъ,
Кто истину судьёй своихъ поставилъ дѣлъ,
Чьё имя съ похвалой по стогнамъ раздаётся,
Отъ коего нигдѣ прискорбныхъ слёзъ не льётся!
Вотъ истинный мой другъ! вотъ я кого люблю!
Съ коварствомъ никогда водиться не терплю.
И что̀ за прибыль мнѣ, что страхъ-какой вельможа,
Отъ коего подъ часъ трещитъ на многихъ кожа,
Пріѣдетъ не ко мнѣ, а къ чину моему,
Вводить въ соблазны духъ и ставить сѣть уму?
Въ добрѣ ли отъ меня онъ ищетъ вспоможенья?
Ахъ, нѣтъ! ему моё лишь нужно преступленье.
Я совѣстью своей не жертвую страстямъ
И должность покорить не смѣю прихотямъ;
Ходатаевъ снискать злодѣйствами не жажду:
Предъ всей вселенной чистъ, хоть въ тѣсной нуждѣ стражду.
Случилось мнѣ видать — и право я не лгу,
Какъ знатный господинъ, согнувшись весь въ дугу,
Сзывалъ къ себѣ въ село судей уѣздныхъ кушать;
По нуждѣ, хоть не разъ, готовъ ихъ вздоры слушать,
Вина имъ рѣки льётъ, подноситъ тьму плодовъ;
Измучилъ цѣлый полкъ французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ своё съ доводами толкуетъ
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ.
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:
«Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ!»
Металлъ! ты мудрецовъ коверкаешь душами,
Коробишь совѣсть въ нихъ и движешь всѣхъ умами!
Такъ можно ли хотѣть, чтобъ на чужой алтынъ
Чиновникъ безъ души не городилъ свой тынъ?
Судьи, обворожась сіяньемъ знатной славы,
Рѣшились портить вдаль свои худые нравы
И, правиломъ пріявъ боярскія слова,
Смѣшали въ честь ему законъ и всѣ права.
А тотъ же господинъ, я самъ слыхалъ нерѣдко,
За тридевять земель такъ подчиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за-то, чѣмъ ихъ язвитъ,
Съ поклоновъ и теперь ещё спина болитъ.
На что же мнѣ съ такой почётной чернью знаться
И ядомъ льстивыхъ словъ на что мнѣ упиваться?
Чѣмъ выше на ступень входящихъ я видалъ,
Тѣмъ больше къ нимъ моё почтеніе терялъ:
Злодѣйство назовутъ они предразсужденьемъ;
На скорбь и тѣсноту глядятъ съ пренебреженьемъ.
Какъ рѣдко сердце въ нихъ займётъ благой предметъ
Иль сроднику помочь, иль другу дать совѣтъ!
Онъ самъ всё для себя. Разруша связь природы,
Запутался въ цѣпяхъ мечтательной свободы.
Всѣ средства хороши, невинны для него,
Лишь только бъ удалось, желаетъ онъ чего.
Отъ гнусныхъ дѣлъ стыда въ лицѣ его нѣтъ краски;
Съ женою и съ дѣтьми, съ глухими даже въ маскѣ.

Андрюшка, въ толкъ возьми, что̀ я тебѣ сказалъ,
И рабски исполняй, что̀ бъ я ни приказалъ.
На водку за докладъ просить не покушайся,
Не трися вкругъ мѣщанъ, съ купцами не якшайся;
Будь по-просту холопъ. Не мысли никогда,
Кого бы въ кабинетъ пустить ко мнѣ когда:
Проситель ни въ какой мнѣ часъ не помѣшаетъ:
Онъ, нужду объяснивъ, не медля отъѣзжаетъ.
А въ гости ни кого къ себѣ я не зову;
Не чванства ради здѣсь — по должности живу.
Зачѣмъ ко мнѣ придётъ охотникъ до попойки?
Что̀ дѣлать и тому, кто вѣкъ сидитъ на двойкѣ?
Зачѣмъ кого ко мнѣ нелёгкій понесётъ,
Кто всякій дрязгъ и вздоръ изъ дому въ домъ несётъ?
Кто, скромности презря любезнѣйши уставы,
Какъ аспидъ злой, мутитъ сердца и портитъ нравы?
Сихъ качествъ человѣкъ соскучится со мной.
Бесѣду всякъ на вкусъ пріискиваетъ свой.
Довольно міра я плѣнялся суетою,
Довольно міру я давалъ играть собою;
Хочу отнынѣ впредь я жить уединенъ.
На балы торопясь, я меньше былъ блаженъ,
Чѣмъ нынѣ, въ тѣ часы, въ тѣ сладкія минуты,
Когда, скорбящихъ душъ унявши вздохи люты,
Окончивъ тяжкій срокъ рекрутскихъ злыхъ часовъ,
Домой я прихожу свободенъ отъ трудовъ,
И, бросившись къ женѣ, стократъ её лобзаю,
А дѣтокъ вкругъ нея и тѣшу и ласкаю.

О, сладкая стократъ замѣна тѣмъ пирамъ,
На коихъ я бывалъ не радъ и жизни самъ,
Съ почтеніемъ внималъ несвязную бесѣду,
Желая поскорѣй узрѣть конецъ обѣду;
Чтó въ мысли мнѣ вошло, сказать не могъ никакъ,
Коль не былъ я готовъ кричать со всѣми: «такъ!»
Чтó счастіемъ зовёмъ, то разно всѣ толкуютъ,
И часто на судьбу напрасно негодуютъ.
Я въ добродѣтели блаженство полагалъ;
Я въ ней его ищу и въ ней всегда искалъ.

Довольно! Но уже какая-то карета
Пріѣхала на дворъ — и ждётъ слуга отвѣта.
Поди и поступай, какъ я тебѣ велѣлъ.
Мой жребій — кабинетъ, а сѣни — твой удѣлъ!

III.

ИЗЪ «НЕСЧАСТНОЙ КРАСАВИЦЫ».

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не вѣра привлекла — обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота, гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ Ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стёръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ тёмной ночи;
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверзтьи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса
И каждымъ словомъ духъ въ восторгѣ изумляла.
Безмолвная печаль на-вѣкъ ихъ нынѣ сжала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣжавшихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ — улыбкой лишь дарила?
О, время! ты летишь — и нѣтъ тебѣ преградъ:
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье —
Всё случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,
Платила дань страстямъ и чувственно жила.

IV.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ сёмъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ.
Тогда со всѣхъ сторонъ вселенной
На страшный судъ нелицемѣрной
Стекутся люди всякихъ вѣръ:
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжой столкнётся изувѣръ.

Въ пространномъ царствѣ всей природы
Ударитъ вѣчной жизни часъ;
Увидимъ разные народы,
Колико ни было до насъ,
И тѣхъ, въ которыхъ мы живали,
И коихъ вовсе не знавали,
Потомковъ тьмы явятся тутъ;
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помышленья
Тогда въ явленіе придутъ.

Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчёлы, секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды притупятъ.
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ дотоль въ земной утробѣ
И былъ ли онъ парчёй одѣтъ?
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили?
Вопросъ: какъ жилъ? — давай отвѣтъ!

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй;
Съ друзьями тамъ соединюся,
Съ отцомъ, съ сестрой, съ дѣтьми сойдуся,
И вѣрю, Богомъ духъ плѣня,
Что радости сея священной,
Ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненной,
Никто не возьметъ отъ меня.

О вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны:

Онѣ души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ чѣмъ ни схоронится,
Земля всё въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!

Добро, какое я имѣю,
Даю женѣ и дѣтямъ всё:
Давать могу, доколь владѣю;
Умру — ничто ужь не моё.
Печальныхъ картъ не посылайте
И чорныхъ платьевъ не вздѣвайте:
Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
Ни въ дождь, ниже во время ясно
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ.

Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ;
Чтобъ Онъ врагамъ моимъ прощая,
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемскій рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо много:
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ Самъ её намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами:
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ:
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ-три берёзы,
Да ближнихъ искренніи слёзы —
Вотъ монументовъ красота!

Таковъ его здѣсь воздвигаю
Тебѣ, любезная сестра!
Твой гробъ сердечно лобызаю.
Придётъ и наша всѣхъ пора.
Ты дань природѣ заплатила,
Конецъ съ началомъ съединила,
Достигла цѣли естества.
Твой трупъ въ покоѣ безмятежномъ
И въ ложѣ смерти неизбѣжномъ
Позналъ измѣну вещества.

А я ещё живу и маюсь
И міру всячески служу;
Не рѣдко вздоромъ утѣшаюсь,
Не рѣдко о пустомъ тужу;
Подъ часъ вселенну ненавижу;
И хоть изъ опытовъ я вижу,
Что въ ней нельзя спокойну быть,
Но — ахъ, какъ смертный слабъ бываетъ —
Лишь чуть Раида приласкаетъ,
Готовъ ещё сто лѣтъ прожить.

V.

ВЗГЛЯДЪ СТАРЦА НА ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.

Красно солнышко садится;
Слышу колоколъ Донской:
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской.
Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ:
Окончáвши вѣкъ ненастно,
Заплачу свой долгъ судьбѣ.

Скоро духъ угомонится:
Злые вѣстники пришли,
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли.
Жизнь, какъ молнія, сверкнула...
Гдѣ ты, призракъ дорогой?
Буря смертная подула,
Громъ гремитъ: онъ роковой!

Новый мѣсяцъ народился,
Робко смотритъ изъ-за тучъ,
Частымъ дождикомъ обмылся.
Вижу тотъ же томный лучъ,
Коимъ прежде вдохновлённый,
Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И, восторгомъ увлечённый,
Имъ конца не ожидалъ.

Тотъ же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ:
Геній скрылся — не пою;
Слабымъ перстомъ движу лиру:
Звукъ исчезъ! — кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру:
Отголоска не слыхать.

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу вѣсть даётъ,
Пылкій умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льётъ.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердецъ:
Тутъ природы всей противной
Милъ становится конецъ.

Что̀ въ картинѣ мнѣ прекрасной
Міозданія всего?
Безъ любви, въ восторгахъ страстной,
Вся вселенна — ничего!
Если должно — но боюся —
Нитку дней моихъ продлить,
Провидѣніе, молюся:
Силу дай всегда любить!

Нѣтъ, сей даръ не возвращаетъ
Царь природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тьму.
Такъ и я, въ послѣдни годы
Суетамъ сказавъ «прости»,
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути.

Не минётъ меня лихая:
Гнётся выя — серпъ готовъ!
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкій кровъ.
Какъ щепа въ рѣкѣ съ волною
Приплываетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь — и скоро тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ, сливаясь, вѣки
Временамъ кладутъ предѣлъ,
Гдѣ пріемлютъ человѣки
Казнь, иль славу здѣшнихъ дѣлъ.
Всё по мнѣ пребудетъ тоже:
Паки солнышко взойдётъ...
Другъ придётъ — заглянетъ въ ложе,
Но души ужь не найдётъ.

Онъ почтитъ меня слезами,
Тяжкій вздохъ мнѣ подаритъ
И нельстивыми устами
Тризну мирну сотворитъ,
Скажетъ: былъ и онъ на свѣтѣ,
Мыслилъ, чувствовалъ, вѣщалъ,
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣтѣ
И любилъ — пока дышалъ!

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, русскій исторіографъ, родился 1-го декабря 1766 года въ родовомъ помѣстьѣ, селѣ Богородицкомъ, Симбирской губерніи. Генеалогическія извѣстія о родѣ Карамзиныхъ восходятъ до XVI вѣка, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ ихъ родоначальникъ, татарскій мурза, по имени Кара-мурза. Отецъ Карамзина былъ человѣкъ мало-образованный, а по средствамъ къ жизни принадлежалъ къ среднему дворянству. Что же касается матери, то Карамзинъ не пользовался ея ласками, такъ-какъ она умерла вскорѣ по его рожденіи. Первоначальное воспитаніе Карамзина, получённое въ домѣ отца, по обыкновенію того времени, не пошло дальше чтенія «Часослова», подъ руководствомъ мѣстнаго дьячка. Вѣроятно, и дальнѣйшее его образованіе было бы въ томъ же родѣ, если бы счастливый случай не привёлъ въ Симбирскъ И. П. Тургенева, начальника Московской Грановитой Палаты, человѣка весьма образованнаго. Поговоривъ съ молодымъ Карамзинымъ, Тургеневъ посовѣтовалъ отцу Николая Михайловича отвезти сына въ Москву, предсказывая, что изъ мальчика выйдетъ прокъ. Согласно совѣту пріятеля, съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и отданъ въ учебное заведеніе Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, гдѣ и пробылъ до вступленія своего въ дѣйствительную службу въ гвардію, такъ-какъ, по тогдашнему обыкновенію, онъ уже давно былъ записанъ въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ. Шаденъ былъ человѣкъ добросовѣстный и дальновидный, а потому тотчасъ открылъ въ Карамзинѣ, кромѣ благонравія, замѣчательныя способности и любознательность. Тогда онъ сталъ заниматься съ нимъ, кромѣ языковъ французскаго и нѣмецкаго, языками греческимъ, латинскимъ, англійскимъ и итальянскимъ, водилъ его съ собою къ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ для практики во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и давалъ ему читать лучшія иностранныя сочиненія, писанныя для юношества. Окончивъ курсъ ученія въ пансіонѣ, Карамзинъ сталъ посѣщать университетскія лекціи. Затѣмъ, онъ отправился въ Петербургъ на службу и пробылъ тамъ до смерти отца, послѣ чего вышелъ въ отставку поручикомъ и поселился въ Симбирскѣ. Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ познакомился и подружился съ И. И. Дмитріевымъ, бывшимъ въ то время сержантомъ въ Семёновскомъ полку. Здѣсь, по примѣру своего новаго друга, онъ сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго, причёмъ первымъ его переводомъ, по свидѣтельству Дмитріева, былъ «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ русской императрицей Елизаветой въ Елисейскихъ поляхъ». Но изъ всѣхъ переводовъ, сдѣланныхъ Карамзинымъ въ это время, былъ напечатанъ только одинъ: «Деревянная нога, швейцарская идиллія господина Геснера. Переведено съ нѣмецкаго Никол... Карамз.. Спб. 1783.» Это — первый напечатанный трудъ Карамзина. Въ Москвѣ Карамзинъ вскорѣ сблизился съ извѣстнымъ писателемъ того времени Н. И. Новиковымъ, который убѣдилъ его посвятить себя исключительно литературѣ и предложилъ ему заняться переводами сочиненій педагогическаго содержанія для «Листка для Дѣтскаго Чтенія», который прилагался при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отдѣльными листками безплатно, а потомъ выхо-

дилъ отдѣльными книжками. Карамзинъ принялъ предложеніе и приступилъ къ изданію «Дѣтскаго Чтенія», имѣя не болѣе 19-ти лѣтъ отъ роду. Товарищемъ его по изданію былъ нѣкто Петровъ, тотъ самый, къ кому относится его статья: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона». Въ пять лѣтъ (1785 — 1789) Карамзинъ издалъ 20 частей книги, которая имѣла неслыханный успѣхъ и выдержала четыре изданія. «Дѣтское Чтеніе» читали не только дѣти, но и взрослые, на которыхъ оно имѣло значительное вліяніе. Пятилѣтняя работа надъ переводами изъ лучшихъ иностранныхъ писателей незамѣтно развила въ нёмъ вкусъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставила его по-неволѣ слѣдовать тому же направленію, какого придерживалась вся западная литература. Рядомъ съ журнальными работами, поглощавшими чуть не всё время редактора, Карамзинъ находилъ свободные часы на переводъ большихъ сочиненій и изданіе ихъ отдѣльными книжками. Такъ въ 1786 году онъ перевёлъ и издалъ въ Москвѣ поэму Галлера «О происхожденіи зла», въ 1787 — трагедію Шекспира «Юлій Цезарь», а въ 1788 — трагедію Лессинга «Эмилія Галотти». Въ 1789 году, вслѣдъ за прекращеніемъ «Дѣтскаго Чтенія», Карамзинъ уѣхалъ за-границу, гдѣ пробылъ болѣе году. Плодомъ этой поѣздки были — «Письма Русскаго Путешественника», прославившія имя автора, до того мало извѣстное. Авторъ проѣхалъ Германію, гдѣ посѣтилъ многихъ знаменитыхъ учоныхъ и литераторовъ; побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Осенью 1790 года Карамзинъ возвратился въ Россію и снова поселился въ Москвѣ, гдѣ, благодаря своему обширному, энциклопедическому образованію, знанію языковъ и законовъ европейскаго общества, увлекательному дару слова, благородству чувствъ и обращенія, онъ скоро и рѣзко выдѣлился изъ группы современныхъ ему литераторовъ, уровень образованія которыхъ былъ далёко не высокъ. Впрочемъ, Карамзинъ самъ чувствовалъ своё достоинство и былъ чрезвычайно разборчивъ въ выборѣ знакомствъ. Теперь онъ твёрдо рѣшился посвятить всѣ свои силы литературѣ — и свято исполнилъ своё намѣреніе, проработавъ ровно тридцать пять лѣтъ безъ перерыву и безъ отдыха на избранномъ имъ поприщѣ, начиная съ 1791 и кончая 1826 годомъ. Первымъ дѣломъ Карамзина было — основаніе новаго, чисто-литературнаго періодическаго изданія, подъ названіемъ: «Московскій Журналъ». Такъ-какъ талантливыхъ сотрудниковъ было не много, то онъ, волей-неволей, долженъ былъ наполнять страницы своего журнала, чуть не исключительно, переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, надъ которыми трудился почти исключительно самъ. Журналъ раздѣлялся на четыре отдѣла: первый отдѣлъ наполнялся исключительно произведеніями поэзіи; во второмъ помѣщались разсказы и повѣсти, анекдоты, «Письма русскаго путешественника», біографіи знаменитыхъ современниковъ; третій отдѣлъ посвящался театру, а четвёртый наполнялся статьями библіографическими и критическими. Изъ извѣстныхъ писателей въ журналѣ сотрудничали: Херасковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Подшиваловъ, Хемницеръ, Нелединскій-Мелецкій, Богдановичъ и другіе. Но главною притягательною силою журнала были — «Письма русскаго путешественника», самого редактора, являвшіяся непремѣнно въ каждомъ нумерѣ. Ни одно литературное произведеніе прошлаго вѣка не встрѣчало такого радушнаго пріёма со стороны читающей публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принесло ей такой пользы, какъ эти «Письма». Онѣ познакомили русскихъ съ Европой съ русской точки зрѣнія, сообщили множество свѣдѣній о разныхъ диковинкахъ, неизвѣстныхъ у насъ, о знаменитостяхъ всѣхъ странъ, о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, а, главное, показали образецъ дотолѣ неслыханнаго по своему изяществу языка. Всё молодое поколѣніе стало на сторону Карамзина; но за-то явилась и реакція, не признававшая этихъ радикальныхъ нововведеній. Не исчисляя всѣхъ статей Карамзина, помѣщённыхъ въ его журналѣ, достаточно будетъ сказать, что ни одна книжка не обходилась безъ того, чтобы въ каждомъ изъ четырёхъ ея отдѣловъ не было статьи редактора. По прекращеніи журнала, Карамзинъ извлёкъ изъ него всѣ свои оригинальныя произведенія въ стихахъ и прозѣ и напечаталъ ихъ въ 1794 году, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Мои бездѣлки». То же было сдѣлано и съ «Письмами русскаго путешественника», вышедшими отдѣльнымъ изданіемъ въ 1794 — 98 годахъ. Въ 1794 году онъ выпустилъ въ свѣтъ повѣсть «Юлія», а съ 1796 по 1800 — издалъ три тома сборника «Аониды», наполненные почти исключительно его собственными стихами. Хотя Карамзина нельзя назвать поэтомъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе, по обработкѣ языка, стихи его до-сихъ-поръ могутъ считаться образцовыми.

Послѣ пятнадцатилѣтнихъ литературныхъ занятій, Карамзинъ пришолъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ отказаться отъ разносторонности занятій и

обратиться къ одному какому-нибудь роду словесности,—и что тогда можно произвести что-нибудь капитальное. Послѣ долгихъ размышленій, онъ обратился-было къ русской исторической повѣсти, но, не найдя для нея въ исторіи желаемаго содержанія, обратился къ самой исторіи — и началъ свои историческіе опыты. Первымъ историческимъ сочиненіемъ, написаннымъ имъ, было «Похвальное слово Екатеринѣ Великой», обратившее на себя вниманіе императора Александра. Затѣмъ, въ томъ же 1801 году, мы видимъ Карамзина редакторомъ «Вѣстника Европы», успѣхъ котораго превзошолъ самыя его надежды. Въ первый же годъ журналъ имѣлъ 1200 подписчиковъ, что̀ для того времени было дѣломъ неслыханнымъ. Журналъ распадался на два отдѣла: 1) литературу и смѣсь и 2) политику. Изъ болѣе важныхъ статей по части политики, написанныхъ Карамзинымъ, можно указать на «Письма сельскаго жителя» и «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени». Что же касается отдѣла словесности, то существенную часть его составляли извлеченія изъ лучшихъ сочиненій, появлявшихся въ Европѣ и статьи историческія и литературныя. Работая почти одинъ, Карамзинъ находилъ ещё время для сочиненія оригинальныхъ статей. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ», «Русская старина», «О тайной канцеляріи», «Марѳа Посадница», «Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» и другіе. Послѣ двухъ лѣтъ редакторства, Карамзинъ оставилъ журналъ, съ твёрдой рѣшимостью посвятить всѣ свои силы русской исторіи. Императоръ Александръ, когда извѣстіе о намѣреніи Карамзина было доведено до его свѣдѣнія, назначилъ ему въ 1803 году пенсію въ 2000 рублей ассигнаціями въ годъ и приказалъ открыть предъ нимъ всѣ архивы государства по званію «исторіографа». Такъ окончилась восьмнадцатилѣтняя литературная дѣятельность Карамзина, и началась ещё болѣе важная его историческая дѣятельность. Въ 1811 году, послѣ восьмилѣтняго упорнаго труда, первые томы «Исторіи Государства Россійскаго» были готовы и Карамзинъ имѣлъ счастье прочесть изъ нея нѣсколько главъ императору Александру, при проѣздѣ его черезъ Тверь,. во дворцѣ великой княгини Екатерины Павловны, а въ 1716 году поднёсъ своему вѣнценосному покровителю первые восемь томовъ своего гигантскаго труда, за что былъ награждёнъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 1-й степени и получилъ на изданіе своего труда 60,000 рублей ассигнаціями. По переѣздѣ въ Петербургъ, Карамзинъ приступилъ къ печатанію своего труда, продолженіе котораго шло своимъ чередомъ. Зиму проводилъ онъ въ городѣ, а лѣто въ Царскомъ Селѣ, гдѣ государь, предложивъ ему одинъ изъ китайскихъ домиковъ въ дворцовомъ саду, часто удостоивалъ Карамзина своими посѣщеніями. Между-тѣмъ, постоянные и утомительные труды, неразлучные съ собираніемъ и изслѣдованіемъ историческихъ матеріаловъ, разстроили и безъ того слабое здоровье Николая Михайловича и, мало-по-малу, расположили его къ изнурительной чахоткѣ, которая обнаружилась у него въ январѣ 1826 года. Онъ видимо сталъ слабѣть. Тогда у него явилось желаніе съѣздить въ Италію, гдѣ, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ поправиться. Императоръ Александръ, узнавъ о томъ, прислалъ ему на дорогу 50,000 рублей ассигнаціями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ снарядить фрегатъ для переѣзда его въ Италію; но, увы, смерть уже стояла у его изголовья. Послѣдніе дни Карамзина были осчастливлены полученіемъ письма императора Николая, исполненнаго трогательнаго участія къ страданіямъ больного писателя и глубокаго уваженія къ его трудамъ. «Николай Михайловичъ!» писалъ государь «Почитаю за удовольствіе изъявить моё искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновлёнными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и славы отечества, какъ дѣйствовали до-нынѣ. Въ то же время и за покойнаго государя знавшаго на опытѣ вашу благодарную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію. изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнью, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: «Русскій народъ достоинъ знать свою исторію». Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа.» Въ приложенномъ къ письму указѣ значилось, что государь жалуетъ Карамзину, а по смерти — его семейству, пенсію въ 50,000 рублей ассигнаціями. Карамзинъ не вѣрилъ глазамъ своимъ — и радостныя слёзы струились на бумагу. На письмѣ Государя стояло 13-е мая 1826 года: 22-го того же мѣсяца, во второмъ часу по полудни, Карамзинъ умеръ на рукахъ своихъ родныхъ и друзей въ Таврическомъ дворцѣ, куда его переселили ещё прошлою осенью, по повелѣнію покойнаго государя, въ надеждѣ что чистый воздухъ поможетъ больному. Тѣло Карамзина похоронено въ новой оградѣ кладбища Александро-Невскаго монастыря.

Сочиненія Карамзина имѣли огромное вліяніе на современное ему общество и литературу, исправляя вкусъ и освобождая языкъ отъ путъ, наложенныхъ на него псевдо-классиками. Но главная заслуга Карамзина есть—«Исторія Государства Россійскаго», стоившая ему двадцати трёхъ лѣтнихъ трудовъ и увѣнчавшая его имя незыблемой славой.

Всѣхъ изданій «Сочиненій Карамзина» было пять. Первое изъ нихъ вышло въ Москвѣ въ 1801 — 1804 годахъ въ 8 частяхъ; второе — въ Москвѣ же, въ 1815 — 1818 годахъ; третье — въ 1820, въ 9-ти томахъ; четвёртое — въ 1834 — 1835, и пятое (Смирдинское) въ Петербургѣ, въ 1848 году, въ трёхъ томахъ. Переводы изданы отдѣльно въ 9 томахъ; «Исторія Государства Россійскаго» имѣла шесть изданій: 1-е — въ 1816—1824, 2-е — въ 1818—1824, 3-е — въ 1830 — 1831, 4-е — въ 1833 — 1835, 5-е — въ 1842 — 1843 и 6-е (Смирдинское) — въ 1851—1853.

I.

ГИМНЪ ГЛУПЦАМЪ.

Блаженъ не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ, нѣтъ, онъ часто всѣхъ грустнѣе!
Но тотъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его: блаженъ стократно,
Блаженъ въ безуміи своёмъ!
Къ другимъ здѣсь счастіе превратно,
Къ нему всегда стоитъ лицомъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлый свѣтъ?
По маслу жизнь его течетъ.
Онъ ѣстъ пріятно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Какъ ночью кажется всё гладко,
Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ,
Прославъ философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Ещё отъ цѣли удалёнъ;
Какими узкими стезями
Намъ должно мудрости искать;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различать;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Что всё загадка для него,
И мудрый развѣ то лишь знаетъ,
Что онъ — не знаетъ ничего.

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
Намъ хвалитъ умъ свой необъятной:
«Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!»
Хотите ль? звѣзды онъ сочтетъ
Вѣрнѣе нашихъ астрономовъ;
Хотите ль? онъ разскажетъ, какъ
Сіяетъ солнце въ царствѣ гномовъ —
И радъ божиться вамъ, что *такъ!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя:
Одинъ для имени героя
Радъ міръ въ могилу обратить,
Для крестика безъ носа быть;
Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ рифмами корпитъ:
Глупецъ смѣется: «вотъ забавы!»
И самъ — за бабочкой бѣжитъ.

Ему нѣтъ дѣла до правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній: —
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не страшенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность страданье,
Любовь — не даръ, а наказанье:
Кто жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ! — онъ любитъ лишь себя
И слѣдственно любимъ не ложно,
Не вѣдаетъ измѣны злой;
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой.

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душою нѣжный человѣкъ
Клянётся ихъ забыть на вѣкъ
И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть —
Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
И мнитъ: «меня ли не любить?»

Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ: ей имя — скука.
Она летаетъ по землѣ
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но счастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
Гремушку въ руку — онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ.
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты
И не жалѣютъ слёзъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ арлекинъ для нихъ.

Они судьбу благословляютъ
И быть умнѣе не желаютъ.
Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человѣкъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ желудкомъ жилъ.
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея
И вѣкъ златой не проходилъ.

II.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище твоё —
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе моё
Даётъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться.

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ тобой;
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
«Есть гробъ, безсмертье, Божество!»
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ, я не былъ ослѣплёнъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыплёнъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ —
И пепелъ подъ его ногами:
Тамъ лава устлана цвѣтами
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья:
Онъ недостоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, добродѣтель:
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ.
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ владѣтель
Равно здѣсь счастливы тобой.
Твоею силой укрѣплённый,
На мѣсто казни возведённый,
Достоинъ зависти герой:
У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ вамъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ:
Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый трепеталъ,
Волнуемый страстями злыми,
Мой взоръ знамёнъ твоихъ искалъ;
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними,
Творилъ обѣты, слёзы лилъ
Отъ радости и скорби тайной...
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призра́комъ не обманутъ былъ?
Когда жь людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла;
Свободу я считалъ любовью!

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою;
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ твой.
Прости! Ахъ, лѣта заблужденій
Текутъ стезёю огорченій!

Намъ страшенъ въ младости покой
И терніемъ любезны розы.
Я жертвой — не тираномъ былъ
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью — одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слёзы часто улыбался.
Когда же, сердцемъ увлечёнъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о добродѣтель, власти,
И, блескомъ счастья ослѣплёнъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый,
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить тебя
И нарушать твои уставы?

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мели,
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли —
Къ своимъ отеческимъ брегамъ;
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ сей край счастливый;
Онъ мыслитъ радостно: «я тамъ!»
Вдругъ буря въ ужасъ всё приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ;
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на̀ берегъ выходитъ.

Вотъ жребій мой! Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли счастіе златое.
Пристанища въ сёмъ мірѣ нѣтъ,
И насъ, съ послѣднею волною,
Въ землѣ, подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровожадный ждетъ.
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ несчастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, добродѣтель!

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ —
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ.
Не можно ль съ сѣвернымъ сіяньемъ
Сравнять сей жизни красоты?
Оно угасло; но блистаетъ
Ещё полярная звѣзда:
Такъ добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ тебѣ дрожащими руками
Подъемлю и молю: будь ей
И горемъ здѣсь, и утѣшеньемъ,
Безъ счастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей,
Её ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней тебя!
Да гасну, васъ равно любя
И милой милую вручая!

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ».

Не хочу съ поэтомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣть вражды Агамемноновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера,
Или, слѣдуя Виргилію,
Плыть отъ Трои разорённыя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи!
Не желаю въ миѳологіи
Черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ!
Мы не греки и не римляне —
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ:
Мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родителя
Превратить въ урода жалкаго,
Чтобы Леды были — курицы
И несли весною яица;
Чтобы Поллуксы съ Еленами
Родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ
Вамъ, любезные читатели,
Если вы въ часы свободные
Удовольствіе находите
Въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ,

Въ смѣси былей съ небылицами,
Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
Въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ, не всё намъ горькой истиной
Мучить томныя сердца свои!
Ахъ, не всё намъ рѣки слёзныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!
Не хочу я на Парнасъ идти!
Нѣтъ—Парнасъ гора высокая
И дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши витязи,
Наши стихо-риѳмо-дѣтели,
Упиваясь одо-пѣніемъ,
Лѣзутъ на вершину Пиндову,
Оступаются и внизъ летятъ,
Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
Но съ ушами, ахъ, ослиными,
Для позорища насмѣшникамъ.
Нѣтъ, любезные читатели,
Я прошу васъ не туда съ собой.
Близь моей смиренной хижины,
На брегу рѣки прозрачныя,
Роща древняя, дубовая
Насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
Въ жаркій полдень отдыхалъ всегда
На колѣняхъ милой бабушки;
Тамъ виситъ его пернатый шлемъ,
Тамъ виситъ его булатный мечъ,
Коимъ онъ враговъ отечества
За гордыню ихъ наказывалъ:
Кровь турецкая и шведская
И теперь ещё видна на нёмъ.
Тамъ я сяду на брегу рѣки
И, подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ,
Буду повѣсть вамъ разсказывать.
Тамъ вы можете тихохонько,
Если скучно вамъ покажется,
Раза два зѣвнуть, сомкнувъ глаза.
Ты, которая въ подсолнечной
Всюду видима и слышима;
Ты, которая какъ богъ Протей,
Всякій образъ на себя берёшь,
Всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
Удивляешь, забавляешь насъ —
Всё вѣщаешь, кромѣ... истины;
Объявляешь съ газетирами
Сокровенности политики,
Сочиняешь съ стихотворцами
Знатнымъ похвалы прекрасныя;
Величаешь Пантомброса
Славнымъ безпримѣрнымъ авторомъ;
Съ алхимистомъ открываешь намъ
Тайну камня философскаго;
Изъясняешь съ систематикомъ
Связь души съ тѣлесной сущностью
И свободы человѣческой
Съ непремѣнными законами;
Ты, которая съ Людмилою
Нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
Мнѣ сказала: «я люблю тебя!»
О, богиня свѣта бѣлаго —
Ложь, неправда, призракъ истины!
Будь теперь моей богинею,
И цвѣтами луга русскаго
Убери героя древности,
Величайшаго изъ витязей,
Чудодѣя Илью Муромца!
Я объ нёмъ хочу бесѣдовать —
Объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь, съ тобою не учиться мнѣ
Небылицы выдавать за быль!

И. И. ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ родился 10-го октября 1760 года въ селѣ Богородскомъ, Симбирской губерніи, въ небогатомъ дворянскомъ семействѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ частныхъ пансіонахъ въ Симбирскѣ и Казани; но при появленіи шаекъ Пугачёва въ окрестностяхъ этого послѣдняго города, былъ отвезёнъ отцомъ въ Москву, гдѣ и прожилъ, вмѣстѣ съ семьёй, до весны 1775 года, причёмъ былъ свидѣтелемъ казни самозванца, совершившейся 10-го января того же года. По отъѣздѣ семейства въ деревню, молодой Дмитріевъ, которому ещё не исполнилось пятнадцати лѣтъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, на службу въ лейбъ-гвардіи Семёновскій полкъ, въ которомъ числился рядовымъ съ 1772 года. Здѣсь, въ концѣ того же года, онъ былъ произведёнъ въ капралы; но первый офицерскій чинъ получилъ только въ 1787 году, то-есть прослуживъ двѣнадцать лѣтъ въ нижнихъ чинахъ. Подружившись съ своимъ полковымъ товарищемъ, Ѳ. И. Козлятевымъ, такимъ же отрокомъ, какъ и онъ, Дмитріевъ скоро пристрастился къ чтенію книгъ изъ небольшой библіотеки сослуживца; затѣмъ при-

нялся за изученіе иностранныхъ языковъ и сталъ, тайкомъ отъ пріятеля, сочинять стихи, которые вскорѣ познакомили его съ Державинымъ и Фонвизинымъ и связали тѣсной дружбой съ Карамзинымъ. Въ 1794 году Дмитріевъ ѣздилъ въ свою симбирскую деревню, гдѣ провёлъ четыре лѣтнихъ мѣсяца и написалъ оду: «Гласъ патріота на взятіе Варшавы». По возвращеніи въ Петербургъ онъ приступилъ къ изданію своихъ стихотвореній, которыя вышли въ слѣдующемъ году, подъ названіемъ: «И мои бездѣлки». Сюда вошли: всѣмъ извѣстный разсказъ «Ермакъ», «Гимнъ Богу», «Къ Волгѣ», сатира «Чужой толкъ», направленная противъ торжественныхъ одъ, которыя расплодились въ нашей литературѣ со времени Ломоносова и давно уже подвергались насмѣшкамъ, «Воздушныя башни», сказка «Причудница», заимствованная изъ вольтеровской сказки «La Bégueule», «Модная жена», нѣсколько пѣсенъ («Голубочекъ», «Разлука», «Ласточка»), «Стансы къ Карамзину», восемь басенъ (въ томъ числѣ «Чижъ», «Два голубя», «Дубъ и трость» и «Старикъ и трое молодыхъ») и нѣсколько эпиграммъ и надписей, словомъ, всё лучшее — всё тó, что составило славу Дмитріева и было потомъ заучено каждымъ образованнымъ русскимъ, а многое перешло въ народъ. По смерти императрицы Екатерины, Дмитріевъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Проживая въ Петербургѣ, онъ имѣлъ несчастье совершенно неосновательно подвергнуться обвиненію по одному дѣлу; но былъ, наконецъ, оправданъ и удостоился личнаго вниманія императора, который, послѣ милостиваго съ нимъ разговора, назначилъ его въ 1797 году товарищемъ министра удѣловъ, а 25-го іюля произвёлъ въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Сената. Усердіе, съ которымъ Дмитріевъ принялся за исполненіе новыхъ своихъ обязанностей, было замѣчено и доставило ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но и эта новая награда не въ силахъ была удержать поэта на службѣ, которая его тяготила, лишая всякой возможности заниматься литературою, бывшею цѣлью всѣхъ его желаній и помышленій. Наконецъ, прошеніе его было принято и онъ былъ уволенъ въ 1799 году въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника, послѣ чего отправился въ Москву, гдѣ и поселился. Здѣсь около него составился кружокъ изъ его друзей-писателей: Карамзина, Хераскова, Василія Пушкина, Владиміра Измайлова и Жуковскаго, который одушевлялъ своею умною бесѣдою и чтеніемъ новыхъ своихъ произведеній, выливавшихся у него прямо изъ сердца, легко и безъ малѣйшаго напряженія мозговыхъ органовъ, чтó было такъ обще-употребительно въ его время, при сочиненіи торжественныхъ одъ. Въ теченіе 1803 и 1804 годовъ Дмитріевъ написалъ всѣ свои басни, которыя такъ высоко цѣнились современниками и которыя досихъ-поръ, не смотря на тó что мы имѣемъ Крылова, геніальнѣйшаго изъ баснописцевъ всего міра, читаются съ удовольствіемъ. Чуждый всякой зависти, онъ, въ то же время, поощрялъ своего могучаго соперника, ещё юнаго Крылова, и оказывалъ ему всевозможное вниманіе и поддержку. Но въ 1806 году Дмитріевъ волей-неволей долженъ былъ прекратить свои вечера и литературныя занятія, такъ-какъ императору Александру угодно было назначить его присутствующимъ въ 7-мъ департаментѣ Сената. Года черезъ полтора по переѣздѣ его въ Петербургъ, онъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Рязань и Кострому, для раскрытія и искорененія разныхъ злоупотребленій. По успѣшномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, онъ былъ награждёнъ, въ 1809 году, орденомъ Св. Анны 1-й степени, а въ 1810 году назначенъ министромъ юстиціи и продолжалъ до конца своей службы пользоваться особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ государя. Четырёхлѣтніе полезные труды Дмитріева по управленію министерствомъ были вознаграждены орденомъ Св. Александра Невскаго и постояннымъ отказомъ, при просьбѣ объ отставкѣ, которой маститый поэтъ жаждалъ, какъ манны небесной, чтобъ погрузиться всецѣло въ литературу. Наконецъ, государь, снизойдя на просьбу своего министра, уволилъ его въ 1814 году отъ службы, съ назначеніемъ ему 10,000 рублей ежегодной пенсіи. Поэтъ удалился въ Москву, гдѣ, покончивъ на всегда съ государственною службою, отдался снова и нераздѣльно своему любимому занятію — литературѣ и снова открылъ домъ для всей пишущей братіи. Черезъ два года по возвращеніи его въ Москву, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи для вспомоществованія жителямъ столицы — и за труды, понесённые имъ при отправленіи должности, награждёнъ, въ 1818 году, чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а въ 1819 — орденомъ Св. Владиміра 1-го класса. Но не долго наслаждался поэтъ тѣмъ мирнымъ спокойствіемъ, которое онъ нашолъ только на закатѣ своей жизни, тѣми тихими радостями, которыя понимаетъ только мудрый и къ которымъ нашъ маститый

поэтъ стремился всю жизнь: онъ умеръ 3-го октября 1837 года, на 77-мъ году отъ рожденья. Тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ и покоится подъ скромнымъ памятникомъ. Въ исторіи русской литературы онъ вѣчно будетъ памятенъ тѣмъ, что содѣйствовалъ Карамзину въ очищеніи и преобразованіи русскаго языка, а ещё болѣе — введеніемъ въ литературу романтическаго направленія. Онъ былъ членомъ Россійской Академіи, Московскаго и Харьковскаго университетовъ и многихъ другихъ учоныхъ обществъ, и попечителемъ Санктпетербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Кромѣ исчисленныхъ поэтическихъ произведеній, напечатанныхъ въ «Сочиненіяхъ и Переводахъ И. И. Дмитріева», онъ оставилъ любопытныя «Записки», къ сожалѣнію, изданныя только частями. Сочиненія Дмитріева имѣли шесть изданій. Первое, подъ названіемъ: «И мои бездѣлки», напечатано въ 1795 году; второе: «Сочиненія и Переводы Ивана Ивановича Дмитріева», три части, вышло въ 1803 — 1805 годахъ; третье, въ трёхъ частяхъ — въ 1810 году; четвёртое, въ трёхъ частяхъ — въ 1814 году; пятое, исправленное и *умноженное*, въ трёхъ частяхъ — въ 1818 году, и шестое, исправленное и *уменьшонное*, въ двухъ частяхъ — въ 1823 году, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ «Отъ автора» и «Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева», соч. князя П. А. Вяземскаго.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремитъ! Благоговѣй, сынъ персти!
Се *ветхій деньми* съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ.
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цалую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И — исчезаю предъ Тобой.

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль йдетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіѣ:
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ — и мчится на скалу.

Ты дхнёшь — и двинешь океаны,
Рѣчёшь — и вспять они текутъ;
А мы? — одной волной подъяты,
Одной волной поглощены.
Вся наша жизнь, о Безначальный,
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари!

II.

ПѢСНЯ.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюётъ;
Всё тоскуетъ, всё тоскуетъ
И тихонько слёзы льётъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждётъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждётъ её — увы! но тщетно:
Знать, судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ:
Голубокъ на-вѣкъ уснулъ.

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, изъ далека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла —
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ,
Но — увы! прелестна Хлоя,
Не проснётся милый другъ!

III.

КЪ ХЛОѢ.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;

Ею только въ полѣ
Взоръ свой веселилъ.

Съ каждымъ днёмъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днёмъ алѣе
Всё какъ вновь цвѣла

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужь стала:
Аромату нѣтъ.

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

IV.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Въ Москвѣ ль я наконецъ? со мною ли друзья?
О, радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣшенье!
И такъ — ещё имѣлъ я въ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ родился,
И быть въ объятіяхъ родителей моихъ.
Не сонъ ли былъ и то? Увидѣлъ — и простился
И, можетъ-быть, уже въ послѣдній видѣлъ ихъ.
Но полно: этотъ день не помрачимъ тоскою!
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною!
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцаловать!
Прочь посохъ: не хочу васъ болѣ покидать —
И вотъ моя рука, что буду вашъ отнынѣ.

Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ —
И вздохи бѣднаго терялись, какъ въ пустынѣ,
И тайной грусти въ нёмъ никто не замѣчалъ.
Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки слезной,
Хотя однажды могъ подать совѣтъ полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то всё позабываетъ.
Довольно, другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.
Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ;
Ужь въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня живость...
Простите ль иногда мою вы молчаливость,
Моё уныніе? Терпите, о друзья!
Терпите хоть за-то, что къ вамъ привязанъ я,
Что сердце приношу чувствительно, незлобно
И болѣе ещё ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвратитъ отъ васъ:
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ —
И самая любовь на-вѣки отлетѣла.
И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла!
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему
И дайте вновь полётъ таланту моему!
Означимъ остальной нашъ путь ещё цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и теперь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ,
Я съ вами радъ ещё въ саду, подъ яснымъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать!
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О, други, я впередъ ужь веселъ. Можетъ-статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О, если бъ воспылалъ во мнѣ пермесскій жаръ,
Съ какой бы радостью схватилъ мою я лиру
И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вѣчно съ нимъ!
Ему я одолжонъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закатится
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

V.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужь прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ всё оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жь, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь? Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ — нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ-будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть ещё и ихъ счастливѣй,

Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнётъ писать, то всё забавы прочь;
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжотъ бумагу;
А иногда берётъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной.
И, подлинно, ужь весь приложитъ разумъ свой!
Ужь прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ.
Судите жь, сколько тутъ хорошихъ есть стиховъ!
Къ тому жь и въ правилахъ: сперва прочтёшь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учоны по церквамъ.
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всё тутъ подробности сраженья нахожу —
Гдѣ было, какъ, когда; короче я скажу:
Въ стихахъ реляція. Прекрасно — а зѣваю.
Я, бросивши её, другую раскрываю —
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ сыщешь тò, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: «зари багряны персты»,
И «райскій кринъ», и «Фебъ», и «небеса отверсты».
Такъ громко, высоко — а нѣтъ, не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»

Такъ, дѣдовскихъ времёнъ съ любезной простотою,
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно.
Но къ счастью, ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,
Какой-то аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.

«На это», онъ сказалъ, «есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ — поэзію — люблю.
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однако здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пылп ходячій,
Уродовъ стражъ: народъ всё нужный, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ-что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ:
Лишь только мысль къ нему счастливая придётъ,
Вдругъ — било шесть часовъ! уже карета ждётъ:
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ въ Ліону *),
А тутъ и ночь. Когда жь заѣхать къ Аполлону?
На-завтра, лишь глаза откроетъ — ужь билетъ:
На пробу въ пять часовъ. Куда же? — въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю **);
Потомъ опять домой: здѣсь холься, да рядись;
А тамъ въ спектакль — и такъ со днёмъ опять простись!

«Къ тому жь, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О, онъ — онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ — безсмертія, а въ Римѣ лишь — вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
«Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!»
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный каждый листъ быть кажется святымъ.
Судя жь, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они — сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и, право, не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ «Меркурій» нашъ и «Зритель»,
И книжный магазинъ, и лавочки полны.
«Мы съ риѳмами на свѣтъ», онъ мыслитъ, «рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать всё, и тò, чтò вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, учонъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ всё науки, а не даръ;

*) Содержатель вольныхъ маскарадовъ въ Петербургѣ.

**) Извѣстный петербургскій портной того времени.

Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ.»
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо — и разомъ вывелъ: «Ода!»
Потомъ въ одинъ присѣстъ: «такого дня и года.»
Тутъ какъ? — «Пою!» иль нѣтъ: ужь это старина!
Не лучше ль: «Даждь мнѣ, Фебъ!» иль такъ: «Не ты одна
Попрала подъ пяту, о чалмоносна Порта!»
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо! Я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.»
Пошолъ и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Что хочешь то мели. Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придётъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ новымъ —
Неловко что-то всё. Да просто напишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой, ты!» возглашу.
Изрядно! Тутъ же что? тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: «кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
И то, и то...» А тамъ? — извѣстно: «многи лѣта!»
Брависсимо! И планъ, и мысли — всё ужь есть!
Да здравствуетъ поэтъ! Осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!.
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и въ шляпѣ дѣло.
И оду ужь его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужь его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось её, разбей — и знай: онъ не поэтъ!»

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи, къ столу, за перья — отомстимъ,
Надуемся, напрёмъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

VI.

ЧИЖИКЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ нёмъ, поётъ:
«Ахъ, скоро ль солнышко взойдётъ
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ, скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужь и взошло! Какъ тихо и краснó!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!»
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
«Любезна зяблица!» кричитъ мой чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
«Что ты задумалась? Давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко...» Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось.
Всѣ птицы спрятались: кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки ещё надъ озеромъ летаютъ.
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржотъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ —
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Всё стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у чижа куда-то занесло.
О, бѣдненькій мой чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
«Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужь наступитъ.»

VII.

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

«Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель,
И сторожъ, и министръ, и олтарей служитель,
И докторъ, и больной, и даже государь —
Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ календарь.
Я каждому изъ нихъ минуты означаю;
Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!»
Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
Хвалилась стрѣлка часовая,

Межь-тѣмъ какъ бѣдная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала стрѣлкѣ ходъ.

Пружина — секретарь, а стрѣлка, между нами...
Но вы умны: смекайте сами.

VIII.

ЕРМАКЪ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ и пѣной подымаетъ
Высокій берегъ и крутой.
На нёмъ два мужа изнурённы,
Какъ тѣни, въ адѣ заключённы,
Сидятъ, склонясь на длань главой.
Единый младъ, другой съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей.
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій:
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшана ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
А при стопахъ ихъ два тимпана
И два повержены копья.
То два сибирскіе шамана —
И ихъ словамъ внимаю я.

СТАРЕЦЪ.

Шуми, Иртышъ, реви ты съ нами
И вторь плачевнымъ голосамъ!
На-вѣкъ отвержены богами...
О, горе намъ!

МЛАДОЙ.

О, горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

СТАРЕЦЪ.

О, ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа,
Гремѣвши міра по конецъ!
О, сильна, древняя держава!
О, матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь — и ты познала плѣнъ!

МЛАДОЙ.

Твои народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятённый прахъ,
И самъ Кучумъ, гроза вселенны,
Твой царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

СТАРЕЦЪ.

Священные твои шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ.
На то ль судили вы, шайтаны,
Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ во прахѣ, бывши зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

МЛАДОЙ.

И отъ кого жь, о боги, пали?

СТАРЕЦЪ.

Отъ горсти русскихъ! Моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучше бъ трусъ, потопъ, иль громъ
Всемощны на неё послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

МЛАДОЙ.

Бичёмъ и ужасомъ природы!
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простёръ на васъ!

СТАРЕЦЪ.

Онъ шолъ, какъ столпъ, огнёмъ палящій,
Какъ лютый мразъ, всё вкругъ мертвящій:
Куда стрѣлу ни посылалъ —
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла
И страшна смерть во слѣдъ летѣла.

МЛАДОЙ.

И царскій братъ предъ нимъ упалъ.

СТАРЕЦЪ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящимъ жаромъ возгоря,
Извлёкъ онъ саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
Влачить мнѣ въ плѣнѣ!» онъ сказалъ —
И вмигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ! они сразились:
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ —
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубровы воютъ;
Они стопами землю роютъ.

Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ,
Уже въ нихъ сердце страшно бьётся
И рёбра обойхъ трещатъ;
То сей, то оный на̀ бокъ гнётся,
Крутятся — и Ермакъ сломилъ.
«Ты мой теперь!» онъ возопилъ —
«И всё отнынѣ мнѣ подвластно!»

МЛАДОЙ.

Сбылось пророчество ужасно:
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!
Но что! ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ...

СТАРЕЦЪ.

Вѣчный, вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился.
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой:
Съ деревьевъ листья полетѣли,
Столѣтни кедры заскрипѣли
И вихрь закланныхъ сернъ унесъ.
Я палъ и слышу гласъ съ небесъ:
«Неукротимъ, ужасенъ Рача,
Когда казнитъ вселенну онъ!
Сибирь отвергла мой законъ:
Пребудь во-вѣкъ, стоная, плача,
Рабыней бѣлаго царя!
Да свѣтлая тебя заря
И чорна ночь въ цѣпяхъ застанетъ,
А слава грозна Ермака
И чадъ его во-вѣкъ не вянетъ
И будетъ подъ луной громка!»
Умолкнулъ гласъ — и громъ трикратно
Протёкъ по бурнымъ небесамъ.
Увы, погибли невозвратно!
О, горе намъ!

МЛАДОЙ.

О, горе намъ!

Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ,
И взявъ оружіе съ земли,
Они вдоль брега потекли —
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.
Миръ праху твоему́, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ рёбръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіёмъ!
Но что я рёкъ, о тѣнь забвенна!
Что рёкъ въ усердіи моёмъ?
Гдѣ обелискъ твой? Мы не знаемъ
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или остякъ по нёмъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, герой!
Парящій стихотворства геній
Всякъ день, съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:

«Великій! гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился!
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
И жили съ алчными волками;
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдёшь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучъ твоей затьмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на̀ косу падетъ!

П. П. СУМАРОКОВЪ.

Панкратій Платоновичъ Сумароковъ, внукъ родного брата извѣстнаго писателя А. П. Сумарокова, родился 14-го октября 1765 года во Владимірѣ. Одинъ изъ предковъ его, служа при молодомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, доказалъ ему свою преданность и умеръ за него какъ мученикъ, а другой, въ эпоху Екатерины II, пользовался милостями этой великой монархини и умеръ, облечённый славой перваго писателя своего времени. Но Панкратію Сумарокову судьба готовила совсѣмъ другую участь: казалось, съ самой колыбели уже носились надъ нимъ всякаго рода несчастья, которыя впослѣдствіи разразились надъ нимъ такъ ужасно. Дѣтство своё, до двѣнадцати лѣтъ, провёлъ онъ въ деревнѣ, гдѣ не видалъ другихъ книгъ, кромѣ «Часослова» и «Псалтыря». Затѣмъ, дальній родственникъ его, Юшковъ, проживавшій постоянно въ Москвѣ, взялъ его къ себѣ въ домъ на воспи-

таніе и поручилъ надзору француза Перло, человѣка умнаго, образованнаго и честнаго. Не ограничиваясь уроками французскаго языка, честный Перло старался посвятить своего ученика въ таинства строгаго классическаго образованія, на сколько это было въ его силахъ. Кромѣ того къ мальчику ѣздили учителя и по другимъ предметамъ, такъ что молодой Сумароковъ, пробывъ у Юшкова шесть лѣтъ, получилъ отличное свѣтское воспитаніе: онъ зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и говорилъ на нёмъ, какъ природный французъ, хорошо зналъ нѣмецкій, прекрасно рисовалъ и мастерски игралъ на фортепіано. Когда Сумарокову исполнилось 18 лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ и опредѣлили лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, въ которомъ, прослуживши годъ, онъ былъ произведёнъ въ 1785 году въ корнеты. Предоставленный на 18-мъ году полному произволу своей воли, Сумароковъ однако не увлёкся ни однимъ изъ пороковъ, свойственныхъ кипучей молодости; но, къ несчастью, сошолся коротко съ однимъ изъ товарищей, юнкеромъ Куницкимъ, человѣкомъ крайне невѣжественнымъ, легкомысленнымъ и весьма неразборчивымъ во взглядѣ на средства къ жизни. Однажды, когда Сумароковъ, сидя у себя дома, копировалъ какую-то гравюру перомъ, вошолъ къ нему Куницкій — и долго любовался тонкостью и нѣжностью штриховъ, не уступавшимъ штрихамъ гравюры. Въ то же время вошолъ слуга — спросить денегъ на какую-то покупку. Въ раскрытомъ бумажникѣ гость замѣтилъ сто-рублёвую ассигнацію, взялъ её въ руки, пристально поглядѣлъ на неё, потомъ положилъ передъ Сумароковымъ и сказалъ: «Вотъ срисуй. Отличная практика пера.» Сумароковъ улыбнулся, удивляясь невѣжеству своего товарища, такъ-какъ на ассигнаціяхъ того времени рисунокъ былъ крайне-незатѣйливъ и не представлялъ ни малѣйшей трудности для копированія. Затѣмъ Куницкій ушолъ. Оставшись одинъ, Сумароковъ принялся снова за работу, но пагубная мысль, внушонная товарищемъ, не давала ему покою. Подумавъ, онъ взялъ листъ почтовой бумаги, наложилъ его на ассигнацію и началъ работу. Уже смеркалось, когда роковая ассигнація была готова. Куницкій вернулся. Сумароковъ показалъ ему рисунокъ. Куницкій подошолъ къ окошку, похвалилъ работу и прибавилъ, что при такомъ полусвѣтѣ бумажку, пожалуй, можно спустить за настоящую. Сумароковъ замѣтилъ ему, что онъ говоритъ вздоръ, взялъ у него листокъ, даже не обрѣзанный по формату бумажки, и положилъ его вмѣстѣ съ другими рисунками въ папку. Стали пить чай. Затѣмъ, проболтавъ цѣлый вечеръ, товарищъ ушолъ. На другой день, когда Сумароковъ сталъ разбирать рисунки въ папкѣ, онъ увидѣлъ, что между ними рисунка ассигнаціи нѣтъ. Тутъ только пришло ему въ голову, что онъ поступилъ опрометчиво. Ясно было что листокъ унесёнъ Куницкимъ. Сумароковъ бросился къ нему на квартиру, но его не было дома. Тогда онъ сообщилъ о случившемся искреннему, своему пріятелю и товарищу Ромбергу. Узнавъ въ чёмъ дѣло, тотъ самъ побѣжалъ къ Куницкому, но тоже не засталъ его. Теперь обратимся къ похитителю. Вынувъ роковой листокъ изъ папки въ то время, когда Сумароковъ выходилъ отыскивать лакея, чтобы велѣть подать закуску, онъ спряталъ бумажку въ карманъ, съ цѣлью употребить её въ дѣло. Обрѣзавъ листокъ въ форматъ настоящей ассигнаціи, онъ, воспользовавшись мрачнымъ петербургскимъ днёмъ, сбылъ его въ мѣховой лавкѣ гостинаго двора, въ обмѣнъ на лисій мѣхъ. Покупатель былъ въ партикулярномъ платьѣ и потому надѣялся, что продѣлка его никогда не обнаружится. Но вышло иначе. Дня три спустя, продавецъ и покупатель, который былъ въ томъ же платьѣ, встрѣтились на улицѣ. Купецъ сталъ въ него всматриваться: тотъ струсилъ и бросился бѣжать. На крикъ купца сбѣжался народъ — и Куницкій былъ схваченъ и отведёнъ въ полицію, гдѣ волей-неволей долженъ былъ объявить своё званіе. Началось слѣдствіе — и всѣ трое были отданы подъ судъ. Разумѣется, слѣдственная коммиссія не могла принять въ оправданіе увѣреній виновнаго, что его поступокъ есть не что иное, какъ шутка надъ старымъ мѣхоторговцемъ. Она не только не оправдала главнаго виновника преступленія, но обвинила и двухъ его товарищей, какъ соучастниковъ, хотя они и показывали, что имъ вовсе не было извѣстно, какое употребленіе сдѣлалъ виновный изъ бумажки. Судъ приговорилъ всѣхъ троихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на жительство въ сибирскіе города: Куницкаго — какъ сбытчика фальшивой ассигнаціи, Сумарокова — какъ ея рисовальщика, и Ромберга — какъ укрывателя преступленія. Исторія эта надѣлала много шума въ Петербургѣ. Противъ главнаго виновника было и общественное мнѣніе; но о Сумароковѣ и Ромбергѣ всѣ искренно сожалѣли: всѣ были убѣждены, что хотя юридически они и не оправданы, но въ сущности нисколько не виноваты, или, по-крайней-мѣрѣ, не настолько, чтобы поплатиться такъ дорого. Мѣстомъ ссылки Сумарокова былъ

назначенъ Тобольскъ. Губернаторъ Алябьевъ принялъ Сумарокова не какъ ссыльнаго, а какъ странника, заброшеннаго судьбой на чужбину. Онъ предоставилъ ему полную свободу и возможность заниматься науками и литературой, заниматься которой онъ началъ ещё въ Петербургѣ, написавъ сатирическіе стихи на одно изъ начальствовавшихъ лицъ конно-гвардейскаго полка, и которая теперь могла приносить ему существенную пользу. Здѣсь провёлъ Сумароковъ пятнадцать долгихъ лѣтъ (1786 — 1802), дѣля своё время между литературой и педагогическими занятіями. Въ теченіе 1791 года онъ издавалъ въ Тобольскѣ журналъ, подъ названіемъ: «Иртышъ превращающійся въ Иппокрену», а въ 1793 — 1794 годахъ: «Библіотеку учоную, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную», образовавшую, по своёмъ окончаніи, весьма полезный сборникъ всякаго рода свѣдѣній, въ 12 объёмистыхъ томовъ въ осьмушку. Затѣмъ, въ 1799 году издалъ первую часть своихъ стихотвореній, въ которую вошла его сказка «Альнаскаръ», гдѣ весьма живо изображена картина сибирской зимы. Сказка эта имѣетъ одинъ сюжетъ съ «Воздушными зàмками» Дмитріева. Въ сказкѣ Дмитріева и стихъ глаже, и разсказъ интереснѣе, и выраженія, такъ-сказать, элегантнѣе, но въ сказкѣ Сумарокова болѣе оригинальности и юмористическій элементъ проглядываетъ гораздо бойчѣе. Вообще, въ стихахъ Сумарокова проглядываетъ очень ясно потребность чего-то болѣе натуральнаго, чѣмъ та щепетильность, которою насъ подчивала въ то время французская классическая школа. Въ 1789 году Сумароковъ женился на одной иностранкѣ, пріѣхавшей въ Тобольскъ въ качествѣ гувернантки съ семействомъ одного ссыльнаго. Но, несмотря на свои занятія и самыя хорошія отношенія къ лицамъ начальствующимъ и городскимъ жителямъ, искренно любившимъ Сумарокова, давно оставленная родина всё манила его къ себѣ; но надежды на возвращеніе было мало. Но вотъ воцарился императоръ Александръ — и надежды Сумарокова оживились. Онъ написалъ просительное письмо на высочайшее имя — и въ концѣ іюня 1801 года изгнанникъ былъ прощёнъ, а въ началѣ марта слѣдующаго года ему было возвращено дворянство. Возвратившись въ Россію, онъ поселился съ семействомъ въ своей родовой деревнѣ, Тульской губерніи, и предался весь занятіямъ литературнымъ. Въ 1803 году онъ сталъ издавать «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія»; затѣмъ, въ 1804 — принялся было за изданіе «Вѣстника Европы», но скоро отказался отъ этой мысли; въ 1807 — напечаталъ 2-ю часть своихъ стихотвореній, въ которой помѣстилъ лучшее своё произведеніе: «Амуръ лишонный зрѣнія»; въ 1808 — выпустилъ въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ: «Источникъ здравія», а въ слѣдующемъ году — другую книгу: «Способъ быть здоровымъ». Скончался 1-го марта 1814 года, на 49-мъ году отъ рожденія. Сочиненія его были изданы въ 1832 году въ Петербургѣ.

АМУРЪ ЛИШОННЫЙ ЗРѢНІЯ.

Пою несчастіе, отъ коего Эротъ
Сталъ слѣпъ, какъ кротъ.
О, вы, чувствительныя души!
Развѣсьте уши,
Разиньте ротъ,
Дыханіе своё сколь можно притаите
И пѣсни жалкой сей внемлите!
Но, нѣтъ, немного погодите:
Мнѣ должно сдѣлать здѣсь возгласъ:
Отдѣлаюсь тотчасъ!
О, ты, что на Сибирь взираешь изъ подлобья,
Скажи мнѣ, свѣтлый Фебъ, за что̀ до насъ ты лихъ?
За-то ль, что своего блестящаго подобья
Не видишь здѣсь ни въ чёмъ, какъ лишь почти въ одныхъ
Прозрачныхъ ледяныхъ сосулькахъ,
Да въ таковыхъ же пулькахъ,
Которы бѣдная Аврора вмѣсто слезъ,
Отъ стужи плачуща, бросаетъ къ намъ съ небесъ?
Но кто жь виновенъ въ томъ, коль самъ ты насъ не грѣешь?
Ты права не имѣешь
Коситься такъ на насъ.
Услышь же мой къ тебѣ охриплый съ стужи гласъ!
Пожалуй, сдѣлай одолженье,
Просунь сквозь снѣжныхъ тучъ
Хотя одинъ свой лучъ —
И мёрзлое моё распарь воображенье!
Теперь, читатели, прошу мнѣ сдѣлать честь,
Прочесть,
Что̀ объ Эротѣ я желаю вамъ донесть.

Оставя нѣкогда небесные чертоги,
Задумали сойти на землю древни боги:
Омиръ покойникъ былъ тогда ещё въ живыхъ —
И онъ-то пòзвалъ ихъ.
Зачѣмъ? вы спросите. Не знаю!

Откушать можетъ-быть, или на чашку чаю.
Извѣстно, что онъ былъ имъ закадышный другъ:
Ѣдалъ амврозію, тянулъ и нектаръ съ ними;
Со спящихъ же богинь обмахивалъ онъ мухъ
И часто забавлялъ ихъ сказками своими.
Но полно вамъ скучать подробностями сими!
Теперь поѣдемъ мы на часъ въ небесный домъ:
Мнѣ хочется, чтобъ вы со мною прокатились
И посмотрѣли бъ тамъ, какъ боги въ путь пустились.
Они отправились въ порядкѣ вотъ какомъ:
Зевесъ сѣлъ на орла съ Юноною верхомъ,
На всякой случай взявъ съ собой въ дорогу громъ;
Потомъ, за прочими начальными богами,
Вулканъ шолъ съ молотомъ и съ длинными рогами,
Которы пріобрѣлъ своею онъ виной,
Ревниво поступивъ съ женой.
Позвольте на часокъ мнѣ здѣсь остановиться:
Хочу съ ревнивцами немного побраниться.
Послушайте, друзья,
Ревнивые мужья!
Совѣтую вамъ я
Не слишкомъ строгости къ супругамъ предаваться,
Коль вы не любите бодаться.
Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей,
Не запирайте жонъ, какъ старицъ, иль звѣрей,
А то, когда на часъ явится имъ свобода,
Тогда-то госпожа природа
Своё возьмётъ,
И то, надъ чѣмъ съ трудомъ вы много лѣтъ корпѣли,
Въ минуту пропадётъ —
И вы на-вѣкъ съ рогами сѣли.
Совѣтъ полезный давши вамъ,
Я обращаюся къ богамъ.
Зефиры собрались на пиръ туда же съ ними:
Такъ и начнёмъ мы ими.
Надмѣру нѣжные и малые божки,
Дабы не простудились ножки,
Обулись въ тёплые сапожки,
И чтобъ отъ вѣтру имъ сберечь свои ушки,
Надѣли лисьи треушки,
И сѣли въ дрожки,
Въ которыхъ бабочекъ впряжонъ былъ цугъ;
А на запяткахъ, вмѣсто слугъ,
Стояла пара шпанскихъ мухъ;
Да сверхъ того божковъ ещё конвоевали
Шестнадцать бойкихъ комаровъ:
Носами острыми и пискомъ погоняли
Крылатыхъ, лёгкихъ скакуновъ.
Но чья везётся колесница
Четвёркой сизыхъ голубей?
Конечно, то любви царица
Желаетъ прокатиться въ ней?
Такъ точно! Вотъ она садится;
За нею въ слѣдъ, рѣзвясь, толпится
Рой цѣлый Смѣховъ, Игръ, Амуровъ и Утѣхъ.
Но какъ ихъ усадить съ собой богинѣ всѣхъ?
Нельзя; однако жь съ ней иные заломались,
Другіе въ ноги побросались,
Иные, не успѣвши сѣсть,
Цѣпочкой свившися, за нею полетѣли,
Бросали ей цвѣты и пѣсни пѣли
Богинѣ въ честь,
Иные втёрлись къ ней за спинку,
Иные скрылись въ волосахъ,
Иные въ ямкахъ на щекахъ,
Иные впутались въ косынку,
Иные... но оставимъ ихъ!
Давно пора мнѣ догадаться,
Что я болтать ужь больно лихъ;
Но впредь не буду я такъ много завираться,
И въ двухъ скажу стихахъ
О прочихъ всѣхъ богахъ.
Они туда жь помчались:
Иной на радугѣ верхомъ,
Иной на облакѣ, иной пошолъ пѣшкомъ.
А дома лишь Эротъ съ Дурачествомъ остались:
Одинъ затѣмъ, что малъ, другой затѣмъ, что глупъ.
Но что же дѣлать имъ, оставшись на просторѣ?
Молчать? — Эроту горе;
Калякать о любви? — его товарищъ тупъ:
Не знаетъ и началъ прекрасной сей науки.
Наскучивъ наконецъ сидѣть поджавши руки,
Эротъ сказалъ ему вотъ такъ:
— «Дуракъ!
Теперь одни съ тобой мы дома,
Такъ станемъ какъ-нибудь играть,
Хоть въ жмурки: вѣдь игра тебѣ сія знакома;
Всё лучше, нежели отъ скуки намъ зѣвать.»
— «Охъ, нѣтъ!» въ отвѣтъ сказалъ глупецъ Эроту:
«Давно я потерялъ къ игрáмъ такимъ охоту;
А дай мнѣ свой колчанъ на часъ:
Хочу я испытать, одинъ хоть въ жизни разъ,
Умѣю ль дѣйствовать и я, какъ ты, стрѣлами.
Я самъ тебѣ за-то, голубчикъ, отплачу:
Пузырики пускать тебя я научу,
Клянуся въ томъ тебѣ и Стиксомъ и богами!»
Эротъ было сперва и слушать не хотѣлъ;
Но сладить съ дуракомъ, скажите, кто умѣлъ?
Итакъ онъ наконецъ былъ долженъ согласиться.
Дурачество жь къ нему умѣло подольститься,
Давъ опытъ пузыри изъ мыла какъ пускать.

Эроту новость та чрезмѣрно полюбилась.
Товарищъ же его взялъ лукъ и сталъ стрѣлять;
Но вотъ бѣда какая вдругъ случилась:
Дурачество разинувъ ротъ,
Въ безмѣрной радости, не видя, гдѣ Эротъ,
Стрѣльнуло изо всей своей дурацкой мочи —
И вышибло ребёнку очи.
Какой нелѣпый поднялъ вой
Лишонный зрѣнія крылатый мой герой!
Искусный же стрѣлокъ, отъ страха и печали,
Разинувши свой зѣвъ,
Такой пустилъ ужасный ревъ,
Какъ-будто бы съ него живого кожу драли.
Вытьё его оттоль повсюду разнеслось;
Всё зданье отъ того небесное тряслось.
Но бросимъ мы на часъ сихъ двухъ глупцовъ несчастныхъ,
И съѣздимъ въ тлѣнный міръ.
Я чаю, кончился уже давно тотъ пиръ,
Который жителямъ небесъ давалъ Омиръ.
На лицахъ ихъ, отъ спирта красныхъ,
Сверкаютъ радости слѣды.
Не вѣдая совсѣмъ ужасной той бѣды,
Которая безъ нихъ на небесахъ стряслася,
Толпа божественна въ свояси поднялася,
Съ хозяиномъ простясь
И точно также, какъ и прежде, помѣстясь.
Какая сдѣлалась тревога,
Какъ мать слѣпого бога
Домой пришла!
Ахъ! что̀ она нашла?
Богиня видитъ токи крови,
Зритъ сына своего;
Прелестные жь глаза гдѣ были у него,
Тамъ только ямочки осталися, да брови.
Тогда-то скорбь ея всѣ мѣры превзошла:
Какое зрѣлище для матери столь нѣжной!
На мѣсто розъ вступилъ въ лицо ея цвѣтъ снѣжной;
Затьмилися ея небесныя красы;
Терзаетъ въ горести она свои власы;
Колѣни слабыя едва её держали,
И если бы когда богини умирали,
То этой вѣрно бъ умереть.
Но боги вѣдь не мы: такъ какъ же быть? Терпѣть!
Но можно ль перенесть столь бѣдствіе несносно?
Богинѣ же не мстить — и горько и поносно.
Горя отмщеніемъ, вдругъ силу ощутивъ
И взоръ съ плачевнаго предмета отвративъ,
На крыльяхъ бѣшенства летитъ она въ чертоги,
Гдѣ былъ Зевесъ и прочи боги.
Киприда, въ ярости, въ отчаяньи, въ слезахъ,
Вбѣжавъ растерзана, во всѣхъ вселяетъ страхъ;
Бросается Зевесу въ ноги
И, вздохи тяжкіе пуская безъ числа,
О бѣдствіи своёмъ, рыдая, донесла.
Зевесъ, услыша то̀, столь сильно огорчился,
Что чуть съ престола не свалился.
О, лютая напасть!
Отецъ боговъ, разинувъ пасть,
Ревётъ быкомъ и стонетъ,
Боговъ съ Олимпа гонитъ;
Потомъ съ отчаянья онъ на стѣну полѣзъ.
Не столько въ бурный вѣтръ шумитъ дремучій лѣсъ,
Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, стучалъ ногами,
Сбираясь пересѣчь боговъ всѣхъ батогами.
Онъ рвётъ
И мечетъ;
Попавшихся ему дерётъ,
Какъ перепёлокъ кречетъ;
Шумитъ,
Гремитъ,
Своей заморской ищетъ трости
И хочетъ изломать Дурачеству всѣ кости.
Уставши, наконецъ, Зевесъ потише сталъ
И драться пересталъ;
Но вотъ что бѣдному Дурачеству сказалъ:
«Скотина!
За-то, что ослѣпилъ Кипридина ты сына,
Который мой любимый внукъ,
Достоинъ ты ребромъ повѣшенъ быть на крюкъ;
Но я свой гнѣвъ смягчаю
И вотъ какую казнь тебѣ опредѣляю:
Съ сего часа всегда съ Эротомъ ты ходи;
Куда бъ онъ ни пошолъ, вездѣ его води:
Вотъ что на-вѣки я тебѣ повелѣваю!»
Потомъ пощочины двѣ-три ему влѣпилъ,
Да тѣмъ и заключилъ.
Съ-тѣхъ-поръ Дурачество всегда съ Амуромъ ходитъ.
Но это бы ещё не важная бѣда,
А вотъ лишь плохо что: Дурачество всегда,
Когда стрѣляетъ онъ, его руками водитъ.
Какой же можетъ быть тутъ ладъ?
Безмозгло божество стрѣляетъ не впопадъ:
Ударъ любви съ-тѣхъ-поръ намъ въ голову приходитъ
Почти всегда
И очень мѣтко,
А въ сердце никогда,
Иль очень рѣдко.

Г. П. КАМЕНЕВЪ.

Гаврило Петровичъ Каменевъ родился въ 1772 году въ Казани. Отецъ его, Пётръ Гавриловичъ, былъ купецъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ городскихъ жителей за умъ и честность. Какъ дѣтство, такъ почти и всю остальную жизнь, молодой Каменевъ провёлъ въ Казани. Воспитывался онъ въ частномъ пансіонѣ Вюльфинга, въ которомъ пріобрѣлъ основательныя познанія въ нѣмецкомъ языкѣ; языкъ же французскій, которому онъ выучился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, былъ ему, сравнительно, менѣе знакомъ, чѣмъ нѣмецкій, изучённый имъ въ дѣтствѣ. Будучи купцомъ, онъ не любилъ торговли; получивъ хорошее состояніе отъ отца, онъ не заботился объ увеличеніи его, и болѣе всего посвящалъ себя любимому занятію — литературѣ. Молодость свою провёлъ онъ довольно бурно, въ кругу разгульныхъ товарищей, что имѣло свою долю вліянія на разстройство его и безъ того слабаго здоровья. Но, кажется, главной причиной быстраго развитія его болѣзни были семейныя огорченія: онъ влюбился въ дочь нѣмца-доктора, проживавшаго въ Казани; но родные Каменева вооружились всѣмъ соборомъ противъ этого брака, и впослѣдствіи устроили его *судьбу* сообразно своимъ разсчётамъ, которые, къ сожалѣнію, обманули ихъ совершенно. Въ послѣдніе годы своей жизни, желая нѣсколько разсѣяться, онъ побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ первомъ одинъ разъ и на короткое время, а въ послѣдней — раза три, причёмъ каждый разъ проживалъ въ ней по нѣскольку мѣсяцевъ. И дѣйствительно, Москва должна была привлекать его къ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ Петербургъ: онъ былъ писатель, а въ Москвѣ въ то время сосредоточивались всѣ интересы литературы въ лицѣ Карамзина, Дмитріева и другихъ знаменитостей. Въ 1803 году, когда ему исполнилось всего тридцать лѣтъ, онъ уже былъ почти совершенно разрушенъ страшною болѣзнью. Мрачное предчувствіе близкой смерти заронилось въ его душу и не оставляло его ни на минуту, ни въ тишинѣ семейной жизни и литературныхъ занятій, ни среди шума развлеченій столицы, куда онъ пріѣзжалъ не задолго до смерти, въ надеждѣ найти исцѣленіе отъ грознаго недуга. Возвратившись въ Казань, Каменевъ сталъ чувствовать себя всё хуже и хуже, и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1803 года тихо скончался. Тѣло его погребено, согласно желанію покойнаго, въ сосновой рощѣ Кизическаго монастыря, лежащаго въ трёхъ верстахъ отъ Казани.

Литературные труды Каменева ограничиваются нѣсколькими стихотвореніями и мелкими прозаическими статьями, и тремя переводными повѣстями. Свои стихотворенія и статьи Каменевъ преимущественно печаталъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» (1794 — 1799), «Музѣ» (1796), «Ипокренѣ» (1799 — 1801), «Новостяхъ русской литературы» (1802 — 1805) и, въ особенности, въ «Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, науки и художествъ» (1804), котораго онъ былъ членомъ и гдѣ, между-прочимъ, было напечатано лучшее его произведеніе, баллада «Громвалъ», закрѣпившая за нимъ мѣсто въ исторіи русской литературы. Изъ переводовъ его напечатаны: 1) «Софья, или сумасшедшая отъ любви», повѣсть Шписа (М. 1801); 2) «Гробница на холмѣ», повѣсть Коцебу (М. 1802) и 3) «Счастье одного бываетъ несчастьемъ другого», повѣсть Коцебу (М. 1805). Этотъ послѣдній переводъ былъ напечатанъ уже по смерти переводчика.

Вся извѣстность Каменева зиждится на балладѣ «Громвалъ», произведеніи дѣйствительно весьма замѣчательномъ, особенно для своего времени. Стихотвореніе это, независимо отъ своего оригинальнаго размѣра (въ каждомъ куплетѣ, состоящемъ изъ четырёхъ стиховъ, первые два — дактели, послѣдніе два — анапесты), обратившаго на себя общее вниманіе особенно тѣмъ, что, будучи опозоренъ Тредьяковскимъ въ его «Телемахидѣ», онъ ещё не пользовался тѣмъ правомъ гражданства въ русской литературѣ, какимъ пользуется теперь, благодаря трудамъ Гнѣдича и Жуковскаго. Но прекрасный размѣръ стиха и замѣчательная плавность слога есть только внѣшнее отличіе баллады Каменева. Главное значеніе «Громвала» заключается въ его романтическомъ строѣ, указанномъ А. С. Пушкинымъ. «Каменевъ», говоритъ онъ: «первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти.»

ГРОМВАЛЪ.

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность времёнъ;
Поднимаю завѣсу сѣдой старины —
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калёны въ колчанѣ звучатъ;

Онъ по чистому полю несётся, какъ вихрь,
Въ воронёныхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьёмъ.

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ.
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

Буря, облёкшись въ угрюмую ночь,
Мчится къ закату на чорныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дуброва шумитъ
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь воココмракѣ сгущённомъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснётъ, то померкнетъ вдали огонёкъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь пріѣзжаетъ на берегъ ручья
И вдругъ — видитъ онъ за̀мокъ вблизи предъ собой.

Синее пламя изъ за̀мка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ и впередъ;
Завыванія, стоны въ нёмъ глухо ревутъ.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьёмъ;
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь за̀мка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
Завыванія, стоны утихли, молчатъ;
Усугу́билась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твёрдость желѣзныхъ воротъ:
Отлетѣли запоры, скрипятъ вереи —
И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ за̀мокъ идётъ.
Тишина распростёрта и мрачность вездѣ,
Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свиститъ.

Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
«Хищный волшебникъ, коварный Зломаръ!
Ты Громвала принудилъ по свѣту бродить,
Ты похитилъ Рогнѣду, подругу его!

«Многія царства и земли прошолъ,
Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
Великановъ сразилъ я могучей рукой;
Но Рогнѣды любезной ещё не нашолъ!

«Гдѣ обитаешь ты, лютый Зломаръ?
Въ дебряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ,
Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ ль морской
Укрываешь её ты отъ взоровъ моихъ?

«Если найду я жилище твоё,
Злобный волшебникъ, лихой чародѣй —
Извлеку изъ неволи Рогнѣду мою,
Вырву чорное сердце изъ гру́ди твоей!»

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ сонъ!
Одръ ему стелютъ усталость и ночь.
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шишакѣ,
Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ онъ сномъ.

Тучи промчались и вихрь замолчалъ,
Звѣзды потухли, алѣетъ востокъ;
Пробудилась денница, Зимцерла цвѣтётъ,
Какъ румяная роза — Громвалъ ещё спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,
Блещетъ съ полудня калёнымъ лучомъ,
И по соснамъ слезится смола сквозь кору;
Но Громвала всё держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предтеча со смуглымъ челомъ
Смотритъ съ востока на лѣсъ, на луга,
Окропляетъ изъ урны росой мураву;
Но Громвала всё держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ на главѣ,
Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и звѣздъ,
По ступенямъ, нахмурясь, на тронъ свой идётъ;
А Громвала всё держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,
Мрачность густѣетъ, настала полно́чь:
Богатырь, воспряну́вши отъ крѣпкаго сна,
Изумился, не видя румяной зари.

Вдругъ затрещало по за̀мку какъ громъ,
Стѣны трясутся, окошки звенятъ,
И, какъ молнія быстро блистаетъ во тьмѣ,
Освѣщается зала ужаснымъ огнёмъ.

Громко всѣ двери стучатъ, отворясь:
Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,

Появляются тѣни — за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ него —
И волшебникъ Зломаръ — ужасающій видъ! —
Бездыханенъ лежалъ въ нёмъ, открывши глаза.

Полъ разступился — и адскій огонь
Съ вихремъ трескучимъ и съ громомъ летитъ,
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ жаръ раскалилъ;
Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны Зломаръ.

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ глазахъ
Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь;
Изо рта пѣна чорная клубомъ кипитъ;
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, свистятъ;
Въ изступлённомъ восторгѣ бѣснуясь, они
Пляшутъ адскую пляску вкругъ гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь:
Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
Исчезаютъ вмигъ духи, скелеты и гробъ.

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду покой;
Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
Удивляется чуду смущённый Громвалъ;
Изумившись, не вѣритъ себѣ самому.

Вдругъ раздалася волшебна свирѣль,
Арфы внезапный послышался звукъ,
Растворился сводъ залы — и розовый лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущённую ночь.

Въ облакѣ лёгкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ —
И въ поднёбесьѣ лебедь спокойно плыла:
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Поясъ по чресламъ, какъ яхонтъ, горитъ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ весёлость сіяетъ у ней во очахъ.

Гласомъ пріятнымъ Добрада рекла:
«Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ!
Знай: Зломара не стало; судьба навсегда
Ужь очистила свѣтъ отъ злодѣя сего.

«Въ адскую пропасть низверженъ на вѣкъ;
Челюсть геенны его пожрала;
Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ огня,
Вой и стонъ его бездна лишь будетъ внимать.

«Смерть, преступивши природы законъ,
Чувствъ не лишила волшебника трупъ:
Развращённыхъ имъ тѣни погибшихъ людей
Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзаютъ его.

«Рыцарь, спѣши ты къ Рогнѣдѣ своей!
Къ югу за лѣсомъ, въ песчаныхъ степяхъ —
Тамъ Зломарова замка въ темницѣ стальной
Два крылатыхъ Зиланта её стерегутъ.

«Рогъ сей волшебный прими отъ меня:
Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуть;
Но внимай! ты не можешь Рогнѣду спасти,
Не проливъ ея крови: судьбы такъ велятъ.»

Струны волшебны вторично звучатъ;
Облако къ верху съ Добрадой летитъ.
Поражонный сей рѣчью, Громвалъ внѣ себя,
Истукану подобенъ, въ слѣдъ смотритъ за ней.

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
Съ горькой досадой вскричалъ богатырь:
«Вѣроломной волшебницы пагубный даръ,
Ты убійствомъ Рогнѣды мнѣ счастье сулишь!

«Нѣтъ! трепещу я отъ мысли одной —
Сердце изъ груди ей въ жертву летитъ.
Но, Громвалъ, повинуйся глаголу судьбы:
Чародѣйство Зломара спѣши истребить.

«Если не можешь Рогнѣду спасти,
Замокъ разрушить, Зилантовъ сразить —
Богатырскую кровь ты пролей за неё
И геройскою смертью любовь увѣнчай!»

Красное утро блестящимъ лучомъ
Сосенъ столѣтнихъ верхи золотитъ.
Обращая на полдень коня своего,
Оставляетъ нашъ витязь и замокъ и лѣсъ.

Дебри, утёсы, стремнины, хребты
Стонутъ отъ тяжкихъ ударовъ копытъ;
Пыль густая какъ туча, крутится столбомъ,
По поднёбесью вьётся, гдѣ скачетъ Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
Выѣхалъ рыцарь въ обширную степь:

Открывается взорамъ песка океанъ;
Вдали будто бы съ небомъ сливается онъ.

Вѣтръ не волнуетъ сыпучую зыбь;
Дышитъ тлетворнымъ дыханіемъ зной;
Ни кусты не шумятъ, не журчатъ ручейки:
Какъ въ полнбчь на кладбищѣ, всё ноетъ, молчитъ.

Въ дикой пустынѣ, въ сихъ страшныхъ поляхъ,
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ,
Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
И на ней крѣпкій зàмокъ чернѣетъ въ дали.

Съ жаждой и зноемъ сражаясь три дня,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомлённомъ, въ кровавомъ поту,
Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

Въ скользскихъ стремнинахъ нависнувшихъ скалъ
Страшно грозящихъ низринуться въ долъ,
Обрываясь надъ бездной по узкой тропѣ,
Достигаетъ вершины и зàмка Громвалъ.

Силой геенны и адскихъ духовъ,
Мрачный сей зàмокъ построилъ Зломаръ.
Взгромождённыя башни на чорныхъ скалахъ
Предвѣщаютъ погибель и лютую смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнѣдой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный Громвалъ
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ вереи,
Въ зàмокъ страшный вступаетъ съ булатнымъ мечомъ.

Грозно идётъ онъ — подъ крѣпкой пятой
Мёртвыя кости, черепья хрустятъ,
Враны, птицы ночныя и нѣтопырй
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ стѣнъ.

Облакомъ вьются надъ зàмкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ крикъ;
И Зиланты, послышавъ Громваловъ приходъ,
Испускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ.

Челюсть разинувъ, летятъ на него:
Копьями жала торчатъ изъ пастѣй;
Чешуёю брянчатъ, извивая хвосты,
Выпускаютъ погибельны когти изъ лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубитъ богатырь —
Звукъ оглушилъ ихъ: какъ камни падутъ;
Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ зѣвъ;
Погрузившись въ сонъ смертный, горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнѣду обнять;
Но огромная дверь растворяется вдругъ —
И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

Грозные взгляды — кометы во тьмѣ;
Мѣдь на нёмъ — панцырь, свинецъ — булава,
Сѣрый мохъ по болоту — брада у него,
Чорный лѣсъ послѣ бури — власы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ исполинъ,
Поражаетъ его по буйнòй головѣ:
Содрогается эхо, по зàмку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ тёмныхъ очей,
Булава отъ удара согнулась дугой;
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблисталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ:
Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
Но скользитъ лезвеё по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ ревётъ великанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дрожитъ;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ задушить.

Смерть неизбѣжна, погибель близка —
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громвалъ, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь зàмокъ потрясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы;
Онъ упалъ и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громвалъ;
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Воззревѣлъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Чорная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его;
Разъярённый мученьемъ, со смертью борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струёй,
Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Поднявшись облачкомъ, лёгкій паръ отъ нея
Образуетъ Рогнѣды прекрасной черты:

Розы въ ланитахъ и прелесть въ очахъ,
Алыя губы манятъ поцалуй;
По плечамъ разстилаясь, какъ бархатъ, власы
Осѣняютъ ея лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громвалъ:
Призракъ ли видитъ, или существо?
Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнѣду онъ къ персямъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполнясь, Громвалъ
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
«Долго, долго искалъ я, Рогнѣда, тебя,
И по бѣлому свѣту скитался какъ тѣнь!»

Тяжко вздохнувши, сказала она:
«Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
Раздражонный презрѣнною страстью своей,
Въ чародѣйскій сей зàмокъ меня перенёсъ.

«Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
Памяти, чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
Я съ-тѣхъ-поръ въ безднѣ мрака сокрыта была.»

Зà руку взявши Рогнѣду, Громвалъ
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши её на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Зàмокъ объемлетъ глубокая тьма;
Громы во маракѣ свирѣпо ревутъ;
Бурны вихри завыли, сорвавшись съ цѣпей;
Затрещали кремнистыя рёбра горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пасть;
Ниспроверглись Зиланты, темница, гигантъ:
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

В. Л. ПУШКИНЪ.

Василій Львовичъ Пушкинъ, авторъ «Опаснаго сосѣда» и родной дядя А. С. Пушкина, родился 27-го апрѣля 1770 года въ Москвѣ, воспитывался дома и, потомъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку, вышелъ въ 1797 году, въ отставку. Затѣмъ, осмотрѣвшись хорошенько, поселился въ Москвѣ и предался своему любимому занятію — сочиненію всевозможныхъ посланій, элегій, басень, эпиграммъ и мадригаловъ. Воспитаніе Василія Львовича было чисто-свѣтское: главнымъ основаніемъ его познаній былъ — французскій языкъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ: за нимъ слѣдовалъ языкъ нѣмецкій, красоты котораго были для него не вполнѣ понятны, и англійскій, съ которымъ онъ познакомился во время путешествія своего по Англіи. Первое его стихотвореніе, «Къ камину», было напечатано въ «Санктпетербургскомъ Меркуріѣ» на 1793 годъ, причёмъ издатель журнала, Клушинъ, въ примѣчаніи къ пьесѣ, отозвался объ авторѣ, какъ о скромномъ молодомъ человѣкѣ, пишущемъ не изъ тщеславія, а изъ любви къ литературѣ. Затѣмъ, нѣсколько стихотвореній его, между-прочимъ «Къ Хлоѣ», было помѣщено въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», а стихотворенія «Суйда», «Къ брату и другу», «Вечеръ», «Элегія изъ Проперція» и многія другія — въ «Аонидахъ» на 1796—99 года. Съ 1802 года Пушкинъ сталъ помѣщать свои произведенія въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ, между прочимъ, помѣщены басни: «Мудрецъ и филинъ», «Старый левъ и звѣри», «Левъ и его любимецъ», «Завѣщаніе» и другія. Въ 1803 году онъ отправился за-границу и описалъ своё путешествіе въ двухъ письмахъ къ друзьямъ, изъ Берлина и Парижа, напечатанныхъ въ 14-мъ и 20-мъ №№ «Вѣстника Европы» 1803 года. Долгіе сборы Василія Львовича за-границу внушили И. И. Дмитріеву написать шуточное стихотвореніе, подъ названіемъ: «Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія, въ трёхъ частяхъ». Это сочиненіе, несмотря на свои три части, заключавшее въ себѣ всего 104 стиха, было написано въ 1803 году, но въ печати явилось только пять лѣтъ спустя, въ числѣ 50 экземпляровъ, для дружескаго кружка. Вотъ начало:

Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе —
Мой маленькій журналъ читать:
Я былъ въ Лицеѣ, въ Пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ:
Стоялъ близёхонько къ нему,
Не вѣря счастью своему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье,

Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жоржъ и Фіеве;
Всѣ тропки знаю булевара...

А вотъ и другой отрывокъ, рисующій добродушный характеръ Пушкина и нѣкоторыя его слабыя стороны, въ которыхъ онъ самъ здѣсь сознаётся:

Я, напримѣръ, люблю конечно
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять;
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ
Хочу-ль кого я оскорблять?

По возвращеніи въ Москву, Пушкинъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ журналахъ своихъ пріятелей: В. Измайлова, Князя Шаликова и Жуковскаго — «Патріотѣ», «Московскомъ Зрителѣ» и «Вѣстникѣ Европы». Онъ также принималъ самое живое участіе въ спорѣ защитниковъ стараго слога съ Карамзинистами, что́ видно изъ его посланій къ Жуковскому и Дашкову. Война 1812 года заставила его удалиться въ Нижній-Новгородъ; но въ 1815 году онъ снова переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ и провёлъ остальные свои годы. Къ этому періоду его жизни относятся пьесы, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» на 1814 годъ (второе «Посланіе къ Дашкову»), въ «Россійскомъ Музеумѣ» на 1815 годъ («Посланіе къ Вяземскому», «Не пеняй мнѣ, что съ тобою» и другія), въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности», 1812 — 21 (нѣсколько басень, «Летятъ какъ вихрь веселій годы», два подражанія Горацію: «Къ Аполлону» и «Разговоръ Горація съ Лидіей» и другія) и въ «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 годъ (подражаніе Байрону, «Счастливый младенецъ» и другія). Наконецъ, Пушкинъ написалъ три главы стихотворной повѣсти: «Капитанъ Храбровъ», изъ которыхъ двѣ напечатаны. «В. Л. Пушкинъ», говоритъ г. Галаховъ, «принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитріевымъ. При несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ, дарованіи, онъ отличался вкусомъ и любилъ признавать его главнымъ достоинствомъ своихъ сочиненій. Слогъ Пушкина пріятенъ, свободенъ и близокъ къ простотѣ разговорной рѣчи. Въ пьесахъ Пушкина больше остроумія, нежели сентиментализма. Не чувствуя никакой наклонности къ торжественной лирикѣ, онъ избѣгнулъ упрёковъ въ риторикѣ, которая такъ часто заступала мѣсто поэтическаго выраженія чувствъ. Такъ-называемая лёгкая поэзія: стихи на заданныя риѳмы, мадригалы, рондо, загадки и шарады — вотъ что́ было главнымъ предметомъ стихотворства Пушкина. Но та миніатюрная доля славы, на которой зиждится извѣстность Пушкина, пріобрѣтена имъ вовсе не этими невинными фокусами піитики, а непечатной поэмой «Опасный Сосѣдъ», отличающейся весёлымъ, добродушно-шутливымъ тономъ, лёгкимъ и живымъ стихомъ, и въ высшей степени натуральнымъ изображеніемъ предмета. «Опасный Сосѣдъ», разойдясь въ тысячахъ списковъ по всѣмъ концамъ Россіи, прославилъ имя Василія Львовича — и авторъ былъ совершенно правъ, признавая его своимъ лучшимъ, удачнѣйшимъ произведеніемъ. Помѣщаемъ здѣсь начало и конецъ поэмы:

Охъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться!
Что прибыли, друзья, предъ вами запираться?
Я всё перескажу: Буяновъ, мой сосѣдъ,
Имѣніе своё прожившій въ восемь лѣтъ
Съ цыганками .....въ трактирахъ съ ямщиками,
Пришолъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрёпанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
Пришолъ — и понесло повсюду кабакомъ.
«Сосѣдъ», онъ мнѣ сказалъ, «что дѣлаешь ты дома?
Я славныхъ рысаковъ подтибрилъ у Пахома:
На Масляной тебя я лихо прокачу.»
Потомъ, съ улыбкою ударивъ по плечу,
«Мой другъ», прибавилъ онъ, «послушай: есть находка —
Не дѣвка — золото, изъ всей Москвы красотка...
Ступай со мной — качнёмъ!»...... Страсть имѣя,
Я — виноватъ, друзья — послушался злодѣя.
Мы сѣли въ обшевни, покрытыя ковромъ —
И пристяжная вмигъ свернулася кольцомъ.
Извощикъ ухорской, любуясь рысаками,
«Ну!» свистнулъ: «соколы, отдёрнемъ съ господами!»
Пустился дымъ густой изъ пламенныхъ ноздрей
По улицамъ, какъ вихрь, несущихся коней.
Кузнецкій Мостъ и валъ, Арбатъ и Поварская
Дивились *двоицѣ*, на бѣгъ ея взирая.
Позволь, варяго-россъ, угрюмый нашъ пѣвецъ,
Славянофиловъ кумъ, взять слово въ образецъ!
Досель въ невѣжествѣ коснѣя, утопая,
Мы *парой* двоицу, по русски называя,
Писали для того, чтобъ понимали насъ.
Ну, къ чорту умъ и вкусъ! пишите въ добрый часъ!
«Пріѣхали», сказалъ извощикъ, отряхаясь.
Домишка, какъ тростникъ, отъ вѣтра колыхаясь,
Съ калиткой на крюку представился очамъ...
Мы, сгорбившись, вошли въ какую-то коморку —

И что-жь? съ купцомъ игралъ дьячокъ приходскій въ горку,
Пуншъ, пиво и табакъ стояли на столѣ...
Султанъ Селимъ, Вольтеръ и Фридерикъ Второй
Смиренно въ рамочкахъ висѣли надъ софой;
Двѣ гостьи дюжія, смѣялись, разсуждали
И Стерна Новаго, какъ диво величали.
Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдётъ!
Но вотъ кривой лакей имъ кофе подаётъ...
«Я здѣсь!» провозгласилъ Буяновъ-молодецъ,
Всѣ вздрогнули — дьячёкъ, и дѣвка, и купецъ;
Но всѣ, привставъ, поклонъ намъ отдали учтивый.
«Ни съ мѣста!» продолжалъ сосѣдъ велерѣчивый:
«Ни съ мѣста! всѣ равны . . . .
Не обижать пришли мы честныхъ здѣсь людей!
Панкратьевна, садись! Цалуй меня, Варюшка!
Дай пуншу! Пей дьячокъ!» И началась пирушка...
. . . .
Но что за шумъ?.. Весь домъ колеблется, дрожитъ.
О, ужасъ! мой сосѣдъ, могучею рукою
Къ стѣнѣ прижавъ дьячка, тузилъ купца другою;
Панкратьевна въ крови; подсвѣчники летятъ
И стулья на полу ногами вверхъ лежатъ...
Лежали на окнѣ «Бова» и «Еруcланъ»,
«Несчастный Никаноръ», чувствительный романъ,
«Смерть Роллы», «Арфаксадъ», «Русалка», «Дѣва солнца»
Онѣ ихъ съ мужествомъ кидаютъ въ ратоборца.
На доблесть храбрыхъ женъ я съ трепетомъ взиралъ,
Всѣ пали ницъ — сосѣдъ побѣду одержалъ.
Ужасной битвы сей вотъ было что̀ виною:
Дьячёкъ, купецъ, сосѣдъ пуншъ пили за игрою;
Умѣнье въ свѣтѣ жить желая доказать.
Варюша всѣмъ гостямъ старалась подливать.
Благопристойности ничто не нарушало;
Но Бахусъ бѣдствіямъ не разъ бывалъ начало:
Забавъ невинныхъ врагъ, любитель козней злыхъ,
Не дремлетъ Сатана при случаяхъ такихъ...
Къ Аспазіи подсѣвъ, дьячку онъ далъ толчёкъ;
Буянова толкнулъ, нахмурившись, дьячёкъ;
Буяновъ, не терпя привѣтствія такова,
Задѣлъ дьячка въ лицо, не говоря ни слова;
Дьячёкъ, расхрабрясь, купца ударилъ въ носъ;
Купецъ схватилъ съ стола бутылку и подносъ —
Въ пріятелей махнулъ — и Сатанѣ потѣха!
Въ юдоли сей, увы, плачь вѣчно близокъ смѣха!
На быстрыхъ крыліяхъ веселіе летитъ,
А горе—тутъ какъ тутъ! Гнилая дверь скрипитъ
И отворяется: спокойствія рачитель,
Брюхатый офицеръ, полиціи служитель,
Вступаетъ съ важностью въ мундирномъ сюртукѣ.
«Потише!» говоритъ: «вы здѣсь не въ кабакѣ...»
Прилично-ль, господа..... вамъ драться?
Немедленно со мной извольте расквитаться!»
Тарелкою сосѣдъ отвѣтствовалъ ему.
Я близь дверей стоялъ, ко счастью моему.
Мой слабый духъ, боясь лютѣйшаго сраженья,
Единственно въ ногахъ искалъ себѣ спасенья;
Въ свѣтлицѣ позабылъ часы и кошелёкъ;
Чрезъ брёвна, кирпичи, чрезъ полный смрада токъ
Перескочивъ, бѣжалъ и самъ куда—не зная.
Косматыхъ церберовъ ужаснѣйшая стая
Исчадье адово, вдругъ стала предо мной —
И всюду раздался псовъ алчныхъ лай и вой.
Что дѣлать? Я шинель имъ отдалъ на съѣденье.
Снѣгъ мокрый, сильный вѣтръ... О, страшное мученье!
Въ тоскѣ, въ отчаяньи, промокшій до костей,
Я въ полночь, наконецъ, до хижины моей,
О, милые друзья, калѣкой дотащился.
Нѣтъ! полно! Я на вѣкъ съ Буяновымъ простился.
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ тишинѣ живётъ
И въ сонмище людей неистовыхъ нейдётъ,
Кто, веселясь подъ часъ съ подругой молодою,
За нѣжный поцѣлуй не награждёнъ бѣдою;
Съ кѣмъ не встрѣчается опасный мой сосѣдъ,
Кто любитъ и шутитъ, но только не во вредъ;
Кто иногда стихи отъ скуки сочиняетъ
И надъ рецензіей славянской засыпаетъ.

Когда была написана эта остроумная шутка — положительно неизвѣстно. Нашъ уважаемый библіофилъ, С. Д. Полторацкій, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, говоритъ, что время появленія поэмы можно опредѣлить только приблизительно между 1807 и 1815 годами. «Опасный Сосѣдъ» имѣлъ три изданія: первое, литографированное, въ Мюнхенѣ (1815), второе въ Лейпцигѣ (1855) и третье въ Берлинѣ (1859).

Василій Львовичъ скончался 20-го августа 1830 года въ Москвѣ, въ своёмъ домѣ на Басманной.

Стихотворенія Василія Пушкина имѣютъ два изданія: первое («Стихотворенія В. Пушкина»), выпущенное самимъ авторомъ въ 1822 году, въ Петербургѣ, и второе, Смирдинское, въ одномъ томѣ съ сочиненіями Веневитинова («Сочиненія Пушкина, Василія Львовича»), отпечатанное также въ Петербургѣ въ 1855 году. Въ томъ и другомъ недостаетъ многихъ пьесъ.

I.

КЪ АРЗАМАСЦАМЪ *).

Я грѣшенъ. Видно, мнѣ кибитка не Парнасъ;
Но строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ,

*) Пушкинъ проѣздомъ изъ Москвы, на одной изъ стан-

И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
По мнѣнью моему, не стоили тревоги.
Просодіи въ нихъ нѣтъ, нѣтъ вкуса — виноватъ!
Но вы передо мной виновнѣе стократъ.
Разборъ, повѣрьте мнѣ, столь ѣдкій — не услуга:
Я слухъ вашъ оскорбилъ, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ-быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злого Гашпара**) убилъ однимъ стихомъ
И, гнѣва не боясь варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ.
Неблагодарные, о томъ забыли вы!
И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною.
Довольно и безъ васъ я былъ гонимъ судьбою!
Въ дурныхъ стихахъ большой не вижу я вины;
Пріятели беречь пріятеля должны.
Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
Лишь къ пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить.
Съ прискорбіемъ скажу: что прибыли любить?
Здѣсь острое словцо пріязни всей дороже
И дружество почти на ненависть похоже.
Но Боже сохрани, чтобъ точно думалъ я,
Что въ наши времена не водятся друзья!
Нѣтъ, бурныхъ дней моихъ на пасмурномъ закатѣ,
Я истинно счастливъ, имѣя друга въ братѣ*).
Сердцами сходствуемъ: онъ точно я другой;
Я горе съ нимъ дѣлю; — онъ радости со мной.
Благодарю судьбу — чего желать мнѣ болѣ?
Проказничать, шутить, смѣяться въ вашей волѣ!
Вы всѣ любезны мнѣ, хоть я на васъ сердитъ;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велитъ,
Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли шутя о пользѣ разсуждать?
Глупцы не престаютъ возиться и писать,
Дурачить Талію, ругаться Мельпоменѣ:
Смѣёмся мы тайкомъ — они кричатъ на сценѣ.
Нѣтъ, явною войной искоренимъ враговъ!
Я вѣрный вашъ собратъ и дѣйствовать готовъ;
Ихъ оды жалкія, забавныя ихъ драмы,
Похвальныя слова, поэмы, эпиграммы
Конечно не уйдутъ отъ критики моей:
Невѣждъ учить люблю и уважать друзей!

цій написалъ эпиграмму на смотрителя и мадригалъ его женѣ, и оба стихотворенія послалъ въ Арзамасское Общество, котораго былъ членомъ, подъ именемъ *Вотъ*. Общество, найдя стихи плохими, лишило его даннаго ему имени, и дало другое: *Вотрушка*. Огорчённый Василій Львовичъ отвѣчалъ посланіемъ, которое было найдено хорошимъ, а нѣкоторые стихи сильными и прекрасными — и Пушкину возвращено было прежнее имя, съ прибавленіемъ — *я васъ*, то-есть: *Вотъ я васъ!* (Виргиліево: vos ego!)

*) Переплётчикъ Гашпаръ — герой комической поэмы князя Шаховского «Расхищенныя шубы». Это же имя носилъ и самъ авторъ поэмы, какъ членъ Арзамасскаго Общества. Намёкъ на ѣдкій стихъ въ «Опасномъ сосѣдѣ» о «Новомъ Стернѣ» Шаховского.

**) Сергѣѣ Львовичѣ, отцѣ А. С. Пушкина.

II.

ИЗЪ «ПОСЛАНІЯ КЪ ДАШКОВУ».

Что слышу я, Дашкóвъ? какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ —
Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь, слова невѣждъ пустой кимвала звукъ.
Они безумствуютъ — сіяетъ свѣтъ наукъ!
Ужели отъ того моя постраждетъ вѣра,
Что я подъ-часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости нимало:
Они мертвятъ нашъ умъ и — варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ
Кто хвалитъ всё своё, чужое презираетъ,
Кто слёзы льётъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печётся о словахъ:
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто, согражда̀нъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти и предразсудковъ злыхъ!..

В. А. ОЗЕРОВЪ.

Владиміръ Александровичъ Озеровъ, авторъ «Эдипа въ Аѳинахъ» и «Димитрія Донского», родился 29-го сентября 1770 года въ Тверской губерніи. Стѣснённыя обстоятельства родителей Озерова заставили ихъ рано разстаться съ сыномъ: шести

лѣтъ онъ уже былъ опредѣлёнъ въ 1-й кадетскій корпусъ, вслѣдствіе чего пробылъ въ этомъ заведеніи цѣлыя двѣнадцать лѣтъ. Впрочемъ, это обстоятельство не помѣшало ему окончить курсъ самымъ блистательнымъ образомъ: онъ былъ выпущенъ, въ 1788 году, поручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ и награждёнъ первою золотою медалью, послѣ чего, по приглашенію графа Ангальта, опредѣлился къ нему въ адъютанты. Прослуживъ при нёмъ до его смерти, послѣдовавшей въ 1794 году, Озеровъ почтилъ его память французскимъ стихотвореніемъ, бывшимъ едва ли не первымъ его литературнымъ опытомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что онъ обладалъ блестящимъ, для того времени, свѣтскимъ воспитаніемъ. О дальнѣйшей его служебной дѣятельности намъ извѣстно только тò, что онъ служилъ очень счастливо, но, вскорѣ по производствѣ его въ генералъ-майоры, оставилъ военную службу и перешолъ въ гражданскую, въ лѣсной департаментъ, гдѣ до конца 1808 года занималъ мѣсто члена совѣта.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Озерова, появившимся въ печати, считается героида «Элоиза къ Абеляру», переведённая имъ изъ Колярдо и вышедшая въ свѣтъ особою книжкой въ 1794 году. Къ этому же времени, то-есть къ концу девяностыхъ годовъ, относятся и многія изъ мелкихъ его стихотвореній, какъ-то: оды, пѣсни и басни, не представляющія, впрочемъ, какъ и переводная *героида*, ничего сколько-нибудь выдающагося и заслуживающаго вниманія, за исключеніемъ «Гимна богу любви», исполненнаго силы и страсти и написаннаго звучными стихами. Затѣмъ, 16-го мая 1798 года, на петербургскомъ придворномъ театрѣ была представлена въ первый разъ первая трагедія Озерова «Ярополкъ и Олегъ». Несмотря на тò, что она была написана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, изложенныхъ въ кодексѣ Буало и хранила на себѣ явные слѣды подражанія тогдашнимъ корифеямъ русской сцены, Сумарокову и Княжнину — пьеса не имѣла успѣха. Спустя шесть лѣтъ, прошедшія для него не безъ пользы, онъ явился предъ публикою 23-го ноября 1804 года, на сценѣ того же придворнаго театра, съ новою своей трагедіей «Эдипъ въ Аѳинахъ», написанной въ новомъ родѣ, вовсе не схожемъ съ тѣмъ, которымъ отличалась предъидущая его пьеса. Проникнутая неподдѣльнымъ чувствомъ, и выраженная прекрасными стихами, трагедія произвела потрясающее дѣйствіе на публику. Что же касается восторга, охватившаго всѣ литературные кружки безъ различія, то онъ былъ такъ великъ, что голова молодого поэта буквально пошла кругомъ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ нёмъ стали обнаруживаться первые признаки того тяжкаго и долговременнаго умственнаго разстройства, которое, наконецъ, свело его въ раннюю могилу. Этотъ невѣроятный успѣхъ «Эдипа» и чувства, возбуждённыя его представленіемъ на зрителей, прекрасно выражены въ посланіи Капниста къ Озерову, напечатанномъ въ 5 нумерѣ «Сѣвернаго Вѣстника» на 1805 годъ:

Эдипа видѣлъ я — и чувство состраданья
Поднесь въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ;
Ещё мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ;
Ещё въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца лучъ скрывала мрачна ночь,
А я всё зрю ещё, какъ нѣжну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.

Успѣхъ «Эдипа» придалъ новыя силы Озерову — и 8-го декабря 1805 года новая трагедія «Фингалъ» явилась на петербургской сценѣ и была встрѣчена публикою съ такимъ же восторгомъ, какъ и «Эдипъ». Содержаніе трагедіи заимствовано изъ сборника Оссіановыхъ пѣсенъ, въ передѣлкѣ Макферсона, надѣлавшей столько шума въ литературномъ мірѣ всей Европы. Уже одна новизна сюжета представляла много интереса для публики, знавшей до-сихъ-поръ только греческихъ и римскихъ героевъ. «Трагедія «Фингалъ», говоритъ князь Вяземскій: «торжество сѣверной поэзіи и торжество русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостью и звучностью. Рѣчи Моины — утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованіе мрачнаго Старна — унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею. Въ «Фингалѣ» ничто не забыто, ни трагикомъ, ни поэтомъ: тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань.»

Какъ ни великъ былъ успѣхъ «Эдипа» и «Фингала», озарившихъ лучами славы неизвѣстное до того имя Озерова, но успѣхъ, выпавшій на долю «Димитрія Донского», представленнаго въ первый разъ 14-го января 1807 года, то-есть за нѣсколько дней до прейсишь-эйлаускаго сраженія, превзошолъ всё до того виданное и слышанное. Восторгъ пуб-

лики не зналъ границы. Впрочемъ, причина успѣха новой трагедіи заключалась не въ превосходствѣ ея сравнительно съ предъидущими пьесами, но въ томъ глубокомъ чувствѣ патріотизма, которымъ проникнута вся пьеса, и въ примѣненіи ея къ обстоятельствамъ того времени: въ Димитріѣ всѣ видѣли Александра, въ Мамаѣ — Наполеона, а въ «дерзостномъ послѣ надменнѣйшаго хана» — высокомѣрнаго французскаго посла. Блистательный успѣхъ «Димитрія Донского» былъ послѣднимъ успѣхомъ Озерова. Судя по намёкамъ, заключающимся въ баснѣ «Пастухъ и Соловей» Батюшкова и въ посланіяхъ Капниста къ Озерову и Жуковскаго къ Вяземскому и В. Пушкину, можно заключить, что Озеровъ пожиналъ не одни лавры и что колючія терніи часто попадали ему въ самое сердце, благодаря интригамъ и клеветамъ

зоиловъ строгихъ,
Богатыхъ знатностью, талантами убогихъ.

Говорятъ, что цѣлая ватага мелкихъ писакъ, завидуя быстро возникшей славѣ Озерова, принимала всѣ мѣры, чтобы повредить успѣхамъ его на сценѣ и подорвать его репутацію, какъ автора и какъ частнаго человѣка. Къ счастію, всѣ ихъ усилія — затемнить славу Озерова — не повели ни къ чему; за-то нравственныя муки, испытанныя впечатлительнымъ поэтомъ, по ихъ милости, имѣли самыя печальныя послѣдствія, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ Жуковскаго:

Увы! «Димитрія» творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями!
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила:
Въ нихъ зависть тернія вплела —
И торжествуетъ. Растерзали
Ихъ иглы славное чело.
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.

Всѣ эти неудовольствія, не слишкомъ тяжкія для всякаго другого, но невыносимыя для нѣжной и честной натуры, заставили Озерова лѣтомъ 1808 года уѣхать въ деревню. Тамъ окончилъ онъ свою послѣднюю трагедію «Поликсену», представленную на петербургской сценѣ 14-го мая 1809 года и принятую публикой съ большимъ удовольствіемъ. Послѣднимъ трудомъ Озерова было первое дѣйствіе трагедіи «Медея», сожженное самимъ авторомъ въ одинъ изъ припадковъ меланхоліи, которая, къ концу 1809 года, овладѣла имъ совершенно. Люди, хорошо знавшіе Озерова, говорятъ, что самолюбіе, страстность и какія-то неразъяснённыя клеветы и преслѣдованія были главными причинами всѣхъ несчастій злополучнаго поэта и постигнувшей его тяжкой душевной болѣзни. Прострадавъ цѣлыя семь лѣтъ, Озеровъ скончался въ концѣ ноября 1816 года. Главная заслуга Озерова, какъ драматическаго писателя, заключается въ томъ, что онъ первый изъ русскихъ драматурговъ рѣшился не слѣдовать слѣпо строгимъ правиламъ, начертаннымъ въ кодексѣ Буало, «L'art poétique», считавшемся въ то время непреложнымъ и непогрѣшимымъ, и введеніемъ въ русскую трагедію новаго элемента — *чувствительности*, или, по тогдашнему — *сентиментальности*, послужившаго въ свою очередь переходнымъ путёмъ къ новому и болѣе живому направленію въ литературѣ — къ романтизму. Кромѣ того, онъ первый изъ русскихъ писателей рѣшился заимствовать трагическіе сюжеты не изъ классическихъ преданій древней Греціи и Рима, не изъ легендарныхъ сказаній тёмной отечественной старины, а изъ нетронутой ещё сокровищницы средневѣковыхъ преданій, сохранившихся въ поэтическихъ сказаніяхъ и народныхъ пѣсняхъ современныхъ бардовъ. Сочиненія Озерова были изданы восемь разъ: 1) Глазуновымъ — въ 1816 году; 2) Пахорскимъ — въ 1817; 3 и 4) Заикинымъ — въ 1824 и 1827; 5) Глазуновымъ — въ 1828; 6 и 7) Смирдинымъ — въ 1846 и 1847 и 8) Вольфомъ — въ 1856 году. Четыре послѣднія трагедіи Озерова «Эдипъ», «Фингалъ», «Димитрій» и «Поликсена» также были издаваемы по нѣскольку разъ. «Эдипъ въ Аѳинахъ» имѣетъ пять изданій: первое — 1804, второе — 1805, третье — 1816, четвёртое — 1823, пятое (Заикинское) — въ томъ же 1823 году. «Фингалъ» выдержалъ тоже пять изданій: первое — въ 1807, второе — въ 1816, третье (Глазуновское) — въ 1823, четвёртое (Заикинское) — въ томъ же 1823 году и пятое — въ 1827. «Димитрій Донской» имѣлъ четыре изданія: первое — въ 1807, второе — въ 1816, третье — въ 1824 и четвертое — въ 1827 году. «Поликсена» имѣла также четыре изданія; первое — въ 1809, второе — въ 1819, третье — въ 1824 и четвёртое — въ 1827 году. Изъ нихъ трагедія «Фингалъ» была переведена на французскій языкъ, Дальмасомъ и издана имъ въ 1808 году.

—

I.

ГИМНЪ БОГУ ЛЮБВИ.

О, богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленный
Течётъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

Вотще, какъ брегу яры воды,
Такъ разрушенье намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благой законъ твой міръ хранитъ.

Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Преобратить всѣ царства въ гробы
И поглотить всѣ племена:

По бороздамъ опустошенья,
Гдѣ духъ вражды лилъ страхъ и кровь,
Ты разливаешь наслажденья
И населяешь земли вновь.

Вотще воитель ставитъ твердый
И пышный столбъ своихъ побѣдъ:
Рукою Кронъ немилосердый
Сотрётъ столба послѣдній слѣдъ.

Вотще и ты свои злодѣйства
Мечтаешь въ тайнѣ скрыть, тиранъ!
Кронъ мракъ сорвётъ и съ тайнъ семейства,
Какъ вѣтры рвутъ съ морей туманъ.

Безъ дѣлъ премудрыхъ, благородныхъ
Честь наша насъ не переживётъ,
И лишь въ проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдётъ.

Не скроетъ имя и гробница;
Нероновъ прахъ клянётъ весь свѣтъ:
«Ты матери своей убійца!
Тебѣ и днесь покоя нѣтъ!»

Блаженъ владыка, кто не страхомъ —
Любовью правитъ свой народъ;
Благословеніе надъ прахомъ
Ему возшлётъ позднѣйшій родъ.

О, богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленный
Течётъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

II.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Эдипъ *и* Антигона.

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую тѣнь свою: ты отдохни на нёмъ!

Эдипъ *(сѣвши на камень)*.

Спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу сёмъ.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землёй гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылый!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!

Антигона.

Увы, ты съ бóльшей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаётъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слёзы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышóнныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зелёныя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моёмъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отвсюду я гонимъ!

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдёмъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона.

Почтò возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ.

Я ихъ любилъ...

Антигона.

Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!

Эдипъ.

Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ.
На злость, на пагубу дѣтей извёлъ я въ свѣтъ!

Антигона.

Ужели предъ тобой и я виновна?

Эдипъ.

Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той!
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны!
Опорой быть твоей — вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное, превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твоё дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, что бъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слёзы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сидящихъ на престолѣ.

Эдипъ.

Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ —
О, радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, моё рожденье:
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь:
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоёмъ повѣдаютъ народы —
И похвала твоя прейдётъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль! Приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!

Антигона.

Ещё ты жизнь вести возможешь многи годы.

Эдипъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?

Антигона.

Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды
И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Эвмениды.

Эдипъ.

Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣй шипятъ, ихъ очи раскаленны
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона.

Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!

Эдипъ.

Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель,
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ,
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?

III.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ФИНГАЛЪ».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ IV.

Фингалъ.

О, мужественный Старнъ! ты снова зришь Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведётъ теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство!
Краснорѣчивымъ быть — мнѣ чуждое искусство.
Во станѣ возращёнъ, воспитанъ на щитахъ,
Моё искуство всё — безстрашнымъ быть въ бояхъ.
И такъ, не жди, о Старнъ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Привязанность къ тебѣ, любовь мою къ Моинѣ.

. . . .

Старнъ.

Въ Морвенѣ божество фингаловыхъ отцовъ
Оставлено доднесь безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.

Но здѣсь покоится во храмахъ божество —
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
И такъ, я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмѣ дочь мою его рука пріяла.

Фингалъ.

Не разсуждаю я — приличенъ ли кумиръ
И храмъ и жертвенникъ Тому, Кто создалъ міръ,
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
Кому возстать тѣсна и высота небесна.
Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ друиду иль жрецу:
Безъ нихъ несёмъ Ему съ зарёй, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ оный мнѣ съ Моиною вступить.
Такъ, къ дочери твоей въ любви неизъясненной,
Готовъ въ свидѣтели призвать боговъ вселенной...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* Моина.

Фингалъ.

О, небо, доверши блаженство дней моихъ!
Моина, повтори всю прелесть словъ твоихъ!
Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ!
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!
Доголѣ, мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ —
Считалъ её мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы,
И, огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
Не утолялся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.

Моина.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы выростаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько жь искренны, сколь искренна она.
И такъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я полюбила взгляда.
Къ герою страсть — души высокая отрада!
Гордяся чувствомъ симъ, я, радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ:
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала,
Терзаясь мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею;
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.
Какъ часто въ тёмну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ нёмъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ.

IV.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій *и прочіе князья, Бояре и военачальники.*

Димитрій.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насилія ярёмъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своёмъ
Терпѣть татаровъ власть и, въ униженной долѣ,
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близь двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близь двухъ вѣковъ враги, то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчатская орда, какъ исполинско бремя,
Лежало въ цѣлости на русскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ:
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ Россійская страна
До разслабленія была доведена,
Проникли и въ орду. Возникшіе вновь ханы
Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ — Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивый,

Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ и, можетъ-быть, сей ханъ
Съ зарёю завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя русскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье:
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твёрдыми пребывъ въ намѣреньѣ геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ татаръ?

Тверской.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ насъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ въ несчастіяхъ сравнится съ тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ —
И прахъ стенаетъ ихъ подъ властію Орды.
Великій русскій князь, ты сбзвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры...

Бѣлозерскій.

О, сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверстый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны Россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О, тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣлённое народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна!
Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна!
Нѣтъ, никогда ещё въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни грозный Симеонъ, ни кроткій твой родитель!
И бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани:
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль, лучше, имя ихъ пускай прейдётъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ II.

Ксенія, Избрана *и* бояринъ московскій.

Бояринъ.

Рука Всевышняго отечество спасла!
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душой среди самихъ побѣдъ —
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!
Подобно замыслы обрушались Мамая.
Полки россійскіе, отмщеніемъ сгарая,
Спѣшили къ тѣмъ мѣстамъ, стояли гдѣ враги;
Едва завидя ихъ, удвоили шаги;
Но вскорѣ туча стрѣлъ, какъ градъ средь лѣтня зноя,
Спустилась съ свистомъ къ намъ предшественницей боя.
Безмолвно воины межь-тѣмъ идутъ впередъ:
Шаговъ лишь только шумъ гулъ въ полѣ отдаётъ;
Ряды сомкнувъ и щитъ о щитъ сомкнувши ближной,
Являли ратники видъ крѣпости подвижной.
Идёмъ — и съ нами вдругъ ордынцевъ рать сошлась,
Раздался воевъ крикъ — и сѣча началась.
Внезапно сонмъ бойцовъ татарскихъ показался;
Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣшался.
Какъ вихри бурные, рождённые средь горъ,
Чрезъ степь пространную летятъ въ дремучій боръ
И слабыя древа порывами ломаютъ,
И сосны твёрдыя вверхъ корнемъ исторгаютъ:
Такъ два богатыря, Темиръ и Челубей,
Стремятся на полки чрезъ тысячи мечей;
Предъ ними страхъ бѣжитъ и съ ними смерть летаетъ —
И мёртвая гряда ихъ бѣга слѣдъ являетъ.
Ужь множество бояръ и сильныхъ воеводъ,
И доблестныхъ князей, какъ рушенный оплотъ,
Въ крови на грудахъ тѣлъ разсѣянныхъ лежало.
Отъ сихъ богатырей всё съ трепетомъ бѣжало,
И Бѣлозерскій князь, чтобъ войско удержать,
Вотще отважности примѣръ хотѣлъ подать:
Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ его сраженны,
Всѣ шесть смертей душѣ отцовской нанесенны;
Но твёрдъ: изъ глазъ нѣтъ слёзъ, изъ устъ не слышенъ стонъ;
Онъ хочетъ вмѣстѣ пасть — и палъ навѣрно бъ онъ

Когда бъ не притекли два воина россійскихъ,
Чтобъ грозну смерть изъ рукъ исхитить богатырскихъ.
Одинъ изъ нихъ чернецъ, извѣстный Пересвѣтъ,
Который, въ мира дни оставивъ шумный свѣтъ,
Въ обители скрывалъ боярства санъ высокой;
Но гласъ отечества изъ тишины глубокой
Его призвалъ на брань со славой прежнихъ дѣлъ.
Широкъ, могучъ плечьми, душою бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился —
И такъ, какъ глыба горъ, съ нимъ вмѣстѣ мёртвъ свалился.
Но между-тѣмъ вблизи идётъ ужасный бой:
Огромный Челубей и воинъ тотъ другой,
Который прибылъ къ намъ, какъ помощью небесной,
Влекутъ вниманье всѣхъ ихъ битвою чудесной.

Ксенія.

Но кто сей воинъ былъ? и какъ до дня сего
Молчалъ народный гласъ о доблести его.

Бояринъ.

Не знаемъ онъ никѣмъ. Опущенно забрало
Черты его лица отъ взоровъ сокрывало;
Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щитъ
Простого воина на нёмъ являли видъ.
Повязка на рукѣ лишь только отличала;
Но поступь родъ его высокій обличала.
Искусству воина дивился Челубей —
И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
Россійскаго меча удары сильны, быстры:
Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры;
Ордынца же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Встрѣчаетъ твёрдый щитъ, или проворный мечъ.
Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ наконецъ бросаетъ щитъ тяжелый
И, отступивъ назадъ и въ двѣ руки принявъ,
Булатный длинный мечъ, мечтаетъ, что, напавъ
Съ разбѣга скораго, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской;
Стремится къ воину; сей зритъ грозу и ждётъ;
Ударъ уже надъ нимъ — ужь на главу падётъ;
Но воинъ отступилъ; мечъ въ воздухъ ударяетъ
И тягостью своей ордынецъ упадаетъ:
Тутъ смертію къ землѣ навѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ.
Мамай издалека̀ смерть видѣлъ Челубея
И, изумившись ей и страхомъ цѣпенѣя,
Не вѣдалъ что̀ начать: въ боязни умъ исчезъ.
Тѣмъ временемъ съ полкомъ, покинувъ ближній лѣсъ,
Вдругъ братъ Димитрія въ татаръ ударилъ съ тыла.
Тогда ордынцевъ рать побѣгомъ степь покрыла;
Мамай и витязи, оружье побросавъ,
Отъ нашея руки бѣгутъ, спѣшатъ стремглавъ:
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога —
И русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога.

И. А. КРЫЛОВЪ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ, величайшій изъ русскихъ баснописцевъ, родился 2-го февраля 1768 года въ Москвѣ. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, былъ бѣдный армейскій офицеръ, прокочевавшій свой вѣкъ по разнымъ городамъ обширнаго русскаго царства. Рожденіе сына застало его въ Москвѣ, а безпокойства, возникшія по милости Пугачёва въ Оренбургской степи, заставили его въ 1773 году перекочевать въ Яицкую крѣпость, которая вскорѣ послѣ его пріѣзда была осаждена Пугачёвымъ. Вотъ что̀ говоритъ о нёмъ Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачёвскаго бунта»: «Къ счастію, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія.» Затѣмъ, описавъ неудачную попытку Пугачёва взять крѣпость приступомъ, Пушкинъ прибавляетъ: «Пугачёвъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова (коменданта) и Крылова, но и всё семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ, обречёнъ былъ смерти и четырёхлѣтній ребёнокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ.» По усмиреніи мятежа, отецъ Крылова перешолъ въ гражданскую службу, съ чиномъ коллежскаго ассесора и, вслѣдъ за тѣмъ, получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата въ Твери, которое занималъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1780 году. Въ годъ смерти отца, молодому Крылову ещё не было двѣнадцати лѣтъ. Образованіе, получённое имъ въ домѣ родительскомъ, было самое скудное, а средствъ къ его продолженію — не было. За-то умственныя способности развивались въ нёмъ замѣтно. Сундукъ съ книгами, оставшійся послѣ смерти отца, привлёкъ къ себѣ всё его вниманіе. Онъ прочёлъ безъ разбора всё въ нёмъ находившееся — и воображеніе его разъигралось. Въ головѣ его, наполненной героями древняго міра, стали составляться разные планы театральныхъ пьесъ — и на пятнадцатомъ году Крыловъ написалъ свою первую оперу «Кофейница». Къ сожалѣнію, поступленіе въ подкан-

целяристы въ калязинскій уѣздный судъ прервало на время его занятія по части драматической поэзіи. Наконецъ, въ началѣ 1782 года, неисходная бѣдность и надежда выхлопотать себѣ пенсію побудили мать Ивана Андреевича отправиться всѣмъ домомъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, нужда спасла Крылова отъ ожидавшей его доли и вывела его изъ неизвѣстности! Кто знаетъ, что̀ было бы съ нимъ безъ этого переѣзда! Поселившись въ Петербургѣ, онъ снова опредѣлился на службу въ казённую палату, откуда, въ 1788 году, былъ переведёнъ въ кабинетъ Его Императорскаго Величества, гдѣ служба его продолжалась всего два года, послѣ чего онъ, въ 1790 году, вышелъ въ отставку. Оставшись, послѣ смерти матери, круглымъ сиротою, Крыловъ весь отдался литературѣ, къ которой всегда чувствовалъ особенное влеченіе, вскорѣ сдѣлался журналистомъ и завёлъ свою типографію, въ которой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1789 — 1794), печаталъ свои журналы: «Почту Духовъ», «Зритель» и «Санктпетербургскій Меркурій», не имѣвшіе большого успѣха, что̀ заставило его, въ 1794 году, бросить на всегда невыгодное въ то время журнальное дѣло. Затѣмъ, до начала нынѣшняго столѣтія, Крыловъ какъ-бы исчезаетъ съ литературнаго поприща. Всё это время провёлъ онъ въ совершенномъ бездѣйствіи, проживая въ кіевскомъ имѣніи князя С. Ѳ. Голицына, селѣ Козацкомъ. Когда, по восшествіи на престолъ Александра I, Голицынъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Остзейскій край, Крыловъ поступилъ къ нему на службу и прожилъ въ Ригѣ, въ домѣ князя, болѣе двухъ лѣтъ. Здѣсь, между-прочимъ, была написана имъ шуточная трагедія «Трумфъ», въ которой всё вертится на смѣшномъ произношеніи русскихъ словъ нѣмцами.

Наконецъ, въ исходѣ 1805 года, полузабытый всѣми Крыловъ является, ни кѣмъ не жданный, въ Москвѣ и отдаётъ въ печать три первыя свои басни, переведённыя изъ Лафонтена («Дубъ и трость», «Разборчивая невѣста» и «Старикъ и трое молодыхъ»). Эффектъ былъ полный. И. И. Дмитріевъ, басни котораго считались въ то время чудомъ совершенства и мнѣніемъ котораго весьма дорожили современники, отозвался о басняхъ съ величайшей похвалою, совѣтуя Крылову продолжать въ томъ же родѣ, и тѣмъ въ самомъ началѣ обезпечилъ ихъ успѣхъ. Такимъ образомъ, только по достиженіи почти сорокалѣтняго возраста, Крыловъ былъ поставленъ судьбою на ту дорогу, которая должна была привести его къ безсмертію. До-сихъ-поръ Крыловъ былъ мало извѣстенъ публикѣ, не смотря на талантъ, выказанный имъ въ «Почтѣ Духовъ», гдѣ онъ впервые вступилъ въ область сатиры, оказавшейся впослѣдствіи настоящимъ его призваніемъ. О двухъ его трагедіяхъ, «Клеопатра» и «Филомела», оперѣ «Бѣшеная семья» и комедіи «Проказникъ» мы распространяться не станемъ, такъ-какъ ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха ни въ чтеніи, ни на сценѣ. И такъ, литературное призваніе Крылова было, наконецъ, найдено и опредѣлено разъ на всегда: онъ долженъ былъ сдѣлаться баснописцемъ — и онъ сдѣлался имъ. И дѣйствительно, въ остальныя сорокъ лѣтъ своей жизни онъ уже не уклонялся въ сторону отъ избраннаго имъ пути, за исключеніемъ 1807 года, когда, вызванный тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ общества, онъ написалъ двѣ свои послѣднія комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», имѣвшія огромный успѣхъ на петербургской сценѣ. Крыловъ понялъ наконецъ, что не драма — его призваніе, и уже не возвращался болѣе къ этому роду литературы, въ которомъ не произвёлъ ничего истинно-замѣчательнаго. «По соображеніи всего», говоритъ Плетнёвъ, «что̀ въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ сознаълъ своё назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростью. Съ-этихъ-поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли.» Первое небольшое собраніе его басенъ (23 пьесы) вышло въ 1809 году; второе — въ 1811 (тѣ же басни, но исправленныя); въ томъ же году появились «Новыя басни» (числомъ 21); въ 1815 — 16 годахъ вышло новое изданіе въ 5 частяхъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія — новыя; въ 1819 — въ 6 частяхъ; въ 1825 — въ 7 книгахъ, новое, исправленное и пополненное изданіе, съ гравюрами; въ 1834 — въ 8 книгахъ, съ рисунками Сапожникова; въ 1843 — въ 9 книгахъ. Это изданіе было послѣднимъ, вышедшимъ при жизни Крылова, и вмѣщало въ себѣ около 200 басень. Начиная съ 1819 года, изданія стали расходиться во многихъ тысячахъ экземпляровъ, которыхъ, по счётамъ книгопродавцевъ, разошлось ещё при жизни автора до 77 тысячъ. По смерти Крылова, изданія его басень слѣдовали одно за другимъ съ невѣроятной быстротой. Однихъ полныхъ изданій вышло девять, начиная съ третьяго, вышедшаго въ 1848 году, и кончая — одиннадцатымъ, напечатаннымъ въ 1871 году, съ 21-мъ рисункомъ, въ числѣ 21,800 экземпляровъ.

Четвёртое изданіе вышло въ 1850 году, пятое — въ 1852, шестое — въ 1854, седьмое — въ 1860, осьмое — въ 1861, девятое — въ 1866, десятое — въ 1870 и одиннадцатое — въ 1871 году. Независимо отъ исчисленныхъ здѣсь изданій, въ 1864 году было выпущено въ свѣтъ ещё два изданія съ рисунками художника Трутовскаго, а въ 1872 — одно, въ маломъ форматѣ и также съ рисунками.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ слава Крылова проникла за границу — и вскорѣ явился въ свѣтъ цѣлый рядъ изданій его басень, въ переводахъ на языки французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій, польскій, чешскій, шведскій, армянскій, еврейскій и арабскій. Иностранцы почти такъ же, какъ и русскіе чувствовали достоинство таланта Крылова; но никогда поклоненіе генію нашего баснописца не доходило до такой торжественности, какъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ во Франціи. Въ это время жилъ въ Парижѣ графъ Орловъ, въ домѣ котораго собирались первыя свѣтила французской науки и литературы. Однажды, когда разговоръ коснулся русской литературы и выражено было сожалѣніе о томъ, что во Франціи такъ мало знакомы съ произведеніями русской поэзіи и прозы, графиня Орлова обратила вниманіе гостей на басни Крылова и подала мысль о переводѣ ихъ на французскій языкъ. Предложеніе было принято и всѣ извѣстнѣйшіе писатели того времени были приглашены принять участіе въ этомъ дѣлѣ. «Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ», говоритъ Плетнёвъ. «Въ домѣ Орлова открылся какъ-бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, сколько можно русской природы внести во французскую рѣчь, они сдѣлали всё — и тогда-то облеклись лучшія басни Крылова въ стихи игривые и блестящіе, можетъ-быть едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностью для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басень переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по-крайней-мѣрѣ большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Русская простота имъ, повидимому, непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное.»

Крыловъ въ своихъ басняхъ является вполнѣ оригинальнымъ и неподражаемымъ писателемъ, не только по мысли, но и по формѣ — по языку, оттѣнки котораго неуловимы для передачи на какой-нибудь другой языкъ. Онъ несравненно болѣе оригинальный баснописецъ, чѣмъ Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной своей собственной басни, и, не смотря на тò, совершенно справедливо считается поэтомъ оригинальнымъ, такъ-какъ, заимствуя у другихъ вымыслы, онъ ни у кого не заимствовалъ прелести и простоты своего разсказа. Огромное большинство басень Крылова — оригинальныя. Изъ 197 басень, написанныхъ имъ, только 56 заимствованы у иностранцевъ.

Между-тѣмъ слава Крылова, какъ баснописца, росла съ каждою вновь написанною имъ баснею. Многія изъ нихъ, ещё до напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при Дворѣ, или въ литературныхъ обществахъ, послѣ чего тотчасъ расходились по рукамъ въ тысячахъ списковъ. Журналисты наперерывъ старались украшать его баснями страницы своихъ журналовъ, причёмъ почти каждая изъ нихъ, при появленіи своёмъ, возбуждала вниманіе публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ.

Въ 1811 году Крыловъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой въ Академію Наукъ — сдѣлался ея членомъ; въ 1813 — вступилъ въ учреждённую не задолго предъ тѣмъ въ домѣ Державина «Бесѣду любителей русскаго слова» — и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Въ 1812 году вступилъ въ службу при Императорской Публичной Библіотекѣ, на которой оставался по 1841 годъ, пользуясь особенною дружбой ея директора, Оленина, въ домѣ котораго онъ, вмѣстѣ со многими другими литераторами и особенно со своимъ сослуживцемъ Гнѣдичемъ, находилъ родственный пріёмъ, ласку и одобреніе. Чуждый всякаго мелкаго честолюбія, Крыловъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, занимая, въ теченіе тридцати лѣтъ, одно и то же мѣсто — библіотекаря. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ отношеніи. Начиная съ чина коллежскаго ассесора, пожалованнаго ему императоромъ Александромъ I въ 1814 году, Крыловъ, постепенно подымаясь, получилъ въ 1830 году чинъ статскаго совѣтника, независимо отъ орденовъ Св. Владиміра 3-й и 4-й степени и Св. Анны 2-го класса, полученныхъ имъ ещё прежде. Послѣдней наградой, полученной Крыловымъ, былъ орденъ Св. Станислава 2-й степени, со звѣздой, пожалованный ему 2-го февраля 1838 года, въ день праздно-

ванія семидесятой годовщины дня его рожденія, собравшей вокругъ знаменитаго юбиляра всё, что только было самаго талантливаго и знаменитаго въ Петербургѣ. Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу, причёмъ ему было оставлено въ пенсію полное содержаніе его въ Библіотекѣ, которое составляло 11,700 руб. ассигн. Послѣдніе годы жизни Крыловъ провёлъ въ совершенномъ уединеніи, проживая въ 1-й линіи Васильевскаго острова, въ домѣ Блинова, гдѣ и скончался 9-го ноября 1844 года, 76 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 7 дней отъ-роду. Погребеніе бренныхъ останковъ Крылова, на которое было выдано, по Высочайшему повелѣнію, 9 тысячъ руб. ассигн. совершено было съ большою пышностью. Первые сановники государства вынесли гробъ изъ церкви. На траурныхъ принадлежностяхъ, вмѣсто гербовъ, находилось изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея великаго баснописца. Крыловъ погребёнъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, возлѣ Гнѣдича.

Для заключенія помѣщаемъ весьма вѣрную характеристику Крылова, сдѣланную Плетнёвымъ: «Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Крыловъ представилъ собой писателя, не увлекавшагося ни современными соблазнами, ни одностороннимъ направленіемъ. Для общества — онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія и законной власти. Злоупотребленія, пороки, происки, глупость нашли въ нёмъ неумолимаго обвинителя. Его нравоученіе проникнуто свѣтомъ опыта и мудрости. Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всёмъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Крыловъ умѣлъ выражать собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спѣсь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе... Словомъ, книга его басень составляетъ основу истинъ обще-человѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи, это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи.»

«Полное собраніе сочиненій И. Крылова» было издано два раза: въ 1847 и 1859 годахъ, въ Петербургѣ, въ трёхъ томахъ, съ портретомъ и біографіею автора, написанной покойнымъ Плетнёвымъ.

Россія почтила своего народнаго писателя истинно-народнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ Лѣтнемъ саду, на деньги, собранныя со всѣхъ концовъ Русскаго государства. Поэтъ изображонъ такимъ, каковъ онъ былъ въ старости, то-есть въ періодъ своей славы, сидящимъ на камнѣ, въ кругу героевъ своихъ басень.

I.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ,
Пожалу-ста покушай!»
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло.» — «Нужды нѣтъ,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ». — «И, полно, что за счёты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ-будто янтарёмъ подёрнулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ,
Однако же ещё тарелку онъ берётъ,
Сбирается съ послѣдней силой —
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за-то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой —
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ демьяновой ухи.

II.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на-показъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ —
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
— «Сосѣдка, перестань срамиться!»
Ей шавка говоритъ: «тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идётъ
Вперёдъ
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»
— «Эхъ-эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаётъ,
Что я совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

III.

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Осёлъ увидѣлъ Соловья —
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твоё услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твоё умѣнье?»
Тутъ Соловей являть своё искусство сталъ:
Защёлкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осёлъ, уставясь въ землю лбомъ:
«Изрядно», говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещё-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

IV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!» —
И вмигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьёмъ,
Иной съ ружьёмъ.
— «Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнёмъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ;
Зубами щёлкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя тò, что тутъ не передъ стадомъ
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришолъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ.
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой
Какъ снявшу шкуру съ нихъ долой.
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

V.

КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Осёлъ,
Козёлъ
Да косолапый Мишка

Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ:
Ударили въ смычки — дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы,
Тогда пойдётъ ужь музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ:
Онъ всё-таки на ладъ нейдетъ.
— «Постойте жь, я сыскалъ секретъ!»
Кричитъ Осёлъ: «мы вѣрно ужь поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ,
А все-таки квартетъ нейдётъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры —
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье —
«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по-нѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Всё въ музыканты не годитесь.»

VI.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ, (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что́ же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ бочёнкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курчёнкомъ.
—«Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?»
А Васька всё-таки курчёнка убираетъ.
«Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до-этихъ-поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ —
А ты — ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
«Котъ-Васька плутъ! Котъ-Васька воръ!
И Ваську-де не только-что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
А Васька слушаетъ, да ѣстъ.
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жь? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька всё жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

VII.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ —
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
—«Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ!»
—«То правда», отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
«Они немножечко дерутъ,
За-то ужь въ ротъ хмѣльного не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.»

А я скажу: по мнѣ ужь лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

VIII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ сто́итъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;

Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ съ секретомъ;
Такъ — онъ и безъ замка̀,
А я берусь открыть. Да-да! увѣренъ въ этомъ!
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отыщу секретъ и Ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою.»
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдаётся:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвётся —
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его — никакъ недогадался;
А ларчикъ просто открывался.

IX.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять ещё яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонёкъ подъ Рощей тлился:
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ-отъ-часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
— «Скажи мнѣ, Роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока̀,
Что на тебѣ не видно ни листка
И мёрзнешь ты совсѣмъ нагая?»
— «Затѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу»,
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
— «Бездѣлица!» Огонь ей продолжаетъ:
«Лишь подружись со мной — тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ всё или цвѣтётъ, иль зрѣетъ:
А всё за всё спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю:
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ, дѣло слажено: ужь въ Рощѣ Огонёкъ
Становится Огнёмъ; Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ,
Клубами чорный дымъ несётся къ облакамъ
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло всё въ конецъ — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнёмъ дружиться?

X.

БРИТВЫ.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что̀ же узнаю? — пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнётъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый? Я надѣюсь,
Не боленъ ты.» — «Охъ, ничего: я брѣюсь.»
— «Какъ! только?» Тутъ я всталъ — гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слёзъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ-будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что дива?» я сказалъ; «ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, помостри:
Вѣдь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только съ ними станешь.»
— «Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужь глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.»

— «А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.»

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

XI.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнётъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ —
И дѣло не пойдётъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло всё погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ её съ собой онъ на охоту —
Мышей въ амбарѣ половить.
— «Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
— «И, полно́, куманёкъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
— «Такъ въ добрый часъ, пойдёмъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ —
И кумушку провѣдать онъ идётъ:
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ за̀-мертво стащилъ её обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

XII.

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то, въ древности, вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе — умеръ онъ
И, такъ какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но, такъ-какъ, живучи́, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
«А всѣ дѣла секретарю оставилъ.»
— «Что жь дѣлалъ ты?» — «Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да всё подписывалъ, что онъ ни подавалъ.»
— «Скорѣй же въ рай его!» — Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ,
«Не знаешь дѣла ты никакъ:
Не видишь развѣ ты — покойникъ былъ дуракъ?
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край
И ты бъ тамъ слёзъ не обобрался!
За тѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.»

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

XIII.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ:
Лишь на̀ четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смѣётся Тришкѣ всякъ,
А Тришка говоритъ: «такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.»
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Надставилъ рукава — и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ —
Посмотришь: въ тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

XIV.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать,
И — правду истинну сказать —
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню;
А гдѣ до прибыли коснётся,
Не только тамъ гусямъ — и людямъ достаётся.
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
— «Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ-будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведёмъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки...»
— «Знаю,
И всё читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Римъ спасли!»
— «Всё такъ, да вы что сдѣлали такое?»
— «Мы? Ничего!» — «Такъ что жь и добраго въ
васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Басню эту можно бы и болѣ пояснить —
Да чтобъ гусей не раздразнить.

XV.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»
— «Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три
ходилъ;
Всё видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужь подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа тарова̀та!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!»
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ.
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!
— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
— «Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ».—«Ну, братецъ,
виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.»

XVI.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій князь
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— «А ты что жь, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.»
—« Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло!
Вотъ ваши сёстры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ —
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ-быть, ещё удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ разсчётахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несёшься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался, какъ ворона, въ супъ!

А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ, сынъ помѣщика Владимірской губерніи, родился 14-го апрѣля 1779 года. Согласно обычаю того времени, онъ былъ, по достиженіи семи-лѣтняго возраста, записанъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ рядовымъ; но, благодаря содѣйствію добрыхъ людей, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе продолжать своё образованіе въ Горномъ Училищѣ, куда онъ былъ отданъ не задолго предъ тѣмъ. По окончаніи курса наукъ и по наступленіи срока дѣйствительной службы, Измайловъ, не чувствуя въ себѣ ни малѣйшей наклонности къ воинскимъ занятіямъ, просилъ объ увольненіи, вслѣдствіе чего 3-го января 1799 года и былъ выписанъ изъ полка, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ губернскаго секретаря, и въ мартѣ мѣсяцѣ того же года началъ свою службу по министерству Финансовъ. Съ-тѣхъ-поръ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, Измайловъ не перемѣнялъ рода своей службы и во всё это время всего только два раза оставлялъ Петербургъ, и то на короткое время: произведённый въ 1824 году въ статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ въ 1826 году вице-губернаторомъ въ Тверь, гдѣ оставался около двухъ лѣтъ, послѣ чего, въ 1828 году, былъ переведёнъ на то же мѣсто въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ около году, и, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ сдѣланъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ. Затѣмъ, 3-го октября 1830 года, Измайловъ, согласно прошенію, уволенъ былъ отъ службы по болѣзни и черезъ два мѣсяца послѣ отставки, 16-го января 1831 года, скончался въ Петербургѣ.

Обозрѣвъ немногосложную служебную дѣятельность Александра Ефимовича, перейдёмъ къ его дѣятельности литературной, сдѣлавшей имя его извѣстнымъ во всѣхъ концахъ Россіи, читавшей и читающей до-сихъ-поръ его басни, исполненныя чисто-русскаго юмора. Служба ни сколько не мѣшала его занятіямъ литературою, которую онъ любилъ искренно и горячо. Первое его стихотвореніе «Смерть», переводъ изъ Малерба, напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Санктпетербургскаго Журнала» на 1798 годъ, а первое прозаическое сочиненіе «Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества» вышло отдѣльною книжкой въ 1799 году, а написано и того ранѣе, какъ это видно изъ собственныхъ словъ автора:

> Осьмнадцати, небольше, лѣтъ
> Урода этого я произвёлъ на свѣтъ.

Въ 1801 году, подъ его руководствомъ и при его горячемъ содѣйствіи, образовалось Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, труды членовъ котораго, подъ названіемъ «Свитокъ Музъ», печатались въ теченіе двухъ лѣтъ (1802 — 3); кромѣ того, оно выпустило въ 1804 году 1-ю часть «Періодическаго Изданія», а въ 1812 — издавало «Санктпетербургскій Вѣстникъ»; наконецъ, желая дать своему обществу самостоятельный органъ, Измайловъ, какъ его президентъ, основалъ журналъ «Благонамѣренный», просуществовавшій съ 1818 по 1827 годъ. Первое изданіе его басень и сказокъ (26 пьесъ) явилось въ 1814 году и возбудило общее любопытство, которое стало увеличиваться съ каждымъ новымъ изданіемъ его стихотвореній, въ которыхъ басни играли видную роль. Изданія быстро слѣдовали одно за другимъ: въ 1819 — второе (по счёту автора — третье), въ 1821 — четвёртое, въ 1826 — пятое, въ 1839 — шестое, въ 1862 — седьмое. Уже одно это изобиліе изданій можетъ служить наглядным доказательствомъ успѣха басень Измайлова. И дѣйствительно, его можно смѣло назвать остроумнымъ и оригинальнымъ баснописцемъ, совершенно справедливо заслужившимъ названіе *русскаго Теньера* и *дружки Крылова*, хотя, конечно, въ его басняхъ нѣтъ ни глубины, ни мудрой простоты послѣдняго. Штрихи его рисунковъ почти всегда вѣрны и широки; лица естественны и живы. Онъ умѣлъ очень ловко схватывать оригинальные оттѣнки народнаго характера и представлять ихъ образно въ своихъ басняхъ. Кто не знаетъ его *отставного квартальнаго Пьянюшкина, Павлушку мѣдный лобъ, Яшку-повара* и другихъ дѣйствующихъ лицъ его басень? Къ тому же, Измайловъ былъ писателемъ оригинальнымъ, и тѣ, которые причисляютъ его къ баснописцамъ-подражателямъ, весьма ошибаются, такъ-какъ изъ 126 басень, помѣщённыхъ въ послѣднемъ, самомъ полномъ, изданіи его сочиненій, только 39 — есть переводы и подражанія.

Во всѣхъ біографическихъ очеркахъ, замѣткахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ баснописцѣ, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, а также и въ его собственныхъ письмахъ — вездѣ ярко проглядываетъ личность нашего поэта — личность по преимуществу добрая, откровенная, простодушная и правдивая. Измайловъ былъ честный человѣкъ и благонамѣренный литераторъ. Онъ ни къ кому не относился враждебно, и каждый, кто узнавалъ его короче, невольно привязывался къ нему. Простодушіе его не имѣло границъ. Съ подписчиками на

свой журналъ онъ обходился самымъ безцеремоннымъ образомъ, и никто не сердился на него, потому-что онъ умѣлъ говорить съ ними просто, по дружески. «Благонамѣренный» началъ съ того, что выходилъ ежемѣсячно, потомъ сталъ появляться въ свѣтъ по два раза въ мѣсяцъ, и кончилъ тѣмъ, что превратился въ еженедѣльный журналъ, причёмъ самъ Измайловъ въ шутку называлъ его *не дѣльнымъ*. Кромѣ того, книжки выходили не акуратно и тѣмъ побуждали издателя къ комическимъ оправданіямъ, которыя очень нравились подписчикамъ и заставляли ихъ забывать всѣ прегрѣшенія почтеннаго баснописца. Особенно наивно его оправданіе, по случаю несвоевременнаго выхода книжки, во время масляницы 1820 года, въ которомъ прямо говоритъ, что онъ —

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

Полное собраніе сочиненій Измайлова было издано Смирдинымъ въ 1849 году, въ двухъ частяхъ. Это самое полное изъ всѣхъ вышедшихъ до-сихъ-поръ изданій.

I.

ПЬЯНИЦА.

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шолъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
— «Моё почтеніе!» — «А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Ещё обѣдень нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!»
— «Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь съ горя, мой отецъ!» — «Такъ съ горя-то и пить?»
— «Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего; всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ, приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся.»
— «Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.»
— «Въ ротъ не возьму, ей-Богу, не солгу;
Господь порукою!» — «Ну, полно, не божися!
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.»
— «Отецъ! дай ручку!» — «Ну, поди домой, проспися;
Да чуръ, смотри, впередъ не пей.»
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги.
Летитъ... домой? О, нѣтъ! Неужели въ кабакъ?
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашолъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ вѣтчинки тамъ и хрѣна —
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и, наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію, ещё въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что — и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ —
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
— «Что? вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился?»
— «За здравіе твоё отъ радости я пилъ!»
У пьяницы всегда есть радость, или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить —
Да и напьётся вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за-то откупщикамъ доходъ.

II.

ЛГУНЪ. *)

Павлуша-*мѣдный лобъ* (приличное прозванье)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.

*) Въ этой баснѣ осмѣяна слабая сторона Павла Петровича Свиньина, издателя «Отечественныхъ Записокъ» (съ 1820 по 1828 годъ) и автора «Опыта живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» и «Ежедневныхъ записокъ въ Лондонѣ». О нёмъ говорили, что онъ сочиняетъ свои путешествія и выдаётъ мечты за дѣйствительность.

Мнѣ кажется, ещё онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды — ахъ, его лукавый побери! —
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
«Представьте, говорилъ, какъ этотъ шаръ великъ:
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало:
А дѣлалъ кто его? — мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрёна
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь —
Въ день имянинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я срисовалъ — хотите? — покажу...
Но послѣ. Слушайте, что́ я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всё лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ — и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою —
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ —
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ —
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: «diable! vive Napoleon!
Bravo, monsieur Sophron!»
Шаръ выше, выше всё — и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ въ Кале!
Да, опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по верёвкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ.
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичёкъ Куликъ?»
— «Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ»,
Сказалъ одинъ старикъ:
«Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?»
— «Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объёмѣ будетъ съ полверсты.»
— «Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный лобъ!* Ни крошки нѣтъ стыда!»
— Э! полно, миленькій, не ужели не знаешь,
Что надобно прикрасить иногда.»

III.

ЛѢСТНИЦА.

Стояла лѣстница однажды у стѣны.
Хотя ступени всѣ между собой ровны,
Но верхняя ступень предъ нижними гордилась.
Шолъ мимо человѣкъ, на лѣстницу взглянулъ,
Схватилъ её, перевернулъ —
И верхняя ступень внизу ужь очутилась.

Такъ человѣкъ иной на вышинѣ стоитъ,
Гордится — и глядишь: какъ разъ на низъ слетитъ!
Возьмёмъ въ примѣръ Наполеона:
Какъ сатана съ небесъ, такъ онъ слетѣлъ со трона.

IV.

КУКУШКА *).

«Послушайте меня, я не совру»,
Кукушка говорила птицамъ,
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ:
«Была я далеко, въ большомъ, густомъ бору;
Тамъ слышала, чего до селѣ не слыхала,
Какъ соловей поётъ.
Ужь не по-нашему! Я хорошо пѣвала,
Да всё не то̀: такъ сердце и замрётъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свистнетъ,
А тамъ защёлкаетъ, иль тихо пуститъ трель;
Забудешься совсѣмъ и голова повиснетъ.
Ну что противъ него свирѣль?
Дивилась, право я дивилась;
Однако же не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнёхонько какъ онъ — хотите?»
— «Пропой — послушаемъ.» — «Чуръ не шумѣть, молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте жь теперь: ку-ку, ку-ку, ку-ку!»

*) Басня эта написана на графа Хвостова, прославившагося своею крайнею бездарностью, какъ поэтъ.

Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

V.

ОСЁЛЪ И КОНЬ.

Одинъ шалунъ осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою.
Онъ на него чепракъ надѣлъ
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахрамою.
Осёлъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ
И, уши вверхъ поднявъ, прегордо выступалъ.
На встрѣчу конь ему попался,
А на конѣ чепракъ обыкновенный былъ.
Тутъ длинноухій разсмѣялся
И рыло отъ него своё отворотилъ.

Такихъ ословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ? Ну, догадайтесь сами!

VI.

ВОЗРАЖЕНІЕ ПЬЯНИЦЫ.

За пьянство попъ журилъ Кузьму
И вотъ какъ говорилъ ему:
«Опомнись, воздержися!
Смотри, съ питья ты сталъ каковъ:
Распухъ, въ лохмотьяхъ весь, нѣтъ даже сапоговъ.
Вино твой первый врагъ: его ты берегися,
Возненавидь.» — «Отецъ Егоръ, перекрестися!
Давно ль ты самъ твердилъ: *люби своихъ враговъ!*»

VII.

СТРАСТЬ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

Какъ пьянство, такъ и страсть кропать стихи — бѣда!
Рифмачъ и пьяница равно несчастны оба:
Ни страха нѣтъ въ нихъ, ни стыда;
Одинъ всё будетъ пить, другой писать до гроба.
Былъ на Руси одинъ поэтъ,
Котораго весь знаетъ свѣтъ;
По имени ему здѣсь нѣтъ.
Онъ вѣрно за грѣхи на муку намъ родился:
Лишь буквы выучилъ, писать стихи пустился.
Да какъ же — со всего плеча:
Что день, то новые стихи у рифмача.
Объявлена ль война — вотъ радость для урода!
Прочёлъ реляцію — и ужь готова ода!
Изъ сродниковъ его, изъ ближнихъ кто умрётъ,
Онъ радъ и этому: тотчасъ перо берётъ,
И мёртвыхъ и живыхъ терзаетъ безъ пощады.
Въ сатирѣ ли его, какъ шута, осмѣютъ —
Онъ плачетъ отъ досады,
Не пьётъ, не ѣстъ, не спитъ; однако же и тутъ
Въ кропаніи стиховъ находитъ утѣшенье.
Простилъ бы я ему ужь это согрѣшенье —
Пускай бы только онъ писалъ,
А то стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ:
Одну жену до смерти зачиталъ;
Другая, не проживъ съ нимъ года,
За умъ взялась
И развелась:
Была бъ, какъ первая, въ могилѣ безъ развода!
Послѣдняя жена съ нимъ потому жила,
Что на ухо крѣпка была.
И люди у него никакъ не уживались,
Хотя для слушанья стиховъ чередовались.
Вотъ наказалъ злодѣя Богъ:
Рифмачъ опасно занемогъ —
Лежитъ и бредитъ всё стихами.
Призвали доктора. — «Что сдѣлалося съ вами?»
Спросилъ тотъ у него: «у васъ конечно жаръ!»
— «Какъ жару и не быть: я правда хоть и старъ,
Но я поэтъ, притомъ же лирикъ
И лирикъ первый — вамъ не лгу.»
«Пожалуйте-ка пульсъ.» — «Ещё сказать могу,
Что я и фабулистъ, и трагикъ, и сатирикъ.»
— «Вамъ вредно много говорить.»
— «Ну, а стихи читать мнѣ можно?»
— «Нельзя.» — «Такъ умереть мнѣ должно?
Что-жь это вы меня хотите уморить?
Я напишу на васъ за это эпиграмму.
Постойте! à propos! я сочиняю драму —
И выведу на сцену васъ.»
— «А я вотъ сей же часъ
По власти докторской употреблю и силу:
Покрѣпче ротъ вамъ завяжу
И муху шпанскую къ затылку приложу.
Вамъ вѣрно хочется въ могилу?»
Со страха прикусилъ языкъ себѣ больной.
Минуты не прошло одной,
Какъ докторъ, прописавъ лекарство, удалился,
Рифмачъ опять читать стихи свои пустился —
Читалъ, читалъ, читалъ и такъ онъ ослабѣлъ,
Что докторъ, потерявъ надежду, отказался,
Да и никто лѣчить его не соглашался.
Вотъ онъ духовнаго отца позвать велѣлъ.
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ
Покаялся ему въ грѣхахъ

(Не прозою, а на стихахъ)
И подарилъ его своимъ стихотвореньемъ —
Посланьемъ (онъ ко всѣмъ посланія писалъ
И каждое въ печать особо отдавалъ),
Самъ эпитафію себѣ продиктовалъ.
Ужь наконецъ языкъ у бѣднаго отнялся —
И даже тутъ ещё, пока онъ не скончался,
Всё стопы пальцами считалъ.

А. Н. НАХИМОВЪ.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, сынъ небогатаго помѣщика Харьковской губерніи, родился въ 1782 году въ селѣ своего отца, лежащемъ верстахъ въ пятидесяти отъ Харькова. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По выходѣ изъ него, Нахимовъ поступилъ-было въ военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку и опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ, съ перваго шага, окунулся въ водоворотъ столичной жизни, съ ея шумными развлеченіями, за которыя невоздержанныя натуры расплачиваются потомъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни. Память объ этомъ времени сохранилась въ его баснѣ «Молодой орёлъ», оканчивающейся слѣдующимъ нравоученіемъ:

О пылкій юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

По возвращеніи Нахимова въ Харьковъ, какъ-разъ совпавшимъ съ открытіемъ Харьковскаго университета, онъ, несмотря на свои 24 года, вступилъ въ число его студентовъ, имѣя въ виду одно — восполнить недостатокъ начальнаго воспитанія. По окончаніи курса въ 1808 году, по словесному факультету, онъ былъ удостоенъ степени кандидата. Радость, испытанная имъ по этому случаю, очень хорошо выражена въ стихотвореніи: «На полученіе кандидатскаго достоинства», въ которомъ онъ, между-прочимъ, говоритъ, обращаясь къ мѣстному столяру:

Невѣжды, прочь! А ты, дедаловъ правнукъ, Блюмъ,
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И, что всего важнѣй, толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ.

Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины, Нахимовъ написалъ въ 1809 году свою «Элегію-сатиру», напечатанную въ нашемъ изданіи, которая сдѣлала извѣстнымъ его имя во всѣхъ концахъ русскаго царства. Въ это время поэтъ, ставшій семьяниномъ и отцомъ, жилъ въ своёмъ родовомъ имѣніи, въ 50 верстахъ отъ Харькова, посвящая всё свободное время литературѣ и выѣзжая всего разъ въ недѣлю въ Харьковъ, для преподаванія грамматики гражданскимъ чиновникамъ, для которыхъ, въ силу вышеозначеннаго указа, учреждёнъ былъ при университетѣ двухгодичный курсъ. Болѣзненно-раздражонный сатирикъ открылъ свои уроки прочтеніемъ своего стихотворенія: «Предисловіе къ россійской грамматикѣ», начинающагося слѣдующими стихами:

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межь перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углублялся,
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался
И, наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошолъ на самый верхъ.

Преподаваніе Нахимова заключалось въ томъ, что онъ занималъ своихъ чиновныхъ учениковъ писаніемъ на доскѣ стихотворенія «Похвала гусиному перу», передъ которымъ подъячіе, въ знакъ благодарности, должны преклонять свою главу, или басни «Дьякъ и нищій» нижеслѣдующаго содержажанія:

Придрался къ нищему старинный, пьяный дьякъ:
«Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ;
И если на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По «Уложенью» ты проститься долженъ съ носомъ;
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,
Отдай котомку мнѣ, лохмотья и клюку.

Другихъ заставлялъ исправлять орѳографическія ошибки своихъ товарищей; третьихъ — склонять имена существительныя «сучокъ» и «крючокъ», или спрягать глаголы «брать» и «драть». Иногда сатирическіе намёки преподавателя заходили и того дальше. Однимъ словомъ, Нахимовъ не чинился со своими слушателями, и, несмотря на важность занимаемаго имъ мѣста, требовавшаго строгой сдержанности, позволялъ себѣ глумиться надъ ними. Впрочемъ, слушатели относились довольно равнодушно къ его выходкамъ, находя, что чтенія его были полезны и удобны для лёгкаго уразумѣнія. Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ половинѣ 1811 года, не докончивъ курса. Главною причиною, заставившею его отказаться отъ преподаванія, была — отдалённость мѣста его жительства,

вслѣдствіе чего ему приходилось для каждой лекціи дѣлать 100 верстъ. Затѣмъ, Нахимовъ рѣдко оставлялъ деревню, гдѣ вёлъ тихую и беззаботную жизнь, занимаясь сочиненіемъ басенъ и другихъ стихотвореній въ сатирическомъ родѣ. Но вскорѣ семейныя огорченія, послѣдовавшія быстро другъ за другомъ (смерть отца, любимой сестры и сына), сильно подѣйствовали на его здоровье и были причиной его ранней кончины. Онъ умеръ въ 1815 году. Сочиненія Нахимова были изданы семь разъ: въ 1815, 1816, 1822, 1841, 1842, 1849 и 1852 годахъ. Послѣднія два изданія сдѣланы Смирдинымъ, помѣстившимъ ихъ въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ», въ одномъ томѣ съ сочиненіями Милонова и Судовщикова.

I.

ЭЛЕГІЯ-САТИРА.

Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушонъ падётъ подьячихъ родъ.
Увы, настaлъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена: должны вы слушать курсы!
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ:
«Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои», воскликнулъ, «внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ
Расправился или переломился крюкъ.
О, солнце, не лишай ты филиновъ затьменья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!»
Но что — гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю!
О, чинъ ассесорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ:
Быть-можетъ, навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужь полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счётъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнёмъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ — должно ли ворамъ теперь дремать?

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПУРСОНІАДА».

1.

Помилуй ты меня, о Фебъ, парнасскій Богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ?
Ахъ, сжалься надо мной, чувствительная Муза!
Могу ли я хвалить толь дивнаго француза,
Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ?
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ харчевняхъ;
Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
Гдѣ часто странствовалъ для чорстваго куска,
Гдѣ бѣдная его, голодная рука,
Тряся котомкою, прохожихъ умоляла
И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала.
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
Потомъ онъ заклеймёнъ и сосланъ на галеру,
Но, земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ —
И ссылочный французъ какъ солнце возблисталъ.

2.

Возсталъ французъ, но, ахъ, отъ слабости шатался;
Вотще онъ воздухомъ, какъ манною, питался:
Лишь первый шагъ ногой дрожащею ступилъ,
Зефиръ съ насмѣшкою француза повалилъ...
Внезапно выглянулъ изъ ада Вельзевулъ,
Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: «караулъ!»
И къ Гладу такъ вѣщалъ: «о подлый забіяка!
Вотъ до чего довёлъ ты славна Пурсоньяка!
Познай, что сей французъ мой искреннѣйшій другъ!
Ступай къ нему, ступай скорѣе для услугъ!»
Уродливый скелетъ, вооружась клюкою,
Пустился въ дальній путь съ походною сумою.
По рёбрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
И пламенный надѣлъ на голову колпакъ.
Гремитъ онъ на бѣгу изсохшими костями,
И, челюсть искрививъ, гигантъ стучитъ зубами,
Траву и дерево, и корни, и цвѣты
Теребитъ, гложетъ, жрётъ — глотаетъ всё въ пути.
«Возможно ль!» онъ кричитъ: «я долженъ быть слугою!
Вотъ какъ ругается царь адскій надо мною!

Нѣтъ, Вельзевулъ, хотя ты знатный господинъ,
Но Голодъ въ пеклѣ то жь имѣетъ знатный чинъ
И родъ мой твоему ни чѣмъ не уступаетъ:
Почтенна Смерть меня отмѣнно уважаетъ,
Война — сестра моя, а Нищета — кума,
Родная тётка мнѣ сіятельна Чума,
Въ великой дружбѣ я съ учоностью бываю
И часто чудеса творить ей помогаю.
О, сколь поругана высока честь моя:
Холопомъ буду нынь у санкюлота я!
Хоть долженъ выполнять бѣсовско повелѣнье,
Но Стиксомъ я клянусь питать къ французамъ мщенье,
И, въ помощь пригласивъ Развратъ, Болѣзнь, Войну
Обрушу гибель всю на горду ихъ главу!»

3.

Безумные враги отечественныхъ щей,
Не зрю я въ васъ славянъ, не зрю богатырей:
Насилу движутся полмёртвы ваши трупы!
Оставьте наконецъ вы соусы и супы!
Не галламъ вы должны, но предкамъ подражать:
Прямою доблестью и пузомъ щеголять.

4.

На деньги ужасть какъ нечисты духи падки!
Извѣстно, что они всегда любили взятки.
Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
Содралъ съ меня алтынъ на привязи Церберъ.
Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,
Кряхтитъ и кашляетъ отъ радости повытчикъ,
Облизывается въ восторгѣ секретарь
И нюхаетъ табакъ приказна мелка тварь.
Проситель корчится; подьячіе гордятся:
Змѣёю долженъ онъ предъ гадомъ извиваться,
Просить и кланяться, давать и обѣщать,
Въ трактирахъ подчивать и дома угощать.
Случилось такъ и мнѣ межь адскими крюками.
Чего не дѣлалъ я предъ подлыми чертями!
Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ;
Давая деньги имъ, кису опорожнилъ;
Но не довольны тѣмъ кургузы оплеталы:
«Зачѣмъ», кричатъ, «зачѣмъ твои карманы малы?»
Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
Отверзлися врата геенскаго дворца:
Въ огнѣ и въ пламени монархъ мнѣ адскій зрится;
Престолъ его въ дыму, какъ ветчина, коптится;
Покрыты сажею порфира и вѣнецъ:
Величество его такъ чорно, какъ кузнецъ.
Отъ роду я не зрѣлъ толь пакостныя рожи!
Прекрасны всѣ его министры и вельможи,
Нарядна гвардія, хорошъ придворный штатъ:
Съ рогами всякій здѣсь...

5.

Простёрла Мода перстъ — и вдругъ дѣвицы, дамы,
Какъ вѣдьмы, стали всѣ съ предлинными хвостами;
Рекла — и волосы нависли на глаза;
Велитъ — и лысина, гдѣ были волоса;
Восхочетъ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся
И будутъ голыя, какъ дикія, таскаться;
Прикажетъ имъ — и вдругъ одѣнутся въ мѣшки,
И, вмѣсто чепчиковъ, носить начнутъ горшки;
Мигнётъ—и тѣ, что нынь лепечутъ по французски,
Заквакаютъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

6.

Вдругъ жрица земляка преславна обняла
И къ русскимъ модникамъ и модницамъ рекла:
«Месьё, кто радости изъ васъ не ощущаетъ?
Ещё кладъ мудрости намъ Небо посылаетъ:
Въ французѣ дивномъ сёмъ приходитъ къ вамъ Сократъ.
Какое счастіе для васъ и вашихъ чадъ!
Къ тому же и его несчастно положенье
Возбудитъ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнье.
Французамъ помогать обязанъ русскій всякъ:
Кто мыслитъ иначе, тотъ варваръ и дуракъ!
Толико нищіе французскіе почтенны,
Колико бѣдняки россійскіе презрѣнны.
Невѣждамъ пособлять вамъ Мода не велитъ;
Хоть русскій ранами въ сраженіяхъ покрытъ
И, славно прослужа отечеству полвѣка,
Въ награду нищій сталъ и жалостный калѣка.
Хоть жизнь боярскую, имѣнье защитилъ,
Но если бъ у бояръ онъ хлѣба попросилъ,
Бояре, вамъ велитъ французско воспитанье
Плевать на русское израненно созданье.
Похвальнѣе для васъ французовъ богатить,
Чѣмъ грошемъ русскаго калѣку одолжить.
Явите щедрость нынь преславну Пурсоньяку!»
Ужасну межь собой людъ модный сдѣлалъ драку:
Всякъ хочетъ щедростью другого превзойти,
Француза хочетъ всякъ къ себѣ въ домъ отвести.
Тотъ говоритъ: «жалѣть не буду милліона,
Такого чтобъ достать себѣ компаніона!»
Иной кричитъ: «дѣтей моихъ наставникъ будь!
Въ годъ тысяча рублей и хлѣба триста пудъ.»
А третій такъ брюзжитъ: «онъ будетъ править мною
И всѣмъ распоряжать: и домомъ и женою.»

Не зналъ, что отвѣчать въ восторгѣ Пурсоньякъ.
Доселѣ мнилъ французъ, что первый онъ дуракъ;
Но нынѣ, окруженъ такими чудаками,
Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами.
И наконецъ сказалъ, что, мудрость полюбя,
Намѣренъ посвятить въ учители себя
Простившись съ дьяволомъ, далъ руку Верхолету
И въ грязномъ рубищѣ сѣлъ съ гордостью въ карету.
Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
Въ пути готовился къ учительскимъ трудамъ
И мыслилъ такъ въ душѣ, отъ смѣха помирая:
«Россія подлинно земля пре-дорогая!
Я чувствую, что здѣсь озолотятъ меня:
Въ Россіи полубогъ — парижская свинья!»

М. В. МИЛОНОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ родился въ 1792 году въ родовой деревнѣ, Воронежской губерніи, Задонскаго уѣзда. Воспоминаніе о родномъ краѣ сохранилось въ двухъ его стихотвореніяхъ: «Придонскій ключъ» и «Къ сестрѣ моей», особенно въ послѣднемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

Когда наступитъ часъ желанный
И я — въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный —
Прижмуся къ сердцу твоему;
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней,
Какъ я съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишонъ своихъ —
И, услаждёнъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ.
О другъ мой! счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой;
Уже въ пріятномъ чувствъ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой:
То мнится мнѣ — обвороженный
Съ тобой по рощамъ я брожу,
Вѣщаю — и въ душѣ блаженной
Восторга словъ не нахожу;
То въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
Ведомый дружбой и тобой,
Иду въ задумчивомъ молчаньи
На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далёко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ —
Родныхъ полей обильный плодъ.

Милоновъ воспитывался въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, по окончаніи полнаго курса въ которомъ, со степенью кандидата, отправился въ 1809 году въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ главное правленіе мануфактуръ, состоявшее въ то время при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Прослуживъ здѣсь два года, онъ перешолъ въ департаментъ министерства юстиціи, подъ начальство И. И. Дмитріева, управлявшаго тогда этимъ министерствомъ. Узнавъ о наклонности Милонова къ литературнымъ занятіямъ, Дмитріевъ приласкалъ молодого поэта, и вскорѣ такъ привязался къ нему, что предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Москву, для занятія должности директора его канцеляріи, когда онъ былъ назначенъ въ 1814 году предсѣдателемъ временной коммиссіи для пособія жителямъ Москвы, пострадавшимъ отъ нашествія непріятеля. Въ 1815 году, вскорѣ по выходѣ Дмитріева въ отставку, и Милоновъ оставилъ службу; но, спустя четыре года, суровая нужда снова заставила его искать службы — и онъ поступилъ въ провіантскій департаментъ, чиновникомъ для особыхъ порученій къ генералъ-провіантмейстеру Абакумову, человѣку простому и доброму, благодаря вниманію котораго послѣдніе годы жизни Милонова были обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, что̀ дало ему возможность хотя умереть спокойно, такъ-какъ въ теченіе всей своей жизни онъ не зналъ ничего, кромѣ неудачъ и огорченій. Всѣ свидѣтельства современниковъ о Милоновѣ сводятся къ одному, что это былъ человѣкъ весьма талантливый и добрый, но обуреваемый самыми сильными страстями, которыя и свели его въ преждевременную могилу. Милоновъ скончался въ концѣ 1821 года, на 29-мъ году своей жизни, не доживъ одиннадцати лѣтъ до сорока, что̀ составляло предѣлъ его желаній, какъ это видно изъ стихотворенія «Договоръ со смертью», написаннаго въ 1812 году, когда автору было 20 лѣтъ и выражающаго желанье прожить ещё столько же. Сомовъ, при разборѣ стихотворенія Милонова «Бѣдный поэтъ» (подражаніе французскому поэту-самоубійцѣ Жильберу), говоритъ, что разныя житейскія невзгоды въ жизни Милонова озлобили его противъ людей и свѣта и наложили печать меланхоліи на его поэтическія произведенія. Измайловъ, находя сходство между нимъ и Жильберомъ, написалъ слѣдующую эпитафію на смерть

Милонова, въ которой назвалъ его «бѣднымъ поэтомъ»:

Любимъ былъ музами отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
И жизнь его судьба исполнила отравы.
Для счастья мало жилъ — довольно жилъ для славы.
Миръ праху твоему, о *бѣдный* нашъ *поэтъ!*

Въ 5-й книжкѣ «Утренней Зари» на 1807 годъ были напечатаны первыя стихотворенія Милонова: «Стихи, читанные въ день заведенія университетскаго пансіона» и «Гимнъ поэзіи». Затѣмъ, стихотворенія Милонова, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, стали появляться на страницахъ «Санктпетербургскаго Вѣстника», «Цвѣтника», «Вѣстника Европы», «Благонамѣреннаго» и другихъ. Лучшіе его переводы — «Къ Рубеллію» и «Отрывокъ изъ луциліевой сатиры противъ вѣка» — были сдѣланы въ 1810 году и напечатаны въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ журнала «Цвѣтникъ» за тотъ же годъ. Первое изданіе сочиненій Милонова, подъ заглавіемъ: «Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія Михаила Милонова», вышли въ 1819 году въ Петербургѣ; второе — Смирдинское — въ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», въ одной книжкѣ съ сочиненіями Нахимова и Судовщикова, въ 1849 году. Оба изданія не полны. «Матеріалы для Полнаго Собранія Сочиненій М. В. Милонова» напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» (1864, стр. 1114).

I.

КЪ СИЛЬВИИ.

Ты ль, Сильвія, мой духъ-хранитель,
Луны трепещущимъ лучомъ
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня тревожишь въ снѣ моёмъ?

Ты ль, образъ красоты безплотной,
Мечтанье ли души моей,
Или, возставъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣстникъ радости для ней?

Ты ль съ утренней звѣздой востока
По небу тихому плывёшь
И отлучённаго далёко
Къ себѣ сопутника зовёшь?

Носись невидимою тѣнью,
Являйся въ темнотѣ ночей!
Не къ страху друга — къ утѣшенью
Бесѣдуй съ скорбію моей!

Умѣрь тоски его терзанье,
Томленья сирыя любви,
Пролей надежду на свиданье
И вѣры пламень оживи!

Твой видъ, съ его сліянный духомъ,
Пусть всюду онъ несётъ съ собой!
Вездѣ пусть ловитъ жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ твой!

Носись надъ спящими водами
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вставай съ луною за холмами,
Смотри съ зарёй сквозь частый лѣсъ!

Живи въ моей мечтѣ отрадной,
Летай надъ мною въ тихомъ снѣ!
Не дай тоскѣ гнѣздиться гладной
И скорби ропота во мнѣ!

III

УНЫНІЕ.

Люблю въ душѣ моей уныніе питать!
Природа всякій часъ готова намъ внимать,
Наставникъ истинный, товарищъ драгоцѣнный!
Но болѣе всего люблю тотъ часъ священный,
Какъ гаснетъ въ облакахъ, прощаясь съ міромъ, день,
Какъ длинная съ холмовъ въ долины ляжетъ тѣнь,
Полдневныхъ шумъ работъ умолкнетъ постепенно
И пѣніе пѣвцовъ слабѣетъ отдаленно,
Скрываются цвѣты, чернѣютъ зыби водъ,
Какъ свѣта царь, скончавъ торжественный свой ходъ,
Померкшее чело скрываетъ за туманомъ
И теплится заря на западѣ багрянымъ.
Тогда мечтается: съ прохладнымъ вѣтеркомъ,
Молчаніе летитъ надъ маковымъ вѣнкомъ,
Другъ ночи и о ней желанный возвѣститель.
Ты миръ и сонъ ведёшь въ оратая обитель.
Часъ вечера въ поляхъ—печальный жизни видъ!
Струя сокрытыхъ водъ вокругъ меня журчитъ
И ароматъ съ цвѣтовъ невидимыхъ восходитъ...
Тогда во глубину свою мой духъ нисходитъ:
Спятъ чувства — и мечта его оживлена!
Пареніямъ ея вселенная тѣсна!
Сюда — питать её — подъ наклонённой ивой
Сажусь — и углублёнъ въ бесѣдѣ молчаливой...
Сюда, унынія и мудрости друзья!
Ликъ мѣсяца блеснулъ на зеркалѣ ручья.

Предъ мною храмъ села, въ очахъ моихъ кладбище,
Отшедшихъ отъ земли пустынное жилище;
Не бронза, не гранитъ — вѣщатели похвалъ:
Полуобрушенный, покрытый дёрномъ валъ,
Заросшихъ рядъ могилъ, гдѣ мохъ лишь посѣдѣвшій,
На камняхъ гробовыхъ, иль вновь зазеленѣвшій,
Почившихъ время сна являетъ для очей;
Здѣсь пепелъ ихъ свѣжитъ извилистый ручей;
Какъ братья, какъ друзья, гробъ вмѣстѣ — старца, млада:
Ихъ перстп не дѣлитъ желѣзная ограда;
При нихъ взоръ странника стремится отдохнуть,
О, братья, вмѣстѣ течь и вмѣстѣ кончить путь!
О тлѣнности мечта здѣсь духъ мой посѣщаетъ:
Шагъ каждый мой себѣ подобныхъ попираетъ:
Изъ праха нашего составилась земля...
А тамъ, гдѣ день и ночь гремитъ Творцу хвала,
Въ природной простотѣ ума не озарённа,
Не хитростью его, а чувствомъ сплетённа,
Гдѣ, мнится, самъ Отецъ внимаетъ чадъ своихъ,
Вселяетъ въ злобныхъ страхъ и милуетъ благихъ,
Гдѣ древность на стѣнахъ, сѣкирой твёрдой стали,
Неизгладимыя означила скрижали —
Въ сёмъ храмѣ мысль моя со трепетомъ паритъ,
Проникши къ алтарямъ, святые лики зритъ,
Духъ вѣрою — мольбой ланиты воспалённы,
Уста несущи пѣснь и очи умилённы:
Тамъ молится, предстать готовясь предъ судомъ,
Раскаянье, къ землѣ приникшее челомъ,
Въ потокѣ слёзъ своё срѣтаетъ искупленье;
Благословляя тамъ отъ міра удаленье,
Согбенный лѣтами, подъ бременемъ скорбей,
Желая ускорить кончиною своей,
Домъ тѣсный труженикъ себѣ уготовляетъ:
Не конченъ зрится трудъ — а старецъ истлѣваетъ.
Сюда, въ часъ осени, стекайтеся, друзья!
Какъ съ шорохомъ листовъ сольётся шумъ ручья
И токъ, разсвирѣпѣвъ въ расширенномъ стремленьѣ,
Къ окрестнымъ понесётъ жилищамъ потопленье,
Какъ вѣтеръ зашумитъ внезапный гость лѣсовъ,
И обнажитъ верхи дряхлѣющихъ дубовъ,
Когда отцвѣтшія дубравы и долины
Представятъ взорамъ видъ печальныя картины
И вы не встрѣтите въ зерцалѣ мутныхъ водъ
Ни утра зарево, ни неба ясный сводъ,
Фебъ скроется, узрѣвъ природы разрушенье
И, въ скорби, сократитъ для ней своё теченье,
Когда она, сорвавъ красотъ своихъ вѣнецъ,
Сама, какъ старица срѣтающа конецъ —
Тогда, мои друзья, въ сей мрачный лѣсъ вступайте
И собственный закатъ всеобщимъ услаждайте:
Смерть менѣе страшна, коль думаемъ о ней!
Сидящимъ вамъ въ мечтахъ, быть-можетъ, вѣстникъ сей,
На мшистой высотѣ повременно звучащій,
Которымъ говоритъ намъ мигъ, отъ насъ летящій,
Моленья скажетъ часъ — во храмѣ огнь блеснётъ,
Всякъ къ мѣсту, въ нёмъ себѣ избранному, придётъ:
Торжественъ часъ хвалы Предвѣчному несомый!
Быть-можетъ, окруживъ почившихъ тѣсны домы,
Благословенія на прахъ ихъ притекутъ,
Моленіе и скорбь свой тихій гимнъ сольютъ —
И взыдетъ ѳиміамъ надъ дремлющимъ въ покоѣ.
Тамъ вѣры чувствуйте величіе простое,
Или всю скорбь въ себѣ стремитеся вмѣстить.
Всю силу ближняго несчастіе дѣлить,
Когда сквозь частый кровъ, составленный вѣтвями,
Съ поблёкнувшимъ челомъ, съ померкшими очами,
Съ власами, падшими въ небрежности на грудь,
Вы узрите красу, таящу робкій путь
Къ могилѣ, гдѣ ея отрада заключённа:
Духъ скорбью усладлёнъ, грудь плачемъ облегчённа!
Склонясь на мшистый крестъ задумчивымъ челомъ,
Унынія она вамъ будетъ божествомъ.

В. И. ПАНАЕВЪ.

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, сынъ Ивана Ивановича, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, состоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ многими изъ тогдашнихъ литераторовъ, изъ которыхъ Державинъ приходился ему родственникомъ, родился 1792 года въ Перми. Панаевы ведутъ свой родъ отъ тѣхъ новгородцевъ, которые, волею грознаго Іоанна, исторгнуты были изъ родного края и поселены на восточныхъ предѣлахъ Россіи. Тамъ, вмѣсто прежняго прозванія Паналямовыхъ, стали они писаться Панаевыми, можетъ-быть, потому, говоритъ преданіе, что породнились съ однимъ изъ сподвижниковъ Ермака, есауломъ Паномъ, дѣйствовавшимъ, какъ извѣстно, на берегахъ Туры и Тоболы. Воспитывался молодой Панаевъ сперва въ Казанской гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1814 году со степенью кандидата словесныхъ наукъ. Первоначальное воспитаніе, подъ надзоромъ матери и руководствомъ женщинъ, тихая жизнь въ семейномъ кругу, постоянное пребываніе въ деревнѣ въ дѣтствѣ и частое посѣщеніе ея въ періодъ юности — всё это, взятое вмѣстѣ, дало идиллическое направленіе его характеру. Читать и мечтать — было любимымъ его занятіемъ; стихи пра-

вились ему больше прозы, а, такъ-называемая, пастушеская поэзія — болѣе всего остального: по этому нѣтъ ничего удивительнаго, что первымъ стихотвореніемъ, написаннымъ имъ въ юности, была — идиллія. Державинъ, въ качествѣ поэта и родственника, первый обратилъ вниманіе на молодого идиллика. Прочитавъ въ рукописи его первыя пять идиллій, онъ отнёсся къ нимъ съ похвалою, но совѣтовалъ начинающему поэту заняться изученіемъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, писавшихъ въ томъ же родѣ, и взять за образецъ швейцарскаго поэта Геснера, идилліи котораго, по его мнѣнію, могутъ служить хорошимъ примѣромъ при описаніи природы и невинныхъ нравовъ. Панаевъ послѣдовалъ совѣту пѣвца «Фелицы» — и Геснеръ дѣйствительно сдѣлался его идоломъ и образцомъ, подражать которому онъ стремился неустанно, въ теченіе всей своей литературной карьеры, чт̀о подтверждаетъ самъ авторъ въ предисловіи къ своимъ идилліямъ.

Въ 1816 году Панаевъ, повинуясь волѣ своего дяди, заступившаго ему мѣсто отца, простился съ родиной, представлявшей для него много привлекательнаго, и отправился въ Петербургъ, гдѣ, 9-го октября того же года, поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Начиная съ 1817 года, въ журналахъ «Сынъ Отечества» и «Благонамѣренный», стали появляться идилліи Панаева, обратившія на себя вниманіе знатоковъ, благодаря замѣчательной гладкости и звучности стиха. Въ 1820 году онъ издалъ свои «Идилліи» отдѣльною книжкой, встрѣченною похвалами критики и публики и въ томъ же году былъ награждёнъ отъ Россійской Академіи золотою медалью. Въ книжкѣ помѣщено 25 пьесъ и статья автора: «Разсужденіе о пастушеской поэзіи», служащее предисловіемъ къ «Идилліямъ». Кромѣ идиллій, Панаевъ написалъ три похвальныхъ слова: 1) «Похвальное слово императору Александру Первому. Спб. 1816.» 2) «Похвальное слово Державину.» («Сынъ Отечества», 1817, № 5.) 3) «Историческое похвальное слово Кутузову. Спб. 1823.» Изъ мелкихъ прозаическихъ разсказовъ его, помѣщённыхъ въ «Сынѣ Отечества» и «Благонамѣренномъ», за 1817 — 1822 года, можно указать на «Романическое письмо изъ Петербурга», «Стихи и собака», «Приключеніе въ маскарадѣ», «Жестокая игра судьбы» и «Не родись ни пригожъ, ни красивъ, а родись счастливъ». Изъ повѣстей, которыхъ написано было Панаевымъ болѣе десяти и которыя онъ заимствовалъ изъ дѣйствительности, держась правила, что бывальщина лучше небывальщины, и что правда усиливаетъ интересъ разсказа, болѣе другихъ извѣстна — «Иванъ Костинъ». Наконецъ, въ 1-й части альманаха «Братчина», вышедшей въ 1859 году, былъ помѣщёнъ отрывокъ изъ его воспоминаній о Державинѣ. Начиная съ 1822 года, произведенія Панаева стали всё рѣже и рѣже появляться на страницахъ журналовъ, а наконецъ и совсѣмъ прекратились, такъ-какъ служебная дѣятельность поглощала всё его время. Въ 1832 году онъ былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, директоромъ канцеляріи императорскаго двора и занималъ это мѣсто въ теченіе 27 лѣтъ. 15-го мая 1833 года избранъ въ дѣйствительные члены Императорской Россійской Академіи; въ 1834 — избранъ въ члены Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ; въ 1837 — произведёнъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 21-го декабря 1840 — избранъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества; 19-го октября 1841 — назначенъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ; въ 1842 — пожалованъ кавалеромъ орденовъ Св. Анны 1-й степени и прусскаго Краснаго Орла 2-го класса, со звѣздой; въ 1844 — произведёнъ въ чинъ тайнаго совѣтника; 23-го августа 1847 — избранъ въ почётные члены Общества Любителей Отечественной Словесности, состоящаго при Казанскомъ университетѣ, 4-го февраля 1848 — въ дѣйствительные члены Русскаго Географическаго Общества, 7-го октября — въ почётные члены Императорской Академіи Художествъ; въ 1849 — пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла; 5-го февраля того же года — избранъ въ почётные члены Казанскаго университета, а 1-го апрѣля 1851 — въ почётные же члены Московскаго Художественнаго Общества и, наконецъ, въ 1853 — награждёнъ арендою, на 12 лѣтъ, по 2000 руб. въ годъ. Скончался 20-го ноября 1859 года.

СНОВИДѢНІЕ.

Меналкъ.

Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, чт̀о случилось съ тобою?

Миконъ.

Меня потревожилъ сегодняшній сонъ:
Посмѣйся, Меналкъ, надо мною.

Меналкъ.

О, вѣрно ты видѣлъ подземныхъ боговъ?

Миконъ.

Напротивъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ, иль больше, годовъ
Съ меня непримѣтно свалилось.

Менал къ.

Увы, это только во снѣ на-бѣду!

Миконъ.

Что будто, ставъ юношей снова,
Въ какомъ-то обширномъ прекрасномъ саду,
Подъ тѣнію мирта густова,
Лежалъ я на мягкой душистой травѣ;
Въ кустахъ соловьи распѣвали;
Зефиры жь, скрываясь въ цвѣтахъ, муравѣ,
Прохладой въ лицо мнѣ дышали;
А шумъ водопада въ сосѣднемъ лѣсу,
Сквозь чащу деревъ проникая,
Всё больше и больше склонялъ отъ часу
Къ дремотѣ...

Меналкъ.

И ты, засыпая...

Миконъ.

Я нѐ спалъ. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ
Пастушка — осанкой богинѣ,
Цвѣтущей красою подобясь веснѣ.
Взоръ дѣвы, склонённой къ корзинѣ,
Глубокую сердца печаль выражалъ.
Приблизилась, стала, взглянула —
И что же? кого я въ пастушкѣ узналъ?
Дориду!

Меналкъ.

Дочь старца Эввула?

Миконъ.

Дориду, подругу младенческихъ лѣтъ,
Которой любовь озарила
Блаженствомъ миконовой жизни разсвѣтъ,
Завидную участь сулила;
Которую воля всесильныхъ боговъ
Діаниной жрицей назвала
Въ то время, какъ нѣжность счастливыхъ отцовъ
Намъ брачный вѣнокъ сплетала.
Прельщёнъ, очарованъ видѣньемъ такимъ,
Я бросился къ милой, но прежде
Чѣмъ обнялъ — видѣнье исчезло, какъ дымъ,
Лишь руки коснулись къ одеждѣ
И я, пожалѣй, пробудился отъ сна.

Меналкъ.

Такъ это тебя возмущаетъ?
Не дважды въ теченіи года весна
Цвѣтами поля убираетъ;
Не дважды, товарищъ, намъ быть молодымъ.
Ты за̀ тридцать за̀ пять считаешь,
Слывёшь въ околоткѣ разумнымъ такимъ;
Самъ твёрдо увѣренъ и знаешь,
Что прошлаго снова нельзя воротить,
А хочешь — какъ другъ, попеняю —
Ребёнокъ, бѣгущую тѣнь изловить!

Миконъ.

О, слишкомъ увѣренъ и знаю!
И завтра охотно готовъ надъ собой
Съ тобою же вмѣстѣ смѣяться;
Но нынѣ съ прелестной о прошломъ мечтой,
Повѣрь мнѣ, не въ силахъ разстаться.
Какъ осенью солнце внезапно блеснётъ,
Прощаясь съ унылой природой
И птичка весеннюю пѣсню поётъ,
Обманута ясной погодой:
Такъ я, обольщённый сегодняшнимъ сномъ,
Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ на-яву продолжится.

А. Ѳ. МЕРЗЛЯКОВЪ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, сынъ небогатаго Пермскаго купца, родился въ 1778 году въ селѣ Долматовѣ, Пермской губерніи. Воспитываясь въ Пермскомъ Главномъ Народномъ Училищѣ, тринадцатилѣтній Мерзляковъ написалъ «Оду на заключеніе мира со шведами», которая была представлена, черезъ директора народныхъ училищъ Завадовскаго, императрицѣ Екатеринѣ II. Государыня приняла поднесённую ей оду благосклонно и приказала напечатать её въ академическомъ журналѣ. Затѣмъ, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ въ 1793 году въ Москву и поручёнъ куратору университета, извѣстному поэту Хераскову, который помѣстилъ его въ гимназію. Отсюда, въ 1798 году, онъ поступилъ въ число студентовъ университета. Къ этому времени относятся первые опыты его въ поэзіи, помѣщённые въ журналѣ «Пріятное и Полезное Препровожденіе Времени» 1794 — 98 годовъ. Тогда же сблизился онъ съ Жуковскимъ и его другомъ Андреемъ Тургеневымъ, сыномъ тогдашняго директора университета, извѣстнаго по своимъ связямъ съ Новиковымъ и Лопухинымъ. Въ 1801 году явилось его стихотвореніе «Слава». Затѣмъ, въ «Утренней Зарѣ», издававшейся съ 1800 по 1808 годъ и составлявшейся изъ трудовъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, былъ

помѣщёнъ цѣлый рядъ стихотвореній Мерзлякова, изъ которыхъ многія весьма замѣчательны, какъ по мысли, такъ и по стиху. Вотъ они: «Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря», «Утро» и «Наука стихотворная», изъ Горація. Всѣ они были перепечатаны въ «Избранныхъ сочиненіяхъ изъ «Утренней Зари» (1809) и поставили автора въ ряду лучшихъ нашихъ поэтовъ. Въ 1804 году Мерзляковъ получилъ степень магистра, а по преобразованіи Московскаго университета, происшедшаго въ томъ же году, занялъ въ нёмъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи; въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора и званіе адъюнкта; въ 1807 — избранъ въ экстраординарные профессоры, а въ 1810 году утверждёнъ профессоромъ ординарнымъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ древними и нѣсколькими новыми языками: французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ. Всего болѣе переводилъ онъ съ итальянскаго. Любимыми его писателями были: Альфіери, Метастазій и, въ особенности, Тассъ, знаменитую поэму котораго «Освобождённый Іерусалимъ», онъ перевёлъ всю вполнѣ и издалъ её въ 1828 году въ двухъ частяхъ. Изъ древнихъ поэтовъ, Мерзляковъ переводилъ и подражалъ произведеніямъ Пиндара, Ѳеокрита, Софокла, Эсхила, Эврипида, Гомера, Горація, Виргилія и другихъ. Впослѣдствіи всѣ эти переводы и подражанія были собраны имъ въ одну книгу и изданы въ 1825 году, съ приложеніемъ разсужденія: «О началѣ и духѣ древней трагедіи». Кромѣ обязательныхъ лекцій въ Московскомъ университетѣ, гдѣ Мерзляковъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, занималъ должность декана своего факультета, члена училищнаго и испытательнаго комитетовъ и директора педагогическаго института, онъ читалъ ещё лекціи русской словесности въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и, по званію члена училищнаго комитета, объѣзжалъ ежегодно училища московскаго учебнаго округа. Въ 1815 году Мерзляковъ сталъ издавать журналъ «Амфіонъ», который продолжалъ до слѣдующаго года и выдалъ 12 книжекъ. Здѣсь появились въ первый разъ многія изъ лучшихъ его стихотвореній и переводовъ изъ древнихъ писателей, также изъ Тасса, и цѣлый годъ тянулся разборъ «Россіады» Хераскова. Издателю помогали своими трудами: Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, Д. В. Давыдовъ и другіе. Послѣднимъ произведеніемъ Мерзлякова было стихотвореніе «Юбилей», произнесённое имъ на празднествѣ 70-ти лѣтняго юбилея Московскаго университета, бывшаго 26-го іюня 1830 года. Послѣ того, ровно черезъ мѣсяцъ, онъ скончался въ Сокольникахъ и погребёнъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше сочиненій, Мерзляковымъ были ещё изданы слѣдующія: 1) «Рѣчь о духѣ древней поэзіи и о вліяніи ея на образованіе народовъ» (М. 1810); 2) «Похвальное слово императору Александру I» (М. 1814); 3) «Разсужденіе о разныхъ предметахъ словесности» и рѣчи, произнесённыя и напечатанныя въ «Трудахъ» общества. Изъ переводныхъ напечатаны особо: 1) «Эклоги Виргилія» (М. 1807); 2) «Эклоги г-жи Дезульеръ» (М. 1807); 3) «Письмо Горація къ Пизонамъ о стихотворствѣ»; 4) «Начертанія теоріи всеобщей словесности, соч. Эшенбурга» (М. 1820). Полное собраніе стихотвореній Мерзлякова было издано «Обществомъ Любителей Россійской Словесности», подъ редакціей Полуденскаго (М. 1867, 2 тома).

I.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!»
Онъ такъ прохожихъ умоляетъ:
«Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

«Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сражонъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей —
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

«Несчастный — за кого въ слезахъ
Одинъ вознёсъ я гласъ смиренной —
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своёмъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
«Не называй меня великимъ!»

«Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,

И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Создѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарью благодѣтель!»

II.

ИЗЪ «ПОСЛАНІЯ О СТИХОТВОРСТВѢ».

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій ликъ на шеѣ лошадиной,
Всё тѣло перьями и шерстью распестритъ
И части всѣхъ родовъ въ урода помѣститъ:
Начавъ красавицей чудесное творенье,
Окончитъ рыбою, себѣ на посрамленье —
Пизоны! можете ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?
Повѣрьте мнѣ, друзья, съ такимъ малярствомъ сходны
И проза, и стихи, гдѣ мысли разнородны,
Какъ грёзы соннаго или больного бредъ,
Безъ толку смѣшаны на собственный свой вредъ:
Съ ногами голова въ мучительномъ расколѣ.
Вы скажете: «поэтъ и живописецъ въ волѣ,
Что могутъ выдумать, что въ умъ придётъ писать!»
Кто споритъ? кто дерзнётъ права сіи отнять?
Съ охотой имъ даёмъ и смѣло просимъ сами;
Но только съ тѣмъ, чтобъ лугъ украшенъ былъ цвѣтами
Весной, а не зимой; чтобъ въ вымыслахъ пѣвца
Сь мышами не̂ жилъ котъ, а съ тиграми овца.

Такъ часто мы, пѣвцы, не истиной единой,
Плѣняемся красотъ обманчивой личиной:
Я краткость сохранилъ — нельзя понять меня;
Пріятность, лёгкость есть — нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить — въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть — и въ прахѣ пресмыкаюсь;
Я въ вымыслахъ богатъ: но что жь въ моихъ стихахъ?
Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ вепрь въ волнахъ!

Искусство намъ блеститъ, но хладными лучами
Лишь чувство ихъ живитъ, лишь чувство правитъ нами.
По взгляду въ ближнемъ мы участіе берёмъ:
Съ весёлымъ — веселы, съ печальнымъ слёзы льёмъ.
Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
Ты скученъ, слабъ: я сплю, или кляну тебя!
Ты въ горѣ — въ мракъ одѣнь и стихъ свой и себя;
Ты въ гнѣвѣ — поражай грозящими устами;
Ты гордъ — повелѣвай; шутливъ — рѣзвися съ нами.
Природа хитрая сердца своихъ дѣтей
Устроила для всѣхъ способными страстей.
Теперь мы радостны, но мигъ — трепещемъ въ страхѣ,
Съ надеждой въ небесахъ, съ отчаяньемъ во прахѣ.
Языкъ — орга́нъ души, толковникъ думъ нѣмыхъ,
Языкъ равно̀ течётъ съ движеньемъ чувствъ моихъ.
Слова, съ твоей судьбой и знаніемъ несходны,
Наскучатъ знатокамъ, возбудятъ смѣхъ народный.
Мнѣ скажетъ разговоръ, кто рабъ, кто дворянинъ,
Гдѣ сѣтуетъ отецъ, гдѣ споритъ пылкій сынъ,
Гдѣ мать въ кругу дѣтей, и гдѣ она съ гостями.
Поселянинъ, купецъ, бывалый за морями,
Аргивянинъ, халдей, колхидецъ, скиѳъ простой,
Всѣ въ добромъ и худомъ отмѣнны межь собой.
Послѣдуй мнѣнію, или молвѣ народа,
Будь самъ зиждителемъ и дѣйствуй, какъ природа.

III.

ПѢСНЯ.

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтётъ, растётъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдётъ ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близь него,
Ни кустики зелёные не вьются вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву расти!
Ахъ, горько, горько мо́лодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много срѐбра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей, но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь ли съ знакомыми — поклонъ, да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими — поклонъ да пару словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня:
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чорнаго лишь дня.
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдётъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придётъ;
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,

Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ,
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь.
Возьмите же всё золото, всѣ почести назадъ:
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милый дайте взглядъ!

А. И. ТУРГЕНЕВЪ.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, сынъ тайнаго совѣтника Ивана Петровича Тургенева, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и Екатерины Семёновны, урождённой Качаловой, и старшій братъ Александра и Николая Ивановичей Тургеневыхъ, изъ которыхъ первый — одинъ изъ благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей царствованія Александра I-го — скончался въ 1854 году, послѣ двадцатилѣтняго скитанья по Европѣ, а второй, горячій ратоборецъ освобожденія крестьянъ въ Россіи и авторъ всѣмъ извѣстной книги «La Russie et les Russes», умеръ въ 1871 году въ Парижѣ, проживъ 45 лѣтъ вдали отъ горячо-любимаго имъ отечества, родился 1-го сентября 1781 года въ Симбирскѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, а продолжалъ и окончилъ его въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, въ одно время съ Жуковскимъ, съ которымъ сошолся и подружился со дня поступленія въ заведеніе. По окончаніи курса, Тургеневъ поступилъ въ Московскій Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; но вскорѣ оставилъ это мѣсто и перешолъ на службу въ Петербургъ, къ Н. Н. Новосильцеву, въ Коммиссію составленія законовъ. Въ 1802 году онъ былъ временно посланъ курьеромъ въ Вѣну, и, по возвращеніи оттуда, скончался 8-го іюня 1803 года въ Петербургѣ. Тургеневъ былъ связанъ съ Жуковскимъ самою искреннею и тѣсною дружбою, которой не въ силахъ была расторгнуть и самая смерть, ставшая чорнымъ призракомъ между друзьями. Жуковскій почтилъ память Андрея Ивановича Тургенева прекрасными стихами, въ посланіи къ брату его, Александру Ивановичу, о которомъ было упомянуто выше, какъ объ одномъ изъ самыхъ честныхъ и способныхъ дѣятелей конца царствованія императора Александра I-го, оставившаго службу въ 1826 году, съ чиномъ тайнаго совѣтника. Вотъ эти стихи:

Гдѣ время то̀, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ сёмъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцомъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ нимъ являлась:
Старикъ при нёмъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась —
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ:
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Кромѣ-того, въ балладѣ «Ахиллъ», изображая печаль перваго изъ героевъ «Илліады» о потерѣ его лучшаго друга, взятаго преждевременной могилой, Жуковскій собственно изображаетъ не печаль Ахилла надъ тѣломъ Патрокла, а своё личное горе о потерѣ друга, причёмъ говоритъ, обращаясь къ прошедшему:

И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Лёгкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.
Какъ зефирово дыханье
Онъ провѣялъ надо мной:
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной,
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды минувшихъ слезъ...
Я простёръ ко брату руки —
Онъ во мглѣ густой исчезъ.

Дружескія отношенія между Тургеневымъ и Мерзляковымъ, также начавшіяся со школьной скамьи въ благородномъ пансіонѣ, были не менѣе горячи и прочны, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ поэта, ради печали, постигшей ихъ обоихъ, повременить со стихами въ память умершаго: «не пиши ничего теперь самъ — теперь, когда горесть твоя больше твоей поэзіи». Благодаря своему уму, образованію и доброму сердцу, Тургеневъ пользовался общею любовью. Даже Вигель, рѣдко отзывавшійся о людяхъ съ хорошей стороны, оставилъ въ своихъ «Запискахъ» слѣдующую его характеристику: «Андрей Тургеневъ, со всею скромностью великихъ достоинствъ, стоялъ на распутьи всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко

бы по ней ушолъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для его благотворныхъ видовъ: остальные гибнутъ рано — и старшій Тургеневъ не долго оставался въ свѣтѣ.

Скончавшись всего двадцати лѣтъ, Тургеневъ написалъ не много. Лучшее его стихотвореніе «Элегія», помѣщённое въ нашемъ изданіи, было напечатано въ «Пантеонѣ Русской Поэзіи» (1815 г., ч. 4-я).

ЭЛЕГІЯ.

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ;
Холодный, бурный вѣтръ поля опустошаетъ
И грозно пѣнится ревущая рѣка.
Гдѣ тѣни мирныя доселѣ простирались,
Безпечной радости гдѣ пѣсни раздавались —
Поблёкшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ,
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами.
Гдѣ сосны древнія задумчиво шумятъ
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами,
Гдѣ всё вокругъ меня глубокій сонъ тягчитъ,
Лишь колоколъ ночной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ, при томномъ удареньи,
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой -
На камнѣ гробовомъ печальный, тихій геній
Сидитъ въ молчаніи, съ поникшею главой.
Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетъ:
«Смотри, какъ грозная, безжалостная смерть
Всѣ ваши радости на-вѣки поглощаетъ!
Всё жило, всё цвѣло, чтобъ послѣ умереть!»
О ты, кого ещё надежда обольщаетъ —
Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ, счастливый человѣкъ!
Но вы, несчастные, гонимые судьбою —
Вы, кои въ мірѣ сёмъ простилися на-вѣкъ
Блаженства съ милою, прелестною мечтою,
Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умолкъ веселья гласъ,
Придите: здѣсь ещё блаженство есть для васъ!
Съ любезною на-вѣкъ иль съ другомъ разлученныи,
Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять!
И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.
Ахъ, только имъ однимъ страдалецъ и живетъ!
Пускай счастливца міръ къ веселію зовётъ;
Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ сражонная судьбою,
Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!
Ни юность, для другихъ заря прекрасныхъ дней,
Ни прелести ума, ни рай души твоей,
Которой всё вокругъ тебя счастливо было,
Ничто, ничто судьбы жестокой не смягчило.
Какъ-будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты;
Проснулась — и ужь нѣтъ плѣнительной мечты.
Напрасно въ слѣдъ за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
Ахъ! тотъ, кого бъ ещё хотѣла ты прижать
Къ изсохшей груди — плачь: ужь онъ не возвратится
Во вѣкъ! Здѣсь будешь ты оплакивать его,
Всѣхъ въ жизни радостей на-вѣки съ нимъ лишенна;
Здѣсь бурной осенью природа обнаженна
Раздѣлитъ съ нѣжностью грусть сердца твоего.
Печальный мракъ ея съ душой твоей сходнѣе:
Тебѣ ли радости въ мірскомъ шуму найти?
Одинъ увядшій листъ несчастному милѣе,
Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты.
И горесть сноснѣе въ объятіяхъ свободы!
Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто не раздѣлитъ:
Здѣсь всё тебѣ о нёмъ лишь будетъ говорить.
Съ улыбкой томною отцвѣтшія природы
Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты;
А тамъ, узрѣвъ цвѣтовъ печальные слѣды,
Ты скажешь: «гдѣ они? здѣсь только прахъ ихъ тлѣетъ,
И скоро бурный вихрь и самый прахъ развѣетъ!»
И время быстрое блаженства твоего,
И тѣнь священная, и образъ вѣчно милой
Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой.
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его;
Какъ нѣжная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя къ добру влекла;
Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала
И радостей иныхъ постигнуть не могла;
Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна.
Но жизнь обманъ; а ты, минутой обольщенна,
Хотѣла вѣчно жить для счастья, для него;
Хотѣла — громъ гремитъ: ты видишь гробъ его!
Что счастье? — быстрый лучъ сквозь мрачныхъ тучъ осеннихъ:
Блеснётъ — и только лишь несчастный въ восхищеньи
Къ нему объятія и взоры устремитъ —
Уже сокрылось всё, чѣмъ бѣдный веселился:
Отрадный лучъ исчезъ и мракъ надъ нимъ сгустился
И онъ — обманутый, растерзанный — стоитъ
И небо горестной слезою укоряетъ.
Такъ, счастья въ мірѣ нѣтъ, и кто живётъ — страдаетъ.
Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей,
Найти спокойствіе внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
Что съ мирной совѣстью твой духъ не возмутится.
Пусть съ доброю душой для счастья ты рождёнъ,

Но былъ несчастными отъ всюду окруженъ,
Но бѣдствій ближняго со всѣхъ сторонъ свидѣтель —
Не будетъ для тебя блаженствомъ добродѣтель.
Какъ часто доброму отрада лишь въ слезахъ,
Спокойствіе въ землѣ, а счастье въ небесахъ!
Не вѣчно — и тебѣ не вѣчно здѣсь томиться!
Утѣшься и туда твой взоръ да устремится,
Гдѣ твой смущённый духъ найдётъ себѣ покой —
И позабудешь всё, чѣмъ онъ терзался прежде,
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, сынъ богатаго тульскаго помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина и плѣнной турчанки Сальхи, названной при крещеніи Елизаветой Дементьевной, родился 29-го января 1783 года, Тульской губерніи, Бѣлёвскаго уѣзда — въ селѣ Мишенскомъ, принадлежавшемъ его отцу. Проживавшій у Бунина мелкопомѣстный бѣлорусскій дворянинъ, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, провѣдавъ о рожденіи ребёнка, вызвался его усыновить, вслѣдствіе чего новорождённый и получилъ при крещеніи имя Василія Андреевича Жуковскаго. Марья Григорьевна Бунина, жена Аѳанасія Ивановича, женщина весьма набожная и добрая, вскорѣ не только примирилась съ своимъ новымъ положеніемъ, но даже приняла маленькаго Жуковскаго въ свою семью и впослѣдствіи, когда мужъ былъ уже въ могилѣ, смотрѣла на него, какъ на собственнаго сына. Первымъ наставникомъ Жуковскаго былъ какой-то гувернёръ изъ нѣмцевъ, по имени Акимъ Ивановичъ, большой охотникъ до кузнечиковъ, но плохой педагогъ. Затѣмъ, семейство Буниныхъ переѣхало въ Тулу, къ В. А. Юшковой, дочери покойнаго А. И. Бунина и крестной матери Жуковскаго, который, вскорѣ по прибытіи въ городъ, былъ отданъ въ частный пансіонъ Роде, а по закрытіи заведенія, сталъ пользоваться уроками жившихъ въ домѣ Юшковыхъ гувернантки и учителя, которымъ обязанъ первыми свѣдѣніями въ языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Когда Жуковскому исполнилось девять лѣтъ, его, по совѣту Ѳеофилакта Гавриловича Покровскаго, совмѣщавшаго въ себѣ громкій титулъ доктора философіи и русскаго писателя съ скромнымъ званіемъ уѣзднаго учителя, отдали въ Тульское народное училище. Но изнѣженный домашнимъ воспитаніемъ и постояннымъ обществомъ дѣвочекъ, своихъ соучениць, Жуковскій далеко не оправдалъ надеждъ «пустынника горы Алаунской», какъ любилъ называть себя Покровскій, въ подражаніе *господину* Вольтеру. Суровый менторъ скоро замѣтилъ невниманіе ребёнка къ математическимъ урокамъ — и отнёсся къ этому невниманію очень круто; но когда всѣ репрессивныя мѣры и жалобы не произвели желаемаго дѣйствія на будущаго поэта, Покровскій объявилъ Юшковой, что если мальчика не возьмутъ немедленно изъ училища, то онъ будетъ исключёнъ *за неспособность*. Впрочемъ, въ приговорѣ Покровскаго не заключается ничего необыкновеннаго. Покровскій и Жуковскій — были двѣ крайности, которыя никогда сойтись не могли. Покровскій былъ человѣкъ положительный; тогдакакъ отличительною чертою Жуковскаго, даже въ дѣтствѣ, была какая-то мечтательность: природа вдохнула въ него романическую настроенность — и онъ оставался ей вѣренъ до гроба. Ясно, что такой наставникъ, какъ «пустынникъ горы Алаунской», не могъ сойтись съ такимъ ученикомъ, какъ Жуковскій. Повидимому, старому педанту было просто досадно, что мальчикъ сочинялъ стихи, которыми восхищались всѣ его товарищи, и писалъ для домашняго обихода драмы и трагедіи, вмѣсто того, чтобы рѣшать математическія задачи. Дѣлать было нечего! Жуковскаго взяли изъ училища и онъ сталъ продолжать рости и учиться въ домѣ Юшковой, окружонный цѣлымъ роемъ дѣвицъ и дѣвочекъ, на потѣху которыхъ сталъ сочинять драматическія сцены и кончилъ тѣмъ, что на двѣнадцатомъ году написалъ двѣ драмы: «Камиллъ или освобождённый Римъ» и «Павелъ и Виргинія». Въ первой изъ этихъ драмъ Жуковскій занималъ главную роль, и, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ очень величественъ въ финалѣ пьесы, при появленіи на сценѣ раненой и растрёпанной Олимпіи, когда, въ отвѣтъ на слова ея: «Познай во мнѣ Олимпію, арденскую царицу, принёсшую жизнь въ жертву Риму» — восклицалъ: «О, Боже! Олимпія, что сдѣлала ты!» на что Олимпія, въ свою очередь, произносила: «За Римъ вкусила смерть!» — и вслѣдъ затѣмъ падала и умирала при громкихъ рукоплесканіяхъ невзыскательной публики. Наконецъ, въ январѣ 1796 года, М. Г. Бунина отвезла Жуковскаго въ Москву и опредѣлила его въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, состоявшій подъ ближайшимъ завѣдываніемъ извѣстнаго Прокоповича-Антонскаго. Облечённый въ уни-

верситетскую форму — красный суконный мундиръ, съ золотымъ шитьемъ вдоль петлицъ на груди и бархатнымъ голубымъ воротникомъ — четырнадцатилѣтній поэтъ очутился въ кругу новыхъ товарищей, замѣнившихъ прежнихъ дѣвочекъ, среди которыхъ онъ до того времени ростъ, и съ того же дня сталъ слушать лекціи слишкомъ двадцати наукъ и пяти языковъ, заниматься музыкой, рисованьемъ, танцами, фехтованьемъ, верховой ѣздой, оружейными пріёмами и маршировкой. Счастливый случай далъ Жуковскому въ товарищи братьевъ Тургеневыхъ, Дашкова и нѣкоторыхъ другихъ, чьи имена пріобрѣли впослѣдствіи почётную извѣстность. Благодаря этой новой средѣ, способности Жуковскаго стали быстро развиваться и принимать опредѣлённое направленіе, уже давно таившееся въ его нѣжномъ сердцѣ, но не находившее до-сихъ-поръ исхода. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, напечатанныхъ Жуковскимъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ того времени. Первыми, явившимися въ свѣтъ, произведеніями Жуковскаго были: прозаическая статья «Мысли при гробѣ» и стихотвореніе «Майское утро», напечатанныя въ 11-й части «Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія Времени» на 1797 годъ. Замѣчательно, что въ обѣихъ пьесахъ кладбище, могилы и другія принадлежности смерти и тлѣнья играютъ такую же видную роль, какъ и въ большой части его произведеній болѣе зрѣлой эпохи. Въ 1799 году Жуковскій основалъ въ пансіонѣ литературное общество, подъ названіемъ «Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона», произнёсъ при открытіи его рѣчь и былъ выбранъ единогласно его предсѣдателемъ. Вообще, во время своего пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ, Жуковскій постоянно считался лучшимъ воспитанникомъ: на публичныхъ актахъ всегда первыя награды доставались ему, а по окончаніи курса имя его было написано на золотой доскѣ, куда попадали имена только самыхъ лучшихъ учениковъ.

Окончивъ курсъ ученія въ 1800 году, Жуковскій поступилъ-было на службу въ Главную Соляную Контору, но, прослуживъ всего годъ, вышелъ въ отставку, а въ апрѣлѣ 1802 года переселился на житьё въ Мишенское. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе о смерти лучшаго изъ своихъ друзей, Андрея Ивановича Тургенева, юноши, подававшаго блестящія надежды, и, подъ вліяніемъ тяжолой утраты, перевёлъ элегію Грея — «Сельское кладбище», первое произведеніе, признанное самимъ авторомъ достойнымъ занять мѣсто въ полномъ собраніи его сочиненій. Независимо отъ внутренняго своего достоинства, стихотвореніе это замѣчательно ещё и въ томъ отношеніи, что имъ открылось, въ нашей поэзіи, господство элегическаго рода, смѣнившаго торжественную оду, и начался новый періодъ въ образованіи русскаго стиха — періодъ стиха мелодическаго. Стихотвореніе это, посвящённое памяти покойнаго Тургенева, было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», издававшемся въ то время Карамзинымъ, который, печатая стихи, не преминулъ отозваться о нихъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Надо замѣтить, что Жуковскому въ это время было всего девятнадцать лѣтъ, и потому легко себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произвёлъ на него этотъ отзывъ, имѣвшій своимъ прямымъ послѣдствіемъ знакомство и, вслѣдъ за тѣмъ, самое полное сближеніе двухъ писателей. Вліяніе Карамзина на Жуковскаго, въ первую половину литературной дѣятельности послѣдняго, замѣтно на каждомъ его произведеніи, до самаго начала двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1804 году Жуковскій, въ первый разъ послѣ тульской катастрофы, встрѣтился въ Москвѣ, въ домѣ Юшковыхъ, съ Покровскимъ, своимъ бывшимъ наставникомъ и гонителемъ. По свидѣтельству очевидца, учоный педагогъ, увидавъ молодого писателя, такъ сильно нелюбимаго и притѣсняемаго имъ въ дѣтствѣ, а теперь отличённаго публикою, благодаря своимъ дарованьямъ и всѣми любимаго и уважаемаго, совершенно потерялся. Но Жуковскій, не помня прежнихъ неудовольствій, бросился въ его объятія, и, вообще, встрѣтилъ его съ искренней радостью, какъ стараго друга. Затѣмъ, они долго разговаривали и разстались пріятелями. Въ 1805 году Жуковскій перевёлъ «Донъ-Кихота» — и перевёлъ его превосходно, хотя и своеобразно. Главное достоинство перевода заключается въ неподдѣльной весёлости разсказа похожденій героя и въ превосходномъ слогѣ, чуждомъ всякаго педантства, всякой реторической искусственности. Не смотря на то, что надъ нимъ тяготѣетъ слишкомъ семидесятилѣтняя давность, онъ до-сихъ-поръ читается съ величайшимъ удовольствіемъ, и, конечно, по сей день русская литература не имѣетъ лучшаго перевода этого геніальнаго произведенія Сервантеса. Къ этому же времени относится крутой поворотъ литературнаго вкуса Жуковскаго къ произведеніямъ нѣмецкихъ писателей, съ которыми до этого онъ былъ мало знакомъ. Углубившись въ нѣмецкую литературу, онъ посвятилъ ей весь 1806 годъ, въ теченіе

котораго написалъ всего одно оригинальное стихотвореніе: «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей», навѣянное тогдашними событіями и напечатанное тогда же въ 24 № «Вѣстника Европы». Въ 1807 году, вслѣдствіе отказа Е. А. Протасовой выдать за него свою дочь и его племянницу, Жуковскій распростился съ Мишенскимъ и съ Бѣлёвымъ, гдѣ онъ выстроилъ домъ для матери и куда наѣзжалъ по временамъ, проѣздомъ изъ деревни, и переселился въ Москву, гдѣ пріютился въ домѣ Прокоповича-Антонскаго, своего стараго пансіонскаго начальника, а въ началѣ слѣдующаго года принялъ на себя завѣдыванье «Вѣстникомъ Европы», который затѣмъ онъ издавалъ въ теченіе трёхъ лѣтъ, сначала одинъ (1808 — 1809), а потомъ при помощи профессора Кочановскаго (1809 — 1810). Здѣсь, между-прочимъ, были помѣщены слѣдующія оригинальныя его стихотворенія: «Посланіе къ Филалету», «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой», «Мысли надъ гробомъ Каменскаго» и «Людмила», первая по времени русская баллада, подражаніе Бюргеровой «Леонорѣ», встрѣченная общими похвалами критики и публики, и доставившая автору названіе «Пѣвца Людмилы», а также оригинальная повѣсть въ прозѣ: «Марьина Роща», имѣвшая въ своё время огромный успѣхъ, но теперь не представляющая никакого интереса, благодаря своей сантиментальности и неестественности, доведённыхъ до послѣдней крайности. Изъ переводныхъ же стихотвореній, можно указать на переложенія изъ Шиллера: «Тоска по миломъ», «Счастье» и «Кассандра». Съ наступленіемъ 1811 года, Жуковскій сложилъ съ себя редакціонныя обязанности по «Вѣстнику Европы» и отправился обратно въ Бѣлёвъ и Мишенское, откуда, въ началѣ лѣта, возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ матерью и М. Г. Буниной, покинувшими деревню, въ надеждѣ получить облегченіе отъ своихъ недуговъ, при помощи столичныхъ медиковъ, а по смерти ихъ обѣихъ, послѣдовавшей въ то же лѣто, переѣхалъ на житьё въ орловское имѣнье Протасовой, деревню Муратово. Здѣсь-то, въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ, написалъ онъ свою знаменитую «Свѣтлану», упрочившую его извѣстность, какъ поэта. Къ этому же времени относятся нѣкоторыя переводы его изъ Шиллера, Парни и Драйдена, «Посланіе къ Батюшкову и Тургеневу» и баллада «Громобой», составляющая 1-ю половину старинной повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». Трудно сказать, сколько времени длилось бы деревенское уединеніе Жуковскаго и какія были бы его послѣдствія, еслибъ событія 1812 года, возбудившія патріотизмъ поэта, не вызвали его къ иной дѣятельности. Прочитавъ манифестъ отъ 18-го іюля 1812 года, Жуковскій на другой же день записался въ Московское ополченіе, а 19-го августа уже выступилъ изъ Москвы. Во всё продолженіе отечественной войны онъ сосостоялъ при главнокомандующемъ арміею, князѣ Кутузовѣ, и, по свидѣтельству Ермолова, помогалъ Скобелеву писать бюллетени, ни сколько не претендуя на него за-то, что тотъ выдавалъ ихъ за свои собственные. Затѣмъ, увлечённый общимъ энтузіазмомъ и увѣренностью въ близкой побѣдѣ надъ дерзкимъ врагомъ, написалъ, наканунѣ тарутинской битвы, при заревѣ бивачныхъ огней, своего знаменитаго «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

«Впечатлѣніе, произведённое «Пѣвцомъ», говоритъ Плетнёвъ, «не только на войско, но и на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ, какъ завѣтное слово. Подвиги, изображонные въ стихотвореніи, имена, внесённыя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того, ни другого. Эпоха была безпримѣрная — и пѣвецъ явился достойный ея.»

Обласканный княземъ Кутузовымъ, умѣвшимъ оцѣнить талантъ поэта, и награждённый въ ноябрѣ 1812 года чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ Св. Анны 2-й степени, Жуковскій продолжалъ слѣдовать при главной квартирѣ, по дорогѣ къ Вильно, но, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ этого города, внезапно заболѣлъ горячкой, которая чуть не свела его въ могилу. По распущеніи ополченія въ началѣ января 1813 года, онъ, полубольной, возвратился въ Муратово, гдѣ вскорѣ окончательно возстановилъ свои утраченныя силы, благодаря нѣжной заботливости своихъ родныхъ. Здѣсь написалъ онъ своё посланіе «Князю Смоленскому», напечатанное въ 5 № «Сына Отечества» на 1813 годъ, а также стихотворенія: «Пловецъ», «Желаніе», «Къ Филону» и другія. Встрѣтивъ 1814 годъ въ Муратовѣ, Жуковскій, 29-го января, въ тридцать первую годовщину дня своего рожденья, написалъ «Посланіе къ Воейкову», а спустя мѣсяцъ, потрясённый до глубины души тѣми восторженными похвалами, исполненными любви и обожанія, которыя сопровождали побѣдоносное шествіе Александра къ Парижу, взялся снова за перо — и вскорѣ громадное

его посланіе «Императору Александру» было окончено и отправлено въ Петербургъ, на предварительный просмотръ Батюшкову и князю Вяземскому. Послѣ длинной переписки между Жуковскимъ и его друзьями, и по исправленіи многихъ мѣстъ и стиховъ, «Посланіе» получило ту окончательную форму, въ какой оно извѣстно намъ изъ печатныхъ экземпляровъ. Такъ-какъ стихотвореніе это имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Жуковскаго, то считаемъ не лишнимъ войдти въ нѣкоторыя подробности о пріёмѣ его при Дворѣ, и сказать нѣсколько словъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое оно производило на современниковъ. Придавъ «Посланію» окончательную форму, Жуковскій отослалъ рукопись къ А. И. Тургеневу, для представленія ея вдовствующей императрицѣ Маріи Өёдоровнѣ — и вотъ его отвѣтъ: «1-го января 1815 года. Пишу тебѣ, безцѣнный и милый другъ Василій Андреевичъ, въ самый новый годъ, чтобы отъ всей души, произведеніями твоего генія возвышенной, поздравить тебя съ новымъ годомъ и съ новою славою. Я долженъ описать тебѣ подробно чтеніе, которое происходило въ комнатахъ ея величества, въ присутствіи ея, великихъ князей, великой княжны Анны Павловны, графини Ливенъ, Нелидовой, Нелединскаго-Мелецкаго, Виламова и Уварова. Я писалъ уже тебѣ, что государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 часовъ вечера 30-го декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову — и немедленно ввели насъ въ кабинетъ ея, гдѣ уже дожидался Нелединскій. Черезъ пять минутъ вошла и государыня съ тѣми особами, которыя я наименовалъ выше. Началось чтеніе. Приготовленный совѣтами моихъ пріятелей, я читалъ внятно и съ тѣмъ чувствомъ, которое внушило мнѣ и высокость предмета, и пламенный геній твой, и моя не менѣе пламенная дружба къ тебѣ. Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на нѣмецкій и англійскій языки. Но для того надобно другого Жуковскаго, а онъ принадлежитъ одной Россіи, и только одна Россія имѣетъ Александра и Жуковскаго. Въ концѣ пьесы не разъ навёртывались слёзы, и государыня, и я принуждены были останавливаться. Она обращалась къ великой княжнѣ и встрѣчала взоры ея, также исполненные любви къ предмету твоего пѣснопѣнія и удивленія къ твоему таланту. Сколько сладкихъ чувствъ въ одно время для матери, братьевъ и сестёръ твоего героя, и для твоего друга, свидѣтеля такого безпритворнаго восхищенія, смѣшаннаго съ благодарностью къ генію, умѣвшему выразить всё величіе предмета единственнаго.»

По желанію императрицы, «Посланіе» издано было, въ пользу автора, весьма роскошно, а сочинителю былъ пожалованъ бриллiантовый перстень. Что же касается провинціи, то, по свидѣтельству очевидца, это стихотвореніе Жуковскаго пріобрѣло тамъ положительно значеніе оффиціальнаго гимна Александру. Весною того же 1815 года, Жуковскій, въ проѣздъ свой черезъ Петербургъ въ Дерптъ, гдѣ жила тогда Е. А. Протасова, съ обѣими дочерьми, у мужа младшей изъ нихъ, профессора тамошняго университета Воейкова, былъ представленъ въ Павловскѣ императрицѣ Маріи Өёдоровнѣ, принявшей его весьма благосклонно. Слѣдствіемъ этого перваго свиданія было то́, что Жуковскій получилъ званіе лектора при императрицѣ, которая любила видѣть около себя избраннный кружокъ учоныхъ и писателей. Но Жуковскій, на этотъ разъ, оставался не долго въ Петербургѣ — его тянуло въ Дерптъ. Здѣсь, живя среди нѣмцевъ, вращаясь въ кругу нѣмцевъ-профессоровъ и пробавляясь исключительно произведеніями нѣмецкой литературы, Жуковскій, мало по малу, сталъ входить во вкусъ всего нѣмецкаго и кончилъ тѣмъ, что началъ находить всевозможныя прелести въ замкнутой и узкой жизни нѣмецкаго университетскаго городка. Друзья Жуковскаго призадумались — и стали звать его въ Петербургъ; но поэтъ и слышать не хотѣлъ о переѣздѣ, и продолжалъ жить въ Дерптѣ, дописывая вторую половину своей повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» (балладу «Вадимъ») и приготовляя къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій. Такъ наступилъ конецъ 1816 года, ознаменованный для нашего поэта двумя важными событіями: бракомъ М. А. Протасовой, вышедшей замужъ, съ его разрѣшенія и по желанію матери, за профессора Майера, и назначеніемъ ему государемъ императоромъ пожизненной пенсіи въ 4,000 рублей. Дѣлать нечего, надо было разстаться съ Дерптомъ! Съ одной стороны надо было покончить съ тѣми странными и натянутыми отношеніями, существовавшими цѣлыхъ восемь лѣтъ между имъ и семействомъ Протасовой; съ другой стороны, съ назначеніемъ пенсіи, вполнѣ обезпечивавшей его независимость, для него возникали новыя обязанности, исполненіе которыхъ было не совмѣстно съ пребываніемъ его въ Дерптѣ. «Пенсіонъ, который далъ мнѣ государь», писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, приглашавшему его на житьё въ Москву: «который я считаю наградою за *добрую надежду*,

налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и успокоить совѣсть свою, написавъ что-нибудь важное. Слава достойная есть для меня теперь тоже, что благодарность. Чтобы работать порядкомъ, надобно сидѣть на мѣстѣ; а чтобы написать что-нибудь важное, надобно собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу, а время между-тѣмъ летитъ. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая жертва! и боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ.» Уѣзжая, въ началѣ 1817 года, изъ Дерпта въ Петербургъ, Жуковскій, прощаясь съ провожавшими его родственниками и знакомыми, сказалъ: «романъ моей жизни оконченъ — теперь начинается исторія.» И дѣйствительно, слѣдующее двадцатипятилѣтіе жизни Жуковскаго скорѣе принадлежитъ исторіи, чѣмъ литературѣ, такъ-какъ во всё продолженіе этого времени онъ писалъ очень мало, да и то малое, написанное имъ съ 1817 по 1841 годъ, состоитъ почти исключительно изъ однихъ переводовъ и подражаній. Къ этому періоду литературной дѣятельности Жуковскаго относится письмо И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу, въ которомъ, между-прочимъ, находится слѣдующій любопытный и вполнѣ справедливый отзывъ о нашемъ поэтѣ: «Ревность друзей (Жуковскаго) почти достигла своей цѣли: кажется, поэтъ, мало-по-малу, превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чёмъ найдётъ болѣе выгоды, а между-тѣмъ будемъ пока питаться «Овсянымъ Киселёмъ»; для меня и онъ по вкусу; но я лакомъ и люблю разнообразіе.» Всё сказанное здѣсь Дмитріевымъ о крайнемъ однообразіи, въ которое сталъ впадать Жуковскій въ послѣднее время своего пребыванія въ Дерптѣ, и о пристрастіи его къ Гебелю, изъ котораго онъ перевёлъ цѣлую кучу стихотвореній, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ «Овсяный кисель» — заключаетъ въ себѣ много правды. Да это и не могло быть иначе! Очарованный мирною и безмятежною жизнью маленькаго нѣмецкаго городка, Жуковскій, мало-по-малу, вошолъ въ эту жизнь, полюбилъ её — и мелкіе, узкіе интересы, свойственные центрамъ, подобнымъ Дерпту, сдѣлались его интересами, а идеалы нѣмцевъ-профессоровъ — его идеалами. Если произведенія Жуковскаго и въ болѣе блестящій періодъ его литературной дѣятельности не отличались обиліемъ народнаго колорита, то со времени переѣзда его въ Дерптъ національныя краски стали блёкнуть въ нихъ всё болѣе и болѣе, и, наконецъ, совершенно стушевались. Весною 1817 года прибыла въ Петербургъ невѣста великаго князя Николая Павловича, дочь прусскаго короля Вильгельма III — и Жуковскій получилъ приглашеніе преподавать ея высочеству русскій языкъ. Тогда Жуковскій окончательно поселился въ Петербургѣ, котораго съ-тѣхъ-поръ за исключеніемъ краткихъ отлучекъ за границу, онъ уже не покидалъ въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ, и только, слѣдуя всюду за Дворомъ, въ качествѣ педагога великой княгини Александры Ѳёдоровны, переѣзжалъ то въ Москву, то въ Павловскъ, то въ Царское-Село, то въ Петергофъ. Въ 1826 году, тотчасъ по вступленіи Николая Павловича на престолъ, Жуковскій былъ назначенъ наставникомъ наслѣдника-цесаревича, Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго государя. Осчастливленный лестнымъ для него довѣріемъ, Жуковскій принялся за выполненіе этой новой обязанности немедленно и съ свойственной ему горячностью. «Во всѣ часы дня», говоритъ Плетнёвъ, «никто иначе не находилъ его, какъ за предварительными работами и предначертаніями. Не довѣряя легкомысленно одной опытности своей, своимъ только знаніямъ и живому постиженію прекраснаго своего ума, онъ читалъ всё, что̀ могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами... Первые уроки каждаго предмета передавалъ самъ, желая на опытѣ убѣдиться, дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ его предположеніямъ.» — «Моя настоящая должность», писалъ Жуковскій къ одному изъ друзей, «берётъ всё моё время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желанье. Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность!... Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!... Занятій множество: надобно учить и учиться — и время всё захвачено. Прощай навсегда, поэзія съ риѳмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь.»

Уже изъ этого письма можно видѣть, что всё

время Жуковскаго было поглощено дѣломъ воспитанія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ теченіе 25 лѣтъ, проведённыхъ имъ при Дворѣ и посвящённыхъ педагогическимъ занятіямъ съ наслѣдникомъ русскаго престола, надзору за воспитаніемъ его братьевъ и сестёръ и ознакомленію ихъ царственной матери съ тайнами русскаго языка, у него оставалось очень мало времени для литературныхъ занятій, и даже выпадали такіе года, а иногда и цѣлые ряды годовъ, какъ, напримѣръ, 1819 — 1820 и 1823 — 1828, въ которые поэтъ не сочинилъ ни одного стиха. Да и то немногое, что Жуковскій написалъ въ эти 25 лѣтъ своей жизни — есть переводы и подражанія нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ, съ которыхъ мы и начнёмъ наше исчисленіе. Съ 1817 по 1841 годъ, Жуковскій издалъ шесть книжекъ переводовъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ, подъ названіемъ «Für Wenige» («Для немногихъ»), куда, между-прочимъ, вошли слѣдующіе его переводы: изъ Шиллера — «Рыцарь Тогенбургъ», «Горная пѣсня», «Графъ Габсбургскій» и «Жалоба», изъ Гёте — «Утѣшеніе въ слезахъ», «Рыбакъ», «Къ мѣсяцу» и «Лѣсной царь», изъ Гебеля — «Овсяный кисель», «Тлѣнность», «Утренняя звѣзда», «Деревенскій сторожъ» и «Лѣтній вечеръ» и изъ Кёрнера — «Вѣрность до гроба»; перевёлъ «Орлеанскую дѣву», трагедію Шиллера, поэму Байрона «Шильонскій узникъ», повѣсть Мура «Пери и Ангелъ», балладу В. Скотта «Смольгольмскій баронъ», «Разрушеніе Трои» изъ «Энеиды» Виргилія, «Отрывокъ изъ Иліады», передѣлалъ прелестную повѣсть Ла-Моттъ-Фуке «Ундину», переложилъ съ нѣмецкаго перевода Рюкерта индійскую поэму «Наль и Дамаянти» и перевёлъ изъ англійскихъ (Саути) и нѣмецкихъ поэтовъ (Шиллера, Гёте, Уланда, Бюргера, Гебеля, Зейдлица и Кёрнера) до тридцати балладъ. Что же касается оригинальныхъ его произведеній, то въ эти 25 лѣтъ Жуковскій написалъ всего какой-нибудь десятокъ мелкихъ стихотвореній. Изъ нихъ можно указать только на три: «Подробный отчётъ о лунѣ», «У гроба императрицы Маріи Ѳёдоровны» и «Бородинская годовщина», изъ которыхъ послѣднее не уступаетъ въ достоинствѣ лучшимъ произведеніямъ лучшей эпохи его творчества.

1-го мая 1841 года, по сложеніи съ себя званія наставника, Жуковскій, осыпанный монаршими милостями *) и обезпеченный на всю жизнь, отправился за границу — и уже болѣе не возвращался въ Россію. Затѣмъ, онъ женился на 19-ти лѣтней дѣвушкѣ, бывшей почти сорока годами моложе своего жениха, дочери небогатаго лифляндскаго помѣщика Рейтерна, и, тотчасъ послѣ свадьбы, отправился въ Дюсельдорфъ, гдѣ и поселился. Здѣсь, въ началѣ 1843 года, Жуковскій, уже отецъ перваго ребёнка, приступилъ къ переложенію нѣмецкаго прозаическаго перевода Гомеровой «Одиссеи» въ русскіе стихи, и, несмотря на всю громадность труда, разстроенное здоровье и болѣзнь жены, успѣшно окончилъ свой превосходный трудъ за два года до смерти, проработавъ надъ нимъ около семи лѣтъ. Послѣднимъ капитальнымъ произведеніемъ Жуковскаго былъ переводъ персидской поэмы «Рустемъ и Зорабъ», оконченный имъ въ 1848 году. Между-тѣмъ здоровье жены Жуковскаго видимо разрушалось, что заставило его, въ 1844 году, переселиться въ окрестности Франкфурта-на-Майнѣ, въ надеждѣ возстановить ея силы, при помощи тамошнихъ докторовъ; но всѣ ихъ усилія, въ теченіе цѣлыхъ трёхъ лѣтъ, не принесли ей желаемаго облегченія, а заставили, напротивъ, искать его въ другомъ мѣстѣ, именно — въ Эмсѣ, гдѣ семейство Жуковскаго провело всё лѣто 1847 года. Весной 1848 года Жуковскіе покинули окрестности Франкфурта-на-Майнѣ и поселились въ Баденъ-Баденѣ. 30-го августа 1849 года Жуковскій былъ порадованъ послѣднею монаршею наградою — орденомъ Бѣлаго Орла, даннаго ему, какъ сказано въ рескриптѣ, «въ ознаменованіе особеннаго нашего уваженія къ трудамъ вашимъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной нашей признательности за заслуги, нашему семейству вами оказанныя.» Въ іюлѣ 1850 года Жуковскій выслалъ въ Петербургъ приготовленныя къ печати новыя свои прозаическія сочиненія, вслѣдъ за которыми намѣревался самъ отправиться въ Россію, но внезапно усилившаяся болѣзнь жены и собственные недуги заставили его отказаться отъ принятаго намѣренія. Въ іюлѣ 1851 года Жуковскій снова сталъ собираться на родину: уже вещи его были уложены и день отъѣзда изъ Бадена назначенъ, когда, за два дня до срока, подагрическая матерія бросилась ему въ глазъ. Чтобы спасти другой глазъ, завязали оба — и началось леченіе. Но и больной, почти ослѣпшій, Жуковскій оставался

*) Жуковскій былъ однимъ приказомъ произведёнъ въ тайные совѣтники и пожалованъ кавалеромъ орденовъ: Св. Анны и Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. Владиміра 2-го класса.

поэтомъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Плетнёву, отъ 13-го сентября того же года: «Странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни, загомозилась во мнѣ поэзія — и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому девять лѣтъ, которой идея лежала съ-тѣхъ-поръ въ душѣ не развитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собой началось: всё льётся изнутри.» Поэма, о которой здѣсь говорится, есть — «Странствующій жидъ», сочинённая имъ, съ закрытыми глазами, изъ источниковъ, читанныхъ ему окружающими и записанная, съ его словъ, камердинеромъ. Она осталась не оконченною: смерть прекратила работу головы. Послѣднимъ произведеніемъ Жуковскаго считается стихотвореніе «Царскосельскій лебедь». 1-го апрѣля Жуковскій почувствовалъ себя худо, слёгъ въ постель и уже болѣе не вставалъ. Онъ скончался 12-го апрѣля 1852 года, на 70 году жизни, въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его перевезено было въ Петербургъ, гдѣ, 29-го іюля, послѣ панихиды, было вынесено друзьями покойнаго, въ томъ числѣ наслѣдникомъ-цесаревичемъ (нынѣ царствующимъ государемъ), изъ главнаго храма Александроневской Лавры на кладбище Лавры и тамъ опущено въ землю, рядомъ съ могилою Карамзина.

Собраніе сочиненій Жуковскаго имѣло шесть изданій. *Первое* — въ 1815 — 1816 годахъ (Спб., 2 ч.), *второе* — въ 1818 году (М. 3 ч.), *третье* — въ 1824 году (Спб., 3 ч.), *четвёртое* — въ 1835 — 1844 годахъ (Спб., 9 ч.), *пятое* — въ 1849 — 1857 (Карлсруэ и Спб., 13 частей) и *шестое* — въ 1869 году (Спб., 6 ч.). Кромѣ того, «Баллады и повѣсти» имѣли отдѣльное изданіе (2 ч. 1831 года), прозаическія сочиненія, подъ названіемъ: «Опыты въ прозѣ», два изданія: въ 1818 и 1820 годахъ, а «Переводы въ прозѣ» тоже два изданія: въ 1816 — 1817 и въ 1827 годахъ. Изъ отдѣльныхъ изданій можно указать на слѣдующія: 1) «Мальчикъ у ручья. Повѣсть Коцебу. Переводъ съ нѣмецкаго.» 4 части. 1-е изд. 1801; 2-е изд. 1819. 2) «Донъ Кихотъ ла-Манхскій. Соч. Сервантеса. Переводъ съ французскаго Флоріанова перевода.» 6 частей. 1-е изд. 1805; 2-е изд. 1815. 3) «Ундина, старинная повѣсть, разсказанная на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ барономъ Ламотъ-Фуке, на русскомъ въ стихахъ В. Жуковскимъ.» Спб. 1837. 4) «Наль и Дамаянти, индійская повѣсть. В. А. Жуковскаго.» Спб. 1844.

I.

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ —
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О, милый гость, святое *прежде!*
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: «живи» надеждѣ?
Скажу ль тому чтó было — «будь»?
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится:
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ.
Тамъ есть *одинъ* жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

II.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина:
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ тёмною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

III.

МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безъименный?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Зачѣмъ опять влечёшь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ
И въ старину про гостью неземную,
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ всё во дни прекрасны
Такъ жило тамъ въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной усталостью влеталъ,
Её тѣснилъ томительнымъ желаньемъ
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жь вѣсть принёсъ ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И — прежнихъ думъ напрасный пробудитель —
О счастіи шепнёшь и замолчишь?

О геній мой, побудь ещё со мною!
Бывалый другъ, отлётомъ не спѣши:
Останься, будь мнѣ жизнію земною,
Будь ангеломъ-хранителемъ души!

IV.

МОРЕ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо: ты дышешь; смятённой любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твоё необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряжонная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далёкое, свѣтлое небо къ себѣ?
Таинственной, сладостьой полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льёшься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются тёмныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя,
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу —
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращённыхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

V.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды;
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь —
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ!
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой!

VI.

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;

Цвѣтъ жизни былъ сорванъ — увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужь взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.

Всё тѣ жь берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жь озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилище Теоново ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ:
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовой блескъ
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море —
Вдругъ видитъ Эсхина, и въ мигъ узнаётъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина —

И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ:
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

«Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда — лукавый предатель!

«Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?»

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ.
«Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна!

«О нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь, и вселенна — прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

«Вотъ счастье, о другъ мой! Оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ — и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа —
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ — и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоёмъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прешедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утраты безсильны.

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ!
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же: всё ею онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоёмъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь.
Я взоромъ смотрю благодарнымъ

И землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озарёнъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы
И жизнь мнѣ земная священна:
При мысли великой, что я человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучше сей жизни ещё впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

«Сей гробъ — затворённая къ счастію дверь —
Отворится: жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ.
Дай руку — близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись:
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

«Всё небо намъ дало, мой другъ, съ бытіёмъ;
Всё въ жизни — къ великому средство,
И горесть и радость — всё къ цѣли одной...
Хвала жизнедавцу Зевесу!»

VII.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ весёлый гость неприглашонный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодёжи. На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ.
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жь межь звѣздами
Въ небѣ, повторённомъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межь звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажжонныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окружонны брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебныхъ призраковъ явленьемъ
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты жь, старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку — и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодёжи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ея ласкаемъ царскою рукою,
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты;
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты,
И, почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ царевой силы — вѣковой, зелёный
Плющъ вкругъ силы дуба — вьётся, подъ короной
Царской отъ окрестныхъ бурь ища защиты.
Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время.
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной.
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И, стремимы тайной силой, полетѣли
На̀ голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлой,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ, гордо распрямлённой,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламенённый,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый.
А когда допѣлъ онъ — на̀ небо взглянувши

И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся — и его не стало
Въ высотѣ — и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мёртвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужь негорящій.

VIII.

ИЗЪ
«ПѢВЦА ВО СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ».

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами.
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьёмъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку!
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ,
Ужь нѣтъ вождей побѣды.
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кульчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдёмъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами!

Смотрите: въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами!
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полётъ орлиной!
«Погибнемъ! мёртвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрнымъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Пётръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца — снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: «слава!»
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги — твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — костей громады.
Бѣги — и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ!
Отчизны врагъ сопутникъ твой!
Злодѣй владыкѣ братомъ!

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи.
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ.
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ.
О, горе, горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый.
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами!
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами!
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
«За гибель — гибель! брань — за брань!
И казнь тебѣ, губитель!»

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія —
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Тамъ всё — тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жоны, чада;
О насъ ихъ слёзы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы —
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
Цвѣти твоя держава!
Священный тронъ твой — намъ олтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ — слава.
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью.
О царь! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ — славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны.
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть — всё пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота
И нравовъ непритворство,
И смѣлость — бранныхъ красота,
И твёрдость и покорство!
Друзья, мы чужды низкихъ узъ!
Къ вѣнцамъ — стезёю правой!
Опасность — твёрдый нашъ союзъ!
Одной пылаемъ славой!

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата.
Онъ взоромъ жизнь даётъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами;
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орёлъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орёлъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы твёрды: вождь нашъ перешолъ
Путь гибели и чести.
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ:
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ — не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны... въ россахъ вся она!
Мы здѣсь, и Богъ нашъ — мщенье!

Хвала сподвижникамъ вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный!
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ — твои перуны!
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала — передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ младенцами-сынами!
Нашъ Милорадовичъ — хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала: онъ щитъ странѣ родной!
Онъ хищныхъ истребитель!
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твёрдый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдётъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ —
И вдругъ движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы.
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ
И пышетъ пламень боя —
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя.
Себя забылъ — однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье!
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ
И храбрымъ удивленье!

Хвала нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ селы!

Хвала, нашъ Несторъ-Бенингсонъ,
И вождь и мужъ совѣта!
Враговъ блюдётъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орёлъ съ полета.
Хвала, отважный Воронцовъ,
Младой, но духомъ зрѣлый!
И Тормасовъ, гроза враговъ,
Во брани посѣдѣлый!
И Багговутъ среди мечей,
Средь громовъ безмятежный!
Хвала вамъ, бранный сонмъ вождей,
Отчизны щитъ надежный!

Друзья! кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сражоннымъ въ боѣ!
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья.
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники уныли,
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой!
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость!
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны.
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавлёнъ изъ боя;
На нёмъ его разбитый щитъ —
И нѣтъ на нёмъ героя.

И ты, и ты, Багратіонъ!
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ: во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Ещё дружинъ надежда въ нёмъ;
Всё мнитъ: съ одра возстанетъ!
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы намъ! скоро грянетъ!»
А онъ? — на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ:
Онъ въ область славныхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!

IX.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней лилась святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло —
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождёмъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ:
Гдѣ упорнѣй бились — тамъ
Мирныхъ иноковъ обитель:
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней — крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужь царёмъ
Собрана́ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна,
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ жь полки, тѣ жь знамена
И полковъ тѣ жь имена —
А въ рядахъ другіе стали,
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царёмъ,
Не видать ужь ни на комъ.

И вождей ужь прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививвшій,
И подъ старость сохранившій
Всё, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь-атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуро̀въ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ То̀рмасовъ; могила
Неверовскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлона...
Мнилъ онъ гробъ Багратіона
Проводить въ Бородино —
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ нёмъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твёрдымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Мира свѣтлая звѣзда —
И твоя пришла чреда!

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шолъ.
Какъ спасительно онъ вёлъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ — отъ всѣхъ честей далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный —
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный сливпись ходъ,
Вся имперія идётъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ всё трепетало...
Есть далёкая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь заграждёнъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царёмъ;
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И всё царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій:
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ —
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И — нежданная ограда —
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
«Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ!»

Всходитъ дневное свѣтило
Также ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина.
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ, въ виду колоннъ,
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И — далёко умирая —
Слышалъ вѣсть: «Москвы ужь нѣтъ!»
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронёю,
Бородинскою землёю —
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились,
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ
И какъ-будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрёкъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
«Память вѣчная царю!»
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрёкъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена!

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой черёдъ мы грудью станемъ;
Въ свой черёдъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

X.

СВѢТЛАНА.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачёкъ,
Снявъ съ ноги, бросали;

Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счётнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу, съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «Кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое;
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ.»

— «Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далёко;
Мнѣ судьбина — умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ:
Онъ ко мнѣ не пишетъ...
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ!
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель!»

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчёю;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Лёгкою рукою —
Упадётъ съ дверей запоръ:
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна —
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Тёмно въ зеркалѣ; кругомъ
Мёртвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнёмъ
Чуть лiётъ сiянье.
Робость въ ней волнуетъ грудь:
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи.
Съ трескомъ вспыхнулъ огонёкъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ.
Вотъ, легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то — чудилось — блеститъ
Яркими глазами.
Занялся отъ страха духъ:
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, лёгкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса:
Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась — милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей!
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ: попъ ужь въ церкви ждётъ,
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поётъ;
Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ.
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли. Кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;

От копытъ ихъ поднялась
  Вьюга надъ санями:
Скачутъ. Пусто всё вокругъ:
  Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
  Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
  «Что ты смолкнулъ, милый!»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
  Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
  Топчутъ снѣгъ глубокій.
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
  Видѣнъ одинокій.
Двери вихорь отворилъ:
  Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
  Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ — чорный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
  «Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ...
Кони — мимо; другъ молчитъ,
  Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
  Снѣгъ валитъ клоками;
Чорный вранъ, свистя крыломъ,
  Вьётся надъ санями;
Воронъ каркаетъ: «печаль!»
  Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ тёмну даль,
  Подымая гривы.
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ:
Видѣнъ мирный уголокъ,
  Хижина подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй —
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
  Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися — и вмигъ
  Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
  Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ
  Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ —
  Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ...
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
  Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ:
Дверь шатнулася, скрипитъ —
  Тихо растворилась.

Что жь? — въ избушкѣ гробъ: накрытъ
  Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
  Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! чтó съ тобой?
  Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
  Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
  Спасу помолилась,
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми въ уголкѣ
  Робко притаилась.

Всё утихло: вьюги нѣтъ.
  Слабо свѣчка тлится:
То прольётъ дрожащій свѣтъ,
  То опять затьмится.
Всё въ глубокомъ, мёртвомъ снѣ —
  Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана! — въ тишинѣ
  Лёгкое журчанье.
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
  Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
  Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло всё опять кругомъ...
  Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
  Мёртвый шевелится.
Сорвался покровъ: мертвецъ
  (Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
  Затворёны очи.
Вдругъ — въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
  Руки охладѣлы...
Что же дѣвица? — дрожитъ:
Гибель близко... Но не спитъ
  Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Лёгкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ:
Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами.
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глядь Свѣтлана — о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ!
Ахъ! — и пробудилась.

Гдѣ жь? — у зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьётъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Всё блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину.
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей —
Радость иль кручину?»

Сѣла — тяжко ноетъ грудь —
Подъ окномъ Свѣтлана:
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу! въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ-будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе — вотъ ужь у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идётъ:
Кто? — женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; всё тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жь любовь въ его очахъ,
Тѣ жь пріятны взоры,
Тѣ жь на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жь, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ
Вѣрные обѣты!
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши въ ладъ,
Пойте: «многи лѣты!»

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса —
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы:
Слава — насъ учили — дымъ;
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ,
Счастье — пробужденье.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснётся!
Въ ней душа, какъ ясный день...
Ахъ! да пронесётся
Мимо бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь весёлость, какъ была,
Дней ея подруга!

XI.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГРОМОБОЙ».

1.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ него дремучій боръ;
Утёсы подъ ногами;

Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подёрнутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ тёмный лѣсъ
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжолый несть...
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ — сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды...
Усталъ я: въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды.»

Готовъ онъ прянуть съ крутизны —
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ тёмной бора глубины
Выходитъ привидѣнье,
Старикъ съ шаршавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идётъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою —
И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
Зря диво предъ собою.

— «Куда?» невѣдомый спросилъ.
— «Въ волнахъ скончать мученья».
— «Почто жь, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?»
— «Кто ты?» воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— «Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея.»
— «Творецъ небесный!» — «Удержись:
Въ молитвѣ нѣтъ отрады!
Забудь о Богѣ — мнѣ молись:
Мои вѣрнѣй награды.

«Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю.
Къ тебѣ не жалостливъ Творецъ —
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

«Клянусь! — свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу.
А ты, мой другъ, за-то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.»
Невольно вздрогнулъ Громобой;
По членамъ хладъ стремится;
Земли не взвидѣлъ подъ собой;
Нѣтъ силъ перекреститься.
«О чёмъ задумался, глупецъ?»
— «Страшусь мученій ада.»
— «Но рано ль, поздно ль — наконецъ
Всё адъ твоя награда.

«Тебѣ на свѣтѣ жить — бѣда;
Покинуть свѣтъ — другая;
Останься здѣсь, поди туда —
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ — бредни; веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведёмъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ нёмъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

«Тебѣ я теремъ пышный дамъ
И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придутъ къ тебѣ толпою;
И — словомъ — вздумалъ, загадалъ
И всё передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелёкъ:
Въ нёмъ вѣчно будетъ злато!
Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

«Когда жь послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою —
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою.»
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,

И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье:
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши: «до свиданья!»

2.

Увы! ужь и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь тёмную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ.
Всё тихо, весело, свѣтло,
Всё нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами лёгкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье;
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылёкъ
И пьётъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами.
«О рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!
Сойдитесь, дѣти, одръ отца
Съ молитвой окружите
И предъ судилище Творца
Стенанія пошлите.
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
Взывайте: «Искупитель,
Смягчи грозящій гнѣва зракъ!
Не будь намъ строгій мститель!»

И страшнаго одра кругомъ —
Гдѣ блѣденъ, изможжённый,
Съ обезображеннымъ челомъ,
Всѣ кости обнажонны,
Брада до чреслъ, власы горой,
Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
Съ утра до поздней ночи —
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
На небо устремили
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
Такъ ангелы спасенья,
Внемля раскаянья слезамъ,
Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ —
И, утомлёнъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
«Отыди съ упованьемъ!»

И дѣвы чистыя душой,
Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
Ещё молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
Сіянія денницы —
Но взоръ недвижный угасалъ,
Смыкалися зѣницы.

— «О дѣти, дѣти, гаснетъ день!»
— «Нѣтъ — утро лишь проснулась
Заря на холмѣ; чорна тѣнь
По долу протянулась
И нивы пусты — въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьётся.»
— «Увы! заутро въ красотѣ
Опять сей день проснётся;
Но мы — ужь скрылись отъ земли,
Ужѐ насъ гробъ снѣдаетъ
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

«Несчастныя, дерзну ль на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу.
Молитесь — воззовёмъ къ Творцу:
«Разгнѣванный, помилуй!»
И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: «помилуй!»

— «О дѣти, дѣти, ночь близка!»
— «Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;

Молчатъ поля, въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно.»
— «Мнѣ чудится надгробный стонъ.»
— «Всё тихо и спокойно;
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ.»

— «О дѣти, свѣтлый день угасъ!»
— «Ужь солнце за горою;
Ужь по закату разлилась
Багряною струёю
Заря и съ пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходитъ;
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ;
Въ долинѣ сумракъ бродитъ.»
— «О вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли: взоръ не узритъ мой
Тебя ужь въ поднебесной!

«О дѣти, дѣти, ночь близка!»
— «Заря ужь догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка;
Окрестность поблѣднѣла
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью.»
— «Спасите! полночь бьётъ!» — «Звонятъ
Въ обители къ моленью;
Отцы поютъ хвалебный гласъ;
Огнями храмъ блистаетъ.»
— «При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
Къ Тебѣ, Творецъ, взываетъ!

«Не тьмится ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль чорны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьётся ль прахъ летучій?»
— «Всё тихо; служба отошла —
Обитель засыпаетъ;
Луна полъ неба протекла
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Луга, поля безмолвны;
Огни потухнули въ селѣ
И рощи спятъ и волны.»

И всюду тишина была —
И вся природа, мнилось,
Предустрашонная ждала,
Чтобъ чудо совершилось.

И вдругъ — какъ будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
Чуть тронулъ зыбь потока —
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ:
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы Серафимъ
Эфирными перстами.

XI.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ».

Погибъ Ерусалимъ — и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ —
Народъ въ его толпу, изъ за ограды
Исторгшись, врѣзался и, съ ней сцѣпившись,
Въ слѣдъ за собой её вовлёкъ въ средину
Ограды. Бой ужасный, грудь на грудь,
Тутъ начался — и, наконецъ, спасаясь,
Вкругъ Скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы — отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ. Тутъ увидѣлъ
Я несказанное: подъ святотатной
Рукою Скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное оку
Дотоль — ковчегъ завѣта. Въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ и въ Скинію пожаръ
Ворвался. Мы, весь гибнущій Израиль
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слилися крикъ, одни — завывъ отъ горя,
А тѣ — заликовавъ отъ торжества
Побѣды. Вся гора слилася въ пламя
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій, змій, чернѣло войско Рима —
И въ этотъ мигъ всё для меня исчезло:
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ, почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились.
Безпамятство мной овладѣло. Долго ль
Продлилося оно — не знаю. Я
Пришолъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ всё
Въ одно смѣшалося страданье. Боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запёртаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла

Возстановляющей, при страшной мукѣ
И голода, и жажды — это всё
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятённомъ, судорожномъ снѣ, безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ.
Какъ тяжкой грёзой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ
Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ: разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя. Межъ нихъ лежали
Долины; всѣ они покрыты были
Обломками, какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившійся съ неба,
Незапно завалилъ; и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живого человѣка —
То былъ Ерусалимъ! Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза — а я,
Её увидя, весь затрепеталъ.
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: «ты будешь жить,
Пока Я не приду.» Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину.
Я буду жить! Я буду жить, пока
Онъ не придётъ! Какъ жить? Кто Онъ? Когда
Придётъ?... И всё грядущее моё
Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Моё минувшее исчезло всё:
Всё жившее со мной убито; тамъ
Ничто ужь для меня не оживётъ
И не родится; жизнь моя вся будетъ
Какъ этотъ мёртвый трупъ Ерусалима:
Безъ смерти жизнь. Я въ бѣшенствѣ завылъ,
И бѣшенное произнёсъ на всё
Проклятіе. Безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней —
И всё утихло. Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо — и невольно,
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ, въ ея
Сіяньѣ тайную отрады каплю
Я, съ смертоноснымъ питіёмъ хулы
И страшныхъ клятвъ, испилъ; но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья?
О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптaлъ, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ! Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ слова̀
Страдальца Іова я повторялъ:
„Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался! Да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдётъ ей день, ей незапершей
Меня родившую утробу! «А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаётъ его —
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ. Передо мною всё
Рождалося и въ часъ свой умирало;
День умиралъ въ зарѣ вечерней, ночь
Въ сіяньи дня. Сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ,
Когда съ деревьевъ падалъ листъ. Всё, въ чёмъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью; одна лишь смерть
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть —
Всему, что̀ жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть. Но жизнь, жизнь
Всего живущаго я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на творенье, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца,
И съ несказа̀нной ненавистью противъ
Распятаго, отчаянно пошолъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Гонимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими не убивая,

И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждой влекомый,
Я шолъ вперёдъ, безъ воли, безъ предмета
И безъ надежды гдѣ остановиться,
Или куда дойти. Я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ и не просилъ. Какъ нищій,
Я побирался. Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ
Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ея не донесу.
И, вмѣстѣ съ смертію, былъ у меня
И сонъ, успокоитель жизни, отнятъ.
Что днёмъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятіе, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце, боль — то̀ въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стоя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами, ночи: тамъ —
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
Встающая одна, межъ одинокихъ
Подобно ей потеряныхъ въ пространствѣ,
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; всё во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!» то было крикомъ,
Морчъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ
На горькую мнѣ зависть, гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушонный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Своё меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я въ надеждѣ тамъ погибнуть;
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утёсы; я же
Былъ пощажонъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что, можетъ-быть,
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьмётъ — и съ чумными въ больницѣ душной
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала.
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шолъ;
Вдругъ раскалённое затьмилось небо
И солнце въ нёмъ исчезло: вихрь
Песчаный набѣжалъ отъ горизонта
На насъ. Храпя, въ песокъ уткнули морды
Верблюды, люди пали ницъ. Я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.

К. Н. БАТЮШКОВЪ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился 18-го мая 1787 года въ Вологдѣ, оттуда ещё ребёнкомъ былъ привезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ частный пансіонъ Жакино, въ которомъ онъ довольно хорошо ознакомился съ языками французскимъ и итальянскимъ. Пробывъ четыре года въ названномъ пансіонѣ, Батюшковъ поручёнъ былъ, для окончанія воспитанія, учителю Морского училища Триполи: здѣсь къ первымъ двумъ языкамъ прибавились ещё латинскій и нѣмецкій, такъ что Батюшковъ въ девятнадцать лѣтъ уже обладалъ достаточнымъ запасомъ знаній, особенно по части литературы. Службу свою Батюшковъ началъ съ канцеляріи графа Завадовскаго, перваго министра народнаго просвѣщенія; но вскорѣ дядя его, М. Н. Муравьовъ, бывшій въ это время кураторомъ Московскаго университета, перевёлъ его къ себѣ письмоводителемъ. Первые литературные опыты молодого Батюшкова относятся къ 1805 году. Въ 1806 году онъ опредѣлился въ Петербургскую милицію, причёмъ познакомился съ Петинымъ, дружественныя отношенія къ которому не прерывались съ-тѣхъ-поръ до самой смерти Пети-

на, убитаго въ 1813 году подъ Лейпцигомъ. Въ 1807 году Батюшковъ выступилъ въ Прусскій походъ, въ продоженіе котораго участвовалъ въ двухдневномъ сраженіи на берегахъ Пасарги (24-го и 25-го мая) и въ кровопролитной битвѣ при Гейльсбергѣ (29-го мая), причёмъ былъ опасно раненъ, что̀ принудило его воротиться въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ перешолъ на службу лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ, и въ началѣ 1808 года уже былъ въ Финляндіи, дикія красоты природы которой произвели весьма сильное впечатлѣніе на поэта, какъ это видно изъ его «Отрывка изъ писемъ о Финляндіи» и перевода элегіи Матиссона: «На развалинахъ за̀мка въ Швеціи». По заключеніи мира, Батюшковъ оставилъ военную службу, а въ 1811 году получилъ мѣсто библіотекаря въ Императорской Публичной Библіотекѣ, что̀ позволило ему снова обратиться къ литературнымъ занятіямъ. Въ началѣ 1813 года онъ снова вступилъ въ военную службу и, состоя адъютантомъ при извѣстномъ генералѣ Раевскомъ, принималъ участіе въ бо̀льшей части сраженій кампаній 1813 и 1814 годовъ. Но и среди военныхъ трудовъ онъ находилъ время заниматься поэзіею. Къ этому времени относятся его стихотворенія: «Плѣнный» и «Переходъ черезъ Рейнъ». По взятіи Парижа, Батюшковъ возвратился въ Петербургъ черезъ Англію и Швецію, описавъ отплытіе своё изъ Лондона въ прелестной элегіи «Тѣнь друга». Въ 1816 году онъ окончательно оставилъ военную службу и весь періодъ времени по 1818 годъ прошолъ для него въ занятіяхъ поэзіей. Къ этому времени относятся, между-прочимъ, лучшее его стихотвореніе: «Умирающій Тассъ» и обѣ сатирическія пьесы: «Видѣніе на берегахъ Леты» и «Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славяноросcовъ». Время съ 1818 по 1822 годъ провёлъ онъ въ Неаполѣ и Римѣ, находясь при русскомъ посольствѣ, къ которому онъ былъ причисленъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Принимая эту новую должность, Батюшковъ думалъ поправить перемѣною климата своё разстроенное здоровье; но, увы! здоровье его не поправлялось, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ всё становилось хуже. Въ 1823 году, во время пребыванія его въ Симферополѣ, замѣчены были въ нёмъ первые признаки умственнаго разстройства. Отсюда родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и провёлъ всё остальное время жизни, то-есть — цѣлые тридцать два года. Первое время болѣзненное состояніе его было весьма тревожно, но потомъ оно перешло въ болѣе спокойное и ни для кого не опасное состояніе, которое не покидало его до самой смерти, послѣдовавшей 7-го іюля 1855 года въ Вологдѣ. 1820 годъ былъ послѣднимъ годомъ литературной дѣятельности Батюшкова. Сочиненія его были изданы три раза: 1) «Опыты въ стихахъ и прозѣ», 2 ч., 1817; 2) «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ», 2 ч. Спб. 1834; 3) «Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ: Сочиненія К. Батюшкова», 2 ч. Спб. 1850. Пьесы, не вошедшія въ эти изданія, указаны М. Н. Лонгиновымъ въ «Матеріалахъ для полнаго изданія сочиненій Батюшкова» («Русскій Архивъ», 1862, вып. 12).

I.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ окованныхъ мечтами:
Но я — не къ счастью пробуждёнъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ вѣющій съ полей,
Ни быстрый лётъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива —
Ничто души не шевелитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви — холодными словами.

II.

РАЗЛУКА.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.
Ахъ! небо чуждое не лечитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край и грозный океанъ
Кругомъ меня роптатъ и волновался;
Напрасно, отъ бреговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою;
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщённыхъ,

Въ страну, гдѣ Тирасъ бьётъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащённыхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ
И слово, звукъ одинъ, прелестныхъ звукъ рѣчей
Меня мертвитъ и оживляетъ.

III.

НАДЕЖДА.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся—будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провёлъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, Кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду,
И силу — въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вёлъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезёю потаенной
И, въ бурѣ пламенныхъ страстей,
Былъ мой вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его всё даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Всё — даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ — надежда лучшей жизни!
Когда жь узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струёй небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

IV.

КАРАМЗИНУ.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ —
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ — и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Өукидидъ,
Любимый отрокъ аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты
И на горящія ланиты,
Какія слёзы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

V.

ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
За кораблёмъ вилася гальціона
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ —
Всё сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ — то былъ ли сонъ? — предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И всё небесное душѣ напоминало.

«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты ль это», я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее всё было сонъ, мечтанье,
Всё, всё — и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершонный дружбою въ твоё воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Ещё мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!»
И я летѣлъ къ нему — но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
Исчезъ — и сонъ покинулъ очи.
Всё спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подёрнутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей
И всё душа за призракомъ летѣла,
Всё гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

VI.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течётъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ — пѣвецъ «Ерусалима».
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слёзы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды —
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, ещё въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждётъ пѣвца безвременно кладбище —
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы тополи, вы древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми граждалъ вселенной —
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній —
Ты помнишь, сколько слёзъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ-тѣхъ-поръ, добыча злой судьбины
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ.
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на землѣ пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающи пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простого,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,

Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удручённой,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обречённой.
«Друзья, но чтó мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошолъ ужасный путь
И чтó за мной ещё во мракѣ блещетъ?
Феррара... фуріи... и зависти змѣя!
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слёзы ихъ и сладкія лобзанья—
И въ Капитоліи Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъярённымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней;
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостныхъ восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Готфридъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младой Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель —
И тартаръ низложонъ сіяющимъ крестомъ!
О, доблести неслыханной примѣры!
О, нашихъ праотцовъ, давно почившихъ сномъ,
Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ — и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обречёнъ,
Рукою музъ и славы соплетенный.
Но поздно: я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!»

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ всё искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ ещё приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужь къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало:
Часъ смерти близился — и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
И, оживлёнъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
«Смотрите», онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ:
«Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зовётъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ.
Ужь ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ:
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами.
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ!
Молитеся съ надеждой и слезами!
Земное гибнетъ всё — и слава и вѣнецъ...
Искуствъ и музъ творенья величавы...
Но тамъ всё вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ всё великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣплёнъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ — о счастіе! — средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали;
День тихо догоралъ — и колокола гласъ
Разнёсъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали:
«Погибъ Торквато нашъ!» воскликнулъ съ плачемъ Римъ:
«Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!»
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ —
И трауромъ покрылся Капитолій.

Н. И. ГНѢДИЧЪ.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, знаменитый переводчикъ «Илліады», родился 2-го февраля 1784 года въ Полтавѣ, началъ своё воспитаніе въ тамошней семинаріи, продолжалъ его въ Харьковскомъ

коллегіумѣ и окончилъ въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь-то, сидя на одной скамейкѣ съ будущими дѣятелями русской литературы, Милоновымъ, Кошанскимъ и Буринскимъ, ознакомился онъ, подъ руководствомъ Мерзлякова, съ древней и новой русской словесностью; здѣсь-то изучилъ онъ языки латинскій и, въ особенности, греческій, основательное знаніе котораго увѣнчало его, впослѣдствіи, незыблемой славой переводчика «Илліады». Здѣсь же обнаружилась его любовь къ драматическому искусству, выраженная прекрасной декламаціей и мастерскимъ исполненіемъ нѣкоторыхъ трагическихъ ролей на сценѣ университетскаго театра. Эта любовь къ сценическому искусству выразилась и въ первыхъ литературныхъ попыткахъ Гнѣдича, заключавшихся въ переводѣ двухъ трагедій: «Абюфара» — Дюсиса (М. 1802) и «Заговора Фіеско въ Генуѣ» — Шиллера (М. 1803). Къ тому же времени относится оригинальный его романъ: «Донъ Коррадо де Геррера» (2 ч. 1803). По окончаніи курса въ 1803 году, Гнѣдичъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Не смотря на служебныя занятія, отнимавшія у него довольно много времени, литературныя занятія Гнѣдича шли своимъ чередомъ, съ тою только разницею, что сочиненія его стали появляться, вмѣсто московскихъ, въ петербургскихъ журналахъ: «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804—1805), «Журналѣ Россійской Словесности» (1805) и «Лицеѣ» (1805). Какъ на болѣе замѣчательныя изъ нихъ, можно указать на «Послѣднюю пѣснь Оссіана», переведённую размѣромъ русскихъ пѣсенъ, и «Красоты Оссіана», помѣщённыя въ первомъ изъ этихъ журналовъ (1804, №№ 1 и 4 и 1805, № 4). Въ 1805 году онъ ѣздилъ на родину, въ Полтаву, гдѣ написалъ «Пѣснь при гробѣ матери», напечатанную въ 12 № «Цвѣтника» на 1809 годъ. Стихотвореніе это очень трогательно передаётъ нѣжныя чувства сына, оставшагося съ колыбели «въ печальномъ мірѣ сиротою» и усыновлённаго «суровой мачихой-судьбою». Доставшееся ему, послѣ смерти отца, небольшое населённое имѣніе въ 30 душъ крестьянъ, онъ передалъ своей нѣжно-любимой сестрѣ. Но она скоро умерла, и тогда вся привязанность поэта перешла на ея дочь — «единственную вѣтвь родимой крови», «послѣднюю привязанность земную». Но когда, въ 1826 году, и эта послѣдняя вѣтвь сломилась и завяла, онъ излилъ своё горе въ элегіи: «На смерть дочери покойной сестры». Вскорѣ по возвращеніи изъ Малороссіи, Гнѣдичъ сошолся съ извѣстной драматической актрисой Е. С. Семёновой (впослѣдствіи княгиня Гагарина). Дружба эта длилась 18 лѣтъ, и его-то просвѣщённымъ совѣтамъ и постоянному участію въ изученіи драматическихъ характеровъ, эта артистка одолжена значительной долей той славы, которую она пріобрѣла при исполненіи ролей Клитемнестры, Медеи, Моины, Ксеніи и другихъ. Для нея Гнѣдичъ возвратился къ занятіямъ первой своей молодости: въ 1808 году онъ напечаталъ свою передѣлку трагедіи Шекспира «Король Лиръ», подъ названіемъ «Леаръ», а въ 1816 — переводъ трагедіи Вольтера «Танкредъ». Обѣ пьесы имѣли громадный успѣхъ на сценѣ, благодаря двумъ сильнымъ дарованіямъ, исполнявшимъ главныя роли — Яковлеву и Семёновой.

Но важнѣйшимъ трудомъ Гнѣдича, прославившимъ его имя и добывшимъ ему почётное мѣсто въ исторіи русской литературы, былъ переводъ «Илліады». Очарованный красотами поэмы Гомера, Гнѣдичъ задумалъ познакомить съ ними и русскую публику. Сначала онъ хотѣлъ продолжать и окончить переводъ Кострова, который въ то время находили очень хорошимъ. Такъ-какъ до 1811 года, когда были найдены и напечатаны 7, 8 и 9 пѣсни, существовало всего шесть пѣсенъ «Илліады» въ переводѣ Кострова, то Гнѣдичъ и началъ свой переводъ съ седьмой пѣсни, которая была окончена въ 1809 году и тогда же отпечатана отдѣльной книжкой. Какъ эту пѣсню, такъ и слѣдующія до одиннадцатой и начало одиннадцатой перевёлъ онъ, по примѣру Кострова, александрійскими стихами. Переводъ Гнѣдича былъ встрѣченъ единодушными похвалами критики и публики, причёмъ тотчасъ было замѣчено всѣми его явное превосходство надъ переводомъ Кострова, считавшимся классическимъ. Но, тѣмъ не менѣе, Гнѣдичъ уже ясно сознавалъ всю бѣдность выбраннаго имъ стихотворнаго размѣра, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и невозможность передать имъ въ точности красоты подлинника. Сомнѣнія мучили поэта. Мысль о гекзаметрѣ хотя и приходила ему въ голову, но несчастный опытъ Тредьяковскаго наводилъ его на другія мысли. Наконецъ, письмо С. С. Уварова, напечатанное въ 13 № «Чтеній» на 1813 годъ, разсѣяло окончательно всѣ сомнѣнія нашего переводчика и убѣдило его въ необходимости замѣнить однообразный шестистопный ямбъ эпическимъ стихомъ древнихъ грековъ. И вотъ Гнѣдичъ совершаетъ подвигъ по истинѣ изумительный: онъ уничтожаетъ свой многолѣтній трудъ старый, риомованный

переводъ четырёхъ съ половиною пѣсенъ «Илліады» и принимается за новый переводъ той же поэмы, размѣромъ подлинника, начиная съ первой пѣсни. Онъ съ настойчивостью предаётся выполненію принятой имъ на себя задачи и, употребивъ на переводъ болѣе 20 лѣтъ, оканчиваетъ его въ 1828 году, а спустя годъ выпускаетъ его въ свѣтъ въ двухъ большихъ томахъ. Но и во время этой работы, поглощавшей почти всё его время, онъ успѣвалъ ещё писать и печатать другія сочиненія. Такъ, напримѣръ, въ 1817 году, онъ издалъ отдѣльной книжкой поэму «Рожденіе Гомера»; въ 1822 — напечаталъ, въ восьмой книжкѣ «Сына Отечества», свою извѣстную идиллію «Рыбаки», обратившую на себя общее вниманіе и вызвавшую обширный разборъ въ «Благонамѣренномъ», а въ 1825 году издалъ свой переводъ «Простонародныхъ пѣсенъ нынѣшнихъ грековъ».

Между-тѣмъ, въ 1817 году Гнѣдичъ оставилъ службу въ департаментѣ, такъ-какъ и на службу въ Императорской Публичной Библіотекѣ у него едва хватало времени. Впрочемъ, директоры ея, графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ, по свидѣтельству Лобанова, біографа Гнѣдича, требовали отъ него не столько службы, сколько «Илліады», зная, что обогащеніе отечественной литературы такимъ произведеніемъ есть служба тому же отечеству. Гнѣдичъ никогда не пользовался хорошимъ здоровьемъ; но въ послѣдніе годы онъ ещё болѣе разстроилъ его постояннымъ умственнымъ напряженіемъ и сидячею жизнью. Къ физическимъ страданіямъ присоединились ещё и душевныя — тоска одиночества. Въ 1825 году, Гнѣдичъ, по совѣту врачей, ѣздилъ на Кавказъ и пользовался, въ теченіе лѣта, тамошними минеральными водами, но безъ всякой пользы. Въ 1826 году онъ переѣхалъ въ Одессу, прожилъ тамъ почти два года и возвратился въ Петербургъ, значительно поправивъ своё здоровье. Въ 1831 году здоровье его снова разстроилось — и поэтъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго двустишія, сказаннаго имъ при погребеніи Дельвига:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моей частью.
Жилъ я чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить.

Въ 1832 году Гнѣдичъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ, причёмъ многіе изъ нихъ исправилъ. Съ наступленіемъ 1833 года, въ альманахѣ «Альціона» появилось послѣднее его стихотвореніе, его лебединая пѣснь — «Ласточка», а 3-го февраля того же года — Гнѣдича не стало. Тѣло его погребено на новомъ кладбищѣ Александро-невской Лавры. «Сочиненія Гнѣдича» были изданы въ 1854 году Смирдинымъ въ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», въ одномъ томѣ съ сочиненіями Хемницера. Изданіе не полное, и сдѣлано весьма небрежно. Пьесы, пропущенныя въ этомъ изданіи, указаны М. Н. Лонгиновымъ въ его статьѣ: «Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Гнѣдича». («Русскій Архивъ», 1863, вып. 11 и 12.) «Илліада» въ переводѣ Гнѣдича была издана три раза: въ 1829, 1839 и 1862 годахъ.

РЫБАКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.
На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края родного,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ и нужду и трудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада:
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Въ тѣ тайныя чувства минуты, когда вдохновенье
Отъ неба нисходитъ и душу любимца тревожитъ;
Въ часъ утра златого, какъ день загорался на небѣ,
И всё на землѣ воскресало для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, смотря и безмолвно дивуясь
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба,
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя вёсла,
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба

Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу,
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, тёмныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшую даль уносились!
По долгомъ молчаньи къ устамъ поднёсъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поёшь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота — другая неволя; но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями ль, милый, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Доброе имя!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

И бѣдность.
Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда бъ не пришли на семью его чорные годы:
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А кто же помогъ намъ? и кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Такъ что же, товарищъ!
Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыселъ отцовскій?
Но промыселъ рыбачій есть промыселъ и чистый и честный:
Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаётъ неподдѣльный.
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжолъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь — выплачешь легче.
Опомнись, землякъ! что скажетъ и мать, какъ услышитъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори — обижаешь.
Рыбачій я промыслъ люблю, и его не чуждаюсь:
Быть-можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди.
Ихъ слушаютъ часто, на шлюбкахъ по взморью гуляя,
Бояре градскіе; ихъ любятъ всѣ добрые люди:
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,
Сѣдая брада и волосы до̀ плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ
И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струна̀мъ рокоталъ, молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы,
Въ рукахъ задрожала струнчатая козба — и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли.
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю, стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь, думный
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слёзы.
О, кто бы меня научилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!

Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые —
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятся гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьёмъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведётъ и зальётся!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю своё ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ!
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худого?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства: её не боюся.
Поколѣ жь есть руки, я ихъ не простру за подачей.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь: рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша прибыль.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Что правда, то правда; но день вѣдь ещё не окончепъ;
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьётся?
Вѣдь это не къ худу: о, ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ:
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на лёгкую лодку, беру я и сѣти и уды.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Разстаюсь ли я съ нею?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Худое предвѣстье!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Да ласточка вѣстница стастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной и щебечетъ и вьётся.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится и рыба стадами играетъ.
«Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука!»
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце,
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодого.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залило рощи и домы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ.
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,
Какъ-будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щёки
Едва оттѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно: повѣяла свѣжесть; на невскія тундры
Роса опустилась, а рыбаря нѣтъ молодого.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью вёселъ
Нева ни колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ — всё тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раздаётся,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни протяжный промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Всё спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьётся;
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря-старца.
Котёлъ у огнища стоитъ уже снятый съ треноги:
Старикъ заварилъ въ нёмъ уху, въ ожиданіи друга;

Уха, ужь остывши, подёрнулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ сребродводной.
Соскучилъ старикъ, безпокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ;
Лить началъ уху — черезъ край, призадумавшись, пролилъ
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ —
Шумъ вёселъ раздался — и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай выгружаться!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Люби тебя Богъ, наваждённый свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навёлъ ты.
Пропасть до полночи? Я, Богъ знаетъ, что̀ передумалъ.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А что же ты думалъ?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!
По Новой-Деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ телѣги.
И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно,
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеко ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ водяные!
А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса? Здорово! дай руку, товарищъ!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
Иль сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что — щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ, признавайся,
Разсказывай всё. Но на челнѣ, какъ видится, неводъ?
Ты невода не̂ бралъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О неводѣ послѣ, товарищъ!
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Свирѣль дорогая, сдаётся; ужели купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ: навѣрно бояринъ
Её обронилъ. Дорогая, заморской работы,
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ.
На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты бъ вывелъ!
Сознай ты её, объяви, чтобъ тебя не клепали:
Чужое добро не въ корысть.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не присвою чужого:
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ
Мои.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Перестань, молодой: старика ты морочишь.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю — какому?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И за что бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Да молви же, кто? Не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идётъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ!
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.

Оттолѣ намъ видны далёкія рощи и мызы
По брегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу моё слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы.
Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ и, въ правду, стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счётъ ужь терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьёй очутился я. Ночь между-тѣмъ наступала,
Чудесная ночь: ни единой звѣзды на лазури,
А сребряный свѣтъ разливался по небу ночному.
Всё было такъ тихо: не дрогнулъ ни листъ на осинѣ,
Всё было безмолвно. И вотъ надъ Невою недвижной
Понёсся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало; и началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межь древами
Почулся мнѣ шорохъ — и слуги боярскіе вышли
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую —
Огромную щуку и окуней несть краснопёрыхъ.
«Не съ рыбой, съ свирѣлью!» весёлые вскрикнули слуги:
«Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.»

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Боялся, товарищъ: въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ тѐремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ — и пролилъ онъ въ душу
Весёлость и смѣлость. Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы прелестныя только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій —
Чудесный, прозрачный, какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
Что нá небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ нёмъ старецъ-бояринъ *) сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумёртвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ и слёзы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
«Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь;
Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.
Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную сельскую пѣсню!»
Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю.
Отъ радости всё позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила.
Взыгралъ я — и пѣснь разлилась по зелёному саду.
И вотъ мнѣ награда.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Постой, товарищъ: ты видишь,
Досадныя слёзы мѣшаютъ мнѣ слушать. Ну, далѣ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
«Кто былъ твой учитель?» измолвилъ онъ. «Богъ!» отвѣчалъ я.
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую:
«Играй», мнѣ промолвилъ: «безъ Бога, какъ ты, не играютъ.
Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для пѣсней?
Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.»
«Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и чистый и честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
«Разумныя рѣчи», бояринъ мнѣ весело молвилъ:
«За нихъ я тебя дарю ещё неводомъ новымъ;
Ты жь лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу.»

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Какъ сказку я слышу! Правдиво предвѣстіе птицы!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово.
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. Молчишь ты, любезный!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Усталъ я
Отъ радости сердца. Скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

*) Графъ А. С. Строгоновъ.

А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

Александръ Ѳёдоровичъ Воейковъ, авторъ сатиры «Домъ Сумасшедшихъ» родился 15-го ноября 1779 году, воспитывался въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, и считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ заведенія. Здѣсь же возникла и развилась въ нёмъ любовь къ литературѣ. По выходѣ изъ заведенія въ 1795 году, онъ усердно принялся за чтеніе книгъ, почти исключительно французскихъ, и вскорѣ обогатилъ свой умъ разнообразными, хотя и поверхностными, знаніями, чѣмъ, по справедливости, могъ гордиться передъ многими современными ему писателями. Этимъ обстоятельствомъ, а также и тѣмъ, что онъ былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, А. А. Протасовой, объясняются его постоянныя связи съ лучшими людьми того времени: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ и другими. Хотя первое напечатанное стихотвореніе Воейкова относится къ 1797 году, но извѣстность его, какъ литератора, начинается только съ 1806 года, когда онъ напечаталъ въ 19-мъ нумерѣ «Вѣстника Европы» своё «Посланіе къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ». Затѣмъ, въ 1809 году, онъ перевёлъ «Исторію царствованія Людовика XIV и Людовика XV» Вольтера, а въ 1811 — издалъ «Образцовыя Сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей». До войны 1812 года Воейковъ постоянно жилъ въ Москвѣ, занимаясь переводомъ «Садовъ» Делиля, полный переводъ которыхъ появился въ свѣтъ въ 1816 году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ «Сады. Поэма въ 4-хъ пѣсняхъ Делиля». Въ началѣ отечественной войны онъ вступилъ въ военную службу, которую оставилъ по изгнаніи французовъ изъ Россіи и снова поселился въ Москвѣ. Къ этому времени (1814) относится первая редакція извѣстнаго его стихотворенія «Домъ Сумасшедшихъ». Въ 1815 году Воейковъ получилъ мѣсто профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, которое занималъ до 1820 года, то-есть до назначенія попечителемъ князя Ливена, послѣ чего переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, котораго уже не покидалъ до самой смерти. Въ періодъ времени, съ 1815 по 1826 годъ, онъ перевёлъ и помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1816 и 1817 года свой переводъ «Георгикъ» Виргилія и издалъ три «Собранія Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ», а съ 1821 года — сдѣлался журналистомъ, принявъ участіе въ изданіи журнала «Сынъ Отечества», который редактировалъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Затѣмъ, въ 1822 году, ему была поручена редакція «Русскаго Инвалида», остававшаяся за нимъ по день смерти. Кромѣ того, онъ издавалъ: «Новости Русской Литературы» (съ 1822 по 1826), «Славянина» (1827 по 1830) и «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду (съ 1831 по 1836). Послѣдніе годы своей жизни Воейковъ проводилъ въ постоянныхъ сѣтованіяхъ на судьбу и изливаніи желчи на своихъ враговъ, которыхъ у него было очень много, благодаря его «Дому Сумасшедшихъ». Воейковъ умеръ 16-го іюня 1839 года

I.

ПОСЛАНІЕ КЪ СПЕРАНСКОМУ.

Сперанскій, другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ: твой гербъ, твои чины
И слава — собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.
Однако же нельзя дворянство вздоромъ счесть,
Когда, съ заслугами соединяя честь,
Почтенный дворянинъ, блистая орденами,
Быть хочетъ, такъ-какъ ты, полезенъ намъ дѣлами:
Дворянство помнитъ онъ лишь только для того,
Чтобы достойнымъ быть отличія сего;
Заслуги праотцовъ своими умножаетъ —
И честь ихъ имени ещё свѣтлѣй сіяетъ.
Напротивъ, не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцовъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и граматы въ глазахъ честныхъ людей —
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль, предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ соревнованья;
Когда, безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ.
А между-тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ-будто онъ насъ царствомъ подарилъ,

И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ-будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.
Не ужь ли вѣчно мнѣ глупца сего щадить?
Однажды навсегда хочу его спросить:
Скажи, о дивный мужъ, отличное творенье,
Какія у людей животныя въ почтеньѣ?
Мы дорого цѣнимъ ретиваго коня
За-то, что статенъ онъ, горячъ, какъ пылъ огня,
За-то, что никогда въ бѣгу не утомлялся
И на ристалище стократно отличался;
Но будь Алфановъ онъ или Баярдовъ внукъ,
Да кляча по себѣ — тотчасъ сбываютъ съ рукъ:
Прощай почтеніе и къ племени и къ роду!
На нёмъ таща̀тъ дрова, или привозятъ воду.
Зачѣмъ же хочешь ты слѣпить насъ мишурой?
Родня великимъ ты — примѣры предъ тобой:
Румянцевъ и Орловъ среди громовыхъ звуковъ;
Въ посольствѣ князь Репнинъ, въ сенатѣ Долгоруковъ;
Спаситель Еропкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители наукъ — Шуваловъ, Муравьёвъ;
Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, вельможей образецъ,
Державинъ, славныхъ битвъ, любви, боговъ пѣвецъ.
Онъ движетъ въ насъ сердца, златыя движа струны:
Онъ нѣженъ, какъ любовь, и звученъ, какъ перуны.
Къ заслугамъ и къ честямъ премножество дорогъ.
Наслѣдникъ бабушкинъ и маменькинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь бариномъ самымъ дѣломъ,
Великихъ сихъ мужей поставь себѣ примѣромъ:
Будь честенъ, какъ они — и княжествомъ хвались,
Полезенъ обществу — и предками гордись.
Пусть бабушка твоя отъ крови будетъ царской,
А дѣдушкой роднымъ князь Курбскій иль Пожарскій:
Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь внучкомъ слыть;
Кто смѣетъ Минина породой укорить?
Но знай, что кто въ дѣда̀хъ считаетъ Геркулеса,
Не долженъ быть ни трусъ, ни глупая повѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ — ты, вѣчное пятно,
Безчестье праотцовъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благородный,
Отъ корня добраго гнилой сучокъ, негодный.
Остановись, мой духъ, въ досадѣ на бояръ!
Ты слишкомъ далеко простёръ сердечный жаръ!
Со знатнымъ будь всегда учтивѣе, скромнѣе
Смягчи же грубый гласъ, спроси его нѣжнѣе:
Какъ древность рода вы изволите считать?
«О, я за триста лѣтъ могу вамъ доказать —
И доказательство такъ явно и безспорно:
Дипломы, грамоты!...» Помилуйте, довольно!
А кто поручится, коль смѣть у васъ спросить,
Что не изволили прабабушки шалить
Надъ знаменитыми своихъ супруговъ лбами,
Простонародными украся ихъ рогами?
И не̂ было ли встарь удалыхъ молодцовъ,
Которые у сихъ почтенныхъ старичковъ
Чистѣйшей крови токъ въ теченьѣ возмутили?
Иль ваши праотцы другихъ счастливѣй были,
И въ длинный рядъ вѣковъ, на грѣшной сей земли,
Въ родство съ Лапсами ни разу не вошли?
Притомъ, какъ русскому, вамъ должно быть извѣстно,
Что мѣстничество здѣсь ни мало несовмѣстно;
Подъ скиптромъ благости для всѣхъ права даны:
Полезные сыны отечеству равны
И самый древній родъ, богатое наслѣдство
Не есть отличное для службы царской средство.
Но если какъ-нибудь ошибкой, или такъ,
И выйдетъ въ знатный чинъ лѣнивецъ иль дуракъ,
Почтенія къ нему ни мало не прибудетъ:
Онъ изъ простыхъ глупцовъ глупцомъ чиновнымъ будетъ.
Отечество моё, ты будешь ввѣкъ цвѣсти!
Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверстые пути
Ко смерти на бою, къ трофеямъ послѣ боя!
Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ Пётръ героя,
Который не родствомъ, а самъ собой блисталъ
И выборъ мудраго заслугой оправдалъ.
Пускай же мальчики болтаютъ и танцуютъ,
Потомки воиновъ всю жизнь провальсируютъ;
Пусть эти гордецы, безъ чести, безъ заслугъ,
Стараются набрать толпу большую слугъ,
Лакеевъ отличить ливрейными цвѣтами
И съ ногъ до головы обшить ихъ галунами:
Невѣждѣ нужно быть отличну отъ людей
Кафтановъ пестротой и статью лошадей;
Но горькіе плоды ихъ старость ожидаютъ,
Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.
Межь-тѣмъ, Сперанскій, ты, трудясь какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится ль съ тобой дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь да фейервѣрки жжётъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведётъ?
Сперанскій — ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель;
Ты — духомъ дворянинъ! Трудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюлліемъ, за Кольбертомъ ступай!
Не орденской звѣздой — сіяй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душою — не чинами!

Монарху славному со славою служи!
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ!

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ИСКУССТВА И НАУКИ».

Цвѣтами новыми одѣвшіе Парнассъ,
Поэты русскіе, благословляю васъ!
Хвала, о богатырь, намъ проложившій первый
Дорогу къ музамъ въ храмъ, дорогу въ храмъ Минервы!
У неба громъ отнявъ, постигнувъ бѣгъ кометъ,
Хотѣлъ ты, какъ Атлантъ, поднять на плеча свѣтъ.
Хвала: ты былъ для насъ Франклиномъ и Невтономъ,
И совмѣстилъ въ себѣ Пиндара съ Цицерономъ!
Хвала, Державинъ, битвъ, царей, любви пѣвецъ!
Анакреонъ — твой вождь, Горацій — образецъ.
Но нѣтъ — въ твоихъ стихахъ морозы и мятели,
Цвѣты въ проталинахъ, берёзы, сосны, ели
Пріятнѣе для насъ лилей и миртъ чужихъ!
Мы видимъ Фабіевъ и Кольбертовъ родныхъ
Въ твоёмъ Румянцовѣ, Шуваловѣ, Орловѣ,
Катона — въ Репнинѣ, Кромвеля — въ Годуновѣ.
Свой родъ поэзіи особый создалъ ты,
Въ которомъ всё твоё: ошибки, красоты.
Ты сбросилъ правила, какъ твой Суворовъ славный,
И, какъ Суворова, твой геній своенравный
Природа отлила въ особенный сосудъ:
Обоимъ подражать напрасный будетъ трудъ!

Хвала нашъ Дмитріевъ! Ты въ одѣ, пѣснѣ, сказкѣ,
По плану, ходу пьесъ, завязкѣ и развязкѣ,
Игривости ума, огню и остротѣ —
Классическій поэтъ! Ты смѣлъ безъ напряженій,
Блистателенъ, но простъ; изящный вкусъ твой геній.

А ты, объ Душенькѣ воспѣвшій намъ шутя,
Простосердечное харитъ и музъ дитя!
Ты самъ не ожидалъ, чтобы твоя бездѣлка,
Въ которой не блеститъ искусство и обдѣлка,
Которая тебѣ не стоила трудовъ,
Гдѣ всё достоинство — плѣнительность стиховъ,
Живой разсказъ, жаръ чувствъ, шутливость и небрежность,
На зло трудамъ, твою составила извѣстность.
Бездѣлка славная! Съ тобою Лафонтенъ,
Сразившись за неё, остался побѣжденъ.

И ты, не менѣе пріятный, больше страстный,
Нелединскій, пѣвецъ любови сладкогласный,
Анатомистъ души! Не блескъ, не остроты
Въ тебѣ плѣняютъ: грусть, таинственность мечты.
Живописуя страсть — весь пламень, весь ты чувство;
Скорбь сердца — твой талантъ, любовь — твоё искуство.
Пѣвецъ, ты награждёнъ не лавромъ, не хвалой —
Красавицъ чистою, сердечною слезой.

О, будь благословенъ, гонитель, бичъ пороковъ,
Отецъ россійскаго театра, Сумароковъ!
Не жди — слѣпымъ судьямъ не стану подражать;
Не стану я тебя Расиномъ называть;
Не стану опытовъ твоихъ равнять съ Вольтеромъ,
Или съ единственнымъ въ комедіяхъ Мольеромъ.
Желаю быть къ тебѣ не строгъ, а справедливъ:
Ты вѣчно незабвенъ; ты тѣмъ уже счастливъ,
Что первый Талію къ намъ призвалъ съ Мельпоменой
И первый овладѣлъ отечественной сценой;
Но грубъ и вялъ твой слогъ, невѣренъ часто вкусъ
И много ты писалъ, не спрашиваясь музъ:
Твои трагедіи — младенца лепетанье!

Фонвизинъ, острое твоё «Къ слугамъ посланье»
За славу бы почёлъ своимъ назвать Вольтеръ;
А въ «Недорослѣ» ты нашъ истинный Мольеръ.
Скажи, зачѣмъ писалъ стихами ты такъ мало?
Зачѣмъ терпѣнія въ тебѣ не доставало?
Въ отечествѣ у насъ одинъ ли Простаковъ?
Для ста комедій мы нашли бы чудаковъ.

Но что, какая вдругъ счастливая премѣна?
Льётъ въ душу жалость намъ и ужасъ Мельпомена!
Характеры, и планъ, и ходъ, и слогъ, и жаръ
Порукой за твоё искусство, вкусъ и даръ,
Безсмертный Озеровъ! Ты сердца зналъ пучину,
Ты Старна сотворилъ, Эдипа и Моину.
Душа моя болитъ за Ксенію твою;
Надъ Поликсеною изъ сердца слёзы лью;
Люблю Димитрія съ отважною душою;
Но смѣло признаюсь, мужъ славный, предъ тобою
Моя любимая трагедія — «Вадимъ».
Съ какою силою начертанъ Княжнинымъ
Новогородскій Брутъ и Цесарь величавой!
Одинъ — блистающій въ коронѣ чистой славой,
Свободу благостью заставившій забыть
И отъ безвластія власть спасшую любить,
Другой — свирѣпъ и яръ, какъ тигръ неукротимый,
По добродѣтелямъ за полубога чтимый:

Обоимъ славная, ужасная судьба!
И нерѣшонною осталася борьба
Величья царскаго съ величьемъ гражданина:
Корнелева пера достойная картина!

А вы, товарищи невинныхъ дней моихъ,
Участники пировъ весёлыхъ, молодыхъ,
Которые меня столь быстро обогнали
И лавромъ свѣтлое чело своё вѣнчали!
Далёкій на пути ко славѣ и честямъ,
Товарищъ прежній вашъ по сердцу близокъ къ вамъ:
Читая васъ, въ слезахъ, въ восторгѣ онъ трепещетъ
И вмѣстѣ съ цѣлою Россіей рукоплещетъ.
Ты, по степенности, по лѣтамъ старшій насъ,
Руководитель нашъ въ дорогѣ на Парнассъ!
Ты въ образованномъ кругу не мелочами,
Но здравымъ розыскомъ, учоными трудами
И преложеніемъ намъ древнихъ авторовъ
Стяжавшій честь — Лагарпъ россійскій, Мерзляковъ!
Когда бъ была въ тебѣ къ совѣтамъ друга вѣра,
То перевёлъ бы ты не Тасса, а Гомера.
О, сколько бы вѣнцовъ: Софоклъ и Эврипидъ,
Виргилій и Гомеръ, Біонъ и Ѳеокритъ!
Тогда бъ незрѣлыхъ ты не издалъ въ свѣтъ твореній:
Бюффонъ давно сказалъ: терпѣніе — есть геній.
Жуковскій! съ якоремъ, лилéей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
О небѣ говоришь, какъ-будто неба житель;
Указываешь путь изъ сей юдоли бѣдъ
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства.
Ты рѣжешь на мѣди для поздняго потомства;
Ты любишь трудное, играя, сыплешь ты
Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты.
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище
И мрачный лѣсъ — твоё любимое гульбище,
И сладокъ для тебя шумъ вѣтровъ и морей,
Но ты весёлый гость на пиршествѣ друзей.
О другъ, не позабудь, успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ!
Твой пламень не погасъ средь бѣдствій: пусть же вновь
Ярчѣй зажжётъ его счастливая любовь!
А ты, въ вѣнкѣ изъ розъ и съ прадѣдовской чашей
Пѣвецъ веселія и пиршествъ жизни нашей,
Роскошный Батюшковъ, плѣнительный твой даръ —
Любви, поэзіи, вина и славы жаръ!
Овидій сладостный, любимецъ музъ Горацій,
Анакреонъ и ты — вы вѣруете въ Грацій!
И дѣвы чистыя бесѣдуютъ съ тобой
На берегахъ Невы подъ тѣнью липъ густой —
И роза пышная на льду при нихъ алѣетъ,
И обрывать её косматый мразъ не смѣетъ,
И солнце яркое съ безоблачныхъ небесъ
Зимою нѣжиться зовётъ въ прохладный лѣсъ.
У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный,
И гордый нашъ языкъ, всегда тебѣ покорный,
Волшебникъ, подъ твоимъ перомъ игривымъ живъ,
Затѣйливъ, сладостенъ, и лёгокъ, и шутливъ.
Рисуя намъ любви и муку и блаженство,
Прелестный, пламенный твой слогъ есть совершенство!

И. И. КОЗЛОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Козловъ, авторъ «Чернеца» и «Натальи Долгорукой», родился 11-го апрѣля 1779 года въ Москвѣ. О дѣтствѣ Козлова извѣстно тó, что воспитаніе получилъ онъ дома, на пятомъ году отъ рожденія былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, а 19-го февраля 1795 года произведёнъ въ прапорщики. Затѣмъ, въ 1798 году былъ отчисленъ къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ губернскіе секретари и въ томъ же году произведёнъ прямо въ коллежскіе ассесоры, будучи въ то время всего двадцати лѣтъ отъ-роду. Это раннее повышеніе поощрило молодого человѣка къ дальнѣйшей служебной дѣятельности — и вотъ мы видимъ Козлова въ 1799 году служащимъ въ Герольдіи, а въ 1807 — въ канцеляріи московскаго главнокомандующаго, гдѣ онъ получаетъ, 13-го ноября того же года, чинъ надворнаго совѣтника. Около этого времени Козловъ познакомился съ славнымъ впослѣдствіи Жуковскимъ, только-что начавшимъ изданіе «Вѣстника Европы». Козловъ, умный, хорошо-образованный, любезный и весьма красивый молодой человѣкъ, бывшій душою свѣтскаго общества тогдашней Москвы, не могъ не обратить на себя вниманія Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что этотъ молодой человѣкъ кое-что смыслилъ въ поэзіи и сочувственно относился къ произведеніямъ тогдашнихъ свѣтилъ европейской литературы. Молодые люди сблизились — и вскорѣ искренняя дружба связала ихъ на всю жизнь. Само собою разумѣется, что дружба такого человѣка, какъ Жуковскій, не осталась безъ вліянія на впечатлительную натуру Козлова, будущаго пѣвца «Чернеца» и «Натальи Долгорукой», прославившихъ впослѣдствіи его имя. Въ 1809 году Козловъ женился на дочери бригадира С. А. Давыдовой, въ 1810 — сдѣлался отцомъ, а въ

половинѣ 1812 года, когда двунадесять языковъ, ведомыхъ новымъ Атилой, уже проникли въ самое сердце Россіи, былъ назначенъ состоять при комитетѣ для образованія военной силы Москвы; но 30-го августа, за три дня до вступленія непріятеля въ Москву, былъ уволенъ отъ службы, вмѣстѣ съ остальными чиновниками. Это побудило его удалиться съ семействомъ въ Рыбинскъ, подъ родственной кровъ родныхъ его матери, Хомутовыхъ. По изгнаніи полчищъ Наполеона изъ Россіи, Козловъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ 24-го іюля 1813 года поступилъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ Государственныхъ Имуществъ, а 7-го октября слѣдующаго года — произведёнъ въ коллежскіе совѣтники. Будучи всего 33 лѣтъ отъ-роду, Козловъ, въ виду настоящихъ служебныхъ своихъ успѣховъ, уже мечталъ о блестящей будущности, когда вдругъ ударъ паралича лишилъ его ногъ и приковалъ его къ одру страданій, съ котораго онъ уже не вставалъ болѣе. Но этимъ не ограничились бѣдствія Козлова. Спустя нѣкоторое время, онъ сталъ страдать глазами; болѣзнь усиливалась всё болѣе и болѣе, въ теченіе двухъ лѣтъ, и, наконецъ, въ началѣ 1821 года Козловъ ослѣпъ совершенно. Тогда-то, отдѣлённый на всегда отъ внѣшняго міра непроницаемой завѣсой вѣчнаго мрака, Козловъ погрузился въ свой внутренній міръ, міръ поэтическихъ образовъ — и скоро, поддержанный вѣрой и очищенный страданіями, почувствовалъ въ себѣ поэта. Такимъ образомъ, горе сдѣлало его поэтомъ, и никогда умъ его не былъ такъ дѣятеленъ, какъ въ долгіе годы его страданій. Зная хорошо французскій и итальянскій языки, онъ, уже будучи слѣпымъ, выучился по-англійски и по-нѣмецки, и всё, прочитанное имъ, оставалось въ его памяти на долго, если не на всегда. Первымъ поэтическимъ опытомъ Козлова обыкновенно считается стихотвореніе «Къ Свѣтланѣ», напечатанное въ 44 № «Сына Отечества» на 1821 годъ. За нимъ послѣдовали: посланіе «Поэту Жуковскому», «Байронъ» и другіе, и, наконецъ, въ 1824 году — поэма «Чернецъ», съ-разу поставившая имя Козлова на ряду съ лучшими поэтами того времени. Вотъ мнѣніе Бѣлинскаго о первой поэмѣ Козлова: «Слава Козлова была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слёзъ съ прекрасныхъ глазъ; её знали наизусть и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. «Чернецъ» былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была «Бѣдная Лиза» для девятидесятыхъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ — совершенно одинаковы; ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени ихъ появленія и, въ этомъ отношеніи, «Чернецъ», разумѣется, гораздо выше.»

«Чернецъ», достигнувшій въ 1827 году третьяго изданія имѣлъ громадный успѣхъ и былъ нѣсколько разъ переведёнъ на языки французскій и итальянскій. За «Чернецомъ» послѣдовали: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», поэма въ двухъ частяхъ (1828), «Безумная», повѣсть въ стихахъ (1830) и цѣлый рядъ стихотвореній, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. Но обѣ новыя поэмы уже не встрѣтили такого радушнаго пріёма со стороны публики, какимъ было почтено появленіе въ свѣтъ первой поэмы Козлова. Главная причина сравнительно-малаго успѣха обѣихъ поэмъ, надо думать, заключалась въ томъ, что онѣ обѣ, не смотря на видимую разность ихъ содержанія, въ сущности были только повтореніемъ «Чернеца» — слова другія, но мотивъ тотъ же. Тѣмъ не менѣе, обѣ поэмы, особенно первая, представляютъ нѣсколько весьма поэтическихъ мѣстъ, глубоко прочувствованныхъ и написанныхъ прелестными стихами. Изъ оригинальныхъ стихотвореній Козлова, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія: «Моя молитва», «Венеціянская ночь», «Къ Италіи», «Вечерній звонъ», «Радость», «Бренда», «Плѣнный грекъ въ темницѣ» и «Молитва». Изъ переводныхъ лучшія: изъ Байрона — «Къ морю», «Добрая ночь» (оба изъ «Чайльдъ Гарольда») и «Прости»; изъ В. Скотта — «Разбойники» и «Беверлей»; изъ Вордсворта — «Насъ семеро»; изъ Борнса — «Сельскій субботній вечеръ» и «Къ полевой маргариткѣ»; изъ Вольфа — «На погребеніе англійскаго генерала сэра Джона Мура»; изъ А. Шенье — «Молодая узница», изъ «Слова о Полку Игоря» — «Плачъ Ярославны» и изъ Мицкевича — «Крымскіе сонеты». Послѣдній

переводъ былъ изданъ въ 1829 году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Крымскіе сонеты А. Мицкевича, въ переводѣ И. Козлова». Въ 1826 году Козловъ окончилъ и напечаталъ свой стихотворный переводъ большой поэмы Байрона: «Абидосская невѣста». Переводъ, благодаря звучнымъ стихамъ, имѣлъ значительный успѣхъ, такъ-что въ 1831 году понадобилось сдѣлать новое изданіе, вышедшее также въ Петербургѣ. Въ 1828 году вышло первое изданіе «Стихотвореній Ивана Козлова», заключающее въ себѣ 48 оригинальныхъ и переводныхъ его пьесъ; второе же изданіе его стихотвореній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднее, сдѣланное при жизни автора, вышло въ свѣтъ въ 1834 году.

Прострадавъ слишкомъ двадцать лѣтъ, Козловъ скончался 30-го января 1840 года въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно всё время своей страшной болѣзни. Тѣло поэта погребено на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, не далеко отъ могилъ Карамзина и Жуковскаго.

Козловъ былъ человѣкъ образованный, зналъ хорошо языки англійскій, италянскій и нѣмецкій, и въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ, отличался большою начитанностью и удивительной памятью, хранившею во всей неприкосновенности не только всего Расина, выученнаго имъ въ молодости, но и цѣлыя поэмы англійскихъ и италянскихъ поэтовъ, затвержонныя имъ уже въ годы его тяжкой болѣзни. Не смотря на свои недуги, Козловъ до конца жизни сохранилъ живость характера и жаръ въ разговорѣ. Любимый публикою и уважаемый всѣми литературными партіями, онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со многими извѣстными людьми, каковы: Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій, братья Тургеневы, Дельвигъ, Гнѣдичъ, князь Вяземскій, графъ Блудовъ, Плетнёвъ и многіе другіе. Вотъ замѣчательная характеристика Козлова, какъ поэта, сдѣланная Бѣлинскимъ: «Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: на половину наберётся посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже большая часть лучшихъ — переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія не выдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но, тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Поэтому талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнью. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключь поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполнѣ, такъ что больше о нёмъ нечего сказать.»

Послѣ смерти Козлова, стихотворенія его вышли третьимъ и четвертымъ изданіями, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: 1) «Собраніе стихотвореній Ивана Козлова. Двѣ части. Изданіе третье. Спб. 1840». 2) «Полное собраніе сочиненій И. Козлова. Двѣ части. Изданіе четвёртое. Спб. 1855.» Первое изъ нихъ составлено и издано по указанію и при содѣйствіи В. А. Жуковскаго, а второе книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ. «Матеріалы для Полнаго Собранія Сочиненій И. И. Козлова» напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» (1864, стр. 1111).

МОЯ МОЛИТВА.

О Ты, Кого хвалить не смѣю,
Творецъ всего, Создатель мой!
Но Ты, къ Кому я пламенѣю
Моимъ всѣмъ сердцемъ, всей душой,
Кто по Своей небесной волѣ
Грѣхи любовью превозмогъ,
Проникъ страдальцевъ къ бѣдной долѣ,
Какъ другъ и братъ, Отецъ и Богъ!

Кто солнца яркими лучами
Сіяетъ мнѣ въ красѣ денной
И огнезвѣздными зарями
Всегда горитъ въ тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей
И ставитъ противъ тьмы грѣховной
Всю бездну благости Своей.

Услышь, Христосъ, моё моленье,
Мой духъ Собою озари

И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую, усмири!
Прими меня въ Свою обитель:
Я блудный сынъ — Отецъ Ты мой;
И, какъ надъ Лазаремъ Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крестъ мой ужасаетъ:
Страданье вѣрою цвѣтётъ;
Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ Бога намъ даётъ.
Тебѣ во слѣдъ идти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ!
Хочу носить вѣнецъ терновый:
Ты Самъ, Христосъ, его носилъ.

Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ —
Хоть я безъ ногъ и безъ очей —
Ещё горитъ въ убитомъ тѣлѣ
Пожаръ бунтующихъ страстей.
Въ Тебѣ одномъ моя надежда —
Ты радость, свѣтъ и тишина!
Да будетъ брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совѣсти угрозы,
О милосердый, успокой!
Ты видишь покаянья слёзы:
Молю, не вниди въ судъ со мной!
Ты всемогущъ, а я безсильный;
Ты Царь міровъ, а я убогъ;
Безсмертенъ Ты — я прахъ могильный;
Я здѣсь на мигъ — Ты вѣчный Богъ!

О дай, чтобъ вѣрою святою
Разсѣялъ я туманъ страстей
И чтобъ безоблачной душою
Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
Чтобъ лучъ отрадный упованья
Всегда мнѣ въ сердце проникалъ,
Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
Чтобы обиды забывалъ.

И на Тебя я уповаю:
Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
Твоей я благости ввѣряю
Жену, дѣтей, всего себя!
О, искупя невинной кровью
Виновный, грѣшный міръ земной,
Пребудь божественной любовью
Вездѣ, всегда — во мнѣ, со мной!

II.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ —
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда весёлыхъ, молодыхъ;
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесётъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдётъ —
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ.

III.

ВЕНЕЦІЯНСКАЯ НОЧЬ.

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южной красотой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражонъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ
И восходитъ паръ душистый
Отъ зелёныхъ береговъ.

Сводъ лазурный; томный ропотъ
Чуть колеблемой волны;
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны;
Упоенья аромата,
И цвѣтовъ, и свѣжихъ травъ
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ.

Всё вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ;
Сердце бьётся; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ лёгкимъ вѣтеркомъ.

Что же, что не видно болѣ
Надъ игривою рѣкой,
Въ свѣтло-убранной гондолѣ,
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образъ милый
Волновали всѣ сердца
И плѣняли духъ унылый
Изступлённаго пѣвца?

Нѣтъ ея: она тоскою
Въ зàмокъ свой удалена;
Тамъ живётъ она съ мечтою,
Торопліва и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манитъ сребристый токъ —
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.

Но густѣе тѣнь ночная —
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы:
Всё спокойно на рѣкѣ;
Лишь торкватовы октавы
Раздаются въ далекѣ.

Вотъ прекрасная выходитъ
На чугунное крыльцо;
Мѣсяцъ блѣдный лучъ наводитъ
На печальное лицо;
Въ русыхъ локонахъ небрежно
Рисовался лёгкій станъ,
И на персяхъ бѣлоснѣжныхъ
Изумрудный талисманъ.

Ужь въ гондолѣ одинокой
Къ той скалѣ она плывётъ,
Гдѣ подъ башнею высокой
Море бурное ревётъ.
Тамъ пѣвца воспоминанье
Въ сердцѣ пламенномъ живѣй;
Тамъ любви очарованье
Съ отголоскомъ прежнихъ дней.

И въ мечтахъ она внимала,
Какъ полночный вѣщій бой
Мѣдь гудящая сливала
Съ вѣчно-шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душенъ свѣжій вѣтерокъ —
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.
Тучи тянутся грядою;
Затьмѣвается луна;
Ясный сводъ одѣлся мглою:
Тьма внезапная страшна.
Вдругъ гондола освѣтилась —
И звѣзда на высотѣ
По востоку покатилась
И пропала въ темнотѣ.

И во тьмѣ съ востока вѣетъ
Тихо-гласный вѣтерокъ;
Факелъ дальній пламенѣетъ;
Мчится пó морю челнокъ.
Въ нёмъ уныло молодая,
Тѣнь знакомая сидитъ;
Подлѣ — арфа золотая;
Мечъ подъ факеломъ блеститъ.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкія мои:
Чудной тѣни не гнѣвите!
О, свободы и любви
Гдѣ же, гдѣ пѣвецъ чудесный?
Иль его не сыщетъ взоръ?
Иль угасъ огонь небесный,
Какъ блестящій метеоръ?

IV.

МОЛИТВА.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья
И духъ мой томный обнови!
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви!

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они — залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слёзы покаянья!

Взгляни на сердца нищету!
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту!

Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа!

V.

РАДОСТЬ.

О радость, радость! что же ты
Намъ скоро измѣняешь
И сердцу милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далёкою звѣздою!

Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льёшь очарованье
И оставляешь свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье!

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится —
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлечёнъ,
Дни счастья вспоминая;
Тревожитъ сердце тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ:

Рѣка въ сіяньи пламя льётъ,
Горитъ его лучами
И въ море тёмное течётъ
Холодными волнами.

VI.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «ЧЕРНЕЦЪ».

1.

МОНАСТЫРЬ.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолочёнными главами;
Рядъ келій, тёмный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой
И подлѣ ключъ воды студёной
Журчитъ цѣлительной струёй
Подъ тѣнью липы вѣковой.
Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужь гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсенъ на лугахъ;
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Никто не пройдетъ — лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвенитъ
Вдали дорогой столбовою,
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужь нѣтъ на лодкахъ огоньковъ.
Взошолъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды — спятъ.
Пробилъ на башнѣ часъ урочный:
Обитель въ сонъ погружена —
Повсюду миръ и тишина.

2.

ИСПОВѢДЬ ЧЕРНЕЦА.

«Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ отчаяньи, въ слезахъ
Блуждалъ съ душой осиротѣлой
Въ далёкихъ дебряхъ и лѣсахъ.
Мой стонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ.
Угрюмый, скорбный, одичалой,
Терзался я мечтой бывалой,
Рыдалъ о томъ, чего ужь нѣтъ.
Ночная тѣнь, потокъ нагорной,
И бури свистъ, и вѣтровъ вой
Сливались втайнѣ съ думой чорной,
Съ неутолимою тоской.
И горе было наслажденьемъ,
Святымъ остаткомъ прежнихъ дней:
Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ
Я не совсѣмъ разстался съ ней.

«Гдѣ сердце любитъ, гдѣ страдаетъ —
И милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даётъ — и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Чрезъ семь тяжолыхъ, грозныхъ лѣтъ
Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я, ночной порою,
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
И неба огнезвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ и плесканье
Луной осеребрённыхъ водъ —
Невольно душу всё плѣняло,

Всё въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся духъ моей сокрушенной:
«Творецъ всего! младенецъ мой
Съ моей подругой незабвенной
Живутъ въ странѣ Твоей святой —
И, можеть-быть, я буду съ ними,
И тамъ они навѣкъ моими!»
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Дрожало сердце упованьемъ.
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзалъ ихъ вопрошать слезами —
И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ-тѣхъ-поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашолъ, отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уповалъ крестомъ
Съ ней выстрадать соединенье.
Ещё, бывало, слёзы лью,
Но ихъ надежда услаждала —
И горесть тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
Моё несчастье и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносился
И мысль однимъ была полна:
Желалъ быть чистымъ, какъ она —
И съ жизнью радостно простился.
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидѣть край, весь ею полный,
И сельскій домикъ нашъ, и садъ,
И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни берёзъ ихъ пепелъ милой,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

«Ахъ, чтó сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Всё тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На нивахъ тѣ же пѣсни пѣли
И такъ же всё въ странѣ родной,
А нѣтъ лишь тамъ ея одной!
Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины,
Въ прелестной милой тишинѣ,
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами;
Но съ отравлённою душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шолъ; день къ вечеру склонялся —
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ.
И внѣ себя я приближался
Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена —
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ: какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;
Страстямъ встревоженнымъ своимъ
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною —
И я съ надеждой неземною
Колѣна тихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ.»

VII.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКАЯ».

Большой владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужь скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь нà небѣ видна.»

Она идётъ — и сердце бьётся.
Поляна съ рощей передъ ней —
И вотъ въ село тропинка вьётся:
Она туда дойдётъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдётся.

Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ.
Ея младенецъ полусонный
Озябъ — и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ тёмной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье:
Ей будто страшно то селенье;
Нейдётъ въ него, нейдётъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ
«О, если тамъ!... а мнѣ таиться
Велитъ судьба... Быть-можетъ... Нѣтъ!
Кому узнать!... и сколько лѣтъ!
Забыто всё. Но вечеръ тьмится,
Пора!» И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой —
И скрылася въ тѣни густой.

За рощей тёмною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло.
Высокихъ липъ въ тѣни зелёной
Хоромы барскія стоятъ;
Они видъ древности хранятъ.
Въ гербѣ, подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьёмъ
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живётъ наслѣдникъ молодой.
А здѣсь — одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины
И рода знатнаго преданья —
Священный отзывъ старины.

У церкви сельской, за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своёмъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ.
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ, догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметьева въ селѣ
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою.
Покойный графъ его любилъ —
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной:
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со шведомъ воевалъ
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Но, полонъ важности старинной,
Святого старца кротокъ видъ,
На нёмъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ съ Аѳонскихъ горъ
Тотъ крестъ принёсъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ,
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ — рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задёрнутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

Уже готовъ идти молиться —
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ —
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идётъ,
И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

«Войди подъ мой убогій кровъ»,
Сказалъ онъ ей: «пора ночная,
Кругомъ всё лѣсъ; ночлегъ готовъ
И есть у насъ хлѣбъ-соль простая.
Переночуй: ты съ новымъ днёмъ
Пойдёшь опять своимъ путёмъ.»
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку её сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ.
Но — и блѣдна, и боязлива —
Она сидѣла молчалива:
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала.
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на тёмный садъ,
Какъ-будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то —
И вдругъ то пламень на щекахъ,
То слёзы крупныя въ очахъ.

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ — и старца въ ней
Дивило всё. «Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ:
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ.
Въ ней горесть тихая пріятна,
И хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда жь теперь не въ часъ урочный
Одна дорогою большой?...
Ахъ, нѣтъ! какъ ангелъ непорочный
Она глядитъ — и за неё
Порукой сердце мнѣ моё!»

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Её невольно помирить:
Онъ, какъ родной её ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимой старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній
И думы, грустью стѣснены,
Далёко мрачныя летали
И межь сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

ПУТНИЦА.

Я, мой отецъ?...

СВЯЩЕННИКЪ.

Твоя тоска,
Повѣрь, душѣ моей близка.
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты: мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

ПУТНИЦА.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

СВЯЩЕННИКЪ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

ПУТНИЦА.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

СВЯЩЕННИКЪ.

Такъ Богъ велѣлъ! Предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжолый,
Терпи, надѣйся и молись:
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый.
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи — въ страданьѣ благодать!

ПУТНИЦА.

Отецъ ты мой, въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя
И слёзы льются по-неволѣ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слёзы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ.

«Кто плачетъ здѣсь — утѣшенъ тамъ!»
Сказалъ Господь.

ПУТНИЦА.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

СВЯЩЕННИКЪ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживётъ?
Твои, мой другъ, младые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала;
Къ весёлой участи она
Ни чѣмъ тебя не пріучала.
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ!
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ — бояринъ межь бояръ,
Петровой правою рукою
И прямо — русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ —
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая.
Суди жь, дивна ль судьба твоя?
Она была не ты.

ПУТНИЦА.

Не я!

СВЯЩЕННИКЪ.

Давно отъ насъ она ужь скрылась;
Но всё живётъ въ душѣ моей.
Я раскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась;
Я на рукахъ её носилъ,
Ребёнкомъ грамотѣ училъ —
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ берёзъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ?
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ — её одну
Печаль такъ рано сокрушила:
Она одна свою весну
Отъ нихъ далёко погубила:
Теперь я вижу — есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села,
Тиха, задумчива росла,
Какъ-будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святого
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужого,
Она отдать готова ей
Свои серёжки изъ ушей
И, сверхъ подарка дорогого,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лицо твоё
Напоминаетъ мнѣ её;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи тёмно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе.
Не диво: солнце и морозъ
Её въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

Д. В. ДАВЫДОВЪ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, поэтъ и партизанъ, родился 16-го іюля 1784 года въ Москвѣ, гдѣ провёлъ начало своего дѣтства. Затѣмъ, когда отецъ его былъ назначенъ командиромъ Полтавскаго легко-коннаго полка, онъ жилъ, вмѣстѣ съ остальнымъ семействомъ, въ Полтавской губерніи. Здѣсь-то Давыдовъ имѣлъ случай не только увидѣть великаго Суворова, но и получить отъ него благословеніе и услышать слѣдующее прорицаніе: «я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ!» Что хотѣлъ сказать геніальный полководецъ — разъяснить трудно. Если же онъ пророчествовалъ, то пророчествовалъ неудачно, такъ-какъ Давыдовъ никогда не командовалъ не только арміями, но даже отдѣльными корпусами — слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выигрывать сраженій. Тѣмъ не менѣе слова великаго человѣка рѣшили жребій Давыдова: въ душѣ его вспыхнула любовь къ во-

еннымъ подвигамъ, угасшая только съ его жизнью. Образованіе, получённое имъ въ домѣ родительскомъ, было, по преимуществу, свѣтское, но, по понятіямъ того времени, довольно блестящее. Въ 1801 году онъ отправился въ Петербургъ и вступилъ эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ, черезъ годъ, произведёнъ былъ въ корнеты, въ 1803 году — въ поручики, а въ 1804, за два сатирическія стихотворенія «Голова и ноги» и «Рѣка и зеркало» — переведёнъ ротмистромъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, стоявшій тогда въ мѣстечкѣ Звѣнигородкѣ, Кіевской губерніи. Къ этому времени относятся его извѣстныя стихотворенія: «Бурцову», «Призывъ на пуншъ», «Гусарскій пиръ» и другія. Въ 1806 году Давыдовъ былъ преведёнъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, 3-го января 1807 — назначенъ адъютантомъ князя Багратіона, начальника авангарда дѣйствующей арміи, сражавшейся противъ Наполеона въ Пруссіи, а 11-го того же мѣсяца — произведёнъ въ штабсъ-ротмистры. Нагнавъ своего генерала въ Морунгенѣ, онъ пробылъ при нёмъ всю кампанію 1807 года, участвуя почти во всѣхъ большихъ сраженіяхъ съ французами, и возвратился въ отечество, украшенный знаками отличія Св. Владиміра 4-го класса, Св. Анны 2-й степени, прусскаго «За заслуги», золотою саблею и золотымъ крестомъ, установленнымъ за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. По заключеніи Тильзитскаго мира и возвращеніи арміи въ Россію, Давыдовъ проживалъ то на службѣ въ Петербургѣ, то въ отпуску въ Москвѣ, отдаваясь весь столичнымъ удовольствіямъ и удѣляя самую незначительную часть свободнаго времени литературѣ. Къ этому періоду его жизни относятся стихотворенія «Договоры», «Мудрость» и нѣкоторыя другія, не представляющія ровно никакого достоинства.

Въ началѣ 1808 года, при первомъ извѣстіи о войнѣ со шведами, Давыдовъ распростился съ Москвою и ея эпикурейскими радостями и полетѣлъ въ Финляндію, гдѣ, съ дозволенія князя Багратіона, присоединился къ авангарду Кульнева, и, вмѣстѣ съ нимъ, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ этого похода. По заключеніи Олькіокской конвенціи, Давыдовъ возвратился къ Багратіону и, принявъ участіе въ движеніи его корпуса къ Аландскимъ островамъ, отличился при вытѣсненіи шведскаго отряда изъ острова Бене. Въ концѣ 1809 года князь Багратіонъ назначенъ былъ главнокомандующимъ молдавскою арміею — и Давыдовъ, какъ его адъютантъ, отправился вслѣдъ за нимъ на берега Дуная. Здѣсь Давыдовъ принималъ участіе въ блокадѣ и взятіи многихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Силистріи, за что̀ былъ награждёнъ алмазными знаками къ ордену Св. Анны 2-го класса. Съ наступленіемъ 1812 года Давыдовъ былъ переведёнъ, по его просьбѣ, въ Ахтырскій гусарскій полкъ подполковникомъ, и, командуя 1-мъ баталіономъ этого полка, находился, при открытіи военныхъ дѣйствій, въ авангардѣ князя Васильчикова и принималъ участіе во многихъ авангардныхъ дѣлахъ. Недовольный ограниченнымъ кругомъ своихъ дѣйствій, онъ обратился къ князю Багратіону съ просьбой ввѣрить ему отдѣльный отрядъ, для начатія партизанскихъ дѣйствій противъ непріятельскихъ фуражировъ и другихъ отдѣльныхъ отрядовъ, слѣдующихъ за французской арміей. Вслѣдствіе ходатайства князя, Давыдову ввѣренъ былъ отрядъ изъ 50 гусаръ и 80 казаковъ, при пяти пушкахъ, съ которыми онъ и началъ свои операціи въ тылу великой арміи. Съ появленіемъ Давыдова у Медыни, народная война вспыхнула во всѣхъ окрестныхъ уѣздахъ, и каждый день былъ ознаменованъ новымъ успѣхомъ, такъ, что, несмотря на всю недостаточность средствъ, какими располагалъ нашъ партизанъ, имъ было взято въ плѣнъ, съ 2-го сентября по 23-е октября, 43 штабъ и оберъ-офицера и 3,650 рядовыхъ. Непріятель былъ въ ужасѣ, и французскій комендантъ Смоленска, генералъ Бараге-д'Илье, принуждёнъ былъ составить отрядъ въ 2,000 человѣкъ для очищенія пространства между Гжатью и Вязьмой отъ нашихъ партизановъ; самого же Давыдова предписывалось схватить во что бы то ни стало и разстрѣлять на мѣстѣ. Фельдмаршалъ, убѣдясь въ пользѣ партизанской войны, направилъ ещё нѣсколько отрядовъ во флангъ и тылъ непріятеля. Провѣдавъ 27-го октября о томъ, что село Ляхово занято сильнымъ отрядомъ генерала Ожеро, Давыдовъ пригласилъ графа Орлова-Денисова, Фигнера и Сеславина для общаго нападенія на него. Стремительная атака нашихъ партизановъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Ожеро былъ разбитъ на голову, окружонъ со всѣхъ сторонъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 60 офицерами и 2,000 рядовыхъ. 9-го ноября Давыдовъ, усиленный двумя казачьими полками, настигъ близъ Копыса трёхъ-тысячное кавалерійское депо, разбилъ его и захватилъ весь обозъ и 285 человѣкъ плѣнныхъ. Затѣмъ, спустя шесть дней, онъ, подъ Бѣлынычами, послѣ долгаго преслѣдованія, разсѣялъ другой непріятельскій отрядъ, причёмъ имъ взято въ плѣнъ 4 капитана,

около 200 рядовыхъ и значительный обозъ съ провіантомъ. Послѣднимъ подвигомъ Давыдова въ 1812 году было занятіе Гродно, сданнаго ему австрійскимъ генераломъ Фрейлихомъ, защищавшимъ его съ 4,000 венгерцевъ, при 30 орудіяхъ, причёмъ было захвачено огромное количество провіанту, превышавшее цѣнностью милліонъ рублей. Чинъ полковника и знаки орденовъ Св. Георгія 4-го класса и Св. Владиміра 3-й степени были наградами партизанскихъ подвиговъ Давыдова, имя котораго съ того времени стало неразлучнымъ съ славными воспоминаніями о незабвенномъ 1812 годѣ. По переходѣ за границу, Давыдовъ поступилъ въ составъ корпуса Винценгероде и участвовалъ въ разбитіи саксонскаго корпуса подъ Калишемъ, а 10-го марта 1813 года сдѣлалъ самовольный налётъ на Дрезденъ, причёмъ занялъ казачьимъ отрядомъ предмѣстье Нейштатъ, за что былъ отрѣшонъ отъ командованія отрядомъ. Въ компанію 1814 года онъ сначала командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а потомъ, произведённый за сраженіе при Ларотьерѣ въ генералъ-маіоры, начальствовалъ гусарской бригадой, съ которою и вступилъ въ Парижъ. По возвращеніи въ Россію, Давыдовъ, получивъ продолжительный отпускъ, прожилъ болѣе года въ Москвѣ, дѣля свободное время между Вакхомъ и музами. Плодомъ сближенія съ послѣдними было нѣсколько элегій и нѣсколько гусарскихъ пѣсенъ, въ томъ числѣ: «Я люблю кровавый бой» и знаменитая «Пѣснь стараго гусара», облетѣвшая всю Россію въ тысячахъ списковъ. Въ это время авторская слава Давыдова была упрочена, благодаря благосклоннымъ отзывамъ критики объ его поэтическихъ произведеніяхъ и обширной извѣстности его гусарскихъ стихотвореній; даже въ «Парнасскомъ Адресъ-календарѣ» остроумнаго Воейкова значилось: «Д. В. Давыдовъ — дѣйствительный поэтъ, генералъ-адъютантъ Аполлона, при перепискѣ Вакха съ Венерою». Служебная карьера Давыдова тоже подвигалась впередъ весьма удовлетворительно: въ началѣ 1818 года онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 7-го пѣхотнаго корпуса, а въ 1819 — 3-го. Но въ 1820 году онъ взялъ отпускъ, вслѣдствіе чего былъ зачисленъ по кавалеріи, а въ 1823 — вышелъ въ отставку, и, поселившись въ Москвѣ, посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были два самыхъ капитальныхъ его сочиненія: «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій для русскихъ войскъ», «Дневникъ партизанскихъ дѣйствій» и «Морозъ ли истребилъ французскую армію?». Въ это же время онъ вёлъ переписку съ знаменитымъ англійскимъ романистомъ Вальтеръ-Скотомъ, которая продолжалась до самой смерти автора «Веверлея».

Въ 1826 году Давыдовъ былъ снова принятъ на службу, и назначенъ начальникомъ войскъ расположенныхъ на границахъ Персіи; затѣмъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ персіянами и заключилъ военныя свои подвиги пораженіемъ четырёхъ-тысячнаго отряда Гасанъ-Хана при урочищѣ Мирагъ. Разстроенное здоровье заставило его отправиться къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Здѣсь, между прочимъ, написалъ онъ своё извѣстное стихотвореніе: «Полусолдатъ». Возвратившись въ 1827 году въ Россію, онъ до польской войны числился по кавалеріи, проживая въ Москвѣ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1831 году Давыдовъ, командуя отрядомъ, состоявшимъ изъ Финляндскаго драгунскаго и трёхъ казачьихъ полковъ, взялъ приступомъ городъ Владиміръ-Волынскій, а по присоединеніи его отряда къ корпусу генерала Ридигера, участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ съ поляками. Чинъ генералъ-лейтенанта и ордена Св. Анны 1-й степени и Св. Владиміра 2-го класса—были наградой его храбрости и распорядительности, выказанныхъ имъ въ теченіе всей войны. Этимъ заключилъ Давыдовъ своё боевое поприще и затѣмъ посвятилъ себя снова и окончательно занятіямъ словесностью. Къ этому времени принадлежатъ лучшія его статьи въ прозѣ и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній. Изъ числа первыхъ, укажемъ на слѣдующія: «Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау», «Замѣчанія на некрологію Раевскаго», «Воспоминаніе о Кульневѣ», «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ», «Урокъ сорванцу», «Занятіе Дрездена», «Разборъ трёхъ статей, помѣщённыхъ въ «Запискахъ Наполеона», «Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ» и «Тильзитъ въ 1807 году». Изъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ это время, лучшіе: «Челобитная» и «Современная пѣсня», особенно послѣдняя, надѣлавшая много шума. Вообще, послѣднія произведенія Давыдова обнаружили въ авторѣ много таланта, даже болѣе, чѣмъ въ самые цвѣтущіе годы его литературной дѣятельности, и поклонники его дарованія уже надѣялись, что онъ скоро обогатитъ русскую литературу образцовыми въ своёмъ родѣ сочиненіями, когда неумолимая смерть похитила его слишкомъ рано для его славы и пользы отечества. Онъ скончался въ своёмъ помѣстьѣ, Верхней Мазѣ, Симбирской губерніи, 22-го апрѣля 1839

года, на пятьдесятъ пятомъ году отъ роду. Собраніе сочиненій Д. В. Давыдова имѣетъ четыре изданія: первое изъ нихъ вышло въ 1832 году, второе — въ 1840, третье (Смирдинское) — въ 1848, а четвёртое — въ 1860 году.

I.

ПѢСНЯ СТАРАГО ГУСАРА.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра
И диваномъ — кипа сѣна.

Трубки чорныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова! Дымъ столбомъ...
Ни полслова! Всѣ мертвецки
Пьютъ и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый пó полю порхаетъ:
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

А теперь что вижу? — страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ:
Въ вицъ-мундирѣ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ: умнѣй они!
Но чтó слышишь отъ любова:
«Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова.

II.

ПОСЛАНІЕ БУРЦОВУ.

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака
Посѣти домишко мой!
Въ нёмъ нѣтъ нищихъ у порогу,
Нѣтъ въ нёмъ зеркалъ, вазъ, картинъ
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ.
Онъ гусаръ — и не пускаетъ
Мишурою пыль въ глаза:
У него, братъ, замѣняетъ
Всѣ диваны — куль овса;
Нѣтъ курильницъ, можетъ-статься,
За-то трубка съ табакомъ;
Нѣтъ картинъ — да замѣнятся
Ташкой съ царскимъ вензелёмъ.
Вмѣсто зеркала, сіяетъ
Ясной сабли полоса:
Онъ по ней лишь поправляетъ
Два любезные усà.
А на мѣсто вазъ прекрасныхъ,
Бѣломраморныхъ, большихъ,
На столѣ стоятъ ужасныхъ
Пять стакановъ пуншевыхъ.
Они полны, увѣряю!
Въ нихъ сокрытъ небесный жаръ.
Пріѣзжай — я ожидаю —
Докажи, что ты гусаръ!

III.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Въ дни былые сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
Озабоченный дѣлецъ,
О мой дивный покровитель!
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи
Благочиній саранчи,
И торчащей каланчи
И пожарныхъ трубъ и крючій!
То-есть, по просту сказать:
Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты —
Мой пречистенскій дворецъ.

Тѣсенъ онъ для партизана!
Сотоварищъ урагана,
Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылецъ,
Безъ дверей и стѣнъ кирпичныхъ —
Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налётовъ удалыхъ,
Гдѣ могу гостей моихъ
Принимать картечью въ ухо,
Пулей въ лобъ, иль пикой въ брюхо.
Другъ, вотъ истинный мой домъ!
Онъ вездѣ, но скучно въ нёмъ:
Нѣтъ, гостей для угощенья!
Подожду — а ты пока
Вникни въ просьбу казака
И уважь его моленье.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый;
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы.

То былъ вѣкъ богатырей;
Но смѣшались шашки —
И полѣзли изъ щелей
Мошки, да букашки.

Всякій маменькинъ сынокъ,
Всякій обирала,
Модныхъ бредней дурачёкъ,
Корчитъ либерала

Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздулся — слѣпъ и бородатъ —
Гордый регистраторъ.

Томы Тьера и Рабо
Онъ на память знаетъ
И, какъ ярый Мирабо,
Вольность прославляетъ.

А глядишь — нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ и въ рыло;

А глядишь — нашъ Лафаэтъ,
Брутъ или Фабрицій,
Мужичковъ подъ пресъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Фразъ журнальныхъ лексиконъ,
Прапорщикъ въ отставкѣ:
Для него Наполеонъ —
Въ родѣ бородавки.

Для него славнѣе бой
Карбонаровъ блѣдныхъ,
Чѣмъ когда нашъ шаръ земной
Отъ громовъ побѣдныхъ

Колыхался и дрожалъ —
И народъ въ смятеньи,
Ницъ упавши, ожидалъ
Міра разрушенья.

Что-жь — быть-можетъ, нашъ герой
Утомилъ свой геній
И заботой боевой,
И огнёмъ сраженій?

Нѣтъ, онъ въ битвахъ не бывалъ:
Шаркалъ по гостинымъ
И по плацу выступалъ
Шагомъ журавлинымъ.

Что-жь — быть-можетъ, онъ богатъ
Счастьемъ семьянина,
Замѣня блистанье латъ
Тогой гражданина?

Нѣтъ, нахально подбочась,
Онъ по дачамъ рыщетъ
И въ театрѣ, развалясь,
Всё шипитъ, да свищетъ.

Что жь — быть можетъ, старины
Онъ бѣжалъ приманокъ:
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ спозаранокъ?

Нѣтъ, мудрецъ не разрывалъ
Съ честолюбьемъ дружбы:
И теперь бы крестикъ взялъ —
Только бы безъ службы.

Вотъ — гостиная въ лучахъ,
Свѣчи да кенкеты.
На столѣ и на софахъ —
Кипами газеты;

И превыспренній конгресъ
Двухъ графинь оглохшихъ

И двухъ жалкихъ баронессъ,
Чопорныхъ и тощихъ.

Всё исчадіе грѣха,
Страстное новинкой:
Заговорщица блоха
Съ мухой якобинкой;

И козявка егоза,
Дѣва пожилая;
И рябая стрекоза
Сплётня записная;

И комаръ, студентъ хромой,
Въ кучерской причёскѣ;
И сверчёкъ, крикунъ ночной,
Другъ Крылова «Моськи»;

И мурашка филантропъ,
И червякъ голодный,
И Иванъ Иванычъ клопъ,
Мужъ женоподобный —

Всё вокругъ стола — и скокъ
Въ кипетъ совѣщанья.
Утопистъ, идеалогъ —
Президентъ собранья,

Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ аханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
«Dominus vobiscum!»

И раздолье языкамъ —
И ужь тутъ не шутка:
И народамъ, и царямъ —
Всѣмъ приходитъ жутко.

Всё что̀ есть — всё въ пыль и прахъ!
Всё что процвѣтаетъ —
Съ корнемъ вонъ! Ареопагъ
Такъ опредѣляетъ.

И жужжитъ онъ, полнъ грозой,
Царства низвергая;
А Россіи — Боже мой —
Та̀ска, да какая!

И весь размежеванъ свѣтъ,
Безъ войны и драки;
И Россіи уже нѣтъ;
И въ Москвѣ — поляки.

Но, на зло врагамъ, она
Всё живётъ и дышетъ,
И могуча, и грозна,
И здоровьемъ пышетъ.

Насѣкомыхъ болтовни
Внятіемъ не тѣшитъ,
Да и мѣсто, гдѣ они,
Даже не почешетъ.

А когда, во время сна,
Моль иль таракашка
Заползётъ ей въ посъ: она
Чхнётъ — и вонъ букашка.

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Князь Пётръ Андреевичъ Вяземскій родился 12-го іюля 1792 года въ Москвѣ; первоначальное воспитаніе получилъ въ пансіонѣ патера Чижа въ Петербургѣ, продолжалъ его въ Москвѣ, въ домѣ профессора Рейса, и окончилъ подъ руководствомъ другихъ профессоровъ Московскаго университета, дававшихъ ему лекціи на дому. Онъ началъ писать стихи съ самаго дѣтства, а тѣсная дружеская связь въ юности съ Жуковскимъ и Батюшковымъ закрѣпила въ душѣ его наклонность къ поэзіи. Въ 1812 году князь Вяземскій поступилъ въ гусарскій графа Мамонова полкъ и находился при Милорадовичѣ во всё продолженіе сраженія при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади, за что̀ и награждёнъ орденомъ Св. Владиміра 4-го класса. Воспоминаніе объ этомъ великомъ днѣ въ исторіи отечественной войны находится въ стихотвореніи, написанномъ въ 1842 году: «Русскіе просёлки». Въ 1817 году онъ былъ опредѣлёнъ къ Новосильцеву, въ Варшаву, и состоялъ при нёмъ до 1821 года. Черезъ десять лѣтъ послѣ того началась его служба по министерству финансовъ, въ которомъ черезъ два года онъ занялъ должность вице-директора департамента внѣшней торговли, а въ 1846 — управляющаго заёмнымъ банкомъ, откуда вышелъ въ 1853 году, получивъ мѣсто члена въ совѣтѣ министерства финансовъ. Въ 1855 году произведёнъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и сенаторомъ, а въ 1861 году пожалованъ въ гофмейстеры.

Сочиненія князя Вяземскаго, разсѣянныя по

разнымъ періодическимъ изданіямъ, ожидаютъ ещё полнаго изданія. Только часть его стихотвореній собрана въ книгѣ, изданной въ 1862 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Въ дорогѣ и дома». Имя князя Вяземскаго», говоритъ г. Галаховъ, «какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ *лучшими* людьми, онъ, во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенью и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства.»

I.

ТРОЙКА.

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьётся пыль изъ-подъ копытъ;
Колокольчикъ звонко плачетъ,
И хохочетъ, и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздаётся яркій звонъ:
То вдали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи тёмной
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянулъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Обогнулъ своё кольцо
И посыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лицо.

Кто сей путникъ и отколѣ?
И далёкъ ли путь ему?
По неволѣ, иль по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

На веселье, иль кручину,
Къ ближнимъ ли подъ кровъ родной,
Или въ грустную чужбину
Онъ спѣшитъ, голубчикъ мой?

Сердце въ нёмъ ретиво рвётся
Въ путь обратный, или въ даль?
Встрѣчи ль ждётъ онъ — не дождётся,
Иль покинутаго жаль?

Ждётъ ли перстень обручальный,
Ждутъ ли путника пиры,
Или факелъ погребальный
Надъ могилою сестры?

Какъ узнать? ужь онъ далёко!
Мѣсяцъ въ облако нырнулъ
И въ пустой дали глубоко
Колокольчикъ ужь заснулъ.

II.

НА ЦЕРКОВНОЕ СТРОЕНІЕ.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненастливъ,
Подъ проливнымъ дождёмъ, въ морозъ, въ палящій зной —
На перекресткѣ *онъ*, съ открытой головой
И книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божьимъ:
Смиренья съ простотой лежитъ на нёмъ печать.
Свой страннической крестъ пріявъ, какъ благодать,
Изъ дальняго села пришолъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды:
Нѣтъ, къ дому Господа усердьемъ возгоря
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ евангельскою вѣстью
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко кто пройдётъ — и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,
Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
Но болѣе всего любуюсь доброхотомъ,
Который дастъ свой грошъ, трудомъ и круннымъ пóтомъ

Добытый — и себя жь тутъ осѣнитъ крестомъ,
Какъ будто бъ онъ ещё остался съ барышомъ.
Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру —
И лепту я мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.
Скажу: и моего тутъ мёду капля есть;
Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла,
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.
И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
Что тутъ и мой кирпичъ пойдётъ въ основу зданья,
Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
На благовѣстъ любви, сзывающій міряпъ,
Усердною толпой сберётся въ день воскресный.
И молятся они, чтобы Отецъ Небесный
Послалъ имъ свыше миръ, чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды;
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ,
Чтобъ исцѣлѣлъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ,
Живущимъ вѣрою, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ далече въ морѣ сущимъ,
Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнъ несущимъ
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
Чтобъ въ покаяньи имъ дни прочіе скончать,
Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хранитель,
Берёгъ и стадо ихъ, и поле, и обитель;
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своёмъ
Отцовъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
Святителей церквей, родныхъ, владыкъ державныхъ
И всѣхъ лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ;
И, отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіётъ,
Чтобъ непостыдная и тихая кончина,
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына,
Сошла, какъ благодать, даруя имъ покой,
Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой
И въ оный страшный день, съ отвѣтнымъ добрымъ словомъ,
Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ.
И безъимянною молитвой обо мнѣ
Помянутъ вѣрные въ далёкой сторонѣ,
Когда за Божій домъ собравшіеся въ ономъ
И за создателей той церкви крестъ съ поклономъ
Предъ Господомъ живыхъ и мёртвыхъ сотворятъ.
Года пройдутъ. Давно онъ, ихъ усопшій братъ,
Лежитъ въ землѣ сырой; но въ поколѣньи новомъ
Всё тѣмъ же любящимъ и благодарнымъ словомъ
О братѣ, чуждомъ имъ, помолится народъ;
Тутъ память и моя пройдётъ изъ рода въ родъ;
И, можетъ-быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
Искупится мой грѣхъ, иль вольный иль невольный,
И *тамъ* зачтётся мнѣ въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
Что къ церкви Божіей душой я не хладѣлъ.

III.

МАСЛЯНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыплённыя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебёдка,
Здравствуй, матушка зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ басурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не понутру:
Нѣтъ приличнаго пріёма,
И народъ не на юру.
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не съумѣть имъ, нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой!
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для русскаго здорово,
То для нѣмца карачунъ!»
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ — батюшка-морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешовый
Пароходъ и паровозъ.
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,

И блинами и настойкой
Закутитъ крещёный миръ.
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца;
Пышутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ.
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ, горитъ.
Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ,
И бѣлѣе и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарёй.
Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щолкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабыть;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ.
Разгулялись городъ, сёла,
Загуляли старъ и младъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.
Нѣтъ конца весёлымъ кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ нѣмцамъ-горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?
Сани здѣсь — подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ не обиходъ:
Снѣгъ здѣсь — рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку?
Развѣ кружкою пивной,
Да копѣечной сигаркой,
Да копчёной колбасой?
Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лицо —
То-ли дѣло, какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо?
Какъ шепнётъ оно въ догадку
Ретивому на ушко —
Не споётъ, ей-ей, такъ сладко
Хоть бы вдовушка Клико!
Выпьетъ чарку-чародѣйку
Забубённый нашъ землякъ:
Жизнь копѣйка! смерть-злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ.
Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;
Но по нашему покрою,
Если нѣмца взять въ расплохъ,
А особенно зимою —
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

IV.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «САМОВАРЪ».

Пріятно находить, попавшись на чужбину,
Родныхъ обычаевъ знакомую картину,
Домашнюю хлѣбъ-соль, гостепріимный кровъ
И сѣнь, святую сѣнь отеческихъ боговъ;
Душѣ затёртой льдомъ въ холодномъ морѣ свѣта,
Гдѣ на родной вопросъ родного нѣтъ отвѣта,
Гдѣ жизнь обрядныхъ словъ одинъ пустой обмѣнъ,
Гдѣ ты вездѣ чужой, у всѣхъ monsieur N. N.
У тихой пристани пріятно отогрѣться
И въ лица ближнія довѣрчиво всмотрѣться,
И въ рѣчи вслушаться, въ которыхъ что-то есть
Знакомое душѣ — и дней прошедшихъ вѣсть.

Дни странника листамъ разрозненнымъ подобны:
Ихъ разрываетъ духъ насмѣшливый и злобный;
Нѣтъ связи: съ каждымъ днёмъ всё съизнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,
Сродствомъ повѣрій, чувствъ, созвучьемъ впечатлѣній
И милой давностью привычныхъ отношеній.

Въ насъ умъ — космополитъ, но сердце — домосѣдъ:
Прокладывать всегда онъ любитъ новый слѣдъ
И радости свои всё въ будущемъ имѣетъ;
Но сердце старыми мечтами молодѣетъ,
Но сердце старыми привычками живётъ
И радостнѣй въ тѣни прошедшаго цвѣтётъ.
О, будь благословенъ кровъ свѣтлый и пріютный,
Подъ коимъ какъ родной былъ принятъ гость минутный,
Гдѣ беззаботно могъ онъ сердце развернуть
И сиротство своё на время обмануть!
Гдѣ любовался онъ съ сознаньемъ и участьемъ
Семейства милаго согласіемъ и счастьемъ
И видѣлъ, какъ цвѣтутъ въ безоблачной тиши
Младыя радости родительской души...

Но насъ ещё влечётъ какой-то силой тайной
Въ знакомый тотъ пріютъ, гдѣ съ лаской обычайной
Вокругъ стола насъ ждётъ любезная семья.
Я этотъ часъ люблю — едва ль не лучшій дня —
Часъ поэтическій средь прозы чёрствыхъ сутокъ,
Сердечный жизни часъ, весёлый промежутокъ
Между трудомъ дневнымъ и ночи мёртвымъ сномъ.
Всё счоты сведены — въ придачу мы живёмъ:
Заботъ житейскихъ нѣтъ, какъ-будто не бывало;
Сегодня съ плечъ слегло, а *завтра* не настало.
Часъ дружескихъ бесѣдъ у чайнаго стола!
Хозяйкѣ молодой и честь, и похвала!
По православному, не на манеръ нѣмецкій,
Не жидкій, какъ вода, или напитокъ дѣтскій,
Но Русью вѣющій, но сочный, но густой,
Душистый льётся чай янтарною струёй.
Прекрасно! Но одинъ встрѣчаю недостатокъ:
Нѣтъ, быта русскаго не полонъ отпечатокъ!
Гдѣ жь самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
Семейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?
Въ нёмъ льются и кипятъ всѣхъ нашихъ дней преданья,
Въ нёмъ русской старины живутъ воспоминанья;
Онъ уцѣлѣлъ одинъ въ обломкахъ прежнихъ лѣтъ —
И къ внукамъ перешолъ неугасимый дѣдъ.
Онъ русскій *рококо*, нестройный, неуклюжій,
Но внутренно хорошъ, хоть не красивъ снаружи;
Онъ лучше держитъ жаръ и подъ его шумокъ
Кипитъ и разговоръ, какъ прыткій кипятокъ.
Какъ много тайныхъ главъ романовъ ежедневныхъ,
Животрепещущихъ романовъ, задушевныхъ,
Которыхъ въ книгахъ нѣтъ — какъ сладко ни пиши —
Какъ много чистыхъ сновъ дѣвической души
И нѣжныхъ ссоръ любви, и примиреній нѣжныхъ,
И тихихъ радостей, и сладостно-мятежныхъ
При пламени его украдкою зажглось
И съ облакомъ паровъ незримо разнеслось.
Гдѣ только водятся домашніе пенаты,
Отъ золотыхъ палатъ и до смиренной хаты,
Гдѣ мѣдный самоваръ, наслѣдство сироты,
Вдовы послѣдній грошъ и роскошь нищеты —
Повсюду на Руси святой и православной
Семейныхъ сборовъ онъ всегда участникъ главной.
Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступить нельзя,
Ни «здравствуй», ни «прощай» не вымолвятъ друзья,
Чтобъ, всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начало,
Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
Не подалъ голоса и не созвалъ семьи...
Поэтъ сказалъ — и стихъ его для насъ понятенъ:
«Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!»
Не самоваромъ ли — сомнѣнья въ этомъ нѣтъ —
Былъ вдохновенъ тогда великій нашъ поэтъ?
И тѣнь Державина, здѣсь слѣдуя со мною,
Къ вамъ обращается съ упрёкомъ и мольбою
И проситъ, въ честь ему и православью въ честь:
Конфорку бросить прочь и — самоваръ завесть.

V.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «СТАНЦІЯ».

Досадно слышать: «Sta, viator!»
Иль изъясняяся простѣй:
«Извольте ждать! нѣтъ лошадей!»
Когда губернскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ —
Ему типунъ бы на языкъ —
Сей рѣчью ставитъ васъ въ тупикъ.
Отъ этого-то русскимъ трактомъ
Ѣзда не слишкомъ веселитъ:
Какъ ѣдешь — дѣйствіе кипитъ,
Пріѣдешь — стынетъ за антрактомъ.
Да и сказать — дождись пути;
Замѣтить должно мнѣ въ прибавку,
Чтобы точнѣй въ журналъ внести
Топографическую справку:
Дороги наши — садъ для глазъ,
Деревья, съ дёрномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль — проѣзда нѣтъ подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша:
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стихъ: *для проходящихъ!*
Свободна русская ѣзда

Въ двухъ только случаяхъ: когда
Нашъ Макъ-Адамъ, или Макъ-Ева —
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуётъ чугуномъ льдистымъ
И запорошитъ раннiй снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ;
Или когда поля проймётъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.
Что жь дѣлать, время есть всему!
Гражданству, роскоши, уму
Рукой степенной ходъ размѣренъ;
Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ,
Пождёмъ — и возрастётъ итогъ.
Давно ль могучiй Пётръ природу,
Судьбу и смертныхъ перемогъ,
Прошолъ сквозь мракъ, сквозь огнь и воду
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно ли вдоль и поперёгъ
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы земныя —
И мы не будемъ безъ дорогъ.

VI.

ЭПЕРНЕ.

Икалось ли тебѣ, Давыдовъ,
Когда шампанское я пилъ
Различныхъ вкусовъ, свойствъ и видовъ,
Различныхъ возрастовъ и силъ;

Когда въ подвалахъ у Моэта
Я жадно поминалъ тебя,
Любя наѣздника-поэта,
Да и шампанское любя?

Здѣсь бьётъ кастальскій ключъ, питая
Не баснословною струёй;
Поэзія — здѣсь вещь ручная:
Пять франковъ дай — и пей и пой!

Моэтъ — вотъ сочинитель славный!
Онъ пишетъ прямо на бѣлò —
И стихъ его, живой и плавный,
Ложится нà душу свѣтло.

Живётъ онъ славой всенародной;
Поэтъ доступный, всѣмъ съ руки,
Онъ переводится свободно
На всѣ живые языки.

Не даромъ онъ стяжалъ извѣстность
И въ школу всѣ къ нему спѣшатъ:
Его текущую словесность
Всѣ поглощаютъ на расхватъ.

Поэмъ въ стеклянномъ переплётѣ
Въ его архивахъ милліонъ.
Гомеръ! хоть ты въ большомъ почётѣ —
Что твой воспѣтый Иліонъ?

Когда тревожила насъ младость
И жажда ощущеній жгла,
Его поэма, наша радость,
Настольной книгой намъ была.

Какъ много мы ночей безсонныхъ,
Забывъ всѣ тягости земли,
Ночей прозрачныхъ, благосклонныхъ,
Съ тобой надъ нею провели.

Прочтёшь поэму — и, бывало,
Давай полдюжины поэмъ!
Какъ ни читай, кажись, всё мало —
И зачитаешься совсѣмъ.

Въ тѣхъ подземеліяхъ гуляя,
Я думой ожилъ въ старинѣ;
Гляжу: бивакомъ рать родная
Расположилась въ Эпернѐ.

Лихой казакъ — глазамъ и слуху —
Предсталъ мнѣ: пѣсни и гульба!
Пьютъ эпернейскую сивуху,
Жалѣя только, что слаба.

Люблю я русскаго натуру:
Въ бою онъ левъ; пробьютъ отбой —
Весельчаку и балагуру
И врагъ всё тотъ же братъ родной.

Оставя боевую пику,
Казакъ здѣсь мирно пировалъ,
Но за Москву — французамъ въ пику —
Ихъ погреба онъ осушалъ.

Виномъ кипучимъ съ горъ французскихъ
Онъ поминалъ родимый Донъ
И, чтобъ не пить изъ рюмокъ узкихъ,
Пилъ прямо изъ бутылокъ онъ.

Да и тебя я тутъ подмѣтилъ,
Мой бородинскій бородачъ!
Ты тутъ друзей давнишнихъ встрѣтилъ —
И поцалуй твой былъ горячъ.

Дней прошлыхъ свитки развернулись,
Всѣ поэтическіе сны
Въ тебѣ проснулись, встрепенулись
Изъ-задушевной глубины.

Вотъ край, гдѣ радость льётъ обильно
Винточивая лоза —
И изъ очей твоихъ умильно
Скатилась пьяная слеза.

Ѳ. Н. ГЛИНКА.

Ѳёдоръ Николаевичъ Глинка родился въ Смоленской губерніи въ 1788 году; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1803 году, выпущенъ прапорщикомъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Въ 1805 и 1806 годахъ, онъ участвовалъ въ кампаніи русской арміи противъ Наполеона въ Австрійскихъ владѣніяхъ, состоя адъютантомъ при извѣстномъ генералѣ Милорадовичѣ, который командовалъ въ то время отдѣльной бригадой. Плодомъ этого похода были «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ описаніемъ похода 1805 — 1806 годовъ», напечатанныя въ Москвѣ въ 1808 году отдѣльной книжкой. Книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія уже по одному тому, что авторъ ея — девятнадцатилѣтній армейскій офицеръ. «Шесть мѣсяцевъ скитался я по свѣту», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, «и девятнадцати лѣтъ отъ роду имѣлъ уже много случаевъ познать свѣтъ и людей.» Письма эти были перепечатаны въ полномъ изданіи «Писемъ русскаго офицера» (1815 — 1816), въ которомъ составили 1-й томъ. По возвращеніи арміи въ Россію, Глинка, оставивъ службу, уѣхалъ въ свою смоленскую деревню и прожилъ въ ней около шести лѣтъ, посвящая почти всё время наукамъ и литературѣ. Стихотворенія, написанныя имъ въ это время, помѣщены бо́льшею частью въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ 1810 и 1811 годахъ Глинка сдѣлалъ небольшое путешествіе по Россіи, причёмъ объѣхалъ часть губерній Смоленской и Тверской, и побывалъ въ Кіевѣ. Свои наблюденія, мысли и впечатлѣнія изложилъ онъ въ послѣднемъ томѣ «Писемъ русскаго офицера,» изданныхъ въ 1815 — 1816 годахъ въ 8-ми томахъ; что же касается плаванія по Волгѣ, то эта часть путешествія описана стихами въ «Мечтаніяхъ на берегахъ Волги» (Спб. 1821). Въ 1812 году, съ приближеніемъ непріятеля къ его смоленской деревни, онъ покинулъ своё родное пепелище и, слѣдуя за арміей отъ Смоленска, дошолъ, вмѣстѣ съ нею, до Тарутина, гдѣ снова вступилъ въ ряды русской арміи и снова былъ взятъ въ адъютанты Милорадовичемъ, при которомъ и оставался до конца кампаніи 1814 года. Письма его о событіяхъ отечественной и заграничной войны составляютъ шесть томовъ изданія его «Писемъ русскаго офицера» (томы 2-й — 7-й), вышедшаго въ свѣтъ въ 1815 — 1816 годахъ. Впослѣдствіи, большая часть этихъ писемъ (томы 2-й — 7-й) подъ заглавіемъ: «Письма русскаго офицера о военныхъ происшествіяхъ 1812 года», были изданы отдѣльно, съ переводомъ на французскій языкъ, сдѣланнымъ братомъ автора, С. Н. Глинкою (М. 1821), а въ 1870 году перепечатаны вновь, вмѣстѣ съ 1-мъ томомъ, въ пяти частяхъ. Въ 1815 году Глинка былъ переведёнъ въ гвардію и состоялъ при начальникѣ гвардейскаго штаба, генералъ-адъютантѣ Сипягинѣ. Въ 1817 — 1819 годахъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Военнаго Журнала», самая программа котораго была составлена имъ. Въ 1818 году вышла въ свѣтъ его народная повѣсть «Лука да Марья», имѣвшая свой кругъ читателей и дожившая до второго изданія, въ 1845 году, а въ 1819 — «Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, или освобождённая Малороссія» Затѣмъ, въ томъ же году, онъ перешолъ на службу къ санктпетербургскому генералъ-губернатору Милорадовичу, своему прежнему начальнику — и вскорѣ занялъ должность правителя его канцеляріи. При учрежденіи въ 1816 году «Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности», Глинка былъ избранъ его вице-предсѣдателемъ, а потомъ и предсѣдателемъ. Въ 1826 году онъ собралъ свои духовныя стихотворенія, разбросанныя по журналамъ, и издалъ ихъ особой книжкой, подъ заглавіемъ: «Опыты священной поэзіи». Въ 1826 году онъ былъ сосланъ на жительство въ Олонецкую губернію, по подозрѣнію въ принадлежности его къ Сѣверному Обществу; но спустя нѣкоторое время невинность его была доказана и онъ получилъ позволеніе вернуться въ свою деревню. Здѣсь написалъ онъ свою описательную поэму въ 4-хъ частяхъ: «Карелія, или заключеніе Марѳы Іоанновны Романовой», въ которой встрѣчаются прекрасныя описанія сѣверной природы. Поэма была напечатана въ 1830 году въ Петербургѣ. Съ этого времени альманахи и журналы (особенно «Сынъ Отечества» и «Соревнователь») стали наполняться его стихотвореніями, изъ которыхъ многія обращали на себя общее вниманіе, благодаря глубинѣ содер-

жанія и гармоніи стиха. Начиная съ 1834 года, стихи его стали появляться въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго, а съ 1836 — въ «Современникѣ» Пушкина и потомъ Плетнёва. Въ послѣднемъ журналѣ они появлялись изрѣдка до самаго перехода журнала въ руки Панаева и Некрасова въ 1847 году. Здѣсь, между прочимъ, было помѣщено стихотвореніе «Ангелъ» (т. VII стр. 146), расхваленное Бѣлинскимъ. Въ 1837 году вышли въ Москвѣ его «Воспоминанія о піитической жизни Пушкина», а въ 1839 — «Очерки Бородинскаго сраженія». Затѣмъ, въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, Глинка не издавалъ ничего, ограничивая свою литературную дѣятельность помѣщеніемъ мелкихъ стихотвореній въ разныхъ московскихъ альманахахъ и очень рѣдко въ журналахъ. Съ 1859 года издательская дѣятельность Глинки возобновляется. Въ этомъ году былъ изданъ имъ въ Петербургѣ: — «Іовъ, свободное подражаніе Св. книгѣ Іова», въ 1861 году въ Берлинѣ — «Таинственная Капля», народное преданіе, въ двухъ частяхъ, вышедшая вторымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1871 году, а въ 1869 были напечатаны въ Москвѣ его «Духовныя стихотворенія».

Ѳёдоръ Николаевичъ былъ женатъ на Авдотьѣ Павловнѣ, урождённой Голенищевой-Кутузовой, пріобрѣвшей извѣстность переводами многихъ стихотвореній Шиллера, въ томъ числѣ «Пѣсни о колоколѣ» и скончавшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время Ѳёдору Николаевичу 90 лѣтъ, но онъ ещё продолжаетъ свои литературныя занятія.

I.

ИСКАНІЕ БОГА.

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой, какъ жатву, смялъ лѣса,
И — горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ.
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ —
Но Бога въ буряхъ не видалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горъ катились,
И грозно небеса дымились...
И, трепетный, звалъ Бога я —
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!
Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Всё стало пыломъ. всё огнёмъ —
Но Бога я не видѣлъ въ нёмъ!

И въ слѣдъ за бурей — тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышетъ жизнью неземною...
Всё стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога — въ тишинѣ!

II.

АНГЕЛЪ.

Судъ мірамъ уготовляется,
Ходитъ Богъ по небесамъ;
Звѣздъ громада разступается
На просторъ Его вѣсамъ.

И, послышавъ Бога, дальнія
Тучи ангеловъ взвились;
Протѣснясь въ врата кристальныя,
Хоры съ пѣньемъ понеслись.

И мой ангелъ охранительный,
Ужь терявшій на землѣ
Блескъ небесный, блескъ плѣнительный,
Распустилъ свои крылѣ.

У судьбы земной подъ молотомъ,
Въ сторонѣ страстей и бурь,
Яркихъ крылъ потухло золото,
Полиняла въ нихъ лазурь.

Но какъ всё перемѣнилося!
Онъ на Бога посмотрѣлъ —
И лицо его свѣтилося,
И хитонъ его свѣтлѣлъ.

Ахъ! когда жь жильцамъ-юдольникамъ
Возвратятъ полётъ и намъ,
И дадутъ земнымъ невольникамъ
Вольный доступъ къ небесамъ?

III.

ПЕРЕЛЁТНАЯ ПТИЧКА.

Скрывалось за горы
Роскошное солнце
И долгій день лѣтній
Угаснулъ — и вечеръ
Насталъ съ тишиною;
И въ воздухѣ душно.
Зарница играла
По нивамъ волнистымъ
И сизая туча
Вдали загоралась;
Далёкое эхо
Въ горахъ рокотало.
Я въ рощѣ тѣнистой
Дышалъ ароматомъ
Цвѣтущаго луга.
Вдругъ птичка слетѣла —
Не знаю откуда —
И, зыблясь на вѣткѣ,
Запѣла уныло,
Уныло и сладко.
Я весь сталъ вниманье
И весь упоенье:
Душа разрывалась
Отъ пѣсни унылой;
Душа восхищалась
Унылою пѣснью.
И отзывъ далекій
Друзей отлучённыхъ,
И память о прошломъ,
О дняхъ невозвратныхъ
Бывалаго счастья,
И стоны разлуки,
И шопотъ предчувствій,
Грядущаго тайны —
Всё, всё выражала
Волшебная пѣсня
Чудесной пѣвицы.
Мнѣ видѣлось: мѣсяцъ
Стоялъ недвижимо
И звѣзды, внимая,
Горѣли яснѣе,
И грохотъ нагорный
Затихъ — и въ забвеньи
Сидѣлъ я до утра,
Мечтая о небѣ.
Пѣвица всё пѣла,
Но, вмѣстѣ съ росою,
Подъемлясь всё выше,
Какъ искра угасла,
Въ лучахъ утонула.
Откуда ты, птичка,
Небесная радость?
Гдѣ край твой далёкій,
Въ которомъ ты, прелесть,
Гостишь неотлётно?
И странникъ печальный
Въ сёмъ мірѣ мятежномъ,
По сердцу мнѣ чуждомъ,
Услышу ль опять я
Въ безмолвіи ночи,
Залётная гостья,
Твой голосъ чудесный?
Иль разъ только въ жизни
Онъ смертному слышенъ?

IV.

ЯВЛЕНІЕ НЕВѢДОМАГО.

И было — то было въ Виѳарѣ —
Креститель подъ пальмой стоялъ,
А жолтый потокъ Іордана
Кипѣлъ, и шумѣлъ, и сіялъ.

Собралося много народу:
И отрокъ, и старецъ сѣдой
Стремились, изъ жажды спасенья,
Живой окатиться водой.

Изъ дальнихъ пустынь на верблюдѣ,
Изъ ближнихъ на статномъ конѣ —
И рабъ, и свободные люди
Спѣшили къ іорданской волнѣ.

Радушно снимая одежды,
Всякъ сердце хотѣлъ обнажать;
А голосъ пустыни — пустыннымъ
Душа̀мъ возвѣщалъ благодать.

Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.

И слёзы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ;
И всѣ торопились омыться
Въ купѣльныхъ іорданскихъ волнахъ.

Но вдругъ вдохновенный Креститель
Воскликнулъ во ушію всѣхъ:

«Глядите! се Агнецъ есть Божій
Отъ міра взимающій грѣхъ!»

И взоры всѣхъ ищутъ кого-то,
Какъ-будто видѣнія сновъ;
Глядятъ, вопрошаютъ съ заботой:
«Гдѣ жь дивный взиматель грѣховъ?»

И путникъ вдали показался
Величественъ, тихъ, сановитъ;
И шолъ онъ, какъ Божія дума,
Высокою тайной покрытъ.

Такъ ходятъ алмазныя звѣзды
По синимъ своимъ высотамъ,
Сіяньемъ земнымъ обливая,
Не данствуя ихъ суетамъ.

И вспыхнули разныя чувства
На лицахъ людей и въ очахъ:
То вѣра боролась съ невѣрьемъ,
То съ сладкой надеждою страхъ.

Пытливость лукаво глядѣла
И кротость смиренно ждала:
Что́ скажетъ невѣдомый путникъ,
Какія проявитъ дѣла?

Отъ путника жь вѣяло жизнью,
Зане — онъ и жизнь и любовь;
И будетъ такъ вѣять, доколѣ
Погаснетъ лампада вѣковъ.

V.

ТРОЙКА.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ лихой — онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши —
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы-души:

«Ахъ, очи, очи голубыя,
Вы сокрушили молодца!
Зачѣмъ, о люди, люди злые,
Вы ихъ разрознили сердца?

«Теперь я бѣдный сиротина!...»
И вдругъ ямщикъ — по всѣмъ по трёмъ:
И тройкой тѣшился дѣтина
И заливался соловьёмъ.

IV.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КАРЕЛІЯ».

Пуста въ Карелѣ сторона,
Безмолвны сѣвера поляны:
Въ тиши ночной, какъ великаны,
Возставъ озёръ своихъ со дна,
Въ выси рисуются обломки —
Чуть уцѣлѣвшіе потомки
Былыхъ, первоначальныхъ горъ.
Но рѣдко человѣка взоръ
Скользитъ, заходитъ въ ихъ изгибы;
Однѣ, встревожась, плещутъ рыбы,
Иль крики чаекъ на водахъ
Пустынный отзывъ оживляютъ.
Порою, на пустыхъ брегахъ,
Сквозь млечновидные туманы,
Мелькаетъ тѣнь передъ огнёмъ,
Иль въ челнокѣ златымъ столпомъ
Огонь. И въ сумеркахъ, румяный,
Онъ стелетъ ленты подъ водой:
То сынъ Карелы молчаливый,
Безпечныхъ лововъ станъ сонливый
Тревожитъ мѣткой острогой.

Ночное небо — тутъ бываетъ —
Вдругъ разгорится, всё въ лучахъ —
Зажжотся сѣверъ и пылаетъ.
Огни то въ пламенныхъ столпахъ,
То колосистыми снопами,
Или кудрявыми дугами,
Яснѣе въ хладной высотѣ,
Выходятъ, строятся рядами,
Какъ рати въ грозной красотѣ.

Здѣсь поздно настаётъ весна;
Глубокихъ доловъ, межь горами,
Карела дикая полна:
Тамъ долго снѣгъ лежитъ буграми
И долго лёдъ надъ озерами
Упрямо жмётся къ берегамъ.
Ужь часто видятъ: по лугамъ
Цвѣтокъ синѣется подснѣжный,
И мохъ цвѣтистый оживётъ
Надъ трещиной скалы прибрежной;

А сѣрый безобразный лёдъ —
Когда глядимъ на даль съ высотъ —
Большими пятнами темнѣетъ
И отъ озёръ студёныхъ вѣетъ;
И жизнь молчитъ, и по горамъ
Бѣдна карельская берёза;
И въ самомъ маѣ, по утрамъ,
Блистаетъ серебро мороза.
Мертвѣетъ долго всё. Но вдругъ
Проснулось здѣсь и тамъ движенье;
Дохнулъ какой-то тёплый духъ
И вмигъ свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
Къ пріютамъ вѣдомымъ влекомыхъ;
Снуютъ по соснамъ пауки
И тучи, тучи насѣкомыхъ
Въ весёломъ воздухѣ жужжатъ.
Взлетаетъ жаворонокъ высоко
И отъ черёмухъ ароматъ
Ліётся долго и далёко.
И въ тайнѣ дикихъ сихъ лѣсовъ
Живутъ малиновки семьями;
Въ тиши безтѣнныхъ вечеровъ,
Луга, и боръ, и дичь бугровъ
Полны кругомъ ихъ голосами;
Поютъ — поютъ — поютъ онѣ
И только съ утромъ замолкаютъ:
Знать, въ пѣснѣ высказать желаютъ,
Чтб въ тёплой видѣли странѣ,
Гдѣ часто провождали зимы;
Или предчувствіемъ томимы,
Что скоро изъ лѣсовъ густыхъ
Дохнётъ, какъ смерть, неотвратимый
Отъ Бѣломорскихъ странъ пустыхъ
Губитель роскоши и цвѣта:
Онъ вмигъ, какъ недугъ, всё сожмётъ
И часто въ самой нѣгѣ лѣта
Природа смолкнетъ и замрётъ.

С. Е. РАИЧЪ.

Семёнъ Егоровичъ Раичъ, сынъ священника села Высокого, Кромского уѣзда, Орловской губерніи, Егора Амфитеатрова, и родной братъ покойнаго митрополита московскаго, Филарета, родился въ 1792 году въ селѣ Высокомъ. Воспитаніе получилъ онъ въ мѣстной семинаріи, по окончаніи полнаго курса въ которой поселился въ Москвѣ и сдѣлался преподавателемъ русской словесности въ университетскомъ пансіонѣ, а затѣмъ и въ другихъ казённыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Фамилію Раичъ принялъ онъ въ семинаріи, по обыкновенію, существовавшему въ то время между семинаристами. Такъ, занимаясь преподаваніемъ словесности и переводами съ иностранныхъ языковъ, Раичъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ до самой смерти.

Первымъ литературнымъ опытомъ Раича были — «Виргиліевы Георгики», переведённыя и изданныя имъ въ 1821 году въ Москвѣ. Затѣмъ, въ 1823 году, онъ издалъ альманахъ «Новыя Аониды», въ которомъ помѣстилъ нѣсколько собственныхъ стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переведённыхъ съ иностранныхъ языковъ, а въ 1827 году, вмѣстѣ съ Д. П. Ознобишинымъ, выпустилъ въ свѣтъ новый альманахъ: «Сѣверная Лира», замѣчательный тѣмъ, что въ нёмъ было помѣщено первое поэтическое произведеніе Ѳ. И. Тютчева: «Пѣснь радости», переводъ изъ Шиллера, и въ которомъ Раичъ помѣстилъ слѣдующія семь своихъ стихотвореній: «Соловью», «Амела», «Смерть Свенона, датскаго царевича» (изъ «Освобождённаго Іерусалима»), «Петроній — друзьямъ», «Вечеръ въ Одессѣ» и «Весна». Въ 1826 году въ альманахѣ «Уранія» было помѣщено шесть стихотвореній Раича, изъ которыхъ одно, «Друзьямъ», облетѣло всю Россію, и ещё до-сихъ-поръ поётся иными, подъ аккомпаниментъ гитары. Въ 1828 году, въ Москвѣ же, вышелъ въ свѣтъ его капитальный трудъ: «Освобождённый Іерусалимъ» Торквата Тасса, въ четырёхъ частяхъ, переведённый четырёхъ и трёхъ-стопнымъ ямбомъ — трудъ огромный! Чтобы дать понятіе о звучности и гладкости стиха перевода, выписываемъ его начало:

Священнымъ бранямъ пѣсни гласъ
И подвигамъ героя,
Который Гробъ Господень спасъ!
Мужъ разума и боя —
Онъ много одолѣлъ преградъ
На поприщѣ далёкомъ —
И тщетно ополчался адъ
И Ливія съ Востокомъ.
Самъ Богъ герою споборалъ
И, свыше вдохновенный,
Блуждавшихъ спутниковъ собралъ
Подъ знамена священны.

За переводомъ «Освобождённаго Іерусалима», въ началѣ 1832 года, послѣдовалъ другой переводъ, такой же знаменитой итальнской поэмы,

какъ и первая. Это была первая часть «Неистоваго Орланда», поэма Аріоста. Вторая часть этого перевода вышла въ 1835, а третья — въ 1837 годахъ. Переводъ былъ признанъ критикою весьма хорошимъ, а нѣкоторыми — даже лучшимъ, нежели «Освобождённый Іерусалимъ».

Начиная съ 1829 года, Раичъ сталъ издавать журналъ «Галлатея», прекратившійся въ концѣ 1830 года и возобновившійся въ 1839 и снова прекратившійся съ окончаніемъ 1840 года. Въ своёмъ журналѣ, почтённомъ сотрудничествомъ Пушкина, Раичъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переведённыхъ съ иностранныхъ языковъ и цѣлый рядъ мелкихъ прозаическихъ статей, не представляющихъ ничего замѣчательнаго и даже не подписанныхъ. Въ то же время стихотворенія его появились и въ нѣкоторыхъ альманахахъ и сборникахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Раичъ помѣщалъ свои поэтическія произведенія въ «Москвитянинѣ»; такъ, напримѣръ, въ 1844 году, въ 11-ой книжкѣ, былъ напечатанъ «Отрывокъ изъ сказанія ***», въ 6-й 1846-го — «Добровольный изгнанникъ», отрывокъ изъ поэмы, и въ 8-й книжкѣ за 1848 годъ — стихотвореніе «Благотворительность».

Раичъ скончался 23-го октября 1855 года, на 64-мъ году отъ рожденья, въ Москвѣ, гдѣ и погребёнъ. Онъ горячо любилъ литературу, обожалъ поэзію, какъ нѣчто священное, и былъ не только поэтомъ-стихотворцемъ, но и поэтомъ въ душѣ, въ высшемъ значеніи этого слова. Когда Сенковскій и Смирдинъ задумали издавать «Библіотеку для Чтенія» и вербовали сотрудниковъ повсюду, кто-то, по ихъ порученію, явился къ Раичу на квартиру и предложилъ ему сотрудничество въ журналѣ, намекнувъ при этомъ, что всё имъ помѣщённое въ журналѣ будетъ оплочено по столько-то съ листа. Въ отвѣтъ на это предложеніе Раичъ гордо поднялъ голову и отвѣчалъ смущённому посланцу: «Я не торгашъ — и не продаю своихъ вдохновеній. Ищите въ другомъ мѣстѣ поэтовъ, которые согласятся писать для васъ за деньги: я не принадлежу къ ихъ числу.» Свидѣтелемъ этого разговора былъ покойный Толбинъ, бывшій въ то время студентомъ Московскаго университета и квартировавшій у Раича. Разсказъ объ этомъ сохранился въ одномъ изъ его фельетоновъ. Раичъ, какъ переводчикъ «Освобождённаго Іерусалима» и «Неистоваго Орланда», не достаточно оцѣнёнъ. Какъ о нёмъ, такъ и о его переводахъ, вообще очень мало знаютъ въ публикѣ; а если никогда и вспоминаютъ о покойномъ поэтѣ, то развѣ только для того, чтобы посмѣяться надъ извѣстнымъ стихомъ изъ его «Освобождённаго Іерусалима», дѣйствительно не совсѣмъ удачнымъ:

Вскипѣлъ Бульонъ, течётъ во храмъ!

То-есть: Годфридъ Бульонскій воспламеняется и идётъ въ храмъ.

I.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА «ОСВОБОЖДЁННАГО ІЕРУСАЛИМА».

Пересадивши въ край родной
　　С Феррарскаго Парнаса
Цвѣтокъ Италіи златой,
　　Цвѣтокъ прелестный Тасса,
Лелѣялъ я какъ могъ, какъ зналъ,
　　Рукою не наёмной
И ни награды, ни похвалъ
　　Не ждалъ за трудъ мой скромный;
А выжду, можетъ-быть — упрёкъ
　　Отъ недруга и друга:
«Въ холодномъ Сѣверѣ поблёкъ
　　Цвѣтокъ прелестный Юга!»

II.

ДРУЗЬЯМЪ.

Не дивитесь, друзья,
　　Что не разъ
　　Между васъ
На пиру весёломъ я
　　Призадумывался.

Вы во всей ещё веснѣ;
　　Я почти
　　На пути
Къ тёмной Орковой странѣ
　　Съ ношей старческою.

Вамъ чрезъ горы, черезъ лѣсъ
　　И пышнѣй,
　　И милѣй
Свѣтитъ солнышко съ небесъ
　　Въ утро радостное.

Вамъ у жизни пировать;
Для меня
Свѣту дня
Скоро вовсе не сіять
Жизнью сладостною

Не дивитесь же, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру весёломъ я
Призадумывался.

Я чрезъ жизненну волну
Въ челнокѣ
На-легкѣ
Одинокъ плыву въ страну
Неразгаданную.

Я къ брегамъ бросаю взоръ —
Чтò мнѣ въ нихъ,
Каждый мигъ
Отъ меня, какъ на позоръ,
Въ мглѣ скрывающихся?

Чтó мнѣ въ нихъ? Я молодъ былъ
Но цвѣтовъ
Съ тѣхъ бреговъ
Не срывалъ, вѣнковъ не вилъ
Въ скучной молодости.

Я плыву и наплыву
Черезъ мглу
На скалу
И сложу мою главу
Неоплаканную.

И кому надъ сиротой
Слёзы лить
И грустить?
Кто на прахъ холодный мой
Взглянетъ жалостливо?

Не дивитеся, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру весёломъ я
Призадумывался!

М. А. ДМИТРІЕВЪ.

Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, родной племянникъ извѣстнаго поэта, Ивана Ивановича Дмитріева, родился въ Москвѣ 23-го мая 1796 года. Родъ Дмитріевыхъ ведётъ своё происхожденіе отъ князей Смоленскихъ, черезъ Ростислава, внука Владиміра Мономаха. Послѣдній изъ князей Смоленскихъ, Александръ, прозванный *Нѣтшею*, вслѣдствіе притѣсненій Литвы, принуждёнъ былъ удалиться въ нѣмецкую землю, гдѣ пробылъ долгое время и только при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ возвратился во вновь устроенную Москву, послѣ чего уже не именовался болѣе княземъ Смоленскимъ. Что же касается потомковъ его, то они сдѣлались родоначальниками нѣсколькихъ новыхъ родовъ, въ томъ числѣ и рода Дмитріевыхъ. Одинъ изъ Дмитріевыхъ, прапрадѣдъ Михаила Александровича, служилъ стольникомъ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ и, какъ значится въ жалованной граматѣ, первый привёлъ къ Троицкой лаврѣ свой полкъ на защиту юныхъ царей. Достигнувъ глубокой старости, онъ построилъ Богоявленскій монастырь на Волгѣ, гдѣ былъ вскорѣ постриженъ, скончался и погребёнъ.

Первоначальное воспитанье молодой Дмитріевъ получилъ дома, а затѣмъ былъ опредѣлёнъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, воспитавшій едва ли не половину извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей начала нынѣшняго столѣтія. Окончивъ курсъ въ 1813 году, Дмитріевъ опредѣлился на службу въ Москвѣ, гдѣ и прослужилъ до самой отставки, послѣдовавшей въ 1846 году, пройдя всѣ степени служебной іерархіи, до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званія камергера, причёмъ послѣдніе десять лѣтъ службы пробылъ оберъ-прокуроромъ одного изъ московскихъ департаментовъ правительствующаго Сената.

На литературное поприще Дмитріевъ выступилъ очень рано. Стихотворенія его стали появляться въ современныхъ журналахъ тотчасъ по выходѣ его изъ университетскаго пансіона. Впрочемъ, всё писанное имъ въ первое время его литературной дѣятельности было довольно слабо — и потому не заслуживаетъ даже поименованія. Только начиная со второй половины двадцатыхъ годовъ, стихотворенія Дмитріева стали обращать на себя вниманіе любителей поэзіи, такъ-какъ стихъ у него значительно выработался и сдѣлался весьма звучнымъ, чтò въ то время встрѣчалось далеко не у всѣхъ, писавшихъ стихи. Большая часть стихотвореній этого времени была помѣщена Дмитріевымъ въ журналахъ «Атеней» и «Галатея» и альманахахъ «Уранія», «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» и другихъ. Особенно стали обращать на себя вниманіе его сатирическія, непечатныя стихотворенія и пародіи на извѣстныя произведенія извѣстнѣйшихъ

изъ нашихъ поэтовъ. Особенно замѣчательны его пародіи на «Свѣтлану» Жуковскаго, въ которой, вмѣсто Свѣтланы, фигурируетъ его литературный врагъ, тогдашній издатель «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевой. Чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ о достоинствѣ этихъ пародій, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ названной пародіи на знаменитую балладу Жуковскаго.

I.

Разъ, въ началѣ января,
Собрались поэты,
Объявленія смотря
Въ нумерахъ газеты.
Всякій думалъ и гадалъ —
Трудное гаданье —
Чей на новый годъ журналъ
Сдержитъ обѣщанье?
Тутъ сидѣлъ и Полевой,
Длинный, жолтый и худой,
Искрививши рожу,
И глядѣлъ онъ, какъ кощей —
И съ подписчиковъ-друзей
Въ мысляхъ дралъ ужъ кожу.

Всѣ шумятъ, всѣ говорятъ,
Всякъ другъ друга славитъ,
Кто берётъ стиховъ подрядъ,
Кто брань на̀ вѣсъ ставитъ.
— «Николай Лексѣичъ, что̀
Вы одни ни слова?
Собрались ли съѣсть кого?
До̀ма ль нездорово?
Местью ль дышете къ властямъ,
Или скучно съ нами вамъ?
Мы не гегелисты,
А журналъ на новый годъ
Вѣрный вамъ сулитъ доходъ,
Хоть доходъ нечистый.»

— «Какъ, друзья, вперёдъ узнать
Быть въ тискахъ ли, въ нѣгѣ ль?
За Кузена ли стоять?
Въ модѣ ль будетъ Гегель?
Міровой ли взглядъ на міръ?
Сказки ли — жаръ-птица?
Старый другъ ли мой Шекспиръ,
Или свекловица?
Неизвѣстно намъ ничто?»
И икнулъ онъ, молвивъ то̀,
По привычкѣ русской,
И въ купеческій свой чай
На̀лилъ рому черезъ край
И хлебнулъ съ прикуской.

II.

Вышелъ — о, недобрый часъ!
Передъ нимъ самъ частный.
Ротъ разинулъ онъ, смутясь,
Какъ банкротъ безгласный.
Гдѣ доходъ, журнальный бой,
Гдѣ продажа славы!
«Не угодно ли со мной?
Вотъ приказъ Управы!»
Какъ телёнокъ, журналистъ,
Видно чуя, что не чистъ,
Вышелъ изъ передней.
Ночь — хоть выколи глаза;
Собирается гроза;
Воетъ пёсъ сосѣдній.

Вотъ извощикъ встрѣчу имъ
Ѣдетъ запоздалый:
Отъ коня не паръ, а дымъ:
Чуть бредётъ усталый.
За рублёвикъ серебромъ
Онъ къ Перовой рощѣ
Дулъ съ купеческимъ сынкомъ
На скотинѣ тощей.
Плутъ хотѣлъ-было стегнуть,
Отъ полиціи свернуть
За̀ уголъ, смиренный —
Кнутъ въ рукахъ окостенѣлъ...
«Стой!» вдругъ частный заревѣлъ:
«Видишь — *по казенной!*»

Сѣли. Ѣдутъ. Конь пыхтитъ,
Головой мотая;
Спутникъ только-что сопитъ,
Брюхо поднимая.
Ѣдутъ дикимъ пустырёмъ
Въ тишинѣ глубокой;
Ни окна нигдѣ съ огнёмъ;
Лай собакъ далёкой...
Сердце вѣщее дрожитъ.
«А куда намъ путь лежитъ?»
Только крякнулъ частный...
Слышенъ крикъ: «ку-ку-ре-ку!»
Онъ понюхалъ табаку —
И молчитъ безгласный.

Чай ужь много на часахъ?
Время безъ движенья —
И свершаются въ очахъ
Странныя явленья:
То изъ тьмы глубокой вмигъ
Колокольня встанетъ,
Сверху окнами на нихъ
Точно-будто взглянетъ;
То изъ нижняго жилья,
Въ захолустьи, безъ плетня,
Двѣ свѣчи, какъ очи,
Замелькаютъ имъ во слѣдъ;
То берёза, какъ скелетъ,
Машетъ въ мракѣ ночи.

Вотъ пріютецъ въ сторонѣ.
Чья же то обитель?
Днёмъ молчитъ — въ полночной мглѣ
Бодръ безмолвный житель.
Всѣхъ къ сознанью онъ зовётъ:
Нѣтъ другихъ вопросовъ.
Ѣдутъ мимо. — «Кто идётъ?»
Заревѣлъ философъ.
— «Что горланишь? видишь — я!
Не узналъ со сна меня,
Хамово отродье?»
Стражъ, хрипя, пробормоталъ:
«Виноватъ! не распозналъ
Ваше благородье!»

Но вотъ выбрались они —
Мѣсто пожилѣе:
Свѣтятъ изрѣдка огни,
Призраки живѣе.
Видятъ — лѣзетъ на фонарь
Изъ депа служитель,
Бывшій хвабрый воинъ встарь
Нынѣ — просвѣтитель.
На бульварѣ межъ кустовъ
Слышенъ лёгкій шумъ шаговъ,
Слышенъ хохотъ, рѣчи,
Что-то бѣлое скользитъ —
И князь Шаликовъ *) спѣшитъ
Къ сладострастной встрѣтѣ...

Вотъ отъ Иверскихъ воротъ,
Гдѣ толпа народа,
Взявъ на право поворотъ,
Прибавляетъ хода.
Небо цвѣта *грипусье;*
Сумраченъ Кремль царскій;
Изъ толпы глядитъ мусье,
Страшенъ, какъ *сиръ-Барскій.* **)
Блѣденъ онъ, какъ смерть, стоитъ.
Мимо что-то вдругъ бѣжитъ
Съ визгомъ, въ родѣ стона;
Чьи-то молвили уста:
«Это — что-то безъ хвоста:
«Видно, *Абадона!*»

Въ двадцатыхъ годахъ Дмитріевъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ литературной полемикѣ того времени, возникшей по поводу появленія въ свѣтъ первыхъ поэмъ Пушкина, причёмъ Дмитріевъ сталъ на сторону его противниковъ, ратуя противъ романтизма. Полемику свою Дмитріевъ началъ съ того, что помѣстилъ въ пятомъ нумерѣ «Вѣстника Европы» на 1824 годъ статью: «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ «Бахчисарайскаго Фонтана», направленную противъ статьи князя Вяземскаго, помѣщённой имъ *вмѣсто предисловія* къ «Бахчисарайскому Фонтану» Пушкина и озаглавленной такъ: «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или Васильевскаго Острова». Вяземскій утверждалъ, что появленіе романтизма въ нашей литературѣ связано съ именемъ Ломоносова, который бралъ свои образцы у нѣмцевъ — и потому поэзія романтичесяая намъ сродна. Дмитріевъ же, въ своей статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», старался опровергнуть это положеніе. Князь Вяземскій отвѣчалъ въ «Дамскомъ Журналѣ»; его отвѣтъ вызвалъ новое возраженіе со стороны Дмитріева, озаглавленное: «Отвѣтъ на статью о литературныхъ мистификаціяхъ», помѣщённое въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» (№ 7). На эту статью князь Вяземскій отвѣчалъ снова въ «Дамскомъ Журналѣ», а на его отвѣтъ Дмитріевъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ» же (№ 8) новое возраженіе. Впрочемъ, споръ не ограничился и этими послѣдними статьями: князь Вяземскій ещё долго продолжалъ помѣщать въ «Дамскомъ Журналѣ» князя Шаликова статьи противъ Дмитріева, а по-

*) Князь П. И. Шаликовъ — сентиментальный пѣвецъ любви и издатель «Дамскаго Журнала», посвящённаго исключительно прославленію прекраснаго пола.

**) Намёкъ на промахъ Полевого, переведшаго когда-то словомъ *грипусье* французское выраженье: gris poussière (сѣро-пыльный) и сдѣлавшаго изъ *владѣтеля Бара* (Sir de Bar) — *сира-Барскаго.*

слѣдній не переставалъ ему возражать на каждую изъ нихъ въ «Вѣстникѣ». Споръ этотъ долго занималъ вниманіе читателей обѣихъ журналовъ и кончился тѣмъ, что вовлёкъ въ полемику самого Пушкина. Изъ полемическихъ произведеній Дмитріева можно ещё указать на статью, помѣщённую въ 1-й части «Атенея» на 1829 годъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «О противникахъ и защитникахъ исторіи Карамзина».

Лучшимъ временемъ поэтической дѣятельности Дмитріева было время изданія «Москвитянина» (1841—1856), рѣдкая книжка котораго обходилась безъ стихотвореній Дмитріева, изъ которыхъ многія обращали на себя общее вниманіе, благодаря всегда оригинальной мысли и хорошему стиху. Къ сожалѣнію, въ основѣ большинства его стихотвореній лежитъ какое-то недовольство настоящимъ и боязнь за будущее, что производитъ тяжолое впечатлѣніе на читателя. Въ томъ же «Москвитянинѣ» были помѣщены слѣдующія прозаическія статьи Дмитріева: «О натуральной школѣ» (1848), «О введеніи тоническаго стопосложенія и началѣ нашего стихотворства» и отрывки изъ «Мелочей изъ запаса моей памяти» (1853, №№ 1, 3 и 4). Годъ спустя, отрывки эти были собраны авторомъ въ одну книгу и изданы имъ въ 1854 году, подъ тѣмъ же заглавіемъ. Второе же изданіе «Мелочей» сдѣлано въ 1869 году редакціей «Русскаго Архива», уже по смерти автора. Рецензентъ «Современника» (1855, № 1, отд. IV, стр. 11), отдавая должную справедливость занимательности и живости записокъ Дмитріева, упрекнулъ ихъ въ непріязненномъ расположеніи къ современной литературѣ. Это замѣчаніе вызвало со стороны Дмитріева слѣдующій отвѣтъ, помѣщённый во второмъ изданіи «Мелочей» (стр. 188): «Напрасно «Современникъ», журналъ прекрасный по составу своему и достойный уваженія, упрекаетъ меня въ томъ, что будто я обнаруживаю нелюбовь мою къ новой нашей литературѣ. Нѣтъ! всякій просвѣщённый человѣкъ знаетъ, что литература измѣняется вмѣстѣ съ ходомъ времени; что она не только не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ, но и не должна. Я, съ своей стороны, не только признаю въ нынѣшней литературѣ всё, что встрѣчаю хорошаго; но, можетъ-быть, никто, моихъ лѣтъ, не восхищается съ такимъ жаромъ всѣмъ хорошимъ. Не многіе, можетъ-быть, читали съ такимъ увлеченіемъ и радовались такъ, какъ я, читая «Записки Охотника» и романы «Обыкновенная исторія» и «Львы въ провинціи». Знаю, что ни въ карамзинское время, ни въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія не было и не могло быть такихъ произведеній; но знаю и тó, что въ то время не было тѣхъ уклоненій отъ изящнаго вкуса и отъ истины сужденій, какія встрѣтаются нынѣ.»

Кромѣ исчисленныхъ нами произведеній Дмитріева, онъ издалъ ещё слѣдующія сочиненія и переводы: 1) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій. Сочиненіе М. Дмитріева. М. 1851. Тоже, изданіе второе, обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное. М. 1863. 2) Наука поэзіи или посланіе къ пизонамъ Квинта Горація Флакка. Перевёлъ въ стихахъ М. Дмитріевъ. М. 1853. 3) Сатиры Квинта Горація Флакка. Съ латинскаго перевёлъ въ стихахъ М. Дмитріевъ. М. 1858. 4) Московскія элегіи. М. А. Дмитріева, М. 1858. М. А. Дмитріевъ былъ женатъ на дѣвицѣ Вельяминовой-Зерновой. Скончался 5-го сентября 1866 года, на 71-мъ году.

«Стихотворенія М. А. Дмитріева» были изданы авторомъ два раза: въ первый разъ — въ 1831, а во второй — въ 1865 году, оба въ Москвѣ.

I.

ПОДВОДНЫЙ ГОРОДЪ.

Море ропщетъ, море стонетъ;
Чуть подниметcя волна,
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она.

Море плачетъ; брегъ песчаный
Одинокъ, печаленъ, дикъ;
Небо тускло; сквозь туманы
Всходитъ блѣденъ солнца ликъ.

Молча нà воду спускаетъ
Лодку ветхую рыбакъ;
Мальчикъ сѣти разстилаетъ,
Глядя молча въ дальній мракъ.

И задумался онъ, глядя,
И взяла его тоска.
— «Чтó такъ море стонетъ, дядя?»
Онъ спросилъ у рыбака.

— «Видишь шпиль? какъ насъ въ погодку
Закачало, съ годъ тому —
Помнишь ты, какъ нашу лодку
Привязали мы къ нему?

«Тутъ былъ городъ всѣмъ привольный
И надъ всѣми господинъ:

Нынче шпиль отъ колокольни
Видѣнъ изъ моря одинъ.

«Городъ, слышно, былъ богатый
И нарядный, какъ женихъ;
Для себя копилъ онъ злато,
А съ сумой пускалъ другихъ.

«Богатырь его построилъ —
Топь костьми онъ забутилъ:
Только съ Богомъ какъ ни спорилъ,
Богъ его перемудрилъ.

«Въ наше море въ стары годы,
Говорятъ, текла рѣка —
И сперла гранитомъ воды
Богатырская рука.

«Но подула буря съ моря —
И назадъ пошла ихъ рать,
Волнъ морскихъ не переспоря,
Человѣку вымещать.

«Всё за-то, что прочихъ братій
Братъ богатый позабылъ:
Ни молитвъ ихъ, ни проклятій
Онъ не слушалъ—ѣлъ и пилъ.

«Отъ того порою стонетъ
Моря тёмная волна;
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она».

Мальчикъ слушалъ робко глядя:
Страшно дѣлалось ему.
— «А какое жь имя, дядя,
Было городу тому?»

— «Имя было—да чужое,
Позабытое давно.
Оттого что не родное—
И не памятно оно.»

II.

ДУМА.

Невѣрно ничто подъ луною!
Сегодня веселія часъ,
А завтра лежимъ подъ землёю —
И завтра не вспомнятъ объ насъ.

Бывали весёлые люди
И прежде; но гдѣ же они?
А вѣчная память имъ буди:
Жилося въ тѣ старые дни!

И вдоволь они пировали,
И поздно отправились спать.
Какъ прадѣды наши гуляли —
Друзья, ужь намъ такъ не гулять!

Безъ думъ поколѣнье ихъ жило,
И всякій былъ жизнію сытъ,
И вѣрили: будетъ, что было!
И внýчатъ устроили бытъ.

Улёгся ихъ прахъ подъ травою:
Такъ выпьемъ же въ честь старикамъ!
Какъ будемъ лежать подъ землёю,
Не выпьютъ ли въ память и намъ.

Но чтó же мы въ память оставимъ,
Чтобъ было насъ чѣмъ помянуть?
И землю, и воду мы давимъ,
Желѣзный открыли мы путь:

А знаемъ, что завтра не наше,
Что наше — не нашихъ дѣтей.
Съ оглядкой подходимъ мы къ чашѣ:
Раздумье на днѣ и у ней.

Безъ удали наши веселья,
Заботы въ разладѣ съ судьбой,
И въ часъ беззаботный похмѣлья
Всё дума стоитъ за спиной.

За днями дни йдутъ на смѣну;
Ни часъ намъ не вѣренъ, ни мигъ;
И каждый ведётъ перемѣну
И рушитъ, чтó прежній воздвигъ.

Ужель мы оставимъ обломки?
Ужели начатки одни?
И если насъ вспомнятъ потомки,
Добромъ ли насъ вспомнятъ они?

Невѣрно ни что подъ луною!
Не вѣренъ веселія часъ!
Но сила надъ нашей душою —
О радость — во власти у насъ!

Во власти у насъ, чтобы внуки
О насъ вспомянули добромъ.
Разлейтесь весёлые звуки!
Ходите бокалы кругомъ!

———

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Кондратій Ѳёдоровичъ Рылѣевъ, извѣстный русскій поэтъ, родился 18-го сентября 1796 года. О раннемъ дѣтствѣ его мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что отецъ Кондратія Ѳёдоровича, отставной полковникъ Ѳёдоръ Андреевичъ Рылѣевъ, былъ нрава крутого и обращался съ семействомъ деспотически. Его раздраженіе нерѣдко доходило до того, что онъ запиралъ жену свою, Настасью Матвѣевну, въ погребъ и держалъ её въ нёмъ по цѣлымъ днямъ. Чтобы избавить ребёнка отъ строгости отца, злополучная мать принуждена была отдать своего единственнаго сына, которому въ то время не исполнилось ещё и пяти лѣтъ, въ 1-й кадетскій корпусъ, куда онъ, по свидѣтельству Кропотова, и былъ принятъ 23-го января 1801 года. Здѣсь Рылѣевъ пробылъ около тринадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ постоянно принадлежалъ по успѣхамъ въ наукахъ къ воспитанникамъ 1-го разряда, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста письма его къ отцу, отъ 17-го декабря 1812 года: «Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи, чинъ, плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ни чѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастіе пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго и чадолюбиваго за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во всё время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ.» Послѣдняя фраза, заключающая въ себѣ указаніе на *долголѣтнее* пребываніе Рылѣева въ корпусѣ, можетъ отчасти подтвердить свидѣтельство Кропотова о тринадцати годахъ, проведённыхъ нашимъ поэтомъ въ корпусѣ, въ чёмъ нѣкоторые сомнѣваются. Въ корпусѣ же Рылѣевъ изучилъ весьма основательно языки французскій, польскій и нѣмецкій, особенно послѣдній, съ которымъ онъ къ выпуску освоился до того, что впослѣдствіи былъ членомъ 1-й степени въ масонской ложѣ Пламенѣющей Звѣзды, гдѣ всѣ пренія происходили исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о тогдашнемъ образѣ мыслей, умственномъ развитіи и образованіи молодого поэта, приведёмъ здѣсь ещё одинъ отрывокъ изъ того же письма его къ отцу, нѣсколько строкъ изъ котораго были приведены нами выше: «Та минута, которую достичь жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, устрашонный философами, желалъ бы отдалить ещё на время, быстро приближается. Эта минута — есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но вѣрно не столь опасный, какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей. Такъ, любезный родитель, я знаю свѣтъ только по однимъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ нёмъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея наготѣ, во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ златыхъ цѣпяхъ вольности и дружбы, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащённыхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи. Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій — и ужасается. Несчастія занимаютъ первое мѣсто, за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе. Устрашонное моё воображеніе и разсудокъ мой съ трепетомъ гласятъ мнѣ: «заблуждённый молодой человѣкъ! развѣ ты не видишь, чего желаешь съ такимъ безмѣріемъ? Ты стремишься въ свѣтъ; но посмотри — тамъ гибель ожидаетъ тебя. Посмотри, тамъ бездны изрыты на каждомъ шагу твоёмъ: берегись низринуться въ нихъ. Безразсудный, въ свѣтѣ каждая минута твоя будетъ отравляема горькихъ страхомъ, и ты не насладишься жизнью. Хотя бы ты проходилъ свѣтъ ощупью, но не избѣгнешь несчастія: скрытныя сѣти вовлекутъ тебя въ оныя — и ты погибнешь.» Такъ говоритъ мнѣ умъ, но сердце, вѣчно съ нимъ соперничествующее, учитъ меня противному: «Иди смѣло, презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія, и если оныя постигнутъ тебя, ты переноси ихъ съ истинной твёрдостью, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесёшься превыше человѣковъ.» Тутъ я восклицаю: «быть героемъ, вознестись превыше человѣчества — какія сладостныя мечты!» О, я повинуюсь сердцу!»

Любовь къ поэзіи развилась въ Рылѣевѣ очень рано. Ещё будучи ребёнкомъ, онъ пописывалъ стихи, а съ переходомъ въ высшіе классы сдѣлался присяжнымъ корпуснымъ поэтомъ. Каждое написанное имъ стихотвореніе тотчасъ же заучивалось всѣми его товарищами, горячими поклон-

никами его таланта, а спустя нѣкоторое время появлялось и внѣ стѣнъ корпуса, гдѣ также находило себѣ читателей и хвалителей. Такимъ образомъ, ещё будучи кадетомъ, онъ уже пользовался нѣкоторою извѣстностью въ Петербургѣ, какъ поэтъ, и, въ особенности, какъ сочинитель сатирическихъ стихотвореній, предметомъ которыхъ были—корпусное начальство, экономъ и товарищи. Выпущенный 10-го февраля 1814 года прапорщикомъ въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду, Рылѣевъ немедленнно выступилъ съ нею въ походъ, и, спустя два мѣсяца, былъ уже на берегахъ Рейна, который произвёлъ на него самое сильное впечатлѣніе, какъ это видно изъ письма его къ матери, которое и помѣщаемъ здѣсь: «Дражайшая матушка, Настасья Матвѣевна! Ровно почти черезъ годъ я вновь переправляюсь черезъ Рейнъ. Какая величественная рѣка! Какое чудесное зрѣлище! При приближеніи къ ней, я ощутилъ нѣкоторый родъ благоговѣнія: множество различныхъ чувствъ волновали душу мою. Года за четыре передъ симъ, кто предполагалъ, что войска чуждыхъ странъ такъ легко будутъ переправляться черезъ рѣку сію? Этого мало! Кто могъ предполагать столь быстрыя дѣйствія союзниковъ и столь слабое сопротивленіе противниковъ? Но обстоятельства перемѣнились: чтó было за четыре года, чтó могло быть тогда — то не будетъ и не можетъ быть теперь. Великая нація теперь — слабая, войско ея — шайки разбойниковъ, начальникъ — странствующій Донъ-Кихотъ. Но куда завлекли меня мрачныя размышленія? Какъ могу я опредѣлять случаи будущности? Время! время! Лѣта, скорѣе удвойте полётъ свой: любопытство знать будущее снѣдаетъ меня.»

По возвращеніи русской арміи въ отечество, Рылѣевъ переведёнъ былъ въ 11-ю конно-артиллерійскую роту, расположонную въ Несвижѣ, Минской губерніи. Затѣмъ, въ началѣ 1817 года, батарея, въ которой служилъ онъ, была переведена на стоянку въ Воронежскую губернію, въ городъ Острогожскъ. Здѣсь, не въ дальнемъ разстояніи отъ города, въ селѣ Подгорномъ, познакомился онъ съ семействомъ его владѣльца, Михаила Григорьевича Тевяшова — и вскорѣ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Но, не смотря на радушіе и хлѣбосольство хозяевъ — не они были главной причиной весьма частыхъ посѣщеній Рылѣевымъ ихъ дома: его привлекала въ Подгорное младшая дочь хозяина, Наталья Михайловна, въ которую Рылѣевъ влюбился съ перваго взгляда. «Не будучи романистомъ», писалъ онъ матери, тотчасъ послѣ перваго объясненія съ предметомъ своей страсти, «не стану описывать ея милую наружность, а изобразить душевныя ея качества почитаю себя весьма слабымъ; скажу только вамъ, что милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ и не видѣвшая никогда большого свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по французски. Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи содѣлать счастіе каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю её, любезная матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно.» Предложеніе Рылѣева было принято, какъ дочерью, такъ и ея родителями, благосклонно — и молодые люди были вскорѣ объявлены женихомъ и невѣстой; но свадьба, по разнымъ обстоятельствамъ не могла состояться тогда же, вслѣдствіе чего и была отложена до другого, болѣе удобнаго времени. Затѣмъ, 26-го декабря 1818 года, Рылѣевъ, по желанью отца невѣсты, оставилъ службу, и провёлъ слишкомъ годъ безъ всякаго дѣла, въ ожиданіи свадьбы, которая состоялась только 22-го января 1820 года, вопреки желанію его матери. Послѣ женитьбы, Рылѣевъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ поступилъ на службу, по выборамъ дворянства, засѣдателемъ въ уголовную палату. Здѣсь Кондратій Ѳёдоровичъ тотчасъ обратилъ на себя общее вниманіе, благодаря безукоризненно-честному исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Незадолго до наступленія 1825 года, ему было предложено и принято имъ мѣсто правителя дѣлъ въ правленіи Россійско-американской Компаніи, которой, по свидѣтельству тогдашняго директора правленія И. В. Прокофьева, онъ оказалъ большія услуги своей неусыпной дѣятельностью и честнымъ отношеніемъ къ дѣламъ ея, которыя, между-прочимъ, послужили поводомъ къ сношеніямъ его съ Н. С. Мордвиновымъ и М. М. Сперанскимъ. 1824 и 1825 года Рылѣевъ прожилъ съ семействомъ въ домѣ компаніи, находящемся на Мойкѣ, между Синимъ и Краснымъ мостами, гдѣ и былъ арестованъ 15-го декабря 1825 года. Послѣднимъ крупнымъ событіемъ, предшествовавшимъ его аресту, было дѣятельное участіе его, какъ секунданта, въ кровавой дуэли, происходившей между родственникомъ его, гвардейскимъ офицеромъ Черновымъ и флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ и окончившейся смертью обоихъ противниковъ.

Первымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ Рылѣевымъ, была знаменитая его сатира «Къ временщику», помѣщённая въ 4-й части «Невскаго Зрителя» на 1820 годъ и обратившая на себя общее вниманіе. Затѣмъ, въ томъ же году и въ томъ же журналѣ, а также и въ журналахъ «Благонамѣренный» Измайлова и «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина былъ напечатанъ цѣлый рядъ его стихотвореній, весьма слабыхъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. То же самое можно сказать и о стихотвореніяхъ слѣдующаго года, напечатанныхъ въ «Невскомъ Зрителѣ». За-то въ «Сынѣ Отечества» того же года появились двѣ первыя его думы: «Курбскій» и «Святополкъ», и «Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу», замѣченныя всѣми. Въ 1822 году, вслѣдъ за двумя первыми думами, на страницахъ «Русскаго Инвалида», «Соревнователя Просвѣщенья», «Новостей Литературы» и «Сына Отечества» появилось ещё тринадцать думъ: «Смерть Ермака», «Артамонъ Матвѣевъ», «Богданъ Хмѣльницкій», «Святославъ», «Глинскій», «Димитрій Самозванецъ», «Олегъ Вѣщій», «Ольга при могилѣ Игоря», «Волынскій», «Михаилъ Тверской», «Димитрій Донской», Державинъ» и «Боянъ», принятыхъ публикою также благосклонно, какъ и двѣ первыя. Въ слѣдующемъ 1823 году шесть новыхъ думъ («Рогнѣда», «Борисъ Годуновъ», «Мстиславъ Удалой», «Иванъ Сусанинъ», «Наталья Долгорукова» и «Пётръ Великій въ Острогожскѣ») были напечатаны Рылѣевымъ въ «Полярной Звѣздѣ», «Новостяхъ Литературы» и «Соревнователѣ» и встрѣтили такой же радушный пріёмъ со стороны публики, какъ и всѣ предыдущія. Но лучшимъ стихотвореніемъ Рылѣева, напечатаннымъ въ этомъ году («Литературные Листки», 1823, № 3), было «Видѣніе», написанное на день тезоименитства великаго князя Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго государя, и проникнутое самымъ горячимъ патріотизмомъ, доходящимъ до восторженности и прорицанія. Весь 1824 годъ былъ, повидимому, посвящёнъ Рылѣевымъ подготовкѣ къ изданію «Думъ» и поэмы «Войнаровскій», такъ-какъ въ этотъ періодъ времени онъ напечаталъ всего четыре небольшихъ отрывка изъ названной поэмы, помѣщённыхъ въ «Полярной Звѣздѣ» и журналахъ своихъ пріятелей: «Соревнователѣ Просвѣщенья» и «Сынѣ Отечества». 1825 годъ былъ ознаменованъ выходомъ въ свѣтъ двухъ отдѣльныхъ изданій Рылѣева, озаглавленныхъ: «Думы, стихотворенія К. Рылѣева. Москва, 1825» и «Войнаровскій, сочиненіе К. Рылѣева. Москва. 1825». Оба эти произведенія были встрѣчены публикой съ восторгомъ и раскуплены въ самое короткое время, такъ-что къ концу года надо было приступить къ новому изданію, которое, однако, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не могло состояться. Послѣдними стихотвореніями, напечатанными Рылѣевымъ, были слѣдующія: «Смерть чигиринскаго старосты», «Стансы», «Кіевъ», «Исповѣдь Наливайки («Полярная Звѣзда»), «Гайдамакъ» («Соревнователь Просвѣщенья»), «Палѣй» и «В. Н. Столыпиной» («Сѣверная Пчела»). Всѣ эти стихотворенія, за исключеніемъ стансовъ и посланія къ Столыпиной, есть отрывки изъ двухъ задуманныхъ имъ незадолго до катастрофы и неоконченныхъ поэмъ: «Наливайко» и другой, названье которой не сохранилось, но которая, судя по нѣкоторымъ даннымъ, должна была называться «Мазепа». Остальныя стихотворенія Рылѣева, непопавшія въ печать при жизни поэта, были собраны г. Ефремовымъ и отпечатаны въ изданныхъ имъ въ 1872 году «Сочиненіяхъ Рылѣева». Лучшіе изъ этихъ стихотвореній: «Гражданинъ» и «Гражданское мужество».

Рылѣевъ не былъ первокласснымъ поэтомъ: онъ былъ только поэтомъ-гражданиномъ. Въ своё время онъ пользовался громкою славой и имѣлъ множество почитателей, которые ревностно распространяли его произведенія ещё въ рукописи. Единственною мыслью, руководившею его перомъ, постоянной его идеей — было желаніе пробудить въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ чувство любви къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны «Думы», въ которыхъ господствуетъ патріотическій романтизмъ, и о которыхъ ещё недавно было сказано въ одномъ журналѣ, что и теперь многія изъ нихъ могли бы имѣть благородное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ нёмъ патріотическія чувства, любовь къ отечеству и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ, такъ-какъ лучшіе люди нашей старины, прославленные исторіей, нашли въ Рылѣевѣ своего вдохновеннаго пѣвца. Хотя, при настоящемъ состояніи нашей литературы, «Думы» Рылѣева не могутъ имѣть другого значенія, кромѣ воспитательно-патріотическаго, въ смыслѣ чтенія учащимся юношествомъ, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ хранятъ на себѣ печать истиннаго таланта и отличаются такимъ стихомъ, который сдѣлалъ бы честь современнымъ поэтамъ. Поэма Рылѣева «Войнаровскій» также очень правилась читающей публикѣ, благодаря своей патріотической подкладкѣ и блестящему стиху. Были и такіе, которые старались доказать не-

чатно, что поэма Рылѣева «стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина, оригинальнаго только въ «Цыганахъ»; но этому и въ то время вѣрили только самые восторженные почитатели злополучнаго поэта. Но если Рылѣевъ не былъ талантомъ первой величины, то, во всякомъ случаѣ, его мѣсто около Пушкина, среди лучшихъ членовъ его школы. Самъ Пушкинъ, повидимому, не былъ очень высокаго мнѣнія о стихахъ Рылѣева, какъ это видно изъ отрывочныхъ отзывовъ, разбросанныхъ въ его письмахъ, тѣмъ не менѣе онъ находилъ ихъ выходящими изъ обыкновеннаго уровня. Если сравнить лучшія патріотическія стихотворенія Рылѣева съ такими же произведеніями поэтовъ пушкинской плеяды, то, конечно, перевѣсъ окажется на сторонѣ перваго.

День смерти Кондратія Ѳёдоровича Рылѣева — 13-е іюля 1826 года.

Полное собраніе сочиненій Рылѣева издано г. Ефремовымъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сочиненія и переписка Кондратія Ѳёдоровича Рылѣева. Изданіе его дочери. Подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872.»

I.

ВИДѢНІЕ.

Ода въ день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньи:
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробуждённымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь паритъ;
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горитъ.

Но вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ берётъ у нихъ,
То, трепеща, въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ нёмъ и кровь и умъ —
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На лёгкомъ облакѣ, какъ дымъ
И, улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнёмъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла;
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ,
Довольно громкозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла:
Твой вѣкъ иная ждётъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла!
Затьмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеньи сонмъ царей!
Быть-можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона!
Учись заранѣ быть царёмъ!

«Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ!

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби

И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье — истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надёжный другъ властей.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ;
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари!»

II.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронёю —
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ,
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твёрдою законовъ!

Одушевлённые тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой!
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой:
Одинъ, какъ твёрдый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знамёнамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ — достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя —
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьётъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племёнъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сражонныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ
Вездѣ лилася кровь ручьёмъ.
Увы! Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой.
Но много ль было Цицероновъ?

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Пока ещё въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ —

На благо сѣверныхъ племёнъ —
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

И такъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на Провидѣнье!
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ:
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твёрдъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ —
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ:
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, ревётъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, Кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

III.

КЪ ВРЕМЕНЩИКУ *).

(Подражаніе Персіевой сатирѣ «Къ Рубелію».)

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесённый въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ прѣзрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь:
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобою униженьемъ!
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презреніемъ я на тебя гляжу
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу?
Чтб сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Чтб власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ-будто для позора!
Когда во мнѣ когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
Чтб пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ — одни достоинства почтенны!
Сеянъ, и самые цари безъ нихъ — презрѣнны!
И въ Цицеронѣ мной не консулъ — самъ онъ чтимъ,
За-то, что имъ спасёнъ отъ Катилины Римъ.
О, мужъ, достойный мужъ! почто не можешь, снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи: родиться можетъ онъ —
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество моё кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ-быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть?
Не зная о своёмъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи!
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь:
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довёлъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о, временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Всё трепещи, тиранъ! — за зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесётъ потомство!

*) Подъ приведённымъ заглавіемъ стихотвореніе это было напечатано въ 4-й части «Невскаго Зрителя» на 1820 годъ. Независимо отъ своего литературнаго достоинства и значенія, какъ общественной сатиры, оно заслуживаетъ вниманія ещё и потому, что есть первое, по времени напечатанія, произведеніе Рылѣева. Современники поэта видѣли въ нёмъ не подражаніе сатирѣ Персія, а самостоятельную и крайне-смѣлую сатиру Рылѣева противъ всемогущаго въ то время графа Аракчеева и даже долго опасались грозы; но Аракчеевъ, повидимому, призналъ за лучшее не узнавать себя въ рѣзко-начертанномъ портретѣ, хотя стихъ «Селенія лишилъ ихъ прежней красоты» ясно указываетъ на него.

IV.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ суждёнъ въ кругу людей.

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ;
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ чорной думою
Я съ-тѣхъ-поръ одинъ брожу —
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмыленныхъ дѣтей.

V.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ мнѣ голубинѣ —
Да полечу и почію!
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвётся вонъ.
Творецъ! прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ:
Приникни на моё моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши! *)

VI.

О милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привёлъ въ порядокъ.

Блаженъ кто вѣруетъ, что Богъ единъ —
И міръ, и истина, и благо наше!
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твёрдо шествуетъ въ Христовой чашѣ!

Прямой мудрецъ — онъ жребій свой вознёсъ;
Онъ предпочёлъ небесное земному —
И, какъ Петра, ведётъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю — сей Истинѣ верховной —
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей;
Но онъ къ безсмертію стезя прямая —
И, благовѣствуя, речётъ о ней
Сама намъ Истина святая:

«Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберётъ —
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
Того вѣнецъ, того блаженство ждётъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ».

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И, какъ орёлъ, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный. *)

*) Стихотвореніе это написано Рылѣевымъ лѣтомъ 1826 года въ 17-мъ нумерѣ Алексѣевскаго равелина и переслано черезъ сторожа къ Оболенскому, наколотое иголкой на кленовыхъ листьяхъ.

*) Стихотвореніе это, наколотое, какъ и предыдущее, на кленовыхъ листьяхъ и получённое Оболенскимъ въ своёмъ нумерѣ Алексѣевскаго равелина отъ сторожа, сохранилось въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ первый сдѣланъ самимъ Оболенскимъ, помѣстившимъ его въ своихъ «Воспоминаніяхъ», а второй — есть черновой набросокъ, сдѣланный рукой Рылѣева на оборотѣ письма жены, получённаго имъ въ крѣпости и сохранившагося въ семействѣ. Изъ сличенія обоихъ списковъ ясно видно, что списокъ Оболенскаго есть окончательная редакція, а набросокъ на оборотѣ письма — черновая рукопись; но въ спискѣ Оболенскаго куплеты перемѣшаны, что могло легко случиться, такъ-какъ стихотвореніе было наколото на нѣсколькихъ древесныхъ листьяхъ, конечно безъ означенія, какъ листья должны слѣдовать одинъ за другимъ. Поэтому, мы слѣдуемъ при напечатаніи этой пьесы, въ рас-

VII.

СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ ещё отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрёмъ встрѣчался —
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался.

Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ нёмъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось «ты злодѣй!»
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.
«Злодѣй!» казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ —
И кончилъ дни свои, страдая.
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца-братъ святого Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ себя трикраты.
Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ Окаяннаго прозванье.

И въ страшной повѣсти объ нёмъ
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:

«Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днёмъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью.»

VIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКІЙ».

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины.
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа:
Ревётъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода
И часто мрачны облака.
Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведётъ
Якутска житель одичалой:
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придётъ;
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далёкихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Всё зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ.
Лѣсной тунгузъ и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.
Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
Безмолвный лѣсъ заговоритъ
И чрезъ зелёныя долины

положеніе куплетовъ, указанію черновой рукописи, затѣмъ исключаемъ находящіеся въ ней семь лишнихъ стиховъ, не составляющихъ двухъ правильныхъ куплетовъ, какъ бы слѣдовало, и не находящихся въ рукописи Оболенскаго. Что же касается второго куплета, напечатаннаго Оболенскимъ безъ одной строки, и позабытой, то, при его напечатаніи, принята нами редакція черновой рукописи.

По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подъ часъ спокойствіе ошибкой
И принуждённою улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ.

IX.

ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКИ.

«Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ: слова напрасны!
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный!
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я нá душу принять готовъ.
И такъ, ужь не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Её свободной видѣть — рай!
Ещё отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ:
Мнѣ мать и сёстры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ:
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но всё исчезло, какъ призракъ!
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ,
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ-тѣхъ-поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даётъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
«Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
«Пора губить враговъ Украйны!»
Извѣстно мнѣ: погибель ждётъ
Того, кто первый возстаётъ
На утѣснителей народа —
Судьба меня ужь обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!»

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1802 году, въ Москвѣ. Воспитывался онъ дома, послѣ чего служилъ въ гражданской службѣ, которую вскорѣ оставилъ съ чиномъ губернскаго секретаря; затѣмъ, 1-го октября 1821 года поступилъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, 1-го мая слѣдующаго года произведёнъ въ эстандартъ-юнкера, а 23-го февраля 1823 года — въ корнеты. Люди, знавшіе Одоевскаго въ Петербургѣ, до ссылки, вспоминаютъ о нёмъ, какъ о благородномъ, умномъ, хорошо-воспитанномъ, миломъ и очень красивомъ молодомъ человѣкѣ. «Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ», пишетъ Грибоѣдовъ къ Бѣгичеву, въ письмѣ своемъ отъ 9-го октября 1825 года: «поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя. Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію? — таковъ онъ совершенно, плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я не имѣлъ.» Здѣсь говорится о послѣдней поѣздкѣ Одоевскаго въ Москву, въ ноябрѣ 1825 года, для свиданія съ отцомъ, котораго онъ горячо любилъ и съ которымъ ему уже не суждено было свидѣться въ этой жизни. Принятый Рылѣевымъ въ члены Сѣвернаго Тайнаго Общества, въ началѣ 1824 года, Одоевскій былъ арестованъ на другой день послѣ событій 14-го декабря 1825 года, преданъ суду, вмѣстѣ съ другими членами общества, и, по осужденіи, сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ до 1837

года, то-есть одиннадцать лѣтъ. Большая часть стихотвореній Одоевскаго принадлежитъ этому тяжолому для него времени, подточившему его и безъ того слабое здоровье, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что стихотворенія его, по большей части, отличаются меланхолическимъ характеромъ. Одоевскій началъ писать очень рано и писалъ очень много, но никогда не печаталъ своихъ стихотвореній. Всё намъ извѣстное до-сихъ-поръ изъ сочиненій Александра Ивановича появилось въ свѣтъ уже послѣ его смерти, за исключеніемъ пьесы «Сенъ-Бернаръ», напечатанной въ 10-мъ томѣ «Современника» на 1838 годъ, конечно безъ спроса на то соизволенія автора. По словамъ людей, знавшихъ близко Одоевскаго, онъ сочинялъ стихи наизусть и очень рѣдко клалъ ихъ потомъ на бумагу. Всѣ семнадцать стихотвореній напечатанныхъ въ нашихъ журналахъ, начиная съ 1838 и кончая 1861 годомъ *), и собранныхъ потомъ въ лейпцигскомъ изданіи его стихотвореній, вышедшемъ въ 1862 году, сохранились случайно, бывъ записаны, со словъ поэта, кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему людей, тотчасъ по ихъ прочтеніи. Остальныя — погибли невозвратно, вмѣстѣ съ поэтомъ. Высочайшимъ приказомъ, отъ 7-го ноября 1837 года, Одоевскій былъ переведёнъ на Кавказъ, рядовымъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ-Колодцевъ, верстахъ въ ста отъ Тифлиса. Александръ Ивановичъ отправился туда вмѣстѣ съ Назимовымъ, своимъ товарищемъ по несчастію, переведённымъ то же рядовымъ на Кавказъ. Подъѣзжая къ Ставрополю, они увидѣли огромную стаю журавлей, направлявшихъ полётъ свой къ Сѣверу «Привѣтствуй ихъ!» сказалъ Назимовъ поэту. Одоевскій призадумался на минуту, потомъ быстро поднялъ голову и произнёсъ свой прелестный экспромтъ, начинающійся стихомъ:

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?

Сочувствіе всѣхъ честныхъ людей и дружба многихъ, въ томъ числѣ и Лермонтова, посвятившаго ему нѣсколько своихъ стихотвореній, встрѣтили Одоевскаго на Кавказѣ и вскорѣ заставили его позабыть своё тяжолое положеніе. Лѣтомъ 1839 года онъ былъ въ Пятигорскѣ, и тамъ познакомился и сошолся съ докторомъ Мейеромъ и Н. П. О., также пріѣхавшими туда лечиться. Эта интересная встрѣча описана въ разсказѣ «Кавказскія Воды», къ которому мы и обратимся теперь, какъ къ единственному источнику для уясненія характера Одоевскаго, этого по-истинѣ святого человѣка, котораго вся жизнь была посвящена служенію добру и истинѣ. Вотъ этотъ разсказъ:

«Одоевскій былъ, безъ сомнѣнья, самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ списалъ его съ натуры. Да, этотъ

блескъ лазурныхъ глазъ
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую

не забудетъ никто изъ знавшихъ его. Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка: въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ-быть, эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей христо-подобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь, съ той же любовью къ товарищамъ, съ той же преданностію къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ-быть, онъ даже любилъ своё страданіе: это совершенно въ христіанскомъ духѣ. Отрицаніе самолюбія Одоевскій развилъ въ себѣ до крайности. Онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наизусть людямъ близкимъ. Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться. Изъ немногихъ, въ недавнее время напечатанныхъ, его стиховъ, въ стихотвореніи «Къ отцу» напримѣръ, я узнаю эту тёплую искренность; но это не та удивительная отдѣлка и гармонія стиха, которая осталась у меня въ памяти. Принадлежитъ ли это стихотвореніе къ очень юнымъ или оно не точно записано? Онъ обыкновенно отклонялъ всякое записываніе своихъ стиховъ: я не знаю, насколько списки могутъ быть вѣрны. Хотѣлъ ли онъ пройти въ свѣтѣ «безъ шума, но съ твёрдостью», пренебрегая всякой славой? Что бы ни было —

.... дѣла его и мнѣнья,
И думы — всё исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ лёгкій паръ вечернихъ облаковъ —

*) «Современникъ» 1838, т. 10, 1853, № 11, «Отечественныя Записки», 1841, № 7, 1844, № 6, «Русская Бесѣда» 1842, т. 3, 1859, т. 1, 2 и 4. «Библіографическія Записки» 1861, № 5, и «Вчера и Сегодня», 1845, ч. 1.

и у меня въ памяти осталась музыка его голоса — и только.

«Между нами было слишкомъ десять лѣтъ разницы; моя мысль была ещё не устоявшаяся; онъ выработалъ себѣ цѣлость убѣжденій, съ которыми я могу теперь быть не согласенъ, но въ которыхъ всё было искренно и величаво. Я смотрѣлъ на него съ религіознымъ восторгомъ. Онъ былъ мой критикъ. Изъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ писаній, давно заброшенныхъ, я всегда помнилъ исключительно два стиха, потому-что они ему нравились, и укралъ ихъ самъ у себя впослѣдствіи. Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому-что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать. Но, можетъ-быть, и при другихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы только поэтомъ гражданской дѣятельности; чисто къ практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль. Что въ нёмъ отразилось направленіе славянства — это свидѣтельствуетъ пѣснь славянскихъ дѣвъ, набросанная имъ въ Сибири, случайно, вслѣдствіе разговоровъ и для музыки, и, конечно, принадлежащая къ числу его неудачныхъ, а не его настоящихъ, съ нимъ похоронённыхъ, стихотвореній. Она важна для насъ, какъ памятникъ, какъ свидѣтельство того, какъ въ этихъ людяхъ глубоко лежали всѣ зародыши народныхъ стремленій.

«Въ августѣ мы поѣхали въ Желѣзноводскъ. Н** и Одоевскій переселились туда же. Жизнь шла мирно въ кругу такъ для меня близкомъ. Я помню въ особенности одну ночь. Н**, Одоевскій и я, мы пошли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчиваетъ сквозь тёмную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью — и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся...

Долго слѣдилъ я эөирную поступь...

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ всё звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется то же какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи кавказской ночи.»

Одоевскій умеръ 10-го октября 1839 года въ урочищѣ Кара-Агачъ, штабъ-квартирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Лермонтовъ почтилъ его память прелестнымъ стихотвореніемъ, которое мы и помѣщаемъ здѣсь:

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я — и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила и съ собой
Въ могилу онъ унёсъ летучій рой
Ещё не зрѣлыхъ, тёмныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Онъ былъ рождёнъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья; но — безумный —
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ,
Въ нёмъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Но онъ погибъ далёко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землёй чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твёрдостью. Таинственная дума
Ещё блуждала на челѣ твоёмъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то̀, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый.

И было-ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга —
Кто скажетъ намъ? Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы — всё исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ лёгкій паръ вечернихъ облаковъ:

Едва блеснутъ — ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда они? зачѣмъ? откуда? кто ихъ спроситъ!

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребёнка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной.
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи —

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты.
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Всё чѣмъ при жизни радовался ты
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ её объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Чорное шумитъ не умолкая.

Семнадцать стихотвореній Одоевскаго, записанныя съ его словъ друзьями и доставленныя ими, послѣ смерти поэта, въ редакціи разныхъ повременныхъ изданій, были собраны въ 1862 году и отпечатаны въ Лейпцигѣ особой книжкой, а въ 1870 году въ «Русской Старинѣ» (ч. I, № 1 и 2) появилось ещё семь его нигдѣ не напечатанныхъ стихотвореній («Въ Свѣтлое Воскресенье 1826 года въ Петербургской крѣпости», «Гласъ пѣсни мною недопѣтой», «Моя пери», «Къ отлетѣвшей», «Мой непробудный сонъ», «Липа» и «Рѣка Усьма»), не представляющихъ ничего замѣчательнаго.

I.

КЪ ОТЦУ. *)

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я — одинокъ и сиръ —
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ —
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чьё сердце такъ ещё тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной!

Проснётся ль тёмный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда жь объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнётъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдётъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу пріиметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой!
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила:
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ — не кровною рукой,
Но вьюгой — вырыта могила.

Съ-тѣхъ поръ — займётся ли заря —
Молю я солнышко-царя —
И вотъ къ нему моё моленье:
«Меня, о солнце, воскреси,
И дай мнѣ на святой Руси
Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

«Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,

*) А. И. Одоевскаго и его отца, независимо отъ родственныхъ отношеній, связывала самая нѣжная дружба. Сынъ пережилъ отца всего нѣсколькими мѣсяцами. О смерти Одоевскаго-отца, въ письмѣ его сына къ Назимову, сохранилась слѣдующая подробность, доказывающая, какъ сильна была любовь отца къ сыну: «Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ передъ кончиной моего портрета. Ему подали. Онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками — и умеръ. Портретъ сошолъ съ нимъ въ могилу.»

На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!»

II.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И, вѣчно-ясные, надъ сумрачнымъ путёмъ
Слились въ созвѣздіи, свѣтились сквозь печали
И согрѣвали духъ живительнымъ лучёмъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня,
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья —
Казалось, предо-мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на всё пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести...
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи.
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня, могучій,
Меня недвижнаго понёсъ онъ и примчалъ —

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню.
Что́ шагъ, то гробъ; на жизнь отвѣтной жизни нѣтъ
Но я ещё хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ.

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось -
Всё было ихъ огнёмъ. Ихъ лучь меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ.

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ...
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ и съ нѣжностью и страхомъ
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній
И въ образы сведётъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній,
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны, задрожатъ всѣ жизненныя силы —
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

III.

СЪ СѢВЕРА НА ЮГЪ.

Куда несётесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьётъ —
И насъ, и насъ далёкій путь влечётъ;
Но солнце намъ души не отогрѣетъ
И свѣжій миртъ чела не обовьётъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей накроетъ тѣнью?

IV.

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чорную годину я дѣлилъ?
Ты знаешь ихъ? Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружній разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ:
И я опять внималъ родному звуку —
Казалось, былъ на родинѣ моей
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчаный океанъ —
И пальмы тѣнь, студёныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль; лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

КНЯЗЬ А. А. ШАХОВСКОЙ.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской, извѣстный русскій драматическій писатель первой четверти текущаго вѣка, родился 24-го апрѣля 1777 года въ своёмъ родовомъ смоленскомъ помѣстьѣ Беззаботахъ. Происходя отъ удѣльныхъ князей Ярославскихъ, прямыхъ потомковъ Рюрика, родъ Шаховскихъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ

княжескимъ родамъ Россіи. На осьмомъ году Шаховской былъ отданъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ окончилъ полный курсъ въ 1793 году, послѣ чего поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, обществу офицеровъ котораго, по его собственнымъ словамъ, онъ многимъ обязанъ какъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ и нравственнаго своего развитія. Всё свободное время онъ посвящалъ чтенію всякаго рода французскихъ книгъ, преимущественно драматическихъ сочиненій. Плодомъ этого чтенія была комедія въ стихахъ, подъ названіемъ: «Женская шутка», написанная Шаховскимъ въ 1795 году и удостоившаяся чести быть представленною на театрѣ Эрмитажа, въ присутствіи самой императрицы. Хороша ли, худа ли была комедія — мы этого не знаемъ, такъ-какъ пьеса не сохранилась; тѣмъ не менѣе она сослужила службу автору, сблизивъ его съ тогдашнимъ директоромъ театровъ А. Л. Нарышкинымъ, убѣдившимъ Шаховского оставить службу и посвятить себя театру. Произведённый въ 1797 году въ прапорщики, а черезъ два года въ подпоручики, Шаховской вышелъ, въ 1800 году, въ отставку, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Въ 1801 году — давнишнее желаніе Нарышкина и Шаховского исполнилось: Князь Александръ Александровичъ былъ причисленъ къ театральному вѣдомству, съ чиномъ надворнаго совѣтника, а въ 1802 году назначенъ членомъ по репертуарной части и отправленъ во Францію для пополненія первыми сюжетами французской труппы петербургскаго театра. Проѣхавъ прямо въ Парижъ, Шаховской прожилъ слишкомъ годъ въ этой столицѣ вкуса, посвящая дни исполненію возложеннаго на него порученія, а вечера — изученію игры знаменитаго Тальмы, и, проникнутый мыслью ввести методу его декламаціи на русскую сцену, возвратился, въ 1803 году, въ Петербургъ.

Конечно, русская сцена многимъ обязана князю Шаховскому — его страстной любви къ драматическому искусству. Но главная его заслуга, это — радикальное преобразованіе театральной школы, хотя и существовавшей издавна, но въ которой до-сихъ-поръ занимались образованіемъ артистовъ и артистокъ только для оперы и балета, а на драматическую часть не обращали никакого вниманія и даже не имѣли порядочныхъ учителей декламаціи. Всё приходилось устраивать вновь; но, благодаря энергіи и искренней любви Шаховского къ искусству, всѣ препятствія были устранены — и вскорѣ театральное училище явилось въ обновлённомъ видѣ. Затѣмъ, желая дать ходъ молодымъ талантамъ, онъ образовалъ, независимо отъ главной русской драматической труппы, другую, такъ-называемую «молодую труппу», которая, отдѣльно отъ первой, давала свои представленія на другомъ театрѣ, что послужило къ развитію многихъ молодыхъ талантовъ, которые безъ того не имѣли бы возможности выказать своихъ способностей.

Въ 1804 году Шаховской поставилъ на сцену свою комедію «Коварный». Комедія провалилась и вызвала цѣлую тучу эпиграммъ изъ лагеря сторонниковъ новаго Карамзинскаго направленія, только-что начинавшаго свой походъ противъ такъ-называемыхъ «славянъ», сторонниковъ стараго, шишковскаго направленія, въ принадлежности къ которому уже подозрѣвали тогда князя Шаховского. Чтобы отомстить своимъ противникамъ, молодой и пылкій драматургъ задумалъ осмѣять на сценѣ излишне-ретивыхъ послѣдователей Карамзина, въ родѣ князя Шаликова, что вскорѣ и исполнилъ въ одно-актной комедіи своей «Новый Стернъ», представленной въ первый разъ на петербургскомъ Маломъ театрѣ 31-го мая 1805 года. Въ комедіи были разсыпаны тонкія и остроумныя насмѣшки надъ сентиментальностью направленія тогдашней литературы, выраженныя весьма забавно, какъ въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ слѣдующемъ романсѣ графа Пронскаго, героя пьесы, въ которомъ всѣ ясно видѣли князя Шаликова сентиментальнаго издателя «Дамскаго Журнала»:

Вѣнцы, мечи, щиты, порфиры!
Не васъ я, бѣдные, ищу.
Герои, побѣждайте міры!
Предъ вами я не трепещу.

Натура мнѣ сама сказала,
Что долженъ жить я межь цвѣтовъ;
Она любить мнѣ приказала,
Она — малиновка-любовь!

Змѣитесь, рѣчки! вѣтры, дуйте!
Шепчи любовь, младой Зефиръ!
Вы, нѣжны голубки, воркуйте!
Ты, соловей, плѣняй весь міръ!

Натура, я тебѣ подобенъ:
Я вольно чувствовать хочу.
Какъ скромный кроликъ, я незлобенъ
И въ слѣдъ любви вездѣ лечу.

Комедія имѣла большой успѣхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, многимъ при-

шлась не по вкусу и нажила автору цѣлую кучу недоброжелателей, которые стали распускать про него самые нелѣпые слухи; а когда онъ поставилъ на сцену, въ 1806 году, новую свою одно-актную оперу «Любовная почта», то сплели и разнесли по городу цѣлую исторію, изъ которой можно было заключить, что сюжетъ новой оперы сочинёнъ вовсе не Шаховскимъ, а украденъ изъ задержанной имъ же комедіи Луквицкаго «Деньщикъ-Виртуозъ». Но добродушный Шаховской мало обращалъ вниманія на козни своихъ враговъ и, въ отвѣтъ на ихъ клевету, поставилъ на сцену, всего черезъ три мѣсяца послѣ предъидущей пьесы, комическую оперу въ трёхъ дѣйствіяхъ: «Бѣглецъ отъ своей невѣсты», имѣвшую значительный успѣхъ. Затѣмъ послѣдовали: «Полубарскія затѣи или домашній театръ», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, имѣвшая громадный успѣхъ, и трагедія Вольтера «Китайскій сирота», переведённая имъ съ французскаго. Послѣдняя пьеса, не смотря на то́, что главныя роли въ ней исполняли Яковлевъ и Валберхова, пала съ перваго раза, обрушивъ кучу непріятностей на головы переводчика и исполнителей. Послѣдовавшія затѣмъ пьесы Шаховского: трагедія «Дебора», комедія «Ссора или два сосѣда» и волшебное представленіе «Чортовъ увеселительный замокъ» не представляютъ ничего замѣчательнаго. За-то, напечатанная въ 3-й книжкѣ «Чтеній въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» на 1811 годъ, первая пѣснь его ирои-комической поэмы «Расхищенныя шубы» была встрѣчена шумными похвалами и возбудила общее любопытство во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества. Слѣдующія пѣсни (2-я и 3-я) были напечатаны въ томъ же журналѣ на 1812 и 1815 года̀ (кн. 7-я и 19-я), и встрѣтили не менѣе радушный пріёмъ въ кругу читающей публики. Также большой успѣхъ имѣла написанная имъ около того же времени и данная на дворцовомъ театрѣ 15-го мая 1812 года, опера-водевиль «Казакъ-стихотворецъ».

Насталъ 1812 годъ. Прочитавъ знаменитый манифестъ 6-го іюля, князь Шаховской бросилъ театръ и литературу и вступилъ въ тверское ополченіе. Какъ тверской помѣщикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, сформированнаго изъ тверскихъ ратниковъ. Сначала подъ начальствомъ Винценгероде, а потомъ — маркиза Паулуччи, Шаховской съ своимъ полкомъ участвовалъ въ преслѣдованіи французской арміи до Смоленска, послѣ чего былъ командированъ съ особыми порученіями въ Самогитію. По успѣшномъ выполненіи ихъ, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при отдѣльномъ корпусѣ, расположенномъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Этимъ окончилась боевая служба князя Шаховского. По распущеніи ополченія, онъ вернулся въ Петербургъ и занялъ прежнюю свою должность при театральной дирекціи. Въ 1814 году онъ поставилъ на сцену двѣ новыя пьесы: «Крестьяне, или встрѣча незваныхъ» и «Ломоносовъ», имѣвшія успѣхъ. Въ 1815 году изумительная производительность Шаховского достигла своего зенита. Послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ: «Жолтый Карло», «Откупщикъ Бражкинъ, или продажа села», «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, едва ли не лучшее произведеніе нашего плодовитаго драматурга, «Иванъ Сусанинъ», опера, сдѣлавшаяся одной изъ самыхъ любимыхъ публикой, и «Карачунъ»; послѣдняя пьеса успѣха не имѣла. Въ 1818 году, тотчасъ по назначеніи князя Тюфякина директоромъ театра, Шаховской вышелъ въ отставку, не прекращая, впрочемъ, своей драматической дѣятельности, какъ это можно видѣть изъ одного того, что всего черезъ мѣсяцъ, именно 23-го сентября 1818 года, явились на сценѣ разомъ три новые его пьесы: «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай», «Лекарь-самоучка» и «Новый Бедламъ, или прогулка въ домѣ сумасшедшихъ». Въ 1819 году онъ написалъ четыре пьесы: «Сущій бѣсъ», «Пурсоньякъ», «Два учителя» и «Пустодомы». Первыя двѣ провалились; остальныя же двѣ имѣли большой успѣхъ, особенно послѣдняя, справедливо причисляемая къ лучшимъ комедіямъ Шаховского. Въ 1820 году были даны въ первый разъ слѣдующія его пьесы: «Какаду, или слѣдствіе урока кокеткамъ», имѣвшая большой успѣхъ, «Актёръ на родинѣ», «Игнаша-дурачёкъ», «Адвокатъ», «Новая суматоха» и «Ворожея». Въ 1821 году Шаховской наводнилъ сцену своими пьесами, которыхъ было дано въ теченіе года восемь: «Иванго́й, или возвращеніе Ричарда Львинаго Сердца», «Женщина-лунатикъ», «Бакалавръ Саламанскій», «Буря», «Фениксъ», «Женщина-полковникъ», «Живыя картины» и «Тётушка». Въ томъ же году Шаховской снова получилъ въ завѣдываніе театральную школу, а съ назначеніемъ, въ 1824 году, А. А. Майкова директоромъ театра, вступилъ членомъ во вновь учреждённый Комитетъ Главной Дирекціи, въ которомъ оставался до 1826 года. Но труды по комитету не имѣли ни малѣйшаго вліянія на дѣятельность Шаховскаго, какъ драматурга. Пьесы

появлялись одна за другой съ изумительной быстротой, только, къ сожалѣнію, хорошихъ являлось между ними съ каждымъ годомъ всё менѣе и менѣе. Въ періодъ времени съ 1822 по 1840 годъ, когда было написано имъ послѣднее его драматическое произведеніе «Чурова долина, или сонъ на яву», изъ всей массы его трагедій, драмъ, комедій и оперъ можно указать только на комедію въ трёхъ дѣйствіяхъ «Чванство Транжирина или слѣдствіе полубарскихъ затѣй», русскую историческую быль въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Соколъ князя Ярослава», комедію «Аристофанъ, или представленіе Всадниковъ» и драму «Двумужница». Всё остальное — есть пьесы на случай, или плохія передѣлки французскихъ комедій и водевилей. Послѣдними пьесами Шаховского, явившимися въ печати, были: комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ «Ѳ. Г. Волковъ, или день рожденія русскаго театра», напечатанная въ 6-й книжкѣ «Репертуара» на 1840 годъ, волшебная трилогія «Финъ», помѣщённая во 2-й части «Пантеона» на 1840 годъ, одно-актная комедія «Урокъ женатымъ», появившаяся въ четвёртомъ томѣ «Пантеона» на 1850 годъ, то-есть черезъ четыре года послѣ смерти ея автора. Недовольный Петербургомъ, онъ оставилъ его въ 1826 году и остальныя 20 лѣтъ своей жизни провёлъ въ Москвѣ, принимая живое участіе въ постановкѣ новыхъ пьесъ на сценѣ тамошняго театра, давая полезные совѣты актёрамъ, которые принимались съ благодарностью не только начинающими, но и такими талантами, какъ Мочаловъ и Щепкинъ. Что же касается директоровъ московскаго театра, то они всегда дорожили его опытностью и выказывали своё уваженіе его неизмѣнной любви къ драматическому искусству. Шаховской скончался 22-го января 1846 года въ Москвѣ, на 69-мъ году своей дѣятельной жизни. Тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Князь Шаховской, какъ драматическій писатель, безъ сомнѣнія, не будетъ забытъ исторіей русской литературы, которая отведётъ ему подобающее мѣсто въ ряду нашихъ драматурговъ. Правда, изъ ста слишкомъ пьесъ, сочинённыхъ, переведённыхъ и передѣланныхъ имъ въ теченіе своей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, огромное большинство не имѣетъ большого достоинства, отличаясь недостатками, неразлучными со всякой спѣшной работой; но за-то у Шаховскаго есть пять-шесть комедій, какъ напримѣръ — «Новый Стернъ», «Полубарскіе затѣи», Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды», «Какаду, или урокъ кокеткамъ» и «Пустодомы», на которыхъ лежитъ печать таланта. Собранія сочиненій князя Шаховскаго издаваемо не было.

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ «РАСХИЩЕННЫЯ ШУБЫ».

ПѢСНЬ I.

Въ собольей шапочкѣ, на рысакѣ лихомъ,
Весёлость чрезъ Неву летѣла плясокъ въ домъ.
Предъ санками ея и радости и смѣхи,
Забавы разныя и разныя потѣхи
Порхали, бѣгали, катились на конькахъ,
Гоня съ дороги прочь заботу, скуку, страхъ.
Въ рукахъ забавъ огни потѣшные сіяли
И пасмурную ночь въ день свѣтлый превращали.
Но въ поднебесьѣ вдругъ раздался бурный вой:
На вихряхъ пламенныхъ несётся надъ Невой
Сынъ тартара, Раздоръ, убійствомъ пресыщённый,
Пронырствомъ, ябедой, алчбою окружонный.
Раздоръ, кичливый взглядъ низвёлъ на пышный брегъ,
Узрѣвъ Весёлости великолѣпный бѣгъ,
Стрѣлою зависти во сердце уязвился,
Разсвирѣпѣлъ, взревѣлъ и долу низпустился.
Весёлость между-тѣмъ достигла тѣхъ дверей,
Гдѣ святки праздновать угодно было ей:
Уже ступила въ домъ — Раздоръ крыльца коснулся:
«Остановись!» вскричалъ — и чуть не улыбнулся,
Какъ обратила взоръ Весёлость на него.
Злой духъ не могъ сокрыть смущенья своего;
Слова его въ устахъ дрожащихъ исчезали.
Межъ игръ раздался смѣхъ, утѣхи восплескали;
Весёлость съ торжествомъ въ потѣшный домъ вошла
И за собою дверь проворно заперла.

Такъ жалкихъ драмъ творецъ въ театрѣ посрамлённый,
Шипѣньемъ, шиканьемъ и свистомъ оглушонный,
Чтобъ вовсе не уныть подъ игомъ грустныхъ думъ
Приводитъ похвалы друзей себѣ на умъ,
Духъ творческій живитъ и, зрителямъ въ отмщенье,
Готовитъ новое преслёзное творенье:
Такъ, въ первый разъ ещё осмѣянный Раздоръ,
Чтобы скорѣй забыть его смутившій взоръ,
Всѣ подвиги свои на мысль себѣ приводитъ;
Но тщетно всё — онъ въ нихъ отрады не находитъ
И, въ слѣдъ Весёлости свирѣпый брося взглядъ,
Клянётся тартаромъ не возвращаться въ адъ,
Доколѣ не отмститъ соперницѣ надмѣнной,

Не превратитъ во плачъ пиръ ею учрежденной,
Въ ея потѣшный домъ вражду не вовлечетъ.
Въ досадѣ, въ ярости, источникѣ всѣхъ бѣдъ,
Мгновенно злобный ковъ ко мщенью вымышляетъ
И Гашпара къ сему орудьемъ назначаетъ.
Переплетатель книгъ сей Гашпаръ ремесломъ
И первый старшина въ весёломъ домѣ томъ,
Въ который заперты Раздору были двери
Проворною рукой небесъ любимой дщери.

Повѣдай, муза, мнѣ, чѣмъ Гашпаръ славенъ былъ
И чѣмъ вниманіе Раздора заслужилъ!
Распорядитель-рокъ, съ природою въ разладѣ,
Намъ дѣлитъ жребіи нерѣдко ей къ досадѣ:
Нерѣдко тотъ, кто въ свѣтъ для пахарства рождёнъ,
Иль въ судъ, иль ко двору, иль въ войскѣ помѣщёнъ,
А тотъ, кого на брань назначила природа,
Безвѣстный кончитъ вѣкъ на службѣ огорода.

Природы мудрыя всещедрою рукой
Былъ Гашпаръ отличёнъ и тѣломъ и душой.
Наморщено чело скрывало умъ высокой
И билося въ груди дебелой и широкой
То сердце, въ коемъ гнѣвъ, тщеславье и любовь
Палили кофеемъ сгущаемую кровь.
Кто-бъ, слыша рѣчь его, кто-бъ, зря его восторгъ,
Законодателемъ почесть его не могъ!
А злобный рокъ — увы! — ему повелѣваетъ
Быть переплётчикомъ — и онъ переплетаетъ!
Но, року вопреки, и въ низкой долѣ сей
Извѣстенъ Гашпаръ сталъ прилежностью своей:
Честь дѣлаютъ его искусству и работѣ
Явившіяся въ свѣтъ, въ сафьянномъ переплётѣ,
«Преслезныхъ странствій» — семь, журналовъ — пятьдесятъ,
Романовъ множество, сто жалостныхъ балладъ.
На нашемъ языкѣ — не наши всѣ писанья,
А подражателямъ безсчётны подражанья.
Онъ ихъ украсилъ всѣхъ (въ томъ зла большого нѣтъ:
Они, лежа въ пыли, не развращаютъ свѣтъ);
Но онъ же переплёлъ — и тѣмъ ещё гордился —
Все то̀, чѣмъ прошлый вѣкъ какъ язвой заразился.
Безбожны письмена Фернеи мудреца,
Разврата полный плачъ прежалкихъ драмъ творца,
Природы мудрствія, системы ложны свѣта
Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество другихъ
Для свѣта пагубныхъ, угодныхъ аду книгъ.
Хоть Гашпаръ былъ и добръ, и набоженъ, и честенъ,
Но вреднымъ симъ трудомъ Раздору сталъ извѣстенъ,
Который зря, что вѣкъ нашъ сдѣлался ученъ,
Что яблокомъ златымъ не будетъ онъ прельщонъ.
Что статуи боговъ, духовно словопренье
Ужь въ нёмъ не дѣйствуютъ, взялся за просвѣщенье:
Изъ ложныхъ мудрецовъ отборныя мѣста
Вселилися въ его крамольныя уста;
Онъ ими загремѣлъ — и пагуба возстала,
Заплакалъ горній міръ, вселенна возстонала
И вѣра... Скройся видъ ужасный отъ очей!
Весёлой музы ты не огорчай моей!
Я съ ней перенестись спѣшу въ покой смиренной,
Гдѣ Гашпаръ скромно жилъ съ своей супругой вѣрной.

Раздоръ, съ злымъ умысломъ вступая въ сей покой,
И видъ, и станъ, и взоръ перемѣняетъ свой:
Главу, обвитую шипящими змѣями,
Вѣнчаетъ парикомъ съ подвижными кудрями;
Очками тусклыми мрачитъ тотъ волчій взглядъ,
Изъ коего въ сердца ліётся злобы ядъ;
Перчатки, башмаки скрываютъ когти львины;
Чешуйчатый хребетъ и крылія змѣины
Смиренно прячутся подъ вишневый кафтанъ —
И, словомъ, ростъ, лицо, осанку, поступь, станъ
Пріемлетъ школьнаго учителя Зальцеда,
Крестьяна Гашпара скончавшагося дѣда.
Раздоръ вошолъ — и зритъ, сквозь борющуся мглу,
Съ свѣтильней гаснущей, за верстакомъ, въ углу
Крестьяна Гашпара тьмой книгъ загромождённа
И въ креслахъ дѣдовскихъ сномъ крѣпкимъ отягчённа.
Повисшая глава между широкихъ плечь,
Казалось, тяжестью своей могла увлечь
Всё тѣло тучное въ паденьи за собою,
Но Гашпаръ, оперши̇сь могучею рукою
На тотъ верстакъ, гдѣ имъ была помѣщена
Причина тайная его волшебна сна,
И, крѣпко увязя̀ свои дебелы чресла
Для всѣхъ въ просторныя, ему же тѣсны кресла,
Былъ твёрдъ, какъ древній вязъ, склонённый надъ рѣкой.
«Проснись!» гласитъ Раздоръ. «О, внукъ любезный мой,
Возстань — познай меня: я прежній твой учитель,
А нынѣ въ небесахъ души твоей хранитель.
Проснись!» И съ рѣчью сей Раздора громкій гласъ
И окна, и верстакъ, и весь покой потрясъ —
А Гашпаръ спитъ. Къ нему сынъ ада приступаетъ,
На книги оперши̇сь, вторично восклицаетъ.

О, чудо! злобный духъ скончать не можетъ рѣчь:
Смыкаются глаза, глава катится съ плечъ,
Его объемлетъ сонъ, онъ преклонился долу,

Согбенны голени уже коснулись полу —
И онъ бы палъ, но адъ отъ сна его воздвигъ.
Раздоръ вскочилъ и зритъ надъ кипой толстыхъ книгъ
Вину чудеснаго волшебства усыпленья:
Еженедѣльныя Глумлинскаго творенья.
Раздоръ сей талисманъ съ рабочаго стола
Схватилъ, махнулъ въ окно и выбилъ два стекла.
Тутъ Гашпаръ, стукомъ симъ внезапно пробуждённый,
Зритъ дѣда предъ собой. Симъ видомъ пораженный,
Онъ вдругъ остолбенѣлъ. Раздоръ ему речетъ:
«Внемли, мой внукъ, внемли! Сюда низшолъ твой дѣдъ,
Дабы передъ тобой открыть судебъ велѣнье
И возбудить въ тебѣ вздремавше къ славѣ рвенье.
Престань въ ничтожествѣ кичиться тѣмъ однимъ,
Что блескъ ты придаёшь твореніямъ чужимъ,
Что славу чуждую сафьяномъ украшаешь.
Не ты ли наизусть всѣ вѣдомости знаешь,
Отъ «Сѣверной Пчелы» до виленскихъ газетъ?
Но для слѣпца вотще сіяетъ солнца свѣтъ!
Ахъ, внукъ мой, ты ль не зришь, какъ духъ нововведенья
Людей безъ разума, безъ дара, безъ ученья
Влечётъ со всѣхъ сторонъ газетной славы въ храмъ;
Ихъ тамъ Фортуна ждётъ, а ты ещё не тамъ.
Ты, кѣмъ тщеславился покойный твой родитель,
Кого я чудомъ чтилъ — я, многихъ школъ учитель!
И ты, въ дому забавъ избрáнный старшиной,
Въ нёмъ отличился ли какою новизной?
Какіе замѣнилъ, какіе ввёлъ уставы?
Узри: се предъ тобой врата отверсты славы!
Дерзай на подвиги! Какъ мощный исполинъ,
Съ восходомъ солнечнымъ гряди въ совѣтъ старшинъ!
Въ нёмъ будутъ предлагать благое учрежденье,
Какъ, при разборѣ шубъ, предупредить смятенье:
Тутъ смѣлой выдумкой сочленовъ удиви,
Своё искусство, умъ и знаніе яви!
Въ мѣстахъ, гдѣ Эльба въ Понтъ вливаетъ шумны волны,
Расчётомъ гдѣ главы, карманы златомъ полны,
Гдѣ множество господъ, но слугъ излишнихъ нѣтъ,
Премудрый обычáй введёнъ отъ давнихъ лѣтъ
И помѣщёнъ въ число законовъ неизмѣнныхъ:
Тамъ въ важныхъ обществахъ, забавамъ посвященныхъ,
Съ помѣткой ярлыки хранятся искони,
На плащъ иль на салопъ вздѣваются они:
По нимъ узнаетъ всякъ своё безъ затрудненья,
Возьмётъ безъ робости, надѣнетъ безъ смущенья
И мирно въ домъ идётъ по вальсахъ опочить.
Тебѣ велитъ судьба здѣсь то же учредить:
Поэтамъ подражай — и выдай, не робѣя,
Чужое за своё. Будь твёрдъ! вѣщай смѣлѣе!
Твой звонкій, сильный гласъ и крѣпка грудь твоя,
И подвигамъ твоимъ присуща тѣнь моя
Низложитъ всѣхъ старшинъ: умолкнутъ гордый лекарь,
Танцмейстеръ дерзостный, нотаріусъ, аптекарь,
Столѣтній органистъ, самъ мастеръ гробовой —
И слава дѣлъ твоихъ промчится за Невой!»

Рѣчь кончивъ, на окно перстомъ онъ указалъ,
Взревѣлъ, мелькнулъ, изчезъ. Со страха Гашпаръ палъ.

ПѢСНЬ II.

Уже глаголъ времёнъ, звучащій мѣди гласъ,
Гражданамъ возвѣстилъ наставшій утра часъ.
Иной спѣшитъ трудомъ снискать свой хлѣбъ насущный,
Другой въ прихожія везётъ свой видъ докучный,
Тотъ въ Божій храмъ идётъ, тотъ къ стряпчимъ на поклонъ:
Въ движеньи городъ весь; но благотворный сонъ
Крестьяна Гашпара не осѣнялъ зѣницы:
Не спящаго его засталъ восходъ денницы.
Въ полнóчь съ кровати вставъ, онъ, въ ожиданьѣ дня,
У разведённаго на очагѣ огня
Варя арабскій клей, искусною рукою
Готовилъ ярлыки съ насѣчкой золотою,
И, въ заблужденьи, мнилъ всенощнымъ симъ трудомъ
Задобрить дѣда тѣнь и тотъ прославить домъ,
Гдѣ званье старшины его тщеславью льстило.
Межъ-тѣмъ заря взошла и солнце освѣтило
Журнальной тяжестью разбитое окно,
Которо не было ещё заклеенó
«Посланьемъ дружескимъ» творца стиховъ различныхъ,
Къ употребленьямъ симъ особенно приличныхъ.
И Гашпаръ ли въ тотъ часъ заняться могъ окномъ,
Когда, воспламенясь тщеславія огнёмъ,
Въ восторгѣ видѣлъ онъ сочленовъ восхищённыхъ,
Старшинъ униженныхъ, завистниковъ смущённыхъ,
Хулителей своихъ низверженныхъ во прахъ —
И даже о себѣ читалъ въ вѣдомостяхъ.
Но можно ль описать ходъ мыслей горделивыхъ,
Ласкающихъ умы людей честолюбивыхъ
И тѣхъ, которыхъ дѣдъ изъ гроба не вставалъ?
А Гашпаръ? Милый видъ восторгъ его прервалъ:
Съ кофейникомъ въ рукѣ вошла къ нему супруга,
Блѣдна, задумчива: всю ночь безъ вѣрна друга

На ложѣ брачномъ съ ней одна была тоска:
Пуховая постель казалась ей жестка
Не вмѣстѣ съ Гашпаромъ; когда жъ во مракѣ ночи
Дремотой лёгкою ея смежались очи,
Тогда зловѣщи сны смущали томный духъ.
Сперва приснился ей предвѣстникъ слёзъ жемчугъ,
Потомъ и Гашпаръ самъ, въ кафтанѣ драгоцѣнномъ,
Ходящій по лугу, цвѣтами испещренномъ.
Она рекла ему: «О, болѣ всѣхъ любезный!
О, Гашпаръ! о, мой другъ! прими совѣтъ полезный!
Что предпріемлешь ты — того не знаю я;
Но если можетъ жизнь подвергнуться твоя
Хоть малымъ бѣдствіямъ: отсрочь до дня другого
Свой подвигъ; а въ сей день страшись несчастья злого!
Повѣрь, не даромъ мнѣ приснился страшный сонъ!
Ахъ! если ты умрёшь — со мной тогда что будетъ?
Во-вѣкъ несчастная Шарлота не забудетъ,
Что, съ самой младости оставшись сиротой,
Изъ бѣдности она извлечена тобой;
Что матери, отца и бабушки лишонной,
Ты былъ ей въ мірѣ всё; съ тобою жъ разлучённой,
Гутуевъ, Каменный, Крестовскій острова,
Садовъ апраксинскихъ столѣтнія древа
И самъ Катерингофъ ужъ мнѣ не будутъ милы.
Воспоминанія тамъ ждутъ меня унылы:
Какъ съ Гашпаромъ моимъ я счастлива была,
Какъ съ нимъ гуляла тамъ, какъ кофе съ нимъ пила,
Какъ трубку онъ курилъ.» Тутъ слёзы рѣчь прервали;
Внезапнымъ дѣйствіемъ жестокія печали,
Иль силой женщинамъ дарованныхъ искусствъ,
Шарлота блѣдная, почти лишившись чувствъ,
Въ объятья Гашпара со стономъ упадаетъ.
Безмолвствуя, супругъ на милую взираетъ;
Мятётся умъ его, кипитъ густая кровь;
Кичливость старшины, семейная любовь,
И дѣда грозна тѣнь, и видъ Шарлоты милой
Смущаютъ мыслью мысль, сражаютъ силу силой.
Но сей различныхъ чувствъ, страстей противныхъ споръ,
Присущій Гашпару, невидимо Раздоръ
Прервалъ, вдохнувъ въ него гордыни адскій пламень:
Въ нёмъ сердце нѣжное преобразилось въ камень;
Мгновенно духъ его тщеславьемъ воспылалъ —
И съ важной твёрдостью Шарлотѣ онъ вѣщалъ:
«Ты плачешь? но стыдись быть возмущённой снами!
Назначенъ намъ предѣлъ не сонникомъ — судьбами,
И рано ль, поздно ли — скончается нашъ вѣкъ.
Неустрашимый мужъ и робкій человѣкъ,
Со славой иль стыдомъ, сойдутъ во гробъ безмолвно,
Оставя милыхъ всѣхъ, родныхъ, друзей. Но, полно!
Иди, любезная — и въ кухнѣ скорбь разсѣй
Трудами милыхъ рукъ!» Доволенъ рѣчью сей,
Ораторъ ярлыки сбираетъ съ попеченьемъ
И, завязавъ въ платокъ, невольнымъ побужденьемъ
Ещё единый разъ на милую воззрѣлъ,
Отёръ ея слезу и — сѣрый фракъ надѣлъ.
Шарлота возражать ему не смѣла болѣ,
Смиренно покорясь супруга грозной волѣ,
Пошла къ обѣду всё приготовлять въ слезахъ;
Межь-тѣмъ дверь скрипнула — и Гашпаръ ужь въ сѣняхъ.

Какъ Цезарь въ страшный день, начавшій бѣды Рима,
Когда патриціевъ вражда неукротима
Готовилась прервать его счастливый вѣкъ,
Смерть презря, что ему Спурины гласъ прорекъ,
Не внявъ моленію супруги устрашенной,
Спокойно шолъ въ сенатъ — рѣшить судьбу вселенной:
Такъ Гашпаръ шествовалъ въ собраніе старшинъ.
Тамъ гордый Каратай присутствовалъ одинъ.
Сей лѣкарь-старшина ужъ пятой кружкой пива
Со тщаніемъ тушилъ огнь гнѣва справедлива
Противъ коснѣющихъ товарищей своихъ;
Но изъ дому забавъ Весёлость видитъ ихъ:
Се мастеръ гробовой, Фрейтодъ, съ умильнымъ взоромъ,
Съ улыбкой радостной, какъ будто передъ моромъ,
Изъ жолтаго возка вступаетъ на крыльцо.
Шинелью завернувъ премудрое лицо,
Нотаріусъ Спондей своё высоко знанье,
Съ учоной важностью, пѣшкомъ несётъ въ собранье.
Аптекарь Готлибъ Курцъ, примчавшися въ саняхъ
И Гашпара толкнувъ нечаянно въ дверяхъ,
Знобитъ его внизу учтивостьми своими.
Танцмейстеръ Петипа, пропорхнувъ между ними
И сдѣлавъ три прыжка, является въ совѣтъ.
Цингильусъ, органистъ, подъ тяжестію лѣтъ
Согбенный, свой приходъ всѣмъ кашлемъ возвѣщаетъ
И шагомъ медленнымъ въ собраніе вступаетъ.
Имъ всѣмъ собравшимся дабы начать совѣтъ,
Придверникъ дома Ганцъ по трубкѣ подаетъ;
Тогда они къ свѣчѣ зажжонной устремились,
Сомкнулись въ тѣсный кругъ — и трубки закурились.
Узря до потолка всходящій клубомъ дымъ,
Весёлость чтитъ сіё предвѣстіемъ благимъ
И, въ дѣтской радости отъ предыдущей славы,
Собравъ вокругъ себя утѣхи и забавы,
По разнымъ должностямъ распредѣляетъ ихъ,
Оставя семь старшинъ бесѣдовать одних.
Возсѣли старшины. Осмѣленный Раздоромъ,
Ихъ Гашпаръ оглядя высокоумнымъ взоромъ,

Всѣ ярлыки на столъ съ улыбкой положилъ
И хриплымъ голосомъ рѣчь громку возгласилъ.
Какъ въ водополь весной потоки съ горъ бѣгущи,
Съ рѣкою слившися и вмѣстѣ съ ней ревущи,
Избыткомъ шумныхъ водъ брега песчаны рвутъ,
Свергаютъ, ломятъ всё, крутятъ, дробятъ, несутъ,
Плотины удержать не могутъ ихъ стремленье:
Такъ Гашпара изъ устъ обильное теченье
Высокопарныхъ словъ, напыщенныхъ рѣчей
Стремится и бѣжитъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ сильнѣй.
Цингильусъ кашляетъ, аптекарь Курцъ зѣваетъ,
Спондей свиститъ, Фрейтодъ стулъ съ скрыпомъ под-
вигаетъ,
Съ напѣвомъ Петипа твердитъ свои скачки
И лѣкарь Каратай чуть не отбилъ руки,
Стуча съ досады въ столъ; а Гашпаръ, безъ смущенья,
Воззваніе скончавъ, вступаетъ въ предложенье.
Но изъ стѣнныхъ часовъ кукушки вѣщій гласъ
Тогда, прокуковавъ уныло десять разъ,
Далъ знакъ — да къ завтраку начнутъ приготовленья.
Спондей, любитель яствъ и врагъ многореченья,
Глаголы Гашпара стремительно пресѣкъ
И, трубку преломя, въ досадѣ быстро рекъ:
«Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье!
Словъ много затвердить — не есть ещё ученье!
Витійство безъ идей мою волнуетъ кровь:
Ношу къ изящному въ душѣ моей любовь
И празднословіе всѣмъ сердцемъ ненавижу.
Я слышу много словъ, но толку въ нихъ не вижу:
Кто хочетъ ясенъ быть, тотъ кратче говори.»
Предвѣстникъ бури, цвѣтъ багряныя зари,
Ланиты Гашпара мгновенно покрываетъ;
Изъ-подъ густыхъ бровей взоръ молніей сверкаетъ.
Спондей въ нёмъ зритъ уже на рѣчь свою отвѣтъ;
Но изъ среды старшинъ витія возстаетъ.
То мудрый органистъ, Цингильусъ долгодневный,
Первосѣдалищемъ въ собраніи почтенный.
Онъ въ пятилѣтіе десятое вступилъ,
На хорахъ шестерыхъ пасторовъ пережилъ,
И дѣдовъ, и отцовъ отправя погребенье,
Бракъ внуковъ воспѣвалъ, зрѣлъ правнучатъ кре-
щенье.
Сей древній мужъ простёръ къ собранью тихій гласъ:
«О други, мой совѣтъ да будетъ благъ для васъ!
И прежни старшины, что домъ сей основали,
Для пользы общества, словамъ моимъ внимали.
Въ дни младости моей, Данило Куперъ самъ
Склонялъ свой нѣжный слухъ всегда къ моимъ рѣчамъ
(Сей мужъ, котораго дотолѣ не забудутъ,
Доколѣ въ мірѣ семъ плясать кадрили будутъ)
И дружбой связанъ былъ и кумовствомъ со мной.
Я, здѣсь въ девятый разъ избрáнный старшиной,
Безъ страха вамъ могу подать совѣтъ нельстивый.
Спондей, смири свой духъ и пылкій, и строптивый!
Хотя эсѳетикой твой разумъ озарёнъ,
Хотя въ «Меркуріи» романсъ твой помѣщёнъ,
Хоть эпиграммою ты сдѣлался извѣстенъ,
Но не забудь того, сколь Гашпаръ добръ и честенъ,
Что старше онъ тебя. Пусть рѣчь его длинна;
Но, кажется, къ добру клонилася она,
А ты его прервалъ. Всегда то помнить должно,
Что, не дослушавъ рѣчь, понять её не можно.
А ты витійства даръ, о Гашпаръ, воздержи,
Не трать безъ нужды словъ и временемъ дорожи!
Увы, не знаешь ты, сколь всякій часъ безцѣненъ
Тому, кто дряхлостью болѣзненной увѣренъ,
Что мало сихъ часовъ ему осталось жить!
Должны ли время мы враждою коротить?
Повѣрьте, миръ худой хорошей лучше брани!»
Цингильусъ кончилъ рѣчь. Се простираетъ длани
Спондей къ противнику — и миръ возстановлёнъ.
Не столько былъ въ тотъ день восторгомъ упоёнъ
Смиритель древнія Византскія гордыни,
Когда, враговъ поправъ, низринувъ ихъ твердыни,
Въ Царьградъ съ хоругвію россійскою вступилъ,
Въ вратахъ повѣсилъ щитъ, миръ данью утвердилъ,
Сколь добрый органистъ, то видя, восхищался,
Какъ Гашпаръ дружески съ Спондеемъ обнимался.
Но скоро прерванъ былъ сей радостный восторгъ:
Злой духъ между старшинъ согласье вновь расторгъ.
Ужь Гашпаръ, убѣждёнъ Цингильуса рѣчами,
Представилъ, сколько могъ, яснѣйшими словами,
Что сдѣлалъ онъ на тó съ помѣткой ярлыки,
Чтобъ ими различать плащи, иль сюртуки;
И, словомъ, всё сказавъ, чтó слышалъ отъ Раздора,
Симъ Гашпаръ заключилъ: «И такъ, ни брань, ни ссора
Въ передней болѣе не возмутятъ нашъ слухъ —
И новымъ средствомъ симъ, намѣсто многихъ слугъ,
Одинъ придверникъ Ганцъ съ истопникомъ Ѳадеемъ
Услужатъ всѣмъ гостямъ; а мы чрезъ то успѣемъ,
Расходы уменьша, хозяйство сохранить;
И, наконецъ, никто не будетъ насъ винить,
Чтобы отъ нашего въ прихожей безпорядка,
Родилися насмóркъ, простуда, лихорадка.»
Болѣзней имена услышавъ, Каратай
Содрогся и вскричалъ: «Иди, переплетай
Зѣвототворныя, слезогонящи драмы,
Волшебны оперы, балетныя програмы,
Поэмы шуточны и весь печатный бредъ;
Но медицинскій ты не трогай факультетъ.
Тогда лишь общества бываетъ здраво тѣло,
Когда всякъ членъ его, своё свершая дѣло,

Не трогаетъ другихъ. Тебѣ что нужды въ томъ,
Хотя бы изъ гостей, пріѣхавшихъ въ сей домъ,
Иной нечаянно въ прихожей простудился?
Не у тебя бы онъ, а у меня лечился —
И долго бъ не страдалъ; но эти ярлыки,
Произведеніе искусныя руки,
Расходы общества и твой приходъ умножатъ:
Вотъ отчего тебя болѣзни такъ тревожатъ.
Родъ человѣческій душою всей любя,
Какъ добрый филантропъ, ты любишь и себя!»
Сказалъ — и на своихъ клевретовъ оглянулся.
Фрейтодъ кивнулъ главой, аптекарь улыбнулся;
Но Гашпаръ гордо рёкъ: «корысть меня чужда,
А слава — моего возмездіе труда.
Отецъ стиховъ моей переплетёнъ рукою —
И для того хожу съ возвышенной главою.
Сафьянны ярлыки я обществу дарю.
Не лѣкарь я — за-то судьбу благодарю:
Питаясь ремесломъ хотя не такъ доходнымъ,
Не названъ я нигдѣ убійцею народнымъ.»
Тутъ, будто въ пеплѣ огнь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Воспрянулъ Каратай, какъ разъярённый левъ —
Собранію вѣщалъ: «Ужель терпѣть намъ должно,
Чтобъ съ первой изъ наукъ онъ ремесло ничтожно
Безъ казни смѣлъ равнять? и есть ли хоть одинъ
Изъ благомыслящихъ сидящихъ здѣсь старшинъ,
Кого бъ сей дерзкою онъ рѣчью не обидѣлъ,
Кто бъ безъ стыда его своимъ сочленомъ видѣлъ
И признавалъ ещё собранія главой?»
Вскоча со стульевъ, Курцъ и мастеръ гробовой
Мгновенно къ лѣкарю свои простёрли руки,
Въ защиту милой имъ врачебныя науки.
Усердье жаркое сподвижниковъ узря,
Успѣхомъ ободрёнъ и яростью горя,
Воскрикнулъ Каратай: «А ты, о дерзновенный,
Презрѣнна ремесла ремесленникъ презрѣнный,
Толмачъ безсмысленный безсмысленныхъ газетъ,
Едва умѣющій на склянку этикетъ
Въ аптекѣ наклеить — кого хулить дерзаешь?
Кого убійцею народнымъ называешь»?
— «Тебя! Ты», Гашперъ рёкъ, «одинъ убійца сей
Моихъ племянниковъ, сестры моей, дѣтей!
Тобою Петипа съ женою разлучился,
Цингильусъ трёхъ внучатъ и трёхъ сыновъ лишился,
И кто изъ сихъ старшинъ, которымъ ты вѣщалъ;
Предъ коими меня такъ нагло порицалъ,
Какъ даже авторы въ журналахъ не бранятся,
И кто изъ нихъ, скажи, не долженъ былъ остаться
Отъ первой изъ наукъ вдовцомъ иль сиротой?
Но что я говорю? убитыхъ всѣхъ тобой.
Когда бы переплесть мнѣ списокъ надлежало,
То бъ въ городѣ на то сафьяну не достало!»
Сей рѣчью дерзкою во сердце уязвлёнъ,
Затрясся Каратай, и, стуломъ воружонъ,
На переплётчика метнулся разъярённый —
И Гашпаръ, лѣкарской рукою поражонный,
Конечно бъ оправдалъ супруги страшный сонъ,
Коль высшей силою не охранился бъ онъ.
Весёлость, облетѣвъ весь домъ, въ совѣтъ впорхнула
Въ тотъ самый мигъ, когда рукой за спинку стула
Схватился Каратай. Вдругъ вспомнила она,
Какъ битва нѣкогда была упреждена
Между царя царей и дивнаго Ахилла:
«Минерва, съ тылу ставъ, героя ухватила
За блещущи власы, бывъ зрима одному.»
Весёлость, изъ старшинъ не зрима никому,
Какъ дщерь Зевесова схватила Каратая
За косу длинную, того не примѣчая,
Что былъ на нёмъ парикъ, который вдругъ слетѣлъ.
Воскрикнулъ Каратай, совѣтъ весь обомлѣлъ.
Весёлость и сама сначала испугалась;
Взглянула на старшинъ, ихъ видя, засмѣялась,
Взвилася къ потолку, сквозь дверь порхнула въ мигъ
И съ нею полетѣлъ похищенный парикъ.
Остались старшины симъ чудомъ поражонны,
Имѣя страхомъ рты и очи растворённы —
И кто бъ изъ смертныхъ могъ съ неробкой зрѣть душой
Парикъ летающій, какъ птицу, надъ собой?
Всѣхъ прежде Петипа спокоилъ духъ смущённой:
Увидя лѣкаря съ главою обнажонной,
Невольнымъ смѣхомъ онъ прервалъ внезапный страхъ
И бодрость возбудилъ въ дрожащихъ старшинахъ.
Очнулся весь совѣтъ, взглянувъ на Каратая;
Но лекарь, и стыдомъ и бѣшенствомъ пылая,
Возводитъ мрачный взоръ; узря жь, что самъ Фрейтодъ,
Дабы не хохотать, свой закрываетъ ротъ,
Онъ въ лютой ярости собранье оставляетъ,
Идётъ — и Гашпару побѣду уступаетъ..

II.

ИЗЪ КОМЕДІИ «УРОКЪ КОКЕТКАМЪ ИЛИ ЛИПЕЦКІЯ ВОДЫ».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ V.

Графиня, Баронъ, Угаровъ *и* Фіалкинъ.

Графиня.

Я признаюся вамъ, что Липецкъ — рай земной.
Любезность жителей и прелести природы

Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
Нѣтъ, я вообразить безъ грусти не могу,
Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ возвратиться,
И важной знатности въ блистательномъ кругу
О Липецкѣ вздыхать и скукою томиться.
И что̀ найду я тамъ? — несносный этикетъ,
Обѣды званые и праздники нарядны,
Гдѣ съ скукой пополамъ кружится въ вальсахъ свѣтъ,
И, ахъ, концерты тѣ, гдѣ голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
Безъ милосердія терзаютъ слухъ гостей;
Театры душные, въ которыхъ, для уморы
Несчастныхъ зрителей, злодѣи-аматёры
Пищатъ, коверкаютъ французскіе стихи.
А если попадусь я за мои грѣхи
Въ собранье важныхъ дамъ, на тётушку похожихъ,
Которыя, отъ лѣтъ ударясь въ ханжество,
Въ разсказахъ не щадя ни дружбу, ни родство,
Бранятъ безъ милости проѣзжихъ и прохожихъ —
Тогда пропала я! Что̀ можетъ быть скучнѣй
Злословья, клеветы, и сплётней, и вѣстей,
Которыхъ никогда такъ много не бывало,
Какъ нынче? Если же и этого всё мало,
Чтобъ насъ морить тоской, политика сама
Въ минуту явится съ лганьёмъ и новостями,
Засядетъ вкругъ стола и громкими словами
Начнётъ витійствовать безъ толку, безъ ума —
И споры тѣмъ рѣшитъ, что съ болью головною
Пріѣдутъ всѣ домой. Вотъ жизнію какою
Мнѣ должно мучиться; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счастію. Ахъ, я цѣнить умѣю
Таланты, вкусъ и умъ!

УГАРОВЪ *(въ сторону).*

Острѣе быть нельзя.

ФІАЛКИНЪ *(въ сторону).*

Наивность райская!

БАРОНЪ *(въ сторону).*

Я отъ восторга млѣю!

ГРАФИНЯ *(взявъ шаль отъ барона).*

Благодарю, баронъ!

БАРОНЪ.

Ахъ, благодарнымъ быть
Тотъ долженъ, кто возмогъ хоть мало вамъ служить!

ГРАФИНЯ *(барону).*

Къ несчастью, мы теперь встрѣчаемъ рѣдко въ свѣтѣ
Такую вѣжливость — парижскій старый тонъ.

БАРОНЪ.

И рѣдко кто найдётъ въ прелестномъ сёмъ отвѣтѣ
Сокровища души.

УГАРОВЪ.

Поберегись, баронъ:
Такъ сильно шаркая, подагру разбередишь.

ГРАФИНЯ.

Какъ вы язвительны!

БАРОНЪ *(тихо графинѣ).*

Несносный сорванецъ.

ФІАЛКИНЪ *(отдавая зонтикъ графинѣ).*

Отъ солнца этотъ щитъ — отъ васъ же для сердецъ,
Увы, защиты нѣтъ.

УГАРОВЪ *(отдергивая Фіалкина).*

Куда, любезникъ, лѣзешь?
Поди вздыхать въ шалашъ.

ФІАЛКИНЪ.

Но и шалашъ тотъ — храмъ,
Гдѣ божеству души курится ѳиміамъ!

ГРАФИНЯ *(Фіалкину).*

Вездѣ поэзія! Баронъ, который часъ?

БАРОНЪ.

Ахъ, скоро два часа!

ГРАФИНЯ.

Какъ время пролетаетъ!
(Въ сторону.)
Избавлюсь ли отъ нихъ?

ФІАЛКИНЪ.

Гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Тамъ время — мигъ одинъ.

БАРОНЪ.

Когда бъ оно для насъ
Остановилося и крылья потеряло!

УГАРОВЪ.

Да, если разъ-другой оно крыломъ махнётъ,
Такъ и прощай, баронъ: тебя какъ не бывало.

ГРАФИНЯ.

Ахъ! полноте шутить: мнѣ смѣхъ на умъ нейдётъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГРАФИНЯ, САША *и* ФІАЛКИНЪ.

ГРАФИНЯ.

Ушли? Ахъ, какъ я рада!

САША.

Поэтъ не отвздыхалъ.

ГРАФИНЯ.

Отправь его скорѣй.

САША *(Фіалкину).*

Придите къ намъ ужо съ гитарою своей
Попозже.

ФІАЛКИНЪ.

Внушена мнѣ геніемъ баллада,

И посвятить хочу графинѣ сердца плодъ.
(Графинѣ.) Примите!

Графиня.

Что, сударь?

Фіалкинъ.

Творенье небольшое;
Но есть въ нёмъ кое-что. Я выбралъ модный родъ
Балладъ.

Графиня.

Я ихъ люблю.

Саша.

А прозвище какое?

Фіалкинъ.

«Омиръ или Омеръ.» Ещё не рѣшено,
Какъ должно звать его — и для того я *или*
Поставилъ, чтобъ меня журналы не бранили.

Саша.

Да дѣло въ чёмъ? а *ме* иль *ми* — намъ всё равно.

Фіалкинъ.

Поэтъ безсмертный, кѣмъ была воспѣта Троя,
Лишонный глазъ, любви талантъ свой посвятилъ.

Графиня.

Гомеръ влюбился!

Фіалкинъ.

Ахъ! кто пѣлъ и не любилъ?
Ахилла славилъ онъ, чтобъ улыбнулась Хлоя.

Графиня.

Вотъ это новое!

Фіалкинъ.

Не думаете ль вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! этого всё мало.

Графиня.

И даже прочаго? Что жь нужно для него?

Фіалкинъ.

Въ нёмъ сердце быть должно, которо бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ какъ бьётся
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей,
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ....

Саша *(въ сторону).*

Гдѣ тонко, тамъ и рвётся.

Фіалкинъ.

Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ,
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ, какъ я!

III.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ПУСТОДОМЫ».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ VIII.

Княжна, Графиня *и* Графъ.

Графиня *(обнимая княжну).*

Здорова ли, княжна?
Скажи, что дѣлаютъ твой братецъ и сестрица?
Сюда пріѣхавши, я къ дѣтямъ захожу —
И что жь, сударыня? Фифаша и Жужу
Дрожатъ, бѣдняжечки, и посинѣли лица.
Я ужаснулася; а толстая мадамъ,
Свой кушая ростбифъ, сказала мнѣ сквозь зубы:
«Что дѣлать? Князь велѣлъ купать ихъ по утрамъ
Въ такой водѣ какъ лёдъ.» Тотчасъ схвативши шубы,
Я замороженныхъ окутала дѣтей.
Фифаша кашляетъ — а братъ твой десять дней
Не заглянулъ къ нему.

Княжна.

Онъ занятъ былъ.

Графиня

Конечно
Изволилъ сочинять о должностяхъ отцовъ.
Однако надобно сказать чистосердечно,
Что если братецъ твой поддѣльный философъ,
То и питомица моя, его супруга —
Сентиментальная мотовка; и они,
Мои голубчики, въ восторгѣ другъ отъ друга,
Хотя почти весь вѣкъ проводятъ розно дни:
Она на праздникахъ, а онъ въ библіотекѣ.
Нѣтъ, помнится, не такъ любили въ нашемъ вѣкѣ!
(Графу.) Покойный твой отецъ не восхищался мной,
А слишкомъ тридцать лѣтъ мы прожили съ нимъ дружно;
Онъ не былъ философъ, однако зналъ, что нужно;
Служилъ и выслужилъ.
(Княжнѣ.) А такъ, какъ братецъ твой
Не думалъ: я дескать лампада просвѣщенья,
Меня-де слушать всѣ, разинувъ ротъ, должны
И мнѣ-де одному таланты всѣ даны,
А всѣ-де вкругъ меня скоты безъ разсужденья.
Анъ нѣтъ — и эти всѣ, по твоему, скоты —
Свой доживаютъ вѣкъ почтенно и счастливо;
Тебѣ жь, разумникъ мой, осьмое въ свѣтѣ диво,

Не миновать, повѣрь, стыда и нищеты,
И пустятъ въ міръ тебя проклятыя науки.
(Графу.)
Когда своихъ дѣтей отдашь педантамъ въ руки,
То и не знай меня.

Графъ.

Сказать позвольте вамъ:
Вы сами, отсылавъ меня къ профессорамъ,
Твердили мнѣ всегда о пользѣ просвѣщенья.

Графиня.

Пусть такъ, однако же ученье безъ умѣнья
Не польза, а бѣда.

Графъ.

Не спорю.

Графиня.

И примѣръ
Сидитъ въ той комнатѣ: домашній нашъ Вольтеръ
Жену, себя, дѣтей лишаетъ пропитанья;
А мужики его ужъ по міру пошли.
Записку изъ суда вчера мнѣ принесли
Всѣмъ векселямъ его, вступившимъ для взысканья:
Онъ разорёнъ въ конецъ. Княгиня мнѣ жалка,
А дѣти бѣдныя ещё того жалчѣе.

Княжна.

Такъ должно всѣмъ роднымъ помочь ему скорѣе.

Графиня.

Пословицу, мой свѣтъ, ты знаешь: гдѣ рука,
Такъ тамъ и голова.

Княжна.

Я много разъ слыхала.

Графиня.

Дай Богъ, чтобъ на себѣ её не испытала.

Графъ.

Что значитъ, матушка?

Графиня.

А значитъ то́, сынокъ,
Что ежели княжна свою приложитъ руку
За братца своего по векселямъ въ поруку,
Тогда и ей самой ничто не будетъ въ прокъ.

Графъ.

Но если въ гибели она увидитъ брата?

Графиня.

Какъ быть, поплачетъ съ нимъ; а я не такъ богата
Чтобъ ты, сударь, могъ взять жену безо всего.

Княжна.

Повѣрьте, что, лишась имѣнья моего,
Я откажусь сама.

Графъ.

Но матушка шутила.
(Графинѣ.) Не такъ ли?

Графиня.

Да, шутя я правду говорила.
Однако жь, ангелъ мой...

Княжна.

Я понимаю васъ.

Графиня.

Тѣмъ лучше, милая. Ужь скоро первый часъ;
Княгиня спитъ ещё, а я лишь время трачу:
Въ двѣнадцатомъ часу мнѣ надобно на дачу
Къ министру побывать по тяжебнымъ дѣламъ.
Сегодня, помнится, Хапрова имянины,
У Лидиной сговоръ, у Фрындина крестины,
Обѣдъ у Блёсткиной — а мнѣ и тутъ и тамъ
Хотѣлось бы поспѣть: какъ быть, сама не знаю.
А! вздумала: пока къ министру я слетаю,
Княгиня между-тѣмъ свой кончитъ туалетъ.
Я ворочусь — и всё, что на́ сердцѣ имѣю,
Ея сіятельству пропѣть ещё успѣю.
Прощай же, ангелъ мой, и помни мой совѣтъ.
Карету!

Княжна.

Я его, конечно, не забуду,
И въ тягость никогда, графиня, вамъ не буду.

Н. И. ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, русскій драматическій писатель и прямой потомокъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Зиновія-Богдана и сынъ доктора философіи Кёнигсбергскаго университета Ивана Парѳеньевича Хмѣльницкаго, родился 11-го августа 1789 года въ Петербургѣ. Первоначальное воспитаніе своё онъ получилъ дома, подъ руководствомъ извѣстнаго литератора Эмина, а продолжалъ и окончилъ его въ Горномъ корпусѣ. Службу свою началъ онъ въ 1808 году въ иностранной коллегіи переводчикомъ; но въ томъ же году былъ командированъ, для иностранной переписки, къ главнокомандующему финляндской арміею графу Буксгевдену. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ, въ 1811 году, перешолъ въ министерство юстиціи. Затѣмъ, въ 1812 году вступилъ въ ряды петербургскаго ополченія, откуда былъ взятъ въ адъютанты сначала къ начальнику ополченія, генералу Кутузову, а потомъ — къ преемнику его, барону Меллеру-Закомельскому. Въ кампанію 1813 года онъ состоялъ при генералѣ Опперманѣ, и, въ чинѣ подполковника, принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, а также въ блокадахъ Магдебурга и Гамбурга. Награждённый орденами

Св. Владиміра 4-го класса съ бантомъ и Св. Анны 2-й степени, Хмѣльницкій, въ продолженіи кампаніи 1814 года, употребляемъ былъ только по дипломатической перепискѣ; по окончаніи же войны съ французами, состоялъ при графѣ Милорадовичѣ, а по назначеніи его санктпетербургскимъ генералъ-губернаторомъ, вступилъ въ должность правителя его канцеляріи.

Литературное своё поприще Хмѣльницкій началъ въ 1817 году — блистательно, заявивъ себя публикѣ комедіей въ стихахъ «Говорунъ», данной въ первый разъ на петербургской сценѣ 7-го мая того же года. За ней, три мѣсяца спустя, послѣдовала другая комедія «Шалости влюблённыхъ», а въ 1818 — комедія «Воздушные зáмки». Всѣ три пьесы имѣли громадный успѣхъ. Дальнѣйшая драматическая дѣятельность Хмѣльницкаго, уже сдѣлавшагося постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ князя Шаховского, выразилась цѣлымъ рядомъ пьесъ, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующія: «Бабушкины попугаи», «Нерѣшительный», «Карантинъ», «Актёры между собою», «Школа женщинъ» и «Новый Парисъ».

Въ 1824 году Хмѣльницкій перешолъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ исходѣ того же года передѣлалъ сочиненіе Фавара «Греческія бредни» въ забавный водевиль, не попавшій, впрочемъ, на сцену, а въ 1826 году поставилъ на петербургской сценѣ комедію «Свѣтскій случай». Въ 1829 году Хмѣльницкій, уже имѣвшій чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ былъ Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Найдя, по пріѣздѣ своёмъ въ Смоленскъ, что городъ ещё не оправился отъ постигшихъ его бѣдствій въ 1812 году, онъ исходатайствовалъ ему ссуду въ милліонъ рублей ассигнаціями, чтó дало средства къ сооруженію въ Смоленскѣ новой церкви Благовѣщенія, устройству публичнаго сада, снесенію гребня соборной горы, улучшенію мостовыхъ, городской полиціи и пожарной команды. Кромѣ того, Николай Ивановичъ, неупускавшій ничего изъ вида, первый изъ губернаторовъ обратилъ вниманіе на мануфактурную и ремесленную промышленность — и первая губернская выставка мануфактурныхъ издѣлій была въ Смоленскѣ. Въ 1837 году Хмѣльницкій былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени и, вслѣдъ затѣмъ, переведёнъ изъ Смоленска въ Архангельскъ, гдѣ оставался не долго, такъ-какъ разстроенное здоровье побудило его просить объ отставкѣ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ безвыѣздно прожилъ въ нёмъ до весны 1844 года, когда совершенно-растроенное здоровье заставило его отправиться за границу. Но эта поѣздка не принесла ему желаемой пользы и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ умеръ 8-го сентября 1846 года и похоронёнъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Первое изданіе драматическихъ сочиненій Хмѣльницкаго, собранныхъ Аладьинымъ, вышло въ 1829 году, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Театръ Хмѣльницкаго»; второе изданіе, сдѣланное Смирдинымъ, вышло въ 1849 году, въ «Полномъ собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», подъ заглавіемъ: «Сочиненія Хмѣльницкаго», въ трёхъ томахъ. Сюда, кромѣ упомянутыхъ нами выше пьесъ, вошли всѣ драматическія сочиненія Хмѣльницкаго, а также и нѣкоторыя изъ его разказовъ, разбросанныхъ по различнымъ повременнымъ изданіямъ а именно: «Тартюфъ», комедія Мольера, «Русскій Фаустъ», «Царское слово, или сватовство Румянцева», «Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій», «Оберъ-кухмейстеръ Фельтенъ», отрывки изъ комедіи «Арзамаскіе гуси» и разсказы: «Римскій карнавалъ», «Отрывки изъ поморскихъ очерковъ» и «Мундиръ».

Если Хмѣльницкій и не обладалъ талантомъ самостоятельнымъ, тѣмъ не менѣе онъ навсегда сохранитъ за собою почётное мѣсто въ ряду немногихъ писателей, положившихъ основаніе русскому театру. Его драматическія произведенія, независимо отъ личнаго дарованія автора, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ современнаго ему направленія нашей литературы двадцатыхъ годовъ. Всѣ пьесы Хмѣльницкаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, есть переводы и передѣлки съ французскаго, но — благодаря таланту Николая Ивановича — переводы прекрасные, вполнѣ достойные оригинала, а передѣлки — всегда удачныя, часто далеко превосходящія самый подлинникъ. Если, не будучи писателемъ оригинальнымъ, онъ не создалъ ни одного истинно народнаго типа, то по лёгкости, благозвучію и юмористической бойкости стиха, онъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ драматическихъ писателей приближается къ Грибоѣдову.

I.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ».

ЯВЛЕНІЕ VII.

Альнаскаровъ *и* Викторъ.

Викторъ *(отворяя дверь).*

Пожалуйте!

Альнаскаровъ.

И такъ, кто знаетъ, что̀ случится?
Таинственность судьбы чудеснѣе всего!
Но я, однако жь, здѣсь не вижу никого.
Гдѣ жь вдовушка? Оно немножко неучтиво.

Викторъ.

Зачѣмъ же обвинять её несправедливо?
Во-первыхъ, что она не ожидала васъ:
Была, чай, попросту одѣта здѣсь безъ насъ,
Такъ понаряднѣе вамъ хочетъ показаться.

Альнаскаровъ.

Ей для меня совсѣмъ нѣтъ нужды наряжаться:
Я занятъ, тороплюсь — и мнѣ не до невѣстъ.

Викторъ.

А я не надивлюсь, какъ вамъ не надоѣстъ
Вѣкъ цѣлый по̀ свѣту гоняться за мечтами?
Вѣдь что̀ ни говори, а право, между нами,
Опасно, говорятъ, высоко залетать.

Альнаскаровъ.

Ты глупъ — и не тебѣ объ этомъ разсуждать.
Кто служитъ, такъ тому простительно и должно
Всего надѣяться.

Викторъ.

Надѣяться-то можно;
Но адмираломъ быть — ей-богу мудрено.

Альнаскаровъ *(съ жаромъ)*.

Мнѣ долго ли твердить всё то же и одно,
Что тотъ, кто службѣ всѣмъ пожертвовать рѣшился,
Кто такъ, какъ я, всему классически учился,
Кто храбръ, рѣшителенъ, всё знаетъ, всё видалъ,
Тотъ рано ль, поздно ли, а будетъ адмиралъ:
За это отвѣчать готовъ я головою.
Есть случаи — они назначены судьбою —
Которыхъ намъ ни какъ не должно упускать.
Въ отставкѣ, напримѣръ, чтобъ могъ я предпринять?
Одно дурачество — жениться непремѣнно.
Что жь въ этомъ? Это всё страхъ какъ обыкновенно.
Жениться можно всѣмъ — и трусамъ, и глупцамъ;
Но геніямъ временъ, отечества сынамъ —
Иную слава намъ стезю предназначаетъ:
Цѣня достоинства, заслуги награждаетъ,
Вездѣ объ насъ гремитъ ея безсмертный слухъ;
Она живитъ сердца, воспламеняетъ духъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Альнаскаровъ, Аглаева *и* Саша.

Аглаева.

Ахъ, Боже мой! я, васъ заставя дожидаться,
Себя ничѣмъ почти не смѣю извинить.

Альнаскаровъ.

Помилуйте, не вы — я долженъ васъ просить
Не гнѣваться, что васъ собою безпокою.

Аглаева.

Напротивъ, видѣть васъ я рада всей душою.

Альнаскаровъ *(въ сторону)*.

Вѣдь надобно жь, чтобь такъ она была мила.

(Громко.)

Я ѣду въ Петербургъ, гдѣ ждутъ меня дѣла,
Какъ вдругъ у васъ моя ломается карета;
Но я не ожидалъ, чтобъ непріятность эта
Такимъ свиданіемъ была награждена.

Аглаева.

И я вамъ точно жь тѣмъ равно одолжена.

(Тихо Сашѣ.)

Ахъ, какъ онъ милъ!

(Громко.)

Подай намъ стулья поскорѣе.

(Альнаскарову.)

Я признаюсь — всего въ деревнѣ веселѣе,
Когда любезный гость пустынницъ посѣтитъ.

Альнаскаровъ *(въ сторону)*.

Да это хоть кого, ей-богу, соблазнитъ!

Аглаева.

Но сядемте — и мнѣ, пожалуста, скажите,
Что̀ новаго у насъ?

Альнаскаровъ.

Ахъ, вы меня простите:
Я самъ три мѣсяца не вижу ужь газетъ.

Аглаева.

Вы шутите и въ васъ терпѣнья вѣрно нѣтъ
Читать извѣстія объ островѣ Еленѣ,
О буряхъ, о дождяхъ — не то, такъ объ измѣнѣ
Алжирцевъ...

Альнаскаровъ.

Боже мой! алжирцы всё шалятъ!
Алжирцы! Это стыдъ! Ихъ надобно унять.
Но, между-тѣмъ, моё представьте положенье:
Я, напримѣръ, лечу въ ужасномъ нетерпѣньѣ
Изъ Крыма въ Петербургъ для самыхъ важныхъ дѣлъ,
Но только выѣхать оттуда я успѣлъ,
Какъ вдругъ болѣзнь моя всѣ планы разрушаетъ:
Три мѣсяца меня изъ рукъ не выпускаетъ —
И въ это время я не слышу ни о чёмъ.
Но, бывши твёрдъ, идя рѣшительнымъ путёмъ,
Опять я, наконецъ, къ моей стремлюся цѣли.
Быть-можетъ, тьму вещей надѣлать ужь успѣли,
Но я никакъ, нигдѣ не могъ объ нихъ узнать.

Аглаева *(смѣясь)*.

Такъ потрудитеся газеты прочитать:
Ихъ два раза̀ ко мнѣ въ недѣлю присылаютъ.

Альнаскаровъ.

Ахъ, съ радостью: меня газеты восхищаютъ!

Аглаева *(тихо Сашѣ).*

Какъ всё обдумано! Что, Саша, каково?

Саша *(тихо Аглаевой).*

О, мастерски! Но мы ужь проведёмъ его.

Аглаева.

Я примѣчаю въ васъ большое нетерпѣнье
Увидѣть Петербургъ.

Саша *(въ сторону).*

Опять за сочиненье!
Послушаемъ.

Альнаскаровъ.

Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ
На Чорномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
Но, признаюся вамъ, съ лѣтами, можетъ-быть,
Мнѣ море Чорное страхъ показалось тѣсно.
Въ два года всё кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно;
А съ турками никакъ до дѣла не дойдётъ.
Куда ни поплывёшь — всё знаешь наперёдъ,
И весь изъ Кафы путь не дальше Дарданеловъ.
Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ.
Вдругъ слышу, наконецъ, что снова ужь хотятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ.
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья,
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья.

Аглаева.

Объ этомъ, кажется, слухъ носится давно.

Альнаскаровъ.

Да, съ полгода — но что жь? Вѣдь это всё равно!
Не подождать меня — ужь это невозможно.

Аглаева.

О, я увѣрена! И согласиться должно,
Что эдакой вояжъ ужасно можетъ льстить;
Но, послужа, вѣдь вы устанете служить,
И, наконецъ, когда вы лавры всѣ пожнёте,
Въ отставку вышедши, что жь дѣлать вы начнёте?

Альнаскаровъ.

Тогда бъ я кѣмъ-нибудь былъ также побѣждёнъ!
Ахъ, признаюсь, я разъ ужасно былъ влюблёнъ!

Аглаева.

Неужли не шутя?

Саша *(въ сторону).*

А! а! проговорился!

Аглаева.

Но чѣмъ же кончилось?

Альнаскаровъ.

Другой на ней женился;
А я утѣшился и — воротился въ Крымъ.

Аглаева.

Но хладнокровіемъ, клянуся вамъ, такимъ
Самъ ангелъ — такъ и тотъ насъ всѣхъ перепугаетъ.

Альнаскаровъ.

Что жь дѣлать? иначе всё служба потеряетъ.
Мы, флотскіе — всегда отъ женщинъ далеки.

Саша *(тихо Аглаевой).*

Его сіятельство васъ сердитъ мастерски.

Аглаева *(тихо Сашѣ).*

Я слушать этого не въ силахъ равнодушно!
(Альнаскарову.)
Но если вамъ самимъ съ женою будетъ скучно,
Такъ скоро и женѣ такой наскучитъ мужъ.

Альнаскаровъ.

Сомнительно; но вамъ однако почему жь
Такъ заключать? На всё есть въ обществѣ законы:
Безъ насъ, для насъ — вездѣ женатыхъ милліоны;
Но сами геніи не терпятъ брачныхъ узъ:
Колумбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ —
Они, я думаю, всѣ нé были женаты.

Аглаева.

Я радуюсь, а то мы были бъ виноваты.
Но лучше этотъ намъ оставить разговоръ,
А то у васъ со мной престрашный выйдетъ споръ:
Я разсержусь и всё нарочно изурочу
И даже, можетъ-быть, на зло вамъ напророчу,
Что вамъ на этотъ разъ не ѣхать воевать.

Альнаскаровъ *(вскакивая со стула).*

Не ѣхать? почему-жь, позвольте мнѣ узнать?

Аглаева.

Да такъ, предчувствіе мнѣ что-то говорило,
Что вы...

Альнаскаровъ.

Предчувствіе? вотъ это очень мило!

Аглаева.

И сонъ...

Альнаскаровъ.

И сонъ! а что жь вы видѣли во снѣ?

Аглаева.

Да множество вещей.

Альнаскаровъ *(въ сторону).*

Чего же больше мнѣ?
Одно свиданіе — и такъ влюбиться страстно!

Саша *(тихо Аглаевой).*

Да полно-те, а то ужь будетъ слишкомъ ясно —
И лучше погодить нашъ открывать секретъ:
Онъ догадается.

Аглаева *(тихо Сашѣ).*

Да почему жь? О, нѣтъ!
(Альнаскарову.)
Но, знаете, мнѣ жаль, мы время здѣсь теряемъ.
Пойдёмте лучше въ садъ: я напою васъ чаемъ —
И это вѣрно насъ съ пріятностью займётъ.

Альнаскаровъ.

Ахъ, съ радостью! Но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

Аглаева.

А я васъ жду. Теперь прощайте, до свиданья.
(Въ сторону). Я влюблена! *(Уходитъ съ Сашею.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Альнаскаровъ *(одинъ).*

И такъ — всё случай довершилъ!
Каковъ же я? пришолъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твёрдо убѣждёнъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рождёнъ.
Не помню, гдѣ читалъ я анекдотъ прекрасной,
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, до толь незнаемой никѣмъ.
Онъ посѣлился тамъ — и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межь собою
Республики своей избрать его главою.

ЯВЛЕНІЕ X.

Входитъ Викторъ.

Альнаскаровъ *(не замѣчая его).*

Онъ мудро управлялъ и въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царёмъ.
Что если-бъ? Почему-жь! на счастье нѣтъ закона!
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царёмъ, построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами,
Устрою гавани, наполню ихъ судами —
И тутъ-то я до васъ, алжирцы доберусь!
Смиритеся — не то пойду, вооружусь —
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду — прохода нѣтъ: всё ницъ передо мной.
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
«Да здраствуетъ нашъ царь! да здраствуетъ великій!»

Викторъ.

Монархъ!

Альнаскаровъ *(въ жару мечтанья).*

Что́ хочешь ты? Надѣйся и вѣщай!

Викторъ.

Великій государь, васъ просятъ кушать чай!

II.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ГОВОРУНЪ».

ЯВЛЕНІЕ III.

Лиза *и* Графъ Звоновъ.

Графъ *(не видя Лизы).*

По чести, пресмѣшно и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя ни кого, чтобъ съ кѣмъ поговорить.
Увидѣвшись съ людьми, садишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь — и что-нибудь узнаешь.
Графъ Чвановъ, напримѣръ! Мнѣ графъ старинный другъ:
Заѣхалъ къ графу я, а графу недосугъ;
Графини дома нѣтъ — и что жь? вообразите...

Лиза.

Позвольте васъ спросить: вы съ кѣмъ здѣсь говорите?

Графъ.

А! а! здорова ли? Всё къ лучшему идётъ!
Здорова! — очень радъ: я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? Какое приключенье!
Представь, она сейчасъ дала мнѣ порученье —
Заѣхать къ Лелевой: кой-что ей разсказать.
Бѣгу, скачу, лечу и — могъ ли ожидать?...
Когда-бъ я не былъ самъ, я счёлъ бы то за врати:
Я въ домѣ не нашолъ ни бѣшеной собаки —
Всё пусто, заперто́, не встрѣтился ни съ кѣмъ,
И, съѣздивъ по нуждѣ, пріѣхалъ я ни съ чѣмъ.
Вчера я точно такъ кружился по неволѣ:
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Николѣ —
Обѣдня кончилась; поѣхалъ я въ сенатъ,

Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній Садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески,
Съ Песковъ въ Садовую — какіе всё скачки!
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамтской,
Съ Почтамтской къ Невскому, а съ Невскаго къ Казанской.
Оттуда поскакалъ объѣхать острова —
Отъ мысли ужь одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ: Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій;
Съ Крестовскаго...

Лиза *(перебивая).*

И я сегодня точно такъ
Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую:
Лишь съ лѣстницы сбѣгу, по лѣстницѣ опять;
Кричатъ: «бѣги! подай!» — умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ всё поспѣло.
Но, къ счастью, наконецъ спроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень графъ и страшный краснословъ,
Болталъ, болталъ, болталъ, весь домъ привёлъ въ тревогу;
Но, вспомня, что онъ гость, убрался, славу Богу,
И барыня моя, не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Споркина, Вздоркина, Громова, Свахина, Вѣстина, Чванова *и* Графъ Звоновъ.

Споркина *и* Вздоркина *(вмѣстѣ).*

Мы спорить не хотимъ, но странны увѣренья...

Громова *(съ жаромъ).*

Вы вѣрьте или нѣтъ, но я не соглашусь.

Графъ *(Чвановой).*

Всѣ сѣли — очень радъ; я подлѣ васъ сажусь.
Теперь займётеся: я право съ нетерпѣньемъ
Готовъ хоть цѣлый день васъ слушать съ восхищеньемъ.

Вѣстина *(Чвановой).*

И такъ, я вамъ скажу, что, ѣхавши отъ васъ,
Мнѣ Хлоеву пришлось увидѣть въ первый разъ.
Она....

Свахина.

Была мила, но нынче подурнѣла.

Вздоркина.

Ужь слишкомъ рядится.

Спорскина.

И слишкомъ постарѣла.

Чванова.

А я такъ разскажу вамъ новый анекдотъ....

Графъ.

Прекрасно! Я люблю ужасно этотъ родъ —
И знаю самъ...

Громова.

И я....

Спорскина.

И я...

Чванова.

Всё это вѣроятно;
Но я...

Спорскина.

Я слушаю.

Графъ *(Чвановой).*

Васъ слушать всѣмъ пріятно.

Громова *(тихо Вздоркиной).*

Она скучна.

Вздоркина.

И страхъ протяжно говоритъ.

Чванова.

И такъ, прошу молчать, чтобъ было безъ обидъ.
Послушайте-жь: одна изъ здѣшнихъ дамъ въ собраньи...

Графъ.

Въ собраньи? — а въ какомъ?

Чванова.

Что нужды вамъ въ названьи?
Въ какомъ бы ни было, а дѣло только въ томъ:
Въ собраніи съ однимъ военнымъ молодцомъ...

Графъ.

Съ военнымъ? такъ! они преловкіе мужчины.

Чванова.

Чтобъ вамъ ихъ не назвать, на это есть причины:
Особа знатная, а мальчикъ также князь.

Свахина.

Теперь я поняла

Графъ.

Я знаю эту связь —
Съ Аглаевой?

Вѣстина *(въ сторону).*

Да онъ старушку, право, взбѣситъ!

Чванова *(въ сердцахъ).*

Нѣтъ, нѣтъ, сударь! пустякъ! нѣтъ, эта не чудеситъ,

Хотя и молода — а той ужь сорокъ лѣтъ.

ГРАФЪ.

Такъ это Знатова?

СПОРКИНА.

Брызгалова?

ЧВАНОВА.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГРОМОВА.

Вѣтрова?

ВЗДОРКИНА.

Лелева?

СВАХИНА.

Ильмена, можетъ статься?

ЧВАНОВА.

Да дайте-жь досказать!

ГРАФЪ.

Я радъ повиноваться;

Но я...

ЧВАНОВА.

Да что за срамъ! Уймися, мой отецъ!

Мнѣ эдакъ замолчать придётся наконецъ.

ГРАФЪ.

Помилуйте!

ЧВАНОВА.

Меня такъ это удивляетъ!

ГРАФЪ.

Ни слова — я молчу.

ЧВАНОВА (*Вѣстиной*).

И всё-таки болтаетъ!

СПОРКИНА.

Чтобъ споровъ избѣжать, не лучше ль положить

Намъ очередь, чтобъ знать, кто долженъ говорить?

ГРАФЪ.

Клянусь, что сохраню всю святость договора!

ЧВАНОВА.

Условье первое: чтобы зачинщикъ спора

Платилъ за это штрафъ.

ГРАФЪ.

Какъ, штрафъ?

СПОРКИНА.

И штрафъ большой.

ГРАФЪ.

Что я не провинюсь — ручаюсь вамъ душой.

ВѢСТИНА.

Не лучше ль намъ въ театръ поѣхать посмѣяться?

ВЗДОРКИНА.

Да что вамъ вздумалось?

ГРАФЪ.

Что будетъ тамъ играться?

ВѢСТИНА.

Комедья «Говорунъ».

ГРАФЪ.

Комедья «Говорунъ»?

Вотъ новость для меня! Да кто же тотъ шалунъ,

Кто смѣлъ безъ моего и плана и совѣта

Всю важность поддержать столь труднаго сюжета?

Тутъ надобенъ языкъ, пріятный, лёгкій слогъ!

Спросился-бъ у меня — и я бъ ему помогъ.

СПОРКИНА.

Ахъ, я охотница большая до комедій!

СВАХИНА.

А я — до жалкихъ драмъ!

ЧВАНОВА.

А я — такъ до трагедій

И мнѣ, по счастью, здѣсь всѣ видѣть удалось.

ГРАФЪ.

Да, нынче ихъ у насъ довольно развелось;

Но я всегда жалѣлъ объ ихъ несчастной долѣ:

Сыграютъ раза два — и бросятъ по неволѣ.

ЧВАНОВА.

Вы вѣрно пишите? и вашъ по дружбѣ долгъ...

ГРАФЪ.

Писать — я не пишу, но знаю въ этомъ толкъ.

Я пользуюсь умомъ, другихъ не безпокоя;

Но разъ въ трагедіи, играя роль героя,

Я слёзы проливать заставилъ всѣхъ рѣкой.

(*Вскакивая во стула.*)

«О, гордый Орбасанъ! тебя зову на бой!»

ЧВАНОВА.

И полноте, сударь!

ВѢСТИНА (*Чвановой*).

Да, намъ приходитъ худо!

ГРАФЪ.

Когда бъ я былъ актёръ — я бъ былъ осьмое чудо!

ВѢСТИНА.

Дошло и до чудесъ! Скажу я вамъ теперь,

Что къ намъ изъ-за̀ моря...

ГРАФЪ.

А, это вѣрно звѣрь,

Который на показъ къ намъ привезёнъ въ столицу?

Я видѣлъ ужь его: онъ страхъ похожъ на птицу

И можетъ, говорятъ — мы вѣрить не могли —

И плавать, и летать, и бѣгать по земли.

Я тотчасъ опишу вамъ всю его фигуру:

Во-первыхъ...

ЧВАНОВА.

Чтобъ меня не приняли за дуру,

Прошу не докучать мнѣ странностью такой.

ВѢСТИНА (*въ сторону.*)

И лучше бы молчать, чѣмъ мучить всѣхъ собой.

(*Въ слухъ.*)

Да, кстати, говорятъ, что будто Пустякова
Теперь...

ГРАФЪ.

Разводится, чтобъ выдти за другова.

СВАХИНА.

Да съ кѣмъ? Она вдова.

СПОРКИНА.

Вы слишкомъ не въ попадъ
Вмѣшались въ разговоръ.

ГРАФЪ.

Я точно виноватъ.

ВѢСТИНА.

Купила, говорятъ, имѣнье пребольшое,
И чуть ли наконецъ...

ГРАФЪ.

Вотъ это ужь пустое!
Я въ этомъ побожусь.

ВѢСТИНА.

Да дайте жь досказать!

ГРАФЪ.

Позвольте...

ВѢСТИНА.

Нѣтъ, сударь!

ГРАФЪ.

Но можно ль увѣрять!

. . . .

Божусь, божусь, божусь! Я знаю весь ихъ родъ;
Мнѣ всѣ они родня. Ихъ предокъ былъ Федотъ;
Федотъ родилъ Ѳому, Ѳома родилъ Ивана,
Иванъ родилъ Кузьму, Кузьма родилъ Демьяна,
Демьянъ — у этого родился сынъ Борисъ;
У этого Егоръ, у этого Денисъ;
Денисъ родилъ Илью, Илья родилъ Сергѣя,
Сергѣй родилъ Луку, Лука родилъ Андрея,
Андрей... *(Кашляетъ.)*

ГРОМОВА.

Андрей, Андрей — чтобъ чортъ его побралъ!
Нѣтъ силы — я бѣгу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ Громовой.

ГРАФЪ *(продолжая).*

Я вамъ не досказалъ:
Андрей былъ человѣкъ несчастливо женатый;
Но кто жь ему велѣлъ жениться на богатой?
Отъ денежныхъ невѣстъ накладны барыши
И часто при душахъ — невѣста безъ души.
Къ тому жь она была фамильи очень знатной
И съ нашею въ родствѣ... *(Кашляетъ.)*

СВАХИНА *(въ сторону).*

Болтунъ невѣроятный!
Бѣгу! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, кромѣ Свахиной.

ГРАФЪ *(продолжая).*

Отецъ ея былъ съ молода шалунъ,
Но славный человѣкъ и страшный говорунъ.
И онъ-то, наконецъ, по матушкѣ покойной
Придётся дѣдомъ мнѣ. *(Чихаетъ.)*

ВЗДОРКИНА.

Вотъ внукъ его достойный!
Невѣжа! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Вздоркиной.

ГРАФЪ *(продолжая).*

Признаюсь, что этотъ человѣкъ
И славно, и умно, и чудно прожилъ вѣкъ.
Онъ славы достигалъ различными путями:
И счастьемъ, и мечомъ, и прозой, и стихами —
И, словомъ вамъ сказать, былъ воинъ и поэтъ.
Да чтó жь онъ написалъ? вы спросите въ отвѣтъ.
О, прозы и стиховъ ужасную громаду!
Я могъ бы вамъ прочесть одну его тираду,
Но этимъ услужить въ другой ужь лучше разъ —
Теперь мнѣ недосугъ *(Нюхаетъ табакъ.)*

СПОРКИНА *(въ сторону).*

Теперь онъ мучитъ насъ!
Мнѣ дурно! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ Споркиной.

ГРАФЪ *(продолжая).*

Наконецъ, что этого чуднѣе!
Прибавлю вамъ ещё, чтобъ кончить поскорѣе,
Что этотъ говорунъ, намъ родственникъ и другъ —
Простите вы меня: всего не вспомнишь вдругъ —
Имѣлъ двухъ сыновей, и милыхъ и прекрасныхъ,
Хоть равныхъ по уму, но нравомъ несогласныхъ:
Одинъ... *(Сморкается.)*

ЧВАНОВА *(въ сторону).*

Мнѣ тошно! я умру! *(Уходитъ съ Вѣстиной.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Графъ
(не замѣчая, что онъ одинъ, продолжаетъ).

Онъ былъ юристъ;
Прекрасный человѣкъ, но на́ руку не чистъ:
За взятки онъ подъ судъ нечаянно попался,
Но сколько ни хваталъ, хитро онъ оправдался
И снова, наконецъ — кто могъ бы ожидать? —
Съ друзьями распростясь, поѣхалъ воровать.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Графъ Звоновъ *и* Лиза.
(Она подкрадывается и становится за его стуломъ.)

Графъ *(продолжая).*
Другой прославился со всѣмъ путёмъ различнымъ:
Сынъ воина-отца, былъ воиномъ отличнымъ,
Служилъ, терпѣлъ, дрался́ какъ истинный герой,
И, въ полѣ посѣдѣвъ, поѣхалъ на покой.
Онъ женщинъ не терпѣлъ — я признаюсь невольно:
Простите вы меня — мнѣ, право, очень больно!
Что жь дѣлать? Мой чудакъ...

Лиза *(изъ-за стула).*
Помилуйте! Божусь,
Учтивость лишняя — я право не сержусь.

Графъ *(вскакивая со стула).*
Что вижу? это ты! Но гдѣ-жь мои старушки?
Ихъ нѣтъ — и я одинъ! О, вздорныя болтушки!
Вообрази себѣ, замучивши меня,
Изволили уйти! Но, глупость извиня,
Я вѣрю, наконецъ, что самый даръ счастливый,
Даръ первый въ женщинѣ — не слишкомъ быть болтливой.

Лиза.
За ваше торжество имъ должно вамъ отмстить:
Одинъ противъ шести и всѣхъ заговорить,
Замучить, разозлить, оспорить, обезславить
И даже, наконецъ, ихъ всѣхъ бѣжать заставить!

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, извѣстный авторъ «Юрія Милославскаго» и потомокъ именитаго рода, вышедшаго изъ Золотой Орды и обрусѣвшаго въ Великомъ Новгородѣ, родился 14-го іюля 1789 года, Пензенской губерніи и уѣзда, въ селѣ Рамзаѣ, принадлежавшемъ въ то время его отцу. До четырнадцати лѣтъ онъ прожилъ дома, гдѣ и получилъ то скудное первоначальное образованіе, которое онъ постоянно старался впослѣдствіи развить чтеніемъ и изученіемъ языковъ французскаго и нѣмецкаго, особенно перваго, въ чёмъ и успѣлъ, благодаря своей любознательности и настойчивости. Здѣсь же, въ деревнѣ, и притомъ очень рано, обнаружилась въ нёмъ наклонность къ сочинительству, вскорѣ овладѣвшая имъ совершенно, такъ что на одиннадцатомъ году онъ уже является авторомъ трагедіи «Леонъ и Зыдея» и повѣсти «Пустынникъ», которыя до того понравились всѣмъ его знакомымъ, что ни кто не хотѣлъ вѣрить, чтобы авторомъ названныхъ пьесъ могъ быть маленькій Миша. Въ 1802 году тринадцатилѣтній Загоскинъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и опредѣлёнъ на службу въ департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, прослуживъ въ которомъ десять лѣтъ, былъ произведёнъ, въ 1811 году, въ губернскіе секретари и назначенъ помощникомъ столоначальника. Насталъ 1812 годъ съ его народною войною: Загоскинъ бросилъ всё — и записался въ Петербургское ополченіе, съ которымъ дошолъ до Полоцка, участвовалъ въ знаменитомъ сраженіи 7-го октября подъ этимъ городомъ, былъ раненъ въ ногу, награждёнъ орденомъ св. Анны 3-й степени и уволенъ въ отпускъ до излеченія раны. Назначенный, по выздоровленіи, адъютантомъ къ графу Левизу, Загоскинъ занималъ эту должность въ теченіе всей продолжительной и тяжолой осады Данцига. По сдачѣ города и распущеніи ополченія, Загоскинъ возвратился въ свою пензенскую деревню, гдѣ снова принялся за книги и перо — и въ томъ же году написалъ одноактную комедію «Проказникъ». Затѣмъ, въ самомъ началѣ 1815 года, онъ опять явился въ Петербургъ и снова поступилъ въ тотъ же департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, въ которомъ служилъ до войны. Познакомившись съ П. А. Корсаковымъ, извѣстнымъ переводчикомъ съ голландскаго, Загоскинъ вручилъ ему свою комедію, съ просьбою передать её на судъ князя А. А. Шаховского, бывшаго въ это время членомъ репертуарной части при петербургскомъ театрѣ. Князь Шаховской, пріятно изумлённый отличнымъ разговорнымъ языкомъ, живостью дѣйствія и неподдѣльной весёлостью новой комедіи, чего онъ уже давно не замѣчалъ въ грудѣ присылаемыхъ ему на разсмотрѣніе пьесъ, ободрилъ и обласкалъ молодого писателя, и немедленно приступилъ къ постановкѣ комедіи и распредѣленію ролей. Пьеса была дана и имѣла успѣхъ, но напе-

чатана не была. Ободрённый похвалами Шаховского, Загоскинъ вскорѣ написалъ новую комедію, подъ названіемъ: «Комедія противъ комедіи, или урокъ волокитамъ», сыгранную въ первый разъ 4-го ноября того же года и положившую начало извѣстности ея автора. Затѣмъ, въ 1817 году были поставлены на сцену четыре пьесы Загоскина: двѣ комедіи — «Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ» и «Вечеринка учоныхъ» и двѣ интермедіи — «Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка». Изъ нихъ, «Вечеринка учоныхъ» имѣла огромный успѣхъ, возбуждая постоянную весёлость партера. Въ исходѣ того же года, Загоскинъ перешолъ на службу дирекціи театровъ, помощникомъ члена репертуарной части, и, вслѣдъ затѣмъ, былъ назначенъ почётнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки. Впрочемъ, занятія по новымъ должностямъ не мѣшали ему работать для театра — и 28-го іюля 1819 года, въ бенефисъ Сосницкихъ, была дана на сценѣ петербургскаго театра его новая пьеса: «Романъ на большой дорогѣ», имѣвшая большой успѣхъ, а 23-го іюня 1820 года представлена въ первый разъ его комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ «Добрый малый». Вслѣдъ за представленіемъ этой послѣдней пьесы, авторъ переѣхалъ на жительство въ Москву. Здѣсь, въ началѣ 1821 года, Загоскинъ, не написавшій до сихъ-поръ ни одного стиха, принялся за изученіе правилъ піитики — и написалъ первое своё стихотвореніе, «Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу», отличающееся весьма гладкимъ и звучнымъ стихомъ. Петербургскіе друзья Загоскина, знавшіе очень хорошо, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о стихосложеніи и даже не чувствовалъ паденія и мѣры стопъ, были крайне изумлены первымъ его опытомъ и долго не знали, что подумать о нёмъ; но когда Михаилъ Николаевичъ, спустя мѣсяцъ, прислалъ въ «Общество Соревнователей Просвѣщенія» два новыя свои стихотворенія: «Авторская клятва» и «Выборъ невѣсты», и когда обѣ пьесы, прочитанныя въ собраніи общества, возбудили общія похвалы, то членъ его, Н. И. Гнѣдичъ, не замедлилъ обратиться къ Загоскину съ слѣдующимъ привѣтомъ: «Послѣ «Авторской клятвы», я уже перестану и удивляться твоимъ истинно-блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ. Пьеса — порука намъ, что ты подаришь театръ комедіей въ стихахъ.» Ожиданія Гнѣдича сбылись и притомъ очень скоро: въ началѣ слѣдующаго 1822 года комедія *въ стихахъ* «Урокъ холостымъ или наслѣдники», была окончена Загоскинымъ и 4-го мая того же года представлена на московской сценѣ. Съ наступленіемъ 1823 года (23 января) онъ поставилъ новую свою комедію-водевиль: «Деревенскій философъ», которая окончательно утвердила за нимъ славу лучшаго современнаго драматическаго писателя. Затѣмъ, цѣлые полтора года были посвящены имъ на приготовленіе къ экзамену на чинъ 8-го класса, причёмъ вытвержено было наизустъ даже всё римское право, послѣ чего онъ бодро предсталъ предъ экзаменаторами и кончилъ тѣмъ, что выдержалъ испытаніе блистательно и тѣмъ проложилъ путь къ вожделѣнному чину коллежскаго асессора, который вскорѣ и получилъ. Обезпеченный теперь въ дальнѣйшемъ прохожденіи служебной карьеры, Загоскинъ снова обратился къ литературѣ и въ теченіе 1828 года поставилъ: оперу «Панъ Твардовскій», съ музыкой Верстовскаго, и комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Благородный театръ», имѣвшую неслыханный успѣхъ, что̀ можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва современника. «Эта пьеса имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать, и громъ рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ.»

Между-тѣмъ давно собираемые матеріалы, для давно-задуманнаго историческаго романа, были приведены въ порядокъ — и осенью 1828 года Загоскинъ могъ приступить къ работѣ. Погруженный по цѣлымъ днямъ въ чтеніе историческихъ документовъ, необходимыхъ для всесторонняго изученія избранной имъ эпохи, онъ зарабатывался до того, что, по свидѣтельству очевидца: «на улицахъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклоны, не слыхалъ привѣтствій.» Видя всё это, друзья и знакомые Загоскина ждали отъ него чего-нибудь необыкновеннаго — и они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Наконецъ въ исходѣ 1829 года ожидаемое произведеніе Загоскина вышло въ свѣтъ: это былъ знаменитый историческій романъ его въ трёхъ частяхъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году», извѣстный всякому грамотному русскому. «Появленіе этого романа», говоритъ С. Т. Аксаковъ, «составило эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Восхищеніе было общее, единодушное: не много находилось людей, которые его не вполнѣ раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ и, вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная, пришла въ совершенный восторгъ. Всѣ обрадо-

вались «Юрію Милославскому», какъ „общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, учоные и литераторы — обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; бывшіе въ отсутствіи — писали. Всякій день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія.» — «Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ», писалъ ему А. С. Пушкинъ, вслѣдъ за появленіемъ въ печати «Юрія Милославскаго»: «а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его; дамы отъ него въ восхищеніи. Дай Богъ вамъ многія лѣта! то-есть — дай Богъ намъ многіе романы!» Жуковскій, съ своей стороны, сообщалъ талантливому автору, что онъ не могъ оторваться отъ его романа всю ночь и всѣ три тома прочиталъ въ одинъ присѣстъ. И. И. Дмитріевъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, князь Шаховской, Оленинъ и другіе — дружески привѣтствовали въ Загоскинѣ новый могучій талантъ. Вальтеръ-Скоттъ, Проспeръ Мериме и фонъ-Ольбергъ — письменно засвидѣтельствовали автору «Юрія Милославскаго» своё удивленіе его прекрасному таланту, причёмъ послѣдніе двое — по-русски. Наконецъ, въ доказательство громаднаго успѣха «Юрія Милославскаго» можно привести ещё и тò, что онъ выдержалъ девять изданій и былъ по нѣскольку разъ переводимъ на языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій, голландскій, англійскій и чешскій.

Въ 1830 году Загоскинъ былъ назначенъ управляющимъ конторою императорскихъ московскихъ театровъ, а въ слѣдующемъ году произведёнъ въ коллежскіе совѣтники, пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ и назначенъ исправляющимъ должность директора московскихъ театровъ. Въ 1831 году явился въ свѣтъ второй историческій романъ Михаила Николаевича: «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году» (Москва, четыре части), встрѣченный публикою съ такимъ же восторгомъ, какъ и первый, также выдержавшій много изданій и переведённый на многіе иностранные языки. Въ 1833 году Загоскинъ издалъ свой третій историческій романъ: «Аскольдова Могила, повѣсть изъ времёнъ Владиміра 1-го» (Москва, три части). Этотъ романъ далеко не имѣлъ успѣха двухъ первыхъ. Впослѣдствіи авторъ передѣлалъ его въ либретто для оперы того же имени, которое послужило сюжетомъ для прекрасной музыки Верстовскаго, сдѣлавшейся народной и прославившей имя талантливаго композитора. Въ 1835 году была написана имъ комедія «Недовольный», а нѣсколько позднѣе — «Поѣздка за границу». Въ 1837 году Загоскинъ былъ произведёнъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ утвержденіемъ въ должности директора императорскихъ московскихъ театровъ, и, въ томъ же году, издалъ два тома своихъ повѣстей, куда вошли: «Вечера на Хопрѣ», «Три жениха» и «Кузьма Рощинъ». Въ 1838 году онъ напечаталъ романъ «Искуситель», а въ слѣдующемъ году — другой романъ: «Тоска по Родинѣ», передѣланный вскорѣ въ оперу, съ музыкой Верстовскаго. 3-го февраля 1842 года Загоскинъ получилъ мѣсто директора Московской Оружейной Палаты, которое и занималъ до самой смерти. Затѣмъ, въ 1845 году, пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1851 году — орденомъ Св. Анны 1-го класса. Кромѣ исчисленныхъ выше сочиненій, Загоскинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, издалъ ещё слѣдующія: «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», романъ въ 2-хъ частяхъ, «Москва и Москвичи», въ 4-хъ частяхъ, «Брынскій Лѣсъ», романъ въ двухъ частяхъ, «Русскіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія», романъ въ 2-хъ частяхъ, и «Женатый женихъ», комедію въ четырёхъ дѣйствіяхъ, которая была послѣднимъ произведеніемъ Михаила Николаевича. Онъ умеръ 23-го іюня 1852 года и погребёнъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Загоскинъ былъ женатъ на дѣвицѣ Васильцовской и оставилъ дѣтей.

«Основными качествами характера Загоскина», говоритъ С. Т. Асаковъ, «были честность, весёлость, неограниченное добродушіе и довѣрчивость. Дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ. Будучи вспыльчивъ отъ природы, Загоскинъ совсѣмъ не имѣлъ того раздражительнаго авторскаго самолюбія, которымъ обыкновенно страдаютъ писатели. Не только его друзья и пріятели, но всякій могъ сдѣлать лично ему какія угодно жосткія замѣчанія, и онъ принималъ ихъ всегда добродушно и спокойно, и готовъ былъ сознаться въ ошибкѣ, если чувствовалъ справедливость замѣчаній. Онъ не выносилъ только одного, если, нападая на Загоскина, задѣвали Россію или русскаго человѣка: тогда немедленно слѣдовала горячая вспышка. Имѣя умъ простой, здравый и практическій, Загоскинъ не любилъ ни въ чёмъ отвлечённости, и былъ всегда врагомъ всякой мечтательности и тёмныхъ, метафизическихъ, трудныхъ для пониманія, мыслей и выраженій.»

I.

БАЛЛАДА.

(Изъ оперы «Аскольдова Могила».)

Близко города Славянска,
На верху крутой горы,
Знаменитый жилъ бояринъ,
По прозванью Карачунъ.
Въ его теремѣ высокомъ,
Словно пташка въ заперти,
Изнывала въ злой неволѣ
Красна дѣвица душа.

Поздно вечеромъ, однажды,
У косящата окна,
Сиротинушка Любаша
Пригорюнившись сидитъ.
Она плачетъ — слёзы льются,
Какъ потокъ, шумятъ онѣ;
А всё сердцу не отрада
И не легче всё ему.

Она смотритъ въ ту сторонку,
Гдѣ живётъ ея Всемилъ.
Тамъ, далече — за Ильменемъ
Онъ остался безъ нея!
Вотъ ужь лѣто всё проходитъ,
А объ нёмъ и вѣсти нѣтъ:
Знать, забылъ свою невѣсту,
Знать женился на другой!

Скоро полночь — она плачетъ
И на умъ нейдётъ ей сонъ;
Вотъ, вдругъ слышитъ, кто-то скачетъ;
Вотъ ужь близко... Это онъ!
Вотъ подъѣхалъ тихимъ шагомъ...
Въ домѣ смирно: нѣтъ огня;
Только волки за оврагомъ
Воютъ, глядя на коня.

Вдругъ, откуда не взялися
Двое витязей другихъ:
Разомъ лѣстницу къ окошку
Приставляютъ молодцы.
Что жь бояринъ? — почиваетъ,
Его слуги также спятъ;
Одинъ стражъ стоитъ на вышкѣ
И мурлычетъ про себя.

Вотъ залаяли собаки —
И проснулся Карачунъ;
Вотъ хватился онъ Любаши —
Нѣтъ ея. Ахти, бѣда!
Всѣ на коней — и въ погоню,
Да ужь поздно — нѣтъ слѣда.
Спустя лѣто, по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда.

II.

КЪ ЛЮДМИЛУ.

Съ какимъ торжественнымъ и радостнымъ лицомъ,
Съ какимъ восторгомъ мнѣ, Людмилъ, ты объявляешь,
Что, рѣзвой Таліи рѣшившись быть жрецомъ,
Досуги ты свои театру посвящаешь.
Повѣрь, въ томъ жалости, мой другъ, ни мало нѣтъ,
Кто вздумалъ дать тебѣ столь пагубный совѣтъ.
Скажи, какой злой духъ, конечно, въ наказанье
За тяжкіе грѣхи, внушилъ тебѣ желанье
На этомъ поприщѣ твоихъ извѣдать силъ?
Иль участь горькую не знаешь ты, Людмилъ,
Въ удѣлъ суждённую комическимъ поэтамъ?
Веселья всѣ забывъ, разставшись съ цѣлымъ свѣтомъ,
Трудамъ всю жизнь свою ты долженъ посвятить;
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ, безъ ропота сносить
Насмѣшки остряковъ, нападки журналистовъ,
Сужденія купцовъ, лакеевъ, копіистовъ —
И, словомъ, всей Москвѣ отдавъ себя на судъ,
За милость почитать, когда изъ снисхожденья,
Порядкомъ осмѣявъ твоё произведенье,
Съ нимъ вмѣстѣ и тебя забвенью предадутъ.
Всё это бъ доказать я могъ легко примѣромъ.
«Но участи другихъ тебѣ не можно ждать;
«Ужь вѣрно будешь ты вторымъ у насъ Мольеромъ:
«Всѣ станутъ и должны тебѣ рукоплескать.»

Согласенъ и на то. Не скажемъ мы ни слова,
Какъ много ты ночей провёлъ совсѣмъ безъ сна.
Положимъ, что твоя комедія готова;
Отдать её въ театръ — забота лишь одна
Осталася тебѣ; и вотъ, изъ доброй воли
Мытарства всѣ пройдя, успѣешь наконецъ.
Піеса принята; расписаны всѣ роли;
Друзья заранѣе плетутъ тебѣ вѣнецъ;
Враги до времени свою скрываютъ злобу,
И ты, довольный всѣмъ, являешься на пробу:
Спѣшишь её начать. О, бѣдный мой Людмилъ.
Крѣпись, мой другъ, терпи: часъ бѣдствій наступилъ!
Какихъ ты перенесть не долженъ испытаній,

Препятствій и досадъ, несносныхъ истязаній!
Ты вѣрно скажешь мнѣ: «всё это не бѣда!
Награду пріобрѣсть не можно безъ труда!»
Она передъ тобой — твоя, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!

И вотъ насталъ ужь день желанный представленья:
На сценѣ ты давно; въ ужасныхъ суетахъ,
Съ смущеньемъ на челѣ, съ улыбкой на устахъ,
Къ актёрамъ всѣмъ въ глаза съ поклономъ забѣгаешь,
Здѣсь руку жмёшь слугѣ, тамъ дядю обнимаешь,
И даже самъ суфлёръ, попавъ къ тебѣ въ друзья,
Бросаетъ вкругъ себя взглядъ важный и спѣсивый.
Но вотъ шумитъ партеръ, сей грозный судія,
Въ сужденіяхъ своихъ нерѣдко торопливый.

Пробило шесть часовъ — знакъ поданъ роковой;
Хлопочетъ режиссёръ, актёровъ всѣхъ сзывая,
Оркестръ гремитъ — и ты съ поникшей головой,
Смятеніе своё и страхъ едва скрывая,
Спѣшишь среди кулисъ прижаться въ уголокъ.
Хоть скромность лишняя не авторскій порокъ,
Повѣрь, Людмилъ, въ сіи минуты ожиданья
Исчезнутъ всѣ твои надмѣнныя мечтанья,
Надежда пропадётъ; твой трудъ, въ которомъ ты
Доселѣ находилъ однѣ лишь красоты,
Представится тебѣ столь мелкимъ и ничтожнымъ,
Что, всякій ужь успѣхъ считая невозможнымъ,
Предвидишь торжество завистниковъ твоихъ.
Погрѣшности забыть стараешься напрасно:
Ошибка каждая и каждый слабый стихъ —
Всё, всё придётъ на умъ; теперь ты видишь ясно:
Завязка сбивчива, интрига не вѣрна —
Такъ точно! Боже мой! комедія дурна!
Всѣ зрители должны дремать, заснуть отъ скуки.
Уже ты чувствуешь начало адской муки;
Ты слышишь злобный смѣхъ, и шиканье, и свистъ;
Ты видишь предъ собой — о страшное явленье! —
Какъ съ сердцемъ ледянымъ холодный журналистъ,
Подробно описавъ постыдное паденье
И подписью скрѣпивъ твой смертный приговоръ,
Въ листкахъ своихъ тебя выводитъ на позоръ.
Тогда, Людмилъ, съ какимъ душевнымъ сокрушеньемъ
Ты, вспомнивъ мой совѣтъ, винишь, клянёшь себя.
Но вдругъ затихнетъ всё — и вмѣстѣ съ представленьемъ
Мученья новыя начнутся для тебя.
Ты съ трепетомъ глядишь на каждаго актёра:
Не даромъ за себя боишься и за нихъ.
Тотъ выдти опоздалъ, тотъ скушалъ цѣлый стихъ,
А здѣсь другой, отстать не смѣя отъ суфлёра,
Безъ точки съ запятой не скажетъ ничего.
Терпи, Людмилъ, терпи — а болѣе всего
Показывать не смѣй ни гнѣва, ни досады.

Но вотъ ужь наступилъ желанный часъ награды:
Могущество своё доказывать любя,
Партеръ шумитъ, кричитъ и требуетъ тебя.
Всѣ эти вызовы между собой похожи:
Съ приличной скромностью, согнувшисъ весь въ кольцо,
Пріятелямъ своимъ покажешь ты изъ ложи
Давно уже для нихъ знакомое лицо.

Доволенъ, счастливъ ты — не спорю я съ тобою;
Но знаешь ли, какой ужасною цѣною
За этотъ счастья мигъ ты долженъ заплатить?
Жрецъ истины святой, всегдашній бичь порока,
Поэтъ комическій льстецомъ не можетъ быть;
И если не успѣлъ хорошаго урока
Онъ дать насмѣшникамъ, надмѣннымъ богачамъ,
Иль, кистью вѣрною изображая намъ
Безстыднаго ханжи смиренную личину,
Не смѣлъ сорвать съ него обманчивый нарядъ,
Не смѣлъ сказать въ глаза большому господину,
Что гордость есть порокъ, что славныхъ предковъ рядъ,
Безъ собственныхъ заслугъ, достойныхъ уваженья,
Не слава для него, а стыдъ и поношенье;
Коль хитрость и обманъ, злословье и вражда
Судью не строгаго найдутъ въ тебѣ — тогда
Напрасно ты себя поэтомъ называешь.
Но если ты свой долгъ священный исполняешь
И смѣло обличать порокъ вездѣ готовъ,
То знай, мой другъ: полки безчисленныхъ враговъ
Возстанутъ на тебя всеобщимъ ополченьемъ,
Весь умъ свой изострятъ надъ бѣднымъ сочиненьемъ,
Найдутъ погрѣшности, не сыщутъ въ нёмъ красотъ
И чтобъ вѣрнѣй убить едва возникшій геній,
Твореніе твоё, прекрасный, зрѣлый плодъ
Ужаснѣйшихъ трудовъ, глубокихъ размышленій —
О стыдъ! — съ какимъ-нибудь посланіемъ сравнятъ:
Проснётся клевета, зоилы зашипятъ.
Тогда, при помощи услужливыхъ журналовъ,
Презрѣнная толпа новѣйшихъ Ювеналовъ,
Тяжолыхъ, какъ свинецъ, педантовъ и вралей,
И, словомъ, сборище парнасскихъ всѣхъ шмелей,
Какъ туча, надъ тобой разверзнется и грянетъ;
Подъ тяжкимъ, жолчью ихъ напитаннымъ перомъ,
Твой юный, свѣжій лавръ безвременно завянетъ —
И ты, Людмилъ, повѣрь, согласенъ будешь въ томъ,

Что лучше вѣкъ не быть комическимъ поэтомъ,
Безъ славы умереть, чѣмъ сдѣлаться предметомъ
Злословья, клеветы и злобныхъ эпиграммъ.
Ты хочешь мнѣ сказать: «я знаю это самъ!
Поэтамъ истиннымъ прилична ль боязливость?
Что значитъ въ ихъ глазахъ враговъ пристрастный судъ?
И рано ль, поздно ли, а вѣрно справедливость
Таланту твоему потомки отдадутъ:
Забвеніе твоимъ не можетъ быть удѣломъ.
Оставя за собой въ твоёмъ полётѣ смѣломъ
Ничтожныхъ всѣхъ пѣвцовъ, театръ украсивъ нашъ,
Творенія свои вѣкамъ ты передашь!»

Прекрасно, милый мой! большое утѣшенье,
Награда лестная, всю жизнь терпя гоненье,
По смерти быть въ чести! Не лучше ли хотѣть,
Безвѣстный кончивъ вѣкъ, спокойно умереть,
Чѣмъ жертвой вѣчно быть интригъ и вѣроломства?
Къ чему намъ льстить себя безсмертія мечтой?
Что слава мнѣ тогда и что мнѣ до потомства,
Когда въ сырой землѣ и прахъ истлѣетъ мой?
Что нужды мнѣ, что свѣтъ, и лживый и коварный,
Раскается тогда въ сужденіи своёмъ?
Нѣтъ, нѣтъ, Людмилъ! оставь сей трудъ неблагодарный!
Коль славнымъ хочешь быть, ступай инымъ путёмъ!
Извѣстность не всегда подруга дарованья:
Будь лирикомъ, мой другъ! примись-ка за посланья!
Писателей-друзей хвалить не уставай:
Хорошихъ — потому, что ихъ хвалить не стыдно,
Дурныхъ же для того, чтобъ не было обидно;
Описывай пиры, а чаще ихъ давай;
А такъ, какъ здравый смыслъ давно уже не въ модѣ,
Ты можешь иногда писать и въ мрачномъ родѣ:
Поймутъ тебя, иль нѣтъ — что нужды? всё равно!
А лучше и того, пѣвецъ любви счастливой
Воспой прелестный взглядъ Лаисы прихотливой,
Забавы юности, безпечность и вино.
«Да это», скажешь ты, «не новые предметы:
Въ сёмъ родѣ есть давно отличные поэты.»
Отъ нихъ-то и живись! Гражданскія права
Не значатъ ничего въ республикѣ словесной!
Талантъ украсть нельзя — такъ выкради слова!
Лети во слѣдъ мечты — *крылатой* и прелестной,
Всѣ сны *волшебные* чувствительной души
И *нѣги праздной сонъ* описывай въ *тиши;*
Оплачь потерю дней, въ *чужбинѣ* проведённыхъ,
Кипящей младости отцвѣтшіе *года.*
Короче, модныхъ словъ, талантомъ освящённыхъ,
Будь полнымъ словарёмъ; описывай всегда
Души растерзанной всѣ бури и ненастья,
Цвѣтъ жизни молодой, грядущаго обѣтъ,
Бывалые мечты, а пуще — *сладострастье:*
Безъ этого словца въ стихахъ спасенья нѣтъ.
Хоть это всё старо — не спорю я нимало,
За-то, Людьмилъ, чернилъ лишь только бы достало,
А то, мой другъ, пиши! Стихи твои жестки?
Не бойся ничего: друзья найдутъ въ нихъ силу.
Разбавлены водой? такъ что жь? — они легки!
Ошибки всѣ простятъ богатому Людмилу.
Шампанскимъ кто поитъ, того никто не тронь!
Нѣтъ смыслу, наконецъ? за-то какой огонь!
И, словомъ, ты рождёнъ писателемъ чудеснымъ;
Ты долженъ славнымъ быть, ты долженъ быть извѣстнымъ;
Стихамъ твоимъ гремитъ повсюду похвала
И вскорѣ, можетъ-быть, безъ всякихъ затрудненій,
По милости друзей и сытнаго стола,
Ты будешь всё: талантъ, поэтъ и даже геній.

III.

ИЗЪ КОМЕДІИ «БЛАГОРОДНЫЙ ТЕАТРЪ».

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бирюлькинъ *и* Честоновъ.

Честоновъ *(улыбаясь).*
Такъ вы, сударь, актёръ? Неужто въ самомъ дѣлѣ!

Бирюлькинъ.
Эхъ, батюшка, чуть-чуть душа осталась въ тѣлѣ!
Совсѣмъ замучили. Пускай бы два стиха —
Нѣтъ, сотню выучи; а память-то плоха:
Твердить примусь — бѣда: начнётъ душить зѣвота;
Къ тому же у меня и кашель, и перхота.
Ну что я за актеръ?

Честоновъ.
Нельзя же безъ труда
Артистомъ быть. Когда старикъ въ твои года
Захочетъ въ рѣзвостяхъ тягаться съ молодыми,
Такъ должно всё сносить.

Бирюлькинъ.
Конечно такъ, кто съ ними
Проказитъ за одно; а я, почтенный мой,
И знать ихъ не хочу: мнѣ надобенъ покой.

Честоновъ.
Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Бирюлькинъ.

Зачѣмъ? Возмёшься поневолѣ,
Когда на старости пугнутъ тебя судомъ.

Честоновъ.

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему, ещё въ запрошломъ лѣтѣ,
Имѣя на бѣду покупочку въ предметѣ,
Рублей до тысячи я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей не важный капиталъ,
Но такъ-какъ у меня весь хлѣбъ побило градомъ,
А что осталося, пришлось продать съ накладомъ,
Къ тому же мужички не выслали оброкъ,
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зовётъ меня сосѣдомъ
И жалуетъ. Ну вотъ, однажды за обѣдомъ,
Изволитъ говорить: «послушай-ка, сосѣдъ,
Заводимъ мы театръ. Въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
Однако-жъ, такъ и быть, ступай и ты въ актёры!»
Вотъ я было и прочь — куда ты! хоть до ссоры.
Какъ крикнетъ, батюшка: «Со мною не шути!
Прошу играть, не то — по векселю плати!»
И радъ бы радостью — да мнѣ шестой десятокъ.
«Не хочешь, такъ плати!» Дождитеся хоть святокъ,
И всё съ процентами сполна вамъ заплачу.
«Нѣтъ, въ судъ!» «Помилуйте!» «И слышать не хочу!
А впрочемъ не играй: вѣдь я, братъ, не неволю!»
Что дѣлать? Замолчалъ! Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали...

Честоновъ.

И жалко и смѣшно!

Бирюлькинъ.

Дурачить такъ меня ей-ей, отецъ, грѣшно!
Во мнѣ же вовсе нѣтъ способностей природныхъ.

Честоновъ *(улыбаясь)*.

А вѣрно ты попалъ на роли благородныхъ
Отцовъ; а можетъ-быть и знатный господинъ...

Бирюлькинъ.

И должно-бъ такъ: вѣдь я природный дворянинъ;
Такъ нѣтъ, сударь, меня упрятали въ холопы.
Охотнѣе-бъ пошолъ въ Сибирь я въ рудокопы,
А дѣлать нечего: хоть плачь, а будь актёръ.
Вѣкъ съ честію служилъ, ужь двадцать лѣтъ майоръ:
И мнѣ лакеемъ быть!

Честоновъ.

По чести, это больно!

Бирюлькинъ.

Вѣстимо, батюшка, да дѣло-то невольно.
Одно изъ двухъ: плати, не то играй слугу!
Попробуй отказать — такъ онъ согнётъ въ дугу!

IV.

ИЗЪ КОМЕДІИ «УРОКЪ ХОЛОСТЫМЪ ИЛИ НАСЛѢДНИКИ».

Любимъ *и* Турусинъ; *за нимъ* — Маша *и пятеро другихъ дѣтей.*

Турусинъ *(дѣтямъ).*

Смотрите: не шумѣть, не бѣгать и не драться!
(Любиму.) Да гдѣ же дядюшка?

Любимъ.

Онъ вышелъ одѣваться.
Угодно вамъ къ нему?

Турусинъ.

Нѣтъ, милый, всё равно
И здѣсь я подожду. Да онъ ушолъ давно?

Любимъ.

Сейчасъ.

Турусинъ.

Нельзя-ль сказать, вотъ такъ, между словами,
Что здѣсь я жду его съ моими сиротами.

Любимъ.

Извольте, я скажу. *(Уходитъ.)*

Тѣ же *безъ Любима.*

Турусинъ.

Сюда ко мнѣ въ кружокъ!
Вамъ надо повторить сегодняшній урокъ:
Чтобъ дѣдушкѣ отъ насъ не стало безпокойно,
Прошу вести себя и тихо и пристойно.
Вы помните, что я твердилъ вамъ на дому:
Лишь только онъ войдётъ, бросайтесь всѣ къ нему.

Маша.

Да я боюсь.

Турусинъ.

Чего, сударыня? Пустое!
Ты дѣдушку цалуй въ плечо, а ты въ другое.
Вы также всѣ его старайтеся ласкать,
И если самъ руки не будетъ онъ давать,
Хватайте на лету! *(Дѣтямъ.)* Проклятая привычка!
Опять разинулъ ротъ! На что похожъ, чумичка!
Испачканъ весь: утрись. А ты растрёпанъ какъ!
Ну, что стоишь? поправь манжеты-то, дуракъ!
Но, кажется идутъ. Смотрите же, смѣлѣе!
Подходитъ ужь къ дверямъ: ну, милые, дружнѣе!

Тѣ же и Звонкина.

Звонкина.

Что это? Боже мой, здѣсь цѣлая орда!
Зачѣмъ изволили пожаловать сюда?

Турусинъ.

Зачѣмъ, невѣстушка? По чести это странно!
Вѣдь дѣдушка у васъ, такъ очень натурально,
Что имъ хотѣлося...

Звонкина.

Не имъ, судàрь, а вамъ!
Повѣрьте, толкъ давать умѣю я словамъ —
И ваши хитрости проникнуть мнѣ не трудно.

Турусинъ.

Позвольте мнѣ сказать: мнѣ право очень чудно!

Звонкина.

А я такъ не дивлюсь — другого не ждала:
Обманы, подлости, всѣ гнусныя дѣла
Приличны вамъ.

Турусинъ.

Да я...

Звонкина.

Конечно позабыли?
Давно ли, кажется, вотъ здѣсь вы говорили:
«Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь!»
Скамейку подаёшь!

Турусинъ.

Такъ что же, не запрусь:
Я къ старости всегда имѣю уваженье.
И что за важное, скажите, преступленье —
Скамеечку подать? А врядъ ли и отца
Встрѣчать я побѣгу у самаго крыльца.

Звонкина.

Какъ будто-бъ вѣжливость есть подлая услуга!

Турусинъ.

Повѣрьте, намъ краснѣть не должно другъ отъ друга.
Притомъ же и бѣды не вижу я большой:
Не мы одни кривимъ подъ часъ своей душой.

Звонкина.

Возможно ли? и онъ ещё себя изволитъ
Равнять со мной!

Турусинъ.

Слѣпецъ слѣпцу всегда глазъ колитъ.

Звонкина.

Да ты забылъ весь стыдъ, подлѣйшій изъ людей!

Турусинъ.

И ваша память-то не лучше вѣдь моей.

Звонкина.

Наглецъ!

Турусинъ.

Помилуйте!

Тѣ же *и* Здравосудовъ.

Звонкина *(не примѣчая Здравосудова).*

Ужь подлинно не даромъ
Зовутъ тебя вездѣ...

Здравосудовъ.

О чёмъ съ такимъ вы жаромъ
Ведёте разговоръ?

Звонкина.

Ахъ! такъ-съ! Былъ споръ у насъ...

Турусинъ.

Мы спорили о томъ, кто больше любитъ васъ.

Здравосудовъ.

Спасибо, милые!

Турусинъ *(указывая на дѣтей).*

Позвольте вамъ представить...

Здравосудовъ *(не слушая его).*

Я знаю, вы со мной не станете лукавить.

Турусинъ.

Почтенный дядюшка, здѣсь вся моя семья.
(Дѣтямъ тихо.) Бѣгите всѣ къ нему!

(Дѣти не трогаются съ мѣста.)

Здравосудовъ.

А! здравствуйте, друзья!
Вы здѣсь? Я очень радъ.

Турусинъ *(тихо).*

О, глупые ребята!
Ну, что же стали въ пень? ступайте, пострѣлята!

Дѣти *(кромѣ Маши, подбѣгая къ Здравосудову),*
Ахъ, дѣдушка!

Звонкина.

Смотри! чуть-чуть не сшибли съ ногъ

Здравосудовъ.

Здорово, милыя!

Турусинъ.

Молитвы наши Богъ
Услышалъ наконецъ! Повѣрите ль — бывало
Лишь только и рѣчей — ну такъ что скучно стало:
«Да скоро ль дѣдушку увидимъ своего?
Когда пріѣдетъ онъ? Дождёмся-ль мы его?»
А вотъ и дождались.

Здравосудовъ.

Совсѣмъ не тѣ ужь стали.
(Показывая на Машу.)
Вѣдь это Машенька?

Турусинъ.

Такъ вы её узнали!
Поди же къ дѣдушкѣ. *(Тащитъ, а она нейдетъ.)*

Здравосудовъ.

Зачѣмъ — не принуждай.

Турусинъ *(громко).*

Не бойся, душенька! *(Тихо ей.)* Вотъ я тебя! ступай!
(Подводитъ ее насильно.)
Ужь какъ застѣнчива! Взглянуть, такъ скажешь: дура;
А право нѣтъ. Робка ужь такъ ея натура.

Здравосудовъ.

Поди сюда, мой другъ: вѣдь мы, чай, года три
Не видѣлись съ тобой.

Турусинъ.

Ну что же? говори!
Скажи хоть что-нибудь. *(Тихо.)* Ужь быть тебѣ безъ
чаю. *(Громко.)*
Ты любишь дѣдушку?

Маша.

Люблю!

Здравосудовъ.

За что?

Маша.

Не знаю.

А. И. ПИСАРЕВЪ.

Александръ Ивановичъ Писаревъ, первый русскій водевилистъ и авторъ «Лукавина» и «Поѣздки въ Кронштадтъ», родился 14-го іюля 1803 года, Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ, принадлежавшемъ тогда его отцу. Начавъ своё воспитаніе дома, онъ окончилъ его въ Московскомъ университескомъ пансіонѣ, давшемъ Россіи цѣлый рядъ писателей, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ русской литературѣ, что̀ и было главной причиной что Писаревъ, прямо со школьной скамьи, попалъ въ кружокъ литераторовъ, который принялъ его какъ нельзя болѣе радушно. Писаревъ началъ писать очень рано, такъ-что, ещё находясь въ университетскомъ пансіонѣ, онъ уже пользовался извѣстностью между своими товарищами, а по выходѣ изъ него вскорѣ пріобрѣлъ её и въ литературѣ, какъ поэтъ и водевилистъ.

Лучшими произведеніями его первой поэтической дѣятельности можно назвать двѣ его сатиры, напечатанныя подъ названіемъ «Посланіе къ молодому любителю словесности» и пародію на «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, подъ заглавіемъ «Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса», написанную въ 1825 году и явившуюся въ печати, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти ея автора, въ 20-мъ нумерѣ «Библіографическихъ Записокъ» на 1859 года. Въ послѣдней изъ этихъ пьесъ ярко выступаютъ всѣ характеристическія черты даровитаго водевилиста, а именно — остроуміе, бойкіе и мѣткіе стихи, невольно врѣзывающіеся въ память, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то запальчивость, не рѣдко желчность въ шуткахъ и крайняя исключительность въ воззрѣніяхъ, переходящая въ пристрастіе — печальное послѣдствіе духа партій, который такъ сильно господствовалъ въ нашей литературѣ того времени.

«Литературныя и театральныя воспоминанія С. Т. Аксакова» («Русская Бесѣдая», 1858, т. I, II и III), говоритъ М. Н. Лонгиновъ, «познакомили публику съ кружкомъ, составленнымъ изъ писателей, въ которомъ жилъ и уживался, несмотря на свою неуживчивость, Писаревъ. Онъ былъ, такъ сказать, баловнемъ этого кружка, гдѣ любили его талантъ, его пылкое сердце и, ради ихъ, прощали и часто смиряли попеченіями искренней дружбы его неожиданныя, рѣзкія выходки даже противъ тѣхъ, которые принимали въ нёмъ живѣйшее участіе. Дружба была снисходительна къ этимъ безпокойнымъ, лихорадочнымъ вспышкамъ, какъ-бы угадывая въ нихъ что-то болѣзненное, заключавшее въ себѣ невольное предчувствіе его ранней кончины. Кружокъ этотъ былъ составленъ изъ князя А. А. Шаховского, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, М. Н. Загоскина, С. Т. Аксакова, М. А. Дмитріева и немногихъ другихъ. Эти писатели были въ то время дѣятельными членами Общества Любителей Россійской Словесности, также какъ и Писаревъ. Потокъ новыхъ идей и новаго направленія въ литературѣ встрѣтилъ на пути своёмъ это учрежденіе и людей, жившихъ прежними преданіями въ литературномъ мірѣ. Столкновеніе и борьба были неизбѣжны. Началась война въ журналахъ и ещё сильнѣйшая партизавская война въ безпрестанныхъ эпиграммахъ, пародіяхъ и тому подобномъ. Въ этомъ родѣ особенно отличался Писаревъ. Никогда, можетъ-быть, не было у насъ такого множества непечатныхъ стихотворныхъ выходокъ, какъ въ это время, и никто не писалъ ихъ столько, сколько Писаревъ, которому ничего не стоило сострить въ стихахъ даже экспромптомъ. Предметами этихъ эпиграммъ, разумѣется, были литературные нововводители — Полевой, Грибоѣдовъ, князь Вяземскій и другіе. Нападки эти были несправедливы, но злы и остроумны. Писаревъ славился въ этомъ родѣ болѣе, чѣмъ своими лирическими стихотвореніями и хорошими водевилями.»

Ожесточённая полемика между Писаревымъ и Полевымъ, длившаяся нѣсколько лѣтъ на страницахъ «Вѣстника Европы» и «Московскаго Телеграфа» и дошедшая, наконецъ, до того, что въ водевилѣ перваго изъ нихъ, «Три десятки», появился куплетъ, приводившій каждый разъ въ волненіе партеръ Московскаго театра и заключавшій въ себѣ слѣдующіе два стиха:

Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *Полевой*.

Свою полемику съ Полевымъ Писаревъ заключилъ напечатаніемъ въ 1826 году отдѣльной брошюрки, подъ заглавіемъ: «Антителеграфъ, или отраженіе несправедливыхъ мнѣній г. Полевого», въ которомъ, между-прочимъ, есть намёкъ на зависть Полевого къ Писареву за-то, что послѣдній — членъ двухъ ученыхъ обществъ.

Писаревъ, несмотря на всю кратковременность своей литературной дѣятельности, не продолжавшейся и десяти лѣтъ, написалъ двадцать три театральныя пьесы, изъ которыхъ двѣнадцать были напечатаны. Вотъ ихъ списокъ: 1) Лукавинъ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣлка съ англійскаго («Школа Злословія» Шеридана). М. 1823. 2) Наслѣдница. Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ, передѣлана съ французскаго. М. 1824. 3) Поѣздка въ Кронштадтъ. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣлана съ французскаго. М. 1824. 4) Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмѣлье. Опера-водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣлана съ французскаго. М. 1824. 5) Забава Калифа, или шутка на одни сутки. Опера-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ. Сюжетъ взятъ изъ арабскихъ сказокъ. М. 1825. 6) Волшебный носъ, или талисманъ и финики. Опера-водевиль въ 6 дѣйствіяхъ, передѣлана съ французскаго. М. 1825. 7) Хлопотунъ, или дѣло мастера боится. Опера-водевиль въ 1 дѣйствія, передѣлана съ французскаго. М. 1825. 8) Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки. Опера-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, передѣлана съ французскаго. М. 1828. 9) Средство выдавать дочерей замужъ. Опера-водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣлана съ французскаго. М. 1828. 10) Пятнадцать лѣтъ въ Парижѣ, или не всѣ друзья одинаковы. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ, передѣлана съ французскаго. М. 1828. 11) Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ. («Драматическій Альманахъ» 1825.) 12) Бѣлая волшебница. Комедія-опера въ 3 дѣйствіяхъ съ французскаго. М. 1828. 13) Христофоръ Колумбъ. Первый актъ комедіи. («Московскій Вѣстникъ» на 1829 годъ.) Пьесы игранныя, но не напечатанныя: 14) Дядя на прокатъ. Водевиль въ 1 дѣйствіи, съ французскаго. 15) Двѣ записки, или безъ вины виноватъ. Водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго. 16) Пастушка, старушка, волшебница, или что нравится женщинѣ. Опера-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, заимствованный у «Фавара». 17) Встрѣча двухъ дилижансовъ. Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. 18) Тридцать тысячъ человѣкъ, или находка хуже потери. Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго 19) Три десятки, или новое двухдневное приключеніе. Опера-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, съ французскаго. 20) Проситель. Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. Пьесы неигранныя и не напечатанныя: 21) Проказники. Комедія въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго. 22) Лотерея. Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. 23) Внучатный племянникъ, или остановка дилижанса. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, передѣланая съ французскаго.

Всѣ пьесы Писарева были болѣе или менѣе близкими передѣлками пьесъ французскихъ авторовъ, но куплеты, которые составляли ихъ лучшее украшеніе, были оригинальные и, притомъ, такъ хороши, что до-сихъ-поръ остаются лучшими водевильными куплетами. Приспособленныя по большей части къ современной литературной полемикѣ, остроумныя, колкія и даже злыя, онѣ скоро доставили Писареву, по выраженію Аксакова, «обольстительное титло — любимца московской публики». Лучшими пьесами Писарева считаются: «Лукавинъ», «Поѣздка въ Кронштадтъ» и «Хлопотунъ». Первая изъ нихъ — есть весьма умная, ловкая и сценичная передѣлка извѣстной комедіи Шеридина «Школа злословія», названная «Лукавинымъ» по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, характеръ котораго развитъ Писаревымъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ у Шеридана. Вторая пьеса, «Поѣздка въ Кронштадтъ», есть передѣлка французской комедіи «Vogage à Dièppe» на русскіе нравы. Обѣ пьесы написаны гладкими и сильными стихами, подобными стихамъ Хмѣльницкаго, и чрезвычайно сценичны. Что же касается водевиля «Хлопотунъ», то это едва ли не лучшій русскій водевиль, обличающій въ Писаревѣ мастера своего дѣла.

Къ сожалѣнію, всѣ эти сценическіе успѣхи и сопряжонныя съ ними потрясенія и волненія не остались безъ послѣдствій на здоровье Писарева, которое и безъ того никогда не отличалось особенною крѣпостью. Начиная съ 1826 года, онъ сталъ замѣтно чахнуть, причёмъ всю зиму этого года и весну слѣдующаго прокашлялъ и только къ концу лѣта 1827 года немного оправился. Вмѣстѣ съ болѣзнью развилась въ нёмъ раздражительность, къ которой онъ былъ всегда склоненъ, но которая, къ счастью, никогда не выражалась у него во внѣшности. Наружно холодный, онъ рвался внутренно — и эта постоянная тревога сокрушала его здоровье. Что же касается причинъ къ волненью, то ихъ было у него достаточно. Сначала блистательные успѣхи — особенно на сценѣ — вскружили

ему голову. Писаревъ, повидимому, очень спокойно разсклапивался изъ директорской ложи съ публикой, вызывавшей его за каждую пьесу восторженными криками, но послѣ каждаго вызова у него была лихорадка. Затѣмъ, поступивъ слишкомъ рѣзко съ издателемъ «Московскаго Телеграфа», онъ нажилъ себѣ въ нёмъ злѣйшаго врага, который не упускалъ случая язвить его въ своёмъ журналѣ. Писаревъ же, умѣя наносить жестокія язвы своимъ противникамъ, не умѣлъ равнодушно сносить никакой царапинки. Слѣдующій эпизодъ, разсказанный С. Т. Аксаковымъ въ его «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ», всего лучше характеризуетъ Писарева. «Послѣ какой-то скучной пьесы, стояли мы съ Писаревымъ на сценѣ въ ожиданіи, когда всё будетъ готово для начатія его водевиля. Глядя на всё, вокругъ насъ происходившее, я говорилъ Писареву о тёмныхъ сторонахъ театральнаго міра и, въ особенности, закулисной сферы. Писаревъ, молча, не соглашался со мною. Вдругъ окружили насъ, одѣтые въ свои костюмы Щепкинъ, Рязанцевъ, Сабурова и Рѣпина, которые была тогда украшеніемъ московской сцены въ водевиляхъ и даже въ комическихъ операхъ. Каждый изъ нихъ съ живостью и одушевленіемъ обращался къ Писареву, показывалъ, какъ онъ хорошо одѣтъ, и спрашивалъ — доволенъ ли авторъ? Писаревъ расхваливалъ всѣхъ, особенно Рѣпину, которая была очень мило и къ лицу одѣта. Въ самомъ дѣлѣ, всё было придумано, до послѣдней мелочи, чтобы придать наружную характерность представляемому лицу. Во всёмъ была видна забота, любовь къ дѣлу, желаніе угодить автору. Всѣ актёры горѣли нетерпѣніемъ начать водевиль, предвѣщая Писареву блистательный успѣхъ и вызовъ. Когда раздались слова режисёра: «пожалуйте со сцены», Писаревъ, тронутый до глубины души, что̀ выражалось блѣдностью его лица, крѣпко сжалъ мою руку, увёлъ меня за дальнюю декорацію и сказалъ прерывающимся голосомъ отъ внутренняго волненія: «Вотъ съ какими людьми я хочу жить и умереть — съ артистами, проникнутыми любовью къ искусству и любящими меня, какъ человѣка съ талантомъ. Стану я томиться скукой въ гостиныхъ вашихъ порядочныхъ людей! Стану я умирать съ тоски, слушая пошлости и встрѣчая невѣжественное пониманіе художника вашими — пожалуй, и добродѣтельными — людьми! Нѣтъ, слуга покорный! Нога моя не будетъ нигдѣ, кромѣ театра, домовъ моихъ друзей и бѣдныхъ квартиръ актёровъ и актрисъ, которые лучше, добрѣе, честнѣе и только откровеннѣе бонтонныхъ оцѣнщицъ, съ презрѣньемъ говорящихъ о нравахъ театральной сволочи. Писаревъ часъ отъ часу становился блѣднѣе, глаза его горѣли, онъ почти дрожалъ. Возвращаясь домой, подумалъ я: «крѣпки нити, привязывающія Писарева къ театру, и никто не оторвётъ его отъ обольстительной сферы сценическаго искусства.»

Между-тѣмъ болѣзнь Писарева продолжала развиваться и, благодаря усиленнымъ работамъ по окончаніи перевода романа Вальтеръ-Скотта «Певериль де-Пикъ», слёгъ окончательно къ концу 1827 года, а 18-го марта слѣдующаго года его уже не было на свѣтѣ. По замѣчанію «Московскаго Вѣстника», Писаревъ скончался ровно черезъ годъ, часъ въ часъ, послѣ Веневитинова, причёмъ первый умеръ на 22-мъ, а второй на 27-мъ году жизни.

Судьба Писарева во многомъ схожа съ судьбою князя А. А. Шаховского, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Оба они были драматургами, служили при театрѣ, имѣли сердечныя привязанности за кулисами и, наконецъ, подверглись гнѣву сильнѣйшихъ литературныхъ партій того времени. Нельзя опредѣлить, что̀ бы вышло изъ Писарева, когда бы онъ жилъ долѣе; но что талантъ у него былъ — это несомнѣнно. Его «Лукавинъ» хотя и представляетъ передѣлку во французскомъ вкусѣ Шеридановой «Школы Злословія»; но она умна, сценична и написана бойкимъ и звучнымъ стихомъ, не уступающимъ стиху Хмѣльницкаго. Его водевили: «Хлопотунъ», «Дядя на прокатъ» и «Три десятки» могутъ быть смѣло названы лучшими русскими водевилями. Что же касается куплетовъ, то они до-сихъ поръ сохраняются въ памяти меломановъ, какъ, напримѣръ, извѣстный куплетъ изъ «Трёхъ десятокъ», относящійся къ редактору «Московскаго Телеграфа» Полевому:

Въ нашъ вѣкъ — на дѣло не похоже —
Изъ моды вышла простота,
И безъ богатства — умъ всё тоже,
Что безъ наряда красота.
У насъ теперь народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой:
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *Полевой*.

Независимо отъ исчисленныхъ нами драматическихъ сочиненій, Писаревъ издалъ слѣдующія свои сочиненія и переводы, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ:

1) Безсмертіе души. Диѳирамбъ. Сочиненіе Делиля. Переводъ А. Писарева. М. 1824. 2) О нравствен-

ныхъ качествахъ поэта. Разсужденіе изъ книги краснорѣчія. Соч. А. Писарева. М. 1821. 3) Выкупъ Оссіана. Поэма. Соч. А. Писарева. М. 1824. 4) Похвальное слово картамъ. Подарокъ на 1825 годъ. Соч. А. Писарева. М. 1825. Драматическій альбомъ, для любителей театра и музыки, на 1826 годъ. Издалъ А. Писаревъ и А. Верстковскій. 2 ч. М. 1825. 6) Анти-Телеграфъ, или отраженіе несправедливыхъ нападеній Полевого. Соч. А. Писарева. М. 1826. 7) Квентинъ-Дорвардъ, или шотландецъ при дворѣ Людовика XI. Соч. В.-Скотта. Пер. А. П. Писарева. 4 ч. М. 1827. 8) Певериль де-Пикъ. Романъ В.-Скотта. Переводъ А. Писарева. М. 1828 года.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ЛУКАВИНЪ».

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ IV.

Лукавинъ *и* Досажаева.

Лукавинъ.

Не совѣстно ли вамъ?

Досажаева.

Что не сдержала слова?
Всему виною — мужъ. Гдѣ-жь мебель?

Лукавинъ.

Не готова.
Поссорились вы съ нимъ—могу-ль спросить за что?

Досажаева.

Мой мужъ несносенъ сталъ. Ему, не знаю кто,
Наговорилъ, что я имѣю связь съ Вѣтрономъ.
Онъ сталъ меня корить такимъ сердитымъ тономъ...

Лукавинъ (*въ сторону*).

Я зналъ.

Досажаева.

Насмѣшкина съ толпой своихъ друзей
Пустила этотъ слухъ и — чтó всего больнѣй —
Что вовсе я права и слухи эти лживы.

Лукавинъ.

Конечно. Будь они хоть мало справедливы,
Вамъ легче было бы.

Досажаева.

Подозрѣвать меня,
Когда въ душѣ своей совсѣмъ невинна я!
Другая клевету старалась бы нарочно
Дѣлами оправдать...

Лукавинъ.

Согласенъ я. И точно,
Когда ревнуетъ мужъ напрасно, то жена
Обманывать его...

Досажаева.

Докончите.

Лукавинъ.

Должна.

Досажаева.

Какъ новы для меня такія наставленья!

Лукавинъ.

И какъ полезны вамъ!

Досажаева.

И такъ, отъ подозрѣнья...

Лукавинъ.

Избавитесь, когда заслужите его.

Досажаева.

Но честь, невинность!

Лукавинъ.

Ахъ! Невинность! Отчего
Подозрѣваютъ васъ, подозрѣваютъ брата?
Повѣрьте мнѣ: во всёмъ невинность виновата,
Избави Богъ меня вамъ дать дурной совѣтъ!
Но — проступитесь разъ: увидите, что свѣтъ
Васъ болѣе ни въ чёмъ подозрѣвать не будетъ.

Досажаева.

Такъ, стало, женщина, которая забудетъ
Свой долгъ, злословія тѣмъ можетъ избѣжать?

Лукавинъ.

Да, осторожнѣе начавши поступать,
Она обдумывать свои поступки станетъ.
Презрительна жена, которая обманетъ
Супруга равныхъ лѣтъ, предметъ любви своей,
Достойнаго любви отца своихъ дѣтей.
Но часто ли у насъ вступаютъ въ бракъ по страсти?
Не чаще-ль, покорясь родныхъ тяжолой власти,
Дѣвица въ цвѣтѣ лѣтъ идётъ за старика
И заключаетъ бракъ не сердце, но рука?

Досажаева.

Что-жь дѣлать ей тогда?

Лукавинъ.

Иль цѣлый вѣкъ томиться
Иль, сдѣлавшись умнѣй, въ кого нибудь влюбиться:
Супруга уважать, любовника любить
И болѣ страсть скрывать, чтобы счастливѣй быть.

Досажаева.

Какая-жь выгода отъ правилъ, столь опасныхъ?

Лукавинъ.

О, пропасть выгоды! Какъ много есть несчастныхъ,
Которые, любя, не смѣли бы никакъ...

Досажаева.

А! вѣрно вы въ числѣ несчастныхъ этихъ?

Лукавинъ.

Такъ!

Люблю я женщину прелестную собою!

ДОСАЖАЕВА.

Я въ томъ увѣрена. Любовникъ — похвалою,
А врагъ — насмѣшками ничуть не дорожитъ:
Одинъ доволенъ всѣмъ, другой же всё бранитъ.
И такъ, вы любите?

ЛУКАВИНЪ.

Люблю? Нѣтъ, обожаю
Умъ, сердце, красоту...

ДОСАЖАЕВА.

А я предметъ вашъ знаю?

ЛУКАВИНЪ.

Кто знаетъ самъ себя?

ДОСАЖАЕВА.

Вы любите меня!
А какъ давно?

ЛУКАВИНЪ.

Ещё до рокового дня,
Когда васъ опекунъ увидѣлъ, я влюбился
И — непримѣченный — томился и таился.

ДОСАЖАЕВА.

Что-жь вы не сватались?

ЛУКАВИНЪ.

Я подъ опекой былъ —
И опекунъ меня надежды всей лишилъ
Къ вамъ сватаясь. *(Падая на колѣни.)* Теперь...

ДОСАЖАЕВА.

Но, господинъ смиренникъ,
Какъ вы осмѣлились?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ *и* СЛУГА.

ЛУКАВИНЪ *(вскакивая).*

Зачѣмъ пришолъ, мошенникъ?

СЛУГА.

Ихъ мужъ пріѣхалъ къ вамъ.

ДОСАЖАЕВА.

Мой мужъ! Пропала я!
Куда мнѣ спрятаться?

ЛУКАВИНЪ.

За ширмы.

ДОСАЖАЕВА.

Честь моя!

ЛУКАВИНЪ.

Ступайте — онъ идётъ. *(Досажаева прячется за ширмы. — Слугѣ.)* Подай скорѣй мнѣ книгу.
Самъ чортъ его прислалъ распутывать интригу!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ *и* ДОСАЖАЕВЪ.

ДОСАЖАЕВЪ.

Такъ вѣчно занятъ онъ! Лукавинъ!

ЛУКАВИНЪ *(зѣвая).*

Это вы!
А я заснулъ-было, не дочитавъ главы
Творенья новаго, которое такъ скучно.
Прошу меня простить — простить великодушно,
Что я васъ не видалъ. Да, кстати, у меня
Книгъ новыхъ набралось: вѣдь лютъ на книги я.

ДОСАЖАЕВЪ.

И ширмы даже ты оклеилъ очень мило
Ландкартами вокругъ.

ЛУКАВИНЪ.

Безъ нихъ мнѣ плохо-бъ было.

ДОСАЖАЕВЪ.

Конечно: что-нибудь случится вдругъ сыскать.

ЛУКАВИНЪ *(въ сторону).*

И спрятать иногда.

ДОСАЖАЕВЪ.

Мой другъ, потолковать
Мнѣ надобно съ тобой.

ЛУКАВИНЪ *(слугѣ).*

Ступай.

(Слуга уходитъ.)

ДОСАЖАЕВЪ.

Я непремѣнно
Хотѣлъ поговорить съ тобою откровенно.
Съ женой недостаётъ терпѣнья моего:
Такъ расточительна. Но это-бъ ничего!
Она — я трепещу — она мнѣ измѣняетъ.

ЛУКАВИНЪ.

Ужели?

ДОСАЖАЕВЪ.

И меня то болѣе терзаетъ,
Что знаю кажется, кто ею предпочтёнъ.

ЛУКАВИНЪ.

Вы знаете его?

ДОСАЖАЕВЪ.

Вообрази, что онъ
Воспитанъ мною былъ, мнѣ всѣмъ почти обязанъ.

ЛУКАВИНЪ.

Мнѣ больно слышать!

ДОСАЖАЕВЪ.

Ты, мой другъ, ко мнѣ привязанъ!
Ты былъ и будешь вѣкъ отрадою моей!

ЛУКАВИНЪ.

Помилуйте!

Досажаевъ.

Ну, кто жь, подумай, мой родной?
Твой братъ!

Лукавинъ.

Мой братъ Вѣтронъ? Нѣтъ, это невозможно:
Какъ съ благодѣтелемъ такъ поступить безбожно?

Досажаевъ.

Ахъ, мой сердечный другъ, ты честенъ — и всегда
Всѣхъ судишь по себѣ!

Лукавинъ.

Конечно, никогда
Невинная душа не видитъ злодѣянья.

Досажаевъ.

Какъ могъ я ожидать, чтобъ за мои старанья
Меня безчестить сталъ сынъ друга моего?

Лукавинъ.

Онъ тѣмъ виновнѣе, что дóлжно бъ отъ него
Ждать благодарности за ваши попеченья.

Досажаевъ.

Да, я всегда былъ щедръ къ нему.

Лукавинъ *(въ сторону)*.

На наставленья.

Досажаевъ.

О, благородный другъ! скажи, зачѣмъ твой братъ
Не чувствуетъ, какъ ты? Онъ въ домъ ко мнѣ былъ взятъ,
Какъ сынъ взлелѣянъ мной...

Лукавинъ.

Ахъ, Боже мой, ужасно!
Быть-можетъ, про него сказали вамъ напрасно;
Но если могъ онъ васъ, отца, такъ оскорбить,
То братомъ ужь моимъ никакъ не долженъ быть.
Кто позабылъ свой долгъ, родство, благодѣянья,
Кто простиралъ свои преступныя желанья
На дочь, сестру или жену своихъ друзей,
Тотъ долженъ изгнанъ быть изъ общества людей
И нетерпимъ ни гдѣ, подобно лютой язвѣ.

Досажаевъ.

Что дѣлать мнѣ теперь?

Лукавинъ.

Молчать.

Досажаевъ.

Ахъ, другъ мой! развѣ
Молчаньемъ убѣжишь отъ дерзкихъ языковъ?
Я жь буду виноватъ. Толпа моихъ враговъ
Начнётъ кричать: зачѣмъ такъ поздно я влюблялся?
Зачѣмъ я, старый чортъ, съ младенцемъ обвѣнчался?
Старушки взбѣсятся и сплетни станутъ плесть.

Лукавинъ.

Я вѣрить не могу. Супруги вашей честь...

Досажаевъ.

Какая честь, мой другъ, съ любовью будетъ спорить!
Онъ молодъ — мудрено-ль меня съ женой поссорить?
Но слушай: до-сихъ-поръ пѣняла мнѣ она,
Что на имѣнье ей мной крѣпость не дана
И даже, кажется, въ послѣдней нашей ссорѣ,
Сказала, что моя кончина ей — не горе!
Такъ я хочу, чтобъ ты двѣ сдѣлки просмотрѣлъ:
Она увидитъ въ нихъ, что я любить умѣлъ
И ею занятъ былъ. При мнѣ — въ распоряженье
Ей тридцать тысячь въ годъ, а послѣ — всё имѣнье

Лукавинъ.

Такія милости *(въ сторону)* — мнѣ вредны.

Досажаевъ.

Но она
По смерти лишь моей узнать о томъ должна.

Лукавинъ *(въ сторону)*.

Она ужь знаетъ всё.

Досажаевъ.

Ну, съ сердца спало бремя!
Поговоримъ теперь о Машѣ.

Лукавинъ.

Будетъ время!
Вы въ горести: могу ль я думать о себѣ?
Тотъ извергъ...

Досажаевъ.

Ты въ неё влюблёнъ — и я тебѣ...

Лукавинъ.

Успѣемъ послѣ мы.

Досажаевъ.

Скажи, зачѣмъ скрываешь
Ты отъ жены моей любовь свою? Ты знаешь,
Какъ ею ты любимъ: она бы помогла.

Лукавинъ.

Успѣемъ: человѣкъ, котораго дѣла...
(Входящему слугѣ.) Зачѣмъ опять пришолъ?

Слуга.

Вашъ братецъ у подъѣзда
Увидѣлъ...

Лукавинъ.

Я не ждалъ Вѣтронова пріѣзда.
Скажи, что дома нѣтъ.

Досажаевъ *(слугѣ.)*

Нѣтъ, нѣтъ! Сюда проси.

(Слуга уходитъ.)

Я спрячусь: ты его порядкомъ допроси.

Лукавинъ.

Но какъ подслушивать...

Досажаевъ.

Мнѣ опытъ этотъ нуженъ.
Когда невиннымъ братъ твой будетъ обнаруженъ,

Я успокоюся. За ширмы поскорѣй!
Кой чортъ, тутъ кто-то есть! Тутъ женщина...

Лукавинъ.

Ей-ей,
Мнѣ страхъ смѣшно! Отъ васъ и ширмы не защита:
Я также человѣкъ, хотя не волокита.
Торговка модная пришла ко мнѣ сей-часъ:
Она застѣнчива и спряталась отъ васъ.

Досажаевъ.

Торговка! Экой плутъ! Я, право, опасаюсь:
Она разскажетъ всё.

Лукавинъ.

За скромность я ручаюсь.

Досажаевъ.

Куда жь мнѣ спрятаться?

Лукавинъ.

Вотъ въ этотъ кабинетъ:
Оттуда слышно всё. *(Досажаевъ прячется.)*

Досажаева *(изъ-за ширмы).*

Нельзя ль мнѣ выдти?

Лукавинъ.

Нѣтъ!
Не трогайтесь. *(Досажаева прячется.)*

Досажаевъ *(изъ кабинета).*

Смотри жь — узнай.

Лукавинъ.

Смирнѣй сидите!

(Досажаевъ прячется.)

Досажаева *(изъ-за ширмы).*

Вы бъ заперли его.

Лукавинъ.

Тсъ! тише! Замолчите!

(Досажаева прячется.)

Досажаевъ *(изъ кабинета).*

Лукавинъ, не щади его!

Лукавинъ.

Не пощажу!

(Досаждаевъ прячется.)

Хорошъ я: по угламъ супруговъ развожу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же *и* Вѣтронъ.

Вѣтронъ.

Ты не пускалъ меня: что у тебя такое?
Любовница иль жидъ? — скажи.

Лукавинъ *(въ сторону).*

То и другое.
(Вслухъ.) Нѣтъ никого.

Вѣтронъ.

А гдѣ нашъ опекунъ?

Лукавинъ.

Здѣсь былъ,
Но, слыша о тебѣ...

Вѣтрокъ.

Онъ лыжи навострилъ?
Старикъ боялся мнѣ въ займы дать денегъ, видно.

Лукавинъ.

Нѣтъ. Братецъ, неужель тебѣ меня не стыдно:
Почтенный человѣкъ тобою оскорблёнъ.

Вѣтронъ.

Что жь дѣлать: оскорблять я многихъ принуждёнъ.
Но что ты говоришь?

Лукавинъ.

Онъ мнѣ открылъ, какъ другу,
Что обольстить его задумалъ ты супругу.

Вѣтронъ.

Кто? я — жену его? Старикъ съ ума сошолъ —
И, видно, оттого, что, наконецъ, разсчёлъ,
Какъ молода жена; а можетъ быть и хуже:
Она примѣтила лѣтъ сорокъ лишнихъ въ мужѣ.

Лукавинъ.

Стыдись!

Вѣтронъ.

Я думалъ самъ сперва, что нравлюсь ей;
Но занятъ былъ тогда невѣстой лишь моей.

Лукавинъ.

Я зналъ, что честенъ ты.

Вѣтронъ.

Послушай: я клянуся,
Что быть умышленно безчестнымъ не рѣшуся.
Но, еслибъ женщина, прекрасная собой,
Наскуча старикомъ, могла плѣниться мной —
Пришлось мнѣ у тебя тогда бъ занять смиренья.

Лукавинъ.

Не стыдно ли шутить?

Вѣтронъ.

Но что за подозрѣнье?
Ты самъ ей нравишься.

Лукавинъ.

Кто? я?

Вѣтронъ.

Ты.

Лукавинъ.

Не кричи.

Вѣтронъ

Я знаки ваши всѣ примѣтилъ...

Лукавинъ.

Замолчи.

Вѣтронъ.

Что — я же замолчи? А помнишь ли въ каретѣ...

Лукавинъ *(зажимая ему ротъ).*
Всё слышалъ опекунъ!
Вѣтровъ.
Гдѣ онъ?
Лукавинъ.
Здѣсь, въ кабинетѣ.
Вѣтронъ.
Я вытащу его.
Лукавинъ.
Да перестань, шалунъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же.

Вѣтронъ *(выводя Досажаева).*
Покорнѣйше прошу! Почтенный опекунъ,
Вы инквизицію заводите здѣсь. Браво!
Досажаевъ.
Дай руку, братъ Вѣтронъ: я виноватъ.
Вѣтронъ.
Ну, право,
Вамъ должно бы ещё послушать. Такъ ли, братъ?
Досажаевъ.
Ты вывелъ бы, небось?
Вѣтронъ.
Да, про него молчатъ;
А вправду такъ ли братъ?
Слуга *(входя Лукавину на ухо).*
Пускать ли Моисея?
Лукавинъ *(слугѣ).*
Нѣтъ! *(Слуга уходитъ. Досажаеву и Вѣтрону.)*
Занятъ я — и васъ удерживать не смѣю.
Вѣтронъ.
Мы здѣсь останемся.
Лукавинъ.
Такъ я вернусь тотчасъ.
(Тихо Досажаеву.)
Объ этой дѣвочкѣ прошу быть скромнымъ васъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, *кромѣ* Лукавина.

Досажаевъ.
Ахъ, другъ мой, знаешь ли, какихъ онъ рѣдкихъ правилъ!
Будь чаще съ нимъ, тебя онъ нѣсколько бъ исправилъ.
Что можетъ лучше быть чувствительныхъ людей!
Вѣтронъ.
Онъ слишкомъ для меня чувствителенъ — ей-ей!
Не стыдно ль: дверь его для женщинъ всѣхъ закрыта.
Досажаевъ.
Ты ошибаешься. Хоть онъ не волокита,
Однако жь — человѣкъ.
Вѣтронъ.
Пустынникъ.
Досажаевъ.
Вотъ занёсъ!
Ему разскажутъ всё.
Вѣтронъ.
Какъ — развѣ вы въ доносъ?
Досажаевъ.
О, нѣтъ! Не утерплю: скажу! Ты хочешь, вѣрно,
Надъ братомъ пошутить?
Вѣтронъ.
Хочу ли я? — безмѣрно!
Досажаевъ *(въ сторону).*
Скажу; за кабинетъ тогда съ нимъ буду квитъ.
(Вслухъ.) Послушай: дѣвушка за ширмами стоитъ.
Вѣтронъ.
У брата — можно ли?
Досажаевъ.
Торговка молодая.
Вѣтронъ *(бѣжитъ къ ширмамъ).*
Я посмотрю её.
Досажаевъ *(удерживая его).*
Вотъ вѣтренность какая!
Вѣтронъ *(вырываясь).*
Нѣтъ, право, посмотрю.
Досажаевъ *(схвативши его).*
Я не пущу тебя.
Вѣтронъ.
Напрасно. Можно ли, что бы ни вы, ни я,
О вкусѣ братниномъ понятья не имѣли?
Намъ вмѣстѣ должно бы взглянуть.
Досажаевъ.
И въ самомъ дѣлѣ!
Посмотримъ: дуренъ ли, хорошъ ли вкусъ его.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же *и* Лукавинъ.

Лукавинъ.
Постойте, господа! что̀ это?
Вѣтронъ.
Ничего.
Отъ скуки только мы торговку нашли.
Досажаевъ.
Всё виноватъ Вѣтронъ.
Лукавинъ.
Но вы мнѣ обѣщали...

ДОСАЖАЕВЪ.

Конечно...

ЛУКАВИНЪ

(увидя, что Вѣтронъ крадется къ ширмамъ).

Полно, братъ! Вѣдь я въ твои дѣла
Мѣшаться не люблю.

ВѢТРОНЪ.

Мила ль она?

ЛУКАВИНЪ.

Мила.

(Видя, что Досажаевъ и Вѣтронъ крадутся.)

Почтенный опекунъ!. Я, братецъ, былъ въ надеждѣ...

(Досажаевъ продолжаетъ красться. Лукавинъ беретъ обоихъ за руки.)

Почтенный опекунъ, вы обѣщали прежде...

ДОСАЖАЕВЪ.

Конечно, обѣщалъ. *(Досажаевъ и Вѣтронъ свободными руками толкаютъ ширмы и роняютъ ихъ.)*

ВѢТРОНЪ.

Что вижу! Боже мой!
Сударыня, вы здѣсь?

ДОСАЖАЕВЪ.

Жена моя! Разбой!

ВѢТРОНЪ.

Ну, право, этакой хорошенькой торговки
Я съ роду не видалъ! Что это за уловки?
Не новая ль игра, сударыня? Молчитъ.
Братъ, растолкуй хоть ты. И онъ не говоритъ!
Я не могу понять; но вѣрно вамъ понятно.
Прощайте, господа. Мнѣ, братецъ, непріятно:
Почтенный человѣкъ тобою оскорблёнъ.
Любезный опекунъ, прерѣдкихъ правилъ онъ.
Что можетъ лучше быть чувствительныхъ! Прощайте!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, *кромѣ* Вѣтрона.

ЛУКАВИНЪ.

Я виноватъ кажусь; но я невиненъ—знайте.

ДОСАЖАЕВЪ.

Чтò, сударь, знать?

ЛУКАВИНЪ.

Женѣ, супругѣ вашей я...
Давно извѣстна вамъ и ей любовь моя —
Моя страсть къ Машенькѣ; а такъ-какъ вы ревнивы,
Она... её пугалъ вашъ нравъ нетерпѣливый...
Она здѣсь спряталась... Вы поняли меня?

ДОСАЖАЕВЪ.

О, какъ васъ не понятъ! Да и жена моя,
Мнѣ кажется, за васъ порукой быть готова.

ДОСАЖАЕВА.

Напротивъ. Онъ солгалъ.

ЛУКАВИНЪ *(тихо Досажаевой).*

Даю честное слово!

ДОСАЖАЕВА.

Умолкни, лицемѣръ! Я всё сама скажу.

ДОСАЖАЕВЪ.

Что скажешь ты сама, мой ангелъ, погляжу!
Ты басню мнѣ сплетёшь.

ДОСАЖАЕВА.

Ахъ, нѣтъ! Клянусь вамъ Богомъ,
Не къ Машѣ страсть была къ пріѣзду мнѣ предлогомъ:
Вы, сударь, первые сказали мнѣ о томъ.
Нѣтъ, я обманута безчестнѣйшимъ лжецомъ —
И если не брала участья въ преступленьи,
Всё жь слушала его дурныя предложенья.

ДОСАЖАЕВЪ.

Я вижу: ты не лжешь.

ЛУКАВИНЪ.

Клянусь, она больна!
Она забылась...

ДОСАЖАЕВА.

Нѣтъ, опомнилась она!
Не смѣю думать я, что бъ вы меня простили,
Что бъ мнѣ повѣрили; но вы меня любили:
Я всё подслушала — и всё осталось здѣсь...

(Указываетъ на сердце.)

И я клянуся вамъ, что вѣкъ мой будетъ весь
На тò лишь посвящёнъ, чтобъ заслужить прощенье
И вѣтренность свою привесть у васъ въ забвенье.
А этотъ лицемѣръ — онъ гнусенъ для меня!

ДОСАЖАЕВЪ.

Оставь его, мой другъ: всё забываю я.
Дай ручку мнѣ свою залогомъ примиренья.

(Цалуетъ ея руку.)

ЛУКАВИНЪ *(утирая слезы).*

Я плачу съ радости.

ДОСАЖАЕВЪ.

Какое восхищенье!
Чему ты радъ?

ЛУКАВИНЪ.

Тому, что я успѣлъ въ благомъ
Намѣреньи.

ДОСАЖАЕВЪ.

Въ благомъ намѣреньи! Въ какомъ?

ЛУКАВИНЪ.

Васъ помирить съ женой. Чему же удивляться?
Не я ль обоимъ вамъ назначилъ здѣсь собраться?
Не я ль, сударыня, за ширмы васъ пустилъ —
И ссоры кончилъ тѣмъ?

ДОСАЖАЕВЪ.

Такъ ты насъ примирилъ?

ЛУКАВИНЪ.

Конечно. Вы во всёмъ открылись мнѣ, какъ другу.
Я спряталъ вашу здѣсь лишь для того супругу,
Чтобъ видѣла она, какъ любите её,
Чтобъ знала цѣну вамъ. Намѣренье моё
Не вовсе удалось: вы оба разсердились;
Но я доволенъ тѣмъ, что съ нею примирились.
Богъ мнѣ воздастъ за-то, что я вамъ услужилъ
И самъ же пострадалъ.

ДОСАЖАЕВЪ.

Такъ онъ насъ примирилъ?

ДОСАЖАЕВА.

Зачѣмъ же онъ въ любви мнѣ дѣлалъ здѣсь признанье?

ДОСАЖАЕВЪ.

Эге! Злодѣй — зачѣмъ?

ЛУКАВИНЪ.

То было испытанье.
Я даже васъ и бракъ нарочно разбранилъ,
Чтобъ дать почувствовать...

ДОСАЖАЕВЪ.

Такъ онъ насъ помирилъ?
Мой другъ, я виноватъ!

ДОСАЖАЕВА.

Опомнитесь! Какъ можно
Отдать себя въ обманъ столь явный и безбожный?
Чего же струсилъ онъ?

ДОСАЖАЕВЪ.

Да, струсилъ ты чего?

ЛУКАВИНЪ.

Я не хотѣлъ открыть вамъ плана моего.
Тотъ, сударь, прямо добръ, кто одолжаетъ тайно.
Вотъ правила мои! А если вы случайно
Узнали мой секретъ — не я виновенъ былъ.
Но миръ окончилъ всё.

ДОСАЖАЕВЪ.

Такъ онъ насъ помирилъ?
Мой другъ, прости меня!

ДОСАЖАЕВА.

Какъ, сударь, вамъ не стыдно
Повѣрить наглой лжи бездѣльника? Такъ видно,
Что васъ онъ навсегда собой обворожилъ.

ДОСАЖАЕВЪ *(взявши ее за руку)*.

Пойдёмъ — я докажу, что онъ насъ примирилъ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, знаменитый авторъ лучшей русской комедіи «Горе отъ ума», родился 4-го января 1795 года въ дворянской семьѣ, владѣвшей довольно значительнымъ населённымъ имѣньемъ въ Смоленской губерніи. Это послѣднее обстоятельство дало возможность родителямъ Грибоѣдова, людямъ образованнымъ, дать сыну своему то вполнѣ правильное и хорошее образованіе, которымъ онъ впослѣдствіи такъ рѣзко выдѣлялся изъ сонма современныхъ ему литераторовъ, воспитаніе которыхъ, по бóльшей части, ограничивалось знаніемъ французскаго языка и свѣтскихъ приличій. Благодаря усердію и настойчивости своихъ учоныхъ наставниковъ, Петрозиліуса и Богдана Ивановича Іона, Грибоѣдовъ въ пятнадцать лѣтъ уже зналъ основательно не только языки русскій и французскій, но также латинскій и нѣмецкій, и былъ подготовленъ на столько, что могъ поступить, въ 1810 году, въ число студентовъ-вольнослушателей Московскаго университета, въ которомъ пробылъ два года и при выпускѣ получилъ степень кандидата правъ. Окончаніе Грибоѣдовымъ курса наукъ совпало какъ разъ съ началомъ отечественной войны — и семнадцатилѣтній кандидатъ, увлекаемый патріотизмомъ, становится въ число защитниковъ родной земли. Поступивъ корнетомъ въ формировавшійся тогда въ Москвѣ гусарскій графа Салтыкова полкъ и прослуживъ въ нёмъ около четырехъ мѣсяцевъ, онъ былъ переведёнъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, стоявшій въ то время подъ Брестъ-Литовскомъ. Здѣсь онъ бездѣйственно простоялъ съ полкомъ всё время отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, такъ-какъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, вошолъ въ составъ резерва, находившагося подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кологривова и расположоннаго въ Литвѣ. Впрочемъ, скука невольнаго бездѣйствія, на которую былъ обречёнъ Грибоѣдовъ въ Брестъ-Литовскѣ, не слишкомъ томила поэта, такъ-какъ судьба свела его здѣсь съ двумя писателями: извѣстнымъ драматургомъ княземъ А. А. Шаховскимъ и романистомъ С. Н. Бѣгичевымъ, подобно ему занесёнными случайностями войны въ литовскія трущобы. По окончаніи войны съ французами, Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, гдѣ представилъ въ тамошнюю дирекцію театровъ первый свой литературный опытъ: переводъ въ стихахъ небольшой французской комедіи

«Молодые супруги», начатый имъ ещё во время стоянки въ Литвѣ. Комедія была одобрена къ представленію и сыграна на петербургской сценѣ 15-го сентября 1816 года, въ бенефисъ актрисы Семёновой; но не имѣла большого успѣха. Затѣмъ, въ 1817 году, въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ и Жандромъ, онъ передѣлалъ съ французскаго трёхъ-актную комедію «Студентъ» и перевёлъ комедію Барта «Притворная невѣрность», изъ которыхъ первая не была ни напечатана, ни играна на сценѣ, а вторая хотя и была представлена на петербургскомъ театрѣ въ февралѣ 1817 года, но, подобно первой его пьесѣ, не удержалась на сценѣ. Конечно, всѣ эти переводы и передѣлки, сдѣланные Грибоѣдовымъ въ самую раннюю пору его литературной дѣятельности, когда ему было всего 17—20 лѣтъ, не имѣютъ никакого литературнаго значенія. Всё это было не болѣе, какъ забавою и развлеченіемъ среди праздной свѣтской жизни, въ которую онъ окунулся тотчасъ по выходѣ въ отставку и вращался вплоть до назначенія его, въ 1818 году, секретарёмъ посольства въ Персіи. Это назначеніе имѣло огромное вліяніе не только на его характеръ, но и на самый его талантъ, который таился въ глубинѣ его души и до-сихъ-поръ не имѣлъ возможности обнаружиться во всёмъ блескѣ, подавляемый мелочностью окружавшей его обстановки.

Въ концѣ августа 1818 года молодой Грибоѣдовъ, едва перешагнувшій двадцать третій годъ своей жизни и получившій разомъ два чина на дорогу, выѣхалъ изъ Петербурга по дорогѣ на Кавказъ — въ Персію, въ Тавризъ. Здѣсь онъ вскорѣ снискалъ особенное расположеніе персидскаго наслѣднаго принца, Аббасъ-Мирзы, а въ слѣдующемъ 1819 году исполнилъ самымъ блистательнымъ образомъ возложенное на него порученіе: уговорить переселившихся въ Персію армянъ возвратиться въ Россію, за что былъ награждёнъ персидскимъ орденомъ Льва и Солнца 2-го класса. Но всѣ эти успѣхи по службѣ не могли вознаградить Грибоѣдова за ту скуку и тѣ лишенія, которыя онъ испытывалъ въ полудикомъ Тавризѣ, обречённый самому тяжолому одиночеству. Не смотря на служебныя занятія и уроки персидскаго языка, которые онъ бралъ почти во всё продолженіе своего перваго пребыванія въ Тавризѣ, Грибоѣдовъ находилъ ещё много времени, чтобы оплакивать себя, обречённаго, по его собственнымъ словамъ: «провести свои цвѣтущія лѣта между дикобразными азіятцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, отъ всякаго общенія съ просвѣщёнными людьми и пріятными женщинами, которымъ и самъ могъ быть пріятенъ.» *) Въ исходѣ 1820 года скука и тоска до того овладѣли Грибоѣдовымъ, что онъ рѣшился просить объ отставкѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ одному высокопоставленному лицу, отъ 17-го октября: «... plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où, loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité, au lieu d'alleguer une santé ou une fortune derangée, lieux communs auxquels personne ne croit.» **) Но прежде, чѣмъ письмо это дошло по назначенію, прошолъ весь 1821 годъ, въ теченіи котораго Грибоѣдовъ задумалъ свою знаменитую комедію: «Горе отъ Ума», и написалъ для нея первыя сцены въ ихъ первоначальномъ видѣ. Въ началѣ слѣдующаго года давнишнее желаніе Грибоѣдова, наконецъ, исполнилось: онъ былъ переведёнъ чиновникомъ по дипломатической части къ главнокомандующему въ Грузіи, генералу Ермолову. Ни мало не медля, поэтъ нашъ радостно простился съ Тавризомъ и полетѣлъ въ Тифлисъ, и здѣсь, въ томъ же 1822 году, окончилъ свою безсмертную комедію въ ея первоначальномъ видѣ. Затѣмъ Грибоѣдовъ принялся за ея исправленіе, причёмъ нѣкоторыя сцены были совершенно измѣнены авторомъ, по указаніямъ людей компетентныхъ. Передѣлки эти продолжались довольно долго, именно до поѣздки его въ Москву въ 1823 году, гдѣ онъ прожилъ около года и гдѣ комедія его получила свою окончательную форму, причёмъ третій и четвёртый акты были написаны вновь. Окончивъ свою комедію, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ для постановки ея на сцену, но тутъ встрѣтилъ неожиданно препятствіе со стороны цензуры, которая не нашла возможнымъ пропустить её ни въ печать, ни на сцену. Напрасно Грибоѣдовъ

---

*) Изъ письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву.

**) «Чѣмъ человѣкъ просвѣщённѣе, тѣмъ онъ лучше служитъ своему отечеству. Чтобы имѣть эти средства къ просвѣщенію, я и прошу моего увольненія или отозванія изъ этого печальнаго царства, гдѣ, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь научиться, можно забыть и то̀, что зналъ когда-нибудь. Я предпочёлъ сказать вамъ правду, вмѣсто того, чтобы ссылаться на разстройство здоровья или состоянія — общія мѣста, которымъ никто не вѣритъ.»

доказывалъ полную благонамѣренность своей пьесы, напрасно дѣлалъ разныя уступки и урѣзки въ своей комедіи — цензура осталась непреклонною и «Горе отъ Ума» явилось въ печати только десять лѣтъ спустя, въ 1833 году, когда знаменитый авторъ знаменитой комедіи уже давно лежалъ въ могилѣ.

Невозможность ни напечатать свою комедію, ни поставить её на сцену тѣмъ сильнѣе раздражала Грибоѣдова, что ему было очень хорошо извѣстно, что его комедія расходилась быстро по Россіи въ безчисленномъ множествѣ списковъ, возбуждая всеобщій восторгъ въ самыхъ отдалённыхъ углахъ государства. Эта неудача разбудила въ немъ уснувшее на время недовольство всѣмъ его окружающимъ, которое уже не разъ начинало его мучить и упорно преслѣдовало поэта въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а теперь овладѣло имъ съ удвоенной силой и чуть не довело до самоубійства, какъ это видно изъ слѣдующихъ писемъ его къ Бѣгичеву: «4-го января 1825 года. Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія: что же я? На полпути моей жизни; скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный: я ещё не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и — на долго... Какой міръ! Кѣмъ населёнъ! И какая дурацкая его исторія!»

«9-го сентября 1825 года (изъ Симферополя). Ну, вотъ почти три мѣсяца я провёлъ въ Тавридѣ, а результатъ — нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня всё ещё загадка. Что у меня съ избыткомъ найдётся что сказать — за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? нѣмъ какъ гробъ? Ещё игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія — и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не болѣе сутокъ. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба — слѣдовательно весёлый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно... Такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется? Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружаться терпѣніемъ: пускай оно останется добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи; но теперь въ такой усиленной степени, какъ ещё никогда не бывало. Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета: а я чувствую, что то или другое у меня впереди.»

По возвращеніи своёмъ въ 1825 году въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ принялъ участіе въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ горцевъ и, въ виду непріятельскаго стана и цѣпи Кавказскихъ горъ, написалъ стихотвореніе: «Хищники на Чегемѣ», напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ». Декабрьскія событія 1825 года въ Петербургѣ и южной Россіи отозвались и въ Тифлисѣ. Грибоѣдовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, но такъ-какъ никакихъ уликъ противъ него не оказалось, то онъ былъ награждёнъ чиномъ надворнаго совѣтника и отправленъ обратно въ Грузію, гдѣ продолжалъ службу при Ермоловѣ, а потомъ при своёмъ родственникѣ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ (впослѣдствіи князѣ Варшавскомъ). Къ этому времени, то-есть къ концу 1826 года, относится одно весьма важное для біографіи Грибоѣдова письмо его къ Бѣгичеву, свидѣтельствующее о той тяжолой внутренней борьбѣ, которую онъ испытывалъ около этого времени. Вотъ оно: «Я принялъ твой совѣтъ: перестаелъ умничать; со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ — больше ли толку тифлисскаго или петербургскаго. Буду-ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая — отъ службы, третья — отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ-статься, наперекоръ судьбы. Поэзія! Люблю её безъ памяти, страстно; но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, что̀ слава? по словамъ Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Всё-таки Шереметьевъ у насъ затьмилъ бы Омира... Мученье быть пламеннымъ

мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Когда-нибудь и, можетъ-быть, скоро свидимся: ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди! Читай Плутарха и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся.»

Съ открытіемъ персидской кампаніи, Грибоѣдовъ, состоя безотлучно при главнокомандующемъ арміею, графѣ Паскевичѣ, участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ этого генерала во внутрь непріятельской страны и былъ очень полезенъ ему своимъ знаніемъ края и восточныхъ языковъ. По окончаніи войны, Александръ Сергѣевичъ, въ награду особыхъ трудовъ при заключеніи славнаго для насъ тюркменчайскаго договора съ Персіею, былъ назначенъ графомъ Паскевичемъ для поднесенія самаго трактата императору Николаю, который 14-го марта 1828 года принялъ благосклонно вѣстника радости и тутъ же пожаловалъ Грибоѣдову чинъ статскаго совѣтника, орденъ Св. Анны 2-го класса съ бриллiантами, медаль за персидскую войну и 4000 червонцевъ. Но ни награды, ни даже послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ почётное назначеніе его полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ, уже не радовали Грибоѣдова, исполненнаго какого-то грустнаго предчувствія. «Тамъ моя могила!» говорилъ онъ утѣшавшимъ его друзьямъ. «Чувствую, что не увижу болѣе Россіи!» Проѣздомъ черезъ Тифлисъ, на пути въ Персію, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Чевчевадзе и, вмѣстѣ съ молодой женою, немедленно отправился далѣе. Но и женитьба на давно-любимой дѣвушкѣ не въ силахъ была разогнать мрачныхъ мыслей, отравлявшихъ самое существованіе бѣднаго поэта. «Какъ это всё случилось! гдѣ я, что́ и съ кѣмъ!» писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. «Простительно ли мнѣ, послѣ стольких опытовъ, столькихъ размышленій, вновь броситься въ новую жизнь, предаться на произволъ случайностей — и всё дальше отъ успокоенія души и разсудка! А независимость, которой я также былъ страшный любитель, исчезла, можетъ-быть, на всегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить всё съ прекраснымъ и воздушнымъ созданьемъ; но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣлённо. Всегда ли такъ будетъ?» Прибывъ въ Тегеранъ въ декабрѣ 1828 года, Грибоѣдовъ встрѣтилъ серьёзныя затрудненія по вопросу о возвращеніи грузинскихъ и армянскихъ плѣнницъ, захваченныхъ персіянами во время персидской войны и томившихся въ гаремахъ. Когда же дѣло уладилось и въ посольство были доставлены двѣ грузинки, отнятыя у одного знатнаго персіянина, тегеранская чернь взволновалась и съ дикими криками окружила домъ посла. Грибоѣдовъ встрѣтилъ уличную сволочь съ оружіемъ въ рукахъ, окружонный конвойными казаками — и палъ однимъ изъ послѣднихъ подъ ударами вѣроломной и невѣжественной толпы. Такъ погибъ 30-го января 1829 года одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, творецъ «Горя отъ ума». Тѣло Грибоѣдова, согласно желанію покойнаго, было перевезено въ Тифлисъ и погребено въ монастырѣ Св. Давида, построенномъ на крутомъ утёсѣ. На могилѣ поэта возвышается великолѣпный памятникъ, воздвигнутый его вдовою, съ слѣдующей надписью: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

Заключимъ нашъ очеркъ жизни Грибоѣдова превосходной характеристикой поэта, сдѣланной А. С Пушкинымъ, которая, не смотря на всю свою краткость, представляетъ намъ грандіозную личность автора «Горя отъ Ума» несравненно рельефнѣе, чѣмъ всѣ полныя его біографіи, взятыя вмѣстѣ:

«Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣка — всё въ нёмъ было необыкновенно привлекательно. Рождённый съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ-быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ. Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и праздной разсѣянностью — и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ провёлъ восемь лѣтъ въ

уединённыхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ Ума» производила неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени, совершенное знаніе края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще: онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ его бурной жизни! Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.»

Сочиненія Грибоѣдова имѣютъ четыре изданія, изданныя въ слѣдующемъ порядкѣ: *первое* — въ 1854 году, Смирдинымъ въ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», вмѣстѣ съ сочиненіями Крюковскаго; *второе* — въ 1857 году въ С.-Петербургѣ, Серчевскимъ; *третье* — въ 1860 году въ С.-Петербургѣ и *четвертое* — въ 1860 въ Берлинѣ. Что же касается изданій комедіи «Горе отъ ума», то, начиная съ 1833 года, когда вышло первое его изданіе, и кончая 1875, въ которомъ вышло изданіе г. Гарусова, до-сихъ-поръ послѣднее, и включая въ это число четыре перепечатки, помѣщённыя въ четырёхъ изданіяхъ «Сочиненій Грибоѣдова», ихъ насчитываютъ ровно сорокъ.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ГОРЕ ОТЪ УМА».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ *и* Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтёмъ! Достань-ка календарь.
Читай, смотри, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
«Къ Прасковьѣ Ѳёдоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ, званъ я на форели.»
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится!
То бережёшься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится.
Отмѣть-ка, въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ:
«Въ четвергъ я званъ на погребенье.»
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть —
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьёмъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключёмъ — и сыну ключъ умѣлъ доставить,
Богатъ — и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всё о нёмъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
«Максимъ Петровичъ! миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужь къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу:
«Я долженъ у вдовы у докторши крестить.»
Она не родила, но по разсчёту
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ, Слуга *и* Чацкій.

Фамусовъ.

А, Александръ Андреичъ, просимъ!
Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ *(слугѣ)*.

Поди. *(Слуга уходитъ.)*
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужь Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашолъ загадку:
Не веселъ я! Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только-что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть-можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же:

То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ — не хочешь-ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько съ-родни;
По-крайней-мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что́ бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я: во-первыхъ, не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-ка послужи

Чацкій.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

Фамусовъ.

Вотъ то-то — всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Вотъ, напримѣръ, покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ —
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при Дворѣ — да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны — въ сорокъ пудъ:
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ — тѣмъ паче
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе.
А дядя — что твой князь, что графъ!
Серьёзный видъ, надменный нравъ —
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ — да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ: голосъ хрипкой
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой —
Изволили смѣяться. Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ вдругорядь ужь нарочно;
А хохотъ пуще — онъ и въ третій также то́чно.
А? какъ по вашему? По нашему — смышлёнъ:
Упалъ онъ больно — всталъ здорово.
За-то, бывало, въ вистъ кто́ чаще приглашонъ?
Кто́ слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто́ предъ всѣми зналъ почётъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даётъ?
Максимъ Петровичъ! А? Вы, нынѣшніе — нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши!
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали о́бъ полъ, не жалѣя.
Кому нужда — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше — лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха!
Всё, подъ личиною усердія къ царю..
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.
Но, между-тѣмъ, кого охота заберётъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичёкъ
Иной, глядя на тотъ скачёкъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: «ахъ, если бы мнѣ тоже!»
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонари!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужь не таковъ!

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышетъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что́ говоритъ? — а говоритъ, какъ пишетъ.

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живётъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаётъ!

Чацкій.
Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...
Фамусовъ.
Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!
Чацкій.
Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ.
Фамусовъ.
Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!
Чацкій.
Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу —
Ужь, такъ и быть, я не заплачу.
Фамусовъ.
И знать васъ не хочу: разврата не терплю!
Чацкій.
Я досказалъ.
Фамусовъ.
Добро, заткнулъ я уши!
Чацкій.
На что жь? я ихъ не оскорблю.
Фамусовъ *(скороговоркой)*.
Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!
Чацкій.
Я пересталъ.
Фамусовъ.
Пожалуй, пощади!
Чацкій.
Длить споры не моё желанье.
Фамусовъ.
Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *и* Слуга.

Слуга.
Полковникъ Скалозубъ!
Фамусовъ *(ничего не видя и не слыша)*.
Тебя ужь упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.
Чацкій.
Пожаловалъ къ вамъ кто-то нá домъ.
Фамусовъ.
Не слушаю: подъ судъ!
Чацкій.
Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.
Фамусовъ.
Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!
Чацкій.
Да обернитесь, васъ зовутъ.
Фамусовъ *(оборачиваясь)*.
А! бунтъ! Я такъ и жду содома!
Слуга.
Полковникъ Скалозубъ! Прикажете принять?
Фамусовъ *(вставая)*.
Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошолъ же, торопись!
(Слуга уходитъ.)
Пожалуста, сударь, при нёмъ остерегись;
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра — генералъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Фамусовъ *и* Скалозубъ.

Фамусовъ.
Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно — здѣсь теплѣе:
Отдушничёкъ откроемъ поскорѣе.
Скалозубъ *(густымъ басомъ)*.
Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ? Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!
Фамусовъ.
Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой,
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа: раскиньтесь на покой.
Скалозубъ.
Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль.)
Фамусовъ.
Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно —
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?
Скалозубъ.
Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фамусовъ.
Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ роднёй, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;

Сыщу её на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Всё больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку ли, къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да, счастье, у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа. Засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ — на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ.
Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость! Читать. а послѣ — хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Вакансіи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ — вознесётъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везётъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаётъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь ли за полкомъ?
За-то, конечно, въ чёмъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ, какъ истинный философъ, я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите. Дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ — а тамъ,
Зачѣмъ откладывать бы дальше,
Рѣчь завести о генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? я ни чуть не прочь.

Фамусовъ.

Что жь? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется ещё столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На всё свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужь изстари ведётся,
Что по отцѣ и сыну честь:
Будь плохинькой, да если наберётся
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ;
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ — разумникомъ слыви,
А въ сѐмью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь ещё и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно! Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ —
Для насъ равнёхонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодёжь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберёшь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьмётъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово — приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что, еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!

Не то̀, чтобъ новизны вводили — никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и — разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдётся дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ — надъ ними нѣтъ судей.
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ —
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ — хоть голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путёмъ московскимъ онъ дѣвицамъ —
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно! Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ — всё съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ —
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ: ужъ мало ли крехтятъ!
Съ-тѣхъ-поръ дороги, тротуары,
Дома и всё — на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы̀, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ (*Чацкому*).

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать — не велика услуга.
(Скалозубу.)
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ!
Не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ:
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ!

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ — всѣ такъ же осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто? За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ всё пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не истребятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня, ещё съ пелёнъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитёй возили на поклонъ —
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали — вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки.
Или — вотъ тотъ ещё, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погружонъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ.
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого велятъ намъ на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдётся врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!

И прослывёшь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ, одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ — расшитый и красивый —
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету —
И намъ за ними путь счастливый?
И въ жонахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужь въ это мнѣ ребячество не впасть.
Но кто бъ тогда за всѣми не увлёкся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины «ура!»
И въ воздухъ чепчики бросали.

Фамусовъ *(про себя)*.

Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду!

(Громко.)

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ *и* Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейскимъ гвардіонцамъ.
Ихъ золотцу, шитью дивятся будто солнцамъ;
А въ первой арміи когда отстали? въ чёмъ?
Всё такъ прилажено, и тальи всё такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтёмъ,
Что даже говорятъ иные по-французки.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій *и* Молчалинъ.

Чацкій.

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя ныньче? безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за̀ день — ныньче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положонный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ-тѣхъ-поръ какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два — и сто́ятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое жь диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ.

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею незнако́мъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это, полно, та-ли-съ!
Татьяна Юрьевна — извѣстная... Притомъ

Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ.

ЧАЦКІЙ.

На что же?

МОЛЧАЛИНЪ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

ЧАЦКІЙ.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даётъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, чтó бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить!

ЧАЦКІЙ.

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ: я не изъ ихъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... Знакомъ онъ вамъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну, что жъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

При трёхъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья.
Изъ Петербурга къ намъ переведёнъ.

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть:
Не сочинитель я.

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произнесть.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣтá не должно смѣть
Своё сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно жь зависѣть отъ другихъ.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Вечеръ въ домѣ Фамусова. Всѣ двери настежь, кромѣ одной — въ спальню Софьи.

ЧАЦКІЙ *и* НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА *(встрѣчаясь).*

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Не ошибаюсь ли? Онъ точно по лицу.
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣньемъ смóтрите отъ ногъ до головы:
Неужто такъ меня три года измѣнили?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я полагала васъ далёко отъ Москвы.
Давно ли?

ЧАЦКІЙ.

Ныньче лишь.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

На долго?

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится.
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я замужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой мужъ — прелестный мужъ; вотъ онъ сейчасъ войдётъ.
Я познакомлю васъ — хотите?

ЧАЦКІЙ.

Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

И знаю наперёдъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

О, нѣтъ-съ, не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;

И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.
Вотъ мой Платонъ Михайлычъ?
Чацкій.
Ба,
Другъ старый! Мы давно знакомы. Вотъ судьба!
Платонъ Михайловичъ.
Здорово, Чацкій, братъ!
Чацкій.
Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ — ведёшь себя исправно!
Платонъ Михайловичъ.
Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.
Чацкій.
Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?
Платонъ Михайловичъ.
Нѣтъ! есть-таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный.
Чацкій.
Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже!
Платонъ Михайловичъ.
Братъ, женишься, тогда меня вспомянь.
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.
Чацкій.
Отъ скуки? Какъ? ужь ты ей платишь дань?
Наталья Дмитріевна.
Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу; иногда скучаетъ по утрамъ.
Чацкій.
А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ — эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?
Наталья Дмитріевна.
Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.
Чацкій.
Здоровьемъ слабъ? давно ли?
Наталья Дмитріевна.
Всё ревматизмъ и головныя боли.
Чацкій.
Движенья болѣе — въ деревню, въ тёплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ — рай.
Наталья Дмитріевна.
Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву: за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?
Чацкій.
Москву и городъ! Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?
Платонъ Михайловичъ.
Да, братъ, теперь не такъ!
Наталья Дмитріевна.
Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.
Платонъ Михайловичъ.
Теперь, братъ я не тотъ!
Наталья Дмитріевна.
Послушайся разочекъ,
Мой милый: застегнись скорѣй.
Платонъ Михайловичъ *(равнодушно).*
Сейчасъ.
Наталья Дмитріевна.
Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.
Платонъ Михайловичъ.
Теперь, братъ, я не тотъ!
Наталья Дмитріевна.
Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!
Платонъ Михайловичъ *(поднимая глаза къ небу).*
Ахъ, матушка!
Чацкій.
Ну, Богъ тебя суди:
Ужь точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро — ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ,
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.
Платонъ Михайловичъ *(вздыхая).*
Эхъ, братецъ, славное тогда житьё-то было!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна Графиня-внучка, Княгиня *съ дочерьми,* Загорѣцкій, Скалозубъ, *потомъ* Фамусовъ *и многіе другіе.*

Хлестова.
Съ ума сошолъ? прошу покорно!

Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ.

О комъ? о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ?
Попробуй о властяхъ — и нѐ-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
Такъ назовётъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я — онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня-внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

Загорѣцкій.

Безумный по всему!

Графиня-внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошолъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня.

О, вѣрно!

Графиня-внучка.

Безъ сомнѣнья!

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна.

Бутылками-съ, и пребольшими.

Загорѣцкій (*съ жаромъ*).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну, вотъ великая бѣда,
Что выпьемъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! учоность — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдёшь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ — какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе-да-го-ническій — такъ, кажется, зовутъ:
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора. У нихъ учился нашъ родня
И вышелъ — хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня,
Чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ —
Князь Ѳёдоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ на счётъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, коли ужь зло просѣчь —
Собрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій (*кротко*).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я —
На басни бы налёгъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что̀ ни говори —
Хоть и животныя, а всё таки цари.

Хлестова.

Отцы мои! ужь кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ всё равно, отъ книгъ ли, отъ питья ль!
А Чацкаго мнѣ жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь!

Фамусовъ.

Четыреста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моёмъ календарѣ...

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.
Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!
Хлестова.
Нѣтъ, триста! Ужь чужихъ имѣній мнѣ не знать!
Фамусовъ.
Четыреста, прошу понять!
Хлестова.
Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же *и* Чацкій.

Наталья Дмитріевна.
Вотъ онъ!
Графиня-Внучка.
Штъ!
Всѣ.
Штъ!
(Пятятся отъ него въ противоположную сторону.)
Хлестова.
Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ — потребуетъ къ раздѣлкѣ?
Фамусовъ.
О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо Чацкому.)
Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ — ты нездоровъ.
Чацкій.
Да, мочи нѣтъ: милльонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ.)
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, не доволенъ я Москвой!
Хлестова.
Москва, вишь, виновата!
Фамусовъ.
Подальше отъ него!
(Дѣлаетъ знакъ Софьѣ.)
Г-мъ! Софья! Не глядитъ!
Софья *(Чацкому).*
Скажите, что̀ васъ такъ гнѣвитъ?
Чацкій.
Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами,
Пріѣхалъ и нашолъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,
Своя провинція. Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады!
Умолкъ — и тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ.
«Ахъ, Франція! нѣтъ лучше въ мірѣ края!»
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натвержонъ.
Куда дѣваться отъ княжонъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжой,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня объявятъ старовѣромъ;
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто кратъ
Съ-тѣхъ-поръ, какъ отдалъ всё въ обмѣнъ на новый ладъ —
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду, на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
«Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ? — странно что-то!
Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня!» — забормоталъ мнѣ кто-то.
Вообразите — тутъ у всѣхъ
На мой же счётъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! прекрасно!
«Сударыня! ха! ха! ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.

Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи тó,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княжонъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдётся мыслей здравыхъ
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять —
Глядь...

(Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ; старики разбрелись къ карточнымъ столамъ.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ночь. У Фамусова въ домѣ — парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа, выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на томъ же планѣ, комната Молчалина. Слабое освѣщеніе. Лакеи*—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи своихъ господъ.*

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій *и впереди его* Лакей.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали! *(Лакей уходитъ.)*
Ну, вотъ и день прошолъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли!
Чего я ждалъ? что̀ думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ, радость — обнялись... Пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Свѣтло, синё, разнообразно.
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзвó
Домчались къ отдыху — ночлегъ; куда ни взглянешь —
Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво.
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь!
(Лакей возвращается.)
Готово?

Лакей.

Кучера нигдѣ вамъ не найдутъ.

Чацкій.

Пошолъ — ищи: не ночевать же тутъ.
(Лакей уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій *и* Репетиловъ, *который вбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и встаётъ.*

Репетиловъ.

Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза! Откудова, пріятель?
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на всё предчувствія, примѣты!
Сей часъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу —
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною —
Что Репетиловъ врётъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть:
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдёшь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго — ей-ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня — естественное дѣло!
Съ другими — я и такъ, и сякъ;
Съ тобою — говорю не смѣло:
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Брани меня: я самъ кляну своё рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братѐцъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? — задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну —
Трёхъ разомъ;
Пилъ мёртвую, не спалъ ночей по девяти;
Всё отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролётъ...

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что ночь одна — не въ счётъ!
За-то спроси: гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуста, молчи — я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно!

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны
Чтобъ въ за̀шеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя берётъ:
Вслухъ громко говоримъ — никто не разберётъ.
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ
О Байронѣ... ну, о матерьяхъ важныхъ —
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!
Ахъ, Александръ, у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ — мы, благо, на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужь на меня нисколько не похожи.
Что за̀ люди, mon cher: сокъ умной молодёжи.

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь? Домой — я спать хочу.

Репетиловъ.

Э, брось! Кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... У насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ.

Чацкій.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братéцъ, шумимъ!

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ:
Но государственное дѣло;
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ!
Что за̀ люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ — князь Григорій:
Чудакъ единственный; насъ со̀ смѣху морить.
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой — Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поётъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!»
Ещё у насъ два брата,
Леонъ и Боринька — чудесные ребята.
Объ нихъ не знаешь, что сказать;
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братéцъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: «писать, писать, писать!»
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто!»
Объ чёмъ бишь «нѣчто»? — обо всёмъ;
Всё знаетъ: мы его на чорный день пасёмъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту —
Не надо называть — узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ

И крѣпко нà руку не чистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жь о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ —
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, за-урядъ —
Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ;
Однако-жь я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду — часу не сижу
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо — любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру — простятъ....

Лакей *(у подъѣзда).*

Карета Скалозуба!

Репетиловъ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* Скалозубъ *спускается съ лѣстницы*

Репетиловъ *(къ нему на встрѣчу.)*

А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
(Душитъ его въ объятіяхъ.)

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(Входитъ въ швейцарскую).

Репетиловъ.

Слухъ объ тебѣ давно затихъ:
Сказали что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? *(Ищетъ глазами Чацкаго.)*
Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды! Я тебя нечаянно сыскалъ —
И просимъ-ка со мной сейчасъ, безъ отговорокъ.
У князь Григорія теперь народу тьма —
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во-первыхъ — напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ — такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь:
Скликай другихъ. А если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните — такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Всё служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ-быть, никто и никогда.
По статской я служилъ: тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шолъ напрямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси:
Ему и ей такія суммы
Спустилъ что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ — я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный — сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упрёку
За слабость будто бы къ роднѣ.
Боялся, прахъ его возьми! да легче ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь —
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Взгляни-ка въ «Адресъ-календарь»...
Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства!
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства:
Желудокъ больше не варитъ.
(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который между тѣмъ уѣхалъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Репетиловъ, Хлестова *и* Молчалинъ.

Репетиловъ.

Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный! Вотъ,
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ; а впрочемъ
Полечатъ — вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ вò время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой!

Не нужны проводы. Поди, Господь съ тобой!
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату.)
Прощайте, батюшка! Пора перебѣситься!
(Уѣзжаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Репетиловъ *со своимъ* Лакеемъ.

Репетиловъ.
Куда теперь направить путь?
А дѣло ужь идётъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь!
(Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Чацкій *выходитъ изъ швейцарской.*

Чацкій.
Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ потворяютъ?
И для иныхъ — какъ словно торжество,
Другіе — будто сострадаютъ.
О, если бъ кто въ людей проникъ!
Чт̀о хуже въ нихъ: душа или языкъ?
Чьё это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ;
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ —
И вотъ общественное мнѣнье!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья *и* Лиза.

Чацкій.
Скорѣе въ обморокъ: теперь оно въ порядкѣ!
Важнѣе давишней причина есть къ тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ:
Глядѣлъ — и видѣлъ, и не вѣрилъ.
А *милый*, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ, и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ, какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой — гонительница, бичъ!
Молчалины — блаженствуютъ на свѣтѣ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Фамусовъ *и толпа слугъ со свѣчами.*

Фамусовъ.
Сюда, за мной! скорѣй, скорѣй!
Свѣчей сюда побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя всё лица!
Дочь! Софья Павловна! Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? ни дать ни взять, она,
Какъ мать ея, покойница-жена!
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь — ужь гдѣ-нибудь съ мужчиной.
Побойся Бога! какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла...
Нѣтъ, глупость на меня и слѣпота напала!
Всё это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За чт̀о я такъ наказанъ?
Чацкій *(Софьѣ).*
Такъ этимъ вымысломъ я вамъ ещё обязанъ?
Фамусовъ.
Братъ, не финти: не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь — не повѣрю.
Ты, Филька, ты — прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвёлъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про чт̀о, не чуетъ ничего!
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
(Лизѣ.) Ты, быстроглазая! всё отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды да обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить —
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ и̂збу! маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Ещё дни два терпѣнія возьми —
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ —
Въ деревню, къ тёткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!
А васъ, суда̀рь, прошу я толкомъ
Туда не жаловать, ни прямо, ни просёлкомъ!
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта.
Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ
И оглашу на весь народъ,
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю!

Чацкій.

Не образумлюсь — виноватъ!
И слушаю — не понимаю!
Какъ-будто всё ещё мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями, чего-то ожидаю...
Слѣпецъ, въ комъ я искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ! Вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы, о Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю — кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали:
Что всё прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ?
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно.
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — всё противно:
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ на всегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ.
(Насмѣшливо.)
Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ:
Себя крушить — и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь и пеленать и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно: съ вами я горжусь моимъ разрывомъ!
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ —
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ!
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ:
Другой найдётся, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ —
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ, отрезвился я сполна:
Мечтанья съ глазъ долой — и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было, сряду,
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю жолчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ; мучителей толпа —
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ —
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть съумѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ
И въ нёмъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь: пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорблённому есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!
(Быстро уходитъ; Фамусовъ долгое время стоитъ въ остолбененіи).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, *кромѣ* Чацкаго.

Фамусовъ.

Ну, что? не видишь ты, что онъ съ ума сошолъ?
Скажи серьёзно?
Безумный, что онъ тутъ за чепуху мололъ?
«Низкопоклонникъ! тесть!» и про Москву такъ грозно...
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба ещё ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ПУШКИНА ДО ЛЕРМОНТОВА.

А. С. ПУШКИНЪ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, величайшій изъ русскихъ поэтовъ, родился 26-го мая 1799 года, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, въ Москвѣ, на Молчановкѣ, отъ брака отставного гвардіи капитанъ-поручика Сергѣя Львовича Пушкина съ дѣвицею Надеждою Осиповною Ганнибалъ, внучкою извѣстнаго *арапа Петра Великаго* и племянницею генералъ-аншефа Авраама Петровича Ганнибала, героя Наварина и основателя Херсона. Пушкины ведутъ свой родъ отъ *мужа честна* Радши, выѣхавшаго въ Новгородъ изъ Пруссіи, въ Княженіе Александра Ярославовича Невскаго. Въ числѣ предковъ Пушкина было трое бояръ и четверо окольничихъ. Изъ всѣхъ своихъ предковъ, А. С. Пушкинъ уважалъ всѣхъ болѣе своего родоначальника по прямой линіи, боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ и скончавшагося въ званіи оружейничьяго и нижегородскаго намѣстника, въ 1656 году.

Воспріемникомъ новорождённаго Пушкина былъ графъ А. И. Воронцовъ. Вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ, будущій поэтъ былъ перевезёнъ своими родителями на другую квартиру, въ домъ княжонъ Щербатовыхъ, что̀ у Яузскаго моста. Здѣсь то провёлъ Пушкинъ свои младенческіе годы, подъ надзоромъ молодой матери, старухи-бабушки, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, женщины стариннаго русскаго воспитанья, и старой няни, знаменитой Арины Родіоновны, вынянчившей всё новое поколѣніе семьи Пушкиныхъ. »Родіоновна«, говоритъ П. В. Анненковъ, «принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворною строгостью, оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ её родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется ещё и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, а передавала она его чрезвычайно-оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны.»

Въ доказательство того, что въ приведённомъ отрывкѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго, и что всё сказанное о горячей любви Пушкина къ своей старой нянѣ не идеализація, помѣщаемъ, вслѣдъ за приведённой выпиской, эти задушевныя строки, вылившіяся у Пушкина при чтеніи письма, получённаго имъ отъ Арины Родіоновны:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые вороты
На чорный, отдалённый путь:
Тоска предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, какъ равно и родной его дядя, поэтъ Василій Львовичъ Пуш-

кины, были люди умные и даже хорошо образованные для своего времени; но, къ сожалѣнію, образованіе это было — чисто свѣтское. Сергѣй Львовичъ былъ душой великосвѣтскаго общества, въ которомъ блисталъ остроуміемъ и другими талантами, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимало умѣнье наполнять альбомы московскихъ дамъ и дѣвицъ французскими стихами собственной работы. Втягиваясь всё болѣе и болѣе въ свѣтскую жизнь, онъ сталъ скоро тяготиться жизнью домашней — и кончилъ тѣмъ, что предоставилъ всё хозяйство, а съ нимъ и воспитаніе дѣтей, въ полное распоряженіе жены. Началось воспитаніе. Бабушка, Марья Алексѣевна, взялась за указку — и очень скоро выучила будущаго поэта читать и писать по русски, послѣ чего передала его для дальнѣйшихъ занятій русскимъ языкомъ какому-то Шиллеру. Затѣмъ, Пушкинъ попался въ руки разныхъ французовъ, старавшихся заставить его позабыть, что онъ русскій. Впрочемъ, они не вполнѣ въ этомъ успѣли, такъ-какъ ребёнокъ оказался далёко не изъ числа воспріимчивыхъ и бойкихъ. По свидѣтельству сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны Павлищевой, будущій поэтъ лѣтъ до семи былъ очень молчаливъ и не обнаруживалъ ничего особеннаго, и даже приводилъ мать въ совершенное отчаяніе своею неповоротливостью. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, гувернёры таки-поставили на своёмъ: не съумѣвъ возбудить въ мальчикѣ охоту къ ученью, они пристрастили его къ чтенію. Чтеніе это, какъ водится, началось съ Плутарха, «Иліады» и «Одиссеи» въ переводѣ Битобе и завершилось французскими классиками XVII вѣка и произведеніями философовъ послѣдующаго столѣтія. Но и эти усиленныя классныя занятія не вполнѣ удовлетворяли молодого Пушкина — и онъ тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и тамъ просиживалъ ночи, погружонный въ чтеніе всевозможныхъ книгъ, попадавшихся ему подъ руку. Первая попытка къ сочинительству, къ которому вообще склонны всѣ дѣти, пристрастившіяся къ чтенію, обнаружилась у Пушкина очень рано и, притомъ, на французскомъ языкѣ, который онъ зналъ въ то время гораздо лучше русскаго. Изъ французскихъ стиховъ, написанныхъ имъ въ это время, дошла до насъ всего одна эпиграмма, вызванная неудачей на домашней сценѣ его собственной комедіи «L'Escamoteur» («Похититель»), заимствованной у Мольера и освистанной сестрой поэта, представлявшей публику:

Dis moi, pourquoi «L'Escamoteur»
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Между-тѣмъ, наступилъ 1811 годъ, ознаменованный открытіемъ Царскосельскаго лицея, куда долженъ былъ вступить и молодой Пушкинъ, въ числѣ тридцати другихъ мальчиковъ. Отвезённый въ Петербургъ дядей, Василіемъ Львовичемъ, Пушкинъ 12-го августа 1811 года выдержалъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, пріёмный экзаменъ и былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея. «Учебная жизнь молодого Пушкина не была блестяща», говоритъ г. Анненковъ, въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». «При обширной, почти изумительной памяти, ему не доставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же, въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ... Замѣчательно, что въ Лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень скоро, какъ-будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны, обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой — расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно за превосходное знаніе французскаго языка; но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику, и выводилъ иногда самого Пушкина изъ терпѣнія. Только немногіе знали — и въ томъ числѣ Дельвигъ — его душу, сильно расположонную къ пріязни и откровенности.» Изъ всѣхъ предметовъ, преподававшихся въ заведеніи, Пушкина привлекали только исторія и литературы французская и русская, между которыми онъ и дѣлилъ всё своё время. Что же касается поэзіи, то, вмѣсто французскихъ, онъ сталъ писать русскіе стихи, далёко превосходившіе первые, что можно видѣть хотя изъ слѣдующаго отрывка:

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Всё было тихо: лѣсъ и горы —
Всё спало въ сумракѣ ночномъ.
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

Это стихотвореніе, обошедшее всю Россію въ рукописи и въ видѣ текста къ плохой московской литографіи, изображающей дѣвицу съ младенцемъ на рукахъ и съ развѣвающимися по вѣтру волосами и платьемъ, принадлежитъ къ 1814 году: слѣдовательно, автору не было и пятнадцати лѣтъ, когда онъ написалъ это очень и очень недурное стихотвореніе.

Первымъ русскимъ стихотвореніемъ Пушкина, написаннымъ ещё въ бытность его въ Лицеѣ и дошедшимъ до насъ, надо считать «Посланіе къ сестрѣ», а первымъ напечатаннымъ — «Къ другу-стихотворцу», появившемся въ 13-мъ нумерѣ «Вѣстника Европы» на 1814 годъ. На публичномъ экзаменѣ Лицея, въ 1815 году, шестнадцатилѣтній Пушкинъ привёлъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ прекраснымъ стихотвореніемъ: «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ», причёмъ Державинъ, вставъ съ мѣста, склонилъ передъ нимъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять его, но потерявшійся поэтъ скрылся — и тщетно искали его вездѣ. Затѣмъ, 9-го іюня 1817 года совершился первый выпускъ воспитанниковъ Лицея, удостоенный присутствія императора Александра I, причёмъ Пушкинъ прочёлъ своё стихотвореніе «Безвѣріе», заслужившее общія похвалы.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ съ жадностью накинулся на удовольствія столичной жизни: онъ усердно посѣщалъ общество, не пропускалъ ни одного спектакля, ни одного бала и литературнаго собранія, ни одного гулянья, и, при всёмъ томъ, находилъ время для литературныхъ занятій. Такъ, въ концѣ 1817 года, онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ стихотвореній, изъ которыхъ посланіе «Къ Жуковскому» причисляется къ лучшимъ его произведеніямъ, а въ началѣ 1818 года онъ уже читалъ на литературныхъ вечерахъ у Жуковскаго первыя пѣсни своей первой поэмы «Русланъ и Людмила», планъ которой былъ созданъ имъ ещё въ Лицеѣ.

По прочтеніи Пушкинымъ послѣдней пѣсни своей первой поэмы, въ концѣ 1819 года, восхищённый Жуковскій подарилъ ему свой литографированный портретъ съ слѣдующею надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣждённаго учителя, въ высокоторжественный день окончанія «Руслана и Людмилы». Поэма была издана въ 1820 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ, сочиненіе А. Пушкина», съ слѣдующимъ прелестнымъ посвященіемъ «Красавицамъ»:

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ,
Времёнъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривый!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужь я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ-быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

Появленіе «Руслана и Людмилы» было встрѣчено съ восторгомъ публикой и большинствомъ литературныхъ знаменитостей того времени — Карамзинымъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Батюшковымъ, княземъ Вяземскимъ и другими; но нашлись и такіе, которые отнеслись къ поэмѣ съ недоумѣніемъ, увидѣвъ въ ней униженіе поэзіи и попраніе достоинства литературы, въ чёмъ, впрочемъ, упрекали и преобразованія Карамзина, совершонныя имъ, незадолго предъ тѣмъ, въ русскомъ языкѣ и словесности. Къ числу недовольныхъ новой поэмой присоединился и И. И. Дмитріевъ. Критика пришла въ совершенный ужасъ отъ введенія сказочнаго русскаго міра въ область поэзіи. «Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ», говоритъ критикъ «Вѣстника Европы» (1820, № XI), «возникающій посреди океана россійской словесности! Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова; просвѣщённымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе «Еруслану Лазаревичу». Выписавъ далѣе сцену Руслана съ богатырской головою, критикъ восклицаетъ: «но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ-нибудь втёрся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: «здорово, ребята!» неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Зачѣмъ допускать, чтобъ плоскія шутки старины снова появлялись между нами?» Но всѣ эти возгласы остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Пушкинъ даже не счёлъ нужнымъ отвѣчать на эти курьёзныя нападки своихъ литературныхъ недоброжелателей, до такой степени они были не основательны и не шли къ дѣлу. «Главная причина, что я не отвѣчалъ моимъ критикамъ», говоритъ Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ», «была лѣность. Мнѣ также было совѣстно, для опровер-

женій, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ, оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе, важно говорить: «Et moi je vous soutiens, que mes vers sont très bons».

Но вотъ насталъ роковой для Пушкина 1820 годъ и буря, долго носившаяся надъ его горячей головой разразилась, наконецъ, надъ злополучнымъ поэтомъ съ страшнымъ шумомъ и трескомъ. Только благодаря заступничеству Карамзина, Милорадовича и Энгельгардта, Пушкинъ не былъ преданъ суду, и всё дѣло ограничилось высылкою поэта изъ столицы, съ переводомъ изъ министерства Иностранныхъ Дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, въ Екатеринославль. «Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга», говоритъ г. Анненковъ, «были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому, что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже, къ счастью, неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошолъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непремѣнно, еслибъ его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства.» Короче, причиной всей суматохи была ода «Вольность» и нѣсколько другихъ стихотвореній, написанныхъ въ томъ же родѣ, и то̀, что Пушкинъ открыто показывалъ своимъ сосѣдямъ въ театрѣ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго.

Четыре года, проведённые Пушкинымъ на югѣ Россіи, прошли въ безпрерывномъ кочеваньи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Екатеринославль, Пушкинъ заболѣлъ, и, спустя двѣ недѣли, отправился, съ семействомъ генерала Раевскаго, къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Созерцаніе суровыхъ красотъ Кавказа навели его на мысль написать поэму изъ быта тамошнихъ горцевъ, которую онъ и привёлъ въ исполненіе спустя годъ, написавъ «Кавказскаго Плѣнника». Возвращаясь назадъ, черезъ Тамань и Керчь, Пушкинъ объѣхалъ часть Крыма и, очарованный чудными видами южнаго его берега и вдохновенный классическими воспоминаніями, связанными съ нимъ, написалъ нѣсколько прелестныхъ антологическихъ стихотвореній, въ томъ числѣ: «Нереиду» и «Дори̂дѣ» и элегію «Погасло дневное свѣтило», извѣстную каждому грамотному человѣку въ Россіи. Обозрѣніе же ханскаго дворца въ Бахчисараѣ дало Пушкину мысль написать свою прелестную поэму «Бахчисарайскій Фонтанъ», которая и была имъ написана, два года спустя, въ Кишенёвѣ и потомъ отпечатана въ 1824 году въ Москвѣ. Тогда же, въ 1822 году, былъ написанъ имъ и разсказъ въ стихахъ: «Братья разбойники», задуманный подъ впечатлѣніемъ, видѣннаго имъ самимъ, побѣга двухъ арестантовъ изъ екатеринославскаго острога, причёмъ преступники спасались вплавь въ кандалахъ черезъ Днѣпръ. Эта небольшая поэма была напечатана въ первый разъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ, а въ 1827 году вышла въ Москвѣ отдѣльной книжкой, въ двухъ изданіяхъ.

Конецъ 1820 года и начало 1821 Пушкинъ провёлъ въ постоянныхъ переѣздахъ между Кишенёвымъ, новымъ мѣстомъ его службы, и Каменкой, кіевскимъ имѣніемъ Раевскихъ. Къ этому времени относится, между прочимъ, извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Чорная шаль», обязанное своимъ происхожденіемъ одной молдаванской пѣснѣ и облетѣвшее всю Россію, подобно «Тройкѣ» и «Красному сарафану». Перечитывая стихотворенія, написанныя имъ около этого времени, нельзя не замѣтить быстраго возрастанія поэтическаго генія Пушкина. Въ Кишенёвѣ были написаны тѣ высокохудожественныя лирическія произведенія, въ которыхъ Пушкинъ является передъ нами уже во всеоружіи своего могучаго таланта. Къ числу такихъ произведеній принадлежатъ: «Муза», «Чаадаеву», «Къ Овидію», «Наполеонъ», «Діонея», «Примѣты», «Дѣва», «Желаніе» и «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Здѣсь же, въ Бесарабіи, началъ онъ своего «Евгенія Онѣгина» и задумалъ поэму «Цыганы», поводомъ къ которой послужила случайная встрѣча его съ цыганскимъ таборомъ, въ которомъ онъ прожилъ нѣсколько дней дикой жизнью кочевого племени. Воспоминаніе объ этомъ кочеваніи по бессарабскимъ степямъ Пушкинъ сохранилъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ эпилога къ «Цыганамъ», не попавшемъ въ печать.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы —
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

По переѣздѣ въ Одессу, куда онъ былъ переведёнъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1823 года, на службу, съ подчиненіемъ новому начальнику, графу М. С. Воронцову, Пушкинъ съ жаромъ принялся за продолженія своего «Евгенія Онѣгина» — и 22-го октября 1823 года первая глава романа, начатая въ маѣ въ Бессарабіи, была окончена въ Одессѣ, причёмъ осенній мѣсяцъ имѣлъ тутъ своё значеніе. «Извѣстно», говоритъ П. В. Анненковъ, «что осень была временемъ особеннаго развитія его творческой дѣятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствіе, равновѣсіе всѣхъ силъ и необыкновенную бодрость мысли. На Сѣверѣ онъ радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и свѣтлой, какъ предательницы, которая влечётъ къ прогулкамъ и разсѣянности. Южная осень съ ея чистымъ небомъ и освѣжительно-тёплымъ воздухомъ заставляла его прибѣгать къ хитрости. Онъ вставалъ рано и, не покидая постели, писалъ нѣсколько часовъ безъ отдыха.» Такимъ образомъ, осенью 1823 года были написаны первыя три главы «Онѣгина», а зимой слѣдующаго года начаты «Цыганы». Что же касается лирическихъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, то они отличаются совсѣмъ другимъ колоритомъ. Прежнія спокойныя и величественныя произведенія уступили мѣсто такимъ, какъ, напримѣръ: «Ненастный день потухъ», «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты», «Коварность» и другія, исполненнымъ страстныхъ порывовъ, сомнѣнья и ревности. Впрочемъ, и въ это, тяжкое для сердца поэта, время, онъ освобождался иногда отъ бремени пожиравшей его страсти и проявлялъ свой геній въ такихъ чудныхъ созданіяхъ, какъ «Демонъ», «Птичка» и «Сѣятель».

Между-тѣмъ неудовольствія, возникшія между графомъ Воронцовымъ и Пушкинымъ, по поводу стихотворенія послѣдняго («Полу-милордъ, полуневѣжда»), приняли такой оборотъ, что Александру Сергѣевичу уже невозможно было оставаться на службѣ въ Одессѣ и — волей, не волей — надо было съ ней разстаться. Въ началѣ осени 1824 года Пушкинъ простился съ югомъ Россіи своимъ превосходнымъ стихотвореніемъ «Къ морю», въ которомъ, между-прочимъ, сказалъ послѣднее «прости» и *властителю своихъ думъ* — Байрону, воздавъ ему при этомъ послѣднюю свою похвалу. Пріѣхавъ въ Михайловское, псковское имѣнье матери, въ которомъ ему приказано было жить до дальнѣйшаго распоряженія, и, распростившись съ отцомъ, котораго засталъ ещё въ деревнѣ, Пушкинъ основался въ одной изъ комнатъ запущеннаго дома — и сталъ жить безотрадною жизнью затворника, сожалѣя о потерянной свободѣ и развлекаясь чтеніемъ новѣйшихъ классиковъ и поэзіею; а когда тоска совершенно овладѣвала имъ, онъ уходилъ въ билліардную и тамъ, съ самаго утра до поздняго вечера, игралъ на билліардѣ тупымъ кіёмъ въ два шара, самъ съ собою, или бесѣдовалъ съ старухою няней. Впрочемъ, посѣщеніе друзей, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, знакомство съ семействомъ П. А. Осиповой, жившей по сосѣдству, верстахъ въ двухъ-трёхъ отъ Михайловскаго и, въ особенности, постоянный трудъ осенней поэтической дѣятельности — всё это, взятое вмѣстѣ, вскорѣ благодѣтельно подѣйствовало на пылкаго поэта и отразилось, какъ нельзя лучше, на произведеніяхъ этого суроваго періода его жизни. Въ Михайловскомъ Пушкинъ написалъ четвёртую, пятую и шестую пѣсни романа «Евгеній Онѣгинъ», приготовилъ къ печати поэму «Цыганы», написанную ещё въ Одессѣ, и началъ и окончилъ лучшее своё произведеніе: драматическую поэму «Борисъ Годуновъ». Что же касается лирическихъ его стихотвореній, то въ Михайловскомъ ихъ было написано множество — и многія изъ нихъ можно смѣло назвать перлами пушкинской поэзіи, какъ, напримѣръ: «Я помню чудное мгновенье», 19-го октября 1825 года», «Зимній вечеръ», «Андрей Шенье», «Зимняя дорога» и «Пророкъ». Однимъ словомъ, періодъ пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ, относительно поэтической производительности, можетъ поспорить даже съ продолжительнымъ пребываніемъ его въ Болдинѣ, въ 1831 году, гдѣ онъ выказалъ такую громадную творческую силу, что самъ удивлялся своей производительности. Здѣсь же Пушкинъ прослушалъ и записалъ всѣ тѣ чудныя сказки, которыя онъ напечаталъ впослѣдствіи, и всѣ тѣ простонародные разсказы, которые были найдены въ бумагахъ поэта, послѣ его смерти. «Знаешь ли ты мои занятія»? писалъ Пушкинъ къ брату своему изъ Михайловскаго, осенью 1824 года. «До обѣда пишу «Записки», обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія.» Источникомъ большинства сказокъ, написанныхъ Пушкинымъ, были неистощимые разсказы его старой няни, Арины Родіоновны, знавшей ихъ великое множество. «Арина Родіоновна была посредницей», говоритъ г. Анненковъ, «въ сношеніяхъ Пушкина съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ узнаніи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріёмовъ народа, съ какими подходитъ онъ къ вымыслу и

поэзіи. Александръ Сергѣевичъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своёмъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія. Простонародный разсказъ «Женихъ» — остаётся блестящимъ результатомъ этихъ сношеній между поэтомъ и бывалой старухой.» Наконецъ, въ Михайловскомъ написанъ былъ «Графъ Нулинъ», прелестная шутка, возбудившая, впослѣдствіи такъ много толковъ въ публикѣ и журналистикѣ.

Между-тѣмъ хлопоты друзей Пушкина о дозволеніи ему оставить Михайловское и переѣхать на жительство въ Москву, увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Императоръ Николай, снисходя на прошеніе Пушкина, разрѣшилъ ему эту поѣздку — и 3-го сентября 1826 года Александръ Сергѣевичъ уже мчался по дорогѣ къ Москвѣ, куда и прибылъ, въ сопровожденіи фельдъегеря, 8-го того же мѣсяца Тотчасъ по прибытіи въ столицу, Пушкинъ былъ представленъ государю. Побесѣдовавъ съ поэтомъ довольно долго и весьма милостиво, императоръ Николай обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ. принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабрѣ?» — «Неизбѣжно, Государь!» отвѣчалъ прямодушный поэтъ: «всѣ мои друзья были въ заговорѣ — и я былъ бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня — я и благодарю за-то Небо!» — «Ты довольно шалилъ», возразилъ Императоръ: «надѣюсь, что теперь ты образумишься, и что размолвки у насъ впредь не будетъ. Присылай всё, что напишешь, ко мнѣ: отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ.» Въ тотъ же вечеръ, на балѣ у маршала Мармона, государь сказалъ графу Блудову: «Знаешь, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи!» и на вопросъ Блудова объ имени этого человѣка, назвалъ ему Пушкина.

Зиму съ 1826 на 1827 годъ Александръ Сергѣевичъ провёлъ въ Москвѣ, а весну и лѣто въ Петербургѣ и Михайловскомъ, и всё это время почти не брался за перо, наслаждаясь славой и вниманіемъ, встрѣчавшими его вездѣ. По возвращеніи въ Москву, онъ снова взялся за перо, и первымъ произведеніемъ, вылившимся прямо изъ сердца, были извѣстные его стансы: «Въ надеждѣ славы и добра», вплетшія новый листокъ въ его лавровый вѣнецъ. Затѣмъ, въ исходѣ того же года вышли въ свѣтъ, первымъ и вторымъ изданіями, три его поэмы: «Цыганы», «Братья разбойники» и «Графъ Нулинъ», написанныя ещё въ 1822, 1824 и 1825 годахъ. Наступившій 1828 годъ засталъ Пушкина въ Петербургѣ сѣтующимъ на шумъ и суету столичной жизни, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго письма къ сосѣдкѣ по псковскому имѣнію, П. А. Осиповой: «Дельвигъ разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житьё довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду ли ещё въ Михайловское, хотя это искреннее моё желаніе. Для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются всё болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу.» Изъ лирическихъ стихотвореній, написанныхъ въ этомъ году, нельзя не указать на слѣдующія прелестныя пьесы: «Не пой, красавица, при мнѣ», «Цвѣтокъ», «Даръ напрасный, даръ случайный», «Воспоминаніе», «Заклинаніе», «Утопленникъ», «Воронъ къ ворону летитъ», «Анчаръ» и «Чернь». Лѣто 1828 года Пушкинъ, по обыкновенію, провёлъ въ Михайловскомъ; но октябрь мѣсяцъ, вопреки обыкновенію, застаётъ его не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, онъ съ жаромъ принимается за созданіе новой поэмы, которую оканчиваетъ въ одинъ мѣсяцъ, не выѣзжая изъ столицы. Поэма эта была — «Полтава», лучшая изъ всѣхъ поэмъ Пушкина. Что бы оцѣнить всю громадность напряженія поэтическаго генія Пушкина, при созданіи «Полтавы», стóитъ только взглянуть на цифры, выставленныя на рукописи, въ концѣ каждой изъ пѣсенъ ея, и мы увидимъ, что первая пѣснь окончена 3-го октября, вторая — 9-го, третья — 16-го; слѣдовательно послѣднія двѣ пѣсни написаны были менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли. Поэма явилась въ печати въ началѣ 1829 года, но, не смотря на всё своё величіе и кованный стихъ, далеко не имѣла того успѣха, который выпалъ на долю его первыхъ поэмъ. Публика была въ недоумѣніи: она не узнавала своего Пушкина, не узнавала въ сжатомъ и многовѣсномъ стихѣ новой поэмы прежнихъ блестящихъ и огненныхъ строфъ «Бахчисарайскаго Фонтана», «Кавказскаго Плѣнника» и «Цыганъ». «Полтава», говоритъ Пушкинъ, «не имѣла успѣха. Можетъ-быть, она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріёмомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ, произведеніямъ.» Изъ этихъ немногихъ строкъ можно видѣть, на сколько Пушкинъ стоялъ впереди современнаго ему общества, въ дѣлѣ пониманья всего художественнаго. Теперь уже никто не предпочтётъ «Полтавѣ» первыхъ поэмъ его, навѣянныхъ Байрономъ, съ которымъ онъ простился на всегда ещё въ началѣ 1824 года въ своёмъ стихотвореніи «Къ морю».

Какъ Пушкинъ ни былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, тѣмъ не менѣе рѣзкіе и постоянные нападки журналовъ на его произведенія волновали и сердили его. Издавъ «Полтаву», Пушкинъ снова захандрилъ: какая-то нравственная усталость овладѣваетъ всѣмъ его существомъ — и онъ начинаетъ томиться жаждой физической дѣятельности, которая у него всегда чередовалась съ дѣятельностью нравственной. Онъ запирается дома и начинаетъ готовить изданіе «Бориса Годунова», но, въ началѣ марта 1829 года, вдругъ весьма круто отрывается отъ общества и уѣзжаетъ на Кавказъ, не позаботясь даже попросить разрѣшенія на поѣздку. Затѣмъ, въ маѣ является въ Георгіевскѣ — и принимается за записки, вышедшія впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года». Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой поѣздки на Кавказъ, вылились у него въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, которыя можно смѣло назвать перлами описательной поэзіи. Это — «Донъ», «Кавказъ», «Монастырь», «Казбекъ» и «Обвалъ». Здѣсь же были написаны стихотворенія: «Олеговъ щитъ» и «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», изъ которыхъ первое — патріотическая пѣснь Пушкина, а второе — одно изъ лучшихъ и задушевнѣйшихъ его произведеній. По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ приступилъ къ сочиненію новой поэмы «Галубъ», но почему-то не окончилъ её; затѣмъ, началъ и окончилъ шуточную повѣсть въ стихахъ «Домикъ въ Коломнѣ», и заключилъ 1829 годъ извѣстнымъ стихотвореніемъ: «Воспоминанія о Царскомъ Селѣ». Въ мартѣ 1830 года Пушкинъ внезапно уѣхалъ въ Москву, оживлённую тогда присутствіемъ Двора, и 21-го апрѣля сдѣлалъ предложеніе извѣстной московской красавицѣ, Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ семействомъ которой онъ былъ давно знакомъ. Предложеніе было принято — и счастливый женихъ поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, а оттуда выѣхалъ въ село Болдино, Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда, отданное ему отцомъ для устройства своихъ дѣлъ. Изъ Петербурга Пушкинъ, сопровождаемый Дельвигомъ, вышелъ пѣшкомъ. Прощаясь у заставы, оба поэта не подозрѣвали, что видятся въ послѣдній разъ. Въ Болдинѣ Пушкинъ провёлъ цѣлыхъ три мѣсяца, въ теченіе которыхъ его творческая сила выразилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Онъ создалъ въ теченіе этого времени слѣдующія превосходныя произведенія въ такомъ порядкѣ: «Скупой рыцарь», драма въ двухъ сценахъ, «Моцартъ и Сальери», драма въ двухъ сценахъ, «Лѣтопись села Горохина», статья въ прозѣ, «Каменный гость», драма въ четырёхъ сценахъ, «Пиръ во время чумы», драматическій отрывокъ, «Повѣсти Бѣлкина», заключавшія въ себѣ пять повѣстей: «Выстрѣлъ», «Мятель», «Гробовщикъ», «Станціонный смотритель» и «Барышня-крестьянка», восьмую пѣснь «Евгенія Онѣгина» и цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ: «Герой», написанное по полученіи извѣстія о прибытіи Государя въ вымиравшую отъ холеры Москву, «Поэтъ, не дорожи любовію народной», «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Для береговъ отчизны дальней», «Осень», «Бѣсы», «Пью за здравіе Мери», «Стамбулъ гяуры нынче славятъ», три «Подражанія Данту», «Суровый Дантъ не презиралъ сонета», «Нѣтъ — я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ» и «Моя родословная». Въ концѣ января 1831 года Пушкинъ отправился обратно въ Москву, гдѣ, 18-го февраля, былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой. Къ 1831 году относятся слѣдующія стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина», «Лицейская годовщина» и «Эхо», и двѣ сказки изъ простонароднаго быта: «Сказка о царѣ Салтанѣ» и «Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ». Проживъ лѣто и осень 1831 года въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ переѣхалъ на зиму въ Петербургъ и, поселившись въ Малой Морской, въ домѣ Жадимировскаго, сталъ усердно посѣщать архивы, гдѣ случайно натолкнулся на бумаги о пугачёвскомъ бунтѣ, давшія поэту канву для извѣстной его повѣсти: «Капитанская дочка» и наведшія его на мысль написать «Исторію Пугачёвскаго Бунта». Приготовляя къ изданію это послѣднее сочиненіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣша окончаніемъ «Капитанской дочки», Пушкинъ вздумалъ съѣздить въ Казань и Оренбургъ, чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія обоихъ своихъ произведеній. Вздумано — сдѣлано! Пушкинъ совершилъ своё путешествіе очень быстро, въ теченіе осени 1833 года, и возвратился въ Болдино ещё до заморозковъ, такъ-какъ *риѳмы и стихи не давали ему покоя.* И точно, пріѣхавъ въ Болдино, онъ залёгъ въ постель — и, въ теченіе одного октября, написалъ: сказку «О рыбакѣ и рыбкѣ», поэму «Мѣдный всадникъ» и слѣдующія мелкія стихотворенія: «Воевода», «Будрысъ и его сыновья» и «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума». Изъ нихъ первыя два — переводы изъ Мицкевича. По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ, въ началѣ декабря, представилъ свою «Исторіею Пугачёвскаго Бунта» на разсмо-

тренiе начальства, а 31-го того же мѣсяца былъ пожалованъ каммеръ-юнкеромъ, съ выдачею ему заимообразно 20,000 рублей ассигнацiями, для напечатанiя его книги. Кромѣ исчисленныхъ произведенiй, Пушкинымъ въ 1833 году написаны ещё слѣдующiя: «Анджело», поэма въ двухъ частяхъ, заимствованная изъ трагедiи Шекспира «Мѣра за мѣру», «Сказка о мёртвой царевнѣ и семи богатыряхъ», «Родословная моего героя», «Гусаръ» и «Пѣсни западныхъ славянъ». Весной 1834 года Пушкинъ отправилъ своё семейство къ роднымъ, въ Калужскую губернiю, а самъ остался въ Петербургѣ, гдѣ прохандрилъ всё лѣто. Осенью, по возвращенiи семейства въ Петербургъ, Александръ Сергѣевичъ принялся снова за работу — и результатомъ его трудовъ были два посланiя: «Мицкевичу» и «Д. В. Давыдову», и повѣсть «Пиковая Дама». Что же касается «Исторiи Пугачёвскаго Бунта», то печатанiе перваго изданiя этой книги также было окончено въ исходѣ этого года. Въ 1835 году Пушкинъ издалъ полное собранiе своихъ поэмъ, подъ названiемъ: «Поэмы и Повѣсти Александра Пушкина», въ 2-хъ частяхъ, и написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотворенiй, изъ которыхъ «Полководецъ», «Туча», «Пиръ Петра Великаго», «Египетскiя ночи», «Опять на родинѣ» и «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ» принадлежатъ къ лучшимъ его произведенiямъ. 1836-ой годъ Пушкинъ встрѣтилъ весело, мечтая о заграничномъ путешествiи, отъ котораго, впрочемъ, долженъ былъ вскорѣ отказаться, за неимѣнiемъ въ наличности и за невозможностью добыть необходимыя на то денежныя средства. Къ этому первому огорченiю вскорѣ присоединились другiя: болѣзнь и смерть матери, несогласiе съ отцомъ, дѣла котораго совершенно разстроились и повергли его въ самое жалкое положенiе, выдти изъ котораго онъ не соглашался самъ, такъ-какъ этотъ выходъ былъ сопряжонъ съ оставленiемъ столицы и проживанiемъ въ теченiи двухъ-трёхъ лѣтъ въ деревнѣ, и, наконецъ, всѣ тѣ грязныя, великосвѣтскiя сплетни, которыя не давали покою ни ему, ни женѣ его. Въ этомъ же году Пушкинъ приступилъ къ изданiю давно задуманнаго журнала, въ которомъ первое мѣсто должно было принадлежать критикѣ. Извѣстiе о смерти матери застало его за печатаньемъ первой книжки «Современника», вслѣдствiе чего она вышла въ свѣтъ въ мартѣ 1836 года, безъ его личнаго участiя. Книжка эта заключала въ себѣ, кромѣ стиховъ Жуковскаго, прозы Гоголя, критики Козловскаго и хроники Тургенева, слѣдующiя стихотворныя и прозаическiя произведенiя Пушкина: «Пиръ Петра Великаго», «Скупой рыцарь», «Изъ Шенье», «Путешествiе въ Арзрумъ» и разборы «Сочиненiй Конисскаго», «Вастолы», «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки», «Походныхъ записокъ артиллериста» и «Новоселья». Вторая книжка «Современника» вышла въ iюнѣ, третья — въ сентябрѣ, четвёртая — въ ноябрѣ. Остальныя книжки были изданы уже послѣ смерти Пушкина его друзьями.

Между-тѣмъ, чорныя тучи, уже давно собиравшiяся надъ головой поэта, стали сгущаться всё болѣе и болѣе. Въ началѣ октября мѣсяца Пушкинъ переѣхалъ въ городъ, на Мойку, къ Пѣвческому мосту, въ домъ княгини Волконской. Вскорѣ послѣ того по городу стали ходить разные лживые слухи, весьма не лестные для семейства Пушкина. Затѣмъ, появились анонимныя письма, въ которыхъ уже прямо говорилось объ ухаживанiи Дантеса, побочнаго сына голландскаго посланника, барона Гекерена, за женою Пушкина. Получивъ одно изъ такихъ писемъ, исполненное самыхъ дерзкихъ и неблагопристойныхъ намёковъ, Пушкинъ послалъ вызовъ Дантесу. На этотъ разъ поединокъ не состоялся: Дантесъ объяснилъ свои частыя посѣщенiя дома Пушкина чувствомъ сердечной привязанности къ сестрѣ жены поэта, К. Н. Гончаровой, руки которой онъ и просилъ въ настоящее время. Свадьба состоялась, но примиренiя между Пушкинымъ и Дантесомъ не послѣдовало, не смотря на всѣ старанiя барона Гекерена, которому Пушкинъ сказалъ прямо, что онъ не желаетъ возобновлять съ его сыномъ никакихъ сношенiй. Не смотря на это, Дантесъ сдѣлалъ Пушкинымъ свадебный визитъ, но не былъ принятъ. На другой день Пушкинъ получилъ письмо отъ Дантеса, которое, не распечатывая, положилъ въ карманъ. Встрѣтясь съ Гекереномъ въ домѣ своей родственницы, фрейлины Загряжской, Пушкинъ просилъ барона возвратить письмо тому, кто его писалъ, такъ-какъ не только читать писемъ Дантеса, но даже и слышать его имя онъ не желаетъ. Гекеренъ отказался принять письмо. Тогда Пушкинъ бросилъ ему письмо въ лицо, со словами: «Tu la recevras, gredin!» Какъ-будто предчувствуя катастрофу, Александръ Сергѣевичъ сбирался въ концѣ года уѣхать въ Михайловское и пробыть тамъ всю зиму съ семействомъ своимъ; но вскорѣ обстоятельства приняли такое направленiе, что Пушкинъ рѣшился покончить дѣло разомъ. Разсерженный какою-то новой сплетней, Пушкинъ написалъ Гекерену извѣстное письмо, въ которомъ, между-прочимъ, было

сказано: «позвольте мнѣ сказать, баронъ, что роль, которую вы играли въ этомъ дѣлѣ, была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы — вы были презрѣннымъ сводникомъ вашего побочнаго сына, или, быть-можетъ, только слывущаго за вашего. Всё его поведеніе (впрочемъ, довольно неловкое) вѣроятно было направлено вами: вы, вѣроятно, нашоптывали ему тѣ жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и тѣ пошлости, которыя онъ писалъ. Какъ какая-нибудь развратная старуха, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына.»

Письмо это было окончательной причиной рокового поединка, послѣдовавшаго черезъ нѣсколько дней. Въ отвѣтъ на письмо Пушкина, оскорблённый посланникъ извѣстилъ Александра Сергѣевича, что сынъ его пришлётъ къ нему своего секунданта. Поединокъ долженъ былъ состояться 27-го января въ пять часовъ по полудни. Мѣстомъ поединка была назначена площадка у комендантской дачи, за Чорной Рѣчкой. Дуэль на этотъ разъ, къ сожалѣнію, состоялась. Секундантами были: у Пушкина — полковникъ Данзасъ, у Дантеса — виконтъ д'Аршіакъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый — и Пушкинъ, падая, воскликнулъ: «Je crois, que j'ai la cuisse fracassée!» Затѣмъ, приподнявшись немного и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ въ свою очередь — и Дантесъ упалъ. Замѣтивъ текшую кровь изъ груди Дантеса, Пушкинъ вскрикнулъ: «браво» и бросилъ пистолетъ въ сторону. Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота: пуля раздробила кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ и глубоко вошла въ животъ, гдѣ и засѣла. Рана была смертельная. Его усадили въ карету и увезли домой. У крыльца встрѣтилъ Пушкина его камердинеръ и бережно понёсъ его вверхъ по лѣстницѣ. «Грустно тебѣ нести меня?» спросилъ у него Пушкинъ. Его раздѣли и уложили въ кабинетѣ. Вошла жена. Онъ схватилъ ея руки, прижалъ ихъ къ губамъ и сказалъ: «Благодарю Бога, я ещё живъ и ты возлѣ меня!» На вопросъ пріѣхавшаго доктора: не желаетъ ли онъ видѣть кого-нибудь изъ своихъ близкихъ? Пушкинъ обратилъ глаза свои къ библіотекѣ и сказалъ: «Прощайте, друзья!» Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мёртвыми — не извѣстно. Затѣмъ началась агонія, продолжавшаяся 45 часовъ.

В. А. Жуковскій, оставившій трогательное описаніе болѣзни и смерти Пушкина, по нѣскольку разъ въ день ѣздилъ докладывать Государю о ходѣ его болѣзни. «Скажи Государю», сказалъ онъ Жуковскому, «что мнѣ жаль умереть: былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастья въ его сынѣ, счастья въ его Россіи.» Въ ночь на 28-е января докторъ Арендъ привёзъ умирающему слѣдующую записку Государя: «Если Богъ не приведётъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ прощенье и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки.» «Скажите Государю», произнёсъ тогда Александръ Сергѣевичъ, «что жалѣю о потери жизни потому, что не могу изъявить ему моей благодарности: что я былъ бы весь его.» Послали за священникомъ. Пушкинъ исповѣдался и причастился. Передъ самой кончиной, Пушкинъ нѣсколько оживился; лицо прояснилось, глаза быстро открылись и онъ сказалъ: «кончена жизнь! тяжело дышать! давитъ!» — и величайшаго русскаго поэта не стало. Смерть послѣдовала въ ¾ третьяго пополудни 29-го января 1837 года.

«На другой день», говоритъ В. А. Жуковскій, «мы, друзья его, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, къ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно, болѣе 10,000 человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ-будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора.»

Во время отпѣванія, вся площадь противъ церкви была полна народомъ, такъ-какъ сама церковь не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ проститься съ покойнымъ поэтомъ — славой Россіи. Прощаясь послѣднимъ цалованіемъ, Жуковскій, крѣпко обнявъ бездыханный трупъ своего друга, приподнялъ его изъ гроба и долго прижималъ къ груди, держа его въ своихъ объятіяхъ.

Тѣло Пушкина, согласно волѣ покойнаго, было перевезено въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ 4-хъ верстахъ отъ Михайловскаго, и погребено тамъ, 5-го февраля того же года, передъ жертвенникомъ, на внѣшней сторонѣ старинной церкви монастыря. Надъ могилой поэта возвышается памятникъ изъ бѣлаго мрамора, съ надписью: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ».

«Россія», говоритъ Жуковскій, «лишилась въ нёмъ (Пушкинѣ) своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предаётся болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ-быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертью не оторвалось что-то родное отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ нёмъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ — славѣ Екатерины и Карамзинъ — славѣ Александра.»

I.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился —
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами лёгкими, какъ сонъ,
Моихъ зеницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зеницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ —
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полётъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лóзы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замёршія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечёмъ
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнёмъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ —
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

II.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ —
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

«Прости!» онъ рёкъ: «тебя я видѣлъ —
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не всё я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не всё я въ мірѣ презиралъ!»

III.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
А алчную землю поила дождемъ.

Довольно! сокройся! пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

IV.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моёмъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушонные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживлёнъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

V.

СТАНСЫ.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слёзъ нежданныхъ —
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнёмъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ —
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

VI.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ:
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

VII.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: «въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.»

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцалуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!

VIII.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межь юношей безумныхъ —
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдёмъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужь близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживётъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть — тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межь нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлётъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ всё бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

IX.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орёлъ, съ отдалённой поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады;
Подъ ними утёсовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зелёныя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужь и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ весёлымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьётся о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утёсы голодной волной.
Вотще — нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

X.

АНЧАРЪ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мёртвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдётъ, лишь вихорь чорный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлѣтворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ —
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принёсъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями.

Принёсъ — и ослабѣлъ, и лёгъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки —
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

XI.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростётъ народная тропа;
Вознёсся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживётъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обь мнѣ пройдётъ по всей Руси великой
И назовётъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:

И гордый внукъ славянъ, и финъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

XII.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ сёла и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрёкъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь пò полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ тёмнаго лѣсу навстрѣчу ему
Идётъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

«Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Чтó сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмёшь ты коня.»

— «Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твоё;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы;
Подъ грозной бронёй ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему — ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый —
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай — ужь не ступитъ нога
Въ твоё позлащённое стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня —

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конёмъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ весёломъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана:
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ», промолвилъ Олегъ:
«Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? всё также ль легóкъ его бѣгъ?
Всё тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: «на холмѣ крутомъ
Давно ужь почилъ непробуднымъ онъ сномъ.»

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ — ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твоё предсказанье —

Мой конь и до нынѣ носилъ бы меня!»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости —
И видятъ: на холмѣ у брега Днѣпра
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалёкой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мёртвой главы гробовая змѣя
Шипя, между-тѣмъ выползала;
Какъ чорная лента вкругъ ногъ обвилась —
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

XIII.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.»
— «Врите, врите, бѣсенята!»
Заворчалъ на нихъ отецъ:
«Охъ, ужь эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

«Судъ наѣдетъ — отвѣчай-ка!
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь.
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужь поплетусь.
Гдѣ жь мертвецъ?» — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ-дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мёртвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ —
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за́ ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ —
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мёртвый межь волнами
Плылъ, качаясь какъ живой.
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошолъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да, смотрите, не болтайте,
А не-то поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка.
Ужь лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ — вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

— «Кто тамъ?» — «Эй, впусти, хозяинъ!»
— «Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занёсъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою;
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Всё въ нёмъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ

И въ распухнувшее тѣло
Раки чорные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Проворчалъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ нёмъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ —
И до утра всё стучались
Подъ окномъ и у воротъ

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужь съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ —
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

XIV.

ИЗЪ ПОЭМЫ «РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА».

У лукоморья дубъ зелёный,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днёмъ и ночью котъ учоный
Всё ходитъ пò цѣпи кругомъ;
Идётъ на право — пѣснь заводитъ,
На лѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стои́тъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой —
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несётъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою ягой
Идётъ-бредётъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ —
Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и мёдъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зелёный,
Подъ нимъ сидѣлъ — и котъ учоный
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту.

XV.

ИЗЪ ПОЭМЫ «БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ».

1.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Всё было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, йдутъ вонъ.
Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.
Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь ли вновь идётъ войною,
Несётъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли местію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?
Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой:
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.
Уже ль въ его гаремъ измѣна
Стезёй преступною вошла
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?
Нѣтъ, жоны робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной,

Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стёклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день
И мѣдленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жоны, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ лёгкими роями.
Межь ними ходитъ злой евнухъ —
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведёнъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слёзъ упрёкъ нѣмой
Не властны надъ его душой:
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

2.

Опустошивъ огнёмъ войны
Кавказу близкія страны
И сёла мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ — крестомъ осѣнена —
Магометанская луна:
Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.
Есть надпись: ѣдкими годами
Ещё не сгладилась она;
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали —
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ Слёзъ именовали.

XVI.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ».

1.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колёсами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни жонъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да кóней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно всё; луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

2.

«Межь нами есть одно преданье:
Царёмъ когда-то сосланъ былъ

Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудрёное прозванье.
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его;
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мёрзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали —
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ, изсохшій, блѣдный.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье;
Онъ ждалъ: придётъ ли избавленье,
И всё несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слёзы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости
И смертью чуждой сей земли
Не успокоенные гости.»

XVII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПОЛТАВА».

1.

Горитъ востокъ зарёю новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Клубами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ,
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твёрдостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужь начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдаётся пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знамёнъ —
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлёнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Пётръ. Его глаза
Сіяютъ; ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза,
Идётъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужь близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло «ура»:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсъ, и Бауеръ, и Рѣпнинъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами

Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущённый взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскалённымъ,
Стѣной живою отражённымъ,
Надъ павшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ —
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

2.

«Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣснённой злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царёмъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны́ виномъ кипѣли чаши;
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ:
Смутились гости молодые;
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить тебѣ я клятву далъ:
Носилъ её, какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранитъ онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тёрнъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.»

XVIII.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ».

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ. И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твёрдой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ.»
Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознёсся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживлённымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелёными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,

Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады —
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой!
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знамёнъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій лёдъ,
Нева къ морямъ его несётъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣждённая стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

XIX.

ИЗЪ РОМАНА «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ».

1.

Театръ ужь полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла — всё кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ —
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ совьётъ, то разовьётъ
И быстрой ножкой ножку бьётъ.

Всё хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ;
Идётъ межъ креселъ по ногамъ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинувъ взоромъ,
Всё видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну:
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.»

Ещё амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Ещё усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Ещё не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Ещё снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Ещё прозябнувъ бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней,
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони,
А ужь Онѣгинъ вышелъ вонъ:
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединённый кабинетъ,

Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Всё, чѣмъ для прихоти обильной,
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Всё что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной —
Всё украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ
И — чувствъ изнѣженныхъ отрада —
Духи въ гранёномъ хрусталѣ;
Гребёнки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя
И щётки тридцати родовъ,
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо — замѣчу мимоходомъ —
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ?
Защитникъ вольности и правъ
Въ сёмъ случаѣ совсѣмъ не правъ.

2.

Вотъ пистолеты ужь блеснули;
Гремитъ о шомполъ молотокъ;
Въ гранёный стволъ уходятъ пули
И щолкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется; зубчатый,
Надёжно ввинченный кремень
Взведёнъ ещё. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развёлъ по крайній слѣдъ —
И каждый взялъ свой пистолетъ.

«Теперь сходитесь!» Хладнокровно,
Ещё не цѣля, два врага
Походкой твёрдой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ ещё ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ. Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ —

На грудь кладётъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зовётъ его — напрасно:
Его ужь нѣтъ! Младой пѣвецъ
Нашолъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ:
Потухъ огонь на алтарѣ.

Недвижимъ онъ лежалъ — и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ сёмъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Всё въ нёмъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно;
Закрыты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ!
А гдѣ? Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: «это я!»
Ещё пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;

Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ!

Что жь, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жь? убитъ!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ! Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содраганьемъ
Отходитъ и людей зовётъ.
Зарѣцкій бережно кладётъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везётъ онъ страшный кладъ.
Почуя мёртваго, хранятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила —
И полетѣли какъ стрѣла.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ ещё для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ —
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

Быть-можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождёнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть-можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть-можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ времёнъ,
Благословленія племёнъ.

XX.

ИЗЪ ДРАМЫ «БОРИСЪ ГОДУНОВЪ».

1.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

Отецъ Пименъ *и* Григорій *спящій.*

Пименъ *(пишетъ предъ лампадой).*

Ещё одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдётъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ —
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за тёмныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною.
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно.
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Ещё одно, послѣднее сказанье. *(Пишетъ.)*

Григорій *(пробуждаясь).*

Всё тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ! А всё передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.

Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведётъ; и часто
Я часто угадать хотѣлъ, о чёмъ онъ пишетъ:
О тёмномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Всё тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Григорій.

Благослови меня,
Честнóй отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь и присно и во вѣки!

Григорій.

Ты всё писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось —
И, падая стремглавъ, я пробуждался.
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудо ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ.
Смиряй себя молитвой и постомъ —
И сны твои видѣній лёгкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ, если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ.

Григорій.

Какъ весело провёлъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапéзой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привёлъ.
Подумай сынъ ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжолъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ —
Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужь и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ — здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межь нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами вёлъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьи:
«Отцы мои, желанный день прійдётъ —
Предстану здѣсь алкающій спасенья.
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Прійду я къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припавши.»
Такъ говорилъ державный государь —
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ; а мы, въ слезахъ, молились:
Да ниспошлётъ Господь любовь и миръ

Его душѣ страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя —
И Русь при нёмъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо.
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ —
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ.
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царёмъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился — палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.

2.

Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Самозванецъ *и* Марина.

Марина.

Димитрій! Вы?

Самозванецъ.

Волшебный, сладкій голосъ!
Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина.

Часы бѣгутъ — и дорого мнѣ время.
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слышать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой — и бурной, и невѣрной —
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья,
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній лёгкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя.

Самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина, зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать всё тò, чѣмъ сердце полно!

Марина.

Не время, князь. Ты медлишь — и межь-тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ òтъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужь носятся сомнительные слухи,
Ужь новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры.

Самозванецъ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно моё блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ! Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... Чтó безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

Марина.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святого назначенья!
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣнённому моею красотой —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасённому судьбой.

Самозванецъ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина, ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... О, страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,

Не сей, давно забытый міромъ отрокъ,
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій ты — и быть инымъ не можешь!
Другого мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, полно!
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей!
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! Скажу
Всю истину. Такъ знай же, твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ.
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный чернорізецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курѐни;
Владѣть конёмъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался —
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жь ты молчишь?

МАРИНА.

О, стыдъ! о, горе мнѣ!

XXI.

ИЗЪ ДРАМЫ «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ».

Комната, ужинъ у ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила её! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью:
Слова лились, какъ-будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.
Да и теперь глаза твои блестятъ
И щоки разгорѣлись — не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безплодно! Спой, Лаура,
Спой что-нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

(Поетъ.)

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ;
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая —
Тише! чу! гитары звонъ.
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ;
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ;
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

ВСѢ.

О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія. Взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ!
А ты — ты дура.

Лаура.

Ты съ ума сошолъ!
Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ.

Донъ-Карлосъ *(встаетъ).*

Зови же ихъ!

Первый.

Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

Лаура.

Что? Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его родного брата? Правда, жаль,
Что не его.

Донъ-Карлосъ.

Я глупъ, что осердился.

Лаура.

Ага! самъ сознаёшься, что ты глупъ —
Такъ помиримся.

Донъ-Карлосъ.

Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно.

Лаура.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

Первый.

Ну, въ знакъ что ты совсѣмъ ужь не сердита,
Лаура, спой ещё.

Лаура.

Да, на прощанье.
Пора — ужь ночь. Но что же я спою?
А! слушайте. *(Поетъ.)*

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ.

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащомъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? — гитарой
Тебя разбужу!
Проснётся ли старый —
Мечомъ уложу.

Шелко́выя петли
Къ окошку привѣсь!
Что жь медлишь? Ужь нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ.

Всѣ.

Прелестно, безподобно!

Лаура.

Прощайте жь, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса.)

Лаура.

Ты, бѣшеный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Донъ-Карлосъ.

Счастливецъ!
Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.)

Очень?

Лаура.

Очень.

Донъ-Карлосъ.

И любишь и теперь?

Лаура.

Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

Донъ-Карлосъ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

Лаура.

Осьмнадцать лѣтъ.

Донъ-Карлосъ.

Ты молода — и будешь молода
Ещё лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Ещё лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдётъ, когда твои глаза
Впадутъ и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнётъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что́ скажешь ты?

Лаура.

Тогда... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Прійди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ тёплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и тёмной,
И сторожа кричатъ протяжно, ясно.
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
Быть-можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идётъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
Ну! то-то жъ!

Донъ-Карлосъ.

Милый демонъ!

XXII.

ИЗЪ ДРАМЫ «СКУПОЙ РЫЦАРЬ».

Баронъ.

Какъ молодой повѣса ждётъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! Могу сегодня я
Въ шестой сундукъ — въ сундукъ ещё неполный —
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища ростутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу —
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознёсъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на всё, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу:
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
Вползётъ окровавлённое злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ всё послушно, я же — ни чему.
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья. *(Смотритъ на свое золото.)*
Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слёзъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный. Вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его; но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя
Шолъ дождь — и пересталъ, и вновь пошолъ:
Притворщица не трогалась. Я могъ бы
Её прогнать; но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принёсъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ-быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да, если бы всѣ слёзы, кровь и потъ,
Пролитые за всё, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(Хочетъ отперетъ сундукъ.)
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ — о нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честно́й булатъ; но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство.
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что́ чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.
(Отпираетъ сундукъ). Вотъ моё блаженство!
(Всыпаетъ деньги.)
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка!
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,

И всё ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ всѣ сундуки.)
Я царствую! Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую! Но кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ — онъ сойдётъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопрётъ —
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьётъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это всё досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжолыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Всё это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце — совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мёртвыхъ высылаютъ!
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, чтó кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! О, если бъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!

БАРОНЪ А. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, потомокъ древней ливонской фамиліи, переселившейся въ Остзейскій край въ концѣ XV вѣка и возведённой въ баронское достоинство въ 1723 году, родился 6-го августа 1798 года въ Москвѣ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности, Дельвигъ отличался весьма живымъ воображеніемъ, чтó, впрочемъ, не мѣшало ему быть вялымъ и лѣнивымъ до послѣдней степени. Всѣ эти характеристическія особенности, не исключая послѣдней, усвоенныя нашимъ будущимъ поэтомъ подъ сѣнью родительскаго крова, были перенесены имъ и подъ кровъ Царскосельскаго лицея, куда онъ вступилъ 12-го августа 1811 года, въ одинъ день съ великимъ Пушкинымъ, и гдѣ окончилъ курсъ предпослѣднимъ, изъ тридцати воспитанниковъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1817 года. Но лѣность и отвращеніе къ наукамъ, выказанныя имъ весьма наглядно при изученіи исторіи, математики и языковъ, вознаграждались отчасти страстною любовью къ поэзіи, пробудившейся въ нёмъ очень рано. «Онъ зналъ», по словамъ Пушкина, «почти наизустъ собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался; Клопштока, Шиллера и Гельта прочёлъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучалъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго.»

Первымъ стихотвореніемъ барона Дельвига, появившимся въ печати, была ода: «На взятіе Парижа», напечатанная въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы» на 1814 годъ, то-есть когда поэту-лицеисту было всего пятнадцать лѣтъ отъ роду. За одой послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, напечатанныхъ въ томъ же «Вѣстникѣ Европы», въ томъ числѣ пьеса — «Къ Діону». Примѣръ Дельвига увлёкъ и Пушкина, съ которымъ нашъ молодой поэтъ подружился съ перваго дня поступленія своего въ Лицей и остался вѣренъ этой дружбѣ до конца жизни. Стихотвореніе, отданное Пушкинымъ въ «Вѣстникъ Европы» и напечатанное въ нёмъ въ исходѣ 1814 года, есть — посланіе «Къ другу-стихотворцу», которое потому и можетъ быть названо первымъ печатнымъ произведеніемъ великаго Пушкина, такъ-какъ стихотвореніе «Къ сестрѣ», написанное раньше, попало въ печать только въ 1855 году, при изданіи г-мъ Анненковымъ «Сочиненій Пушкина». Затѣмъ оба друга явились усердными сотрудниками журнала «Россійскій Музеумъ», въ которомъ Дельвигъ помѣстилъ, въ 1815 году, цѣлыхъ восемь стихотвореній и прозаическую статью: «Письмо къ издателю Музеума». Читая первыя стихотворенія Дельвига, нельзя не замѣтить, что Горацій имѣлъ сильное вліяніе на его музу. Только начиная съ 1817 года, когда онъ

написалъ свою прощальную пѣсню, пропѣтую его товарищами въ день выпуска изъ Лицея, самобытный талантъ Дельвига сталъ быстро развиваться.

По выпускѣ изъ Лицея, Дельвигъ былъ опредѣлёнъ на службу въ департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ по 700 руб. асс. въ годъ. Прослуживъ здѣсь около четырёхъ лѣтъ, Дельвигъ, всё это время весьма мало занимавшійся службою, и посвящавшій большую часть своего времени литературѣ, рѣшился, наконецъ, распроститься съ гостепріимнымъ департаментомъ, чтобы занять ещё болѣе покойное мѣсто въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ ему было предложено мѣсто помощника библіотекаря. Служба въ библіотекѣ, директоромъ которой въ то время былъ извѣстный Оленинъ, а помощникомъ С. С. Уваровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенья), сблизили Дельвига съ служившими въ то время въ этомъ учрежденіи И. А. Крыловымъ, Н. И. Гнѣдичемъ, А. Х. Востоковымъ и другими. Но и здѣсь Дельвигъ не оказалъ особенной ревности къ службѣ, только изрѣдка посвящая своё время сокровищамъ, ввѣреннымъ его завѣдыванью. Оставивъ службу въ департаментѣ, Дельвигъ съ новой ревностью предался литературнымъ занятіямъ — и вскорѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній украсилъ страницы многихъ изъ тогдашнихъ журналовъ и альманаховъ. Такъ, въ «Новостяхъ Литературы» на 1822 и 1823 года̀, журналѣ, издававшемся Воейковымъ и В. Козловымъ, были напечатаны слѣдующія пьесы: «Сегодня я съ вами пирую, друзья!» «Одинокъ мѣсяцъ плылъ, зыбляся въ туманѣ», «Когда, душа, просилась ты», «Вчера вакхическихъ друзей», «Только узналъ я тебя», «Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ» и «Къ выпущенной птичкѣ»; въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности»: «Мой домикъ», «Сонетъ Н. М. Языкову» и «Къ Софьѣ», а въ «Полярной Звѣздѣ», альманахѣ Бестужева и Рылѣева, на 1824 годъ: «Ахъ, ты ночь ли...», «На смерть * * *», «Вдохновенье» и «Роза ль ты роза». Всѣ исчисленныя стихотворенія отличаются жизнью и блескомъ и свидѣтельствуютъ о томъ огромномъ шагѣ впередъ, который сдѣлалъ Дельвигъ въ послѣднее время своей поэтической дѣятельности, что̀ подтверждаетъ и слѣдующее мѣсто изъ письма Пушкина, отъ 30-го января 1823 года: «Дельвигъ! Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами. Благословляю и поздравляю тебя: добился ты, наконецъ, до точности языка — единственной вещи, которой тебѣ не доставало.» Около этого времени Дельвигъ сошолся съ Баратынскимъ, Плетнёвымъ и Языковымъ, дружескія отношенія къ которымъ онъ поддерживалъ до самой смерти и почтилъ каждаго изъ нихъ дружескимъ посланіемъ. Къ этому литературно-дружескому союзу кромѣ упомянутыхъ выше — Пушкина, Гнѣдича и Крылова — слѣдуетъ причислить Илличевскаго, Воейкова, Ѳ. Глинку и А. Измайлова, постоянныхъ посѣтителей четверговъ Дельвига. Лучшимъ доказательствомъ истинно-дружескихъ отношеній между членами этого союза можетъ служить издававшійся Дельвигомъ, въ продолженіи семи лѣтъ (съ 1825 по 1832 годъ), альманахъ «Сѣверные Цвѣты», наполнявшійся почти исключительно произведеніями членовъ этого кружка̀, состоявшаго изъ его друзей и лицейскихъ товарищей. Первая книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1825 годъ, составленная изъ произведеній Пушкина, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича, Козлова, Баратынскаго, Воейкова, Глинки, Измайлова, князя Вяземскаго, Плетнёва и другихъ, встрѣтила самый блистательный пріёмъ со стороны публики и критики, за исключеніемъ нѣкоторыхъ журналовъ, отнёсшихся къ ней весьма не дружелюбно, что̀, впрочемъ, послужило только къ большему распространенію книги въ публикѣ. Самъ Дельвигъ помѣстилъ въ этой книжкѣ пять стихотвореній: три русскія пѣсни: «На яву и въ сладкомъ снѣ», «Скучно, дѣвушки, весною жить одной» и «Пѣла, пѣла пташечка», романсъ — «Друзья, друзья, я Несторъ между вами» и идиллію — «Купальщицы». Слѣдующія шесть книжекъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» были выпущены Дельвигомъ въ 1826 — 1831 годахъ; что же касается послѣдней, восьмой, книжки альманаха, то она была издана Пушкинымъ, уже послѣ смерти Дельвига, въ 1832 году, въ пользу его семейства. Во всѣхъ восьми книжкахъ было напечатано тридцать-три пьесы Дельвига, въ томъ числѣ: «Н. И. Гнѣдичу», «Луна», «Соловей мой, соловей», «Двѣ звѣздочки», «Диѳирамбъ», «Друзья», «Геній хранитель», «На смерть Веневитинова», «Смерть», «Сонъ», «Грусть», «Слёзы любви», «Удѣлъ поэта», «Отставной солдатъ», «Къ Морфею» и «Къ русскому флоту».

31-го іюля 1825 года Дельвигъ снова поступилъ на службу чиновникомъ для особыхъ порученій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а спустя три мѣсяца женился на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой, послѣ чего у него сталъ собираться по средамъ и воскресеньямъ чуть не весь литературный міръ Петербурга. Въ 1828 году Дельвигъ задумалъ издавать, при помощи своихъ литературныхъ

друзей, новый журналъ, подъ названіемъ «Литературная Газета»; но нашолъ возможнымъ осуществить свою мысль только въ началѣ 1830 года. Сначала дѣло шло очень хорошо: газета имѣла успѣхъ и подписчиковъ; но съ наступленіемъ 1831 года обстоятельства перемѣнились — вслѣдствіе внезапной болѣзни и столкновенія съ цензурою, Дельвигъ долженъ былъ на третьемъ нумерѣ отказаться отъ редакціи и передать её Сомову. Затѣмъ, къ болѣзни присоединилась простуда — и поэтъ скончался 14-го января 1831 года въ Петербургѣ, на 33 году жизни, то-есть въ такую пору, когда отъ него ещё можно было ожидать многаго. Тѣло поэта, омочённое слезами друзей, было погребено на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ оно и покоится нынѣ подъ скромнымъ памятникомъ.

Какъ поэтъ, Дельвигъ стоитъ не высоко, занимая скромное мѣсто среди второстепенныхъ нашихъ поэтовъ; но какъ другъ Пушкина, имѣвшій свою долю вліянія на величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, какъ журнальный дѣятель и центръ, около котораго группировались современные ему поэты, Дельвигъ навсегда сохранитъ почётное мѣсто въ исторіи русской литературы. «Несмотря на нѣкоторую степень самостоятельности», говоритъ В. П. Гаевскій, «едва замѣтной возлѣ геніальной натуры Пушкина, Дельвигъ прежде всего обязанъ вліянію великаго поэта и своими недозрѣлыми порывами вдохновенья, и своею нежданною извѣстностью. Немеркнущая слава Пушкина, сохранившая много имёнъ отъ забвенія, ярче всѣхъ озарила нашего поэта. Съ именемъ Дельвига неразлучны самыя дорогія литературныя воспоминанія.» Приговоръ вполнѣ справедливый.

Лучшая біографія Дельвига написана В. П. Гаевскимъ и напечатана въ «Современникѣ» на 1853 и 1854 года, къ которой мы и совѣтуемъ обратиться каждому, кто желаетъ познакомиться со всѣми подробностями жизни талантливаго поэта. «Стихотворенія барона Дельвига» были изданы всего два раза: въ первый разъ — самимъ авторомъ, въ 1829 году, въ Петербургѣ, а во второй — Смирдинымъ, въ его «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», въ одномъ томѣ съ сочиненіями Нелединскаго - Мелецкаго. Послѣднее изданіе, сдѣланное крайне - небрежно, изобилуетъ множествомъ значительныхъ невѣрностей, и, не смотря на свой титулъ *полнаю*, въ нёмъ не досчитывается цѣлой трети самыхъ извѣстныхъ стихотвореній Дельвига, какъ это указано въ статьѣ г. Гаевскаго.

I.

РОМАНСЪ.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть - можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая,
«Стыдись», восклицали, «мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая!»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли —
Я съ ними; но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали — я часто въ слезахъ
Былъ чорной повязкой украшенъ;
Брань стихла: гдѣ жь други? лежатъ на поляхъ
Близь ими разрушенныхъ башенъ.

Съ-тѣхъ-поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ всё мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

II.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

Ахъ, ты, ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты, ночь ли
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Всё темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною,
Мóлодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!

Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
Нá сердце —
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Пóлночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою.
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься —
И, безродный
Мóлодецъ,
На постелю
Жосткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

2.

Пѣла, пѣла пташечка —
И затихла.
Знало сердце радости —
И забыло.
Чтò, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чорнымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили мóлодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы мóлодцу
Въ лѣсъ дремучій!
Нá морѣ валы шумятъ,
А не вьюги:
Въ лѣсѣ — звѣри лютые,
Да не люди!

3.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей,
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночьку пропоёшь?
Кто-то — бѣдная, какъ я —
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужіе берега!
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:
Не найти тебѣ нигдѣ
Горемычнѣе меня.
У меня ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у младой
Жаръ-колечко на рукѣ,
У меня ли у младой
Въ сердцѣ миленькій дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимнюю ночку на рукѣ
Распаялося кольцо —
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милóй.

III.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ
Какъ мученикъ съ землёю разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье
И ядъ во всёмъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужь прочиталъ своё предназначенье.

И прѐзрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19-го февраля 1800 года, въ помѣстьи своего отца, генералъ-лейтенанта А. А. Баратынскаго, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда въ селѣ Вяжлѣ. На десятомъ году молодой Евгеній лишился отца и первоначальное воспитаніе получилъ дома, при матери. Первымъ дядькой его былъ итальянецъ Боргесъ — тотъ самый, къ которому относится посланіе «Къ дядькѣ-итальянцу», написанное поэтомъ за двѣ недѣли до своей кончины, въ Неаполѣ. Пятнадцати лѣтъ Баратынскій былъ отданъ въ одинъ изъ Петербургскихъ пансіоновъ, изъ котораго перешолъ въ Пажескій корпусъ. Около 1815

года, онъ былъ исключёнъ изъ Корпуса, вмѣстѣ съ другимъ пажомъ, за шалость, о которой сохранилось его признаніе въ письмѣ къ Жуковскому, впослѣдствіи ходатайствовавшему за него. Въ 1818 году, онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ лейбъ-егерскій полкъ, въ 1820 — произведёнъ въ унтеръ-офицеры, съ переводомъ въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій тогда въ Кюмени. Въ Финляндіи, суровая природа которой наложила на него свою печать и имѣла свою долю вліянія на его поэтическое творчество, что̀ ясно отразилось на первыхъ его стихотвореніяхъ (напримѣръ — «Финляндія»), а ещё болѣе на первой поэмѣ его «Эда», посвящённой описаніямъ природы Финляндіи и нравовъ и обычаевъ ея обитателей, провёлъ онъ около шести лѣтъ. Въ 1825 году Баратынскій былъ произведёнъ въ офицеры и вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ черезъ годъ женился на дочери генерала Энгельгардта, Настасьѣ Львовнѣ. Ещё въ 1819 году, въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ познакомился и подружился съ Дельвигомъ, Плетнёвымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Теперь, по переѣздѣ на жительство въ Москву, онъ сошолся съ княземъ Вяземскимъ, жившимъ въ то время напротивъ его квартиры, и Д. В. Давыдовымъ, также жившимъ тогда въ Москвѣ. Проживая то въ столицѣ, то въ своей Подмосковной, сельцѣ Мурановѣ, и отдаваясь поочередно то поэзіи, то хозяйству, онъ издалъ въ 1827 году первое собраніе своихъ стихотвореній, затѣмъ, въ 1835 — второе, а въ 1842 — добавленіе къ нимъ, подъ заглавіемъ: «Сумерки». Въ 1843 году Евгеній Абрамовичъ, рѣшившись, наконецъ, осуществить давнишнее своё желаніе, ознакомиться съ Европою, предпринялъ путешествіе заграницу. Проживъ всю зиму въ Парижѣ, онъ весною 1844 года отправился черезъ Марсель въ Неаполь, по прибытіи въ кототый умеръ скоропостижно 29-го іюня того же года. Тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невскомъ монастырѣ, близь гробницъ Гнѣдича и Крылова. Современники цѣнили очень высоко поэтическое дарованіе Баратынскаго, называя его одною изъ звѣздъ плеяды Пушкина. Многіе находили, что произведенія его не уступаютъ въ достоинствѣ геніальнымъ созданіямъ нашего великаго поэта, а нѣкоторые даже предпочитали его «Цыганку» поэмамъ Пушкина. Конечно, въ настоящее время ни критика, ни публика уже далёко не такого высокаго мнѣнія о стихахъ Баратынскаго, тѣмъ не менѣе въ двухъ томахъ его стихотвореній есть нѣсколько истинно-прекрасныхъ произведеній, которыя никогда не умрутъ въ исторіи русской литературы. Третье и послѣднее изданіе «Сочиненій Е. А. Баратынскаго» издано семействомъ покойнаго поэта въ Москвѣ, въ 1869 году, и есть единственное полное собраніе его сочиненій. «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Баратынскаго» напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» (1864, стр. 1103 — 1119).

I.

ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его — поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ, да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ всё вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
Тамъ необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошолъ тяжолыми стопами,
Сошолъ — и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ.
Ужь поздно: день погасъ; но ясенъ неба сводъ;
На скалы финскія безъ мрака ночь нисходитъ,
И только-что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ.
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдалённыхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвящённыхъ!

Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ скальда гласъ;
Воспламенённый дубъ угасъ;
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики —
И всё вокругъ меня въ глубокой тишинѣ.
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывёте въ облакахъ туманною толпой?
Вы ль? дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.

Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтренное племя?
О, всё своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ — законъ уничтоженья,
Во всёмъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья.

Но я — въ безвѣстности для жизни жизнь любя —
Я беззаботливой душою
Вострепещу ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью.
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племёнъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, не внимаемый, довольно награждёнъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

II.

РОДИНА.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы,
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ:
Свободный, наконецъ, отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтряныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ подъ кровлею родимой.
О, домъ отеческій! о, край всегда любимой!
Родныя небеса! незвучный голосъ мой
Въ стихахъ задумчивыхъ васъ пѣлъ въ странѣ чужой!
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ!
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ — надъ бездною возсѣвъ —
И бури грозной свистъ и волнъ мятежный ревъ:
Такъ, небо не моля о почестяхъ и злагѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой;
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча; полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой;
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пестунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые —
Ты поведёшь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена!
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжолымъ заступомъ явлюся въ огородѣ:
Приду съ тобой садить деревья и цвѣты.
О, подвигъ благостный, не тщетенъ будешь ты!
Богиня пажитей признательнѣй Фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ — и мнѣ за лёгкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеёкъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединённый,
И липу свѣжую, и тополь осребрённый;
Въ тѣни ихъ отдохнётъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой
И, вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
И мирный заступъ мой, и мирную цѣвницу.

III.

ВЕСНА.

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ,
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! Какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,

Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи;
Взревѣвъ, рѣка несётъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею лёдъ.

Ещё древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ, и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И, въ яркой вышинѣ
Незримый, жавронокъ поётъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что̀ съ моей душой?
Съ ручьёмъ она ручей
И съ птичкой птичка: съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней.

Зачѣмъ такъ радуютъ её
И солнце, и весна?
Ликуетъ ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на нёмъ
Забвенье мысли пьётъ,
Кого далёко отъ неё
Онъ дивный унесётъ!

IV.

РИМЪ.

Ты былъ ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.

За что̀ утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что̀, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?

Тебѣ ли измѣнилъ побѣды мощный геній?
Ты ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорищѣ племёнъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому ещё грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

V.

ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Всё счастьемъ бѣденъ я!
Или во-вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли;
Не узнаю я свѣтъ:
Надеждъ своихъ лишонъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

«Безуменъ ты и всѣ твои желанья!»
Мнѣ тайный голосъ рекъ —
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на-вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живётъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой:
Вдругъ истину — то не было мечтаньемъ —
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!»
Вѣщала: «Захочу —
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ-быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.»

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «О, гостья неземная,
Печаленъ твой привѣтъ!

«Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ — увы — могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ!

«Нѣтъ, я не твой: въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду!
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

«Прости! иль нѣтъ: когда моё свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнётъ блѣднѣть и всё, что сердцу мило,
Забыть придётся мнѣ —

«Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!»

VII.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала — и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ,
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ всё земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ — наслѣдье червей.

Погасъ; но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На всё отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашолъ ей предѣлъ.

Всё духъ въ нёмъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья,
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждётъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Всё дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному лёгкой душой возлетитъ —
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Николай Михайловичъ Языковъ, извѣстный русскій поэтъ, родился 4-го марта 1803 года въ Симбирскѣ. Затѣмъ, на двѣнадцатомъ году, онъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ Горный корпусъ, въ которомъ пробылъ шесть лѣтъ безъ всякой пользы, такъ-какъ ему не далась математика, и онъ, волей-неволей, долженъ былъ оставить заведеніе, не окончивъ курса наукъ. Проживъ въ Петербургѣ цѣлый годъ безъ дѣла, посвящая всё время сочиненію плохихъ стиховъ, онъ только въ половинѣ 1822 года рѣшился снова приняться за книги, и то благодаря совѣтамъ А. Ѳ. Воейкова, замѣтившаго въ нёмъ зародышъ таланта. Заведеніе, на которое палъ выборъ Языкова, руководимый совѣтами Воейкова, былъ Дерптскій университетъ, арена прежней профессорской дѣятельности автора «Сумасшедшаго Дома». Снабжонный рекомендательными письмами Александра Ѳёдоровича, Языковъ, послѣ нѣкотораго колебанья, оставилъ, наконецъ, въ концѣ 1822 года Петербургъ и, по прибытіи въ древній русскій Юрьевъ, воспѣтый имъ впослѣдствіи, сталъ посѣщать университетскія лекціи. Здѣсь, среди товарищей-земляковъ, во множествѣ стекавшихся искать образованія въ Дерптскомъ университетѣ, сталъ созрѣвать и крѣпнуть талантъ Языкова, незамедлившій обратить на себя вниманіе свѣтилъ русской поэзіи — Жуковскаго и Пушкина — изъ которыхъ первый обласкалъ и ободрилъ его къ дальнѣйшей дѣятельности, въ бытность свою въ Дерптѣ лѣтомъ 1823 года, а второй — написалъ ему посланіе, начинающееся такъ:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межь собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.
Родня другъ другу по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ!

и оканчивающееся приглашеніемъ молодого поэта пріѣхать въ псковскую его деревню Михайловское,

лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тригорскаго, мѣстопребыванія его товарища Вульфа. Языковъ поспѣшилъ исполнить дружеское желаніе великаго поэта — и провёлъ у него всё лѣто 1826 года.

Первыми напечатанными стихотвореніями Языкова считаются: «Посланіе къ А. Н. Очкину», «Къ А. М. Языкову» и «Моя родина», появившіяся въ «Новостяхъ Литературы» на 1822 годъ. Если взять въ соображеніе, что стихотворенія эти написаны осьмнадцатилѣтнимъ юношей, то нельзя не подивиться тому раннему развитію въ нёмъ эстетическаго чувства, которымъ запечатлѣно каждое изъ трёхъ пьесъ. Что же касается гладкости и звучности стиха, то они, по истинѣ, изумительны. Въ талантѣ Языкова, между прочимъ, замѣчательно тó, что произведенія его ранней молодости, съ 1823 по 1826 годъ, обнимающія дерптскій періодъ, гораздо лучше произведеній всей его послѣдующей поэтической дѣятельности, хотя и въ ней найдётся нѣсколько стихотвореній вполнѣ прекрасныхъ. Надо думать, что причину этого страннаго явленія слѣдуетъ искать въ самомъ направленіи таланта Языкова. Въ первую молодость онъ воспѣвалъ вино, женщинъ, дружбу, лѣнь и изрѣдка родину — и это воспѣваніе было ему какъ-разъ по плечу. Съ наступленіемъ болѣе зрѣлаго возраста большинство предметовъ, волновавшихъ молодую кровь, должны были отойти по-крайней-мѣрѣ на второй планъ и замѣниться предметами нѣсколько болѣе серьёзными, чтó оказалось, вслѣдствіе слабой учебной подготовки, не совсѣмъ для него лёгкимъ. Вотъ два прелестныхъ стихотворенія, вполнѣ характеризующія первый періодъ поэтической дѣятельности Языкова — серьёзное и шуточное:

1.

Когда умру, смиренно совершите
По мнѣ обрядъ печальный и святой;
Но мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишите
И мрамора не ставьте надо мной!
Но здѣсь, друзья, гдѣ нынѣ сходка наша
Бесѣдуетъ, разгульна и вольна,
Гдѣ веселà, какъ праздничная чаша,
Душа кипитъ, студенчески-шумна,
Во славу мнѣ вы чашу круговую
Наполните живительнымъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную
И пьянствуйте о имени моёмъ.
Всё тлѣнъ и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видитъ міръ туманными глазами
И любитъ жизнь за пѣсни и вино!

2.

Разгульна, свѣтла и любовна
Душа веселится моя:
Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея!
Какъ розы денницы живыя,
Какъ ранніе снѣги полей —
Ланиты ея молодыя
И дѣвственный бархатъ грудей.
Какъ звѣзды задумчивой ночи,
Какъ вешняя пѣснь соловья —
Ея восхитительны очи
И сладостенъ голосъ ея.
Блаженъ, кто, роскошно мечтая,
Зовётъ её дѣвой своей!
Блаженнѣй избранниковъ рая
Студентъ, полюбившійся ей!

Возвратившись въ Дерптъ, Языковъ написалъ извѣстное своё стихотвореніе «Тригорское», посвящённое воспоминаніямъ о пріятно-проведённомъ лѣтѣ въ имѣніи г-жи Осиповой и Михайловскомъ Пушкина, въ которомъ между-прочимъ, находится слѣдующее обращеніе къ Пушкину:

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дёрнѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ.

Вообще, если произведенія Языкова, дерптскаго періода, не столько отличались богатствомъ мысли, сколько красотою формы — за-то эта форма была вполнѣ прекрасна, чего нельзя сказать о позднѣйшихъ его произведеніяхъ, особенно о періодѣ 1832—1838 годовъ, когда вся его поэтическая дѣятельность ограничивалась посланіями, преимущественно къ разнымъ дамамъ, никому неизвѣстнымъ, и сочиненіемъ скучнѣйшихъ сказокъ «О пастухѣ и дикомъ вепрѣ» и «О жаръ птицѣ», написанныхъ тяжолыми александрійскими стихами, которые вовсе не свойственны его таланту, привыкшему къ самымъ лёгкимъ размѣрамъ. Впрочемъ, Языковъ самъ сознавалъ всю пустоту своей жизни въ Дерптѣ, съ ея пирушками, волокитствомъ и не-

ясными стремленіями къ чему-то, и выразилъ свой взглядъ на проведённое имъ время въ Дерптѣ въ слѣдующихъ стихахъ, обращённыхъ къ роднпѣ, куда онъ собирался отправиться въ половинѣ 1829 года, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ этомъ университетскомъ городѣ, который онъ оставилъ всё-таки студентомъ *бездипломнымъ*, какъ не выдержавшій окончательнаго экзамена.

Тамъ, вольной родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой
И гордо брошу свой лавровый
Виномъ забрызганный вѣнецъ.

Поселившись въ Москвѣ, онъ прожилъ въ ней безвыѣздно до 1832 года. Первопрестольная столица приголубила молодого поэта, уже гремѣвшаго своими разгульными стихотвореніями, дружнаго съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и Дельвигомъ, цвѣтущаго красотою и здоровьемъ, и имѣвшаго независимое состояніе — и съ восторгомъ повторяла всё имъ написанное. Въ концѣ 1831 года онъ поступилъ-было на службу въ Межевую Канцелярію, но, спустя два года, вышелъ въ отставку, находя, что служба стѣсняетъ его и лишаетъ возможности предаваться всей душой любимому своему занятію — литературѣ. Къ этому времени принадлежатъ лучшія его стихотворенія: «Поэту», «Пожаръ» и «Весенняя ночь». Въ 1831 году Языковъ почувствовалъ первые припадки той болѣзни, которая впослѣдствіи свела его въ могилу. Начиная съ 1833 года, онъ сталъ серьёзно лечиться, для чего переселился въ деревню, гдѣ прожилъ около восьми лѣтъ, только изрѣдка наѣзжая въ Москву для совѣта съ докторами. Въ это время Языковъ писалъ мало и, кромѣ «Посланія къ Давыдову», не произвёлъ ничего, сколько-нибудь достойнаго его таланта. Начиная съ 1837 года, болѣзнь Языкова стала замѣтно усиливаться, такъ-что въ 1838 году онъ принуждёнъ былъ отправиться заграницу; но ни купанья въ Ниццѣ, ни искусство нѣмецкихъ докторовъ, ни воздухъ Рима — нисколько не помогли ему, и онъ возвратился въ Москву такимъ же больнымъ, какимъ оставилъ её пять лѣтъ тому назадъ. Но и заграницей на долю больного поэта выпадали такіе счастливые дни, когда болѣзнь уступала искусству врачей и цѣлебному дѣйствію водъ: тогда изнывавшій въ тоскѣ по родинѣ поэтъ принимался снова за перо — и стихи снова звучно и плавно ложились на бумагу. Въ одинъ изъ подобныхъ промежутковъ, послѣдовавшій въ 1840 году въ Ниццѣ, написалъ онъ своё знаменитое стихотвореніе «Къ Рейну», въ которомъ встрѣчаются подобные стихи:

Я волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
Принёсъ я. Слышалъ ты о ней?
Великъ, прекрасенъ ты; но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй
И глубже — быстрая, и шире — голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда подымется погодка верховая
И бѣлый валъ заговоритъ.
По царству и рѣка! Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простёршей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ и горъ, и доловъ многоплодныхъ
До тёмныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей.

Къ этому же времени принадлежитъ и нѣсколько элегій, изъ которыхъ въ одной высказаось весьма ясно его горькое сомнѣніе въ возможности поправить своё здоровье, при помощи заграничнаго леченія:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой чорный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождёмъ.

По возвращеніи въ Москву, въ августѣ 1843 года Языковъ сталъ лечиться у профессора Иноземцева, своего университетскаго товарища. Благодаря искусству знаменитаго московскаго врача, онъ скоро поправился на столько, что могъ снова приняться за перо. На этотъ разъ муза его, подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, которое сдѣлалось господствующимъ чувствомъ его наболѣвшаго сердца въ послѣдніе годы его болѣзни, приняла совершенно новое направленіе, результатомъ котораго было появленіе такихъ превосходныхъ стихотвореній, какъ «Землетрясеніе», «Сампсонъ» и другія, высказавшія всю силу его таланта и, вмѣстѣ съ тѣмъ бывшія его лебединою пѣснью. Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился; къ застарѣлой болѣзни присоединилась горячка — и онъ скончался 26-го декабря того же года, на 41-мъ году жизни. Тѣло его, сопровождаемое родными,

друзьями и почитателями покойнаго поэта, было перенесено въ Даниловъ монастырь — и тамъ похоронено, между могилами Венелина и Валуева.

Стихотворенія Языкова имѣютъ четыре изданія: первые три были выпущены при жизни автора, а четвёртое — послѣ его смерти Перевлевскимъ. Вотъ они: 1) Стихотворенія Н. Языкова Спб. 1833. 2) Изъ стихотвореній Н. М. Языкова. М. 1844. 3) Новыя стихотворенія Н. Языкова. М. 1845. 4) Стихотворенія Н. М. Языкова. При нихъ приложены его портретъ, fac simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и всё написанное о нёмъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Двѣ части. Спб. 1858.

Стихотворенія Языкова были въ своё время предметомъ самаго оживлённаго спора между его хвалителями и порицателями. Большинство критическихъ статей о Языковѣ, какъ поэтѣ, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, не исключая и статьи Бѣлинскаго, помѣщённой въ 1-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1845 годъ, отличаются самымъ крайнимъ задоромъ. Какъ хвалители, такъ и порицатели выказали слишкомъ много усердія, чтó и было главной причиной несостоятельности ихъ рецензій, чтò вскорѣ стало ясно всякому мало-мальски понимающему дѣло. Въ настоящее время, когда истекла уже цѣлая четверть столѣтія послѣ смерти поэта, слѣдуетъ относиться къ его произведеніямъ съ бóльшимъ безпристрастіемъ и справедливостью, чѣмъ это было сдѣлано при жизни автора; поэтому мы заключимъ нашъ обзоръ поэтической дѣятельности Языкова отзывомъ о нёмъ его издателя и біографа, покойнаго профессора Перевлевскаго, отличающимся сравнительно бóльшимъ безпристрастіемъ, чѣмъ всѣ остальные біографіи и рецензіи его сочиненій. Вотъ этотъ отзывъ:

«*Что же* и *какъ* пѣлъ Языковъ въ своихъ лирическихъ пѣсняхъ? На эти вопросы, думаемъ, всего лучше отвѣчать его же собственными словами. Языковъ самъ называлъ себя *голосистымъ пѣвцомъ пировъ, хмѣля, прелести суетъ, пѣвцомъ вина, дружбы, прохладъ и шалостей любви нескромной:* дѣйствительно, больше всего и чаще всего онъ воспѣвалъ счастливыми стихами харитъ, вино, дружбу и покой. Стало-быть, поэзія юности была вдохновительницею его пѣсенъ, была главнымъ мотивомъ его стихотвореній; такой строй лиры слышится особенно въ пьесахъ дерптскаго періода жизни поэта. Отсюда понятно, почему между его стихотвореніями въ такомъ обиліи встрѣчаются пѣсни анакреонтическія и дружественныя посланія. Но сколько бойкости, живости, силы и разгула блещетъ въ его стихотвореніяхъ анакреонтическихъ! Какою теплотой, искренностью проникнуты его посланія и какъ часто въ нихъ, кромѣ своихъ личныхъ отношеній къ друзьямъ, поэтъ умѣетъ высказать намъ многое, чтó составляетъ не уединённый, исключительный интересъ кружкà, но интересъ общій, важный для всѣхъ и каждаго! Но этою ли одною сферою ограничивалась поэтическая дѣятельность Языкова? Конечно, нѣтъ! Съ переселенія изъ Дерпта въ Москву, во время его странствій по цѣлебнымъ водамъ, въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи. И эти патріотическія и религіозныя пѣснопѣнія ближе знакомятъ насъ со всею силой могучаго таланта Языкова, и невольно заставляютъ грустить о его ранней смерти. Какимъ могучимъ словомъ поэтъ дѣлился въ нихъ своими священными думами! Къ сожалѣнію, количество стихотвореній въ этомъ родѣ слишкомъ незначительно; они составляютъ самую малую ихъ часть: оттого въ глазахъ цѣнителей много проигрываетъ поэтическая дѣятельность Языкова, по преимуществу сосредоточенная въ пьесахъ анакреонтическихъ и дружескихъ посланіяхъ. Ограничиваясь такою неширокою областью, поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своёмъ содержаніи: это — ея существенный недостатокъ. За-то внѣшняя сторона ея — стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Чтó бы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія — разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое событіе или священную былину — Языковъ вездѣ является чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова.»

I.

ГЕНІЙ.

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ —
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея:

Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она.

Такъ геній радостно трепещетъ,
Своё величье познаётъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полётъ:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ —
И міру новыя свѣтила
Дѣла избранника небесъ.

II.

КЪ МУЗѢ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій миръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава.
И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли,
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда — торжественно-мирна —
Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идётъ
И смотрится въ лазури водъ.

III.

МОЛИТВА.

Молю Святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени!

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

IV.

ВОДОПАДЪ.

Море блеска, гулъ, удары —
И земля потрясена:
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

Вонъ пловецъ! Его отъ брега
Быстриною унесло:
Въ синій сумракъ водобѣга
Упираетъ онъ весло.
Тщетно! бурную стремнину
Онъ не силенъ оттолкнуть;
Далеко его въ пучину
Броситъ каменная круть.

Мирно гибели послушный,
Убралъ онъ своё весло,
Онъ потупилъ равнодушно
Безнадежное чело;
Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ —
И къ пучинѣ волнъ и скалъ
Роковымъ своимъ потокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары —
И земля потрясена:
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

V.

ВЕЧЕРЪ.

Прохладенъ воздухъ былъ, въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; тёмные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ, и щёлкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,

Влюблённый юноша и дѣва мододая
Бродили вдоль рѣки. Казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щёлкалъ соловей.

VI.

ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты своё предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь,
Когда тебѣ на подвигъ всё готово,
Въ чёмъ на землѣ небесный явенъ даръ —
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово —

Иди ты въ міръ: да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока
И не проси и не бери наградъ —
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орёлъ!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ —
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтёшь — и будетъ вѣкъ свѣтло
Твоё открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ —
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ — и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ.

VII.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаётъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блёстки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая
Рыбакъ взываетъ и поётъ —
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривлённыхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубравахъ мракъ и тишина,
Небесъ далёкая равнина
Сіянья мирнаго полна,
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ весёлымъ словомъ
Своихъ товарищей труды:
Или — путёмъ дугообразнымъ —
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснётъ,
Огнёмъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленьи пропадётъ.

VIII.

ЛИВОНІЯ.

Не встанешь ты изъ вѣкового праха,
Ты не блеснёшь подъ знаменемъ креста,
Тяжолый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой

Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
Не всё, не всё у славы отняла —
И чорныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла:
Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь,
Гдѣ торжество не вѣдало пощады
И грозную разгорячало месть,
Несмѣлый внукъ ливонца удалого
Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ —
И нѣтъ въ груди волненія живого,
И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ.

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
Въ душѣ его такая-ль тишина,
Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественный отрады,
Онъ зритъ въ мечтахъ минувшие вѣка;
Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды —
И падаетъ къ струнамъ его рука.

IX.

ИЗЪ «ПѢСНИ БАЛТІЙСКИМЪ ВОДАМЪ».

Пою васъ, балтійскія воды: вы краше
    Другихъ величайшихъ морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
    Свободнѣе, чище, свѣтлѣй;
На нёмъ не крутятся огромныя льдины,
    Въ щепы разбивая суда;
На нёмъ не блуждаютъ холмы и долины
    И горы полярнаго льда.
Въ нёмъ нѣтъ плотоядныхъ и лютыхъ чудовищъ
    И мерзостныхъ гадовъ морскихъ;
Но много прелестныхъ и милыхъ сокровищъ,
    Приволъ янтарей золотыхъ
И рыбы вкуснѣйшей. Балтійскія воды!
    На вольной лазури своей
Носили вы часто въ старинные годы
    Станицы нормандскихъ ладей;
Слыхали вы пѣсни побѣдныя скальда
    И буйные крики войны,
И пѣсню любви удалого Гаральда,
    Пѣвца непреклонной княжны.
Носили вы древне и грузы богатства
    На Русь изъ Нѣмецкой Земли,
Когда — сограждане ганзейскаго братства —
    И Псковъ и Новгородъ цвѣли.
И нынѣ вы носите грозные флоты:
    Не рѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
    Столицы, созданной Петромъ.

X.

КЪ НЯНѢ А. С. ПУШКИНА.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ и сей градъ профессоровъ и скуки—
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сражонъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены,
Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
Когда чрезъ длинный рядъ полей подъ зноемъ лѣта
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
Какъ сладостно твоё святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный —
И лёгкіе часы летѣли беззаботно.

XI.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ —
И геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,

И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И всё поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ —
И гулъ, и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: «Святъ, святъ, святъ!»
И пѣсню ту принёсъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ.
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла —
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины —
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены!

П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

Пётръ Александровичъ Плетнёвъ родился 10-го августа 1792 года, въ одинъ годъ съ княземъ Вяземскимъ, Милоновымъ, Раичемъ, Катенинымъ и Панаевымъ. Воспитывался онъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1814 году, былъ назначенъ учителемъ въ Екатерининскій институтъ. Прослуживъ восемнадцать лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, Плетнёвъ былъ приглашонъ, въ 1832 году, министерствомъ народнаго просвѣщенія занять каѳедру словесности въ Петербургскомъ университетѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, а въ 1840 году утверждёнъ ректоромъ того же университета. Эту послѣднюю должность Плетнёвъ занималъ въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, то-есть до 30-го ноября 1861 года, когда тяжолая болѣзнь заставила его просить объ увольненіи отъ должности и объ отпускѣ за границу, гдѣ онъ надѣялся получить исцѣленіе отъ поразившаго его недуга.

На литературное поприще вступилъ онъ около 1818 года, напечатавъ нѣсколько стихотвореній и критическихъ статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, что вскорѣ сблизило его съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, занимавшими въ то время первыя мѣста въ литературѣ и обществѣ. Принадлежа къ молодому поколѣнію писателей, онъ сохранялъ однако, связь съ прошедшимъ и сдѣлался такимъ образомъ связующимъ звеномъ между настоящею и другою, исполненною интереса, эпохою; и тѣ изъ молодыхъ писателей, которые дорожили ея преданіями, не безполезно обращались къ нему для пополненія своихъ познаній о прошедшемъ. Какъ ревностный членъ Вольнаго Общества Любителей Словесности и сотрудникъ «Соревнователя Просвѣщенія», Плетнёвъ вскорѣ сблизился съ новыми литературными дѣятелями: Рылѣевымъ, Бестужевымъ и другими; съ Дельвигомъ же и Баратынскимъ свёлъ тѣсную дружбу, которая повела къ сближенію его съ Пушкинымъ. Впослѣдствіи дружба Плетнёва съ великимъ поэтомъ, какъ равно съ Дельвигомъ и Баратынскимъ, укрѣпилась ещё болѣе, когда они узнали другъ друга короче и обмѣнялись посланіями, исполненными самой искренней привязанности другъ къ другу. Нужно было обладать особенными достоинствами, чтобы въ такой степени, какъ Плетнёвъ, пріобрѣсти уваженіе и довѣріе лучшихъ писателей того времени. Чтобы показать всю важность значенія Плетнёва въ средѣ его знаменитыхъ друзей, достаточно сказать, что Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, а впослѣдствіи Жуковскій и Гоголь, весьма часто отдавали на судъ Плетнёва новыя свои произведенія и охотно выслушивали его замѣчанія. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ привлекательномъ видѣ изображаетъ Пушкинъ личность Плетнёва въ своёмъ посвященіи ему «Евгенія Онѣгина»:

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,

Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Пріими собранье пёстрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, лёгкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

«Это — живой портретъ Плетнева, съ его, можно сказать, младенческою простотой души, чуткою ко всѣмъ очарованіямъ поэзіи», говоритъ Лонгиновъ, цитируя вышеприведённыя строки въ своёмъ некрологѣ Плетнёва. Сравнительно со своими друзьями Плетнёвъ писалъ немного, особенно стихами. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ его стихотвореній отличаются красотами, весьма рѣдкими въ произведеніяхъ второстепенныхъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ. Всѣ поэтическія произведенія Плетнёва, относящіяся къ началу его литературной дѣятельности, за исключеніемъ оды «Честь», напечатанной отдѣльной книжкой въ 1820 году, разсѣяны по разнымъ журналамъ и альманахамъ и никогда собраны не были. По смерти Пушкина, въ началѣ 1837 года, Плетнёвъ, совмѣстно съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, княземъ Одоевскимъ и А. А. Краевскимъ, принялъ на себя редакцію «Современника», и исполнялъ эту обязанность до наступленія 1838 года, когда изданіе, не дававшее никакого дохода наслѣдникамъ Пушкина, передано было въ полное владѣніе Плетнёва. Сдѣлавшись единственнымъ обладателемъ журнала, онъ усердно принялся за редактуру — и статьи его стали наполнять страницы «Современника». Въ это время Плетнёвъ уже не писалъ стиховъ, предавшись исключительно учонымъ занятіямъ и критикѣ. Въ теченіе своего девятилѣтняго редакторства, онъ помѣстилъ въ журналѣ около пятидесяти большихъ статей, изъ которыхъ многія, какъ, напримѣръ, «Путешествіе по Россіи государя наслѣдника цесаревича», «О литературныхъ утратахъ», «Праздникъ въ честь Крылова», «Перемѣщеніе университета въ Санкпетербургѣ», «А. С. Пушкинъ», «Путешествіе В. А. Жуковскаго по Россіи» и другія отличаются живымъ современнымъ интересомъ. Какъ критикъ, Плетнёвъ составлялъ полное исключеніе въ средѣ своихъ тогдашнихъ товарищей по ремеслу, ведшихъ отчаянную борьбу между собою. Во всё продолженіе своей критической дѣятельности, Плетнёвъ ни разу не ввязался въ происходившее вокругъ его отчаянное ратоборство, доходившее иногда до забвенія всѣхъ приличій. Преданный весь дѣлу, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного литературнаго произведенія, носившаго хотя бы и слабый отпечатокъ дарованія, и давалъ у себя пріютъ всякому дѣльному и безпристрастному мнѣнію. Его приговоры новымъ книгамъ бывали, по бо̀льшей части, кратки, но существенны, и никогда не удалялись отъ строгихъ литературныхъ приличій.

Болѣзнь, заставившая Плетнёва просить объ увольненіи его отъ должности ректора, оказалась весьма серьёзною. Петербургскіе медики объявили супругѣ Петра Александровича, что единственнымъ средствомъ продлить жизнь больного — есть переселеніе его въ болѣе тёплый климатъ. Тогда Плетнёвы переселились въ Парижъ. Знаменитый тамошній докторъ Нелатонъ, узнавъ больного и его семейство, привязался къ нему всей душой и сдѣлался для ихъ дома болѣе чѣмъ врачомъ — другомъ и утѣшителемъ. «Онъ не могъ надивиться», говоритъ Я. К. Гротъ въ своёмъ некрологѣ Плетнёва, «силѣ духа и самоотверженія русской женщины, которая, несмотря на физическую слабость, съ такою твёрдостью переносила свой крестъ; не зная утомленія, денно и нощно ходила за страдальцемъ, сама очищала и перевязывала его рану, слѣдствіе костоѣда, и такимъ образомъ оказывала ему помощь, требовавшую руки опытной и мужественной.» Но, несмотря на всё искусство Нелатона, вскрывшаго грудь больного и произведшаго внутри замѣчательную операцію, сопровождаемую выламываніемъ наросшихъ косточекъ и продлившую жизнь Плетнёва на цѣлые два года, смерть уже стояла у изголовья — и 29-го декабря 1865 года Плетнёва не стало. Тѣло его было перевезёно въ Россію и похоронено на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

«По чистотѣ своего характера и нравственному достоинству», говоритъ г. Гротъ, «Плетнёвъ принадлежалъ къ разряду рѣдкихъ явленій, о чёмъ, конечно засвидѣтельствуетъ множество людей. Болѣе двадцати лѣтъ онъ былъ ректоромъ Петербургскаго университета и ровностью своего обращенія, безпристрастіемъ, благороднымъ и примирительнымъ образомъ дѣйствій умѣлъ снискать общее уваженіе и довѣріе. Съ особеннымъ сочувствіемъ и благодушіемъ относился онъ къ молодёжи: всякій могъ быть увѣренъ, что, обратясь къ нему, найдётъ не только

дружескій пріёмъ, но совѣтъ и поддержку, и многіе, признательно помня оказанное имъ вниманіе, навсегда сохранили сношенія съ его домомъ. Литературный талантъ, тонкій эстетическій вкусъ и критическій тактъ, уже около 1820 года, ввели его въ кругъ лучшихъ тогдашнихъ писателей и доставили ему впослѣдствіи почётное порученіе — преподавать русскую словесность нынѣ царствующему Государю Императору и августѣйшимъ сёстрамъ Его Величества. Какъ писатель, Плетнёвъ заслужилъ особенное уваженіе своими критическими и біографическими статьями, которыя всегда останутся образцомъ глубокаго художественнаго пониманія, душевной теплоты и прекраснаго языка.»

Пётръ Александровичъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Васильевнѣ Щетининой, и оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій въ настоящее время занимаетъ мѣсто секретаря при Директорѣ департамента неокладныхъ сборовъ, а младшій — студентъ Петербургскаго университета.

I.

А. С. ПУШКИНУ.

Я не сержусь на ѣдкій твой упрёкъ:
На нёмъ печать твоей открытой силы —
И, можетъ-быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство — прочь! На поприщѣ моёмъ
Я не свершилъ достойное поэта;
Но мысль моя божественнымъ огнёмъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій:
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.
Не вырвешь вдругъ изъ сердца вонъ заботъ,
Снѣдающихъ бездѣйственные годы;
Не упредёшь судьбы могучей ходъ
И до поры не обоймёшь свободы.
На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадёжныхъ:
Я прохожу уныло жизни степь
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ.
Такъ выростетъ случайно дикій цвѣтъ
Подъ сумракомъ безсолнечной дубровы
И, теплотой отрадной не согрѣтъ,
Не распустясь, свой листъ роняетъ новый.
Минётъ ли срокъ изнеможенью силъ?
Минётъ ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?
Съ какимъ бы я усиліемъ вступилъ
На путь трудовъ, для сердца вѣчно милыхъ.
Всю жизнь мою я имъ бы отдалъ въ даръ;
Я обнялъ бы мелькнувшія мнѣ тѣни,
Ихъ оживилъ, въ нихъ пролилъ бы мой жаръ
И кончилъ дни средь чистыхъ наслажденій.
Но жизни цѣпь — ты хладно скажешь мнѣ —
Презрительна для гордаго поэта:
Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ;
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я бъ думалъ такъ: но пренеси меня
Въ тотъ край, гдѣ всё живётъ одушевленьемъ,
Гдѣ мыслію, исполненной огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ;
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести;
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть
И даръ одинъ идётъ дорогой чести.
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ изъ оковъ для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.
Ещё бы я въ душѣ безчуственъ былъ
Къ ничтожному невѣжества презрѣнью,
Когда бъ вполнѣ съ друзьями музъ дѣлилъ
И жребій мой и жажду къ пѣснопѣнью.
Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья.
Межь-тѣмъ, какъ вслѣдъ за днёмъ проходитъ день,
Мой трудъ на нихъ слѣдовъ не налагаетъ —
И медленно съ ступени на ступень
Въ безсиліе мой даръ переступаетъ.
Невольникъ думъ, невольникъ гордыхъ музъ
И страстію объятый неразлучной,
Я бъ утомилъ взыскательный ихъ вкусъ
Бесѣдою довѣрчивости скучной.
Къ кому придти отъ жизни отдохнуть,
Оправиться среди дороги зыбкой,
Безъ робости вокругъ себя взглянуть
И передать съ надёжною улыбкой
Простую пѣснь, первоначальный звукъ
Младой души, согрѣтой первымъ чувствомъ,
И по струнамъ движенье робкихъ рукъ,
Не правимыхъ довѣрчивымъ искусствомъ?
Кому сказать: «искусства въ общій кругъ
Какъ братьевъ насъ на-вѣкъ соединили;

Другъ съ другомъ мы и трудъ свой, и досугъ,
И жребій нашъ съ любовію дѣлили:
Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ;
Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано:
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ.»
Напрасно жду. Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть-можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокой.

II.

НОЧЬ.

Задумчивая ночь, смѣнивъ мятежный день,
На всё набросила таинственную тѣнь.
Какъ опустѣлая, забвенная громада,
Весь городъ предо мной. Съ высотъ надъ нимъ лампада
Безъ блеска, безъ лучей унылая виситъ
И только для небесъ недремлющихъ горитъ.
Ихъ безпредѣльныя, лазурныя равнины
Во тьмѣ освѣщены. Люблю твои картины,
Мерцанье звѣздъ твоихъ, поэзіи страна,
Когда въ полночный часъ межъ нихъ стоитъ луна.
Съ какою жаждою, насытивъ ими очи,
Впиваю въ душу я покой священной ночи!
Весь міръ души моей, созданіе мечты,
Исполненъ въ этотъ мигъ небесной красоты.
Туда въ забвеніи несусь, покинувъ землю,
И здѣсь я не живу, не вижу и не внемлю.

—

В. И. ТУМАНСКІЙ.

Василій Ивановичъ Туманскій, потомокъ стариннаго малороссійскаго дворянскаго рода, родился 28-го февраля 1802 года, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда, въ селѣ Чарторигахъ, въ усадьбѣ своего дѣда, бывшаго генеральнаго писаря Василія Григорьевича Туманскаго. Вскорѣ по его рожденіи, родители его переѣхали на жительство въ село Апапасовку, Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, гдѣ маленькій Туманскій и провёлъ всё своё дѣтство, подъ крыломъ своей матери, женщины до безконечности доброй. Затѣмъ, на тринадцатомъ году, Туманскій былъ опредѣлёнъ въ Харьковскую гимназію, а по смерти матери, послѣдовавшей 14-го августа 1814 года, былъ перемѣщёнъ въ Петербургъ, въ Петропавловское училище (Peter Schule). По успѣшномъ окончаніи полнаго курса наукъ въ этомъ послѣднемъ заведеніи, Василій Ивановичъ отправился, для довершенія своего образованія, въ Парижъ и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ College de France, въ которомъ прослушалъ полный курсъ Кузена, Араго и другихъ извѣстныхъ профессоровъ того времени. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности, склонность къ которой почувствовалъ очень рано. Выбранный въ члены Вольнаго Общества Россійской Словесности, онъ познакомился съ Крыловымъ, Измайловымъ, Рылѣевымъ, Александромъ и Николаемъ Бестужевыми и другими извѣстными литераторами того времени, съ которыми потомъ состоялъ до конца ихъ жизни въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ 1823 году Туманскій поступилъ на службу въ канцелярію графа М. С. Воронцова, бывшаго въ то время генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго Края, вслѣдствіе чего долженъ былъ переѣхать на жительство въ Одессу. Въ 1824 году, въ одну изъ поѣздокъ своихъ по службѣ въ Бессарабію, онъ познакомился и сошолся очень близко съ великимъ Пушкинымъ, съ которымъ съ-тѣхъ-поръ состоялъ постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, какъ это видно изъ уцѣлѣвшихъ писемъ къ нему великаго поэта, хранящихся въ семействѣ Туманскихъ, и который посвятилъ ему слѣдующую строфу въ своёмъ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»:

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на неё взиралъ.
Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошолъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ.
Всё хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ:
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

Въ 1828 году Туманскій былъ назначенъ состоять при предсѣдателѣ дивановъ Молдавіи и Валахіи, графѣ Паленѣ, по дипломатической части, при которомъ и находился до начатія переговоровъ о мірѣ въ Адріанополѣ, когда былъ вызванъ графомъ Дибичемъ, вмѣстѣ съ барономъ Бруновымъ, для участія въ редакціонныхъ трудахъ Адрі-

нопольскаго мирнаго трактата. Затѣмъ, по заключеніи мира, Туманскій состоялъ при графѣ Киселёвѣ, управлявшемъ въ то время дѣлами Княжествъ и числился по азіатскому департаменту министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1836 году онъ получилъ мѣсто секретаря при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, а въ 1840 году оставилъ вовсе дипломатическую часть и перешолъ на службу въ Государственный Совѣтъ, гдѣ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря. Въ Государственномъ Совѣтѣ оставался онъ до 1850 года, когда, вслѣдствіе разныхъ непріятностей между нимъ и государственнымъ секретарёмъ Бахтинымъ, онъ нашолъ за лучшее выдти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, гдѣ и предался весь устройству дѣлъ своихъ племянниковъ, Сатиныхъ, и ихъ воспитанію.

Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Туманскаго была элегія: «Поле Бородинскаго сраженія», помѣщённая въ 50 № «Сына Отечества» на 1817 годъ, съ примѣчаніемъ редактора, что это: «первый опытъ шестнадцатилѣтняго поэта». Какъ ни слабъ былъ этотъ первый опытъ начинающаго поэта, тѣмъ не менѣе онъ обратилъ на себя вниманіе многихъ, благодаря гладкому стиху и, главное, отмѣткѣ, что автору 16-ть лѣтъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ прибавить, что оно мало въ чёмъ уступало другимъ стихотвореніямъ, появившимся съ нимъ рядомъ на страницахъ той же книжки «Сына Отечества» и принадлежавшимъ поэтамъ уже пріобрѣвшимъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ. За этимъ первымъ опытомъ, на страницахъ того же «Сына Отечества» и «Благонамѣреннаго» за 1818 и 1819 года, появляется цѣлый рядъ стихотвореній Туманскаго, такихъ же слабыхъ, какъ и первое. Затѣмъ, на цѣлые два года, муза молодого поэта смолкаетъ и только въ 1822 году стихотворенія его начинаютъ снова появляться на страницахъ благодушнаго «Благонамѣреннаго», издавашагося въ то время благодушнѣйшимъ изъ баснописцевъ — Измайловымъ. Начиная съ 1823 года, произведенія Василія Ивановича дѣлаются достояніемъ почти всѣхъ журналовъ того времени, что, впрочемъ, увеличивая ихъ количество, не улучшало ихъ качества. Только, начиная съ 1825 года, муза Туманскаго начинаетъ возвышать тонъ своей плохо-настроенной лиры и изъ подъ пера молодого поэта начинаютъ выходить болѣе обдуманныя произведенія, изъ которыхъ нѣкоторыя обращаютъ на себя вниманіе знатоковъ и даже заслуживаютъ похвалы Пушкина, цѣнителя весьма строгаго. Укажемъ на лучшія изъ нихъ: «Элегія» и «Постоянство» — въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ, «Греція» и «Манценилъ» — въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» (1825, ч. 31), «Болѣзнь» — въ «Новостяхъ Литературы» (1825, январь) и «Моя любовь» — въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 годъ. Послѣднее стихотвореніе, независимо отъ своего внутренняго достоинства, замѣчательно ещё тѣмъ, что было два раза перепечатано съ именемъ А. С. Пушкина, сначала въ альманахѣ «Весенніе Цвѣты» на 1835 годъ и потомъ въ 3-й книжкѣ «Современника» на 1856 годъ, съ примѣчаніемъ, что «этой драгоцѣнной находкой русская публика обязана Г. Н. Эдельсону», впрочемъ, недоразумѣніе было вскорѣ разъяснено въ 58 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того же года, въ статьѣ «Литературная замѣтка». Стихотвореніе это помѣщено въ нашемъ изданіи. Изъ стихотвореній Туманскаго послѣдующихъ годовъ можно указать, какъ на лучшія, на слѣдующія: «Поэзія», «Пѣснь любви», «Памяти Веневитинова» «Элегія» («Московскій Вѣстникъ», 1827, ч. 3 и 4), «Пѣсня», «Къ лунѣ» («Славянинъ» 1828, ч. 7), «Стансы», «Сѣтованіе» («Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. 8), «Мысль о югѣ», «Судьба» («Сѣверные цвѣты» на 1830 годъ), «Элегія», «Имя милое Россіи», «Мысль о Сѣверѣ», «Звено», «Стансы» («Современникъ», 1837, т. 7 и 8), «Отрады недуга», «Люди и судьба» («Отечественныя Записки» 1839, №№1 и 3), «Дѣва», «Поэтъ», «Неаполь — прощай» и «Жалоба» («Утренняя Заря» на 1839 и 1840 годы).

Послѣдніе годы жизни, по оставленіи службы, Туманскій мирно провёлъ въ родовомъ своёмъ имѣніи, въ селѣ Апанасовкѣ. Вскорѣ по выходѣ въ отставку, онъ прослужилъ одно трёхлѣтіе почётнымъ попечителемъ Полтавской гимназіи, которая много обязана ему улучшеніемъ своей библіотеки и физическаго кабинета. Послѣ тяжкой болѣзни, перенесённой имъ въ 1858 году, онъ уже не считалъ себя въ силахъ нести какую-нибудь общественную обязанность; но когда единодушнымъ избраніемъ дворянства былъ призванъ занять мѣсто члена комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, онъ не отказался исполнить общаго желанія. Туманскій согласился на это избраніе ещё потому, что въ годы, проведённые имъ въ сельской тишинѣ, онъ постоянно обдумывалъ и любилъ бесѣдовать о необходимости измѣненія отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами, задерживавшихъ матеріальное и нравственное развитіе огромной массы населенія. Въ комитетѣ объ

улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей его, вслѣдствіе чего былъ избранъ первымъ членомъ редакціонной коммиссіи. Наконецъ самый «Проэктъ положенія объ улучшеніи быта крестьянъ Полтавской губерніи» обязанъ исключительно ему ясностью и сжатостью своего изложенія. По окончаніи занятій комитета, Василій Ивановичъ былъ избранъ единогласно депутатомъ въ Петербургъ, для представленія «Проекта положенія»; но, по слабости своего здоровья, онъ принуждёнъ былъ отказаться отъ этого лестнаго для него выбора, и остался въ своей деревнѣ, гдѣ и скончался 23-го марта 1860 года.

Туманскій писалъ не много и того менѣе печаталъ, но послѣднія его поэтическія произведенія обличаютъ въ нёмъ несомнѣнный талантъ, что̀ признавалъ и Пушкинъ, строгій цѣнитель. По желанію императора Николая Павловича, составлена была имъ исторія Государственнаго Совѣта; но это любопытное сочиненіе, къ сожалѣнію, не было напечатано.

I.

ЗВЕНО.

Былыхъ страстей, былыхъ желаній
Пересмотрѣлъ я старину;
Всю цѣпь моихъ воспоминаній
Я подобралъ звено къ звену.

Какою яркою печатью
Сверкаетъ каждое звено!
Но чувства тихой благодатью
Меня проникло лишь одно.

Ахъ, то звено поры прекрасной,
Поры надеждъ и чистоты,
Поры задумчивости ясной
И цѣломудренной мечты!

И я изъ цѣпи разноцвѣтной
Исторгнулъ милое звено,
Чтобъ въ грустный часъ, какъ лучъ завѣтный,
Оно свѣтило мнѣ одно.

II.

МЫСЛЬ О ЮГѢ.

Я взлелѣянъ югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной думой,
Словно цѣпью, я прикованъ.

Посмотри: тамъ волны моря
Бьются, плещутъ, голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молодыя!

Посмотри: тамъ пирамиды —
Тополь въ виноградныхъ лозахъ!
Вкругъ фонтана вьются розы
И балконъ алѣетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ чудо-очи,
Чудо-очи съ долгимъ взоромъ,
Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
Что-жь ты дашь мнѣ въ утѣшенье?

III.

МЫСЛЬ О СѢВЕРѢ.

Морозная ночь, полнолунная ночь!
Блескъ неба и снѣга вокругъ!
«Пѣвецъ! простодушныхъ друзей не морочь:
А югъ твой, а пѣсни про югъ?»
Мой демонъ, молчи! вѣщихъ струнъ не порочь:
Мысль сердца, какъ птица, вольна.
Морозная ночь, полнолунная ночь!
Какъ весело: снѣгъ и луна!

Любуйся: ужь дымъ не ложится на долъ,
Надъ кровлей не вьётся вѣнцомъ:
Онъ бѣлъ и легокъ; какъ пророка глаголъ,
Онъ къ небу восходитъ столбомъ.
Любуйся: вдоль улицъ въ рѣшотчатый сводъ
Не льётся ручей дождевой;
Тамъ, словно сребро, до боярскихъ воротъ
Разостланъ ковёръ снѣговой.

На воздухъ, на воздухъ! Изъ хатъ, изъ палатъ
Дѣтей своихъ кличетъ морозъ.
Вотъ онъ, нашъ кормилецъ! какъ щоки горятъ —
Весеннихъ румянѣе розъ!
Какая отвага и удаль въ очахъ!
Льдяная нагайка въ рукѣ —
И прянулъ онъ въ сани, и мчится въ саняхъ
На бурномъ гнѣдомъ рысакѣ.

О, родина, въ снѣжныхъ сугробахъ играй
На зло полуночной судьбѣ!
Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край;
Народъ твой съ природой въ борьбѣ:
Но крѣпость и волю даруетъ борьба,
Но духъ возвышаетъ она.
Морозная ночь, полнолунная ночь,
Ты силъ богатырскихъ полна!

IV.

МОЯ ЛЮБОВЬ.

За днями дни бѣгутъ толпой,
Слѣдовъ ихъ сердце не находитъ;
Но, другъ безцѣнный, образъ твой
Понынѣ властвуетъ душой
И съ памяти моей не сходитъ.

Я посѣщалъ прекрасный край:
Тамъ ухо ропотъ моря слышетъ,
Беззнойно долго свѣтитъ май
И человѣку тихій рай
Въ тѣни оливъ и лавровъ дышетъ.

Тамъ, нѣжась въ лѣни и мечтахъ,
Въ часъ лунныхъ сладостныхъ тумановъ,
Какъ-будто видишь на горахъ —
Вокругъ мечетей, на гробахъ —
Блуждающія тѣни хановъ:

Тамъ жоны, тайно, сквозь покровъ,
Назвавъ себя, лукавымъ взглядомъ
Манятъ счастливыхъ пришлецовъ
На мягкій одръ, на пухъ ковровъ —
Въ гаремъ, увитый виноградомъ.

Но въ той странѣ, на брегѣ томъ,
Къ инымъ занятіямъ остылый,
Безъ цѣли, странствуя кругомъ,
Мечталъ, грустилъ я объ одномъ,
Всё о тебѣ, мой ангелъ милый!

Какъ ночью пѣсня соловья,
Какъ плѣннику родные звуки
На брегѣ чуждаго ручья,
Отрадна мнѣ любовь твоя,
Сліянье нѣги, счастья, муки.

Люблю: любовь потребна мнѣ!
Я услаждёнъ, утѣшенъ ею!
Наскучу-ль жизнью въ тишинѣ,
Мнѣ милый ликъ блеснётъ во снѣ
И вновь я къ жизни пламенѣю.

Ѳ. А. ТУМАНСКІЙ.

Ѳёдоръ Антоновичъ Туманскій, двоюродный братъ Василія Ивановича Туманскаго и его сверстникъ, родился въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Малороссіи. Онъ получилъ воспитаніе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, въ которомъ окончилъ курсъ ещё до преобразованія, въ 1818 году, этого учрежденія, по лицейскому образцу, то-есть ещё тогда, когда пансіонеры въ нёмъ только приготовлялись къ университетскому курсу, а оканчивали образованіе въ университетѣ, продолжая оставаться въ пансіонѣ, на его попеченіи въ воспитательномъ отношеніи. Туманскій писалъ очень мало и въ печати явилось всего восемь его стихотвореній. Всѣ они были напечатаны въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», издававшемся барономъ Дельвигомъ, и расположены по годамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1825 году — «Я не былъ счастьемъ избалованъ», въ 1826 — «Элегія», «Къ увядающей красавицѣ», «Молитва» и «Элегія», въ 1827 — «18-е апрѣля» и «Птичка», лучшее его стихотвореніе, и, наконецъ, въ 1830 году — «Родина». Всѣ названныя стихотворенія хранятъ на себѣ несомненную печать таланта.

Ѳёдоръ Антоновичъ и въ обществѣ былъ такъ же молчаливъ, какъ его муза на парнасѣ. Въ самомъ интимномъ кружкѣ онъ рѣдко проранивалъ слово; но если разъ это слово выходило изъ его устъ, оно никогда не оказывалось пустымъ. Разсказываютъ, что Баратынскій и Дельвигъ, прогуливаясь однажды по Невскому, безъ гроша въ карманѣ, разсуждали о томъ, гдѣ они будутъ обѣдать. На встрѣчу имъ попался Туманскій, такой же безпечный въ отношеніи всего житейскаго, какъ они. Поздоровавшись съ нимъ, оба поэта предложили ему вопросъ, гдѣ онъ обѣдаетъ сегодня. Туманскій поднялъ глаза къ небу и, указывая на него пальцемъ, отвѣчалъ торжественно: «chez le grand Restaurateur!»

Служилъ Туманскій по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ двадцатыхъ годахъ былъ консуломъ въ Яссахъ, откуда часто пріѣзжалъ въ Кишинёвъ, гдѣ въ то время волей-неволей проживалъ нашъ великій Пушкинъ. Къ этому-то времени относится и извѣстный «Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому» написанный Пушкинымъ въ Кишинёвѣ, по прочтеніи одного изъ стихотвореній Ѳёдора Антоновича:

Нѣтъ, не черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

Послѣдніе годы своей жизни Туманскій провёлъ въ Бѣлградѣ, куда назначенъ былъ консуломъ и гдѣ скончался 5-го іюля 1853 года.

I.

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

II.

А. С. ПУШКИНУ.

Ещё въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ
И, вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ нёмъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой страннической вѣкъ —
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

—

В. А. ТЕПЛЯКОВЪ.

Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ родился въ достаточной дворянской семьѣ въ самомъ началѣ текущаго столѣтія. Получивъ хорошее, для своего времени, образованіе, онъ поступилъ на службу въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ и продолжалъ служить до самой смерти, то состоя при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, то занимая мѣсто вице-консула въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, или въ одномъ изъ портовыхъ городовъ Турціи. Тепляковъ былъ человѣкъ очень умный и образованный, и, притомъ, весьма добрый; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ большимъ оригиналомъ. Такъ, напримѣръ, онъ постоянно носилъ какое-то страннаго покроя коричневое пальто, въ родѣ мѣшка, сильно-помятую шляпу, или *шапку-невидимку*, какъ онъ называлъ свой незатѣйливый головной уборъ, и никогда не разставался съ желѣзною палкой, фунтовъ въ десять вѣсомъ, съ надписью: memento mori (помни часъ смерти). Кромѣ того, онъ не любилъ жить на одномъ мѣстѣ, и потому его легко было встрѣтить то гуляющимъ по Одессѣ или Кишинёву, то блуждающимъ въ степяхъ Бессарабіи или Молдавіи, то плывущимъ по Чорному морю въ Константинополь, то направляющимъ свой путь къ берегамъ Кавказа или Крыма. Во время пребыванія его въ Кишинёвѣ, по обязанностямъ службы, съ 1820 — по 1824 годъ, Тепляковъ познакомился и сошолся съ Пушкинымъ, сосланнымъ туда на жительство, и былъ во всё время пребыванія великаго поэта въ этомъ городѣ постояннымъ его собесѣдникомъ и спутникомъ въ прогулкахъ за̀ городъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишетъ Тепляковъ въ своихъ «Запискахъ», подъ 3-мъ апрѣлемъ 1821 года: «Вечеръ былъ прекрасный. Я надѣлъ шапку-невидимку, взялъ memento mori и отправился за̀ городъ. Черезъ огороды и плетни, я вышелъ на просторъ — и предо мною открылась степь, пересѣкаемая тощимъ и болотистымъ Бычкомъ. На другой сторонѣ рѣчки я увидѣлъ Пушкина: онъ спѣшилъ ко мнѣ. «Послушай, Тепляковъ! гдѣ ты бродишь: я тебя ищу три часа!» закричалъ мнѣ Пушкинъ сердито. «Но, постой, я перейду къ тебѣ!» И въ одно мгновенье Пушкинъ разбѣжался, перескочилъ черезъ узкій Бычокъ и завязъ по колѣна въ болотѣ. «Что за проклятая Бессарабія!» вскричалъ съ сердцемъ Пушкинъ, выходя съ трудомъ, съ помощью моей, изъ болота. «Куда какъ хорошъ!» продолжалъ онъ, оглядывая себя: «въ грязи, запачканый, съ душою

гадкою, мерзкою... Знаешь ли, Тепляковъ, вѣдь я сегодня снова поколотилъ этого гадкаго молдавашку, Бузню. Чтó за чортъ, этотъ Бузня, а не человѣкъ! Но, признаться, дружище, я и самъ виноватъ, обидѣвъ ни за что человѣка; погорячился, сунулъ ему дулю въ носъ — и пошла потѣха. Надо поправить свои грѣхи. Пойдёмъ, Мельмотъ, къ Бузнѣ: я извинюсь передъ нимъ; онъ человѣкъ бѣдный, куча дѣтей; я же передъ нимъ виноватъ. О молодость! о арабская кровь!» Мы пошли къ Бузнѣ, но не застали дома: Бузня отправился къ Ивану Никитичу *) жаловаться.

«4-го апрѣля. Утромъ я былъ у Пушкина. Онъ сидѣлъ подъ арестомъ въ своей квартирѣ; у дверей стоялъ часовой. «Здравствуй, Тепляковъ! спасибо, что посѣтилъ арестанта. По дѣломъ мнѣ. Что за добрая, благородная душа у Ивана Никитича! Каждый день я что-нибудь напрокажу: Иванъ Никитичъ отечески пожуритъ меня, отечески накажетъ — и черезъ день всё забылъ. Скотина я, а не человѣкъ! Вчера вечеромъ я арестованъ, а сегодня рано утромъ Иванъ Никитичъ прислалъ узнать о моёмъ здоровьѣ, доставилъ мнѣ получённыя изъ Петербурга на моё имя письма и послѣднія книжки «Благонамѣреннаго». Добрая, благочестивая душа! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать Ивану Никитичу! Садись, дружище. Будемъ читать письма и просмотримъ «Благонамѣренный»... И разбирая «Благонамѣреннаго», онъ отъ души смѣялся надъ виршами нашихъ стихотворцевъ.»

Пушкинъ любилъ Теплякова и, въ шутку, называлъ его Мельмотомъ Скитальцемъ, чтó, какъ нельзя болѣе, шло къ нему, такъ-какъ вся жизнь его прошла въ скитаньяхъ по бѣлому свѣту, о чёмъ было уже нами сказано выше. Начиная съ 1826 года, скитанья эти приняли до того широкіе размѣры, что даже слѣдить за ними стало затруднительно, и друзья его часто по году не знали, гдѣ онъ находится въ данную минуту. Такъ, въ 1827 году, мы встрѣчаемъ его снова въ Кишинёвѣ, въ 1828 — въ Одессѣ, въ 1829 — въ Болгаріи, гдѣ онъ сопровождаетъ побѣдоносную русскую армію въ званіи дипломатическаго агента, въ 1831 — въ Петербургѣ, въ 1836 — въ Константинополѣ, въ 1837 — въ Аѳинахъ, куда отправляется въ качествѣ дипломатическаго курьера, и, наконецъ, въ 1838 году — въ Парижѣ, гдѣ умираетъ.

Первыя произведенія ещё не окрѣпнувшей музы Теплякова, напечатанныя въ разныхъ альманахахъ и журналахъ двадцатыхъ годовъ, не представляютъ ничего достойнаго вниманія; за-то, начиная съ 1830 года, нѣкоторыя изъ его стихотвореній, какъ, напримѣръ: «Странникъ», «Первая Ѳракійская элегія», «Современное благополучіе», «Румелійская пѣсня», «Жестокій призракъ» и «Пріятно предъ роднымъ пенатомъ», напечатанныя въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 — 1832 года, обратили на себя вниманіе публики, особенно «Ѳракійская элегія». Затѣмъ, Тепляковъ собралъ свои стихотворенія, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, и издалъ ихъ отдѣльной книжкой въ 1832 году, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Виктора Теплякова». Въ 1834 году вышли въ свѣтъ его «Письма изъ Болгаріи», но вскорѣ, никѣмъ не замѣченныя, канули въ вѣчность. Наконецъ, въ 1836 году, вышло изъ печати лучшее произведеніе Теплякова: «Ѳракійскія элегіи», отрывки изъ которыхъ были напечатаны прежде и заслужили ихъ автору общія похвалы. Самъ Пушкинъ, уважавшій поэтическій талантъ Теплякова, привѣтствовалъ ихъ появленіе большой статьёю въ первомъ томѣ своего «Современника», въ которой, между прочимъ, было сказано, по хвалебномъ разборѣ нѣкоторыхъ изъ «Ѳракійскихъ элегій», что «если бы г. Тепляковъ ничего другого не написалъ, кромѣ элегіи «Одиночество» и станса «Любовь и ненависть», то и тутъ занялъ бы онъ почётное мѣсто между нашими поэтами.»

Послѣднимъ произведеніемъ Теплякова, напечатаннымъ имъ при жизни, была небольшая статья: «Вѣсти съ Востока», помѣщённая въ 30 № «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» на 1837 годъ, а послѣднимъ его сочиненіемъ, появившемся въ печати, была большая статья «Сарай-Бурну», появившаяся уже послѣ его смерти въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1843, т. XXXI, №№ 11 и 12, отд. II, стр. 12 и 35).

Тепляковъ скончался въ Парижѣ въ 1838 году, оставивъ по себѣ память добраго человѣка и даровитаго поэта. Тѣло его погребено на Монмартрскомъ кладбищѣ, въ Парижѣ, гдѣ надъ нимъ возвышается скромный памятникъ.

1.

КАВКАЗЪ.

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
Стоятъ гранитною стѣною,

*) Генералу Инзову.

Въ вѣнцѣ изъ тёмнаго кустарника одна,
Зелёнымъ бисеромъ унизана другая;
Тамъ — голыхъ скалъ семья чернѣетъ вѣковая.
Надъ ней волнистыхъ тучъ клубится пелена;
Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми, махровыми коврами
Луга холмистые лежатъ.
На нихъ, изъ сердца горъ, кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ растопленнымъ летятъ;
Въ гранитныхъ броняхъ великаны,
Склонясь на пропасти, ихъ грозно сторожатъ,
И тихо рѣчка голубая,
Змѣёй сапфирною утёсы обвивая,
Журчитъ межъ каменныхъ стремнинъ.
Но кто сей мрачный властелинъ?
Иль зáмокъ мрачнаго громадъ сихъ властелина?
Огромный, съ башнями зубчатыми дворецъ;
Рядъ острыхъ скалъ — его вѣнецъ,
Сѣдая дымка тучъ — одежда исполина.
Ты-ль, пасмурный Бешту, колоссъ сторожевой,
Въ туманѣ облаковъ чело своё скрывая,
Горъ пятиглавый царь, чернѣешь предо мной
Въ дали, какъ туча громовая?
Такъ, такъ, ужь не во снѣ я новый зрю Парнассъ!
Ужь не восторженный богинею разсказа,
О, люди, здѣсь я выше васъ
Всей дивной вышиной Кавказа!
Здѣсь, на скалахъ Бешту, въ утробѣ сихъ громадъ —
Въ чертогахъ матери-природы,
Здѣсь, гдѣ гранитные ихъ своды
Со мною о вѣкахъ минувшихъ говорятъ!
Проснитесь, спящіе подъ ихъ навѣсомъ годы!
Вѣщай, отчизна горъ, которая скала
Кровь Прометееву пила?
Скажи, какъ онъ страданій вѣчность,
Неволи горькой безконечность
За дружбу къ смертному сносилъ?
И никогда душой высокой
Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молилъ?
Но посмотрите, какъ съ востока
Завѣса палевыхъ, свинцовыхъ облаковъ
Свернулась, движется, сбѣгаетъ —
И что-жь? — за нею міръ духовъ,
Изъ перловъ созданный, мелькаетъ!
Я вижу зданія янтарныхъ городовъ,
Покрытыхъ тонкими изъ снѣга кружевами;
ТамъСфинксы дивные, тамъ странныхъ ликовъ рядъ:
Изида, Озирисъ — живой хрустальный садъ
Въ туманѣ розовомъ сліялись съ небесами!
Но ты, Эльбрусъ, ты будто конь сѣдой,
На коемъ смерть предстанетъ міру,
Къ свѣтилу вѣчному, къ далёкому эѳиру
Вознёсся снѣжною главой!
Ровесникъ міра величавый,
Какой орёлъ взлеталъ на твой вѣнецъ двуглавый!
Всемірный океанъ тебя не поглотилъ:
Твой верхъ, какъ мавзолей надменный,
Бѣлѣлъ надъ влажною могилою вселенной,
И первой пристанью любимцу Неба былъ!
Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи;
Ты слышалъ вой ихъ стрѣлъ, ихъ бурной Керны гласъ!
Но страшный метеоръ угасъ —
И силы грознаго — дымъ, пепла прахъ летучій!
О, вы, которыхъ всѣ мечты
Къ землѣ продажною прикованы душою,
Рабы ничтожной суеты,
Придите съ дикою громадъ сихъ красотою
Кумиръ души своей сравнить!
Но нѣтъ! Пигмеямъ ли о мелкихъ ихъ заботахъ,
О ихъ тщеславіи, о хладныхъ ихъ разсчётахъ
Съ престолами громовъ небесныхъ говорить!
Степей обширною темницей утомлённый,
Какъ радостно, отчизна горъ,
Мой на тебя открылся взоръ!
Восторженный, обворожонный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на залётномъ ихъ питомцѣ проникалъ!
Какъ часто пировать въ профировыя залы
Чадъ Эпикуровыхъ сбиралася семья!
Но вы ужь скрылися, счастливые друзья,
Какъ это солнце золотое,
Какъ это небо голубое,
Какъ эта тёплая кавказская весна!
Какъ ты мертва теперь, пустынная страна,
Какъ молчалива ты! лишь вѣтръ въ ущельяхъ, мшистыхъ
Трепещетъ — и съ вершинъ кремнистыхъ
Отъ скалъ отторженный гранитъ
Въ глухія пропасти катитъ.

II.

ИЗЪ «ѲРАКІЙСКИХЪ ЭЛЕГІЙ».

1.

ОТПЛЫТІЕ.

Плывёмъ. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные,
Златой струнтся блескъ по синему пути.

Прости, земля! прости, Россія!
Прости, о родина, прости!
Безумецъ, что̀ за грусть? Въ минуту разлученья,
Чьи слёзы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее — мудрёнымъ, тяжкимъ сномъ —
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ
И бездны передъ ней отверзтыя казало.
Пусть такъ; но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздаётся!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несётся!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый наложила.
О, мать, душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните:
Тамъ никому меня не жаль.
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!
Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ, въ твоёмъ сіяньи
Сгараетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, паруса, шумите!
Мечты о родинѣ — молчите:
Тамъ никому меня не жаль.
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою —
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ.
Гуляйте-жь вѣтры — не молчите!
Утёсы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль,
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Онѣ кипятъ, онѣ шумятъ —
И нѣтъ ужь родины на дальнемъ небосклонѣ:
Лишь точка слабая, ея послѣдній взглядъ,
Блѣднѣетъ и, дрожа, въ вечернемъ тонетъ златѣ.
На смѣну солнечнымъ лучамъ,
Мелькая странными своими головами,
Колоссы мрачные свинцовыми рядами
Съ небесъ къ темнѣющимъ спускаются зыбямъ.
Спустились. День погасъ; нѣтъ звѣздъ на ризѣ ночи;
Глубокій мракъ надъ кораблёмъ;
И вотъ ужь непримѣтнымъ сномъ
На тихой палубѣ пловцовъ сомкнулись очи.
Всё спитъ — лишь у руля матросъ сторожевой
О дальней родинѣ тихонько напѣваетъ,
Иль, кончивъ срокъ урочный свой,
Звонкомъ товарища на смѣну пробуждаетъ.
Лишь странница-волна, взмутясь въ дали нѣмой,
Какъ призракъ въ саванѣ, колѣнопреклонённый,
Надъ спящей бездною встаётъ,
Простонетъ надъ пучиной водъ
И разсыпается по влагѣ опѣнённой.
Такъ перси юности живой
Надежда гордая вздымаетъ;
Такъ идеалъ ея святой
Душа, пресытившись мечтой,
Въ своей пустынѣ разбиваетъ.
Но полно! что̀ нашъ идеалъ?
Любовь ли, дружба ли, прелестница ли слава?
Сосудъ Цирцеи — ихъ фіалъ:
Въ нёмъ скрыта горькая отрава.
И мнѣ ль вздыхать о нихъ, когда въ сей мигъ орломъ,
Надъ царствомъ шумныхъ волнъ крылами думъ носимый,
Паритъ мой смѣлый духъ, какъ вѣтръ неукротимый,
Какъ яркая звѣзда въ эѳирѣ голубомъ.
Толпы безсмысленной хвалы иль порицанья,
Объ васъ ли въ этотъ мигъ душѣ воспоминать!
Объ васъ ли сердцу тосковать,
Измѣны ласковой коварныя лобзанья!
Нѣтъ, быстрый мой корабль, по синему пути
Лети стрѣлой въ страны чужія!
Прости, далёкая Россія!
Прости, о родина, прости!

2.

ОВИДІЙ.

«Не говори, о чёмъ надъ урною моей
Стенаешь ты, скиталецъ одинокой:
Лучъ славы не горитъ надъ головой твоей,
Но мы равны судьбиною жестокой.
Число ль ты хочешь знать моихъ сердечныхъ ранъ?
Сочти небесъ алмазныя пылинки,
По каплѣ вымѣри бездонный океанъ,
Пересчитай бреговъ его песчинки.

Пускай минувшаго завѣса раздрана —
Мои бѣды заглушены вѣками;
Тоска по родинѣ со мной погребена
Въ чужой землѣ, подъ этими песками.
Не вѣрятъ повѣсти овидіевыхъ мукъ:
Она, какъ баснь изъ рода въ родъ несётся,
Течётъ изъ устъ молвы — и какъ ничтожный звукъ
Въ дали времёнъ потомству раздаётся.
О, какъ привѣтствовалъ на Тибра берегахъ
Въ послѣдній разъ я римскую денницу!
Какъ ты поспѣшно скрылъ, капитолійскій прахъ,
Отъ глазъ моихъ всемірную столицу!
И ты исчезъ за нимъ, мой домъ, мой рай земной,
Моихъ боговъ отеческихъ жилище!
Изгнанникъ, гдѣ твой кровъ? весь міръ передъ тобой!
Прости лишь ты, родное пепелище!
Но нѣтъ! — и цѣлый міръ былъ отнятъ у меня:
Изгнанье тамъ поэта ожидало,
Гдѣ воздухъ — снѣжный паръ; туманъ — одежда дня;
Тамъ, гдѣ земли конецъ, или начало;
Гдѣ только бранный шумъ, иль бурь всегдашній вой
Пустынный гулъ далёко повторяетъ;
Свирѣпый савроматъ выходитъ на разбой,
Иль хищный гетъ убійство разливаетъ.
Чернѣе тьмы ночной былъ цвѣтъ моихъ кудрей,
Когда узрѣлъ я этотъ брегъ кремнистый;
Промчался годъ одинъ — и средь чужихъ степей
Я побѣлѣлъ, какъ лебедь серебристый.
Вотще въ гармоніи овидіевыхъ струнъ
Всѣ таинства Олимпа обитали:
Упалъ на ихъ пѣвца крушительный перунъ —
И въ сердцѣ въ мигъ всѣ звуки замолчали.
Когда сѣдой морозъ надъ кровлями трещалъ,
Широкій Истръ недвиженъ становился,
И вѣтръ, какъ дикій звѣрь, въ пустынѣ завывалъ,
И смятый дубъ на снѣжный одръ катился:
По бѣломраморнымъ застынувшимъ водамъ,
Какъ новый токъ въ часъ бурнаго волненья,
Кентавры хищные неслись въ то время къ намъ,
Съ огнёмъ войны, съ грозой опустошенья.
Душа тѣмъ гибельнымъ тревогамъ предана,
Могла ль творить, какъ нѣкогда творила?
Нѣтъ, съ лиры брошенной назонова струна
На бранный лукъ тогда переходила —
И радостно поэтъ на смертный мчался бой,
И съ жизнью вновь къ изгнанью возвращался.
Придёшь ли ты назадъ, мигъ вольности златой?
Иль ты на-вѣкъ съ душою распрощался.
Увижу ль вновь тебя, родимой кровли сѣнь?
Увижу ль васъ, отеческіе боги,
И тотъ волшебный край, гдѣ солнце каждый день
Златитъ весны зелёные чертоги?
И ты, о вѣчный градъ, узрю ль у ногъ твоихъ
Простёртый міръ передъ семью холмами,
Блескъ пышныхъ портиковъ и храмовъ золотыхъ,
И пѣну струй подъ бронзовыми львами?
Увижу лъ тотъ предѣлъ, гдѣ царственный народъ
Благоговѣлъ предъ гласомъ Цицерона,
И стогны, гдѣ поднесь родимый воздухъ пьётъ,
Какъ жаръ любви, поэзію Назона?
Моя Италія, къ тебѣ, на свѣтлый югъ,
Помчался-бъ я быстрѣй крылатой птицы!
О, солнце римское! когда-жъ отъ скиѳскихъ вьюгъ
Оттаишь ты назоновы рѣсницы?
Когда... Но я вотще о родинѣ стеналъ:
Надежды лучъ надъ сердцемъ издѣвался;
Неумолимаго я богомъ называлъ:
Отъ горя умъ въ душѣ поколебался.
И ты ль тюремный вопль, о странникъ, назовёшь
Ласкательствомъ души уничижонной?
Нѣтъ, самъ терновою стезёю ты идёшь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ поражонный!»

—

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ, потомокъ древняго дворянскаго рода, родился 14-го сентября 1805 года въ Москвѣ. Потерявъ отца ещё во время своего младенчества, онъ остался на рукахъ матери, благодаря заботливости которой, получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе, подъ надзоромъ умнаго и образованнаго наставника, плѣннаго капитана французской службы Дорера. Четырнадцати лѣтъ Веневитиновъ уже хорошо понималъ Софокла и Эсхила и не разставался съ Гораціемъ, которымъ пользовался, какъ матеріаломъ при сочиненіи первыхъ своихъ стихотвореній. Изъ русскихъ писателей, онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ — и «Исторія Государства Россійскаго» сдѣлалась его настольною книгою. Изъ юношескихъ стихотвореній Веневитинова сохранилось всего два: первое (переводъ изъ Виргиліевыхъ «Георгикъ»), написанное на четырнадцатомъ году, а второе (посланіе «Къ друзьямъ»), написанное на шестнадцатомъ. Обѣ пьесы отличаются замѣчательною правильностью и звучностью стиха, какою въ то время не могли похвалиться и записные наши поэты. Для доказательства — вотъ первыя строфы обѣихъ стихотвореній:

I.

О, Фебъ, тебя ль дерзнёмъ обманчивымъ назвать?
Не твой ли быстрый взоръ умѣетъ проникать
До глубины сердецъ, гдѣ возникаютъ мщенья
И злобы буйныя, но тайныя волненья?

II.

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными вѣнцами
Не прельщёнъ пѣвецъ лѣсовъ:
Я счастливъ и безъ вѣнцовъ,
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Семнадцати лѣтъ Веневитиновъ записался въ число вольнослушающихъ Московскаго университета и сталъ ревностно посѣщать лекціи профессоровъ М. Г. Павлова и А. Ѳ. Мерзлякова, особенно послѣдняго, педагогическія бесѣды котораго были открыты для всѣхъ желающихъ. Вліяніе лекцій Мерзлякова на воспріимчивый умъ молодого поэта выразилось, между-прочимъ, и въ самомъ направленіи поэтическихъ его произведеній, относящихся къ этому времени *). Университетскія занятія Веневитинова продолжались два года и шли такъ успѣшно, что, по истеченіи этого времени, онъ, безъ большого труда выдержалъ выпускной экзаменъ. Теперь надо было поступать на службу — и Веневитиновъ, изъ всѣхъ карьеръ, открывавшихся ему невозбранно, благодаря его уму, образованію, имени и состоянію, избралъ самую скромную, опредѣлившись въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Затѣмъ онъ сблизился съ Кирѣевскимъ, Кошелёвымъ, княземъ Одоевскимъ, Титовымъ, Шевырёвымъ, Погодинымъ и нѣкоторыми другими, и вскорѣ сдѣлался центромъ этого замѣчательнаго литературнаго кружка́, въ которомъ преобладающимъ элементомъ была философія Шеллинга, только-что начинавшая проникать въ кружки образованныхъ москвичей. Впрочемъ, Веневитиновъ, сдѣлавшійся вскорѣ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей своего философскаго кружка, да и остальные его члены посвящали своё время не исключительно одной философіи Шеллинга, а находили время и для бесѣды съ музами. Такъ, напримѣръ, здѣсь были прочтены, написанныя нашимъ поэтомъ, подъ вліяніемъ мнѣній кружка̀, прозаическія статьи: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», «Бесѣды Платона съ Анаксагоромъ», «Скульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и ночь» и другія. Въ 1826 году Веневитиновъ познакомился съ Пушкинымъ — и вскорѣ горячая дружба связала обоихъ поэтовъ. Поводомъ къ этой дружбѣ послужила статья Веневитинова, написанная имъ въ протестъ противъ критической статьи Полевого въ «Телеграфѣ», направленной противъ 1-й пѣсни «Евгенія Онѣгина» Пушкина. Пріѣхавъ въ Москву и остановившись у Соболевскаго, Пушкинъ объявилъ ему своё непремѣнное желаніе — немедленно познакомиться съ авторомъ статьи. «Это единственная статья», сказалъ онъ, «которую я прочёлъ съ любовью и вниманіемъ. Всё остальное — или брань, или переслащённая дичь.» Свиданіе было устроено Соболевскимъ у себя на квартирѣ, подъ предлогомъ литературнаго вечера, на которомъ Пушкинъ прочиталъ нѣсколько сценъ изъ своего «Бориса Годунова», сдѣлавшихъ сильное впечатлѣніе на Веневитинова. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого свиданія было — сотрудничество Пушкина въ «Московскомъ Вѣстникѣ», однимъ изъ издателей и дѣятельнѣйшихъ вкладчиковъ котораго былъ Веневитиновъ.

Въ концѣ октября 1826 года обстоятельства заставили Веневитинова проститься съ милой Москвой и ещё того болѣе съ милой его сердцу особой, проживавшей тамъ, но любовь къ которой не могла увѣнчаться взаимностью, такъ-какъ она была гораздо его старше и при томъ имѣла мужа. Въ канцеляріи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ открылась для него вакансія — и нашъ поэтъ, волей-неволей, отправился въ Петербургъ, съ затаённой страстью въ сердцѣ и начатымъ романомъ въ портфелѣ, отъ котораго сохранилось только нѣсколько отрывковъ и планъ, изложенный въ предисловіи перваго изданія «Сочиненій Веневитинова». Въ Петербургѣ онъ сошолся всего лучше съ Дельвигомъ и Козловымъ, съ которыми и проводилъ всего чаще свободное отъ службы и литературныхъ занятій время. Къ этому времени относится бо̀льшая и лучшая часть его поэтическихъ произведеній, именно: «Поэтъ» и всѣ стихотворенія, слѣдующія въ старомъ изданіи непосредственно послѣ него.

Между-тѣмъ, съ наступленіемъ 1827 года, здоровье Веневитинова, уже давно надломленное постоянной внутренней работой и усиленными ум-

*) «Два отрывка изъ неоконченной поэмы», «Пѣснь Кольмы» изъ Макферсона, «Четыре отрывка изъ неоконченнаго пролога: «Смерть Байрона», «Пѣснь грека» и другія.

ственными занятіями, стало видимо разстраиваться и въ половинѣ февраля мѣсяца того же года было уже въ такомъ дурномъ состояніи, что Стурдза, видѣвшій его около этого времени, говорилъ своимъ знакомымъ, что онъ «замѣтилъ на его лицѣ признаки близкой смерти». А бѣдный поэтъ, нисколько не подозрѣвая опаснаго своего положенія, мечталъ въ это время о поѣздкѣ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ въ Ревель и Финляндію. Въ началѣ марта, къ болѣзни, уже гнѣздившейся въ нёмъ, присоединилась новая — простуда, схваченная имъ при разъѣздѣ съ бала, которая быстро перешла въ нервную горячку, а, чрезъ недѣлю, 15-го марта 1827 года — поэта не стало. Онъ умеръ на 22 году своей жизни — и послѣднимъ произведеніемъ, написаннымъ имъ всего за недѣлю до смерти, было слѣдующее стихотвореніе:

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.

Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Вѣсть о смерти Веневитинова поразила какъ громомъ всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ. «Comment donc l'avez vous laissé mourir?» (Какъ вы допустили его умереть?») говорилъ Пушкинъ друзьямъ покойнаго. — «Душа разрывается», писалъ князь Одоевскій: «я плачу, какъ ребёнокъ!» Маститый поэтъ Дмитріевъ почтилъ его слѣдующей эпитафіей:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской:
Надъ нею роза дышетъ —
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ.

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ. На могильной плитѣ, покрывающей прахъ поэта, вырѣзана слѣдующая краткая надпись:

«Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

По смерти Веневитинова, сочиненія покойнаго поэта были собраны его друзьями и изданы въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первая, заключавшая стихотворенія, была отпечатана въ Москвѣ, въ 1829 году, а вторая (проза) — въ Петербургѣ, въ 1831 году. Второе изданіе сочиненій Веневитинова сдѣлано было Смирдинымъ въ 1857 году, включившимъ его въ своё «Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ», гдѣ оно соединено въ одномъ томѣ съ собраніемъ сочиненій В. Л. Пушкина. Третье и послѣднее изданіе вышло въ 1862 году, подъ редакціей А. П. Пятковскаго, въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневетинова», съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи издателя о его жизни и сочиненіяхъ.

I.

ПОЭТЪ.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли бъ межь земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?
Не вспыльчивъ онъ и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтренная младость —
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ
И необузданная радость:
Всё чуждо, дико для него,
На всё безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня — простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья —
Всё тайна въ нёмъ, всё въ нёмъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.
Когда-жь внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь —
Душа безъ страха, безъ искусства
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ — и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ-будто бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О, если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,

Пройди безъ шума близь него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ,
Взгляни съ слезой благоговѣнья —
И молви: «это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!»

II.

ИТАЛІЯ.

Италія, отчизна вдохновенья!
Придётъ мой часъ, когда удастся мнѣ
Любить тебя съ восторгомъ наслажденья,
Какъ я любилъ твой образъ въ свѣтломъ снѣ!
Безъ горя я съ мечтами распрощаюсь,
И на яву, въ кругу твоихъ чудесъ,
Подъ яхонтомъ сверкающихъ небесъ,
Младой душой по волѣ разыграюсь.
Тамъ радостно я буду пѣть зарю
И поздравлять царя свѣтилъ съ восходомъ:
Тамъ гордо я душою воспарю
Подъ пламеннымъ необозримымъ сводомъ.
Какъ весело въ нёмъ утро золотое
И сладостна серебряная ночь!
О, міръ суетъ — тогда отъ мыслей прочь!
Въ объятьяхъ нѣгъ и въ творческомъ покоѣ,
Я буду жить въ минувшемъ средь пѣвцовъ,
Я вызову ихъ тѣни изъ гробовъ!
Тогда, о, Тассъ, твой мирный сонъ нарушу —
И твой восторгъ, полуденный твой жаръ
Прольётъ и жизнь, и пѣсней сладкихъ даръ
Въ холодный умъ и въ сѣверную душу.

III.

СОНЕТЪ.

Къ тебѣ, о, чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несётся мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья
И всё зовётъ её въ небесные края.

Но ты облёкъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной —
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затьмился свѣтъ эѳира

И хаосъ задавилъ природу пустотой —
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

IV.

УТѢШЕНІЕ.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила!
Какъ Прометей, похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень
И вкругъ себя, какъ Пигмаліонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной —
Повѣрь, не даромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно;
Не съ тѣмъ судьба её зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Её на вѣки потушила.
Нѣтъ! Что̀ въ душевной глубинѣ,
Того не унесётъ могила:
Оно останется по мнѣ.

Души пророчества — правдивы!
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ,
И на страданья не роопталъ.
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзала грудь.
Онъ говорилъ: «когда-нибудь
Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей.
Уронишь ты его не даромъ:
Оно чужую грудь зажжётъ,
Въ неё какъ искра упадётъ,
А въ ней пробудится пожаромъ.»

И. П. МЯТЛЕВЪ.

Иванъ Петровичъ Мятлевъ, авторъ «Сенсацій госпожи Курдюковой», родился въ 1796 году въ Петербургѣ. По рожденію, богатству и сановному родству онъ принадлежалъ къ высшему петербург-

скому обществу, въ которомъ и вращался въ теченіе всей своей жизни. Образованіе, полученное имъ дома, было вполнѣ свѣтское. Любовь къ поэзіи развилась въ нёмъ очень рано. Ещё будучи ребёнкомъ, онъ любилъ подыскивать риѳмы, а позднѣе любовь эта превратилась въ неодолимую страсть къ писанію стиховъ.

Со вступленіемъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, онъ отказался отъ сочиненія стиховъ въ серьёзномъ родѣ и обратился къ лёгкой сатирѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Мятлевъ, по самому свойству своего ума и характера, былъ болѣе склоненъ къ весёлому взгляду на жизнь, чѣмъ къ мрачнымъ воззрѣніямъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ, такъ любившихъ метать громы краснорѣчія въ своихъ добродушныхъ сограждань.

Мятлевъ выступилъ на литературное поприще около 1833 года, съ крошечною книжкой весьма плохихъ стихотвореній, подъ наивнымъ названіемъ: «Друзья уговорили», написанныхъ во вкусѣ «Сенсацій госпожи Курдюковой» и отпечатанныхъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, для подарка пріятелямъ, которые одни только и замѣтили ея появленіе. Передъ публикой же Мятлевъ выступилъ въ первый разъ печатно въ 1840 году: это была великолѣпно-изданная книжка въ осьмушку, снабжонная превосходными картинками и виньетками, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: «Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границей, дан-л'Этранже. Тамбовъ. 1840. Печатано въ типографіи «Journal de Saint-Petersbourg», съ эпиграфомъ: «Де бонъ тамбуръ де баскъ деріеръ ле монтань!» (Русская народная пословица)». Появленіе «Сенсацій» было встрѣчено журналами различно: «Современникъ» (1841, т. 22), «Сѣверная Пчела» (1841, № 81) и «Москвитянинъ» (1841, № 6) отозвались о книгѣ весьма благосклонно; что же касается «Отечественныхъ Записокъ» (1841, № 5, отд. VI, стр. 4), то отзывъ ихъ, не смотря на всю сдержанность, далеко не можетъ быть названъ благопріятнымъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ рецензента: «Содержаніе книги шуточное. Авторъ заставляетъ русскую провинціальную барыню путешествовать по Европѣ и разсказывать свои впечатлѣнія пёстрымъ языкомъ, составленнымъ изъ смѣси русскихъ словъ съ французскими, которыя написаны русскими же буквами и отъ этого, при произношеніи, производятъ звуки, имъ не свойственные. Всё это многимъ кажется очень забавнымъ. Намъ же кажется, что подобныя произведенія теряютъ въ печати своё достоинство: ихъ можно съ удовольствіемъ слушать, когда кто-нибудь ловко декламируетъ ихъ или просто читаетъ живымъ голосомъ, какъ дѣлаетъ это иногда самъ почтенный авторъ «Сенсацій».

Тѣмъ не менѣе успѣхъ «Сенсацій» въ публикѣ былъ громадный. Вездѣ читали ихъ и смѣялись отъ души. Многіе заучивали изъ нихъ цѣлыя главы и декламировали ихъ въ обществѣ, возбуждая искренній смѣхъ и громкія похвалы ихъ автору. Общимъ потокомъ увлекся и Лермонтовъ, написавшій въ альбомъ автора «Курдюковой» слѣдующее стихотвореніе:

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю:
Угрюмыхъ и серьёзныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ:
Я бъ ѐтъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею —
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame де-Курдюковъ.

Начиная съ 1840 года, то-есть — со времени появленія въ свѣтъ «Сенсацій госпожи Курдюковой», мелкія стихотворенія Мятлева начинаютъ появляться на страницахъ «Современника» — Плетнева, «Маяка» — Корсакова, «Библіотеки для Чтенія» — Сенковскаго и другихъ журналовъ, а также и въ разныхъ сборникахъ, какъ-то: во 2-й книжкѣ «Картинокъ Русскихъ Нравовъ», издававшихся въ 1842 году, гдѣ помѣщена его поэма въ трёхъ пѣсняхъ, подъ названіемъ: «Петергофскій Праздникъ», въ сборникѣ Смирдина «Сто Русскихъ Литераторовъ», гдѣ было помѣщено десять его стихотвореній, весьма плохихъ, за исключеніемъ пьесы «Разговоръ барина съ Афонькой», который, по словамъ Бѣлинскаго («Сочиненія Бѣлинскаго», ч. IX, стр. 470): «дѣйствительно хорошъ, и то̀ потому, впрочемъ, что не сочиненъ Мятлевымъ, а списанъ имъ со словъ какого-нибудь Аѳоньки, почему и отличается тѣмъ особеннымъ юморомъ, который такъ свойственъ людямъ этого сословія, когда они разсуждаютъ о барахъ», и другихъ, что̀ продолжалось до самой смерти автора, послѣдовавшей въ 1844 году. Въ 1843 году вышелъ въ свѣтъ второй томъ «Сенсацій» Мятлева, подъ заглавіемъ: «Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границей, дан-л'Этранже. II. Швейцарія. Тамбовъ. 1843.» Новый томъ былъ встрѣ-

ченъ новыми похвалами большинства журналовъ («Библіотека для Чтенія», 1844, т. 62 и 64», «Сѣверная Пчела», №3, «Москвитянинъ», №5, «Маякъ», т. 14 и «Русскій Инвалидъ», № 40), за исключеніемъ «Литературной Газеты (№ 3) и «Отечественныхъ Записокъ» (№ 3), изъ которыхъ послѣднія помѣстили у себя слѣдующій краткій отзывъ: «Мы не шутя собирались-было поговорить о литературныхъ шуткахъ г-жи Курдюковой; но... de mortuis aut bene aut nihil. Изданіе прекрасно; картинки г. Тимма были бы украшеніемъ и не такому творенію.» Въ томъ же 1844 году вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой его «Комеражи», съ посвященіемъ: à ces dames, и съ приложеніемъ 31 рисунка, причёмъ были, по обыкновенію, похвалены «Современникомъ» (т. 34) и «Библіотекой для Чтенія» (т. 64) и не одобрены «Литературной Газетой» (№ 13).

Мятлевъ скончался въ 1844 году въ Петербургѣ. По смерти Мятлева, «Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой» вышли въ 1855 году, въ Петербургѣ, вторымъ изданіемъ, съ приложеніемъ третьяго тома: «Италія», составляющаго продолженіе похожденій Курдюковой въ Италіи, а черезъ годъ были собраны всѣ его сочиненія и изданы въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій И. П. Мятлева. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Спб. 1857.» Рецензіи на оба эти изданія были помѣщены: на первое — въ «Современникѣ» (1856, № 9), а на второе въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 5), «Сынѣ Отечества» (№ 26) и «Сѣверной Пчелѣ» (№ 151) на 1857 годъ. Наконецъ, 1863 году книгопродавецъ Вольфъ перепечаталъ ещё разъ отдѣльными книжками три пьесы Мятлева: «Комеражи», «Петергофскій праздникъ» и «Фонарики» лучшее стихотвореніе, написанное Мятлевымъ.

I.

ФОНАРИКИ.

Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мнѣ,
Что̀ видѣли, что̀ слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ:
Ночные караульщики,
Вашъ вѣренъ зоркій глазъ!
Вы видѣли ль, примѣтили ль,
Какъ дѣвушка, одна,
На цыпочкахъ, тихохонько
И робости полна,
Близь стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ, украдкою
«Люблю!» ему сказать.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль —
Того не говорятъ.

Не видѣли ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждётъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зовётъ?
И вотъ они встрѣчаются —
И радость, и любовь!
И вотъ они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики-сударики
Горятъ-себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль —
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ-будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой?
Ту женщину безумную —
Заплаканы глаза:
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль —
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль преступника —
Какъ, въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли ль весёлаго
Гуляку, въ сюртукѣ
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль —
Того не говорятъ.

Быть-можетъ, не примѣтили?
Да имъ и дѣла нѣтъ:
Горѣть имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею,
Фонарщикъ ихъ зажогъ;
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ.

Фонарики-сударики —
Народъ всё дѣловой:
Чиновники, сановники,
Всё люди съ головой.

Они на тò поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.
Имъ, дескать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть;
Одна у нихъ обязанность —
Стоять тутъ и горѣть,
Да и горѣть, покудова
Кто не задуетъ ихъ.
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики-сударики —
Народъ всё дѣловой:
Чиновники, сановники,
Всё люди съ головой.

II.

БЫВАЛО.

Бывало, бывало,
Какъ всё утѣшало,
Какъ всё привлекало,
Какъ всё забавляло,
Какъ всё восхищало!
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Какъ солнце сіяло,
Какъ небо пылало,
Какъ всё расцвѣтало,
Рѣзвилось, играло!
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Какъ сердце мечтало,
Какъ сердце страдало
И какъ замирало,
И какъ оживало!
Бывало, бывало!

Но сколько не стало
Того, чтò, бывало,
Такъ сердце плѣняло,
Такъ міръ оживляло,
Такъ свѣтло сіяло!
Бывало, бывало!

Иное завяло,
Иное отстало,
Иное пропало,
Чтò сердце ласкало,
Завѣтнымъ считало,
Бывало, бывало!

Теперь всё застлало
Тоски покрывало.
Ахъ, сердце, бывало,
Тоски и не знало:
Оно уповало!
Бывало, бывало!

—

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Ѳёдоръ Ивановичъ Тютчевъ, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ послѣ-пушкинскаго періода, родился въ родовомъ своёмъ брянскомъ помѣстьѣ, селѣ Овстугѣ, 23-го ноября 1803 года. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца, подъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока классической поэзіи древнихъ и переводчика Тасса и Аріоста, С. Н. Раича, прожившаго въ домѣ Тютчевыхъ семь лѣтъ. Ещё ребёнкомъ Тютчевъ поражалъ всѣхъ своими блестящими дарованіями. Поэтическія наклонности и дѣтская живость не мѣшали ему учиться чрезвычайно серьёзно и прилежно. Въ 1817 году, когда Тютчеву было всего четырнадцать лѣтъ, Раичъ представилъ въ Общество Любителей Россійской Словесности его переводы въ стихахъ изъ Горація. Переводы оказались хорошими. Общество напечатало ихъ тогда же въ своихъ «Трудахъ» и избрало четырнадцатилѣтняго Тютчева въ члены-сотрудники. Пятнадцати лѣтъ Тютчевъ сталъ посѣщать университетъ, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Раичемъ, былъ очень любимъ Мерзляковымъ, и блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата. Переѣхавъ въ Петербургъ, Тютчевъ поступилъ, 21-го февраля 1822 года, на службу въ Государственную Коллегію Иностран-

ныхъ Дѣлъ, гдѣ оставался до начала 1823 года, когда былъ причисленъ сверхштатнымъ чиновникомъ къ миссіи въ Мюнхенѣ. Затѣмъ въ 1825 году онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1828 — назначенъ вторымъ секретарёмъ при миссіи въ Мюнхенѣ, а въ 1835 — пожалованъ камергеромъ Двора Его Величества. Съ 1823 по 1844 годъ Тютчевъ оставался за границей, съ двадцати-лѣтняго возраста до сорока одного году. Онъ былъ обласканъ знаменитыхъ Гёте, коротокъ съ Гейне и близокъ почти со всѣми свѣтилами мысли и науки, по преимуществу въ южной и средней Германіи. Съ 28-го іюня по 22-е августа 1836 года Ѳёдоръ Ивановичъ исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Мюнхенѣ; затѣмъ, въ концѣ 1837 года, былъ назначенъ старшимъ секретарёмъ миссіи въ Туринѣ, а съ 22-го іюня 1838 по 25-е іюня 1839 года исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ при Дворѣ короля Сардинскаго. Такъ-какъ въ тогдашнемъ Туринѣ дѣлать было нечего, то, увлёкшись однажды желаніемъ съѣздить въ Швейцарію, Тютчевъ заперъ посольство и, положивъ ключъ въ карманъ, оставилъ Туринъ. За это Ѳёдоръ Ивановичъ былъ исключёнъ изъ службы и лишонъ каммергерскаго званія. Переселившись въ Мюнхенъ, онъ прожилъ въ нёмъ до 1844 года, когда, по ходатайству великой княгини Маріи Николаевны, былъ прощёнъ покойнымъ Государемъ и былъ снова принятъ на службу по министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1846 году Тютчевъ получилъ новое назначеніе — состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ, а въ 1848 — назначенъ былъ старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ прежней должности. 6-го октября 1855 года, независимо отъ занимаемыхъ имъ двухъ должностей, Ѳёдоръ Ивановичъ назначенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, въ число членовъ комитета цензурнаго разсмотрѣнія приготовленныхъ къ печати посмертныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго. Затѣмъ, въ 1857 году, онъ былъ произведёнъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Санктпетербургскаго Комитета Цензуры Иностранной, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Эту послѣднюю должность Ѳёдоръ Ивановичъ занималъ до самой смерти и былъ, во время ея исправленія, пожалованъ, въ 1861 и 1863 годахъ, кавалеромъ орденовъ Св. Станислава и Св. Анны первыхъ степеней, а въ 1865 году произведёнъ въ тайные совѣтники.

Первыя стихотворенія Тютчева были напечатаны въ 1826 году, въ альманахѣ «Уранія», гдѣ были помѣщены три слѣдующія его пьесы: «Къ Нисѣ», «Пѣснь скандинавскихъ воиновъ» и «Проблескъ». Всѣ они были перепечатаны, впослѣдствіи, въ его «Стихотвореніяхъ». Затѣмъ, въ «Сѣверной Лирѣ» на 1827 годъ, появилось пять его стихотвореній: «Пѣснь радости» изъ Шиллера, «Слёзы», «Съ чужой стороны», «Изъ Гейне», «Саконтала» изъ Гёте и «Въ альбомъ друзьямъ» изъ Байрона. Эти стихотворенія, за исключеніемъ «Пѣсни радости», были перепечатаны въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Тютчева». Нѣсколько стихотвореній его помѣщено было также и въ альмонахѣ барона Дельвига «Сѣверныя Цвѣты» на 1827 и 1830 года. Изъ нихъ только одно, именно — «Подражаніе арабскому», начинающееся стихомъ «Клянусь коня волнистой гривой», не вошло въ собраніе стихотвореній автора, изданныхъ редакціей «Современника» въ 1854 году. Наконецъ, въ «Галатеѣ» на 1829 и 1830 года (части 1-я, 2-я, 4-я, 6-я, 7-я, 11-я, 12-я, 15-я, 16-я и 18-я) Ѳёдоръ Ивановичъ помѣстилъ ещё тринадцать стихотвореній, подъ слѣдующими заглавіями: «Весенняя гроза», «Могила Наполеона», «Cache-cache», «Лѣтній вечеръ», «Друзьямъ», «Видѣніе», «Безсонница», «Изъ Фауста», «Изъ Гейне», «Вечеръ», «Сны», «Привѣтствіе духа» — изъ Гёте и «Изъ Гейне». Изъ нихъ пьесы «Друзьямъ», «Безсонница», «Изъ Гейне» и «Вечеръ» не вошли въ оба изданія «Стихотвореній Ѳ. И. Тютчева». Всѣ эти стихотворенія, написанныя частью въ Россіи, частью въ Мюнхенѣ, куда Тютчевъ переѣхалъ въ концѣ 1828 года, прошли почти незамѣченными, несмотря на то̀, что многія изъ нихъ отличались тѣми же самыми достоинствами, какъ и *стихотворенія, присланныя изъ Германіи* въ пушкинскій «Современникъ» 1836—1840 годовъ, и подъ которыми *весьма чотко выставлены были буквы Ѳ. Т.* Вслѣдстіе ли этого невниманія публики къ его произведеніямъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ — только, начиная съ 1830 года, стихотворенія Тютчева перестали появляться въ журналахъ, что̀ продолжалось цѣлыя шесть лѣтъ.

«Въ 1836 году Пушкинъ основалъ новый журналъ «Современникъ», говоритъ Н. А. Некрасовъ въ своей статьѣ: «Русскіе второстепенные поэты». («Современникъ», 1850, № I, отд. VI, стр. 56). «Основаніе этого журнала и появленіе первыхъ его книжекъ сопровождалось въ нашей литературѣ весьма замѣчательными толками, спорами и событіями. Съ третьяго же тома въ «Современникѣ»

начали появляться стихотворенія, въ которыхъ было столько оригинальности мысли и прелести изложенія, столько, однимъ словомъ, поэзіи, что, казалось, только самъ же издатель журнала могъ быть авторомъ ихъ. Но подъ ними весьма четко выставлены были буквы: «Ѳ. Т.»; носили они одно общее названіе: «Стихотворенія, присланныя изъ Германіи». Прежде всего скажемъ, что хотя они и присылаемы были изъ Германіи, но не подлежало никакому сомнѣнію, что авторъ ихъ былъ русскій: всѣ они написаны были чистымъ и прекраснымъ языкомъ и многія носили на себѣ живой отпечатокъ русскаго ума, русской души. Подпись Ѳ. Т — въ, вмѣсто Ѳ. Т., появившаяся вскорѣ подъ однимъ изъ нихъ, окончательно подтвердила, что авторъ ихъ нашъ соотечественникъ. Сдѣлавъ это замѣчаніе для тѣхъ, которыхъ могло бы испугать заглавіе стихотвореній, мы продолжаемъ. Съ-тѣхъ поръ (съ 1836), время отъ времени, продолжали появляться въ «Современникѣ» стихотворенія за этою подписью, до 1840 года включительно. Съ 1841 года мы уже не встрѣчали этого имени въ «Современникѣ»; въ другихъ журналахъ оно также не появлялось, и, можно сказать, что съ того времени оно вовсе исчезло изъ русской литературы. Неизвѣстно навѣрное, обращало ли оно на себя какое-нибудь вниманіе публики въ то время, когда появлялось въ печати, но положительно можно сказать, что ни одинъ журналъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Между-тѣмъ, стихотворенія Ѳ. Т—ва принадлежатъ къ немногимъ блестящимъ явленіямъ въ области русской поэзіи. Г-нъ Ѳ. Т. написалъ очень немного; но всё написанное имъ носитъ на себѣ печать истиннаго и прекраснаго таланта, нерѣдко самобытнаго, всегда граціознаго, исполненнаго мысли и неподдѣльнаго чувства. Мы увѣрены, что еслибъ г. Ѳ. Т. писалъ болѣе, талантъ его доставилъ бы ему одно изъ почётнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи.»

Такимъ образомъ былъ найденъ Некрасовымъ новый могучій талантъ, который, впрочемъ, и не нужно было отыскивать, такъ-какъ онъ существовалъ въ нашей литературѣ уже цѣлую четверть столѣтія, считая съ 1826 года, времени напечатанія первыхъ стихотвореній и кончая 1850 годомъ, въ которомъ была написана статья Н. А. Некрасовымъ, талантомъ столько же могучимъ, какъ и талантъ Ѳ. И. Тютчева, хотя и совершенно въ другомъ родѣ. Но если статья Некрасова не имѣла магическаго дѣйствія волшебнаго жезла, тѣмъ не менѣе она открыла глаза многимъ и подготовила тотъ переходъ въ критикѣ отъ незаслуженныхъ похвалъ произведеніямъ Соколовскаго, Филимонова, Тимофѣева, фонъ-Лизандра, Печерина, Трилунваго, Мятлева и другихъ — къ похваламъ вполнѣ заслуженнымъ произведеній Хомякова, Полежаева, Некрасова, Кольцова, Майкова, Тургенева, Фета, Огарёва, Клюшникова, Полонскаго, Щербина и Тютчева.

Стихотворенія Ѳ. И. Т—ва, о которыхъ говоритъ Некрасовъ въ своей статьѣ, есть тѣ тридцать девять стихотвореній, помѣщённыя въ 3, 4, 6, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 19 и 20 томахъ «Современника» Пушкина и Плетнёва на 1836 — 1840 года, которыя, вмѣсто съ прежде-напечатанными, въ числѣ 96 пьесъ, были перепечатаны «Современникомъ» Панаева и Некрасова въ 1854 году, въ видѣ прибавленія къ 3-й книжкѣ журнала, и которыя были встрѣчены такими восторженными похвалами критики и читающей публики. Удивительное измѣненіе вкусовъ! Тó, чтó было пропущено безъ вниманія въ 1836—1840 годахъ; тó въ 1854 году вызываетъ восторженныя похвалы, которыя, на этотъ разъ, выбираютъ своимъ предметомъ произведенія дѣйствительно замѣчательныя и того достойныя. Вслѣдъ за перепечатаніемъ этихъ девяносто шести пьесъ, именно — въ 4-й книжкѣ того же «Современника» и за тотъ же годъ, была напечатана статья И. С. Тургенева, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева», въ которой, назвавъ Тютчева «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, завѣщанныхъ намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина», онъ говоритъ, между-прочимъ: «Мы сказали сейчасъ, что г. Тютчевъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для современниковъ, Ѳ. И. Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предъидущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жосткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную, живопись Майкова; но на одномъ г. Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ нёмъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора — словомъ, хоть часть того, чтò въ полномъ развитіи своёмъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ г.

Тютчева не обширенъ — это правда, но въ нёмъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно-разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ нёмъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто лирическихъ; но эти элементы опредѣлительно-ясны и срослись съ самою личностью автора, отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ, они всё кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте: то-есть они непридуманы, а выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоцѣнному качеству мы узнаёмъ, между-прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени. Самыя короткія стихотворенія г. Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ нёмъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно; но онъ, говоря словомъ, не совсѣмъ принятымъ въ хорошемъ обществѣ, не выѣзжаетъ на нёмъ, не принимается компоновать и раскрашивать свои фигуры. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бываютъ натянуты и холодны у г. Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ г. Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ — плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и даётся ему.»

Спустя два мѣсяца, въ 5-й книжкѣ «Современника» 1854 года было помѣщено еще 19 стихотвореній Тютчева, служащихъ дополненіемъ къ напечатаннымъ въ 3-мъ нумерѣ того же журнала и взятыхъ изъ журналовъ и сборниковъ двадцатыхъ годовъ. Затѣмъ, въ томъ же 1854 году, всё собранныя редакціей «Современника» пьесы Тютчева были изданы отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. С. Петербургъ, 1854», причёмъ редакціей было заявлено, что она «помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ къ самой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ отвергнуты.» Начиная съ 1851 года, въ которомъ былъ напечатанъ въ «Раутѣ» Сушкова его прекрасный переводъ баллады Шиллера «Поминки», стихотворенія Тютчева стали снова, хотя весьма рѣдко, появляться на страницахъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ, газетъ и сборниковъ, возбуждая общее вниманіе. Укажемъ на девять стихотвореній, помѣщённыхъ въ 1-й и 2-й частяхъ «Русской Бесѣды» на 1857 годъ, на переводъ изъ Шиллера «Фортуна и Мудрость» («Шиллеръ, изданный Гербелемъ», 1857, т. II), на два стихотворенія, посвящённыя: «Князю П. А. Вяземскому», по случаю его юбилея, и «Памяти Е. П. Ковалевскаго» («День», 1861, № I, и «Москва», 1868, № 139), на привѣтствіе «Братьямъ-славянамъ», произнесённое при пріёмѣ въ Москвѣ славянскихъ гостей, посѣтившихъ тамошнюю этнографическую выставку 1867 года («Братьямъ-славянамъ», Москва, 1867), на три стихотворенія («А. Н. Муравьеву», «Гусъ на кострѣ» и «Два единства»), напечатанныя въ 9-й книжки «Зари» 1869 года и 5-мъ и 10-мъ нумерахъ того же журнала на 1870-ый, на прелестное стихотвореніе, написанное Тютчевымъ по поводу посѣщенія турецкаго султана императрицей Евгеніей и императоромъ Францемъ-Іосифомъ, и начинающееся стихомъ: «Флаги вѣютъ на Босфорѣ», напечатанное въ «Голосѣ» на 1867 годъ и, наконецъ, на пьесу: «Чорное море», написанную для одной изъ живыхъ картинъ спектакля, даннаго петербургскимъ отдѣломъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ зиму 1871 года и отпечатанную въ брошюрѣ «Стихотворенія къ живымъ картинамъ» (Спб. 1871, стр. 41).

Въ 1852 году Тютчевымъ напечатана была въ «Revue des Deux Mondes» замѣчательная статья о латинской церкви, въ которой противопоставлялась ей православная, и ещё нѣсколько другихъ на французскомъ же языкѣ, изъ которыхъ двѣ, посвящённые вопросамъ современной политики иностранной и вопросу о цензурѣ, были помѣщены въ «Русскомъ Архивѣ» на 1873 годъ.

31-го декабря 1872 года его поразилъ ударъ и парализовалъ ему одну руку и ногу. Послѣдніе дни онъ провёлъ безъ страданій. Дѣятельность мысли и остроуміе не покидали его до послѣднихъ дней, равно какъ и живое участіе въ политическихъ судьбахъ Россіи. Хивинскій походъ и затѣмъ борьба государства съ церковью въ Германіи въ особенности занимали его въ послѣдніе мѣсяцы.

Тютчевъ скончался 15-го іюля 1873 года въ Царскомъ-Селѣ и погребёнъ въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ.

Предполагается собрать и издать его письма къ разнымъ лицамъ: это будетъ обширный сборникъ, обильный самыми блестящими мыслями, дальновидными соображеніями и остроумнѣйшими выраженіями.

Прекрасная и полная біографія Тютчева, написанная зятемъ покойнаго, нашимъ извѣстнымъ по-

этомъ и публицистомъ И. С. Аксаковымъ, напечатана во 2-й книжкѣ «Русскаго Архива» на 1874 годъ.

Онъ былъ женатъ два раза и отъ обоихъ браковъ остались дѣти: отъ перваго — три дочери, отъ второго же, изъ двухъ сыновей и дочери, остался въ живыхъ одинъ сынъ.

Второе изданіе стихотвореній Тютчева было издано въ 1868 году, въ Петербургѣ же, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. Новое (2-е) изданіе, дополненное всѣми стихотвореніями, написанными послѣ 1854 года.» Стихотворенія Тютчева переведены на нѣмецкій языкъ и изданы въ Мюнхенѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «F. J. Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaassen des Originals, dem Russischen nachgebildet von H. Noé. München. 1861». Лучшіе разборы стихотвореній Ѳ. И. Тютчева принадлежатъ: Н. А. Некрасову и А. А. Фету, изъ которыхъ о первомъ было сказано выше, а второй былъ помѣщёнъ во 2-й книжкѣ «Русскаго Слова» на 1859 годъ.

I.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Ещё въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужь весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ —

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идётъ! весна идётъ!
Мы молодой весны гонцы:
Она насъ выслала впередъ.»

Весна идётъ, весна идётъ —
И тихихъ, тёплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

II.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала
И надъ тусклою землёю
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ всё трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою —
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загоралися надъ землёю.

III.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихіи одной.
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ'
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ,
Тотъ же всё вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же всё призракъ тревожно-пустой.

IV.

Не то̀, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ сёмъ мірѣ какъ въ потьмахъ:
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была —

И языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы, души въ нёмъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

V.

И такъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣдный призракъ, немощный и смутный
Забытаго, загадочнаго счастья!

О, какъ теперь безъ вѣры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшой, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ —
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!

VI.

ПОКИНУТАЯ ВИЛЛА.

И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью — тѣнью елисейской —
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ тому ужь вѣка два иль болѣ
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдолѣ,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и тёплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полу-сонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

По прежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ —
И спитъ она — и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли: всё было такъ спокойно,
Такъ всё отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ всё смутилось; судорожный трепетъ
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ — и нѣкій чудный лепетъ
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ.

Что это, другъ? Иль злая жизнь недаромъ —
Та жизнь, увы, что въ насъ тогда текла —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

VII.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота дерёвъ,
Багряныхъ листьевъ томный, лёгкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землёю,
И — какъ предчувствіе сходящихъ бурь —
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье — и на всёмъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовёмъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

VIII.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный —
Всё вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

IX.

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ грустить;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Ещё на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участьемъ умилённымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещрённымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ нёмъ для насъ,
Когда, что́ такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило
Въ послѣдній улыбнётся разъ!

X.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ. Мы были двое;
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина за́мка въ даль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой —
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ и съ за́мкомъ, и съ тобой.

И вечеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла;
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догоралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты съ весёлостью безпечной
Счастливый провожала день —
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

XI.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредётъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ:
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредётъ по знойной мостовой.

XII.

Какъ птичка раннею зарей,
Міръ пробудившись, встрепенулся:
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ —
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ.

О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня!
О, какъ лучи его багровы!
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь, о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пеней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полу-сонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

XIII.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь — и звучными волнами
Стихія бьётъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ —
Ужь въ пристани волшебный ожилъ челнъ,

Приливъ ростётъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость тёмныхъ волнъ.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины —
И мы плывёмъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

XIV.

Песокъ сыпучій по колѣни...
Мы ѣдимъ; поздно — меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

XV.

ДЕНЬ И НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ
Надъ этой бездной безымянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.

День — сей блистательный покровъ —
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла и, съ міра роковова
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межь ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

XVI.

Флаги вѣютъ на Босфорѣ,
Пушки празднично гремятъ,
Небо ясно — блещетъ море
И ликуетъ Цареградъ.

И не даромъ онъ ликуетъ:
На волшебныхъ берегахъ
Нынѣ весело пируетъ
Благодушный падишахъ.

Угощаетъ онъ на славу
Милыхъ западныхъ друзей —
И свою бы всю державу
Заложилъ для нихъ, ей-ей!

Изъ премудраго далёка
Франгистанской ихъ земли,
Погулять на счётъ Пророка
Всѣ они сюда пришли.

Пушекъ громъ и мусикія —
Здѣсь Европы всей привалъ,
Здѣсь всѣ силы міровыя
Свой справляютъ карнавалъ.

И, при крикахъ изступлённыхъ,
Бойкій западный разгулъ
И въ гаремахъ потаённыхъ
Двери настежъ распахнулъ.

Какъ въ роскошной этой рамѣ
Дивныхъ горъ и двухъ морей,
Веселится объ исламѣ
Христіанскій съѣздъ князей!

И конца нѣтъ ихъ привѣтамъ:
Обнимаетъ брата братъ.
О, какимъ отраднымъ свѣтомъ
Звѣзды Запада горятъ!

И всѣхъ ярче и милѣе
Свѣтитъ тутъ звѣзда одна —
Коронованная фея
Рима дочь, *его* жена.

Съ пресловутаго театра
Всѣхъ изяществъ и затѣй,
Какъ вторая Клеопатра,
Въ сонмѣ царственныхъ гостей,

На востокъ она явилась,
Всѣмъ на радость, не на зло —
И предъ нею всё склонилось:
Солнце съ Запада взошло!

Только тамъ, гдѣ тѣни бродятъ
По долинамъ и горамъ
И куда ужь не доходятъ
Эти клики, этотъ гамъ,

Только тамъ, гдѣ тѣни бродятъ,
Тамъ, въ ночи, изъ свѣжихъ ранъ
Кровью медленно исходятъ
Милліоны христіанъ.

XVII.

НѢМАНЪ.

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой,
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога
Ты супостата къ ней впустилъ —
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ на-вѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое, Нѣманъ —
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ — могучій, южный демонъ —
И ты, какъ нынѣ, протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И *онъ* струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамёна весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли —
И съ высоты, какъ нѣкій Богъ,
Казалось онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и всё стерёгъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ *другой* — стоялъ и ждалъ.
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевыя лица —
И неизбѣжная *десница*
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамёна гордо развѣвались,
Струились молніей штыки
И барабаны заливались.
Несмѣтно было ихъ число —
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.

—

А. И. ПОДОЛИНСКІЙ.

Александръ Ивановичъ Подолинскій родился въ 1806 году въ Кіевѣ, гдѣ провёлъ первую молодость до поступленія въ благородный пансіонъ при Петербургскомъ университетѣ. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1824 году, онъ, на пути въ Кіевъ, встрѣтился на почтовой станціи въ Черниговѣ съ Пушкинымъ, возвращавшимся изъ одесской ссылкѣ въ свою псковскую деревню. Увидѣвъ въ залѣ какого-то молодого человѣка, въ жолтыхъ нанковыхъ шароварахъ и цвѣтной русской рубашкѣ, подпоясанной чорнымъ шейнымъ платкомъ, шагающаго вдоль стойки буфета, Подолинскій принялъ его за полового, и когда тотъ, взглянулъ на его казённый сюртукъ, похожій на лицейскій, обратился къ нему съ вопросомъ: «вы изъ Царскосельскаго лицея?» отвѣчалъ довольно сухо. — «А, такъ вы были вмѣстѣ съ моимъ братомъ», возразилъ собесѣдникъ. Это озадачило Подолинскаго, и онъ уже вѣжливо попросилъ его назвать свою фамилію. «Я Пушкинъ. Братъ мой Левъ былъ въ вашемъ пансіонѣ.» Надо замѣтить, что слава Пушкина достигла въ то время своего зенита и потому легко себѣ представить, какъ Подолинскій былъ обрадованъ неожиданною встрѣчею и сконфуженъ своею опрометчивостью. Тѣмъ не менѣе, молодые путешественники разговорились. Пушкинъ разсказалъ, что ѣдетъ изъ Одессы въ деревню; но что усмиреніе его не совсѣмъ ещё кончено, и, смѣясь, показалъ свою подорожную, гдѣ по порядку были прописаны всѣ города, на какіе именно онъ долженъ былъ ѣхать. Затѣмъ онъ попросилъ Подолинскаго передать въ Кіевѣ записку генералу Раевскому, тутъ же имъ написанную. Понадобилось запечатать её; но у Пушкина печати не оказалось. Подолинскій досталъ свою и она пришлась какъ нельзя болѣе кстати: вырѣзанныя на ней буквы А. П. какъ разъ подходили къ его имени и фамиліи. Эта случайность сильно порадовала Подолинскаго, уже втихомолку начинавшаго риѳмовать и потому увидѣвшаго въ такой тождественности счастливое для себя предзнаменованіе.

Въ 1825 году Подолинскій возвратился въ Петербургъ, гдѣ скоро опредѣлился въ гражданскую службу, которая, впрочемъ, не препятствовала его литературнымъ занятіямъ, шедшимъ съ ней весьма мирно рука объ руку. Въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ былъ мало знакомъ съ записными литераторами, предпочитая имъ небольшой кружокъ своихъ товарищей по университетскому пансіону. Нѣкоторые, изъ составлявшихъ

эти дружескія сходки, пріобрѣли, впослѣдствіи, почётную извѣстность, а одинъ изъ нихъ — М. И. Глинка — въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оживлявшій ихъ своими вдохновенными импровизаціями, прославилъ своё имя. Въ 1827 году вышла въ свѣтъ первая поэма Подолинскаго: «Дивъ и Пери», встрѣченная единодушными похвалами журналовъ. Этотъ успѣхъ свёлъ его съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, въ томъ числѣ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, изъ которыхъ первый отнёсся къ нему при встрѣчѣ самымъ радушнымъ образомъ, а со вторымъ онъ сошолся ещё ближе, помѣщая свои стихотворенія въ его «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 — 1830 годовъ, причёмъ бывалъ у него очень часто, независимо отъ еженедѣльныхъ вечеровъ, на которые собирался у него избранный литературный кружокъ. Дружба эта продолжалась до появленія въ печати, въ 1830 году, новой поэмы Подолинскаго «Нищій», вызвавшей самыя оживлённые и противорѣчивые споры. Дельвигъ оказался въ числѣ порицателей — и его рецензія, довольно рѣзкая и заносчивая, разорвала на всегда дружественныя отношенія двухъ поэтовъ. Въ 1829 году Подолинскій напечаталъ свою стихотворную повѣсть въ двухъ частяхъ «Борскій», а въ началѣ 1831 оставилъ службу въ Петербургѣ и переѣхалъ въ Одессу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ того времени стали появляться его мелкія стихотворенія, отличавшіяся необыкновенною гладкостью и звучностью стиха, изъ которыхъ три: «Гурія», «Отчуждённый» и «Сиротка», напечатанныя въ 9-й книжки «Библіотеки для Чтенія» на 1836 годъ, обратили на себя общее вниманіе. Напечатавъ въ 3-мъ № «Библіотеки для Чтенія» на 1837 годъ свою новую поэму «Смерть Пери», Подолинскій, въ концѣ того же года, издалъ въ Петербургѣ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Повѣсти и мелкія стихотворенія», куда вошло всё написанное имъ по 1837 годъ. Большинство журналовъ, въ томъ числѣ «Библіотека для Чтенія», «Сѣверная Пчела» и «Одесскій Вѣстникъ», встрѣтили появленіе книги весьма благосклонно. Весной того же года Подолинскій объѣхалъ Крымъ — и результатомъ этой поѣздки былъ рядъ стихотвореній, а въ томъ числѣ и лучшія изъ нихъ: «Переѣздъ черезъ Яйлу», напечатанный въ 7-мъ томѣ «Современника» на 1837 годъ, «Дружба», помѣщённое въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1838, № 10) и «Мелодія», «Цвѣты» и «Стансы», появившіяся, два года спустя, въ «Утренней Зарѣ» на 1839 годъ. Затѣмъ стихотворенія его перестали встрѣчаться на страницахъ журналовъ до самаго 1855 года, когда севастопольскія событія побудили его прервать молчаніе и помѣстить въ 12-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года послѣднее своё стихотвореніе: «Союзникамъ». Полное собраніе его сочиненій, съ пріобщеніемъ 37 новыхъ стихотвореній, издано г. Устряловымъ, подъ заглавіемъ: «Сочиненія А. И. Подолинскаго. Двѣ части. Спб. 1860.»

I.

ЗВѢЗДА.

Когда, по волѣ исполина,
Текла несмѣтная дружина —
Звѣзда побѣдъ её вела,
И, мнилось, царствамъ въ поруганье,
Сосредоточила сіянье
Вокругъ избраннаго чела.

Питомцы мира и покоя,
Народы робкіе, безъ боя,
Безмолвно поклонялись ей;
Она жь, въ своёмъ полётѣ скоромъ,
Блестящимъ, дивнымъ метеоромъ
Неслась чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣй.

И вотъ — явленіемъ нежданнымъ
Подъ небомъ Сѣвера туманнымъ
Внезапно вспыхнула она:
Мгновенно очи ослѣпила —
И страшнымъ блескомъ пробудила
Холодный Сѣверъ ото сна.

Крѣпка любовью и молитвой,
На смерть рѣшительною битвой
Воздвиглась Русская Земля —
И участь грознаго свершилась:
Звѣзда побѣдная затьмилась
Въ кровавомъ заревѣ Кремля.

И что жь? Пріемля даръ свободы,
Ещё со страхомъ ждутъ народы,
Откуда вновь она блеснётъ:
Не съ береговъ ли шумной Сены,
Иль на гранитъ Святой Елены
Опять къ любимцу низойдётъ?

Не тамъ! Любви народной сила
Ея полётъ остановила —
И на сѣдинѣ вѣковой
Оно съ Кремля блеснула взорамъ,
Но не мгновеннымъ метеоромъ,
А неподвижною звѣздой.

II.

ГУРІЯ.

«Не ходи на поле битвы,
Не точи свой ятаганъ!
Не спасутъ тебя молитвы
Въ тучѣ стрѣлъ отъ ѣдкихъ ранъ.
Милый другъ, тамъ за Пророка
Долы цѣлые въ крови:
Не ходи жь на встрѣчу рока,
Осуши слезу любви!»

И рабѣ своей покорный
Воинъ-юноша внималъ
И въ раздумьѣ локонъ чорный
Ей свивалъ и развивалъ.
Потухаетъ жажда брани,
Въ сердце крадется печаль —
И скользитъ изъ жаркой длани
Недоточенная сталь.

Вотъ и вечеръ темнокрылый
На сады, на волны палъ.
Одалиски, сердцу милой,
Грустный другъ не покидалъ;
Ихъ засталъ и часъ полночи
Съ грудью грудь... горятъ уста —
И смыкаетъ сладко очи
Утомлённая чета.

Но, какъ съ неба голубого
Сходитъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Очи воина младого
Сонъ волшебный посѣтилъ:
Снилось — кто-то въ морѣ злата
Пролетѣлъ и вдругъ исчезъ;
Но съ восхода до заката
Онъ раздвинулъ сводъ небесъ.

И въ сіяньи сходитъ дѣва:
Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,
Вѣтвь божественнаго древа
И фіялъ въ ея рукѣ.
Станъ, въ дыму прозрачной ткани,
Бѣлъ, какъ снѣгъ на темѣ горъ,
Грудь — какъ волны, очи — лани;
Но упрёкомъ блещетъ взоръ.

Воинъ медленно подъемлетъ
Полусонную главу.
Пробудился онъ иль дремлетъ —
Онъ не помнитъ; на яву

Передъ нимъ всё та же дѣва,
Тотъ же блескъ со всѣхъ сторонъ —
И, какъ стройный звукъ напѣва,
Голосъ дѣвы слышитъ онъ:

«Не страшись: я дѣва рая!
Я, на лёгкихъ крыльяхъ сна,
Изъ надсолнечнаго края
Въ здѣшній міръ занесена.
Въ звѣздномъ хорѣ одиноко
Я полётъ свершаю мой
И поклонника Пророка
Жажду страстною душой.

«Какъ недвижныя свѣтила,
Вѣченъ блескъ красы моей:
Время, горе и могила
Тратятъ власть свою надъ ней;
Отъ моихъ лобзаній таетъ
Сердце въ пламени любви
И угасшій воскресаетъ
Огнь желанія въ крови.

«Но того съ двойной любовью
Приметъ гурія на грудь,
Кто въ бояхъ своею кровью
Освятитъ Пророка путь.
О, покинь, кого ты любишь!
Стань подъ знаменемъ святымъ!
Ты небесное погубишь
Наслажденіемъ земнымъ!»

Смолкла. Ризой серебристой
Обвилась и, вся въ лучахъ,
Какъ алоя паръ душистый,
Утонула въ небесахъ.
И за ней палящимъ взоромъ
Воинъ вслѣдъ; душа полна
Страстью новой — и укоромъ
Грудь порою стѣснена.

На подругу взводитъ очи;
Но не къ ней любви огонь!
Онъ встаётъ. Подъ кровомъ ночи
Тихо выведенъ имъ конь.
За плечами лукъ и стрѣлы,
Ятаганъ за кушакомъ —
И понёсся воинъ смѣлый
На свиданіе съ врагомъ.

День зажогъ края востока.
Прытче конь — и скоро онъ

Подъ знамёнами Пророка
Ѣздокомъ остановлёнъ.
Мигъ вздохнулъ, и вновь летучій
Въ бой помчался съ сѣдокомъ —
И, какъ въ бурю туча съ тучей,
Воинъ встрѣтился съ врагомъ.

Вдругъ ударъ: облитый кровью
Онъ упалъ на груды тѣлъ.
Смерть надъ нимъ; но къ изголовью
Кто-то свѣтлый подлетѣлъ.
Онъ взглянулъ: то дѣва рая!
Всё въ ней блескъ и красота —
И зажглися, умирая,
И прильнули къ ней уста.

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДИВЪ И ПЕРИ».

1.

Изъ предѣловъ Сегестана,
Къ дальнимъ рощамъ Хорасана
Пери лёгкая неслась.
Тѣнь ложилась на равнины —
И безмолвны тѣ долины,
Гдѣ когда-то кровь лилась,
Гдѣ неслись ордынцевъ клики,
Голосъ керны завывалъ
И на трупахъ тотъ великій,
Тотъ ужасный пировалъ,
Кто на царства и народы
Съ шумомъ бури налеталъ
И, какъ вихорь непогоды,
Разрушеніемъ дышалъ.
Онъ промчался — и повсюду
Нивы кровью напоилъ;
Грады въ каменную груду,
Храмы въ пепелъ обратилъ.
Но свершилось! Мечъ Некира,
Мечъ Судебъ неумолимъ:
Онъ сверкнулъ — и въ лонѣ мира
Пепелъ грознаго хранимъ.
Стихнулъ вихрь опустошенья,
Битвы смолкли — и одинъ
Мрачный духъ уединенья
Ходитъ въ сумракѣ долинъ.
Онъ — задумчивъ и печаленъ —
Часто зримъ во мглѣ ночной
Надъ громадою развалинъ,
Озаряемыхъ луной.
Тотъ предѣлъ перелетая,
Видитъ Пери: чуть мелькая,
Между камней цвѣтъ ночной
Блещетъ радужной росой,
И, склонясь подъ сѣнью древа,
Какъ задумчивая дѣва,
Дремлетъ въ нѣгѣ — и сквозь сонъ
Ароматомъ дышетъ онъ.
И къ нему, благоуханьемъ
Съ высоты привлечена,
Мчится Пери — и дыханье
Пьётъ душистое она.

2.

Вотъ ужь гаснетъ, померкая,
Строй полуночныхъ свѣтилъ.
Ангелъ свѣта растворилъ
Дверь Эдема — и, блистая,
Пурпуръ дня межь облаковъ
Льётся райскими лучами,
Какъ сіянье надъ главами
Неотверженныхъ духовъ.
Разошлись ночныя тѣни,
Зарумянился потокъ
И цвѣты и рощей сѣни
Обратились на востокъ;
И роса изъ лона розы
Покатилась на листы —
И сіяетъ, будто слёзы,
На румянцѣ красоты.
Но — недвижный и угрюмый —
Дивъ объятъ мятежной думой;
И, зарёй освѣщена,
Пери всё томна, блѣдна.
И на волю изъ темницы
Смотритъ плѣнница сквозь слёзъ:
Благодатный лучъ денницы
Ей веселья не принёсъ.
Ей не въ радость дня сіянье —
И невольное стенанье
Перси жаркія тѣснитъ.
Съ грустью Пери говоритъ:
«Облака, куда летите?
Подождите, посмотрите —
И снесите въ вышинѣ
Вѣсть подругамъ обо мнѣ.
Имъ доступно состраданье;
На печальное свиданье
Съ высоты слетятъ онѣ —
И цвѣтовъ блестящимъ златомъ

Мнѣ повѣютъ ароматомъ,
И алмазъ, и изумрудъ
Въ даръ скорбящей принесутъ.
Но зачѣмъ сіянье злата?
Что мнѣ вешній ароматъ?
Воли горькая утрата,
Чѣмъ тебя мнѣ замѣнятъ?
Дайте, дайте мнѣ свободу!
Я къ румяному восходу,
Въ безпредѣльность высоты,
Полечу быстрѣй мечты.
Тамъ вольнѣй моё дыханье,
Тамъ яснѣй увижу я
Пробуждённое созданье
Въ полномъ блескѣ бытія.
Тамъ, лучами дня согрѣта,
Встрѣчусь я съ духами свѣта,
Съ ихъ сіяніемъ сольюсь.
Что? Куда? О чёмъ молюсь?
Мнѣ ль, преступной, упованье?
Мнѣ ль, отверженной, сіянье
И Эдема красота?
О, бѣги, бѣги, мечта!
Вижу сомкнутыя двери:
Я въ плѣну»! И очи Пери
Полны слёзъ — и вновь она
Тайной грусти предана.

IV.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «БОРСКІЙ».

Подъ небомъ чуждымъ бѣдный странникъ,
Владиміръ Борскій, много дней
Провёлъ, скитаясь, какъ изгнанникъ,
Вдали отъ родины своей.
Чужой языкъ, чужіе нравы
Ему знакомы. Видѣлъ онъ
Холодный, гордый Альбіонъ
И Сены берегъ величавый:
Задумчивъ, долго онъ блуждалъ
Въ стѣнахъ развѣнчаннаго Рима —
И отъ гробницъ его бѣжалъ,
Величьемъ мёртвымъ ихъ томимый;
Въ отчизнѣ Телля видѣлъ онъ
Съ снѣгами слитый небосклонъ
И горы льдистою громадой,
И гулъ паденія лавинъ
Съ какой-то горестной отрадой
Онъ слушалъ въ сумракѣ долинъ.
Полміра грустный гражданинъ,
Безъ цѣли шолъ онъ въ край изъ края.
И на развалинахъ Аѳинъ
Стоялъ, о Сѣверѣ мечтая.
Но годы странствій протекли —
И нынѣ Борскій видитъ снова
Предѣлъ родной своей земли
И сѣни дѣдовскаго крова.
Гремя, съ воротъ упалъ затворъ:
Они скрипятъ и торопиво
Проходитъ Борскій длинный дворъ,
Поросшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мёртвый сонъ!
Кругомъ былого нѣтъ и тѣни.
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ:
Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ — и, съ грохотомъ глухимъ,
Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На этотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И кверху съ крикомъ понеслась.

Въ отцовскій домъ Владиміръ входитъ:
Ряды покоевъ передъ нимъ —
И въ нихъ онъ, молча, долго бродитъ,
Воспоминаніемъ томимъ.
Не эта ль пышная свѣтлица,
Гдѣ пировалъ его отецъ?
Она затихла наконецъ,
Она безмолвна, какъ гробница.
Кругомъ на стѣнахъ расписныхъ
Мелькаютъ въ рамахъ вырѣзныхъ
Знакомыя издавна лица;
Но сѣтью тёмной ихъ заткалъ
Кой-гдѣ паукъ трудолюбивый,
Развалинъ жтель молчаливый.
Въ пыли онъ далѣе встрѣчалъ
Рядами ружья и кинжалы,
Рога и сабли на ремняхъ,
И въ ветхихъ дѣдовскихъ шкапахъ
Ковши и древніе бокалы.
Его очамъ, какъ давній сонъ,
Опять минувшее предстало —
И сердце вдругъ затрепетало,
И тихо взоръ потупилъ онъ.
Но что? Какою грустью новой
Окованъ Борскій? Передъ нимъ
Покой съ панелію дубовой,
Объятый сумракомъ нѣмымъ.
Владиміръ сталъ: здѣсь всё родное!

Здѣсь въ колыбели онъ игралъ
И имя матери святое
У ней на персяхъ лепеталъ.
Душою чистый, безмятежный,
Игривъ, какъ лёгкій вѣтерокъ,
Не вѣдалъ онъ, младенецъ нѣжный,
Что добродѣтель, что порокъ.
Въ его душѣ не омрачённой
Таились миръ и правота,
Какъ бы въ святынѣ, охранённой
Нетлѣннымъ знаменьемъ креста.
Здѣсь долго, полный впечатлѣній,
Владиміръ, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
Не зная жизни и людей,
Не зналъ ни страха, ни сомнѣній.
Его мечта въ волшебный міръ
Людей и свѣтъ преобразила,
И ею созданный кумиръ
Его душа боготворила.
Онъ жилъ, онъ жизнь благословлялъ —
И, подозрѣньямъ недоступный,
Онъ слѣпо сердцемъ довѣрялъ
Любви и дружбѣ неподкупной.
Давно ль? и что жь? Мечты не тѣ!
Съ его очей повязка пала —
И безъ покрова жизнь предстала
Въ своей ужасной наготѣ.

Д. П. ОЗНОБИШИНЪ.

Димитрій Петровичъ Ознобишинъ, сынъ симбирскаго помѣщика, предки котораго появились въ Россіи при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Тёмномъ, родился въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ усадьбѣ своего отца, селѣ Троицкомъ, лежащемъ не далеко отъ рѣки Суры, въ Корсунскомъ уѣздѣ. Воспитывался онъ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, гдѣ считался постоянно въ числѣ первыхъ учениковъ и принималъ самое дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ С. П. Шевырёвымъ и В. П. Титовымъ, въ учрежденіи Литературнаго Собранія, по образованіи котораго былъ выбранъ товарищами аскультантомъ Литературнаго Общества, основаннаго ещё Жуковскимъ, въ бытность его воспитанникомъ того же пансіона. Ещё сидя на школьной скамьѣ Ознобишинъ обратилъ на себя вниманіе М. Т. Каченовскаго, тогдашняго издателя «Вѣстника Европы», и профессора Д. И. Давыдова своимъ стихотвореніемъ «Старецъ», напечатаннымъ въ 1820 году въ упомянутомъ выше журналѣ. По окончаніи полнаго курса наукъ въ названномъ заведеніи, Ознобишинъ поступилъ на службу въ московскій почтамтъ, въ которомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, занимался цензурою французскихъ газетъ. Поселившись въ Москвѣ и весьма мало стѣсняемый службой, онъ предался литературнымъ занятіямъ съ тою страстью, къ которой способна только молодость съ поэтически-настроеннымъ воображеніемъ. Первыя стихотворенія Ознобишина появились въ «Ураніи» и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», двухъ альманахахъ, московскомъ и петербургскомъ, на 1826 годъ. Затѣмъ, въ 1827 году, вмѣстѣ съ Раичемъ, талантливымъ переводчикомъ «Освобождённаго Іерусалима» Тасса, Ознобишинъ уже самъ составилъ альманахъ и, назвавъ его «Сѣверною Лирой», выпустилъ въ свѣтъ. Здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній, не представляющихъ ничего выдающагося, имъ было напечатано два весьма недурныхъ перевода: одной изъ «Еврейскихъ Мелодій» Байрона и «Неэры» Шенье. Въ 1829 и 1830 годахъ, въ журналѣ Раича «Галатея», былъ напечатанъ цѣлый рядъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Три розы», «Поселянка», «Арабскій конь», «Стансы», «Потерянная любовь», «Подражатели», «Магомедъ», «Поэтъ и свѣтскій человѣкъ» и «Троицынъ день», а въ концѣ того же 1830 года вышелъ въ свѣтъ, отпечатанный въ Петербургѣ отдѣльной книжкой, «Селамъ или языкъ цвѣтовъ», переведённый имъ незадолго предъ тѣмъ. Затѣмъ, въ 1834 году, Ознобишинъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній въ «Молвѣ»; въ 1839 — въ «Современникѣ» Плетнёва появился его переводъ греческой пѣсни: «Кончина юноши-жениха», а въ 1840 году, въ возобновившейся «Галатеѣ», три новыхъ его стихотворенія: «Тоска по отчизнѣ», «П. А. Потоцкому» и «Кавказская ночь». Начиная съ 1839 года, Ознобишинъ сталъ печатать свои стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго — и это была лучшая эпоха его поэтической дѣятельности. Всѣ пьесы, помѣщённыя здѣсь, какъ въ этомъ году, такъ и въ два слѣдующіе — безспорно лучшія произведенія Ознобишина. Такъ-какъ отдѣльнаго изданія его стихотвореній не существуетъ, то мы считаемъ не лишнимъ перечислить ихъ всѣ до послѣдняго, чтобы, въ случаѣ надобности, облегчить трудъ ихъ издателя. Въ 1839 году, №№ 7 и 8: «Вазантазена» и «Вороной конь»; въ 1840, №№ 3, 6 и 12: «Кисловодскъ», «Кавказское утро», «Пятигорскъ» и «Вечерняя молитва»; въ 1841, №№ 3, 4 и 7: «Воспоминанія народа», «Гондольеръ» и «Аксайская станица» и, наконецъ, въ

1842, №№ 2 и 3: «Кювье» и «Умирающій клефтъ». Затѣмъ, въ «Утренней Зарѣ» на 1843 годъ, былъ напечатанъ его переводъ народной шотландской пѣсни: «Жена Вильяма». Въ то же время, то-есть начиная съ 1841 года, Ознобишинъ сталъ помѣщать свои стихотворенія и въ «Москвитянинѣ» Погодина, только-что начавшемъ свою дѣятельность. Въ этомъ году, въ №№ 1, 2 и 4, были напечатаны слѣдующія пьесы: «Машукъ и Казбекъ», «Утренняя молитва» и «Нардзанъ», послѣ чего послѣдовалъ трёхлѣтній перерывъ, въ теченіе котораго стихотворенія Ознобишина перестали печататься въ «Москвитянинѣ» и только начиная съ 10-й книжки 1845 года стали снова появляться на страницахъ этого журнала. Такъ въ 10, 11 и 12 нумерахъ этого года были помѣщены слѣдующія три пьесы: «Мать и дочь», «Мурильо» и «Ковыль», а въ 1-й книжкѣ слѣдующаго года — «Кавказскій полдень и буря». Этимъ стихотвореніемъ, можно сказать, заключилась литературная дѣятельность Ознобишина, такъ-какъ всё, напечатанное имъ послѣ, слѣдовало одно за другимъ съ такими огромными промежутками, что появленіе трёхъ пьесъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ безмолвія и притомъ пьесъ, написанныхъ на случай, уже не можетъ считаться продолженіемъ нѣкогда дѣятельныхъ литературныхъ занятій. Эти три пьесы, напечатанныя авторомъ въ 1866 и 1867 годахъ, носятъ слѣдующія заглавія: «Стихи, произнесённые на столѣтнемъ юбилеѣ россійскаго историографа Н. М. Карамзина въ Симбирскѣ 1-го декабря 1866 года», «Князю П. А. Вяземскому, по прочтеніи его стихотворенія: «Тому сто лѣтъ», и «Въ память Д. В. Веневитинова». Первое изъ этихъ стихотвореній напечатано отдѣльной брошюрой, безъ заглавнаго листа и означенія мѣста и года печати, второе — помѣщено въ № 7 и 8 «Литературной Библіотеки» на 1867 годъ, а послѣднее — въ сборникѣ Погодина на тотъ же годъ, подъ названіемъ «Утро». Почти всю свою молодость Ознобишинъ провёлъ въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое, что видно изъ самыхъ заглавій его стихотвореній, которыя были нами приведены выше. Наконецъ, это видно изъ посланія къ нему Языкова, напечатаннаго въ 4-й части «Московскаго Наблюдателя» на 1835 годъ и которое мы приводимъ здѣсь въ извлеченіи:

Гдѣ ты странствуешь? Гдѣ нынѣ,
Мой поэтъ и полиглотъ,
Повѣряешь длинный счётъ?
Чай въ какой-нибудь пустынѣ,
На брегу безславныхъ водъ,
Гдѣ растительно живётъ
Человѣкъ, гдѣ и въ помнѣ
Нѣтъ возвышенныхъ заботъ!
Или кони рѣзвоноги
Мчатъ тебя съ твоей судьбой,
Въ дождь осенній, въ тьмѣ ночной,
По извилинамъ дороги,
Нелюдимой и лѣсной.
Иль на отдыхъ миговой
Входишь ты подъ кровъ убогій
И гражданственность съ тобой?
О, когда на жизнь иную
Промѣняешь ты, поэтъ,
Эту порчу юныхъ лѣтъ,
Эту сволочь дѣловую
Прозаическихъ суетъ?
Бога нашего тутъ нѣтъ!
Брось её — да золотую
Лиру вновь услышитъ свѣтъ!

Выйдя въ отставку, Ознобишинъ, по предложенію Корсунскаго уѣзднаго предводителя дворянства, принялъ на себя званіе почётнаго смотрителя Корсунскаго уѣзднаго училища, а чрезъ четыре года, на губернскихъ дворянскихъ выборахъ, большинствомъ двухъ третей голосовъ удостоенъ былъ званія почетнаго попечителя Симбирской гимназіи, каковую службу нёсъ два трёхлѣтія. Затѣмъ долгое время былъ членомъ симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, начиная съ самаго его основанія, причёмъ издалъ руководство для пользованія «Положеніемъ 19-го февраля 1861 года».

Ознобишинъ скончался на семьдесятъ-пятомъ году отъ рожденья 2-го августа 1877 года въ городѣ Кисловодскѣ, куда онъ ѣздилъ для леченья. Кончину его отчасти ускорило паденіе изъ экипажа. Этимъ объясняется слѣдующе четверостишіе, замѣчательное тѣмъ, что оно продиктовано престарѣлымъ поэтомъ за нѣсколько часовъ до смерти:

Нашъ Кисловодскъ какъ разъ услужитъ:
Васъ заманитъ обильемъ водъ,
Нардзана газами задушитъ,
А экипажами добьётъ.

I.

КЮВЬЕ.

Таинственный, безмолвный и великій
Былъ край, куда онъ, смѣлый, нисходилъ:
На зовъ его являлись мёртвыхъ лики,
И съ ними онъ, безстрашный, говорилъ.

Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній:
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ —
И дивный міръ предъ силой обаяній
Затрепеталъ, услыша вѣщій гласъ.
Раскрылися предвѣчныя скрижали:
Вотще потопъ горами ихъ облёкъ;
Предъ мыслію во прахъ граниты пали:
Минувшее разоблачилъ пророкъ.

Онъ міръ прозрѣлъ, но чуждый намъ и дальный,
Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой,
Въ столѣтьяхъ бурь, гдѣ каменѣли пальмы
И человѣкъ надъ всѣмъ царилъ главой.
Созданій всѣхъ предъ нимъ мелкнули тѣни,
Забытыя въ преданьяхъ на землѣ —
И онъ прошолъ подземныя ступени,
Не утомясь и съ думой на челѣ.

Былъ краткокъ путь его отъ колыбели;
Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли
И мрачность ихъ онъ свѣтомъ озарилъ.
Какъ Прометей, обнявши всѣ сказанья,
Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ
И чудныя, погибшія созданья
Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ.

II.

КИСЛОВОДСКЪ.

Долина есть въ краю далёкомъ,
Одна въ горахъ затаена,
Въ ней блещетъ и кипитъ потокомъ
Нардзана свѣжая волна.
Пріютъ безпечности и лѣни!
Ея древесъ въ густыя сѣни
Не разъ входилъ я, полонъ думъ;
Облитъ прохладной нѣгой юга,
Я, какъ привѣтъ радушный друга,
Любилъ внимать дубравный шумъ.

Любилъ я видѣть струй кипѣнье,
Ихъ ложе, взрытое въ скалѣ,
Ихъ бѣгъ и звучное паденье
Съ сердитой пѣной на челѣ.
Любилъ я токъ ихъ молчаливый
Подъ липой иль плакучей ивой,
Когда луна между вѣтвей,
Таинственно перебѣгая,
Какъ одалиска молодая,
Глядится въ зеркало зыбей.

Душистый воздухъ, свѣжесть сада,
Въ горахъ полуугасшій день,
И дальній ропотъ водопада,
И тополей гигантскихъ тѣнь,
И шумъ Нардзана говорливый...
О, какъ тогда роились живо
Мечты забытыя мои!
Какъ духъ мой окрылялся юный!
Какъ звучно трепетали струны
Живой поэзіи любви!

Кипи, Нардзанъ, въ лучахъ востока
Играй клубами жемчуго́въ!
Какъ хаджи въ свѣтлый градъ пророка,
Къ тебѣ сынъ сѣверныхъ снѣговъ
Придётъ не разъ, надежды полный,
Испить цѣлительныя волны,
И, позабывъ тяжолый путь,
Въ твоихъ струяхъ переродиться,
Усталой грудью обновиться
И жизнью свѣжею вздохнуть.

Придётъ, быть-можетъ, издалёка,
Подобно мнѣ, другой пѣвецъ
Задуматься у струй потока —
И свѣтлыхъ думъ своихъ вѣнецъ
Повергнетъ въ ропщущія струи;
Другіе скроютъ поцалуи
Твоихъ древесъ густая тѣнь;
Другія тайныя признанья,
Другія пылкія желанья
Пробудитъ твой роскошный день.

И вновь замолкнутъ эти звуки:
Лишь ключъ одинъ не смолкнетъ твой,
Свидѣтель встрѣчи и разлуки,
Свидѣтель пылкій и нѣмой.
Кипи жь, Нардзанъ, струёй могучей
И пѣной звонкой и шипучей
Ласкай пришельца жадный взоръ!
Шуми, обильный, здравье льющій,
Студёный, жгучій, искробьющій,
Алмазный ключъ кавказскихъ горъ!

III.

ПЯТИГОРСКЪ.

Пустынный край! Здѣсь Дивнаго рука
Переворотъ таинственный свершала:
Грядами горъ взнеслась за облака
И на Эльбрусъ порфирой снѣга пала.

Здѣсь каждый шагъ — живыя письмена;
Всё говоритъ о томъ, что́ прежде было;
И воздухъ жжётъ, и паръ клубитъ волна,
И въ нѣдрахъ горъ кипитъ огней горнило.

—

М. Д. ДЕЛЯРЮ.

Михаилъ Даниловичъ Делярю родился въ 1811 году въ Казани, гдѣ провёлъ своё дѣтство и отрочество въ домѣ отца, находившагося тамъ на службѣ. Затѣмъ, отвезённый отцомъ, въ 1820 году, въ Петербургъ, онъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, гдѣ пробылъ девять лѣтъ, дѣля время между наукой и поэзіей, и прилѣпляясь всё болѣе и болѣе къ послѣдней, даже въ ущербъ класснымъ занятіямъ, какъ это всегда случается съ поэтами, рано начинающими слагать звучныя строфы. Вотъ что́ говоритъ самъ поэтъ объ этомъ періодѣ своей юности въ одной изъ элегій, написанныхъ имъ уже по выходѣ изъ Лицея:

Не долго въ тишинѣ сердечной
По рощамъ Царскаго Села
Бродилъ я, юноша безпечной,
И жизнь волною скоротечной
По ложу свѣтлому текла.
Не долго сны златые лѣни
Съ улыбкой вились надо мной
И, чуждый творческихъ волненій,
Не долгъ былъ души покой.
Пришла пора: Каменъ призывы
Я слухомъ чуткимъ уловилъ
И вдохновенія порывы
Душою дѣвственной вкусилъ.
Казалось, жизнію двойною
Забилась грудь моя, когда
Огнёмъ небеснымъ надо мною
Зажглась поэзіи звѣзда.
О, какъ довѣрчиво, какъ жадно
За ней во слѣдъ помчался я
И какъ мучительно-отрадно
Она тревожила меня!

Делярю поступилъ въ Лицей спустя ровно три года по выходѣ изъ него Пушкина и Дельвига, то-есть въ такое время, когда имена обоихъ поэтовъ ещё сохранялись съ полной свѣжестью въ памяти воспитанниковъ, лично знавшихъ ихъ, когда Пушкинъ, уже авторъ «Руслана и Людмилы», привлекалъ къ себѣ общее вниманіе и сочувствіе, и уже занималъ одно изъ почётнѣйшихъ мѣстъ въ сонмѣ тогдашнихъ поэтовъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ тою наклонностью къ поэзіи, которая, какъ извѣстно, была отличительною чертой лицейскаго образованія, не могли не повліять на воспріимчивую натуру Делярю сильнѣе, чѣмъ на другихъ его товарищей, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если мы скажемъ, что онъ сталъ писать стихи тотчасъ по поступленіи въ Лицей. Эта благородная наклонность къ поэзіи, начавшаяся съ одиннадцати лѣтъ, не покидала его въ теченіе всей жизни, такъ что самая смерть застала его за переводомъ «Георгикъ» Виргилія. По выходѣ изъ Лицея въ 1829 году, въ числѣ воспитанниковъ пятаго выпуска, онъ сблизился съ литературнымъ кружкомъ Пушкина — и воспоминаніе объ этомъ времени осталось лучшимъ его воспоминаніемъ. Особенно близко сошолся онъ съ Дельвигомъ, къ которому влекла его самая однородность направленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ началась и служебная карьера Делярю. Но служба его длилась не долго. Поступивъ въ канцелярію военнаго министра, онъ оставался въ ней только до конца 1834 года, то-есть до выхода въ свѣтъ 12-й книжки «Библіотеки для Чтенія» того же года, въ которой былъ напечатанъ его переводъ стихотворенія Виктора Гюго «Красавицѣ», обрушившій на его молодую голову административные громы, конечнымъ результатомъ которыхъ былъ арестъ и увольненіе его отъ службы. Несчастіе, постигшее поэта, надѣлало много шума и возбудило сильное сочувствіе публики къ пострадавшему, причёмъ стихотвореніе, не представляющее ничего особеннаго ни по мысли, ни по исполненію, сдѣлалось обще-извѣстнымъ и разошлось по всей Россіи во множествѣ списковъ. Вотъ это небольшое стихотвореніе:

Когда бъ я былъ царёмъ всему земному міру,
Волшебница! тогда бъ повергъ я предъ тобой
Всё, всё, что власть даётъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой!

И если бъ Богомъ былъ — селеньями святыми
Клянусь — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцалуй!

Какъ ни сильно былъ поражонъ Делярю разразившеюся надъ нимъ такъ неожиданно грозою, тѣмъ не менѣе литературныя занятія его продолжались, если не съ прежнимъ рвеніемъ, то, во всякомъ случаѣ, съ прежней любовью. Ещё въ концѣ 1829 года, то-есть тотчасъ по выпускѣ его изъ Лицея, онъ сошолся съ барономъ Дельвигомъ, какъ о томъ было сказано выше, и, сильный его поддержкой и одобреніемъ, напечаталъ въ томъ же году отдѣльной книжкой первое своё произведеніе: «Превращеніе Дафны», поэму Овидія, и, затѣмъ, сталъ помѣщать свои стихотворенія въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и другихъ альманахахъ, а съ 1834 года — и въ «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ въ то время печатались произведенія однѣхъ только знаменитостей, то-есть: Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Марлинскаго (Бестужева), Давыдова, князя Шаховского, Кукольника, Сенковскаго, Масальскаго, Тимофѣева и многихъ другихъ, чьи имена, подобно именамъ четверыхъ послѣднихъ, въ настоящее время почти позабытыя, въ 1834 году и позже ставились на одну доску съ именами Пушкина и Жуковскаго. Въ 1835 году стихотворенія Делярю, разсѣянныя по разнымъ журналамъ и альманахамъ, за исключеніемъ рокового для него перевода изъ Гюго, были собраны и изданы отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Опыты въ стихахъ Михаила Делярю. Спб. 1835.» Критика встрѣтила собраніе стихотвореній довольно благосклонно, причёмъ рецензентъ «Библіотеки для Чтенія» (1835, кн. X), вѣроятно самъ редакторъ, не поскупился на похвалы, но публика отнеслась къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, хотя между ними и было нѣсколько весьма недурныхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ. Читая стихотворенія Делярю, нельзя не замѣтить, что многія изъ нихъ напоминаютъ стихотворенія барона Дельвига, такъ-какъ они видимо навѣяны произведеніями этого меланхолическаго поэта, расположеніемъ котораго Делярю весьма дорожилъ, и произведенія котораго, повидимому, считалъ верхомъ совершенства и потому достойными подражанія.

Наконецъ, не считая навѣянныхъ Дельвигомъ, изъ небольшого числа стихотвореній Делярю, вошедшихъ въ составъ изданной имъ книжки, семь имѣютъ прямое отношеніе къ Дельвигу и его семейству: 1) «Дельвигу», 2) «При врученіи стихотвореній борона Дельвига», 3) «Слеза любви», посвящается баронесѣ С. М. Дельвигъ, 4) «На смерть Дельвига», 5) «Баронесѣ С. М. Дельвигъ» и 6 и 7) «Лизанькѣ Дельвигъ».

Начиная съ 1837 года стихотворенія Делярю стали появляться въ «Современникѣ» Пушкина, но уже по смерти его великаго основателя, именно съ 6-й книжки, уже издававшейся «въ пользу его семейства кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетнёвымъ», гдѣ было помѣщено стихотвореніе «Ангелу-Хранителю». Затѣмъ, въ 7-мъ и 8-мъ томахъ того же журнала и года были напечатаны стихотворенія: «Грусть», «Буря», изъ первой пѣсни виргиліевой «Энеиды» и «Дидона», четвёртая пѣснь «Энеиды»; въ 1838 году, томъ 12-й — «Надгробіе младенцу»; въ 1839, т. 13-й — «Маріи Д—гъ» и въ 1842, т. 31-й, 33-й и 34-й — «Дафна», повѣсть Овидія, «Фаэтонъ», изъ Овидія и «Іо», изъ Овидія. Этимъ послѣднимъ стихотвореніемъ окончилось сотрудничество Делярю не только въ «Современникѣ», но и во всѣхъ остальныхъ повременныхъ изданіяхъ.

По увольненіи отъ службы изъ канцеляріи военнаго министерства, Делярю перешолъ въ вѣдомство министерства финансовъ, но и тутъ прослужилъ онъ всего около трёхъ лѣтъ, послѣ чего простился окончательно съ Петербургомъ и переселился въ Одессу, гдѣ ему было предложено мѣсто инспектора классовъ въ тамошнемъ Ришельевскомъ лицеѣ. Прослуживъ три года въ этой должности, Делярю оставилъ службу навсегда и поселился сначала въ своей харьковской деревнѣ, а потомъ — въ самомъ Харьковѣ. Во время своего пребыванія въ Одессѣ, Делярю издалъ свой стихотворный переводъ «Слово о полку Игоря», подъ ниже-слѣдующимъ заглавіемъ: «Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де-ля-рю. Одесса. 1839.» Что бы дать понятія о манерѣ Делярю, которой онъ придерживался въ изложеніи своего перевода, помѣщаемъ здѣсь его начало:

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ,
Пѣснь о походѣ олегова внука, Игоря князя?
Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,
Но не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ, замышляя
Витязя славу воспѣть, соловьёмъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесьи.

Рецензіи на переводъ «Пѣсни», помѣщённыя въ 11-мъ томѣ «Сына Отечества» на 1839 годъ и въ 7-мъ и 31-мъ нумерахъ «Литературной Газеты» и «Сѣверной Пчелы» на 1840 годъ, отнеслись и на этотъ разъ съ похвалою о новомъ трудѣ Делярю, чего

онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ относительно вѣрной передачи красотъ подлинника, такъ и звучности стиха. Вообще, всё написанное покойнымъ Делярю не лишено достоинства. Характеръ его стиховъ элегическій; сами же стихи напоминаютъ стихи Дельвига, направленію котораго онъ сочувствовалъ, а манерѣ подражалъ. Большинство его стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, отличается задушевностью, мягкостью и хорошо-обработаннымъ стихомъ, почему его поэтическія произведенія читаются до-сихъ-поръ съ удовольствіемъ. Гораздо важнѣе его переводы съ латинскаго. Делярю очень хорошо зналъ этотъ языкъ и глубоко понималъ красоты Виргилія и Овидія, чтеніе которыхъ было для него истиннымъ наслажденіемъ. Поэтому всѣ его переводы съ латинскаго отличаются вѣрностью не столько буквѣ, сколько духу и господствующему характеру переводимыхъ произведеній. Михаилъ Даниловичъ Делярю скончался въ Харьковѣ 24-го февраля 1868 года, на 58 году своей жизни. Профессоръ Харьковскаго университета Лавровскій почтилъ его память статьёй, помѣщённой въ 26-мъ нумерѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» на 1868 годъ. Лишившись горячо-любимой жены, Делярю долго не могъ примириться съ своей потерей, и только исполненіе долга, въ отношеніи оставшихся на его рукахъ дѣтей, поддерживало его угасавшія силы. Умирая, онъ имѣлъ утѣшеніе и возможность сказать дѣтямъ, пристроеннымъ имъ и стоявшимъ уже на своихъ ногахъ: «Я вамъ болѣе не нуженъ: вы всѣ, благодаренье Богу, самостоятельны. Я же съ нетерпѣніемъ жду своего часу, чтобы соединиться съ вашею матерью.» Для заключенія, приводимъ здѣсь краткую характеристику Делярю, начертанную однимъ изъ товарищей покойнаго по пятому выпуску Царскосельскаго лицея, Б. Н. Т., въ 27-мъ нумерѣ тѣхъ же «Харьковскихъ Вѣдомостей»: «М. Д. Делярю выходилъ изъ ряда нашего не только способностями и литературными трудами своими, но, въ особенности, душевными своими качествами, тёплою, чистою душою и непреклоннымъ исполненіемъ нравственныхъ своихъ обязанностей. Михаилъ Даниловичъ былъ рѣдкій семьянинъ, рѣдкій отецъ и рѣдкій другъ!»

I.

МУЗА.

Восходомъ солнца пробужденной,
Я поднялъ очи: надо мной,
Склонясь главою вдохновенной
Вѣнкомъ лавровымъ осѣненной,
Стояла дѣва. Тишиной
Лицо прекрасной озарялось,
Улыбка млѣла на устахъ
И въ ясныхъ голубыхъ очахъ
Олимпа небо отражалось;
Изъ устъ коралловыхъ текли
Очаровательные звуки —
И звуки тѣ мнѣ въ грудь прошли
И, какъ цѣлебныя струи,
Въ ней утолили сердца муки.
И, упоённый, я узналъ
Богиню въ дѣвѣ вдохновенной
И на привѣтъ ея священной
Слезой восторга отвѣчалъ.
И съ гаснущимъ лучомъ денницы,
Легка, какъ тѣнь, какъ звукъ цѣвницы,
Сокрылась Муза въ небеса...
Уже исчезла... Но слеза
Досель свѣжитъ мои зѣницы,
Какъ животворная роса;
Къ поэту въ грудь, какъ небо въ волны,
Глядится миръ и красота
И, полны словъ, и звуковъ полны,
Дрожатъ отверзтыя уста.

II.

КЪ ГЕНІЮ.

Гость благодатный, для чего ты
Приманкой сладостныхъ рѣчей
Велишь возстать душѣ моей
Отъ продолжительной дремоты?
Зачѣмъ твой вдохновенный видъ
Своей небесной красотою
Къ странѣ надземной за собою
Земного странника манитъ?
На мигъ единый очарованъ
Сіяньемъ звѣздной синевы,
Духъ встрепенётся; но, увы,
Къ темницѣ грустной онъ прикованъ,
И разорвать оковъ нѣтъ силъ.
Такъ древле вождь отпавшихъ Силъ,
Въ минуту сладкаго забвенья
О краѣ вспомнивши родномъ,
Взмахнулъ опущеннымъ крыломъ;
Но, опалённое Творцомъ,
Крыло повисло безъ движенья
Надъ мощнымъ демона плечомъ.

III.

ВОПЛОЩЕННЫЙ ИДЕАЛЪ.

Очи черкешенки, бровь соболиная,
Диво рѣсницъ и ланитъ красота,
Шея перловая, грудь лебединая,
Прелесть — улыбка и роскошь — уста!

Съ вами поэтъ никогда не разстался бы!
Въ васъ воплощёнъ его думъ идеалъ;
Вами день цѣлый онъ всё любовался бы,
Цѣлую ночь онъ о васъ бы мечталъ!

Э. И. ГУБЕРЪ.

Эдуардъ Ивановичъ Губеръ, русскій поэтъ и переводчикъ «Фауста» Гёте, родился 1-го мая 1814 года, въ приволжской нѣмецкой колоніи Усть-Залихѣ, Саратовской губерніи. Здѣсь прожилъ онъ до девятилѣдняго возраста въ домѣ своего отца, лютеранскаго пастора, послѣ чего, вмѣстѣ съ остальными членами своего семейства, переселился въ Саратовъ, куда отецъ его назначенъ былъ членомъ тамошней консисторіи. Съ переѣздомъ въ Саратовъ девяти-лѣтній Губеръ сталъ учиться у своего отца языкамъ греческому и латинскому, а съ апрѣля 1824 года началъ брать первые уроки русскаго языка у учителя тамошней гимназіи Волкова. Что же касается языка нѣмецкаго, то Губеръ, по собственной охотѣ, началъ учиться читать и писать на нёмъ на четвёртомъ году, ещё въ бытность свою въ колоніи. Затѣмъ въ августѣ 1824 года онъ выдержалъ пріёмный экзаменъ въ Саратовской гимназіи, бывшей въ то время подъ управленіемъ учонаго Миллера, и поступилъ въ число учениковъ ея. Въ гимназіи онъ тотчасъ сдѣлался любимцемъ учителя словесности, Ѳ. П. Волкова, своего перваго наставника въ русскомъ языкѣ, замѣтившаго недюжинность скромнаго мальчика. Между-тѣмъ страсть къ стихотворству, проявившаяся въ нёмъ очень рано, именно — на седьмомъ году, стала быстро развиваться, поощряемая Волковымъ, тщательно собиравшимъ всё его сочиненьица, изъ которыхъ одно даже дошло до насъ. Это — разборъ оды Державина «На смерть князя Мещерскаго», проникнутый мистицизмомъ и написанный, по словамъ біографа Эдуарда Ивановича, подъ вліяніемъ нѣкоего Фесслера, учонаго мистика, знакомаго отца Губера. Въ 1828 году молодой Губеръ сталъ заносить свои стихотворенія и прозаическія статьи въ особую тетрадь, озаглавленную такъ: «Опыты въ стихахъ и прозѣ Эдуарда Губера». Это систематическое внесеніе всего написаннаго юношей продолжалось до конца 1830 года, Тетрадь сохранилась и можетъ засвидѣтельствовать, что Губеръ въ 14—16 лѣтъ владѣлъ бойкимъ стихомъ и писалъ хорошей прозой; но не болѣе. Въ 1830 году шестнадцати-лѣтній Губеръ простился съ Саратовымъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ въ одно время выдержалъ экзаменъ въ университетъ и въ институтъ корпуса путей сообщенія, но поступилъ въ послѣдній. Послѣ четырёхлѣтнихъ усердныхъ занятій въ институтѣ, Губеръ окончилъ въ 1834 году курсъ и былъ выпущенъ на службу прапорщикомъ. Но занятія науками не мѣшали молодому поэту заниматься и литературой, что̀ можно заключить изъ того, что къ началу 1835 года имъ было отдѣлано и приготовлено къ печати 25 стихотвореній; но задуманное изданіе почему-то не состоялось, хотя рукопись уже была подписана цензоромъ. Первымъ напечатаннымъ поэтическимъ произведеніемъ Губера считается стихотвореніе, появившееся въ «Сѣверномъ Меркуріѣ» на 1831 годъ; что же касается первыхъ прозаическихъ статей его, то они появились въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, редакторомъ котораго въ то время былъ Н. И. Гречъ. Это послѣднее обстоятельство сблизило Губера съ журналистомъ, пользовавшимся тогда большою извѣстностью въ литературномъ мірѣ, и сдѣлало его постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ Николая Ивановича, на которые собирался весь цвѣтъ петербургской литературы. Продолжая посѣщать четверги Греча, Губеръ дѣлилъ всё остальное время между службою и чтеніемъ нѣмецкихъ философовъ, изученіемъ «Фауста» Гёте и переводомъ отрывковъ изъ этой знаменитой трагедіи. Въ исходѣ 1835 года первая часть «Фауста» была окончена, представлена въ цензуру и запрещена ею — и Губеръ, въ досадѣ, изорвалъ рукопись, плодъ пятилѣтняго упорнаго труда. А. С. Пушкинъ, узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, посѣтилъ убитаго горемъ поэта, съ которымъ до того времени никогда не встрѣчался, ободрилъ его своимъ искреннимъ участіемъ и кончилъ тѣмъ, что убѣдилъ его приняться вторично за переводъ «Фауста». Приведённый въ восторгъ вниманіемъ къ нему величайшаго изъ поэтовъ, Губеръ вскорѣ принялся снова за переводъ знаменитой трагедіи, и, желая выразить свою любовь и уваженіе къ великому поэту — исполненіемъ его желанія, не иначе являлся къ нему, до самой его смерти, какъ съ отрывкомъ изъ новаго перевода. Но прежде, чѣмъ новый переводъ былъ оконченъ, великаго Пушкина

не стало — и скорбь Губера, живо почувствовавшаго всю глубину потери, понесённой всею Россіею, вылилась въ стихотвореніи, начинающемся такъ:

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ —
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ.
Но пусть надъ лирою безгласной
Порвётся тщетная струна,
И не смутитъ тоской напрасной
Его торжественнаго сна.

Когда эти стихи, облетѣвшіе мгновенно весь Петербургъ, были доведены до свѣдѣнія главноуправляющаго путями сообщенія, графа Толя, то онъ призвалъ къ себѣ Губера, обошолся съ нимъ весьма любезно и объявилъ, что «ему очень пріятно имѣть въ числѣ своихъ подчинённыхъ такого даровитаго человѣка». Начиная съ 1838 года, Губеръ сталъ сотрудничать въ «Современникѣ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», и напечаталъ въ сборникѣ Кукольника «Новогодникъ на 1838 годъ» первую главу своей оригинальной поэмы «Антоній», въ которой многіе видятъ автобіографію поэта. Въ 1839 году онъ оставилъ инженерную службу съ чиномъ капитана и опредѣлился въ гражданскую — въ канцелярію графа Клейнмихеля, преемника графа Толя. Въ 1840 году Губеръ сошолся съ Сенковскимъ, редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», и принялъ на себя постоянное сотрудничество въ журналѣ, по отдѣлу критики, за что̀ издатель Смирдинъ обязался выплачивать ему по 6000 рублей ассигнаціями въ годъ и по 200 рублей за печатный листъ. Весной 1842 года онъ вовсе оставилъ службу и провёлъ слѣдующее лѣто въ орловскомъ имѣніи одного изъ своихъ пріятелей. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ вести жизнь свѣтскую — разсѣянную: посѣщалъ аристократическіе салоны, публичные балы и маскарады, и просиживалъ ночи у Донона и Дюссо, въ кругу весёлыхъ товарищей, чѣмъ окончательно разстроилъ своё, и безъ того хилое, здоровье. Въ 1845 году Губеръ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, встрѣченное почти всѣми журналами весьма благосклонно. Одинъ только Бѣлинскій отозвался о нихъ холодно. «Въ его стихотвореніяхъ», писалъ онъ, «мы увидѣли хорошій, обработанный стихъ, много чувства, ещё болѣе неподдѣльной грусти и меланхоліи, умъ и образованность, но, признаёмся, очень мало замѣтили поэтическаго таланта, чтобъ не сказать — совсѣмъ не замѣтили его.» Въ исходѣ 1846 года, Губеръ снова предложилъ своё сотрудничество Сенковскому, которое и было принято на выгодныхъ для него условіяхъ, а въ самомъ началѣ 1847 года принялъ приглашеніе Очкина писать фельетоны въ преобразованныхъ тогда «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но оба эти сотрудничества длились не долго: 28-го марта 1847 года было написано Губеромъ послѣднее его стихотвореніе «Ave Maria», а 11-го апрѣля поэта уже не было на свѣтѣ. Окружонный друзьями, онъ тихо угасъ, послѣ пятидневныхъ страданій. Тѣло Губера похоронено на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ. «Сочиненія Э. И. Губера» были изданы въ 1860 году, въ трёхъ томахъ, г. Тихменевымъ.

I.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Когда меня на подвигъ трудный
Ты, улыбаясь, вызывалъ,
Я вѣрилъ силѣ безразсудной
И трудъ могучій обѣщалъ.

Съ-тѣхъ-поръ одинъ, вдали отъ свѣта,
Отъ праздной нѣги бытія,
Благословеніемъ поэта
Въ ночныхъ трудахъ крѣпился я.

И грозный образъ исполина
Явился пламеннымъ мечтамъ —
И вскрылась дивная картина
Моимъ испуганнымъ очамъ.

Тогда невѣдомыя муки
Глубоко въ грудь перелились
И думы въ пламенные звуки,
Въ глаголы жизни облеклись.

Ты разбудилъ нѣмыя силы,
Ты завѣщалъ мнѣ новый свѣтъ —
И я къ дверямъ твоей могилы
Несу незрѣлый, блѣдный цвѣтъ.

Въ нѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой тиши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиренный даръ моей души.

Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Простая дань души простой,
Не поразитъ могучимъ словомъ
И небогата красотой.

Нѣтъ, въ грустный часъ томящей муки
Мнѣ громкихъ пѣсенъ не дано!
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!

Но надъ могилою кровавой
Я брошу блёклый мой листокъ,
Пока сплетётъ на гробѣ славы
Другой пѣвецъ — другой вѣнокъ!

II.

СМЕРТЬ И ВРЕМЯ.

СМЕРТЬ.

Всё моё — и плодъ, и сѣмя:
Безконечна власть моя!
Покорись, сѣдое время,
Я владычица твоя!
Всё моё — я всѣмъ владѣю:
Что родится — то умрётъ;
Всё подъ властію моею,
Всё въ гробахъ моихъ сгніётъ.
Гдѣ слѣды твоихъ дѣяній?
Гдѣ немолчныя дѣла?
Сѣмена твоихъ созданій
Я же жатвой собрала.
Гдѣ твой Римъ, твои державы?
Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Всё легло въ борьбѣ кровавой,
Спитъ на днѣ моихъ гробовъ.
Всё моё — и плодъ, и сѣмя,
Всё подъ властію моей!
Покорись, сѣдое время,
Предъ владычицей твоей!

ВРЕМЯ.

Безъ конца и безъ начала,
Я отецъ и сынъ вѣковъ;
А тебя судьба сковала
Мёртвымъ тлѣніемъ гробовъ.
Гдѣ лежатъ твои могилы,
Гдѣ гніютъ твои гробы,
Тамъ мои живыя силы
Строютъ зданіе судьбы.
Изъ твоихъ могилъ беру я
Сѣмена моихъ трудовъ;
Колыбель мою творю я
Изъ досокъ твоихъ гробовъ.
Безъ конца моя дорога;
Цѣпь вѣковъ въ моихъ рукахъ;
Я ношу одежду Бога
На безсмертныхъ раменахъ.
Безъ границъ моё теченье,
Безконечно, какъ судьба;
Ты сама моё рожденье;
Я владыка, ты раба!

III.

НА ПОКОЙ.

Тяжело, не стало силы,
Ноетъ грудь моя.
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?

На покой пора печали,
Время спать костямъ;
Душу страсти истерзали —
Время спать страстямъ.

А далёко ли? у гроба
Отдохнулъ бы я:
Отдохнули бы мы оба —
Я да грусть моя.

IV.

ПѢСНЯ.

На душѣ свободной
Много думъ лежало,
Много въ міръ холодный
Тайныхъ словъ упало.

Въ мірѣ негдѣ звуку
Разойтись широко;
Носишь злую муку
На душѣ глубоко.

На зелёной вѣткѣ
Птичка распѣвала:
Въ золочёной клѣткѣ
Птичка замолчала.

Я запѣлъ бы смѣло,
Да не та мнѣ доля:
Износилось тѣло,
Уходилась воля.

V.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ».

1.

Дремлютъ воды Іордана;
Спитъ развѣнчанный Сіонъ;

Въ ризѣ влажнаго тумана
Исчезаетъ Элеонъ.
Тихо воздухъ благовонный
Нѣжитъ знойный прахъ земли,
И шумитъ волною сонной
Море Мёртвое вдали.
Мнится — тайны величавой,
Средь томительнаго сна,
Или думъ борьбы кровавой
Ночь тяжолая полна.
Въ небѣ дальномъ мѣсяцъ блещетъ,
Смотритъ веселъ и игривъ;
Блѣдный свѣтъ его трепещетъ
Въ тёмной зелени оливъ,
И, въ лучахъ его блистая,
Въ сонъ глубокій погруженъ,
Листья длинные качая,
Озарился Элеонъ.
Полонъ муки безпредѣльной
И любви горячихъ слёзъ,
Человѣкъ, въ тоскѣ смертельной,
Руки чистыя вознёсъ.
Ближе смерть! Страшнѣе битва!
Кровь съ лица его бѣжитъ;
Безотвѣтная молитва
На устахъ его дрожитъ.
Онъ одинъ — въ часы ночные,
Полонъ страха и скорбей.
Гдѣ же спутники младые,
Гдѣ семья его друзей?
Или, чуждыя заботы,
Преклонясь на прахъ земли,
Одолѣть ночной дремоты
Въ часъ тяжолый не могли?
Или спятъ? А Онъ съ любовью
Тихо молится за нихъ,
И скорбитъ, и плачетъ кровью
За апостоловъ своихъ.
Спите тихо до разсвѣта!
Ближе, ближе страшный часъ!
Нынѣ кровь его завѣта
Проливается за насъ.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, знаменитѣйшій изъ русскихъ романистовъ, авторъ «Послѣдняго Новика», «Ледяного Дома» и «Басурмана», родился 14-го сентября 1794 года въ городѣ Коломнѣ. Отецъ его, богатый коломенскій купецъ и комерціи совѣтникъ, вёлъ обширную торговлю хлѣбомъ и солью. Дѣтство Лажечникова прошло счастливо и мирно. Отецъ не жалѣлъ денегъ на воспитаніе сына, который, съ своей стороны, оказался мальчикомъ весьма любознательнымъ и прилежнымъ. Окружонный учителями, подъ главнымъ руководствомъ умнаго и образованнаго француза-гувернёра Болье, онъ развивался быстро, не по лѣтамъ, и, начиная съ тринадцати лѣтъ, уже читалъ всё, что ему ни попадалось въ руки, а на 16-мъ году написалъ первое своё сочиненіе: «Мысли въ подражаніе Лабрюйера», доставленное имъ въ редакцію журнала «Вѣстникъ Европы», гдѣ оно вскорѣ и было напечатано. Этотъ первый успѣхъ рѣшилъ судьбу молодого Лажечникова и указалъ ему путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Но это счастливое положеніе длилось не долго, и достаточно было одного удара, чтобы разрушить благосостояніе цѣлаго семейства. Отецъ Лажечникова, человѣкъ остроумный и очень рѣзкій на языкъ, любилъ посмѣяться надъ слабостями своихъ ближнихъ, нисколько не стѣсняясь при этомъ ихъ общественнымъ положеніемъ. Одна изъ такихъ насмѣшекъ, весьма остроумная и злая, надъ лицомъ высокопоставленнымъ дошла до свѣдѣнія тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ — и старикъ Лажечниковъ былъ схваченъ ночью у себя въ домѣ, увезёнъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Хотя, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ и былъ освобождёнъ, но уже дѣлъ своихъ, разстроенныхъ его арестомъ, поправить не могъ — и въ 1811 году всё его имущество пошло на удовлетвореніе кредиторовъ. Эти обстоятельства побудили молодого Лажечникова подумать о службѣ — и онъ опредѣлился, въ 1810 году, въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Съ наступленіемъ 1812 года онъ поступилъ прапорщикомъ въ московское ополченіе, изъ котораго, 24-го декабря того же года, перешолъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Затѣмъ, находясь адъютантомъ, сперва у графа Остермана-Толстого, знаменитаго побѣдителя при Кульмѣ, а потомъ (съ 12-го марта 1813 года) у принца мекленбургъ-шверинскаго Карла, Лажечниковъ сдѣлалъ всю французскую кампанію, принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, Гроссъ-Бергеномъ, Бріеномъ и Парижемъ, и въ торжественномъ вступленіи войскъ въ столицу Франціи. Прослуживъ до половины 1819 года, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ познакомился и сошолся съ Жуковскимъ, Воейко-

вымъ и Денисомъ Давыдовымъ, въ кругу которыхъ провёлъ много вечеровъ, въ безконечныхъ бесѣдахъ о разныхъ литературныхъ вопросахъ и гдѣ, наконецъ, однажды робко прочиталъ своё первое произведеніе: «Исторія города Дерпта», отрывокъ изъ которой былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» на 1820 годъ. Удовлетворивъ одному желанію своей молодости — желанію испытать тревоги боевой жизни, онъ рѣшился теперь, несвязанный ничѣмъ, привести въ исполненіе второе своё желаніе — сдѣлаться литераторомъ. И дѣйствительно, въ томъ же 1819 году стали появляться въ «Вѣстникѣ Европы» (ч. 92—94 и 114, №№ 7, 9—15, 21 и 23) его «Походныя Записки», полныя интересныхъ, ещё вполнѣ свѣжихъ въ памяти каждаго русскаго, фактовъ, изложенныхъ прекраснымъ языкомъ. «Записки» были встрѣчены общими похвалами критики и публики, а императрица Елизавета Алексѣевна пожаловала автору золотые часы и изъявила своё согласіе на посвященіе «Записокъ» ея имени при отдѣльномъ изданіи, которое вышло въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Походныя Записки Русскаго Офицера», съ картиною, представляющую казнь смоленскаго помѣщика Энгельгардта, разстрѣляннаго по приказанію Наполеона. Это первое печатное произведеніе Лажечникова проникнуто всё, отъ начала до конца, неподдѣльнымъ жаромъ молодости и самою пламенною любовью къ отечеству, исполненною сознанія европейскаго значенія Россіи. Карьера Лажечникова была устроена. Онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ и Санктпетербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, а 20-го ноября 1820 года назначенъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи. Здѣсь, обозрѣвая однажды ввѣреныя ему училища, онъ наткнулся на Бѣлинскаго, бывшаго тогда ученикомъ Чембарскаго уѣзднаго училища и потомъ своимъ вліяніемъ способствовалъ его поступленію въ Московскій университетъ. Въ 1823 году онъ былъ переведёнъ на то же мѣсто директора въ Казань. Здѣсь частыя столкновенія съ попечителемъ казанскаго округа Магницкимъ заставили Лажечникова выдти въ отставку. Это было въ 1826 году. Затѣмъ, Иванъ Ивановичъ поселился въ Москвѣ и здѣсь-то задумалъ онъ своего «Послѣдняго Новика», для котораго долго сбиралъ матеріалы, и даже ѣздилъ въ Лифляндію, чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія романа. Наконецъ, романъ былъ оконченъ и изданъ въ 1833 году, подъ заглавіемъ: «Послѣдній Новикъ, или завоеваніе Лифляндіи при Петрѣ Великомъ». Трудно описать восторгъ, охватившій русскую публику по прочтеніи этого романа. Авторъ былъ провозглашонъ первымъ русскимъ романистомъ, а императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳёдоровна прислали ему по бриллiантовому перстню. Ещё не успѣлъ улечься общій восторгъ, произведённый первымъ романомъ, какъ въ 1835 году появился второй, «Ледяной Домъ», произведшій новый восторгъ, а въ 1838 третій — «Басурманъ». Эти три романа прославили имя Лажечникова и отвели ему одно изъ почётнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Эти три первоклассныя произведенія не только извѣстны каждому грамотному человѣку въ Россіи, но и за границей, гдѣ они имѣютъ по нѣскольку переводовъ на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, шведскій, датскій, польскій и сербскій. Лучшею оцѣнкою ихъ могутъ служить слѣдующія слова Пушкина: «Они будутъ жить до-тѣхъ-поръ, пока не забудется русскій языкъ». Но, несмотря на колоссальный успѣхъ трёхъ своихъ романовъ, Лажечниковъ, къ удивленію своихъ почитателей, неожиданно замолкъ на 44-мъ году своей жизни. Правда, что и послѣ того онъ печаталъ иногда свои произведенія въ журналахъ; но всё это, за исключеніемъ 1-й главы изъ романа «Колдунъ на Сухаревой башнѣ», напечатанной въ 1840 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина, было крайне слабо, не исключая и драмъ: «Христіанъ II и Густавъ Ваза» («Библіотека для Чтенія»), «Горбунъ», «Окопировался» и «Дочь еврея» («Отечественныя Записки», 1849, № 2), перепечатанной въ «Собраніи Сочиненій», подъ названіемъ: «Вся бѣда отъ стыда», и ничего не прибавило къ славѣ автора «Послѣдняго Новика».

Въ 1853 году Лажечниковъ снова поступилъ на службу, и тогда же былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ; но, не прослуживъ тамъ и году, просилъ объ увольненіи его отъ должности. Наконецъ, въ 1856 году, онъ получилъ мѣсто цензора въ Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Эту послѣднюю должность Лажечниковъ занималъ по 28-е мая 1858 года, послѣ чего вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Въ 1862 году вышелъ въ свѣтъ, никѣмъ не замѣченный, новый его романъ въ 4-хъ частяхъ. «Немного лѣтъ назадъ» а въ 1868 — былъ напечатанъ въ журналѣ «Всемірный Трудъ» другой его романъ въ 2-хъ частяхъ: «Внучка панцырнаго боярина», также мало обратившій на себя вниманія, какъ и первый. Кромѣ исчисленныхъ нами сочиненій Лажечникова, имъ

были написаны, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, и напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» слѣдующіе три весьма интересные и прекрасно изложенные разсказа: «Бѣленькіе, чорненькіе и сѣренькіе», «Знакомство моё съ Пушкинымъ» и «Гримаса моего доктора», заставившіе каждаго, по ихъ прочтеніи, вспомнить прежняго Лажечникова, подарившаго Россію первоклассными произведеніями. Наконецъ, въ 1868 и 1869 годахъ на петербургской сценѣ появились, съ значительнымъ успѣхомъ, двѣ новыя драмы его: «Опричникъ» и «Матери-соперницы». Первая изъ нихъ была напечана въ «Русскомъ Словѣ» на 1859 годъ, а въ 1867 году вышла отдѣльною книжкою въ Москвѣ. Въ началѣ 1869 года многіе изъ почитателей Лажечникова вспомнили, что въ маѣ мѣсяцѣ этого года должно исполниться ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати перваго его произведенія (отрывка изъ «Походныхъ Записокъ») въ «Вѣстникѣ Европы» (1819, ч. 92, № 7, стр. 209), и рѣшили отпраздновать этотъ день пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Лажечникова юбилейнымъ торжествомъ въ Москвѣ. 4-го мая 1869 года многочисленная публика собралась на праздникъ. Подарки, поздравительныя телеграммы и привѣтственныя письма, присланныя со всѣхъ концовъ Россіи, и во главѣ ихъ милостивый рескриптъ Наслѣдника Цесаревича, ожидали юбиляра; но самъ юбиляръ не являлся на свой юбилей: тяжкая болѣзнь приковала его къ постели, и смерть уже носилась надъ нимъ. Рескриптъ былъ выслушанъ съ восторгомъ. «Мнѣ пріятно заявить вамъ при этомъ случаѣ», писалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, «что Послѣдній Новикъ», «Ледяной Домъ» и «Басурманъ», вмѣстѣ съ романами Загоскина, были, въ первые годы моей молодости, любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ его событій и дѣяній, въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу.»

Между-тѣмъ здоровье Лажечникова видимо разрушалось — и 26-го іюня 1869 года его не стало. Похороны его происходили въ Москвѣ, 28-го іюня, и тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

«Собраніе Сочиненій И. И. Лажечникова» вышло ещё при жизни автора въ Петербургѣ, въ 1858 году, въ 8-ми частяхъ.

ПѢСНЯ.

Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зеленóмъ моёмъ саду;
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще нè было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А всё слушать бы хотѣлося,
Не разсталась ввѣкъ бы съ ней.

Вдругъ подуло со полуночи:
Будто нà сердце легла
Снѣговая непогодушка
И мой садикъ занесла.

Со того ли со безвременья
Опустѣлъ зелёный садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ нёмъ,
Только милой не слыхать.

Слышите ль, мои подруженьки?
Въ зеленóмъ моёмъ саду
Не поётъ ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

«Гдѣ ужь помнить перелётному»,
Мнѣ подружки говорятъ,
«Пѣсню можетъ-быть постылую
Для него въ чужомъ краю?»

Нѣтъ, запѣлъ душа соловушко:
Въ чужеземной сторонѣ
Онъ всё горькій сиротинушка,
Онъ всё тотъ же, чтó и былъ.

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Всё про край родной поётъ,
Всё поётъ въ тоскѣ про милую:
Съ этой пѣснью и умрётъ.

Н. Ф. ПАВЛОВЪ.

Николай Филипповичъ Павловъ, русскій писатель и журналистъ, родился въ 1803 году въ Москвѣ, въ семьѣ вольноотпущеннаго. Проживъ въ семействѣ до десятилѣтняго возраста, онъ былъ отданъ отцомъ въ московскую Театральную Школу, изъ которой былъ выпущенъ въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ, съ званіемъ артиста императорскихъ московскихъ театровъ. Прослуживъ, послѣ перваго

дебюта въ роли Эгиста, въ «Меропѣ» Вольтера, ещё около двухъ лѣтъ при театрѣ и испробовавъ свои силы въ нѣсколькихъ роляхъ, Павловъ убѣдился окончательно, что сцена — не его призваніе, и оставилъ службу при театрѣ. Надо прибавить, что, независимо отъ сознанія своей неспособности сдѣлаться хорошимъ актёромъ, его побуждало къ этому рѣшительному шагу ещё одно постороннее обстоятельство, которое уже давно тревожило его воображеніе и отвлекало его отъ сцены. Это постороннее обстоятельство — была его страстная любовь къ литературѣ, влеченіе къ которой началось ещё въ Театральной Школѣ. Ещё въ школѣ пописывалъ онъ украдкой стихи; а по выходѣ изъ нея, предался этому занятію всецѣло, и сталъ посвящать ему почти всё своё свободное отъ занятій по театру время. Но вскорѣ Николай Филипповичъ созналъ всю недостаточность своего воспитанія, получённаго въ Театральной Школѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всю невозможность сдѣлаться хорошимъ писателемъ, безъ хорошей подготовки. Это сознаніе заставило его приняться снова за книги, что, чрезъ годъ, дало ему возможность поступить въ Московскій университетъ. Прослушавъ полный курсъ юридическихъ наукъ, Павловъ вышелъ изъ университета кандидатомъ, и принялся снова за сочиненіе стиховъ и прозаическихъ статей. Выходъ его изъ университета какъ разъ совпалъ съ выходомъ первыхъ книжекъ «Московскаго Телеграфа», издававшагося Полевымъ. Павловъ рѣшился попытать счастья: онъ послалъ въ редакцію нѣсколько стихотвореній — и они были напечатаны. Ободрённый этимъ первымъ успѣхомъ, онъ принялся за перо съ удвоенною ревностью — и стихи полились обильнымъ потокомъ. Конечно, большая часть ихъ была крайне плоха, но за-то выдавались и такіе, которые «Московскій Телеграфъ» охотно помѣщалъ на своихъ страницахъ. Затѣмъ, въ 1825 году Павловъ перевёлъ съ французскаго стихами трагедію Лебрюна «Марія Стюартъ» и издалъ её особой книжкой, а въ 1830-мъ напечаталъ въ альманахѣ «Радуга» отрывокъ изъ комедіи-водевиля «Старъ и молодъ», окончанія котораго публика не дождалась.

Какъ ни нравились Павлову литературныя занятія, которымъ онъ постоянно предавался съ увлеченіемъ, тѣмъ не менѣе онъ скоро сообразилъ, что жить литературнымъ трудомъ невозможно. Это побудило его идти на службу, чего ему очень не хотѣлось. Послѣ долгихъ мытарствъ, ему удалось, наконецъ, попасть въ московскій надворный судъ, въ которомъ онъ прослужилъ довольно долго, и, пройдя всѣ ступени служебной іерархіи, занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣсто судьи, но кончилъ всё-таки тѣмъ, что вышелъ въ отставку. Затѣмъ, въ 1841 году, по приглашенію московскаго генералъ-губернатора, Димитрія Владиміровича Голицына, онъ поступилъ къ нему чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и занималъ это мѣсто до новой отставки, послѣдовавшей въ концѣ сороковыхъ годовъ, по смерти Голицына. Но и служебныя занятія не отвлекали его вполнѣ отъ занятій литературныхъ, которымъ онъ продолжалъ предаваться въ свободное время съ прежнимъ увлеченіемъ. Такъ, въ теченіе своей службы, онъ издалъ цѣлый рядъ повѣстей, подъ заглавіемъ: «Три повѣсти Н. Павлова» (М. 1835) и «Новыя повѣсти Н. Ф. Павлова: Маскарадъ, Демонъ и Милліонъ» (М. 1838), и напечаталъ въ 1-й части «Московскаго Наблюдателя» 1838 года стихотвореніе «Геній мира», въ 9-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» на 1839 годъ свой переводъ пяти-актной драмы Шекспира «Венеціянскій купецъ», а въ «Утренней Зарѣ» на 1840 годъ два стихотворенія: «Куплеты» и «Романсъ». Появленіе первой книжки «Повѣстей Павлова», запрещённыхъ вскорѣ по выходѣ ея, сразу поставило его въ ряду лучшихъ тогдашнихъ беллетристовъ. Вторая книжка уже не имѣла того успѣха. Четыре изъ его повѣстей были переведены, впослѣдствіи, на нѣмецкій языкъ Вольфзономъ и помѣщены въ 2-мъ томѣ сборника его «Russlands Novellendichter» (Лейпцигъ, 1848). Что же касается перевода Шекспировской драмы, то онъ заслуживаетъ полнаго вниманія, благодаря замѣчательной точности и ясности, съ которою переданы всѣ тёмныя мѣста подлинника. Кромѣ того, языкъ перевода такъ хорошъ, что позволяетъ забыть тó, что онъ сдѣланъ прозой.

По выходѣ въ отставку и послѣ долгаго молчанія, Павловъ съ новою энергіею принялся за перо. Лучшимъ произведеніемъ этого новаго періода литературной дѣятельности Павлова были четыре знаменитыхъ письма его къ Гоголю, напечатанныя первоначально въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 года, затѣмъ перепечатанныя въ 5-мъ и 6-мъ нумерахъ «Современника» того же года, и написанныхъ по поводу злополучной «Переписки съ друзьями», глубоко огорчившей всѣхъ поклонниковъ великаго писателя, которые увидали въ этомъ печальномъ фактѣ явный признакъ упадка его таланта и даже начало умственнаго разстройства. Впечатлѣніе, произведённое на публику этими письмами, было, по истинѣ, поразительно. Всё заговорило о нихъ —

и всѣ, такъ горячо сочувствовавшіе Гоголю до изданія его книги, отвернулись отъ него съ негодованіемъ. Самъ Гоголь, при всей своей самоувѣренности, почувствовалъ ударъ, какъ это можно видѣть изъ разговора его съ И. С. Тургеневымъ, по поводу напечатанія «Переписки съ друзьями», причёмъ Гоголь сказалъ: «Я во многомъ раскаяваюсь, что послушался друзей меня окружавшихъ; и если бъ можно было воротить назадъ сказанное, я сжогъ бы и уничтожилъ свою «Переписку съ друзьями». Въ 1849 году Павловъ помѣстилъ въ «Москвитянинкѣ» біографическую замѣтку объ Эвансѣ, съ цѣлью, какъ онъ говорилъ: «почтить память человѣка, который принадлежалъ къ числу иностранцевъ-воспитателей, но котораго уже, конечно, нельзя было обвинить ни въ недостаткѣ любви къ Россіи, его второму отечеству, ни въ недостаткѣ обширнаго просвѣщенія, составляющую нашу вторую благороднѣйшую природу». Затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, Павловъ не писалъ ничего замѣчательнаго, и только въ 1857 году двѣ критическія статьи его: «Біографъ-оріенталистъ» и, въ особенности, «Разборъ комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ», напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» того же года, заставили всѣхъ снова заговорить о Павловѣ и его критическомъ талантѣ. Въ слѣдующемъ 1858 году, въ 16-й и 21-й книжкахъ того же «Русскаго Вѣстника», появились двѣ новыхъ статьи Павлова: «Вопросъ о евреяхъ» и «Вотяки и г-нъ Дюма», надѣлавшія, какъ и предъидущая статья, много шума и заставившія говорить о себѣ довольно долго. Послѣдними статьями, помѣщёнными Павловымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», были: «Изъ московскихъ записокъ» и «Итальянскій вопросъ» (1859, т. 22). Въ послѣдніе годы своей жизни, именно въ 1860 году, Павловъ предпринялъ изданіе газеты «Наше Время», не имѣвшей успѣха, не смотря на многія прекрасныя статьи, принадлежащія перу самаго редактора-издателя и нѣкоторымъ изъ его сотрудниковъ. Изъ статей Павлова, можно указать на три: «А. П. Ермоловъ», «Ещё о юбилеѣ князя П. А. Вяземскаго и о великосвѣтскихъ людяхъ» и «Г-нъ Чернышевскій и его время». («Наше Время», 1861, №№ 14, 18 и 28). «Наше Время», выходившее первые два года еженедѣльно, съ 1862 стало выходить ежедневно; но и это улучшеніе не поправило дѣла: на 126 нумерѣ 1863 года газета прекратилась, а вмѣсто ея стала выходить, подъ той же редакціей, другая, общедоступная по цѣнѣ, газета: «Русскія Вѣдомости».

Павловъ скончался 29-го марта 1864 года и погребёнъ на одномъ изъ московскихъ кладбищъ.

I.

СѢВЕРЪ.

Люблю тебя, страны моей родной
Широкій сводъ туманно-голубой,
Когда надъ сжатыми, просторными полями
Ты низомъ стелешься, волнуясь облаками,
И вдаль идёшь — и всюду твой просторъ
Являетъ тотъ же необъятный кругозоръ.

Однообразны Сѣвера картины:
Не веселъ видъ его нѣмыхъ полей;
Ни пашни долгія, ни долгія равнины
Суровой прелестью и грустію своей
Природою изнѣженнаго сына
Не привлекутъ восторженныхъ очей.

Но сынъ задумчивый задумчиваго края —
Онъ любитъ родину: ея печаль
Его душѣ — знакомая, родная.
Отъ раннихъ лѣтъ глядитъ онъ съ грустью въ даль,
Какъ небо родины его угрюмой,
Съ холодной, вопрошающею думой.

И пѣсня ли порой по степи прозвучитъ —
Суровая, её не оживитъ.
Какъ жизнь — она протяжна и уныла,
Какъ сердце — жалобы безропотной полна;
Случайной странницей заслышалась она —
И пуще тайныя мечты расшевелила.

II.

Не говори, что сердцу больно
Отъ ранъ чужихъ;
Что слёзы катятся невольно
Изъ глазъ твоихъ!
Будь молчалива, какъ могилы,
Кто ни страдай,
И за невинныхъ Бога силы
Не призывай!
Твоей души святые звуки,
Твой дѣтскій бредъ —
Перетолкуетъ всё отъ скуки
Безбожный свѣтъ.

III.

КУПЛЕТЫ.

Голосъ.

Я знала васъ въ саду природы,
Гдѣ всѣ искусства принялись,

Гдѣ въ свѣтло-голубыя воды
Глядятся лавръ и кипарисъ.
Тамъ грѣетъ солнце не родное,
Тамъ гордо блещетъ Римъ чужой;
Но подлѣ васъ и всё чужое
Казалось мнѣ родной Москвой.

Я знаю васъ, когда побѣда
Сверкала въ голубыхъ очахъ,
Подъ чорнымъ панциремъ Танкреда,
Съ волшебной пѣснью на устахъ.
Гремѣла вамъ толпа живая
И взорамъ видѣлось моимъ,
Какъ наше тихая Тверская
Перерождалась въ звучный Римъ.

хоръ.

Съ благоуханнымъ, свѣтлымъ краемъ,
Съ искусствомъ насъ дружили вы;
Мы васъ встрѣчаемъ, провожаемъ,
Какъ самый нѣжный звукъ Москвы;
Какъ всё, чего у жизни мало,
Чѣмъ можно сердце утолить,
Какъ всё, что въ мірѣ заставляло
Мечтать и пѣть, пѣть и любить.

А. Ѳ. ВЕЛЬТМАНЪ.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, романистъ, поэтъ и археологъ, потомокъ старой шведской фамиліи, поселившейся въ Ревелѣ ещё во время шведскаго владычества, родился 8-го іюля 1800 года въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его находился на службѣ лейбъ-гвардіи въ Гренадерскомъ полку. Въ 1811 году онъ былъ отданъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, но пробылъ тамъ всего до половины слѣдующаго года: вступленіе французовъ прервало его занятія. Въ 1814 году онъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ частный пансіонъ Терликова, въ которомъ пробылъ два года, послѣ чего вступилъ въ корпусъ колоно-вожатыхъ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1817 году, по экзамену, въ офицеры свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части, то-есть въ генеральный штабъ, въ которомъ и продолжалъ свою службу во второй дѣйствующей арміи. Въ 1828 и 1829 годахъ, во время турецкой войны, Вельтманъ находился при главной квартирѣ старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба и начальникомъ историческаго отдѣленія арміи. По окончаніи войны, чувствуя здоровье своё сильно разстроеннымъ, Александръ Ѳомичъ распростился съ военной службой и поселился въ Москвѣ, съ твёрдымъ намѣреніемъ посвятить свои силы и способности отечественной исторіи и литературѣ. Вскорѣ по переѣздѣ его въ Москву, онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго и Одесскаго Обществъ Исторіи и Древностей Россійскихъ и членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Затѣмъ, въ 1842 году, онъ снова вступилъ въ службу — помощникомъ директора Московской Оружейной Палаты; въ 1845 назначенъ членомъ Комитета Изданія Древностей Россійскаго Государства, а въ 1852 — директоромъ Оружейной Палаты. Послѣднюю должность онъ занималъ до самой смерти, пройдя всѣ степени служебной іерархіи, начиная съ надворнаго и кончая чиномъ тайнаго совѣтника.

Вельтманъ началъ своё литературное поприще двумя довольно-слабыми поэмами («Бѣглецъ» и «Муромскіе Лѣса», Москва, 1831), почти не замѣченными публикою, хотя одна изъ пѣсенъ «Муромскихъ Лѣсовъ»: — «Что отуманилась, зоренька ясная» — благодаря хорошей музыкѣ, облетѣла всю Россію, и до-сихъ-поръ поётся вездѣ, на равнѣ съ «Тройкою» Глинки. За-то третіе сочиненіе Александра Ѳомича: «Странникъ» — (3 ч. М. 1832—1840) было встрѣчено очень сочувственно, какъ критикою, такъ и публикою, и пріобрѣло ему громкую извѣстность. Вотъ что́ говоритъ о нёмъ Бѣлинскій: «Въ «Странникѣ» выразился весь характеръ таланта Вельтмана — причудливый, своенравный, который то взгрустнётъ, то разсмѣётся, у котораго грусть похожа на смѣхъ, смѣхъ на грусть, который отличается удивительной способностью соединять между собою самыя несоединимыя идеи, сближать самые разнообразные образы, отъ кофе переходить къ индійской пагодѣ, отъ жида-фактора къ Наполеону, отъ перочиннаго ножика къ Байрону, изъ настоящаго перелетать въ прошедшее, и изъ всего этого лѣпить какую-то мозаическую картину, въ которой всё соединяется очень естественно, ничто другъ съ другомъ не ссорится, словомъ, всё принимаетъ на себя какой-то общій характеръ. «Странникъ» — это калейдоскопическая игра ума, шалость таланта; это не художественное произведеніе, а дѣло и шутка пополамъ; вы и посмѣётесь, и вздохнёте, а иногда и освѣжитесь болѣе или менѣе сильнымъ впечатлѣніемъ творчества.» За «Странникомъ», имѣвшимъ три изданія, послѣдовалъ цѣлый рядъ фантастическихъ романовъ: «Кощей безсмертный» (3 части, М. 1833); «MMMCDXLVIII годъ. Рукопись Мар-

тына Задеки» (3 части, М. 1833), «Святославичъ, вражій питомецъ» (2 части, М. 1835), «Лунатикъ» (2 части, 1836), «Сердце и Думка» (4 части, М. 1838), «Новый Емеля» (4 части, М. 1845), «Предки Каломероса, Александръ Филиповичъ Македонскій» (2 части, М. 1836, продолженіе «Странника»), «Виргинія, или поѣздка въ Россію» (2 ч. М. 1837), «Ротмистръ Чернокнижниковъ, или Москва въ 1812 году» (3 ч. М. 1837), «Генералъ Каломеросъ» (2 ч. М. 1840), «Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго»: 1) «Саломея» (М. 1849 и 1864), 2) «Чудодѣй», (2 т. М. 1849, 1856 и 1864), 3) «Воспитанница Сара» (М. 1862 и 1864), 4) «Счастье — несчастье» (М. 1863) и цѣлый рядъ повѣстей («Урсулъ», «Неистовый Роландъ», «Эротида», «Алёнушка», «Райна, царевна болгарская», «Пріѣзжій изъ уѣзда», «Радой», «Путевыя впечатлѣнія и, между прочимъ горшокъ ерани», «Костешскія скалы», «Ольга», «Карьеръ», «Дочь Иппократа», «Захарушка-добрая душа и каменная баба», «Не домъ, а игрушка», «Два майора», «Илья Ларинъ»), разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ и собранныхъ въ два тома «Повѣстей» (М. 1837 и Спб. 1843). Изъ всѣхъ названныхъ здѣсь романовъ, «Кощей Безсмертный» безспорно есть лучшее произведеніе Вельтмана. «Всѣ послѣдовавшіе за «Кощеемъ» романы Вельтмана», говоритъ Бѣлинскій: «были ознаменованы талантомъ и достоинствомъ, но всѣ они были ниже лучшаго его произведенія — «Кощея Безсмертнаго». Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ журналахъ и сборникахъ нѣсколько повѣстей, собранныхъ потомъ въ одинъ томъ и изданныхъ въ 1843 году въ Петербургѣ. Драматическія его сочиненія («Колумбъ», «Ратиборъ Холмогардскій» (М. 1841), «Ночь на Ивановъ день» и «Амаллатъ-Бекъ»), какъ равно и двѣ его стихотворныя сказки («Троянъ и Ангелица» (М. 1846) и «Златой и Бѣлла») — вещи довольно слабыя. Кромѣ того, онъ перевёлъ мѣрной прозой «Слово о полку Игоревѣ» (М. 1833 и 1861) и 6 первыхъ главъ изъ «Наль и Дамаянти». Изъ историческихъ трудовъ Вельтмана назовёмъ: «начертаніе древней исторіи Бессарабіи» (М. 1828), «О господинѣ Новгородѣ Великомъ» (М. 1834), «Московская Оружейная Палата» (1844 и 1867), «Достопамятности московскаго Кремля» (Москва, 1843), «Древнія славянскія собственныя имена», (М. 1840), «Обновленіе храма Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Дубровицахъ» (М. 1850), «Описаніе новаго императорскаго дворца въ Кремлѣ Московскомъ» (М. 1851), «Индогерманы или свайване» (М. 1856), «Изслѣдованіе о свевахъ, гуннахъ и монголахъ» (М. 1856), «Аттила и Русь IV и V вѣковъ» (М. 1858), «Маги и Мидійскіе коганы XIII вѣка» (М. 1860) и «Донъ, мѣсто ссылки Овидія» (М. 1866). Наконецъ, имъ былъ изданъ альманахъ «Картины Свѣта» (два тома, Москва, 1836 и 1837), «Очерки русской литературы» (М. 1840) и въ «Очеркахъ Россіи» (1841, т. II) помѣщена его статья: «Портфель служебной дѣятельности М. В. Ломоносова».

А. Ѳ. Вельтманъ былъ женатъ два раза. Первой супруги лишился онъ въ молодости, а вторую имѣлъ несчастье потерять незадолго до смерти, какъ равно и единственную свою дочь отъ перваго брака, и затѣмъ умереть въ совершенномъ одиночествѣ. Онъ скончался 11-го января 1870 года, въ Москвѣ, гдѣ и похоронёнъ.

ПѢСНЬ АТАМАНА.

Что̀ отуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что̀ ты задумалась, дѣвица красная —
Очи блеснули слезой?

Жаль мнѣ покинуть тебя, черноокую!
Пѣвень ударилъ крыломъ,
Крикнулъ: ужь по̀лночь! Дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ!

Время! Веди ты коня мнѣ любимаго,
Крѣпче держи подъ-устцы!
Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы.

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху:
Будешь ходить ты вся златомъ облитая,
Спать на лебяжьемъ пуху.

Много за душу свою одинокую,
Много нарядовъ куплю!
Я ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше чѣмъ душу люблю!

—

Н. В. ГОГОЛЬ.

Николай Васильевичъ Гоголь, величайшій изъ русскихъ повѣствователей, родился 19-го марта 1809 года въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Родъ Гоголей, какъ это видно изъ ихъ дворянскаго протокола, восходитъ

ко временамъ извѣстнаго полковника подольскаго и потомъ гетмана небольшой дружины казаковъ, Остапа Гоголя, о которомъ впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1655 годомъ, при описаніи битвы на Дрижиполѣ. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь Аѳанасій Гоголь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскаго, и тестя бунчуковаго товарища Семёна Лизогуба. «Замѣтимъ», говоритъ г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя», «что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турціи, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный — всё это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что̀ касается дѣдушки поэта, полковаго писаря, то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, или по-крайней-мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, и, кто знаетъ, не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти «Вій»? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него рисовалъ онъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича.»

Дѣтство и юность будущаго великаго писателя прошли въ семьѣ, въ усадьбѣ Васильевкѣ, принадлежавшей его отцу, Василію Аѳанасьевичу Гоголю-Яновскому и въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, не задолго предъ тѣмъ основанной въ городѣ Нѣжинѣ. Изъ ранняго дѣтства Гоголя извѣстно только, что онъ росъ подъ руководствомъ своей матери, Маріи Ивановны, рождённой Косяровской, и на глазахъ отца, человѣка остроумнаго и начитаннаго, который, группируя около себя всё лучшее общество Миргородскаго уѣзда, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ сосѣдомъ, бывшимъ министромъ юстиціи Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, въ имѣніи котораго былъ имъ устроенъ домашній театръ, имѣвшій свою долю вліянія на развитіе будущаго писателя. Первымъ наставникомъ Гоголя былъ какой-то наёмный семинаристъ, подъ руководствомъ котораго онъ нѣкоторое время готовился, вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Иваномъ, къ поступленію въ Полтавскую гимназію; но смерть послѣдняго была причиной, что предполагаемый планъ не былъ приведёнъ въ исполненіе, вслѣдствіе чего Гоголь и оставался ещё нѣкоторое время дома, то-есть до того времени, когда отецъ Гоголя получилъ извѣстіе объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, съ пріобщеніемъ добраго совѣта отдать сына въ находившійся при ней пансіонъ, что̀ и было исполнено въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года.

Бывшіе наставники Гоголя отзывались о нёмъ какъ о мальчикѣ скромномъ и *добронравномъ*. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ *смирною овѣчкою*. Напротивъ, маленькія злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ «Мёртвыхъ Душахъ» о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры, такъ-какъ и подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу.

«Можно сказать вообще — говоритъ г. Кулишъ — что Гоголь мало вынесъ познаній изъ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, а между-тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго питалъ комическое отвращеніе. Онъ шутя говаривалъ, что онъ «не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ». Вспомните слова его: «по англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи.» Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.»

Не менѣе интересенъ разсказъ о Гоголѣ-гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, Кулжинскимъ, въ 21 № «Москвитянина» 1854 года.

«Онъ учился у меня (говоритъ Кулжинскій) три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram, за что̀ и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами: universus mundus. Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьёю держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія

ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у других товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ-быть и къ лучшему.»

По свидѣтельству товарищей Гоголя, охота писать стихи выказалась у него впервые по случаю его нападокъ на одного изъ своихъ товарищей, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день имяпинъ своей жертвы, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго монаха, снабдивъ его слѣдующимъ акростихомъ:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивой,
Разстрига сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О, чтецъ! имѣй терпенье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Вскорѣ затѣмъ, по разсказамъ тѣхъ же товарищей Гоголя, онъ написалъ сатиру на жителей Нѣжина, подъ ниже-слѣдующимъ заглавіемъ: «Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ», въ которой изобразилъ типическія лица всѣхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе всего болѣе проявляло свои характеристическія черты, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ своё сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: «Освященіе церкви на Греческомъ Кладбищѣ», «Выборъ въ Греческій Магистратъ», «Всеѣдная Ярмарка», «Обѣдъ у предводителя», «Роспускъ и съѣздъ студентовъ». Кромѣ того, соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши ещё въ одномъ изъ первыхъ классовъ гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ «Двѣ рыбки», въ которой подъ двумя рыбками онъ весьма трогательно изобразилъ судьбу свою и своего покойнаго брата. Наконецъ сохранилось преданіе ещё объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя — о трагедіи «Разбойники», написанной пятистопными ямбами.

Но Гоголь не долго довольствовался своими первыми успѣхами въ стихотворствѣ. Ему захотѣлось сдѣлаться журналистомъ — и онъ вскорѣ осуществилъ своё желаніе, стоившее ему большихъ трудовъ, такъ-какъ ему приходилось почти одному работать по всѣмъ отдѣламъ, затѣмъ приниматься за переписку всего сочинённаго на-бѣло и, наконецъ, что̀ было всего важнѣе, изготовлять обёртку, на подобіе печатной. «Гоголь», говоритъ г. Кулишъ, «хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: «Звѣзда». Всё это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ, перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Всё внимало и восхищалось. Въ «Звѣздѣ», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Всё это написано было такъ-называемымъ «высокимъ» слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ.»

Но и журналистика не долго занимала Гоголя. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привёзъ съ собою комедію, написанную на малороссійскомъ языкѣ и игравшуюся на домашнемъ театрѣ его деревенскаго сосѣда Трощинскаго — и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актёромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ. Какъ

актёръ лицейскаго театра, Гоголь особенно хорошъ былъ въ комическихъ роляхъ, причёмъ роль Простаковой въ «Недорослѣ» была его торжествомъ.

По окончаніи, въ 1828 году, лицейскаго курса, Гоголь, съ аттестатомъ и правомъ на чинъ 14-го класса, покинулъ Нѣжинъ и отправился къ матери, овдовѣвшей въ отсутствіе сына, и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ родной деревнѣ. Затѣмъ, весной слѣдующаго года, онъ явился двадцатилѣтнимъ юношей, крайне слабаго здоровья и впечатлительнаго и тревожнаго характера, съ цѣлью опредѣленія на службу, въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ семь лѣтъ. Въ эти года совершилось первое, быстрое и болѣе спокойное развитіе его могущественнаго творческаго таланта. Потерпѣвъ неудачу въ своёмъ покушеніи поступить на сцену и прихлопнутый Полевымъ въ лицѣ В. Алова, подъ именемъ котораго была напечатана имъ, въ 1829 году, отдѣльной книжкой, его стихотворная поэма «Ганцъ Кюхельгартенъ», Гоголь внезапно явился предъ изумлённой публикой съ новымъ своимъ произведеніемъ — «Вечерами на хуторѣ близь Диканьки», прикрытый псевдонимомъ Рудого Панько — и сразу занялъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть «Вечеровъ».

Прослуживъ около года въ департаментѣ удѣловъ, куда былъ опредѣлёнъ 10-го апрѣля 1830 года, Гоголь, вслѣдствіе ходатайства Жуковскаго и Плетнёва, получилъ 10-го марта 1831 года мѣсто старшаго учителя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ. Вслѣдъ затѣмъ Гоголь, уже напечатавшій «Главу изъ историческаго романа», съ подписью 0000, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ, издававшихся барономъ Дельвигомъ, сдѣлался лично извѣстнымъ знаменитому другу послѣдняго, А. С. Пушкину, и далъ четыре статьи для помѣщенія въ «Литературной Газетѣ» Дельвига, гдѣ онѣ и были напечатаны въ №№ 1, 4 и 17, подъ заглавіемъ: «Учитель», «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ Географіи», «Женщина» и «Успѣхъ посольства». Введённый на обѣдъ, данномъ 19-го февраля 1834 года по случаю перенесенія книжнаго магазина Смирдина съ Мойки на Невскій проспектъ, въ кругъ литераторовъ, Гоголь украсилъ Смирдинскій альманахъ «Новоселье» извѣстной своей повѣстью «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Въ томъ же году были помѣщены имъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» три педагогическихъ статьи, подъ заглавіемъ: «Планъ преподаванія всеобщей исторіи», «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи» и «О малороссійскихъ пѣсняхъ», а 24-го іюля 1834 года Гоголь былъ утверждёнъ адъюнктомъ Санктпетербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи, гдѣ онъ блистательно прочёлъ свою вступительную лекцію «О среднихъ вѣкахъ». Въ 1835 году, продолжая занимать университетскую каѳедру, Гоголь издалъ, подъ общимъ заглавіемъ «Миргородъ», рядъ повѣстей, служащихъ продолженіемъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки», въ двухъ частяхъ, и «Арабески», другой сборникъ повѣстей, въ двухъ же частяхъ.

Во всё продолженіе своего перваго пребыванія въ Петербургѣ, то-есть съ весны 1829 по весну 1835 года, Гоголь проводилъ всё свободное отъ педагогическихъ и литературныхъ занятій время въ небольшомъ кружкѣ своихъ лицейскихъ товарищей и друзей, проживавшихъ въ то время въ столицѣ и пользовавшихся его постояннымъ расположеніемъ, Вотъ что̀ говоритъ г. Анненковъ объ этомъ кружкѣ и объ отношеніяхъ къ нему Гоголя: «Надо сказать что въ Петербургѣ около Гоголя составился кругъ его школьныхъ пріятелей и новыхъ молодыхъ знакомыхъ, которые любили его горячо и были ему по душѣ. Предъ этимъ кругомъ Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный и нѣсколько скрытный характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми, не оставляли его никогда. Кромѣ жаркой привязанности, которую онъ питалъ вообще къ двумъ-трёмъ товарищамъ своего дѣтства, «ближайшимъ людямъ своимъ», какъ онъ ихъ называлъ, Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузіазмъ, который выказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, несмотря на совершенно короткое, нецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевлённыя лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры. За чертой круга, Гоголь открывалъ себѣ широкій путь жизни всѣми средствами, которыя находились въ его богатой натурѣ, не исключая хитрости и сноровки затрогивать наиболѣе живыя струны человѣческаго сердца. Онъ сходилъ съ этой арены въ безвѣстный и, такъ-сказать, уединённый кругъ своихъ пріятелей, если не отдыхать (въ это время онъ не отдыхалъ почти никогда, но жилъ постоянно всѣми своими способностями), то по-крайней-мѣрѣ сравнивать его безкорыстныя сужденія о себѣ и рядъ

надеждъ, возлагаемыхъ на него съ тѣмъ, что̀ говорилось и дѣлалось по поводу его особы на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ. Онъ былъ простъ передъ своимъ кругомъ, добродушенъ, веселъ, хотя и сохранялъ тонкій, можетъ-быть, невольный оттѣнокъ чувства своего превосходства и своего значенія. Мало-по-малу родъ поученія, ободренія и удовольствія, какія онъ почерпалъ въ этомъ кругѣ, становились ему менѣе нужны и менѣе привлекательны; жизнь начала нестись съ такой силой вокругъ него, показались такія горячія, страстныя привязанности, дѣйствовавшія и на общественное мнѣніе, что никѣмъ невѣдомый и запертый въ себѣ самомъ кружокъ долженъ былъ потерять значеніе въ его глазахъ. Притомъ же вскорѣ явились требованія со стороны другихъ приверженцевъ Гоголя, на которыя старый кругъ не могъ отвѣчать, и явленія въ самомъ Гоголѣ, которыя трудно было понять ему; но почти ко всѣмъ лицамъ Н. В. сохранилъ неизмѣнное расположеніе, доказывавшее теплоту и благородство его сердца. Онъ даже въ минуту развитія самостоятельныхъ, наиболѣе исключительныхъ своихъ мнѣній, ещё вопрошалъ мысль прежнихъ своихъ пріятелей и прислушивался къ ней съ большимъ любопытствомъ. Такъ иногда писатель, пресыщённый критикой и разборомъ своихъ произведеній, охотно склоняетъ ухо къ мнѣнію какого-либо оригинальнаго чудака, живущаго вдали партій, литературныхъ вечеровъ и теченія господствующихъ понятій.»

Проведя лѣто и осень 1835 года въ Малороссіи, а зиму — въ Петербургѣ, Гоголь снова почувствовалъ непреодолимое желаніе поправить своё здоровье въ тёпломъ климатѣ — и сталъ собираться па Кавказъ или куда-нибудь въ другое тёплое мѣсто. Второе изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» и постановка на сцену «Ревизора» доставили ему необходимые для того средства — и весной 1835 года онъ уже былъ за границей. «Съ выѣздомъ за границу», говоритъ г. Кулишъ, «начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по его письмамъ, является намъ сперва дѣтски-безпечнымъ, какъ школьникъ вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ всё болѣе и болѣе сумрачнымъ и, наконецъ, загадочно-торжественнымъ.» Поселившись въ Римѣ и пользуясь вполнѣ ниспосланнымъ ему, наконецъ, полнымъ просторомъ и досугомъ, Гоголь написалъ или только докончилъ первую часть «Мёртвыхъ душъ», геніальнѣйшаго изъ своихъ произведеній, въ которомъ отразилось спокойствіе, лежащее надъ *вѣчнымъ городомъ* и видѣнъ широкій ходъ эпопеи, проникшій и охватившій душу поэта при безконечномъ чтеніи эпопеи Рима. Въ 1839 году Гоголь возвратился въ Москву совершенно здоровымъ и весёлымъ; но о «Мёртвыхъ Душахъ» ни съ кѣмъ не говорилъ и на вопросы о нихъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что у него нѣтъ ничего готоваго. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ у Погодина, онъ въ октябрѣ того же года уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ также нѣсколько мѣсяцевъ у Жуковскаго, жившаго въ то время во дворцѣ, причёмъ однажды сказалъ ему, что, кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, то-есть «Мёртвыхъ Душъ», у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой всё готово даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ, что это его давнишнее, любимое дитя, что онъ считаетъ, что эта пьеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать её на бумагу. По возвращеніи въ Москву, Гоголь началъ читать «Мёртвыя Души» и въ разное время прочёлъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи «Тяжба» и начало итальянской повѣсти «Анунціанта», которое потомъ было нѣсколько передѣлано и составило статью «Римъ», напечатанную въ «Москвитянинѣ». Всё это время Гоголь чувствовалъ себя хорошо, но осенью 1840 года сильно заболѣлъ, послѣ чего характеръ его внезапно перемѣнился. Вотъ что̀ говоритъ объ этой перемѣнѣ С. Т. Аксаковъ, въ своихъ «Запискахъ»: «Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Внутренняя основа всегда лежала въ нёмъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ-сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладанія религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлеснымъ организмомъ человѣка. Я не спрашивалъ Гоголя въ подробности, что̀ съ нимъ случилось, частью изъ деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до такихъ предметовъ и явленій, о которыхъ одно воспоминаніе могло его разстроить. Слова самого Гоголя въ этомъ письмѣ утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать «Мёртвыя Души» какъ любопытный и забавный анекдотъ, что только впослѣд-

ствіи онъ узналъ, говоря его словами, «на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ», что впослѣдствіи мало-помалу составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни, что впослѣдствіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость примиренія. Возможно ли было исполненіе этой задачи и могъ ли её исполнить Гоголь? Это вопросъ другой. Мы давно уже его ждали, и даже ждать перестали. Наконецъ, 18-го октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этотъ годъ послѣдовала новая, бóльшая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ, и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ-будто никогда и не бывало. Иногда — очевидно, безъ намѣренія — слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде непротивный ему или незамѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Покуда переписывались первыя шесть главъ «Мёртвыхъ Душъ», Гоголь прочёлъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, то-есть въ домѣ Погодина, и ни за что не согласился, чтобъ кто-нибудь слышалъ ихъ, кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній. Я не могъ ихъ дѣлать, и сказалъ Гоголю, что, слушая «Мёртвыя Души» въ первый разъ, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать недостатковъ его поэмы; что, если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ её и, можетъ-быть, не одинъ разъ. Тогда дѣло другое. Но Гоголь не могъ этого сдѣлать. Рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру, въ Петербургъ. По полученіи рукописи изъ цензуры, немедленно приступили къ печатанію 2500 экземпляровъ. Обёртка была нарисована самимъ Гоголемъ. Не смотря на тò, что Гоголь былъ сильно занятъ изданіемъ «Мёртвыхъ Душъ», очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстраивался духомъ и даже тѣломъ. Онъ сталъ страдать головокруженіемъ и одинъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ всякой помощи, потому что-это случилось на верху въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было. Вдругъ дошли до насъ слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Мы сначала не повѣрили и спросили самого Гоголя, который отвѣчалъ неопредѣлённо: «можетъ-быть»; но вскорѣ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе, оставаться, потому-что не можетъ писать и потому-что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, часовъ въ семь послѣ обѣда, вдругъ вошолъ къ намъ Гоголь, съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ и сказалъ: «Я всё ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню.» Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, и тотъ на прощаніе благословилъ его образомъ. Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было такъ поступить, но Гоголь видѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всѣ разспросы объ отъѣздѣ за границу были Гоголю непріятны. Одинъ разъ спросили его: «Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобъ скоро уѣхать?» Гоголь съ досадою отвѣчалъ: «Съ тѣмъ, чтобы проститься.» Но это была неправда: и письменно, и словесно онъ высказывалъ прежде совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ: «На долго ли онъ ѣдетъ?» Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ — на шесть лѣтъ, а одинъ разъ сказалъ, что ѣдетъ на десять лѣтъ. Послѣдній отвѣтъ, вѣроятно, вырвался у него въ досадѣ на скучные вопросы. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ, сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія Святыхъ Мѣстъ. Гоголь отвѣчалъ: «Да, я опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть достойнымъ» Печатанье «Мёртвыхъ душъ» приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплести десятка два экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить въ Москвѣ и взять съ собою въ Петербургъ. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го мая прямо къ намъ въ домъ, къ обѣду. У насъ было довольно гостей, по случаю имянинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ тоже время и прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ «Мёрт-

выхъ Душъ», вдвое толще перваго, но пріѣхать для его напечатанія уже не обѣщалъ. 23-го мая, въ полдень, послѣ завтрака, Гоголь уѣхалъ изъ нашего дома».

Въ концѣ сентября 1842 года Гоголь былъ снова въ Римѣ, гдѣ дѣятельно принялся за обработку второй части «Мёртвыхъ Душъ», что̀ продолжалось до начала 1845 года, когда онъ снова сильно заболѣлъ. Въ 1848 году Гоголь привёлъ въ исполненіе давно задуманное имъ путешествіе въ Іерусалимъ, съ которымъ онъ мистически связывалъ окончаніе «Мёртвыхъ Душъ». Путешествіе это, сдѣланное въ сообществѣ своего товарища по гимназіи высшихъ наукъ, Базили, занимавшаго въ то время важный постъ въ Сиріи, сильно разстроило его и безъ того хилое здоровье. По возвращеніи изъ Іерусалима въ Россію, Гоголь поселился у матери, въ своей родной Васильевкѣ, гдѣ занялся продолженіемъ второго тома «Мёртвыхъ Душъ», какъ это видно изъ его писемъ, а къ осени переѣхалъ въ Москву, гдѣ друзья встрѣтили его съ восторгомъ и окружили самыми почтительными и нѣжными заботами. Живя съ этого времени постоянно въ Москвѣ, за исключеніемъ кратковременной поѣздки зимою 1850 — 1851 года въ Одессу, Гоголь уже не издавалъ ничего, а только продолжалъ трудиться надъ второю частью «Мёртвыхъ Душъ». Смерть застигла Гоголя 21-го февраля 1852 года, въ Москвѣ, на сорокъ четвёртомъ году жизни.

Тѣло его, какъ почётнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24-го февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго Учебнаго Округа и многихъ почётныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самаго Данилова монастыря несёнъ преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похоронёнъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи (гл. 8, ст. 20) «Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся».

«Отличительный характеръ произведеній Гоголя», говоритъ Бѣлинскій, «составляютъ — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: Гоголь — поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: «Какъ всё это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно, и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!» Не удивляетесь ли вы тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повсёдневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно - художественнаго произведенія! Потомъ, не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ-будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не дополняете ли вы своимъ воображеніемъ его портрета и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи ли прибавить къ нему новыя черты, какъ-будто забытыя авторомъ; не въ состояніи ли вы разсказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ-будто бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите ли вы на-слово, не готовы ли вы побожиться, что всё разсказанное авторомъ есть сущая правда безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатію истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудность драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это — поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни коротко знакомой намъ. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слёзъ глупостями, ничтожностію и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество — это удивительно; но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубокогрустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» — вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творческимъ. Вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что̀ такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая,

наконецъ, называется жизнію. И таковы всё его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно.

«И какъ сильна и глубока поэзія Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»: что̀ въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество: въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной и, между-тѣмъ, принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣётесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Филемономъ о его Бавкидѣ, сострадаете его глубокой, неземной горести и сердитесь на негодяя-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ. И потомъ вы такъ живо представляете себѣ актёровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь—вы, который, можетъ-быть, никогда не бывали въ Малороссіи, никогда не видали такихъ картинъ и не слыхали о такой жизни. Отчего это? Оттого, что это очень просто и, слѣдовательно, очень вѣрно; оттого, что авторъ нашолъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашолъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство—привычка.

«Повѣсти Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно-художественнаго произведенія, если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякато народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ формахъ; слѣдовательно, если изображеніе жизни вѣрно, то и народно. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стòитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь — и она уже усвоена имъ. Почти то же самое можно сказать и объ оригинальности: какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта. Два человѣка могутъ сойтись въ заказной работѣ, но никогда въ творчествѣ, ибо если одно вдохновеніе не посѣщаетъ двухъ разъ одного человѣка, то ещё менѣе одинаковое вдохновеніе можетъ посѣтить двухъ человѣкъ. Вотъ почему міръ творчества такъ неистощимъ и безграниченъ. Поэтъ никогда не скажетъ: «о чемъ мнѣ писать? ужь всё переписано!» или:

О, боги, для чего я поздно такъ родился?

«Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности, или, лучше сказать, самаго творчества, состоитъ въ этомъ типизмѣ, если можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лицо—типъ, и каждый типъ, для читателя, есть знакомый незнакомецъ. Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который, во всю жизнь, не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, безсонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды; есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе съѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, анбаровъ и хлѣвовъ, есть честолюбіе выше увѣренности, что онъ первая персона въ какомъ-нибудь захолустьѣ; о, не тратьте такъ много фразъ, такъ много словъ — скажите просто: «вотъ Иванъ Ивановичъ Перепенко!» или: «вотъ Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ!» И, повѣрьте, васъ скорѣе поймутъ всѣ.

«Но есть ещё другая оригинальность, проистекающая изъ индивидуальности автора, слѣдствіе цвѣта очковъ, сквозь которыя смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальность у Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по-крайней-мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка всё же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чёмъ бы она ни основывалась, достойна участія; слѣдовательно, ещё понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ существа совершенно пустыя, ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго. Зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до траги-комической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! вотъ онѣ, эти чары искусства! Вы видите жизнь; а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!

«Комизмъ или юморъ Гоголя имѣетъ свой, особенный характеръ; это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Впрочемъ,

это только манера, а истинный-то юморъ Гоголя всё-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и, прибавлю ещё, ни мало не зависитъ отъ каррикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти: онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на неё; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это всё-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный и, можетъ-быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ «Горя отъ ума» я не знаю ничего, на русскомъ языкѣ, что́ бы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и что́ бы могло имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти Гоголя.»

I.

ИТАЛІЯ.

Италія, роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ.
Она — вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ;
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ,
Лимонъ горитъ и вѣетъ ароматъ.

И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всёмъ печать протекшаго лежитъ —
И путникъ зрѣтъ великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ;
Душа кипитъ и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно минувшихъ шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ,
И радужнѣй въ сіяньи красоты,
И жарче, и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводитъ;
Въ нёмъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зелёный лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышетъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась — и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна,
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.

Земля любви и моря чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ,
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Ещё живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ и думы говорятъ;
Меня влечётъ и жжотъ твоё дыханье;
Я въ небесахъ — весь звукъ и трепетанье.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ».

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ небомъ избранный постигъ,
Цѣль высшую существованья,
Когда не грёзъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра,
Его трудамъ великимъ учитъ.
Для нихъ онъ жизни не щадитъ.
Вотще безумно чернь кричитъ:
Онъ твёрдъ средь сихъ живыхъ обломковъ
И только слышитъ какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.
Когда жь коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,

А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты —
Не лучше ль въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьёй довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

III.

ИЗЪ КОМЕДІИ «РЕВИЗОРЪ».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ городничаго.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лекарь *и* два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И ещё съ секретнымъ предписаніемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи-Боже! ещё и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ-будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: чорныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*... и увѣдомить тебя...» А, вотъ: «спѣшу, между-прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. *(Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. «Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ-какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому-что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плывётъ въ руки.» *(Остановясь.)* Ну, здѣсь своё! «...то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живётъ гдѣ-нибудь инкогнито. Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужь пошли дѣла семейныя: «сестра, Анна Кириловна, пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и всё играетъ на скрипкѣ.» и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій *(испуская вздохъ)*. Зачѣмъ? Такъ ужь видно судьба! *(Вздохнувъ.)* До-сихъ-поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ, теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да, хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Ещё умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу: вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далёко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! По своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ; совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы всё было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латыни, или на другомъ языкѣ — это ужь по вашей части, Христіанъ Ивановичъ — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа. Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, еслибы ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О, на счётъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше; лекарствъ

дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умрётъ, то и такъ умрётъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е.*

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жь сторожу и не завесть его? Только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично. Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но всё какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... Онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій; но отъ него такой запахъ, какъ-будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода. Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлечёнъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ-тѣхъ-поръ отъ него отдаётъ немного водкою.

Городничій. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчётъ же внутренняго распоряженія и того, что̀ называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жь вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки; но чѣмъ взятки? борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ-другимъ, всё взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берёте взятки борзыми щенками! за то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по-крайней-мѣрѣ, въ вѣрѣ твёрдъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы? О, я знаю васъ: вы если начнёте говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ-собою дошолъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто: самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ-какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно насчётъ учителей. Они люди, конечно, учоные и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ учонымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что̀ имѣетъ толстое лицо — не вспомню его фамиліи — никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу: вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнётъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно ещё ничего: можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой-кто можетъ принять это на свой счётъ. Изъ этого чортъ знаетъ что̀ можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что жь мнѣ право съ нимъ дѣлать? я ужь нѣсколько разъ говорилъ. Вотъ ещё на дняхъ, когда зашолъ-было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда ещё не видывалъ. Онъ-то её сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій. Тоже долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ — учоная

голова, это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріанахъ и вавилонянахъ — ещё ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, чтó съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ. Ей-Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, чтó силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать! Отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ — говоритъ: «какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.»

Городничій. Да, таковъ ужь неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по учоной части! Всего боишься, всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы ещё ничего. Инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «а, вы здѣсь голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?» Ляпкинъ-Тяпкинъ. «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» Земляника. «А подать сюда Землянику!» Вотъ чтò худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, чтó, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, чтó? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А чтò думаю? война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! Я самъ тоже думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это всё французъ гадитъ.

Городничій. Какая война съ турками! Просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужь извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да чтó я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да чтó я? Страху-то нѣтъ, а такъ немножко. Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришолся, а я, вотъ ей-богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*, я даже думаю — не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ нёмъ какого-нибудь донесенія, или просто переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю. Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтёшь — такъ описываются разные пассажи, а назидательность какая. Лучше чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Городничій. Ну, что жь, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однако жь, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо. «Жизнь моя, милый другъ, течётъ» — говоритъ — «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» Съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадётся жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ

вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали но вѣдь это дѣло семейное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, не хорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шолъ-было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачёнкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Ѳарховинскимъ затѣяли тяжбу — и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждёшь, что вотъ отворится дверь и — шасть...

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ гостинницѣ.

Осипъ *(лежитъ на барской постели).*

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ-будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой? Что ты прикажешь дѣлать! Второй мѣсяцъ пошолъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ — теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны. Нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! *(Дразнитъ его.)* «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда; мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ.» Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто-жь споритъ: конечно, если пойдётъ на правду, такъ житьё въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и всё, что хочешь. Разговариваетъ всё на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдёшь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: «почтенный»; на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредётъ; горничная иной разъ заглянетъ такая — фу, фу, фу! *(Усмѣхается и трясетъ головою.)* Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ «вы». Наскучило идти — берёшь извощика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота и ты такъ шмыгнёшь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А всё онъ виноватъ. Что съ нимъ дѣлать? Батюшка пришлётъ денежки; чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!... пошолъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь, и посылаетъ на толкучій продать новый фракъ. Иной разъ всё до послѣдней рубашки спуститъ, такъ-что на нёмъ всего останется сертучишка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое: рублёвъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нѣчего — ни по чёмъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идётъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ? Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почёсывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ.)* Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идётъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные *отворяютъ обѣ половинки дверей. Входятъ* Хлестаковъ *за нимъ* городничій, *далѣе* попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій, *съ пластыремъ на носу. Городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку — они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.*

Хлестаковъ. Хорошія заведенія! Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ всё въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники боль-

ше заботятся о своей пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хорошъ — я совсѣмъ объѣлся. Чтó, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на тó живёшь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ *(подбѣгая)*. Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная! Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, чтó ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ — въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужь такъ устроено, такой порядокъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я принялъ начальство — можетъ быть вамъ покажется даже невѣроятнымъ — всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій. Ужь на чтó, осмѣлюсь вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки; словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришолъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, всё идётъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но, вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно!» Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по-крайней-мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало — то чего-жь мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу! Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью всё прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, бездѣльникъ, какъ расписывываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, люблю тоже иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій. *(Добчинскому)*. Справедливо, всё справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... Видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите пожалуста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону)*. Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! *(Вслухъ.)* Боже сохрани! Здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ и играть въ карты. Смотрѣть не могу на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля, или что-нибудь другое, то такое омерзеніе нападаетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось — забавляя дѣтей, выстроилъ бутку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились, проклятыя! Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ!

Лука Лукичъ *(въ сторону)*. А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій. Лучше жь я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже... Всё зависитъ отъ того, съ какой стороны кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трёхъ угловъ; ну, тогда, конечно... Нѣтъ, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна *и* Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)* Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своёмъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ ещё болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ ещё пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять есть уже счастіе; впрочемъ, если вы такъ непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна! Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ — грязные трактиры, мракъ невѣжества. Если бъ, признаюсь, не такой случай, который меня *(посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней)* такъ вознаградилъ за всё...

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно!

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки. Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! Что̀ за жизнь, право! Вы, можетъ-быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: «приходи, братецъ, обѣдать!» Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужь чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только тртр — пошолъ писать! Хотѣли было даже меня коллежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да, думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ ещё на лѣстницѣ за мною со щёткою: «Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ», говоритъ, «сапоги почищу.» *(Городничему).* Что вы, господа, стоите? Пожалуста садитесь!

Вмѣстѣ:
Городничій. Чинъ такой, что ещё можно постоять.
Артемій Филиповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться!

Хлестаковъ. Безъ чиновъ — прошу садиться! *(Городничій и всѣ садятся.)* Напротивъ, я даже стараюсь всегда проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь — ужь и говорятъ: «Вонъ», говорятъ, «Иванъ Александровичъ идётъ!» А одинъ разъ меня приняли за главнокомандующаго, солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьёмъ. Послѣ офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго.»

Анна Андреевна. Скажите какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что̀, братъ Пушкинъ?»—«Да такъ, братъ», отвѣчалъ бывало: «тамъ какъ-то всё...» Большой оригиналъ!

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: «Женитьба Фигаро», «Робертъ Дьяволъ», «Норма». Ужь и названій даже не помню. И всё случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь.» Думаю себѣ: «пожалуй, изволь, братецъ.» И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, всё написалъ. У меня лёгкость необыкновенная въ мысляхъ. Всё это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, «Фрегатъ Надежда» и «Московскій Телеграфъ» — всё это я написалъ.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю стихи. Мнѣ Смирдинъ даётъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и «Юрій Милославскій» ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это моё сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну вотъ: я и знала, что даже и здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрій Милославскій», такъ тотъ ужь мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужь и извѣстенъ — домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ.)* Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даютъ балы!

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я. И ужь такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвёртый этажъ — скажешь только кухаркѣ: «на́, Маврушка, шинель...» Что-жь я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной разъ и министръ. *(Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ.)* Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что́, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но пойдутъ, бывало — нѣтъ, мудрено! Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть — просто, чортъ возьми! Видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры. Можете представить себѣ: тридцать-пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ, хотѣлъ отказаться, но, думаю, дойдётъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю», говорю, «такъ и быть», говорю, «я принимаю, только ужь у меня: ни, ни, ни! ужь у меня ухо востро! ужь я...» И точно: бывало, прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясенье, всё дрожитъ, трясётся, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе.)* О, я шутить не люблю! Я имъ всѣмъ задалъ острастку! Меня самъ Государственный Совѣтъ боится. Да что̀ въ самомъ дѣлѣ? Я такой — я не посмотрю ни на кого, я говорю всѣмъ: «я самъ себя знаю, самъ.» Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш...

(Поскальзывается и чуть-чуть не падаетъ на полъ но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками.)

II.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ЖЕНИТЬБА».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ *и* Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать — ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я ещё ничего. Я только подумалъ.

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ — и увидишь, какъ ещё вдругъ...

Подколесинъ. Вотъ ещё, сейчасъ бы и ѣхать.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же, помилуй, зачѣмъ дѣло?... Ну разсмотри самъ: ну что̀ изъ того, что ты неженатый? Посмотри на свою комнату: ну что̀ въ ней? Вонъ невычищеный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванья, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ни чего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачёнка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабёночка хорошенькая этакая, и ручкой тебя...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куда тебѣ! Будто у нихъ только что ручки... У нихъ, братъ... Ну, да что́ и говорить: у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь сказать тебѣ правду: я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только надо распорядиться. Ты ужь не заботься ни о чёмъ. Свадебный обѣдъ и прочее — это всё ужь я. Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя: ужь какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тётушекъ и кумушекъ: эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ — чортъ съ нимъ, неправда ли? а? А что́ же касается до обѣда — у меня, братъ, у меня есть на примѣтѣ

одинъ офиціантъ: такъ, собака, накормитъ, что просто не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берёшься, какъ-будто бы въ самомъ дѣлѣ ужь свадьба.

Кочкаревъ. А почему жь нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? ну, нѣтъ, я ещё не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорю только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ, помилуй! да мы ужь совсѣмъ было всё дѣло... Да чтó? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ чтó жь? Зачѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни зачѣмъ не стало, а только странно...

Кочкаревъ. А чтó жь странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно: всё былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну!.. ну не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьёзно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, чтó ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живёшь? Ну, взгляни въ зеркало, чтò ты тамъ видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не тó, что двое или трое, а можетъ-быть цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькіе этакіе канальчонки и какой-нибудь пострѣлёнокъ, протянувши ручонки, будетъ теребить тебя за баккенбарды, а ты только будешь ему по собачьи: «авъ, авъ, авъ!» Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ всё портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука!

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой — ужь на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно, конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ?

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ (*одѣваясь передъ зеркаломъ*). Я думаю однако жь, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, всё равно!

Подколесинъ (*надѣвая воротнички*). Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣльё, то я найду другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

Кочкаревъ Да ну, братъ, поскорѣе! какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. (*надѣваетъ фракъ и садится.*) Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли чтó? Поѣзжай-ка ты одинъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ, ещё: съ ума сошолъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я!

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не надо! Ну, скажи пожалуста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, что жь бранишься, съ какой стати, чтò я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чёмъ стараюсь? О твоей пользѣ: вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ! Ну, скажи пожалуста, ну, на чтó ты похожъ? Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово, да не прилично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. (*Вполголоса.*) Въ своёмъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при нёмъ бранится, да ещё гадкими словами — не нашолъ другого мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ — просто съ-дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду — чтó-жь ты раскричался?

Кочкаревъ. Ѣду! Конечно, чтò жь другое дѣлать, какъ не ѣхать. (*Степану.*) Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ (*въ дверяхъ*). Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться:

выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да, ужь конечно, теперь не браню. *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны.

Иванъ Павловичъ Яичница *и* Дуняшка.

Дуняшка. Погодите здѣсь. *(Уходитъ.)*

Яичница. Пожалуй, пождать пождёмъ, какъ-бы только не замѣшкаться: отлучился, вѣдь, только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: «А гдѣ экзекуторъ пошолъ?» Невѣсту пошолъ выглядывать! Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однако жь разсмотрѣть ещё роспись. *(Читаетъ.)* «Каменный двухъэтажный домъ.» *(Подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату.)* Есть! *(Продолжаетъ читать.)* «Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный.» Ну, деревянный плоховатъ. «Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой ковёръ и подъ малый.» Можетъ-быть — такія, что въ ломъ годятся. Старуха однако жь увѣряетъ, что первый сортъ. Хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ.» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисьи шубы.» Гм! «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ.» *(Значительно сжимаетъ губы.)* «Шесть паръ шолковыхъ и шесть паръ ситцеваго платья, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣльё, салфетки.» Это пусть будётъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно всё это повѣрить на дѣлѣ. Теперь пожалуй обѣщаютъ и домъ и экипажи, а какъ женишься — только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса: «Дома?» — «Дома».)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Павловичъ *и* Анучкинъ.

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выйдутъ. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей.)*

Яичница. Моё почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить!

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже ещё не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница *(въ сторону)*. Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришолъ, за чѣмъ и я. *(Вслухъ.)* Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность въ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что-жь, надобности никакой нѣтъ, а такъ — зашолъ съ прогулки.

Яичница *(въ сторону)*. Врётъ врётъ, — съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ слышны голоса:* «Дома?» — «Дома».)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же *и* Жевакинъ, *въ сопровожденіи* Дуняшки.

Жевакинъ *(Дуняшкѣ)*. Пожалуста, душенька, почисть меня. Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало немало. Вонъ тамъ пожалуста сними паутину. *(Поворачивается.)* Такъ! спасибо, душенька. Вотъ ещё посмотри: тамъ какъ-будто паучокъ лазитъ; а на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родная! Вонъ тутъ ещё кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича.)* Суконцо-то вѣдь аглицкое! въ 95-мъ году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его ещё мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801 при Павлѣ Петровичѣ я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, сукно было совсѣмъ новёшенькое, въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистёрлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только переворотилъ: ужь десять лѣтъ ношу, до-сихъ-поръ почти-что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка. *(Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы.)*

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А, прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли: видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранитное, и вездѣ италіяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцаловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ; такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало пойдёшь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ; натурально, здѣсь эполеты *(показываетъ на плеча)*, золотое шитьё... и этакъ красоточки чернома-

зенькія... У нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски... Бывало, этакъ смотришь, и сидитъ этакой розанчикъ. Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... *(Кланяется и размахиваетъ рукою)* и она этакъ только. *(Дѣлаетъ рукою движеніе.)* Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя серёжки... Ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ, позвольте ещё вамъ сдѣлать вопросъ, на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите тому, чтό я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во всё это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба!» — не поймётъ, ей-Богу не поймётъ, а скажи по-французски: «Dateci del pane» или: «portate vino!» — поймётъ, и побѣжитъ, и точно принесётъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная, однако жь, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали — мужикъ, кàкъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ — широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать, не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ: а вотъ насчётъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ всё почти вода и вездѣ гондолы. Натурально, сидитъ этакая италіяночка, такой розанчикъ, одѣта — манишечка, платочекъ. Съ нами были и англійскіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала очень было странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обзнакомились, начали свободно понимать. Покажешь, бывало, этакъ на бутылку или стаканъ — ну, тотчасъ и знаетъ, чтò это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ — знаетъ: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно лёгкій: наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ *(не дослышавъ)*. Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селёдочку съѣлъ съ хлѣбцомъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя — Яичница.

Жевакинъ *(кланяясь)*. Ахъ, извините, я немножко туговатъ на ухо! Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иванъ Павловичъ. Да, чтò дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ назваться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на «собачій сынъ».

Жевакинъ. А это однако жь бываетъ. У насъ вся наша эскадра, всѣ офицеры и матросы — всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: «Ты, Дырка, поди сюда!» и, бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ: «эхъ ты, дырка этакой,», говоритъ. *(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять.)*

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живёшь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуй, матушка, Ѳёкла Ивановна!

Ѳекла *(бѣжитъ впопыхахъ)*. Спасибо, отцы мои, здорово. *(Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса: «Дома» — «Дома». Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которые Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою:* «смотри ты какой!»)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ *и* Ѳекла.

Кочкаревъ *(Подколесину)*. Ты помни только куражъ и больше ничего. *(Оглядывается и раскла-*

нивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ, про-себя.) Фу ты, какая куча народу! Это что̀ значитъ? Ужь не женихи ли? *(Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо.)* Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ — а?

Ѳекла *(вполголоса).* Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, всѣ честные люди.

Кочкаревъ *(ей).* Гости-то несчитанные, кажется, общипанные.

Ѳекла. Гляди налётъ на свой полётъ, а и похвастаться не чѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ.)* Да что̀ она дѣлаетъ теперь? Вѣдь это дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? *(Подходитъ къ двери.)*

Ѳекла. Безстыдникъ, говорятъ тебѣ, ещё одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что̀-жь тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину.)*

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ *(продолжая смотрѣть).* Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что̀ такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. *(Всѣ однако жь обступили дверь и продираются взглянуть.)*

Кочкаревъ. Что... кто-то идётъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь.)*

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны.

Агафья Тихоновна *одна; потомъ* Кочкаревъ.

Агафья Тихоновна. Право, такое затрудненіе — выборъ. Если бы ещё одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя, конечно, худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужь какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить къ этому ещё дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! Просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всёмъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что̀ будетъ. *(Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говоришь.)* Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо ещё влюблённой. Изъ мужчинъ никто не войдётъ въ это и даже просто не хотятъ понять этого. Вотъ они, всѣ ужь готовы! Остаётся только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что̀ будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою.)* Страшно Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? Лучше Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? Чѣмъ же худы тѣ — другіе? Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ.)* Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится. Нѣтъ, одного, одного, непремѣнно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади.)* Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича. Нѣтъ, не хочу, не хочу, какъ прикажетъ судьба?

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агафья Тихоновна. Ахъ! *(Вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ.)*

Кочкаревъ. Да чего жь вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня: передо мною нѣчего стыдиться. Откройте же ваше личико.

Агафья Тихоновна *(въ половину открывая лицо).* Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрывается вновь руками.)*

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою. Просто, удивительный человѣкъ!

Агафья Тихоновна *(понемногу открываетъ лицо).* Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ— вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего: Иванъ Кузьмичъ человѣкъ, ну, просто, человѣкъ — человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агафья Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ дрянь, всѣ они дрянь.

Агафья Тихоновна. Будто бы ужь всѣ!

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это — какъ бы то ни было, а вѣдь тὸ, чтὸ ни попало. Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ — чортъ знаетъ чтὸ такое!

Агафья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агафья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Уже это точно такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Ещё бы! Хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агафья Тихоновна. Такъ, по вашему, совѣту лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича, натурально Ивана Кузьмича. *(Въ сторону.)* Дѣло, кажется, идётъ на ладъ. Подколёсинъ сидитъ въ кандитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агафья Тихоновна. Такъ вы думаете — Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агафья Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему жь стыдно? Скажите, что ещё молоды и не хотите за мужъ.

Агафья Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкаревъ. Ну, такъ если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: «Пошли вонъ, дураки!»

Агафья Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужь попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агафья Тихоновна. Да вѣдь выйдетъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно!

Агафья Тихоновна. Да всё какъ-то не хорошо они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большое, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и всё.

Агафья Тихоновна. Ну, вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да чтὸ жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю то же одного: превраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щёку; до-тѣхъ-поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованія, что тотъ наконецъ не вынесъ, плюнулъ въ самое лицо, ей-Богу! «Вотъ тебѣ», говоритъ, «твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья однако же всё-таки прибавилъ. Такъ что жь изъ этого, чтὸ плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ: взялъ, да и вытеръ. *(Въ сѣняхъ звонятъ.)* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другаго выхода?

Агафья Тихоновна. Какъ же, по чорной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте. *(Въ сторону.)* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Агафья Тихоновна *и* Подколесинъ, *вталкиваемый на сцену изъ дверей двумя руками* Кочкарева.

Подколесинъ. Я пришолъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльце; только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агафья Тихоновна *(потупляя глаза)*. Что же такое?

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, вы скажите наперёдъ: не покажется вамъ странно?

Агафья Тихоновна. Не могу — чтὸ такое?

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ тὸ, что я вамъ скажу.

Агафья Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобъ было странно. Отъ васъ всё пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы ещё никогда не слыхали. *(Агафья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и*

становится у него за спиной.) Это вотъ въ чёмъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ

Агафья Тихоновна. А что же такое?

Подколесинъ. А это... Я хотѣлъ было, признаюсь теперь, объявить вамъ, да всё ещё какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ *(про-себя, складывая руки).* Господи ты, Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка.

Агафья Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да всё какъ-то берётъ сомнѣніе?

Кочкаревъ *(вслухъ).* Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только: согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ *(почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо).* Помилуй, что ты!

Кочкаревъ. Такъ что-жь, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастіе?

Агафья Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобы я могла составить счастіе; а впрочемъ я согласна.

Кочкаревъ. Натурально, натурально! Такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. *(Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку.)*

Кочкаревъ *(соединяя руки).* Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извощика, да и поѣхалъ куда-нибудь, это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что̀ это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцалуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агафья Тихоновна потупляетъ глаза.)* Ничего, ничего, сударыня: это такъ должно — пусть поцалуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужь позвольте. *(Цалуетъ ее и беретъ за руку.)* Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка? Да позвольте, сударыня: хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агафья Тихоновна. Какъ сейчасъ? ужь это, можетъ-быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу ещё скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ. Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ! Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агафья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ *и* Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что̀ ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый.)* Будущей весной навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцалую. *(Цалуетъ въ одну щеку, а потомъ въ другую.)* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно *(цалуются)*, въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно наконецъ теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что всё это движется, живётъ; чувствуешь этакъ какъ-то испаряешься, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что̀ дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишонный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живётъ.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. *(Въ сторону.)* А шляпу всё лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собой.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ *одинъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ я былъ до-сихъ-поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну каковъ былъ мой холостой вѣкъ? что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, словомъ былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный

человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ! Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ, и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, которое просто даже не выразишь, да и словъ не найдёшь, чтобъ выразить. *(Послѣ нѣкотораго молчанія.)* Однако жь, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужь послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — всё кончено, всё сдѣлано. Ужь вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужь и карета и всё стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну спросятъ — зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. *(Подходитъ къ окну.)* Ну, ещё не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну нѣтъ, какъ же со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однако же нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши* «Господи благослови», *соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и охаетъ.*) Охъ, однако жь высоко! Эй, извощикъ!

Голосъ извощика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На канавку, возлѣ Семёновскаго мосту.

Голосъ извощика. Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! пошолъ! *(Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ.)*

—

А. С. ХОМЯКОВЪ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, извѣстный русскій поэтъ и горячій патріотъ, родился 1-го мая 1804 года въ Москвѣ, въ которой провёлъ безвыѣздно всё дѣтство, отрочество и первую молодость, раздѣляя дѣтскія игры и научныя занятія юности съ цѣлой толпой такихъ сверстниковъ-друзей, какъ Д. В. Веневитиновъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, братья Кирѣевскіе, А. И. Кошелёвъ и многіе другіе. Благодаря окружавшей его средѣ и хорошему отношенію къ такому недюжинному товариществу, какъ названныя лица, Хомяковъ получилъ весьма солидное образованіе, хотя въ исканіи его не переступалъ родительскаго порога. Сочувствіе всему честному и доброму рано стало потребностью его молодого сердца. Когда извѣстіе о греческомъ возстаніи 1821 года дошло до Москвы и въ газетахъ стали появляться разсказы о славныхъ подвигахъ греческихъ вождей: Колокотрони, Боцариса, Караискаки, Канариса, Никитаса и сотни другихъ, воображеніе шестнадцатилѣтняго Хомякова воспламенилось до такой степени, что онъ, не медля ни минуты, покинулъ родительскій домъ и бѣжалъ на югъ, съ цѣлью стать подъ знамёна бойцовъ за независимость. Захваченный на дорогѣ и возвращённый подъ родительскій кровъ внушеніями благоразумія, Хомяковъ обратился къ поэзіи и сталъ писать стихи, преимущественно библейскаго содержанія. Затѣмъ, въ 1822 году, онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ тамъ на службу лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ юнкеромъ. Здѣсь онъ, черезъ два года, былъ произведёнъ въ корнеты, а 7-го марта 1825 года вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика, «по домашнимъ обстоятельствамъ», какъ сказано въ указѣ. Начиная съ 1826 года, стихотворенія Хомякова стали изрѣдка появляться на страницахъ нашихъ журналовъ, и вскорѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ истинныхъ любителей поэзіи своею оригинальностью и блескомъ стиха, такъ-что, спустя годъ или два, по напечатаніи перваго его произведенія, имя Хомякова сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи, и голосъ общественнаго мнѣнія сталъ даже причислять его къ поэтамъ пушкинской плеяды, блиставшей именами Баратынскаго, Веневитинова, Дельвига и Языкова. Въ началѣ 1828 года, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, Хомяковъ снова вступилъ въ военную службу и прослужилъ всю кампанію 1828 — 1829 годовъ, состоя въ штабѣ одного изъ героевъ этой войны, генерала князя Мадатова. По возвращеніи побѣдоносной арміи въ Россію, Хомяковъ снова вышелъ въ отставку и поселился въ любимой имъ Москвѣ, горячая симпатія къ которой всегда была одною изъ отличительныхъ чертъ характера нашего поэта. Здѣсь литература снова сдѣлалась любимымъ его занятіемъ — и звонъ семиструнной лиры сталъ всё чаще и чаще раздаваться, извлекаемый мощною рукою поэта. Однимъ изъ лучшихъ

его стихотвореній этого времени есть — ода, написанная имъ по случаю начавшейся тогда борьбы Россіи съ Польшею, въ которой онъ смѣло поднялъ свой голосъ противъ взаимныхъ отношеній двухъ народовъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей строфы его оды, весьма наглядно знакомящей съ образомъ мыслей и направленіемъ молодого поэта:

Потомства пламеннымъ проклятьемъ
Да будетъ проклятъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безсмысленный позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

Ободрённый успѣхомъ своихъ лирическихъ стихотвореній, Хомяковъ задумалъ написать что-нибудь болѣе серьозное — и вотъ въ 1832 году, въ Москвѣ, явилась въ свѣтъ его первая трагедія въ пяти актахъ «Ермакъ», написанная прекрасными, звучными стихами, но весьма слабая по содержанію, вслѣдствіе чего и прошла почти незамѣченною ни публикой, ни критикой. Одинъ Полевой посвятилъ ей въ «Московскомъ Телеграфѣ» довольно большую критическую статью, въ которой, между-прочимъ, говоритъ: «Ермакъ и всѣ *добрыя* лица его (то-есть автора) трагедіи нисколько не похожи на дерзкихъ, мужественныхъ козаковъ: это нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по-русски. Если бы на завоеваніе Сибири отправился какой-нибудь буршъ Геттингенскаго университета, съ толпою товарищей и филистеровъ, то въ трагедіи г. Хомякова была бы истина. Но теперь — ея нѣтъ и слѣда.» Неудача первой пьесы хотя и огорчила молодого поэта, но не уменьшила въ нёмъ ни на волосъ той страстной любви къ поэзіи, которая проникала всё его существо и поддерживала его въ трудныя минуты жизни. Ещё онъ не успѣлъ успокоиться вполнѣ отъ волненія, причинённаго неудачей «Ермака», когда мысль о новой драмѣ уже начала созрѣвать въ его головѣ. Эта новая пятиактная трагедія въ стихахъ, подъ названіемъ «Димитрій Самозванецъ», была окончена въ концѣ того же 1832 года и въ началѣ слѣдующаго, 1833-го, вышла въ свѣтъ отдѣльною книжкой. Появленіе «Димитрія Самозванца» было замѣчено многими; всѣ хвалили могучій стихъ поэта, точно выкованный изъ мѣди; многіе восхищались нѣкоторыми вполнѣ-художественными сценами, въ особенности сценой между Димитріемъ и царицей Мареой, которую читатель найдётъ въ нашемъ изданіи; но успѣха пьеса не имѣла и на сцену поставлена не была. Полевой въ томъ же «Московскомъ Телеграфѣ» и на этотъ разъ не обошолъ своимъ сужденіемъ новаго произведенія Хомякова, какъ это можно видѣть изъ ниже-слѣдующаго отрывка; но только сужденіе это было выражено теперь совершенно въ другомъ тонѣ, «Это произведеніе», говоритъ онъ, «почитаемъ мы самымъ утѣшительнымъ для нашей драматургіи, во-первыхъ, по собственному достоинству онаго, во-вторыхъ по тѣмъ надеждамъ, какія возбуждаетъ оно. Тутъ видно уже дарованіе гораздо болѣе зрѣлое и болѣе могущественное, нежели въ «Ермакѣ»: видѣнъ взглядъ мужа, а не юноши.»

Въ 1836 году Хомяковъ женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, сестрѣ извѣстнаго нашего поэта. Въ 1844 — 1845 годахъ онъ совершилъ своё второе путешествіе за границу, послѣ котораго уже постоянно жилъ — зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ тульскомъ своёмъ имѣніи. Въ 1852 году онъ имѣлъ несчастіе потерять любимую супругу, оставившую ему семерыхъ дѣтей. Въ началѣ 1853 года Хомяковъ снова обратился къ поэзіи и до конца 1856 не выпускалъ лиры изъ своихъ мощныхъ рукъ. Какъ ни печальны были для насъ неудачи восточной войны, Хомякова ни на минуту не оставляла надежда на благопріятный исходъ — и торжественные звуки лились и сливались со стономъ, носившимся надъ залитыми русской кровью твердынями Севастополя.

Въ послѣдніе годы своей жизни Хомяковъ обратился къ прозѣ и ознаменовалъ этотъ періодъ своей литературной дѣятельности многочисленными статьями самаго разнообразнаго содержанія, возбудившими много споровъ и сдѣлавшими имя Хомякова извѣстнымъ въ литературѣ, помимо его трагедій и лирическихъ стихотвореній съ библейскимъ колоритомъ. Бо́льшая ихъ часть была напечатана въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 и 1860 годовъ и затѣмъ, въ слѣдующемъ 1861 году, издана отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. I. Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ разнороднаго содержанія. М. 1861.» Второе же изданіе «Стихотвореній А. С. Хомякова» было отпечатано въ Москвѣ въ 1868 году.

Хомяковъ скончался, послѣ кратковременнаго холернаго припадка, 23-го сентября 1860 года, въ имѣніи своёмъ, селѣ Ивановскомъ, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда,

Для заключенія, помѣщаемъ здѣсь краткую характеристику А. С. Хомякова, принадлежащую М. Н. Лонгинову, близко знавшему покойнаго писателя: «Общественное значеніе Хомякова было обширно и благотворно. При ежедневной будничной обстановкѣ нашей жизни, которая тратится обществомъ на поползновенія, дѣянія и бесѣды, имѣющія предметомъ эгоистическія цѣли или ничтожные интересы, отрадно встрѣчать явленія, подобныя личности Хомякова. Онъ былъ, такъ же, какъ и Чаадаевъ, такъ же какъ и Грановскій, живымъ протестомъ противъ апатіи, пустоты и своекорыстія, которыя завладѣли стремленіями большинства. Онъ былъ не только центромъ мыслящихъ людей извѣстнаго круга, но вносилъ съ собою оживленіе и напоминанье о высшихъ нравственныхъ требованіяхъ человѣчества и сферы, которыя безъ того оставались бы погружонными въ безпробудный сонъ. На это употреблялъ Хомяковъ данныя ему Богомъ дары, которые онъ умѣлъ развить и обогатить: таланты поэта и мыслителя, увлекательный даръ слова, тонкую діалектику, глубокія убѣжденія, энергическій характеръ. Разностороннія, обширныя свѣдѣнія его придавали ему ещё болѣе вѣса, а нравственный характеръ, стоявшій на высотѣ, недоступной никакимъ нареканіямъ и клеветамъ, привлекали къ нему невольно, какъ къ человѣку, независимо отъ уваженія, которое онъ возбуждалъ своимъ талантомъ и познаніями.»

I.

МЫ — РОДЪ ИЗБРАННЫЙ!

«Мы — родъ избранный!» говорили
Сіона дѣти въ старину:
«Намъ Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину!

«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь!

«Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса!
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса!»

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы — соль земли, мы — столбъ святыни,
Мы — Божій мечъ, мы — Божій щитъ!»

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И — мёртвенный сосудъ живого —
Душою мёртвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ фиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всё зовётъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

II.

КІЕВЪ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися...
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»

— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ — краса степей!»
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»

— «Край мой — тёплый брегъ Эвксина!»
— «Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ

Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ!»

— «Дикъ и страшенъ видъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна — старый Псковъ!»

— «Я отъ Ладоги холодной!»
— «Я отъ синихъ волнъ Невы!»
— «Я отъ Камы многоводной!»
— «Я отъ матушки-Москвы!»

Слава, Днѣпръ — сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.

И теперь изъ странъ далёкихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ —
Полкъ молящихся дѣтей:

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ жь сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры:

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведётъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства цѣпи,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твоё святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знамёнъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрождённыя тобой!

III.

НЕ ГОРДИСЬ.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ — мы родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ!
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ — возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!

Пронесётся мракъ ненастный
И — ожиданный давно —
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно.

Всѣ велики, всѣ свободны —
На враговъ побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

IV.

ВИДѢНІЕ.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой;
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось — лечу я: орёлъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полётѣ отсталъ,

А я, увлекаемъ невидимой силой,
Всё выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву —
Въ убранствѣ и блескѣ весь западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ — и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святого Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

V.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло;
У мадьяръ и турка злого
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ Королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Чтó ломаютъ вешній лёдъ!

Спишь ли, спишь ли, Королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ!

Слушай! трубы загремѣли,
Бьётъ въ раскатахъ барабанъ;
Сербы съ горъ текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, Королевичъ!
Знать, великій часъ насталъ:
У твоей могилы тёмной
Богатырскій конь заржалъ.

VI.

ОРЕЛЪ.

Высóко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ Орёлъ:
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушолъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ ширь Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ тёмныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья —
Когда же зовъ услышатъ тотъ,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострёшь надъ слабой ихъ главой?
О, вспомни ихъ, Орёлъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придётъ — окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

VII.

ЖЕЛАНІЕ.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;

Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.

Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать!

VIII.

ЭЛЕГІЯ.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлетъ дольній міръ, и вѣтръ прохладой дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты небеса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цалуетъ —
Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца проситъ,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произноситъ.
Когда жь въ часъ утренній проснувшійся востокъ
Выводитъ съ торжеств омъ денницу золотую,
Иль солнце льё тъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный миръ небесъ, на суету земную —
Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей —
И радуетъ меня моё уединенье.
Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви, безсильнаго желанья
И, одинокая, любя свои страданья,
Питаетъ гордую, безгласную печаль.

IX.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться — да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмётся!

О, дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать —
Молитесь — да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

X.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ III.

Димитрій *и* Царица Марѳа.

Димитрій.
Мы здѣсь одни. Я жду твоихъ велѣній.
Царица Марѳа.
Свой монастырь и кельи тихій кровъ
Отшельница оставила не даромъ.
Я съ просьбою великой...
Димитрій.
Говори.
Царица Марѳа.
О, далеки отъ страждущаго сердца
Весь дольній міръ и громъ его суетъ.
Земная жизнь ужь кончилась для Марѳы:
Печальная вдовица погребла
Всѣ радости, надежды и отрады
Въ могилѣ той, гдѣ спитъ кровавый трупъ,
Младенца трупъ — Димитрій мой.
Димитрій.
Царица,
Онъ живъ во мнѣ.
Царица Марѳа.
Оставь: мнѣ тяжело!
Тамъ, за стѣной въ затворѣ молчаливомъ,
Гдѣ свѣта шумъ безвѣстенъ и забытъ,
Промчалась вѣсть ужасная, что Шуйскій
Насъ обличалъ въ обманѣ, что его
Приговорилъ ты къ смерти. Правда-ль?

Димитрій.

Правда.

Царица Марѳа.

Прости его. Когда безчеловѣчный
Борисъ убилъ младенца моего —
(О, Боже мой! на душу Годунова
Излей весь гнѣвъ, всё мщеніе своё!)
Князь Шуйскій...

Димитрій.

Скрылъ убійцу отъ законовъ.

Царица Марѳа.

Преступника не могъ онъ наказать.
Довѣріемъ и даже властью царской
Владѣлъ Борисъ. Отъ горести моей
Бѣжали всѣ со страхомъ и презрѣньемъ;
Но Шуйскій-князь въ растерзанную грудь
Пролилъ елей духовныхъ утѣшеній,
Со мной одинъ горячею слезой,
Отрадною для горестнаго сердца,
Онъ обливалъ младенца ранній гробъ.
Прости его: о, будь великодушенъ!
Ты царствуешь, ты силенъ, ты счастливъ.

Димитрій.

Кто? я счастливъ? Да, я одѣтъ въ порфиру,
Передо мной толпится пышный Дворъ...
Ха, ха, счастливъ! А тамъ, кругомъ, волненье,
И заговоръ, и ропотъ, и ножи,
Остримые уликою безумной!
И вкругъ себя я долженъ собирать
Надменную дружину иноземцевъ,
Ея мечомъ и цѣпью устрашать
Родную Русь! Моя завидна участь!
Здѣсь, во дворцѣ, передъ лицомъ царя,
Пришелецъ, ляхъ осмѣлился... О, Боже!
И онъ живётъ ещё? Передо мной
Безстыдный ляхъ москалями ругался!
Я чувствовалъ, что весь затрепеталъ,
Душа огнёмъ и ядомъ наливалась;
Я могъ его убить, я могъ во прахъ
Его стоптать, спалить безумца громомъ —
И я стерпѣлъ, и долженъ былъ молчать.
А кто виной? Князь Шуйскій. Кто народу
Съ его царёмъ борьбу готовить смѣлъ?
Кто? Шуйскій твой. Но онъ умрётъ.

Царица Марѳа.

Какъ страшенъ!

Димитрій.

Пусть всѣмъ другимъ я страшенъ — не тебѣ,
Царица-мать. Какъ сынъ, всегда покорный,
Я воскрешу умершаго.

Царица Марѳа.

О, нѣтъ!
Не отдаётъ усопшаго могила:
Ты вѣчно чуждъ для сердца моего.
Не воскресишь его. Нѣтъ! онъ былъ кротокъ,
Какъ день весны, какъ ангелы небесъ.
Въ его груди младенческой и нѣжной
Былъ огнь любви прекрасной, безмятежной,
Былъ тихій рай... и этотъ рай исчезъ.
И — грѣшница — кого въ его порфиру
Я облекла? О, Боже мой!

Димитрій.

Кого?
Да — я не царскій сынъ; но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробѣ,
И крѣпко спятъ. Онъ мой! я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій,
И долгихъ думъ и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Царица Марѳа.

О, царствуй долго, сча́стливо!

Димитрій.

Послушай!
Открыть обманъ, иль Шуйскаго простить —
Почти одно.

Царица Марѳа.

Ахъ, для меня, преступной,
То лучше бъ было! Вѣрь — и для тебя!
Обманъ тяжолъ, ужасенъ грѣхъ — и долго
Не процвѣтётъ неправда на землѣ.
Когда бъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно...

Димитрій.

О, перестань! Ты не поймёшь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазъ; престолъ —
Комъ золота и камней; а порфира...
Что̀ говорить? ты не поймёшь меня.
Вѣдь подвиги, и слава, и безсмертье —
Всё для тебя невнятныя слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей,
На югъ, далёко есть волшебный край.
Тамъ благодать степей широкихъ
И рай земной въ ущеліяхъ долинъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣтелъ видъ морскихъ пучинъ;
Тамъ вьются лозы винограда
По скату горъ, въ тѣни густыхъ садовъ;

Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ — отрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И этотъ край — онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла-ль?

ЦАРИЦА МАРѲА.

Быть-можетъ, поняла.

ДИМИТРІЙ.

Гляди туда, гдѣ странъ Московскихъ грань!
Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы,
Въ сердцахъ огонь, а въ мысляхъ свѣтъ и жаръ;
Тамъ руки ихъ природу покоряютъ,
И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
И города и сёла процвѣтаютъ,
И корабли моря преплываютъ,
И дышитъ мёдъ, и краски говорятъ...
Я оживлю свой Сѣверъ: грады, сёла
Я вызову изъ мёртвой сей земли,
И свѣтъ наукъ, и блескъ художествъ дивный
Я разолью — и памятенъ вѣкамъ
Останется Димитрій.

ЦАРИЦА МАРѲА.

Онъ безуменъ!

ДИМИТРІЙ.

И это всё отбросить! — Никогда!
Нѣтъ — онъ умрётъ, опасный властолюбецъ!
Умрётъ твой Шуйскій!

ЦАРИЦА МАРѲА.

О, внемли, внемли!
Невиненъ онъ: мы грѣшны передъ Богомъ!

ДИМИТРІЙ.

Господь проститъ.

ЦАРИЦА МАРѲА.

Нѣтъ, не проститъ меня!
Безумная, въ порывѣ мести жадной
Паденію Борисовыхъ дѣтей
Я радоваться смѣла; предъ народомъ,
Передъ Творцомъ отъ сына отреклась.
Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ тяжко я страдаю,
Ты вѣдаешь, единый Царь сердецъ!
Бывало, я съ слезами говорила
Объ мертвецѣ — теперь молчать должна:
Мнѣ крикъ торжествъ гремитъ насмѣшкой злою,
Мнѣ говорятъ: «Ты счастливая мать» —
И я смѣюсь, а сердце кровью плачетъ.
О, вѣрь мнѣ, вѣрь! ужасна жизнь моя!
Отъ таинства святого покаянья
Преступница навѣкъ удалена.
Хочу молиться — страшно! Между мною
И алтарёмъ, какъ тѣнь, обманъ стоитъ,
Упрёкъ звучитъ въ словахъ церковныхъ пѣсенъ
И колоколъ анаѳему гласитъ,
И душно мнѣ, и Божій храмъ мнѣ тѣсенъ,
И я бѣгу. О, ужасъ! отъ кого?
Отъ Бога! Ахъ! бывало, я вступала
Съ веселіемъ въ Его пресвѣтлый храмъ.
Тамъ для меня отрадой всё дышало,
Такъ сладостно курился ѳиміамъ,
Передъ иконой Чистой Дѣвы
Такъ ярко теплился елей,
И стройно въ хоръ сливалися напѣвы
И неба гласъ звучалъ въ груди моей.
И я тогда молилась сладко, сладко,
Молилася объ сынѣ... и потомъ
Являлись мнѣ чудесныя видѣнья,
Являлся онъ, какъ ангелъ, предо мной; —
И лились токи исцѣленья
Для ранъ души моей больной.
Бывало! Но теперь! — подумать страшно! —
И ночи мракъ, и образъ Пресвятой,
И звукъ молитвъ укоромъ безпрерывнымъ
Мой грѣшный духъ волнуютъ. Сны мои
Какихъ-то лицъ, какихъ-то гласовъ полны,
И слышу я: «отъ сына отреклась —
И отъ тебя онъ въ небѣ отречётся».

ДИМИТРІЙ.

Мечты, однѣ мечты.

ЦАРИЦА МАРѲА *(на колѣнахъ).*

Прости, прости
Ты Шуйскаго, иль въ ссылку, въ городъ дальній
Его сошли, но крови не пролей!
Ужасна кровь невиннаго: я знаю —
Горящею рѣкой она течётъ
И духъ убійцъ уноситъ въ адъ! За гробомъ
Я сына не увижу — никогда,
И въ небесахъ не встрѣчуся съ младенцемъ.
Прости, прости! Но ты неумолимъ.
Я плакала — и ты меня отвергнулъ;
Я унижалась — ты мнѣ не внималъ.
Теперь иду на площадь — и увидимъ,
Узнаетъ ли обманутый народъ
Стонъ матери и тяжкой скорби голосъ?
Прощай!

ДИМИТРІЙ.

Постой! не начинай борьбы:
Она была бъ ужасна. Я исполню
Твои желанья. Близокъ казни часъ,
Но я пошлю преступнику пощаду.
Согласна-ль ты произнести обѣтъ,
Что никогда ты тайнѣ не измѣнишь,
Что никогда страдающей души
Передъ другимъ не выскажешь?

Царица Мареа.

Согласна.

Димитрій.

Что я твой сынъ отсель? Согласна-ль ты?
Клянёшься?

Царица Мареа.

Да.

Димитрій.

Пойдёмъ передъ икону.

С. П. ШЕВЫРЕВЪ.

Степанъ Петровичъ Шевырёвъ родился 18-го октября 1806 года въ Саратовѣ, въ дворянской семьѣ, ведущей свой родъ отъ городскихъ дворянъ Юрьева-Польскаго, потомокъ которыхъ переселился въ Саратовъ. Отецъ его, служившій весь свой вѣкъ по выборамъ въ Саратовѣ и бывшій четыре трёхлѣтія губернскимъ предводителемъ дворянства и одно трёхлѣтіе — совѣстнымъ судьёю, пользовался общимъ уваженіемъ саратовскаго дворянства и купечества за свои справедливость и безкорыстіе. Первоначальное воспитаніе Шевырёвъ получилъ дома. Затѣмъ на двѣнадцатомъ году отвезёнъ былъ своею матерью въ Москву и опредѣлёнъ въ университетскій благородный пансіонъ въ которомъ пробылъ четыре года. Окончивъ курсъ съ чиномъ 10-го класса и золотой медалью, и оставивъ своё имя написаннымъ на доскѣ отличныхъ воспитанниковъ пансіона, Шевырёвъ опредѣлился въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Начиная съ января 1823 года, онъ сталъ посѣщать еженедѣльно литературные вечера Раича, на которыхъ познакомился и вскорѣ сошолся съ М. П. Погодинымъ, который своими познаніями и дружескимъ участіемъ много способствовалъ возбужденію дѣятельности Шевырёва. Въ 1826 году, въ альманахѣ «Уранія», появились первыя печатныя стихотворенія Степана Петровича, изъ которыхъ одно — «Я есмь!» — обратило на себя вниманіе Пушкина. Въ томъ же году онъ началъ стихотворный переводъ «Лагеря Валленштейна» и окончилъ его въ 1827 году. Два отрывка изъ этого перевода были напечатаны въ 7-й и 9-й частяхъ «Московскаго Вѣстника» на 1828 годъ и обратили на себя вниманіе не только публики, но и самого Пушкина. Къ сожалѣнію, Шевырёвъ не напечаталъ его въ своё время, въ 1829 году, когда онъ нравился многимъ, а вздумалъ предать его тисненію тридцать лѣтъ спустя, именно въ 1859 году. Это послѣднее обстоятельство было причиной того, что переводъ былъ встрѣченъ крайне-враждебно критикой и пропущенъ безъ всякаго вниманія читающей публикой. Въ теченіе 1827 и 1828 годовъ Шевырёвъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Московскаго Вѣстника», причёмъ отдѣлъ литературной критики былъ въ полномъ его распоряженіи. Въ это же время нѣкоторыя изъ стихотвореній его были напечатаны въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига и «Сѣверной Лирѣ» Раича и Ознобишина.

Въ началѣ 1829 года, Шевырёвъ отправился за границу, гдѣ пробылъ до второй половины 1832 года. Въ Веймарѣ онъ посѣтилъ Гёте, который при этомъ не преминулъ поблагодарить его за критическій разборъ интермедіи къ «Фаусту», который, годъ тому назадъ, былъ переведёнъ на нѣмецкій языкъ и доставленъ великому поэту, почтившему тогда же Шевырёва весьма лестнымъ письмомъ, которое было напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 года. Объѣхавъ Италію, онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, гдѣ написалъ два дѣйствія трагедіи «Ромулъ», не попавшія въ печать, и нѣсколько статей объ Италіи и другихъ странахъ и нѣсколько стихотвореній, которыя были впослѣдствіи напечатаны въ «Галатеѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Литературной Газетѣ», «Телескопѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Политическія событія 1830 года не позволили Шевырёву побывать въ Парижѣ, вслѣдствіе чего онъ провёлъ зиму и лѣто 1832 года въ Швейцаріи, а въ сентябрѣ того же года возвратился въ Москву, гдѣ получилъ предложеніе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова вступить въ Московскій университетъ адъюнктомъ, по каѳедрѣ русской словесности. Такимъ образомъ, мечты Шевырёва исполнились: онъ былъ на пути къ профессурѣ. 15-го января 1834 года Шевырёвъ открылъ курсъ исторіи поэзіи, и въ томъ же году напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», за октябрь, статью: «Сикстъ Пятый». Въ 1835 году предпринято было нѣкоторыми московскими литераторами изданіе журнала: «Московскій Наблюдатель»,—и Шевырёвъ принялъ дѣятельное участіе въ его изданіи. Между-тѣмъ, преподаваніе всё новыхъ предметовъ въ теченіи четырёхъ съ половиною лѣтъ подѣйствовало разрушительно на силы молодого профессора. Съ высочайшаго разрѣшенія, Шевырёвъ отправился за границу и провёлъ тамъ два акаде-

мическихъ года. По возвращеніи его въ Москву, онъ былъ утверждёнъ ординарнымъ профессоромъ. Съ 1841 года началъ издаваться въ Москвѣ журналъ «Москвитянинъ» — и Шевырёвъ, какъ и въ прежнихъ, принялъ въ нёмъ дѣятельное участіе, которое всего сильнѣе было въ 1841—1843 годахъ, такъ-какъ въ это время вся критическая часть лежала на нёмъ. Въ 1852 году онъ былъ избранъ и утверждёнъ въ званіи ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ здоровье Шевырёва стало снова разстраиваться, и въ началѣ 1863 года болѣзнь его приняла такой дурной оборотъ, что онъ долженъ былъ уѣхать за границу. Пробывъ лѣто въ Висбаденѣ, онъ къ осени переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ ему вскорѣ сдѣлалось хуже. Послали за помощникомъ Нелатона, который нашолъ положеніе больного очень дурнымъ, такъ-какъ нарывъ подъ колѣномъ сильно распространилъ опухоль по всей ногѣ. Явился самъ Нелатонъ — и операція началась. Она продолжалась цѣлые два часа, въ которые Шевырёвъ былъ до того твёрдъ духомъ, что не испустилъ ни одного стона, что́ удивило самого Нелатона. Но операція не повела ни къ чему: сначала будто стало лучше, но вскорѣ страданья возобновились и уже не оставляли его до самой смерти. Въ промежутки, когда страданья его уменьшались, онъ продолжалъ заниматься диктовкой своихъ лекцій и даже, однажды, продиктовалъ дочери слѣдующее четырёхстишіе, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и послѣднее написанное имъ стихотвореніе:

Когда составъ слабѣетъ, страждетъ плоть
Средь жизненной и многотрудной битвы,
Не дай мнѣ, мой помощникъ и Господь,
Почувствовать безсиліе молитвы!

Шевырёвъ скончался 8-го мая 1864 года. Тѣло его было перевезено въ Москву, гдѣ и погребено.

Полнаго собранія сочиненій Шевырёва издаваемо не было. Отдѣльно же изданы были слѣдующія его сочиненія: 1) Исторія поэзіи. Чтенія С. Шевырёва. М. 1835. 2) Теорія поэзіи, въ историческомъ разсужденіи у древнихъ народовъ. С. Шевырёва. М. 1837. 3) Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному. Шевырёва. 1842. 4) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій. Воспоминаніе, посвящённое воспитанникамъ университетскаго благороднаго пансіона. С. Шевырёва. М. 1848. 5) Антіохійская церковь. Сочиненіе С. Шевырёва. Спб. 1850. 6) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, въ 1847 году. Степана Шевырёва. Двѣ части. М. 1850. 7) Очеркъ исторіи живописи итальянской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ. Четыре публичныя лекціи профессора С. П. Шевырёва. М. 1852. 8) О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. С. Шевырёва. 1853. 9) Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею Степаномъ Шевырёвымъ. 1755—1855. М. 1855. 10) Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырёва, ординарнаго академика и профессора. Четыре части. М. 1858 — 1860. 11) Лагерь Валленштейна. Фридриха Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго С. П. Шевырёва. М. 1859.

«Исторія Словесности» Шевырёва переведена на итальянскій языкъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Storia della literatura russa Per St. Scèvirefe. G. Rubini. Firenze. 1862.»

1.

МАДОННА.

Мадонна грустная крестомъ сложила руки!
О чёмъ же плакать ей, блаженной, въ небесахъ?
О чёмъ молиться ей и къ небу сердца звуки,
Вздыхая, возсылать, въ уныньи и слезахъ?

Не даромъ падаетъ, свѣжа и благовонна,
На землю жосткую насущная роса:
То плачутъ каждый день, какъ грустная Мадонна,
О немощахъ земли святыя небеса.

Не даромъ голуби въ лазури неба вьются,
Не даромъ лилiи бѣлѣютъ по полямъ,
И мысли чистыя отъ избранныхъ несутся,
Сквозь тьму нечистыхъ дѣлъ, къ далёкимъ небесамъ.

Когда бъ безгрѣшная о грѣшномъ не молилась,
Когда бы праведникъ за гордыхъ не страдалъ,
Давно бы ужь земля подъ нами разступилась,
Давно бы мрачный адъ всё свѣтлое пожралъ.

Вздыхай же, и молись, и не скудѣй слезами,
Источникъ радости, вселюбящая мать!
Да льются тёплыя живящими рѣками
И въ мірѣ тёмномъ зла не будутъ высыхать!

Въ сердцахъ пресыщенныхъ на алчномъ жизни пирѣ,
Въ сердцахъ, обманутыхъ надеждою земной,
Чѣмъ будетъ жить любовь въ сёмъ отлюбившемъ мірѣ?
Твоей молитвою, вздыханьемъ и слезой!

II.

СТАНСЫ.

Когда безмолвствуешь, природа,
И дремлетъ шумный твой языкъ,
Тогда душѣ моей свобода:
Я слышу въ ней призывный крикъ.

Живѣе сердца наслажденья
И мысль возвышенна, свѣтла:
Какъ-будто въ міръ преображенья
Душа изъ тѣла перешла.

Её обнялъ восторгъ спокойный —
И пѣсни вольныя живѣй
Текутъ рѣкою звучной, стройной
Въ святомъ безмолвіи ночей.

Когда же мрачнаго покрова
Ты сбросишь дѣвственную тѣнь,
И загремитъ живое слово,
И яркій загорится день:

Тогда заботы докучаютъ
И гонитъ трудъ души покой,
И пѣсни сердца умолкаютъ,
Когда я слышу голосъ твой.

III.

Я ЕСМЬ!

«Да будетъ!» былъ глаголъ творящій
Средь безднъ ничтожества нѣмыхъ:
Изъ мрака смерти свѣтъ живящій
Отвѣтствуетъ на гласъ — и въ мигъ
Изъ волнъ отжившаго эѳира
Согласныя свѣтила міра
По гласу времени летятъ;
Стихіи жизнію кипятъ;
Хоръ тварей звуками нѣмыми
Отвѣтъ Творящему воздалъ;
Но человѣкъ возсталъ надъ ними
И первымъ словомъ отвѣчалъ:
«Я есмь!» и въ сей глаголъ единый, совершенной
Слился нестройный тварей хоръ,
И гласъ гармоніи былъ отзывъ во вселенной
И примирёнъ стихій раздоръ.
И звукъ всесильнаго глагола
Достигъ до горняго престола,
Отколѣ гласъ творящій былъ:
Отвѣту внялъ отъ вѣка Сущій,
И въ нёмъ позналъ свой гласъ могущій
И рекшаго благословилъ.
Міръ бысть! прошли вѣка, но въ каждое мгновенье
«Да будетъ» — оглашаетъ свѣтъ
И человѣкъ за всё творенье
Даётъ Творящему отвѣтъ.
Быстрѣй чѣмъ мысль въ своёмъ пареньѣ,
Вѣка отвѣтъ его передаютъ вѣкамъ:
Такъ на крылахъ грозы ужасной
Несётся громъ далёко-гласный
По неизмѣннымъ небесамъ
Отъ облаковъ и къ облакамъ.
Симъ гласомъ жизни и свободы
Наукъ воздвигнутъ свѣтлый храмъ,
Открыты тайны въ нёмъ природы
И свѣтитъ истина очамъ.
Тамъ мудрость малый сонмъ предводитъ
Любимцевъ избранныхъ ея,
Но по ступенямъ бытія
Къ началу вѣчному возводитъ.
Симъ гласомъ въ роковой борьбѣ
Мужъ доблести исполненъ жаромъ;
Соперникъ мстительной судьбѣ
Отвѣтствуетъ ея ударамъ.
Судьба безщадная разитъ —
И силѣ смертной изумилась;
Надъ жертвой смерть остановилась,
Гремитъ косой и гласъ гремитъ,
Но звукъ времёнъ его не заглушитъ.
Великихъ нѣтъ, но подвиги ихъ живы!
Надъ мракомъ воспарилъ ихъ духъ —
И славы дальные отзывы
Потомства поражаютъ слухъ.
Симъ гласомъ держится святая правъ свобода.
«Я есмь!» гремитъ въ устахъ народа
Передъ престолами царей —
И чтутъ цари въ законѣ строгомъ
Сей гласъ благословенный Богомъ.
Въ раздорахъ царствъ, на полѣ прей —
Великъ, и славенъ, и возвышенъ —
Во звукѣ гнѣвнаго оружія онъ слышенъ.
Стеклись два воинства: гдѣ гласъ въ сердцахъ сильнѣй,
Одушевлёнъ любовью, раздаётся —
Побѣда тамъ несётся;
Но выше онъ гремитъ, согласнѣе, звучнѣй,
Въ порывахъ творческаго чувства;
Имъ созданъ дивный міръ искусства —
И съ неба красота въ лучахъ
Предъ взоромъ генія явилась
И въ звукахъ, образахъ, словахъ

Чудесной силой оживилась.
Какъ въ мигъ созданья вѣчный Богъ
Узрѣлъ себя въ міророжденьи,
Такъ смертный человѣкъ возмогъ
Познать себя въ своёмъ твореньи.
Греми сильнѣй, о мощный гласъ!
И нынѣ и въ вѣкахъ грядущихъ
Звучи дотолѣ, какъ, сліясь
Со звуками міровъ, въ ничтожество падущихъ,
Ты возгремишь въ послѣдній разъ!

—

А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ родился въ 1807 году въ небогатомъ дворянскомъ семействѣ, въ Петербургѣ. Гдѣ получилъ онъ своё первоначальное образованіе — этого мы разузнать не могли: извѣстно только, что онъ, по выдержаніи вступительнаго экзамена въ августѣ 1823 года, былъ тогда же принятъ въ число студентовъ Московскаго университета. Здѣсь онъ дѣломъ почти не занимался и посѣщалъ лекціи весьма не аккуратно, посвящая всё время поэзіи, пирушкамъ съ товарищами и ухаживаніямъ за прекрасными обитательницами Срѣтенки. За-то извѣстность его, какъ поэта, росла съ каждымъ годомъ и стихи его не только восхвалялись невзыскательными товарищами, но и печатались въ журналахъ. Такъ въ IX книжкѣ «Новостей Литературы» на 1824 годъ былъ помѣщёнъ его стихотворный переводъ повѣсти Байрона «Оскаръ д'Альва», а въ 23-мъ нумерѣ «Вѣстника Европы» на 1825 годъ — два стихотворенія, изъ которыхъ одно оригинальное: «Постоянство», а другое — переводное: «Морни или тѣнь Кормала» Оссіана, какъ сказано въ заглавіи, или, правильнѣе, самого издателя «Пѣсенъ Оссіана» Макферсона, какъ это сдѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи. Всѣ эти пьесы были перепечатаны въ «Стихотвореніяхъ А. Полежаева», вышедшихъ въ 1832 году, за исключеніемъ стихотворенія «Постоянство». Впрочемъ, слава Полежаева между товарищами основывалась не столько на печатныхъ стихахъ, сколько на томъ, что онъ былъ авторомъ юмористической поэмы «Сашка», въ которой, пародируя «Евгенія Онѣгина» и, не стѣсняя себя приличіями, онъ шутливымъ тономъ и звучными стихами задѣвалъ многое. Такъ проходили годы студенчества Полежаева, посвящаемые поровну поэзіи и разгулу, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ его окружавшихъ, надъ головой молодого поэта разразилась страшная буря: начальство провѣдало о существованіи сатирической поэмы — и Полежаевъ былъ арестованъ въ іюлѣ 1826 года, отвезёнъ въ лагерь, расположонный подъ Москвой, и сданъ въ солдаты. Прослуживъ три года въ полку, онъ подалъ просьбу о помилованіи, но отвѣта не послѣдовало; онъ подалъ другую просьбу: то же молчаніе. Увѣренный, что просьбы его не доходятъ, онъ бѣжалъ въ Москву, съ цѣлью подать лично новую просьбу кому слѣдуетъ, причёмъ вёлъ себя крайне неосторожно и не благоразумно: видѣлся съ товарищами и пировалъ съ ними, что̀ не могло остаться въ тайнѣ. Схваченный въ Твери, онъ былъ отправленъ въ полкъ, какъ бѣглый солдатъ, пѣшкомъ и въ кандалахъ. Полежаевъ былъ судимъ военнымъ судомъ, который приговорилъ его прогнать сквозь строй. Въ отчаяніи, злополучный поэтъ хотѣлъ лишить себя жизни; но милость государя отмѣнила наказанье — и Полежаевъ, словно прозрѣвшій слѣпецъ, излился въ слѣдующихъ задушевныхъ строкахъ:

Я погибалъ:
Мой злобный геній
Торжествовалъ.
Отступникъ мнѣній
Своихъ отцовъ,
Врагъ утѣсненій,
Какъ царь духовъ,
Въ душѣ безбожной
Надежды ложной
Я не питалъ,
И изъ Эреба
Мольбы на небо
Не возсылалъ.
Мольба и вѣра
Для Люцифѣра
Не созданы:
Гордынѣ смѣлой
Онѣ смѣшны.
Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей —
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменёнъ,
Какъ хладный камень,

Ожесточёнъ,
Какъ сѣрный пламень,
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній:
Мой злобный геній
Торжествовалъ.
Печать проклятій —
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя самихъ —
Уже клеймилась
Въ моёмъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь,
И въ думѣ лютой
Всё рѣшено:
Ещё минута
И — свершено...

Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый
И мной забытый
Издавна, Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлёкъ;
Рукою сильной
Остовъ могильной
Вдругъ оживилъ —
И Каинъ новой
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.

Непостижимый,
Неотразимый,
Онъ снова влилъ
Въ грудь атеиста
И лже-софиста
Огонь любви;
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарёй прощальной.
Гори жь, сіяй,
Заря святая,
И догорай,
Не померкая!

Отправленный на Кавказъ, Полежаевъ былъ произведёнъ тамъ за отличіе въ унтеръ-офицеры; но годы шли своей чередой, не принося ему ни какого облегченія въ безвыходномъ и скучномъ его положеніи. Эта безвыходность сломила его наконецъ — и онъ сталъ пить уже не для веселья, а для того, чтобы забыться. И вотъ, къ концу своей жизни, какъ справедливо выразился Бѣлинскій: «къ своей поэтической извѣстности онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиной ранней утраты таланта и преждевременной смерти. Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ и состраданіе. Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели... Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою риѳмою — и только въ минуту душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчинённый человѣкъ. Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другого, ещё болѣе страшнаго идола — чувственность.»

Къ этому времени принадлежитъ большая часть стихотвореній Полежаева, исключонныхъ издателями изъ послѣднихъ двухъ изданій его сочиненій, вышедшихъ уже послѣ смерти поэта и хранящихъ на себѣ печать несомнѣннаго упадка таланта въ ихъ авторѣ. Къ этому же времени относятся — ужасное его стихотвореніе «Къ сивухѣ», раздирающая душу автобіографія «Арестантъ» и пьесы игриваго содержанія: «Первая ночь», «Вечерняя прогулка» и всѣмъ извѣстная пьеса «Четыре націи», не вошедшія ни въ одно изъ изданій «Стихотвореній Полежаева». Вотъ начало послѣдняго изъ нихъ, напечатанное въ 20 нумерѣ «Библіографическихъ Записокъ» на 1859 годъ:

Французъ — дитя:
Онъ вамъ, шутя,
Разрушитъ тронъ,
Издастъ законъ.
Самолюбивъ,
Нетерпѣливъ,
Онъ быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ;
Онъ смѣлъ и слабъ,
И царь, и рабъ,
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

Британскій лордъ
Свободой гордъ.
Онъ властелинъ,
Онъ вѣрный сынъ
Родной земли.
Ни короли,
Ни проискъ папъ
Кровавыхъ лапъ
Исподтишка
На смѣльчака
Не занесутъ.
Отважный Брутъ,
Онъ носитъ мечъ,
Чтобъ когти сѣчь.

Германецъ смѣлъ,
Да переспѣлъ
Въ котлѣ ума;
Онъ какъ чума
Окрестныхъ странъ,
Мертвецки пьянъ,
Носъ въ табакѣ
Самъ въ колпакѣ,
Сидѣть готовъ
Хоть пять вѣковъ
Надъ кучей книгъ,
Кусать языкъ
И проклинать
Отца и мать
За пару строкъ
Халдейскихъ числъ,
Которыхъ смыслъ
Понять не могъ.

Изъ напечатанныхъ въ то время въ журналахъ стихотвореній Полежаева, можно указать на «Видѣніе Валтасара», подражаніе Байрону, появившееся на страницахъ «Московскаго Телеграфа» (1829, ч. 25).

Въ концѣ 1832 года онъ былъ, согласно поданной имъ просьбѣ, переведёнъ въ одинъ изъ карабинерныхъ полковъ, расположонныхъ въ Москвѣ. Это значительно улучшило его судьбу, хотя здоровье несчастнаго поэта, вслѣдствіе всякаго рода излишествъ, было сильно надломлено — и злая чахотка уже разъѣдала его грудь. Въ томъ же году вышло въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія А. Полежаева. М. 1832», съ посвященіемъ: «Другу моему А. П. Л.», подписаннымъ: «Крѣпость Грозная, 1-го февраля 1832 года». Появленіе названныхъ стихотвореній вызвало цѣлый рядъ рецензій, изъ которыхъ лучшія были помѣщены въ «Московскомъ Телеграфѣ», «Москвѣ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» на 1832 годъ, ч. 45 и нумера 71 и 222. Въ томъ же 1832 году были отпечатаны въ Москвѣ двѣ его поэмы: «Эрпели» и «Чиръ-Юртъ», а въ слѣдующемъ — новое собраніе его стихотвореній, подъ названіемъ «Кальянъ», выдержавшее

три изданія: въ 1833, 1836 и 1838 годахъ. Наконецъ, въ 1838 году вышло въ свѣтъ послѣднее собраніе его стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Арфа, стихотворенія Александра Полежаева». Между-тѣмъ, здоровье Полежаева разстраивалось всё болѣе и болѣе и въ началѣ 1838 года дошло до такого состоянія, что онъ, за неимѣніемъ средствъ лечиться дома, принуждёнъ былъ переѣхать въ городской госпиталь, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ напраснаго леченія, скончался зимой 1838 года. Послѣ смерти Полежаева, нѣкоторыя изъ послѣднихъ его стихотвореній были напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1839 годъ, «Галатеѣ» на 1839 и 1840 годы и въ нѣкоторыхъ сборникахъ и альманахахъ, а въ 1842 году были изданы отдѣльной книжкой въ Москвѣ, подъ названіемъ: «Часы выздоровленія. Сочиненіе А. Полежаева». Наконецъ, въ 1857 году, въ Москвѣ же, вышло въ свѣтъ новое изданіе его стихотвореній, съ портретомъ автора, изображоннымъ въ солдатскомъ мундирѣ, и статьёю объ его сочиненіяхъ, написанной Бѣлинскимъ. Въ 1859 году книга эта вышла вторымъ изданіемъ.

Вотъ прекрасная характеристика поэзіи Полежаева, накинутая Бѣлинскимъ, въ его разборѣ стихотвореній Полежаева: «Отличительный характеръ поэзіи Полежаева — необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принёсъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы... Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство — пластическая художественность и виртуозность формъ, которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно-искусства и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собою не одно искусство, но и всю область духа, въ которыхъ такая бездна поэзіи, и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ. Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія... Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изысканность въ выраженіяхъ происходила у него отъ небрежности въ трудѣ и отъ недостатка въ развитіи. Онъ часто какъ-будто игралъ стихами, выбирая трудныя по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна риѳма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума; но, въ то же время, мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта — быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что, наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты. При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи».

I.

МОРЕ.

Я видѣлъ море — я измѣрилъ
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
О, море, море! я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоёмъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?

Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной,
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что̀ ты? откуда? изъ чего?

Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей всё изъ ничего?
На долго ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!
Я вопрошалъ её... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межь-тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своёмъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отваги полный,
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшного счастья твоего?
Смотри на челнъ — ужь нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашолъ измѣну.

Въ другое время на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О, море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залётный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

II.

КЪ МОЕМУ ГЕНІЮ.

Ужель, мой геній быстролётной,
Ужель и ты мнѣ измѣнилъ,
И думой чорной, безотчётной,
Какъ тучей, сердце омрачилъ?
Погасла яркая лампада —
Завѣтный спутникъ прежнихъ лѣтъ,
Моя послѣдняя отрада —
Подъ свистомъ бурь, на морѣ бѣдъ.
Давно челнокъ мой одинокой
Скользитъ по яростной волнѣ,
И я не вижу въ тьмѣ глубокой
Звѣзды привѣтной въ вышинѣ.
Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня въ дали отъ береговъ;
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ.
Казалось, тёплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ, на полѣ битвы
Курилъ мой свѣтлый ѳиміамъ,
И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужь готово
Изречь: «воскресни и живи!»
Я оживалъ; но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня — и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія.
Темнѣетъ ночь, гроза бушуетъ,
Несётся быстро мой челнокъ —
Душа кипитъ, душа тоскуетъ,
И, мнится, снова торжествуетъ
Надъ бѣднымъ плавателемъ рокъ.
Явись же, геній прихотливой!
Явись опять передо мной
И проводи меня счастливо
Къ странѣ знакомой съ тишиной!

III.

ОЖЕСТОЧЕННЫЙ.

О, для чего судьба меня сгубила!
Зачѣмъ изъ цѣпи бытія
Меня на вѣкъ природа исключила,
И страшно заживо умеръ я!
Ещё въ груди моей бунтуетъ пламень
Неугасаемыхъ страстей,
А совѣсть, какъ врага заклятый камень,
Гнетётъ отверженца людей;
Ещё мой взоръ, блуждающій, но быстрый,
Порою къ небу устремлёнъ,
А божества святой, отрадной искры —
Надежды съ вѣрой — я лишонъ.
И дышетъ всё въ созданіи любовью,
И живы — червь и прахъ и листъ,
А я, злодѣй, какъ Авелевой кровью
Запечатлёнъ — и атеистъ!
И вижу я, какъ горестный свидѣтель,
Сіянье утренней звѣзды,

И съ каждымъ днёмъ твердитъ мнѣ добродѣтель:
«Страшись, страшись готовой мзды!»
И грозенъ онъ, висящей казни голосъ,
И стынетъ кровь во мнѣ, какъ лёдъ,
И на челѣ стоитъ невольно волосъ,
И выступаетъ градомъ потъ.
Бѣжалъ бы я въ далёкія пустыни,
Презрѣлъ бы ужасъ гробовой —
Душа кипитъ, но руки не рабыни
Разбить сосудъ свой роковой.
И жизнь моя мучительнѣе ада,
И мысль о смерти тяжела,
А вѣчность — ахъ! она мнѣ не награда:
Я сынъ погибели и зла!
Зачѣмъ же я возникъ, о Провидѣнье,
Изъ тьмы вѣковъ передъ тобой?
О, обрати опять въ уничтоженье
Атомъ, караемый судьбой!
Земля, раскрой несытую утробу,
Горящей Этной протеки,
И — бурный вихрь — тоску мою и злобу
И память съ пепломъ развлеки!

IV.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ тёмною могилой,
Живётъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливой.
Блѣдно́, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный, онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И — очарованъ — за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.
Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землёй,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ оскверпённымъ.
Вотъ мой удѣлъ! Игра страстей,
Живой стою при дверяхъ гроба —
И скоро, скоро месть и злоба
Навѣкъ уснутъ въ груди моей.
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И — членъ ненужный бытія —
Не оскверню собой природы.
Мнѣ міръ — пустыня, гробъ — чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья,
И пусть, за мигъ ожесточенья,
Самоубійцу судитъ Богъ!

V.

ЦѢПИ.

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей,
И угнетёнъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей.
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ —
И факелъ смерти погребальный
Съ-тѣхъ-поръ горитъ въ моихъ очахъ.
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода —
Всё, всё погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій —
И умираю ночь и день!
Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ-будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточённой
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущённой
Забылъ и горе и печаль —

Готовъ... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ —
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ.
Какъ рабъ испуганный, бездушной,
Кляну свой жребій я тогда
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

VI.

ГРѢШНИЦА.

И говорятъ Ему: «она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону мы её
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе своё.»
И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный — гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»
И вновь писалъ Онъ на землѣ.
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: «никто, учитель!»
— «И такъ и я твоей души
Не осужу», сказалъ Спаситель:
«Иди въ свой домъ и не грѣши!»

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, сынъ зажиточнаго воронежскаго мѣщанина, промышлявшаго продажею барановъ, и имѣвшаго свой собственный каменный домъ въ Воронежѣ, на Дворянской улицѣ, родился 2-го октября 1809 года. Вотъ что̀ говоритъ Бѣлинскій о ранней молодости Кольцова, котораго онъ хорошо зналъ, съ которымъ жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Москвѣ и Петербургѣ и у котораго бывалъ въ Воронежѣ: «Одарённый самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само-собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ, или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. По счастію, къ благородной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своёмъ особенномъ мірѣ — и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни.»

На десятомъ году Кольцовъ былъ посаженъ за указку, а когда грамота пошла ребёнку въ прокъ, то былъ отданъ въ воронежское уѣздное училище. Но здѣсь онъ пробылъ всего четыре мѣсяца, такъ-какъ отецъ нашолъ пріобрѣтённыя имъ свѣдѣнія вполнѣ достаточными для домашняго обихода, не требовавшаго ничего, кромѣ умѣнья писать и читать. Но если училище ничего не прибавило къ скромнымъ позназніямъ Кольцова, то принесло ему пользу въ другомъ отношеніи: оно пристрастило его къ чтенію. Прочитавъ «Бову» и «Еруслана», онъ принялся за «Тысячу и одну ночь» и, наконецъ, добрался до романовъ Дюкредю-Мениля и Августа Лафонтена. Кольцову уже было 16-ть лѣтъ, когда ему попались въ руки «Сочиненія Дмитріева». Это было первые стихи, прочитанныя имъ: гармонія стиха и рифмы сильно подѣйствовали на Кольцова, хотя онъ и не понималъ, что̀ такое стихъ и въ чёмъ заключается отличіе его отъ прозы. Первымъ руководителемъ Кольцова въ сочиненіи стиховъ былъ воронежскій книгопродавецъ Кашкинъ, человѣкъ мало-образованный, но не глупый и добрый. Когда однажды, зайдя въ магазинъ, Кольцовъ прочёлъ ему первый свой опытъ въ стихахъ: «Три видѣнія» и

нѣкоторыя другія пьесы, Кашкинъ сказалъ ему откровенно, что стихи его кажутся ему плохими, хотя онъ и не можетъ ему объяснить почему именно; но что есть такая книга, которая можетъ научить писать хорошіе стихи. Сказавъ это, книгопродавецъ досталъ съ полки «Русскую Просодію», изданную для воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, и предложилъ её въ подарокъ обрадованному Кольцову, вмѣстѣ съ правомъ пользованія книгами его магазина — безденежно, что вскорѣ дало начинающему поэту возможность ознакомиться со всѣми корифеями тогдашней русской литературы. Несравненно бо́льшее вліяніе на дальнѣйшее развитіе поэтической дѣятельности Кольцова имѣло знакомство его съ молодымъ воронежскимъ семинаристомъ Серебрянскимъ. «Натура сильная и широкая», говоритъ Бѣлинскій, «Серебрянскій рано почувствовалъ отвращеніи къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему благородное призваніе, и, руководимый инстинктомъ, онъ самъ-себѣ создалъ образованіе, котораго нельзя получить въ семинаріи. Въ его натурѣ и самой судьбѣ было много общаго съ Кольцовымъ, и ихъ знакомство скоро превратилось въ дружбу. Дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія, во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ, Кольцовъ нашолъ себѣ въ Серебрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло.» Но окончательное направленіе, принятое поэзіей Кольцова въ началѣ тридцацыхъ годовъ и впослѣдствіи справедливо прославившее его имя, было указано ему молодымъ Станкевичемъ, познакомившимся съ нимъ въ Воронежѣ и познакомившимъ его, въ свою очередь, съ нѣкоторыми московскими литераторами, въ томъ числѣ — съ Бѣлинскимъ. Это послѣднее знакомство, имѣвшее сильное вліяніе на окончательное развитіе таланта Кольцова, началось въ 1831 году, въ первый пріѣздъ его въ Москву; но, къ сожалѣнію, знакомство это ограничилось всего двумя - тремя свиданіями. Въ 1836 году, то-есть вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія «Стихотвореній Кольцова», напечатаннаго по вызову Станкевича и на его счётъ, Алексѣй Васильевичъ снова пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ же возобновилъ прерванное знакомство съ знаменитымъ критикомъ, которое, на этотъ разъ, окончилось полнымъ сближеніемъ двухъ писателей, продолжавшимся до самой смерти нашего поэта. Въ томъ же году Кольцовъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, которыми былъ принятъ весьма радушно и обласканъ, чисто по-русски. Въ 1738 году Кольцовъ снова побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и прожилъ довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ, особенно въ послѣдней, жизнь въ которой тогда особенно полюбилась ему. Къ этому времени принадлежатъ многія изъ лучшихъ его стихотвореній. Но эта пріятная жизнь въ кругу образованныхъ людей такъ мало гармонировала съ грустною дѣйствительностью, ожидавшею его на родинѣ, что одна мысль о возвращеніи въ Воронежъ уже повергала его въ грустныя думы. Ему не однажды приходило въ голову — бросить всё и переселиться въ Петербургъ, куда его звалъ А. А. Краевскій — принять на себя завѣдыванье конторою «Отечественныхъ Записокъ». Но просьбы матери и боязнь остаться безъ ничего заставляли его каждый разъ откладывать исполненіе задуманнаго до другого разу. Осенью 1840 года Кольцову ещё разъ удалось побывать въ Москвѣ и Петербургѣ. Это была его послѣдняя поѣздка. По возвращеніи домой, онъ сталъ себя дурно чувствовать и на страстной недѣли 1841 года чуть не умеръ; но, благодаря дружескимъ усиліямъ доктора, оправился на этотъ разъ. Впрочемъ, это выздоровленіе было только отсрочкою смерти, которая уже стояла надъ нимъ — и ждала своей жертвы. Для возстановленія своихъ силъ, онъ нуждался въ спокойствіи, котораго не находилъ въ домѣ отца. Въ началѣ февраля 1842 года Кольцовъ снова заболѣлъ и снова поправился, на сколько можетъ поправиться чахоточный. Въ письмѣ отъ 27-го февраля того же года онъ пишетъ: «Здоровье моё стало лучше. Началъ прохаживаться и два раза былъ въ театрѣ. Лекарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылечитъ. Но силъ не только духовныхъ — и физическихъ ещё нѣтъ; памяти тоже.» Въ концѣ письма, говоря о своёмъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: «Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь? Тогда прощайте — друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого подлиннаго состоянія! Или жить для жизни, или — маршъ на покой!» Кольцовъ умеръ въ Воронежѣ 19-го октября 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвёртомъ году отъ рожденья. Тѣло поэта погребено на воронежскомъ новомъ кладбищѣ, по правую сторону алтаря кладбищенской церкви, и отмѣчено небольшимъ

чугуннымъ памятникомъ, съ четырьмя безграмотными надписями. Болѣе же достойный памятникъ, воздвигнутый почитателями поэзіи Кольцова и изваянный изъ бѣлаго мрамора хорошимъ художникомъ, украшаетъ одну изъ аллей городского сада въ Воронежѣ.

Кольцовъ хотя началъ писать рано, но написалъ не много. Къ этому надо прибавить, что почти всё, написанное имъ до 1831 года, то-есть до знакомства съ Бѣлинскимъ, не представляетъ ничего сколько-нибудь выдающагося изъ обыкновеннаго уровня той массы стиховъ, которая наводняла въ то время русскіе журналы. Лучшимъ періодомъ его поэтической дѣятельноси можно назвать время отъ 1834 по 1842 годъ и въ особенности 1838 годъ, на который самъ поэтъ указываетъ, какъ на одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на такой, въ который ему посчастливилось написать большую часть всего того, на что указала критика, какъ на лучшее. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ перечислить лучшія его пьесы: «Пѣсня старика», «Пѣсня пахаря», «Не шуми ты, рожь», «Урожай», «Молодая жница», «Косарь», «Раздумье селянина», «Лѣсъ», «Горькая доля», «Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Измѣна суженой», «Путь», «Что ты спишь мужичёкъ», «Хуторокъ», «Безъ ума, безъ разума», «Дума сокола», «Такъ и рвётся душа», «Доля бѣдняка», «Вопросъ» и «Послѣдняя борьба». «Стихотворенія Кольцова» были изданы пять разъ: въ 1835 году — Н. В. Станкевичемъ, въ Москвѣ, въ числѣ 18 пьесъ; въ 1846 — Н. А. Некрасовымъ и Н. Я. Прокоповичемъ, въ Петербургѣ, въ числѣ 124 пьесъ, съ портретомъ автора, его факсимиле и пріобщеніемъ статьи Бѣлинскаго: «О жизни и сочиненіяхъ Кольцова». Остальныя изданія сдѣланы гг. Солдатёнковымъ и Щепкинымъ, и составляютъ перепечатку предыдущаго изданія.

I.

ПѢСНЯ СТАРИКА.

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,
Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!
Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ.
Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному:
Никогда не взойдётъ
Солнце съ запада!

II.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?
Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны
Угла тёплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря!
Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;
Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.
Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

III.

Что ты спишь, мужичёкъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работàютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтò ты былъ? и чтò сталъ?
И чтò есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтѣй домовой
Соръ метлою посмёлъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развёлъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время своё:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой —

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почётномъ углѣ
Было мѣсто твоё!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.

Что ты спишь, мужичёкъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ тёплой шубѣ идётъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

IV.

ВОПРОСЪ.

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай солнце!
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!
Стань на берегъ,
Глянь на море:
Чтó ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ нёмъ
Охладѣла,
Что бы камнемъ
Затвердѣла?
Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шолъ онъ,
Не кружился?
Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи —
Безъ желанья?
Что жь мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?
Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила —
И живётъ въ ней,
Какъ царица.
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землёю
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу жь неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться.
Много ль время
Пролетѣло?
Много ль время
Есть впереди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моёмъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи.
За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта.
Буду ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду ль помнить:
Гдѣ былъ прежде?
Чтó я думалъ
Человѣкомъ?
Иль за гробомъ
Всё забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?
Что жь со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?

V.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю!
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая
Моей матушки.
На лицѣ моёмъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную.
Кудри чорныя
Лежатъ скобкою.
Чтó работаю —
Всё мнѣ спорится,
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился.
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю!
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слывётъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я её хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое —
Заря алая,
Щёки полныя,

Глаза тёмные
Свели мóлодца
Съ ума-разума.
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её —
И прости-прощай
Село рóдное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я!
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдётъ мóлодецъ;
Что внизъ пó Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылёмъ-травой
Разстилается.
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Понадвинулась!

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришолъ:
Я пришолъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и пóперекъ
Съ ней хотѣлося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ пóлудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошóнная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, мóлодецъ!
Нагребу копёнъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казáчка мнѣ
Денегъ прúгоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью —
Такъ разжалоблю
Золотой казной.

VI.

ЛѢСЪ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью тёмною
Затуманился?
Чтó Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь-поникъ
И не ратуешь
Съ мимолётною
Тучей-бурею.
Густолиственный
Твой зелёный шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался:
Ты стоишь-поникъ —
И не ратуешь.
Гдѣ жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль — было —
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль — было —
Дни — роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя ль — было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдётъ;
Распахнётъ она
Тучу чорную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ;
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Защатается;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою —
И несётъ свои
Тучи зá море.
Гдѣ жь теперь твоя
Мощь зелёная?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ;
Только въ нéпогодь
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то, тёмный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень чорная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой.

VII.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу

Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю.
Ну, тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зёрнышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;

Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ
здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы:
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжолыхъ!
Ну, тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — моё богат-
ство!

—

Н. С. ЦЫГАНОВЪ.

Николай Степановичъ Цыгановъ родился въ первое десятилѣтіе нашего вѣка въ Москвѣ, въ мѣщанскомъ семействѣ. Помѣщённый въ московское театральное училище на одиннадцатомъ году, онъ пробылъ въ нёмъ около восьми лѣтъ, послѣ чего былъ выпущенъ изъ заведенія съ званіемъ артиста императорскихъ театровъ и назначеніемъ въ жалованье низшаго оклада. Но не прошло и года, какъ всякаго рода непріятности и лишенія, сопряжонныя съ положеніемъ второстепеннаго актёра, вовлекли его въ излишества и развили въ нёмъ страсть къ разгулу, сгубившему не одно дарованіе. Всё это, взятое вмѣстѣ, повлекло за собою разстройство здоровья и, въ концѣ-концовъ, свело Цыганова въ могилу. По свидѣтельству людей, знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ весёлый, и только въ тяжолыя минуты любившій заглушать своё горе въ шумномъ разгулѣ. Эта печальная особенность, свойственная многимъ изъ самобытныхъ талантовъ нашихъ, отразилась и на самыхъ пѣсняхъ Цыганова. Пѣсни свои сочинялъ онъ не вслѣдствіе внутренней потребности, а единственно для развлеченія себя и своихъ пріятелей. Первая мысль о сочиненіи пѣсенъ пришла ему въ голову на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ извѣстнаго въ своё время драматурга, князя Шаховскаго, любившаго собирать у себя тогдашнихъ московскихъ литераторовъ, въ число которыхъ попалъ случайно и Цыгановъ. Здѣсь каждый, возбуждаемый бесѣдой по душѣ, свойственной пріятельскому кружку, старался щеголять своимъ остроуміемъ, или лѣзъ изъ кожи — лишь бы обратить на себя общее вниманіе какой-нибудь эксцентричностью. Ободрённый примѣромъ другихъ, и Цыгановъ рѣшился испробовать свои силы по части литературы, и избралъ для этой цѣли *русскія народныя пѣсни*, которыя въ то время весьма мало уважались — въ то время, когда народная литература, съ ея Полканами-богатырями и Ерусланами Лазаревичами, считалась недостойною вниманія образованнаго писателя, причёмъ критикъ «Вѣстника Европы», разбирая поэму Пушкина «Русланъ и Людмила», весьма развязно восклицалъ: «зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами?» Трудно сказать, чѣмъ руководствовался Цыгановъ въ своёмъ выборѣ: надо думать, что выборъ этотъ былъ слѣдствіемъ его личныхъ свойствъ и убѣжденій.

Первыя пѣсни Цыганова, довольно слабыя и по замыслу и по формѣ, нашли себѣ мѣсто въ «Литературномъ Кабинетѣ», сборникѣ, составленномъ изъ трудовъ артистовъ императорскихъ московскихъ театровъ. Затѣмъ, пѣсни его, которыя съ каждымъ годомъ становились всё лучше и лучше, и приходились всё болѣе и болѣе по вкусу любителямъ національнаго творчества, отъ которыхъ переходили въ народъ, не находя мѣста въ печати, стали быстро расходиться по всей Россіи въ десяткахъ тысячъ списковъ и вскорѣ сдѣлались извѣстными всѣмъ и каждому, на равнѣ съ лучшими народными пѣснями, каковы: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Не шуми ты, мати, зелёная дуброва» и другія. Самыми извѣстными изъ его пѣсенъ считаются: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ», «Ахъ, чарка моя, серебряная», «Охъ, болитъ, да щемитъ ретиво сердечко», «Лежитъ въ полѣ дороженька», «При долинушкѣ берёза», «Не кукушечка во сыромъ бору»; самыми же лучшими, въ художественномъ отношеніи: «По полю, полю чистому», «Полетай, соловушка» и «Что ты рано, травушка».

Цыгановъ умеръ въ 1833 году въ Москвѣ, въ совершенной безвѣстности, оставивъ старуху-мать, которой былъ единственной подпорой при жизни, и посвятивъ, незадолго до смерти, свои произведенія извѣстному драматическому артисту П. С. Мочалову. Посвященіе это было помѣщено въ «Литературномъ Кабинетѣ», но, почему-то, не вошло ни въ одно изъ двухъ изданій его стихотвореній, причёмъ стихи были снабжены слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Стихотворенія покойнаго Цыганова мы получили отъ почтеннаго и всѣми уважаемаго П. С. Мочалова». Въ посвященіи своёмъ знаменитому трагику, Цыгановъ, между-прочимъ, говоритъ:

Ищите въ пѣсняхъ не стиховъ,
Не сладкихъ, кудреватыхъ словъ

Поэтовъ, баловней искусства:
Въ душевной скорби, въ простотѣ
Писалъ простого сердца чувства.

И дѣйствительно, пѣсни Цыганова отличаются неподдѣльной простотою, какой-то безконечной задушевностью, и, кромѣ того, проникнуты насквозь истинно-русскимъ народнымъ духомъ, не заключая въ себѣ ничего искусственнаго, что свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ дарованіи ихъ автора. Когда прочитаешь его пѣсни, невольно приходитъ на мысль: не такъ ли точно образовалась и вся масса пѣсенъ нашихъ, называемыхъ народными. Цыгановъ былъ человѣкомъ сильно чувствовавшимъ и хорошо знавшимъ языкъ народа. Веселился ли онъ въ кругу разгульныхъ товарищей, горевалъ ли, сидя дома, о своёмъ безродствѣ и неключимости — и пѣсня складывалась въ его умѣ, ложилась на бумагу. Она приходилась всѣмъ по вкусу: её перенимали и пѣли во всѣхъ концахъ безграничной Руси, нисколько не заботясь о томъ, кто выстрадалъ её въ сердцѣ и потомъ сложилъ и подобралъ къ ней голосъ. Поэтому, имя Цыганова было мало извѣстно: оно исчезло въ народѣ, но за-то народъ этотъ сохранилъ въ своей памяти всѣ его пѣсни, какъ святыню.

Пѣсни Цыганова были изданы два раза — въ 1834 и 1857 годахъ въ Москвѣ, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: 1) «Русскія пѣсни. Соч. Н. Цыганова», и 2) «Собраніе сочиненій Н. Цыганова, съ пріобщеніемъ новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ С. Кораблёвымъ».

Для заключенія нашей статьи, помѣщаемъ здѣсь краткій отзывъ о пѣсняхъ Цыганова, помѣщённый въ 259 нумерѣ «Русскаго Инвалида» на 1857 годъ, который мы находимъ какъ нельзя болѣе вѣрнымъ и безпристрастнымъ:

«Въ пѣсняхъ Цыганова—всѣ элементы народной пѣсни, въ чёмъ и заключается главное достоинство его пѣсней: вѣрность народному духу не только въ общемъ его проявленіи, но и въ малѣйшихъ его оттѣнкахъ. Независимо отъ нѣкоторыхъ особенностей народнаго духа, въ пѣсняхъ Цыганова встрѣчается множество подробностей русскаго народнаго быта, очевидно заимствованныхъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Цыгановъ, подобно Кольцову, умѣлъ владѣть формою, не выходя изъ предѣловъ, обусловливающихся самымъ духомъ народа, но, конечно, въ гораздо низшей степени, чѣмъ Кольцовъ. Элементы, составляющіе основу формъ произведеній чисто-народныхъ, имѣютъ мѣсто и въ «Пѣсняхъ» Цыганова. Особенность таланта Цыганова составляетъ то̀, что онъ съумѣлъ, не разрушая понятій народа и не искажая ихъ, уловить и выразить новые оттѣнки народнаго быта въ формѣ новой. Цыгановъ во многихъ изъ своихъ пѣсенъ представляетъ черты русскаго быта въ вѣрныхъ и довольно рельефныхъ краскахъ — и стихи его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не лишены поэтической теплоты и даже задушевности. Въ пѣсняхъ, всего болѣе выражающихъ личное чувство автора, его положеніе въ обществѣ и воззрѣнія на вещи («Ахъ, чара моя» и «Лежитъ въ полѣ дороженька»), подавленный бѣдностью, убитый горемъ, онъ старается заглушить всё это въ буйномъ веселіи, забыть на время самого себя. Особенное отношеніе къ личности автора имѣетъ пѣсня, выражающая сожалѣніе о его безродномъ положеніи въ жизни.»

РУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ,
Течётъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдётъ гроза, пройдётъ гроза —
Всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, что волна.
Не рощи, не дубравушки
По бережку растутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ.
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ,
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ.
Ей убыли невѣдомы —
Всегда въ одной красѣ;
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ.
Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря свѣтлую
Въ дали туманной, тамъ.
О, поле, поле чистое,
Осиротѣешь ты!
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цвѣты!
Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
Измѣнчивъ нашъ удѣлъ!

На рѣзвый бѣгъ твой пò полю
Сквозь слёзы я глядѣлъ!
И я жилъ рѣзво, весело
Пѣвалъ въ былые дни
И радости сердечныя
Лишь чувствовалъ одни.
Но всё перемѣняется,
Проходитъ всё, какъ сонъ —
И я грустить, печалиться
До гроба осуждёнъ.

2.

— «Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ:
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать!
Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пускай, не покрытая
Шолковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться зáмужемъ
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!»

— «Дитя моё, дитятко,
Дочка милая!
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Поблёкнутъ на щёченькахъ
Маковы цвѣты;
Прискучатъ забавушки —
Стоскуешься ты!
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.

И я, молодёшенька,
Была такова;
И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!»

3.

Ахъ, чарка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!

Кому тебя пить,
Кому подносить,
Друзьями ты, чарка,
Оставленная?

Въ забытьи стоишь,
Къ себѣ не манишь,
Вина зеленàго
Не налитая!

Бывала ли ты
Полнымъ до полна,
Какъ въ водополь рѣчка,
Съ краями равна?

Свѣтилася ли,
Честилася ли
Въ весёлой бесѣдѣ
Въ запрошлые дни?

Ходила ль кругомъ,
Поила ль виномъ,
Пріятною рѣчью
Приправленная?

Знакомы ль тебѣ
Въ счастливой судьбѣ
Весёлые взгляды
Ласкающіе?

Встрѣчалися ли,
Случалися ли
Пріятельски руки
Сжимающія?

Давно ли бѣдой
И злой чередой
Лежишь ты на блюдѣ
Опрокинутая —

Роями друзей,
Къ печали моей,
Какъ улій пчелами,
Покинутая?

Не стало вина,
Забыта она...
Друзья отшатнутся
Отъ чистаго дна.

Спросись старины,
Коснись новизны,
Такъ есть и бывало —
Быль съ сказкой сходны.

4.

Охъ, болитъ,
Да щемитъ
Ретиво сердечко —
Всё по нёмъ,
По моёмъ
По миломъ дружечкѣ!
Онъ сердитъ,
Не глядитъ
На меня, дѣвицу;
Всё коритъ,
Да бранитъ,
Взноситъ небылицу:
Будто днёмъ
Соловьёмъ
По садамъ летаю—
Не о нёмъ,
Объ иномъ
Звонко распѣваю;
Ничего,
Никого
Ночью не боюся,
И не съ нимъ,
Всё съ инымъ
Милымъ веселюся.
Не рости,
Не цвѣсти
Кустику сухому:
Не любить,

Не сгубить
Дѣвицы иному!
Не себѣ —
Всё тебѣ
Красота блюдётся...
Ахъ, ни чьей —
Всё твоей
Съ горя изведётся!

—

Д. И. МИНАЕВЪ.

Дмитрій Ивановичъ Минаевъ родился въ 1808 году, въ дворянскомъ семействѣ, въ Симбирскѣ, гдѣ отецъ его, екатерининскій ветеранъ, имѣлъ свой собственный домъ и жилъ на покоѣ. Окончивъ курсъ въ Симбирской гимназіи, состоявшей въ то время изъ четырёхъ классовъ, молодой Минаевъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ, въ 1823 году, въ учебный сапёрный баталіонъ. Пробывъ здѣсь три года, онъ былъ выпущенъ, въ 1826 году, прапорщикомъ въ 3-й морской полкъ, въ которомъ прослужилъ до конца 1833 года, когда былъ переведёнъ въ Симбирскій батальонъ военныхъ кантонистовъ, съ состояніемъ по арміи; затѣмъ, въ концѣ 1835 — вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ; въ 1838—вступилъ снова въ службу, съ опредѣленіемъ въ симбирскую коммисаріатскую коммисію; въ 1841 — назначенъ смотрителемъ Оренбургскаго военнаго госпиталя; въ 1847— былъ прикомандированъ къ провіантскому департаменту, а 15-го апрѣля того же года — назначенъ смотрителемъ Измайловскаго провіантскаго магазина въ Петербургѣ, куда Минаевъ и переселился съ семействомъ, въ томъ числѣ и съ одиннадцатилѣтнимъ сыномъ Дмитріемъ, въ настоящее время подвизающимся на литературномъ поприщѣ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, въ продолженіе которыхъ онъ напечаталъ свой переводъ «Слова о полку Игоря» и оригинальную поэму «Слава о вѣщемъ Олегѣ», Минаевъ снова отправился въ провинцію, гдѣ получилъ новое мѣсто и уже болѣе не возвращался въ Петербургъ. Прослуживъ въ провинціи ещё лѣтъ около пятнадцати, онъ вышелъ окончательно въ отставку и поселился въ Симбирскѣ, гдѣ и умеръ въ 1876 году.

Первыми поэтическими произведеніями Минаева, появившимися въ печати, были восемь стихотвореній, помѣщённыхъ Кукольникомъ въ своёмъ «Новогодникѣ», сборникѣ на 1839 годъ. Стихотворенія эти — («Дума на Волгѣ», «Пѣсня», «Роза и соловей», «Романсъ», «Ивановъ цвѣтокъ», «Гонецъ», «Фантазія» и «Ночная прогулка») были встрѣчены весьма благосклонно, какъ публикой, такъ и критикой, причёмъ въ 3-мъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1839 годъ (отд. VII, стр. 3) было, между-прочимъ, сказано, что «всѣ они носятъ на себѣ печать свѣжаго, замѣчательнаго дарованія, хотя нѣкоторымъ не достаётъ силы, какъ, напримѣръ, пьесамъ: «Дума на Волгѣ», «Ивановъ цвѣтокъ» и «Фантазія». Но мѣстами и въ этихъ стихотвореніяхъ проблёскиваютъ искры рѣзкаго таланта, который современемъ можетъ развиться пышнымъ цвѣтомъ и красоваться на нероскошныхъ поляхъ нашей литературы. Отъ всей души привѣтствуемъ это новое дарованіе и будемъ ожидать отъ него дальнѣйшихъ успѣховъ, обѣщаясь слѣдить за его развитіемъ съ полнымъ вниманіемъ, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ. При теперешней бѣдности нашей въ талантахъ, такое явленіе, какъ стихотворенія г-на Минаева, могутъ вселить самыя отрадныя надежды. Дай Богъ, чтобъ надежды эти скорѣе осуществились!» Къ сожалѣнію, почтенный рецензентъ ошибся въ своихъ надеждахъ. Увы! они далеко не осуществились, какъ и многія изъ нашихъ надеждъ, казавшіяся когда-то весьма осуществимыми. Этимъ напраснымъ надеждамъ поддался и знаменитѣйшій изъ нашихъ критиковъ, сказавшій по поводу указанныхъ нами стихотвореній г. Минаева слѣдующее: «Съ большимъ вниманіемъ остановились мы на восьми стихотвореніяхъ новаго поэта г. Минаева. Во всѣхъ ихъ проглядываетъ если не талантъ, то что-то похожее на талантъ, борющійся съ фразёрствомъ; но въ «Ивановѣ цвѣтѣ» обнаруживается рѣшительный талантъ, хотя ещё и не совсѣмъ овладѣвшій самимъ собою. Радуемся появленію новаго таланта, повидимому подающаго въ будущемъ надежды.» («Соч. Бѣлинскаго», ч. III, стр. 69.) Затѣмъ, въ 9-й, 10-й и 11-й книжкахъ «Библіотеки для Чтенія» на 1840 годъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ стихотвореній Минаева («Двѣ зари Бородинской годовщины», «Упрёкъ Кавказу», «Дума на Киргизъ-Кайсацкой степи» и другія), а въ 26-мъ, 27-мъ и 29-мъ нумерахъ «Иллюстраціи» Кукольника на 1846 годъ появились послѣднія его четыре пьесы («Жегулинскія горы», «Воспоминаніе», «Чатырдагъ», подражаніе Мицкевичу, и «Русскій на берегахъ Роны»); но всѣ они канули въ вѣчность, ни кѣмъ не замѣченныя, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были написаны значительно лучше, чѣмъ первыя его произведенія, появившіяся въ «Новогодникѣ» и заслужившія похвалы критики и публики. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Воспоминаніе»:

Чтò было — промчалось, того уже нѣтъ!
Надежда не манитъ фатою:
Обманщицы милой плѣнительный слѣдъ
Незримо лежитъ подъ травою.
Душа опустѣла, какъ брошенный храмъ
Сухой повиликѣ въ наслѣдство;
Лишь память несётся къ минувшимъ годамъ
На лоно безпечнаго дѣтства.
И въ мірѣ мечтаній, подъ соннымъ крыломъ,
Пьётъ сердце по каплѣ забвенье —
И дума смѣняетъ волшебнымъ жезломъ
Запавшія въ память видѣнья.

Минаевъ писалъ также и повѣсти, которыя помѣщалъ въ «Сынѣ Отечества», редакторомъ котораго въ то время былъ покойный Фурманъ; но онѣ не представляютъ ничего сколько-нибудь выдающагося изъ массы другихъ повѣстей того же журнала. Наконецъ, въ 1846 году онъ издалъ лучшее своё произведеніе: стихотворный переводъ «Слова о полку Игоря», обратившій на него общее вниманіе публики и вызвавшій вполнѣ заслуженныя похвалы большинства журналовъ. Въ строгомъ смыслѣ, это не переводъ, а поэма, написанная на тэму «Слова о полку Игоря», мѣстами близкая къ подлиннику, мѣстами дополненная собственными вставками, въ чёмъ сознаётся самъ авторъ, утверждая, что онъ «объяснялъ тёмныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатыя мысли въ картины». Вотъ начало перевода, довольно близкое къ подлиннику:

Начнёмъ, други, складомъ старинныхъ людей,
Разсказъ про святыя былины:
Какъ Игорь костьми положилъ средь степей
Свои удалыя дружины.
У правды народной одна сторона,
У вымысла — гранямъ нѣтъ счёта:
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна,
Ярка у нея позолота!
Онъ звучную-ль пѣсню кому запоётъ —
Раскинется въ вѣтви мыслями,
Онъ волкомъ по чорной землѣ протечётъ,
Орломъ пролетитъ подъ звѣздами.

А вотъ и стихотворная фантазія переводчика, написанная на тэму «Слова», заключающуюся въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ»:

Вотъ межъ чащею, подъ ракитникомъ,
Луговой пѣвецъ просыпается:
Щёлкнулъ, свистнулъ, разсыпался,
Разошолся по воздуху
Серебристыми звеньями,
Загремѣлъ перекатами,
Застоналъ перекликами,
Разлился звонкимъ голосомъ
По всему по поднебесью.
Его слушала, зарумянившись
Подъ фатой своей, браной золотомъ,
Съ неба синяго, заря майская.

Правда, это фантазія, но фантазія блистательная и по языку, и по звучности стиха.

Послѣдними произведеніями Минаева были: «Слава о вѣщемъ Олегѣ», поэма, напечатанная въ 1847 году отдѣльной книжкой въ Петербургѣ, и «Тысячелѣтіе Руси въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ», былина, напечатанная, десять лѣтъ спустя, въ 1857 году, въ Симбирскѣ.

ДѢДУШКА ДОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ворчитъ, бранитъ сѣдое время
Всё наше вѣтреное племя;
Въ его глазахъ видна гроза —
И мурманку свою плотнѣе
Старикъ надвинулъ на глаза:
Ему жить съ нами холоднѣе —
И шуба чорныхъ соболей
Не грѣетъ высохшихъ костей.
За-то въ нёмъ жолчь теперь бушуетъ:
Въ пальто нашъ міръ ему смѣшонъ
И даже колокольный звонъ
Души, какъ прежде, не волнуетъ.
Ему-бъ всё русскій видѣть духъ:
Бояръ осанистыхъ въ кафтанахъ,
Подъ душегрѣйками старухъ
И рядъ красавицъ въ сарафанахъ.
Давно готовъ онъ воскресить
Всю нашу старину изъ праха
И школу юную съ размаха
Тяжолой палицей разбить.
Въ враждѣ безсильной изнывая,
На русскій свѣтъ старикъ глядитъ
И, зёрна чотокъ разбирая,
Угрюмо внукамъ говоритъ:
«Вы срыли ихъ, святыя зданья —
Хоромы кіевскихъ князей,
Разбили древнія преданья
Своихъ отцовъ-богатырей,
Затѣмъ-что вѣчныя обновки,
Лоскутья западной торговки,

Васъ обновляютъ, вамъ дарятъ
Костюмы въ новый маскарадъ.
Уже-ль заморскія игрушки,
Чужихъ пѣвцовъ простыя стружки,
Замѣнъ вамъ собственныхъ кудрей
И пѣсенъ родины своей?
Уже ли вамъ смѣшны былины
Народной нашей старины,
Тѣ необъятныя картины
И смутъ, и славы, и войны,
Залитыя кровавымъ токомъ,
Гдѣ бились дѣды за дѣтей,
Гдѣ молотъ, подъ желѣзнымъ рокомъ,
Дробилъ всё къ славѣ позднихъ дней?
И кости праотцовъ святыя,
Граниты ваши міровые,
Съ которыхъ Русь взошла собой,
Вы молча топчете ногой!
Кто-жь правъ, кто виноватъ? Не вы ли
Повѣрья русскія разбили,
И — съ европейской новизной —
Стыдитесь быть вы имъ родной?
Своихъ не знаете поэтовъ;
Для васъ безмолвствуетъ скрижаль,
Которая, полна завѣтовъ,
Прошла сквозь огненную даль
И на плитахъ своихъ дѣянья
Почившихъ схимниковъ преданья
Межь васъ, какъ въ склепѣ, погребла
И чуть услышана была.
Боянъ, пѣвецъ временъ минувшихъ,
Днѣпровскихъ высей соловей,
Вамъ воскресилъ бойцовъ уснувшихъ
И славу раннюю князей.
Отгрянулъ онъ раскатомъ были,
Зажогся молніей во мглѣ —
И на серебряномъ руслѣ
Его слова заговорили.
Нашъ поэтическій коллосъ
Не отъ террасъ Семирамиды,
Не съ темя гордой пирамиды
Чело народное вознёсъ;
Но изъ обломковъ разрушеній,
Блистая прежней красотой,
Сталъ передъ вашею толпой
Неистолкованный сей геній!
Семивѣковый снявъ шеломъ,
Сіяя бѣлыми кудрями,
Чуть движа вѣщими струнами,
Онъ пѣлъ вамъ древнимъ языкомъ.»

—

П. П. ЕРШОВЪ.

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ «Конька-Горбунка», родился 22-го февраля 1815 года, въ Ишимскомъ округѣ, въ селѣ Безруковѣ, лежащемъ въ 400 верстахъ отъ своего губернскаго города Тобольска. Отецъ его былъ чиновникомъ, вслѣдствіе чего, уже по самому роду своей службы, обязанъ былъ безпрестанно перемѣнять мѣсто жительства. Раннюю молодость свою, до поступленія въ Тобольскую гимназію, мололой Ершовъ провёлъ въ пустынномъ городѣ Берёзовѣ, гдѣ отецъ его довольно долгое время занималъ мѣсто исправника. Отданный на десятомъ году въ Тобольскую гимназію, онъ вскорѣ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду своихъ товарищей, и съ-тѣхъ-поръ, до самаго выпуска, не спускался ниже. По окончаніи гимназическаго курса, отецъ молодого Ершова, желая дать ему высшее образованіе, исходатайствовалъ себѣ переводъ въ Петербургъ, чтобы имѣть возможность опредѣлить его въ университетъ. По прибытіи въ Петербургъ, шестнадцати-лѣтній Ершовъ былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго университета, по философско-юридическому факультету, въ которомъ и занялъ вскорѣ подобающее ему мѣсто въ средѣ своихъ товарищей. За годъ до окончанія Ершовымъ курса наукъ, отецъ его, по служебнымъ дѣламъ, долженъ былъ отправиться, вмѣстѣ съ женою, въ Херсонъ, откуда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, старушка вернулась вдовою. Къ этому горю присоединилось вскорѣ другое — недостатокъ въ средствахъ къ существованію. Но Ершовы выдержали и этотъ ударъ со стойкостью, достойною удивленья. Писать стихи Ершовъ началъ очень рано. Даже лучшее его произведеніе «Конёкъ-Горбунокъ» было написано имъ на школьной скамьѣ. О сказкѣ этой впервые заговорили въ публикѣ въ 1834 году. Поводомъ къ этимъ разговорамъ послужило тò, что бывшій тогда профессоромъ русской словесности П. А. Плетнёвъ прочёлъ на лекціи первую часть «Конька-Горбунка», поданную ему студентомъ Ершовымъ, какъ классное упражненіе. Вслѣдъ затѣмъ, первая часть сказки была напечатана въ третьемъ томѣ «Библіотеки для Чтенія» на 1834 годъ, и доставила автору 500 рублей ассигнаціями, первый и едва ли не послѣдній гонораріи, выпавшій на долю поэта. Въ томъ же году «Конёкъ-Горбунокъ» изданъ былъ цѣликомъ, отдѣльною книжкой, и былъ встрѣченъ публикою весьма радушно. Критика также отозвалась о сказкѣ довольно благосклонно. Вотъ, напримѣръ,

отзывъ О. И. Сенковскаго: «Библіотека для Чтенія» считаетъ долгомъ встрѣтить съ должными почестями такой превосходный поэтическій опытъ, какъ «Конёкъ-Горбунокъ» г. Ершова, юнаго сибиряка, который ещё довершаетъ своё образованіе въ здѣшнемъ университетѣ. Читатели оцѣнятъ его достоинство и силу языка, любезную простоту, весёлость и обиліе удачныхъ картинъ, между которыми заранѣе поименуемъ одну: описаніе коннаго рынка — картину, достойную стоять на ряду съ лучшими мѣстами русской лёгкой поэзіи». Одинъ Бѣлинскій встрѣтилъ сказку Ершова недружелюбно, и высказалъ при этомъ нѣсколько вѣскихъ истинъ, съ которыми нельзя не согласиться, несмотря на всю строгость окончательнаго приговора о талантѣ автора «Конька-Горбунка», въ которомъ ему всё-таки отказать невозможно. Уже одинъ успѣхъ сказки въ публикѣ, раскупившей десять ея изданій и выучившей её на память всю, отъ начала до конца, говоритъ въ пользу таланта автора.

Лѣтомъ 1834 гова Ершовъ окончилъ курсъ, со степенью кандидата, и поселился въ Петербургѣ, съ своей старухой-матерью, на Пескахъ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, гдѣ у него стали собираться нѣкоторые изъ литераторовъ и музыкантовъ, сходившихся съ нимъ въ воззрѣніяхъ на литературу и искусство. Здѣсь, по желанію своихъ знакомыхъ, извѣстныхъ въ то время въ музыкальномъ мірѣ, онъ написалъ нѣсколько либреттъ оперъ, которыя, однако остались неизданными и не положенными на музыку, хотя знающіе люди и отзывались о нихъ съ большою похвалою, утверждая что нѣкоторыя изъ нихъ были бы достойны трудовъ нашихъ композиторовъ. Но, несмотря на дружескія связи со многими изъ своихъ товарищей и нѣкоторыми изъ литераторовъ, между которыми назовёмъ Е. П. Гребёнку, не смотря на служебныя выгоды, представляемыя пребываніемъ въ столицѣ и другія преимущества Петербурга передъ прочими городами, Ершову сильно не нравился Петербургъ — и душа его неустанно стремилась къ сибирскимъ тундрамъ, гдѣ, по его мнѣнію, только и жить было возможно. Наконецъ, лѣтомъ 1836 года, давнишнее его желаніе исполнилось: онъ былъ назначенъ учителемъ въ Тобольскую гимназію, куда и выѣхалъ тотчасъ по полученіи назначенія, вмѣстѣ съ старухою-матерью, безъ продолжительныхъ прощаній съ знакомыми.

По выходѣ изъ университета, Ершовъ въ теченіе 1834—1836 года, до отъѣзда въ Сибирь, написалъ кромѣ «Конька-Горбунка» и упомянутыхъ выше либретто, нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ большая часть была напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго, нѣкоторыя — въ «Современникѣ» Плетнёва и только немногія въ другихъ изданіяхъ. Всѣ эти стихотворенія, за исключеніемъ четырёхъ: «Первая любовь», «Желаніе», «Посланіе къ другу» и «Вопросъ» («Библіотека для Чтенія», 1835, т. 11 и 13, 1836, т. 16 и 1838, т. 30), проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, не представляютъ ничего замѣчательнаго и во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ гораздо ниже его «Конька-Горбунка».

По прибытіи въ Тобольскъ, Ершовъ занялъ скромное мѣсто учителя латинскаго языка въ мѣстной гимназіи, которое занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ, то-есть до назначенія его инспекторомъ классовъ того же заведенія. Только въ 1857 году страстно-желанное и давно обѣщанное ему мѣсто директора училищъ Тобольской губерніи было, наконецъ, утверждено за нимъ. Наконецъ-то счастье по службѣ улыбнулось и ему! Ершовъ словно ожилъ — и четырёхлѣтній періодъ времени его директорства былъ, конечно, счастливѣйшимъ въ его жизни, тѣмъ болѣе, что содержаніе въ 2000 рублей, пенсія въ 500 и казённая квартира значительно улучшили его матеріальное положеніе, которое до того сильно его безпокоило. Съ переѣздомъ въ Сибирь, Ершовъ продолжалъ писать, но весьма мало печаталъ. Изъ напечатаннаго же можно указать всего на слѣдующія три пьесы: на быль «Сибирскій казакъ», поэму «Сузгѣ» и разсказъ «Кузнецъ Базимъ», напечатанныя въ «Современникѣ» Плетнёва и «Сборникѣ Литературныхъ Статей, посвящённыхъ русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина».

Въ 1858 году Ершовъ, по вызову министра народнаго просвѣщенія, побывалъ въ Петербургѣ, но, вопреки своимъ собственнымъ ожиданіямъ, которыя рисовали его воображенію давно-покинутую имъ столицу въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, по прежнему остался ею крайне не доволенъ и покинулъ её тотчасъ послѣ свиданія съ министромъ. По возвращеніи въ Тобольскъ, Ершовъ сталъ-было продолжать службу съ прежнимъ усердіемъ и готовностью на всё общеполезное; но, вскорѣ, служебныя столкновенія и другія непріятности, затрудняя его благія намѣренія, наконецъ отвратили его окончательно отъ оффиціально-педагогической дѣятельности. Въ 1865 году, не смотря на своё значительное содержаніе и большое семейство, при неимѣніи никакихъ постороннихъ средствъ, онъ вышелъ въ отставку, съ ежегодною пенсіею въ 1080 рублей и остался жить въ Тобольскѣ, ища

одного только спокойствія. «Мы не знаемъ рѣшительно повода къ этой отставкѣ», говоритъ г. Ярославцевъ, товарищъ и біографъ Ершова, «тѣмъ болѣе, что послѣдній экзаменъ, въ руководимой имъ гимназіи, былъ, какъ мы слышали, однимъ изъ лучшихъ по успѣхамъ воспитанниковъ: нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ удостоены были медалей, и большая часть отправилась совершенствоваться въ университетахъ. А поводъ былъ, повидимому, невыносимый для его благороднаго, страдальческаго сердца и болѣзненной уже комплекціи: люди и тутъ не пощадили поэта. Объ оставленіи имъ службы даже семейство его узнало только въ тотъ день, когда онъ принёсъ домой свой увольнительный аттестатъ.» Послѣдніе годы жизни Ершова не представляютъ ничего выдающагося, а потому мы и проходимъ ихъ молчаніемъ. Ершовъ скончался 18-го августа 1869 года и погребёнъ на тобольскомъ кладбищѣ, за валомъ.

Всѣхъ изданій «Конька-Горбунка» было до-сихъ-поръ — десять. *Первое* выпущено было въ Петербургѣ, въ 1834 году, *второе* и *третье* — въ Москвѣ, въ 1840 и 1843, *четвертое*, *пятое*, *шестое*, *седьмое*, *восьмое девятое* и *десятое* — снова въ Петербургѣ, въ 1856, 1857, 1865, 1868, 1871, 1876 и 1878 годахъ.

ИЗЪ СКАЗКИ «КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ».

1.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ — на землѣ
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили подъ столицу:
Знать столица та была
Не далеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счётомъ принимали
И съ телѣгою пустой
Возвращалися домой.
Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить
И пшеницу ихъ косить.
Мужички такой печали
Отъ рожденья не видали.
Стали думать да гадать,
Какъ-бы вора имъ поймать —
И рѣшили всенародно:
Съ ночи той поочерёдно
Полосу свою беречь,
Злого вора подстеречь.
Только стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ сбираться —
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала —
И со страху нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходитъ, день приходитъ:
Съ сѣнника дозорный сходитъ
И, обшедъ избу кругомъ,
У дверей стучитъ кольцомъ:
«Эй, вы, сонныя тетери,
Отпирайте брату двери!
Подъ дождёмъ я весь промокъ
Съ головы до самыхъ ногъ.»
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили,
Стали спрашивать его,
Не видалъ ли онъ чего.
Караульный помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И, прокашлившись, сказалъ:
«Цѣлу ноченьку не спалъ!
На моё жь притомъ несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вотъ такъ ливмя и лилъ,
Подъ дождёмъ я всё ходилъ.
Правда, было мнѣ и скучно.
Впрочемъ, всё благополучно.»
Похвалилъ его отецъ:
«Ты, Данило, молодецъ!
Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,
Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
То-есть, будучи при томъ,
Не ударилъ въ грязь лицомъ.»
Снова начало смеркаться;
Средній сынъ пошолъ сбираться:
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала;
На него тоска напала,
Зубы начали плясать:

Онъ — ударился бѣжать
И всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки подъ заборомъ.
Только начало свѣтать,
У дверей онъ сталъ стучать:
«Эй вы, сони! что̀ вы спите?
Брату двери отоприте!
Ночью страшный былъ морозъ:
До костей я весь промёрзъ,
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили —
Стали спрашивать его,
Не видалъ ли онъ чего.
Караульный помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И сквозь зубы отвѣчалъ:
«Всю я ноченьку не спалъ;
Да къ моей судьбѣ несчастной,
Ночью холодъ былъ ужасной —
До костей меня пробралъ:
Цѣлу ночь я проскакалъ...
Слишкомъ было неподручно!
Впрочемъ, всё благополучно.»
И ему сказалъ отецъ:
«Ты, Гаврило, молодецъ!»
Стало въ третій разъ смеркаться;
Надо младшему сбираться:
Онъ и усомъ не ведётъ,
На печи въ углу поётъ
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасныя вы очи!»
Братья ну его ругать,
Стали въ поле посылать;
Но сколь долго ни кричали,
Только время потеряли —
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ
Подошолъ къ нему отецъ,
Говоритъ ему: «Послушай,
Ты поди въ дозоръ, Ванюша!
Я нашью тебѣ обновъ,
Дамъ гороху и бобовъ.»
Вотъ дуракъ съ печи слѣзаетъ,
Шапку на бокъ надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладётъ
И, шатаяся, идётъ.
Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ.
Поле всё дуракъ обходитъ
И садится подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку убираетъ.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ.
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу —
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла;
Грива — точно золотая,
Въ мелки кольцы завитая.
«Эхе-хе! такъ вотъ какой
Нашъ воришко! Но постой,
Я шутить вѣдь не умѣю:
Разомъ сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ
И садится на хребётъ —
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачетъ, то забьётся,
То вдругъ круто повернётся;
Но дуракъ и самъ не простъ:
Крѣпко держится за хвостъ.
Наконецъ она устала.
«Ну, дуракъ!» ему сказала:
«Коль умѣлъ ты усидѣть,
Такъ тебѣ мной и владѣть.»

2.

Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конёкъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ — я слышалъ стороною —
Небо сходится съ землёю,
Гдѣ крестьянки лёнъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.
Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ,
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь.
—«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво»,
Говоритъ коньку Иванъ
Средь лазоревыхъ полянъ:
«А какъ съ небомъ-то сравнится,
Такъ подъ стельку не годится.
Вѣдь у насъ земля черна,

И темна-то и грязна;
Здѣсь земля-то голубая,
А ужь свѣтлая какая!
Посмотри-ка, горбунокъ,
Видишь — вонъ тамъ на востокъ —
Словно свѣтится гнилушка?
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!»
Такъ спросилъ Иванъ конька.
— «Это теремъ Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы»,
Горбунокъ ему кричитъ.
«По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
А какъ день-деньской приходитъ,
То сюда и мѣсяцъ входитъ.»
Подъѣзжаютъ къ воротамъ —
Сто столбовъ по сторонамъ;
Всѣ столбы тѣ голубые,
А верхушки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды;
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный русскій крестъ.
Вотъ конёкъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идётъ
И такую рѣчь ведётъ:
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
Я — Иванушка Петровичъ.
Изъ далекихъ я сторонъ
И привёзъ тебѣ поклонъ.»
— «Сядь, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ:
«И повѣдай мнѣ вину
Въ нашу свѣтлую страну
Твоего съ земли прихода:
Изъ какого ты народа,
Какъ явился въ сей странѣ —
Всё вполнѣ повѣдай мнѣ.»
— «Я съ земли пришолъ землянской,
Изъ страны вѣдь христіанской»,
Говоритъ ему Иванъ:
«Переѣхалъ окіянъ
Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
Нашей будущей царицы,
Чтобъ тебя отъ ней спрошать —
Послѣ ей пересказать —
Для чего, дескать, три ночи
Не показывалъ ты очи
И зачѣмъ уже три дня
Солнце скрылось отъ меня?»
— «А какая то̀ царица?»
— «Это, знаешь, Царь-Дѣвица.»
— «Царь-Дѣвицу? Такъ она
Что-ль тобой увезена?»
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: «извѣстно, мной!
Вишь, я царской стремянной!»
— «Есть къ тебѣ, родной, прошенье:
То о китовомъ прощеньѣ.
Есть, вишь, море: чудо-китъ
Поперёкъ его лежитъ;
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ рёбра вбиты.
Онъ бѣднякъ меня прошалъ,
Чтобы я тебѣ сказалъ:
Скоро-ль кончится мученье?
Чѣмъ сыскать ему прощенье
И за что̀ онъ тутъ лежитъ?»
Мѣсяцъ ясный говоритъ:
— «Онъ за-то несётъ мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ середь морей
Три десятка кораблей.
Если дастъ онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду.»
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.
На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришолъ на окіянъ.
Вотъ конёкъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
«Что̀, отецъ мой? въ небѣ былъ ли?
Мнѣ прощенье испросилъ ли?»
Тутъ конёкъ ему кричитъ:
«Погоди ты, рыба-китъ!»
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Чорной гривкою трясётъ
И такую рѣчь ведётъ:
«Эй, послушайте, міряне!

Православны христiане!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся въ мигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ случится чудо:
Море сильно закипитъ —
Повернётся рыба-китъ.»
Тутъ крестьяне и мiряне,
Православны христiане,
Закричали: «быть бѣдамъ!»
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Всё, что̀ было живота —
И оставили кита.
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шолъ Мамай войной.
Тутъ конёкъ на хвостъ взбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И, что́ мочи есть, кричитъ:
«Чудо-юдо рыба-китъ!
Отъ того твоё мученье,
Что безъ Божiя велѣнья
Проглотилъ ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужь невзгоду.»
И, окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ — прыгъ
И на нёмъ остановился.
Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкой отворяя,
Плёсомъ волны разбивая:
«Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?
Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо ль крупныхъ жемчуговъ?
Всё достать тебѣ готовъ!»
— «Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчуговъ въ награду»,
Говоритъ ему Иванъ:
«Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы.»
— «Ладно, ладно!» рыба-китъ
Стремянному говоритъ:
«Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы.»
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ
И такую рѣчь ведётъ:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
Кто его доставитъ мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будетъ думнымъ дворяниномъ.
Если жь умный мой приказъ
Не исполните — я васъ!»
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великiй, не гнѣвись!
Мы всё море ужь, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А всё перстня не видали.
Только ёршъ одинъ изъ насъ
Могъ исполнить бы приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужь вѣрно перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужь куда-то унесло.»
— «Отыскать его въ минуту
И послать въ мою каюту!»
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земской судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Имянной писалъ указъ;
Сомъ — исправникомъ онъ звался —
Подъ указомъ подписался,
Чорный ракъ указъ сложилъ

И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было, нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озёра исходили,
Всѣ проливы переплыли —
Не могли ерша сыскать,
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалёко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ.
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули —
Глядь: въ прудѣ подъ камышомъ
Ершъ дерётся съ карасёмъ.
— «Смирно! Черти бъ васъ побрали!
Вишь, содомъ какой подняли,
Словно важные бойцы!»
Закричали имъ гонцы.
— «Ну, а вамъ какое дѣло?»
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло:
«Я шутить вѣдь не люблю:
Разомъ всѣхъ переколю!»
— «Охъ, ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ и забіяка!
Всё бы, дрянь, тебѣ гулять,
Всё бы драться да кричать!
Дома — нѣтъ, вѣдь не сидится.
Ну, да что съ тобой рядиться!
Вотъ тебѣ царёвъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.»
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тотъ карась
Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всёмъ собраньѣ,
Басурманской разной бранью.»
Долго ёршъ ещё кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря —
И явились предъ царя.
— «Чтó ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ёршъ упалъ
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ взмолился о прощеньѣ.
— «Ну, ужь Богъ тебя проститъ!»
Китъ державный говоритъ:
«Но за это преступленье
Ты исполни повелѣнье.»
— «Всё исполню, славный китъ!»
На колѣняхъ ёршъ пищитъ.
— «Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ ужь вѣрно перстень знаешь
Царь-Дѣвицы?» — «Какъ не знать!
Можемъ разомъ отыскать.»
— «Такъ ступай же поскорѣе,
Да неси его живѣе.»
Тутъ, отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошолъ оттуда вонъ;
Съ полминуты порѣзвился,
Въ чорный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучёкъ
Пудъ по-крайней-мѣрѣ вò сто.
«Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
Сельди разомъ собралися,
Сундучёкъ тащить взялися —
Только слышно и всего,
Что «у-у!» да «о-о-о!»
Но, сколь сильно ни кричали,
Сундучка всё не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.
Вотъ десятокъ приплываетъ
И безъ крика поднимаетъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучёкъ.
«Ну, ребятушки, смотрите:
Вы къ царю теперь плывите!
Я жь пойду теперь ко дну,
Да немножко отдохну:
Что-то сонъ одолѣваетъ,

Такъ глаза вотъ и смыкаетъ.»
Осетры къ царю плывутъ;
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ,
Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины:
Чай, додраться съ карасёмъ —
Я не вѣдаю о томъ.

—

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ, извѣстный русскій поэтъ и переводчикъ, родился 5-го ноября 1807 года въ С.-Петербургѣ, откуда вскорѣ переѣхалъ, вмѣстѣ съ родителями, въ Петрозаводскъ, куда отецъ его былъ переведёнъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ 1817 году, когда будущему поэту ещё не исполнилось десяти лѣтъ, онъ былъ отданъ въ Олонецкую губернскую гимназію и, пробывъ въ ней четыре года, окончилъ полный курсъ, такъ-какъ въ гимназіяхъ того времени было всего четыре класса. Изъ предметовъ гимназическаго образованія молодому Бенедиктову всего болѣе пришлись пó сердцу уроки учителя словесности, Якововскаго, который, независимо отъ дара излагать тонкости русской грамматики, обладалъ ещё болѣе высокимъ даромъ — даромъ пѣснопѣнія, то-есть пописывалъ стишки, которые заставлялъ юныхъ гимназистовъ произносить при разныхъ домашнихъ торжествахъ, бывавшихъ не рѣдко въ Олонецкой гимназіи. Молодому Бенедиктову, съ самаго ранняго возраста, способность писать стихи казалась крайне завидною, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и онъ, имѣя примѣръ въ учителѣ, взялся скоро за перо; но, къ сожалѣнію, не смотря на всё стараніе, изъ подъ пера его не выходило ничего такого, чѣмъ бы онъ могъ остаться сколько-нибудь доволенъ. Въ 1821 году Бенедиктовъ былъ отвезёнъ въ Петербургъ и отданъ въ бывшій 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ, по экзамену, принятъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ. По словамъ самого Бенедиктова, во время пребыванія своего въ корпусѣ, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими, упражнялся въ писаніи стиховъ на разные предметы и участвовалъ въ домашнихъ журналахъ и альманахахъ, издававшихся рукописными тетрадками и читавшихся только между воспитанниками. Преподаватели словесности въ корпусѣ были, въ то время, такъ плохи, что служили только предметомъ насмѣшекъ для учениковъ своихъ, изъ которыхъ наиболѣе способные и умѣвшіе написать что-нибудь, не хотѣли показывать дѣтскихъ своихъ произведеній наставникамъ, а только сообщали ихъ другъ другу и пользовались взаимными критическими замѣчаніями.

Окончивъ курсъ первымъ, Бенедиктовъ былъ выпущенъ, 25-го іюня 1827 года, лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ прапорщикомъ; затѣмъ, черезъ три года, произведёнъ въ подпоручики, а въ январѣ 1831 года выступилъ съ полкомъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ, причёмъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ Измайловскаго полка, за что́ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 4-й степени, съ надписью: «за храбрость». По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Бенедиктовъ оставилъ военную службу и опредѣлился въ канцелярію министра финансовъ, съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Бенедиктова, явившемся въ печати, былъ небольшой томъ его «Стихотвореній», выпущенный авторомъ въ началѣ 1835 года въ Петербургѣ и встрѣченный довольно-единодушными похвалами критики и публики. Почти всѣ петербургскіе журналы отозвались о книгѣ съ большой похвалою, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, «Библіотека для Чтенія», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Сѣверная Пчела», даже съ восторгомъ. Одинъ только Бѣлинскій, въ прекрасной статьѣ своей, помѣщённой въ 27-й части московскаго журнала «Телескопъ» на 1835 годъ, отозвался не совсѣмъ благосклонно о талантѣ молодого поэта; но и тотъ нашолъ многія изъ его стихотвореній «милыми, какъ поэтическія игрушки», похвалилъ пьесу «Два видѣнія», а стихотвореніе «Къ полярной звѣздѣ» назвалъ «чудомъ по красотѣ стиховъ». И. И. Панаевъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Современникъ», 1861, № 1) говоритъ, что В. А. Жуковскій «до того былъ поражонъ и восхищёнъ книжкою Бенедиктова, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею и, гуляя по царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ бенедиктовскими звуками». Пушкинъ же, «на вопросы: какого онъ мнѣнія о поэтѣ? — отвѣчалъ, что у него есть превосходное сравненіе неба съ опрокинутою чашей». Что же касается публики, то восторгъ ея не зналъ предѣловъ: ослѣплённая блескомъ и гармоніей бенедиктовскаго стиха, она буквально утопала въ морѣ звуковъ и раскупала книжку на расхватъ, такъ-что въ самомъ непродолжительномъ времени понадобилось новое изданіе, которое и вышло въ началѣ слѣдующаго года. Съ этого времени стихотворенія Бенедиктова стали появляться всё

чаще и чаще на страницахъ «Библіотеки для Чтенія», «Современника» и «Сына Отечества». Въ концѣ 1838 года вышелъ въ свѣтъ второй томъ «Стихотвореній Владиміра Бенедиктова», встрѣченный новыми похвалами Сенковскаго («Библіотека для Чтенія», 1839, № 2) и раскупленный публикой такъ же быстро, какъ и первый, хотя былъ напечатанъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Начиная съ 1839 года, стихотворенія Бенедиктова стали появляться на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», перешедшихъ, въ началѣ того же года, отъ Свиньина къ г-ну Краевскому, что̀, впрочемъ, не помѣшало какъ «Библіотекѣ для Чтенія», такъ и «Сыну Отечества» продолжать печатать произведенія того же автора, не смотря на всю противоположность и даже враждебность ихъ направленія къ вновь возникавшему органу новыхъ взглядовъ на вещи. Впрочемъ, печатаніе стихотвореній Бенедиктова въ «Отечественныхъ Запискахъ» вскорѣ прекратилось, а въ концѣ 1842 года появилась въ нихъ статья Бѣлинскаго, написанная по поводу выхода въ свѣтъ второго изданія второй части «Стихотвореній В. Бенедиктова» — статья хотя и черезъ-чуръ строгая, но тѣмъ не менѣе прекрасная и во многомъ справедливая. Взглядъ Бѣлинскаго, перейдя въ публику, вскорѣ раздѣлилъ её на два враждебныхъ лагеря — упорныхъ хвалителей и такихъ же порицателей произведеній нашего поэта: мы не принадлежимъ ни къ тому, ни къ другому лагерю. Стихотворенія перваго періода поэтической дѣятельности Бенедиктова (1835 — 1845) дѣйствительно довольно слабы, вычурны и, по бо̀льшей части, лишены художественнаго значенія, за исключеніемъ семи: «Къ полярной звѣздѣ», «Озеро», «Два видѣнія», «Могила», «Развалины», «Цвѣтокъ» и «Горныя выси». За-то произведенія второго періода его литературной дѣятельности, начавшейся, послѣ десяти-лѣтняго молчанія, въ 1855 году, носятъ на себѣ совершенно другой характеръ, и отличаются отъ первыхъ опытовъ не только внутреннимъ содержаніемъ, но и самой формой. Второй періодъ дѣятельности Владиміра Григорьевича начался помѣщеніемъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1855 годъ пяти стихотвореній: «Звѣздочка», «Мелочи жизни», «Воспоминаніе о Крыловѣ», «Къ отечеству и врагамъ его» и «Малое слово о великомъ», изъ которыхъ послѣднее обратило на себя общее вниманіе. Затѣмъ, въ 1856 году онъ помѣстилъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Пантеонѣ» два прекрасныхъ стихотворенія: «Человѣкъ» и «Бахусъ», прочтённыя въ то время всѣми грамотными русскими людьми; а въ 1857 году, въ «Шиллерѣ въ переводахъ русскихъ поэтовъ» три превосходныхъ перевода изъ Шиллера: «Къ радости», «Лаурѣ» и «Боги Греціи», въ «Сынѣ Отечества» три то же очень хорошихъ оригинальныхъ пьесы: «На новый 1857 годъ», «Что шумишь» и «Онъ» (графъ Канкринъ), изъ которыхъ первая была тотчасъ перепечатана въ 16-мъ № «Москвитянина», а третья высоко цѣнится людьми, любящими поэзію. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Современникѣ», «Сынѣ Отечества», «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», «Вѣкѣ», «Подснѣжникѣ», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ нихъ можно указать на слѣдующія, вполнѣ художественныя произведенія: «Борьба», «И нынѣ», «Вѣрю», «Благовѣщеніе», «Я помню приволье широкихъ дубравъ», «Южная ночь» и «Къ моей музѣ».

«Бенедиктовъ», говоритъ Никитенко, «принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя, сознавъ въ себѣ разъ художественное призваніе, остаются ему вѣрными до конца. Это была натура, для которой поэзія была не занятіемъ, но жизнію ея сердца, и всё, что̀ есть прекраснаго и возвышеннаго въ поэзіи, втекало въ ея внуренній міръ и возвышало въ ней достоинство человѣка. Понятно при этомъ, что, посвящая литературѣ лучшія свои силы, Бенедиктовъ не соединялъ съ ней ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя нерѣдко писателей дѣлаютъ зависимыми отъ моды, или мнѣній какого-нибудь литературнаго кружка̀. Онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ борьбы партій, возбуждаемой на литературной аренѣ маленькими страстями и маленькими самолюбіями и, вообще, одобреніе бо̀льшей части своихъ собратій по литературѣ не считалъ настолько важнымъ и основательнымъ, чтобъ можно было желать его. И это вовсе не изъ гордости: кто зналъ лично Бенедиктова, тому извѣстно, что онъ былъ воплощённая скромность. Это было естественнымъ и простымъ плодомъ нѣкоторыхъ убѣжденій, выработанныхъ воззрѣніемъ на жизнь, на человѣка, на науку и искусство, болѣе широкимъ и просвѣщённымъ, чѣмъ взгляды, внушаемые обыдённымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ. То, что̀ у Бенедиктова въ его произведеніяхъ есть общаго со всѣми поэтическими натурами, преобладающаго субъективнаго настроенія, это способность постигать быстро, инстинктивно идеальную сторону вещей, соприкасаться, или, лучше сказать, сливаться съ ней въ непосредственномъ живомъ чувствѣ. Но

тò, что отличаетъ всякаго лирическаго поэта отъ другихъ ему подобныхъ, а слѣдовательно и Бенедиктова, это родъ предметовъ наиболѣе его одушевлявшихъ, а главное — способы воспріятія идей и ализаціи ихъ въ образахъ и языкѣ.»

Тѣмъ временемъ служба Владиміра Григорьевича шла своимъ чередомъ, сопровождаясь наградами и повышеніями, которыя слѣдовали постепенно въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1838 году онъ былъ произведёнъ въ надворные совѣтники, въ 1841 — въ коллежскіе, въ 1843 — въ статскіе и, наконецъ, въ 1850 — въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1847 и 1856 годахъ пожалованъ кавалеромъ орденовъ Св. Анны 2-й степени и Св. Владиміра 3-го класса. Начавъ свою службу исправленіемъ должности помощника столоначальника въ канцеляріи министра финансовъ, Бенедиктовъ былъ сдѣланъ, въ 1834 году, столоначальникомъ, въ 1837 — старшимъ секретарёмъ общей канцеляріи министра финансовъ, въ 1843 — директоромъ правленія экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, а въ 1856 — членомъ правленія Государственнаго Банка. Эту послѣднюю должность онъ исправлялъ до 31-го октября 1860 года, когда былъ уволенъ отъ службы, за штатомъ, съ мундиромъ и пенсіей.

Бенедиктовъ скончался 14-го апрѣля 1875 года въ Петербургѣ и похоронёнъ на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.

«Стихотворенія В. Бенедиктова» были изданы три раза: въ первый разъ — въ 1835 — 1838, въ двухъ томахъ, во второй — въ 1836 — 1842, въ двухъ же томахъ, и въ третій разъ — въ 1856 году, въ трёхъ томахъ. Къ послѣднему изданію, въ видѣ дополненія, была издана, въ 1857 году, небольшая книжка, подъ заглавіемъ: «Новыя стихотворенія В. Бенедиктова».

I.

И НЫНѢ.

Надъ нами тѣ жь, какъ древле, небеса
И также льютъ намъ благъ своихъ потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія;
Тамъ — зритъ слѣпецъ, тамъ — мёртвый возстаётъ,
Исайя живъ и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ верховной благодатью:
Онъ всё творитъ — и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаётъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зритъ нантье божества
И слышитъ всё, что́ говоритъ Егова.

И, разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнётъ онъ слово, какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ слово, какъ Іуда —

И брата онъ, какъ Каинъ, не сразитъ,
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смиреніемъ надменныхъ пристыдитъ,
И слабаго, и падшаго подыметъ.

Не унывай, о малодушный родъ!
Не падайте, о племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія.

II.

ВѢРЮ.

Вѣрю я и вѣрить буду,
Что отъ сихъ до оныхъ мѣстъ
Божество разлито всюду —
Отъ былинки вплоть до звѣздъ.

Не оно ль горитъ звѣздами
И у солнца изъ очей
Съ неба падаетъ снопами
Ослѣпительныхъ лучей?

Въ безднѣ тихой, чорной ночи,
Въ безпредѣльной глубинѣ
Не оно ли передъ очи
Ставитъ прямо вѣчность мнѣ?

Не его ль необычайный
Духу, сердцу внятный зовъ
Обаятельною тайной
Вѣетъ въ сумракѣ лѣсовъ?

Не оно ль въ стихійномъ спорѣ
Блещетъ пламенемъ грозы,
Отражая ликъ свой въ морѣ
И въ жемчужинѣ слезы?

Сквозь міры, сквозь неба крышу
Углубляюсь въ естество,

И сдаётся — вижу, слышу,
Чую сердцемъ божество.

Не оно ль и въ мысли ясной,
И въ песчинкѣ, и въ цвѣтахъ,
И возлюбленно-прекрасной
Въ гармоническихъ чертахъ?

Посреди вселенной храма,
Мнится мнѣ, оно стоитъ,
И, порой, въ глаза мнѣ прямо
Изъ очей ся глядитъ.

III.

МОГИЛА.

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу —
Смотрите: я бросилъ ужь лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
На встрѣчу нечистому міру.

И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить
И въ битвѣ глубоко, глубоко
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока!

Не бойтесь, друзья: не падётъ вашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье!
Какъ левъ, я дерусь; какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье.

Могила за мною, какъ геній, стоитъ
И въ сердце вливаетъ отвагу;
Когда же боренье меня истомитъ —
Туда — и подъ холмикомъ лягу.

И пламенный духъ изъ темницы своей
Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползущихъ гостей
Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ міромъ не конченъ кровавый разсчётъ!
Нѣтъ — въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдётъ:
И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На стужу сердецъ я волканомъ дохну,
Кипящею лавой нахлыну;
Средь водной равнины волною плесну,
Злодѣя ладью опрокину.

Порою злымъ вихремъ прорвусь на просторъ
И вихрей-собратій накличу,
И прахомъ засыплю я хищника взоръ,
Коварно слѣдящій добычу.

Чрезъ горы преградъ путь свободный найду,
Сквозь камень стѣны безпредѣльной
Къ сатрапу въ чертоги заразой войду
И язвою лягу смертельной.

IV.

БОРЬБА.

Таковъ знать Богомъ всемогущимъ
Уставъ данъ міру съ давнихъ поръ:
Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжолый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный, старый хламъ
И свѣжей силы не пускало
Къ возобновительнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось
И пѣло пѣсню всё одну,
Что́ было лучше въ старину,
И съ этой пѣснью въ гробъ валилось.
И надъ могилами отцовъ,
Зарытыхъ бодрыми сынами,
Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бурными волнами.
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ всё, что ново,
Кому не въ радость, не въ привѣтъ
Живая мысль, живое слово:
Умри — въ комъ будущаго нѣтъ.

Порой средь общаго движенья
Всё смутно, сбивчиво, темно;
Но не отъ мутнаго ль броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Римъ?
Гдѣ прежде правилъ мёртвый идолъ,
Тамъ Богъ живой поставленъ имъ.

Тамъ рыцарь нёсъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ.
Мы тоже рыцари Христовы
И крестоносцы — да не тѣ:
Подъ средне-вѣковое иго
Уже не клонится никто,
И хоть предъ нами та же книга,
Но въ ней читаемъ мы не то́,
И новый образъ пониманья

Кладёмъ на старыя сказанья.
И нынѣ мы пошли бы въ бой —
Не ради гроба лишь святого,
Но съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить Христа живого!

V.

ГОРНЫЯ ВЫСИ.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь съ грустной цѣпи тяготѣнья
Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молній унеслась;
Рванулась выше — но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди.
И вотъ, на тучахъ отдыхая,
Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ:
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольній ринуться не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.
О, горы, первыя ступени
Къ широкой вольной сторонѣ,
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ!
Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ невольной робостью — а тамъ,
Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ.

VI.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

Лёгкій сумракъ, сѣнь акацій,
Берегъ моря, плескъ волны
И съ лазурной вышины
Свѣтъ лампады музъ и грацій
Упоительной луны.

Тамъ, чернѣя надъ заливомъ,
Мачтъ подъемлются лѣса;
На землѣ жь — земли краса —
Тополь ростомъ горделивымъ
Измѣряетъ небеса.

Горячѣй дыханья дѣвы;
Межь землёй и небомъ сжатъ
Сладкій воздухъ: въ нёмъ дрожатъ
Итальянскіе напѣвы,
Въ нёмъ развѣянъ ароматъ.

А луна? Луна здѣсь грѣетъ —
Хочетъ солнцемъ быть луна;
Соблазнительно-пышна,
Нѣжитъ грудь и чары дѣетъ
Блескомъ сладостнымъ она.

Злая ночь златого юга!
Блещешь лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга —
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнивъ сонъ завѣтный,
Жаждетъ вновь — кого-нибудь:
Тщетно! Нѐ о комъ вздохнуть —
И любовью безпредметной
Высоко мятётся грудь.

Прочь, томительная нѣга!
Тамъ — цѣлебный сѣверъ мой
Возвратитъ душѣ больной,
Въ лонѣ вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысли и покой.

VII.

Я помню приволье широкихъ дубравъ —
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ — синѣлась, шумѣла вода;
Далёко, далёко — не знаю куда —
Катились всё волны, да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Въ дали безконечной видвѣлись лѣса —
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали.

VIII.

КЪ МОЕЙ МУЗѢ.

Благодарю тебя; меня ты отрывала
Отъ пошлости земной и, отряхая прахъ,
Съ тобой моя душа всё въ мірѣ забывала
И сладко мучилась въ таинственныхъ трудахъ.
Сначала озарять пылъ юности кипучей
Влетала ты ко мнѣ въ златые дни забавъ,
Гремя литаврами и бубнами созвучій,
Покровы распахнувъ и дико разметавъ
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя такъ видѣли — и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой уборъ
Былъ слишкомъ прихотливъ и оскорблялъ ихъ взоръ.
Сказали: онъ блестящъ не въ мѣру, онъ изысканъ
И амброй черезчуръ и мускусомъ напрысканъ —
И ты казалась имъ кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.
Міръ строгъ: онъ осудилъ твою младую шалость,
Твой бѣшеный порывъ; твоихъ проступковъ малость
Онъ въ преступленіе тяжолое вмѣнилъ;
Ты скрылась отъ него — и онъ тебя забылъ.
Но въ тишинѣ, въ глуши меня ты не забыла
И въ зрѣломъ возрастѣ мой уголъ посѣтила:
Благодарю тебя! Уже не молода
Ты мнѣ являешься, не такъ какъ въ тѣ года —
Одѣта запросто, застёгнута подъ шею,
Безъ колецъ, безъ серёгъ; но съ прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной въ тиши —
И сладко видѣть мнѣ, что ты не безъ души,
Что міръ тебя считалъ прелестницей минутной
Несправедливо. Нѣтъ, въ разгульности безпутной
Не промотала ты святыхъ даровъ Творца;
Ты не румянила и въ юности лица,
Ты отъ природы такъ красна была — и цѣльный
Кудрявый локонъ твой былъ локонъ неподдѣльный
И не носила ты пришпиленной косы,
Скручоной на прокатъ и взятой на часы.
О, нѣтъ, ты не была кокеткою презрѣнной,
И, можетъ-быть, ко мнѣ въ пріязни неизмѣнной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мнѣ на гробъ послѣдніе цвѣты.

IX.

ОНЪ.

Я помню: былъ старикъ — высокій, худощавый;
Ликъ блѣдный; сводъ чела разумно-величавый,
Весь лысый; на вискахъ сѣдыхъ волосъ клочки;
Глаза подъ зонтикомъ и тёмныя очки.
Правительственный санъ! Огромныя заботы!
Согбенъ подъ колесомъ полезной всѣмъ работы,
Угодничества чуждъ, онъ былъ во весь свой вѣкъ
Совѣта мужъ вездѣ и всюду — человѣкъ;
Всегда доступенъ всѣмъ для нуждъ, и просьбъ, и жалобъ,
Выслушиваетъ всѣхъ, очки подниметъ на̀ лобъ —
И видится, какъ мысль бьётъ въ видѣ двухъ лучей
Изъ синихъ, на̀искось приподнятыхъ очей.
Иного ободритъ улыбкою привѣта,
Другому, ждущему на свой вопросъ отвѣта,
На иностранный ладъ слова произнося,
Спокойно говоритъ: «пѣтъ, патушка, нельзя!»
Народнымъ голосомъ и милостью престольной
Увѣнчанный старикъ, подъ шляпой треугольной,
Въ шинелѣ сѣренькой, надѣтой въ рукава,
Въ прогулкѣ утренней протащится сперва —
И возвращается въ свой кабинетъ рабочій,
Гдѣ трудъ его кипитъ съ утра до поздней ночи.
Угодно ль заглянуть вамъ въ этотъ кабинетъ?
Здѣсь нѣту роскоши, удобствъ излишнихъ нѣтъ;
Всё дышетъ простотой студентской кельи скромной:
Здѣсь къ спинкѣ креселъ самъ хозяинъ экономный,
Чтобъ слабыхъ глазъ его свѣтъ лишній не терзалъ,
Большой картонный листъ бичёвкой привязалъ;
Тутъ груды книгъ, бумагъ, а тутъ запасъ дешовыхъ
Неслиндовскихъ сигаръ и трубокъ тростниковыхъ,
Линейки, циркули; а дальше, на полу,
Различныхъ свёртковъ рядъ, уставленный въ углу:
Тамъ планы, чертежи, таблицы, счёты, смѣты;
Здѣсь — письменный приборъ. Вотъ всё почти предметы!
И посреди всего — онъ самъ, едва живой,
Онъ — пара тощихъ ногъ съ могучей головой!
Крестъ на̀-крестъ двѣ руки, двухъ мѣткихъ глазъ оглядка,
Да тонко-сжатыхъ губъ изогнутая складка —
Вотъ всё! Но онъ тутъ вождь; онъ тутъ душа всего,
А тамъ — орудія и армія его:
Вокругъ него кишатъ и движутся, какъ тѣни,
Директоры, главы различныхъ отдѣленій,
Вице-начальники, свѣтила разныхъ мѣстъ,
Навыйные кресты и сотни лентъ и звѣздъ.
Тѣ въ дѣлѣ ужь подъ нимъ, а тѣ на изготовкѣ;
Тѣ перьями скрипятъ и пишутъ по диктовкѣ;
А онъ, по комнатѣ печатая свой шагъ,
Проходитъ, не смотря на бренный складъ бумагъ,
Съ сигарою въ зубахъ, въ исканьи цѣлей важныхъ,
Думъ нечернильныхъ полнъ и мыслей не бумажныхъ.
Вдругъ — «болѣнъ» говорятъ: «подагрой пораженъ!»

И подчинённый міръ въ унынье погруженъ;
Собрались по-утру въ пріёмной: словно ропотъ
Смятённыхъ волнъ морскихъ — вопросы, говоръ,
шопотъ:
«Что? Какъ? Не лучше ли? Недоспанныхъ ночей
Послѣдствіе! Упрямъ: не слушаетъ врачей!
Онъ всѣмъ необходимъ: самъ царь его такъ цѣнитъ!
Чтó, если онъ... того... ну кто его замѣнитъ?»

—

А. В. ТИМОФѢЕВЪ.

Алексѣй Васильевичъ Тимофѣевъ родился 15-го марта 1812 года въ городѣ Курмышѣ, Симбирской губерніи. Воспитывался онъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста дома, послѣ чего поступилъ въ Казанскую гимназію, по окончаніи полнаго курса въ которой, вступилъ, на 16-мъ году, въ число студентовъ Казанскаго университета. Пробывъ въ университетѣ положенные въ то время три года, Тимофѣевъ былъ выпущенъ, въ 1830 году, кандитатомъ юридическихъ наукъ, съ правомъ на чинъ 10-го класса, не имѣя ещё и девятнадцати лѣтъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ поступилъ, въ концѣ слѣдующаго 1831 года, на службу въ департаментъ удѣловъ, прямо помощникомъ столоначальника. Затѣмъ, въ началѣ 1834 года Тимофѣевъ вышелъ въ отставку — и весной того же года выѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ ровно годъ, причёмъ объѣхалъ Германію, Италію, Швейцарію и Голландію. По возвращеніи въ Петербургъ въ началѣ 1835 года, онъ снова поступилъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ членъ редакціи журнала этого министерства. Въ 1843 году Тимофѣевъ перешолъ на службу въ Одессу, въ канцелярію тогдашняго ея генералъ-губернатора, графа М. С. Воронцова; но, пробывъ здѣсь всего два года, возвратился въ Петербургъ, гдѣ, въ началѣ 1846 года, получилъ мѣсто столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи, а три года спустя, именно въ концѣ 1849 года, былъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ городъ Уфу, куда и отправился немедленно. Прослуживъ здѣсь около четырёхъ лѣтъ, Тимофѣевъ снова вышелъ въ отставку и поселился недалёко отъ Уфы, въ имѣніи жены своей, Софьи Платоновны, урождённой Свищовой, гдѣ и прожилъ слишкомъ два года. Въ началѣ 1856 года, распростившись съ деревнею, онъ переѣхалъ на жительство въ Москву, купилъ тамъ домъ, и поселился въ нёмъ, а спустя полъ-года поступилъ снова на службу чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ, графѣ А. А. Закревскомъ. Эту послѣднюю должность Тимофѣевъ занималъ въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ, послѣдовательно при пяти генералъ-губернаторахъ (графѣ Строгоновѣ, П. А. Тучковѣ, М. А. Офросимовѣ и князѣ В. А. Долгорукомъ), и только въ октябрѣ 1870 года оставилъ её, выйдя въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ настоящее время А. В. Тимофѣевъ проживаетъ въ Петербургѣ.

Первыми произведеніями Тимофѣева, появившимися въ печати, были двѣ повѣсти: «Поэтъ» и «Художникъ», отпечатанныя особыми книжками въ 1833 году въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ 1833 и 1834 годахъ, въ «Сынѣ Отечества» Греча, былъ напечатанъ цѣлый рядъ его повѣстей и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ томъ же 1833 году, въ Петербургѣ же, вышелъ 1-й отдѣлъ перваго изданія его мелкихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «XII пѣсень, сочиненія Тимофѣева», а въ слѣдующемъ — два остальныхъ. Въ 1835 году эти стихотворенія вышли вторымъ изданіемъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Пѣсни, сочиненія Тимофѣева». Начиная съ 8-й книжки «Библіотеки для Чтенія» 1834 года, поэмы, повѣсти и мелкія стихотворенія Тимофѣева стали появляться на страницахъ этого журнала, и съ того времени по 1840 годъ рѣдкая книжка «Библіотеки» обходилась безъ какого-нибудь стихотворнаго или прозаическаго произведенія Тимофѣева. Первымъ напечатаннымъ здѣсь сочиненіемъ молодого поэта была — мистерія: «Жизнь и смерть», надѣлавшая много шуму въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ, раздѣливъ ихъ на двѣ партіи: отчаянныхъ хвалителей и таковыхъ же порицателей новаго произведенія, поразившаго многихъ грандіозностью своего замысла и крайней неудовлетворительностью изложенія и напыщенностью слога. Затѣтъ, въ 10-мъ томѣ того же журнала появилась новая его мистерія: «Послѣдній день», поколебавшая даже вѣру въ самихъ поклонникахъ перваго произведенія г. Тимофѣева, до такой степени оно было непохоже на всё, читанное ими до-сихъ-поръ, благодаря крайней своей титаничности. За этими двумя мистеріями послѣдовалъ цѣлый рядъ мелкихъ его стихотвореній, написанныхъ въ томъ же духѣ и находившихъ многочисленныхъ читателей въ обоихъ лагеряхъ, причёмъ талантливѣйшій изъ тогдашнихъ критиковъ, О. И. Сенковскій, принялъ открыто произведенія новаго поэта подъ своё покровительство, провозгласивъ его вторымъ Байрономъ. Продолжая

печататься почти исключительно въ «Библіотекѣ для Чтенія», г. Тимофѣевъ помѣстилъ въ XI и XII томахъ этого журнала статью: «Русскіе Художники въ Римѣ» и двѣ повѣсти: «Конрадъ фонъ-Тейфельсбергъ» и «Утрехтское происшествіе», и заключилъ своё сотрудничество въ нёмъ новой мистеріей: «Послѣднее разрушеніе міра» и стихотвореніемъ — «Мёртвый гость» (1838, № 6, и 1839, № 1), вполнѣ удовлетворившими всѣхъ искателей сильныхъ ощущеній. Между-тѣмъ произведенія г. Тимофѣева, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, были собраны имъ и изданы въ 1837 году въ Петербургѣ, въ трёхъ томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Опыты. Сочиненія Тимофѣева», куда вошло всё, написанное имъ до 1837 года, въ томъ числѣ и драматическая фантазія «Елизавета Кульманъ», напечатанная отдѣльной книжкой въ 1835 году въ Петербургѣ. Это послѣднее произведеніе г. Тимофѣева имѣло успѣхъ, благодаря личности героини драмы, русской писательницы Кульманъ, извѣстной всему Петербургу и умершей въ 1825 году. Свою литературную дѣятельность г. Тимофѣевъ заключилъ рядомъ мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Маякѣ» на 1843 годъ, послѣ чего имя его исчезло на всегда со страницъ журналовъ: г. Тимофѣевъ замолчалъ — и молчаніе это длилось ровно тридцать-три года, то-есть до появленія въ свѣтъ, въ 1876 года, его новой огромной поэмы, подъ названіемъ «Микула Селяниновичъ, представитель земли», прошедшей совершенно не замѣченною, несмотря на свои два огромные тома въ 780 страницъ убористой печати. Въ настоящее время произведенія г. Тимофѣева, когда-то имѣвшія своихъ поклонниковъ, всѣми давно позабыты и самое имя его знакомо только однимъ записнымъ библіографамъ. Одни только пѣсни его, дѣйствительно дышащія чѣмъ-то русскимъ и носящія на себѣ печать несомнѣннаго таланта, сохранились въ памяти знатоковъ дѣла, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ: «Осѣдлаю коня», «Борода ль моя, бородушка» и «Не женись на чужой женѣ», вошли въ народъ и сдѣлались общимъ достояніемъ, положенныя на музыку извѣстными композиторами.

I.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Не женись на умницѣ,
На лихой бѣдѣ!
Не женись на вдовушкѣ
На чужой женѣ!

Женишься на вдовушкѣ —
Старый мужъ придётъ;
Женишься на умницѣ —
Голову свернётъ.

Не женись на золотѣ,
Тестевомъ добрѣ!
Не женись на почестяхъ,
Жениной роднѣ!

Женишься на золотѣ —
Самъ продашь себя;
Женишься на почестяхъ —
Пропадай жена!

Много пѣвчихъ пташечекъ
Въ божіихъ лѣсахъ:
Много красныхъ дѣвушекъ
Въ царскихъ городахъ.

Загоняй соловушку
Въ клѣточку твою:
Выбирай изъ дѣвушекъ
Пташечку-жену.

II.

ТОСКА.

— «Осѣдлаю коня, коня быстраго;
Полечу, понесусь лёгкимъ соколомъ
Отъ тоски, отъ змѣи, въ поле чистое;
Размечу по плечамъ кудри чорныя,
Разожгу, распалю очи ясныя —
Ворочусь, принесусь вихремъ, вьюгою:
Не узнаетъ меня баба старая!

«Заломлю на бекрень шапку бархатну;
Загужу, забрянчу въ гусли звонкія;
Побѣгу, полечу къ краснымъ дѣвушкамъ —
Прогуляю съ утра до ночной звѣзды,
Пропирую съ зари до полуночи,
Прибѣгу, прилечу съ пѣсней, съ посвистомъ:
Не узнаетъ меня баба старая!»

— «Полно, полно тебѣ похваляться, князь!
Мудрена я, тоска: не схоронишься!
Въ тёмный лѣсъ оберну красныхъ дѣвушекъ,
Въ гробовую доску — гусли звонкія,
Изорву, изсушу сердце буйное,
Прежде смерти, сгоню съ свѣта божьяго:
Изведу я тебя, баба старая!»

Не постель постлана въ свѣтломъ теремѣ:
Чорный гробъ тамъ стоитъ съ добрымъ молодцемъ;

Въ изголовьи сидитъ красна-дѣвица:
Горько плачетъ она, что ручей шумитъ,
Горько плачетъ она, приговариваетъ:
«Погубила, тоска, друга милова!
Извела ты его, баба старая!»

III.

БОРОДА.

Борода-ль моя, бородушка!
Борода-ль моя, бобровая!
Посѣдѣла ты, бородушка,
До поры своей, до времени!
Поведёшь, бывало, гаркнувши,
Усомъ чорнымъ, молодецкимъ:
Красна-дѣвица огнёмъ горитъ,
Дочь боярска таетъ въ полыми;
Прикушу тебя, косматую:
Басурманинъ злой съ коня летитъ,
Дряблый нѣмецъ въ нôру прячется.
Занесло тебя, родимую,
Да не снѣгомъ, да не инеемъ —
Сѣдиной лихой, кручиною;
Растрепалъ тебя, кудрявую,
Да не вѣтеръ, да не лютый врагъ —
Растрепалъ тебя нежданный гость,
Что нежданный гость — змѣя-тоска.
Борода-ль моя, бородушка!
Борода ль моя, бобровая!

—

В. И. СОКОЛОВСКІЙ.

Владимiръ Игнатьевичъ Соколовскій, авторъ поэмы «Мiрозданье», родился въ 1813 году. Гдѣ воспитывался онъ до поступленія въ Московскій университетъ — не извѣстно. Въ университетъ же поступилъ онъ въ 1830 году и, пробывъ въ нёмъ три года, окончилъ курсъ въ 1833 году, послѣ чего уѣхалъ въ Петербургъ для опредѣленія на службу. Здѣсь, въ началѣ іюля 1834 года, онъ былъ арестованъ, привезёнъ въ Москву и преданъ суду за написанную имъ, ещё во время студенчества, пѣсню, которая, не задолго предъ тѣмъ, была пропѣта подгулявшими московскими студентами на праздникѣ, данномъ однимъ изъ ихъ товарищей, только что окончившимъ курсъ и уѣзжавшимъ на родину. Присуждённый къ тюремному заключенію, Соколовскій былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ которой пробылъ около году. Выпущенный оттуда, онъ прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, а осенью 1837 года переѣхалъ на жительство въ Вологду. По свидѣтельству одного изъ его университетскихъ товарищей, Соколовскій былъ въ то время далеко не такимъ, какимъ его знали потомъ въ Петербургѣ и Вологдѣ; въ нёмъ ясно обнаруживался «поэтическій талантъ, хотя не довольно дико-самобытный, чтобъ обойтись безъ развитія, и не довольно образованный, чтобъ развиться. Милый гуляка, поэтъ въ жизни, онъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Онъ былъ очень забавенъ, любезенъ, весёлый товарищъ въ весёлыя минуты, bon vivant, любившій покутить, какъ мы всѣ — можетъ-быть немного болѣе.» Таковъ былъ! Соколовскій по выходѣ изъ университета! Но не такимъ оставилъ онъ Петербургъ и, потомъ, Вологду

Соколовскій началъ писать очень рано и, будучи студентомъ 1-го курса, уже печаталъ свои стихотворенія въ «Галатеѣ» Раича, гдѣ, между-прочимъ, въ 17-й книжкѣ на 1830 годъ, было напечатано его стихотвореніе «Прощаніе», которое можно считать первымъ печатнымъ произведеніемъ Соколовскаго. Лучшая изъ его поэмъ «Мiрозданіе», была тоже написана и напечатана въ первый разъ во время его студенчества, то-есть въ 1832 году. По переѣздѣ своёмъ въ Петербургъ, въ 1836 году, Соколовскій сталъ помѣщать свои стихотворенія и отрывки изъ поэмъ въ тамошнихъ журналахъ. Такъ, напримѣръ, онъ помѣстилъ, въ 1837 году, въ 5-мъ и 6-мъ томахъ «Современника»: стихотвореніе «Вопросы и отвѣты» и «Три явленія изъ 4-й части драматической поэмы «Альма»; въ 21-мъ томѣ «Библіотеки для Чтенія»: стихотвореніе «Зазывъ молодому поэту» и въ 21, 26, 33, 36, 43 и 46 нумерахъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» — «Молодица», «Двѣ свадебныя пѣсни изъ большой романической поэмы «Іоаннъ IV», «А. Н. Кривицыну», «Отрывокъ изъ поэмы «Хеверь» и «Отвѣтъ В. А. М—вой». Здѣсь же, въ Петербургѣ, Соколовскій окончилъ и напечаталъ свою вторую драматическую поэму «Хеверь», мнѣнія о которой и въ то время были крайне различны, какъ это видно изъ «Литературныхъ Воспоминаній» покойнаго И. И. Панаева. Одни находили её чудомъ совершенства и каждый стихъ ея пропитаннымъ библейскимъ духомъ, тогда-какъ другіе, напротивъ, принимали её за бредъ больного и — только. Авторъ «Воспоминаній», бывшій въ то время очень молодымъ человѣкомъ, имѣлъ случай прослушать отрывокъ изъ «Хевери» ещё до выхода ея въ свѣтъ, и,

подобно многимъ, будучи отъ нея въ восторгѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія поэмы въ печати, предрекая ей огромный успѣхъ. «Хеверь», однако, говоритъ Панаевъ, «къ удивленію нашему, произвела на всѣхъ тяжолое и непріятное впечатлѣніе, не смотря на то̀, что многіе заранѣе прокричали о ней, какъ о чудѣ. Едва ли этой «Хевери» разошлось до десяти экземпляровъ. Одинъ мой знакомый, которому я наговорилъ Богъ знаетъ что о талантѣ Соколовскаго, взялъ у меня его поэму, пробѣжалъ её и, возвращая мнѣ, сказалъ: «Знаете, теперь ужь никто не будетъ говорить: какую ты порешь дичь или галиматью, а какую *хеверь* ты порешь.» Соколовскій вдругъ упалъ съ пьедестала, на который неосторожно вознесли его. Неуспѣхъ его «Хевери» совершенно убилъ его духъ; онъ совсѣмъ опустился и всё чаще и чаще началъ появляться въ нетрезвомъ видѣ. Соколовскій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ тёмными, коротко подстриженными, волосами; въ его лицѣ выражалось что-то болѣзненное и страдальческое! На нёмъ былъ истёртый сюртукъ, застёгнутый на всѣ пуговицы. Соколовскій не имѣлъ истиннаго поэтическаго признанія; къ тому же обстоятельства разрушили не только его тѣло, но убили и духъ. Онъ впалъ въ мистицизмъ и запилъ съ горя.» («Современникъ», 1861, № 1.)

Осенью 1837 года Соколовскій простился навсегда съ Петербургомъ и отправился въ Вологду. Здѣсь, въ теченіе всего слѣдующаго 1838 года, онъ завѣдывалъ редакціей «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Сначала дѣло шло довольно успѣшно; но къ концу года всевозможныя излишества и, особенно, пагубная наклонность къ вину окончательно овладѣли несчастнымъ поэтомъ. Всё это, взятое вмѣстѣ, вскорѣ совершенно разстроило его и безъ того слабое здоровье и преждевременно свело его въ могилу. Въ Вологдѣ первое время онъ жилъ одинъ, и у него бывали собранія по субботамъ, на которыхъ гости весьма часто заставали его пьянымъ. Потомъ онъ поселился вмѣстѣ съ молодымъ почитателемъ своего поэтическаго таланта, Навашинымъ, также занимавшимся литературою, причёмъ сблизился съ нѣкоторыми молодыми людьми, страдавшими тѣмъ же недугомъ — и запилъ ещё сильнѣе, вслѣдствіе чего посѣщеніе его субботнихъ собраній сдѣлалось невозможнымъ, такъ-какъ они скоро превратились въ оргіи. Напрасно одинъ вологодскій помѣщикъ, движимый чувствомъ христіанскаго соболѣзнованія, увозилъ злополучнаго поэта нѣсколько разъ къ себѣ въ деревню, въ надеждѣ прервать его связи съ кутящей компаніей и тѣмъ спасти несчастнаго отъ неизбѣжной смерти: всё было напрасно! Наконецъ самъ Навашинъ, въ котораго Соколовскій перелилъ весь свой мистицизмъ и всю свою мизантропію, покинулъ свою собственную квартиру, въ которой жилъ съ Соколовскимъ, и окончилъ дни свои въ сумасшедшемъ домѣ. Въ Вологдѣ Соколовскій окончилъ послѣднюю изъ трёхъ поэмъ своихъ — «Альму», которая осталась ненапечатанной. Кромѣ того, во время его пребыванія въ этомъ городѣ, было напечатано имъ въ «Утренней Зарѣ» Владиславлева на 1838 и 1839 годы пять его стихотвореній, въ томъ числѣ «Разрушеніе Вавилона», обратившее на себя вниманіе критики и публики. Въ началѣ 1839 года, Соколовскій, чувствуя приближеніе смерти, предпринялъ путешествіе къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, въ надеждѣ поддержать хотя на время свои угасавшія силы; но дни его уже были сочтены: прибывъ въ Пятигорскъ и пролечившись въ нёмъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ угасъ, какъ свѣча, свѣдаемый злою чахоткой. Тѣло его погребено на пятигорскомъ кладбищѣ, давшемъ послѣдній пріютъ злополучному поэту, бывшему всю жизнь игралищемъ пылкихъ страстей, сведшихъ его въ преждевременную могилу.

Изъ произведеній Соколовскаго, оставшихся послѣ его смерти, было, впослѣдствіи, напечатано всего четыре — и при томъ весьма слабыхъ — стихотворенія, въ 13-й и 17-й книжкахъ «Маяка» на 1844 годъ. Всё же остальное, въ томъ числѣ и поэма «Альма», остались не напечатанными. Разсказываютъ, что будто бы В. А. Жуковскій, прочитавъ эту послѣднюю поэму, сказалъ: «вотъ поэтъ, который убьётъ всѣ наши дарованія!» Свидѣтельство это крайне сомнительно. Привожу его, какъ доказательство того, какъ высоко ставили нѣкоторые произведенія Соколовскаго, не смотря на крайнюю ихъ туманность и даже нѣкоторую неудобопонятность. Дѣйствительно, Соколовскій, во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, работалъ очень много, и отъ его таланта ожидали многаго, не только публика, но и критика; но, увы, эти надежды, какъ и многія другія, не осуществились. Единственнымъ талантливымъ исключеніемъ изъ всего, написаннаго Соколовскимъ, есть поэма «Міозданье,» написанная въ ранней молодости и отличающаяся, мѣстами, вполнѣ поэтическими описаніями и картинами, достойными кисти художника. Доказательствомъ того, что современники видѣли въ Соколовскомъ если не великаго, то, по

всякомъ случаѣ, весьма замѣчательнаго поэта, могутъ служить, напримѣръ, слѣдующія слова рецензента «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду», одного изъ лучшихъ журналовъ того времени, сказанныя имъ по поводу выхода въ свѣтъ названной выше поэмы его «Міозданье»: «Какъ лирическій поэтъ, Соколовскій не много имѣетъ соперниковъ въ нашей литературѣ».

Изъ сочиненій Соколовскаго изданы были отдѣльно: 1) Міозданіе. Опытъ духовнаго стихотворенія. В. Соколовскаго. М. 1832. Тоже. Изданіе второе. Спб. 1867. 2) Хеверь. Драматическая поэма Владиміра Соколовскаго. Спб. 1837.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МІРОЗДАНІЕ».

1.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

Прекрасный день опять одѣлъ
Лазурь небесъ своимъ сіяньемъ —
И вновь надъ пышнымъ міозданьемъ
Глаголъ державный загремѣлъ.
Вдругъ — непонятное явленье!
Казалось, будто надъ землёй
Стемнѣло на одно мгновенье —
И благотворный свѣтъ дневной
Куда-то нёсся въ отдаленье.

Уже ли, радость міра, ты
Покинешь землю сиротою
И въ лоно вѣчной красоты
Промчишься быстрою рѣкою
Сквозь голубыя высоты?

Безмолвно, къ непонятной цѣли,
Его блестящія струи,
По волѣ царственной, летѣли;
Но сиротою, въ забытьи,
Земли покинуть не хотѣли.
Онѣ надъ зеркаломъ морей
Слилися въ вѣчное свѣтило —
И вдругъ съ лазоревыхъ полей
Всю землю чудно оросило
Дождёмъ живительныхъ лучей.

Съ-тѣхъ-поръ, красуяся надъ нами,
О, царь свѣтилъ, сіяешь ты
Неистощимыми лучами
Величья, жизни, теплоты!

Промчались дни, исчезли годы,
Прошли согбенные вѣка
И разрушенія рука
Не разъ касалася природы;
Но ты, въ могучей красотѣ,
Блестишь въ эѳирной высотѣ!

Летятъ игривыя мгновенья —
И солнце, оставляя сводъ,
Впервые въ лонѣ свѣтлыхъ водъ
Идётъ вкусить успокоенье.
И вдругъ, для радости очей,
Изъ свѣтлыхъ солнечныхъ лучей
И изъ земной душистой дани,
Одѣвшись въ розовыя ткани,
Явилась на̀ небѣ заря —
И, какъ невѣста молодая,
Лицо румянцемъ оттѣняя,
Встрѣчала юнаго царя.
Тогда впервые, для привѣта,
Сквозь волны радостныя свѣта,
Съ его пылающихъ очей
Упали на стекло морей
Неосязаемыя розы —
И въ первый разъ тогда съ небесъ
На шолкъ полей, на пышный лѣсъ
Роса скатилась, будто слёзы.
Туманъ волнистой пеленой
Завѣсилъ западъ молчаливый.
Всё было тихо надъ землёй,
И только вѣтеръ шаловливый
То по кристаламъ волнъ скользилъ,
То шелестилъ въ лѣсу листами,
То, лобызаяся съ цвѣтами,
Ихъ ароматы разносилъ.

2.

ПЕЩЕРА ВЪ ЭДЕМЪ.

Подъ благодатнымъ небомъ тѣмъ,
Откуда солнце, жизнью вѣя,
Восходитъ, радостно свѣтлѣя,
Цвѣтётъ плѣнительный Эдемъ.
Тамъ есть гора; ея граниты
Роскошной зеленью увиты,
Иль, по мѣстамъ обнажены,
Стоятъ какъ тѣни-исполины,
Или грядою отъ вершины
Идутъ обломками стѣны.
Какъ любитъ солнце тѣ громады!
Едва блестящей полосой,

Въ минуты утренней прохлады,
Лазурь затеплится зарёй —
И вотъ на высоту твердыни,
Черезъ воздушныя пустыни,
Какой-то нѣгою горя,
Какъ жаркій поцалуй привѣта,
Летятъ струи дневного свѣта
Прозрачной глыбой янтаря.
Ни дымка лёгкаго тумана,
Ни тѣни сумрачная мгла
Не прикасаются чела
Сего земного великана:
Оно блеститъ въ огнѣ лучей —
И солнце, отъ утра до ночи,
Въ него съ лазоревыхъ полей
Вперяетъ пламенныя очи.
Есть въ той горѣ уступъ крутой;
Онъ опушонъ душистымъ лѣсомъ,
И въ нёмъ, какъ-будто подъ навѣсомъ,
Видна пещера подъ скалой.
Не озаряемый лучами,
Пещеры той печаленъ сводъ,
И только въ ней между камня́ми
Однообразный гулъ идётъ.
Но въ тѣ прекрасныя мгновенья,
Какъ солнце вдаль съ небесъ скользитъ
И дивно западъ золотитъ
Красой и блескомъ приближенья;
Когда потомъ изъ лона водъ
Оно лучами вверхъ блеснётъ —
Тогда, при заревѣ заката,
На свѣтломъ рубежѣ земли
Въ пещерѣ вспыхнутъ хрустали —
И вся она огнёмъ объята.
И въ ту минуту видно въ ней,
Какъ, раздѣлясь въ лучи цвѣтные,
Съ тѣхъ драгоцѣнныхъ хрусталей
Струятся нити водяныя
И чудно, на топазномъ днѣ,
Въ алмазъ сливаются онѣ.

—

Н. В. КУКОЛЬНИКЪ.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, сынъ перваго директора гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (нынѣ филологическій институтъ) Василія Григорьевича Кукольника, родился 8-го сентября 1809 года въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его занималъ тогда профессорскую каѳедру въ Педагогическомъ институтѣ. По смерти отца, мать Нестора Васильевича выѣхала изъ Нѣжина и поселилась въ пожалованномъ ея покойному мужу небольшомъ имѣніи въ Виленской губерніи, въ которомъ и прожила до 1820 года, когда директоромъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко былъ назначенъ И. С. Орлай, другъ покойнаго Кукольника. Это послѣднее обстоятельство побудило её немедленно переселиться въ Нѣжинъ и опредѣлить сына въ заведеніе, находившееся подъ управленіемъ этого знаменитаго педагога. Одарённый отъ природы хорошими способностями и любознательностью, молодой Кукольникъ вскорѣ очутился во главѣ своихъ классныхъ товарищей и сталъ принимать самое дѣятельное участіе во всѣхъ литературныхъ и учоныхъ предпріятіяхъ заведенія. Такъ, напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей на литературныхъ собраніяхъ, сходившихся въ квартирѣ его товарища, П. Г. Рѣдкина, бывшаго впослѣдствіи ректоромъ С.-Петербургскаго университета, на которыхъ трудился вмѣстѣ съ нимъ надъ переводомъ большого историческаго сочиненія, редактировалъ одинъ изъ гимназическихъ журналовъ, подъ названіемъ «Звѣзда», и даже отличался на драматическомъ поприщѣ, разыгрывая, вмѣстѣ съ Гоголемъ и другими, комедію Фонвизина «Недоросль», въ которой съ успѣхомъ исполнялъ роль Митрофана, раздѣляя славу рукоплесканій съ Гоголемъ, превосходно воспроизводившимъ типическую личность г-жи Простаковой. Начиная съ низшихъ классовъ и кончая выпускнымъ, Кукольникъ постоянно шолъ первымъ, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему заниматься весьма усердно литературой и музыкой. Любимымъ мѣстомъ отдохновенія была для него гимназическая библіотека, обогатившая его умъ тѣми разнообразными свѣдѣніями, которыя такъ пригодились ему впослѣдствіи, при обработкѣ различныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ является то историкомъ, то педагогомъ, то критикомъ, то музыкантомъ, то художникомъ. Основательное изученіе исторіи, преимущественно отечественной, познакомило его со многими интересными фактами, которыми онъ весьма искусно воспользовался впослѣдствіи въ своихъ интересныхъ романахъ и цѣломъ рядѣ прекрасныхъ повѣстей изъ временъ Петра Великаго. Въ 1829 году Кукольникъ окончилъ курсъ *первымъ*, съ званіемъ кандидата, и, вслѣдъ затѣмъ, назначенъ учителемъ русскаго языка и русской словесности въ Виленскую гимназію. Здѣсь онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего былъ ко-

мандированъ въ Петербургъ, а 21-го августа 1832 года уволенъ, по прошенію, въ отставку, которою, впрочемъ, пользовался всего восемь мѣсяцевъ, такъ какъ 27-го апрѣля 1833 года онъ былъ снова принятъ на службу въ канцелярію министра финансовъ.

Изъ всего написаннаго Кукольникомъ во время своего пребыванія въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, только одна драматическая фантазія въ стихахъ «Торквато Тассо» уцѣлѣла въ портфелѣ поэта, по отъѣздѣ его изъ Нѣжина: всё остальное было или затеряно, или уничтожено имъ самимъ, или зачитано его товарищами, благодаря небрежности и невниманію къ своимъ произведеніямъ самого автора, не придававшаго имъ большой важности. Поселившись въ Петербургѣ, Кукольникъ вспомнилъ про своего стараго друга «Торквато Тассо», добылъ рукопись изъ портфеля и принялся снова за ея исправленіе, которому она подвергалась уже не разъ и въ Нѣжинѣ, и въ Вильно. Проработавъ цѣлые три мѣсяца надъ исправленіемъ своей драматической фантазіи — своего перваго, лучшаго и, конечно, самаго задушевнаго произведенія, Несторъ Васильевичъ рѣшился, наконецъ, представить своего «Тасса» на судъ публики и критики. «Торквато Тассо» явился въ 1833 году отдѣльною книжкою — и былъ встрѣченъ восторженными похвалами публики и критики. Этотъ неожиданный успѣхъ ободрилъ молодого поэта, только-что вступившаго въ двадцать третій годъ своей жизни, и поощрилъ его къ дальнѣйшимъ трудамъ по части драматургіи, не смотря на увеличеніе служебныхъ занятій по канцеляріи министра финансовъ, въ которой Несторъ Васильевичъ занималъ уже мѣсто столоначальника. Въ слѣдующемъ 1834 году онъ напечаталъ отдѣльной книжкой свою новую драматическую фантазію въ четырёхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: «Джакобо Саназаръ» и поставилъ на сцену Александринскаго театра всѣмъ извѣстную драму — «Рука Всевышняго отечество спасла», которая выдержала цѣлый рядъ представленій на театрахъ обѣихъ столицъ и многихъ провинціальныхъ, была издана два раза въ теченіи одного года и сдѣлала имя Кукольника извѣстнымъ всей Россіи. Что же касается критики, то и она отозвалась о драмѣ весьма благосклонно, за исключеніемъ «Московскаго Телеграфа», отнёсшагося къ пьесѣ весьма враждебно, слѣдствіемъ чего было запрещеніе журнала, которое, въ свою очередь, вызвало слѣдующую, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанную, эпиграмму, долго ходившую по городу:

Рука Всевышняго три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого утопила.

Общее сочувствіе публики къ молодому поэту, горячія похвалы и радушный привѣтъ, встрѣченные имъ въ средѣ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, дали Кукольнику новыя силы на новые труды — и черезъ годъ новая его историческая драма въ стихахъ «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій» явилась на петербургской сценѣ. Петербургская публика встрѣтила новое произведеніе съ прежней благосклонностью, благодаря которой дирекція театровъ стала давать её весьма часто, что повторялось въ теченіи цѣлыхъ 20 лѣтъ. За «Скопинымъ» послѣдовали: «Роксолана», драма въ пяти дѣйствіяхъ, и драматическая фантазія «Джуліо Мости»; но обѣ пьесы не были даны на сценѣ.

Въ 1836 году возвратился изъ Италіи въ Петербургъ нашъ знаменитый художникъ К. П. Брюловъ. Встрѣча съ Кукольникомъ и М. И. Глинкою, авторомъ «Жизни за Царя» и «Руслана», произвела на него сильное впечатлѣніе, вскорѣ превратившееся въ самую тѣсную дружбу, связавшую ихъ на всю жизнь. Сближеніе съ ними и ещё съ нѣкоторыми другими художниками и артистами, навело Кукольника на мысль объ изданіи художественнаго журнала, съ цѣлью ознакомленія русской публики съ произведеніями изящныхъ искусствъ и съ музыкой, которыя съ ранней юности были такъ близки сердцу молодого поэта. Заручившись сотрудничествомъ многихъ опытныхъ писателей по части художествъ, Несторъ Васильевичъ принялся за дѣло — и въ половинѣ августа 1836 года первый нумеръ «Художественной Газеты», почти исключительно наполненный трудами самого редактора, вышелъ въ Петербургѣ. Но, не смотря на возможную полноту и интересъ содержанія и многочисленныя художественныя приложенія, газета не возбудила сочувствія къ себѣ въ публикѣ и потому не могла удержаться, не окупая даже и половины расходовъ. Тѣмъ не менѣе, она просуществовала по 1842 годъ и доставила Кукольнику, 28-го апрѣля 1837 года, званіе почётнаго вольнаго общника Императорской Академіи Художествъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительнаго члена Общества Поощренія Художниковъ. Но усиленныя занятія по газетѣ не мѣшали ему заниматься въ то же время и сочиненіемъ своихъ драмъ.

Такъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1837 и 1838 года были напечатаны: «28-е января 1725 года», драматическая картина въ двухъ дѣйствіяхъ и драматическая фантазія въ двухъ частяхъ и десяти дѣйствіяхъ «Доменикино», а въ 1-мъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ» новая драматическая фантазія въ пяти актахъ «Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ». Лёгкость, съ которою писалъ Кукольникъ во всѣхъ родахъ — по истинѣ изумительна. Чтобъ показать это наглядно — вотъ перечень драмъ, романовъ и повѣстей, написанныхъ имъ съ 1840 по 1845 годъ, то-есть съ напечатанія «Лейзевица» и до выхода въ свѣтъ перваго нумера «Иллюстраціи». Въ эти пять лѣтъ Кукольникъ написалъ: пять романовъ, въ 17-ти томахъ: «Эвелина де-Вальероль», «Альфъ и Альдона», «Дурочка Луиза», «Историческая красавица» и «Два Ивана, два Степановича, два Костылькова»; пять драмъ: «Статуя Христофа въ Ригѣ», «Князь Холмскій», «Бояринъ Басенокъ», «Монументъ» и «Импровизаторъ»; 26 повѣстей и разсказовъ: «Антоніо», «Капустинъ», «Корделія», «Аврора Галигаи», «Надинька», «Преферансъ», «Квитъ», «Кликуша», «Три оперы», «Лихончиха», «Благодѣтельный Андроникъ», «Сержантъ Ивановъ», «Эдуардъ и Кунигунда», «Полковникъ Лесли», «Позументы», «Жанъ Бабтистъ Людо», «Каролина», «Монтеки и Капуллети или Чернышовскій миръ», «Прокуроръ», «Психея», «Часовой», «Джіорджіо Фенороли», «Князь Маргеръ Пилонскій», «Новый годъ», «Максимъ Ивановичъ Березовскій» и «Сказаніе о синемъ и зелёномъ суквѣ». И несмотря на всю громадность этихъ работъ, Кукольникъ находилъ время, въ эти же пять лѣтъ, быть и редакторомъ «Русскаго Вѣстника», въ теченіе всего 1841 года, и издавать сборники: «Новогодникъ» и «Сказка за Сказкой», и редактировать свой журналъ «Дагеротипъ», котораго вышло двѣнадцать нумеровъ, и участвовать въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», и наполнять почти всѣ современные альманахи своими стихотвореніями и статьями.

Кукольникъ принялся за изданіе «Иллюстраціи» съ такимъ же рвеніемъ, какъ, десять лѣтъ тому назадъ, принимался за изданіе «Художественной Газеты». Съ перваго же нумера, на страницахъ «Иллюстраціи» стали появляться русскіе рисунки, исполненные русскими художниками: русскія мѣстности, ознаменованныя подвигами русскихъ людей, портреты русскихъ дѣятелей, дорогихъ для всякаго русскаго. Изъ статей Кукольника, помѣщённыхъ въ «Иллюстраціи», можно указать на романъ: «Баронъ фанфаронъ и маркизъ петиметръ», а изъ неподписанныхъ — на «Еженедѣльникъ», помѣщавшійся въ каждомъ нумерѣ газеты. Но, не смотря на всю добросовѣстность и знаніе дѣла, какъ редактора, такъ и его сотрудниковъ, расходы по журналу плохо покрывались числомъ подписчиковъ. Это послѣднее обстоятельство побудило Кукольника, по истеченіи двухъ съ половиной лѣтъ, передать изданіе Башуцкому, который и довёлъ его до конца 1847 года. Издавая «Иллюстрацію», Кукольникъ продолжалъ работать и для другихъ журналовъ. Такъ, онъ помѣстилъ въ «Финскомъ Вѣстникѣ» повѣсть «Егоръ Ивановичъ Сильвановскій, или покореніе Финляндіи при Петрѣ Великомъ» и пяти-актную драму «Генералъ-поручикъ Паткуль»; въ «Библіотекѣ для Чтенія» — романъ «Три періода», а въ третьемъ томѣ «Новоселья» — повѣсть «Старый хламъ». Кромѣ того, онъ выпустилъ въ свѣтъ, въ 1846 году, роскошное изданіе, подъ названіемъ: «Картины Русской Живописи», гдѣ помѣстилъ свою статью «Русская живописная школа» и свой разсказъ «Староста Маланья».

Въ концѣ 1847 года служебныя занятія заставили Кукольника, на цѣлыя пять лѣтъ, распроститься съ литературой. Возвратившись изъ цѣлаго ряда командировокъ въ Бессарабію, Новороссійскій край, Землю Войска Донского и на Кавказъ, Кукольникъ издалъ полное собраніе своихъ сочиненій въ десяти томахъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, поставилъ на сцену пяти-актную драму «Деньщикъ», помѣщённую потомъ въ «Сынѣ Отечества». За «Деньщикомъ» послѣдовали новыя три драмы. «Ермилъ Ивановичъ Костровъ», «Маркитантка» и «Морской праздникъ въ Севастополѣ». Всѣ три пьесы были представлены на Александринскомъ театрѣ и имѣли значительный успѣхъ. Въ декабрѣ 1853 года Кукольникъ снова былъ командированъ въ Ростовъ и Воронежъ, для наблюденія за поставкою провіанта для магазиновъ черноморскаго и азовскаго прибрежья, гдѣ пробылъ до начала 1856 года. Труды и лишенія, вынесенные Кукольникомъ въ эту продолжительную поѣздку, были награждены чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, получённымъ имъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, 15-го апрѣля 1856 года. Отдохнувъ немного, Несторъ Васильевичъ увидѣлъ, что здоровье его, разстроенное безпрерывными переѣздами, въ продолженіе послѣднихъ девяти лѣтъ его службы, требуетъ радикальнаго леченія. Это обстоятельство побудило его взять отпускъ и уѣхать на воды въ Германію, а по возвращеніи въ Россію —

просить объ отставкѣ, съ цѣлью — поселиться гдѣ-нибудь на югѣ Россіи, и тамъ посвятить остатокъ дней своихъ наукамъ и литературѣ.

Несторъ Васильевичъ скончался въ Таганрогѣ 8-го декабря 1868 года. По словамъ таганрогскаго корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», отъ 9-го декабря 1868 года, Кукольникъ, въ день своей смерти, «не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака такого печальнаго исхода и, по заведённому порядку, послѣ обѣда, прошолся пѣшкомъ по Большой улицѣ; возвратясь домой, сдѣлалъ распоряженіе о поѣздкѣ, предстоявшей въ тотъ же вечеръ въ итальянскую оперу; затѣмъ, усѣвшись въ кресло, бесѣдовалъ съ докторомъ о сценическомъ искуствѣ и знаменитостяхъ его и — въ это время — сидя долго въ наклонённомъ положеніи на одинъ бокъ, хотѣлъ-было отодвинуться на другую сторону отъ доктора, но повалился на̀ полъ и тутъ же испустилъ послѣдній вздохъ.» Тѣло покойнаго погребено на его собственной дачѣ, Дубкахъ, возлѣ Таганрога.

Для заключенія, помѣщаемъ здѣсь тѣ нѣсколько тёплыхъ словъ о покойномъ поэтѣ, которыя были напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1868, № 277), тотчасъ по полученіи извѣстія о его кончинѣ, и принадлежащія Н. Ф. Павлову: «Имя Н. В. Кукольника близко знакомо тѣмъ, кто слѣдилъ за русской литературой сороковыхъ годовъ. Это было время самой горячей дѣятельности тогда ещё молодого литератора. Кто изъ людей той эпохи не помнитъ знаменитую въ то время драму «Рука Всевышняго отечество спасла»? кто не приходилъ въ восторгъ отъ его «Тасса», «Князя Холмскаго», «Джуліо Мости», «Роксоланы» и «Скопина-Шуйскаго»? Много воды утекло съ-тѣхъ-поръ; требованья изящнаго стали иныя; вкусъ русскаго общества измѣнился; измѣнился вмѣстѣ съ нимъ и характеръ произведеній нашей изящной словесности, а драмы Кукольника всё ещё живутъ въ памяти людей, когда-то видѣвшихъ ихъ сценическіе успѣхи. А «Эвелина де Вальероль»? а «Альфъ и Альдона»? романы когда-то читавшіеся на расхватъ, а теперь едва извѣстные немногимъ только по имени. Такъ минуетъ слава міра сего! Но, какъ бы то ни было, говоря о Кукольникѣ, нельзя не сказать, что онъ принадлежалъ къ числу весьма видныхъ писателей своего времени. Его драмы, стихотворенія, повѣсти и сказки печатались въ современныхъ журналахъ и издавались отдѣльно — и всегда находили многочисленныхъ читателей. Лучшія его произведенія — тѣ, сюжеты для которыхъ черпалъ онъ изъ жизни русскаго общества петровской эпохи.»

I.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗІИ «ТОРКВАТО ТАССО».

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ III.

Тассъ.

Настанетъ время — и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье перельются.
Въ Италіи моей уснётъ искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата
И перейдётъ на западъ и на сѣверъ.
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ,
Проснётся обо мнѣ воспоминанье.
Тотъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего, меня полюбитъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ неразлученъ.
Ещё дитя, въ училище, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнётъ мечтать и думать —
И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ.
Какъ біографъ холодный и пристрастный,
Онъ не пойдётъ изъ года въ годъ искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ, онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса
И выставитъ въ науку людямъ —
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ. Бо̀льшая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха:
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди!
Но, можетъ-быть — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся... Постойте! Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ!
О, сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ — и умныхъ, и искусстныхъ!
Италіи моей уже не видно;
Но мѣсто то̀, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ — могильный холмъ,
Но всё ещё великій и прекрасный.
Въ нёмъ есть врата — и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ,
И всякій разъ изъ чуднаго холма
Уноситъ кладъ какой-нибудь богатый.
Но снова всё туманится и тьмится —
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ!

Джуліо Мости.

Въ горячкѣ онъ? скажи мнѣ, Риги, правду.

Клавдій Риги.

Нѣтъ, Джуліо, смерть близится къ нему;
А я читалъ, что будто передъ смертью
Предвидятъ всё чувствительные люди.

Тассъ.

Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ тевтовъ
Поднялись два увѣнчанныхъ гиганта.
Одинъ меня узналъ и — сладкой лирой
Привѣтствуетъ. Благодарю, поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ.
Какъ пламенно свою мечту онъ любитъ!
И правъ поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота,
Безъ вымысловъ, наряда, украшеній,
И страненъ звукъ германскихъ вдохновеній.
Друзья мои, вотъ истинный поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ:
То пламенно раздастся, то замрётъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ его морозъ, свирѣпый хладъ,
А всё на нёмъ цвѣтётъ вѣнецъ лавровый.
Откуда онъ? Невѣдомый нарядъ:
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболиной.
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами.
Что жь онъ поётъ? Его языкъ мнѣ новъ!
Въ нёмъ громъ гремитъ въ словахъ далёко-гласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ.
Какъ тотъ языкъ великолѣпенъ, гордъ!
Какъ риѳмъ его лобзаніе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твёрдъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!

II.

ПРОЛОГЪ КЪ ТРАГЕДІИ «ПАТКУЛЬ».

Площадь между домикомъ Петра Великаго и Троицкою церковью на Петербургской сторонѣ. Голландскій купеческій корабль на якорѣ противъ самаго домика. По восхожденіи солнца, представляется картина первоначальныхъ работъ Петербурга. Противный берегъ покрытъ мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ; на отлогихъ берегахъ видны вòроты, копры, горбыли и другія строительныя орудія. Множество работниковъ занято копаньемъ каналовъ. Просѣки идутъ по разнымъ направленіямъ. Барки съ камнемъ, известью и кирпичёмъ покрываютъ Неву. На площади столбъ съ навѣсомъ, при нёмъ барабанъ. Работники проходятъ площадь въ разныхъ направленіяхъ. На берегу — лодочная верфь; возлѣ вѣстовая пушка и при ней три солдата: двое спятъ. У домика скамья: на ней сидитъ голландскій шкиперъ съ трубкой. Въ окнахъ свѣтъ: можно различить двѣ свѣчи и тѣнь человѣка, занятаго письмомъ или черченьемъ. Осень. Пять часовъ утра.

Савельичъ, *плотникъ.*

Вишь, нехристь: трубку куритъ у дворца!

Емельянъ, *каменьщикъ.*

Не первому потачка... Только насъ
Съ затылка гладятъ. Мачиха не мать!
И чортъ сюда пойдётъ на эту крѣпость!

Савельичъ *(дергая его за полу, тихо).*

Глупъ, Омольянъ: у самаго дворца
Горланить сталъ! Вѣдь Онъ сквозь стѣны слышитъ.

Емельянъ.

Не говори, Савельичъ! Ономнясь
Я подъ окномъ попробовалъ болтнуть
Горсть горькихъ словъ. Не слышитъ. Я опять —
Не слышитъ. Я три короба рѣчей —
Да ужь какихъ! — подъ самое окно
Спустилъ—не слышитъ: страхъ съ тѣхъ поръ пропалъ.
Болтай чтò хочешь — только не забудь
Оглядываться чаще.

Савельичъ.

Да, не ладно,
Когда подслушаетъ.

Емельянъ.

Да что не ладно?
Да, можетъ, Онъ мужичьему уму
Скорѣе чѣмъ боярскому повѣритъ.
Чтò, въ самомъ дѣлѣ, вздумалось Ему
Въ грязи, на сваяхъ городъ строить! Глянь:
Куда ни кинь — земля что на качеляхъ.
Вотъ-те Христосъ, боюсь не провалиться!
Ужь свая, кажется, куда длинна: какъ хватишь,
Какъ-будто въ сѣно входитъ. Въ жаркій день —
Чтò въ банѣ на полатяхъ; а въ холодный —
Чтò въ погребу. Ей-Богу!

Савельичъ.

Чтò, Омольянъ, къ намъ стужа и работа
Привыкли, что домашнія собаки —
И мы, безъ нихъ, соскучимъ. Мнѣ такъ жаль
Хозяйки, да дѣтей. До Ярославля
Не близко: не съ кѣмъ слово переслать.
Чай, съ голоду бѣдняги умираютъ.

Емельянъ.

А намъ-то лучше, что ли? Дюжій Карпычъ,
Что кирпичи обламывалъ рукой,

Безъ молотка, чтб три пудовика
Мизинцемъ подымалъ — пропалъ отъ стужи.
Работай днёмъ отъ пѣтуховъ до ночи,
А спать ложись на хворостъ. Дождь, да снѣгъ —
Промокнешь до костей, а не промокнешь —
Промёрзнешь: зубъ на зубъ не попадаетъ.
Въ три мѣсяца тулупъ сгноилъ, хоть брось!

САВЕЛЬИЧЪ.

Да у тебя добро ещё тулупъ;
А насъ съ села въ однихъ кафтанахъ взяли,
Пригнали подъ присмотромъ кавалерскимъ.

АНДРОСЪ

(подходя и внимательно глядя на голландскій корабль).

А штука знатная — большая лодка
Нѣмецкая! Смотри: домъ на водѣ.
И какъ не унесётъ его теченьемъ!
Какъ барыня легла на пуховикъ...
А погляди верёвокъ-то, верёвокъ!

ЕМЕЛЬЯНЪ.

На тò карабъ! Онъ ходитъ и по морю.

АНДРОСЪ.

Ой-ли! И ночью?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Да и ночью.

АНДРОСЪ.

Что ты?

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Да что за диво! Будто ты не слышалъ,
Что Государь ходилъ на лодкахъ въ море
И ночью взялъ два свейскихъ корабля
И нàбольшаго полонилъ.

АНДРОСЪ.

Эхъ, братъ!
То Государь! Онъ можетъ на телѣгѣ
По морю ѣздить. Мало ли чего!
Вонъ, нá сто вёрстъ кругомъ кремня не сыщешь,
А погляди — изъ камня домы строитъ:
На баркахъ камень привезли.

ЕМЕЛЬЯНЪ.

Напрасно:
Вода снесётъ. Тамъ дерево стояло;
На нёмъ, аршинъ повыше человѣка,
Была зарубка. Всё — была вода.

САВЕЛЬИЧЪ.

Была — теперь не будетъ: Государь
Не приказалъ. И дерево съ зарубкой
Срубилъ своей рукой. Воды не будетъ.

АНДРОСЪ.

И Ладогу посѣкъ песочной палкой:
Она, вишь, съ моря воду напросила.

СОЛДАТЪ *(просыпаясь у пушки).*

Чтб, капитанъ ещё не выходилъ?

ЧАСОВОЙ.

Указы пишетъ.

СОЛДАТЪ.

А его сподручникъ?

ЧАСОВОЙ.

Кто, Меньшиковъ? Э, Александръ Данилычъ
Въ часу четвёртомъ былъ на острову
И съ топоромъ за поясомъ.

СОЛДАТЪ.

Въ мундирѣ?

ЧАСОВОЙ.

Нѣтъ, пбпросту — по нашему, въ рубахѣ.

СОЛДАТЪ.

Ужь нечего сказать, на всё онъ мастеръ:
Корабль построить — строитъ; супостата
Побить — побьётъ; въ обманъ ввести — введётъ.
Самъ Капитанъ такъ не схитритъ.

ЧАСОВОЙ.

А въ дѣлѣ
Куда удалъ! Солдата распотѣшитъ;
Дворянъ — подгонитъ; нѣмцамъ нѣтъ обиды,
Да нѣтъ потачки. Нѣмецъ — не зѣвай!
Нашъ провинится — палки; нѣмецъ — вдвое.
Ухъ, Александръ Данилычъ — молодецъ!

Подъѣзжаетъ лодка съ СОЛДАТАМИ.

СОЛДАТЪ.

А вотъ и новобранцы изъ дворянъ.
Всё рожи постныя: не любятъ службы.

ЧАСОВОЙ.

Дай срокъ, привыкнутъ. Крутъ нашъ свѣтлый царь:
Чуть брови свёлъ — жди нà небѣ грозы.

ДВОРЯНЕ *въ разныхъ мѣстахъ причаливаютъ; нѣкоторые изъ нихъ въ полномъ военномъ костюмѣ.*

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Дрожь пронимаетъ...

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, Иванъ Андреичъ,
Тепла не жди въ шестомъ часу поутру
И осенью.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Зачѣмъ, Семёнъ Иванычъ,
Пожаловать изволилъ въ Питербурхъ?

СЕМЕНЪ ИВАНОВИЧЪ.

По шеѣ гонятъ — нèхотя поѣдешь
На службу царскую.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ

(тихо во все время разговора).

Какая служба!
Съ холопьями учиться артикулу,

Съ холопьями сырую кашу ѣсть!
Какъ птицу райскую, въ мундиръ одѣнутъ:
Знай, куцымъ хвостикомъ верти. Въ Москвѣ
Проходу нѣтъ отъ уличныхъ мальчишекъ.

Семенъ Ивановичъ.

Иванъ Андреичъ, чудно съ непривычки;
А, можетъ-быть, оно и хорошо.

Иванъ Андреевичъ.

Семёнъ Иванычъ, хорошо, да тѣсно,
И бороды немножко жаль.

Семенъ Ивановичъ.

Охъ, жаль!

Иванъ Андреевичъ.

А пуще что̀: хотѣлось бы жениться,
Да страшно. И жену подай на службу.
Изволь ходить съ женой — добро бы въ церковь,
Нѣтъ, въ гости! Покажи жену лицомъ,
Чтобъ зубоскалы любовались. То ли
Ещё! Никакъ до васъ, Семёнъ Иванычъ,
Не доходили слухи про собранья?

Семенъ Ивановичъ *(съ любопытствомъ)*.

Нѣтъ, ничего!

Иванъ Андреевичъ.

У самаго дворца
Стоятъ палаты въ два апартамента;
Надъ ними золотой пѣтухъ вертится,
А по краямъ чугунные шары.
Тамъ Меньшиковъ живётъ, сподручникъ царскій—
И каждый Божій праздникъ, воскресенье,
Изволь мундиръ напялить бусурманскій,
На голову — проклятый чорный блинъ
И въ сапоги спуститься, какъ въ колодцы:
Ступай на ассамблею.

Семенъ Ивановичъ.

Асамблею?
Иванъ Андреичъ, это что такое?

Иванъ Андреевичъ.

Грѣхъ говорить: содомъ, Семёнъ Иванычъ!
Табакъ курятъ!

Семенъ Ивановичъ.

Неужели?

Иванъ Андреевичъ.

Ей-Богу!
Кругомъ стѣны, что павы, на скамейкахъ
Сидятъ старухи; молодыя дѣвки
И молодыя жоны — посрединѣ
Съ чужими парнями, Семёнъ Иванычъ,
Ломаются подъ музыку. Мужчины
Изволятъ кланяться; тѣ — присѣдаютъ.

Семенъ Ивановичъ.

Какъ? женщины?

Иванъ Андреевичъ.

Что станешь дѣлать — служба!
Смотрѣлъ бы для потѣхи, да грѣшно.

Семенъ Ивановичъ.

Что-жь ты, Иванъ Андреичъ, въ это время?

Иванъ Андреевичъ.

Стою, зажмурясь, гдѣ-нибудь въ углу,
Творю молитвы.

Семенъ Ивановичъ *(крестясь)*.

Господи помилуй!

Илья Ильичъ *(подходя съ другими дворянами)*

О чёмъ, Иванъ Андреичъ?

Иванъ Андреевичъ.

Всё о службѣ,
Да объ мундирѣ земляку толкую.

Илья Ильичъ.

А я такъ всё разспрашивалъ попа:
Что̀ за земля такая Питербурхъ?
И попъ не знаетъ.

Иванъ Андреевичъ.

Старшій Синдеревнъ —
Пріображенскій — всѣ народы знаетъ,
И острова, и гдѣ рѣка какая...

Илья Ильичъ.

Игнашка?

Иванъ Андреевичъ.

Да, Игнатій Алексѣичъ —
Изъ грамотныхъ. Мы изъ одной деревни,
И въ недоросляхъ дружно жили съ нимъ.
Всё проглотилъ. Всегда въ приходской церкви
Апостола читалъ по воскресеньямъ.
И на дому — я видѣлъ — у него
Въ простѣнкѣ книга въ листъ большой висѣла:
Тамъ и Царьградъ, и разныя моря —
Песчаное и многія другія —
И ходы корабельные, и рѣки,
И гдѣ что̀ есть — написано. Онъ знаетъ!

Илья Ильичъ.

Игнатій Алексѣичъ! Синдеревнъ!
Поди сюда, пожалуста: скажи намъ,
Что за земля такая Питербурхъ?

Синдеревнъ *(съ важностью)*.

Нимецкая... За свейскимъ королёмъ...
У моря окіана; по Невѣ,
До рукава Балтицкаго...

Илья Ильичъ.

А дальше?

Синдеревнъ.

Тамъ — корабельный ходъ.

Илья Ильичъ.

И только?

Синдереинъ *(насмѣшливо).*
Только!
Земля, что блюдо, круглая. Кругомъ
Идутъ моря и острова...
Илья Ильичъ.
Какіе?
Синдереинъ.
Да разные. Поближе: Датскій островъ;
Изъ Нѣмцевъ. Вѣра свейская у нихъ;
Живутъ по деревнямъ и городамъ.
Тамъ — мелкіе, а тамъ Минорка-островъ:
На нёмъ живутъ философы. Подальше —
Всё страны бусурманскія; а тамъ
Морская Эфіопская пучина.
Земля, братъ, велика: вдругъ не раскажешь!
Илья Ильичъ.
Ты знаешь подноготную, Игнашка!
Вотъ нѣмцы, дѣтушки, у насъ
Поразвелись: скажи намъ, что̀ такое
Нимечина?
Синдереинъ *(подумавъ).*
Большое государство.
Въ нёмъ больше сорока языковъ разныхъ:
Вотъ гданскій, свейскій, шпанскій и малажскій,
И многіе, премногіе другіе.
Илья Ильичъ.
Мнѣ сказывалъ архангельскій купчина:
Есть аглецкой народъ.
Синдереинъ.
То бусурмане.
Илья Ильичъ.
Такъ и по книгамъ?
Синдереинъ.
И по книгамъ такъ.
И не народъ.
Илья Ильичъ.
А кто-жь они?
Синдереинъ.
Матросы.
Живутъ на корабляхъ, на океанѣ,
А пахотной земли за ними нѣтъ.
Илья Ильичъ.
Ну, а зимой?
Синдереинъ.
На Пёсьихъ островахъ,
Въ Архангельскѣ, въ пучинѣ Ефіопской:
Гдѣ зазимуютъ.
Илья Ильичъ.
Что̀ ты, Синдереинъ?
Купчина сказывалъ, что и у нихъ
Король есть.

Синдереинъ.
И король на корабляхъ.
Илья Ильичъ.
Ну, океанъ не озеро. Такъ какъ же
На корабляхъ ходить ты станешь ночью?
Синдереинъ.
Считаютъ звѣзды?
Илья Ильичъ.
Какъ считаютъ звѣзды?
А звѣзды, что̀ попадали?
Синдереинъ *(отворачиваясь и уходя).*
И тѣ
Кладутъ на счёты каждый годъ — и знаютъ,
Которыхъ нѣтъ, которыя остались.
На то̀ наука!
Илья Ильичъ *(задумываясь).*
Хитрая наука!
Сергѣй Сергѣевичъ.
Вотъ пономарь! И онъ же изъ дворянъ!
Учился! Очень нужно. Дворянинъ
Умёнъ родится...
Іонинъ.
Умираетъ глупъ.
Сергѣй Сергѣевичъ.
Да ты поповскій сынъ — такъ не мѣшайся!
Тебѣ и любо пыль глотать. Ты нищій;
Дворовъ имѣть не можешь; въ монастырь
Не хочется — такъ ты и радъ учиться.
Пожалуй, выйдешь въ знать за колдовство!
Ты за столомъ боярскимъ не сидѣлъ;
Вина и пива бархатнаго нѐ пилъ;
Травить медвѣдя челядью холопской
И съ соколомъ охотиться не смѣешь.
А у меня — четырнадцать дѣдо̀въ
Изъ коренныхъ дворянъ нижегородскихъ.
На службу — въ трёхъ повозкахъ выѣзжали;
Пятнадцать лошадей вели холопья.
Дѣдъ спать захочетъ — стой! На чистомъ полѣ
Шатёръ шелко̀вый, словно царскій теремъ,
Раскинется. Задумаетъ охоту —
Сокольничій въ обозѣ съ соколами,
Десятокъ дорогихъ собакъ заморскихъ...
И дворянинъ, да что̀ твои бояре!
Изъ Нижняго — на службу до Москвы,
Аль до Коломны — ѣхалъ ровно годъ.
Изъ всѣхъ дѣдо̀въ двѣнадцатый одинъ
Письменное учился разбирать,
Да и за-то Богъ наказалъ: ослѣпъ.
А мой отецъ, Якушка! Въ околоткѣ
Смышлённѣе не знали дворянина.
И грамотныхъ обманывалъ! Учись!

Добро-бъ ещё церковному учили;
Такъ нѣтъ — куда! Поволокутъ за море:
Нимецкой ереси учись, да пляскѣ
Діавольской. Неволятъ къ колдовству...

Илья Ильичъ.

А развѣ ты попалъ въ указъ заморскій?
Въ Нимечину учиться посылаютъ?

Сергѣй Сергѣевичъ.

Куда — не знаю, только посылаютъ.

Семёнъ Ивановичъ *(отирая слёзы).*

Ужь видно царь не жалуетъ дворянъ!
Стрѣльцовъ извёлъ и принялся за насъ.

Сергѣй Сергѣевичъ.

И принялся вплотную. Три недѣли
Скрывался я въ лѣсахъ, въ чужомъ уѣздѣ,
Да сыщики проклятые сыскали.

Илья Ильичъ.

А много ли по доброй волѣ ѣдетъ?

Сергѣй Сергѣевичъ.

Изъ столбовыхъ дворянъ таки не много:
Кто добровольно въ грѣхъ такой полѣзетъ?
А изъ дѣтей поповскихъ, да мѣщанскихъ
Десятка три продать рѣшились душу.
Всё нищіе, не на своихъ харчахъ —
На царскій счётъ поѣдутъ: имъ и любо.

Іонинъ.

Какъ ваша милость чваниться изволитъ!
Отецъ Савватій, ладожскій священникъ,
Пятнадцать лѣтъ копѣйку собиралъ
Честны́мъ трудомъ, а не съ дворовъ крестьянскихъ
Оброкъ сдиралъ, какъ съ липъ кору дерутъ.
Семь сотень со̀бралъ! Въ бытность государя
На Ладогѣ, отецъ мой отъ Царя,
Отъ самого изволилъ много слышать
О выгодахъ голландскаго ученья;
А государь обманывать не станетъ;
Онъ самъ, отецъ нашъ, долго тамъ учился.
И насъ-то посылаетъ онъ зачѣмъ?
Чтобъ турку и Нимецкую державу
Когда-нибудь сломать — и обратить
Къ святой и православной нашей вѣрѣ.

Истопникъ *Петра Великаго, изъ дворянъ.*

Не горячись! Я за̀ моремъ бывалъ.
Тамъ пушекъ, братъ, что звѣздъ на небесахъ.
Два сорока̀ заморскихъ городовъ
Объѣхалъ я. И то-же за ученьемъ
Насъ посылали. Я на ересь плюнулъ.
Товарищи ходили къ колдунамъ;
А я пріѣду въ городъ и залягу:
Знай сплю. Къ обѣду встану на часокъ,
Пошлю вина заморскаго купить,
Полштофика анисовки, аль тминной,
Да и давай учить мою собаку.
Смышлёная гишпанская собака!
Да какъ-то разъ я плотно пообѣдалъ,
Хотѣлъ учить — проклятая кусаться;
Я не нарочно хвать её полѣномъ —
И духъ вонъ. Жаль, да чортъ её возьми!
Другой разъ приставъ-еретикъ наткнулся,
Да жаль, неудалось убить. А приставъ
Крутой былъ нѣмецъ. Каждый день по утру
Придётъ и станетъ супротивъ кровати:
«Ну, что̀, лѣнтяй»? — «Ну, что̀, заморскій бѣсъ?»
— «Ступай учиться!» — «Вотъ-те на орѣхи!»
— «Я къ государю напишу.» — «Пиши!»
«Въ Сибирь сошлютъ!» — «Да лишь бы не учиться.»

Сергѣй Сергѣевичъ.

Ты развѣ изъ дворянъ? Да какъ же
Ты изъ дворянъ въ истопники попалъ?

Истопникъ *(указывая на домикъ).*

Да вонъ сидитъ за свѣчкой, что въ окнѣ...
Насъ привели къ нему. «Здорово, дѣти!
Что̀, многому, друзья, понаучились?»
Мы поклонились въ поясъ. «Гдѣ бывали?
Что̀ видѣли, что̀ перенять успѣли?»
Пошолъ разспрашивать того, другого:
И объ картофелѣ, и о приказахъ,
Гдѣ лѣсъ какой растётъ, гдѣ что̀ дешевле,
Гдѣ скотъ рогатый водится, гдѣ люди
Умнѣе, гдѣ глупѣй, и отчего?
Ну, очередь дошла и до меня.
А я упрямъ: въ отвѣтъ ему ни слова.
Туда, сюда — я знай себѣ молчу.
Онъ больно осерчалъ и закричалъ:
«Педрилло, шутъ, въ истопники невѣжду!»

Дворяне.

А не ударилъ?

Истопникъ.

Да за что тутъ драться?

III.

ИЗЪ ДРАМЫ «ДЖУЛІО МОСТИ».

ЧАСТЬ IV, ЯВЛЕНІЕ VIII.

Импровизаторъ *(къ публикѣ).*

Я со̀звалъ васъ по тайному глаголу!
Необходимость — будетъ вдохновеньемъ,
Молчанье — лучшею моей наградой.
Впередъ скажу: не вѣрю ни хулѣ,
Ни безотчётныхъ рукъ пустому плеску:

Душа моя сама себя оцѣнитъ.
Не измѣняла Божія душа
Великій судъ вести дѣламъ пѣвца —
И въ этотъ разъ святая не измѣнитъ.

(Предъ импровизаторомъ съ разныхъ сторонъ падаютъ записочки съ задачами.)

Голосъ изъ толпы.

Задачи! Не угодно ли, синьоръ!

Импровизаторъ *(воодушевляется и начинаетъ)*:

1.

ПЕРВАЯ ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Къ чему? какъ-будто вдохновенье
Полюбитъ заданный предметъ?
Какъ-будто истинный поэтъ
Продастъ своё воображенье?
Я рабъ, поденщикъ, я торгашъ:
Я долженъ, грѣшникъ, вамъ за злато,
За сребренникъ ничтожный вашъ,
Платить божественною платой!
Я долженъ Божью благодать
Предъ недостойными ушами,
Какъ даръ продажный, расточать
Богохуливыми устами.
Погибни, малодушный міръ,
Высокихъ замысловъ пустыня!
Не сребролюбія ль кумиръ
Твоя единая святыня?
Не мзда ли — царь въ твоей землѣ?
Предъ распалёнными очами
Не гидра ль движется во мглѣ
Безчисленными головами
И жаждетъ мзды за пенязь свой?
Смотрите, взоръ ихъ златомъ блещетъ,
Грудь сребролюбіемъ трепещетъ,
Уста курятся клеветой...
И вамъ ли слушать пѣснопѣнья?
Прочь, дѣти смрадные грѣха!
Для торгашей нѣтъ вдохновенья,
Нѣтъ ни единаго стиха!

2.

ВТОРАЯ ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Простите, люди! Сердцу больно
Утратить счастье многихъ лѣтъ,
Нарушить жертвой добровольной
Души торжественный обѣтъ!
Я разскажу вамъ: были годы,
Душа невинностью цвѣла,
Два дара гордо берегла —
Даръ вдохновеній и свободы.
Свободный стихъ звучалъ шутя,
Шутя играло вдохновенье:
Изъ сновидѣнья въ сновидѣнье
Летало божіе дитя.
Вездѣ просторъ, вездѣ приволье;
Была жизнь чудно хороша —
И крѣпла вольная душа,
Какъ дикій левъ на дикой волѣ.
День счастья такъ ничтожно малъ,
Путь независимости тѣсенъ!
Я шолъ впередъ, блѣднѣлъ, страдалъ;
Но никогда не торговалъ
Богатствомъ сладкозвучныхъ пѣсенъ.
Теперь ужь всё извѣстно вамъ:
Пѣвца-страдальца не вините...
Внимайте заказнымъ стихамъ,
А слову дерзкому простите.

IV.

ИЗЪ ДРАМЫ «КНЯЗЬ ХОЛМСКІЙ».

1.

ПѢСНЬ ИЛЬИНИШНЫ.

Ходитъ вѣтеръ у воротъ:
У воротъ красотки ждётъ.
Не дождёшься, вѣтеръ мой,
Ты красотки молодой!

Съ парнемъ бѣгаетъ, горитъ,
Парню шепчетъ, говоритъ:
«Догони меня, дружокъ,
Наречённый муженёкъ!»

Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Вѣтеръ дунулъ — и затихъ:
Безъ невѣсты сталъ женихъ.

Вѣтеръ дунулъ — и Авдѣй
Полюбился больше ей;
Стóитъ дунуть въ третій разъ —
И полюбится Тарасъ!

2.

ПѢСНЬ РАХИЛИ.

Съ горнихъ странъ
Палъ туманъ
На долины —
И покрылъ
Рядъ могилъ
Палестины.
Прахъ отцовъ
Ждётъ вѣковъ
Обновленья.
Ночи тѣнь
Смѣнитъ день
Возвращенья:
Загоритъ,
Заблеститъ
Свѣтъ денницы.
И органъ,
И тимпанъ,
И цѣвницы,
И сребро,
И добро,
И святыню
Понесёмъ
Въ старый домъ,
Въ Палестину.

V.

ДВѢ ПѢСНИ ИЗЪ ДРАМЫ «ЛЕЙЗЕВИЦЪ».

1.

Пора любви, пора стиховъ
Неодновременно приходитъ:
Зажжотся стихъ — молчитъ любовь,
Придётъ любовь — стихи уходятъ.
Зачѣмъ, когда моя мечта
Любимый образъ представляла,
Молчали мёртвыя уста
И память риѳмъ не открывала.
Нѣтъ, я люблю её безъ словъ,
Я говорилъ объ ней слезами...
Повѣрьте, звучными стихами
Не выражается любовь!
Какъ память сладкаго страданья,
Стихи во слѣдъ любви идутъ —
И, какъ могилы, берегутъ
Одни, одни воспоминанья.

2.

Мой сосѣдъ! Сорокъ лѣтъ
Былъ богатъ мой сосѣдъ:
Потолокъ расписной,
Весь карнизъ золотой;
Сто картинъ на стѣнахъ,
Сто ковровъ на полахъ;
На дворѣ у крыльца
Слышенъ стукъ жеребца:
Изъ арабскихъ сторонъ
Жеребецъ приведёнъ...
Пробѣжитъ ночи тѣнь —
Во дворцѣ бѣлый день
Отъ огней, отъ свѣчей,
Отъ зеркальныхъ лучей;
И снаружи, кругомъ
Освѣщёнъ, будто днёмъ,
Тихо дремлющій садъ;
Съ цвѣтниковъ ароматъ
И прохладу отъ водъ
Вѣтеръ въ окна несётъ.
А въ палатахъ жена,
Что на небѣ луна,
Ярче свѣта горитъ,
Краше неба глядитъ.
Но соскучилъ сосѣдъ
Жизнь вести сорокъ лѣтъ
Безъ лукавой бѣды,
Безъ коварной нужды:
Заперся отъ гостей,
Отъ жены, отъ дѣтей —
И тузы, короли
Серебро разнесли.

VI.

ИЗЪ ПОЭМЫ: «МАРІЯ СТЮАРТЪ»

ПѢСНЬ РИЦЦІО.

Есть въ паркѣ распутье — я знаю его!
Верхомъ ли, въ златой колесницѣ,
Она не минуетъ распутья того,
Моя молодая царица.

На этомъ распутьи я жизнь просижу,
Её да её поджидая.
Проѣдетъ: привстану, глаза опущу,
Почтительно шляпу снимая.

И сердце съ вопросомъ: взглянула ль она?
Пѣвца увидала ль смущенье?
Сурова ль сегодня, мила ли, нѣжна?
Какое въ лицѣ выраженье?

«Зачѣмъ же ты быстрыхъ не поднялъ очей?
Для взоровъ и боги доступны!»
Не смѣйтесь, молю васъ, печали моей:
О, други! тѣ взоры преступны.

—

Н. Я. ПРОКОПОВИЧЪ.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ родился 27-го ноября 1810 года въ Оренбургѣ, гдѣ отецъ его, Яковъ Семёновичъ, занималъ въ то время мѣсто управляющаго пограничной таможней. Намъ ничего неизвѣстно о раннихъ годахъ Прокоповича, кромѣ того, что онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, а по выходѣ отца въ отставку, переѣхалъ, вмѣстѣ съ остальными членами семейства, на жительство въ Нѣжинъ. Около этого времени, то-есть 4-го сентября 1820 года, въ Нѣжинѣ была открыта Гимназія Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, куда, два года спустя, былъ принятъ и Прокоповичъ, въ одинъ день съ Н. В. Гоголемъ, впослѣдствіи знаменитымъ авторомъ «Ревизора» и «Мёртвыхъ Душъ». Прокоповичъ былъ однимъ годомъ моложе своего знаменитаго соученика, чтб, впрочемъ, не помѣшало имъ вскорѣ сблизиться и потомъ всю жизнь оставаться друзьями. Окончивъ курсъ наукъ въ 1828 году, друзья разстались: Гоголь уѣхалъ въ Петербургъ, а Прокоповичъ остался въ Нѣжинѣ, гдѣ пробылъ цѣлый годъ, и только въ 1829 году, по вызову Гоголя, отправился въ Петербургъ для пріисканія мѣста. Разлука не только не охладила ихъ дружбы, а, напротивъ, усилила её до того, что, въ первое время пребыванія ихъ въ столицѣ, Прокоповичъ былъ рѣшительно необходимъ для Гоголя. Изъ «Записокъ о жизни Гоголя», изданнымъ г. Кулишомъ, видно, что первое время они даже жили вмѣстѣ. Одинъ Прокоповичъ зналъ, кто авторъ поэмы «Ганцъ Кюхельгартенъ», которую Гоголь, дорожа своей литературной репутаціей, истребилъ всю, до послѣдняго экземпляра; но никогда не безпокоилъ его разспросами, и даже не показалъ вида, что подозрѣваетъ его тайну, и только по смерти своего знаменитаго друга объявилъ о томъ господину Кулишу. Прокоповичъ былъ послѣднимъ, кто обнялъ и проводилъ Гоголя въ его первое загадочное путешествіе за границу, и первымъ, встрѣтившимъ въ Петербургѣ неожиданно возвратившагося друга. И снова Прокоповичъ не потревожилъ его своими безполезными разспросами, вслѣдствіе чего обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни автора «Мёртвыхъ Душъ», осталось тайною для его друга. Эта благородная черта характера Прокоповича, доказывающая необыкновенную его деликатность и доброту, не требуетъ комментарій. Но обратимся къ литературнымъ занятіямъ Прокоповича. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что именно около этого времени, то-есть въ 1831 году, было напечатано въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» первое его стихотвореніе: «Мои мечты». Стихотвореніе это, какъ и всё написанное Прокоповичемъ, прошло почти незамѣченнымъ, хотя и носитъ на себѣ несомнѣнный признакъ таланта, въ присутствіи котораго былъ такъ крѣпко увѣренъ Гоголь. Замѣчательная лёгкость стиха и всегда честная мысль — неотъемлемыя достоинства всѣхъ напечанныхъ имъ стихотвореній. Будучи въ Лицеѣ, Прокоповичъ былъ, чтб называется, записнымъ литераторомъ, то-есть писалъ много и во всѣхъ родахъ, прозой и стихами. Всё, по словамъ Гоголя, «пророчило въ нёмъ плодовитаго романиста». Съ переѣздомъ въ Петербургъ, декорація перемѣнилась: обременённый нуждой и множествомъ уроковъ, которыя онъ принуждёнъ былъ давать въ разныхъ частяхъ города, бѣдный поэтъ отказался отъ обольщеній славы и почти бросилъ свои литературныя занятія, не смотря на непрерывавшіяся поощренія и побужденія Гоголя. Всѣ знавшіе Прокоповича свидѣтельствуютъ объ его крайней скромности и той неувѣренности въ самомъ себѣ, о причинахъ которой здѣсь распространяться не мѣсто и которая лишила Россію многихъ замѣчательныхъ писателей. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ 1832 году онъ напечаталъ ещё два небольшихъ стихотворенія: «Полночь» и «Къ портрету Вальтеръ-Скотта»; первое — въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», а второе — въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ».

Въ началѣ 1832 года, судя по письму Гоголя къ А. С. Данилевскому (отъ 30-го марта того же года), Прокоповичъ, подобно своему знаменитому другу, задумалъ поступить на сцену. Съ этою цѣлью онъ сталъ посѣщать Театральное училище — и дѣло уже доходило до того, что онъ являлся на сценѣ въ незначительныхъ роляхъ вѣстниковъ или, такъ-называемыхъ, *предводителей свиты Фортимбраса*, какъ вдругъ, съ наступленіемъ лѣта, въ одно прекрасное утро, онъ исчезъ изъ Петербурга и черезъ недѣлю очутился въ Нѣжинѣ, въ кругу своихъ родныхъ. Чтб было причиной оставленія имъ сцены — неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, въ декабрѣ того же года Прокоповичъ снова былъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ 1834 году, онъ женился на дѣвицѣ Марьѣ Никифоровнѣ Трохневой, отъ которой имѣлъ впослѣдствіи двухъ сыновей и четырёхъ дочерей. Тихая семейная жизнь, казалось, снова расположила его къ литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ были — баллада «Полнолуніе» и большая по-

вѣсть въ стихахъ «Своя семья», напечатанныя въ VIII томѣ «Библіотеки для Чтенія» и 2-й части «Московскаго Наблюдателя» на 1835 годъ.

10-го іюля 1836 года Прокоповичъ былъ назначенъ учителемъ въ 1-й кадетскій корпусъ, по каѳедрѣ русскаго языка и словесности. Хотя уроки въ корпусѣ и отнимали у него много времени, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ свободные часы для литературныхъ занятій, которыя были для него отдыхомъ отъ тяжолыхъ педагогическихъ занятій. Къ сожалѣнію, какъ мы сказали выше, Прокоповичъ, вѣрный своей робкой натурѣ, печаталъ мало и неохотно. При жизни его было напечатано въ разныхъ журналахъ всего двѣнадцать пьесъ, въ томъ числѣ двѣ повѣсти въ стихахъ. Чтобы не возвращаться болѣе къ обзору необширной литературной дѣятельности Прокоповича, помѣщаемъ здѣсь полный списокъ всѣхъ его стихотвореній, за исключеніемъ пяти, уже названныхъ нами выше, съ означеніемъ изданій, гдѣ они были помѣщены. Вотъ они: въ «Сынѣ Отечества» 1836 года — «Повѣсть о томъ, какъ Садко богатый былъ въ гостяхъ у царя Морского»; въ «Современникѣ» 1838 — «Сестра и братья», сербская баллада, «Городъ» и «Старость»; въ томъ же журналѣ на 1840 годъ — «Графъ Конрадъ и его жена», баллада; въ «Звѣздочкѣ» — «Ѳедина ёлка» и въ «Журналѣ Военно-учебныхъ Заведеній» — «Тѣни Пушкина». Кромѣ того, при разборѣ бумагъ Прокоповича, были найдены двѣ нигдѣ не напечатанныя его сказки: «Три желанія» и «Панъ Мышковскій», относящіяся къ его ранней литературной дѣятельности. Обѣ пьесы вошли въ собраніе его стихотвореній, изданное въ 1858 году.

По возвращеніи Гоголя изъ-за границы въ Петербургъ, въ 1839 году, друзья свидѣлись снова, и авторъ «Ревизора» сталъ по прежнему навѣщать весьма часто убогій пріютъ своего стараго товарища и друга, и проводилъ у него вечера, гдѣ вскорѣ составился около него кругъ его лицейскихъ пріятелей, которые любили его горячо и были ему по́ сердцу. «Передъ этимъ кругомъ», говоритъ П. В. Анненковъ, «Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный, нѣсколько скрытный характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми не оставляла его никогда. Кромѣ жаркой привязанности, которую онъ имѣлъ вообще къ двумъ-трёмъ товарищамъ своего дѣтства, «ближайшимъ людямъ своимъ», какъ онъ ихъ называлъ, Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузіазмъ, который высказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, несмотря на совершенно-короткое, нецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевлённыя лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры.» На одинъ изъ такихъ вечеровъ, на которомъ былъ и г. Анненковъ, явился Гоголь въ голубомъ фракѣ съ золочёными пуговицами, съ какого-то обѣда, и засталъ тамъ, по обыкновенію, всѣхъ скромныхъ, неизвѣстныхъ своихъ друзей и почитателей, которыми ещё дорожилъ въ то время. Надо замѣтить, что первыя главы «Мёртвыхъ Душъ» были уже имъ написаны, и пріятели знали, что онъ собирался прочесть имъ новое своё произведеніе, но приступить къ дѣлу было не легко. «Гоголь», продолжаетъ г. Анненковъ, «какъ ни въ чёмъ не бывало, ходилъ по комнатѣ, добродушно подсмѣивался надъ нѣкоторыми общими знакомыми, а объ чтеніи и помину не было. Даже разъ онъ намекнулъ, что можно отложить засѣданіе, но Прокоповичъ, хорошо знавшій его привычки, вывелъ всѣхъ изъ задрудненія. Онъ подошолъ къ Гоголю сзади, ощупалъ карманы его фрака, вытащилъ оттуда тетрадь почтовой бумаги въ осьмушку, мелко-на-мелко исписанную, и сказалъ по-малороссійски, кажется, такъ: «А що се таки у васъ, пане?» Гоголь сердито выхватилъ тетрадку, сѣлъ мрачно на диванъ и тотчасъ же началъ читать, при всеобщемъ молчаніи. Онъ читалъ безъ перерыва до-тѣхъ-поръ, пока истощился весь его голосъ и зарябило въ глазахъ. Мы узнали такимъ образомъ первыя четыре главы «Мёртвыхъ Душъ». Общій смѣхъ мало поразилъ Гоголя, но изъявленіе нелицемѣрнаго восторга, которое видимо было на всѣхъ лицахъ подъ конецъ чтенія, его тронуло. Онъ былъ доволенъ.»

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1840 года Гоголь снова уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года. На возвратномъ пути въ Россію, онъ только проѣздомъ побывалъ въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ Прокоповичемъ и другими близкими ему людьми, и отправился прямо въ Москву — печатать первый томъ «Мёртвыхъ Душъ», представивъ тамъ и рукопись свою на цензурное одобреніе. Встрѣченныя затрудненія побудили Гоголя переслать рукопись въ Петербургъ, причёмъ Прокоповичу, по обыкновенію, поручено было хожденіе и хлопоты по этому дѣлу. И того и другого пришлось на долю ходатая порядочное количество. Съ этого времени возникаетъ у нихъ весьма дѣятельная и интересная переписка, изъ которой видно, какъ много томился и страдалъ Гоголь въ нетерпѣливомъ ожи-

даніи обратной присылки своей рукописи, отправленной въ Москву для напечатанія, какъ говорили, въ половинѣ марта и получённой авторомъ только въ началѣ апрѣля, и того болѣе, какъ онъ огорчался — неодобреніемъ цензурой къ печатанью «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», которую слѣдовало передѣлать. Подъ вліяніемъ занимавшей его мысли о близкомъ появленіи въ свѣтъ поэмы, Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ сочиненій, но уже въ Петербургѣ, и притомъ не лично, не подъ своимъ наблюденіемъ, потому-что онъ хотѣлъ, по отпечатаніи «Мёртвыхъ Душъ», уѣхать за границу. Слѣдовательно, нужно было найдти человѣка, кто бы и могъ, и хотѣлъ взять на себя довольно сложную, хлопотливую, но совсѣмъ не блестящую и нисколько не вдохновенную работу — печатанья и изданія чужихъ сочиненій. Гоголь не долго колебался. Кто, кромѣ Прокоповича, чья преданная и нелицемѣрная дружба не знала предѣловъ, могъ согласиться на такое самоотверженіе? И вотъ Гоголь, въ концѣ мая 1842 года, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, видится съ Прокоповичемъ, уговариваетъ его принять на себя изданіе сочиненій его, и въ первыхъ числахъ іюня уѣзжаетъ за границу — и вотъ между друзьями скоро возникаетъ *дѣльная* переписка. По поводу этой, хотя сложной, но простой коммиссіи, Гоголь заглядываетъ въ будущее и нѣмѣетъ передъ необычайными наградами, которыя готовятся тамъ за подвигъ, доступный всякому, только-что грамотному и порядочному человѣку. Онъ входитъ въ мельчайшія подробности касательно изданія: распредѣляетъ статьи, назначаетъ время выпуска книгъ и условія книгопродавцамъ, разсчитываетъ выгоды, какихъ можно ожидать отъ предпріятія, и, наконецъ, опредѣляетъ употребленіе будущихъ суммъ. Почта за почтою присылаетъ онъ издателю своему перемѣны, дополненія, прибавки къ разнымъ статьямъ. Однимъ словомъ, ведётъ самую дѣятельную переписку. Привожу здѣсь два отрывка изъ писемъ отъ 27-го іюля и 26-го ноября, въ доказательство того, какого высокаго мнѣнія былъ Гоголь о дарованіи Прокоповича, какъ писателя: «При корректурѣ второго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ «Тарасѣ Бульбѣ» много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву *и*; гдѣ она не у мѣста, тамъ её выбрось; въ двухъ-трёхъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой, и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо — всё будетъ хорошо. Насчётъ намѣренія твоего назвать «Свѣтскую сцену» просто «Отрывкомъ» я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названіе было вставлено такъ только, въ ожиданіи другого.»

Въ августѣ 1843 года печатанье «Сочиненій Гоголя» было приведено къ вожделѣнному концу, и одинъ экземпляръ былъ тотчасъ же посланъ автору въ Римъ. Къ сожалѣнію, добросовѣстные труды и хлопоты Прокоповича по изданію не заслужили полнаго одобренія автора, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ издателю, отъ 24-го сентября 1843 года: «Изданіе сочиненій моихъ вышло не въ томъ вполнѣ видѣ, какъ я думалъ, и виною, разумѣется, этому я, не распорядившись аккуратнѣе. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькія. Подлецъ типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ тонка, что сквозитъ, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежатъ писцу или даже мнѣ. Всё, что отъ издателя — то хорошо, что отъ типографіи — то мерзко. Буквы тоже подлыя... На меня не сердись за это бремя, можетъ-быть тяжкое. Какъ бы ни тяжело оно было, и какъ бы ни потерпѣлъ ты чрезъ это, всё будетъ вознаграждено. У меня всё стоитъ въ счету, и какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немощенъ, но возмогу потомъ много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможно.»

Это было послѣднее письмо Гоголя къ Прокоповичу, по поводу изданія его «Сочиненій». Оно не требуетъ комментаріевъ. *Нравственное перерожденіе* Гоголя начиналось. Затѣмъ, до 1847 года, друзья не переписывались. Въ 1847 и 1848 годахъ Прокоповичъ получилъ отъ Гоголя по письму — и только. Послѣднее письмо Гоголя къ товарищу его юности было изъ Москвы, отъ 29-го марта 1851 года.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ умеръ 1-го іюня 1857 года, послѣ продолжительныхъ страданій чахоткою. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Прокоповичъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которые въ отведённомъ имъ судьбою тѣсномъ кругѣ дѣйствуютъ честно и благородно, часто сами не замѣчая благодѣтельнаго вліянія, оказываемаго ими на развитіе мысли въ людяхъ, встрѣ-

чающихся имъ на ихъ одинокой дорогѣ. Знавшіе его коротко сохранятъ о нёмъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, способномъ къ самой преданной и безкорыстной дружбѣ; а многія сотни его учениковъ долго не забудутъ своего любимаго учителя, его увлекательную рѣчь и простое, чуждое всякаго педантизма, преподаваніе.

Не смотря на свою несомнѣнную даровитость, Прокоповичъ, какъ мы уже сказали выше, писалъ и печаталъ мало и не охотно и потому не только не пользовался, но и не могъ пользоваться извѣстностью въ публикѣ, какъ поэтъ; и, несмотря на это, въ тѣсномъ кружкѣ его друзей-литераторовъ въ нёмъ чтили талантливаго писателя. Но если публика не знаетъ поэта-Прокоповича, то знаетъ хорошо Прокоповича — друга Гоголя, имѣвшаго на автора «Ревизора» и «Мёртвыхъ Душъ» сильное и благотворное вліяніе въ лучшую пору литературной его дѣятельности, что́ уже одно даётъ ему право на извѣстность.

«Стихотворенія Н. Я. Прокоповича» были изданы въ 1858 году въ Петербургѣ, съ приложеніемъ полной его біографіи, составленной Н. В. Гербелемъ и озаглавленной такъ: «Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю».

ГОРОДЪ.

Движимъ думою чудесной,
«Здѣсь», Онъ молвилъ, «будетъ градъ,
Украшенье поднебесной
И Москвы державный братъ!»

Чудо! — Волю полубога
Понялъ доблестный народъ,
И Европы у порога
Изъ лѣсовъ и изъ болотъ —

Всталъ красавецъ полуночи
На землѣ получужой,
Гордо глянулъ міру въ очи,
Опоясался Невой.

И у ногъ его сердито
Волны Финскія кипятъ:
Весь онъ въ латахъ изъ гранита
Съ головы до самыхъ пятъ.

Держитъ онъ въ рукѣ могучей
Богатырское копьё —
И горитъ его за тучей
Золотое остріё.

Дряхлый міръ ему дивится,
Самъ спѣшитъ по лону водъ
Исполину поклониться,
И дары покорно шлётъ.

Такъ-то волею чудесной
Созданъ Имъ могучій градъ,
Украшенье поднебесной
И Москвы державный братъ.

—

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Евгеній Павловичъ Гребёнка родился 21-го января 1812 года въ отцовскомъ помѣстьѣ, Убѣжищѣ, въ шестнадцати верстахъ отъ города Прилукъ, Полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ годовъ, проведённыхъ посреди патріархальнаго сельскаго быта, посреди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребёнки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Въ 1825 году Гребёнка былъ отвезёнъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщёнъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко, нынѣ филологическій институтъ. Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ наукъ, съ правомъ на чинъ 14-го класса, и тотчасъ же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервы 8-го Малороссійскаго казачьяго полка; затѣмъ вышелъ въ отставку и около 1834 года переѣхалъ въ Петербургъ.

Гребёнка началъ заниматься литературой ещё въ Лицеѣ. Бо́льшею частью первые опыты его были на малорусскомъ нарѣчіи. Малороссійскій переводъ «Полтавы» Пушкина также относится ко времени его студенчества, какъ равно и «Малороссійскія Приказки», выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребёнка началъ ещё усерднѣе заниматься литературой. Его «Приказки» имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ, въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малорусскій переводъ «Полтавы», съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротой своей, принялъ тёплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣро-

ятно, съ его одобренія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1837 годъ два стихотворенія Гребёнки. Есть даже свидѣтельство, что малороссійскія басни молодого писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно «Волкъ и огонь», онъ перевёлъ на русскій языкъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкàхъ, Гребёнка всё ещё не былъ знакомъ публикѣ. Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный; русскими же стихотвореніями, къ которымъ перешолъ Гребёнка, трудно было обратить на себя вниманіе въ то время, когда ещё дѣйствовали Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребёнка понялъ это — и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣствовательной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были «Разсказы Пирятинца» (Спб. 1837), принятые публикою довольно радушно. Со времени изданія этихъ «Разсказовъ» имя Гребёнки начинаетъ всё чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разсказами и очерками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ что вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходится безъ какого-нибудь произведенія Гребёнки. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ можно назвать повѣсти: «Вѣрное лекарство», «Записки студента», «Иванъ Ивановичъ», «Приключенія синей ассигнаціи» и, особенно, романъ «Чайковскій», о которомъ Бѣлинскій отозвался съ большой похвалой.

По пріѣздѣ своёмъ въ Петербургъ, Гребёнка поступилъ на службу въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ; затѣмъ, въ 1838 году онъ былъ опредѣлёнъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій Полкъ, а въ 1841 — переведёнъ учителемъ словесности во Второй Кадетскій Корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ Институтѣ Корпуса Горныхъ Инженеровъ и въ офицерскихъ классахъ Морского Корпуса.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушіе его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ сходившіеся съ Гребёнкой, вспоминаютъ о нёмъ съ особенной теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ весёлостью, съ тѣмъ лёгкимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Гребёнка умеръ въ декабрѣ 1848 года; тѣло его перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила дорога.

Часть сочиненій Гребёнки была издана ещё при жизни автора, подъ заглавіемъ: «Романы, повѣсти и разсказы», въ 8 маленькихъ томикахъ (Спб. 1847 и 1848); по смерти же Гребёнки, сочиненія его были собраны вполнѣ и изданы, подъ редакціей Н. В. Гербеля, книгопродавцемъ С. И. Литовымъ въ пяти томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сочиненія Е. П. Гребёнки (1833 — 1848). Спб. 1862». Кромѣ того, Гребёнкою были изданы отдѣльно слѣдующія его сочиненія: «Богданъ» (Спб. 1843), «Записки Зайца» (Спб. 1844) и Сборникъ «Ласточка» (Спб. 1846). Лучшіе разборы сочиненій Гребёнки были помѣщены въ «Современникѣ (1848, № 11) и «Отечественныхъ Запискахъ» (1848, № 1).

I.

ПѢСНЯ.

Молода ещё дѣвица я была:
Наша армія въ походъ куда-то шла.
Вечерѣло. Я стояла у воротъ —
А по улицѣ всё конница идётъ.
Къ воротамъ подъѣхалъ баринъ молодой,
Мнѣ сказалъ: «напой, красавица, водой!»
Онъ напился, крѣпко руку мнѣ пожалъ,
Наклонился и меня поцаловалъ.
Онъ уѣхалъ. Долго я смотрѣла вслѣдъ:
Жарко стало мнѣ; въ очахъ мутился свѣтъ.
Цѣлу ноченьку мнѣ спать было не въ мочь:
Раскрасавецъ-баринъ снился мнѣ всю ночь!

Вотъ недавно — я вдовой уже была,
Четырёхъ ужь дочекъ замужъ отдала —
Къ намъ заѣхалъ на квартиру генералъ:
Весь прострѣленный, онъ жалобно стоналъ...
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это онъ, красавецъ-баринъ молодой;
Тотъ же голосъ, тотъ огонь въ его глазахъ,
Только много сѣдины въ его кудряхъ.
И опять я цѣлу ночку не спалá:
Цѣлу ночку молодой ещё была.

II.

ПОЧТАЛЬОНЪ.

Скачетъ, форменно одѣтъ,
Вѣстникъ радостей и бѣдъ.
Сумка чорная на нёмъ,
Киверъ съ бронзовымъ орломъ.

Сумка съ виду хоть мала —
Много въ ней добра и зла:
Часто рядомъ тамъ лежитъ
И банкротство, и кредитъ;

Клятвы ложныя друзей,
Бредъ влюблённаго о *ней;*
Безъ разсчётовъ — такъ, сплеча —
Спѣсь и гордость богача;

И педанта чепуха;
Голосъ вкрадчивый грѣха
И невинности привѣтъ...
И — чего въ той сумкѣ нѣтъ?

Будто посланный судьбой,
Безпристрастною рукой
Радость, горе, смѣхъ и стонъ
Разсыпаетъ почтальонъ.

Онъ весь городъ обскакалъ;
Конь едва идётъ — усталъ.
Равнодушно вѣстникъ мой
Возвращается домой.

А гдѣ былъ онъ — можетъ-быть,
Станутъ долго слёзы лить
О потерянныхъ друзьяхъ,
О несбывшихся мечтахъ;

Или въ радости живой
Лить шампанское рѣкой.
Гдѣ жь волшебникъ-почтальонъ?
Дома спитъ въ чуланѣ онъ.

—

А. К. ЖУКОВСКІЙ (БЕРНЕТЪ).

Александръ Кириловичъ Жуковскій, довольно-извѣстный поэтъ послѣ-пушкинскаго періода, родился 10-го сентября 1810 года въ Пензѣ. Прочитавъ это ни кому неизвѣстное имя, читатель вправѣ подивиться, что оно нашло мѣсто въ средѣ русскихъ поэтовъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ и написавшихъ въ жизни хотя одно хорошее стихотвореніе. Причиной этой совершенной неизвѣстности имени Жуковскаго, однофамильца извѣстнаго нашего писателя и воспитателя нынѣ царствующаго государя, было то́, что онъ, выступивъ на литературное поприще подъ псевдонимомъ «Бернетъ», пріобрѣвшимъ ему шумную извѣстность во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ и возбудившимъ во многихъ преувеличенныя надежды, не разоблачалъ его до конца жизни, такъ-что до-сихъ-поръ многіе грамотные люди считаютъ этотъ псевдонимъ настоящимъ именемъ автора «Вѣчнаго Жида», «Елены», «Графа Меца» и «Перли». Трудно-объяснимую причину того, что русскій человѣкъ рѣшился щеголять предъ русской читающей публикой, въ теченіе всей своей жизни, подъ иностраннымъ именемъ, нѣкоторыя искали въ нежеланіи поэта, чтобы имя его смѣшивалось съ славнымъ именемъ Василія Андреевича Жуковскаго, или, правильнѣе, исчезало въ нёмъ, какъ пятна на солнцѣ передъ невооруженнымъ глазомъ простого смертнаго. Другіе же видѣли причину этого маскарада въ его служебныхъ отношеніяхъ къ министру финансовъ, графу Канкрину, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ очень долго. Какъ бы то ни было, псевдонимъ совершенно заслонилъ его настоящую фамилію отъ публики, такъ-что даже люди, знавшіе Жуковскаго лично, не называли его иначе, какъ Бернетомъ, въ своихъ разговорахъ о нёмъ, какъ третьемъ лицѣ. Независимо отъ своего псевдонима, Жуковскій и самые сюжеты для своихъ поэмъ бралъ исключительно изъ иностранной жизни, и только въ нѣкоторыхъ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ обращался къ русскому быту и высказывалъ при этомъ свою русскую натуру. И эти-то вполнѣ русскія произведенія, вмѣстѣ съ стихотвореніями, выражавшими обще-человѣческія чувства, пріобрѣли Жуковскому ту вполнѣ заслуженную извѣстность, которая прославила имя Бернета и вызвала похвалы такого человѣка, какъ Бѣлинскій, хвалившаго очень рѣдко. Къ сожалѣнію, многіе изъ почитателей Бернета, особенно въ провинціи, оставались всю жизнь при томъ убѣжденіи, что любимый ими поэтъ — нѣмецъ, и потому считали весьма простительнымъ, что всѣ его поэмы носили отпечатокъ нѣмецкаго происхожденія, не исключая и поэмы «Вѣчный Жидъ», библейскій сюжетъ котораго въ поэмѣ Бернета сильно оттѣнёнъ нѣмецкою сантиментальностью.

Молодой Жуковскій началъ своё воспитаніе въ домѣ родительскомъ, продолжалъ въ царицынскомъ уѣздномъ училищѣ и окончилъ въ Саратовской гимназіи, куда поступилъ въ половинѣ 1822 года и откуда вышелъ въ 1827 году, за два мѣсяца до окончанія полнаго курса, для поступленія въ военную службу, куда уже былъ записанъ года два передъ тѣмъ по ходатайству его родного дяди, генерала отъ кавалеріи И. И. Тутчека, бывшаго въ теченіи цѣ-

лыхъ двадцати-шести лѣтъ комендантомъ Варшавы. Зачисленный фейерверкеромъ четвёртаго класса въ 3-ю конно-артиллерійскую роту, онъ сдѣлалъ съ ней всю турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ и послѣдовавшую затѣмъ польскую, причёмъ былъ произведенъ за отличіе въ первый чинъ и пожалованъ кавалеромъ святой Анны 4-й степени, съ подписью «за храбрость». Прослуживъ по окончаніи польской войны около пяти лѣтъ во фронтѣ, Жуковскій оставилъ въ 1836 году военную службу съ чиномъ ротмистра Александрійскаго гусарскаго полка, куда былъ переведёнъ ещё во время турецкой войны, и поступилъ въ гражданскую, въ департаментъ государственнаго казначейства. Прослуживъ по Министерству Финансовъ около 25 лѣтъ и занимая разные должности въ канцеляріи самого министра, знаменитаго графа Канкрина, онъ только въ 1861 году получилъ давно имъ желанное и давно ему обѣщанное мѣсто вице-директора департамента государственнаго казначейства по распорядительной части, на которомъ и скончался 8-го декабря 1864 года въ Петербургѣ, гдѣ и похоронёнъ на Волковомъ кладбищѣ.

Хотя Жуковскій рано началъ писать стихи, но на литературное поприще выступилъ только въ 1837 году, причёмъ стихотворенія его появились въ одно и то же время почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ. Именно: въ «Современникѣ» Пушкина, томъ 5-й, былъ напечатанъ отрывокъ изъ поэмы «Елена», подъ заглавіемъ «Одиночество»; въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» (№№ 20 и 31) «Лееданъ», отрывокъ изъ «Еврейскихъ поученій» и стихотвореніе «Призракъ», о которомъ Бѣлинскій отозвался такъ: «Начало этого стихотворенія — поэзія, благоухающая ароматнымъ цвѣтомъ прекрасной внутренней жизни, поэтическое выраженіе одного изъ ея явленій, выраженіе, гдѣ каждый стихъ есть живой поэтической образъ и гдѣ каждый стихъ и каждое слово стоятъ на своёмъ мѣстѣ, по закону творческой необходимости, и не могутъ быть ни переставлены, ни перемѣнены!» («Сочиненія Бѣлинскаго» ч. II, стр. 366.) Что же касается «Библіотеки для Чтенія», которая, преимущественно передъ другими журналами, пользовалась литературною дѣятельностью Жуковскаго, для наполненія своихъ переднихъ страницъ его поэтическими произведеніями, то въ 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й, книжкахъ этого журнала на 1837 годъ напечатано было десять мелкихъ его стихотвореній («Подсолнечникъ», «Мѣдный крестъ», «Зимній походъ», «Паша», «Плѣнный африканецъ», «Два креста въ Валахіи», «Всадникъ», «Просьба», «Жребій поэта» и «Неожиданный порывъ») и двѣ большихъ поэмы: «Перля, дочь банкира Мостіеха» и «Чужая Невѣста». Затѣмъ, въ томъ же 1837 году, всѣ напечатанныя имъ въ разныхъ журналахъ стихотворенія были собраны авторомъ въ одну книжку и изданы имъ, съ пріобщеніемъ нѣсколькихъ нигдѣ не напечатанныхъ пьесъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Стихотворенія Е. Бернета. Спб. 1837». Наконецъ, въ томъ же 1837 году Жуковскій издалъ отдѣльной книжкой ещё одну поэму, подъ заглавіемъ: «Графъ Мецъ. Сочиненіе Бернета. Двѣ части. Спб. 1837.» Затѣмъ, въ 1838 году были напечатаны слѣдующія произведенія: въ «Библіотекѣ для Чтенія», №№ 2 и 4 — два стихотворенія: «Послѣдняя ночь» и «Иліада», и большая поэма «Луиза Лавальеръ», въ «Альманахѣ на 1838 годъ» Владиславлева — также два небольшихъ стихотворенія: «Прощанье» и «Мольба», и отдѣльной книжкой: «Елена. Поэма. Сочиненіе Бернета. Спб. 1838». Вотъ что было написано Бѣлинскимъ по поводу выхода въ свѣтъ этой послѣдней поэмы: «Господинъ Бернетъ владѣетъ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, и по этому самому намъ непріятно говорить объ его «Еленѣ»; и мы, въ самомъ дѣлѣ, не будемъ говорить о ней, а только скажемъ кой-что, сколько въ избѣжаніе упрёка въ безотчётныхъ приговорахъ, столько и по уваженію къ г. Бернету, котораго мы отнюдь не смѣшиваемъ съ толпою маленькихъ геніевъ-самозванцевъ, великолѣпно-издающихъ свои творенія, никѣмъ не читаемыя, никому не интересныя и которыхъ пріятели-журналисты, какъ бы насмѣхаясь надъ публикою и здравымъ смысломъ, объявляютъ наслѣдниками Пушкина. Мы увѣрены, что г. Бернетъ, какъ поэтъ съ истиннымъ дарованіемъ, если и не согласится съ нашимъ мнѣніемъ, то и не почтётъ его нестоющимъ своего вниманія: онъ не можетъ не замѣтить искренности нашего сужденія.» («Сочиненія Бѣлинскаго», ч. II, стр. 367.) Въ 1839 году, послѣднемъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго, въ «Утренней Зарѣ» Владиславлева была напечатана вторая глава изъ новой поэмы его «Вѣчный Жидъ», подъ заглавіемъ «Женщина», а въ «Библіотекѣ для Чтенія» за тотъ же годъ, въ нумерахъ 1-мъ и 6-мъ, появились послѣднія поэтическія произведенія его: три стихотворенія — «Элегія», «Сонъ» и «Пѣсня», и лучшая изъ его поэмъ «Вѣчный Жидъ».

По выходѣ въ свѣтъ послѣдней поэмы, Жуковскій пересталъ печатать свои произведенія, и цѣлые одиннадцать лѣтъ промолчалъ, какъ могила

вслѣдствіе чего не только его произведенія, но и самый псевдонимъ, упорно имъ носимый, былъ позабытъ всѣми, когда, въ 1850 году, онъ явился снова на свѣтъ. Эти новыя произведенія Жуковскаго, явившіяся такъ неожиданно, были двѣ повѣсти изъ русской жизни, напечатанныя въ 1-й и 7-й книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» на 1850 годъ, подъ названіемъ: «Чорный гость» и «Не судите по наружности», прошедшія почти ни кѣмъ не замѣченныя. Этими двумя повѣстями заключилась литературная дѣятельность Жуковскаго, человѣка несомнѣнно-талантливаго, но не съумѣвшаго совладать съ этимъ даннымъ ему Богомъ неоцѣненнымъ даромъ.

Правда, произведенія Жуковскаго появлялись въ печати и позже, такъ, напримѣръ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ журналѣ «Шахеразада», продолжавшемъ своё печальное существованіе самое короткое время, были помѣщены его «Романъ на старый ладъ», «Господинъ Симъ», повѣсть изъ жизни животныхъ, «Человѣкъ высшаго полёта», юмористическій разсказъ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Но всё это оказалось до того слабымъ, что не заслуживаетъ даже упоминанія, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ подъ нѣкоторыми изъ нихъ не нашолъ даже нужнымъ выставить своё имя, ограничившись буквою *Б*.

Изъ всей же массы стиховъ написанныхъ имъ въ теченіе его кратковременнаго литературнаго поприща можно указать только на какой-нибудь десятокъ дѣйствительно прекрасныхъ стихотвореній, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и альманахамъ, а именно, на пьесы: «Семейное чувство», «Призракъ», «Жребій поэта», «Зимній походъ», «Прощанье», «Сонъ», «Элегія», «Просьба», «Пѣсня» — и только, да на нѣкоторыя мѣста въ поэмахъ «Елена», «Перля» и «Вѣчный Жидъ», особенно въ послѣдней, которую, вообще, можно назвать лучшимъ произведеніемъ Жуковскаго.

1.

СЕМЕЙНОЕ ЧУВСТВО.

Измученъ дрязгами, усталый отъ трудовъ,
Въ кругу моихъ дѣтей я веселъ и здоровъ.
Понятенъ, дорогъ мнѣ сердецъ невинныхъ трепетъ!
Ихъ радость шумную, неистощимый лепетъ,
Разспросы безъ конца и безъ причины смѣхъ —
Прервать, остановить считаю я за грѣхъ.
Въ нихъ кровь моя течётъ, растётъ моя надежда!
Они — блестящее убранство и одежда
Разсудочныхъ годовъ суровой наготы,
Утраченной весны послѣдніе цвѣты!
Нѣтъ, не напрасно я молюся и тоскую,
Когда ихъ руки жму, головки имъ цалую!
Нѣтъ, пощадитъ судьба безкрылаго птенца
За слёзы матери, страданія отца!
Мы преждевременно состарѣлися оба
Въ печали и борьбѣ. У тёмной двери гроба
Ещё ль не смѣемъ мы, въ замѣну долгихъ бѣдъ,
Грядущихъ, лучшихъ дней привѣтствовать разсвѣтъ?
Мой сынъ, ты будешь ли отъ горькихъ нуждъ избавленъ,
Желѣзною пятой насилья не раздавленъ?
Умъ, совѣсть сохранишь отъ язвы и пятна?
А птичка рѣзвая, а дочь моя — она
Спасётся ль отъ сѣтей — ихъ разгадать умѣя —
Богатаго глупца, бездушнаго злодѣя?
Свѣтъ полонъ тёмныхъ дѣлъ, обмановъ и заразъ!
Малютки бѣдные, какъ я боюсь за васъ!
Но частыхъ опытовъ жестокіе уроки,
Но правды и любви немолчные упрёки
Проникнутъ, можетъ-быть, растопятъ наконецъ
Холодную кору безчувственныхъ сердецъ.
День примиренія, желанный долго нами,
День человѣчности — проглянетъ надъ сынами!
Зовъ милосердія пройдётъ во всѣ концы —
И стройно запоютъ свободные пѣвцы.
Простятъ имъ смѣлые порывы вдохновенья,
Больного чувства вопль не вмѣнятъ въ преступленье;
Не будутъ поминать, для осужденья ихъ,
Мгновеньемъ вызванный, неосторожный стихъ —
И пѣсня, гордая сочувствій воздаяньемъ,
Польётся не глухимъ и сдержаннымъ рыданьемъ.

II.

ПРОЩАНЬЕ.

Глаза твои сомкнулись. Трудный путь
Оконченъ. Срокъ насталъ успокоенья.
Земля, какъ щитъ, тебѣ закрыла грудь
Отъ новыхъ ранъ, отъ муки и томленья.
Пусть міръ идётъ, какъ онъ доселѣ шолъ,
Пускай кипитъ и суета, и злоба:
Что въ нихъ тому, кто рано отошолъ
Въ сѣнь тихую безсмертія и гроба?
Могильный холмъ увѣнчанъ купой розъ,
Зелёный дёрнъ подножье одѣваетъ:
Роса его вседневно поливаетъ,
Роса ничѣмъ неосушимыхъ слезъ!

Но пусть тоска желаетъ дни пресѣчь,
Пускай любовь отчаяніемъ дышетъ
И сиротство заводитъ съ камнемъ рѣчь:
Не слышитъ ихъ почившая, не слышитъ!
Всё, чѣмъ я здѣсь гордился, дорожилъ,
Въ чёмъ видѣлъ цѣль труда и вдохновенья,
Что было мнѣ звѣздою откровенья —
Всё, всё съ тобой въ могилу положилъ.
Прости, моё сокровище! Терять
И находить мнѣ нечего на свѣтѣ!
Кому теперь грусть сердца повѣрять
И видѣть рай въ плѣнительномъ отвѣтѣ?
Какъ горестенъ, какъ страшенъ мой удѣлъ!
И тамъ, и здѣсь — безлюдная пустыня.
Затворена́ пріютная святыня —
И до конца я рокомъ обѣднѣлъ.
Отъ долгихъ лѣтъ надежды не прибудетъ!
Могучій духъ, невольникъ, господинъ —
Что бъ ни́ былъ я, но счастія не будетъ:
Всегда одинъ, вездѣ, во всёмъ одинъ!
И такъ — прости! Дозволишь ли порою
Твой мирный домъ страдальцу посѣтить,
Придти къ нему знакомою тропою
И о быломъ прахъ милый вопросить?
Пусть будетъ онъ и нѣмъ и безотвѣтенъ,
Пускай тепла и бытія въ нёмъ нѣтъ;
Но для меня онъ болѣе привѣтенъ,
Роднѣе мнѣ, чѣмъ этотъ грустный свѣтъ.

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ».

ЖЕНЩИНА.

Она не сонъ, не ложный сонъ,
Не быстролётное мечтанье:
Она живётъ! Надъ ней законъ
Любви, восторга и страданья!
Не призракъ лёгкій и пустой
Черты святыя принимаетъ:
Душа увлечена бываетъ
Одушевлённой красотой.
О, вѣрьте сердцу! то влеченье,
Благой природы назначенье,
Правдивѣй счастія и бѣдъ,
Надежнѣй громкимъ обольщеній
Богатства, славы и побѣдъ,
Которыя придумалъ свѣтъ
Въ надменныхъ грёзахъ просвѣщенья.
Но воспитать небесный даръ
Не всѣмъ дано, не всѣмъ доступно!
Не долго тлѣетъ чувства жаръ
Въ душѣ холодной и преступной!
Мгновенно любитъ, кто жестокъ:
Не знаетъ вѣчныхъ узъ порокъ.
Лишь пылкій сердцемъ, чистый духомъ,
Сынъ неба межь сыновъ земли,
Умѣетъ слышать вѣщимъ слухомъ
Созвучье вѣры и любви.
Лишь онъ, въ порывахъ изступленья
Вмѣняя скорби въ наслажденье,
Какъ мученикъ среди костра,
Тѣмъ больше небо постигаетъ
Въ симво́лахъ красоты, добра,
Чѣмъ больше пламени игра
Земной составъ его сжигаетъ.
Не чувствуя палящихъ жалъ,
Онъ въ край безсмертья переходитъ
И въ нѣдрахъ вѣчности находитъ,
Что́ въ мірѣ этомъ обожалъ.

Она предъ юношей явилась,
Какъ тотъ божественный кумиръ,
Которому, при звукѣ лиръ,
Эллада свѣтлая молилась;
Но прелесть строгаго лица,
Но нѣгой дышущее тѣло,
Какъ бы изсѣченное смѣло
Ваяньемъ древняго рѣзца,
Смягчались думою и чувствомъ.
Казалось, мысль зажглася въ ней —
И непослушный жаръ страстей
Взялъ верхъ надъ правильнымъ искусствомъ.

О, кто насъ можетъ такъ плѣнить,
Какъ та̀, которой образъ внятно
Намъ, изступлённымъ, говоритъ,
Что наше сердце ей понятно!
Которая, земную лесть
Державнымъ взглядомъ отражая,
Даётъ улыбкой тихой вѣсть,
Что грусть любви ей не чужая!
Къ богинѣ внемлющей во храмъ
Идти мы съ жертвою готовы;
Пылаетъ духъ, какъ ѳиміамъ,
Проходитъ замыселъ суровый —
И головой къ ея ногамъ
Не стыдно преклониться намъ.

Она предъ юношей предстала,
Какъ воплощенье дивныхъ грёзъ,

Котораго душа искала,
Творя любви апоѳеозъ.
Она въ себѣ всѣ заключала
Красы и благости начала;
И если думъ иль чувствъ зерно
Забытое въ груди лежало,
Внезапной жизнію оно
При ней всходило, оживало —
И новый благовонный цвѣтъ
Богинѣ разливалъ привѣтъ.

Отрадная, какъ вѣсть прощенья
Въ стѣнахъ безмолвныхъ заточенья;
Прекрасная, какъ первый шагъ,
Какъ день начальный мірозданья,
Когда угрюмой ночи мракъ
Не одѣвалъ ещё созданья,
Когда небесные лучи
Лились, какъ чувства, горячи;
Сладка, какъ съ другомъ часъ свиданья
Въ странѣ печальнаго изгнанья,
Тиха, какъ приближенье сна;
Но полная огня и жизни,
Какъ благотворная весна,
Мила, какъ счастіе отчизны,
Какъ оный мигъ, когда народъ,
Цѣня заботы и служенье,
Въ простыхъ сердечныхъ выраженьяхъ
Благословенье намъ даётъ.

«Я Гинда, странникъ! Я съ цвѣтами
Живу въ пустынѣ! Богъ надъ нами!
Онъ посылаетъ день и тьму;
Зефиръ, долины, волны, птицы —
Дѣла благой Его десницы.
Я — дочь Его: будь сынъ Ему!
Я съ каждымъ утромъ гимны пѣла,
Искала травъ, плела вѣнокъ;
Когда же въ облакахъ гремѣло
И страшный огненный потокъ
Вселенную громилъ и жогъ,
Тогда я плакала, боялась
За птицъ, за рощи, за цвѣты;
Но снова въ блескѣ красоты
Творцу природа улыбалась —
Тогда и я смѣялась вновь,
Понявъ, что гнѣвъ Его — любовь.

«Я Гинда, странникъ! Это слово
Изъ устъ чужихъ мнѣ слышать ново.
Могла я птицъ къ себѣ созвать —
Ихъ голоса мнѣ сладко пѣли;
Но Гиндою меня назвать
Онѣ, порхая, не умѣли:
И пѣсня ихъ была скудна —
И я была всегда одна...
Лишь ты, созвучіемъ богатый
Думъ, выраженій и сердецъ,
Лишь ты, творенія вѣнецъ,
Меня плѣнилъ — и сталъ мнѣ братомъ:
И въ узахъ новаго родства
Минуло горе сиротства́.
Твои слова, твои обѣты
Огнёмъ живительнымъ согрѣты;
Твоимъ сіяньемъ я полна,
Какъ солнцемъ тихая луна.
Растутъ невѣдомыя силы,
Призывъ я слышу божества,
Я внемлю тайнамъ естества,
Я вижу ангеловъ, о, милый!
Я вижу, какъ они кругомъ
Долины неба обтекаютъ
И какъ въ пространствѣ голубомъ
Ихъ крылья бѣлыя мелькаютъ.
Скорѣе къ нимъ! впередъ, впередъ!
Любовь вольна — и не умрётъ.»

Н. П. ГРЕКОВЪ.

Николай Порфирьевичъ Грековъ родился въ 1810 году, въ Москвѣ, съ которой, въ теченіе всей своей жизни, разставался весьма рѣдко и притомъ только на короткое время. На литературномъ поприщѣ появился Грековъ очень рано, именно въ 1827 году, съ водевилемъ въ одномъ дѣйствіи, переведённымъ съ французскаго и отпечатаннымъ въ одной изъ московскихъ типографій, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: «Визиты въ окно, или четыре вдругъ». Вслѣдъ за тѣмъ, мелкія его стихотворенія стали появляться въ современныхъ альманахахъ и нѣкоторыхъ московскихъ журналахъ, а спустя нѣсколько лѣтъ — и въ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ-что въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ ни одинъ журналъ уже не обходился безъ стихотвореній Грекова, которыя принимались редакторами довольно охотно, такъ-какъ, вообще, они были не дурны, а иногда даже и совсѣмъ хороши, чего нельзя было сказать о произведеніяхъ цѣлаго ряда поэтовъ того времени, наводнявшихъ первыя страницы нашихъ

журналовъ своими стихотвореніями, непредставлявшими, весьма часто, ничего, кромѣ набора словъ. Лучшія изъ мелкихъ стихотвореній Грекова были помѣщены въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» пятидесятыхъ годовъ. Независимо отъ своихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній, Грековъ извѣстенъ также, какъ хорошій переводчикъ съ англійскаго, нѣмецкаго, французскаго и испанскаго языковъ. Онъ перевёлъ двѣ пятиактныя драмы Кальдерона: «Ересь въ Англіи» и «Жизнь есть сонъ», всю первую часть «Фауста» Гёте, «Ромео и Джульетту», трагедію въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира, «Пытку женщины», драму Жирардена и «Роллу», поэму Альфреда де Мюссе. Грековъ умеръ лѣтомъ 1866 года въ Москвѣ.

Изъ сочиненій и переводовъ Грекова были изданы отдѣльно слѣдующіе: 1) Фаустъ. Трагедія Гёте. Переводъ Н. Грекова. М. 1843 и Спб. 1859. 2) Стихотворенія Н. Грекова. М. 1860. 3) Ромео и Джульетта. Драма въ пяти актахъ Вилліама Шекспира. Переводъ Н. Грекова. Спб. 1862. 4) Гейнрихъ Гейне, въ переводѣ Н. П. Грекова. М. 1863. 5) Ролла. Поэма Альфреда де Мюссе. Переводъ Н. П. Грекова. М. 1864. 6) Разсказы и очерки Н. П. Грекова. М. 1865. 7) Новыя стихотворенія. Н. П. Грекова. М. 1866.

I.

ОБЛАКА.

Серебристою грядою
Быстро мчатся облака;
Подъ лазурной пеленою
Имъ дорога широка.
Полны яркаго сіянья,
Полны радужныхъ цвѣтовъ,
Какъ видѣнья чудныхъ сновъ,
Какъ волшебныя мечтанья,
Вдаль стрѣлой они летятъ,
Блескомъ землю озаряютъ
И по небу разстилаютъ
Свой серебряный нарядъ.
Но воздушнымъ участь таже,
Что мечтаньямъ молодымъ:
Ждётъ одинъ законъ на стражѣ
Ихъ подъ сводомъ голубымъ.
Минетъ утра часъ летучій,
Полдень небо раскалитъ
И серебрено-зыбучій
Облаковъ волшебный видъ
Въ громовыя сдвинетъ тучи,
Жгучей молньей окаймитъ.
И сольётся на лазури
Серебро ихъ въ ризу бури
И спадётъ въ грозѣ своей
Мутной влагою дождей.
Такъ кипучими страстями
Полдень жизни обожжётъ
Сновъ восторженныхъ полётъ,
Броситъ долу ихъ слезами
И туманными мечтами
Душу бурно обовьётъ.

II.

Бываетъ порою:
Такъ хочешь молиться,
Такъ радъ бы душою
Съ душой подѣлиться.

И сердце бъ изъ груди
Здѣсь вырвалъ охотно,
И молвилъ бы: «люди,
Терзайте свободно!»

А тёмныя грёзы
Бушуютъ и вьются,
А жгучія слёзы
Такъ моремъ и льются —

И въ эти мгновенья
Ужасна невзгода:
Ей нѣтъ выраженья,
Ей нѣтъ перевода.

III.

Цѣлую ночь на востокѣ играетъ зарница;
Носится грёзъ золотыхъ надо мной вереница,
Душу ласкаетъ мою и волнуетъ, и мучитъ:
Видно ничто меня съ ними, ничто не разлучитъ!

Цѣлую ночь ко мнѣ въ окна изъ тёмнаго сада
Запахъ сирени приноситъ ночная прохлада;
Пѣснь соловья раздаётся въ куртинѣ — далёко —
И обаяніемъ весь я проникнутъ глубоко.

Цѣлую ночь я не сплю, да и спать не хочу я;
Всѣ впечатлѣнія жадно душою ловлю я!
Всё, что она осязаетъ средь мрака ночнова —
Всё перелилъ бы я въ звукъ, да въ горячее слово.

IV.

ПРИМѢТЫ ОСЕНИ.

Мелькаетъ жолтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ;
И покраснѣлъ уже вдали ковёръ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всёмъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;

Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.

И цѣлый день скрипятъ воза, и далекó
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несётся высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.

Прости пора цвѣтовъ и тёплыхъ, ясныхъ дней,
Пора блестящихъ зорь, черёмухъ благовонныхъ,
Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей
И пѣсенъ, и любви, и грёзъ неугомонныхъ!

Но осень я люблю: она мила мнѣ. Пусть
Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любитъ, и ласкаетъ —

Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
И листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
Какъ умирающей красавицы улыбка.

V.

ОЖИДАНІЕ.

Давно закатъ облитъ румяною зарёю
И смолкнуло въ поляхъ, и въ озеро луна
Свой свѣтъ отбросила огнистой полосою,
И ужъ давно, давно за шторой голубою
У ней свѣча погашена.

Душа взволнована тоскою ожиданья
И ею лишь одной полны мечты мои —
И раздражаетъ ихъ и мѣсяца сіянье,
И запахъ отъ цвѣтовъ, и ночи обаянье,
И ближней рощи соловьи.

Увижу ли тебя, всѣхъ думъ моихъ царица,
Услышу ль голосъ твой? иль передъ утромъ вновь
Отяжелѣлыя мнѣ сонъ сомкнётъ рѣсницы,
И только лживыхъ грёзъ слетятся вереницы
Утѣшить грустную любовь?

И только въ нихъ тебя мои обнимутъ руки
И горячо твои прижмутъ къ груди меня,
Иль только выльется мой бредъ полночный въ звуки,
И выскажутъ они всю грусть мою, всѣ муки,
Весь жаръ душевнаго огня?

VI.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

На небѣ, облитомъ багряной зарёй
Чернѣютъ вершины деревъ;
Мелькаетъ зарница за дальней горой
Межь двухъ золотыхъ облаковъ.

Алмазныя звѣзды въ лазури дрожатъ;
Въ саду отъ деревьевъ темно;
Столѣтнія липы, какъ башни, стоятъ
И рвутся вѣтвями въ окно.

Изъ облака свѣтъ полосами луна
Бросаетъ на лугъ и поля;
Въ рѣкѣ подъ лозою чуть плещетъ волна,
Высокій тростникъ шевеля.

—

В. И. КРАСОВЪ.

Василій Ивановичъ Красовъ, сынъ кадниковскаго соборнаго протоіерея, родился въ 1810 году, въ городѣ Кадниковѣ, Вологодской губерніи. Окончивъ ученіе въ Вологодской семинаріи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ, по окончаніи полнаго курса по словесному факультету, получилъ степень кандидата и въ 1835 году опредѣлёнъ старшимъ учителемъ въ Черниговскую гимназію. Въ началѣ 1837 года Красовъ былъ вызванъ въ Кіевъ и назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта въ университетъ Св. Владиміра, гдѣ, въ слѣдующемъ же 1838 году, произнёсъ на торжественномъ актѣ рѣчь: «О современномъ направленіи вообще и преимущественно въ Россіи». Будучи талантливымъ поэтомъ, Красовъ былъ далеко не талантливымъ профессоромъ. При всёмъ уваженіи

къ его поэтическимъ произведеніямъ и ихъ направленію, отзывавшемуся чѣмъ-то гейневскимъ, слушатели Красова были не совсѣмъ довольны его лекціями, не отличавшимися серьёзнымъ изученіемъ предмета. Вотъ что говоритъ о его профессорской дѣятельности авторъ «Исторіи университета Св. Владиміра», Виталій Шульгинъ: «Красовъ былъ даровитая поэтическая натура, но ни сколько не профессоръ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и учонымъ, ему не доставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ, подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Этою восторженностью онъ производилъ нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей, только-что поступившихъ въ университетъ; но старые студенты мало цѣнили его лекціи, состоявшія изъ ходячихъ въ то время фразъ о *непонятыхъ натурахъ*, о людяхъ, родившихся на свѣтъ *съ богатствомъ жизненныхъ вопросовъ* и т. п. Впрочемъ, къ чести Красова должно сказать, что восторженность его была неподдѣльная, и жаръ, съ которымъ онъ читалъ лекціи, былъ не *подкожнымъ* жаромъ, но истекалъ прямо изъ свойствъ его поэтической личности. Вообще, у него было много благородства и душевной теплоты. Несостоятельность учоныхъ свѣдѣній Красова вполнѣ оказалась на докторскомъ его диспутѣ. Тутъ его не могла уже выручить даже блестящая его фразеологія — и ему отказано было въ учоной степени.»

Слѣдствіемъ неудачной защиты имъ своей докторской диссертаціи, было увольненіе его отъ должности адъюнкта университета. Оставивъ въ 1839 году Кіевъ и переселившись обратно въ Москву, Красовъ долгое время занималъ должность учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній московскаго округа и умеръ въ 1855 году въ Москвѣ въ крайней бѣдности.

Красовъ началъ писать стихи ещё въ семинаріи и продолжалъ упражняться въ ихъ сочиненіи во всё продолженіе своего пребыванія въ Московскомъ университетѣ. Вскорѣ по выходѣ Красова изъ университета, стихотворенія его стали появляться въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Москвитянинѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія». Въ 16-й части перваго изъ этихъ журналовъ на 1838 годъ были напечатаны два оригинальныхъ стихотворенія Красова: «Пѣсня» и «Дума», которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ быть названы первыми его печатными произведеніями. По смерти автора, стихотворенія его были собраны г. Шейномъ и изданы имъ въ Москвѣ въ 1860 году, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія В. И. Красова». Лучшими стихотвореніями Красова считаются: «Ахъ, ты, мать моя», «Ночной товарищъ», «Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними», «Пронеслась, пронеслась, моя младость», «Мечтой и сердцемъ охладѣлый», «Взгляни мой другъ: по небу голубому...» и другія. Изъ статей Красова, намъ извѣстна всего только одна, напечатанная въ 10-й книжкѣ «Москвитянина» на 1848 годъ, озаглавленная такъ: «Нѣсколько словъ противъ г. Соловьёва». Стихотворенія Красова пользовались въ своё время нѣкоторою извѣстностью. Впрочемъ, и въ настоящее время многія изъ нихъ могутъ занять почётное мѣсто въ любой христоматіи.

I.

ПѢСНЯ.

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ лёгкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдётъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка.

Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ, и непогоды —
Они твоё блаженство унесутъ.

Прости, забудь, не требуй объясненій:
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить!
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слёзъ, для счастія — любить!

Взгляни, взгляни: по небу голубому,
Какъ лёгкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдётъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

II.

ЭЛЕГІЯ.

Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!
Но — видитъ Богъ — я сердцемъ не злодѣй:
Я такъ хотѣлъ любить людей,
Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,

Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей!
Я простиралъ къ нимъ жаркія объятья,
Младое сердце въ даръ имъ нёсъ —
И не признали эти братья,
Не раздѣлили братскихъ слёзъ.
А я ихъ такъ любилъ! Къ чему воспоминанья?
То были юноши безумныя желанья;
Я былъ дитя. Теперь же вновь люблю
Обитель тихую, безмолвную мою.
Тамъ зрѣютъ въ тишинѣ властительныя думы,
Кипятъ желанія, волнуются мечты,
И миръ души моей, то свѣтлый, то угрюмый,
Не возмущается дыханьемъ клеветы.
Но ты со мной, благое Провидѣнье!
Не Ты ли, мой Творецъ, не Ты ли, вѣчный Богъ,
Не Ты ль послалъ въ моё уединенье
И чистый пламенный восторгъ,
И тихое, святое размышленье?
Когда же по душѣ пройдётъ страстей гроза,
Настанетъ тягостная битва —
Есть на устахъ Тебѣ горячая молитва,
А на глазахъ дрожащая слеза.
Тогда бѣгу людей, боюсь ихъ приближенья
И силюсь затаить и слёзы, и волненья,
Чтобъ взоръ лукавой клеветы
Не оскорбилъ моей мечты —
И грустно разстаюсь я съ думами моими.
Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!

III.

Пронеслась, пронеслась моя младость,
Навсегда она сномъ унеслась,
А твоя свѣтлоокая радость —
Твоя юность едва началась!

Ты дитя; но опасныхъ волненій —
Знаю — грудь молодая полна.
Не зови, не готовь откровеній:
Мнѣ безъ словъ твоя тайна ясна.

Не зови, не готовь откровеній:
Мы не властны догнать, воротить
Пролетѣвшихъ далёкихъ мгновеній
И заставить вновь сердце любить!

Если жь быстро, средь радости шумной,
Сердце вспыхнетъ потухшее вновь —
Ты не вѣрь моей клятвѣ безумной:
То минутный порывъ — не любовь!

На минуту веселье обманетъ,
Его снова подавитъ тоска:
Такъ осеннее солнце проглянетъ
И закроютъ его облака.

Омрачу ли удѣлъ твой прекрасный?
Я — какъ дубъ, опалённый грозой:
Для чего жь его нѣжно и страстно
Обвивать тебѣ, плющъ молодой?

IV.

НОЧНОЙ ТОВАРИЩЪ.

Въ чистомъ полѣ, что̀ есть силы,
Скачетъ конь мой вороной.
Всё кругомъ, какъ бы въ могилѣ,
Полно мёртвой тишиной.

Въ чистомъ полѣ на просторѣ
Мчусь я съ пѣснью удалой.
Кто-то, слышу, въ тёмномъ борѣ
Перекликнулся со мной...

Полночь было; въ тёмной дымкѣ
Полумѣсяцъ молодой...
Чую, кто-то невидимкой
Скачетъ объ руку со мной.

V.

Мечтой и сердцемъ охладѣлый,
Разставшись съ бурями страстей,
Для мукъ любви окаменѣлый,
Живу я тихо межь людей.

Мои завѣтныя желанья
Ужь въ непробудномъ снѣ молчатъ;
Мои сердечныя преданья
Мнѣ чудной сказкой ужь звучатъ.

Но я живу ещё: порою
Могу я чувствовать, страдать,
Надъ одинокой головою,
Хоть рѣдко, вѣетъ благодать.

Созданья генія — понынѣ —
И добродѣтели простой
Высокій подвигъ, какъ святыня,
Моею властвуютъ душой.

VI.

Ахъ, ты, мать моя, змѣя-мачиха!
Ты не бей меня, не позорь меня!
Я пойду гулять — разгуляюся,
Съ молодымъ купцомъ повидаюся;
Я пойду гулять, наряжу себя,
Уберусь ли вся по-бывалому:
Въ косу длинную, въ косу русую
Заплету — вотъ такъ — ленту алую.
У меня ль, младой, грудь высокая,
Глаза чорные съ поволокою,
На бѣлой груди жаръ-кольцо горитъ.
Ахъ, подруженьки! вы не слышали,
Какъ въ глухую ночь, въ тёмной горницѣ
Мать зарѣзала добра молодца,
Деньги вынула, полы вымыла.
Что ты бьёшь меня, что ты мучаешь?
Я пойду къ нему, полечу къ нему,
Завернусь въ туманъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ.
Что жь ты блѣденъ такъ въ бѣломъ саванѣ?
Я пришла къ тебѣ, какъ ты самъ велѣлъ.
Видишь, мѣсяцъ ужь ходитъ на небѣ,
А въ сыромъ бору соловей запѣлъ.

—

И. П. КЛЮШНИКОВЪ.

Иванъ Петровичъ Клюшниковъ родился въ началѣ десятыхъ годовъ текущаго столѣтія въ сумскомъ имѣніи своего отца, харьковскаго помѣщика. Начавъ своё воспитаніе дома, подъ надзоромъ гувернёра-учителя и продолжая его въ Московской первой гимназіи, онъ поступилъ, въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ Московскій университетъ, на словесный факультетъ. Во всё продолженіе своего четырёхлѣтняго пребыванія въ университетѣ Клюшниковъ усердно посѣщалъ лекціи и, вообще, занимался дѣломъ какъ слѣдуетъ, почему и окончилъ курсъ наукъ со степенью кандидата и съ запасомъ знаній, послужившихъ основаніемъ той серьёзности взгляда на вещи, которою запечатлѣны всѣ позднѣйшія его произведенія. По выходѣ изъ университета около 1835 года, Клюшниковъ былъ назначенъ учителемъ въ Дворянскій институтъ, нынѣ первая Московская гимназія. Здѣсь пробылъ онъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего распростился навсегда съ педагогическими занятіями и весь предался литературѣ, которая начала манить его къ себѣ ещё въ пору студенчества, причёмъ часто отвлекала отъ обязательныхъ занятій. Когда въ портфелѣ Клюшникова накопилось порядочное число разнаго рода стихотвореній, у него родилась мысль напечатать что-нибудь изъ своего собранія; но боязнь быть поднятымъ на смѣхъ досужими рецензентами долго охлаждала его рвеніе — увидѣть себя напечатаннымъ, и только мысль явиться на судъ публики и критики подъ псевдонимомъ успокоила его — и онъ окончательно рѣшился печататься. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ избралъ для своего псевдонима букву ѳиту съ двумя тире по бокамъ (—Ѳ—) и, подписавъ этимъ знакомъ четыре своихъ стихотворенія: «Элегію», «Половодье», «Я не люблю тебя» и «Мѣдный всадникъ», отправилъ ихъ въ 1838 году въ редакцію «Московскаго Наблюдателя», съ просьбой о напечатаніи. Стихи понравились редактору журнала и были вскорѣ напечатаны въ 17-й и 18-й частяхъ «Московскаго Наблюдателя» того же года. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1839 году, на страницахъ того же журнала (т. 1-й), появилось ещё три стихотворенія Клюшникова, подъ слѣдующими заглавіями: «Первый урокъ», «Жаворонокъ» и «Я ужь давно за слёзы упоенья...» Несмотря на сравнительную слабость названныхъ стихотвореній, всѣ они были замѣчены многими — и ѳита съ двумя тире по бокамъ стала знакомой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, милой для многихъ любителей поэзіи. Начиная съ конца 1839 года, Клюшниковъ перестал печатать въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и перенёсъ свою литературную дѣятельность въ Петербургскіе журналы «Отечественныя Записки» и «Современникъ», причёмъ первымъ стихотвореніемъ, помѣщённымъ въ первомъ изъ этихъ журналовъ (томъ VII, стр. 134), было — «Весна», небольшая но весьма граціозная пьеса. За нею, въ 1840 году, на страницахъ того же журнала, появился цѣлый рядъ стихотвореній Клюшникова, а въ ихъ числѣ и «Пѣснь инвалида», начинающаяся слѣдующей характеристикой великаго Суворова:

Былъ у насъ въ былые годы
Знаменитый генералъ:
Я, ребёнкомъ, про походы
И про жизнь его читалъ.
Былъ русакъ — Россію нашу
Всей душою онъ любилъ:
Былъ солдатъ — ѣлъ щи, да кашу,
Русскій квасъ и водку пилъ;
На морозѣ обливался,
Спалъ на сѣнѣ подъ плащомъ

И съ артелью заливался
Перелётнымъ соловьёмъ.

Затѣмъ, во второй книжкѣ было напечатано три стихотворенія: «Собирателямъ моихъ элегій», «Поэзія» и «Ночное раздумье»; въ третьей — два: «Малютка» и «Старая печаль»; въ четвёртой — два: «Мой геній» и «Красавицѣ», въ шестой — два: «Ей» и «Городокъ»; въ седьмой — одно: «Когда горя преступнымъ жаромъ...»; въ осьмой — два: «Осенній день» и «Претензіи»; въ девятой — одна: «Пѣсня»; въ десятой — два: «Жизнь» и «Меланхоликъ»; въ одиннадцатой — два: «Ночная молитва» и «Слава Богу, на Парнасѣ...» и въ двѣнадцатой — одно: «Къ Москвѣ». Въ томъ же году, въ 17-мъ томѣ «Современника», издававшемся въ то время Плетнёвымъ, также было напечатано одно стихотвореніе Клюшникова: «На смерть дѣвушки», чѣмъ и ограничилось его участіе въ этомъ журналѣ. Послѣднимъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ Клюшниковымъ, была небольшая пьеса «Воспоминаніе», появившаяся въ 6-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Стихотвореніе это, которое читатель найдётъ въ нашемъ изданіи, проникнуто тѣмъ неподдѣльнымъ чувствомъ, которому нельзя не вѣрить, и исполнена той задушевности, которая хватаетъ за сердце и остаётся въ памяти на всю жизнь. И, не смотря на это, «Воспоминаніе» было послѣднимъ стихотвореніемъ Клюшникова. Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ — и ни единаго звука не донеслось до насъ изъ того глухого *далёко*, куда удалился поэтъ; и — что всего грустнѣе — это *далёко* не могила, а деревенская глушь, гдѣ-то *тамъ* — на окраинѣ неоглядной Земли Русской. И гдѣ причина это молчанія, когда успѣхъ встрѣтилъ его на самомъ порогѣ литературной арены и сопровождалъ его безъ малѣйшей помѣхи во всё продолженіе литературной его дѣятельности, продолжавшейся всего четыре года? Подумаешь — и евангельская притча о лѣнивомъ рабѣ, зарывшемъ свой талантъ въ землю, какъ-то невольно возникаетъ предъ умственными очами.

Послѣднимъ произведеніемъ Клюшникова была повѣсть: «Любовная сказка», написанная въ 1849 году, ещё въ бытность его въ Москвѣ, и напечатанная въ 6-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года. Повѣсть — какъ большинство повѣстей, печатавшихся въ то время въ журналахъ, ни хороша, ни дурна — та золотая посредственность, какой не оберёшься въ нашей журналистикѣ. И это послѣ восьми лѣтъ молчанія!

I.

МОЙ ГЕНІЙ.

Когда земныя наслажденья,
Разсчёты грязной суеты,
Игра страстей и заблужденья,
Своекорыстныя мечты
Меня измучили: тоскою
Душа наполнилась моя;
Мнѣ міръ казался пустотою:
Я въ мірѣ видѣлъ лишь себя.
Запала къ счастію дорога,
Исчезъ блаженства идеалъ
И — Танталъ новый — я на Бога,
Томимый жаждою, роптал̀ъ.
Въ часы грѣховныхъ сновидѣній
Тогда, свидѣтель лучшихъ дней,
Ко мнѣ являлся свѣтлый геній
Святой невинности моей.
Онъ на меня взиралъ съ тоскою;
Какъ юной дѣвы идеалъ,
Сіяя вѣчной красотою,
Онъ вѣчной благостью сіялъ,
И озарялъ онъ сумракъ ночи —
И, сознавая благодать,
Стыдомъ окованныя очи
Не смѣлъ я на него поднять.
Я падалъ ницъ предъ нимъ съ мольбою,
Я заблужденье проклиналъ;
А онъ молился надо мною
И въ новый путь благословлялъ.

II.

КРАСАВИЦѢ.

Не смущай стыдливымъ взоромъ
Очарованныхъ очей!
Не бѣги съ нѣмымъ укоромъ
Отъ восторженныхъ рѣчей!

То молитвы — безъ желанья!
Какъ предъ дѣвой неземной,
Бога лучшее созданье,
Я стою передъ тобой!

Не съ холоднымъ удивленьемъ
Я смотрю на образъ твой —
Съ непривычнымъ умиленьемъ,
Съ безконечною тоской.

Всё, что̀ льститъ мнѣ, всё, что льстило
И въ мечтахъ, и на яву,
Всё, что̀ будетъ, всё что̀ было,
Всё, чѣмъ жилъ я, чѣмъ живу —

Всё погибло. Въ свѣтломъ взорѣ
Жизнь я новую нашолъ,
Но въ нѣмомъ твоёмъ укорѣ
Я судьбу свою прочёлъ.

Путникъ, въ радости, рыдаетъ,
Скучный путь окончa свой,
Но оазъ предъ нимъ сіяетъ
Равнодушной красотой.

Будь же мнѣ — душой свободной
Чувствъ невольныхъ не дѣля —
Ты оазомъ на безплодной,
Скучной степи бытія!

Не смущай стыдливымъ взоромъ
Очарованныхъ очей!
Не бѣги съ нѣмымъ укоромъ
Отъ восторженныхъ рѣчей!

III.

ЖИЗНЬ.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Всё прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворивый міръ въ нёмъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить —
Вотъ въ чёмъ жизни назначенье,
Вотъ что̀ значитъ въ Богѣ жить!

IV.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я васъ любилъ — давно, безъ упованья!
За арфою, въ вечерней тишинѣ,
Неясныя души моей желанья
Вы звуками высказывали мнѣ.

Лилися въ душу сладостные звуки;
Внимая имъ, въ восторгѣ я рыдалъ —
И счастливъ былъ: блаженство сладкой муки
Любить и плакать я впервые зналъ.

Я васъ любилъ — Невѣста молодая!
Онъ васъ плѣнилъ, красавецъ молодой —
И, радостью небесною сіяя,
Вы шли къ вѣнцу прекрасною четой.

Я былъ въ толпѣ — и, притаивъ дыханье
Спокойно на обрядъ святой глядѣлъ:
Я спряталъ отъ людей своё страданье,
Я въ тишинѣ оплакалъ свой удѣлъ.

Я васъ любилъ! Склонясь на изголовье
Младенца-ангела прозрачною рукой,
Глядѣли вы съ надеждой и любовью
На первенца любви своей святой.

И я глядѣлъ — и сердцемъ забывался:
Души моей завѣтный идеалъ
Я видѣлъ въ васъ — я вами любовался
И свято васъ любилъ — и не страдалъ.

Я васъ любилъ! На долгую разлуку
Судьба влекла меня въ далёкій край —
И лобызалъ я, плача, вашу руку
И вы сказали: «добрый другъ, прощай!»

И я теперь люблю тебя, мой геній!
Какъ даръ храню прощальный взоръ очей —
И въ сладкій часъ волшебныхъ сновидѣній
Я слышу сердцемъ въ тишинѣ ночей
И лёгкій шумъ плѣнительныхъ движеній,
И музыку чарующихъ рѣчей.

V.

МЕЛАНХОЛИКЪ.

Я помню дѣтство: въ радужныхъ лучахъ
Жизнь предо мной роскошно разстилалась,
Взоръ отдыхалъ на розахъ, а въ мечтахъ
Лишь радость новой радостью смѣнялась.

Любви жилищемъ мнѣ казался свѣтъ,
А люди всѣ казалися друзьями;
Я лепеталъ имъ въ радости привѣтъ
И въ даль спѣшилъ съ надеждой и мечтами.

Шли годы, тускнулъ міръ — сѣдая даль
Отъ взоровъ скрыла чудныя видѣнья;

Глубоко въ сердце вгрызлася печаль,
Стѣснило грудь мнѣ тяжкое сомнѣнье.

Въ нѣмой тоскѣ печально жизнь влачу,
Живу одинъ, безъ цѣли, безъ участья.
Я счастія безумцевъ не хочу,
Не находя знакомаго мнѣ счастья!

И гдѣ жь они? гдѣ люди? гдѣ любовь?
Гдѣ свѣтлыя весны моей картины?
Душа болитъ и въ сердцѣ стынетъ кровь —
И я прошу у жизни лишь кончины.

VI.

Я понимаю взоръ твой страстный,
Я знаю смыслъ твоихъ рѣчей —
Я вижу всё; но, другъ прекрасный,
Я не прошу любви твоей!

Тоску души моей холодной
Она не въ силахъ исцѣлить:
Я не могу любить свободно,
Я не могу, какъ ты любить.

Въ сіяньи дня, во мракѣ ночи
Я вижу блѣдныя уста —
И смотрятъ плачущія очи
Съ святой любовью на меня.

Непостижимой, тайной силой
Она вездѣ, всегда со мной —
И на груди твоей, другъ милый,
Я сталъ бы думать о другой!

VII.

ПО ПРОЧТЕНІИ БАЙРОНОВА «КАИНА».

Я здѣсь одинъ: меня отвергли братья;
Имъ непонятна скорбь души моей;
Пугаетъ ихъ на мнѣ печать проклятья,
А мнѣ противны звуки ихъ цѣпей.

Кляну ихъ рай, подножный кормъ природы,
Кляну твой бичъ, безумная судьба,
Кляну мой умъ — рычагъ моей свободы,
Свободы жалкой бѣглаго раба!

Кляну любовь мою, кляну святыню,
Слѣпой мечты безчувственный кумиръ,
Кляну тебя, безплодную пустыню,
Въ зачатіи Творцомъ проклятый міръ!

VIII.

СТАРАЯ ПЕЧАЛЬ.

О чёмъ, безумецъ, я тоскую?
О чёмъ души моей печаль?
Зачѣмъ я помню жизнь былую?
Что назади? чего мнѣ жаль?

Гдѣ слѣдъ горячаго участья?
Любилъ ли я когда-нибудь?
Нѣтъ, я не зналъ людского счастья!
Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!

Какъ очарованный — въ туманѣ
Земныхъ желаній и страстей —
Я плылъ въ житейскомъ океанѣ
Съ толпой мнѣ чуждыхъ кораблей.

Но я сберёгъ остатокъ чувства,
Я жилъ, я мучился вдвойнѣ:
Въ день — рабъ сомнѣнья и безумства,
Ночь плакалъ о погибшемъ днѣ.

Душа алкала просвѣтлѣнья —
И онъ насталъ, священный мигъ!
Я сердцемъ благость Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.

Я въ пристани. Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите! Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?

Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занёсъ я старую печаль?
Сквозь слёзъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго мнѣ жаль!

Д. Т. ЛЕНСКІЙ.

Димитрій Тимофѣевичъ Ленскій, извѣстнѣйшій изъ русскихъ водевилистовъ, авторъ «Льва Гурьича Синичкина» и талантливый переводчикъ Беранже, родился въ 1805 году въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, Тимофей Степановичъ Воробьёвъ, глава зажиточнаго купеческаго семейства, занимался торговлей. Предназначая сына своего для занятій по коммерціи, отецъ отдалъ его въ 1813 году въ Московскую Практическую Академію коммерческихъ наукъ, по окончаніи полнаго курса въ которой въ 1819 году, опредѣлилъ въ контору одного англійскаго негоціанта, поселившагося уже давно въ Москвѣ.

Вступивъ въ контору, молодой Воробьёвъ принялся ревностно за исполненіе своихъ обязанностей, но трехлѣтнія усиленныя работы по счётной части до того разстроили его и безъ того слабое здоровье, что доктора посовѣтывали ему избрать другой родъ занятій. Какъ это послѣднее обстоятельство, такъ равно и то, что около этого времени дѣла Воробьёвыхъ разстроились, побудили молодого человѣка обратиться къ совершенно другому дѣлу и избрать совершенно противоположное своей первоначальной дѣятельности поприще — сцену. Впрочемъ, надо замѣтить, что страсть къ театру была съ самаго дѣтства господствовавшею въ его сердцѣ, а съ годами достигла того, что, не смѣя просить отца о позволеніи вступить на сцену, онъ принуждёнъ былъ дебютировать тайно, подъ именемъ Ленскаго, въ роляхъ первыхъ любовниковъ, въ небольшихъ комедіяхъ и водевиляхъ. Впослѣдствіи, разсказывая объ этомъ рѣшительномъ шагѣ въ своей жизни, сдѣланномъ имъ вопреки воли отца, Ленскій всякій разъ съ глубокимъ чувствомъ прибавлялъ, указывая на портретъ его, висѣвшій у него на почётномъ мѣстѣ: «много горя принёсъ я моему доброму старику!»

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, отецъ простилъ своего любимаго сына, на котораго возлагалъ столько не осуществившихся надеждъ, какъ на наслѣдника своей торговой фирмы, и къ концу своей жизни совершенно примирился съ его новымъ поприщемъ.

Поступивъ на московскую сцену 11-го апрѣля 1824 году, на роли молодыхъ людей и жениховъ въ комедіяхъ, Ленскій долго не могъ обратить на себя благосклоннаго вниманія публики, остававшейся къ нему постоянно холодной до самаго начала тридцатыхъ годовъ, то-есть до времени появленія его на сценѣ въ собственной ролѣ, то-есть въ ролѣ переводчика и передѣлывателя на русскіе нравы французскихъ водевилей, громадный успѣхъ которыхъ скоро сдѣлалъ имя его извѣстнымъ во всѣхъ концахъ Россіи. Съ этого времени и публика стала глядѣть на Ленскаго совсѣмъ другими глазами — и вскорѣ репутація старательнаго, умнаго и полезнаго артиста упрочилась за нимъ и держалось потомъ безъ всякихъ колебаній до самой его смерти. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ-какъ истинная любовь къ дѣлу, настойчивость въ достиженіи своей цѣли, умъ и талантъ должны всегда, рано или поздно, взять своё и явиться предъ безпристрастными глазами публики въ настоящемъ своёмъ свѣтѣ.

Хорошо зная французскій языкъ и свободно владѣя русской рѣчью, Ленскій, въ теченіе своей слишкомъ тридцатилѣтней литературной дѣятельности, перевёлъ и передѣлалъ до семидесяти двухъ оперъ, комедій и водевилей, которыя были собраны въ 1835 году самимъ авторомъ и изданы въ четырёхъ томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Оперы и водевили. Переводъ съ французскаго Димитрія Ленскаго. Москва. 1835 — 1836.» Сюда вошли слѣдующія двадцать пьесъ: «Невѣста», опера въ 5 д.; «Чудныя приключенія и удивительное морское путешествіе Пьетро Дондини», волшебная опера-водевиль въ 5 д.; «Кетли, или возвращеніе въ Швейцарію», опера-водевиль въ 1 д.; «Филиппъ, или фамильная гордость», комедія-водевиль въ 1 д.; «Мужъ и жена», комедія-водевиль въ 1 д.; «Двѣ ночи», опера въ 3 д.; «Первая любовь», комедія-водевиль въ 1 д.; «Актриса, пѣвица и танцовщица», комедія-водевиль въ 1 д.; «Людовикъ, или ненависть и любовь», опера въ 2 д.; «Усы», комедія-водевиль въ 1 д.; «Морской разбойникъ Цампа, или мраморная невѣста», опера въ 5 д.; «Дезертиръ, или тоска по отчизнѣ», опера-водевиль въ 1 д.; «Баронъ фонъ-Тренкъ», комедія-водевиль въ 1 д.; «Эмми, или безразсудное обѣщаніе», опера въ 3 д.; «Хороша и дурна, и глупа, и умна», водевиль въ 1 д., передѣланный съ французскаго; «Любовное зелье, или цырульникъ-стихотворецъ», опера-водевиль въ 1 д.; «Старый-гусаръ, или пажи Фридриха II», опера-водевиль въ 3 д.; «Теобальдъ, или возвращеніе изъ Россіи», комедія-водевиль въ 1 д.; «Часъ въ тюрьмѣ, или ещё въ чужомъ пиру похмѣлье», шутка-водевиль въ 2 д. и «Два мужа», комедія-водевиль въ 1 д.

Но эти двадцать пьесъ не заключаютъ въ себѣ всего круга литературной дѣятельности Ленскаго, такъ-какъ въ названное изданіе не вошли слѣдующія одиннадцать пьесъ, отпечатанныхъ въ теченіе 1828 — 1836 годовъ отдѣльными книжками. Вотъ онѣ:

1) Ещё суматоха, или на свѣтѣ всё превратно. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣлана съ французскаго. М. 1828. 2) Сватъ не впопадъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣлана съ французскаго. М. 1828. 3) Честный воръ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго. М. 1829 г. 4) Невинный въ винѣ, или судейскій приговоръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланъ съ французскаго. 5) Воспитанникъ любви, или какъ онъ перемѣнился. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Передѣлана съ французскаго. М. 1830. 6) Дѣдушка-женихъ. Водевиль въ одномъ дѣй-

ствіи. Переводъ съ французскаго. М. 1830. 7) Господинъ-слуга, или при случаѣ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго. М. 1830. 8) Прекрасный принцъ, или небылицы въ лицахъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго. М. 1830. 9) Крестная маменька. Водевиль въ одномъ дѣйствіи Скриба. Переводъ съ французскаго. М. 1831. 10) Стряпчій подъ столомъ. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Передѣланъ съ французскаго. М. 1834. Изданіе 2-е и 3-е — 1838 и 1839. 11) Дамскій докторъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланъ съ французскаго. Спб. 1836.

Затѣмъ, начиная съ 1839 года, комедіи и водевили Ленскаго стали появляться и на страницахъ «Репертуара» и «Пантеона», двухъ театральныхъ журналахъ, издававшихся въ то время въ Петербургѣ, причёмъ въ первомъ изъ нихъ было напечатано десять его пьесъ, а во второмъ — четыре, а именно: въ «Репертуарѣ» на 1839 годъ, №№ 7 и 8: «Два купца и два отца», комедія-водевиль въ 1 д. и «Влюблённый братъ», драма-водевиль въ 1 д., обѣ переведены съ французскаго; на 1840 годъ, №№ 1 и 5: «Левъ Гурычъ Синичкинъ или провинціальная дебютантка», водевиль въ 5 д. и «Харьковскій женихъ, или домъ на двѣ улицы» водевиль въ 2-хъ д.; оба — передѣлки съ французскаго; на 1841 годъ, №№ 7 и 8: «Въ людяхъ ангелъ — не жена, дома съ мужемъ — сатана», водевиль въ 3-хъ д., «Пажи Басанпьера», водевилъ въ 1 д. и «Двѣ кормилицы», фарсъ-водевиль въ 1 д.; всѣ три — передѣлки съ французскаго; на 1842 годъ, №№ 7, 10 и 20: «Барская спѣсь и Анютины глазки», водевиль въ 1 д., «Фортункинъ, или мужъ съ мѣста, другой на мѣсто», водевиль въ 1 д. и «Вотъ такъ пилюли — что̀ въ ротъ, то спасибо», комедія въ 3-хъ д.; всѣ три — передѣлки съ французскаго. Въ «Пантеонѣ» на 1840 годъ, № 12: «Добрый геній», трагедія-водевиль въ трёхъ суткахъ; передѣлка съ французскаго; на 1841 годъ, приложеніе, № 7: «Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ», водевиль въ 1 д., переводъ съ французскаго; на 1850, т. IV и V, №№ 7 и 9, приложенія: «Радъ — не радъ, а дѣлать нечего», водевиль 1 д. и «Волчій ротъ, лисій хвостъ», комедія-водевиль въ 2-хъ д.; обѣ — передѣлки съ французскаго.

Кромѣ того, въ теченіи этого періода, было напечатано Ленскимъ нѣсколько пьесъ отдѣльными книжками. Вотъ они: 1) Мальвина, или урокъ богатымъ невѣстамъ. Комедія въ 2-хъ д. въ стихахъ. Передѣлана съ французскаго. М. 1837. 2) Скряги въ тискахъ. Опера-водевиль въ 1 д. М. 1837. 3) Женихъ на расхватъ. Шутка-водевиль въ 1 д., передѣланная съ французскаго. М. 1837. 4) Хоть тресни, а женись. Комедія въ 1 д. изъ театра Мольера (Le mariage forcé). М. 1837. 5) Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ. Водевиль въ 1 д. М. 1838. 6) Мечты. Комедія въ 3-хъ д. Передѣлана съ французскаго. М. 1838. 7) Дамскій тайный совѣтникъ. Комедія въ 1 д. Передѣлана съ французскаго. Спб. 1838. 8) Три невидимки. Комедія-водевиль въ 2-хъ д. Переводъ съ французскаго. М. 1850. 9) Минеральныя воды. Водевиль въ 1 д. М. 1850. 10) Простушка и воспитанная. Водевиль въ 1 д. М. 1855. 11) Громобой. Большая фантастическая опера, въ 4-хъ д. Слова — Д. Ленскаго, музыка — А. Верстовскаго. М. 1857. Изданіе второе — М. 1865 и изд. третье — Кіевъ, 1873.

Наконецъ, въ посмертномъ изданіи сочиненій Ленскаго, вышедшемъ въ Петербургѣ въ 1874 году, въ шести томахъ, подъ заглавіемъ: «Театръ Д. Т. Ленскаго», кромѣ перепечатанныхъ изъ другихъ изданій, помѣщено тринадцать слѣдующихъ водевилей, передѣланныхъ съ французскаго: «У страха глаза велики», «Поцалуй по векселю», «Дядюшкина тайна», «Два брата съ Арбата», «Зятюшка», «Война съ тёщей», «Жертва мщенья», «Графъ-литографъ, или честолюбивая штопальница», «Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи», «Учоные чудаки и ребёнокъ», «Первый день брака черезъ тридцать лѣтъ послѣ свадьбы», «Учитель и мельничиха, или воспитаніе и природа» и «Гамлетъ Сидоровичъ и Офемья Кузьминична».

Что же касается остальныхъ трёхъ пьесъ, переведённыхъ Ленскимъ съ французскаго и дававшихся въ тридцатыхъ годахъ на московской сценѣ, но непопавшихъ въ печать, то всё, что̀ мы о нихъ знаемъ, заключается въ томъ, что это — три оперы, носящія слѣдующія названія: «Чорное домино или таинственная маска», «Марія или безнадежная любовь» и «Леокадія».

При всёмъ нашемъ желаніи перечислить въ предлагаемой статьѣ всѣ безъ исключенія оперы, комедіи и водевили, переведённыя и передѣланныя Ленскимъ на русскіе нравы, мы успѣли разыскать всего только семьдесятъ двѣ пьесы, хотя, по мнѣнію театраловъ, ихъ должно набраться до сотни. И, несмотря на это поражающее каждаго обиліе, большая часть его произведеній имѣла полный успѣхъ. Что же касается того, какъ удачно передѣлывалъ Ленскій французскія пьесы на русскіе нравы, то нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить извѣстныя его водевили «Хороша и дурна», «Барская спѣсь и Анютины глазки» и «Левъ Гурычъ Синичкинъ»,

имѣвшія громадный успѣхъ на сценахъ московской и петербургской, и обошедшія всѣ сцены провинціальныхъ театровъ. Во всѣхъ трёхъ названныхъ пьесахъ нѣтъ ничего французскаго, кромѣ основы. Единственною оригинальною пьесой Ленскаго можно назвать либретто оперы «Громобой», положенное на музыку Верстовскимъ, авторомъ «Оскольдовой Могилы».

Независимо отъ извѣстности переводчика для сцены, Ленскій пользуется также славой талантливаго переводчика Беранже, изъ котораго онъ перевёлъ до двадцати лучшихъ стихотвореній, или вовсе не попавшихъ въ печать, или затерявшихся въ разныхъ мало-извѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и, только благодаря заботливости «Современника» (1857, т. LXVI, № 11, стр. 1), сдѣлавшіяся отчасти извѣстными образованному меньшинству. Вообще, прослѣживая литературную и артистическую дѣятельность Ленскаго, нельзя не замѣтить, къ крайнему сожалѣнію, что онъ очень мало заботился о славѣ писателя, предпочитая ей извѣстность актёра. Помѣщаемъ здѣсь три лучшихъ и болѣе близкихъ перевода его изъ Беранже, подъ заглавіемъ: «Мой старый фракъ», «Нищая» и «Гадальщица».

I.

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткій,
Мой старый фракъ — другого не сошью!
Ужь десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щоткой,
Я каждый день счищаю пыль твою.
Пускай судьба смѣётся надъ тобою,
Твоё сукно съѣдая день отъ дня —
Будь твёрдъ, какъ я, не падай предъ судьбою!
Мой старый другъ, не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
День этотъ былъ — день моего рожденья
И хоръ друзей здоровье наше пилъ.
Ты весь истёртъ, но, не смотря на это,
Друзья у насъ — всё прежніе друзья:
Ихъ не стыдитъ истёртый фракъ поэта.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Твои края постёрлися немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды у порога
Она меня хотѣла удержать.
Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирила —
И я гостилъ у ней ещё два дня:
Она тебя заштопала, зашила.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельныхъ не рыскалъ,
Передъ звѣздой спины не изгибалъ.
Пускай иной хлопочетъ для отлички
Взять орденокъ — за нимъ не лѣзу я:
Два-три цвѣтка блестятъ въ твоей петличкѣ.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали —
Съ кѣмъ не знакомъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ свои есть радости, печали —
То вдругъ гроза, то солнышко взойдётъ;
Но, можетъ-быть, что скоро въ ящикъ гроба
Съ моей души одежду сброшу я...
Такъ подожди: мы въ землю ляжемъ оба.
Мой старый другъ, не покидай меня!

II.

Зима, метель — и въ крупныхъ хлопьяхъ
При сильномъ вѣтрѣ снѣгъ валитъ.
У входа въ храмъ одна, въ отрёпьяхъ,
Старушка нищая стоитъ.
И, милостыни ожидая,
Она всё тутъ съ клюкой своей
И лѣтомъ, и зимой — слѣпая.
Подайте Христа-ради ей!

Сказать ли вамъ, старушка эта
Какъ двадцать лѣтъ тому жила?
Она была мечтой поэта
И слава ей вѣнокъ плела.
Когда она на сценѣ пѣла —
Парижъ въ восторгѣ былъ отъ ней:
Она соперницъ не имѣла...
Подайте Христа-ради ей!

Бывало, послѣ представленья
Ей отъ толпы проѣзда нѣтъ,
И молодёжь отъ восхищенья
Гремѣла «браво» ей во слѣдъ.
Вельможи случая искали
Попасть въ число ея друзей,
Талантъ и умъ въ ней уважали...
Подайте Христа-ради ей!

Въ то время торжества и счастья
У ней былъ домъ... не домъ — дворецъ,
И въ этомъ храмѣ сладострастья
Томились тысячи сердецъ.

Какими пышными хвалами
Кадилъ ей кругъ ея гостей!

При счастьѣ всѣ дружатся съ нами!
Подайте Христа-ради ей!

Святая воля Провидѣнья:
Артистка сдѣлалась больна,
Лишилась голоса и зрѣнья —
И бродитъ по̀ міру одна.
Бывало бѣдный не боится
Придти за милостынью къ ней;
Она-жь просить у васъ — стыдится.
Подайте Христа-ради ей!

Ахъ, кто съ такою добротою
Въ несчастьѣ ближнимъ помогалъ,
Какъ эта нищая съ клюкою,
Когда Амуръ её ласкалъ!
Она всё въ жизни потеряла —
И чтобы въ старости своей
Она на Промыслъ не роптала —
Подайте Христа-ради ей!

III.

«Мамаша спитъ — шитьё бросаю:
Не всё жь сидѣть мнѣ за иглой!
Достану карты — загадаю
О томъ, что сбудется со мной.
«Гаданье — грѣхъ», твердитъ мамаша:
«И карты — паспортъ прямо въ адъ!»
Положимъ такъ; но — воля ваша —
А карты правду говорятъ.
Да, карты правду говорятъ!

«Есть офицеръ въ меня влюблённый —
И какъ онъ милъ, и какъ сложонъ...
Десятка пикъ; король червонный...
Король червонный — это онъ!
И пишетъ онъ ко мнѣ записку...
Но разлучить насъ съ нимъ хотятъ:
Онъ взялъ балетную артистку —
И взялъ ужасно какъ въ-накладъ...
Да, карты правду говорятъ!

«Шестёрка и король бубновый:
Червямъ на смѣну онъ спѣшитъ
И, для меня на всё готовый,
Онъ мнѣ о свадьбѣ говоритъ.
Четыре выпали валета;
Но три туза при нихъ лежатъ —
И разошлася свадьба эта.
Ахъ, карты правду говорятъ!
Да, карты правду говорятъ!

«Вотъ трефовый король — прекрасно!
Но — ахъ — при нёмъ девятка пикъ!
Я восхищалася напрасно —
И трефовый король — старикъ!
Вотъ исполненіе желанья:
Старикъ на мнѣ жениться радъ...
Два милліона состоянья —
Да это, просто, сущій кладъ!
Да, карты правду говорятъ!

«Я разъѣзжаю въ экипажѣ
Богатой, знатной госпожой,
Сижу въ театрѣ въ бель-этажѣ
И рой поклонниковъ со мной.
Семёрка пикъ! Мой мужъ бранится;
Я плачу, ссорюсь — насъ мирятъ...
Онъ, наконецъ, меня боится:
Его страшитъ мой гнѣвный взглядъ...
Да, карты правду говорятъ!

«Бубновая девятка — славно!
Тьма денегъ у меня въ ларцѣ.
Опять пиковка — не забавно:
Ужь я съ морщинкой на лицѣ.
О, Боже, дама пикъ! Ужели!
Какъ — я старуха? Это адъ!
Ахъ, нѣтъ: мама встаётъ съ постели,
А ей ужь слишкомъ пятдесятъ.
Да! карты правду говорятъ!»

Всѣ знавшіе коротко Ленскаго, отзываются о нёмъ какъ о человѣкѣ очень добромъ, остроумномъ, всегда весёломъ и большомъ хлѣбосолѣ. Онъ скончался 9-го декабря 1860 года и похоронёнъ на одномъ изъ московскихъ кладбищъ.

Въ заключеніе, помѣщаемъ отзывъ о Ленскомъ человѣка хорошо его знавшаго и искренно его любившаго и уважавшаго. «Вся жизнь Ленскаго», говоритъ князь Кугушевъ, «была посвящена искусству; онъ трудился много и всегда честно. Ещё въ молодыхъ лѣтахъ, начиная съ первыхъ опытовъ, онъ, какъ переводчикъ, имѣлъ огромный успѣхъ. Самъ Пушкинъ, послѣ спектакля въ Нескучномъ, пророчилъ ему громадную извѣстность. Его пьесы цѣлыя двадцать лѣтъ привлекали публику, которая наполняла большой московскій театръ, чтобы полюбоваться одно-актнымъ водевилемъ, какъ, напримѣръ, «Хороша и дурна». Ленскій писалъ для Щепкина, Рѣпиной и Сабуровой — и эти знаменитости обязаны многими своими успѣхами его даровитому перу, умѣвшему на чужой канвѣ вышивать свои узоры, причёмъ его передѣлки выходили лучше ори-

гиналовъ. За примѣрами ходить не далеко: «Левъ Гурычъ Синичкинъ» на долго переживётъ своего автора. Много написалъ Димитрій Тимофеевичъ. Большая часть его пьесъ имѣла успѣхъ, а иныя — производили фуроръ.»

I.

РАЗСТАВАНЬЕ.

Я любилъ васъ сердцемъ,
Я любилъ душою —
Вы же, какъ младенцемъ,
Забавлялись мною.

Вы не понимали
Ни моихъ желаній,
Ни моей печали,
Ни моихъ страданій!

Вы мнѣ не подруга,
Не для васъ я созданъ;
Разный другъ отъ друга
Жребій здѣсь намъ розданъ.

Должно намъ разстаться:
Двое мы — не оба!
Вамъ удѣлъ смѣяться,
Мой — любить до гроба!

II.

ИЗЪ ВОДЕВИЛЯ
«ЛЕВЪ ГУРЫЧЪ СИНИЧКИНЪ».

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ бѣдную комнату на постояломъ дворѣ; въ серединѣ — дверь, по сторонамъ — по двери. Простая старая мебель: два стула, столъ и комодъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Вѣтринскій; Синичкинъ, — *въ комнатѣ съ правой стороны,* Лиза — *въ каморкѣ съ львой стороны.*

Вѣтринскій *(входя въ середнія двери).* Что за лѣстница! Самъ чортъ ногу переломитъ! Да и квартира хороша — нечего сказать! Вѣдь есть же охотники жить на грязномъ постояломъ дворѣ, въ третьемъ этажѣ! А живутъ открыто: всѣ двери настежъ — хоть всё повыбери. Но воръ сюда не пойдётъ: здѣсь ничего нѣтъ интереснаго, кромѣ одного соблазнительнаго личика, которое совершенно вскружило мнѣ голову. И сумасшедшій ея отецъ, старый провинціяльный скоморохъ, хочетъ её также сдѣлать странствующею комедіянткой!

Синичкинъ *(изъ своей комнаты).* Лиза!

Вѣтринскій. Кажется, его голосъ.

Синичкинъ *(клича).* Лизанька!

Вѣтринскій. Это онъ.

Синичкинъ *(еще громче).* Лизокъ!

Лиза *(изъ своей комнаты).* Чего изволите, тятенька?

Вѣтринскій. А, вотъ и она!

Синичкинъ. Проснулась ты иль нѣтъ?

Вѣтринскій. Хорошъ вопросъ!

Лиза. Проснулась, тятенька!

Вѣтринскій. Я думалъ, она скажетъ: нѣтъ.

Синичкинъ. Не помнишь ли ты, Лизочикъ, куда я дѣвалъ свой парикъ?

Лиза. Онъ у васъ тамъ на графинѣ виситъ, тятенька.

Вѣтринскій. Чортъ возьми! Покамѣстъ тятенька накрываетъ свою лысину парикомъ, не пробраться ли мнѣ дефилеями направо, къ дочкѣ? Да, начну атаку быстро и рѣшительно — и если она согласится, сейчасъ же увезу её къ себѣ въ Разгуляево.

Синичкинъ. Лиза!

Лиза *(вбѣгая).* Вотъ и я! *(Съ безпечностію бросается къ Вѣтринскому на шею.)* Здравствуйте, тятенька! Съ добрымъ утромъ!

Вѣтринскій. И тебя также, мой ангелъ!

Лиза *(увидя свою ошибку, вскрикиваетъ).* Ахъ!

Вѣтринскій. Какъ мила!

Лиза. Но позвольте, сударь! Къ дѣвицамъ такъ безъ спроса не входятъ.

Вѣтринскій. А зачѣмъ же дѣвицы дверей не запираютъ?

Лиза. Это вѣрно кухарка запереть забыла.

Вѣтринскій. Ну, такъ не я виноватъ, а кухарка.

Лиза. Постойте, я васъ узнала: вѣдь вы князь Вѣтринскій? Я часто видала васъ у Раисы Минишны Сурмиловой: вы ея обожатель.

Вѣтринскій. А теперь, моя прелесть, я вамъ принадлежу!

Лиза. Какъ — мнѣ?

Вѣтринскій. Послушайте, мой другъ, надобно вамъ сказать, мы разошлись съ Сурмиловой: я съ ней поссорился.

Лиза. Неужели? А она васъ такъ любила!

Вѣтринскій. Она и до-сихъ-поръ всё ещё меня

любитъ, да мнѣ-то ея любовь ужь наскучила; притомъ же ей, какъ актрисѣ, нельзя отлучаться отъ своего театра, а я хочу, чтобъ та, которую я люблю, могла всегда и вездѣ быть со мною. Чрезъ два дня я поѣду въ свою харьковскую деревню — и намѣренъ васъ похитить.

Лиза. Меня похитить? Но, вѣдь, сперва надобно, чтобъ я на это согласилась!

Вѣтринскій. Да если бъ вы согласились, я бы васъ не похитилъ.

Лиза. А мои дебюты, князь?

Вѣтринскій. Охъ, ужь вы мнѣ съ своими дебютами! Это, конечно, всё вашъ знаменитый тятенька такъ пристрастилъ васъ къ театру?

Лиза. Ахъ, что-жь можетъ быть лучше театра?

Вѣтринскій. Здѣсь, въ провинціи? Э! полноте!

Здѣсь карьеръ вашъ театральный
Развѣ можно сдѣлать вамъ?
Нашъ театръ провинціяльный
Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!
Что̀ за зданье, что за зала!
Какъ въ ней зрители сидятъ?
Масло постное и сало
Всё лицо вамъ закоптятъ.
Декораціи, машины
И костюмы — чудеса!
А артисты, какъ мужчины,
Такъ и женщины — краса!
Тутъ къ вамъ явится любовникъ —
И въ мундирѣ — о, злодѣй!
По піесѣ онъ — полковникъ,
По пріёмамъ — брадобрей.
При усахъ, забывъ о шпорахъ,
Онъ быть ловкимъ норовитъ
И съ княгиней въ разговорахъ
Каблуками всё стучитъ;
Закулисная-жь княгиня,
Нарумянясь черезъ-чуръ,
Какъ ворона, ротъ разиня,
Вдругъ отпуститъ вамъ: *«банжуръ!»*
А въ трагедіяхъ — потѣха!
Это вонъ ужь изъ границъ!
Средства нѣтъ смотрѣть безъ смѣха
На героевъ и царицъ:
На распѣвъ стихи читаютъ —
И безмыслицу всегда;
Руки къ верху задираютъ
То туда, а то сюда.
А въ какомъ-то изъ журналовъ
Появилась кутерьма,
Что здѣсь гдѣ-то есть Мочаловъ,
Каратыгинъ и Тальма!
Но въ провинціи актёры
Какъ ни плохи — всё везутъ,
И у насъ антрепренёры
Что угодно вамъ дадутъ.
Имъ и оперы подъ силу
И, пожалуй, хоть сей-часъ
Вамъ *Аскольдову Могилу*
Отхватаютъ на заказъ.
Если бъ Бантышевъ съ Лавровымъ
Здѣсь послушали пѣвцовъ,
Отъ души вѣнкомъ лавровымъ
Наградили бъ молодцовъ.
А какіе здѣсь балеты
Я въ провинціяхъ видалъ!
Какъ сюжеты разодѣты!
Вплоть до слёзъ я хохоталъ.
Безъ насмѣшки, безъ обиды,
Вотъ костюмъ ихъ въ двухъ словахъ:
Въ красныхъ спенсерахъ сильфиды
И зефиры въ сапогахъ!

Лиза. Я сама знаю, что петербургскій и московскій театры нейдутъ въ сравненіе съ нашими провинціальными. Со временемъ я и надѣюсь туда опредѣлиться; но теперь ещё не смѣю прямо туда ѣхать, покамѣстъ здѣсь себя не попробую.

Вѣтринскій. Да что̀ вамъ за охота пробовать себя на театрѣ? Къ чему онъ вамъ?

Лиза. Я хочу быть актрисой, нажить себѣ славу, состояніе...

Вѣтринскій. Подите! Театральная слава — вздоръ! а что̀ до состоянія, то я васъ обезпечу— лишь полюбите меня!

Лиза. Я люблю театръ, ваше сіятельство!

Вѣтринскій. А я терпѣть его не могу съ-тѣхъ-поръ, какъ меня въ Петербургѣ сначала за кулисы ввели, потомъ за кулисами провели и, наконецъ, изъ-за-кулисъ вывели. Актрисы—самый непостоянный народъ. Вотъ и Сурмилова, провинціялка, а тоже, говорятъ, дружна ещё и съ графомъ Зефировымъ, потому-что тотъ пропасть денегъ даётъ въ займы здѣшнему антрепренёру Пустославцеву, и рѣшительно всѣмъ въ театрѣ у него распоряжается, даже во всѣхъ пьесахъ самъ роли раздаётъ. Однимъ словомъ, если вы выйдете на сцену, я соберу шайку—и васъ ошикаютъ.

Лиза. Какъ это будетъ мило съ вашей стороны!

Вѣтринскій. Совѣтую вамъ лучше ѣхать со мною ко мнѣ въ деревню. Завтра же чѣмъ свѣтъ

мы сядемъ въ коляску — и я клянусь сдѣлать васъ счастливою!

Синичкинъ *(кличетъ)*. Лиза!

Лиза. Тятенька кличетъ! Уйдите, князь! ради Бога уйдите! Ну, если онъ васъ здѣсь увидитъ!

Вѣтринскій. А что жь такое?

Лиза. Какъ что! Дочь его наединѣ съ молодымъ мужчиною, да ещё и съ княземъ!

Вѣтринскій. Значитъ, онъ этого не любитъ?

Лиза. Да и я не привыкла...

Вѣтринскій. Въ самомъ дѣлѣ? *(Цалуетъ ее.)* Виноватъ, извините!

Лиза. Онъ идётъ! Теперь мнѣ достанется.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Прежніе *и* Синичкинъ *въ халатѣ*.

Синичкинъ *(декламируя идетъ прямо къ комнатѣ Лизы)*. О ты, дочь нѣжная преступнаго отца!

Опора слабая несчастнаго...

Вѣтринскій *(спрятавшись за Лизою)*. Глупца!

Синичкинъ. Послушай, Лизочикъ, я хочу сходить къ Раисѣ Минишнѣ: она обѣщалась за насъ похлопотать.

Лиза. Хорошо-съ, тятенька.

Синичкинъ *(оборачиваясь)*. А да ты вотъ гдѣ! А я, съ позволенія сказать, думалъ, что ты у себя къ комнатѣ.

Лиза *(тихо князю)*. Да уйдите же, говорятъ вамъ.

Вѣтринскій. Мнѣ и здѣсь хорошо.

Синичкинъ. Раиса Минишна очень много значитъ, и навѣрное выпроситѣ тебѣ дебютъ. *(Увидя князя.)* Ба! незнакомый!

Вѣтринскій. Здравствуйте! Здоровы ли вы?

Синичкинъ. Моё почтеніе! Славу Богу! *(Тихо Лизѣ.)* Кто это?

Лиза *(смѣшавшись.)* Это одинъ пріѣзжій... Онъ... вотъ видите...

Вѣтринскій. Я артистъ, сударь, артистъ — точно такой же, какъ вы и ваша дочь.

Синичкинъ. А, вы, съ позволенія сказать, актёръ?

Вѣтринскій. Изъ Харькова. Играю любовниковъ.

Синичкинъ. Очень радъ. Вашу руку, товарищъ! Просимъ быть съ нами попросту. Такъ вы изъ труппы Людвига Юрьича Малатковскаго?

Вѣтринскій. Точно такъ.

Синичкинъ. Знаю! Прекрасный человѣкъ. Съ позволенія сказать, я самъ года два тому назадъ игралъ у него Отелло. *(Декламируетъ.)* О, крови, крови жажду я! *(Своимъ голосомъ.)* Здоровъ ли онъ?

Вѣтринскій. Не совсѣмъ: всё головой жалуется.

Лиза *(въ сторону)*. Какъ лжотъ!

Синичкинъ. Жаль; а впрочемъ голова у него своё дѣло смыслитъ. Вы обѣдаете съ нами?

Лиза *(тихо отцу)*. У насъ, кромѣ щей, ничего нѣтъ, тятенька.

Синичкинъ *(тоже)*. Тѣмъ лучше: онъ въ трактиръ пошлётъ.

Вѣтринскій *(глядя пристально на Лизу)*. Я пріѣхалъ собственно затѣмъ, чтобъ ангажировать вашу дочь — и завтра-же увезти её съ собою.

Синичкинъ. Къ Малатковскому? Ни за что! Онъ ей не дастъ никакого ходу.

Вѣтринскій. Почему жь вы такъ думаете?

Синичкинъ. Ужь я знаю: у него жена всегда первыя роли играетъ. Не спорю, у нея, съ позволенія сказать, есть кой-какой талантъ; но куда же ей до моей дочери, Лизочки! Далека пѣсня!

Она повыше Малатковской!
Ей, съ позволенія сказать,
Не харьковскій театръ — московскій
Судьба судила украшать.
Ей стоитъ только поучиться —
Я вамъ ручаюсь головой: —
Она на сценѣ отличится
Не хуже Рѣпиной самой!

Лиза. О, нѣтъ, тятенька, вы ужь слишкомъ къ Рѣпиной пристрастны.

Синичкинъ. Съ позволенія сказать, я вижу, чѣмъ природа по милости моей тебя наградила. Ты вся въ отца и въ покойную мать, Акулину Никитишну: та же душа, та же манера, та же, съ позволенія сказать, теплота. Я хочу, чтобъ ты здѣсь дебютировала для того только, чтобъ развились твои способности, а тамъ я непремѣнно отправлю тебя въ Москву, или Петербургъ. Что здѣсь въ провинціи можно выиграть? Вотъ ужь я, съ позволенія сказать, тридцать семь лѣтъ рыскаю съ мѣста на мѣсто: игралъ *(говоритъ скороговоркой)* въ Тулѣ, въ Калугѣ, въ Рязани, въ Орлѣ, въ Тамбовѣ, въ Курскѣ, въ Ярославлѣ, въ Кіевѣ, въ Нижнемъ, въ Саратовѣ, въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Харьковѣ, въ Костромѣ... Теперь я изъ Костромы. Отличался въ любовникахъ, герояхъ, тиранахъ, пѣлъ теноровыя партіи въ операхъ. *(Поётъ.)* «Приди на вѣкъ владѣть душою... приди...» *(Говоритъ.)* А что я себѣ, съ позволенія сказать, нажилъ? Ни гроша! то-есть, ровно ни копѣйки! Ещё вездѣ остался долженъ.

тогда-какъ въ Москвѣ я бы теперь въ трагедіяхъ, съ позволенія сказать, былъ бы не хуже... *(Шепчетъ князю на ухо).* Да! А въ комедіяхъ даже можетъ быть почище... *(Шепчетъ опять.)* Да! да! Повѣрьте мнѣ, я бы получалъ четыре тысячи пенсіи, четыре тысячи жалованья, пятьдесятъ рублей за представленіе и полный бенефисъ въ лучшее время. А? было бы на что пообѣдать!

Лиза *(горячо).* Я дебютирую, тятенька, непремѣнно дебютирую! Я знаю, что буду любимою актрисою: мнѣ это моё сердце говоритъ!

Театръ отецъ, театръ мнѣ мать!
Театръ — моё предназначенье!

Синичкинъ *(съ энтузіазмомъ).*

О, съ позволенія сказать,
Моё дитя, моё рожденье,
Священный огнь въ твоей груди!..

Вѣтринскій *(въ сторону).*

Ахъ, старый шутъ! Какъ онъ забавенъ!

Синичкинъ.

Тебя ждётъ слава впереди —
И твой отецъ тобою славенъ!
Предчувствую судьбу твою!
О, всемогущая природа,
Я отъ восторга слёзы лью!
Достань платокъ мнѣ изъ комода!

(Лиза идётъ за платкомъ.)

Фу! Воображаю себѣ, какъ она, съ позволенія сказать, хороша будетъ принцессой!

Вѣтринскій. Принцессой?

Синичкинъ. Да, принцессой. Что жь тутъ удивительнаго? Отецъ-то у ней, съ позволенія сказать, тридцать семь лѣтъ царей на сценѣ представлялъ, а мать играла Дидону, какъ никто. *(Съ чувствомъ.)* Эхъ, Акулина Никитишна! Если бъ ты была жива, ужь какъ-бы я теперь съ тобою отхватывалъ Ярба! *(Декламируетъ.)*

Дидону я убивъ, Энею отомщу...

(Своимъ голосомъ.) Совралъ! не такъ...

(Декламируетъ.)

Энея я убивъ, Дидонѣ отомщу
И брачныя свѣщи въ надгробны превращу!

Вѣтринскій. Удивляюсь, какъ это вы были почти на всѣхъ провинціяльныхъ театрахъ, а до-сихъ-поръ ни на одномъ изъ нихъ не могли доставить дебюта своей дочери?

Синичкинъ. Зависть, сударь, зависть проклятая! Куда ни пріѣду, сыграю: «Нѣтъ — говорятъ — если и дочка-то по батюшкѣ пошла, такъ мы, съ позволенія сказать, на-мель сѣли: насъ послѣ смотрѣть не станутъ!»

Вѣтринскій. Ну, а если вашу дочь здѣсь ошикаютъ? А вѣдь я навѣрное знаю, что её ошикаютъ.

Лиза *(испугавшись).* Это было-бы варварство

Синичкинъ. Ничего: мнѣ тридцать семь лѣтъ сряду шикаютъ.

Вѣтринскій. И вы не умерли съ отчаянія?

Синичкинъ. Привычка! Я ужь на это вниманія не обращаю. Только вотъ, съ позволенія сказать, къ мочонымъ яблокамъ всё ещё не могу приноровится. *(Лиза подаетъ ему платокъ.)* Спасибо, Лизокъ! Но ты не бойся, мой ангелъ: тебѣ всё будутъ аплодировать и притомъ такъ, что театръ трещатъ будетъ каждый разъ. Разъ по десяти вызовутъ. Тебя станутъ на рукахъ носить; мы разбогатѣемъ, заведёмъ карету; ты будешь получать въ годъ до двадцати тысячь. *(Развертываетъ платокъ весь въ дырахъ; Вѣтринскій смотритъ и смѣется.)* Да, да! четыре тысячи жалованья, зимній бенефисъ и, сверхъ всего этого, съ позволенія сказать, по сту рублей тебѣ за разъ дадутъ.

Вѣтринскій. Очень вѣроятно.

Синичкинъ. Разумѣется! Чтó вы смотрите на мой платокъ? У меня ихъ полдюжины, изъ которыхъ четыре, съ позволенія сказать, никуда ужь не годятся. Впрочемъ, она какъ-то играла однажды — и съ большимъ успѣхомъ.

Вѣтринскій. Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ же это?

Лиза. На домашнемъ театрѣ, въ деревнѣ, у Фарсинскихъ.

Синичкинъ. У Фарсинскихъ. Лизокъ представляла жену какого-то титулярнаго совѣтника; ещё у ней тутъ платье разорвано. Отлично!

Лиза. Какая была публика!

Синичкинъ. Упадёшь! Всё, съ позволенія сказать, егеря и малороссійскіе помѣщики! А какая піеса!

Лиза. И мороженое въ антрактахъ было.

Синичкинъ. Чудо!

Вѣтринскій. Піеса?

Синичкинъ. Мороженаго я съѣлъ десять блюдечекъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ моей дочери. У ней, съ позволенія сказать, такая пріятная манера, столько души, теплоты и — притомъ — память удивительная. Повѣрите ли, господинъ... господинъ... Съ позволенія сказать, какъ ваша фамилія?

Вѣтринскій. Ленскій.

Синичкинъ. Ленскій? Какъ, вы тотъ самый водевильный переводчикъ, котораго такъ часто въ журналахъ критикуютъ?

Вѣтринскій. О, нѣтъ! Вѣдь насъ много.

Лиза. Тотъ, тятенька, при московскомъ театрѣ служитъ.

Синичкинъ. Да, я ошибся. А ужь какъ его несчастнаго, съ позволенія сказать, во всѣхъ статьяхъ отдѣлываютъ! Особливо какой-то писатель покоя ему не даётъ. Ленскій вѣрно на него ужасно сердится.

Лиза. Не думаю, тятенька.

Онъ не для славы, говорятъ,
А для товарищей трудится!
Когда за дѣло побранятъ,
Смѣшно-бы Ленскому сердиться;
Когда-же стаи пачкуновъ
По пустякамъ браниться станутъ,
Онъ помнитъ, что̀ сказалъ Крыловъ —
«Полаютъ — и отстанутъ».

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ сцену въ безпорядкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Режиссеръ Налимовъ, актёръ Напойкинъ и нѣсколько другихъ актёровъ и фигурантовъ сидятъ въ глубинѣ театра; нѣкоторые играютъ въ шашки и въ карты, другіе смотрятъ на нихъ.

Налимовъ *(съ часами въ рукахъ на авансценѣ).* Перваго половина, а репетиція всё ещё не начиналась. Пьеса новая, идётъ сегодня въ первый разъ. *(Развертываетъ афишу.)* «Пизарро въ Перу съ испанцами, драма съ пѣніемъ и танцами, сочиненіе Ѳ. С. Борзикова.» Какое славное названіе! Тото, чай, сборовъ-то будетъ — не оберёшься! А! вотъ и самъ Пётръ Петровичъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе *и* Пустославцевъ.

Пустославцевъ *(обращаясь къ кулисамъ).* Молчи, стой, слушай! Скажи, братецъ, своему барину, что не могу, убей Богъ мою душу, не могу! Всё до одного розданы — убей Богъ мою душу, розданы! Кланяйся его высокоблагородію. *(Подходитъ къ авансценѣ; актеры въ глубинѣ театра встаютъ и кланяются Пустославцеву.)* Каково: ни одного кресла не осталось! Налимовъ, Ѳеодоръ Семеновичъ Борзиковъ пріѣхалъ?

Налимовъ. Онъ былъ, да уѣхалъ за Раисой Мининшной, которой мы до-сихъ-поръ всё дожидаемся.

Пустославцевъ *(нюхнувъ большую щепоть табаку.)* Хорошо. Между-тѣмъ, ставьте декорацію.

Налимовъ *(кричитъ).* Митька, декорацію! *(Обращаясь къ актерамъ и фигурантамъ.)* А вы, господа, покуда извольте съ шашками-то идти въ уборную — очистите сцену.

Нѣкоторые изъ актеровъ *(Пустославцеву).*
Что-жь, долго ль намъ ещё терпѣть?
Намъ, Пётръ Петровичъ, нѣтъ ужь мочи!

Другіе.
Съ утра и до глубокой ночи
Насъ заставляютъ здѣсь сидѣть.

Пустославцевъ.
Прошу молчать и не шумѣть!

Напойкинъ.
Въ одиннадцать, сказали, проба,
А вѣдь теперь почти ужь часъ.

Пустославцевъ.
Ты что за важная особа?

Напойкинъ.
На мнѣ четырнадцатый классъ
И я ничѣмъ не хуже васъ?

Пустославцевъ.
Вотъ я васъ всѣхъ молчать заставлю,
Мою Богъ душу накажи!
Сейчасъ въ полицію отправлю,
Лишь только слово кто скажи!

Актеры и фигуранты *(вполголоса).*
Мы замолчимъ; но нѣтъ ужь мочи,
И долголь ль будетъ намъ терпѣть?
Съ утра и до глубокой ночи
Насъ заставляютъ здѣсь сидѣть.

(Уходятъ.)

Пустославцевъ. Лѣнивцы! плати имъ жалованье, корми ихъ, да ещё не смѣй поморить часа два лишнихъ на репетиціи! Убей Богъ мою душу, бѣдовый народъ!

Митька *(кричитъ на верхъ).* Прошка, что-жь тамъ по-сю пору море-то не спускаешь?

Плотникъ *(сверху).* Сейчасъ! Зацѣпилось.

Митька. У тебя вездѣ зацѣпа. *(Къ другимъ плотникамъ.)* Ну, а вы скорѣе портикабли! *(Налимову.)* Волны не дѣйствуютъ: надо смазать. Пожалуйте на сало.

Налимовъ *(Пустославцеву).* Какъ прикажете?

Пустославцевъ. Ничего: вѣдь въ пьесѣ грому не будетъ, такъ море можетъ остаться безъ движенія.

Налимовъ. Слушаю-съ. *(Митькѣ.)* Волнъ не трогать!

Митька. Да вонъ тамъ ещё дыра въ облакахъ пребольшая.

Налимовъ. Вставить старой холстины и подмалевать.

(Плотники продолжаютъ ставить декорацію.)

Пустославцевъ. Убей Богъ мою душу, какъ много хлопотъ съ новыми піесами! Того нѣтъ, другого не достаётъ, давай на тò, на сё; а особливо — балеты: съ одними башмаками безъ сапогъ находишься. Ну вотъ декорація на мѣстѣ. Всѣ ли музыканты на своихъ мѣстахъ?

Музыкантъ *(изъ оркестра)*. Литавры въ полпивной.

Пустославцевъ. Послать за нимъ поскорѣе! Что за пьяница *(Къ оркестру.)* Пожалуста, господа, играйте потише; особливо контрабасъ: убей Богъ мою душу — ничего словъ не слышно.

Дирижеръ. Большая потеря для публики!

Пустославцевъ. Молчи, стой, слушай! Конечно, оно не важность? вѣдь автора здѣсь нѣтъ, такъ что жь не сказать правду? Ну, да все-таки не слишкомъ громко надувайтесь. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу! Декорація готова; гдѣ же суфлёръ?

Налимовъ. А вонъ онъ: лѣзетъ изъ подъ сцены въ свою конурку.

Пустославцевъ *(суфлёру)*. Что это, братецъ? Ты долженъ быть прежде всѣхъ на своёмъ мѣстѣ: ты вѣдь главное, даромъ что невидное, лицо въ пьесѣ, особливо, когда за скоростью никто не знаетъ роли. Подавай погромче комику: онъ ни въ зубъ толкнуть не смыслитъ. *(Налимову.)* А любовникъ не бывалъ?

Налимовъ. Нѣтъ ещё.

Пустославцевъ. Штрафъ вычесть!

Налимовъ. Старухи также нѣтъ.

Пустославцевъ. Штрафъ!

Налимовъ. И съ Раисы Минишны Сурмиловой тоже прикажете?

Пустославцевъ. Штрафъ, штрафъ! *(Спохватясь.)* О, нѣтъ, нѣтъ! Молчи, стой, слушай! Какъ это можно штрафъ съ первой, лучшей артистки! Она ещё, пожалуй, того-гляди, поссоритъ меня съ графомъ Зефировымъ. *(За кулисами шумъ.)* Кто тамъ? ужь не Раиса ли Минишна пріѣхала?

Налимовъ *(со смѣхомъ)*. Нѣтъ, вчерашній дебютантъ васъ спрашиваетъ.

Пустославцевъ. Ну его къ чорту!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, Синичкинъ *и* Лиза.

Синичкинъ *(съ уклончивостію)*. Петру Петровичу, съ позволенія сказать, моё нижайшее почтеніе и усердное желаніе всякаго въ дѣлахъ успѣха и благополучія.

Пустославцевъ. Хорошо, хорошо; но, извините, мнѣ теперь нѣкогда съ вами разговаривать.

Синичкинъ. Каковъ я вамъ показался вчера въ моей роли?

Пустославцевъ. Вы мнѣ не годитесь.

Синичкинъ. Какъ не гожусь? Почему не гожусь? Кажется, я, Пётръ Петровичъ, вчера, съ позволенія сказать, сорвалъ не одинъ аплодисментъ.

Пустославцевъ. Подите, подите, не мѣшайте мнѣ: вы мнѣ не нужны!

Синичкинъ. Не объ этомъ рѣчь. Позвольте, по крайности, представить вамъ, съ позволенія сказать, мою дочь.

Пустославцевъ *(взглянувъ на Лизу)*. Миленькая!

Синичкинъ. Крестница его превосходительства губернатора здѣшней губерніи.

Пустославцевъ. Право?

Лиза *(тихо отцу.)* Что вы, тятенька?

Синичкинъ *(тихо Лизѣ)*. Молчи! *(Пустославцеву.)*

Его превосходительство
Зовётъ её своей
И даже покровительство
Оказываетъ ей.

Пустославцевъ *(Лизѣ)*.

Пріятно познакомиться!
Угодно ли вамъ стулъ?

(Лиза приседаетъ, но не садится.)

Синичкинъ *(въ сторону)*.

А! дерево-то ломится,
Какъ я его нагнулъ!
Теперь моё ораторство
Должно его прельстить.
Что значитъ губернаторство
У мѣста подпустить!

(Пустославцеву.)

Какой талантъ, Пётръ Петровичъ! Играетъ всё, что вамъ угодно!

Пустославцевъ. Право?

Синичкинъ *(Лизѣ, подводя ее)*. Присѣдай же, Лизочикъ. Знаешь ли ты, что въ цѣлой Россіи, съ позволенія сказать, нѣтъ другого Петра Петровича!

Пустославцевъ *(съ самодовольствіемъ)*. О!

Лиза. Я очень много хорошаго слышала объ нихъ.

Синичкинъ. Крестный ея тятенька, его превосходительство губернаторъ здѣшней губерніи, часто ейговаривалъ, что Пётръ Петровичъ Пусто-

славцевъ со временемъ перещеголяетъ всѣ театры въ Европѣ, если только будетъ стараться укомплектовать свою труппу отличными артистами; а я, съ позволенія сказать, такъ её приготовилъ, что она никакой роли не испортитъ.

Лиза. Я не смѣю собою хвалиться; но вы можете дать мнѣ служанку въ водевилѣ, принцессу въ трагедіи: я выполню ихъ съ одинакимъ стараніемъ; а стараніе нерѣдко замѣняетъ талантъ. Публика вѣрно на первый разъ будетъ ко мнѣ снисходительна.

Пустославцевъ. Я бы очень радъ; но убей Богъ мою душу...

Синичкинъ. Впрочемъ, съ позволенія сказать, я, вѣдь, Пётръ Петровичъ, даю вамъ не ученицу, а готовую актрису — съ душою, съ теплотою! Она поётъ, танцуетъ; а ужь какая у ней походка: то-есть, съ позволенія сказать, совершенно графская! Пройдись-ка немножко, Лизанька. *(Лиза ходитъ по сценѣ.)* Каково? А жалованья я прошу всего только двѣ тысячи и бенефисъ на ярмаркѣ.

Пустославцевъ. Я бы очень радъ, любезный Синичкинъ, но убей Богъ мою душу, я ужь не имѣю надобности въ женщинахъ: у меня даже многія даромъ служатъ.

Синичкинъ. У васъ, можетъ-быть, есть такія, которыя, съ позволенія сказать, ещё вамъ самимъ платятъ.

Пустославцевъ. Но послушайте!

Синичкинъ. Немудрено! Впрочемъ, если вамъ угодно, изъ уваженія къ вамъ, Пётръ Петровичъ, я возьму и подешевле, потому-что ей хочется у васъ быть въ труппѣ. Не правда ли, Лизочикъ, ты, вѣдь, хочешь опредѣлиться къ Петру Петровичу?

Лиза. Да, тятенька, его театръ всѣ такъ любятъ!

Синичкинъ. Съ ума сходятъ! *(Пустославцеву.)* Его превосходительство, губернаторъ здѣшней губерніи и крестной ея тятенька, самъ ей совѣтывалъ у васъ дебютировать.

Пустославцевъ. Я бы очень радъ; но, убей Богъ мою душу...

Синичкинъ. Вы, Пётръ Петровичъ, съ позволенія сказать, всегда были страстный любитель и покровитель всѣхъ актёровъ и актрисъ. Что я говорю — покровитель? Вы ихъ отецъ родной! Пьесы въ ихъ бенефисы вы всегда обставляете какъ нельзя лучше, на декораціи и костюмы ничего не жалѣете, жалованья не задерживаете, штрафовъ не берёте! О, вы удивительный, удивительный человѣкъ! *(Перемѣняя тонъ.)* Угодно, она, съ позволенія сказать, пойдётъ къ вамъ за тысячу и за бенефисъ? Пойдёшь, Лизокъ?

Лиза *(Пустославцеву).* Я отъ души готова повиноваться тятенькѣ и надѣюсь, что съ моей любовью къ искусству, съ моимъ усердіемъ...

Синичкинъ *(тихо Пустославцеву).* И съ невинностью, чтб, съ позволенія сказать, при театрѣ тоже большая рѣдкость — и нравится кресламъ.

Пустославцевъ *(съ досадою).* Я вамъ повторяю, что я бы очень радъ; но убей Богъ мою душу — не могу.

Синичкинъ. Позвольте! Я вижу, вамъ угодно, чтобъ счётъ былъ ровной — по сту рублей въ мѣсяцъ безъ бенефиса? Идётъ? Этого, конечно, мало для дѣвушки, которая имѣетъ талантъ, красоту, сами посудите!

Пустославцевъ *(выведенный изъ терпѣнія).* Э, полноте! Вы мнѣ надоѣли! *(Въ сторону.)* Проклятый болтунъ! Убей Богъ мою душу!

Налимовъ *(подходя къ Пустославцеву).* Пріѣхали.

Пустославцевъ. Кто?

Налимовъ. Раиса Минишна съ авторомъ.

Синичкинъ *(въ сторону).* Чортъ возьми, дѣло не удалось: вѣрно, она не получила письма Вѣтринскаго.

Пустославцевъ *(Синичкину).* Подите, подите со сцены, и не мѣшайте! *(Налимову!)* Зовите дѣйствующихъ.

Синичкинъ. Пойдёмъ, Лизокъ. Не грусти — у тебя осталось ещё два отца: родной и крестный — его превосходительство. *(Хочетъ уйти.)*

Трифонъ *(прибѣгая).* Литавровъ нѣтъ въ полпивной: во всѣхъ харчевняхъ искали — не нашли!

Пустославцевъ. Какъ придётъ — на съѣзжую!

Синичкинъ *(поспѣшно возвращаясь).* Позвольте! Вамъ нуженъ литаврщикъ? Я къ вашимъ услугамъ.

Пустославцевъ. Развѣ ты умѣешь?

Синичкинъ. Съ позволенія сказать, такъ вамъ отбарабаню, что любо-дорого!

Пустаславцевъ. Ступай же въ оркестръ поскорѣе.

Синичкинъ *(спускаясь въ оркестръ).* Дочь моя, однако-же, съ позволенія сказать, должна быть подлѣ меня: я ни на шагъ её отъ себя не отпускаю. Поведеніе! О, поведеніе, даже и въ театрѣ, дороже всего! Сходи-же, Лизочикъ! Смѣлѣй подавай руку! Не оступись, душечка!

Лиза *(вздохнувъ).* Сурмилова играетъ, тятенька!

Синичкинъ *(въ оркестрѣ).* Послушайте, Пётръ

Петровичъ; съ позволенія сказать, пожалуйте ко мнѣ на одну минутку! *(Пустославцевъ наклоняется къ нему со сцены.)* Угодно вамъ шесть сотъ рублей, дрова и свѣчи?

Пустославцевъ *(отходя).* Э, полно, братецъ! Убей Богъ мою душу — пребѣдовый!

(Всѣ собираются на сцену съ разныхъ сторонъ.)

Хоръ актеровъ *и* фигурантовъ.

Насилу оба прикатили!
Гляди, теперь ужь два часа —
И дома щи у насъ простыли.
Какой порядокъ — чудеса!.

(Всѣ занимаютъ свои мѣста. Синичкинъ становится въ оркестрѣ за литавры, а Лиза подлѣ него садится на стулъ.)

—

П. А. КАРАТЫГИНЪ.

Пётръ Андреевичъ Каратыгинъ, извѣстный русскій водевилистъ и авторъ «Вицъ-мундира», «Булочной», «Ложи перваго яруса» и цѣлаго ряда другихъ всѣмъ извѣстныхъ драматическихъ произведеній, родился 29-го іюня 1805 года въ Петербургѣ, въ артистическомъ семействѣ, уже цѣлое полстолѣтіе принадлежавшемъ русской сценѣ. Сынъ извѣстныхъ артистовъ начала нашего столѣтія, Андрея Васильевича и Александры Дмитріевны Каратыгиныхъ и братъ величайшаго изъ русскихъ трагиковъ Василія Андреевича, Пётръ Андреевичъ рано почувствовалъ склонность къ театру, вслѣдствіе чего и былъ отданъ родителями, тотчасъ по достиженіи десяти-лѣтняго возраста, въ театральное училище. По заведённому въ то время порядку, всѣ воспитанники, поступавшіе въ театральное училище, обязаны были пройти сначала горнило танцовальнаго искусства подъ руководствомъ знаменитаго въ то время балетмейстера Дидло, на чтó полагалось обыкновенно отъ пяти до шести лѣтъ. Поэтому только по достиженіи шестнадцати-лѣтняго возраста молодой Каратыгинъ былъ переведёнъ, наконецъ, въ драматическій классъ, бывшій въ то время въ полномъ завѣдываніи князя А. А. Шаховского, извѣстнаго драматурга тридцатыхъ годовъ, гдѣ сталъ ревностно приготовляться къ вступленію на сцену, чтó и совершилось ровно черезъ два года по переходѣ въ этотъ послѣдній классъ, то-есть 2-го марта 1823 года, когда онъ былъ выпущенъ изъ училища на роли вторыхъ любовниковъ. Вотъ чтó говоритъ самъ Пётръ Андреевичъ въ своихъ «Запискахъ», объ этихъ первыхъ годахъ своей артистической дѣятельности, въ качествѣ второго любовника:

«1-го марта 1823 года я былъ выпущенъ изъ училища на роли *вторыхъ* любовниковъ. Въ общественномъ быту счастливымъ любовникамъ, конечно, многіе могутъ позавидовать, но *счастливые* любовники въ комедіяхъ и драмахъ — самыя несчастныя созданія: они каждый вечеръ повторяютъ свои стереотипныя объясненія въ любви, тянутъ безпрерывную канитель и надоѣдаютъ зрителямъ до тошноты своими приторными сладостями, а любовники въ старину были еще приторнѣе нынѣшнихъ. Въ прежнихъ комедіяхъ, по бóльшей части, авторами выводились два рода любовниковъ: одинъ — повѣса, негодяй и вертопрахъ, а другой — нравственный, скромный и благовоспитанный молодой человѣкъ. Первый изъ нихъ, обыкновенно, тѣшилъ публику смѣшными фразами и комическимъ своимъ положеніемъ, а второй, кромѣ скуки, ничего не выжималъ изъ своей роли, за чтó и получалъ въ концѣ пьесы обычную награду и, какъ счастливый смертный, соединялся со своей возлюбленной. Вотъ этихъ-то *счастливцевъ* мнѣ и суждено было изображать почти лѣтъ десять къ ряду, пока судьба не вытолкнула меня на другое амплуа, болѣе подходящее къ моему весёлому характеру, а можетъ-быть — и способностямъ.»

Только по истеченіи семи лѣтъ, то-есть въ началѣ 1830 года, Каратыгинъ выбился, наконецъ, на амплуа комическихъ ролей и вскорѣ пріобрѣлъ ту почётную извѣстность, которою пользуется и въ настоящее время, какъ исполнитель ролей Загорецкаго въ «Горѣ отъ ума»; Клейстера — въ «Булочной» и многихъ другихъ, остающихся за нимъ неизмѣнно съ перваго представленья по настоящее время, несмотря на тó, что первое представленіе «Горя отъ ума» состоялось 26-го января 1831 года, когда Каратыгину было всего двадцать-четыре года, а послѣднее — въ 1878 году, когда онъ уже три года какъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего вступленія на сцену, а на плечахъ лежало цѣлыхъ семьдесятъ три года. Невозможно перечислить всего длиннаго ряда ролей, исполненныхъ Каратыгинымъ въ теченіи своего пятидесятилѣтняго служенія искусству на петербургской сценѣ, причёмъ онъ съумѣлъ осмыслить ихъ всѣ до послѣдней своимъ умнымъ и вполнѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ, несмотря на всю ихъ второстепенность. Вообще, Пётръ Андреевичъ не только никогда не былъ лишнимъ среди своихъ высокоталантливыхъ товарищей, украшавшихъ петербург-

скую сцену въ теченіи послѣдняго пятидесятилѣтія, но и въ настоящее время, несмотря на свои преклонныя лѣта, пользуется полнымъ сочувствіемъ публики, которая всегда встрѣчаетъ радушно своего старѣйшаго артиста.

Но и среди своихъ многочисленныхъ почитателей Пётръ Андреевичъ всегда пользовался, да пользуется и теперь, своею громкой извѣстностью гораздо болѣе какъ писатель, чѣмъ какъ артистъ. И неудивительно! Его водевили давнымъ-давно облетѣли всю Россію отъ Архангельска до Тифлиса и отъ Вильны до Иркутска, причёмъ доставляли въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ такъ много удовольствія мильонамъ русскихъ людей всѣхъ сословій и возрастовъ, что имя его, безъ сомнѣнья, ещё долго будетъ жить въ памяти каждаго граматнаго русскаго. Въ теченіи своей почти пятидесяти-лѣтней литературной дѣятельности, Каратыгинъ написалъ до семидесяти театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ почти цѣлая треть — оригинальныя, а остальныя могутъ быть смѣло названы, въ большинствѣ случаевъ, весьма удачными передѣлками съ иностранныхъ языковъ. Конечно, для правильной оцѣнки драматическихъ произведеній Каратыгина необходимо стать на точку зрѣнія, господствовавшую въ нашей литературѣ тридцать лѣтъ тому назадъ и имѣть въ виду всѣ тѣ условія, при которыхъ создавались авторомъ его произведенія. Довольно будетъ сказать, что даже Бѣлинскій, бывшій, какъ извѣстно, весьма строгимъ въ своихъ приговорахъ, всегда относился сочувственно къ нашему водевилисту. Что же до того обстоятельства, что въ настоящее время большая часть пьесъ Петра Андреевича уже сдана въ архивъ, то возраженіемъ на этотъ доводъ можетъ служить тò, что это произошло не прежде, какъ по исполненіи многолѣтней службы, причёмъ каждая изъ нихъ дала ему и другимъ талантливымъ артистамъ и артисткамъ вполнѣ благодарныя роли.

Первый водевиль Каратыгина «Знакомые незнакомцы» былъ написанъ въ концѣ 1829 года и данъ въ первый разъ на петербургской сценѣ 12-го февраля слѣдующаго года. Онъ имѣлъ большой успѣхъ, и такъ понравился императору Николаю Павловичу, что, при открытіи Михайловскаго французскаго театра, онъ приказалъ дать его первымъ въ смѣшанномъ спектаклѣ, ознаменовавшемъ этотъ день. Затѣмъ ежегодно стали появляться новыя пьесы Каратыгина въ его бенефисы. Изъ нихъ наибольшій успѣхъ имѣли оригинальныя его пьесы, какъ-то: «Ложа перваго яруса», выдержавшая болѣе сотни представленій въ одномъ Петербургѣ, «Вицъ-мундиръ», «Булочная», «Чиновникъ по особымъ порученіямъ», «Петербургскія дачи», «Натуральная школа» и «Свадебный столъ безъ молодыхъ».

Вотъ любопытный списокъ всѣхъ шестидесяти восьми пьесъ Каратыгина, какъ оригинальныхъ, такъ и переведённыхъ или передѣланныхъ имъ на русскіе нравы съ французскаго, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ: 1) въ печати, отдѣльными книжками, 2) въ журналахъ и 3) представленныхъ на сценѣ, но не попавшихъ въ печать.

Всѣхъ пьесъ Каратыгина, появившихся въ свѣтъ отдѣльными книжками, начиная съ 1830 и кончая 1878 годомъ, двадцать-девять. Вотъ они:

1) Знакомые незнакомцы. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1830. Изд. II. — Спб. 1837. 2) Сентябрьская ночь. Водевиль въ двухъ картинахъ. Спб. 1831. 3) Молодыя ключницы. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1833. 4) Заёмныя жоны. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1834. 5) Жизнь или смерть. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1835. 6) Лорнетъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1836. 7) Чиновникъ по собымъ порученіямъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1837. Изд. II — М. 1874. 8) Ложа перваго яруса на послѣдній дебютъ Тальони. Анекдотъ-водевиль въ двухъ картинахъ. Спб. 1838. Изд. II, Спб. 1839. 9) Двойникъ. Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ. Спб. 1840. 10) Булочная или петербургскій нѣмецъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1843. Изд. II — Спб. 1844, изд. III — Спб. 1853 и изд. IV, М. 1873. 11) Тамбуръ-мажоръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1844. 12) Вицъ-мундиръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1845. Изд. II — М. 1872 и изд. III, Спб. 1877. 13) Нечего дѣлать. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Спб. 1845. 14) Женскій эгоизмъ, или не шути огнёмъ — обожжошься. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. Спб. 1846. 15) Натуральная школа. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1847. 16) Петербургскія дачи. Водевиль въ трёхъ дѣйствіяхъ. Спб. 1847. 17) Отелло на Пескахъ или петербургскій арабъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Музыка Россини. Спб. 1847. Изд. II — М. 1873. 18) Небывалый бракъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1848. 19) Новый Саміэль, или право пожизненнаго владѣнія. Комедія съ куплетами въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1849. 20) Разбитая чашка. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1850. 21) Дядюшка на трёхъ ногахъ или хотѣли солгать,

а сказали правду. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1854. 22) Фальшивая тревога или не шути огнёмъ — обожжошься. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сюжетъ заимствованъ изъ старой комедіи. Спб. 1854. («Сочиненія Петра Каратыгина».) 23) Бабушкина внучка. Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ. Спб. 1855. 24) Русскія святки. Картина стариннаго быта въ двухъ отдѣленіяхъ, съ хорами и пѣснями. Спб. 1856. 25) Запутанное дѣло, или съ больной головы на здоровую. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1859. 26) Роковой колокольчикъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго. Спб. 1860. 27) Вѣчный жидъ въ новомъ видѣ или свадебный балъ съ препятствіями. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. Спб. 1860. 28) Добрые люди съ изнанки. Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ съ французскаго (Les faux bons hommes). Спб. 1872. 29) Маменькинъ сынокъ (Bèbè). Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго. Спб. 1878.

Кромѣ того, въ журналахъ были помѣщены ещё слѣдующія 21 пьеса: Въ «Репертуарѣ русскаго театра» на 1838 годъ: «Домъ на Петербургской сторонѣ, водевиль въ одномъ дѣйствіи; на 1839 годъ, №№ 3-й и 4-й: «Двѣ женщины противъ одного мужчины, или одного вывели, а другого провели», водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго и «Первое іюля въ Петергофѣ», оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. На 1840 годъ, №№ 2-й, 9-й и 12-й: «Ножка», водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго; «Жена и зонтикъ, или разстроенный настройщикъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведённый съ французскаго, и «Донъ Ронудо де-Калибрадосъ, или чтó и честь, если нечего ѣсть», водевиль въ одномъ дѣйствіи. На 1841 годъ, № 1-й: «Авось! или сцены въ книжной лавкѣ», оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. На 1842 годъ, №№ 4, 5, 10, 12 и 18: «Приключеніе на искусственныхъ водахъ, или чтó у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ французскаго; «Пикникъ въ Токсовѣ, или петербургскія удовольствія», шутка-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ; «Павелъ Павловичъ съ супругой», комедія въ одномъ дѣйствіи; «Чудакъ-покойникъ или таинственный ящикъ», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведённый съ французскаго; «Брюзга или Максимъ Петровичъ Недоволенъ», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланное съ французскаго, и «Три звѣздочки, или уроки въ любви и астрономіи», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведённый съ французскаго. На 1843 годъ, №№ 1-й, 2-й и 11-й: «Школьный учитель», водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведённый съ французскаго; «Демокритъ и Гераклитъ, или философы на Пескахъ», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, и «Генеральша или домашнія дѣла», комедія съ куплетами.

Въ «Пантеонѣ» на 1846 годъ: «Двойникъ», комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, сюжетъ заимствованъ изъ романа Поля Феваля; на 1850 годъ, т. I и V, №№ 2-й и 10-й: «Да или нѣтъ? или роковое письмо», комедія въ одномъ дѣйствіи и «Женская дружба или молодыя вдовушки», комедія-водевиль въ трёхъ дѣйствіяхъ, переведённый съ французскаго. На 1851 годъ, №№ 1-й и 3-й, 1-е приложеніе: «Случай изъ петербургскаго быта», комедія въ четырёхъ дѣйствіяхъ и «Свадебный столъ безъ молодыхъ, или старая любовь не ржавѣетъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи. Въ «Всемірномъ Трудѣ» на 1871 годъ, № 2-й: «Гласность и трезвость», провинціальныя сцены изъ прошлаго.

Наконецъ, въ теченіе почти пятидесяти-лѣтней литературной дѣятельности автора «Булочной», было написано имъ ещё восемнадцать пьесъ, игранныхъ на петербургской и московской сценахъ, но не попавшихъ въ печать. Вотъ ихъ полный списокъ: 1) Женихъ двухъ невѣстъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, заимствованная съ нѣмецкаго (1830). 2) Горе безъ ума. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи (1830). 3) Чрезвычайное происшествіе. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго (1835). 4) Сынъ Природы. Водевиль въ трёхъ дѣйствіяхъ (1835). 5) Донъ-Кихотъ. Водевиль въ трёхъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ романа того же имени (1847). 6) Подставной и отставной. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ (1849). 7) Фотографія. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи (1850). 8) Остриженные львы. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ французскаго (1851). 9) Туда и сюда. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ нѣмецкаго (1852). 10) Коломенскій Діогенъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго (1853). 11) Медвѣдь и паша. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго (1854). 12) Закулисная комедія. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи (1856). 13) Горемычная свадьба. Водевиль въ одномъ дѣйствіи (1857). 14) Отъ судьбы не уйдёшь. Комедія въ четырёхъ дѣйствіяхъ, переведённая съ французскаго (1865). 15)

Чорное пятно. Комедія въ четырёхъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго (1865). 16) Мужья-инвалиды. Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго (1866). 17) Дѣло въ трёхъ шляпахъ. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ французскаго (1872). 18) Супруги въ западнѣ. Комедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго (1878).

Въ теченіе своей слишкомъ пятидесятилѣтней службы при императорскихъ театрахъ, Каратыгинъ былъ два раза преподавателемъ драматическаго искусства въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, въ первый разъ съ 1832 по 1837 годъ, а во второй — съ 1862 по 1866 годъ, причёмъ, въ теченіе этого времени, окончили подъ его руководствомъ полный курсъ своего драматическаго воспитанія знаменитый Мартыновъ, покойный Максимовъ а нынѣ здравствующіе Леонидовъ, Марковецкій и извѣстные наши артистки Федорова, Громова и другія.

«Записки П. А. Каратыгина», первый отрывокъ изъ которыхъ былъ напечатанъ въ 3-й книжкѣ «Русской Старины» на 1872 годъ, а продолженіе въ 10-й того же года, 2-й и 9-й — 1873 и 4-й — 1874 годовъ, представляютъ весьма интересное чтеніе, а для интересующихся судьбами русской сцены — неоцѣненный матерьялъ. Въ 1843 году Каратыгинъ получилъ полную пенсію, что, впрочемъ, не мѣшаетъ продолжать ему свою службу до настоящаго времени и являться довольно часто на сценахъ Александринскаго и Маріинскаго театровъ и быть принимаемымъ публикой сочувственно, не смотря на свои семьдесятъ три года. Въ 1850 году онъ былъ высочайше пожалованъ званіемъ потомственнаго почётнаго гражданина и золотой медалью на андреевской лентѣ, а 1-го марта 1875 года былъ почтёнъ своими почитателями юбилейнымъ обѣдомъ въ Санктпетербургскомъ Собраніи Художниковъ, причёмъ было сказано много привѣтственныхъ рѣчей, какъ отъ лица петербургскихъ литераторовъ, такъ и отъ артистовъ всѣхъ петербургскихъ театровъ.

ИЗЪ ВОДЕВИЛЯ

«БУЛОЧНАЯ ИЛИ ПЕТЕРБУРГСКІЙ НѢМЕЦЪ».

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клейстеръ *и* Флюгеровъ.

Флюгеровъ. Гутъ моргенъ! Гутъ моргенъ, Иванъ Иванычъ.

Клейстеръ. А, Семенъ Семеновичъ!

Флюгеровъ. Саперментъ, опять запачкался! Какъ досадно, что у васъ нѣтъ съ улицы параднаго входа, а то со двора чистоплотному человѣку очень непріятно ходить. Вашъ мальчишка вытряхивалъ на крыльцѣ мучной мѣшокъ. Я хотѣлъ поскорѣе пробѣжать, а онъ — разбойникъ — такъ меня всего и запудрилъ! Дайте, пожалуста, щёточку почиститься.

Клейстеръ *(доставая щетку)*. Сію минуту.

Флюгеровъ. Чортъ возьми — новый вицъ-мундиръ! Придёшь въ должность, того гляди молодёжь на зубки подниметъ. Благодарствуйте, любезный Иванъ Иванычъ!

Клейстеръ *(чистя его)*. Извините, Семенъ Семеновичъ.

Флюгеровъ. Ничего — это дѣло поправное. Я знаете, такой ужь съ малолѣтства: маленькое пятнышко, гдѣ бы то ни было, мнѣ очень чувствительно. На счётъ аккуратности, я чистый нѣмецъ. Вотъ вы, Иванъ Иванычъ, наоборотъ, совсѣмъ похожи на русскаго и говорите такъ, что ничего не узнаешь.

Клейстеръ *(съ довольной улыбкой)*. Да, да, я совсѣмъ выгляжу на русскаго и буду гордость черезъ этого имѣть. Который человѣкъ не знаетъ моя фамилія, совсѣмъ не можетъ догадываться, что я нѣмецъ есть.

Флюгеровъ. Что фамилія? Ваша фамилія — Клейстеръ; ну что жь, и Клейстеръ можетъ быть русскій; а у меня фамилія-то точно нѣмецкая. Товарищи не называютъ меня Флюгеровымъ, а говорятъ: ты-де Флюгеръ — нѣмецъ; и начальникъ отдѣленія за исправность въ нѣмцы пожаловалъ. Ей-Богу! У меня и платье, и сапоги, и мебель — всё нѣмецкой работы. Вотъ и шляпа Циммермана: третій годъ ношу. Недавно даже нарочно въ шустеръ-клубъ записался. Признаюсь, Иванъ Иванычъ, душевно уважаю нѣмцевъ: образцовый народъ. Напримѣръ, жена — нѣмочка. Что за хозяйка! Изъ гривны пятнадцать копѣекъ сдѣлаетъ.

Клейстеръ. Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, есть и русскія наилюбезнѣйшія дамы.

Флюгеровъ. Конечно, да всё не тò, всё на французскій маперъ. Ужь бѣднаго мужа не пощадитъ: гдѣ хочешь доставай къ празднику обновку; а нѣмочка одно платье на три фасона передѣлаетъ: и прикраситъ, и перекраситъ, и выворотитъ, и мужа не введётъ въ убытокъ.

Клейстеръ. Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ! Я былъ женатъ съ русской — очень добрѣйшая была.

Флюгеровъ. Вѣрю, вѣрю: вы часто её вспоминаете! А вотъ моя покойница — была такая живая: не тѣмъ её помянуть, любила рядиться не на животъ, а на смерть. Я тогда служилъ экзекуторомъ. Мѣсто, конечно, прибыльное. Говорятъ, казённое въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонётъ, да часто въ карманы прячется. Я былъ тогда ещё неопытенъ и чуть-чуть изъ за ея тряпокъ подъ судъ не попался. Бывало, вѣчные споры: купи это, купи то́. «Да погоди, вотъ мода пройдётъ, такъ дешевле будетъ.» — «Нѣтъ», говоритъ, «послѣ я и сама не надѣну.» Нечего дѣлать, пойдёшь не по одёжкѣ протягивать ножки. Охъ, охъ! Жонушки, жонушки, бѣдовый народецъ!

Жена дѣйствительно какъ древо
Познанія добра и зла!
Посмотришь справа, взглянешь слѣва,
Такъ браки — чудныя дѣла!
Одинъ съ женою попадаетъ
Въ большіе люди и чины,
Другой, напротивъ, пропадаетъ,
По милости своей жены.
На незаконномъ основаньи
Домишко выстроитъ иной —
Есть подъ рукою оправданье:
«Гдѣ взялъ ты деньги?» — «За женой!»
Тому франтиха попадётся,
За знатью тянется въ струну,
А тамъ, какъ справка наведётся,
Притянутъ мужа за жену!
Жена глупа — тоску наводитъ,
Умна — такъ мужа проведётъ,
Красива — такъ друзей находитъ,
А мужъ въ отставку попадётъ.
Короче: мудрено рѣшиться;
Женитьба хитрая статья:
И безъ жены — жить не годится
И съ нею часто нѣтъ житья.

Клейстеръ. Да-съ, знаете, какъ русскіе купцы говорятъ: десять разовъ отрѣзывай, а одинъ обмѣривай.

Флюгеровъ. Такъ, такъ, справедливо! Но жена нѣмочка другое дѣло. Вообще, Иванъ Ивановичъ, нѣмецкая натура иначе устроена. Возьмёмъ хоть, напримѣръ, нашу братью, мелкихъ чиновниковъ: сегодня въ должности, завтра хочется погулять — болѣнъ. «Что́ — говоритъ — сегодня кончать! завтра будетъ время — успѣю!» Анъ, посмотришь — моргенъ-фри! Дошолъ до титулярнаго, да и сѣлъ; а ужь съ нѣмецкимъ терпѣніемъ и аккуратностью до всего добьёшься — и выходитъ, что нѣмецъ или пересидитъ тебя, или перегонитъ. Вотъ, чего ближе! У меня есть племянникъ по сестрѣ. Молодецъ, со способностями, съ головой, да всё вѣтеръ въ ней погуливаетъ: служитъ третій годъ и третье мѣсто перемѣнилъ. Нѣтъ, грѣшный человѣкъ, Иванъ Ивановичъ, люблю нѣмцевъ!

Клейстеръ. Покорно благодарствуйте, покорно благодарствуйте!

Флюгеровъ. Право такъ! Вотъ я привязался къ вамъ, напримѣръ, какъ лихорадка: ужь черезъ день аккуратно посѣщаю васъ. Иду на ту сторону, а съ этой *(показывая на сердце)* такъ и тянетъ къ вамъ. А вѣдь совершенно безо всякихъ видовъ, по одной только любви. Кстати, я и не спросилъ: здорова ли Марья Ивановна?

Клейстеръ. Слава Богу, слава Богу!

Флюгеровъ. Красавица у васъ Марья Ивановна, безприданница!

Клейстеръ. Покорно-спасибо.

Флюгеровъ. Дай-то Богъ ей поскорѣе солиднаго женишка.

Клейстеръ. Это чрезвычайно очень мудрёная штука.

Флюгеровъ. Почему же? Вѣдь вы, разумѣется, удѣлите ей что-нибудь отъ вашихъ трудовъ: красота красотой, а приданое также краситъ невѣсту — и дочь булочнаго мастера вѣрно будетъ имѣть свой кусокъ хлѣба.

Клейстеръ *(таинственно)*. Что булочный мастеръ! Теперича чтобъ самому совсѣмъ безъ хлѣба не перебывать!

Флюгеровъ. Что вы, Иванъ Иванычъ! Вашъ товаръ такой, что всегда въ модѣ. Вы вѣчнаго цеха мастеръ, а вѣдь на свѣтѣ, кромѣ этого, ничего нѣтъ вѣчнаго.

Клейстеръ. Нѣтъ-съ, въ это время я самъ очень въ безпокойствѣ нахожусь. Вы вѣрно замѣчали, что я сегодня выгляжу совсѣмъ ни на что похоже.

Флюгеровъ. Да, да; я только-что вошолъ, хотѣлъ вамъ сказать: «вы что-то блѣднѣе обыкновеннаго».

Клейстеръ. О, насупротивъ, я всегда сдѣлаюсь прекрасный, когда услыхиваю, что наша братья мастеры дурно своё дѣло дѣлываютъ!

Флюгеровъ. Я васъ не понимаю, Иванъ Иванычъ?

Клейстеръ *(оглядываясь)*. Развѣ вы не узнавали ещё, что двухъ нѣмецкихъ булочныхъ запечатали, а три — большіе штрафы заплачивали?

Флюгеровъ. Ахъ! да, да — изъ ума вонъ! Вчера ещё читалъ въ «Полицейской Газетѣ». Ещё узелъ завязалъ, чтобъ сообщить вамъ объ этомъ казусѣ! Помню даже гдѣ именно: одна — въ Хлѣбномъ переулкѣ, другая — въ Плуталовомъ, а третья, кажется, въ Безъимянной улицѣ.

Клейстеръ. Вотъ что-съ, Семенъ Семеновичъ!

Флюгеровъ. Да, Иванъ Ивановичъ — и, надо правду сказать, за дѣло распекли: противъ установленной таксы брали деньги, пекли не въ мѣру и мука была мѣшанная. Да вамъ-то нечего безпокоиться: у васъ и сердце, и мука совершенно чистыя. Вы мастеръ своего дѣла!

Клейстеръ. Правда, правда, я досталъ себѣ совсѣмъ хорошую репутацію.

Могу сказать: я точно мейстеръ,
А не простой мастеровой.
Каковъ Иванъ Иванычъ Клейстеръ,
Нигдѣ не сыщется другой.
Васильской Островъ очень знаетъ
Меня по честности своей;
Самъ частный приставъ забираетъ
Здѣсь булки, хлѣбъ и сухарей.
Въ субботу, встрѣтимшись со мною,
Онъ, этакъ сдѣламши, сказалъ:
(прикладываетъ руку ко лбу)
«Гутъ-моргенъ!» — и меня рукою
Онъ по плечѣ потрепаталъ.

Флюгеровъ. Вотъ видите! Чего же вы боитесь? Конечно, иногда человѣкъ безъ вины виноватъ — не доглядишь, анъ глядь и попался, какъ мышонокъ въ амбарѣ. Ныньче по всѣмъ угламъ всякую лазейку заколачиваютъ, и въ казённыхъ вѣдомствахъ, и въ торговлѣ. Вотъ безмены уничтожили и ввели вѣсы одинаковой формы и на всё таксы печатаютъ, и то̀, и другое... Такія вездѣ строгости, что Боже упаси! Есть даже особые люди, которымъ инкогнито поручено отыскивать безпорядки.

Клейстеръ. Да, да, да! есть, есть! Мнѣ тоже сказалъ Цвибакъ Крестьянъ Богданычъ.

Флюгеровъ. Впрочемъ, всё перемелется — будетъ мука, Иванъ Иванычъ!

Клейстеръ. Да; но русская пословица говорится: за-то много щуковъ на водѣ живутъ, чтобъ караси не ложилися спать.

Флюгеровъ. Эхъ, Иванъ Иванычъ! Опытный человѣкъ въ мутной водѣ рыбу ловитъ и изъ воды выходитъ сухой.

Клейстеръ. Да, да, надо только черезъ это ухо вострое держать. И знаете ли, Семенъ Семенычъ, я недавно замѣчалъ, что сюда одинъ чиновникъ слишкомъ очень часто прихаживаетъ.

Флюгеровъ. А! а! а!

Клейстеръ. Почитай сказать за всякой день!

Флюгеровъ. Э! И вы думаете, что это должна быть щука?

Клейстеръ. О, штука! Онъ всё одинъ крендель заказываетъ.

Флюгеровъ. О! всё одинъ?

Клейстеръ. Всё по рублямъ серебра.

Флюгеровъ. Странно! Ну, да вѣдь на крендели нѣтъ ещё таксы. Въ одной булочной — этакой, въ другой — вдвое меньше; крендели — роскошь и потому оставлены на совѣсть каждаго мастера.

Клейстеръ. Да-съ; но видать, что онъ это сдѣлаетъ совсѣмъ нарочно. Взойдётъ и всё провыглядываетъ. Вотъ вчерась опять заказывалъ крендель и теперича безъ сумнѣнія скоро придётъ для него.

Флюгеровъ. И самъ персонально, въ вицъ-мундирѣ, носитъ крендели! Непонятно! Вѣдь рублёваго и въ секретарскій карманъ не запихаешь.

Клейстеръ. Нѣтъ, онъ шинелю на своихъ плечи имѣетъ.

Флюгеровъ. Т-съ! это удивительно! Мнѣ бы любопытно было взглянуть на него; у меня зоркіе глаза: сейчасъ узнаю полицейскаго.

Клейстеръ. Пожалуста.

Флюгеровъ. Извольте, извольте! Сегодня, такъ и быть, я не пойду въ должность. Надо побывать по сосѣдству у одного знакомаго, а послѣ зайду непремѣнно сюда, подкараулю его, слѣдомъ пойду за нимъ, узнаю гдѣ служитъ, гдѣ живётъ — всё пронюхаю.

Клейстеръ. Ахъ, Семенъ Семенычъ, на сей разъ вы меня очень удовлетворяете!

Флюгеровъ. Помилуйте, вы знаете, я люблю нѣмцевъ вообще, а васъ въ особенности. Такъ люблю и уважаю, что, просто, хотѣлъ бы породниться съ вами.

Клейстеръ. Да; но на это я возможность не могу достать.

Флюгеровъ. Полноте, на всё есть возможность. Давеча я вамъ намекалъ о супружествѣ. Бракъ дѣло великое: надо быть разборчивымъ. *(Вздыхая.)* Охъ, Иванъ Иванычъ, дочка ваша презаманчивая невѣста! Я, разумѣется, приданаго отъ васъ не потребую: ничего не нужно; да вы вѣрно сами, по отеческому сердцу, не захотите выдать единственной своей дочери такъ, безо всего. Ну, почтеннѣйшій Иванъ Иванычъ, что̀ вы на это скажите?

Клейстеръ. Вы мнѣ такое пораженіе сдѣлали на моихъ мыслей, что я ничего не могу своимъ разсудкомъ разсужденье сдѣлать!

Флюгеровъ. Эхъ, Иванъ Иванычъ! Это дѣло житейское: люди каждый день женятся, а я только хочу во второй разъ.

Клейстеръ. Но я не хочу, чтобъ Машенька доставала себѣ горестность черезъ моё приневольство.

Флюгеровъ. Зачѣмъ приневоливать: можно по доброй волѣ её уговорить.

Клейстеръ. Нѣтъ-съ, это отвиситъ за нее. У меня такой манеръ: кого полюбишь, съ тѣмъ и женися, по русской пословицѣ: суженаго коня не объѣзжаютъ! За нее также недавно слишкомъ просватывался богатый человѣкъ, сынъ трубочистнаго мастера, но онъ не пришолъ ей по скусу и отказъ получилъ.

Флюгеровъ. Ну, какъ это можно! Трубочистъ и этакое крупичатое созданіе! Вѣдь, это — день и ночь. Хорошъ мужъ, который по ночамъ по крышкамъ лазитъ! И что̀ его богатство? — просто дымъ, больше ничего: полѣзъ на трубу, сломалъ шею — вотъ и осталась съ седьмой частью. Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, ей нуженъ мужъ самостоятельный, домосѣдъ, который бы берёгъ её, а не труболётъ какой-нибудь! Разумѣется, этакого важнаго дѣла нельзя рѣшить сію же минуту, но вы вѣрно позволите мнѣ надѣяться, понравиться ей, объясниться, а тамъ со временемъ.

Клейстеръ. А, на сіи кондиціи я соглашиваюсь! Ай, ай, ай, скоро половина одиннадцать! Мнѣ надо на Адресъ-Контору билетъ для мальчика перемѣнивать. Извините, Семенъ Семеновичъ, что я иду прочь! Я промежду того вамъ кофею прикажу сдѣлать. А если этотъ подозрѣвающій чиновникъ сюда приходитъ...

Флюгеровъ. О, не безпокойтесь: всё обдѣлаю!

Клейстеръ. Прощайте. Я, можетъ-быть, васъ ещё заставать буду. Вы мнѣ чрезвычайно большое спокойствіе сдѣлаете. Знаете русскую пословицу: настоящихъ пріятелевъ въ непріятностяхъ можно узнавать. Прощайте, Семенъ Семеновичъ.

Флюгеровъ. До свиданія, Иванъ Иванычъ. *(Клейстеръ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Флюгеровъ *(одинъ)*. Ну, Семёнъ Семёнычъ, дѣло ли ты затѣваешь? Сорвалось у тебя скоро словечко съ языка; жениться долго ли, да не долго и до бѣды! Тебѣ ужь подъ шестьдесятъ, а невѣстѣ то лѣтъ восемнадцать. Маленькая разница! Она у форточки-то насмотрѣлась на людей: знаетъ всему цѣну. Вѣдь и сухарь третьёводнишній дешевле продаётся: всё давай свѣжее. *(Подходитъ къ зеркалу.)* Впрочемъ, какъ погляжу на себя — ужь будто я похожъ на сухарь? Иногда, послѣ обѣда, и румянецъ разыграется; ни одного сѣдого волоса не видно — подъ парикомъ; и чинъ высокоблагородный; есть и знакъ безпорочной службы, да не всегда надѣваю: цифры-то такія конфузныя. Короче сказать, какъ пораздумаю, такъ я здѣсь просто честь дѣлаю своимъ сватовствомъ, а этотъ васисдасъ ещё ломается и приданаго-то, пожалуй, отвалитъ булками да сухарями. Нѣтъ, братъ, я тёртый калачъ! Деньги у него есть; только у нѣмца ихъ вытащить всё равно, что угря на удочкѣ: чуть круто повернулъ — и пиши пропало! Нѣмецъ хитёръ, да я самъ чернильный орѣшекъ: меня не скоро раскусишь. *(Стучатъ съ улицы въ форточку.)* Что это? Стучатъ въ форточку, а отворить некому. Эй! кто тамъ! Погодите! Вотъ прекрасно: хозяинъ ушолъ, а меня, чиновника, оставилъ тутъ хозяйничать! Опять! Сію минуту! Эй, Карлуша! Марья Ивановна! Кто-нибудь!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Флюгеровъ *и* Машенька *(со стаканомъ кофе на подносѣ).*

Машенька. Сейчасъ, сейчасъ! Извините, Семёнъ Семёнычъ: я вамъ кофе приготовляла.

Флюгеровъ. Моё почтеніе, Марья Ивановна. Благодарю васъ за ваше вниманіе.

Машенька *(у форточки)*. Сію минуту. Чего-съ? на сколько? Извольте десять копѣекъ вамъ сдачи.

Флюгеровъ. Какова хозяйка! Вездѣ поспѣетъ!

Машенька. Сладко ли, Семёнъ Семёнычъ?

Флюгеровъ. Ужь отъ васъ можетъ ли быть что-нибудь не сладко? Патока, Марья Ивановна, просто патока!

Машенька. Не хотите ли крендельковъ, или бріошекъ?

Флюгеровъ. Благодарствуйте, моя пышечка.

Машенька. Да не угодно ли вамъ пойти кушать въ ту комнату: здѣсь, можетъ-быть, вамъ неловко?

Флюгеровъ. Помилуйте! Смотрѣть на васъ и пить кофей — это большое наслажденіе. Признаюсь, я ни гдѣ не пью его съ такимъ аппетитомъ и съ

такими кренделями. Ахъ, какой же я невѣжа: не спрошу васъ до-сихъ-поръ объ здоровьѣ! Ви бефиден-зи-зихъ, Марья Ивановна?

Машенька. Благодарствуйте, я, слава Богу, здорова.

Флюгеровъ. Хе, хе, хе! что-жь вы мнѣ по-нѣмецки не отвѣчаете?

Машенька. Да, вѣдь, вы не говорите по-нѣмецки?

Флюгеровъ. Всё равно, я очень люблю этотъ языкъ?

Машенька. А я такъ напротивъ.

Флюгеровъ. Неужели? Хе, хе, хе! сами нѣмочка — и не любите своего діалекта.

Машенька. Да какая же я нѣмка? Матушка была русская; воспитывалась въ пансіонѣ всё съ русскими. Я даже и говорю по-нѣмецки очень нехорошо.

Флюгеровъ. Вотъ прекрасно! Хе, хе, хе! Впрочемъ, и у насъ есть барышни русскія, которыя трёхъ словъ на своёмъ языкѣ не умѣютъ порядочно сказать. Ну, да ужь это такъ по модѣ! А, воля ваша, нѣмецкій языкъ, должно-быть, коренной языкъ: въ нёмъ встрѣчаются такія слова, нѣжныя, мягкія — напримѣръ: ихъ либе зи! Кажется, тутъ и чухонецъ догадается, о чёмъ хочешь сказать! Куда же вы, Марья Ивановна?

Машенька. Тутъ нужно сосчитать деньги. Кажется, я ошиблась.

Флюгеровъ. Нѣтъ, нѣтъ — вы не ошиблись, вы не можете ошибиться; вы просто бухгалтерская книга, вы настоящій гросъ-бухъ, Марья Ивановна.

Машенька. Покорно васъ благодарю.

Флюгеровъ. Нѣтъ, то-есть клейнъ-бухъ, зеръ шёне клейнъ-бухъ.

Машенька. Да вы, въ самомъ дѣлѣ, хорошо говорите по-нѣмецки.

Флюгеровъ. Неужели? *(Въ сторону.)* Гм! не надо упускать благопріятной минуты. *(Громко.)* Шенесъ, Марья Ивановна!

Машенька. Что вамъ угодно?

Флюгеровъ. Мы съ вашимъ папенькой разговаривали...

Машенька. Я въ той комнатѣ слышала.

Флюгеровъ. Слышали? и знаете о чёмъ?

Машенька. Нѣтъ-съ, не знаю: я, вѣдь, не подслушивала.

Флюгеровъ. А хотите ли — я разскажу?

Машенька. Не нужно, это, можетъ-быть, до меня не касается, такъ я и не любопытна.

Флюгеровъ *(въ сторону.)* И хозяйка, и не любопытна! Только въ нижнихъ этажахъ можно найти такое сокровище! Гм! гм!.. *(Громко.)* Марья Ивановна, я... вы... я, какъ вы знаете! *(Стучатъ въ форточку.)*

Машенька. Сію минуту! *(Флюгерову.)* Извините! *(У форточки.)* Что вамъ угодно? Вотъ это-съ? Пятакъ серебра. Эта-съ? Три копѣйки серебромъ. Эту-съ? — Извольте. *(Отдаетъ булку.)*

Флюгеровъ *(въ сторону)*. Вотъ это немножко непріятно: въ такую драгоцѣнную минуту — спрашиваютъ какія-то грошовыя булки! Ну, ничего! Смѣлѣе: поправимся! *(Громко)*. Такъ вотъ что-съ; на чёмъ, бишь, я остановился?

Машенька. Не знаю-съ.

Флюгеровъ. Да! Я, какъ вы знаете... какъ вы знаете... *(Про себя.)* Самъ не знаю, что я давеча хотѣлъ сказать. Гм! проклятая десяти-копѣечная булка! Я теперь ни за грошъ дуракъ-дуракомъ становлюсь...

Машенька. Что же вы остановились? продолжайте.

Флюгеровъ. Вотъ видите въ чёмъ дѣло. Я, наконецъ, рѣшился открыть вашему батюшкѣ одно изъ давнишнихъ моихъ желаній; и это открытіе. *(Стучатъ въ форточку.)*

Машенька *(отбѣгая отъ него)*. Извините, пожалуста.

Флюгеровъ. Опять! Это просто наказаніе: точно нарочно! Только ротъ открою, она бѣжитъ открывать свой васисдасъ — и всѣ мои нѣжности уходятъ на вѣтеръ! Чортъ возьми! я было придумалъ такія чувствительныя выраженія, а теперь.

Машенька *(у форточки)*. Теперь ничего не осталось: были да всѣ вышли.

Флюгеровъ. Ну, ничего! Авось въ третій разъ буду счастливѣе.

Машенька *(подходя къ нему)*. Извините-съ.

Флюгеровъ. Ничего-съ, дѣло коммерческое: хлѣбъ и булки — ежеминутная потребность. И такъ, Марья Ивановна, я... вы и вашъ батюшка... Вотъ опять столбнякъ нашолъ!

Машенька. Что-жь дальше?

Флюгеровъ. Вотъ что-съ: я, какъ вамъ извѣстно, полтора мѣсяца имѣю удовольствіе пользоваться вашимъ знакомствомъ. Въ продолженіе этого времени, вы вѣрно могли замѣтить, что я человѣкъ...

Машенька. Да-съ.

Флюгеровъ. То-есть, человѣкъ, который... который... *(Стучатъ въ форточку.)* Опять! Тутъ лопнетъ всякое человѣческое терпѣніе!

Машенька *(отбѣгая)*. Извините!

Флюгеровъ. Дьявольская форточка! Точно весь

Васильевскій Островъ взбѣсился съ голоду? Вотъ люди: безъ ѣды минуты не могутъ пробыть! Да и я, старый дуракъ, всё начинаю издалёка. Этакъ далёко не уйдёшь! Другой бы на моёмъ мѣстѣ двадцать разъ успѣлъ объясниться.

Машенька *(едва удерживаясь отъ смѣха)*. Ну, вотъ, я въ третій разъ къ вамъ подхожу, а вы всё на одномъ останавливаетесь.

Флюгеровъ. Вы ужь начинаете смѣяться надо мною, а я вѣдь съ вами хочу говорить о серьёзномъ дѣлѣ.

Машенька. Да какъ же не смѣяться: вѣрно сама судьба не хочетъ, чтобъ я сегодня узнала вашу тайну. Лучше подождите до завтра.

Флюгеровъ. Нѣтъ, на зло судьбѣ, всё скажу сію же минуту. *(Скороговоркой.)* Марья Ивановна, съ перваго взгляда, какъ я васъ встрѣтилъ въ 4-й линіи, на Среднемъ проспектѣ, почувствовалъ къ вамъ какое-то непреодолимое влеченіе; вслѣдствіе сего я познакомился съ вашимъ батюшкой и пріобрѣлъ его расположеніе. Я человѣкъ благородный и съ такимъ же намѣреніемъ старался вамъ понравиться. Успѣлъ ли я въ этомъ — остаётся рѣшить вашему сердцу. Съ душевнымъ волненіемъ ожидаю своего приговора! *(Вытирая лицо платкомъ.)* Уфъ! кончилъ! Въ форточку не стучали, а въ сердцѣ и въ головѣ ужасная стукотня.

Машенька. Признаюсь, вы меня очень удивили. Я никакъ не воображала, что вы сюда ходите для меня.

Флюгеровъ. Для васъ, собственно для васъ однѣхъ!

Машенька. Но вы такъ часто увѣряете папеньку въ своей дружбѣ?

Флюгеровъ. Къ папенькѣ дружба, а къ вамъ чувство болѣе нѣжное...

Машенька. Покорно васъ благодарю. Вы хотите, чтобъ я говорила откровенно?

Флюгеровъ. Сдѣлайте милость.

Машенька. Слушайте же.

Всему на свѣтѣ свой черёдъ:
За лѣтомъ осень наступаетъ,
За осенью — зима придётъ,
Весна два раза не бываетъ.
Проходитъ и пора любви...
Такъ перестать вамъ не пора ли?
Признаться, торопились вы,
А всё немножко опоздали.

Флюгеровъ. Ну, ужь это слишкомъ откровенно! Какъ же мнѣ понимать вашъ отвѣтъ?

Машенька. Какъ хотите.

Флюгеровъ. Кажется, это чистая отставка?

Машенька. Кажется.

Флюгеровъ. Такъ вѣрно, вы любите другого?

Машенька. Можетъ-быть.

Флюгеровъ. Кого же, нельзя ли узнать?

Машенька. Зачѣмъ? вамъ отъ этого легче не будетъ.

Флюгеровъ *(въ сторону)*. Чортъ возьми! Вотъ нѣмки-то каковы! Вѣдь живётъ въ нижнемъ этажѣ, а какъ свысока разсуждаетъ! *(Вслухъ.)* Что-же это, Марья Ивановна, вы ужь уходите?

Машенька. Не прогнѣвайтесь, Семёнъ Семёнычъ; вы ужь всё сказали, мнѣ говорить больше нечего, а молчать я могу и въ своей комнатѣ.

Флюгеровъ. Ого, вотъ тебѣ и закуска!

Машенька. Не хотите ли ещё кофею?

Флюгеровъ. Нѣтъ-съ, покорно благодарю; вы меня и такъ хорошо отпотчивали.

Машенька. Что-жь дѣлать, Семёнъ Семёнычъ, извините. *(Присѣдаетъ и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Флюгеровъ *одинъ, потомъ* Карлуша.

Флюгеровъ *(ходя по комнатѣ)*. Ну, признаюсь, отдѣлала она меня! Прошу покорно! Чиновникъ девятаго класса сватается на булочницѣ, а она — ещё цирлихъ-манирлихъ. Ужь изволитъ любить кого-то другого! Нѣтъ, мамзель, отложи попеченіе! Я тебя допеку — всё нѣмцу разскажу: онъ задастъ феферу твоему любезному!

Карлуша *(ходя за нимъ)*. Семёнъ Семёнычъ!

Флюгеровъ. Пусть онъ её допроситъ, какъ она смѣла безъ спросу влюбиться, какъ могла предпочесть другого негодяя, когда я, я самъ здѣсь.

Карлуша. Семёнъ Семёнычъ!

Флюгеровъ. Самъ лично дѣлаю предложеніе... И кто онъ такой? откуда взялся? Какъ осмѣливается перебивать у меня дорогу? *(Натыкается на Карлушу.)* Тьфу, чортъ возьми! Что ты тутъ подвёртываешься!

Карлуша. Извините, Семёнъ Семёнычъ!

Флюгеровъ. Опять выпачкалъ! Что за мученье! Въ этой дурацкой булочной только мараешь себя и физически, и морально! Подай мнѣ щётку!

Карлуша. Позвольте — я самъ васъ почищу.

Флюгеровъ. Убирайся, негодяй!

Карлуша. Извините, я не нарочно...

Флюгеровъ. Да что тебѣ надо отъ меня?

Карлуша. Я хотѣлъ съ вами поздороваться.

Флюгеровъ. Только-то?

Карлуша. Покудова — только-съ; а можетъ-быть скоро я прощусь и съ вами, и съ хозяиномъ, если вы не вступитесь въ моё горе.

Флюгеровъ *(въ сторону)*. Большое мнѣ дѣло до его горя; я самъ не на радость сюда пришолъ.

Карлуша. Вы такіе добрые, Семёнъ Семёнычъ, ласковые, совсѣмъ не похожи на господина...

Флюгеровъ. Что? На кого-жь я, по-твоему, похожъ?

Карлуша. Да вы такіе простые, обходительные, партикулярные. Не оставьте своею милостію.

Флюгеровъ. Что за милость такая? Что́ я могу для тебя сдѣлать?

Карлуша. Вы сюда къ намъ часто изволите жаловать, а хозяинъ васъ любитъ и жалуетъ, и сами вы такіе жалостливые: пожалѣйте бѣднаго Карлушу!

Флюгеровъ. Да на кого ты жалуешься?

Карлуша. На судьбу свою, Семёнъ Семёнычъ.

Флюгеровъ. Ну, братъ, это не по-моему департаменту.

Карлуша. Ужь какъ-нибудь, Семёнъ Семёнычъ, по знакомству. Дѣло-то такое щекотливое: не знаю, какъ и сказать. Конечно, вы уже человѣкъ пожилой и теперь ни въ кого не влюбитесь: вамъ всё равно...

Флюгеровъ. Что́, что́ такое?

Карлуша. А вѣдь прежде вѣрно любили же кого-нибудь и знаете, что это за штука такая — мѣста не найдёшь... Вотъ здѣсь *(показывая на сердце)* такъ и поджариваетъ. Помогите мнѣ, батюшка Семёнъ Семёнычъ!

Флюгеровъ. Да что ты съ ума сошолъ?

Карлуша. Нѣтъ ещё, а скоро: ожидаю только вашей милости. Наведите меня на умъ, если только вамъ это возможно. Днёмъ брежу, а ночью заговариваюсь! Страсти, да и только! Просто сказать: погибшій человѣкъ отъ Марьи Ивановны!

Флюгеровъ. Какъ! Что? Такъ это ты?

Карлуша. Я, батюшка, Семёнъ Семёнычъ, я!

Флюгеровъ. И ты осмѣлился её любить?

Карлуша. Самъ не знаю, какъ это случилось!

Флюгеровъ *(въ сторону)*. Такъ вотъ кто этотъ любезный! Подмастерье — мой соперникъ! Фи, какое униженіе!

Карлуша. Чувствую, что высоко забираюсь; хозяйская дочка — не шутка; да любовь-то этого не разбираетъ!

Флюгеровъ *(въ сторону)*. Этотъ мучной мѣшокъ — мой соперникъ! Погоди же, я тебя упеку, мошенника!

Карлуша. Потрудитесь, батюшка Семёнъ Семёнычъ!

Флюгеровъ. И Марья Ивановна тебя любитъ?

Карлуша. Не знаю-съ! Объясниться-то ещё порядочно не успѣлъ. Извольте видѣть, должность-то моя такая безалаберная: ночью работаю, а Марья Ивановна почиваетъ, днёмъ она за дѣломъ, меня сонъ моритъ. Другой разъ нарочно не ляжешь спать, да какъ-нибудь и прозѣваешъ удобный случай. Давеча, однако жь, я отпустилъ ей кое-что этакое.

Флюгеровъ. Что же она?

Карлуша. Ничего-съ, только всё улыбалась. Да это, можетъ-быть, и хорошо: любовь, говорятъ, всегда съ шутокъ начинается. Хе, хе, хе!

Флюгеровъ. Посмотрите, что за глупая рожа! А вѣдь какъ доволенъ собой!

Карлуша. Замолвите, батюшка, обо мнѣ доброе словечко хозяину. Онъ нынче на меня сердится за сухари, да ужь вы, пожалуста, умаслите его какъ-нибудь.

Флюгеровъ *(двусмысленно)*. Хорошо, хорошо — изволь, я тебѣ удружу.

Карлуша. Неужели?

Флюгеровъ. Да, да — всё разскажу хозяину.

Карлуша. Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, Семёнъ Семёнычъ, позвольте васъ обнять! *(Обнимаетъ его.)*

Флюгеровъ. Опять запачкалъ! Это ужь изъ рукъ вонъ, просто наказаніе!

Карлуша. Извините, я отъ чистаго сердца.

Флюгеровъ. Чортъ тебя возьми! Всю грудь выпачкалъ своимъ чистымъ сердцемъ; до завтра не отчистишь.

Карлуша. Позвольте, я сію минуту.

Флюгеровъ. Пошолъ, пошолъ! Съ этой чернью нельзя связываться чистоплотному человѣку. Негодяй! развѣ такихъ, какъ я, благородныхъ людей обнимаютъ?

Карлуша. Извините, ваше благородіе, не могъ удержаться отъ вашей милости! Любовь меня совсѣмъ дуракомъ сдѣлала. По этому случаю я васъ и принялъ за своего брата.

Флюгеровъ. Я это вижу; да я не свой братъ! Я съ другимъ — и почище тебя — не стану обниматься.

Карлуша. Извините, Семёнъ Семёнычъ, я теперь до васъ пальцемъ не дотронусь, только вы подайте мнѣ руку помощи.

Флюгеровъ. Ну, ну, хорошо, хорошо: я обѣщалъ — и всё сдѣлаю.

Карлуша (*хочетъ обнять Флюгерова*). Ахъ, батюшка, Семёнъ Семёнычъ!

Флюгеровъ (*отскакивая*). Тсъ!

Карлуша. Не трону, ваше благородіе, не трону.

Флюгеровъ. Смотри же! Теперь Ивана Иваныча нѣтъ дома, но онъ скоро воротился, а я тоже черезъ четверть часа приду и всё улажу.

Карлуша. Голову къ плечамъ приставите.

Флюгеровъ. (*въ сторону*). Кланяйся, кланяйся на свою голову: выгонитъ онъ тебя въ три шеи.

Карлуша. Дай Богъ вамъ здоровья. Утѣшили вы меня.

Флюгеровъ. Погоди, не такъ ещё утѣшу.

Карлуша. И тѣмъ доволенъ.

Флюгеровъ. Прощай же, любезный, прощай! Будешь ты меня помнить! (*Уходитъ.*)

Карлуша (*провожая его*). Никогда не забуду!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Карлуша (*одинъ*). Ну, слава Богу, теперь нашолъ я добраго человѣка, который заступится за меня! Теперь ужь я смѣлѣе могу объясниться съ Марьей Ивановной.

Ну, Карлуша, не робѣй!
Какъ за умъ возьмёшься,
Такъ на улицѣ своей
Праздника дождёшься!
То-то пиръ горой задамъ,
То-то будетъ счастье,
Какъ Иванъ Иванычъ намъ
Дастъ своё согласье!
Ужь достанется же мнѣ
Пышечка-невѣста:
Не сравнить съ ней въ бѣлизнѣ
Никакое тѣсто;
Зубы — въ родѣ миндалей,
А глаза — коринка,
Голосъ — что̀ твой соловей
И собой картинка!
Тутъ-то мы франтить начнёмъ
Всѣмъ на удивленье:
По Крестовскому пойдёмъ
Съ нею въ воскресенье!
Шляпу на бокъ, фракъ лихой,
Ростъ-то молодецкой!
«Это — спросятъ — кто такой?»
— «Булочникъ нѣмецкой!»

—

Ѳ. А. КОНИ.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони, извѣстный русскій водевилистъ и авторъ «Петербургскихъ квартиръ», «Въ тихомъ омутѣ черти водятся» и цѣлаго ряда другихъ водевилей, родился 9-го марта 1809 года Москвѣ, гдѣ отецъ его владѣлецъ единственнаго въ Москвѣ оптическаго магазина, проживалъ съ своимъ семействомъ на Кузнецкомъ мосту. Получивъ первоначальное воспитаніе въ пансіонѣ Чермака, молодой Кони вступилъ въ 1827 году въ число студентовъ Московскаго университета, на философскій — нынѣ словесный или историко-филологическій факультетъ, который, впрочемъ, скоро оставилъ и перешолъ, увлечённый лекціями знаменитаго анатома Лодера, на медицинскій факультетъ, оконченный имъ, въ маѣ 1833 года со званіемъ лекаря. Вскорѣ по выходѣ изъ университета, Ѳедоръ Алексѣевичъ, не чувствуя склонности къ медицинѣ, отказался навсегда и отъ этой послѣдней профессіи и посвятилъ себя педагогіи, причёмъ былъ въ томъ же году назначенъ преподавателемъ исторіи въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ. Затѣмъ, въ 1836 году, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ сначала учителемъ исторіи во 2-й кадетскій корпусъ, а въ 1839 году былъ переведёнъ старшимъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Дворянскій полкъ. Эту послѣднюю должность Кони оставилъ 1-го января 1849 года, вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Отдавшись послѣ этого всецѣло литературѣ, онъ уже болѣе не вступалъ на службу до самаго 1877 года, когда былъ приглашонъ для занятій въ канцелярію высочайше утверждённой коммиссіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, гдѣ на него была возложена разработка матеріаловъ по законодательнымъ работамъ иностранныхъ государствъ, касающимся желѣзно-дорожнаго дѣла.

Кони началъ писать очень рано, а, по вступленіи въ университетъ, не только мелкія его стихотворенія, но и большіе прозаическіе переводы съ французскаго, стали появляться довольно часто на страницахъ московскихъ журналовъ, а также выходить въ свѣтъ и отдѣльными книжками, что̀ продолжалось до конца 1833 года, то-есть до появленія въ печати перваго его водевиля «Женихъ по довѣренности», замѣченнаго критикой и публикой, встрѣтившими его какъ въ печати, такъ и на московской сценѣ весьма благосклонно. Этотъ первый успѣхъ рѣшилъ участь начинающаго писа-

теля — и сдѣлалъ его водевилистомъ. Всѣхъ пьесъ, написанныхъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, насчитывается тридцать три. Вотъ ихъ полный списокъ:

1) Смерть Каласа. Драма въ трёхъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Виктора Дюканжа. Переводъ съ французскаго Ѳ. Кони. М. 1830. 2) Женихъ по довѣренности. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. М. 1833. 3) Въ тихомъ омутѣ черти водятся. Старая русская пословица въ лицахъ и въ одномъ дѣйствіи. М. 1834. 4) Мужъ въ каминѣ, а жена въ гостяхъ. Анекдотическій водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. М. 1834. 5) Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчёта. Анекдотическая шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи съ разнохарактернымъ дивертисементомъ. Подражаніе французскому. М. 1834. Изд. 2-е — Спб. 1840. 6) Иванъ Савельичъ. Московская шутка-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. М. 1835. 7) Женишокъ-горбунокъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. М. 1835. 8) Покойникъ-мужъ и вдова его. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. М. 1835. 9) Тереза. Драма-водевиль въ одномъ дѣйствіи. М. 1835. 10) Мужъ всѣхъ женъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1836. 11) Карета, или по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. М. 1836. 12) Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ. Волшебная сказка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. М. 1836. 13) Страсть сочинять или — вотъ разбойники! Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. М. 1836. 14) Клавиго. Трагедія Гёте. Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Кони. М. 1836. 15) Дѣвушка-гусаръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. Спб. 1837. 16) Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ. Шуточная оперетка въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго. Спб. 1838. 17) Толстякъ и тощій. Шуточная сцена. Спб. 1847. Изд. 2-е. Спб. 1848. 18) Мужъ въ отлучкѣ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1871. 19) Чему посмѣёшься — тому поработаешь. Комедія-пословица въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1871. 20) Зелёная шаль. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1871. 21) Лакей не впопадъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. Спб. 1871.

Кромѣ этихъ двадцати одной пьесы, вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльными книжками, Кони напечаталъ въ журналахъ ещё слѣдующія пьесы: Въ «Репертуарѣ Русскаго Театра» на 1839 годъ, т. I, № 3: «Женская натура», комедія въ одномъ дѣйствіи. Въ «Пантеонѣ русскихъ и европейскихъ театровъ» на 1840 годъ, т. II и IV, №№ 6 и 10: «Дѣловой человѣкъ, или дѣло въ шляпѣ», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, и «Петербургскія квартиры», комедія-водевиль въ пяти картинахъ. Въ «Пантеонѣ» на 1850 годъ, т. II и V, №№ 4 и 9: «Сэръ Джекъ или неугодно ли вамъ быть повѣшеннымъ», шутка-водевиль въ трёхъ картинахъ, и «Неутѣшные», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи Евгенія Скриба, переводъ съ французскаго. На 1851 годъ, т. III, № 6, приложеніе 6: «Всякій чортъ — Иванъ Ивановичъ». Шутка-поговорка въ двухъ дѣйствіяхъ. На 1852 годъ, т. I, № 2: «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Наконецъ, въ «Театрѣ Ѳ. А. Кони», вышедшемъ въ 1870 — 1871 годахъ въ Петербургѣ, были напечатаны слѣдующія четыре его пьесы, не попавшія до того времени ни въ печать, ни на сцену: 1) Архипъ Осиповъ или русская крѣпость. Современная военная быль въ одномъ дѣйствіи. (Томъ I, стр. 91.) 2) Титулярные совѣтники въ домашнемъ быту. Комедія въ одномъ дѣйствіи. (Тамъ же, стр. 386.) 3) Кавказская свадьба. Драма въ одномъ дѣйствіи. (Томъ IV, стр. 317.) 4) Царская милость. Эпилогъ-картина въ одномъ дѣйствіи. (Тамъ же, стр. 357.)

Изъ этихъ тридцати четырёхъ пьесъ, пятнадцать: «Петербургскія квартиры», «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», «Покойникъ мужъ и вдова его», «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», «Иванъ Савельичъ», «Женишокъ-горбунокъ», «Чему посмѣёшься — тому поработаешь», «Кавказская свадьба», «Царская милость», «Архипъ Осиповъ», «Всякій чортъ — Иванъ Ивановичъ», «Женская натура», «Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчёту»; «Дѣловой человѣкъ, или дѣло въ шляпѣ» и «Титулярные совѣтники въ домашнемъ быту» — оригинальныя; что же касается остальныхъ восемнадцати, то это или передѣлки французскихъ и нѣмецкихъ водевилей на русскія нравы, или просто — переводы.

Независимо отъ перечисленныхъ здѣсь пьесъ для театра, Кони написалъ и перевёлъ цѣлый рядъ статей, являвшихся въ теченіи многихъ лѣтъ въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ, преимущественно въ «Пантеонѣ» и «Репертуарѣ», изъ которыхъ, какъ на болѣе замѣчательныя, укажемъ на слѣдующія: 1) «Русскій Театръ, его судьба и его историки» («Русская Сцена», 1864, №№ 2, 3, 6 и 8), 2) «И. А. Дмитревскій» («Часы Досуга», 1861, т. I, №№ 3 и 4) «Воспоминанія о театрѣ Медокса» и «Придворный театръ императора На-

полеона въ Москвѣ въ 1812 году» («Пантеонъ», 1840, томъ I).

Наконецъ, имъ были изданы отдѣльно слѣдующія сочиненія: 1) Книжка-малютка для милыхъ малолѣтокъ. Спб. 1837. 2) Современныя повѣсти модныхъ писателей. Собраны, переведены и изданы Ѳ. Кони. М. 1838. 3) Исторія Фридриха-Великаго. Текстъ — Ѳ. Кони, рисунки — А. Менцеля. Спб. 1844. Изданіе второе. 1863. 4) Живописный міръ, или взглядъ на природу, науку, искусство и человѣка. Два тома. Гельсингфорсъ. 1840. 5) Исторія Консульства и Имперіи въ Франціи. Сочиненіе — Тьера, переводъ съ французскаго — Ѳ. Кони. Спб. 1849. 6) Театръ Ѳ. А. Кони. Четыре тома. Спб. 1870 — 1871.

Всѣ исчисленныя здѣсь изданія имѣли успѣхъ, что уже видно отъ того, что одно изъ нихъ, именно «Исторія Фридриха Великаго», достигло втораго изданія и доставило въ 1846 году ея автору дипломъ на званіе доктора философіи Іенскаго университета.

Ѳедоръ Алексѣевичъ — былъ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ и говорилъ на пяти языкахъ также свободно, какъ и на русскомъ, который зналъ превосходно. Поступивъ такимъ образомъ на литературное поприще вполнѣ хорошо приготовленнымъ, онъ тотчасъ же обнаружилъ далеко не дюжинный талантъ журналиста, причёмъ всѣ свои изданія, въ особенности журналы «Репертуаръ» и «Пантеонъ», вёлъ положительно талантливо, умѣлъ выбирать изъ иностранныхъ литературъ хорошія и выдающіяся драматическія произведенія и романы, съ которыми и знакомилъ русскую публику. Что же касается его собственныхъ произведеній, то они отличаются наблюдательностью и талантомъ, что и было главной причиной большого успѣха почти всѣхъ его водевилей, дававшихся, въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, на столичныхъ и всѣхъ безъ исключенія провинціальныхъ русскихъ театрахъ. Стихотворенія Кони также далеко не безъ достоинствъ. Такъ, напримѣръ, его извѣстная баркаролла «Гондольеръ», появившаяся первоначально въ седьмой книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» на 1835 годъ, была положенна на музыку и до-сихъ-поръ распѣвается по цѣлой Россіи и совершенно-справедливо заняла мѣсто въ извѣстномъ сборникѣ лучшихъ произведеній русской поэзіи, изданномъ покойнымъ Щербиной. Всѣ знавшие Ѳёдора Алексѣевича лично говорятъ, что онъ до конца жизни горячо относился ко всему, что касалось блага и чести Россіи и вѣрилъ въ ея будущее. Онъ былъ женатъ съ 1840 года на И. С. Юрьевой, по театральному — Сандуновой, написавшей рядъ повѣстей подъ своей дѣвическою фамиліей, и имѣлъ отъ нея шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ въ настоящее время въ живыхъ находится только двое, въ томъ числѣ и нашъ извѣстный и всѣми уважаемый юристъ, предсѣдатель петербургскаго окружнаго суда А. Ѳ. Кони.

Ѳедоръ Алексѣевичъ скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, на семидесятомъ году своей жизни 25-го января 1879 года въ Петербургѣ и погребёнъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

I.

ГОНДОЛЬЕРЪ.

«Гондольеръ молодой, взоръ мой полонъ огня:
Я стройна, молода — не свезёшь ли меня?
Я къ Ріальто спѣшу до заката.
Видишь поясъ ты мой, съ жемчугомъ, бирюзой,
А въ срединѣ его изумрудъ дорогой?
Вотъ тебѣ за провозъ моя плата.»

— Нѣтъ, не нуженъ онъ мнѣ твой жемчужный уборъ!
Ярче камней и звѣздъ твой плѣнительный взоръ;
Но къ Ріальто съ тобой не плыву я!
Гондольеръ молодой отъ синьоръ молодыхъ
Не берётъ за провозъ жемчуговъ дорогихъ —
Жаждетъ онъ одного поцалуя. —

«Ахъ, пора! На волнахъ лучъ послѣдній угасъ,
А мнѣ сроку дано на одинъ только часъ.
Гондольеръ подавай мнѣ гондолу!
Помолюсь за тебя я ночнымъ небесамъ,
Прикоснуться устами къ рукѣ моей дамъ
И въ добавокъ — спою баркаролу!»

— Знаю я, голосъ твой тихой флейты звучнѣй,
Знаю я, что рука бѣлой пѣны бѣлѣй —
Но къ Ріальто съ тобой не плыву я!
Самъ могу я запѣть — мнѣ не нужно октавъ;
Мнѣ не нужно руки — хладныхъ сердца отравъ:
Одного жажду я поцалуя. —

«Вотъ мой крестъ: чудный онъ въ Палестинѣ найдёнъ
И былъ въ Римѣ святѣйшимъ отцомъ освящёнъ,
А при нёмъ и янтарныя чотки.»
— Мнѣ не нуженъ твой крестъ, я и самъ въ Римѣ былъ,
Передъ папой стоялъ — и крестомъ осѣнилъ
Онъ меня, мои вёсла и лодки. —

И я видѣлъ потомъ, какъ любуясь луной,
Плылъ съ синьорой вдвоёмъ гондольеръ молодой —
И надъ ними вѣтрило играло.
Онъ былъ веселъ и пѣлъ и въ глаза ей глядѣлъ;
На щекѣ жь у нея поцалуй пламенѣлъ,
А Ріальто вдали чуть мелькало.

II.

СНЫ.

Люблю я въ сумракѣ ночномъ
Мои живыя сновидѣнья,
Когда подъ пасмурнымъ челомъ
Они сплетаются вѣнкомъ
Рукою нѣги и забвенья.

Красою дивною полны,
Богаты тайными дарами,
Свѣтлѣй небесъ, живѣй волны,
Подъ вдохновеніемъ луны
Они слетаются роями.

Вотъ зарѣдѣла ночи мгла,
Всё засверкало, заиграло,
Далёко туча уплыла
И вся природа ожила,
Стряхнувши тлѣнья покрывала.

Вѣнцомъ трёхзвѣзднымъ озарёнъ,
Ты ль это мнѣ знакомый геній?
Я понялъ арфы дивный звонъ:
Какъ сладко въ душу льётся онъ
Потокомъ звучныхъ вдохновеній!

Затьми же спутниковъ собой:
Пускай умолкнутъ ихъ напѣвы!
Спахни свой отблескъ неземной
И облекись передо мной
Въ земную прелесть юной дѣвы!

Ты мнѣ послушенъ: вотъ она,
Моя задумчивая дѣва!
Какъ чаша лиліи блѣдна,
Какъ обликъ мѣсяца томна
И обольстительна, какъ Эва!

Алѣютъ розаны ланитъ,
Уста пылаютъ, сердце бьётся,
Слезою нѣги взоръ блеститъ,
Струёю локонъ съ плечъ бѣжитъ
И въ кудри змѣйчатыя вьётся.

Ея эфирной красотой
Я безотчётно очарованъ,
Очьми къ очамъ ея прикованъ —
И сверхъ-естественной мечтой
И упоёнъ, и очарованъ.

III.

ИЗЪ ВОДЕВИЛЯ
«ПЕТЕРБУРГСКІЯ КВАРТИРЫ».

КАРТИНА I, ЯВЛЕНІЕ II.

Лизанька, Алена Ивановна *и* Щекоткинъ.

Щекоткинъ *(вбѣгая)*. Леночка! Лиза! Ура! Радуйтесь, кланяйтесь, поздравляйте!

Алена Ивановна *и* Лизанька. Съ чѣмъ? съ чѣмъ?

Щекоткинъ. Ужь говорю вамъ: радуйтесь, кланяйтесь, поздравляйте! Мы нынче вотъ! *(Поднимаетъ руку къ верху, становясь на цыпочки.)*

Алена Ивановна. Да что такое?

Щекоткинъ. А тò, что насъ и рукой не достанешь! Вотъ каковы мы!

Алена Ивановна. Да ты, кажется, съ ума сошолъ, Аѳанасій Гаврилычъ?

Щекоткинъ. То-то, что нѣтъ! Я только-что вошолъ въ силу — да въ какую! Ха! ха! ха!

Лизанька. Да что такое, папенька?

Щекоткинъ. Что такое? Такъ-съ, ничего — бездѣлица, пустячки! Мы ничего — не начальникъ отдѣленія!

Обѣ. Начальникъ отдѣленія?

Щекоткинъ. Да-съ, начальникъ отдѣленія! Дослужились наконецъ! Бездѣлица: начальникъ отдѣленія — поди-ка! Иной тридцать локтей протрётъ на фракѣ, да не доживётъ до этой чести. А намъ — такъ, ни-почёмъ: доложили, представили и утвердили! Знай нашихъ!

Алена Ивановна. Такъ ты пожалованъ въ начальники отдѣленія! Поздравляемъ, Афанасій Гаврилычъ.

Лизанька. Честь имѣю поздравить, папенька!

Щекоткинъ. Ничего-съ! Покорно благодарю. Оно — вотъ изволите видѣть — *(считаетъ по пальцамъ)* — три тысячи жалованья, да столовыя деньги, да квартирныя, да казённыя дрова и свѣчи, да свѣчи-то не сальныя — стеариновыя, да при этомъ

ещё доходишки кое-какіе, да всеобщая аттенція. Вотъ штучка-то какая!

Начальникъ отдѣленія
Отдѣльная статья:
Его всѣ чтутъ за генія —
И геній этотъ — я!
Не нужно ужь Лизеточкѣ
Дѣла мнѣ подшивать;
Не будешь по котлеточкѣ
Въ дежурство посылать.
Я десять лѣтъ всё кланялся —
Надломы есть въ спинѣ;
За-то теперь зачванился —
Покланяются мнѣ.
Теперь головомытія
Самъ стану учинять,
Безъ правилъ общежитія
Пушить и распекать.
Могу столоначальнику
Задать я нагоняй,
А онъ мнѣ, какъ начальнику,
И пикнуть не дерзай.
Чуть что неглижировано,
Чуть нѣту въ комъ пути —
Я тотчасъ же тово-воно:
Со мною не шути!
Жена, скажи племяннику —
Его я помѣщу,
И Ванѣ мѣсто къ празднику
Я тёплое сыщу.
Теперь безъ затрудненія
Ему проложимъ путь:
Начальникъ отдѣленія,
Вѣдь, братъ — не кто-нибудь!
Билетцы изъ пергамента
Мнѣ всякій завезётъ;
Директоръ департамента
Обѣдать позовётъ.
Теперь всѣ представленія
Я самъ начну писать —
(показывая на шею)
И здѣсь вотъ украшенія
Ужь мнѣ не миновать.
Сошью салопчикъ норковой
Тебѣ я къ Рождеству:
Гуляй въ мантильи шелковой
На радость, торжеству!
Жена теперь квартальница
Передъ тобою — пасъ!
Отдѣленья начальница,
Цалуй меня тотчасъ!

Алена Ивановна. Ахъ, ты мой голубчикъ, Афанасій Гаврилычъ! *(Цалуя его.)* Вотъ утѣшилъ, такъ утѣшилъ!

Лизанька. Милый папенька, какъ я рада!

Щекоткинъ *(высвобождаясь изъ ихъ объятій)*. Хорошо! хорошо! Довольно!

Алена Ивановна. Да какъ это тебѣ удалось?

Щекоткинъ. Это наше дѣло! Я, знаешь, директоршѣ карету двухмѣстную купилъ. Да вѣдь какую — заглядѣнье — съ атласомъ внутри — зеркальныя стёкла. Спасибо Петру Петровичу Прыщочкѣ: онъ гдѣ-то её смастерилъ, въ карты что ли выигралъ, или вымѣнялъ, не то съ аукціона поддѣлъ. Какъ привезли, директорша такъ и ахнула. «Чудо», говоритъ, «прелесть — *шармантъ*», говоритъ. «Погляди, моншеръ Жакъ — вѣдь это княжеская каретка.» — «Да, да!» сказалъ его превосходительство: «хороша, только не дорого ли будетъ стоитъ, мой милый Щекоткинъ?» А я, знаешь, ему этакъ кланяюсь и говорю: «Помилуйте, ваше превосходительство! Ничего-съ! Что такое-съ! Мы-съ послѣ сочтёмся. Такая бездѣлица!» — «Оно бездѣлица, конечно», говоритъ онъ; «однако деньги счётъ любятъ.» А я ему: «помилуйте-съ! ничего-съ!» Да и опять поклонъ. «Я за честь поставлю-съ!» Да опять поклонъ. Оно, знаешь, лучше: директоры поклоны любятъ. Ну, онъ и говоритъ: «Покорно васъ благодарю, мой милый Афанасій Гаврилычъ!» Замѣть: *мой милый*. «Чѣмъ самъ могу служить, я, говоритъ, повѣрьте...» А я тутъ и подхватилъ: «Ничего-съ, помилуйте! Вашему превосходительству извѣстно, я не такой человѣкъ, чтобъ что-нибудь... Вотъ ужь я десять лѣтъ служу въ департаментѣ, всё столоначальникомъ — и никогда не требовалъ...» Знаешь, какъ я ему эту шпильку-то подпустилъ — онъ и говоритъ: «Понимаю! Будьте покойны: я, говоритъ», «васъ не забуду.» — «Помилуйте-съ, ничего-съ!» «Нѣтъ, нѣтъ, я ужь знаю, что дѣлаю. Вы человѣкъ полезнѣйшій, дѣловой.» А я ему опять поклонъ, да такой, что насилу поднялся: такъ поясницу и заломило. Вотъ сегодня прихожу въ департаментъ, а онъ пушитъ начальника отдѣленія: «дурно, говоритъ, скверно!» да потомъ что-то по-французски. Потомъ оборотился ко мнѣ да и говоритъ: «Любезный Щекоткинъ, я васъ назначаю начальникомъ отдѣленія; онъ же переходитъ въ другое министерство. Прошу принять дѣла. Надѣюсь, вы» говоритъ, «не воспротивитесь моему назначенію?» — «Помилуйте-съ, почему же? Ничего-съ...» Выходитъ, я съ каретой-то ловко подъѣхалъ: видишь, какъ вывезла — въ начальники отдѣленія! Шутка!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Присыпочка.

Присыпочка. Здравствуйте, здравствуйте, Алёна Ивановна! Какъ вы? Всё здоровы? Ну, слава Богу! Я радъ. Всё къ лучшему. Ухъ, усталъ, какъ собака! Захлопотался. Я къ вамъ на минуту. Трубочку. Марѳа! Андрей, нѣтъ ли трубочки? *(Видитъ въ углу трубку.)* А! да вотъ! *(Схватываетъ и выколачиваетъ ее среди комнаты.)* Ба! Лизавета Афанасьевна! Какъ вы почивали? Что это у васъ на лицѣ прыщикъ? Вы бы розовой водицей — право, хорошо! Ей-Богу, клянусь честью! Или хотите: я вамъ аглицкаго пластыря привезу — у знакомаго купца достану.

Алена Ивановна. И, отецъ мой, къ чему — совсѣмъ не нужно!

Щекоткинъ. Что ты это, Пётръ Петровичъ, совсѣмъ насъ забылъ?

Присыпочка. Некогда было — право: дѣла пропасть. Ходулину домъ торговалъ; у Шукина — крестины были; Авдотью Прохоровну похоронилъ; пять векселей въ десятыя руки пустилъ; на акціонѣ мебель купилъ, да на Щукинъ продалъ; три книжки издалъ, да чудное дѣльцо обдѣлалъ. Султанъ умеръ, такъ нанялъ мастеровъ — біографію начертать. Оно кстати теперь — знаешь, любопытно: тысячку-другую нажить можно. Хочешь, возьми у меня двѣсти экземпляровъ: въ департаментѣ раздашь. Афера славная, ей-Богу, право!

Щекоткинъ. Ты всё съ аферами и спекуляціями.

Присыпочка. А какъ-же! Тутъ всѣмъ услужишь: и тѣмъ, и симъ, и онымъ. Вотъ, напримѣръ, я предпринимаю теперь изданьице: оно — дрянь, коли хочешь; да я штуку придумалъ. У того, у другого выпрошу статейку — а тамъ попрошу отобѣдать. Ну съѣдутся, напьются: мнѣ-то станетъ 250, да за печать и бумагу 300 — значитъ всего 550, а экземпляръ пущу въ продажу по 10 рублей — всякій дастъ: взглянетъ, имена всё важныя, знаменитыя — какъ не купить! И придётся за 2400 книжекъ, за вычетомъ процентовъ, по десяти на рубль, 21 тысяча 600 рублей. Положимъ, не всё продадутся, такъ послѣдніе-то восемь сотенъ можно будетъ пустить въ *мѣшки* — къ букинистамъ, по полтинкѣ. Всё деньги: на полу не подымешь.

Щекоткинъ. Да, этакъ ты наживёшь несмѣтный капиталъ!

Присыпочка. Наживу, братецъ, право, наживу!

Щекоткинъ. Да зачѣмъ ты сочинителей-то кормишь? Кажется, можно бы обойтись и безъ того.

Присыпочка. Какъ можно! Они поѣдятъ, попьютъ, даромъ статьи дадутъ, да ещё похвалятъ въ журналахъ и газетахъ. А тамъ придёшь, поклонишься, принесёшь что нибудь — глядь, анъ и тиснутъ въ газетахъ: Присыпочка-де, молъ, расторопный, дѣятельный, предпріимчивый — такой-сякой-немазаный — шутка!

Щекоткинъ. Хорошо! хорошо! Да какъ ты набрался такой прыти?

Присыпочка. Какъ? въ томъ-то и штука!

Всякъ скажетъ, что не скоро-де
Накопишь капиталъ!
Въ Москвѣ я прежде въ *городѣ*
При лавкѣ состоялъ.
Тамъ, видите-ль, гостиный дворъ
Всѣ *городомъ* зовутъ
И нужно что̀ купить, хоть вздоръ,
Ужь всё туда идутъ.
Въ рядахъ не нарисовано,
Что̀ въ лавкахъ продаютъ,
А всё разсортировано
И просто васъ зовутъ:
«Пожалуйте, почтеннѣйшій!
Что̀ нужно вамъ? У насъ
Товаръ всё преотмѣннѣйшій:
Батисты, канифасъ,
Фуляры, шолкъ, тесёмочки,
Помада, каленкоръ,
Подсвѣчники, каёмочки,
Манишки и фарфоръ.
Вы наши покупатели —
Мы сбавимъ по рублю!»
Лихіе продаватели,
За это ихъ люблю!
И я вотъ съ этой должности
Проходу не давалъ —
И всѣхъ къ намъ, по возможности,
Въ палатку зазывалъ.
Я слылъ въ перинной линіи
Отважнѣйшимъ купцомъ;
Въ пирушкахъ и въ безчиніи
Всѣ звали молодцомъ.
Разъ вздумалося съ хватами
Хозяйскій сборъ убить:
Пришлось за-то съ халатами
Въ Макарьевѣ ходить.

Купы халатъ, барынъ! Отмѣнна халатъ, бухарска матеры настояща — не московской фабрыка. Кочь,

за сто рублёвъ отдамъ? Э, вѣрь слову: отмѣнна халатъ! Въ двадцать лѣтъ не сносишь. Вотъ мыла казанска! султанска мыла, карошъ! Даромъ отдамъ, колы не карошъ.

Я Нижнему Новгòроду
Спасибо вѣкъ скажу:
Обрилъ съ-тѣхъ-поръ я бороду —
И въ фракѣ вотъ хожу.
Я въ Питеръ отправляюся —
И началъ разсуждать:
Что-жь праздно я шатаюся,
И чѣмъ бы промышлять?
Но ничего съ купечества
Нажить я здѣсь не могъ:
Не знаютъ человѣчества,
Прости имъ это Богъ.
За всё давай натурою,
Не вѣрятъ гроша въ долгъ:
Одной литературою
Ведутъ здѣсь славный торгъ.
Я между журналистами
Дружка тотчасъ сыскалъ:
Платилъ ему всё чистыми,
Чтобъ обо мнѣ кричалъ.
Съ такою ловкой сдѣлкою
Я вздорецъ издавалъ —
И видите-съ — бездѣлкою —
А человѣкомъ сталъ.

Щекоткинъ. Лихо, Пётръ Петровичъ! право, лихо! Только я всё удивляюсь, когда ты успѣваешь свои дѣла обдѣлывать: ты вѣдь всё занятъ по бòльшей части чужими; всё хлопочешь...

Присыпочка. Какъ же не хлопотать, почтеннѣйшій! Вѣдь это и любезность доказываетъ, ну и отъ хлопотъ кой-что перепадаетъ. Того надо похоронить: устроишь всё, сторгуешься — и покойнику-то дёшево придётся, и для себя на проживу сбережошь. Тамъ имянинный обѣдъ снарядишь — да и самъ кормишься имъ недѣльку — другую. Тутъ свадебку сведёшь — и тесть благодаритъ, и зять жалуетъ, а намъ всё въ карманъ да въ карманъ, только разставляй шире.

Алена Ивановна. Умно, Пётръ Петровичъ! Люблю за это! Вотъ, Фонюшка — съ него бы примѣръ бралъ: я всегда твержу.

Присыпочка *(цалуя ея руку)*. Покорнѣйше благодарю.

Щекоткинъ. Эко ты, матушка! Будто это легко! Спроси-ка его: чай поклоновъ, бѣготни и суетъ столько, что и не оберёшься. Тутъ поподличай, тамъ почванься, передъ тѣмъ носъ вздёрни, предъ другимъ — пàдамъ дò ногъ!

Присыпочка. Это ничего!

Ползать и кланяться
Важничать, чваниться
Намъ ни почёмъ!
Штучками оными
Смотришь — персонами
Мы прослывёмъ.
Какъ бы то ни было,
Только бы прибыло
Звонкой въ карманъ!
Всё чтò пользительно —
Всё позволительно,
Даже — обманъ!
Вотъ моё правило!
Это доставило
Мнѣ капиталъ.
Я ужь не бѣгаю:
Парочку пѣгую
Имъ я досталъ.
Въ дружбѣ съ Задаринымъ,
Жить сталъ я бариномъ:
Балы даю!
Жизнь веду чинную,
Пью не полынную —
Горское пью!
Такъ-то, любезнѣйшій,
Говоръ полезнѣйшій
Не презирай:
Дома ли, въ свѣтѣ ли,
Чтобъ не осѣтили —
Тонъ задавай!
Будь самъ покорнѣе,
Былъ-бы просторнѣе
Уголъ въ избѣ:
Звякни деньжонками —
Съ дѣтками, съ жонками
Придутъ къ тебѣ.
Можно прославиться:
Гдѣ тамъ имъ справиться
Кто ты таковъ?
Выше полковника,
Лучше чиновника
Ты безъ чиновъ!
Собственной личностью,
Звонкой наличностью —
Дѣйствуй во вѣкъ:
Клюй, знай, какъ цыпочка,
Скажутъ: Присыпочка —
Вотъ человѣкъ!

Алена Ивановна *и* Щекоткинъ. Правда! сущая правда!

Присыпочка. Однако, я закалякался! Прощайте, прощайте! Мнѣ некогда.

К. К. ПАВЛОВА.

Каролина Карловна Павлова, урождённая Янишъ, родилась 10-го іюля 1810 года въ Ярославлѣ. Извѣстность ея въ литературѣ началась очень рано, доказательствомъ чего можетъ служить первое изъ семи посланій къ ней поэта Языкова, написанное въ 1829 году, то-есть, когда Каролинѣ Карловнѣ Янишъ было всего 19 лѣтъ, и начинающееся такъ:

Въ былые дни отъ музы пѣснопѣній
Въ кругу друзей я смѣло принималъ
Игривыхъ сновъ, весёлыхъ вдохновеній
Живительный и сладостный фіалъ.

Второе посланіе Языкова къ ней относится къ 1831 году, когда она писала болѣе по-французски и по-нѣмецки, чѣмъ по русски, и переводила на эти оба языка произведенія русскихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и Языкова, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста его посланія:

Вы силою волшебныхъ думъ своихъ
Прекрасную торжественность мнѣ дали:
Вы на златыхъ струнахъ переиграли
Простые звуки струнъ моихъ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Каролина Карловна вышла замужъ за Николая Филипповича Павлова, уже пользовавшагося въ то время значительною извѣстностью въ литературѣ, какъ повѣствователь. Со времени своего замужества, г-жа Павлова распростилась окончательно съ нѣмецкимъ авторствомъ и посвятила себя всецѣло русской литературѣ, которая встрѣтила её радушно и удѣлила ей почётное мѣсто въ кругу второстепенныхъ русскихъ писателей. Языковъ, въ своёмъ третьемъ посланьѣ, озаглавленномъ: «Каролинѣ Карловнѣ Павловой» и написанномъ въ 1840 году въ Ницѣ, гдѣ онъ лечился, привѣтствуетъ это новое направленіе ея музы слѣдующими стихами:

Ещё пью чашу водъ! Горька мнѣ эта чаша!
Тоска меня томитъ! Дождусь ли я Москвы?
Когда узнаю я, что дѣлаете вы?
Какъ распѣваетъ муза ваша?
Какой вѣнокъ теперь на ней?
Теперь, когда она, родная намъ, гуляетъ
Среди московскихъ музъ и царственно сіяетъ —
Она, любезная начальница моей!

Начиная съ 1841 года, стихотворенія г-жи Павловой, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, стали появляться на страницахъ «Москвитянина». Такъ, въ 1-й, 3-й, 4-й и 12-й книжкахъ этого журнала на 1841 годъ были помѣщены слѣдующія четыре стихотворныхъ перевода ея: «Сцена изъ послѣдней, неоконченной трагедіи Шиллера «Дмитрій Самозванецъ», «Послѣдніе стихи лорда Байрона», «Баллада» и «Аполлонъ Бельведерскій» изъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона. Затѣмъ, въ 3-й и 9-й книжкахъ того же журнала на 1843 годъ было напечатано ещё два стихотворенія Каролины Карловны, уже оригинальныхъ, подъ заглавіемъ: «Донна Инезилья» и «Воспоминаніе». Продолжая печатать свои произведенія въ «Москвитянинѣ», она не отказывалась отъ сотрудничества и въ другихъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ и сборникахъ, вслѣдствіе чего стихотворенія ея стали появляться въ «Современникѣ» Плетнёва, «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Московскомъ Сборникѣ», «Раутѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ началѣ 1848 года Каролина Карловна явилась на судъ публики и критики съ романомъ, напечатаннымъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Двойная жизнь. Очеркъ К. Павловой». Несмотря на скромное названіе «очерка», данное г-жою Павловой новому своему произведенію, она коснулась въ нёмъ вопросовъ весьма важныхъ, именно — воспитанія свѣтскихъ дѣвушекъ, ихъ положенія въ свѣтскомъ обществѣ, ихъ браковъ, основанныхъ на одномъ разсчётѣ, ихъ неразвитости, отсутствіи сердечности и, наконецъ, совершеннаго незнанія жизни, быть-можетъ и привлекательнаго съ одной стороны, но бѣдственнаго — съ другой, именно — въ своёмъ столкновеніи съ брачною жизнію и общественными отношеніями.

Книга была встрѣчена единодушными похвалами всѣхъ журналовъ, а «Современникъ» (1848, т. VIII) даже нашолъ нужнымъ предпослать свой рецензіи слѣдующую характеристику поэтической дѣятельности автора очерка: «Г-жа Павлова давно уже извѣстна своими прекрасными стихотвореніями, къ сожалѣнію, разсѣянными въ періодическихъ изданіяхъ. Обладая вполнѣ мастерствомъ стиха, г-жа Павлова владѣетъ также необыкновеннымъ

талантомъ, какъ переводчица. Кому неизвѣстны ея превосходные переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина на французскій и нѣмецкій языки, равно какъ и переводы нѣкоторыхъ англійскихъ поэтовъ на русскій языкъ. По звучности и мастерству своего стиха г-жа Павлова всего ближе подходитъ къ покойному Языкову. Въ ея стихѣ столько упругости и рельефности, что трудно узнать въ нёмъ нѣжную руку женщины: въ нёмъ, напротивъ, есть что-то мужественное и энергическое — качество, рѣдкое въ женщинѣ-поэтѣ».

Въ 1854 году, въ 226 нумерѣ «Сѣверной Пчелы, было напечатано стихотвореніе г-жи Павловой, подъ заглавіемъ: «Разговоръ въ Кремлѣ», послужившее поводомъ къ полемикѣ между его авторомъ и однимъ изъ редакторовъ «Современника», И. И. Панаевымъ. Стихотвореніе это, перепечатанное отдѣльной брошюрой, подверглось критическому анализу рецензента «Современника» (1854, № 9), нашедшаго, что «стихотвореніе г-жи Павловой производило бы бóльшее впечатлѣніе, еслибъ задача его не была такъ громадна, а рамка, избранная авторомъ, такъ тѣсна: довольно сказать читателямъ, что на 20 страницахъ «Разговора» перечисляются всѣ важнѣйшие моменты историческихъ судебъ трёхъ такихъ государствъ, какъ Россія, Франція и Англія». Что же касается самыхъ стиховъ, то рецензентъ нашолъ ихъ ужь черезчуръ громкими, а риѳмы слишкомъ изысканными, въ доказательство чего были приведены слѣдующія двѣ строфы:

Какая здѣсь свершилась *драма!*
Гдѣ было ваше первенство,
Когда моря принудилъ *Гама*
Дорогу дать ладьѣ его?
Когда, отдвинувъ міра грани,
Свой материкъ искалъ *Колумбъ*,
И, средь угрозъ и поруганій,
Стоялъ, глаза вперивъ на *румбъ*?
Да, васъ судьба дарила *щедро:*
Досель не тщетный звукъ для *васъ*
Баярдъ, и Сидъ, и *Сааведра*,
И Барбаросса и *Дугласъ*.
Да, можете сказать вы *гордо*,
Что спроситъ путникъ не одинъ
Дорогу въ улицу *Стратфорда*,
Гдѣ жилъ перчаточника сынъ.

Статья заключалась скромнымъ замѣчаніемъ рецензента, что не слишкомъ ли много придаётъ имъ авторъ значенія, и не слишкомъ ли много приноситъ имъ въ жертву? — тѣмъ болѣе, что писать такіе стихи и снабжать ихъ подобными риѳмами вовсе не такъ трудно, какъ это многіе думаютъ, въ доказательство чего приводилось ея собственное шуточное стихотвореніе, которое читатель найдётъ въ концѣ книги, въ отдѣлѣ сатирическихъ стихотвореній, и въ которомъ риѳмы ещё богаче, чѣмъ въ «Разговорѣ». Статейка эта, въ сущности весьма скромная, вызвала длинное возраженіе со стороны г-жи Павловой, адресованное на имя одного изъ редакторовъ «Современника», именно И. И. Панаева — возраженіе «весьма любезное, краснорѣчивое и остроумное, возбудившее столько пріятныхъ воспоминаній» въ получившемъ его редакторѣ, какъ онъ самъ выразился въ отвѣтномъ письмѣ своёмъ, напечатанномъ въ 11-й книжкѣ «Современника» на 1854 годъ, вслѣдъ за возраженіемъ г-жи Павловой.

Начиная съ 1855 года, стихотворенія г-жи Павловой стали появляться на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», а годъ спустя—въ «Русскомъ Вѣстникѣ», возникнувшемъ въ 1856 году въ Москвѣ, подъ редакціей М. Н. Каткова. Это время можно смѣло назвать самымъ плодотворнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ счастливымъ, по отношенію къ поэзіи, во всей литературной дѣятельности г-жи Павловой. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ (1855, №№ 4, 8, 9, 10 и 11, и 1856, № 10) были помѣщены слѣдующія лучшія изъ ея оригинальныхъ стихотвореній и стихотворныхъ переводовъ: «Слѣпой», изъ А. Шенье, «Къ ужасающей пустынѣ...», «Сходилась я и расходилась...», «О быломъ и погибшемъ», «Старуха», «Когда карателемъ великимъ...», «Праздникъ Рима» «Люблю я васъ, младыя дѣвы...» и «Амфитріонъ», драматическая сцена. Что же касается «Русскаго Вѣстника», то въ этомъ журналѣ, въ теченіе 1856 — 1859 годовъ, былъ помѣщёнъ цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній г-жи Павловой, обратившихъ на себя вниманіе всѣхъ людей, понимающихъ дѣло. Наконецъ, въ 4-мъ нумерѣ «Русской Бесѣды» на 1859 годъ было помѣщено ея стихотвореніе: «Писали подъ мою диктовку...», которымъ она заключила на время свою литературную дѣятельность, прервавшуюся почти на десять лѣтъ. Послѣднимъ произведеніемъ Каролины Карловны былъ переводъ трагедіи Шиллера «Смерть Валленштейна», помѣщённый въ 7-й и 8-й книжкахъ «Вѣстника Европы» на 1868 годъ; да въ 1-мъ выпускѣ «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности» было напечатано нѣсколько ея стихотвореній.

Стихотворенія К. К. Павловой были собраны самой сочинительницей и изданы ею отдѣльной книжкой въ 1863 году, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія К. Павловой. М. 1863».

Въ послѣднія десять лѣтъ г-жа Павлова ничего не печатала. Въ настоящее время она проживаетъ въ Дрезденѣ; единственный же сынъ ея, Ипполитъ Николаевичъ Павловъ, переводчикъ первой половины первой части «Фауста» Гёте, проживаетъ въ Москвѣ, гдѣ находится на службѣ

I.

* * *

Къ ужасающей пустынѣ
Приведёнъ путёмъ твоимъ,
Что мечтою ищешь нынѣ,
Утомлённый пилигримъ?

Въ темнотѣ полярной ночи
Позабытъ и одинокъ,
Тщетно ты вперяешь очи
На бѣлѣющій востокъ.

Тщетно пышнаго разсвѣта
Сердце трепетное ждётъ:
Пропадётъ денница эта —
Это солнце не взойдётъ!

II.

Когда карателемъ великимъ
Неправды гордой и обидъ,
Противясь силой силамъ дикимъ,
Съ Антеемъ въ бой вступилъ Алкидъ —

Не разъ врага сражалъ онъ злова;
Но, опрокинутый въ пыли,
Вставалъ грознѣй, окрѣпнувъ снова,
Неукротимый сынъ земли.

И начинался споръ сначала,
Ожесточённѣй, чѣмъ сперва —
И бой вести не уставала
Власть духа съ властью вещества.

И вдохновенной мысли нынѣ
Завистливо противостать
Взялось, въ слѣпой своей гордынѣ,
Земли могущество опять.

Съ ней вновь въ борьбу оно вступило:
Упорно длится битва ихъ —
И будетъ нынѣ духа сила
Опять сильнѣе силъ земныхъ.

III.

БЕСѢДА ВЪ ТРІАНОНѢ.

Ночь лѣтнюю смѣнило утро;
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ засіялъ;
Погасъ рой звѣздъ на небосклонѣ...
Не унимался въ Тріанонѣ
Весёлый шумъ — и длился балъ.

И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись;
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Но гдѣ въ глуби, сквозь зелень парка,
Огни не такъ сверкали ярко,
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчъ,
Въ тотъ часъ подъ липами густыми
Два гостя тихо — и межь ними
Иная продолжалась рѣчь.

Не походили другъ на друга
Они: одинъ былъ сыномъ юга,
По виду — странный человѣкъ;
Высокій станъ, какъ шпага гибкой,
Уста съ холодною улыбкой,
Взоръ мѣткій изъ-подъ быстрыхъ вѣкъ.

Другой — рябой и безобразный —
Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней встрѣчался не впервой;
И шедши, полонъ думой злою,
Съ повадкой львиной онъ порою
Качалъ огромной головой.

Онъ говорилъ: «Приходитъ время!
Пусть тѣшится слѣпое племя...
Внезапно средь его утѣхъ
Прогрянетъ черни вопль голодный —
И предъ анаѳемой народной
Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ!»

— «Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было!
Влечётъ ихъ роковая сила;
Свой старый долгъ они спѣшатъ
Довесть до страшнаго итога;

Онъ взыщется сполна и строго —
И близокъ тяжкій день уплатъ!

«Свергая древніе законы,
Народовъ встанутъ милліоны…
Кровавый наступаетъ срокъ…
Но мнѣ знакомы бури эти —
И четырёхъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ.

«И нынѣшняго поколѣнья
Затихнутъ грозныя броженья.
Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы —
И бросятъ эти же французы
Наслѣдство выстраданныхъ правъ.»

— «Нѣтъ, не сойдусь я въ этомъ съ вами!»
Промолвилъ графъ, сверкнувъ очами:
«Нѣтъ, лжи не вѣчно торжество!
Я сынъ скептическаго вѣка;
Я твёрдо вѣрю въ человѣка
И не боюся за него.

«Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,
Дождётся новыхъ онъ началъ;
Вѣка считая скорбнымъ счотомъ,
Своею кровью онъ и пòтомъ
Не даромъ землю утучнялъ.»

Умолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный;
А тотъ улыбкой чуть замѣтной
На страстную отвѣтилъ рѣчь;
Потомъ, взглянувъ на графа остро —
«Нельзя», сказалъ онъ, «Каліостро
Словами громкими увлечь.

«Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты ненавидишь боли
И противъ жизненнаго зла
Идёшь съ неотразимымъ жаромъ;
Въ себя ты вѣришь — и не даромъ —
Графъ Мирабо, въ свои дѣла.

«Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила
Какъ путеводное свѣтило
Жить средь гражданскихъ непогодъ;
Что, во влеченьи вѣчно-юномъ,
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласитъ тебя народъ.

«Да, и пойдётъ онъ за тобою,
И кости онъ твои съ мольбою
Внесётъ, быть-можетъ, въ Пантеонъ;
И, новымъ опьянѣвъ успѣхомъ,
Съ проклятьемъ можетъ-быть и смѣхомъ
По вѣтру ихъ размечетъ онъ.

«Всегда въ его тревогѣ страстной
Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволъ;
Всегда любовь его безплодна;
Всегда онъ былъ поочерёдно,
Иль лютый тигръ, иль смирный волъ.

«Толпу я знаю не отнынѣ!
Шолъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ!
Покуда онъ, моля Творца,
Народу нёсъ скрижаль закона —
Народъ плясалъ вкругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца.

«Я видѣлъ грознаго пророка,
Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей
И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва,
На право рѣзать и на лѣво
Отцовъ и братьевъ, и дѣтей.

«Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима:
На встрѣчу гибели шолъ мимо
Рабовъ послушныхъ длинный строй,
Всемірной кланяясь державѣ —
И громкое звучало «ave»
Передъ несмѣтною толпой.

«Стоялъ жрецомъ я Аполлона
Вблизи у кесарева трона;
Сливались клики въ буйный хоръ;
Я тщетно ждалъ пощады знака —
И умирающаго Дака
Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ.

«Я былъ въ далёкой Галилеи,
Я видѣлъ какъ сошлись евреи
Судить Мессію своего;
Въ награду за слова спасенья,
Я слышалъ вопли изступленья:
«Распни его! распни его!»

«Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
Когда блѣднѣющій игéмонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
Кого пущу вамъ по уставу?
«Пусти разбойника Варавву!»
Гремѣлъ толпы безумной ревъ.

«Я видѣлъ праздники Нерона.
Одѣтъ въ броню центуріона,
День памятный провёлъ я съ нимъ.
Ему вино лила Поппея,
Онъ пѣлъ стихи въ хвалу Енея
И вылъ кругомъ зажжонный Римъ.

«Смотрѣлъ я на бѣду народа:
Безъ силъ искать себѣ исхода,
Съ тупымъ желаніемъ конца,
Ломясь средь огненнаго града,
Людское умирало стадо
Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.

«Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ.
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ, знакомымъ съ давнихъ поръ.
На площади былъ шумъ великой:
Всходилъ — къ веселью черни дикой —
Ея защитникъ на костёръ.

«И горькихъ встрѣчъ я помню много.
Была и здѣсь моя дорога:
Я помню, какъ сбылось при мнѣ
Убійство злое воиновъ храма —
Весь этотъ судъ грѣха и срама;
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.

«Сто лѣтъ потомъ стоялъ я снова
Въ Руанѣ у костра другова:
Позорно умереть на нёмъ
Шла избавительница края —
И, бѣшено её ругая,
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.

«Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрогаясь, къ мѣсту казни,
Среди проклятій безъ числа;
И разъ, при взрывѣ злого гула,
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла — и прошла.

«Я прожилъ ночь Варѳоломея:
По грудамъ труповъ, свирѣпѣя,
Толпа неслась передо-мной,
И, новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Свирѣпой тѣшилась рѣзнёй.

«Узналъ я вопли черни жадной;
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Я вновь увидѣлъ большинство.
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ адмирала
И сердце жарила его.

«И въ Англіи провёлъ я годы.
Во имя вѣры и свободы,
Я видѣлъ, какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою —
И смѣлой ухватилъ рукою
Свою достигнутую цѣль.

«Я видѣлъ этотъ споръ кровавый
И судъ народа надъ державой;
Я видѣлъ плаху короля;
А гдѣ отецъ погибъ напрасно,
Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.

«И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ перевороту бури новой —
И грозный плодъ его созрѣлъ;
И много здѣсь опоръ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И тёмныхъ пронесётся дѣлъ.

«И дѣву, можетъ-быть, иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудитъ къ смерти грѣшный судъ,
И, за свои сразившись вѣры,
Иные, можетъ, тампліеры
Свой гимнъ на плахѣ запоютъ.

«И вашимъ внукамъ разскажу я,
Что, возставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ,
Къ чему васъ повела свобода
И кáкъ отъ этого народа
Пришлось отречься и тебѣ.»

Онъ замолчалъ. А вдоль востока
Лучи зари, блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй.
Взглянулъ, въ опроверженье рѣчи,
На солнца ясные предтечи
Надменно будущій плебей;

Объятый мыслью роковою,
Тряхнулъ онъ дерзко головою —
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

—

ГРАФИНЯ Е. П. РОСТОПЧИНА.

Графиня Евдокія Петровна Ростопчина, урождённая Сушкова, дочь Петра Васильевича и родная племянница писателя Николая Васильевича Сушковыхъ, извѣстная русская писательница, родилась 23-го декабря 1811 года въ Москвѣ, въ богатомъ дворянскомъ семействѣ. Воспитаніе, полученное ею дома, если и нельзя назвать блестящимъ, то, во всякомъ случаѣ, оно было настолько лучше воспитанія ея подругъ, что появленіе ея въ свѣтѣ было тотчасъ всѣми замѣчено, хотя ей было въ то время (въ зиму 1828 года) всего 17 лѣтъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о впечатлѣніи, произведённомъ ея появленіемъ въ московскомъ высшемъ обществѣ, нѣкто г-нъ Н. В. П., въ своей статейкѣ («Изъ Записной Книжки»), помѣщённой въ 7-мъ нумерѣ «Русскаго Архива» на 1865 годъ: «Лѣтъ около тридцати тому назадъ, въ высшихъ кругахъ московскаго общества показалась въ свѣтъ молодая 17-ти лѣтняя Евдокія Петровна Сушкова. Прекрасная собой, живая, воспріимчивая, она соединяла со всѣмъ очарованіемъ свѣтской дѣвушки примѣчательное дарованіе — съ необыкновенною лёгкостью, близкою къ дару импровизаціи, она небрежно, украдкою, выражала въ плавныхъ и пріятныхъ стихахъ впечатлѣнія свои, надежды и мечты юности, тревоги сердца. Тогда уже стихи молодой Сушковой, передаваемые близкими ея подругами, ходили изъ рукъ въ руки. Въ 1833 году она вступила въ бракъ съ молодымъ человѣкомъ, носившимъ историческое и столь народное въ Россіи имя — и въ печати стали появляться стихотворенія *графини Ростопчиной.* Они были принимаемы публикой съ восхищеньемъ; журналисты осыпали ихъ похвалами и дорожили ими; Жуковскій и другія наши литературныя знаменитости привѣтствовали ихъ радушнымъ, лестнымъ одобреніемъ» *).

Графиня Ростопчина стала печатать свои стихотворенія и прозаическіе разсказы въ исходѣ 1833 года, то-есть вскорѣ по выходѣ ея замужъ; но всѣ произведенія ея того времени появлялись или безъ подписи, или съ означеніемъ начальныхъ буквъ ея имени и фамиліи. Первымъ подписаннымъ ея произведеніемъ можно назвать небольшой разсказъ «Пѣвица», напечатанный въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» на 1834 годъ. Затѣмъ, произведенія ея стали появляться въ современныхъ альманахахъ: «Утренней Зарѣ», «Молодикѣ», «Раутѣ» и другихъ, а начиная съ 1837 года — и въ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ журналахъ: въ «Современникѣ» Плетнёва, въ которомъ, въ теченіе восьми лѣтъ, она напечатала слишкомъ сорокъ стихотвореній, въ «Сынѣ Отечества» Греча, гдѣ, кромѣ мелкихъ стихотвореній, было напечатано три ея разсказа: «Поединокъ», «Чины и деньги» и «Ясновидящая»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, гдѣ съ 1839 по 1843 годъ были помѣщены слѣдующія девять ея стихотвореній: «Князю В. Ѳ. Одоевскому», «Отрывокъ изъ поэмы», «Сломанный домъ», «Пѣсня трувера», «И онъ поэтъ», «Виктору Гюго», «Послѣ концерта», «Ноктурно» и «Зачѣмъ»; въ «Москвитянинѣ» Погодина, сотрудничать въ которомъ Ростопчина не переставала во всё продолженіе его существованія, начиная съ 8-й книжки 1841 года, и гдѣ, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ стихотвореній, были напечатаны: «Монахиня», историческія сцены (1843, № 9), «Бальная сцена», отрывокъ изъ романа (1844, № 1), драма «Нелюдимка» (1850, № 1) и стихотвореніе «Бояринъ» (1855, № 11); въ «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ, между-прочимъ, были помѣщены два большихъ ея произведенія: драма въ пяти дѣйствіяхъ «Семейная тайна» (1851, № 1) и романъ въ трёхъ частяхъ «Палаццо Форли» (1854, №№ 9, 10 и 11); въ «Пантеонѣ» Кони, гдѣ были напечатаны двѣ ея комедіи: «Ни тотъ, ни другой» и «Кто кого проучилъ» (1853, №№ 2 и 9) и двѣ драмы: «Людмила и Люба» и «Дочь донъ-Жуана» (1854, № 6 и 1856, № 1); въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ, между-прочимъ, была напечатана извѣстная ея баллада «Насильный бракъ», надѣлавшая столько шуму (1846, № 284) и, наконецъ, въ «Библіотекѣ для дачъ и пароходовъ», издававшейся въ пятидесятыхъ годахъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, куда вошли два большихъ ея романа: «Счастливая женщина» и «У пристани».

Уже изъ одного этого краткаго и далеко не полнаго перечня печатныхъ сочиненій графини Ростопчиной, приведённаго нами выше, можно со-

---

*) Въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву, отъ 21-го января 1837 года изъ Петербурга, между прочимъ, говорится: «Сегодня обѣдалъ я у вашей московской Сафо, графини Е. П. Ростопчиной, которую здѣсь приняли очень хорошо, что довольно рѣдко бываетъ здѣсь съ ново-пріѣзжими, особенно изъ Бѣлокаменной.» В. А. Жуковскій, въ письмѣ своёмъ къ А. Я. Булгакову, говоритъ: «Благодарю за балладу («Старый баронъ») и за анти-критику. Первая написана прекрасно. У Ростопчиной истинный талантъ.» («Русскій Архивъ», 1868, стр. 852 и 1466.)

ставить довольно ясное понятіе о необыкновенной ея плодовитости, что было одной изъ главныхъ причинъ малаго успѣха ея многочисленныхъ произведеній, несмотря на несомнѣнную ея даровитость, признаваемую большинствомъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Впрочемъ, извѣстность графини Ростопчиной зиждится не на большихъ ея произведеніяхъ, растянутыхъ, скучныхъ и не отдѣланныхъ, то-есть на романахъ, повѣстяхъ, поэмахъ, драмахъ и комедіяхъ, а на нѣсколькихъ небольшихъ стихотвореніяхъ, носящихъ на себѣ печать несомнѣннаго таланта, изъ которыхъ, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія три: «Насильный бракъ», «Не бойтесь насъ» и «Послѣдній цвѣтокъ», помѣщённыя въ предлагаемой книгѣ. Первое изданіе «Стихотвореній графини Ростопчиной», вышедшее въ 1841 году въ Петербургѣ, было встрѣчено первыми критиками того времени: Бѣлинскимъ («Отечественныя Записки», т. 18), Сенковскимъ («Библіотека для чтенія», т. 45), Шевырёвымъ («Москвитянинъ», № 7), Плетнёвымъ («Современникъ», т. 22) и Никитенкой («Сынъ Отечества», № 18) весьма благосклонно, причёмъ, между-прочимъ, первымъ изъ нихъ было сказано слѣдующее: «Отличительныя черты музы графини Ростопчиной — наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость: это муза разсуждающая и свѣтская. «Зачѣмъ» особенно часто повторяется въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной. Даже тѣ пьесы, въ которыхъ нѣтъ прямого вопрошенія, большею частью не иное что, какъ разсужденія въ прекрасныхъ, а иногда и поэтическихъ, стихахъ. Муза ея не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и весьма глубокимъ чувствомъ. Правда, это чувство ни въ одномъ стихотвореніи не высказалось полно, но сверкаетъ болѣе въ отрывкахъ и частности; за-то эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзіи. Даже и въ разсуждающихъ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ.» Что же касается второго изданія «Полнаго собранія стихотвореній графини Ростопчиной», вышедшаго въ 1856 — 1860 годахъ въ Петербургѣ и Лейпцигѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ портретомъ автора, то оно уже далеко не встрѣтило такого сочувственнаго пріема со стороны журнальныхъ рецензентовъ, какого удостоилось, пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, первое изданіе ея стихотвореній. Тѣмъ не менѣе, на многихъ изъ мелкихъ ея стихотвореній лежитъ печать таланта, чѣмъ только и можетъ быть объяснено то уваженіе, которымъ почтили ея дарованіе и произведенія три величайшіе поэта трёхъ поколѣній: Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ, изъ которыхъ первый подарилъ ей книгу, которую Пушкинъ приготовилъ для записыванія своихъ стихотвореній, и которая найдена была послѣ его смерти ещё бѣлою, не записанною; второй — всегда съ полной благосклонностью выслушивалъ ея стихотворенія, а послѣдній увѣковѣчилъ ея имя слѣдующимъ прекраснымъ стихотвореніемъ:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жъ? — отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять.

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный;
Но ихъ разгонитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь.
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заёмный
И ласки вѣчныя свои.

Графиня Ростопчина скончалась 3-го декабря 1858 года, послѣ долгой и мучительной болѣзни, на 47 году отъ рожденья. Тѣло ея предано землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ, возлѣ праха свёкра ея, знаменитаго градоначальника Москвы въ 1812 году, графа Ѳ. В. Ростопчина.

Кромѣ указанныхъ двухъ изданій «Стихотвореній графини Ростопчиной» и нѣсколькихъ отдѣльныхъ оттисковъ нѣкоторыхъ изъ ея романовъ, повѣстей и драмъ, помѣщённыхъ первоначально въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ-то: драмы «Нелюдимка», романа въ письмахъ «У пристани» и другихъ, изъ сочиненій графини Ростопчиной были напечатаны отдѣльно слѣдующія три произведенія: 1) Очерки большого свѣта. Сочиненіе Яс-

новидящей. Спб. 1839. 2) Возвратъ Чацкаго въ Москву. Продолженіе комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Сочиненіе графини Е. П. Ростопчиной. (Написано въ 1856 году). Спб. 1865. 3) Дневникъ дѣвушки. Романъ въ стихахъ. Поэмы, повѣсти и разсказы графини Ростопчиной. Двѣ части. Спб. 1866.

I.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ,
Послѣдній цвѣтъ облиставшихъ полей!
Не пропадётъ въ безмѣрности степей
Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокимъ
Не унесётъ холодный вихрь ночей.

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
Тебя, мой гость, студёною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь тобой;
Ты отцвѣтёшь — и съ нѣжнымъ состраданьемъ
Вложу тебя въ Псалтирь сопутный мой.

Чрезъ много лѣтъ, въ часъ тихаго молчанья,
Я книги той переберу листы:
Засохшій мнѣ тогда предстанешь ты;
Но оживёшь въ моёмъ воспоминаньи,
Какъ прежде, полнъ душистой кратоты.

А я, цвѣтокъ... въ безвѣстности пустыни
Увяну я; и мысли тщетный даръ,
И смѣлый духъ, и вдохновенья жаръ —
Кто ихъ поймётъ? въ поэтѣ лучъ святыни
Кто разглядитъ сквозь думъ неясныхъ паръ?

Поэзія — она благоуханье
И ѳиміамъ восторженной души;
По должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши;
Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ
И на̀ душу обратно западутъ.
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ на вѣкъ со мной умрутъ.

Мнѣ суждено подъ схимою молчанья
Святой мечты всё лучшее таить,
Знать свѣтъ въ душѣ и мракъ въ очахъ носить.
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу ли не сравнить?

II.

Не бойтесь насъ, цари земные:
Не страшенъ искренній поэтъ,
Когда порой въ дѣла мірскія
Онъ вноситъ Божьей правды свѣтъ.

Во имя правды этой вѣчной
Онъ за судьбой людей слѣдитъ —
И не корысть, а пылъ сердечный
Его устами говоритъ.

Онъ не завистникъ: не трепещетъ
Вражда въ груди, въ душѣ его;
Лишь слабыхъ ради въ сильныхъ мещетъ
Онъ стрѣлы слова своего.

Онъ врагъ лишь лжи и притѣсненій,
Онъ мрака, предразсудка врагъ;
Въ нёмъ нѣтъ ни тайныхъ ухищреній,
Ни алчности житейскихъ благъ.

Нѣтъ — не въ упрёкъ, не для обиды
Звучитъ его громовый стихъ,
Когда — гласъ высшій Немезиды —
Караетъ онъ и зло и злыхъ.

Не знаетъ онъ любостяжанья;
Благоговѣйно принялъ онъ
Отъ Неба въ даръ своё призванье,
Добра желаньемъ вдохновлёнъ.

Не нужно ничего поэту,
Ни лентъ, ни мѣста, ни крестовъ:
Поэтъ за благостыню эту
Вамъ не продастъ своихъ стиховъ.

Не бойтесь насъ, земныя власти —
Но не гоните только насъ:
Мы выше станемъ при несчастьи,
Въ гоненьи доростёмъ до васъ.

Подъ стражей общаго вниманья
Ростётъ и множится нашъ родъ:
За гнѣвъ, за стыдъ, за поруганье,
Любовью намъ воздастъ народъ.

Молва за насъ! Судьба бѣдою
Грозитъ ли намъ издалека —
Ужь надъ безпечной головою
Молвы хранящая рука.

Не обижайте насъ! Преданье
За насъ потребуетъ отчётъ
И въ месть за насъ, вамъ въ наказанье,
И васъ и насъ переживётъ

Не бойтесь насъ! Мы правду знаемъ!
Вамъ больше всѣхъ она нужна:
Мы смыслъ ея вамъ разгадаемъ,
Хоть вамъ не нравится она.

Не бойтесь насъ! Мы правду скажемъ.
Народный гласъ къ вамъ доведёмъ,
Мы путь ко славѣ вамъ укажемъ
И вашу славу воспоёмъ.

Но бойтесь устъ медоточивыхъ
Низкопоклонниковъ, льстецовъ;
Но бойтесь ихъ доносовъ лживыхъ
И ихъ коварныхъ полусловъ.

Но бойтесь похвалы лукавой
И царедворческихъ рѣчей:
Въ нихъ ядъ, измѣна и отрава,
Отрава царства и царей.

Но бойтесь всѣхъ подобострастныхъ,
Что лижутъ, ластятся, ползутъ.
Они васъ, бѣдныхъ-самовластныхъ,
И проведутъ и продадутъ!

Они поссорятъ васъ съ народомъ,
Его любовь къ вамъ охладятъ
И неминуемымъ исходомъ
Они въ томъ насъ же обвинятъ!

III.

НАСИЛЬНЫЙ БРАКЪ *).

СТАРЫЙ БАРОНЪ.

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткій господина зовъ!
Судите, не боясь опалы:
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый:
Хотя могучъ и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня —
Не властенъ у себя я дома:
Всё непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена.

Её я призрѣлъ сиротою
И раззорённой взялъ её,
И далъ въ державною рукою
Ей покровительство моё;
Одѣлъ её парчёй и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ
И, врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ;
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю — жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймитъ;
Я знаю — передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянётъ мой кровъ и щитъ,
И косо смотритъ исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ,
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена.

И торжествуя, и довольны,
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный;
Судите, кто межь нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

---

*) Стихотвореніе это написано графинею Ростопчиной въ Римѣ, въ 1846 году, и Гоголь былъ первымъ, кому она прочитала его. Выслушавъ чтеніе очень внимательно, Гоголь просилъ повторить, послѣ чего сказалъ: «Пошлите стихи безъ имени въ Петербургъ: не поймутъ и напечатаютъ». Она такъ и сдѣлала. Баллада была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» (1846, № 284), но вскорѣ нумеръ газеты былъ задержанъ, такъ-какъ въ напечатанномъ стихотвореніи нашли рѣзкое и, разумѣется, какъ оно и было, несправедливое нападеніе на отношенія Россіи къ Польшѣ. Это происшествіе послужило къ большему распространенію и славѣ названнаго стихотворенія, которое, въ качествѣ запретнаго плода, пошло ходить по Россіи въ безчисленныхъ спискахъ. Въ настоящее время, когда отношенія *Барона* къ его *Женѣ* совершенно выяснились, «Насильный бракъ» имѣетъ значеніе и интересъ чисто литературный и библіографическій.

ЖЕНА.

Раба ли я, или подруга —
То знаетъ Богъ! Я ль избрала̀
Себѣ жестокаго супруга?
Сама ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый.
Не предана̀, я продана̀ —
Я узница, а не жена!

Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить;
Напрасно мщенье, мнѣ святое,
Въ любовь онъ хочетъ превратить.
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу:
Сама строптивыхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почёта.
Лишь имъ однимъ унижена̀,
Я врагъ ему, а не жена.

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моёмъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ;
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться:
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня же предалъ притѣсненью
Рабовъ-лазутчиковъ своихъ.
Позоръ, гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ —
И мнѣ ли ропотъ запрещёнъ?
Ещё ль, терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ её должна
Насильно взятая жена?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ЛЕРМОНТОВА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ, родился 3-го октября 1814 года въ Москвѣ, въ домѣ своей бабушки, Е. А. Арсеньевой, у которой отецъ и мать будущаго поэта проживали въ то время. По смерти матери, родной и единственной дочери Арсеньевой, умершей въ 1817 году, Лермонтовъ, которому въ то время едва исполнилось два съ половиной года, былъ оставленъ на воспитаніе у бабушки, которая всегда нѣжно любила внука и впослѣдствіи имѣла несчастіе пережить его. Отвезённый Арсеньевой въ пензенскую свою деревню Тарханы, Лермонтовъ прожилъ тамъ безвыѣздно до десятилѣтняго возраста. Бабушка, женщина очень умная, добрая и образованная, ничего не жалѣла для его воспитанія — и его учили не только всѣмъ новѣйшимъ языкамъ, но даже и греческому. На одиннадцатомъ году ему удалось побывать на Кавказѣ, дикія красоты котораго произвели весьма сильное впечатлѣніе на его молодое воображеніе. Въ началѣ 1826 года Лермонтовъ отвезёнъ былъ въ Москву и опредѣлёнъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, въ которомъ пробылъ около четырёхъ лѣтъ. Затѣмъ онъ сталъ посѣщать лекціи Московскаго университета и брать частныя уроки у профессора Мерзлякова. Но университетскимъ занятіямъ Лермонтова вскорѣ былъ положенъ предѣлъ: скандалъ, произведённый студентами университета на лекціи профессора уголовнаго права, окончившійся бѣгствомъ освистаннаго педагога изъ аудиторіи, имѣлъ конечнымъ своимъ результатомъ исключеніе изъ университета зачинщиковъ устроеннаго скандала, въ числѣ которыхъ оказался и Лермонтовъ.

О времени пребыванія Лермонтова въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ до насъ дошли воспоминанія о нёмъ его товарищей, какъ о мальчикѣ съ блестящими способностями, получавшемъ первые призы на публичныхъ экзаменахъ. Что же касается наружности, то это былъ крайне-неуклюжій, коренастый и далеко не красивый мальчикъ, съ красными, большими, но умными и выразительными глазами, съ вздёрнутымъ носомъ и язвительной усмѣшкой. Страшно-самолюбивый, онъ тѣмъ съ бо̀льшею горечью сознавалъ свои физическіе недостатки, и вѣчно-грызущая его мысль, что онъ не красивъ, дурно сложонъ и незнатнаго происхожденія — не давала ему покоя. Онъ мечталъ о томъ, чтобы выдти въ люди; но хотѣлъ быть обязаннымъ этимъ только самому себѣ. Его часто встрѣчали въ это время съ огромнымъ «Байрономъ» подъ-мышкой на уединённыхъ прогулкахъ. Въ обществѣ онъ любилъ порисоваться байронизмомъ, писалъ и читалъ стихи, увивался за хорошенькими, болталъ и острилъ.

По увольненіи Лермонтова изъ Московскаго университета въ половинѣ 1832 года, онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ тамъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, вопреки волѣ своей бабушки, исполнявшей охотно всѣ остальныя желанія внука. Извѣстіе о поступленіи его въ школу едва не убило её. 1832 — 1834 годы, проведённые Лермонтовымъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, немного прибавили къ тому немногому, что̀ удалось пріобрѣсть ему во время недолгаго пребыванія своего подъ кровлею Московскаго университета. За-то онъ пользовался большою извѣстностью между товарищами, какъ поэтъ и авторъ не совсѣмъ скромныхъ поэмъ, носившихъ названія «Уланши», «Петергофскаго праздника» и «Монго». Вся школа была въ восторгѣ отъ игривыхъ произведеній поэта; но многіе изъ товари-

щей не долюбливали ихъ автора, благодаря его остротамъ и насмѣшкамъ, не щадившимъ ни кого. Изъ школьныхъ товарищей расположеніемъ Лермонтова пользовались только двое: покойный Вонлярлярскій, извѣстный беллетристъ, и родственникъ его Столыпинъ, воспѣтый имъ подъ именемъ Монго. Во время двухлѣтняго пребыванія своего въ школѣ, Лермонтовъ писалъ очень много, но тщательно скрывалъ всё написанное имъ отъ товарищей. Имъ извѣстны были только шуточныя его поэмы и стихотворная повѣсть «Хаджи-Абрекъ», какимъ-то образомъ попавшая въ 1834 году къ Смирдину и напечатанная въ слѣдующемъ году въ «Библіотекѣ для Чтенія», безъ вѣдома автора.

Выпущенный зимой 1834 года лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ корнетомъ, Лермонтовъ вступилъ въ свѣтъ и повёлъ разсѣянную жизнь свѣтской петербургской молодёжи, которую прошолъ и Пушкинъ, раздѣляя своё время между удовольствіями высшаго круга Петербурга и гусарскими пирушками въ Царскомъ-Селѣ. До начала 1837 года, ознаменованнаго смертью Пушкина, литературная извѣстность Лермонтова не выходила изъ тѣснаго кружка окружавшей его молодёжи. Роковое извѣстіе о смерти величайшаго изъ поэтовъ, поразившее каждое русское сердце, вызвало и его къ общественной дѣятельности. Написанное имъ стихотвореніе: «На смерть поэта» въ тысячахъ спискахъ мгновенно облетѣло столицу — и имя Лермонтова сдѣлалось извѣстнымъ каждому. Стихотвореніе это, не смотря на всю свою восторженность и рѣзкость выраженій, не заключало въ себѣ ничего вызывающаго, и потому, конечно, появленіе его въ публикѣ не имѣло бы никакихъ послѣдствій, вредныхъ для автора. Но Лермонтовъ, не довольствуясь первою редакціей своего стихотворенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, досадуя на ходившіе въ публикѣ толки противной партіи, прибавилъ къ нему ещё шестнадцать окончательныхъ стиховъ, направленныхъ противъ высшаго общества, державшаго сторону противниковъ Пушкина — и пустилъ ихъ въ публику. Вслѣдъ затѣмъ, на одномъ великосвѣтскомъ раутѣ, на который съѣхался чуть не весь Петербургъ, извѣстная въ то время старуха и большая сплетница, Анна Михайловна Хитрова, при всѣхъ спросила графа Бенкендорфа: «Слыхали вы, Александръ Христофоровичъ, что *про насъ* написалъ Лермонтовъ?» Бенкендорфъ хотя и зналъ о томъ прежде — и не считалъ дѣло важнымъ; но тутъ, говорятъ, онъ сказалъ: «Ужь если Анна Михайловна знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить государю.» Вслѣдствіе этого доклада, велѣно было начальнику штаба гвардейскаго корпуса, Веймарну, осмотрѣть бумаги Лермонтова въ Царскомъ-Селѣ и хотя въ нихъ ровно ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе Лермонтовъ былъ сосланъ на Кавказъ. Здѣсь, состоя въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, онъ участвовалъ въ экспедиціи за Кубанью, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, послѣ чего, высочайшимъ приказомъ отъ 11-го октября 1837 года, былъ снова переведёнъ въ гвардію, въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ началѣ слѣдующаго года — обратно въ лейбъ-гусары.

Этотъ обратный переводъ въ гвардію состоялся только послѣ большихъ хлопотъ. «Императоръ разрѣшилъ этотъ переводъ», говоритъ покойный Лонгиновъ, въ замѣткѣ, помѣщённой въ 3-мъ нумерѣ «Русской Старины» на 1873 годъ, «единственно по неотступной просьбѣ любимца своего тогдашняго шефа жандармовъ графа Бенкендорфа. Графъ представилъ государю отчаяніе старушки-бабушки, просилъ о снисхожденіи къ Лермонтову, какъ о личной къ себѣ милости, и обѣщалъ, что Лермонтовъ не подастъ болѣе поводовъ къ взысканіямъ съ него — и, наконецъ, получилъ желаемое. Графъ сейчасъ отправился къ «бабушкѣ». Передъ ней стоялъ портретъ любимаго внука. Графъ, обращаясь къ нему, сказалъ, не предупреждая её ни о чёмъ: «ну, поздравляю тебя съ царскою милостію!» Старушка сейчасъ догадалась въ чёмъ дѣло, и отъ радости заплакала.»

По возвращеніи въ свой полкъ, стоявшій, какъ и теперь, въ Царскомъ - Селѣ, Лермонтовъ поселился на углу Большой и Манежной улицъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Столыпинымъ — и вскорѣ квартира ихъ сдѣлалась мѣстомъ сборища большинства офицеровъ полка, на которыхъ оба друга имѣли большое вліяніе. Покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, недовольный тѣмъ духомъ товарищества, который господствовалъ въ то время въ лейбъ-гусарскомъ полку, приписывалъ всё происходившее тамъ подговорамъ товарищей со стороны Лермонтова и Столыпина, и говаривалъ, что «разоритъ это гнѣздо», то-есть уничтожитъ сходки въ домѣ, гдѣ они жили.

Между-тѣмъ, извѣстность Лермонтова, какъ писателя, мало распространялась въ публикѣ, не смотря на очень хорошее стихотвореніе его «Бородино», напечатанное въ «Современникѣ» 1837 года и прошедшее почти незамѣченнымъ. Только съ появленіемъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ

Русскому Инвалиду» на 1838 годъ его превосходной «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова» — имя Лермонтова стало произноситься всѣми съ любовью — и слава его упрочилась навсегда. Съ этого времени публика съ восторгомъ стала встрѣчать каждое новое произведеніе своего любимаго поэта и награждать каждое изъ нихъ самыми восторженными похвалами. Тогда, какъ бы въ благодарность за вниманіе къ себѣ публики, Лермонтовъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 и 1840 годовъ цѣлый рядъ превосходнѣйшихъ стихотвореній («Дума», «Поэтъ», «Русалка», «Вѣтка Палестины», «Не вѣрь себѣ...», «Еврейская мелодія», «Въ альбомъ», «Дары Терека», «Памяти Одоевскаго» (1839, №№ 1, 2, 4, 5, 6, 11 и 12), «Первое января», «Казачья колыбельная пѣснь», «Журналистъ, читатель и писатель», «Воздушный корабль», «Отчего», «Благодарность», «Молитва», «Изъ Гёте», «Ребенку», «Смирновой» и «Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва» (1840, №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10 и 12) и три не менѣе прелестныхъ разсказа «Изъ записокъ офицера съ Кавказа»: «Бэла», «Фаталистъ» и «Тамань» (1839, №№ 2 и 11 и 1840, № 2), вошедшіе впослѣдствіи въ извѣстный его романъ «Герой нашего времени».

Это время, быть-можетъ, было лучшимъ временемъ въ жизни Лермонтова. Окруженный общимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его лично, любовью читающей публики и единодушными похвалами критики, геній его видимо созрѣвалъ и обѣщалъ въ скоромъ будущемъ обогатить русскую литературу небывалыми произведеніями, на которыя уже намекалъ самъ поэтъ въ своихъ откровенныхъ разговорахъ съ литературными друзьями. Тысячи замысловъ роились въ геніальной головѣ — и всё это должно-было разрушиться вслѣдствіе пустого разговора съ пустымъ человѣкомъ. 16-го февраля 1840 года былъ балъ у графини Лаваль — одинъ изъ тѣхъ баловъ, на которыхъ собирается всё высшее петербургское общество. Въ самый разгаръ бала подходитъ къ Лермонтову сынъ извѣстнаго историка и тогдашняго французскаго посланника при русскомъ дворѣ, Барантъ и требуетъ у него объясненія на счётъ сказаннаго будто бы о нёмъ. Лермонтовъ отвѣчалъ, что переданное ему не имѣетъ никакого основанія; но такъ-какъ Барантъ не удовлетворился этимъ, то Лермонтовъ объявилъ ему, что онъ въ дальнѣйшія объясненія вступать съ нимъ не намѣренъ. На колкій отвѣтъ француза, Лермонтовъ отвѣтилъ такою же колкостью, послѣ чего Барантъ сказалъ, что если бъ онъ находился въ своёмъ отечествѣ, то зналъ бы какъ кончить дѣло. На это Лермонтовъ отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что русскіе не менѣе другихъ позволяютъ себя оскорблять безнаказанно. Тогда Барантъ сдѣлалъ вызовъ — и противники, условившись, разошлись. Дуэль происходила 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра за Чорною Рѣчкою, близь Парголова. По странному желанію Баранта, какъ обиженнаго, и потому имѣвшаго право на выборъ оружія, бой начался на шпагахъ и окончился на пистолетахъ. Едва противники скрестили клинки, какъ конецъ шпаги Лермонтова переломился и Барантъ слегка оцарапалъ грудь поэта. Тогда взялись за пистолеты. Барантъ выстрѣлилъ — и далъ промахъ. Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ. Затѣмъ Барантъ подалъ руку Лермонтову — и противники разстались. Когда вѣсть о дуэли сдѣлалась извѣстной въ городѣ, Лермонтовъ былъ арестованъ и посаженъ на гауптвахту при ордонансгаузѣ, откуда, по требованію начальства, представилъ письменное изложеніе всего дѣла, въ которомъ, между-прочимъ, было имъ показано, какъ равно и секундантомъ его, отставнымъ поручикомъ Столыпинымъ, что онъ, стрѣляя въ Баранта, выстрѣлилъ умышленно въ сторону. Барантъ, узнавъ изъ объясненія Лермонтова и Столыпина, что онъ остался живъ только благодаря великодушію Лермонтова, выстрѣлившаго на воздухъ, сталъ разсказывать по городу, что онъ находитъ обиднымъ такое разъясненіе счастливаго исхода дуэли. Лермонтовъ, извѣщонный объ этомъ, пригласилъ Баранта, письмомъ съ гауптвахты, повидаться съ нимъ въ ордонансгаузѣ и объясниться объ этомъ дѣлѣ откровенно. 22-го марта, въ 8 часовъ вечера, Барантъ подъѣхалъ къ гауптвахтѣ верхомъ. Лермонтовъ вышелъ ему на встрѣчу. «Правда ли, что вы недовольны моимъ показаніемъ?» спросилъ его Лермонтовъ. «Дѣйствительно», отвѣчалъ тотъ, «я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля». Лермонтовъ объяснилъ ему, что сказалъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что онъ не видитъ нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему пріятна, а ему можетъ служить въ пользу; но что если онъ недоволенъ этимъ объясненіемъ, то по выходѣ его изъ-подъ ареста, онъ готовъ вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того пожелаетъ. Барантъ отвѣчалъ, что онъ драться не желаетъ, такъ-какъ

находитъ объясненіе Лермонтова вполнѣ для себя удовлетворительнымъ. Послѣ того противники вѣжливо раскланялись — и Барантъ уѣхалъ.

Затѣмъ, 13-го апрѣля 1840 года послѣдовала высочайшая конфирмація, по которой поручикъ Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, расположенный въ Закавказьѣ. Вынужденный снова ѣхать на Кавказъ, Лермонтовъ оставлялъ на этотъ разъ Петербургъ съ тяжолою грустью. Онъ оставлялъ здѣсь всё для него дорогое: и горячо-любимую бабушку, и небольшой кружокъ искренно-любимыхъ имъ друзей, и литературный кружокъ, въ который онъ вошолъ такъ недавно, и начатое изданіе «Героя нашего времени», появленіе въ свѣтъ котораго было для него такъ желательно.

Это печальное настроеніе, навѣянное на него ссылкою на Кавказъ, выразилось какъ нельзя болѣе полно въ прелестномъ его стихотвореніи «Тучи», написанномъ имъ на пути въ Ставрополь:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Въ то время, какъ русская читающая публика въ Петербургѣ и Москвѣ на расхватъ раскупала только-что вышедшій въ свѣтъ новый романъ Лермонтова «Герой нашего времени», и вся грамотная Русь зачитывалась и проливала слёзы надъ его вдохновенными страницами, когда критика не находила словъ для воздавія должной хвалы новому произведенію геніальнаго поэта, и даже самъ Булгаринъ, никогда не хвалившій произведеній Лермонтова, публично признавался, что, принявшись за чтеніе романа на сонъ грядущій, онъ не могъ оторваться отъ него, не прочитавъ послѣдней страницы — въ это время самъ геніальный его авторъ совершалъ тяжолую экспедицію въ Чечню, терпя холодъ и голодъ, и рискуя каждую минуту наткнуться на пулю полудикаго чеченца — экспедицію, продолжавшуюся нѣсколько мѣсяцевъ и заключившуюся кровопролитной стычкой на рѣчкѣ Валерикъ, такъ краснорѣчиво описанной поэтомъ въ стихотвореніи того же имени. Прошатавшись на Кавказѣ цѣлый годъ, Лермонтовъ выхлопоталъ, наконецъ, разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ бабушкой. Но на этотъ разъ пребываніе его въ Петербургѣ было какъ-то не радостно для него. Почти всё время находился онъ въ мрачномъ расположеніи духа: ничто его не радовало, всё его раздражало. Въ апрѣлѣ 1841 года онъ отправился обратно на Кавказъ, а 15-го іюля того же года Лермонтова уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ смертью Пушкина, то-есть былъ убитъ на дуэли. Поводомъ къ поединку и, слѣдовательно, причиною смерти нашего геніальнаго поэта было — одно пустое, сказанное имъ мимоходомъ, слово своему сослуживцу и товарищу Н. С. Мартынову. Изъ-за этого слова завязался крупный разговоръ, результатомъ котораго былъ вызовъ со стороны Лермонтова. Всѣ доводы, всѣ убѣжденія друзей Лермонтова, старавшихся всѣми силами сломить непреклонную волю поэта, не повели ни къ чему. Дуэль должна была состояться. Ещё въ самый день дуэли Лермонтовъ былъ на пикникѣ, на которомъ много танцовалъ и веселился — и, повидимому, мысль о смерти нисколько не тревожила его. Около пяти часовъ вечера, между горами Машукомъ и Бешту, разразилась страшная буря, съ громомъ и молніей. Въ это самое время, въ одной верстѣ отъ Пятигорска, у подошвы Машука, сошлись противники. Пуля поразила поэта прямо въ сердце. Онъ тихо опустился на землю, вздохнулъ два раза — и умеръ, точно заснулъ. Секунданты въ отчаяніи бросились къ бездушному труну, но уже было поздно: кровь тихо струилась изъ небольшой раны и расходилась чорнымъ пятномъ по его канаусовой рубашкѣ. Извѣстіе о смерти Лермонтова подняло весь Пятигорскъ на ноги: всё поспѣшило отдать послѣдній долгъ великому человѣку. На другой день, когда покойный поэтъ уже лежалъ въ гробу, художникъ Шведе снялъ съ него портретъ, который въ настоящее время составляетъ собственность княгини Ухтомской. Первоначально тѣло Лермонтова было предано землѣ въ Пятигорскѣ; но потомъ, спустя полгода, именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года, было перевезено въ пензенское имѣніе его бабушки, Арсеньевой, село Тарханы, Чембарскаго уѣзда, гдѣ и покоится въ настоящее время въ воздвигнутой въ его память небольшой часовнѣ.

Если Пушкинъ умеръ слишкомъ рано для своей славы, не совершивъ и половины того, чтб могъ бы совершить, то Лермонтовъ, можно сказать утвердительно, едва дожилъ до того періода своей литературной дѣятельности, въ который геній его долженъ былъ создать нѣчто великое. «Лермонтовъ не много писалъ», говоритъ Бѣлинскій: «безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни — отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій

отъ уединённой думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начинала устанваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомлённомъ отъ этой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію: три романа изъ трёхъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣкъ Екатерины II, Александра I и Николая I) имѣющія между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовой трилогіи, начинающейся «Послѣднимъ изъ Могикановъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ пустынѣ» и «Піонеромъ» и оканчивающейся «Степями», какъ вдругъ онъ умеръ...»

Какъ писатель, Лермонтовъ представляетъ поразительное явленіе ранней зрѣлости таланта. Не достигнувъ двадцати-пяти-лѣтняго возраста, онъ уже стоялъ въ глазахъ критики и публики на той недосягаемой высотѣ, на которую возносятся только геніи. Лѣтомъ 1840 года появился въ свѣтъ его «Герой нашего времени» въ 2-хъ маленькихъ томикахъ, а въ концѣ того же года присоединился къ нимъ третій томикъ, съ мелкими его стихотвореніями, и, какъ справедливо замѣтилъ Лонгиновъ, «этихъ трёхъ томиковъ было достаточно для того, чтобы за Лермонтовымъ былъ признанъ титулъ перваго изъ современныхъ писателей и великаго поэта». («Русскій Вѣстникъ», 1860, № 8.)

Помѣщаемъ здѣсь полный списокъ сочиненій Лермонтова, вышедшихъ отдѣльными изданіями: 1) Герой нашего времени. Сочиненіе М. Лермонтова. Двѣ части. Спб. 1840. Тоже, изданіе 2-е. 1842. Тоже, изданіе 3-е. Спб. 1843. 2) Стихотворенія М. Лермонтова. Спб. 1840. 3) Стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Четыре части. Спб. 1842—1844. 4) Собраніе сочиненій Лермонтова. Новое изданіе въ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ» Смирдина. Два тома. Спб. 1847. Тоже, изданіе 2-е. Спб. 1852; тоже, изданіе 3-е. Спб. 1856. 5) Сочиненія Лермонтова, приведённыя въ порядокъ С. Дудышкинымъ. Два тома. Спб. 1863. Тоже, изданіе второе, вновь исправленное и дополненное по рукописямъ и разнымъ изданіямъ П. А. Ефремовымъ. Спб. 1865. Тоже, съ портретомъ, снимками съ почерка и съ статьёю о Лермонтовѣ А. Н. Пыпина. Изданіе третье, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Два тома. Спб. 1873. Всѣ эти изданія разошлись давно и въ настоящее время готовится новое.

Изъ сочиненій Лермонтова на иностранные языки переведены слѣдующія: «Герой нашего времени»—на нѣмецкій: неизвѣстнымъ—въ 1845 году, Больтцемъ — въ 1852 году и Редигеромъ — въ 1855 году; на англійскій: Пульскимъ и неизвѣстнымъ — оба въ 1854 году; на французскій: Ледюкомъ — въ 1845 и неизвѣстнымъ—въ 1863 годахъ; на польскій: Кёномъ — въ 1844 и Л. Б. — въ 1848 годахъ; на датскій: неизвѣстнымъ — въ 1855 и Торсономъ — въ въ 1856 годахъ. «Стихотворенія» — на нѣмецкій языкъ: Будбергомъ-Беннингсгаузеномъ — въ 1843 и Боденштетомъ—въ 1852 годахъ; на французскій языкъ: Шопеномъ — въ 1853 и Д'Анжеромъ — въ 1866 годахъ. «Демонъ» — на нѣмецкій: Сеннеромъ въ 1864 году и неизвѣстнымъ — въ Берлинѣ, въ 1876; на англійскій — неизвѣстнымъ, въ 1875 году въ Лондонѣ; на французскій: Д'Анжеромъ — въ 1858, Аносовой — въ 1860 и Бріавони — въ Петербургѣ въ 1876 годахъ. «Мцыри» — на нѣмецкій Будбергомъ - Беннингсгаузеномъ — въ 1858 году. «Бояринъ Орша» — на польскій — Г. Ц. въ 1855 году.

I.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ —
И жизнь ужь насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны
И передъ властію — презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ.

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на-вѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережомъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдёмъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начàтаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

II.

* * *

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чёмъ?

Ужь не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на-вѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Тёмный дубъ склонялся и шумѣлъ.

III.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зелёнаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студёный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

IV.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть: —
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ —
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется
И такъ легко, легко.

V.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя!
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

VI.

ПРОРОКЪ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій —
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами:
Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите жь, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

VII.

РЕБЕНКУ.

О грёзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.
О, еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ! Не правда ль, говорятъ,
Ты на неё похожъ? Увы, года летятъ!
Страданія её до срока измѣнили;
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты? ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цалую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жь, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Её, быть-можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ.

Но мнѣ ты всё повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней — скажи, тебя она
Ни за кого ещё молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой:
Не вспоминай его! Что имя? — звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его — ребяческіе дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

VIII.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ —
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ — и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ нёсъ
Для міра печали и слёзъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

IX.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно и грустно — и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья! Чтó пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ — всё лучшіе годы!

Любить! но кого же? на время — не стóитъ труда,
А вѣчно любить — невозможно.
Въ себя ли заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и всё тамъ ничтожно.

Что страсти? вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

X.

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины:
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ
И солнце жгло ихъ жолтыя вершины
И жгло меня; но спалъ я мёртвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шолъ разговоръ весёлый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ весёлый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струёй.

XI.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль по нынѣ?
Всё также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты —
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занёсъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слёзъ?

Иль — божьей рати лучшій воинъ —
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой.

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой —
Всё полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

XII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДЕМОНЪ».

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землёй —
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой:
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта

Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый —
И много, много — и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землёй,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко́ внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни за́мковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны.
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего —
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.
И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днёмъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплотной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ —
И всё, что̀ предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

XIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МЦЫРИ».

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Всё лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ
И милліономъ чорныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста.
Моя кружилась голова.
Я сталъ взлѣзать на дерева́;
Но даже на краю небесъ
Всё тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.

Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли —
И слёзы, слёзы потекли
Въ неё горячею росой.
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ. Я былъ чужой
Для нихъ на-вѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ!
Ты помнишь: въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь тёмный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ.
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь и двухъ огней
Промчались искры — и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и лёгъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ,
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ — и на нёмъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови. Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путёмъ!
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ — и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ. И началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилёгъ —
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ;
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надёжный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ.
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной —
Бой закипѣлъ, смертельный бой.
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Моё оружье. Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ — и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ,
Какъ будто самъ я былъ рождёнъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ-будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ.
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ,
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу.»

XIV.

ИЗЪ «ПѢСНИ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА».

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлёвской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,

Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ — улыбается.
Ужь зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго боя одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой ужь гдѣ вы, добры молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьётъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаётъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника.
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, небось, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.»
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца
И жилъ я по закону господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью тёмною,
Не таился отъ свѣта небеснаго.
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи.
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то̀, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло.
Вотъ молча оба расходятся —
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева —
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за̀мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору,
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о́ землю
И нахмурилъ брови чорныя.
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо своё.

Какъ возгово́ритъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти —
Вольной-волею, или нѐхотя
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— «Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной-волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью!»

— «Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью.»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навострённымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:
«Ужь вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною —
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

—

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, знаменитѣйшій изъ современныхъ русскихъ беллетристовъ и потомокъ старой дворянской фамиліи, вышедшей изъ Золотой Орды, многіе изъ членовъ которой служили воеводами въ XVII столѣтіи, родился 28-го октября 1818 года въ городѣ Орлѣ. Какъ сынъ достаточныхъ родителей, онъ провёлъ своё дѣтство въ орловскомъ имѣніи своей матери, селѣ Спасскомъ, гдѣ росъ вмѣстѣ съ двумя своими братьями, старшимъ, Николаемъ, скончавшемся въ 1879 году и младшимъ, Сергѣемъ, умершимъ семнадцати лѣтъ. Первыми наставниками Тургенева были разные французы и нѣмцы, что́ дало ему возможность выучиться въ дѣтствѣ языкамъ французскому и нѣмецкому. Что же касается русскаго языка и литературы, то знакомство съ ними началось съ «Россіады», поэмы Хераскова, которую, по свидѣтельству самаго Ивана Сергѣевича, камердинеръ его матери читалъ ему украдкой, «повторяя каждый стихъ сперва на̀ черно, потомъ на̀ бѣло». По достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста, Тургеневъ былъ отвезёнъ въ Москву и помѣщёнъ тамъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, откуда былъ вскорѣ взятъ и поручёнъ попеченію директора Лазаревскаго института Краузе, благодаря заботливости котораго Иванъ Сергѣевичъ на пятнадцатомъ году выучился англійскому языку, а на шестнадцатомъ — поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, по словесному факультету. Но не долго оставался Тургеневъ въ стѣнахъ Московскаго университета: смерть отца, послѣдовавшая 30-го октября 1834 года, принудила его оставить Москву и перейти въ Петербургскій университетъ, въ кото-

ромъ онъ пробылъ ещё два года, послѣ чего, въ 1837 году, былъ выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, а черезъ годъ, по выдержанiи надлежащаго экзамена, удостоенъ степени кандидата. Затѣмъ, въ томъ же 1838 году, Тургеневъ отправился въ Берлинъ, для довершенія своего образованія въ тамошнемъ университетѣ. Здѣсь онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и, въ теченіе трёхъ семестровъ, прослушалъ лекціи профессоровъ: Вердера, Ранке, Ганса, Цумпта и Бёка, именами которыхъ справедливо гордился тогдашній Берлинскій университетъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Тургеневъ впервые заявилъ себя, какъ поэтъ. Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Тургенева считается стихотвореніе «Старый помѣщикъ», помѣщённое въ 9-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» на 1841 годъ. За этимъ первымъ произведеніемъ на страницахъ того же журнала, начиная съ 1841 и кончая 1846 годомъ, былъ напечатанъ цѣлый рядъ мелкихъ его стихотвореній («Баллада», «Похищеніе», «Цвѣтокъ», «Нева», «Весенній вечеръ», «Когда съ тобой разстался я», «Человѣкъ, какихъ много», «Толпа», «Когда давно забытое названье...», «Конецъ жизни», «Ѳедя», «Къ А. С.», «Въ ночь лѣтнюю», «Послѣдняя сцена 1-й части «Фауста» Гёте», «Къ ***», «Откуда вѣетъ тишиной» и «Признаніе») и двѣ большихъ поэмы: «Параша» и «Андрей», изъ которыхъ первая была напечатана отдѣльной книжкой (Спб. 1843) и расхвалена Бѣлинскимъ, а вторая имѣла серьёзный успѣхъ въ публикѣ, хотя и не удостоилась оцѣнки рецензентовъ. Изъ мелкихъ стихотвореній, помѣщённыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», особенно хороши слѣдующія пьесы, обратившія на себя вниманіе всѣхъ понимающихъ дѣло ещё при первомъ ихъ появленіи на страницахъ названнаго изданія: «Весенній вечеръ», «Ѳедя», «Въ ночь лѣтнюю, когда тревожной грусти полный...» и «Откуда вѣетъ тишиною...». Затѣмъ, четыре его стихотворенія («В. Н. Б.», «Замѣтила ли ты...», «Осень» и «Гроза промчалась...») были напечатаны въ «Современникѣ» Плетнёва на 1844 годъ, шесть другихъ («Когда такъ радостно, такъ нѣжно...», «Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой...», «Въ дорогѣ», «Утро туманное, утро сѣдое...», «Къ чему твержу я стихъ унылый...» и «Брожу надъ озеромъ...») въ сборникѣ «Вчера и Сегодня», пять («Помѣщикъ», «Тьма» изъ Байрона и три пьесы безъ заглавія) въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Некрасовымъ въ 1846 году, и девять стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ «Деревня» («Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать...», «На охотѣ — лѣтомъ», «Безлунная ночь», «Дѣдъ», «Гроза», «Другая ночь», «Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю...», «Передъ охотой» и «Первый снѣгъ») въ 1-й книжкѣ «Современника» на 1847 годъ. Отдѣльнымъ изданіемъ, за исключеніемъ упомянутой выше поэмы «Параша», Тургеневымъ было выпущено въ свѣтъ всего одно поэтическое произведеніе, именно — поэма «Разговоръ», отпечатанная въ 1845 году въ Петербургѣ и вызвавшая два критическихъ разбора, помѣщённые въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Финскомъ Вѣстникѣ».

Вотъ полный перечень всѣхъ поэтическихъ произведеній Ивана Сергѣевича, явившихся въ печати въ первыя шесть лѣтъ его литературной дѣятельности. Хотя эти первые порывы молодого вдохновенія, не признаваемые самимъ авторомъ, ничего не могутъ прибавить къ лаврамъ, увѣнчавшимъ Тургенева какъ перваго беллетриста нашего времени, тѣмъ не менѣе многія поэтическія произведенія его молодости отличаются большимъ достоинствомъ — и Бѣлинскій не даромъ такъ восторгался ими, какъ это можно заключить изъ отзыва его о поэмѣ «Параша», помѣщённаго въ 12-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1842 годъ.

Первымъ прозаическимъ произведеніемъ Ивана Сергѣевича, явившимся въ печати, былъ драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи «Неосторожность», помѣщённой въ 10-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1843 годъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, въ 11-й книжкѣ того же журнала, была напечатана его первая повѣсть «Андрей Колосовъ», въ «Петербургскомъ Сборникѣ» — повѣсть «Три портрета» и въ 1-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1847 годъ — повѣсть «Бреттёръ». Первая изъ названныхъ повѣстей не имѣла большого успѣха въ публикѣ, и, можно сказать, прошла почти незамѣченной; за-то остальныя двѣ возбудили всеобщее любопытство и были прочитаны всѣми съ жадностью. Всё заговорило о новыхъ произведеніяхъ неизвѣстнаго автора; каждый захотѣлъ узнать имя писателя, скрывавшагося подъ двумя таинственными буквами: Т. и Л., означавшими: Тургеневъ-Лутовиновъ. Само собою разумѣется, что таинственный псевдонимъ не могъ долго оставаться неизвѣстнымъ: онъ былъ вскорѣ разоблачёнъ — и имя Тургенева стало дорогимъ для каждаго русскаго. Съ этого времени начинается тотъ громадный успѣхъ произведеній Ивана Сергѣевича Тургенева, который сразу поставилъ его на первое мѣсто среди цѣлой плеяды нашихъ превосходныхъ беллетри-

стовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, которыми Россія можетъ справедливо гордиться предъ цѣлой Европой. Довольно будетъ сказать, что временемъ этимъ — было время, предшествовавшее появленію «Записокъ Охотника», что бы сказать всё. Перымъ отрывкомъ изъ «Записокъ Охотника», появившимся въ печати, былъ разсказъ «Хорь и Калинычъ», помѣщённый въ 1-й книжкѣ возобновлённаго «Современника» на 1847 годъ, въ отдѣлѣ «Смѣси». Отчего этому прелестному разсказу отведено было такое скромное мѣсто въ журналѣ — остаётся донынѣ тайной редакціи. Начиная съ этого разсказа, проникнутаго глубокой симпатіей къ крестьянскому быту, талантъ Тургенева принимаетъ, такъ сказать, новое направленіе, избравъ предметомъ своихъ повѣствованій крестьянское житьё-бытьё, съ его нуждами, горемъ и рѣдкими радостями. За этимъ первымъ разсказомъ изъ «Записокъ Охотника», пріятно поразившимъ читающую публику, послѣдовалъ цѣлый рядъ ещё болѣе прелестныхъ разсказовъ, напечатанныхъ въ томъ же «Современникѣ» (1847—1851) и встрѣченныхъ единодушными и восторженными похвалами критики и публики. Разсказы эти были: «Ермолай и мельничиха», «Мой сосѣдъ Радиловъ», «Однодворецъ Овсянниковъ», «Льговъ», «Бурмистръ», «Контора», «Малиновая вода», «Уѣздный лекарь», «Бирюкъ», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ея племянникъ», «Смерть», «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», «Чертопхановъ и Недопюскинъ», «Лѣсъ и степь», «Пѣвцы», «Свиданіе», «Бѣжинъ лугъ» и «Касьянъ съ Красивой Мечи». Собранные въ одну книгу и изданные въ 1852 году, въ двухъ частяхъ, въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Записки Охотника», разсказы эти окончательно упрочили литературную извѣстность Тургенева и утвердили за нимъ мѣсто перваго русскаго беллетриста. Въ то же время Тургеневымъ были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Безденежье, сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина» (1846, № 11), «Холостякъ», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ (1849, № 9), «Дневникъ лишняго человѣка» (1850, № 4) и «Провинціалка», комедія въ одномъ дѣйствіи (1851, № 1); въ «Современникѣ»: «Пётръ Петровичъ Каратаевъ», повѣсть, «Жидъ», разсказъ (1847, №№ 2 и 11), «Пѣтушковъ», повѣсть, «Гдѣ тонко, тамъ и рвётся», комедія въ одномъ дѣйствіи (1848, №№ 9 и 11) и «Три встрѣчи», разсказъ (1852, № 2), да въ учено-литературномъ альманахѣ «Комета»: «Разговоръ на большой дорогѣ» (1851). Сверхъ того, въ «Современникѣ» были напечатаны три критическихъ его статьи: «Племянница, романъ г-жи Туръ», «Нѣсколько словъ о комедіи Островскаго «Бѣдная невѣста» (1852, № 1 и 3) и «Записки ружейнаго охотника, Аксакова» (1853, № 1). Наконецъ, къ этому же времени, то-есть къ 1850 году, относится сочиненіе комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ», впослѣдствіи передѣланной по требованію цензуры и появившейся въ печати въ своёмъ первоначальномъ видѣ только въ 1869 году въ «Сочиненіяхъ Тургенева», изданныхъ Салаевымъ.

Къ концу 1851 года относится знакомство Тургенева съ Гоголемъ, только-что возвратившимся изъ-за границы и проживавшимъ въ Москвѣ, на квартирѣ у графа Толстого. Это свиданіе, описанное авторомъ «Замѣтокъ о М. С. Щепкинѣ», со словъ покойнаго М. С. Щепкина («Библіотека для Чтенія», 1861, № 8), познакомившаго двухъ писателей, чрезвычайно характеристично, и потому считаемъ не лишнимъ привезти здѣсь этотъ разсказъ. Вотъ онъ: «Знаете ли», сказалъ Щепкинъ Гоголю: «съ вами хочетъ познакомиться одинъ русскій писатель; но я не знаю, желаете ли вы этого?» — «Кто же?» спросилъ Гоголь. «Да человѣкъ теперь у насъ довольно извѣстный и, вѣроятно, вы слыхали: это — Тургеневъ.» Услыхавъ фамилію, Гоголь вдругъ началъ говорить, что очень радъ и что проситъ меня завтра же пріѣхать къ нему, вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ три часа дня. «Я удивился», продолжалъ Михаилъ Семёновичъ, «этому скорому согласію, потому-что Гоголь послѣднее время держалъ себя очень странно и былъ слишкомъ неподатливъ на новыя знакомства. Позднѣе разрѣшилась для меня эта загадка. Въ четвёртомъ часу на другой день — мы пріѣзжаемъ. Гоголь встрѣтилъ насъ очень любезно. Когда Тургеневъ сказалъ, что его повѣсти, переведённыя на французскій языкъ и читанныя Тургеневымъ въ Парижѣ, произвели сильное и прекрасное впечатлѣніе, Гоголь былъ замѣтно доволенъ и, съ своей стороны, говорилъ любезности Тургеневу. Но вдругъ онъ поблѣднѣлъ, перемѣнился въ лицѣ и, обратившись къ Тургеневу, въ страшномъ безпокойствѣ, спросилъ: «скажите, зачѣмъ Герценъ позволяетъ себѣ оскорблять меня своими выходками въ иностранныхъ журналахъ?» «Тутъ понялъ я», прибавилъ добрый Михаилъ Семёновичъ, «почему Гоголю такъ хотѣлось видѣться съ Тургеневымъ». Послѣ отвѣта Тургенева: «правда», сказалъ Гоголь: «и я во многомъ раскаяваюсь, что послушался друзей, меня окружавшихъ — и если бъ можно было воротить назадъ сказанное, я сжогъ бы и уничтожилъ свою «Переписку

съ друзьями». Такъ кончился разговоръ и мы разстались».

По смерти Гоголя, въ 32-мъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» на 1852 годъ было напечатано Тургеневымъ «Письмо о Гоголѣ». Эта коротенькая замѣтка, не заключавшая въ себѣ ничего противуцензурнаго, тѣмъ не менѣе была признана таковою и обрушила на голову Ивана Сергѣевича цѣлую кучу непріятностей. Короче — онъ былъ арестованъ и подвергнутъ заключенію при полиціи, послѣ чего былъ высланъ на житьё въ орловскую его деревню, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до конца 1854 года.

Двухлѣтнее пребываніе Тургенева въ деревнѣ было далеко не безплодно для русской литературы. Здѣсь, не считая его критической статьи на «Записки ружейнаго охотника» С. Т. Аксакова, о которой мы упомянули выше, онъ написалъ: повѣсть «Два пріятеля», прелестный разсказъ «Муму», критическую статью «О стихотвореніяхъ г. Тютчева» и повѣсть «Затишье», причёмъ всѣ названныя нами произведенія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1854 и 1855 года. Затѣмъ, въ 4-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» на 1855 годъ появилась новая его повѣсть — «Яковъ Пасынковъ», прочтённая публикой съ величайшимъ удовольствіемъ, въ «Разсказахъ и воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова» — статья «О соловьяхъ», напечатанная въ нихъ въ видѣ приложенія, а въ 11-й книжкѣ «Современника» — повѣсть «Постоялый дворъ» и «Два слова о Грановскомъ». Наступленіе новаго 1856 года Тургеневъ почтилъ двумя новыми повѣстями, изъ которыхъ первая — «Рудинъ» — была напечатана въ первой книжкѣ «Современника», а вторая — «Переписка» — въ первомъ же нумерѣ «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ, осенью того же года, въ 8-й и 10-й книжкахъ «Современника», появились ещё два новыхъ произведенія Ивана Сергѣевича: одно-актная комедія «Завтракъ у предводителя» и разсказъ «Фаустъ», и вышли въ свѣтъ, изданныя П. В. Анненковымъ въ Петербургѣ: «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева», въ трёхъ частяхъ, встрѣченные цѣлымъ роемъ хвалебныхъ рецензій, изъ которыхъ двѣ лучшія принадлежали Дружинину и Дудышкину, и были напечатаны во 2-й, 3-й и 5-й книжкахъ «Библіотеки для Чтенія» на 1857 годъ и 1-й и 4-й нумерахъ «Отечественныхъ Записокъ» на тотъ же годъ. Въ 1857 году Тургеневъ появился въ печати всего два раза. Это были «Чужой хлѣбъ», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ и «Поѣздка въ Полѣсье», изъ которыхъ первая, написанная ещё въ 1848 году, была впослѣдствіи переименована въ «Нахлѣбника» и давалась на сцѣнѣ съ большимъ успѣхомъ, а вторая — есть заключительный очеркъ для «Записокъ Охотника», причёмъ, около этого времени, вышли въ Парижѣ во французскомъ переводѣ Делаво, подъ заглавіемъ: «Récits d'un chasseur». Съ наступленіемъ 1858 года, талантъ Тургенева проявляется снова во всёмъ блескѣ въ прелестнѣйшей изъ его повѣстей «Асѣ», которую прочла съ наслажденіемъ вся образованная Россія и привѣтствовала похвалами вся журналистика. Къ сожалѣнію, этой повѣстью, напечатанной въ 1-й книжкѣ «Современника», и ограничилась на этотъ годъ вся литературная дѣятельность Тургенева, такъ-какъ письмо «Изъ за границы», помѣщённое въ 6-мъ нумерѣ «Атенея», можетъ быть пройдено молчаніемъ. Въ томъ же 1858 году вышли въ свѣтъ въ Берлинѣ «Записки Охотника» въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ названіемъ: «Aus dem Tagebuche eines Jägers» въ двухъ томахъ, изъ которыхъ первый, переведённый Видертомъ, отличается всѣми прекрасными качествами этого переводчика, а второй, работы Больтца, страдаетъ всѣми недостатками этого писателя, то-есть — изобилуетъ, по выраженію одного русскаго рецензента этого перевода, «неисчерпаемою пропастью безсмыслицъ». Наступленіе новаго 1859 года было ознаменовано появленіемъ въ свѣтъ извѣстнаго романа Тургенева «Дворянское гнѣздо», напечатаннаго въ 1-й книжкѣ «Современника» и вызвавшаго столько толковъ въ публикѣ и столько рецензій въ журналахъ, изъ которыхъ лучшія принадлежатъ покойному Аполлону Григорьеву («Русское Слово», 1859, №№ 4, 5, 6 и 8) и г. Анненкову («Русскій Вѣстникъ», 1859, № 16). Наконецъ, въ томъ же году, въ 12-й книжкѣ «Московскаго Вѣстника», былъ напечатанъ «Отрывокъ изъ романа». Съ наступленіемъ 1860 года въ первыхъ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» и «Современника» появилось снова два замѣчательныхъ произведенія Тургенева: извѣстная повѣсть «Наканунѣ» и критическая статья «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», а въ 3-мъ нумерѣ «Библіотеки для Чтенія» — повѣсть «Первая любовь», одно изъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго повѣствователя. Но какъ ни громаденъ былъ успѣхъ, встрѣчавшій каждую изъ послѣднихъ повѣстей и романовъ Тургенева, успѣхъ выпавшій на долю его новаго романа «Отцы и дѣти» появившагося въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» на 1862 годъ, превзошолъ далёко всё, доселѣ совершавшееся въ рус-

скомъ литературномъ мірѣ, видавшемъ много успѣховъ. Какъ публика, такъ и критика раздѣлились на два враждебные лагеря; слово «нигилистъ» было произнесено и получило право гражданства; каждый журналъ, каждая газета поспѣшила заявить своё мнѣніе о новомъ произведеніи, сказать своё *новое слово* Какъ на болѣе замѣчательныя статьи, укажемъ на «Базарова» покойнаго Писарева («Русское Слово», № 3), на «Асмодея нашего времени» — Антоновича («Современникъ», № 3) и на двѣ статьи «Русскаго Вѣстника» (№№ 5 и 6): «Романъ Тургенева и его критики» и «О нашемъ нигилизмѣ, по поводу романа Тургенева». Въ 1864 году, въ № 1-мъ и 2-мъ «Эпохи», Тургеневъ напечаталъ свою повѣсть-фантазію «Призраки», а въ 1865, въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 85) — небольшой разсказъ «Собака».

Но вотъ на страницахъ мартовской книжки «Русскаго Вѣстника» на 1867 годъ появляется всѣмъ извѣстная повѣсть его «Дымъ», надѣлавшая столько шуму не только у себя дома, но и за границей, гдѣ находитъ писателей, не усомнившихся истолковать смыслъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго писателя въ самомъ превратномъ видѣ и подмѣтить въ послѣднемъ его произведеніи «Дымъ» такое направленіе, какого въ нёмъ нѣтъ и не можетъ быть. Вотъ, напримѣръ, что было сказано въ австрійско-жидовской газетѣ «Neue freie Presse», въ нумерѣ отъ 13-го октября 1868 года, въ статьѣ «Russische Social-Demokratie», написанной по поводу какой-то русской брошюрки, вышедшей въ то время въ Женевѣ: «Самъ лучшій писатель Россіи, геніальный Тургеневъ, охарактеризовалъ всю жизнь и дѣятельность современной Россіи словами: «Дымъ, одинъ только дымъ!» Газета находитъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ, потому-что «кому же лучше знать свой народъ, какъ не лучшему изъ представителей его.» Впрочемъ, кто знакомъ съ нравственнымъ уровнемъ современной вѣнской журналистики, почти исключительно находящейся въ рукахъ евреевъ, на того подобное заявленіе не произведётъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, такъ-какъ ему хорошо извѣстно, что нѣтъ такой позорной статьи, которая бы не нашла мѣста въ вѣнской газетѣ. Лучшій разборъ «Дыма» былъ помѣщёнъ въ лондонскомъ критическомъ журналѣ «Atheneum» на 1868 годъ, гдѣ критикъ отзывается объ этомъ произведеніи съ большою похвалой и сравниваетъ Тургенева, по таланту, манерѣ и направленію, съ Теккереемъ. Остзейскіе нѣмцы также обратили своё вниманіе на «Дымъ» и перевели его на нѣмецкій языкъ, какъ это видно изъ объявленія въ «Rigaische Zeitung». Въ 1867 году, Тургеневъ, находясь за границей, написалъ три новыхъ разсказа: «Исторію лейтенанта Егунова», «Несчастнаго» и «Бригадира», помѣстивъ два первыхъ изъ нихъ въ первой и восьмой книжкахъ «Русскаго Вѣстника» на 1868 годъ, а второй — въ первой книжкѣ «Вѣстника Европы» того же года. Затѣмъ всѣ остальныя произведенія Ивана Сергѣевича, за послѣдніе десять лѣтъ, за исключеніемъ разсказа «Живыя Мощи», помѣщённаго въ сборникѣ, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1874 году, подъ названіемъ «Складчина», были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» — именно: въ 4-й книжкѣ 1869 года — «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», въ 1-й 1870-го — разсказъ «Странная исторія», въ 10-й того же года — «Степной король Лиръ»; въ 1-й 1871-го — «Стукъ! стукъ! стукъ!»; въ 1-й 1872-го — «Вешнія воды», въ 11-й того же года — «Конецъ Чертопханова», окончаніе разсказа «Чертопхановъ и Недопюскинъ» въ «Запискахъ Охотника»; въ 1-й 1875-го — «Пунинъ и Бабуринъ»; въ 1-й 1876-го — разсказъ «Часы»; въ 1-й, 2-й и 5-й 1877-го — обѣ части романа «Новь» и «Разсказъ отца Алексѣя».

Сочиненія Тургенева, кромѣ двухъ неполныхъ изданій, сдѣланныхъ гг. Анненковымъ и Островскимъ въ Петербургѣ и Москвѣ, имѣютъ два полныхъ: 1) Сочиненія И. С. Тургенева 1844 — 1864. Пять томовъ. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Карлсруэ. 1865. 2) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. 1844 — 1868. Семь томовъ. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали за-границей. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. М. 1869. Это послѣднее изданіе заключаетъ въ себѣ всё, написанное и напечатанное Тургеневымъ съ 1844 по 1868 годъ, съ пріобщеніемъ его драматическихъ сочиненій, которыхъ авторъ не печаталъ до-тѣхъ-поръ отдѣльно, но всё-таки за исключеніемъ четырёхъ разсказовъ въ стихахъ и ряда мелкихъ стихотвореній, которыя авторъ упорно отказывается включить въ число издаваемыхъ имъ произведеній, хотя онѣ вполнѣ заслуживаютъ быть извѣстными публикѣ. Въ 1871 году къ послѣднему изданію сочиненій Тургенева былъ присоединёнъ ещё одинъ жиденькій томикъ, подъ названіемъ 8-й, въ которомъ собрано всё, написанное Иваномъ Сергѣевичемъ въ 1870 и 1871 годахъ, то-есть: «Странная исторія», «Казнь Тропмана», «Степной король Лиръ» и «Стукъ... стукъ... стукъ».

Проживая послѣднія двадцать лѣтъ преимущественно за-границей, Иванъ Сергѣевичъ тѣмъ не менѣе почти ежегодно бываетъ въ Россіи, при-

чёмъ каждый разъ проводитъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ своей орловской деревнѣ, среди родныхъ, друзей, знакомыхъ и горячихъ поклонниковъ своего таланта, которыхъ у него такъ много во всѣхъ концахъ Россіи. Въ послѣдній свой пріѣздъ въ 1879 году, совпавшій какъ разъ съ крутымъ и многознаменательнымъ поворотомъ, совершающимся въ настоящее время въ русской интеллигенціи къ идеаламъ сороковыхъ годовъ, онъ — и безъ того всѣми любимый и уважаемый въ Россіи, какъ первый современный русскій писатель — былъ почтёнъ во время своего довольно-продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ цѣлымъ рядомъ торжественныхъ праздниковъ, какими не былъ почтёнъ до-сихъ-поръ ещё ни одинъ изъ русскихъ писателей. Первое изъ этихъ торжественныхъ празднествъ было устроено Обществомъ Любителей Словесности, состоящимъ при Московскомъ университетѣ, участіе въ которомъ приняли какъ всѣ наличные члены общества, такъ равно и весь университетъ, начиная съ ректора, и вся интеллигенція древней русской столицы.

Физическая зала новаго университета едва вмѣщала въ себѣ толпу посѣтителей, собравшихся главнымъ образомъ для того, чтобы привѣтствовать посѣтившаго Москву Тургенева. При входѣ онъ былъ встрѣченъ громомъ восторженныхъ, неумолкаемыхъ аплодисментовъ. Потомъ два лица, отъ имени студентовъ, обратились къ Ивану Сергѣевичу съ краткимъ привѣтствіемъ, сопровождавшимся опять восторженною оваціею. Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ словами: «Я никакъ не ожидалъ такой встрѣчи. Много благодаренъ за оцѣнку моихъ намѣреній!» Снова — «браво! vivat!» и нескончаемые крики, такъ-что растроганный до слёзъ Тургеневъ долженъ былъ обратиться къ окружавшимъ со словами: «Господа, пощадите меня!» Послѣ перерыва засѣданія было объявлено объ избраніи Ивана Сергѣевича почётнымъ членомъ Общества Любителей Словесности, что сопровождалось опять восторженной оваціей. По окончаніи засѣданія, университетская молодёжь осталась ожидать выхода Ивана Сергѣевича, чтобы проводить его домой.

По поводу описанныхъ здѣсь асацій въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» было между-прочимъ сказано: «Эта искренность къ знаменитому нашему писателю дѣлаетъ большую честь нравственному и эстетическому чувству московской публики. Тургеневъ останется на всегда однимъ изъ благороднѣйшихъ образовъ въ нашей литературѣ, такъ-какъ имя его также чисто, какъ бѣла его голова. Не говоримъ объ его талантѣ: почти четыре десятилѣтія читали его съ неослабѣвающимъ художественнымъ наслажденіемъ. Длинный рядъ его крупныхъ вещей сталъ поэтической лѣтописью, въ которой тонкимъ чутьёмъ художника угаданы и воспроизведены съ глубокой обдуманностью самыя сокровенныя движенія въ нашей общественной и нравственной жизни за послѣднія 30—40 лѣтъ. Герои его главныхъ романовъ сдѣлались нарицательными именами. Будущій историкъ живущихъ и отживающихъ теперь поколѣній нашего общества, разбираясь въ своёмъ матеріалѣ, схватится прежде всего за произведенія И. С. Тургенева и не только узнаетъ изъ нихъ многое, можетъ-быть даже больше, чѣмъ изъ какого-либо другого источника, но и отдохнётъ на нихъ нравственно и эстетически.»

За этимъ первымъ торжествомъ вскорѣ послѣдовалъ новый рядъ овацій, изъ которыхъ особенно торжественна была встрѣча Ивана Сергѣевича въ театрѣ, гдѣ публика привѣтствовала его появленіе нескончаемыми криками, маханьемъ платковъ и другими шумными изъявленіями своего восторга.

Вызванный всѣми этими оваціями на объясненіе, Тургеневъ произнёсъ нѣсколько спичей, изъ которыхъ заимствуемъ наиболѣе выдающіяся мѣста: «Слово «либералъ» въ послѣднее время нѣсколько опошлилось — и не безъ причины», сказалъ онъ. «Теперь, когда вы указываете намъ, что мы стоимъ наканунѣ хотя мирнаго и законноправильнаго, но значительнаго перестроя общественной жизни, это слово является чѣмъ-то неопредѣлённымъ и шаткимъ: кто имъ — подумаешь — не прикрывается? Но въ наше, въ моё молодое время, когда ещё помину не было о политической жизни, слово «либералъ» означало протестъ противъ всего тёмнаго и притѣснительнаго; означало уваженіе къ наукѣ и образованію, любовь къ поэзіи и художеству, ко всѣмъ artes liberales, и наконецъ — и пуще всего — означало любовь къ народу, который, находясь ещё подъ гнётомъ крѣпостного безправія, нуждался въ рѣшительной помощи своихъ болѣе счастливыхъ сыновъ».

Обращаясь затѣмъ къ молодому поколѣнію, Тургеневъ сказалъ: «Въ сравненіи съ нами молодое поколѣніе, конечно, сдѣлало много шаговъ впередъ и до нѣкоторой степени подготовило себя къ той будущности, на которую я указывалъ; но только — до нѣкоторой степени! Надо докончить начатое и докончить прямо, честно, по открытому пути. Задача его, правда, труднѣе и сложнѣе нашей. Тогда вся сознательная жизнь общества текла, если можно такъ выразиться, по одному руслу; теперь она раз-

вѣтвилась или готовится развѣтвиться, какъ оно и слѣдуетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ государства. Сочувствую всѣмъ стремленіямъ молодёжи и полагаю, что она хорошо дѣлаетъ, сближаясь съ нами; есть чему ей поучиться и у насъ, стариковъ. Во всякомъ случаѣ, отъ души желаю, чтобы она также честно и серьёзно, также избѣгая напрасныхъ увлеченій вдаль и по сторонамъ, но и не отступая также ни шагу назадъ, относилась къ своимъ задачамъ, какъ это дѣлали иные изъ моихъ сверстниковъ, имена которыхъ проложили славный слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.»

Наконецъ, благодаря спеціально студентовъ Московскаго университета за ихъ сочувственное привѣтствіе, Иванъ Сергѣевичъ сказалъ: «Для начинающаго писателя сочувствіе молодого поколѣнія, его сверстниковъ, конечно, драгоцѣнно: оно служитъ ему сильнымъ поощреніемъ; но для писателя старѣющаго, уже готовящагося покинуть своё поприще, это сочувствіе, такъ выраженное, есть — скажу прямо — величайшая, единственная награда, послѣ которой уже ничего не остаётся желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ, труды не пропали, брошенное имъ сѣмя дало плодъ.»

По пріѣздѣ Тургенева въ Петербургъ его встрѣтилъ новый рядъ овацій, не прекращавшихся ни на одинъ день, вплоть до его отъѣзда за границу, послѣдовавшаго 21-го марта. Однимъ изъ первыхъ и едва ли не самыхъ шумныхъ празднествъ, данныхъ въ честь Ивана Сергѣевича — былъ литературный обѣдъ, состоявшійся въ ресторанѣ Бореля, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ. Обѣдъ отличался необыкновенною задушевностью, искренностью и тѣмъ единодушіемъ, которыя рѣдки среди литературнаго міра Петербурга. Кромѣ литераторовъ, присутствовало нѣсколько живописцевъ, актёровъ и пѣвцовъ. Рядомъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ сидѣли, съ одной стороны — К. Д. Кавелинъ и Я. К. Гротъ, съ другой — Я. П. Полонскій и Д. В. Григоровичъ. Рѣчи начались послѣ перваго же блюда, причёмъ говорили Григоровичъ, Кавелинъ, Гротъ, Спасовичъ, професора Градовскій и Таганцевъ, Горбуновъ и ещё нѣкоторые другіе, а первый тостъ въ честь Ивана Сергѣевича произнёсъ Костомаровъ. По невозможности дать здѣсь подробный отчётъ объ этомъ обѣдѣ, который вышелъ рѣшительно изъ ряду вонъ, мы не перечисляемъ многообразныхъ тостовъ въ честь Тургенева, ограничиваясь упоминаніемъ, что отъ имени отсутствовавшихъ русскихъ женщинъ и русскаго мужика произнёсъ тостъ А. А. Потѣхинъ. Изъ произнесённыхъ же рѣчей самыми выдающимися оказались двѣ — Д. В. Григоровича и И. Ѳ. Горбунова. Вотъ рѣчь Григоровича:

«Мм. Гг. Сегодня, какъ видно, мы собрались сюда преимущественно съ тою цѣлью, чтобы чествовать Ивана Сергѣевича Тургенева. Въ качествѣ одного изъ самыхъ старыхъ его товарищей по литературѣ, я желалъ бы сказать нѣсколько словъ. Весь этотъ успѣхъ, которымъ теперь пользуется Иванъ Сергѣевичъ въ Петербургѣ, всѣ эти выраженія восторга, какими встрѣтили его на-дняхъ въ Москвѣ, никого изъ насъ не могутъ особенно удивлять. Меня, по-крайней-мѣрѣ, восторги эти глубоко трогаютъ, трогаютъ до глубины сердца, трогаютъ не только потому, что они обращаются къ дорогому товарищу юности, не потому, что, благодаря имъ и Тургеневу, возвышается въ глазахъ русскаго общества званіе литератора и значеніе самой литературы, которая для многихъ изъ насъ осуществляетъ вторую семью, второе отечество — восторги эти трогаютъ меня особенно съ той стороны, что они выражаютъ вполнѣ заслуженную дань любимому литератору, да ещё вдобавокъ — прекрасной личности. Повторяю: прекрасной личности, потому-что недостаточно ещё быть талантомъ, чтобы возбуждать всеобщее сочувствіе и быть любимымъ! Но почему же любятъ Тургенева тридцать пять лѣтъ сряду всѣ тѣ, которые его знаютъ? По этому предмету я доставлю вамъ, выражаясь литературнымъ слогомъ, нѣсколько матеріаловъ. Въ сорокъ третьемъ году я въ первый разъ встрѣтилъ Тургенева. Тогда составлялся литературный кружокъ, центромъ котораго былъ Бѣлинскій. Въ этомъ кругу молодыхъ, начинающихъ литераторовъ, Тургенёвъ былъ едва ли не самымъ образованнымъ и, въ тоже время, самымъ скромнымъ и простодушнымъ. Свойства эти, не совсѣмъ обиходныя въ литературныхъ кружкáхъ, сдѣлали тò, что Тургенева всѣ сразу горячо полюбили. Прошло десять лѣтъ. Явились въ свѣтъ «Записки Охотника» и другія прекрасныя произведенія — и имя Тургенева сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ; но скромность и простодушіе остались неизмѣнно тѣ же. Предъ нами, товарищами, утвердилось другое убѣжденье: въ душѣ Тургенева не было на маковую росинку зависти! Никто съ такою жадностью не хватался за возникающее дарованіе, ни кто въ избыткѣ радости не преувеличивалъ такъ часто его значенія, не носился съ нимъ, какъ съ роднымъ дѣтищемъ, не читалъ съ такимъ увлеченіемъ его произведеній и не падалъ духомъ, когда надежды его не осуществлялись; никто также не защищалъ съ такимъ искреннымъ жаромъ товарища, опутаннаго случайно литератур-

ными *дрязгами*. Щадя скромность Тургенева, умолчу о томъ, что̀ дѣлалъ онъ для многихъ своихъ товарищей, увлекаемый добротою сердца. Мнѣніе, которое въ теченіи многихъ лѣтъ составилось въ нашемъ кружкѣ о Тургеневѣ, какъ о человѣкѣ, приводитъ мнѣ на память слова покойнаго Панаева: «Если поставить Тургенева противъ окна и раздѣть его — онъ будетъ свѣтиться какъ кусокъ хрусталя: такъ чистъ онъ нравственно между нами!». Такимъ Тургеневъ былъ юношей, такимъ онъ прожилъ вѣкъ, такимъ и теперь остался! Вотъ за что всѣ мы, знающіе такъ близко Тургенева, такъ горячо, такъ искрено его любимъ. До-сихъ-поръ всё говорили о Тургеневѣ, какъ о литераторѣ, то есть говорили объ его орнаментѣ и забыли сказать о существенномъ — о его нравственныхъ качествахъ. Позвольте же мнѣ, знающему Тургенева тридцать пять лѣтъ, провозгласить тостъ въ честь прекрасной, глубоко-честной и свѣтлой личности въ русской литературѣ!»

Рѣчь эта произвела наибольшее впечатлѣніе. «Браво Григоровичъ, браво!» раздались крики, вмѣстѣ съ горячими оваціями Тургеневу. Надо сказать, что эта рѣчь была сказана необыкновенно горячо. Самъ Тургеневъ говорилъ мало. Онъ отвѣтилъ только Спасовичу поправкой, что «тамъ нѣтъ ночи, гдѣ есть Левъ Толстой, Гончаровъ, Достоевскій и Писемскій», послѣ чего прочёлъ заранѣе написанный отвѣтъ — о чёмъ и сказалъ. Этотъ отвѣтъ написанъ съ тѣмъ умомъ и тактомъ, которыхъ не занимать-стать Тургеневу. Онъ говорилъ, что настоящее время не то̀, что̀ было тогда, когда онъ написалъ «Отцовъ и дѣтей», когда проявлялась вражда и рознь между слоями образованнаго общества, что въ настоящее время существуютъ идеалы для примиренія, не отдалённые, не фантастическіе, а практическіе и близкіе; что достаточно луча свѣта, чтобъ тёмныя силы, выражающіяся преступленіями и другими прискорбными явленіями, снова упали въ ту тьму, изъ которой вышли, пораженныя свѣтомъ; что эти явленія невозможно отождествлять съ понятіемъ, которое выражаетъ собою слово молодёжь, что правительство, которому одному по праву принадлежитъ руководительство обществомъ, можетъ оцѣнить настоящій моментъ и произвести тѣ реформы, которыя соединятъ разрозненныя теперь силы.»

Два литературныя чтенія въ пользу литературнаго фонда, состоявшіяся 9-го и 16-го марта, въ залѣ Благороднаго Собранія, съ участіемъ Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, Полонскаго, Плещеева и Потѣхина, были новымъ и почти непрерывнымъ рядомъ овацій въ честь нашего маститаго писателя. Едва Иванъ Сергѣевичъ появился на эстрадѣ, какъ вся присутствовавшая въ залѣ публика встала съ мѣстъ и громкими криками и рукоплесканіями привѣтствовала его. Прошло по-крайней-мѣрѣ минуты двѣ, пока водворилась тишина, дозволившая начать чтеніе. Извинившись за слабость голоса, вслѣдствіе небольшой простуды, Тургеневъ прочёлъ всѣмъ извѣстный разсказъ «Бурмистръ». Раздавшіеся по окончаніи чтенія оглушительныя рукоплесканія, крики и вызовы служили лучшимъ выраженіемъ ощущеній, испытанныхъ слушателями.

На второмъ чтеніи, состоявшемся 16-го марта, Иванъ Сергѣевичъ прочёлъ самъ всѣмъ извѣстный разсказъ «Бирюкъ» и вмѣстѣ съ Савиной сцену изъ комедіи «Провинціалка». Ещё не успѣли смолкнуть громкія аплодисменты встрѣтившія окончаніе чтенія сцены, какъ изъ заднихъ рядовъ креселъ двинулась къ эстрадѣ толпа молодёжи, преимущественно женской, съ высоко поднятымъ огромнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Снова раздались рукоплесканія и вызовы — и вышедшему на эстраду Тургеневу принесённый вѣнокъ былъ вручёнъ. Нечего прибавлять, что довольно обширная зала благороднаго собранія была оба раза совершенно полна и вѣроятно наполнилась бы, будь она вдвое обширнѣе.

Въ четвергъ, 15-го марта, въ помѣщеніи педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсовъ, русская женщина, въ лицѣ сотенъ представительницъ женской учащейся молодёжи, сказала своё «спасибо» Тургеневу. Вечеръ былъ составленъ весьма разнообразно: пѣли, читали и играли; но всё это не мѣшало публикѣ съ нетерпѣніемъ и съ замираніемъ сердца ждать того, кто больше всего интересовалъ её въ эти минуты. Наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ появился. Заколыхалось, загудѣло море женской молодёжи, зала дрогнула отъ рукоплесканій и общихъ криковъ восторга. Но вотъ раздались слова: «адресъ отъ педагогичекъ». Шумъ затихъ и одна изъ нихъ прочла слѣдующій адресъ:

«Иванъ Сергѣевичъ! Любезное участіе, которое вы приняли въ дѣлѣ помощи слушательницамъ педагогическихъ курсовъ, вызываетъ въ насъ чувство благодарности, но не за одну эту помощь. Въ вашемъ участіи есть нѣчто другое, ещё болѣе важное. Съ дѣтскихъ лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы выучились читать, мы читали Тургенева. Мы начали, конечно, съ «Бѣжина луга»; но по мѣрѣ того, какъ мы росли, какъ расширялся нашъ умственный горизонтъ, какъ нашъ внутренній міръ наполнялся нравственными вопросами, Тургеневъ пріобрѣталъ для

насъ всё болѣе глубокое и важное значеніе. Въ нёмъ мы находили отзывы на наши вопросы, отзвуки нашей собственной жизни; но, озарённые такимъ яркимъ свѣтомъ художественнаго представленія, возвышеннаго чувства и живой любви, мы не могли не отвѣчать на неё горячею любовью. Тургеневъ всё болѣе и болѣе становился нашимъ любимцемъ. И вотъ, Иванъ Сергѣевичъ, намъ пришла смѣлая мысль просить васъ къ себѣ, намъ страшно захотѣлось увидѣть васъ въ своей семьѣ, въ стѣнахъ нашихъ курсовъ, услышать вашу поэтическую рѣчь въ вашемъ собственномъ словѣ, чтобы потомъ сочиненія Тургенева перестали быть для насъ простою книгою, а сдѣлались воплощеніемъ живого человѣка. Вы пришли и сдѣлали намъ праздникъ, память о которомъ мы будемъ хранить во всю нашу жизнь.»

По прочтеніи приведённаго адреса, педагогичками переданъ былъ Тургеневу огромный лавровый вѣнокъ съ красной лентой, на которой было напечатано: «Отъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ И. С. Тургеневу, 15-го марта 1879 года.»

Дружные аплодисменты, послѣдовавшіе за чтеніемъ адреса, смолкли лишь тогда, когда Иванъ Сергѣевичъ произнёсъ въ отвѣтъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, выразивъ въ нихъ, что эта минута останется однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній его жизни; на привѣтствіе же слушательницъ высшихъ курсовъ растроганный Тургеневъ отвѣчалъ приблизительно слѣдующее: «Мнѣ бы хотѣлось, если это будетъ возможно, выразить мою признательность ещё теплѣе прежняго. Я былъ бы счастливъ, еслибъ дѣйствительно оказалъ хоть часть того вліянія, о которомъ вы говорите. Во всякомъ случаѣ сердечно благодарю васъ за ваши искреннія, простыя слова, безъ фразы.» — «Мы хотѣли вамъ только сказать спасибо, Иванъ Сергѣевичъ», воскликнули курсистки. При этихъ словахъ женская молодёжь, окружавшая Тургенева, надѣла на него оба вѣнка. Рукоплесканія сдѣлались въ эту минуту оглушительными и восторгъ дошолъ до своего апогея.

Бережно разступаясь передъ Иваномъ Сергѣевичемъ, пропустила его черезъ свою сплоченную среду женская молодёжь и хлынула за любимымъ писателемъ. До самой кареты провожала его густая, восторженная толпа и неумолкаемые клики.

Въ заключеніе всѣхъ описанныхъ здѣсь овацій Иванъ Сергѣевичъ былъ почтёнъ петербургскимъ собраніемъ художниковъ ещё однимъ обѣдомъ, на которомъ было произнесено много рѣчей. Конечно, ни одному изъ русскихъ писателей не приходилось доживать до такого единодушнаго признанія его заслугъ!

I.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Гуляютъ тучи золотыя
Надъ отдыхающей землёй;
Поля просторныя, нѣмыя
Блестятъ, облитыя росой;
Ручей журчитъ во мглѣ долины;
Вдали гремитъ весенній громъ;
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣетъ лѣсъ высокій,
Зелёный, тёмный лѣсъ молчитъ,
Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

II.

БЕЗЛУННАЯ НОЧЬ.

О, ночь безлунная, ночь тёплая, нѣмая!
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена;
Иль, можетъ-быть, невѣдѣньемъ полна,
Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній,
Стыдливая, ты ждёшь таинственныхъ лобзаній?
Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный —
И на тебѣ покровъ густѣетъ тёмный.

Я заражонъ тобой: вдыхаю влажный паръ —
И чувствую въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ.
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шопотъ —
И тѣнь пахучая подъемлется кругомъ.
Лицо горитъ невѣдомымъ огнёмъ,
Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
Томится горестью, блаженствомъ и желаньемъ —
И воздухъ ласковый, чуть-дремлющій, ночной,
Какъ-будто самъ дрожитъ и пышетъ надо мной.

III.

Въ ночь лѣтнюю, когда, тревожной грусти полный,
Отъ милаго лица волосъ густыя волны
Заботливой рукой

Я отводилъ и ты, мой другъ, съ улыбкой томной
Къ окошку прислонясь, глядѣла въ садъ огромной
И тёмный, и нѣмой,

Въ окно раскрытое спокойными струями
Вливался свѣжій мракъ и замиралъ надъ нами,
И пѣсни соловья
Гремѣли жалобно въ тѣни густой, душистой,
И вѣтеръ лепеталъ надъ рѣчкой серебристой,
Покоились поля,

Ночному холоду предавъ и грудь, и руки,
Ты долго слушала рыдающіе звуки —
И ты сказала мнѣ,
Къ таинственнымъ звѣздамъ поднявши взоръ унылый:
«Не быть намъ никогда съ тобой, о другъ мой милый,
Блаженными вполнѣ!»

Я отвѣчать хотѣлъ, но, странно замирая,
Погасла рѣчь моя. Томительно-нѣмая
Настала тишина;
Въ большихъ твоихъ глазахъ слеза затрепетала,
А голову твою печально лобызала
Холодная луна.

IV.

Откуда вѣетъ тишиной?
Откуда мчится зовъ?
Чтò дышетъ на меня весной
И запахомъ луговъ?
Чего тебѣ, душа моя,
Внезапно стало жаль —
Скажи: какую вспомнилъ я
Любимую печаль?

Но всё былое, Боже мой,
Такъ бѣдно, такъ темно —
И тó, надъ чѣмъ я плакалъ — мной
Осмѣяно давно.
Невѣжда самъ, среди другихъ
Забывчивыхъ невѣждъ,
Любуюсь гибелью моихъ
Восторженныхъ надеждъ.

Но всё же тихъ и тронутъ я —
Съ души сбѣжала тѣнь,
Какъ-будто тоже для меня
Насталъ волшебный день,
Когда на деревѣ нагомъ —
И соченъ и душистъ —
Согрѣтый ласковымъ лучёмъ
Растётъ весенній листъ.

Какъ-будто сердцемъ я воскресъ —
И, волю давъ слезамъ
И задыхаясь, въ тёмный лѣсъ
Бѣгу по вечерамъ...
Какъ-будто я люблю, любимъ,
Какъ-будто ночь близка
И тополь подъ окномъ однимъ
Киваетъ мнѣ слегка.

V.

ѲЕДЯ.

Молча въѣзжаетъ — да ночью морозной —
Парень въ село на лошадкѣ усталой.
Тучи сѣдыя столпилися грозно;
Звѣздочки нѣтъ ни великой, ни малой.

Онъ у забора встрѣчаетъ старуху:
«Бабушка, здравствуй!» — «А, Ѳедя! Откуда?
Гдѣ пропадалъ ты? — ни слуху, ни духу!»
— «Гдѣ я бывалъ — не увидишь отсюда.

«Живы ли братья? родная жива ли?
Наша изба всё цѣла ль — не сгорѣла?
Правда ль, Параша — въ Москвѣ мнѣ сказали
Наши ребята — постомъ овдовѣла?»

— «Домъ вашъ какъ былъ: словно полная чаша,
Братья всѣ живы, родная здорова;
Умеръ сосѣдъ — овдовѣла Параша,
Да черезъ мѣсяцъ пошла за другова.»

Вѣтеръ подулъ. Засвисталъ онъ легонько,
Нà небо глянулъ и шапку надвинулъ;
Молча рукой онъ махнулъ и тихонько
Лошадь назадъ повернулъ — да и сгинулъ.

VI.

ИЗЪ КОМЕДІИ «МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ».

ДѢЙСТВІЕ III.

Наталья Петровна *и* Вѣра.

Вѣра *(робко)*. Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

Наталья Петровна *(быстро оглядываясь)*. А, Вѣрочка! Да, я тебя спрашивала.

Вѣра *(подходя къ ней)*. Вы здоровы?

Наталья Петровна. Я? Да. А что?

Вѣра. Мнѣ показалось...

Наталья Петровна. Нѣтъ, это такъ. Мнѣ немножко жарко — вотъ и всё. Сядь. *(Вѣра садится.)* Послушай, Вѣра: вѣдь, ты теперь ничѣмъ не занята?

Вѣра. Нѣтъ-съ.

Наталья Петровна. Я спрашиваю это у тебя потому, что мнѣ нужно съ тобой поговорить, серьёзно поговорить. Вотъ видишь, душа моя, ты до-сихъ-поръ была ещё ребёнкомъ; но тебѣ семнадцать лѣтъ; ты умна: пора тебѣ подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя какъ дочь; мой домъ всегда будетъ твоимъ домомъ; но всё-таки ты въ глазахъ другихъ людей — сирота; ты не богата. Тебѣ со временемъ можетъ наскучить вѣчно жить у чужихъ людей. Послушай — хочешь ты быть хозяйкой ,полной хозяйкой въ своёмъ домѣ?

Вѣра *(медленно).* Я васъ не-понимаю, Наталья Петровна?

Наталья Петровна *(помолчавъ).* У меня просятъ твоей руки. *(Вѣра съ изумленіемъ глядитъ на Наталью Петровну.)* Ты этого не ожидала? Признаюсь, мнѣ самой оно кажется нѣсколько страннымъ. Ты ещё такъ молода. Мнѣ нечего тебѣ говорить, что я нисколько не намѣрена принуждать тебя: по-моему, тебѣ ещё рано выходить замужъ; я только сочла долгомъ сообщить тебѣ... *(Вѣра вдругъ закрываетъ лицо руками.)* Вѣра, что это? ты плачешь? *(Берётъ её за руку.)* Ты вся дрожишь? Неужели ты меня боишься, Вѣра?

Вѣра Я въ вашей власти, Наталья Петровна.

Наталья Петровна *(отнимая Вѣрѣ руки отъ лица).* Вѣра, какъ тебѣ не стыдно плакать? Какъ не стыдно тебѣ говорить, что ты въ моей власти. За кого ты меня почитаешь? Я говорю съ тобой какъ съ дочерью, а ты... *(Вѣра цалуетъ у ней руки.)* А? вы въ моей власти? Такъ извольте же сейчасъ разсмѣяться. Я вамъ приказываю! *(Вѣра улыбается сквозь слёзы.)* Вотъ такъ. *(Наталья Петровна обнимаетъ её одной рукой и притягиваетъ къ себѣ.)* Вѣра, дитя моё, будь со мною, какъ бы ты была съ твоей матерью, или, нѣтъ, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра и — давай потолкуемъ вдвоёмъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ. Хочешь?

Вѣра. Я готова-съ.

Наталья Петровна. Ну, слушай же. Пододвинься поближе. Вотъ такъ. Во-первыхъ — такъ-какъ ты моя сестра, положимъ, то мнѣ не для чего увѣрять тебя, что ты здѣсь у себя, дома: такіе глазки вездѣ дома. Стало-быть, тебѣ и въ голову не должно придти, что ты кому-нибудь на свѣтѣ въ тягость и что отъ тебя хотятъ отдѣлаться. Слышишь? Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, твоя сестра приходитъ къ тебѣ и говоритъ: «вообрази себѣ, Вѣра, за тебя сватаются!» А? что́ ты ей на это отвѣтишь? Что ты ещё очень молода, что ты и не думаешь о свадьбѣ?

Вѣра. Да-съ.

Наталья Петровна. Да не говори мнѣ: да-съ. Развѣ сёстрамъ говорятъ: да-съ?

Вѣра *(улыбаясь).* Ну, да.

Наталья Петровна. Твоя сестра съ тобой согласится, жениху откажутъ — и дѣлу конецъ. Но если женихъ человѣкъ хорошій, съ состояніемъ, если онъ готовъ ждать, если онъ проситъ только позволенья изрѣдка тебя видѣть, въ надеждѣ со временемъ тебѣ понравиться...

Вѣра. А кто этотъ женихъ?

Наталья Петровна. А! ты любопытна. Ты не догадываешься?

Вѣра. Нѣтъ.

Наталья Петровна. Ты его сегодня видѣла. *(Вѣра вся краснѣетъ.)* Онъ, правда, не очень собой хорошъ и не очень молодъ — Большинцовъ.

Вѣра. Аѳанасій Иванычъ?

Наталья Петровна. Да, Аѳанасій Иванычъ.

Вѣра *(глядитъ нѣкоторое время на Наталью Петровну, вдругъ начинаетъ смѣяться и останавливается).* Вы не шутите?

Наталья Петровна *(улыбаясь).* Нѣтъ. Но я вижу — Большинцову больше нечего здѣсь дѣлать. Еслы бы ты заплакала при его имени, онъ бы могъ ещё надѣяться; но ты разсмѣялась. Ему остаётся одно: отправиться съ Богомъ во-свояси.

Вѣра. Извините меня; но, право, я никакъ не ожидала... Развѣ въ его лѣта ещё женятся?

Наталья Петровна. Да что́ ты думаешь? Сколько ему лѣтъ? Ему пятидесяти лѣтъ нѣту. Онъ въ самой порѣ.

Вѣра. Можетъ-быть; но у него такое странное лицо.

Наталья Петровна. Ну, не станемъ больше говорить о нёмъ. Онъ умеръ, похоронёнъ. Богъ съ нимъ! Впрочемъ, оно понятно: дѣвочкѣ въ твои лѣта такой человѣкъ, какъ Большинцовъ, не можетъ понравиться. Вы всѣ хотите выдти замужъ по любви, не по разсудку — неправда ли?

Вѣра. Да развѣ, Наталья Петровна, вы тоже не по любви вышли за Аркадія Сергѣича?

Наталья Петровна *(помолчавъ).* Конечно по любви. *(Помолчавъ опять и стиснувъ руку Вѣрѣ.)* Да, Вѣра, я тебя сейчасъ назвала дѣвочкой; но дѣвочки правы. *(Вѣра опускаетъ глаза.)* И такъ,

это дѣло рѣшоное. Большинцовъ въ отставкѣ. Признаться, мнѣ самой было бы не совсѣмъ пріятно видѣть его пухлое, старое лицо рядомъ съ твоимъ свѣжимъ личикомъ, хотя онъ, впрочемъ, очень хорошій человѣкъ. Вотъ видишь ли ты теперь, какъ напрасно ты меня боялась? Какъ всё скоро уладилось! *(Съ упрёкомъ.)* Право, ты обошлась со мной, какъ будто я была благодѣтельница! Ты знаешь, какъ я ненавижу это слово.

Вѣра *(обнимая ее)*. Простите меня, Наталья Петровна!

Наталья Петровна. То-то же. Точно ты меня не боишься?

Вѣра. Нѣтъ. Я васъ люблю; я не боюсь васъ.

Наталья Петровна. Ну, благодарствуй. Стало быть, мы теперь большія пріятельницы и ничего другъ отъ друга не скроемъ. Ну, а если бы я тебя спросила: «Вѣрочка, скажи-ка мнѣ на ухо: ты не хочешь выдти замужъ за Большинцова только потому, что онъ гораздо старше тебя и собой не красавецъ?

Вѣра. Да развѣ этого не довольно, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я не спорю; но другой причины нѣтъ никакой?

Вѣра. Я его совсѣмъ не знаю.

Наталья Петровна. Всё такъ; да ты мнѣ на мой вопросъ не отвѣчаешь.

Вѣра. Другой причины нѣту.

Наталья Петровна. Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ я бы тебѣ совѣтовала ещё подумать. Въ Большинцова, я знаю, трудно влюбиться; но онъ — повторяю тебѣ — хорошій человѣкъ. Вотъ, если бы ты кого-нибудь другого полюбила; ну — тогда другое дѣло. Но вѣдь твоё сердце до-сихъ-поръ ещё молчитъ?

Вѣра *(робко)*. Какъ-съ?

Наталья Петровна. Ты никого ещё не любишь?

Вѣра. Я васъ люблю, Колю; я Анну Семёновну тоже люблю.

Наталья Петровна. Нѣтъ, я не объ этой любви говорю: ты меня не понимаешь. Напримѣръ — изъ числа молодыхъ людей, которыхъ ты могла видѣть здѣсь, или въ гостяхъ, неужели жь ни одинъ тебѣ не нравится?

Вѣра. Нѣсъ-съ, иные мнѣ нравятся, но...

Наталья Петровна. Напримѣръ, я замѣтила, ты на вечерѣ у Криницыныхъ три раза танцовала съ этимъ высокимъ офицеромъ. Какъ бишь его?

Вѣра. Съ офицеромъ?

Наталья Петровна. Да, у него ещё такіе большіе усы.

Вѣра. Ахъ, этотъ! Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится.

Наталья Петровна. Ну, а Шаланскій?

Вѣра. Шаланскій хорошій человѣкъ; но онъ... Я думаю, ему не до меня.

Наталья Петровна. А что?

Вѣра. Онъ... онъ, кажется, больше думаетъ о Лизѣ Вельской.

Наталья Петровна *(взглянувъ на неё)*. А! ты это замѣтила? *(Молчаніе.)* Ну, а Ракитинъ?

Вѣра. Я Михайла Александровича очень люблю.

Наталья Петровна. Да, какъ брата. А, кстати, Бѣляевъ?

Вѣра *(покраснѣвъ)*. Алексѣй Николаичъ? Алексѣй Николаичъ мнѣ нравится.

Наталья Петровна *(наблюдая за Вѣрой.)* Да, онъ хорошій человѣкъ. Только онъ такъ со всѣми дичится.

Вѣра *(невинно)*. Нѣтъ-съ, онъ со мной не дичится.

Наталья Петровна. А!

Вѣра. Онъ со мной разговариваетъ-съ. Вамъ, можетъ-быть, оттого это кажется, что онъ... Онъ васъ боится. Онъ ещё не успѣлъ васъ узнать.

Наталья Петровна. А ты почему знаешь, что онъ меня боится?

Вѣра. Онъ мнѣ сказывалъ.

Наталья Петровна. А! онъ тебѣ сказывалъ. Онъ, стало-быть, откровеннѣе съ тобой, чѣмъ съ другими?

Вѣра. Я не знаю, какъ онъ съ другими, но со мной... можетъ быть, оттого, что мы оба сироты. Притомъ, я въ его глазахъ — ребёнокъ.

Наталья Петровна. Ты думаешь? Впрочемъ, онъ мнѣ тоже очень нравится. У него, должно быть, очень доброе сердце.

Вѣра. Ахъ, предоброе-съ! Еслибъ вы знали! Всѣ въ домѣ его любятъ. Онъ такой ласковый. Со всѣми говоритъ, всѣмъ помочь готовъ. Онъ третьяго дня нищую старуху съ большой дороги на рукахъ до больницы донёсъ. Онъ мнѣ цвѣтокъ однажды съ такого обрыва сорвалъ, что я отъ страху даже глаза закрыла; я такъ и думала, что онъ упадётъ и расшибётся; но онъ такъ ловокъ! Вы сами, вчера на лугу, могли видѣть, какъ онъ ловокъ.

Наталья Петровна. Да, это правда.

Вѣра. Помните, когда онъ бѣжалъ за змѣемъ черезъ какой онъ ровъ перескочилъ? Да ему это всё ни почёмъ.

Наталья Петровна. И въ самомъ дѣлѣ онъ

для тебя сорвалъ цвѣтокъ съ опаснаго мѣста? Онъ, видно, тебя любитъ.

Вѣра *(помолчавъ)*. И всегда онъ веселъ... всегда въ духѣ...

Наталья Петровна. Это однако же странно. Отъ чего-жь онъ при мнѣ...

Вѣра *(перебивая её)*. Да я жь вамъ говорю, что онъ васъ не знаетъ. Но постойте, я ему скажу — я ему скажу, что васъ нечего бояться — не правда ли? что вы такъ добры...

Наталья Петровна *(принуждённо смѣясь)*. Спасибо.

Вѣра. Вотъ вы увидите! А онъ меня слушается, даромъ-что я моложе его.

Наталья Петровна. Я не знала, что ты съ нимъ въ такой дружбѣ. Смотри однако, Вѣра, будь осторожна. Онъ, конечно, прекрасный молодой человѣкъ; но ты знаешь, въ твои лѣта... Оно не годится. Могутъ подумать... Я уже вчера тебѣ это замѣтила — помнишь — въ саду. *(Вѣра опускаетъ глаза.)* Съ другой стороны, я не хочу тоже препятствовать твоимъ наклонностямъ. Я слишкомъ увѣрена въ тебѣ и въ нёмъ; но всё-таки... Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизмъ: это наше, стариковское дѣло надоѣдать молодёжи наставленіями. Впрочемъ, я всё это напрасно говорю: вѣдь, не правда ли, онъ тебѣ нравится — и больше ничего?

Вѣра *(робко поднимая глаза)*. Онъ...

Наталья Петровна. Вотъ ты опять на меня по прежнему смотришь? Развѣ такъ смотрятъ на сестру? Вѣра, послушай, нагнись ко мнѣ. *(Лаская ее.)* Что, если бы сестра, настоящая твоя сестра тебя теперь спросила на ушко: «Вѣрочка, ты точно никого не любишь?» а? Чтò бы ты ей отвѣчала? *(Вѣра нерѣшительно взглядываетъ на Наталью Петровну.)* Эти глазки мнѣ что-то хотятъ сказать. *(Вѣра вдругъ прижимаетъ свое лицо къ ея груди. Наталья Петровна блѣднѣетъ — и, помолчавъ, продолжаетъ.)* Ты любишь? Скажи — любишь?

Вѣра *(не поднимая головы)*. Ахъ, я не знаю сама, чтò со мной.

Наталья Петровна. Бѣдняжка, ты влюблена. *(Вѣра ещё больше прижимается къ груди Натальи Петровны.)* Ты влюблена — а онъ? Вѣра, онъ?

Вѣра *(всё ещё не поднимая головы)*. Что вы у меня спрашиваете? Я не знаю. Можетъ-быть... Я не знаю, не знаю... *(Наталья Петровна вздрагиваетъ и остаётся неподвижной. Вѣра поднимаетъ голову и вдругъ замѣчаетъ перемѣну въ ея лицѣ.)* Наталья Петровна, чтò съ вами?

Наталья Петровна *(приходя въ себя)*. Со мной? ничего. Что? Ничего.

Вѣра. Вы такъ блѣдны, Наталья Петровна! Что съ вами? Позвольте, я позвоню. *(Встаетъ.)*

Наталья Петровна. Нѣтъ, нѣтъ, не звони. Это ничего — это пройдётъ. Вотъ ужь оно и прошло.

Вѣра. Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, позвать кого-нибудь.

Наталья Петровна. Напротивъ, я... я хочу остаться одна. Оставь меня — слышишь? Мы ещё поговоримъ. Ступай.

Вѣра. Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я? За что? Нисколько. Я, напротивъ, благодарна тебѣ за твоё довѣріе. Только оставь меня, пожалуста, теперь. *(Вѣра хочетъ взять ея руку, но Наталья Петровна отворачивается, какъ-будто не замѣчая движенья Вѣры.)*

Вѣра *(съ слезами на глазахъ)*. Наталья Петровна!

Наталья Петровна. Оставьте меня, прошу васъ. *(Вѣра медленно уходитъ въ кабинетъ.)*

Наталья Петровна *(одна, оставаясь нѣкоторое время неподвижной)*. Теперь мнѣ всё ясно! Эти дѣти другъ друга любятъ! *(Останавливается и проводитъ рукой по лицу.)* Что-жь — тѣмъ лучше! Дай Богъ имъ счастья! *(Смѣясь.)* И я... я могла подумать... *(Останавливается опять.)* Она скоро проболталась... Признаюсь, я и не подозрѣвала; признаюсь, эта новость меня поразила. Но погодите: не всё кончено! Боже мой, чтò я говорю? чтò со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? *(Помолчавъ.)* Чтò это я дѣлаю? Я бѣдную дѣвочку хочу замужъ выдать за старика? Подсылаю доктора. Тотъ догадывается, намекаетъ... Аркадій, Ракитинъ! Да я... *(Содрогается и вдругъ поднимаетъ голову.)* Да что-жь это, наконецъ? Я къ Вѣрѣ ревную? Я... я влюблена въ него, что ли? *(Помолчавъ.)* И ты ещё сомнѣваешься? Ты влюблена, несчастная! Какъ это сдѣлалось — не знаю. Словно мнѣ яду дали: вдругъ всё разбито, разсѣяно, унесено... Онъ боится меня. Всѣ меня боятся. Чтò ему во мнѣ? На чтò ему такое существо, какъ я? Онъ молодъ и она молода. А я! *(Горько.)* Гдѣ ему меня оцѣнить? Они оба глупы, какъ говоритъ Ракитинъ. Ахъ, ненавижу я этого умника! А Аркадій, довѣрчивый, добрый мой Аркадій! Боже мой, Боже мой, пошли мнѣ смерть! *(Встаетъ.)* Однако, мнѣ кажется, я съ ума схожу. Къ чему преувеличивать! Ну да, я поражена; мнѣ это въ диковину; это въ первый разъ. Да, въ первый разъ: я въ первый разъ теперь люблю! *(Она садится опять.)* Онъ долженъ уѣхать; да и Раки-

тинъ тоже. Пора мнѣ опомниться. Я позволила себѣ отступить на шагъ — и вотъ — вотъ до чего я дошла! И что́ мнѣ въ нёмъ понравилось? *(Задумывается.)* Такъ вотъ оно — это страшное чувство! Аркадій! Да, я уйду въ его объятія, я буду умолять его простить меня, защитить, спасти меня. Онъ — и больше никого! Всѣ другіе мнѣ чужіе и должны мнѣ остаться чужими; но развѣ... развѣ нѣтъ другого средства? Эта дѣвочка — она ребёнокъ. Она могла ошибиться. Это — всё дѣтство, наконецъ. Изъ чего я... Я сама съ нимъ объясняюсь, я спрошу у него... *(Съ укоризной.)* А, а? Ты ещё надѣешься? Ты ещё хочешь надѣяться? И на что́ я надѣюсь! Боже мой, не дай мнѣ презирать самоё себя! *(Склоняетъ голову на руки.)*

—

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, авторъ «Смерти Іоанна Грознаго» и «Князя Серебрянаго», родился 24-го августа 1817 года въ Петербургѣ; дѣтство же своё провёлъ въ сѣверной части Черниговской губерніи, въ имѣніи своего дяди съ материнской стороны А. А. Перовскаго, впослѣдствіи попечителя Харьковскаго университета, извѣстнаго у насъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго, что́ имѣло благотворное вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта, обнаружившагося въ нёмъ очень рано, причёмъ деревенская жизнь, съ ея особенностями, отразилась на самыхъ раннихъ его сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, на стихотвореніи «Колокольчики». По окончаніи домашняго воспитанія, графъ Толстой сдалъ выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, и, вслѣдъ затѣмъ, занялъ мѣсто въ русскомъ посольствѣ при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ. Впрочемъ, онъ оставался на службѣ не долго. Выйдя въ отставку, онъ провёлъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ по Германіи, Франціи и Италіи. По возвращеніи въ Россію, онъ снова поступилъ на службу церемоніймейстеромъ, и съ того времени, вплодь до крымской войны, почти безвыѣздно проживалъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ самомъ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ стали появляться его стихотворенія, обратившія на себя общее вниманіе, благодаря своей оригинальности и тёплому отношенію къ природѣ и русской жизни. Какъ на лучшія изъ стихотвореній этого времени, можно указать на шесть пьесъ, помѣщённыхъ въ третьей книжкѣ «Современника» на 1854 годъ: «Колокольчики», «Ой, стоги, стоги...», «По греблѣ неровной и тряской...», «Коль любить...», «Умѣренность» и «Ты знаешь край...»

Въ самомъ началѣ крымской кампаніи, графъ Толстой вступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи въ чинѣ майора, причёмъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ; но тотчасъ по заключеніи мира, вышелъ въ отставку, а въ слѣдующемъ 1857 году вступилъ въ должность егермейстера Двора Его Величества, которую занималъ до самой смерти.

Тотчасъ по окончаніи крымской войны, литературная дѣятельность графа Толстого возобновилась съ новою силой и уже не прекращалась болѣе. Такъ во 2-й книжкѣ «Современника» на 1856 годъ было напечатано шесть новыхъ его стихотвореній, въ томъ числѣ: «Ой, кабы Волга» и «Ходитъ Спѣсь, надуваючись...», въ 11-й — восемь пьесъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Крымскіе очерки» и въ 1-й 1857 года — пять небольшихъ пьесъ: «Волны», «Не вѣрь», «Изъ Сведенборга», «Острою сѣкирой ранена береза...» и «О, не пытайся духъ унять тревожный...» Затѣмъ, въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 — 1859 годовъ появился цѣлый рядъ стихотвореній Толстого, въ томъ числѣ двѣ поэмы: «Грѣшница» и «Іоаннъ Дамаскинъ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», начиная съ 1857 года и кончая 1873, были напечатаны, между-прочимъ, его извѣстныя баллады: «Василій Шибановъ», «Князь Михайло Репнинъ», «Старицкій воевода» и «Пантелей цѣлитель». Въ этомъ же журналѣ, на 1861 годъ, былъ помѣщёнъ его историческій романъ «Князь Серебряный», имѣвшій значительный успѣхъ, вслѣдствіе чего былъ изданъ отдѣльно два раза, въ 1863 и 1869 годахъ. Романъ этотъ навѣянъ былъ изученіемъ историческихъ матеріаловъ, къ которымъ онъ обратился, задумавъ написать трагедію изъ жизни Іоанна Четвёртаго. Что же касается трагедіи, то она была написана и напечатана въ 1-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1866 годъ. подъ названіемъ «Смерть Іоанна Грознаго». Драма эта, встрѣченная общимъ одобреніемъ, была, годъ спустя, поставлена на сцену и имѣла большой успѣхъ, благодаря многимъ несомнѣннымъ достоинствамъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Сюжетъ своей драмы заимствовалъ авторъ изъ той же, особенно любимой имъ, эпохи, которая дала матеріалы для большинства его балладъ и для названнаго выше романа. Но какъ самъ

Грозный, такъ и его время отразились въ его новомъ произведенiи гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ «Князѣ Серебряномъ». Не только главныя дѣйствующiя лица драмы — мужчины, но и женщины, несмотря на всю пассивность своего положенiя, вышли у него живыми людьми, чтò дало возможность автору представить въ своёмъ произведенiи картину, полную движенiя и жизни. Что же касается трёхъ сценъ, каковы: чтенiе синодика, разговòръ со схимникомъ и смерть самого Грознаго, то онѣ одни уже свидѣтельствуютъ о существованiи большого трагическаго элемента въ талантѣ автора. «Смерть Iоанна Грознаго» — есть первая часть трилогiи, вторую и третью части которой составляютъ двѣ послѣднихъ его трагедiи: «Царь Ѳедоръ Iоанновичъ» и «Царь Борисъ», напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы», первая — въ 5-й книжкѣ 1868 года, а вторая — въ 3-мъ нумерѣ на 1870 годъ. Обѣ эти пьесы, несмотря на нѣсколько истинно-прекрасныхъ сценъ, въ цѣломъ несравненно слабѣе первой, чтò произошло главнымъ образомъ оттого, что одно и то же лицо, Борисъ Годуновъ, дѣйствуетъ во всѣхъ трёхъ драмахъ, вслѣдствiе чего автору пришлось поневолѣ повторяться и тратиться на изображенiя однѣхъ и тѣхъ же сценъ, съ незначительными измѣненiями, не представляющими ничего существеннаго. Кромѣ названныхъ двухъ трагедiй, въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 — 1873 годовъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ мелкихъ стихотворенiй Толстого, въ томъ числѣ переводъ «Коринѳской невѣсты» Гёте (1868, № 3), три пѣсни: «О Гаральдѣ и Ярославнѣ», «О трёхъ побоищахъ» и «О походѣ Владимiра» (1869, №№ 4, 5 и 9), легенда «Канутъ» (1873, № 3), повѣсть въ стихахъ «Портретъ» (1874, № 9) и баллада «Драконъ» (1875, № 10), а въ «Гражданинѣ» на 1872 годъ — лучшая изъ его былинъ: «Алёша Поповичъ» и, наконецъ, въ «Братской Помочи» (1876) его «Послѣднее стихотворенiе», начинающееся стихомъ: «Земля цвѣла въ лугу, весной одѣтомъ». Послѣднiя стихотворенiя Алексѣя Константиновича, сюжеты которыхъ преимущественно заимствованы изъ русскихъ народныхъ былинъ, отличаются особенною свѣжестью образовъ, замѣчательною оригинальностью языка и самаго стиха.

Послѣднiя два года своей жизни Толстой провёлъ по большей части въ странствованiяхъ заграницей, преимущественно по разнымъ минеральнымъ водамъ Германiи, въ надеждѣ на исцѣленiе отъ снѣдавшаго его недуга. Воротившись, наконецъ, въ Россiю, онъ, нигдѣ не останавливаясь, прямо проѣхалъ въ своё любимое Черниговское имѣнiе, Красный Рогъ, близь города Почепа, гдѣ и скончался 28-го сентября 1875 года вечеромъ, на пятьдесятъ девятомъ году жизни.

Заключаемъ нашу статью о графѣ Алексѣѣ Константиновичѣ Толстомъ глубоко-прочувствованными строками И. С. Тургенева, написанными имъ тотчасъ по полученiи извѣстiя о его смерти: «Я назвалъ Толстого поэтомъ! Да, онъ былъ имъ несомнѣнно, вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рождёнъ поэтомъ, а это въ наше время вездѣ и пуще всего въ Россiи — большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣнiе, къ которому онъ принадлежалъ, опредѣляются также его убѣжденiя, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннiя стремленiя. Положенiе Толстого въ обществѣ и его связи открывали ему широкiй путь ко всему тому, чтò такъ цѣнится большинствомъ людей; но онъ остался вѣренъ своему призванiю — поэзiи, литературѣ; онъ не могъ быть ни чѣмъ инымъ какъ только тѣмъ, чѣмъ создала его природа; онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значенiи слова. Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, чтò одно даётъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведенiямъ, а именно — собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физiономiей, причёмъ свободно мастерскою рукою распоряжался роднымъ языкомъ. Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотворенiй, которые, въ теченiи долгихъ лѣтъ, стыдно будетъ не знать всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода — исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ, а въ послѣдней изъ нихъ — «Драконъ» — онъ достигъ почти дантовской образности и силы.»

Изъ сочиненiй графа Толстого вышли отдѣльными изданiями нижеслѣдующiя:

1) Князь Серебряный. Повѣсть времёнъ Iоанна Грознаго. Сочиненiе А. К. Толстого. Два тома. Спб. 1863. Тоже. Изданiе второе. Спб. 1869. 2) Смерть Iоанна Грознаго. Трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ. Графа А. К. Толстого. Спб. 1866. То-же. Изданiе второе. Спб. 1869. 3) Преподобный Iоаннъ Дамаскинъ. Поэма графа А. Толстого. М. 1866. Тоже. Изданiе второе. М. 1875. 4) Стихотворенiя графа А. Толстого. Спб. 1867. 5) Царь Ѳедоръ Iоанновичъ. Трагедiя въ пяти дѣйствiяхъ. Графа

А. К. Толстого. Спб. 1868. 6) Проэктъ постановки на сцену трагедіи «Царь Өедоръ Іоанновичъ». Графа А. К. Толстого. Спб. 1868. 7) Царь Борисъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Графа А. К. Толстого. Спб. 1870. 8) Полное собраніе стихотвореній графа А. К. Толстого. Два тома. Спб. 1876. Тоже, изданіе второе. Спб. 1878. 9) Драматическая трилогія Спб. 1876.

I.

ОЙ-КАБЫ.

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали,
Кабы мы любили да не разлюбляли,
Кабы дно морское достать да измѣрить,
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были бъ молодицы,
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы,
Кабы всегда чарка доходила дó рту,
Да кабы приказныхъ пó боку да къ чорту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка бъ царь нашъ всю правду бы вѣдалъ!

II.

СПѢСЬ.

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку нá бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на нёмъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его всё въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашолъ бы Спѣсь къ отцу, къ матери,
Да ворота не крашены;
А и помолился бъ Спѣсь въ церкви Божіей,
Да полъ не метёнъ.
Идётъ Спѣсь, видитъ — нá небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Непригоже-де мнѣ нагибатися.

III.

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ —

И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землёй.

IV.

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи!

V.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГРѢШНИЦА».

Вино струится; шумъ и хохотъ;
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ;
Куренье, солнце и цвѣты —
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья.
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ не похожій;
Печать избранника на нёмъ;
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Еговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена —
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаётъ,
И, станъ свой выпрямивши гибкой,

И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаётъ.

«Ты тотъ, чтó учитъ отреченью?
Не вѣрю твоему ученью:
Моё надежнѣй и вѣрнѣй.
Меня смутить не мысли нынѣ,
Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
Лишь наслажденьемъ я влекома,
Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
Я вѣрю только красотѣ,
Служу вину и поцалуямъ:
Мой духъ тобою не волнуемъ,
Твоей смѣюсь я чистотѣ!»

И рѣчь ея ещё звучала,
Ещё смѣялася она
И пѣна лёгкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ —
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
«Она ошиблась! Въ заблужденье
Её привёлъ пришельца ликъ:
То не учитель передъ нею —
То Іоаннъ изъ Галилеи,
Его любимый ученикъ.»

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой —
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья;
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы —
Дѣлятся нà двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ;
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада —
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины —
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя —
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвёлъ сидящихъ тихимъ окомъ
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И всё открылося ему —
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И всё, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла, въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ, гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Ещё страшась земныхъ препонъ,
Она, колеблясь, стояла.
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала —
Стѣснённой груди слышенъ стонъ:
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

VI.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша богатырь!

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлённый щитъ.
Супротивъ его царевна
Полонённая сидитъ.

Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ свой подобрала —
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

«Ты почто меня, Алёша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома;
Ты жь, похитчикъ, мнѣ не милъ!»

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
«Не похитчикъ я тебѣ!
Ты взошла своею волей —
Покорись своей судьбѣ.

«Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою:
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моёмъ краю.

«Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межь камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей.

«Но въ плѣну, кого поймаю,
Безъ нужды я не морю...
Покорися же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю!»

Но она къ нему: «Алёша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоёмъ:
Тяжела ей будетъ ноша —
Вмѣстѣ кó дну мы пойдёмъ.»

Онъ же къ ней: «смотри, царевна:
Видишь тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
Стаи лёгкія стрекозъ?

«На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы;
Ты же въ лодкѣ не тяжеле
Легкокрылой стрекозы.»

И, круша душистый аиръ,
Онъ скользитъ очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рвётъ сверкающимъ весломъ.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ;
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ:

«Птицеловъ ты безпощадный!
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль.»

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: «сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа!

«Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть:
Вольной волей, иль неволей
Будешь ты меня любить.»

Онъ весло своё бросаетъ,
Гусли звонкія берётъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очерётъ.

Звуки льются, звуки таютъ:
То не вѣтеръ ли во ржи?
Не крылами ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

Пламя ль блещетъ? дождь ли льётся?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли пó полю несётся?
Мать ли пѣстуетъ дитя?

Или то воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье,
Или смерти тó привѣтъ?

Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто поймётъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ
И кружится голова.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы;
На тростникъ стрекозы сѣли;
Преклонилися цвѣты:

Погремокъ, пестрецъ и шпльникъ,
И болбтная заря
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ —
И она внимаетъ пѣнью,
Руку бѣлую поднявъ.

Что внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье ль улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

Словно давнія печали
Разошлися, какъ туманъ;
Словно всѣ преграды пали,
Или были лишь обманъ!

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась:
Ей и радостно, и больно,
Слёзы капаютъ изъ глазъ.

Любитъ онъ, иль лицемѣритъ —
Для нея то всё равно:
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ, побѣждено.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернёшься —
Только небо да камышъ.

VII.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился молчаливъ.
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ лёгкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ.
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ лёгкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебёръ и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали —
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечотъ?

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ.
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То свершено однимъ, казалось, словомъ.
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею.

Но трезвъ былъ умъ и чуждъ ему восторгъ.
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жь мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья;
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія.

Тутъ пронеслось, какъ въ листьяхъ дуновенье,
И, какъ отвѣтъ, послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ.
Лови жь сей мигъ, пока къ нему ты чутокъ:
Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ.

VIII.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО».

ДѢЙСТВІЕ I, СЦѢНА II.

Іоаннъ, *блѣдный и изнуренный, одѣтый въ чорную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ чотками въ рукахъ, и* Григорій Нагой.

Іоаннъ.

Острупился мой умъ,
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды. Ужь за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жь указалъ престолъ мой уступить
Другому. Беззаконія мои
Песка морского паче: сыроядецъ,
Мучитель, блудникъ, церкви оскорбитель...
Долготерпѣнья божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ.

Нагой.

О, Государь, ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича: нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанёсъ.

Іоаннъ.

Неправда:
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей
Его убилъ. Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужь и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ, я убилъ его нарочно. Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ — и, умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ; но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу.
Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою
И схиму мнѣ показывалъ и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ — туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирила Чудотворца.
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ.
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина — тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схимну я пріиму и, можетъ-быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему. *(Помолчавъ.)*
Поди, узнай — зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царёмъ пріидутъ: да возложу, не медля,
Я на него и бармы и вѣнецъ. *(Нагой уходитъ.)*
Всё конечно! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья.
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ
Сражаяся съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней.
Не кроткимъ былъ я властелиномъ — нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя.
Отецъ Сильвѣстръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: «Иване, берегись!
Въ тебя вселиться хочетъ сатана:
Не отверзай души ему, Иване!»
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца —
И душу я діаволу отверзъ.
Нѣтъ, я не царь — я волкъ, я пёсъ смердящій!
Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною...
Я Каина злодѣйство превзошолъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
О, Христе-Боже! исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказáнныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!

ДѢЙСТВІЕ IV, СЦЕНА II.

Іоаннъ, царица Марія Өеодоровна, царевичъ Өеодоръ, царевна Ирина, Борисъ Годуновъ, князь Шуйскій *и* Бѣльскій.

Іоаннъ.

Борисъ, оставь, оставь теперь синодикъ —
Мы послѣ кончимъ. Слышите? Что тамъ
Скребётъ въ подпольѣ? Слышите? Ещё!
Ещё! Всё ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь ещё! Мой срокъ ещё не минулъ!
Я царь ещё — покаяться я властенъ!
Ирина, Өёдоръ, Марья! Станьте здѣсь
Другъ подлѣ друга. Ближе — такъ, бояре!
Всё рядомъ станьте здѣсь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! *(Кланяется въ землю.)*
Я у всѣхъ,
У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

Бѣльскій *(тихо Шуйскому).*

Помилуй насъ Господь!

Шуйскій *(тихо Бѣльскому).*

Остережомся:
Быть-можетъ, онъ испытываетъ насъ!

Іоаннъ *(стоя на колѣняхъ).*

Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межь вами нѣтъ ни одного, кого бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ, или словомъ.
Простите жь мнѣ — ты, Бѣльскій, ты, Захарьинъ,
Ты, князь Мстиславскій, ты, князь Шуйскій, ты...

Шуйскій.

Помилуй, государь! Тебѣ ль у насъ
Прощенія просить?

Іоаннъ.

Молчи, холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай! Каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ, разумомъ растлѣнъ,
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста — божбой, языкъ мой — срамословьемъ,
Убійствомъ руки и грабленьемъ злата,
Утробу — объядѣніемъ и пьянствомъ,
А чресла — несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ — я васъ молю: простите,
Вы всѣ простите вашему царю!
(Кланяется въ землю.)

IX.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ЦАРЬ БОРИСЪ».

ДѢЙСТВІЕ I, СЦЕНА II.

Царь Борисъ *и* царица Ирина.

Ирина.

Прости меня, великій государь:
Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
Въ день твоего вѣнчанья за тебя
Молилась я.

Борисъ.

Царица и сестра!
По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
Исполнить волю земскую — и царскій
Пріять вѣнецъ. Но разъ его пріявъ,
Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
Что отъ Него жь и сила мнѣ дана
Владыкой быть, и что восторгъ народа
Вокругъ себя не даромъ слышу я.
Надеждой сердце полнится моё,
Спокойное довѣріе и бодрость
Вошли въ него — и ими подѣлиться
Оно съ тобою хочетъ.

Ирина.

Миръ тебѣ!

Борисъ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облёкся
На тишину земли, на счастье всѣмъ.
Мой свѣтелъ путь — и, какъ ночной туманъ,
Лежитъ за мной пережитое время.
Отрадно мнѣ сознанье это; но
Ещё полнѣй была бъ моя отрада,
Когда бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
Что дѣлишь ты её со мною.

Ирина.

Братъ,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнилъ ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто могъ вѣнецъ бы царскій
Достойно несть.

Борисъ.

Въ годину тяжкихъ смутъ,
Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
Я не щадилъ ихъ, часто ты за-то
Меня винила. Но, передъ собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шолъ впередъ и не страшился всѣ
Преграды опрокинуть. Предъ одной,
Въ сомнѣніи, остановился я;
Но мысль о царствѣ одержала верхъ
Надъ колебаніемъ моимъ. Преграда
Та рушилась! Не произнесено
До дня сего о томъ межь насъ ни слова;
Но съ той поры какъ-будто бездны зѣвъ
Насъ раздѣлилъ. Въ то время, можетъ-быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я передъ тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
Въ величіи, невиданномъ по-нынѣ,
Ликуетъ Русь. Ея дивится силѣ
И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
Любовію народной и успѣхомъ
Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ бы
Услышать оправданіе моё
И отъ тебя, Ирина.

Ирина.

Оправданья
Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
Къ тебѣ глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Изъ собственной природы ею ты
Исхищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
Желѣзную являя непреклонность,
Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
Ты былъ дотоль согласенъ самъ съ собою.
Но здѣсь, Борисъ, нежданный, новый, страшный
Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
Твоей души я вѣдала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны,

Меня вдали держала отъ тебя.
Когда бъ ты мнѣ открылся — утѣшеньемъ,
Любовію тебѣ бъ я отвѣчала,
Не поздними упрёками. Но ты
Молчалъ тогда — теперь же хочешь мною
Оправданъ быть? Братъ, я за каждымъ днёмъ
Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
Чтобъ каждый день твой искупленьемъ былъ
Великаго, ужаснаго грѣха,
Неправды той — черезъ неё же нынѣ
Ты сталъ царёмъ!

Борисъ.

Отвороти свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, менѣе ль свѣтла
Тѣмъ, что ея источники, быть-можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Ирина,
Гляди вперёдъ — гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Что въ совѣсти моей
Схоронено, что для другихъ незримо —
Не можетъ то мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

Ирина.

Цари на славу ей!
Будь окружонъ любовью и почётомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей —
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя, но духъ безсмертный
Пусть будетъ чистъ — не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, біеньемъ каждымъ сердца
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь
Подъ бременемъ тяжолымъ — въ эту келью
Тогда приди!

Борисъ.

Твой приговоръ жестокъ.
Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ
Не можетъ быть, кто съ жизнію ведётъ
Всегда борьбу, кто хоть какую цѣль
Передъ собой поставилъ, хоть какое
Желаніе въ груди несётъ. Въ ущербъ
Другому лишь желанья своего
Достигнетъ онъ. То мѣсто, гдѣ я сталъ —
Оно моё затѣмъ лишь, что другого
Я вытѣснилъ. Неправъ передъ другими
Всякъ, кто живётъ. Вся разница межъ насъ:
Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
Чтобъ тьмы людей счастливыми содѣлать,
Я большую неправость совершилъ,
Чѣмъ тотъ, который блага никакого
Имъ не принёсъ: кто жъ, онъ иль я виновнѣй
Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
Моё принять пришолъ я оправданье:
Я жду его! Тебѣ до дна я душу
Мою открылъ — ещё ли не оправданъ
Я предъ тобой?

Ирина.

Всё ту же на тебѣ
Я вижу тѣнь. Куда бы ни пошолъ ты —
Вездѣ, всегда — зловѣщая — она
Идётъ съ тобой. Не властны мы уйти
Отъ прошлаго, Борисъ!

Борисъ.

Постричься долженъ,
Кто мыслитъ такъ, отъ дѣла отказаться,
Отшельникомъ въ пустыню отойти.
То не моё призваніе. Мой грѣхъ
Я сознаю; но вѣдаю, что имъ лишь
Русь велика. Оплакивать его
Я не могу: мнѣ нѣкогда крушиться,
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но, полный силъ, съ подъятою главою,
Идти вперёдъ я долженъ, чтобъ Руси
Путь расчищать. Прости, сестра. Кто правъ —
Ты, или я — то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я —
Рѣшитъ земля въ годину испытанья!

ДѢЙСТВІЕ II, СЦЕНА I.

Герцогъ Христіанъ Датскій.

Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что къ небу вознеслись
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды
И крутизна, гдѣ зàмокъ нашъ повисъ.
Ребёнкомъ тамъ въ мечтаньи одинокомъ,
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ весёлымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ
И, разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,

Отважные мнѣ навѣвали сны
И вдаль меня манили приключенья.
Въ одинъ покой случайно я проникъ:
Висѣли латы тамъ подъ слоемъ пыли,
А на столѣ лежало много книгъ —
Норвежскія то лѣтописи были.
Я сталъ читать — и ими, какъ огнёмъ,
Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днёмъ —
И ярче всё являлись мнѣ видѣнья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Такъ время шло. Четырнадцати лѣтъ
Я призванъ былъ въ столицу. Новый свѣтъ
Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтской
Предался жизни суетной и свѣтской —
Но не на долго. Праздности моей
Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
Воскресли сны и прежнія видѣнья:
Всё тѣ же сѣчи, схватки и сраженья.
И думалъ я: настанетъ ли тотъ день,
Когда мечта, которую съ любовью
Я всё ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
Одѣнется и плотію и кровью?
И онъ насталъ. Вскипѣлъ великій бой,
Священный бой за вѣру и свободу:
Испаніи владыка всталъ войной,
Грозя цѣпями вольному народу.
Во Фландрію тогда Европы всей
Стекалися единовѣрныхъ рати —
И изъ тюрьмы я вырвался моей
На выручку преслѣдуемыхъ братій.

—

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Яковъ Петровичъ Полонскій, современный поэтъ и беллетристъ, родился 6-го декабря 1820 года въ Рязани, гдѣ провёлъ своё дѣтство и первую молодость. На десятомъ году онъ имѣлъ несчастье лишиться нѣжно-любившей его матери, умершей въ 1830 году — и остаться почти круглымъ сиротою, такъ-какъ отецъ его, спустя нѣсколько мѣсяцъ по смерти жены, получилъ мѣсто совѣтника казённыхъ сборовъ и податей въ городѣ Эривани, въ Закавказьи, куда тотчасъ же и уѣхалъ, оставивъ шестерыхъ дѣтей на попеченіе сестёръ своей покойной жены. Благодаря заботливости тётокъ, молодой Полонскій поступилъ въ 1831 году въ Рязанскую гимназію, гдѣ вскорѣ обнаружилъ первые проблески своего поэтическаго таланта. Къ концу же гимназическаго курса стихъ его принялъ такую красивую форму и сталъ на столько благозвучнымъ, что, будучи ещё ученикомъ 6-го класса, онъ за стихи свои, поднесённые государю наслѣднику — нынѣ царствующему Государю императору — во время проѣзда его черезъ Рязань, удостоился получить отъ него въ подарокъ золотые часы. Окончивъ гимназическій курсъ, Полонскій отправился въ Москву и поступилъ въ тамошній университетъ, на юридическій факультетъ, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему посѣщать весьма усердно лекціи другихъ факультетовъ и рѣдко заглядывать въ аудиторію своего. Къ несчастью, пребываніе Полонскаго въ университетѣ совпало съ совершеннымъ разстройствомъ дѣлъ и здоровья его отца, что̀ поставило его въ весьма затруднительное положеніе и познакомило даже съ нуждою. Пришлось добывать средства къ существованію — пришлось отказаться отъ посѣщенія нѣкоторыхъ лекцій и урѣзанное время употреблять на занятія уроками въ частныхъ домахъ. Въ 1844 году Полонскій окончилъ курсъ въ университетѣ и въ концѣ того же года издалъ небольшую книжку своихъ стихотвореній, въ числѣ тридцати двухъ, подъ заглавіемъ «Гаммы», встрѣченную многими московскими и петербургскими журналами весьма благосклонно, въ томъ числѣ и «Отечественными Записками», въ которыхъ, строгій къ начинающимъ поэтамъ, Бѣлинскій отозвался о нихъ съ большою похвалою. Затѣмъ онъ отправился въ Одессу, гдѣ, не имѣя ни средствъ къ жизни, ни служебныхъ занятій, очутился скоро въ такомъ же стѣснённомъ положеніи, въ какомъ уже былъ однажды въ Москвѣ, въ пору своего студенчества. Впрочемъ, прибытіе въ Одессу его школьнаго товарища, Бакунина, получившаго профессуру въ Ришельевскомъ лицеѣ, новыя знакомства и дружескія связи скоро положили конецъ всѣмъ его невзгодамъ, доставивъ ему тотчасъ же всё необходимое, то-есть уроки, подписку на новое изданіе стихотвореній и, наконецъ, мѣсто въ Закавказьи. Издавъ въ 1846 году новое собраніе своихъ стихотвореній, въ числѣ двадцати двухъ пьесъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія 1845 года», Полонскій простился съ Одессой и отправился въ Тифлисъ, гдѣ ему предложено было мѣсто помощника редактора газеты «Закавказскій Вѣстникъ». Здѣсь, независимо отъ всего, напечатаннаго имъ въ «Закавказскомъ Вѣстникѣ», какъ однимъ изъ редакторовъ газеты, Полонскій написалъ и напечаталъ цѣлый рядъ стихотвореній и пяти-актную драму; именно: въ 1849 году онъ издалъ третье собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ:

«Сазандаръ» (грузинское слово, значущее — пѣвецъ), въ составъ котораго вошло двѣнадцать стихотвореній; затѣмъ, въ 1851 году, онъ напечаталъ въ Тифлисѣ же четвёртое собраніе своихъ новыхъ поэтическихъ произведеній, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько стихотвореній Я. П. Полонскаго»; наконецъ, въ 1852 году, онъ окончилъ свою историческую драму въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Дареджана Имеретинская». Драма эта была написана исключительно для тифлисскаго театра, только что отстроеннаго тогда на Эриванской площади. Она же была и поводомъ поѣздки ея автора въ Петербургъ съ письмомъ графа Воронцова къ графу Борху о томъ, чтобы онъ помогъ ему своимъ ходатайствомъ передъ цензурою, чтб, впрочемъ, не помѣшало ея запрещенію для сцены, какъ пьесы политической, вслѣдствіе чего автору пришлось ограничиться однимъ ея напечатаніемъ въ «Москвитянинѣ», гдѣ она, вскорѣ послѣ того, и была помѣщена съ пропусками въ 7-й книжкѣ на 1852 годъ. По дорогѣ въ Петербургъ Яковъ Петровичъ посѣтилъ свою родину — Рязань, гдѣ былъ утѣшенъ свиданіемъ съ больнымъ отцомъ. Затѣмъ, просрочивъ въ Петербургѣ данный ему отпускъ, онъ подалъ прошенье объ отставкѣ, въ надеждѣ найти себѣ мѣсто въ столицѣ. Но — увы — по пріѣздѣ въ столицу, всѣ мечты его о мѣстѣ разлетѣлись прахомъ — и ему пришлось снова испытать много тяжолаго, много лишеній и горя; пришлось снова приняться за старое — за уроки въ частныхъ домахъ, для чего ему приходилось иногда бѣгать съ одного конца города на другой. Эта трудовая жизнь въ теченіе цѣлаго года, исполненная всякаго рода лишеній и тревогъ, до того разстроила хилое здоровье Полонскаго, что онъ принуждёнъ былъ, съ наступленіемъ весны, покинуть Петербургъ и уѣхать въ Гапсаль, а оттуда въ Гельсингфорсъ, въ надеждѣ возстановить свои силы морскимъ купаньемъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ приступилъ къ печатанію пятаго изданія своихъ поэтическихъ произведеній, которое и вышло въ свѣтъ въ концѣ 1855 года, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Я. П. Полонскаго». Сюда вошли всѣ поэтическія произведенія Полонскаго, напечатанныя имъ въ четырёхъ предшествовавшихъ изданіяхъ, за исключеніемъ пяти стихотвореній въ «Гаммахъ», тринадцати въ «Стихотвореніяхъ 1845 года» и драмы «Дареджана». Затѣмъ, зиму 1856 года онъ провёлъ въ Варшавѣ, а весною слѣдующаго года выѣхалъ за границу. Объѣхавъ, въ теченіе лѣта и осени, всю Германію и Швейцарію, онъ провёлъ зиму въ Римѣ, поселясь тамъ въ улицѣ Felice, въ которой жилъ Гоголь. Весною 1857 года Полонскій простился съ Римомъ и отправился въ южную Италію, а оттуда въ Парижъ. Здѣсь, въ одномъ русскомъ семействѣ, онъ встрѣтился случайно съ молодой и весьма красивой дѣвушкой, Еленой Васильевной Устюжской, дочерью причетника при русской церкви въ Парижѣ. Впечатлѣніе, сдѣланное на Полонскаго, ея красотой и музыкальнымъ талантомъ, было такъ полно, что, спустя нѣсколько дней послѣ первой встрѣчи, онъ уже просилъ ея руки, а въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1858 года былъ обвѣнчанъ съ избранной имъ подругой жизни въ парижской русской церкви, въ присутствіи нѣсколькихъ друзей его, бывшихъ въ то время въ Парижѣ. Но счастье, такъ неожиданно заглянувшее наконецъ подъ кровлю нашего поэта, не долго тѣшило его своими ласками: черезъ какія-нибудь полтора года послѣ свадьбы, Полонскій имѣлъ несчастье лишиться горячо-любимой жены, умершей внезапно, въ цвѣтѣ красоты и молодости, и остаться снова сирымъ и одинокимъ.

Возвратившись въ Петербургъ въ концѣ 1858 года, Полонскій немедленно вступилъ въ права редактора журнала «Русское Слово», мѣсто котораго было предложено ему графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко ещё при встрѣчѣ съ нимъ къ Римѣ въ 1857 году. Въ теченіе своего почти двухлѣтняго редакторства (1859 — 1860) Полонскій помѣстилъ въ «Русскомъ Словѣ» цѣлый рядъ своихъ стихотвореній и нѣсколько прозаическихъ и критическихъ статей. Осенью 1860 года, во время отлучки Якова Петровича изъ Петербурга, редакція журнала была предана графомъ Кушелевымъ г-ну Хмѣльницкому, не имѣвшему ничего общаго съ литературой, кромѣ громкой фамиліи, ни сколько, впрочемъ, не родственной знаменитому гетману, единственнымъ и, повидимому, послѣднимъ потомкомъ котораго по прямой линіи былъ извѣстный драматическій писатель Н. И. Хмѣльницкій. Это обстоятельство заставило Полонскаго искать службы, тѣмъ болѣе, что здоровье его было разстроено и требовало радикальнаго леченія. Въ мартѣ 1860 года открылась вакансія мѣста секретаря Комитета Цензуры Иностранной. Предложенное Полонскому, оно было принято имъ — и поэтъ уже думалъ успокоиться отъ всевозможныхъ треволненій, представляемыхъ жизнію, съ ея ежедневными нуждами и заботами; но и на этотъ разъ желаннаго успокоенія не послѣдовало. Болѣзнь, начавшаяся уже около года тому назадъ, вдругъ приняла дурной оборотъ и Полонскій — волей неволей — дол-

женъ былъ уѣхать лечиться за границу. Пролечившись всё лѣто 1861 года въ Ишлѣ, Бадгастейнѣ и Теплицѣ, Полонскій поправился и возвратился въ Петербургъ почти здоровый, гдѣ, благодаря моціону, спокойствію и искусству петербургскихъ врачей, вскорѣ оправился совершенно. Въ 1866 году Яковъ Петровичъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Жозефиной Антоновной Рюльманъ, отъ которой имѣетъ троихъ дѣтей.

Начиная съ конца 1860 года, то-есть по переходѣ редакторства «Русскаго Слова» къ другому лицу, стихотворенія Полонскаго стали появляться почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, какъ-то: въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Времени», «Эпохѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Зарѣ», «Гражданинѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Дѣлѣ».

Какъ на болѣе выдающіяся произведенія Якова Петровича за послѣдніе годы, слѣдуетъ указать на поэмы — «Мими» и «Келіотъ», напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1873 и «Дѣлѣ» на 1874 года, на стихотвореніе «Казиміръ Великій», помѣщённое въ «Недѣлѣ», и романъ «Дешовый Городъ», первая часть котораго напечатана во 2-й и 3-й книжкахъ «Вѣстника Европы» на 1879 годъ.

Заключаемъ нашу статью двумя тёплыми и какъ нельзя болѣе справедливыми отзывами о дѣятельности Полонскаго, сдѣланными И. С. Тургеневымъ и Н. Н. Страховымъ, вызванными нападками на нашего талантливаго поэта рецензента «Отечественныхъ Записокъ» и напечатанными въ 8-мъ нумерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на 1870 годъ и въ 9-й книжкѣ «Зари» того же года. Вотъ они:

«Оставляю въ сторонѣ всѣ эти *канители* и *сотрясенія воздуха*», говоритъ уважаемый И. С. Тургеневъ, послѣ цѣлаго ряда весьма вѣскихъ возраженій противъ статьи «Отечественныхъ Записокъ»: «всѣ эти *жестокія* слова, пущенныя въ ходъ для уснащиванія рѣчи; но самое опредѣленіе Полонскаго, какъ писателя не самобытнаго, эклектика, невѣрно въ высшей степени. Если про кого можно сказать, что онъ не эклектикъ, не поэтъ съ чужого голоса, что онъ, по выраженію Алфреда де-Мюссе, «пьётъ хотя изъ маленькаго, но своего стакана», такъ это именно про Полонскаго. Худо ли, хорошо ли онъ поётъ, но поётъ уже точно по своему. Талантъ Полонскаго представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ ещё лежитъ отблескъ Пушкинскаго изящества и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлѣній.»

А вотъ и отзывъ г-на Страхова: «Направленіе у Полонскаго — есть. Это направленіе дѣйствительно не имѣетъ въ себѣ ничего рѣзкаго, узкаго, бросающагося въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно — есть. Это знаменитое направленіе, котораго лучшимъ представителемъ былъ Грановскій. Это — поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилію и мраку. По мѣсту духовнаго развитія, Полонскій принадлежитъ Москвѣ и Московскому университету сороковыхъ годовъ — и онъ до конца остаётся вѣренъ лучшимъ стремленіемъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете тёплое слово, обращённое къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которые въ сущности никогда не должны въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія — вотъ постоянныя черты поэзіи Полонскаго. Если онъ не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то онъ всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ.»

Въ настоящее время Яковъ Петровичъ Полонскій занимаетъ мѣсто члена совѣта въ Комитетѣ Цензуры Иностранной, что ему нисколько не мѣшаетъ посвящать свободное время литературѣ, какъ это видно изъ того, что его произведенія до-сихъ-поръ не перестаютъ являться на страницахъ большинства нашихъ журналовъ, для которыхъ онъ ещё долго будетъ желаннымъ гостемъ.

Кромѣ, уже указанныхъ нами выше, пяти изданій своихъ стихотвореній и прозаическихъ сочиненій въ послѣднія двадцать лѣтъ своей литературной дѣятельности Полонскій издалъ ещё слѣдующія: 1) Стихотворенія Я. Полонскаго. Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1855 году. Спб. 1859. 2) Разсказы Я. П. Полонскаго. Спб. 1859. 3) Оттиски. Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Спб. 1860. 4) Кузнечикъ-музыкантъ. Шутка въ видѣ поэмы. Съ добавленіемъ стихотвореній за послѣдніе годы. Я. П. Полонскаго. Спб. 1863. 5) Разладъ. Сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія. Я. П. Полонскаго. Спб. 1865. 6) Сочиненія Я. П. Полонскаго. Три тома. Спб. 1869. 7) Снопы. Стихи и проза. Книга 1-я. Я. П. Полонскаго. Спб. 1871. 8) Рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» и отвѣтъ ему. Я. Полонскаго. Спб. 1871. 9) Вакула кузнецъ. Либретто для оперы. Я. П. Полонскаго. Спб. 1872. 10) Озими. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Двѣ части. Спб. 1876.

I.

ПТИЧКА.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый;
Въ безмятежной тишинѣ
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной
Средь нескошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка вольная поётъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидно
Долѣ птички полевой!

II.

Посмотри — какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на всё наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

III.

НОЧЬ ВЪ КРЫМУ.

Помнишь — лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье
И цикады стрекотанье
За оградой садовóй?

Въ полумглѣ нагорнымъ садомъ
Шли мы — лавръ благоухалъ,
Гротъ чернѣлъ за виноградомъ
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполненный звучалъ.

Помнишь — свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй —
Всей природы обаянье
И невольное сліянье
Устъ въ нежданный поцалуй?

Эта музыка природы —
Эта музыка души
Мнѣ въ иные злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышалась въ тиши.

Я внималъ — и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ;
Легче вѣрилось и пѣлось;
Я внималъ — и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всёмъ.

IV.

ВЕСНА.

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просыпаются силы земныя,
А усталаго клонитъ ко сну.

И напрасно черёмухи запахъ
Мнѣ приноситъ ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь: сердце плачетъ,
А нужда задаётъ мнѣ урокъ.

Ты, любовь, праздной жизни подруга,
Не съумѣла ужиться съ трудомъ:
Со слезами со мной ты простилась
И другимъ улыбнулась тайкомъ.

V.

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей.
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный
И змѣйкой бьётся мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!
Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ.

Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо своё сокрыла...
О, солнце, солнце — погоди!

VI.

НАЯДЫ.

Я всю ночь просидѣлъ на уступѣ скалы —
И знакомый мнѣ ропотъ я слышалъ у ногъ:
То Эгейское море катило валы,
И плескало на рыхлый песокъ.
Тамъ, довѣрясь пустынѣ, я громко читалъ
Заунывныя пѣсни отчизны моей,
Говорилъ я народу, не видя людей —
И далёко по взморью мой голосъ звучалъ.

Надъ пучиною, въ лонѣ глубокихъ небесъ,
Почивалъ громовержецъ Зевесъ.
Всё по прежнему — вѣра была не нова —
И я громко боговъ уличалъ; но едва
Я замолкъ — на яву увидалъ чудный сонъ:
Въ лунный блескъ изъ воды поднялась голова,
И другая, и третья, и слѣдомъ за ней,
На поверхности ровно бѣгущихъ зыбей,
И вдали, и вблизи цѣлый рой
Ихъ возникъ изъ пучины морской.
То всё были наяды. Въ серебряной мглѣ
Рисовались ихъ очерки; тихо онѣ
Колыхались и плыли, какъ пѣна, къ землѣ
И нагія мерцали при полной лунѣ.
И, луны отраженье колебля, заливъ
Тихо къ отмели нёсъ ихъ, журча, какъ потокъ,
И, къ отлогому берегу молча приплывъ,
Нимфы моря локтями на влажный песокъ
Оперлись и поникли. Я долго не могъ
Ни понять, ни разслушать ихъ. Вдругъ
Сладкогласная рѣчь поразила мой слухъ:
«Это онъ: земнородный титанъ, Прометей,
Что похитилъ огонь у небесъ! Это онъ,
Одарившій душою людей!
Не его ли мы слышали стонъ?
Тише, сёстры: быть-можетъ, опять
Мы услышимъ страдальческій голосъ его,
Научающій мыслить, страдать
И любить, не боясь никого!»

Въ этотъ мигъ надъ заливомъ свинцовой горой
Поднялася громада-волна. Страшный гулъ
Сонный воздухъ потрясъ, и изъ пѣны морской,
Закачавшись, трезубецъ мелькнулъ.
Къ верху брызнулъ фонтанъ, къ низу прянулъ каскадъ,
Захрапѣли подводные кони. Я могъ
Только видѣть сквозь брызги зубчатый вѣнокъ
Сѣдовласаго бога — владыки наядъ;
Но не видѣлъ лица его. Сильной рукой
Онъ возжами хлеснулъ — и сердито-глухой
Раздался его голосъ: «Вотъ я васъ! Назадъ!»

На яву ли — не знаю, быть-можетъ, во снѣ,
Всё мгновенно исчезло — и онъ и онѣ;
Только плачущій валъ
По песку прокатился до каменныхъ скалъ,
Только я просидѣлъ до румяныхъ лучей.

Поднимались ночные пары; чуть дышалъ
Поблѣднѣвшій заливъ — и я чутко молчалъ,
И молчало всё. Бѣдныя нимфы морей,
Не титанъ я, безсмертнаго міра творецъ:
Обманули насъ пѣсни отчизны моей,
Испугалъ васъ ревнивый отецъ.

VII.

ПЧЕЛА.

Пчела, погибшая съ послѣдними цвѣтами,
Не даромъ чистыми, янтарными сотами
Ты, съ помощью сестёръ, свой улій убрала.
Ту руку, что̀ тебя всё лѣто берегла,
Обогатила ты сладчайшими дарами.

А я? собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано, до зари, вернулся въ садъ родной;
Но опрокинутымъ нашолъ я улій мой;
Гдѣ цвѣлъ подсолнечникъ—растутъ кусты крапивы
И некуда сложить мнѣ ноши дорогой.

VIII.

У АСПАЗІИ.

ГОСТЬ.

Чтобъ это значило? — Вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты,
Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ

Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчёсаны;
Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна — словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

АСПАЗІЯ.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей:
Шумъ ея замеръ, и — это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это — Периклъ говоритъ!
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ — весь городъ молчитъ.
Чу! шумъ на площади — рукоплесканія:
Друга вѣнчаетъ народъ!
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ въ эти двери войдётъ.

IX.

АГАРЬ.

«Завистью гонима, я бѣгу стыда —
И никто не сыщетъ моего слѣда.

«Кущи господина! сѣни госпожи!
Вертоградъ зелёный! столбъ родной межи!

«Поле, гдѣ доила я весёлыхъ козъ!
Ложе, гдѣ такъ много пролила я слёзъ!

«И очагъ домашній, и святой алтарь —
Всё прости на вѣки!» — говоритъ Агарь.

И её въ пустыню духъ вражды влечётъ,
И пустыня словно всё за ней идётъ,

Всё вперёдъ заходитъ и со всѣхъ сторонъ
Ей грозитъ и душитъ, какъ тяжолый сонъ.

Сѣрые каменья, лава и песокъ
Подъ лучами солнца жгутъ подошвы ногъ;

Пальмъ высокихъ листья сухо шелестятъ;
Тѣни безъ прохлады по лицу скользятъ;

И въ лицо ей вѣтеръ дышетъ горячо;
И кувшинъ ей давитъ смуглое плечо.

Сердце замираетъ, ноги устаютъ,
Слёзы высыхаютъ и опять текутъ.

Чу! вдали журчанье ключевой воды;
По краямъ оврага свѣжіе слѣды.

Знать, не даромъ пастырь здѣсь прогналъ стада:
Вотъ — скамья и жолобъ, зелень и вода.

И, слагая ношу, сѣла отдыхать
Бывшая рабыня, будущая мать —

И, страшась пустыни и боясь пути,
И не зная, гдѣ ей спутниковъ найти,

Головой поникла съ тайною мольбой.
Вдругъ, какъ-будто съ вѣтромъ, сладостно-живой

Голосъ не воздушный, но и не земной,
Прозвучалъ въ пустынѣ, говоря съ душой.

И она очнулась; слушая, глядитъ,
Видитъ — ангелъ Божій на пескѣ стоитъ.

Бѣлая одежда, бѣлое крыло,
Кроткое сіянье — строгое чело.

— «Ты куда?» спросилъ онъ — «Я иду въ Кадисъ.»
И сказалъ ей ангелъ: «съ миромъ воротись!»

— «Я бѣгу отъ Сары, госпожи моей.»
И сказалъ ей ангелъ: «примирися съ ней!

«И родишь ты сына, силу многихъ силъ;
Наречешь имя ему Измаилъ:

«И рука Господня будетъ вѣчно съ нимъ:
Населятся страны сѣменемъ твоимъ.»

И съ отрадой въ сердцѣ начала вставать
Бывшая рабыня — будущая мать.

X.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КУЗЕЧИКЪ-МУЗЫКАНТЪ».

Не сверчка-нахала, что̀ скрипитъ у печекъ,
Я пою: герой мой — полевой кузнечикъ.
Росту небольшого, но продолговатый,
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый;
Тонконогій, тощій и широ̀колобый,
Былъ онъ сущій геній — даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чистомъ,
Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ
Своего оркестра. Вѣтренное племя
Скакуновъ забыло, что въ поляхъ, въ то время,

Музыки и вкуса былъ онъ представитель.
Всё, что ныньче лѣтомъ деревенскій житель
Слышитъ за окошкомъ, лёжа на кроватѣ,
Или на балконъ свой выходя въ халатѣ —
Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
Разлитой повсюду — и сухой и нѣжный —
Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
Есть живая нѣга и восторгъ — повѣрьте —
Это всё былыя, вѣчныя созданья
Моего героя или — подражанья.
Бѣдненькій кузнечикъ, позабытъ твой геній!
Но ты вѣкъ свой прожилъ не безъ приключеній.
Помню, ты не даромъ слылъ идеалистомъ:
Сядешь ты, бывало, въ свѣтѣ серебристомъ
Мѣсяца, подъ пологъ ночи, на соломкѣ,
Вѣтромъ сокрушонной. Даромъ что не ломки
Гибкіе колосья, всё же въ нивѣ шаткой
Много ихъ подломитъ этотъ вѣтеръ гадкій.
Сядишь ты, бывало, и во славу ночи
На своей скрипицѣ пилишь что есть мочи.
И тебя дразнили пискуны пустые,
Комары-злодѣи, трубачи степные,
И въ тебя влюблялись божіи коровки,
И мутила зависть многіе головки
Съ тѣмъ же, музыкальнымъ то-есть, направленьемъ,
Съ тою же охотой, да не съ тѣмъ умѣньемъ.
И грозилась мошка, съ помощью науки,
Умертвить тобою созданные звуки,
И тяжеловѣстный жукъ неоднократно
Увѣрялъ, что уши смачивать пріятно
На твоихъ концертахъ, а не то де уши,
Какъ трава, завянутъ отъ ужасной суши.
Въ частной жизни также къ добренькимъ коровкамъ,
Къ мушкамъ и козявкамъ часто въ пренеловкомъ
Былъ ты положеньи: слушалъ ихъ признанья,
Робко избѣгая тайнаго свиданья.
Но ничто однако жь не поколебало
Твоего покоя; ни какое жало
Твоему таланту не казалось вреднымъ:
Въ музыкальномъ мірѣ былъ ты всепобѣднымъ.
Липки — это было нѣчто въ родѣ парка:
Въ серединѣ — прудикъ, а при въѣздѣ — арка
Изъ вѣтвей — такая, что была, безспорно,
Чудомъ совершенства; такъ была просторна,
Что — вообразите — насѣкомыхъ двѣсти
Въ рядъ могло бы въѣхать. Вы меня повѣсьте,
Если вру! Строитель — я и не скрываю —
Былъ — сама природа; только я не знаю,
Кто ей за работу заплатилъ; а впрочемъ
Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопочемъ.
Такъ, чтобъ журналисты насъ не заклевали,
Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ едва ли
Описать возможно лѣстницу подъ жолтымъ
Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протёртымъ;
Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливреи;
Залу, гдѣ гнилушки, точно сталактиты,
Облѣпивъ карнизы, зеленью повиты.
Мой одинъ знакомый, архитекторъ русскій,
Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ этрусскій,
И — я живо помню — хвасталъ, не краснѣя,
Какъ ему въ той залѣ вдругъ пришла идея
Украшать со вкусомъ барскіе покои,
Покрывая бѣлой плѣсенью обои.
Впрочемъ, домъ Сильфиды, если только строго
Придираться къ стилю, смахивалъ немного
На дупло. Кузнечикъ такъ былъ очарованъ,
Или такъ былъ сердцемъ наэлектризованъ,
Что дрожалъ и таялъ — молча ждалъ Сильфиды,
Подходилъ къ окошку и глядѣлъ на виды.
А Сильфида съ кѣмъ-то по саду порхала,
Съ милыми гостями весело болтала.
Гости эти были черви разныхъ кличекъ
И въ травѣ лежали въ видѣ заковычекъ.
Чернокожій клопикъ, вѣрно сынъ швейцарской,
Или внучекъ няни, крестничекъ боярскій,
Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный
Господинъ изволитъ ждать её въ гостиной.
Приглашонъ герой мой. Ему отвѣчали
На поклонъ улыбкой и пробормотали:
«Очень, очень рады!» Дамы оглядѣли
Всю его фигуру — и едва съумѣли
Удержать свой хохотъ: только покосились
На мужчинъ. Но черви не пошевелились,
Ибо умъ ихъ кто-то такъ ужасно съузилъ,
Что для нихъ довольно бантикъ или узелъ
Галстуха замѣтить, чтобъ на остальное
Не глядѣть и въ гордомъ пребывать покоѣ.
Поприще артиста къ разнымъ столкновеньямъ
Пріучаетъ душу: но къ обыкновеньямъ
Милыхъ насѣкомыхъ высшаго разряда
Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,
Бѣденъ, худъ и блѣденъ, съ головы до пятокъ
На себѣ носилъ онъ поля отпечатокъ,
Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,
Колосится жатва и серпа ждётъ колосъ.
Знаю, о кузнечикъ, какъ ты былъ отмѣнно
Бабочкою принятъ. Ты себя надменно
Вёлъ, какъ-будто цѣлый вѣкъ торчалъ ты въ свѣтѣ,
Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.
Но, скажи, въ тотъ вечеръ, что съ тобою сталось,
И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалось,

И какія думы охватили жарко
Геніальный лобъ твой, въ часъ, когда изъ парка
Ты обратно въ поле мчался черезъ кочки?
Отвѣчать ли? или — мы поставимъ точки...
Уходя, день ясный плакалъ за горою,
И, роняя слёзы, жаркою зарёю,
Изъ-за тёмной рощи, обхватилъ край нивы.
Дню во слѣдъ глядѣла ночь — и переливы
Свѣта отражались и, дрожа, блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ Божьимъ трономъ зажигая свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой;
Грустная берёза обнялася съ липкой;
Призатихла роща; только дубъ шушукалъ,
Только гдѣ-то дятелъ крѣпкимъ носомъ тукалъ,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
Только роковыя страсти не дремали,
Только насѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи; комары трубили;
На своихъ скрипицахъ весело пилили,
Лихо зная ноты, стало-быть — безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечекъ.
Впереди оркестра, на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина —
И женихъ былъ славный съ хоботомъ дѣтина;
По уму, конечно, не былъ изъ проворныхъ,
Но происходилъ онъ изъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ шиповникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ!
Балъ великолѣпный. Звуки льются съ хоровъ.
Шпанскихъ мухъ десятки въ золотыхъ ливреяхъ
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньѣ;
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несётся;
Пёстрый вихорь вальса шелеститъ и вьётся;
Жуколицы ходятъ около буфета;
Ползаютъ козявки, а большого свѣта
Жосткія особы, божіи коровки,
Собрались другъ-другу показать обновки.
Молча подбираясь къ двумъ зелёнымъ мухамъ,
Два жука какихъ-то выступали брюхомъ
На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ жолтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ;
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ:
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры —
Всё въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ-кузнечикъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, и какъ чортъ играетъ.
По ея же просьбѣ — сердцемъ неизмѣнный —
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртинѣ
Вашего же сада, если, о читатель,
Садъ иль хоть садишко далъ тебѣ Создатель.
Но и насѣкомыхъ балъ не обошолся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашолся
Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, невидимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски ловко и искусно,
Что тайкомъ быть-можетъ и покушалъ вкусно.
Говорятъ, вдобавокъ шлёпнулась коровка
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
Паучокъ какой-то, преналвный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
Притянуть старался и глядѣлъ ужь — нѣтъ ли
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ,
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья.
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренья,
Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
Паучокъ надулся; а комаръ: «смотрите»,
Пропищалъ артисту, «какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались.»
Покраснѣлъ кузнечикъ: видитъ — паутина
Къ рукаву прилипла. «Экая скотина!»
Проворчалъ и — вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала, только выбрала другого
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый.
«Правда ли», спросилъ онъ: «слухъ идётъ изъ нивы,
Будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?
Будто бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ
Онъ на васъ жениться и о томъ хлопочетъ?»
— «Что вы говорите?» молвила Сильфида:
«Мой женихъ — кузнечикъ! Какова обида!
Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
Или эту глупость выдумали мухи!»
— «Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! Кто-то изъ оркестра
Говорилъ, что будто слышалъ отъ маэстро.»
Фея надъ собою сдѣлала усилье,
Чтобъ не разсердиться и, встряхнувши крылья

Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
«Браво! фора! фора!» дѣлала гримаски,
Или улыбалась, опустивши глазки.

XV.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КЕЛІОТЪ».

«Я молодость мою провёлъ
На скатѣ въ Джелигинскій долъ,
Въ Балканахъ. Помню я, моя
Простая, мирная семья
Любила грамоту. Дѣтей
Не мало на скамьѣ своей
Отецъ мой выучилъ читать,
Къ Отцу небесному взывать,
Родной земли не забывать.
Къ несчастью, у меня была
Сестра Олимпія; росла,
Какъ говорится, не по днямъ...
И, не въ укоръ другимъ цвѣтамъ,
Такъ пышно отъ весеннихъ грозъ
Вдругъ расцвѣла, что намъ пришлось
Скрывать её отъ вражьихъ глазъ,
Какъ драгоцѣнность, какъ алмазъ.
Но красоты не спрячешь — нѣтъ!
Она сама спѣшитъ на свѣтъ
И, какъ подсолнечникъ, глядитъ
Туда, гдѣ солнышко блеститъ.
Нашъ бѣлый домикъ, на бѣду,
Съ рѣки далёко видѣнъ былъ,
И хоть листвой окно прикрылъ,
Своё крылечко пріютилъ
На самомъ, такъ-сказать, юру,
Такъ, можетъ-быть, мою сестру,
Въ густые прячась тростники,
Злодѣи видѣли съ рѣки.
Туда-жь, я помню, за водой
Сходили, пёстрою толпой,
Юницы — пѣли и порой
Аукались съ моей сестрой.
Въ числѣ подругъ моей сестры
Была одна — до сей поры
Я не забылъ ея черты.
То были первыя мечты,
Ребяческія грёзы; но
Всё это было такъ давно,
Что кажется и не понять,
Какъ могъ я сладко такъ страдать.
Я помню, въ нашемъ санджакѣ
Разбои были. По рѣкѣ
Ходила стража. Но пока
Ещё Всевышняго рука
Хранила домикъ нашъ. Какъ вдругъ
На всю семью нашолъ испугъ:
Паша къ отцу прислалъ сказать,
Что если хочетъ онъ продать
Ему въ гаремъ родную дочь,
Онъ раскошелиться не прочь.
Старикъ мой вознегодовалъ:
Онъ на экзарха уповалъ
И, чтобъ спасти законъ и честь,
Рѣшился дочь свою отвесть
И скрыть въ стѣнахъ монастыря;
Но прежде чѣмъ взошла заря,
Я связанъ былъ, отецъ убитъ,
Сестра исчезла. Слѣдъ копытъ
Терялся около рѣки,
Тамъ, гдѣ ломились тростники —
Слѣда другого не нашли.
Я бросился къ пашѣ, къ вали
Хотѣлъ въ Стамбулъ идти пѣшкомъ,
Но, признанный клеветникомъ,
Забитъ въ колодки и потомъ,
Не разъ побитый палачёмъ,
Какъ рабъ, помилованъ. Съ трудомъ,
Ступая на̀ ноги, кой-какъ
Обороняясь отъ собакъ,
Изъ Сливенъ я прибрёлъ домой;
Но только матери родной
Я не засталъ: она сошла
Съ ума и утопилась. Домъ
Мой опустѣлъ и жизнь кругомъ
Притихла. Я такого зла
Не вынесъ. Міръ свои дѣла
Проклятыя мнѣ сталъ являть
Во всей позорной наготѣ.
Не за себя я сталъ страдать —
За всѣхъ. Въ сердечной простотѣ
То я надѣялся, что край
Славянскій царь нашъ Николай
Освободитъ когда-нибудь,
То самъ сбирался въ дальній путь,
Туда, въ Россію, гдѣ хоть звонъ
Колоколовъ не воспрещёнъ.
То думалъ я, что месть таить
Въ душѣ — ещё не значитъ мстить.
И вотъ, отъ злобы самъ не свой,
Два пистолета подъ полой
Пронёсъ я черезъ Кадыкой.
Хотѣлъ коня себѣ купить

И стать киседжіемъ, но плоть
Борьбы не вынесла. Господь,
Знать, посѣтилъ — я заболѣлъ.
Больной однажды я сидѣлъ
Въ лѣсу, въ тѣни большихъ дубовъ,
И думалъ: «Боже, вѣдь враговъ
Религіи моихъ отцовъ
Не меньше этихъ комаровъ,
Чтò въ этой теплотѣ сырой
Снуютъ столбами надо мной!
Ладонью комара убить,
Убить ихъ сотню, можетъ-быть,
Чтò значитъ? Въ дубнякахъ родныхъ
И ярахъ меньше-ль будетъ ихъ?
Къ чему послужитъ месть, когда
Богъ терпитъ зло? Вѣдь въ день суда
Послѣдняго, когда падутъ
И эти горы — пропадутъ
Невѣрные, въ тартарары
Съ бѣсами, свергнутыми въ адъ,
Посыплются, какъ комары,
Которымъ крылья подпалятъ —
Въ тотъ день, чтò скажетъ Царь царей
О мести суетной моей?
И воротился я домой,
И день, и ночь, полубольной
И одинокій, сталъ читать
Четьи-Минеи, повторять
Каноны, пѣть ихъ наизустъ.
Домишко нашъ сталъ тихъ и пустъ,
Лишь мнѣ въ окно всё тотъ-же кустъ
Цвѣтами бѣлыми кивалъ
И тѣмъ же запахомъ встрѣчалъ
Меня въ часъ утренній. Ни кто
Не посѣтилъ меня, за-то
Видѣнья стали посѣщать:
Я помню ночь — явилась мать,
Перекрестила и ушла.
А иногда и духи зла
Меня пугали — звукъ цѣпей
Я слышалъ въ комнатѣ моей
И содрагался. Не дивись,
Я думалъ, мнѣ легко спастись,
Я думалъ, до конца моей
Ничтожной жизни мало дней
Ужь остаётся. Озарёнъ
Надеждой видѣть Божій рай,
Стремился я въ завѣтный край,
Въ пустыни, на святой Афонъ.

—

А. Н. МАЙКОВЪ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, извѣстный современный русскій поэтъ, правнукъ автора «Елисѣя» Василія Ивановича и сынъ извѣстнаго живописца Николая Аполлоновича — Майковыхъ, родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ; но всё дѣтство провёлъ въ деревнѣ своего отца, въ шестидесяти верстахъ отъ первопрестольной столицы, близъ Троицко-Сергіевской лавры. Обстановка первыхъ лѣтъ не могла не повліять на ребёнка, то-есть, не породнить съ окружавшей его природой. Вотъ, напримѣръ, чтò говоритъ объ этомъ времени самъ поэтъ въ прекрасномъ своёмъ стихотвореніи «Рыбная ловля».

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою:
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдётъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ ёлкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаёмъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведёмъ.

Лѣтомъ 1854 года отецъ Майкова переѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ. Здѣсь, подъ руководствомъ дяди своего, занимавшагося приготовленіемъ молодыхъ людей для поступленія въ военно-учебныя заведенія, молодой Майковъ собственно началъ учиться, причёмъ болѣе всего оказывалъ успѣховъ въ математикѣ. Главнымъ же виновникомъ образованія какъ его, такъ равно и старшаго его брата Валеріана былъ другъ ихъ отца Солоницынъ, соредакторъ Сенковскаго по изданію «Библіотеки для Чтенія», подготовившій его окончательно къ поступленію въ университетъ и развившій въ нёмъ вкусъ къ литературѣ, при содѣйствіи молодого кандидата Московскаго университета, И. А. Гончарова, впослѣдствіи знаменитаго автора «Обломова» и «Обрыва», преподававшаго ему русскую словесность. Библіотека Солоницына доставляла обоимъ братьямъ огромный выборъ чтенія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. До поступленія въ университетъ, познакомились они съ капитальнѣйшими произведеніями этихъ литературъ и древнихъ переводовъ. Шестнадцати лѣтъ, въ 1836 году, Аполлонъ Николаевичъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Впрочемъ, въ первое время своего юношества, Майковъ, отдавшись весь живописи, къ которой пристрастился ещё въ дѣтствѣ, смотрѣлъ на собственныя литературныя упражненія,

какъ на постороннее занятіе и стихамъ своимъ не придавалъ никакой цѣны. Ободрённый успѣхомъ одной изъ своихъ картинъ, изображавшей распятіе и купленной въ устроивавшуюся тогда католическую капеллу для бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны, онъ и по выходѣ изъ университета ещё мечталъ о томъ, чтобы посвятить всѣ свои силы живописи и даже думалъ, для усовершенствованія себя въ этомъ искусствѣ, отправиться за границу, и только близорукость и слабость зрѣнія понудили его отказаться отъ этой мысли, а успѣхъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ стихотвореній, обратившихъ на себя вниманіе профессоровъ Плетнёва и Никитенко, понудили его окончательно обратиться къ литературѣ. Первымъ стихотвореніемъ, написаннымъ Майковымъ на 15-мъ году, была небольшая пьеса — «Разочарованіе», навѣянное какою-то неудачей въ дѣлѣ живописи. Первыми же его стихотвореніями, появившимися въ печати, были три пьесы, напечатанныя въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ, а именно: «Картины вечера» и «Сонъ», безъ имени автора. Перепечатаныя Бѣлинскимъ въ его разборѣ гётевскихъ «Римскихъ элегій» въ переводѣ Струговщикова, они удостоились горячаго его одобренія. Первыми же подписанными поэтическими произведеніями его были два стихотворенія «Пустынникъ» и «Сомнѣніе», напечатанныя во 2-й книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» на 1841 годъ. Затѣмъ, начиная съ 1-й книжки, стихотворенія его стали появляться на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года, а въ концѣ того же года вышли отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Аполлона Майкова», встрѣченной самыми горячими похвалами Бѣлинскаго, причёмъ въ обширной статьѣ его, посвящённой подробному разбору собранныхъ стихотвореній, было, между-прочимъ, сказано: «Многія изъ стихотвореній г. Майкова обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія. Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ — теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы. Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи, и это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ!» Этотъ лестный отзывъ тѣмъ болѣе важенъ, что большая часть антологическихъ стихотвореній, вошедшихъ въ это первое изданіе стихотвореній Майкова и составляющихъ лучшее его украшеніе, были написаны между 16 — 20 годами.

Въ томъ же 1842 году исполнилось, наконецъ, давнишнее желаніе Аполлона Николаевича побывать заграницей. Съ наступленіемъ лѣта этого года онъ отправился въ Италію. Чтеніе классиковъ, изученіе древностей и занятіе живописью, приготовившіе его къ пониманію всего прекраснаго, дали ему возможность насладиться вполнѣ всѣмъ тѣмъ, что̀ представляетъ Италія изумлённымъ глазамъ наблюдателя, поражая его красотою природы, сооруженій и произведеній искусствъ, что̀ отразилось впослѣдствіи весьма рельефно въ изданныхъ имъ въ 1847 году «Очеркахъ Рима». Проживъ около года въ Италіи и мѣсяцевъ пять въ Парижѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Валеріаномъ Николаевичемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ критикомъ, усердно посѣщалъ лекціи Сорбоны и Collège de France, Аполлонъ Николаевичъ возвратился въ Петербургъ, проживъ, по дорогѣ, мѣсяца два въ чешской Прагѣ. У Майковыхъ въ домѣ получались всѣ лучшіе тогдашніе русскіе журналы, какъ-то: «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки» и «Москвитянинъ». Благодаря послѣднему, Аполлонъ Николаевичъ познакомился со славянскимъ міромъ, который тогда игнорировали другіе журналы, и уже на студенческой скамейкѣ почувствовалъ важный пробѣлъ въ преподаваніи юридическихъ наукъ молодыми тогда профессорами, недавно возвратившимися изъ-за границы, воспитанниками Гегеля; именно, что, знакомя студентовъ съ правомъ и исторіей главнѣйшихъ европейскихъ народовъ древнихъ и новыхъ, они ни слова не говорятъ о славянскихъ. Вслѣдствіи этого, онъ самъ старался познакомиться съ юридическими памятниками славянскихъ народовъ, и свою кандидатскую диссертацію написалъ на тэму: «О первоначальномъ характерѣ законовъ, по источникамъ славянскаго права». Это былъ едва ли не первый по времени, хотя и совершенно младенческій, трудъ, въ которомъ обращено было вниманіе на бытъ славянъ въ петербургскомъ университетѣ. Профессоръ Баршевъ отозвался объ этой диссертаціи, что «въ ней очень много любопытнаго и новаго».

Въ Прагѣ, радушно принятый Ганкою, Майковъ скоро выучился по чешски и былъ свидѣтелемъ воз-

никавшаго тогда пробужденія чувства самостоятельности въ довольно ещё тѣсномъ кружкѣ патріотовъ, собиравшихся около Ганки и Шафарика. На память о себѣ Аполлонъ Николаевичъ оставилъ чехамъ пѣсню, которую тутъ же Ганка перевёлъ на чешскій языкъ, а кто-то положилъ её на музыку. Она начиналась слѣдующими шестью стихами.

Чехъ сидѣлъ надъ Лабой горной,
Къ чеху соколъ прилетѣлъ:
«Что сидишь ты въ думѣ чорной,
Ты бы пилъ, да ты бы пѣлъ».
— «Радъ бы пить я, да не пьётся,
Радъ бы пѣть, да не поётся!»

Въ результатѣ всѣхъ этихъ странствованій по Европѣ было тò, что, возвратясь въ отечество, Майковъ съ особеннымъ рвеніемъ предался занятіямъ русской исторіей и увлёкъ за собою своихъ товарищей. Братъ же его Валеріанъ, занимаясь въ это время болѣе умозрительными науками, вносилъ философскій элементъ въ этотъ тѣсный кругъ друзей.

По возвращеніи Майкова въ Петербургъ, стихотворенія его стали снова появляться на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ. Затѣмъ, въ 1845 году онъ издалъ поэму «Двѣ судьбы», а въ 1847 — новый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Очерки Рима». Независимо отъ этихъ двухъ поэтическихъ произведеній, навѣянныхъ на автора пребываніемъ его въ Италіи, имъ были написаны, около того же времени, двѣ большихъ пьесы: «Машенька» и «Барышня», напечатанныя въ «Петербургскомъ Сборникѣ» на 1846 годъ и въ 4-й книжкѣ «Современника» на 1847 годъ, въ которыхъ поэтъ впервые коснулся мотивовъ изъ русской жизни. Начиная съ 4-й книжки «Современника» на 1847 годъ, стихотворенія его, въ томъ числѣ «Анакреонъ» и «Алкивіадъ», стали появляться въ этомъ журналѣ, чтò продолжалось до конца 1859 года. Здѣсь же, въ 10-й и 11-й книжкахъ на 1848 годъ были напечатаны два прозаическихъ его разсказа: «Прогулка по Риму съ моими знакомыми» и «Пикникъ во Флоренціи», подъ общимъ заглавіемъ: «Встрѣчи и разсказы», а въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1852 и 1853 года — нѣсколько критическихъ и художественныхъ статей, изъ которыхъ можно указать на двѣ слѣдующія: «Графъ Ѳ. П. Толстой и его рисунки къ Душенькѣ» (1852, № 9) и «Годичная выставка Императорской Академіи Художествъ» (1853, № 11). Въ 1855 году вышло въ свѣтъ новое собраніе стихотвореній Майкова, подъ заглавіемъ: «1854-й годъ», куда вошли слѣдующія девять его стихотвореній: «Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный...», «Памяти Державина», «Клермонтскій Соборъ», «Посланіе въ лагерь», «Отставной солдатъ Перфильевъ», «Пастухъ», «Молитва», «Москвѣ» и «Арлекинъ». Появленіе этой небольшой книжки было встрѣчено съ одной стороны неприличнѣйшими ругательствами, съ другой — самыми горячими похвалами большинства петербургскихъ и московскихъ журналовъ, причёмъ въ «Современникѣ» (1855, № 3) было сказано: «Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова — отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ...

что наше время требуетъ своего Державина. Въ самомъ дѣлѣ, какой русскій не желалъ бы нынѣ стать поэтомъ, чтобы откликнуться на громкій вызовъ великихъ событій современности? Кто не хотѣлъ бы возвысить свой голосъ противъ враговъ отечества,

Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой?

Г. Майковъ созналъ, что на нёмъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что любители поэзіи поспѣшатъ пріобрѣсть эту книжку, имѣющую въ настоящее время двойной интересъ, какъ произведеніе даровитаго поэта и какъ задушевное выраженіе общаго чувства патріотизма.»

Въ слѣдующія за тѣмъ десять лѣтъ талантъ Майкова опредѣлился и развился окончательно и поэтъ обогатилъ русскую литературу цѣлымъ рядомъ превосходныхъ произведеній во всѣхъ родахъ, начиная съ поэтическихъ описаній природы русской и итальянской и оканчивая грандіозными картинами событій изъ древней и новой исторій. Къ этому времени относятся слѣдующія капитальныя его произведенія: вторая часть драматической поэмы «Три смерти», первая часть которой писалась съ 1841-го по 1852 годъ, такъ-какъ авторъ принимался за неё нѣсколько разъ, и была напечатана только въ 1857 году въ «Библіотекѣ

для Чтенія», «Саванарола», «Дурочка Дуня», едва-ли не лучшее произведеніе нашего талантливаго поэта, «Рыбная ловля», «Послѣдніе Язычники», «Упраздненный монастырь», «Приговоръ», «Исповѣдь королевы», «Бабушка и внучекъ», «Другу Ильѣ Ильичу» и другіе. Какъ поименованныя здѣсь, такъ равно и всѣ остальныя стихотворенія этого періода, появлявшіяся въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Времени», а также и лучшіе изъ прежнихъ произведеній Майкова, изданныхъ въ 1842, 1847 и 1854 годахъ, были собраны и изданы въ двухъ сборникахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ 1858 году въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Аполлона Майкова», а второй — въ 1864 году, въ одной книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Новыя Стихотворенія А. Н. Майкова». Послѣдніе годы, стихотворенія Аполлона Николаевича, продолжая печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ», стали появляться также въ «Зарѣ» и «Гражданинѣ». Въ этихъ журналахъ между-прочимъ были помѣщены слѣдующія его произведенія: «Странникъ», «Стрѣлецкое сказанье о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ», «Сонъ королевича Марка», «Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ грековъ», стихотворный переводъ «Слова о полку Игоревѣ» и таковой же — восьми главъ «Апокалипсиса», переводы изъ Мицкевича, Халупки и другіе.

Кромѣ того въ «Зарѣ» напечаталъ онъ рядъ разсказовъ изъ русской исторіи, опытъ изложенія событій такъ, какъ они отразились въ представленіи современниковъ и запечатлѣлись въ памяти народной. Въ 1872 году окончено было имъ произведеніе, занимавшее его много лѣтъ, именно — «Два міра», которому «Три смерти» могутъ служить какъ бы прологомъ. Здѣсь авторомъ изображено трагическое положеніе лучшаго изъ римлянъ эпохи паденія, стоявшаго на всей высотѣ развитія разума, какого только могъ достигнуть древній человѣкъ — положеніе эстетика-философа-аристократа въ ту минуту, когда онъ, если не вполнѣ понялъ, то почуялъ новую силу, долженствующую сокрушить созданіе римскаго генія — силу, идущую не съ мечёмъ и огнёмъ, выдвигающую людей не отъ міра сего и всё побѣждающую мирною проповѣдью любви и прощенія. Поэма эта вошла въ третье полное изданіе всѣхъ произведеній Майкова, вышедшее въ томъ же 1872 году. Затѣмъ въ «Сборникѣ» на 1873 годъ была напечатана его «Легенда», въ «Гражданинѣ» стихотвореніе «Сѣверъ и Югъ», въ «Складчинѣ» — «Минуэтъ», «Въ степяхъ», «Вопросъ» и «У памятника Крылова», въ «Братской Помочи» — «Опять горитъ Востокъ...» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — «Кассандра», переводъ нѣсколькихъ сценъ изъ Эсхиловой трагедіи «Агамемнонъ».

Для заключенія нашего краткаго очерка литературной дѣятельности Майкова, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ его служебной карьерѣ. По выходѣ изъ университета, онъ опредѣлился въ департаментъ государственнаго казначейства, въ которомъ прослужилъ весьма не долго, послѣ чего получилъ мѣсто библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, которое занималъ до перенесенія его въ Москву, послѣ чего перешолъ въ комитетъ цензуры иностранной, въ которомъ служитъ и по настоящее время.

Изъ сочиненій А. Н. Майкова отдѣльно изданы были: 1) Стихотворенія Аполлона Майкова. Спб. 1842. 2) Двѣ Судьбы. Сочиненіе Аполлона Майкова. Спб. 1845. 3) Очерки Рима. Сочиненіе А. Майкова. Спб. 1847. 4) 1854-й годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. 1855. 5) Стихотворенія Аполлона Майкова. Изданіе графа А. Кушелева-Безбородко. Двѣ части. Спб. 1858. 6) Новыя Стихотворенія (1858 — 1863) А. Н. Майкова. Москва. 1864. 7) 4-е апрѣля 1866 года. Два стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. 1866. 8) Стихотворенія А. Н. Майкова. Изданіе третье, князя В. П. Мещерскаго. Три части. Спб. 1872.

I.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы жолтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ —
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темно-цвѣтныхъ
Съ таинственныхъ высотъ воздушною стезёй
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

II.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ — поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ — красота!
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ!
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ
И на-ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ!
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всёмъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты —
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты.

III.

* * *

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Всё пусто. Времени губительный уставъ
Во всёмъ величіи здѣсь блещетъ: всё мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водомётъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь пó-вѣтру. О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ лёгкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужь литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились — новые, невѣдомые боги.

IV.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЪ.

Откуда ты, о ключъ подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бѣздны чорной,
Вы, слёзы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучь палящій
Кору ль льдяную растопилъ?
Земли ль изъ сердца ключъ шипящій
Истоки тайные пробилъ?

Откуда бъ ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремать наядѣ иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ;
Отрадно пастырямъ долины
У водъ твоихъ въ свой рогъ играть
И дѣвамъ звонкіе кувшины
Въ студёной влагѣ погружать.

Таковъ и ты, о стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То — тайна всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой лепетъ складный,
Въ тебѣ усладу почерпать.

V.

СВИРѢЛЬ.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой!
Добрый Панъ, перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ наяду приманить.

VI.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.

Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ её руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо. Иду я наклоняясь,
Какъ-будто бы отъ пчёлъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всёмъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужь вяжуть весело тяжолые снопы;
Вонъ — по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и мёда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя.
О, Боже! Ты дашь для родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба;
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна
И непогодами несгубленныя зёрна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли Ты вёдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

VII.

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой — во всёмъ величьи зла
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.

Но торжество кому жь уступитъ
Въ пыли рождённый человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

VIII.

АНАКРЕОНЪ.

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отвореннаго сада
Мы на праздникъ Вакха или
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но — вино сверкнуло въ чашахъ —
Мы глядимъ — красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлёкъ къ себѣ старикъ.

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый —
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онъ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ.

IX.

Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спалённыя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять — блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ;
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей:
Тамъ—Царь-помазанникъ! стратигъ Востока — тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей!

И знаетъ это Русь — и долгъ свой приняла —
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая съ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа.

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ; но Богъ
Ещё отсрочилъ день. Настала ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено ль свершить, быть-можетъ, сердцу сына?

X.

КЛЕРМОНТСКІЙ СОБОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и копями
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамёна, шарфы, перья, ризы,
Гербы и ленты и девизы,
Лазурь и пурпуръ и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства, властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ.
У трона — герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ — спрыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ итальянцы,
Тяжолый швабъ и рыжій бриттъ,
И галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями испанцы,
И — отдалёнъ отъ всѣхъ — старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы:
То обращённый еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжолой алебардой.
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поимённо ихъ зовётъ:
Всё это — львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба,
Какъ-будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья.
Надъ ними, стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на̀ берегъ зелёный,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жоны
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Видѣнъ крестъ
Былъ въ небѣ; нёсся стонъ съ востока;
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ; межь блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны и слёзы лило —
И вкругъ клубился дымъ и мгла.
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу —
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.
Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни.
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И, помолясь небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
«Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня —
И язвамъ нѣту исцѣленья.
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провёлъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За-то что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза:
На грозныхъ лицахъ сострaданья —
Я вижу — катится слеза.
О, люди, люди, язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти,
Какъ слёзы дёшевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать

Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ.
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ неслышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ, приходитъ
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей.
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ.
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись:
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ — и бровію не двинулъ.
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его.
Рванули съ воплемъ мы цѣпями —
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество.
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.
И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ — и живое не придётъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя,
Христу молящійся народъ:
Одинъ креста несётъ онъ бремя,
Одинъ онъ тёрнъ Христовъ несётъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ больной безъ силъ...
Иль ждёте вы, чтобъ напоилъ
Его чужой самаритянинъ,
А вы, съ кошницей явствъ, бойцы
Пройдёте мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ ещё священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ —
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы!
Дохнуть имъ дайте жизнью новой!
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите ангелами мщенья!
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ — мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!»
Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ-будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идёмъ, оставимъ женъ и домы!»
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены.
Врагъ лобызался со врагомъ

И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ,
Свой грошъ и нищіе бросали —
И радость всѣхъ была свѣтла:
Её литавры возвѣщали
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

XI.

ДУРОЧКА.

Всѣмъ довольна я, старушка!
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить.

У меня семья большая:
Дѣтки вкругъ насъ стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка,
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была.

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла: что ни дай
Ей — хоть шолковое платье —
Въ мигъ всё въ пятнахъ, хоть бросай.

Благонравныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»
Говорю: «тамъ всѣ сестрицы:
Только такъ хоть посиди.»

— «Нѣтъ ужь, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
— «Что мнѣ съ этакими злыми!»
И забьётся на чердакъ.

Только встала — полетѣла:
Всю деревню обѣжитъ!
Это — первое ей дѣло:
Всё друзья вѣдь. Просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ — всё равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого —
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнётъ, бывало,
Говоритъ, подъ часъ и бьётъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ: ни мало —
То-есть, ухомъ не ведётъ.

Ну, её за-то жь и гнали!
Вѣчно съ нею воркотня;
На́ хлѣбъ, на̀ воду сажали —
Баловала только я.

И она какъ-будто чуетъ
И ко мнѣ одной идётъ:
Обойму её — цалуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жмётъ.

Надорвётъ моё сердечко...
«Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»

«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю.
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей:
Всё имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся...
Дѣти такъ и разревутся —
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу и скачетъ!
А возьмутъ её домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ:
Домъ ей словно какъ чужой.

Всё бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберётъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зовётъ.

Мы видали: къ ней станицей
Птица всякая летитъ —
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ.

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужь такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она не много.
Видимъ, нѣтъ ужь въ ней пути:
Что лечить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ.
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ — и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ разсказываетъ намъ:

Что была она далёко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зелёный
Вѣчно лѣсъ растётъ; что тамъ
Зрѣютъ жолтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ predикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течётъ ручьями —
А они всё не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ всё мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнёмъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать.
Есть ли гдѣ такое мѣсто —
Не могу тебѣ сказать.

Только видимъ — дѣвка бредитъ,
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдётъ зима.

Между-тѣмъ прошла ужь осень!
Дуня что-то всё молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила; запирали;
Да ничто неймётся ей.
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужь поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ —
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло.
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ —
Снѣгъ въ лѣсу-то размело.

«Взглянь-ко», говорю я, «Саша!»
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужь не Дуня ль наша?»
Такъ и есть — она! Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручёнки прилегла —
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала.

Я вотъ такъ тутъ и завыла,
Точно что оторвалось
Отъ души-то. Горько было,
А могилку рыть пришлось.

Послѣ всё ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краёвъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала — туда жъ!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой ещё, снѣгами...
Такъ ужь, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ!
Богъ не долго жить даётъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай Онъ ихъ берётъ!

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей.
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что душа-то въ домѣ нѣтъ.

—

А. А. ШЕНШИНЪ (ФЕТЪ).

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ, извѣстный въ литературѣ болѣе подъ именемъ Фета, одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ современныхъ поэтъ, родился 23-го ноября 1820 года, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, въ сельцѣ Новосёлкахъ, родовомъ имѣніи отца его, Афанасія Неофитовича Шеншина. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, послѣ чего на четырнадцатомъ году поступилъ въ учебное заведеніе Крюммера, въ городѣ Верро, откуда, по исполненіи семнадцати лѣтъ, перешолъ въ Москву, въ пансіонъ М. П. Погодина, откуда черезъ полгода поступилъ въ Московскій университетъ сперва на юридическій, а затѣмъ на словесный факультетъ. При поступленіи въ университетъ, по неожиданнымъ затрудненіямъ въ представленіи документовъ, онъ вынужденъ былъ, при подачѣ прошенія, принять имя матери своей, по первому браку — Фетъ, которое и осталось за нимъ въ литературѣ, хотя, вслѣдствіе представленія имъ документовъ, въ 1875 году Высочайшимъ указомъ за нимъ утверждена родовая его фамилія — Шеншинъ. По окончаніи полнаго университетскаго курса въ 1844 году онъ поступилъ юнкеромъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, стоявшій въ то время въ одномъ изъ округовъ херсонскаго военнаго поселенія. Затѣмъ, прослуживъ въ полку около девяти лѣтъ, Фетъ перешолъ лейбъ-гвардіи въ уланскій Его Величества полкъ, съ которымъ сдѣлалъ походъ къ западнымъ нашимъ границамъ, а по заключеніи мира въ 1856 году, вышелъ въ отставку, женился на дѣвицѣ Боткиной, сестрѣ извѣстнаго литератора, покойнаго Василія Петровича, автора «Писемъ объ Испаніи» и знаменитаго нашего врача, Сергѣя Петровича Боткиныхъ — и поселился въ своей орловской деревнѣ, гдѣ и проживаетъ по настоящее время.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ началъ писать очень рано — и въ 1840 году, то-есть когда ему не было ещё девятнадцати лѣтъ, уже заявилъ о себѣ печатно, выпустивъ въ свѣтъ небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ ниже-слѣдующимъ заглавіемъ: «Лирическій Пантеонъ, А. Ф. Москва. 1840.» Не смотря на всю незрѣлость этихъ ещё вполнѣ юношескихъ произведеній Фета, вошедшихъ въ составъ названной книжки, въ нихъ и тогда уже проглядывалъ тотъ могучій талантъ, который выказался съ такою силою въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ болѣе поздней порѣ его поэтической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, здѣсь была напечатана его прелестная «Ода Горація къ Лидіи», нѣсколько хорошихъ переводовъ изъ Гёте и два весьма граціозныхъ оригинальныхъ стихотворенія, начинающихся стихами: «Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада» и «Скоро доѣду — да вотъ и тѣнистая старая ива...», изъ которыхъ первое самъ, строгій къ самому себѣ, авторъ счёлъ достойнымъ войти въ изданіе его стихотвореній 1856 года, въ которомъ помѣщены только лучшія его произведенія. «Лирическій Пантеонъ» былъ встрѣченъ весьма радушно журналами того времени, весьма скупыми на похвалы стихамъ, причёмъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» (1840, № 12, отд. VI, стр. 42), лучшаго журнала того времени, выписавъ послѣднее изъ двухъ указанныхъ нами оригинальныхъ стихотвореній Фета, былъ совершенно правъ, говоря: «Скажите, откуда такая изобразительность? И какъ не подозрѣвать тутъ вліянія болѣе сильнаго, нежели вліяніе поэтовъ латинскихъ? Впрочемъ, что́ бы это нибыло — дарованіе ли, воспитанное подъ сильнымъ вліяніемъ неумирающихъ поэтическихъ авторитетовъ, или просто вѣрный тактъ, вѣрное чувство природы — да живётъ оно! Мы, съ своей стороны, радостно привѣтствуемъ его первое вступленіе въ свѣтъ и желаемъ только одного, чтобы оно продолжало своё воспитаніе подъ

вдохновительнымъ вліяніемъ той благотворной музы, которая такъ привѣтливо улыбнулась ему при самомъ его рожденіи.»

Первые два года пребыванія Фета въ Московскомъ университетѣ, поступленіе въ который совпало какъ разъ съ выходомъ въ свѣтъ его «Лирическаго Пантеона», мало способствовали развитію поэтической его дѣятельности, такъ-какъ посѣщеніе лекцій и изученіе древнихъ и новыхъ языковъ, особенно въ началѣ курса, поглощали почти всё его время. Но съ переходомъ во второй курсъ, стихотворенія его, начиная съ января 1842 года, стали снова появляться въ печати, сначала въ «Москвитянинѣ», а потомъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ»; но какъ въ томъ, такъ и въ этомъ журналѣ — по прежнему подписанныя начальными буквами его имени и фамиліи: «А. Ф.» Какъ на первыя поэтическія произведенія Фета, появившіяся на страницахъ «Москвитянина», можно указать на рядъ стихотвореній, напечатанныхъ въ 1-й и 3-й книжкахъ этого журнала на 1842 годъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Снѣга» и «Гаданія», а въ «Отечественныхъ Запискахъ» — на одиннадцать стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ «Вечера и ночи», появившіяся въ 5-мъ нумерѣ на тотъ же 1842 годъ. Здѣсь же, въ 12-й книжкѣ, былъ напечатанъ его прекрасный переводъ «Посейдона» Гейне, подъ которымъ впервые была выставлена полная фамилія автора. Затѣмъ, стихотворенія Аѳанасія Аѳанасьевича стали появляться въ названныхъ нами журналахъ почти ежемѣсячно, что̀ продолжалось въ «Москвитянинѣ» до конца сороковыхъ годовъ, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» — до 1847 года, въ 5-й книжкѣ котораго было помѣщено послѣднее его стихотвореніе: «Няня». Въ началѣ 1850 года вышло въ Москвѣ второе изданіе «Стихотвореній А. Фета». Несмотря на то̀, что поэтъ выбралъ для выпуска въ свѣтъ своей книжки самое неблагопріятное время, ознаменованное гоненіями на стихи, она встрѣчена была весьма радушно журнальными рецензентами, причёмъ въ «Современникѣ», въ одной и той же книжкѣ (томъ XX) было помѣщено двѣ статьи, изъ которыхъ въ первой указывались преимущественно однѣ слабыя стороны таланта автора, тогда-какъ во второй, напротивъ, говорилось почти исключительно объ однѣхъ хорошихъ сторонахъ его дарованія. «Г. Фетъ», сказано было въ первой статьѣ, «безспорно, имѣетъ истинный поэтическій талантъ и при томъ такой, который, по своей внутренней силѣ, могъ бы стать на ряду съ первоклассными поэтическими талантами; но, къ сожалѣнію, эта внутренняя поэтическая сила, обнаруживающаяся въ стихотвореніяхъ Фета лишь проблесками, далеко ещё не овладѣла сообразною ей формою и не имѣетъ опредѣлённаго характера. Фетъ — поэтъ преимущественно проходящаго по душѣ ощущенія, и всегда, когда онъ схватываетъ его, пьеса выходитъ превосходною. Но какъ скоро, недовольствуясь этимъ, онъ останавливается на нёмъ и начинаетъ въ него вдумываться, онъ впадаетъ въ резонёрство и самую непріятную изъ прозъ именно потому, что она писана дурными стихами.» Впрочемъ, этотъ довольно-строгій приговоръ выкупался вполнѣ похвалами второй статьи, гдѣ, между-прочимъ, было сказано слѣдующее: «Мы не знаемъ, у кого бы поэтическіе мотивы были столько искренни, сколько они искренни у Фета. Это одно изъ лучшихъ его преимуществъ, это самый вѣрный указатель неподдѣльности его поэтическаго таланта. Пѣсня складывается прежде, чѣмъ поэтъ подумалъ о ней; она сама собой сливается у него съ губъ, какъ влага съ переполненнаго сосуда; поэтъ чувствуетъ, что у него зрѣетъ пѣсня, потому-что она уже поётся. Удивительно! Не обинуясь называемъ мы г. Фета поэтомъ, хотя и не справлялись, въ какомъ разрядѣ состоитъ онъ по принятому адресъ-календарю нашего поэтическаго Олимпа. Знаемъ, что онъ не засыплетъ насъ роскошью красокъ, яркостью образовъ: онъ бережливъ на нихъ, не сыплетъ ихъ по пустому. Или, пожалуй, мы скажемъ ещё прямѣе, что яркость и блескъ фантазіи вообще не лежатъ въ свойствахъ таланта нашего поэта. Талантъ скромный и умѣренный — его настоящее достоинство въ нашихъ глазахъ состоитъ не въ пышности и великолѣпіи картинъ, на что̀ онъ ни сколько и не претендуетъ, но въ истинности и живой непосредственности вдохновенія.»

Съ переходомъ Фета въ гвардію и переселеніемъ въ окрестности Петербурга, стихотворенія его стали являться преимущественно въ «Современникѣ» а потомъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ которыхъ они уже печатались въ раннюю пору его поэтической дѣятельности, но затѣмъ, начиная съ 1847 года, вовсе перестали являться, такъ-какъ редакція журнала почему-то начала относиться очень строго къ поэзіи вообще, не признавая её даже пригодною для такого серьёзнаго изданія, какимъ она почитала своё, что̀, впрочемъ, продолжалось всего до 1856 года, когда стихотворенія снова стали появляться на его страницахъ и притомъ цѣлыми массами. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Фета, напечатаннымъ въ «Современникѣ», бы-

ло небольшое, но очень хорошее стихотвореніе, начинающееся стихомъ: «Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты» (1852, № 3). Затѣмъ, въ 1854 году на страницахъ этого журнала появилось болѣе двадцати мелкихъ его стихотвореній, въ томъ числѣ два прекрасныхъ перевода изъ Горація и два прелестнѣйшихъ оригинальныхъ его стихотворенія: «На Днѣпрѣ въ половодье» и «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни...» (№№ 1 и 3). Въ слѣдующіе же затѣмъ годы (1855 — 1859) «Современникъ» напечаталъ въ своихъ двадцати трёхъ книжкахъ цѣлый рядъ его стихотвореній, бóльшею частью вполнѣ художественныхъ, переводъ поэмы Гёте «Германъ и Доротея» (1856, № 7) и три статьи его, подъ заглавіемъ: «Изъ за-границы. Путевыя впечатлѣнія.» (1856, № 11, и 1857, №№ 2 и 7). Одновременно съ появленіемъ въ «Современникѣ» 1854 года произведеній Фета, его стихотворенія, переводы и прозаическіе разказы стали печататься и въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ, между-прочимъ, были напечатаны: полный стихотворный переводъ «Одъ Квинта Горація Флакка» — въ четырёхъ книгахъ (1856, №№ 1, 3, 5 и 7), разсказъ «Каленикъ» (1854, № 3) и повѣсть «Дядюшка и двоюродный братецъ» (1855, № 9). Затѣмъ, начиная съ 1857 года, стихотворенія Аѳанасія Аѳанасьевича стали появляться въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ, между-прочимъ, былъ напечатанъ его переводъ въ стихахъ трагедіи Шекспира «Юлій Цезарь» (1859, № 3) и въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ онъ помѣстилъ свой переводъ другой трагедіи Шекспира «Антоній и Клеопатра» и статью: «О стихотвореніяхъ Тютчева» (1859, № 2). Послѣднее время стихотворенія и прозаическія статьи Фета преимущественно печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» гдѣ, между-прочимъ, былъ напечатанъ рядъ его статей по сельскому хозяйству, а также въ «Зарѣ» и «Литературной Библіотекѣ», въ которой было помѣщено два его письма: «О значеніи древнихъ языковъ въ нынѣшнемъ воспитаніи» (1867, №№ 7 и 9).

Кромѣ указанныхъ двухъ изданій стихотвореній Фета («Литературный Пантеонъ» и «Стихотворенія», изданныя въ 1850 году), изъ сочиненій и переводовъ его были напечатаны слѣдующіе: 1) Стихотворенія А. Фета. Спб. 1856. 2) Оды Квинта Горація Флакка. Въ четырёхъ книгахъ. Переводъ съ латинскаго А. Фета. Спб. 1856. 3) Стихотворенія А. А. Фета. Двѣ части. Новое изданіе. Москва. 8163. Лучшая рецензія стихотвореній Фета принадлежитъ покойному В. П. Боткину («Современникъ», 1857, № 1).

I.

ТАЙНА.

Почти ребёнкомъ я была —
    Всѣ любовались мной:
Мнѣ шли и кудри по плечамъ,
    И фартучекъ цвѣтной.
Любила мать смотрѣть, какъ я
    Молилась поутру,
Любила слушать, если я
    Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
    Нашъ тихій уголокъ:
Онъ былъ такъ нѣженъ и умёнъ,
    Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
    И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
    И кудри целовалъ.
И, помню, стало мнѣ вокругъ
    При нёмъ всё такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ
    И нá сердцѣ тепло.
Летѣли дни — промчался годъ —
    Насталъ послѣдній часъ:
Ему шепнула что-то мать —
    И онъ оставилъ насъ.
И долго, долго мнѣ пришлось
    И плакать, и грустить;
Но я боялася о нёмъ
    Кого-нибудь спросить.
Однажды, вижу: милый гость,
    Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ: «не бойся, другъ:
    Я для другихъ незримъ!»
И съ-этихъ-поръ онъ снова мой —
    Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
    Цалуетъ при другихъ.
Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
    Ланитъ моихъ больной:
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
    Цалуетъ милый мой.

II.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,

Свѣтъ небесъ высокихъ
И блестящій снѣгъ,
И саней далёкихъ
Одинокій бѣгъ.

III.

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни —
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слёзы —
И заря, заря!

IV.

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаётъ вдали:
Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далёкій,
Вспомни обо мнѣ!

V.

БЕРЕЗА.

Печальная берёза
У моего окна
И прихотью мороза
Разубрана она:

Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

VI.

Жди яснаго на завтра дня!
Стрижи мелькаютъ и звенятъ;
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарёнъ закатъ.

Въ заливѣ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпелà;
Далёко небеса ушли —
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

VII.

Ещё весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти;
Ещё овраги полны снѣга;
Ещё зарёй гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ
И соловей ещё не смѣетъ
Запѣть въ смородиномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужь есть въ пролётныхъ журавляхъ —
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная,
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

VIII.

ПЧЁЛЫ.

Пропаду отъ тоски я и лѣни!
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела.

Дай хоть выду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу!
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ:
Сердце пышетъ всё болѣ и болѣ,
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ, постой же: съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черёмуха спитъ.
Ахъ, опять эти пчёлы подъ нею —
И никакъ я понять не умѣю
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенитъ.

IX.

На зарѣ ты её не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча̀
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Всё блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди жь ты её, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!

X.

Я пришолъ къ тебѣ съ привѣтомъ —
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришолъ я снова,
Что душа всё такъ же счастью .
И тебѣ служить готова.
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

XI.

Постой! Здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ.
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придётъ и убѣжитъ въ объятія валовъ.
Одна передо мной, подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь царица чувствъ, властительница думъ;
А тамъ придётъ волна — и грянетъ между нами.
Я не пойду туда: тамъ вѣчный плескъ и шумъ.

XII.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ;
Зелёная ива
Повисла шатромъ;
Весёлыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшотки
Визжитъ подъ пилой.
Бывалое горе
Уснуло въ груди;
Свобода и море
Горятъ впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска —
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

XIII.

Люди спятъ, мой другъ: пойдёмъ въ тѣнистый садъ;
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ — слышитъ только соловей,
Да и тотъ не слышитъ — пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце — сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли,
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо.

XIV.

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь.
Ужь позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.

Что звало жить, что силы горячило —
Далёко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землёй.
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ.
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;
Лишь ты одно скользишь стезёй лазурной;
Недвижно всё окрестъ.
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ миріады звѣздъ.

XV.

Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ;
Въ водѣ опрокинулся лѣсъ:
Зубцами вершинъ онъ въ зарѣ потонулъ,
Межъ двухъ изгибаясь небесъ.

И воздухомъ чистымъ усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечернія тѣни. Вечерній мой путь
Краснѣлъ межъ деревьевъ вдали.

А мы — мы на лодкѣ сидѣли вдвоёмъ;
Я смѣло налёгъ на весло,
Ты молча покорнымъ владѣла рулёмъ;
Насъ въ лодкѣ, какъ въ люлькѣ, несло.

И дѣтская челнъ направляла рука
Туда, гдѣ, блестя чешуёй,
Вдоль соннаго озера быстро рѣка
Бѣжала, какъ змѣй золотой.

Ужь начали звѣзды мелькать въ небесахъ...
Не помню, какъ бросилъ весло,
Не помню, что пёстрый нашоптывалъ флагъ,
Куда насъ потокомъ несло?

XVI.

Ея не знаетъ свѣтъ — она ещё ребёнокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣдній близокъ часъ.
Дохнётъ тепло любви — младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко
И гребень, ласково-разборчивъ, будто самъ
Пойдётъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные, блѣднѣя, подлиннѣютъ.
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія и зналъ, что, виноградъ
Сбирая, онъ вопьётъ ихъ сладкій ароматъ.

XVII.

Спи — ещё зарёю
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли;
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.
Дышутъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

XVIII.

Тёплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далёко межъ кургановъ
Темносѣрою змѣёй
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчётному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

XIX.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
Досады и стыда румянцами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

С. Θ. ДУРОВЪ.

Сергѣй Θёдоровичъ Дуровъ, русскій писатель и потомокъ древняго русскаго дворянскаго рода, родился въ 1816 году въ имѣніи своего отца. Получивъ довольно-хорошее для своего времени воспитаніе, Дуровъ вступилъ въ гражданскую службу, которую и продолжалъ до конца сороковыхъ годовъ, послѣ чего вышелъ въ отставку, съ чиномъ коллежскаго асессора. Вмѣстѣ съ служебной дѣятельностью шли и литературныя его занятія, иначавшіяся очень рано. Первыя стихотворенія, помѣщаемыя имъ въ современныхъ альманахахъ, печатались довольно долго безъ означенія имени автора. Только начиная съ 1843 года, имя его стало являться на страницахъ журналовъ того времени и вскорѣ обратило на себя вниманіе многихъ. Однимъ изъ первыхъ подписанныхъ имъ стихотвореній, былъ переводъ изъ Байрона, помѣщённый въ 43 нумерѣ «Литературной Газеты» на 1843 годъ. Начиная съ 1844 года стихотворенія Дурова стали появляться въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Финскомъ Вѣстникѣ» и нѣкоторыхъ альманахъ того времени, но по большей части прошли незамѣченными. Затѣмъ, въ «Иллюстраціи» на 1846 годъ (№№ 26, 27 и 29), издававшейся Н. В. Кукольникомъ, было напечатано четыре его оригинальныхъ стихотворенія («Когда трагическій актёръ», «Шекспиръ», «Кручина» и «Призраки»), а въ слѣдующемъ — около двадцати, изъ которыхъ нѣкоторыя были замѣчены. Кромѣ того, Дурову принадлежитъ статья, предпосланная «Сочиненіямъ Н. И. Хмѣльницкаго», изданнымъ въ 1849 году Смирдинымъ въ его «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о Николаѣ Ивановичѣ Хмѣльницкомъ». Эта послѣдняя статья была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ произведеніемъ Дурова, заключившимъ первую половину его литературной дѣятельности, такъ-какъ затѣмъ послѣдовалъ двѣнадцати-лѣтній промежутокъ невольнаго молчанія, на которое онъ былъ обречёнъ вслѣдствіе ссылки его въ Сибирь за прикосновенность къ дѣлу Петрашевскаго, и гдѣ онъ провёлъ около семи лѣтъ.

Только начиная съ 1862 года стихотворенія Дурова стали снова появляться на страницахъ журналовъ. Такъ, въ 3-й книжкѣ «Современника» на 1862 годъ было напечатано два перевода его изъ Барбье и три изъ В. Гюго, а въ №№ 3-мъ и 5-мъ слѣдующаго года — одно оригинальное («Добро бы жить, какъ надо — человѣкомъ!») и два переводныхъ, изъ В. Гюго и Барбье. Затѣмъ, въ 1-й книжкѣ «Эпохи» на 1864 годъ появился его новый переводъ извѣстнаго ямба Барбье «Смѣхъ» и, наконецъ, въ третьей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1869 года — оригинальное стихотвореніе: «Европа движется...»

Дуровъ скончался въ Полтавѣ, гдѣ онъ проживалъ послѣднее время, послѣ трехдневной болѣзни, 6-го декабря 1869 года. Въ некрологѣ его, помѣщённомъ въ 338 нумерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» на 1869 годъ и подписанномъ буквою «К» — есть нѣсколько біографическихъ данныхъ о послѣднихъ годахъ жизни покойнаго поэта, которыя мы и приводимъ: «Товарищъ Θ. М. Достоевскаго по «Мёртвому дому», Дуровъ возвратился въ Россію съ силами до того истощёнными, что послѣднія десять лѣтъ его жизни можно было назвать десятью годами болѣзни. Не взирая на это, его умъ и врождённый сарказмъ даже какъ-будто окрѣпли и стали сильнѣе прежняго. Нововведенія разнаго рода и, особенно, судебная реформа, съ ея практическимъ примѣненіемъ въ глуши провинціальнаго города, вѣяли на него, какъ свѣжій воздухъ, а тёплое солнце Малороссіи, вмѣстѣ съ заботами пріютившей его семьи, которой онъ былъ старшимъ членомъ, согрѣли остальные дни его нерадостной жизни. Однимъ честнымъ, добрымъ, прямымъ, стойкимъ и умнымъ человѣкомъ стало меньше въ нашемъ обществѣ!»

I.

Когда трагическій актёръ,
Увлёкшись геніемъ поэта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ мишурной мантіи Гамлета:

Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложь почтить слезой
И даровымъ рукоплесканьемъ.

Но если, выйдя на порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій
И, прахъ цалуя нашихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи:

Глухія къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ,
Какъ на лжеца и негодяя.

И рѣчь правдивая его,
Не подслащённая искусствомъ,
Не вырветъ слёзъ ни у кого
И не взволнуетъ сердца чувствомъ.

О, родъ людской, какъ жалокъ ты!
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ,
Ты глухъ на голосъ нищеты
И слёзы льёшь передъ фигляромъ.

II.

Въ насъ воля разума слаба;
Желанья наши своевольны;
Что-бъ ни судила намъ судьба,
Всегда мы ею недовольны.

Намъ новизны давай для глазъ,
Давай для сердца намъ обновы —
И если счастье ловитъ насъ,
Мы горе выдумать готовы.

III.

Иные дни — мечты иныя:
Нельзя ребёнкомъ вѣчно быть!
Пришлось мнѣ годы молодые
Для настоящаго забыть.

Но всё жь, какой-то волей тайной,
Простая пѣсня мужика,
Взглядъ, часто кинутой случайно,
Благоуханіе цвѣтка —

Вся эта ветошь жизни пошлой
Невольно грудь волнуетъ мнѣ —
И говоритъ о жизни прошлой
И о недавней старинѣ.

Толпа живыхъ воспоминаній
Чудесно вьётся надо мной:
Вотъ я дитя; вотъ сказки няни;
Вотъ пышный лугъ; вотъ лѣсъ густой —

Тотъ лѣсъ, гдѣ я любилъ когда-то,
Въ травѣ, какъ заяцъ, притаясь,
Глядѣть, какъ рыщетъ бѣсъ косматой,
За чорной вѣдьмою гонясь;

Какъ въ кущѣ лѣса чьи-то очи
Огнёмъ горятъ изъ-далека
И тѣни сумрачныя ночи
Меня касаются слегка.

Любилъ я слушать звонкій лепетъ
Вблизи бѣгущаго ручья,
Жужжанье мошки, листьевъ трепетъ
И вздохъ далёкій соловья.

Виски горѣли, билось темя —
Я весь сгоралъ въ нѣмомъ огнѣ...
Чего не слышалъ я въ то время?
Чего тогда не снилось мнѣ?

Но этотъ сонъ не долго длится,
Не долго имъ согрѣта грудь:
Передо мной опять ложится
Однообразной жизни путь.

—

М. А. СТАХОВИЧЪ.

Михаилъ Александровичъ Стаховичъ родился въ 1819 году въ орловскомъ имѣніи своего отца, богатаго елецкаго помѣщика. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, подъ надзоромъ француза-гувернёра; затѣмъ былъ отвезёнъ въ Москву для приготовленія къ поступленію въ университетъ, чтó и устроилось, послѣ удовлетворительнаго экзамена, выдержаннаго молодымъ Стаховичемъ въ сентябрѣ 1837 года. Будущій поэтъ, какъ и слѣдовало ожидать, избралъ словесный факультетъ — и окончилъ его кандидатомъ въ 1841 году. Возвратившись къ отцу, въ елецкую деревню, онъ прожилъ здѣсь около двухъ лѣтъ, развлекая себя поѣздками въ Москву и Орёлъ и посвящая свободное время литературнымъ занятіямъ и музыкѣ, которую онъ любилъ не менѣе поэзіи, приласкавшей его ещё на школьной скамьѣ и сулившей ему въ будущемъ славу не дюжиннаго поэта, если бы ранняя смерть не постигла его такъ неожиданно. Въ началѣ 1844 года Стаховичъ выхлопоталъ себѣ, наконецъ, давно-желанное дозволеніе отправиться за-границу. Объѣхавъ Германію, Швейцарію и Италію, и проживъ въ разныхъ городахъ этихъ государствъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился назадъ въ Россію — въ Елецкій уѣздъ, гдѣ и былъ вскорѣ выбранъ въ уѣздные предводители дворянства. Поселившись въ своёмъ елецкомъ имѣніи, онъ прожилъ въ нёмъ до самой смерти, такъ внезапно и трагически покончившей съ нимъ въ концѣ 1858 году, на 39-мъ году его жизни, и гдѣ въ послѣдніе годы онъ посвящалъ всё свободное время литературнымъ занятіямъ. Стаховичъ былъ убитъ своимъ бурмистромъ. Поводъ къ этому убійству многіе

видятъ въ отношеніяхъ его къ дочери убійцы; но ходятъ и другіе слухи, которымъ хотя и трудно вѣрить, но, тѣмъ не менѣе, которымъ вѣрятъ очень многіе изъ мѣстныхъ жителей. Вообще, несмотря на строгое слѣдствіе, дѣло осталось тёмнымъ.

При значительномъ талантѣ и страстной любви къ литературѣ, Стаховичъ писалъ и печаталъ очень мало. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Стаховича было: «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ», въ 4-хъ тетрадяхъ, текстъ и мелодіи которыхъ были собраны, а музыка аранжирована для фортепіано и семиструнной гитары самимъ издателемъ. Аполлонъ Григорьевъ, разбирая названное изданіе въ «Москвитянинѣ», сдѣлалъ кое-какія замѣчанія относительно невѣрности аранжировки музыки. Стаховичъ возражалъ ему съ жаромъ въ 6-й книжкѣ того же «Москвитянина» на 1855 годъ, стараясь доказать неосновательность мнѣнія своего оппонента; но Григорьевъ не удовлетворился объясненіемъ издателя и въ статьѣ своей: «Русскія народныя пѣсни», написанной по поводу выхода въ свѣтъ собранія пѣсенъ Якушкина, повторилъ свои обвиненія противъ Стаховича («Отечественныя Записки», 1860, №№ 4 и 5). Первымъ же напечатаннымъ стихотвореніемъ Стаховича была пьеса: «12-е января 1855 года», появившаяся въ 1-й книжкѣ «Москвитянина» на тотъ же годъ. Затѣмъ, въ 3-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ нумерахъ того же журнала и на тотъ же 1855 годъ были напечатаны ещё три его стихотворенія: «Праздникъ», «Москва 1855 года» и «Воля», и «Ночное», прекрасно-написанная сцена изъ русскаго народнаго быта. Она была поставлена на сцену и даётся досихъ-поръ на петербургскихъ и московскихъ театрахъ съ постояннымъ успѣхомъ.

Начиная съ 1855 года, стихотворенія Стаховича стали появляться въ «Современникѣ», гдѣ, въ 3-й и 5-й книжкахъ, были напечатаны двѣ его пьесы: «Дѣдушкинъ садикъ» — лучшее его произведеніе, которое читатели найдутъ въ нашемъ изданіи, и «Пѣсня къ милой», изъ Гёте. Оба стихотворенія понравились всѣмъ, понимающимъ дѣло, особенно первое, отличающееся неподдѣльной простотою, доказывающей всего лучше присутствіе таланта въ авторѣ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году въ «Русской Бесѣдѣ» было напечатано четыре новыхъ его стихотворенія. Это были: «Пѣсня», «Пѣснь юности», «Вечерняя пѣсня» и «Степи». Наконецъ, въ 1858 году вышли въ свѣтъ, отдѣльною книжкой, двѣ первыхъ главы стихотворной повѣсти Стаховича, подъ названіемъ: «Былое», не представляющей ничего сколько-нибудь выдающагося изъ уровня множество другихъ стихотворныхъ повѣстей, выходящихъ въ свѣтъ только для того, чтобы быть забытыми тотчасъ по прочтеніи. Кромѣ исчисленныхъ здѣсь стихотвореній и ещё нѣсколькихъ другихъ, помѣщённыхъ авторомъ въ двухъ-трёхъ мало-распространённыхъ изданіяхъ, Стаховичъ оставилъ послѣ себя только нѣсколько неоконченныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ — и больше ничего.

ДѢДУШКИНЪ САДИКЪ.

Въ дѣтствѣ, я помню, нашъ садикъ старинной
Дѣдушка самъ разводилъ:
Съ сáжнемъ, со скрёбкой, съ верёвкою длинной
Онъ вокругъ дома ходилъ.
Древенъ ужъ, древенъ онъ былъ, мой голубчикъ,
Старецъ весёлый, живой;
Былъ на нёмъ бѣлый овчинный тулупчикъ;
Самъ онъ какъ лунь былъ сѣдой.
Въ ту пору плохо онъ видѣлъ глазами —
Было лѣтъ подъ сто ему;
Руки тряслись, но своими руками
Всё онъ работалъ, всему
Былъ головою: и въ домѣ, и въ полѣ,
Всё хлопоталъ и бродилъ;
Вѣкъ не знавалъ онъ ни скуки, ни боли,
Вѣчно смѣялся, шутилъ.
«Ну», говорилъ онъ мнѣ, «маленькій внучекъ,
Дѣду теперь помогай!
Ты не жалѣй своихъ бѣленькихъ ручекъ —
Ямки со мною копай.
Ты доставай мнѣ изъ грядокъ прививки,
Колья за мною носи,
Воду изъ кадки таскай для поливки,
Глину лопатой мѣси.
Здѣсь-то, вотъ видишь ты, яблоньки будутъ,
Тутъ вотъ крыжовникъ.» — «А тамъ?»
—«Тамъ-то садовникъ ручей перепрудитъ —
И по крутымъ берегамъ
Густо повиснутъ широкія вѣтки,
Будетъ житьё соловьямъ!
Тамъ мы устроимъ аллеи, бесѣдки,
Кинемъ цвѣты по лугамъ.»
—«Дѣдушка, полно! въ деревнѣ не диво
Рощи, цвѣты да кусты:
Весь бы садочекъ да вишней, да сливой,
Да грушей усаживалъ ты.»
—«То-то ты, дитятко, больно глупенекъ!
Ты, вѣдь, меня не поймёшь!

Вотъ погоди-ка — ещё ты маленекъ —
Послѣ и самъ разберёшь.
Какъ запоютъ надъ бесѣдкою птички,
Какъ дерева зацвѣтутъ,
Ты не захочешь тогда земляничкн,
Яблочки въ ротъ не пойдутъ.
Время дождёшься, когда начинаетъ
Усъ надъ устами чернѣть —
Тутъ по веснѣ-то чего не бываетъ!
Право, не будешь жалѣть,
Что насадилъ тебѣ дѣдушка хилый
Рощи въ саду да кусты.
Только въ то время, пожалуста, милый,
Вспомни про дѣдушку ты!»
И засмѣялся мой дѣдушка звонко;
Я же не могъ понимать,
Что намекаетъ онъ шуткою тонкой?
Чѣмъ мнѣ его поминать?
Смотримъ, на лѣто, надъ быстрой рѣкою
Нашъ закурчавился садъ:
Рощей прозрачною въ нёмъ, чередою,
Въ листьяхъ зелёныхъ, стоятъ
Клёну и липъ молодыя куртины,
И на обрывѣ крутомъ
Множатся стебли сухіе малины.
Вотъ ужъ по валу кругомъ
Часто цѣплялся шиповникъ усатый,
Хмѣля бесѣдки вились,
Скоро и крупный крыжовникъ мохнатый,
Въ вѣткахъ зелёныхъ повисъ.
Дѣдушкѣ радость, что скоро принялся
Новый, завѣтный садокъ.
Два года онъ имъ ещё утѣшался,
Только на третій годокъ
Онъ не видалъ ужъ любимаго сада —
Онъ до весны не дожилъ.
Около церкви простая ограда —
Лоно семейныхъ могилъ;
Тамъ на могилѣ, чуть видная въ травкѣ,
Надпись простая гласитъ:
«Здѣсь безмятежно, сержантомъ въ отставкѣ,
Старецъ столѣтній лежитъ.»
И на ограду широкія тѣни
Садъ, разростаясь, бросалъ;
Сѣмя черёмухъ и сѣмя сирени
Вѣтеръ туда завѣвалъ.
Клёны и липы всё гуще и гуще
Сѣни скрываютъ свои —
И, заселяя ихъ тёмныя кущи,
Громко поютъ соловьи.

—

А. Н. ЯХОНТОВЪ.

Александръ Николаевичъ Яхонтовъ, современный поэтъ и переводчикъ «Торквата Тассо» и «Ифигеніи въ Тавридѣ» Гёте, родился въ 1820 году въ Петербургѣ. Первые годы своего дѣтства Яхонтовъ провёлъ въ родовомъ имѣньи близь Пскова; затѣмъ, именно въ 1831 году, поступилъ въ Петербургскій Благородный Пансіонъ (нынѣ 1-я Санктпетербургская Гимназія), откуда, ровно черезъ годъ, въ числѣ прочихъ, былъ переведёнъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей, гдѣ и окончилъ полный курсъ въ 1838 году съ чиномъ девятаго класса. Уже въ Лицеѣ молодой Яхонтовъ сталъ обнаруживать наклонность къ поэзіи и изученію нѣмецкой литературы, причёмъ перевёлъ послѣднюю сцену изъ первой части «Фауста», оставшуюся не напечатанной, и потомъ началъ, но не кончилъ «Эмилію Галотти» Лессинга. Что же касается мелкихъ стихотвореній, то и они также остались въ портфелѣ автора. Въ началѣ слѣдующаго года Яхонтовъ поступилъ на службу въ 1-й департаментъ Государственныхъ Имуществъ, но въ началѣ 1842 года вышелъ въ отставку, чтобы имѣть возможность ознакомиться съ Европой, давно уже манившей его къ себѣ. Возвратившись послѣ четырёхлѣтняго отсутствія назадъ въ Петербургъ, онъ тотчасъ же поступилъ снова на службу, но уже не въ прежнее вѣдомство, а въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

Устроившись въ Петербургѣ, Яхонтовъ тотчасъ же принялся за переводъ драмы Гёте «Торквато Тассо», о чёмъ уже подумывалъ въ Лицеѣ. Проработавъ надъ нимъ около двухъ лѣтъ, онъ наконецъ окончилъ его въ началѣ 1844 года и представилъ свой трудъ въ лучшій тогдашній журналъ «Отечественныя Записки», гдѣ онъ и былъ напечатанъ въ 8-й книжкѣ того же года. Въ 1851 году Яхонтовъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, принуждёнъ былъ проститься съ Петербургомъ и перейти на службу въ Псковъ, возлѣ котораго проживало въ деревнѣ его семейство. Здѣсь служилъ онъ сначала по министерству Государственныхъ Имуществъ, но вскорѣ перешолъ на должность директора Псковской губернской гимназіи, которую и занималъ въ теченіи слѣдующихъ девяти лѣтъ. Женившись во время своего директорства, Яхонтовъ въ 1867 году былъ избранъ въ предводители дворянства Псковскаго уѣзда, должность котораго исправлялъ три трёхлѣтія, а по выходѣ въ отставку псковскаго губернскаго предводителя — и его обязанности въ продолженіи полутора года. Избранный

въ тоже время въ почётные мировые судьи и губернскіе гласные, а въ 1877 году — и въ председатели Псковской уездной управы, Александръ Николаевичъ по настоящее время продолжаетъ занимать всѣ эти должности, отличаясь строгимъ и неуклоннымъ исполненіемъ сопряженныхъ съ ними обязанностей.

Со времени переселенія Александра Николаевича въ Псковъ, стихотворенія его начали отъ времени до времени появляться на страницахъ столичныхъ журналовъ, но и то очень рѣдко. Это продолжалось до 1872 года, то-есть до возобновленія знакомства съ Некрасовымъ, съ которымъ Яхонтовъ встрѣчался довольно часто во время первой своей молодости въ Петербургѣ. Начиная съ того времени, стихотворенія его стали печататься почти исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ» и только изрѣдка появлялись въ «Вѣстникѣ Европы» и «Искрѣ». Въ этотъ же періодъ времени были переведены имъ съ нѣмецкаго трагедіи Гёте «Ифигенія въ Тавридѣ» и Лессинга «Емилія Галотти», напечатанная — первая въ «Свѣточѣ», а вторая — въ «Иностранныхъ Классикахъ», и нѣсколько мелкихъ стихотвореній изъ Шиллера, Гёте и Гейне. Послѣдняя изъ двухъ названныхъ пьесъ была поставлена на московской сценѣ, гдѣ давалась въ теченіи двухъ лѣтъ съ успѣхомъ. Что же касается петербургской сцены, то пьеса была поставлена на ней до того небрежно и разыграна до того неудовлетворительно, что выдержала всего только три представленія, послѣ чего была сдана въ архивъ, чтобы, конечно уже не появляться болѣе на сценѣ Александринскаго театра.

Прозаическіе переводы Яхонтова отличаются замѣчательною вѣрностью, а стихотворные, кромѣ того, и необыкновенной благозвучностью стиха. Что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, вообще весьма граціозныхъ, то — при внимательнымъ чтеніи — нельзя не признать ихъ словно навѣянными лучшими произведеніями покойнаго Некрасова — такъ сильно напоминаютъ они иногда не только манеру, но и самую задушевность, которыми запечатлѣны всѣ лучшія произведенія нашего незабвеннаго поэта.

I.

ГОЛОСЪ ПРИРОДЫ.

Что за раздолье широкое лѣтомъ!
Всё, что таилось невѣдомо гдѣ,
Вызвано къ солнцу живительнымъ свѣтомъ:
Радость, движенье и звуки вездѣ.
Сколько и жизней и пѣсенъ родится:
Всякая мошка — туда же поётъ;
Всякій червякъ незамѣтный — и тотъ
День весь хлопочетъ: ползётъ, шевелится.
Глазъ не охватитъ широкихъ равнинъ,
Гдѣ золотой наливается колосъ;
Звонкій кузнечикъ, земли гражданинъ,
Тоже свободный имѣетъ тамъ голосъ.
Пѣснями полонъ нескошенный лугъ,
Роща-поётъ, наклоняяся гибко,
Вѣтви о чёмъ-то зашепчутся вдругъ...
Тамъ на водѣ расширяется кругъ —
Весело плещется рѣзвая рыбка.
Слышите? скачетъ лѣсной водопадъ;
Ласточки съ радостнымъ крикомъ несутся;
Ржанье коня и блеяніе стадъ
Вечеромъ въ звучной дали раздаются.
Всѣ голоса точно слились въ одинъ,
Радостный міръ такъ глубоко спокоенъ
И отъ земли до небесныхъ вершинъ
Словно волшебная арфа настроенъ.
Голосъ природы, немолчно въ тебѣ
Слышится чувство всей твари свободной:
Какъ же таить человѣку въ себѣ
Праведный голосъ любви благородной?
Въ сердце природой любовь вложена:
Радость ли пѣснь вдохновенную сложитъ,
Съ воплями ль рвётся наружу она —
Смертный въ груди её спрятать не можетъ!

II.

МЫСЛЬ.

Пока надъ міра суетой,
    Чиста и благородна,
Ношусь безплотною мечтой —
    Какъ воздухъ, я свободна.
Надъ твердью, молніи быстрѣй,
    Въ пространствахъ я витаю,
Спускаюсь въ глубину морей
    И въ небо улетаю;
Скорблю надъ океаномъ бѣдъ
    И заблужденій вѣка;
Въ дѣла людей вношу я свѣтъ
    И въ сердце человѣка.
Наука мною создана —
    Предвѣстница свободы —

И довершать я призвана
Красу и строй природы.
Но въ мірѣ жить не суждено
Мнѣ вольной, безтѣлесной:
Мнѣ слово бѣдное дано;
Какъ цѣпь желѣзная, оно
Въ моей юдоли тѣсной.
Здѣсь, на землѣ, моя судьба —
Оковы и гоненья!
Дитя свободы — я раба,
Съ минуты воплощенья!
Я крылъ могучихъ лишена
Въ изгнаніи суровомъ,
Умалена, искажена
Моимъ безсильнымъ словомъ.
Среди бездушья и страстей,
Неправдъ и преступленій,
Померкъ мой свѣточь межь людей
И отлетѣлъ мой геній.
Я чувствъ высокихъ не бужу
Къ прекрасному, святому;
Міръ обуялъ меня: служу,
Какъ онъ, тельцу златому.
Лучъ вдохновенья на челѣ
Угасъ — я измельчала,
Утративъ, въ непроглядной мглѣ,
Сознанье идеала.
Отдайте мнѣ просторъ полей
И крылья для полёта,
Освободите отъ цѣпей,
Отъ давящаго гнёта!
Мнѣ любо жить въ сіяньи дня!
Властители, народы,
О, не страшитесь, какъ огня,
Дыханія свободы!
Въ оковахъ мнѣ спасенья нѣтъ:
Послѣднихъ силъ лишая,
Меня позорятъ мракъ и гнетъ
И губятъ, развращая.
Когда, откинувъ страхъ земной,
Взовьюсь я вольной птицей,
Я въ мірѣ буду не рабой,
А вольною царицей.
Не нужны будутъ мнѣ тогда
Коварство, ухищренья
На честномъ поприщѣ труда,
Науки, просвѣщенья.
Я межь людей останусь жить,
Отъ немощей свободна:
Я буду истинѣ служить,
Свѣтла и благородна.

III.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Тучка въ небѣ, какъ тихая дума,
Вѣтеръ смолкъ, чуть листы шевеля.
Лейся, лейся, безъ вѣтра и шума,
Тёплый дождь на сухія поля!
Пыль дороги тобою прибита,
Жадно пьётъ твою влагу трава,
Ты для льна благодать и для жита,
Изъ земли они вышли едва.
Какъ хотѣлося влажной прохлады
Этимъ новымъ пришельцамъ полей,
Какъ они тебѣ, вешнему, рады,
Какъ пойдутъ они въ ростъ веселѣй!
Далекѝ ещё лѣтнія грозы,
Ничему не грозишь ты бѣдой,
Льёшься, точно блаженныя слёзы,
Слёзы первой любви молодой.
Хорошо и ненастье весною!
Юность, любишь свою ты печаль!
Столько счастья въ тебѣ, что, порою,
Улетѣвшаго облачка жаль;
Зло мірское виднѣется смутно
И, какъ солнце, что̀ скрылось минутно,
Золотитъ этой тучки края,
Такъ лучами сквозитъ, подъ угрюмой
На чело налетѣвшею думой,
Свѣтозарная радость твоя.

—

В. Р. ЗОТОВЪ.

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ, русскій писатель и журналистъ, сынъ извѣстнаго романиста тридцатыхъ годовъ, автора «Леонида», «Таинственнаго Монаха», «Никласа Медвѣжей лапы», «Цинъ-Кіу-Тонга» и другихъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ, родился 22-го іюня 1821 года въ Петербургѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ 1-й петербургской гимназіи, онъ перешолъ затѣмъ въ Царскосельскій лицей, въ которомъ и окончилъ полный курсъ наукъ въ 1841 году. Затѣмъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Военномъ Министерствѣ, въ званіи помощника секретаря, Зотовъ перешолъ въ департаментъ Податей и Сборовъ, въ которомъ прослужилъ до 1861 года, послѣ чего навсегда оставилъ государственную службу и посвятилъ себя исключительно литературѣ, влеченіе къ которой не покидало его со школьной скамьи. Ещё будучи

въ Лицеѣ, Зотовъ помѣщалъ свои мелкія стихотворенія въ «Маякѣ» и «Сѣверной Пчелѣ». Здѣсь же были написаны имъ и три большія стихотворныя произведенія: поэма — «Двѣ колонны» (Александровская и Вандомская), трилогія — «Клитемнестра» и драматическая фантазія — «Любовь и развратъ», напечатанныя, первая — отдѣльной брошюрой (Спб. 1841), а двѣ послѣднія въ «Репертуарѣ» (1843, № 3) и «Иллюстрированномъ Семейномъ Листкѣ».

Получивъ энциклопедическое образованіе въ воспитавшемъ его заведеніи и пополнивъ его впослѣдствіи серьёзнымъ изученіемъ предметовъ и языковъ, не входившихъ въ программу лицейскаго курса, Зотовъ сталъ писать во всѣхъ родахъ — и результатомъ его неустанной, почти сорока-лѣтней литературной дѣятельности была та масса драматическихъ произведеній, поэмъ и мелкихъ стихотвореній, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, и тотъ длинный рядъ романовъ, повѣстей, учоныхъ, беллетристическихъ и критическихъ статей, историческихъ изслѣдованій, монографій, этюдовъ и фельетоновъ, разсѣянныхъ почти по всѣмъ повременнымъ изданіямъ сороковыхъ, пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, изъ которыхъ мы можемъ указать здѣсь лишь на небольшую ихъ часть. Не говоря о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыхъ было напечатано имъ въ теченіи своей многолѣтней литературной дѣятельности болѣе двухъ сотъ почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, Зотовъ написалъ и напечаталъ до сорока пьесъ для театра, изъ которыхъ двадцать семь были играны. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ! Драмы въ стихахъ: «Святославъ», «Новгородцы», «Король Энціо» («Репертуаръ», 1843, № 22), «Чума въ Миланѣ», «Дочь Карла Смѣлаго», «Шкиперъ» (Спб. 1844), «Герцогиня д'Эзильонъ», «Наполеоновскій гвардеецъ», «Дочь короля Рене», («Пантеонъ», 1850, № 4») и «Расинъ»; драмы въ прозѣ: «Мольеръ», «Однофомильцы», «Дочь Корсара», «Семь Мильоновъ», «Греческій философъ», «Дочь управителя»; комедіи: «Мѣщанинъ-дворянинъ» — Мольера, «Дружба и Любовь» — Ожье («Пантеонъ», 1851, № 4), «Наука и женщина», «Учитель», «Двѣ невѣсты», «Комедія въ окнѣ и на балконѣ», «Какъ нынче любятъ», «Какъ нынче ненавидятъ», «Тётушка и добродѣтель» («Репертуаръ», 1842, № 22); водевилей — не перечисляемъ. Кромѣ того, Зотовымъ были переведены: съ итальянскаго — три оперы: «Лукреція Борджія», «Ломбардцы» и «Біанка и Гвальтіеро», а съ французскаго — одна: «Сирена» Обера. Кромѣ того, имъ было написано, вмѣстѣ съ графомъ Соллогубомъ, либретто первой оперы Рубинштейна «Куликовская битва», а въ 1856 году — сочинёнъ и изданъ отдѣльной брошюрой драматическій прологъ въ стихахъ на столѣтній юбилей русскаго театра, подъ заглавіемъ «30 августа 1856 года» (Спб. 1856), за который былъ удостоенъ преміи. Изъ романовъ и повѣстей назовёмъ слѣдующія: «Чорный тараканъ», романъ, помѣщённый во 2-й книжкѣ «Репертуара» на 1843 годъ и почтённый одобрительнымъ отзывомъ Бѣлинскаго, «Любовь и приличіе», повѣсть въ двухъ частяхъ, «Левъ и Барышня», повѣсть («Репертуаръ», 1842 годъ), «Жизнь и электричество», «Прихоть», «Разсказы моего затылка», «Опекунша» (всѣ три повѣсти были помѣщены въ «Литературной Газетѣ» 1848 и 1849 годовъ), «Волтижорка», повѣсть («Отечественныя Записки», 1849, т. 67), «Между Петербургомъ и Москвою», разсказъ въ шести станціяхъ (тамъ же, 1853, т. 88), «Старый домъ», романъ въ осьми частяхъ (тамъ же, 1850 и 1851, т. 73, 74, 75, 76 и 77), «Коломенская роза» (тамъ же, 1850, т. 68), «Человѣкъ съ характеромъ», романъ въ двухъ частяхъ («Библіотека для Чтенія», 1852), «Первый маскарадъ», «Комедія въ оперѣ» (обѣ въ «Пантеонѣ», 1852 и 1853), «Исторія одного паука» («Пантеонъ», 1854, т. XVI), «Лопухинская легенда», повѣсть («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1856), «Лѣшій», поэма въ прозѣ («Общезанимательный Вѣстникъ», 1857), «Любовь въ городской каретѣ», повѣсть («Пантеонъ» 1856), «Любовь людей», повѣсть («Сынъ Отечества», 1857), «Докторша», повѣсть («Отечественныя Записки», 1865). Изъ серьёзныхъ статей Зотова заслуживаютъ вниманія: «Фаустъ Гёте и его русскіе переводчики», «Шекспиръ въ его мало-извѣстныхъ произведеніяхъ», «Менандръ и Теренцій» и «Рабле», напечатанныя въ «Репертуарѣ» и «Пантеонѣ», «Ривароль», («Сѣверная Пчела»), «Рашель и классицизмъ», «Лермонтовъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ» и «Лермонтовъ какъ прозаикъ и драматургъ» («Сѣверное Сіянье», 1863, №№ 3 и 6, и 1864, №№ 5 и 6) и другія. Независимо отъ всего исчисленаго нами, Зотовъ написалъ цѣлый рядъ критическихъ статей по русской литературѣ, помѣщавшихся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ теченіи 1855 и 1856 годовъ и въ «Пантеонѣ» Кони, во всё продолженіе его существованія съ 1850 по 1856 годъ, и множество «Заграничныхъ писемъ» въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго. Отдѣльно же Зотовъ издалъ: поэму «Хеакъ» (Спб. 1842), стихотвореніе «Театралъ», съ рисунками Тима, и 1843 году, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, двѣ книжки стихотвореній, подъ загла-

ніемъ «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», изъ которыхъ въ первой помѣщена была небольшая его поэма «Жизнь и Люди», вмѣстѣ съ юмористическимъ стихотвореніемъ Некрасова «Говорунъ», подписаннымъ псевдонимомъ «Бѣлопяткинъ».

Испытавъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы, Зотовъ приходитъ наконецъ къ убѣжденію, что его призваніе — журналистика. И вотъ, начиная 1842 годомъ и кончая 1876, онъ не перестаётъ быть редакторомъ какого-нибудь періодическаго изданія, а иногда и нѣсколькихъ вдругъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе 1842 и 1843 годов онъ редактировалъ «Репертуаръ», съ 1846 по 1848 годъ — «Литературную Газету», въ 1850 — «Сынъ Отечества», съ 1857 по 1863 — «Иллюстрацію», съ 1859 по 1862 — «Семейный Листокъ», съ 1863 по 1873 — «Воскресный Досугъ», съ 1864 по 1873 — «Иллюстрированную Газету» и, наконецъ, съ 1874 по 1876 — «Иллюстрированную Недѣлю». Кромѣ исчисленныхъ здѣсь журналовъ, сотрудничество въ которыхъ было обязательно для Зотова, онъ въ тоже время — или въ промежутки между редакторствами — находилъ ещё возможнымъ принимать участіе и въ другихъ журналахъ. Такъ, напримѣръ, въ тѣ же 1850 — 1856 годы онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи «Пантеона», перешедшаго подъ редакцію Кони, гдѣ завѣдывалъ отдѣлами критики и смѣси, что, впрочемъ, не мѣшало ему работать въ то же время и для «Отечественныхъ Записокъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ онъ завѣдывалъ критическимъ отдѣломъ, что обязывало его читать всѣ тогдашніе журналы. Наконецъ, въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго Владиміръ Рафаиловичъ, какъ постоянный сотрудникъ этого журнала, писалъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, рецензіи, а во время своей поѣздки за-границу — письма изъ Парижа, Лондона, Брюселя, Роттердама, Манчестера и другихъ городовъ. Даже редактированіе въ послѣднее время двухъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій, въ которыхъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, Зотовъ работалъ болѣе всѣхъ своихъ сотрудниковъ, составляя статьи по всѣмъ отраслямъ науки и литературы, не мѣшало ему въ тоже время принимать на себя и другія работы, въ особенности лексикографическія, къ которымъ онъ всегда обнаруживалъ особенную наклонность и способность, благодаря своему энциклопедическому образованію и знанію многихъ европейскихъ языковъ. Такъ, будучи съ 1861 по 1864 годъ помощникомъ редактора «Энциклопедическаго Словаря», онъ составилъ почти одинъ, безъ сотрудниковъ, весь третій томъ «Настольнаго Словаря» Толя, завѣдывая въ тоже время редакціею «Сѣвернаго Сіянія», для котораго онъ почти одинъ составлялъ всѣ статьи по исторіи русской литературы, живописи и другимъ предметамъ. Послѣднимъ трудомъ Зотова была «Исторія всемірной литературы въ очеркахъ, біографіяхъ и образцахъ», два первыхъ выпуска которой были выпущены въ свѣтъ въ 1876 году.

Въ настоящее время Владиміръ Рафаиловичъ проживаетъ по прежнему въ Петербургѣ, который не покидалъ ни когда въ теченіе всей своей жизни, продолжая заниматься литературой, которой всегда служилъ ревностно.

ИЗЪ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ «ЖИЗНЬ И ЛЮДИ».

Гдѣ граничитъ съ мірозданьемъ
Безпредѣльность и хаосъ,
Гдѣ таинственнымъ лобзаньемъ
Время съ вѣчностью слилось,
Гдѣ нѣтъ жизни, звука, свѣта,
Нѣтъ ни неба, ни земли —
Мысли странныя поэта
Тамъ пріютъ себѣ нашли.
Видитъ онъ: за гранью міра,
Сбросивъ тѣла скорлупу,
Въ свѣтлой области эѳира
Проложивъ себѣ тропу,
Длинной цѣпью вьются тѣни
Къ центру чудному вдали,
Съ грузомъ грязныхъ впечатлѣній
Ими брошенной земли.
Неуспѣла въ нихъ застынуть
Пѣна помысловъ земныхъ:
Не могли они покинуть
Мелочныхъ страстей своихъ.
Тѣни мчались и стремились
Всѣ къ началу бытія;
Всѣ надѣялись, молились,
Страхъ на сердце затая.
Но полётъ ихъ быстротечный
Вдругъ прервался. Въ краѣ томъ
Есть черта межъ жизнью вѣчной
И пустымъ небытіёмъ.
Ихъ на той чертѣ прекрасной
Жизни Духъ остановилъ
И съ улыбкою безстрастной
Имъ спокойно говорилъ:

ДУХЪ ЖИЗНИ.
Куда вы летите?
ТѢНИ.
Къ небесной отчизнѣ.
ДУХЪ ЖИЗНИ.
Къ чему вы стремитесь?
ТѢНИ.
Къ источнику жизни.
ВАЖНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
Я не безъ пользы жилъ на свѣтѣ
И очень дѣятеленъ былъ:
Я всё поутру въ кабинетѣ
Переставлялъ, переносилъ,
Съ фарфора самъ сдувалъ пылинки,
Укладывалъ бумаги самъ
И самъ богатыя картинки
Въ порядкѣ вѣшалъ по стѣнамъ.
Любилъ я очень симетрію,
А вольнодумства не любилъ,
И нашу славную Россію
Съ утра и дò ночи хвалилъ.
По вечерамъ ко мнѣ сбиралась
Въ недѣлю разъ вся наша знать:
За танцы юность принималась,
А мы садилися играть.
И аматёры по субботамъ
Порой сбиралися блеснуть:
Играли, пѣли — всё по нотамъ,
Не на обумъ и какъ-нибудь,
Какъ иностранныя пѣвицы,
Стекляннымъ горлышкомъ звеня,
И въ залахъ наши львы и львицы
Курить не смѣли у меня.
Я столъ держалъ всегда отличный,
Во всёмъ приличье соблюдалъ
И всё, что слыло неприличнымъ,
Съ негодованьемъ отвергалъ.
Я въ даль, признаться, не пускался;
Журнальныхъ не читалъ статей
И, какъ чумы, всегда боялся
Философическихъ идей.
Бывалъ я въ церкви, хоть не часто,
Но клалъ поклоны до земли;
Въ театръ ходилъ, какъ пѣла Паста,
Когда туда другіе шли.
Я не служилъ, но всё *считался*,
Имѣя мѣсто при дворѣ,
И въ разговоры не мѣшался
О Богѣ, мірѣ и добрѣ.
Повсюду принятъ, всѣмъ извѣстенъ,
Я гордо кланялся, смотрѣлъ,
И если былъ не слишкомъ честенъ,
За-то амбицію имѣлъ.
Добро я дѣлалъ, но не много,
Дѣлами занятый съ утра;
Но если мы разсудимъ строго —
Какая польза отъ добра?
Какъ жилъ я чинно, также точно
И умеръ чинно — и гласитъ
На гробѣ надпись: «Непорочно
Служившій мужъ здѣсь возлежитъ.»
АКТРИСА.
Я въ той жизни испытала
Много радостей земныхъ
И искусно завлекала
Обожателей моихъ.
Не заботясь объ искусствѣ
И чуждаяся труда,
Объ одномъ постыдномъ чувствѣ
Я лишь думала всегда.
Я затѣмъ пошла въ актрисы,
Что влечётъ къ нимъ бóльшій жаръ,
Что заманчивѣй кулисы,
Чѣмъ роскошный будуаръ.
Никогда я не мечтала —
И о чёмъ, къ чему мечтать? —
И лишь тó при жизни знала
Чтó не слѣдовало знать.
Такъ я время проводила,
Въ сплётняхъ путая подругъ —
И, шутя, распространила
Моего знакомства кругъ.
Но не долго роль царицы
Мнѣ разыгрывать пришлось —
И забытою въ больницѣ
Умереть мнѣ привелось.
ЧИНОВНИКЪ.
Я самъ въ моей ничтожности
Не только въ свѣтѣ жилъ,
Но даже по возможности
Отечеству служилъ.
На службу собираюся
Часамъ я къ десяти
И такъ всегда стараюся,
Чтобъ раньше всѣхъ придти.
Бывало, въ отдѣленіи
Смирнѣе всѣхъ сижу —
Со страхомъ и почтеніемъ
На старшихъ я гляжу.
Пишу всегда внимательно,
Никакъ не обернусь
И дó верху такъ тщательно

Какъ должно застегнусь.
Мнѣ съ чувствомъ въ дни воскресные
Начальникъ руку жалъ
И каждый писарь въ крестные
Отцы навѣрно звалъ.
Со славой самой прочною
Я ревностно служилъ
И пряжку безпорочную
За тридцать лѣтъ носилъ.
Я въ жизнь словечка грубаго
Ей-Богу не сказалъ
И сторожа беззубаго
«Любезнымъ» называлъ.
Начальникъ отдѣленія
Подъ часъ начнётъ ругать —
Что жь дѣлать? Безъ сомнѣнія
Смириться и молчать.
Другой себѣ нахальствуетъ,
А крикнешь — и притихъ:
На то онъ и начальствуетъ,
Чтобъ взыскивать съ другихъ.
Я въ рынокъ и лабазникамъ
Всегда долги платилъ;
Въ театръ ходилъ по праздникамъ;
Безчинства не любилъ.
Смотрѣлъ, что поучительно,
Актрисамъ не мигалъ,
Служилъ неукоснительно,
Стиховъ не сочинялъ.
Конечно, приходилося
И мнѣ грустить порой:
И страшно сердце билося
Чувствъ новыхъ полнотой,
Грудь ныла отъ томленія
И не спалося въ ночь;
Но это навожденіе
Я гналъ тотчасъ же прочь.
Меня ветчинка сочная
Въ могилу низвела —
И пряжка безпорочная
Отъ смерти не спасла.
Я временное жительство
Съ почётомъ покидалъ:
Его превосходительство
За гробомъ выступалъ
И шляпа трёхугольная
Лежала на гробу.
Вотъ жизнь моя юдольная!
Кого жь винить? Судьбу?

—

К. С. АКСАКОВЪ.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, старшій сынъ автора «Семейной Хроники» Сергѣя Тимофѣевича и старшій братъ Ивана Сергѣевича Аксаковыхъ, родился 29-го марта 1817 года въ селѣ Аксаковѣ, Оренбургской губерніи.

Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ деревнѣ, въ домѣ своихъ родителей, частью въ Самарской, частью въ Оренбургской губерніяхъ. Кабинетъ отца былъ его дѣтскою. Въ тотъ возрастъ, когда другія дѣти забавляются игрушками, онъ зналъ наизустъ «Россіаду» Хераскова и множество другихъ произведеній русской литературы вѣка Екатерины. Ещё будучи двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, какъ разсказываютъ его родные и знакомые, знавшіе его въ дѣтствѣ, онъ собиралъ вокругъ себя своихъ младшихъ братьевъ и сестёръ, заставлялъ ихъ пѣть стихи собственнаго сочиненія, въ которыхъ предавалъ проклятію всё иноземное и затѣмъ сжигалъ торжественно французскія записки, которыя получались его матерью отъ знакомыхъ русскихъ барынь. Въ 1828 году онъ переѣхалъ, вмѣстѣ съ своими родителями, въ Москву, для приготовленія въ университетъ. Здѣсь часто видѣли его у подножья памятника Минину и Пожарскому, разсказывающимъ извозчикамъ и калачникамъ о событіяхъ 1612 года. Съ поступленіемъ въ университетъ въ 1832 году, онъ съ замѣчательною ревностью принялся за изученіе иностранныхъ литературъ, а потомъ углубился весь въ изученіе новѣйшихъ германскихъ философовъ. Это было время сближенія его съ Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, Грановскимъ и другими, принадлежавшими къ ихъ кружку. Окончивъ курсъ кандидатомъ въ 1835 году и посвятивъ себя всего учоной и литературной дѣятельности, онъ никогда и ни гдѣ не служилъ, оставаясь безотлучно въ родительскомъ домѣ. Въ 1847 году, послѣ экзамена, выдержаннаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и по защитѣ своей диссертаціи «Ломоносовъ въ исторіи русской словесности и русскаго языка», Аксаковъ былъ удостоенъ степени магистра. Ещё до изданія этого сочиненія, онъ печаталъ въ «Телескопѣ», «Молвѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» свои стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и статьи, по поводу нѣкоторыхъ, занимавшихъ въ то время русское общество, вопросовъ, причёмъ являлся иногда предъ публикой подъ псевдонимомъ «К. Эврипидина». Начиная съ 1846 года, Аксаковъ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ

всѣхъ лучшихъ органовъ славянофильскаго направленія въ нашей литературѣ. Такъ въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846, 1847 и 1852 годовъ были между-прочимъ напечатаны слѣдующія его сочиненія: «О православіи», три большія критическія статьи и «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности», а въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 — 1860 годовъ — цѣлый рядъ статей по русской исторіи и литературѣ. Всего яснѣе выражены общественныя и литературныя тенденціи автора въ статьяхъ его объ «Исторіи Россіи» Соловьёва, «О русской литературѣ», «О богатыряхъ князя Владиміра», «О русской грамматикѣ Буслаева», «О современномъ человѣкѣ» («Братская Помочь», 1876) и другихъ. Отдѣльно были напечатаны: «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М. 1847), «Освобожденіе Москвы въ 1612 году», драма (М. 1848), «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и русскихъ въ особенности» (М. 1852), «О русскихъ глаголахъ» (М. 1855), «Князь Луповицкій», комедія (М. 1856 и Лейпцигъ 1857), «Олегъ подъ Константинополемъ», драматическая пародія въ стихахъ (Спб. 1858), «Опытъ русской грамматики» (М. 1860) и «Замѣчаніе на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи» (Лейпцигъ, 1861). Воззрѣнія Аксакова на русскую исторію, хотя они и не выражены ни въ какомъ отдѣльномъ сочиненіи и, притомъ, разбросаны по журнальнымъ статьямъ, имѣютъ большой интересъ. «Полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова», начавшагося издаваться въ 1861 году, вышло до-сихъ-поръ всего два тома. Томъ I. Сочиненія историческія. М. 1861. Томъ II. Сочиненія филологическія. М. 1875.

Независимо отъ своихъ учоныхъ трудовъ, Аксаковъ оставилъ намъ также и произведенія поэтическія. Кромѣ тѣхъ мелкихъ стихотвореній и переводовъ изъ Шиллера и другихъ поэтовъ, которыя были напечатаны въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Москвитянинѣ» и другихъ журналахъ, онъ оставилъ послѣ себя ещё много лирическихъ стихотвореній, не попавшихъ въ печать.

Аксаковъ скончался на одномъ изъ Іоническихъ острововъ — Зантѣ, 7-го декабря 1861 года, куда доктора послали его, въ надеждѣ, что воздухъ юга поправитъ его, разстроенное здоровье.

Заключаемъ нашъ краткій очеркъ полезной дѣятельности Аксакова тёплымъ отзывомъ о нёмъ покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, извлечённымъ нами изъ некролога, написаннаго имъ по полученіи извѣстія о смерти Константина Сергѣевича и напечатаннаго въ 19-мъ нумерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» на 1861 годъ: «Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный. Трудно представить себѣ личность, болѣе самобытную, болѣе своеобразную, нежели какой былъ К. С. Аксаковъ. Жизнь его, мы полагаемъ, не прошла даромъ для Земли Русской. Онъ имѣлъ вліяніе на образованіе и развитіе тѣхъ идей, которымъ назначено, по нашему мнѣнію, исцѣлить Россію отъ существующихъ въ ней недуговъ. Его убѣжденіе было постоянно наружѣ, высказывалось въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ дѣйствіи. Онъ былъ весь сосредоточенъ на одной мысли; но односторонность въ нёмъ не только не была вредна, а, напротивъ, служила ему источникомъ силы и средствомъ дѣйствовать на людей, ибо самая мысль, на которой онъ сосредоточивался, была цѣльна, жизненна, многостороння. Аксаковъ соединялъ съ своею обширною учоностью и съ постоянною дѣятельностью ума дѣтскую простоту сердца. Онъ былъ человѣкъ самой высокой нравственности. Смерть его на отдалённомъ островѣ, среди родныхъ, сопровождавшихъ его за границу, была трогательна и прекрасна.»

ЛУНА И СОЛНЦЕ.

Тебя мечтательницы любятъ,
Луна въ далёкихъ небесахъ!
Свои мечты онѣ голубятъ
Въ твоихъ серебряныхъ лучахъ.
Къ тебѣ, о, робкое свѣтило,
Стремится робкая душа,
Съ тобой блаженствуя уныло,
Тоскою праздною дыша!
Въ твоёмъ мерцаніи пристрастномъ,
Въ твоей невѣрной полумглѣ —
Всё стало призракомъ неяснымъ,
Видѣньемъ страннымъ на землѣ.
Гоня вездѣ опредѣленность
И утверждая власть мечты,
Простую жизни откровенность
Сомнѣньемъ окружила ты.
Твой блѣдный лучъ какой-то тайной
Весь міръ дѣйствительный облёкъ,
Всему далъ видъ необычайный —
Вездѣ загадка иль намёкъ.
Завѣса лёгкаго тумана
На всё наброшена тобой:
Очарованіе обмана

Объяло тихо міръ земной.
Но нѣжитъ онъ, твой лучъ холодный,
Лелѣетъ онъ въ ночной тиши
Пустого сердца сонъ безплодный
И ложь мечтательной души.
Твоихъ поклонниковъ довольно,
Довольно въ мірѣ, о луна,
Тоски и скорби добровольной,
И лжи, и нравственнаго сна!
Есть люди: въ нихъ всё также зыбко,
Въ нихъ всё загадка иль намёкъ;
Въ ихъ сердцѣ — вѣчная ошибка;
Дары природы имъ не въ прокъ.
Мила имъ область сновъ неясныхъ
И недоконченныхъ рѣчей,
Иносказаній ежечасныхъ,
Смѣшенье свѣта и тѣней.
Мечтамъ и шуткамъ безконечнымъ —
Какъ-будто дѣлу преданы —
Они всю жизнь, въ просоньи вѣчномъ,
Свои разсказываютъ сны.

Но вотъ прозрачный мракъ рѣдѣетъ
Зари багряной полосой
Всё небо постепенно рдѣетъ
И всходитъ солнце надъ землёй —
И солнца лучъ, рѣшитель спора,
Блеснулъ и прогоняетъ тьму:
Всё освѣщаетъ онъ для взора —
Но недоступенъ онъ ему.
О, солнце, врагъ видѣній лживыхъ!
И полумракъ и полусонъ
Бѣгутъ лучей твоихъ правдивыхъ!
Весь міръ открытъ и озарёнъ,
Всё смотритъ ясно и отрадно,
Нигдѣ ни въ чёмъ обмана нѣтъ:
Всё озаряетъ безпощадно
Твой, солнце, правосудный свѣтъ!
Чтó дышетъ жизнью настоящей,
То встрѣтитъ съ радостнымъ лицомъ
Твой неподкупный лучь блестящій
И новыхъ силъ добудетъ въ нёмъ.
Торжественный и многогласный,
И непрестанный съ древнихъ поръ,
Тебѣ, свѣтило правды ясной,
Гремитъ хвалебный жизни хоръ!
Тотъ только солнце любитъ смѣло,
Кто жизнь въ мечту не обратилъ,
Кому доступно въ мірѣ дѣло,
Кто не извѣжилъ данныхъ силъ;
Кто полумысли, получувства
Въ своей душѣ не допускалъ,
Рѣчей загадочныхъ искусства
Презрѣннаго не изучалъ;
Кому противенъ путь намёка
И ненавистнѣй для кого
Благообразіе порока,
Чѣмъ безобразіе его,
Въ комъ чувство жизни вѣчно ново,
Кто рѣчи хитро не двоитъ,
Чья мысль ясна, чьё прямо слово,
Чей духъ свободенъ и открытъ.

И. С. АКСАКОВЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сынъ Сергѣя Тимофѣевича, автора «Семейной Хроники», родился въ селѣ Надеживѣ, Оренбургской губерніи, 26-го сентября 1823 года, воспитывался въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ окончилъ курсъ въ 1842 году, и тогда же опредѣлился на службу въ Московскій Сенатъ. Въ 1848 году, по переходѣ на службу въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ, онъ былъ командированъ въ Бессарабію по раскольничьимъ дѣламъ, а въ слѣдующемъ году ѣздилъ ревизовать городское управленіе Ярославской губерніи, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялъ всё время членомъ въ коммиссіи для изслѣдованія секты странниковъ, ученіе и догматы которой онъ описалъ въ особомъ сочиненіи. Въ 1850 году Иванъ Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и возвратился къ отцу своему, въ Москву, гдѣ и отдался весь литературнымъ занятіямъ.

Въ 1852 году онъ издалъ 1-й томъ «Московскаго Сборника» и уже готовился издать 2-й; но цензурныя препятствія заставили его отказаться отъ своего намѣренія. Затѣмъ, въ 1853 году, Русское Географическое Общество предложило ему сдѣлать описаніе торговли на украинскихъ ярмаркахъ. Аксаковъ принялъ прелложеніе и въ томъ же году отправился въ Малороссію, гдѣ и пробылъ до конца слѣдующаго года, переѣзжая съ одной ярмарки на другую, вникая въ малѣйшія подробности торговыхъ сдѣлокъ и дѣлая свои замѣтки. Результатомъ всѣхъ этихъ наблюденій и изысканій было извѣстное его сочиненіе: «Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», изданное Географическимъ Обществомъ въ 1858 году. Это изслѣдованіе, основанное на фактахъ, тщательно собранныхъ большею частью самимъ издателемъ, обни-

маетъ собою не только одну торговлю нашихъ ярморокъ на Украйнѣ, но и всю почти торговую и промышленную дѣятельность нашихъ главныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно обнаружило всю недостаточность и неточность оффиціальныхъ свѣдѣній по этой части. Сочиненіе было удостоено, со стороны Географическаго Общества, константиновской медали, а Академія Наукъ присудила ему половинную демидовскую премію.

Воротившись въ Москву изъ своего малороссійскаго путешествія, Аскаковъ вступилъ въ 1855 году въ ополченіе и, вмѣстѣ съ Серпуховской дружиной, сдѣлалъ походъ въ Одессу, а потомъ въ Бессарабію. При первомъ извѣстіи о мирѣ, онъ оставилъ дружину и вернулся въ Москву, послѣ чего въ 1858 году принялъ на себя редакторство «Русской Бесѣды» и выдалъ 3-й и 4-й томы за тотъ годъ. Затѣмъ, получивъ дозволеніе издавать газету «Парусъ», онъ выдалъ, въ январѣ 1859 года, два нумера этой газеты, третій же былъ задержанъ цензурой и — изданіе прекратилось. Въ 1860 году онъ посѣтилъ славянскія земли, а къ концу года былъ уже снова въ Москвѣ, гдѣ, спустя годъ, сталъ издавать еженедѣльную газету «День», продолжавшую своё существованіе до половины 1865 года, а въ теченіе 1867 и 1868 годовъ еженедѣльныя газеты «Молву» и «Москвичь».

Какъ поэтъ, Аксаковъ извѣстенъ какъ авторъ поэмы «Бродяга» и многихъ лирическихъ стихотвореній, отличающихся несомнѣнными достоинставами. Первое его стихотвореніе «Колумбъ» было напечатано въ «Москвитянинѣ» 1844 года; остальныя же — разсѣяны по разнымъ изданіямъ съ славянофильскимъ направленіемъ, какъ-то: въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846, 1847 и 1852 годовъ, «Русской Бесѣдѣ» (1856 — 1860) и въ газетѣ «Парусъ».

Что же касается дѣятельности Ивана Сергѣевича какъ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, то она хорошо извѣстна всякому русскому.

Женившись въ шестидесятыхъ годахъ на дѣвицѣ Аннѣ Ѳёдоровнѣ Тютчевой, дочери нашего извѣстнаго поэта Ѳедора Ивановича Тютчева, онъ въ настоящее время проживаетъ въ Москвѣ, гдѣ занимаетъ мѣсто директора одного изъ извѣстныхъ банковъ, отличающихся отъ остальныхъ строю честностью всѣхъ своихъ операцій, чего нельзя сказать о другихъ.

I.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ!
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску: какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво —
И мниться мнѣ досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право.

Въ былые дни поэта чаровалъ
Блаженства сонъ, Эдемъ въ неясной дали,
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ —
И были намъ смѣшны его печали.

И, осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путёмъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, па подвигъ испытаній.

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я — и громъ далёкій слышалъ...
Мила и ты, о молодая кровь!
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ...

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ,
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ.

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла — и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни
И юности лукавые порывы
Опасны намъ, затѣмъ-что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгараетъ въ нёмъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ; долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь, тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишонъ ты всей отрады упоенья —
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжолый гнётъ упорнаго терпѣнья.

Но слышно мнѣ порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время.
Когда же власть, скажи, твоя пройдётъ,
О молодость, о тягостное бремя?

II.

ДВѢ ДОРОГИ.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнемъ убита, жесткà для копыта;
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта;
Въ тебѣ что ни шагъ, то мужикъ работàлъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Всё дружною силой и съ пѣснями взято:
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!

А съ каменной рядомъ, поодоль немножко,
Окольная вьётся, живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывёшь?
Идёшь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣку и гору;
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла.
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха;
Грязна ты въ ненастье, а въ вёдро суха.

III.

ВЕЧЕРЪ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ:
По дворамъ давно загнали стадо
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо всё. Часъ ночи не далёкъ.
Подымался и улёгся снова
На закатѣ лёгкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій;
Пала сильно нá землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились;
Встрѣтить ночь готовится природа —
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаётъ, и будто шевелится,
И ростётъ, и шепчется трава.

IV.

Добро бъ мечты, добро бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ, счастьемъ мелкаго объёма
Довольны мы безъ бурь и грома
И мирно путь проходимъ свой,
И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днёмъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живёмъ душой.

Но эта жизнь — ни сонъ, ни бдѣнье —
Богъ знаетъ что. Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ всё дано. Мы грубой ложью
Затьмить не въ силахъ правду Божью —
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали.
Её мы чтимъ, о ней мы тужимъ;
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ.
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно-убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Что жь толку въ томъ? Проходятъ лѣта,
Любовь по прежнему мертва.
О, слово старое поэта:
«Слова, слова, одни слова!»
Не тò, чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешовыхъ
Счастливо гаснутъ каждый часъ.

Не всё же сонъ! Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,

Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаёмся безъ труда.
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
Какой златою серединой
Ты путь опасный проходилъ?

Нѣтъ, тёмныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самимъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

V.

ИЗЪ ПОЭМЫ «БРОДЯГА».

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной —
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится.
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая.
Воздвигла Божій храмъ
Сума торговая —
И службы Божія
Богато справлены:
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдётъ —
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладётъ,
Кругомъ поклонится.
И стройно клирное
Несётся пѣніе
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладона.

—

Ѳ. Б. МИЛЛЕРЪ.

Ѳёдоръ Богдановичъ Миллеръ родился 22-го января 1818 года въ Москвѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ московскомъ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра и Павла, въ которомъ и окончилъ курсъ на 16-мъ году. Затѣмъ, не желая обременять своей старухи-матери, которой, при ея скудныхъ средствахъ, было бы затруднительно содержать его во всё время прохожденія университетскаго курса, онъ поступилъ ученикомъ въ аптеку, а черезъ три года выдержалъ экзаменъ на званіе аптекарскаго помощника. Около двухъ лѣтъ Миллеръ занимался фармацевтикой, служа при Московскомъ университетѣ и посѣщая лекціи тѣхъ профессоровъ, которыхъ нужно ему было слушать, такъ-какъ онъ уже давно задумалъ оставить фармацевтику и заняться литературой, влеченіе къ которой почувствовалъ ещё въ нѣмецкой школѣ. Въ 1839 году Миллеръ выдержалъ экзаменъ на званіе домашняго учителя русскаго и нѣмецкаго языковъ, а въ 1841 — поступилъ въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ преподавателемъ сперва нѣмецкаго, а потомъ русскаго языковъ и словесности, для чего долженъ былъ снова держать экзаменъ на право преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Прослуживъ здѣсь 28 лѣтъ, Ѳёдоръ Богдановичъ оставилъ службу въ 1869 году, съ пенсіей и чиномъ статскаго совѣтника. Въ настоящее время онъ проживаетъ въ Москвѣ, гдѣ, причисленный къ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, занимается переводомъ польскихъ церковныхъ гимновъ на русскій языкъ.

Первымъ литературнымъ трудомъ Миллера былъ романъ въ трёхъ частяхъ «Цыганка», написанный имъ на 19-мъ году. Само собою разумѣется, романъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, что, впрочемъ, не помѣшало ему разойтись очень скоро. Затѣмъ, въ 1840 году, онъ напечаталъ отдѣльной книжкой свою драматическую сказку «Брильянтъ и роза», заимствованную изъ нѣмецкой повѣсти, а въ 1841, въ 8-мъ нумерѣ «Москвитянина», свой первый опытъ перевода въ стихахъ: двуактную драму Кастелли «День Карла Пятаго». Съ этого времени Миллеръ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ

«Москвитянина» и помѣщалъ въ нёмъ, почти исключительно, свои переводы, вплоть до его прекращенія. Здѣсь, между прочимъ, были помѣщены его прекрасные переводы двухъ большихъ балладъ Шиллера: «Жалоба Цереры» и «Фридолинъ» (1853, №№ 14 и 20) и пяти-актной его трагедіи «Вильгельмъ Телль» (1843, № 8). Затѣмъ, Ѳёдоръ Богдановичъ сталъ печатать свои переводы въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ былъ напечатанъ его полный переводъ «Конрада Валенрода» Мицкевича (1860, № 7), въ «Библіотекѣ для Чтенія» («Альманзоръ» Гейне), «Шиллерѣ въ переводахъ русскихъ поэтовъ («Мессинская невѣста»), «Шекспирѣ въ переводахъ русскихъ писателей» («Цимбелинъ» и «Мѣра за мѣру»), «Русскомъ Вѣстникѣ» («Тюрьма, «вѣнецъ», «Графиня», «Сикстъ Пятый» «Олланта») и, наконецъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ былъ помѣщёнъ весьма замѣчательный его переводъ поэмы Гамерлинга «Агасферъ въ Римѣ» (1872, №№ 9 и 10) и оригинальное стихотвореніе «Судья Шемяка» (1873, № 4).

Въ 1874 году исполнилось тридцать пять лѣтъ литературной дѣятельности Миллера — и Общество Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, которое считаетъ его съ 1859 года въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ, назначило особое публичное засѣданіе, чтобы почтить тридцати-пяти лѣтніе труды его и другого своего члена, извѣстнаго учонаго и романиста П. И. Мельникова, болѣе извѣстнаго подъ своимъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, литературной дѣятельности которого также исполнилось въ то время тридцать пять лѣтъ.

Въ настоящее время Ѳёдоръ Богдановичъ продолжаетъ изданіе своего литературно-юмористическаго журнала съ каррикатурами «Развлеченіе», основаннаго имъ въ 1859 году и, слѣдовательно, вступающаго въ нынѣшнемъ 1879 году въ двадцать первый годъ своего существованія. Стихотворенія его были издаваемы три раза: 1) Стихотворенія Ѳ. Миллера. 1841 — 1848. М. 1849. 2) Стихотворенія Ѳ. Б. Миллера. Двѣ части. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1860. 3) Стихотворенія Ѳ. Б. Миллера. Двѣ части. Изданіе третье. М. 1873.

I.

СУДЬЯ ШЕМЯКА.

«Помоги мнѣ, братецъ», проситъ братъ убогой:
Не оставь, родимый, милостью премногой!
Вотъ ужь наступаютъ вьюги съ холодами:
Одолжи лошадку съѣздить за дровами.»
— «Охъ, какъ надоѣло мнѣ съ тобой возиться!
Вѣкъ ты будешь плакать, вѣкъ ты будешь биться.
Видно самъ ужь плохъ ты, пропилъ, знать, деньжонки,
Что купить не можешь клячи-лошадёнки.
Счастливъ, что пришолъ ты, какъ иду къ обѣдни:
Такъ и быть, возьми ужь, только знай — въ послѣдній!
Приведёшь — и больше къ моему порогу
Ни ногою — слышишь? прогоню, ей-богу.»
Взялъ бѣдняга лошадь. «Дай ужь оголовокъ»,
Проситъ онъ у брата. — «Ишь ты, больно ловокъ!
За него вечоръ лишь деньги отдалъ самъ я.
Оголовокъ знатный — нѣтъ, его не дамъ я:
Изорвёшь, испортишь, буду я въ изъянѣ.»
— «Дай, вѣдь не къ хвосту же привязать мнѣ сани.»
— «Дѣлай тамъ какъ знаешь, людямъ поклонися:
Гдѣ-нибудь достанешь — только отвяжися.»
Такъ сказавъ, богатый бѣдняка оставилъ;
А бѣднякъ, взявъ лошадь, путь домой направилъ.
Думаетъ онъ думу: какъ бы сани справить,
Чтобъ дрова изъ лѣсу до̀ дому доставить?
Повезётъ ли лошадь? вѣдь безъ хомута-то
Возъ тащить тяжолый будетъ трудновато.
Ну, да ужь устрою — я вѣдь парень ловкой:
Ей къ бокамъ оглобли привяжу верёвкой,
А чтобъ не съѣзжали, я свяжу ремнями
Какъ-нибудь покрѣпче хвостъ ея съ санями.»
Справилъ — и поѣхалъ въ рощу за дровами.
Нагрузивши дровни, по дорогѣ гладкой
Тянетъ онъ ихъ къ дому рядышкомъ съ лошадкой.
Всё идётъ какъ надо — вотъ и дотащились;
Только вдругъ за что-то сани зацѣпились.
«Эй, ну-ну!» кричитъ онъ, «вывози, родная!
Тутъ ужь недалечко — дамъ тебѣ сѣнца я.»
Палкой замахнулся: «ну-же, ну, тащися!»
Конь рванулъ всей силой — хвостъ и оборвися.
Какъ на утро лошадь увидалъ богатый —
«Что̀ ты съ нею сдѣлалъ? что̀ въ ней безъ хвоста-то?»
Закричалъ онъ грозно: «это, братъ, не ладно —
Этакъ одолжать васъ будетъ мнѣ накладно.
Мы пойдёмъ къ Шемякѣ: пусть онъ насъ разсудитъ
И тебя за лошадь заплатить принудитъ.»
И пошолъ къ Шемякѣ съ братомъ братъ убогой.
Путь ихъ былъ не близокъ: снѣжною дорогой
Шли они всё утро и, уставъ не мало,
Завернули оба въ сельское кружало.
Богача хозяинъ встрѣтилъ съ уваженьемъ,
Кланяется въ поясъ: «съ нашимъ, молъ, почтеньемъ!»
И вина, и пива гостю предлагаетъ;
Бѣдняка же словно вовсе и не знаетъ.

Къ богачу подсѣвши, пьётъ онъ съ нимъ, гуторя;
А бѣдняга на̀ печь завалился съ горя,
Чтобъ заспать свой голодъ. Слушая ихъ рѣчи,
Онъ вздремнулъ немного — и свалился съ печи.
Какъ на грѣхъ ребёнокъ спалъ тутъ той порою:
Онъ его, упавши, придавилъ собою.
— «Ахъ, ты душегубецъ! ахъ, безпутный Каинъ!
Что ты тутъ надѣлалъ?» закричалъ хозяинъ.
«Этого, братъ, дѣла такъ я не оставлю
И на судъ къ Шемякѣ я тебя представлю.»
— «Что-жь, пойдёмъ къ Шемякѣ: знать такая доля»,
Отвѣчалъ бѣдняга: «буди Божья воля!»
И пошли всѣ трое; а межь тѣмъ дорогой,
Закручинясь, думу думаетъ убогой:
«Что-жь теперь мнѣ дѣлать? вѣдь меня засудятъ!
Пропаду я, бѣдный! Эхъ, ужь будь что будетъ:
Брошусь лучше съ моста и покончу разомъ!»
У бѣдняги съ горя умъ зашолъ за разумъ.
Вотъ подходятъ къ мосту — онъ перекрестился
И черезъ перила вдругъ перевалился.
Подъ мостомъ въ ту пору сани проѣзжали,
Двое мужичковъ въ нихъ пѣсни распѣвали.
Вдругъ на нихъ свалился будто куль тяжолый —
И замолкли звуки пѣсни ихъ весёлой.
Крикъ бѣдняга слышитъ: «съ нами крестна сила!»
Голову приподнялъ — передъ нимъ верзила:
Парень здоровенный въ бокъ его толкаетъ
И ругаетъ крѣпко, и съ саней пихаетъ;
А подъ нимъ, уткнувшись въ сѣно головою,
Кто-то тяжко стонетъ и хрипитъ порою.
Понялъ онъ въ чёмъ дѣло — и давай Богъ ноги;
Но верзила-парень сталъ середь дороги.
«Глянь, что ты надѣлалъ, лиходѣй треклятый!
Вѣдь пришибъ до смерти моего отца ты.
Ты за это дѣло мнѣ отвѣтишь, милый —
И тебя къ Шемякѣ потащу я силой.»
— «Что-жь, пойдёмъ къ Шемякѣ: пусть онъ насъ разсудитъ!»
Говоритъ убогой: «двухъ смертей не будетъ.»
Идутъ парни въ городъ вчетверомъ. Доро̀гой
Грустно такъ повѣсилъ голову убогой:
Думаетъ, гадаетъ, какъ бы умудриться,
Чтобъ отъ наказанья строгаго отбиться.
Онъ съ дороги камень поднялъ съ думой злою
И, въ мошну засунувъ, спряталъ подъ полою.

На высокомъ стулѣ важно засѣдаетъ
Въ храминѣ Шемяка и свой судъ вѣщаетъ —
И съ благоговѣньемъ предъ судьёю строгимъ,
Кланяясь, предстали три истца съ убогимъ.
Первый свою просьбу изложилъ богатый.
— «Что отвѣтить можешь на слова истца ты?»
Вопросилъ Шемяка. Тотъ, взамѣнъ отвѣта,
Лишь потрясъ мошною: посмотри, молъ, это!
— «А!» смекнулъ Шемяка: «это онъ сотнягу
Мнѣ за судъ мой сулитъ. Выручу бѣднягу!»
«Вотъ моё рѣшенье», говоритъ: «отъ брата
Ты съ хвостомъ, не такъ ли, получилъ коня-то?
Посему и долженъ ты радѣть о томъ же,
Чтобъ ему скотину возвратить съ хвостомъ же.
Того ради конь сей долженъ находиться
При тебѣ, доколѣ хвостъ не отростится.»

Тутъ судьѣ хозяинъ сельскаго кружала
Жалобу представилъ. Не смутясь ни мало,
На вопросъ Шемяки бѣдный, безъ отвѣта,
Лишь тряхнулъ мошною: посмотри, молъ, это!
И Шемяка смѣтилъ: «вотъ ещё сотнягу
Мнѣ за судъ онъ сулитъ. Выручу бѣднягу!»
И сказалъ: «вотъ слушай, какъ въ случа̀ѣ ономъ
Поступить ты долженъ, слѣдуя законамъ:
У него ребёнка ты убилъ родного,
Такъ съ его хозяйкой приживи другого.»

Тутъ съ поклономъ третій подаётъ прошенье
И судью Шемяку молитъ о рѣшеньѣ.
На вопросъ Шемяки бѣдный, безъ отвѣта,
Вновь трясётъ мошною: посмотри, молъ, это!
И Шемяка смѣтилъ: «а, ещё сотнягу
Мнѣ за судъ онъ сулитъ. Выручу бѣднягу!»
И сказалъ въ раздумьѣ: «въ преступленьѣ ономъ
Знай, сугубо виненъ ты передъ закономъ:
Самъ хотѣлъ убиться, а убилъ другого!
Такъ-какъ, чтобъ ни дѣлалъ, ты отца родного
Сиротинѣ-сыну воротить не можешь,
То за свой проступокъ самъ животъ положишь.
Лягъ же ты подъ мостомъ; онъ же, на̀ мостъ ставши,
Пусть тебя задавитъ, на тебя упавши.»

Весело выходитъ отъ судьи убогой;
Тѣ-жь въ душѣ Шемяку всѣ клянутъ дорогой.
— «Что-жь, любезный братецъ», говоритъ бѣдняга:
«Подавай коня-то!» — «Нѣтъ, зачѣмъ, сердяга:
Я ужь передумалъ. Намъ бы помириться!
Конь, хоть и безхвостый, всё-жь мнѣ приходится.
Дамъ тебѣ деньжонокъ — разживайся съ Богомъ,
И впередъ пожалуй пригожусь во многомъ.»
Бѣдный согласился, съ братомъ помирился,
А потомъ къ другому съ рѣчью обратился:
«Ну, тебѣ съ хозяйкой надо, знать, разстаться!»
— «Нѣтъ, я передумалъ: что съ тобой возжаться!
Мнѣ дѣтей не надо — съ ними только горе;
Лучше помиримся — и, со мной не споря,

Вотъ возьми кобылу — славная лошадка,
Да рублёвъ десятокъ, такъ ужь для придатка.»
— «Нѣтъ, я не согласенъ: подавай полсотня,
Иль отдай хозяйку — что тебѣ вольготнѣй.»
Но разстаться съ нею было не подъ силу:
Отдалъ онъ бѣднягѣ деньги и кобылу.
Тутъ убогій съ третьимъ началъ разговоры:
«Охъ, какъ горько слушать мнѣ твои укоры!
Видно на семъ свѣтѣ не жилецъ я болѣ!
Ну, ступай-ка на̀ мостъ да скачи оттолѣ.»
— «Нѣтъ, я передумалъ! Что съ тобой возиться:
На тебя скакавши, самъ могу убиться.
Убирайся съ Богомъ.» — «Нѣтъ, родимый, дудки!
Мы съ тобой ходили въ судъ вѣдь не для шутки:
Ты хотѣлъ обидѣть горькаго бѣднягу,
Такъ скачи, братъ, съ моста, иль подай сотнягу.»
Какъ ни спорилъ парень, какъ онъ ни бранился,
Все-жь таки на сотнѣ съ бѣднымъ помирился.

Вотъ домой приходитъ бѣдный развесёлый!
Ужь не будетъ знаться онъ съ нуждой тяжолой:
Станетъ жить какъ люди, голодъ позабудетъ
И въ міру считаться хуже всѣхъ не будетъ.
А межь-тѣмъ Шемяка дани поджидаетъ
И къ нему за нею парня посылаетъ.
«Что-жь, пріятель, такъ-то держишь обѣщанье?
Что сулилъ Шемякѣ ты за оправданье?»
— «Что-жь ему сулилъ я?» — «Тря мошны съ казною,
Въ каждой по сотнягѣ,» — «Что ты? Богъ съ тобою!
У меня въ мошнѣ той грошъ не заводился,
А лежалъ вотъ камень — имъ я и грозился:
Коль меня въ ту пору онъ не оправдалъ бы,
Я вотъ этимъ камнемъ въ гробъ его вогналъ бы.»
Какъ узналъ про камень — загремѣлъ Шемяка:
«Я тебѣ доѣду! Погоди, собака!»

—

М. П. РОЗЕНГЕЙМЪ.

Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ родился въ 1820 году. Первый изъ предковъ поэта былъ родомъ датчанинъ и, по семейнымъ преданіямъ, переселился въ Россію въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія. Онъ былъ лютеранинъ, но, женясь въ Москвѣ на русской, принялъ православіе и произвёлъ совершенно обрусѣлое потомство, впрочемъ — не многочисленное. Отецъ Михаила Павловича въ своё время былъ единственнымъ представителемъ этого рода. Всѣ они служили, но ни кто изъ нихъ не выдвинулся и не пріобрѣлъ извѣстности. Оставшись послѣ смерти отца, служившаго въ горномъ вѣдомствѣ, четырёхъ лѣтъ, онъ былъ отданъ на восьмомъ году въ 1-й кадетскій корпусъ въ малолѣтнее отдѣленіе. Пробывъ въ корпусѣ цѣлыхъ одинадцать лѣтъ, Розенгеймъ былъ выпущенъ въ мартѣ 1838 года прапорщикомъ въ полевую конную артиллерію. Прослуживъ десять лѣтъ въ строю, онъ воротился въ 1848 году въ Петербургъ, гдѣ до 1866 года продолжалъ служить въ артиллеріи внѣ строя; въ этомъ же году поступилъ въ открывшуюся тогда Военно-Юридическую Академію, по окончаніи двухъ-годичнаго курса въ которой, вышелъ изъ нея по 1-му разряду въ началѣ 1868 года, а въ 1869 — былъ назначенъ военнымъ судьёю въ петербургскій военно-окружной судъ. Эту послѣднюю должность Розенгеймъ занимаетъ и въ настоящее время.

Михаилъ Павловичъ сталъ писать стихи съ четырнадцати лѣтъ, ещё будучи кадетомъ, причёмъ однимъ изъ первыхъ его произведеній была «Походная пѣсня», которую пѣсенники-кадеты, лѣтомъ 1836 года, пѣли на походѣ въ лагерь въ Петергофъ и за которую онъ получилъ отъ командовавшаго въ тотъ годъ батальономъ 1-го кадетскаго корпуса Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Императора, золотые часы. Въ 1837 году бывшій въ то время преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ корпуса, покойный Плаксинъ, передалъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Розенгейма Полевому — и тотъ былъ такъ снисходителенъ къ первымъ опытамъ юнаго поэта, что напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ издаваемаго имъ въ то время «Сына Отечества». Затѣмъ, напечатавъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1840 года ещё два стихотворенія, Розенгеймъ оставилъ Петербургъ и до 1858 года вовсе не печаталъ стиховъ въ журналахъ. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство не помѣшало стихотвореніямъ его, благодаря нескромности пріятелей поэта, являться по временамъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — то подъ именемъ Лермонтова, то подъ именемъ Хомякова. Такъ въ «Современникѣ» на 1850 годъ, въ «Замѣткахъ Новаго Поэта», было помѣщено его стихотвореніе «Дума», безъ означенія имени сочинителя; затѣмъ, въ 1856 году, это самое стихотвореніе, въ нѣсколько измѣнённомъ видѣ, было передано госпожою Хвостовой въ «Русскій Вѣстникъ», какъ стихотвореніе Лермонтова, гдѣ оно и было напечатано (№ 14, отд. I, стр. 323), вмѣстѣ

съ двумя другими, съ именемъ великаго нашего поэта, вызвавъ громкія похвалы со стороны тѣхъ самыхъ рецензентовъ, которые, впослѣдствіи, такъ жестоко нападали на Розенгейма по поводу выхода въ свѣтъ его стихотвореній. Наконецъ, года три тому назадъ, извѣстный Илья Арсеньевъ напечаталъ стихотвореніе Розенгейма «На развалинахъ Севастополя», выдавъ его за произведеніе Хомякова.

Начиная съ 1858 года, стихотворенія Розенгейма стали снова появляться на страницахъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ, преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества», «Русскомъ Словѣ», «Литературной Библіотекѣ», «Зарѣ» и другихъ. Въ томъ же 1858 году вышло въ свѣтъ первое изданіе «Стихотвореній Михаила Розенгейма», вызвавшее весьма разнорѣчивые отзывы со стороны журнальныхъ рецензентовъ обѣихъ столицъ, причёмъ Чернышевскій («Современникъ», 1858, № 11) и Дружининъ («Библіотека для Чтенія», 1858, № 12) посвятили имъ большія, но далеко не благосклонныя статьи. Одновременно со стихами стали появляться въ петербургскихъ журналахъ и прозаическія статьи Розенгейма. Такъ съ ноября 1859 до конца 1860 года ежемѣсячно въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатались его «Замѣтки праздношатающагося»; въ юридическомъ журналѣ Салманова помѣщена была статья его «О конокрадствѣ въ Россіи»; въ газетѣ «Наше Время» — большая статья «О Печерскомъ краѣ», а въ «Сѣверной Пчелѣ», перешедшей отъ Греча подъ редакцію Усова, рядъ юмористическихъ статей, подъ заглавіемъ:«Путешествіе во времени и пространствѣ». Въ 1860 году ему предложена была редакція журнала«Коннозаводства и Охоты», которою онъ и завѣдывалъ до 1860 года. Въ 1863 году онъ началъ издавать сатирическую газету «Заноза», которая съ перваго же года пріобрѣла слишкомъ 5,000 подписчиковъ. Онъ издавалъ её два года; но въ 1865 году, по особымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ передать её въ другія руки, въ которыхъ она и умерла. Въ «Занозѣ» было помѣщено нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и разсказовъ самого редактора. Въ 1864 году «Стихотворенія М. Розенгейма» вышли вторымъ, значительно дополненнымъ изданіемъ. Затѣмъ, въ 1866 году, въ «Голосѣ» напечатанъ былъ рядъ статей его, подъ заглавіемъ: «Письма о недавнемъ быломъ». Вообще, начиная съ этого времени, Розенгеймъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ названной газеты, причёмъ, въ теченіи всего 1867 и въ началѣ 1868 годовъ, написалъ цѣлый рядъ статей, преимущественно по вопросамъ о западныхъ окраинахъ нашихъ и о желѣзныхъ дорогахъ. Наконецъ, въ 1869 и 1870 годахъ онъ напечаталъ нѣсколько статей въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и въ «Военномъ Сборникѣ».

1.

19-е февраля 1862 года.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Осанна! Вайями усыплемте дорогу!

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлому! забвеніе былого!

Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушонъ:
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь братья вамъ, Богъ помочь въ новомъ бытѣ!

Не стойте — прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зовётъ: живымъ работы много.
Впередъ, насъ братья ждутъ, вперёдъ, рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одно — всѣмъ общая дорога.

Вы, чуждые досель сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь наконецъ другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.

Но рабство сломано: давайте жь руки намъ,
Давайте и пойдёмъ, пойдёмъ: насъ ждётъ работа!
И радость и печаль — всё вмѣстѣ, пополамъ!
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдёмъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ;
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
«Христосъ, Христосъ воскресъ!» Воистину воскресъ!
И стала наша Русь землёй людей свободныхъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

II.

ПРОРОКЪ.

Когда Господь открылъ мнѣ вѣжды
И скверну міра показалъ,
Когда — испуганный — одежды
Я, полной скорби, разорвалъ;

Когда — въ порывѣ сокрушенья —
Бѣжать въ пустыню я хотѣлъ,
Чтобы не видѣть униженья
И черноты и грязи дѣлъ;

Тогда, сверкая мнѣ изъ тучи
И гласомъ гнѣва и суда,
Онъ — малодушному Могучій —
Изрёкъ мнѣ грозное: «куда?

«Куда?» воззвалъ онъ громогласно:
Куда, лукавый человѣкъ?
Бѣжишь въ пустыню безопасно
Влачить безплодно жалкій вѣкъ!

«Не сокрушенье, не молитвы —
Мнѣ нуженъ истины пророкъ,
Мнѣ нуженъ мужъ для смѣлой битвы,
Мнѣ нуженъ молотъ на порокъ!

«Не это рабское безсилье
Потребно смѣлому бойцу.
Иди предъ злобу и насилье
И съ ними стань лицомъ къ лицу!»

И я пошолъ. Вражду, гоненье
Я видѣлъ, зналъ и перенёсъ;
Я слышалъ пошлое глумленье
И вопли гнѣва и угрозъ —

И фарисея шопотъ желчный,
И вой безсмысленный глупца;
Но я иду — набатъ немолчный
Глаголовъ правды — до конца.

Не кроюсь: пусть въ меня каменья
Бросаютъ ближніе мои —
Иду безъ злобы и смущенья
Во имя правды и любви.

III.

Горе ты, горе, змѣя подколодная,
Ворогъ старинный ты мой!
Ты, неотступное, ты, безъисходное —
Рано сошлись мы съ тобой!

Рано сошлись мы — сошлись и схватилися:
Чья-то, посмотримъ, возьмётъ?
Сильны, знать, оба съ тобой мы родилися —
Схватка идётъ да идётъ.

Грустно проносится жизнь безотрадная
Въ этой борьбѣ роковой...
Можетъ-быть, сломишь меня, безпощадная -
Только не дамся живой.

IV.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Опять весна живительно
Стучитъ ко мнѣ въ окно:
Что жь сердце такъ мучительно,
Такъ больно стѣснено?

Безъ воли, безъ желанія,
Богъ знаетъ почему,
Встаютъ воспоминанія,
Мерещатся уму.

Всё, всё давно забытое,
Что время унесло,
Убитое, разбитое,
Что было, что прошло:

Весь адъ житья бездольнаго —
Бѣды, нужды, труда,
Гдѣ умъ простора вольнаго
Не вѣдалъ никогда;

Невѣжество завзятое,
Нахально-наглый гнётъ...
Вся эта жизнь проклятая —
Зачѣмъ она встаётъ?

—

Н. Ѳ. ЩЕРБИНА.

Николай Ѳёдоровичъ Щербина, извѣстный русскій поэтъ, родился 2-го декабря 1821 года въ Міусскомъ округѣ земли Войска Донского, въ посёлкѣ Грузко-Елачинскомъ, лежащемъ въ 60 верстахъ отъ Таганрога. Предки Щербины, какъ это видно изъ разныхъ документовъ, принадлежали къ числу тѣхъ малороссійскихъ выходцевъ съ береговъ рѣки Сожи, которые, 250 лѣтъ тому назадъ, во время борьбы Богдана Хмельницкаго съ поляками, принуждены были оставить разорённую ро-

дину и переселиться на необитаемые берега Донца, гдѣ вскорѣ они образовали изъ себя Изюмскій слободской казачій полкъ, ставшій оплотомъ русскихъ окраинъ противъ татарскихъ набѣговъ. По переформированіи же слободскихъ полковъ въ гусарскіе, въ 1763 году, указомъ императрицы Екатерины II родъ Щербины былъ занесёнъ въ число дворянскихъ родовъ вновь образованной изъ слободскихъ земель Слободско-Украинской губерніи.

Первые годы своего дѣтства Щербина провёлъ въ названномъ выше посёлкѣ, принадлежавшемъ его матери, донской дворянкѣ. Что же касается бабушки его по матери, женщины весьма умной, энергической и потому имѣвшей большое вліяніе на внука, то она была природная гречанка, переселившаяся въ Россію изъ Мореи при императрицѣ Екатеринѣ II, вслѣдствіе чего греческій елементъ отразился весьма сильно на воспитаніи матери поэта, а по выходѣ ея замужъ за отца Щербины, сталъ играть видную роль въ жизни и въ всей обстановкѣ родителей поэта, что имѣло огромное вліяніе на эстетическое развитіе будущаго автора «Греческихъ Стихотвореній». Когда же, по продажѣ донского имѣнія, всё семейство Щербины переселилось на жительство въ Таганрогъ, населённый почти исключительно греками, вліяніе это скоро усилилось и сблизило ребёнка ещё болѣе съ греческимъ бытомъ и преданіями греческой старины. По вступленіи въ Таганрогскую гимназію, десятилѣтній Щербина такъ ревностно принялся за изученіе греческаго языка, что вскорѣ, недовольствуясь преподаваніемъ его въ гимназіи, сталъ ходить въ частную греческую школу, гдѣ прочиталъ въ первый разъ «Илліаду» Гомера и познакомился съ нѣкоторыми другими поэтами древней Эллады. Къ этому времени относится первое поэтическое произведеніе Щербины, поэма «Сафо», написанная имъ на тринадцатомъ году и потомъ уничтоженная самимъ авторомъ, а также и первое печатное стихотвореніе его «Къ морю», появившееся въ 10-мъ № «Сына Отечества» на 1838 годъ. Затѣмъ, не окончивъ ещё гимназическаго курса, Щербина, шестнадцати-лѣтній юноша, отправился въ Москву, съ цѣлью — приготовиться къ поступленію въ тамошній университетъ; но вскорѣ неблагопріятные обстоятельства заставили его возвратиться въ Таганрогъ, гдѣ онъ прожилъ ещё цѣлыхъ четыре года, посвящая всё время на приготовленіе къ университетскому экзамену. Наконецъ, желанное время настало: лѣтомъ 1841 года Щербина отправился въ Харьковъ, выдержалъ вступительный экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ тамошняго университета, по юридическому факультету. Но и на этотъ разъ непредвидѣнныя случайности воспрепятствовали правильному ходу его образованія и — въ концѣ-концовъ — принудили его оставить университетъ, до окончанія полнаго курса. Тѣснимый нуждою, Щербина принуждёнъ былъ промѣнять университетскія занятія на домашніе уроки у окрестныхъ помѣщиковъ, для чего долженъ былъ выдержать экзаменъ и заручиться дипломомъ на званіе домашняго учителя. Но, несмотря на всю безотрадность своего положенія, Щербина продолжалъ своё служеніе музамъ — и рядомъ съ классными уроками шли его занятія литературою. Изъ стихотвореній, принадлежащихъ къ этому времени, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: «Клефты», «Ночь въ Венеціи» и «Эллада», напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841, «Пантеонѣ» 1842 и «Москвитянинѣ» 1845 годовъ, и нѣкоторыя изъ стихотвореній, помѣщённыхъ въ «Молодикѣ» Бецкаго. Въ 1849 году Щербина простился съ Харьковомъ и отправился въ Одессу съ цѣлью — сдѣлать путешествіе въ дорогую его сердцу Грецію, куда такъ давно и настойчиво стремились всѣ его помышленія. Но, увы, и этой задушевной мечтѣ молодого поэта не суждено было исполниться: неотразимыя препятствія, всюду возстававшія на пути поэта, воспрепятствовали и на этотъ разъ исполненію его желанія. Здѣсь, въ Одессѣ, гдѣ нашъ поэтъ прожилъ около года, онъ издалъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Греческія Стихотворенія Н. Щербины», встрѣченныя, какъ публикой, такъ и критикой («Современникъ» № 6, «Отечественныя Записки» № 6, «Москвитянинъ» № 15, «Сынъ Отечества» № 5 и «Одескій Вѣстникъ» № 33) весьма благосклонно.

Оставивъ Одессу въ концѣ 1850 года, Щербина переѣхалъ въ Москву, гдѣ тотчасъ поступилъ на государственную службу, въ тамошнее губернское правленіе, помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». По истеченіи двухъ лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и снова принялся за частные уроки, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть сотрудникомъ «Москвитянина» и нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ. Въ 1855 году Щербина переѣхалъ въ Петербургъ и снова опредѣлился на службу, по министерству народнаго просвѣщенія, чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и дѣлопроизводителемъ еврейскаго учонаго комитета.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, стихотворенія Николая Ѳёдоровича всё чаще и чаще стали появляться въ «Современникѣ» «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечества», «Иллюстраціи», «Зарѣ» и другихъ петербургскихъ журналахъ, а также и въ московскихъ — «Днѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», въ которомъ, между прочимъ, были напечатаны «Путевыя Письма», плодъ его наблюденій во время заграничной поѣздки. Кромѣ того, онъ писалъ рецензіи въ разныхъ журналахъ и, по порученію Императорской Академіи Наукъ, разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, за что удостоился получить отъ Академіи золотую медаль. Наконецъ, онъ издалъ въ 1858 году «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», а въ 1865 году — «Пчелу, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи», выдержавшій четыре изданія, въ 1865, 1866, 1869 и 1875 годахъ.

При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, Щербина остался-было безъ мѣста, но черезъ годъ былъ причисленъ къ министерству Внутреннихъ Дѣлъ и, вслѣдъ затѣмъ, прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати.

Щербина скончался 10-го апрѣля 1869 года. Смерть послѣдовала отъ внезапнаго задушенія, произведённаго горловымъ полипомъ, которымъ покойный страдалъ уже нѣсколько лѣтъ, не оставляя своихъ занятій по службѣ и занимаясь изданіемъ «Пчелы». Тѣло покойнаго погребено на старомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, рядомъ съ могилой композитора Даргомыжскаго.

Стихотворенія Щербины были изданы три раза: 1) Греческія Стихотворенія Н. Щербины. Одесса. 1850. 2) Стихотворенія Н. Щербины. Два тома. Спб. 1857. 3) Полное Собраніе Сочиненій Николая Ѳёдоровича Щербины. Спб. 1874.

I.

ЭЛЛАДА.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошолъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ...
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ.

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ.

И въ гробѣ томъ красавица лежала
Нетлѣнная — печальна, но ясна:
Казалося, она не умирала,
Казалося — безсмертной рождена.

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста —
И всё вокругъ собой животворило
Усопшая во гробѣ красота.

II.

ДѢТСКАЯ ИГРА.

Дѣти рѣзвятся, бросая свой маленькій дискъ по дорогѣ;
Личики свѣтлы у нихъ и румяны, подъ туникой ножки
Живо бѣгутъ и, колеблясь зефиромъ, по мраморной шейкѣ
Чорныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
Рады они и хохочутъ въ безумномъ весельи малютки:
Весело имъ, что кузнечику ножки они оборвали.
«Прыгать съ дороги въ пшеницу ужь больше не станетъ»,
Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣяся отъ чистаго сердца.
Чуждый товарищъ, стоялъ я межь ними — и слёзы смочили
Старыя вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
Дѣтямъ завидовалъ я съ умиленіемъ, полнымъ отрады;
Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить и юностью милой
Снова зажить и безпечно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.
Долго я грезилъ такимъ сновидѣньемъ, когда жь пробудился,
Стали мнѣ милы прожитыя лѣта и дороги стали
Жизнію опытъ стяжанный и свѣточъ высокаго знанья.
Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнажонный,
Крона косою изрытый опять я надвинулъ и молча
Въ путь свой собрался, но — стыдно признаться — съ печальною думой.

III.

ЗАГОРѢВШАЯ ДѢВУШКА.

Хлѣбородной нивы жницы!
Какъ сіяютъ предо мной
Въ золотыхъ волнахъ пшеницы
Ваши бронзовыя лицы
Загорѣвшею красой!
Вотъ, съ корзиной винограда,
Отъ подругъ вдали, одна,
Этихъ волнъ земныхъ наяда,
Дикой гордости полна.
И опущены рѣсницы
На загаръ ея ланитъ,
Закрывая блескъ денницы
Чорныхъ глазъ стыдливой жницы
И хариты изъ харитъ.

Солнце! вѣтеръ! вы счастливы:
Слѣдъ вашъ видѣнъ на поляхъ —
Слѣдъ любви на злакахъ нивы
И у дѣвы горделивой
На щекахъ и на плечахъ.
Ваши страстныя желанья
На лицѣ у красоты
Пыломъ жаркаго лобзанья
Смуглымъ цвѣтомъ разлиты;
А мечты мои и грёзы,
И безсонницы ночей,
И признанія, и слёзы
Безъ слѣда прошли у ней.

Но, исполненный прохлады,
Вѣтеръ всѣхъ счастливѣй насъ:
Грудь открытую наяды
Онъ, вкушая всѣ отрады,
Освѣжалъ собой не разъ;
Я жь цѣной моей печали
Не осмѣлился бъ желать
И ремни ея сандалій
Раболѣпно развязать.

IV.

ВЕСЕННІЙ ГИМНЪ.

Сладко на солнце дремлю я,
Слышу паденіе водъ —
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поётъ хороводъ.

Лёгкое вѣтра дыханье
Всюду несётъ ароматъ;
Воздухъ исполненъ сіянья;
Пёстрыя мушки жужжатъ;

Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтовъ;
Пчёлы надъ ними летаютъ
Въ жолтой пыли лепестковъ;

Чашей сребристой — лилѣя,
Жукъ — изумрудомъ блеститъ;
Сѣть паутины, бѣлѣя,
Въ зелени тёмной виситъ.

Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи
И, шелестя, пропадаютъ —
Будятъ меня въ забытьи.

Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Всё мнѣ какъ сонъ на яву.

Встрѣтилъ я душу родную,
Тщетно исканную мной,
Встрѣтилъ её, отлитую
Въ образъ весны молодой.

Слился я съ нимъ — и не знаю
Въ воздухѣ ль, въ сердцѣ ль тепло?
И у себя не пытаю:
Въ небѣ, въ душѣ ли свѣтло?

О, Міродержецъ! отрадно
Стройность въ душѣ ощутить!
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!

V.

КУПАНЬЕ.

Вечеромъ ясным она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной.
Кто бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она будто лотосъ склонилась,

Змѣйкою станъ изогнула и бѣлой погою
Стала на чорный обрывистый камень и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока,
Кто бъ посмотрѣлъ на неё, облитýю лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, какъ о мраморъ кристалъ, разбивались, блѣднѣя:
Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась, какъ мать-Ніобея,
Вѣчно бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье.

VI.

ГОЛОСА НОЧИ.

Тихо бреду по широкому полю
Лѣтнею ночью прохладной,
Воздухъ впивая живительный въ-волю,
Жаждой исполненъ отрадной.

Братской всемірной бесѣдѣ я внемлю —
Всё говоритъ предо-мною:
Падаютъ рѣчи съ эѳира на землю,
Льются лучистой рѣкою;

Просятъ у звѣздъ позолоты и краски
Зрѣющій колосъ и слива,
Ловятъ ночныя красавицы ласки
У вѣтерка шаловливо.

А подъ горою бесѣдуютъ воды
Съ вѣтками ивъ и съ камня́ми;
Шепчутся тайно древесные своды,
Держутъ совѣтъ съ облачками.

Слышу — кузнечиковъ пѣсня живая
Мелкою дробью несётся —
И угадалъ я, той пѣсни внимая,
Чтó и о чёмъ имъ поётся.

Пѣли кузнечики: «красное лѣто
Вслѣдъ улетитъ за весною;
Жить намъ покуда лишь поле согрѣто
Ризой хлѣбовъ золотою.

«Счастливы тёмныя сосны и ели —
Вѣчно онѣ зеленѣютъ!
Гибели имъ не приносятъ мятели,
Смертью морозы не вѣютъ!»

Новая пѣсня изъ рощи несётся,
Смѣлостью звуковъ блистаетъ
И перекатными трелями льётся —
Тó соловей распѣваетъ:

«Жизнь хороша, но не долго живу я!
Пѣть мнѣ хотѣлось бы вѣчно:
Съ розой родился и съ розой умру я,
Жаждая жить безконечно.

«Всё для людей! Имъ и долгіе вѣки,
Пѣснь соловья и поэта,
Небо и горы, и рощи, и рѣки
Въ перлахъ и въ золотѣ свѣта.»

Пѣсня другая въ саду раздаётся,
Трель соловья прерывая:
Это и громко, и стройно несётся
Грустная пѣсня людская:

«Волосы наши кудрями разлиты —
Время пошлётъ имъ сѣдины;
Этотъ румянецъ, зажогшій ланиты,
Скоро погасятъ морщины.

«Ты только счастливъ своею безсмѣнной
И несходящей весною,
Ты только вѣченъ, румянецъ вселенной,
Въ небѣ горящій зарёю!»

А. А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, сынъ секретаря московскаго магистрата, Александра Ивановича Григорьева, человѣка довольно образованнаго и воспитывавшагося въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, родился въ 1822 году въ Москвѣ. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, онъ, по блистательномъ экзаменѣ, поступилъ въ 1838 году въ Московскій университетъ, на юридическій факультетъ. Послѣ четырёхлѣтняго пребыванія въ университетѣ, посвящённаго на половину усиленнымъ занятіямъ, на половину всякаго рода развлеченіямъ, на которыя такъ падка университетская молодёжь, Григорьевъ окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и тотчасъ же поступилъ секретарёмъ въ университетское правленіе. Прослуживъ здѣсь около двухъ лѣтъ, онъ, вслѣдствіе несчастной любви, внезапно и даже безъ отпуска покинулъ Москву и удалился въ Петербургъ, куда прибылъ въ самомъ началѣ 1844 года. Здѣсь онъ снова поступилъ на службу,

сперва въ Управу Благочинія, а потомъ, при участіи Калайдовича, въ Сенатъ; но и отсюда скоро принуждёнъ былъ выдти за нехожденіе въ должность. Бросивъ службу, Григорьевъ рѣшился отдаться всецѣло литературѣ, которая манила его къ себѣ ещё въ университетѣ, гдѣ онъ пользовался славой поэта въ кругу своихъ товарищей, возлагавшихъ вообще большія надежды на его талантливую натуру. Ещё будучи студентомъ, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, выходившихъ изъ ряда и сильно нравившихся студентскому кружку, группировавшемуся около него. Рѣшившись выступить на литературное поприще, онъ обратился съ предложеніемъ своихъ услугъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», но дѣло не устроилось, и всё его участіе въ этомъ журналѣ ограничилось помѣщеніемъ во 2-мъ его нумерѣ на 1845 годъ прелестнаго стихотворенія «Прости», имѣющаго отношеніе къ той любовной исторіи, которая заставила его такъ внезапно покинуть Москву. Неуспѣвъ пристроиться къ «Отечественнымъ Запискамъ», Григорьевъ предложилъ свои услуги редакціи «Репертуара и Пантеона», которая оказалась сговорчивѣе. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ Григорьевъ наводнялъ этотъ послѣдній журналъ своими стихами и критическими статьями, изъ которыхъ только нѣкоторыя были достойны его таланта; всё же остальное было слабо, особенно стихотворные переводы. Причину этой неудовлетворительности слѣдуетъ искать въ той крайней поспѣшности, съ которой онъ работалъ во всё время своего перваго пребыванія въ Петербургѣ, томимый желаніемъ имѣть средства не только для своего безбѣднаго существованія въ столицѣ, но и для тѣхъ развлеченій и удовольствій, страсть къ которымъ развивалась въ нёмъ съ каждымъ годомъ всё болѣе и болѣе, благодаря страстности его натуры и неустойчивости характера, которыя, несмотря на всѣ прекрасныя качества ума и сердца, увлекали его на скользкій путь всевозможныхъ увлеченій. Въ началѣ 1846 года Григорьевъ издалъ небольшой томикъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Аполлона Григорьева». Сюда вошло всё написанное имъ стихами со школьной скамьи по 1846 годъ, за исключеніемъ прекраснаго стихотворенія «Старая книга», непопавшаго въ печать по цензурнымъ причинамъ и ходившаго по рукамъ въ спискахъ, и значительнаго числа пьесъ, признанныхъ самимъ авторомъ слабыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» появилось стихотвореніе его «Къ Лавиніи», впрочемъ, ни чѣмъ не замѣчательное. Несмотря на это послѣднее обстоятельство, Бѣлинскій въ томъ же журналѣ отозвался о книжкѣ Григорьева далеко не сочувственно. «Давно уже вниманіе наше останавливалось на стихотвореніяхъ г. Григорьева» — говоритъ онъ — «помѣщавшихся въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій. Мы всегда читали ихъ съ интересомъ, хотя ожиданіе наше чаще было обмануто, нежели удовлетворено. Несмотря на тó, книжка стихотвореній г. Григорьева болѣе опечалила насъ, нежели порадовала. Мы прочли её больше, чѣмъ съ принужденіемъ — почти со скукою. Дѣло въ томъ, что изъ нея мы окончательно убѣдились, что онъ не поэтъ, вовсе не поэтъ. Въ его стихотвореніяхъ прорываются проблески поэзіи, но поэзіи ума, негодованія. Видишь въ нихъ умъ и чувство, но не видишь фантазіи, творчества, даже стиха. Правда, мѣстами стихъ его бываетъ силенъ и прекрасенъ, но тогда только, когда онъ, одушевлённый негодованіемъ, превращается въ бичъ сатиры, касаясь нѣкоторыхъ явленій дѣйствительности. Въ лиризмѣ же — его стихъ прозаиченъ, не гладокъ, не складенъ и вялъ. Вездѣ одни разсужденія, нигдѣ — образовъ, картинъ. Сверхъ того паѳосъ лиризма г. Григорьева однообразенъ и не столько *личенъ*, сколько *эгоистиченъ*, не столько *истиненъ*, сколько *заимствованъ*. Г. Григорьевъ — почти неизмѣнный герой своихъ стихотвореній.» («Отечественныя Записки», 1846, № 4.) Отзывъ совершенно справедливый. Лучшаго опредѣленія таланта Григорьева нельзя сдѣлать. Но, несмотря на тó, что его поэзія — есть «поэзія ума», нѣкоторыя стихотворенія Григорьева очень хороши — и мы помѣщаемъ ихъ въ нашемъ изданіи съ полной увѣренностію, что ихъ найдутъ таковыми всѣ любящіе поэзію и понимающіе дѣло.

Въ самомъ началѣ 1847 года Григорьевъ оставилъ Петербургъ и снова поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ женился на дѣвицѣ Коршъ — и зажилъ семьяниномъ, но не на долго. Начиная съ половины 1847 года, въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» стали появляться стихотворенія Григорьева, изъ которыхъ два — переводы изъ Шиллера «Тэкла» и «Тайна воспоминанія» — заслуживаютъ вниманія, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1849 и 1850 годовъ — «Замѣтки о Московскихъ Театрахъ», длившіяся десять мѣсяцевъ (1849, №№ 7, 8, 10, 11 и 12, и 1850, № 4). Затѣмъ, по напечатаніи имъ въ 1-й книжкѣ «Пантеона» на 1850 годъ стихотворнаго перевода комедіи Казиміра Делявиня «Школа Стариковъ», для Григорьева наступаетъ

пора самой усиленой дѣятельности. Онъ бросаетъ писать стихи и отдаётся весь критикѣ. Вотъ какъ характеризуетъ самъ Григорьевъ эту горячую эпоху своей литературной дѣятельности, въ своёмъ «краткомъ послужномъ спискѣ на память старымъ и новымъ друзьямъ», написанномъ имъ за нѣсколько недѣль до смерти и напечатанномъ г. Страховымъ вмѣстѣ съ письмами покойнаго писателя въ сентябрской книжкѣ «Эпохи» на 1864 годъ:

«Явился Островскій — и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ нашлись всѣ мои, дотолѣ смутныя, вѣрованія. Съ 1851 по 1854 годъ включительно — энергія дѣятельности и ругань на меня неимовѣрная, до пѣны у рта. «Москвитянинъ» сталъ падать отъ адской скупости... «Современникъ» началъ заискивать Островскаго — и, какъ привѣсокъ, меня, думая, что поладимъ. Факты. Наѣхали въ Москву Дружининъ и Панаевъ. Боткинъ — дотолѣ врагъ, потомъ пріятель — свёлъ меня съ ними. Съ 1853 по 1856 годъ, разумѣется урывками, переводился «Сонъ»; лѣтомъ 1856 года я запродалъ его Дружинину за 450 рублей. Лѣтомъ же написана одна изъ серьёзнѣйшихъ статей моихъ «Объ искренности въ искусствѣ» въ «Бесѣдѣ». Молчаніе. Вдругъ совсѣмъ неожиданно я явился въ «Современникѣ» съ прозвищемъ «проницательнѣйшаго изъ нашихъ критиковъ». Въ 1857 — выдался случай ѣхать за границу. Тамъ я ничего не писалъ, а только думалъ. Результатомъ думъ были статьи «Рускаго Слова» 1859 года. Возвратъ, вообще, былъ блистательный. Сейчасъ же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: «Venezia la bella», «Паризину» Байрона и «Сонъ» для его будущаго изданія Шекспира. При статьяхъ «Русскаго Слова» вотъ какъ: цензоръ Гончаровъ самъ занёсъ мнѣ первую съ адмираціями. При послѣдующихъ — градъ насмѣшекъ Добролюбова, взрывъ ослинаго хохота въ «Искрѣ» и прочее. Въ іюлѣ 1859 года, въ отъѣздъ графа Кушелева, я не позволилъ Хмѣльницкому вымарать въ моихъ статьяхъ дорогія мнѣ имена Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова, Погодина и Шевырёва — и я былъ уволенъ отъ критики. Фактъ. Негдѣ было писать — я сталъ писать въ «Русскомъ Мірѣ». Не сошлись. У Старчевскаго — не сошлись. Въ 1860 году я получилъ приглашеніе и вызовъ. Я поѣхалъ на свиданіе и привёзъ отвѣтъ на дикій вздоръ Дудышкина «Пушкинъ — народный поэтъ». Прочиталъ Каткову — очень понравилось. Отправился въ Москву чрезъ мѣсяцъ въ качествѣ критика. Статей моихъ не печатали, а заставляли меня дѣлать какія-то недоступныя для меня выписки о воскресныхъ школахъ и читать рукописи, не печатая, впрочемъ, ни одной изъ мною одобренныхъ. Зачѣмъ меня приняли? — Богъ одинъ вѣдаетъ! Факты. Опять въ Петербургъ. Начало «Времени». Хорошее время и время недурныхъ моихъ статей! Но съ 4-й покойнику М. М. (Достоевскому) стало какъ-то жутко частое употребленіе именъ (нынѣ безпрестанно повторяемыхъ у насъ) Хом... и прочее. Вижу, что и тутъ дѣло плохо. Въ Оренбургъ. Воротился. Опять статьи во «Времени». Не дурное тоже время! Ярыя статьи о театрѣ — культъ Островскому и смѣлые упрёки Гоголю за многое — безцензурно и безпошлинно. Запретъ «Времени»; горячія статьи въ «Якорѣ»; опять «Эпоха». Опять я съ тѣми же культами и тѣми же достоинствами и недостатками. Редакторская цензура! Ну и что жь дѣлать! Видно и съ «Эпохой» — какъ критику, а не какъ другу — конечно, приходится разстаться. Тѣмъ болѣе... Но пора кончить. 1864 года, сентября 2-го. Писано сіе, конечно, не для возбужденія жалости къ моей особѣ, ненужнаго человѣка, а для показанія, что особа сія всегда, какъ въ дни, когда вѣрные 50 рублей Краевскаго за листъ мѣняла на невѣрные 15 рублей за листъ «Москвитянина», пребывала фанатически преданною своимъ самодурнымъ убѣжденіямъ.»

Чтобы ни говорили о критическихъ статьяхъ Григорьева его противники, всѣ они, не смотря на свою заносчивость и своеобычность, отличаются умомъ и свидѣтельствуютъ объ обширной его начитанности. Главнымъ элементомъ въ характерѣ Григорьева былъ энтузіазмъ, иногда сознательный, иногда безотчётный, всегда порывистый и подъ часъ разгоравшійся до яркаго пламени, а въ другое время совершенно потухавшій и обращавшійся въ крайность, совершенно противоположную энтузіазму. Чтобы ни говорили о шаткости убѣжденій Григорьева его литературные враги, тѣмъ не менѣе онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ въ принципѣ и если иногда противорѣчилъ самому себѣ въ сужденіяхъ объ однихъ и тѣхъ же писателяхъ въ разное время ихъ дѣятельности, какъ, напримѣръ, о Некрасовѣ, то это было только дѣломъ его симпатій и антипатій, смѣнявшихся въ нёмъ очень часто, какъ въ человѣкѣ крайне безхарактерномъ. Вотъ почему, несмотря на то̀, что Григорьевъ написалъ въ теченіи своей критической дѣятельности такое огромное количество критическихъ статей и рецензій, что если бы собрать и напечать ихъ, то вышло бы цѣлое изданіе въ десять объёмистыхъ

томовъ, только весьма немногія изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, несмотря на всю горячность и искренность излагавшихся въ нихъ мнѣній, и обширность познаній автора: до такой степени они были написаны подъ вліяніемъ минуты, вслѣдствіе чего, весьма часто одна статья противорѣчила другой, не смотря на то̀, что какъ та, такъ и другая написаны были въ зрѣлую эпоху его критической дѣятельности. Напрасно друзья покойнаго Григорьева энергически старались доказать въ своихъ статьяхъ, написанныхъ тотчасъ послѣ его смерти, всю геніальность его, какъ критика: голосъ ихъ — остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ-какъ критическая дѣятельность покойнаго была у всѣхъ на глазахъ — и каждый видѣлъ всю ея неустойчивость и несостоятельность, что и было главною причиной того, что воззрѣнія покойнаго критика не имѣли рѣшительно ни какого вліянія на общество и возбуждали одни насмѣшки въ противникахъ этихъ воззрѣній. Вотъ напримѣръ, что говоритъ о направленіи критическихъ статей Григорьева рецензетъ «Книжнаго Вѣстника» (1865, № 1): «Говоря безпристрастно, мы находимъ въ нихъ личность честную, иногда исполненную одушевленія, но нимало неустоявшуюся, нескладную (въ нравственномъ смыслѣ) и потому ежеминутно противорѣчившую себѣ самой. Вслѣдствіе этой неустойчивости и отсутствія всякихъ прочныхъ убѣжденій, Григорьевъ не могъ ужиться ни въ одной редакціи, ссорился даже съ «Временемъ» и съ «Эпохой», до того къ нему расположенными, что они готовы были выполнять малѣйшія его желанія. По замѣчанію г. Достоевскаго, «въ Григорьевѣ рѣшительно не было того такта, той гибкости, которыя необходимы для публициста. Если бы у него былъ свой журналъ, то онъ утопилъ бы его самъ, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ основанія, что и случилось съ «Якоремъ» и притомъ даже раньше пяти мѣсяцевъ. Между-тѣмъ, дѣятельность Григорьева вся принадлежала журналистикѣ — и притомъ въ такую минуту, когда, подъ напоромъ общественныхъ вліяній, всякій критикъ неизбѣжно дѣлался публицистомъ, что бъ уловить и истолковать живыя требованія своего времени. Всю жизнь Григорьевъ колебался между разными направленіями: то сочувствовалъ славянофильству, то предлагалъ «вести съ нимъ войну на ножахъ», то бранилъ Некрасова, то приходилъ отъ него въ умиленіе. Островскій былъ почему-то любимцемъ Григорьева; но врядъ ли самъ Островскій скажетъ спасибо усердному критику за возвеличеніе своего «Козьмы Минина». А странныя выходки противъ Гоголя и Лермонтова? Наконецъ, Григорьевъ цѣнилъ выше всего труды и направленіе Погодина, Шевырёва и отца Ѳёдора. Бѣлинскаго онъ уважалъ только за его московскую дѣятельность, то-есть за статьи о бородинской годовщинѣ, о Жоржъ Зандѣ и тому подобныя. Не понятно ли послѣ этого, что Григорьевъ самъ, въ свѣтлыя минуты, сознавалъ свою полнѣйшую ненужность для русской литературы и что сама русская публика соглашалась съ нимъ въ этомъ въ своёмъ молчаливомъ приговорѣ.»

Какъ на лучшія критическія статьи Григорьева можно указать на слѣдующія: «О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ» («Москвитянинъ», 1855, № 3); «О правдѣ и искренности въ искуствѣ» («Русская Бесѣда», 1856, № 3); «Объ исторіи Россіи Соловьёва» («Русское Слово», 1859, № 1); «Русскія народныя пѣсни и ихъ поэтическія и музыкальныя стороны» («Отечественныя Записки», 1860, №№ 4 и 5); «Реализмъ и идеализмъ въ нашей литературѣ, по поводу сочиненій Тургенева и Писемскаго» («Свѣточъ», 1861, № 4) и «По поводу изданія старой вещи: «Горя отъ ума» («Время», 1862, № 8).

Григорьевъ также занимался переводами, преимущественно съ англійскаго и итальянскаго языковъ. Именно, онъ перевёлъ три пьесы изъ Шекспира: «Сонъ въ лѣтнюю ночь» («Библіотека для Чтенія», 1857, № 8), «Шейлокъ, венеціянскій жидъ» («Драматическій Сборникъ», 1860, № 1) и «Ромео и Джульетта» («Русская Сцена», 1864, № 8), «Паризину» и отрывокъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона («Современникъ» 1860 и «Время», 1862, № 7) и цѣлый рядъ итальянскихъ либретто для оперъ («Донъ Пасквале», «Лучія», «Фаворитка», «Фіорина», «Ченерентола» и «Беатриче ди Тенде»). Наконецъ, не задолго до смерти, онъ напечаталъ во «Времени» (1862, №№ 11 и 12) и въ «Эпохѣ» (1864, №№ 3 и 5) свою автобіографію, подъ заглавіемъ: «Мои литературныя и нравственныя скитальчества», представляющую много интересныхъ данныхъ о воспитаніи и развитіи ихъ автора.

Григорьевъ скончался 25-го сентября 1864 года въ Петербургѣ и погребёнъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, рядомъ съ поэтомъ Меемъ. Одной изъ главныхъ причинъ ранней смерти Григорьева была его крайняя невоздержанность къ вину. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ его друзей, г. Аверкіевъ, въ статьѣ своей, посвящённой воспоминаніямъ о покойномъ Григорьевѣ:

«Не зачѣмъ, я думаю, скрывать то обстоятельство, что Григорьевъ страдалъ запоемъ. Этотъ страшный

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,

сразилъ преждевременно не одну талантливую личность. Имъ страдали поэты Полежаевъ и Мей, актёръ Мочаловъ, литераторъ Помяловскій. Независимо отъ нравственныхъ причинъ — это просто физическая болѣзнь, которая приноситъ больнымъ великое страданіе. Эта болѣзнь несётъ за собою крайнее разстройство всего организма, безсонницу, нервное раздраженіе, сопровождающееся галюцинаціями. Не отъ радости и не для радости пьютъ такіе люди. Не чревоугодіе тянетъ ихъ къ вину. Есть ещё люди, любящіе нравственно дразнить и мучить себя; но кромѣ самыхъ ярыхъ фанатиковъ, никто нарочно не станетъ подвергать себя страшнѣйшимъ физическимъ страданіямъ.» («Эпоха», 1864 № 8.)

Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Григорьева, часть его сочиненій была собрана г. Страховымъ и издана имъ подъ заглавіемъ: «Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ первый. Спб. 1876 года»; но и это новое усиліе возбудить вниманіе публики къ покойному критику не увѣнчалось успѣхомъ — и статьи Григорьева, собранныя въ одну книгу, ни сколько не поднялись въ глазахъ критики и публики, а прошли предъ ними столь же мало замѣченными, какъ и въ то время, когда они появлялись, при жизни ихъ автора, на страницахъ «Москвитянина», «Русскаго Слова» и «Времени».

I.

ГОРОДЪ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за-то, за что другіе;
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ нёмъ люблю — о, нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ нёмъ иное:
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.

Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ её отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненья радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несётъ
И роскоши, и нѣги дани —
На нихъ отпечатлёнъ тяжолый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.

И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки —
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать —
Въ окнѣ ль съ богатою гардиной,
Иль въ тёмномъ уголкѣ — вездѣ его печать,
Страданья уровень единый!

И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно всё — мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо всё вокругъ,
Пусть всё прозрачно и спокойно —
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ
И тò — прозрачность язвы гнойной.

II.

СТАРАЯ КНИГА.

Книга старинная, книга забытая,
Ты ли попалась мнѣ вновь,
Глупая книга, слезами облитая
Въ годы, когда, для любви не закрытая,
Душа понимала любовь?

Съ жолтыхъ страницъ твоихъ ветхихъ, разорванныхъ,
Чтó же мнѣ вѣетъ опять?
Запахъ цвѣтовъ ли безъ времени сорванныхъ,
Звуки ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой ли любви благодать?

Чтó бы то ни было — книга забытая,
О не буди, не тревожь
Муки заснувшія, раны закрытыя!
Прочь твои пятна, годами не смытыя,
И прочь — твоя сладкая ложь!

Ждёшь ли ты слёзъ? Ожиданія тщетныя:
Ты на страницахъ твоихъ
Слёзъ сохранила слѣды неисчетные...
Были то первыя слёзы завѣтныя!
Да что жь было проку отъ нихъ?

Въ годы ли дѣтства съ моленія шопотомъ,
Ночью ль безсонной потомъ
Лились тѣ слёзы съ рыданьемъ и ропотомъ —
Что̀ мнѣ за дѣло? извѣдалъ я опытомъ:
Съ надеждой давно незнакомъ.

Звать я на судъ тебя, книга лукавая,
Передъ разсудкомъ готовъ —
Ты содрогнёшься предъ нимъ, какъ неправая:
Ты облила своей сладкой отравою
Рядъ даромъ прожитыхъ годовъ.

III.

ПРОСТИ.

Прости. Покоренъ волѣ рока,
Безъ глупыхъ жалобъ и упрёка
Я говорю тебѣ: прости!
Къ чему упрёкъ? — я вѣрю твёрдо,
Что въ насъ равно страданье гордо,
Что намъ однимъ путёмъ идти.

Мы не пойдёмъ рука съ рукою,
Но память прошлаго съ собою
Равно нести осуждены.
Мы въ жизнь, обоимъ намъ пустую,
Уносимъ вѣру роковую
Въ одни обманчивые сны.

Пускай душа твоя ни мало
Въ былые дни не понимала
Души моей, любви моей —
Ея блаженство и мученья
Прошли давно безъ раздѣленья
И безъ возврата. Что̀ мнѣ въ ней?

Пускай за-то, что мы свободны,
Что мы душою странно-сходны,
Не суждено сойтися намъ!
Но всё, что̀ мучитъ и тревожитъ,
Что̀ грудь такъ жмётъ и сердце гложетъ,
Мы раздѣлили пополамъ.

И намъ обоимъ нѣтъ спасенья:
Тебя не выкупятъ моленья,
Тебѣ молитва не дана!
Въ ней небо слышитъ безъ участья
Сознанье скуки, жажду счастья,
Мечты несбыточнаго сна.

—

Л. А. МЕЙ.

Левъ Александровичъ Мей, даровитый, но досихъ-поръ ещё неоцѣнённый по достоинству поэтъ, сынъ обрусѣвшаго чиновника нѣмецкаго происхожденія, Александра Ивановича Мея, и дворянки Ольги Ивановны Шлыковой, родился 13-го февраля 1822 года въ Москвѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ Московскомъ Дворянскомъ институтѣ, онъ былъ переведёнъ оттуда, въ 1835 году, за отличные успѣхи въ наукахъ, въ Царскосельскій лицей, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1841 году, съ чиномъ 10-го класса. По выходѣ изъ Лицея, Мей поступилъ на службу въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора, въ которой прослужилъ до января 1849 года. Выйдя въ отставку, Мей около полутора года оставался безъ мѣста; но въ мартѣ 1850 года снова вступилъ въ службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ въ должность инспектора классовъ 2-й Московской гимназіи. Прослуживъ здѣсь около полутора года, онъ вторично и окончательно вышелъ въ отставку, простился на всегда съ Москвою и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, въ которомъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти.

Левъ Александровичъ началъ писать стихи ещё въ Лицеѣ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи лицейскаго журнала, подъ названіемъ «Вообще», и помѣщалъ свои стихи въ альманахѣ «Столиственникъ», редакторомъ котораго былъ одинъ изъ его товарищей, Голубцовъ, человѣкъ весьма талантливый, но, къ сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ и любившихъ его, умершій вскорѣ по выходѣ изъ Лицея.

Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Мея было стихотвореніе «Гванагани», отрывокъ изъ поэмы «Колумбъ», появившееся въ 4-й части «Маяка» на 1840 годъ, то-есть ещё въ бытность его въ Лицеѣ. Затѣмъ, начиная съ 1845 года, стихотворенія Мея стали появляться въ «Москвитянинѣ», въ которомъ, между-прочимъ, былъ помѣщёнъ прекрасный его переводъ небольшой пьесы Шиллера «Вечеръ», нѣсколько переводовъ изъ Мицкевича, одно изъ лучшихъ оригинальныхъ стихотвореній его «Хозяинъ», драма «Царская невѣста» (1849, № 18) и переводъ «Слова о полку Игоря» (1850, № 22). Съ переѣздомъ въ Петербургъ, стихотворенія и прозаическія статьи Мея стали появляться сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ были помѣщены двѣ новыхъ его драмы изъ римской и русской жизни: «Сервилія» и «Псковитянка» (1854,

№ 5 и 1860, № 2), а затѣмъ и въ «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ, между-прочимъ, были напечатаны слѣдующія его произведенія: «Цвѣты», «Слѣпорождённый», «Фрина», «Юдиѳь», «Избавитель», «Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата», двѣ главы изъ «Потеряннаго рая», нѣсколько идиллій изъ Ѳеокрита, цѣлый рядъ переводовъ изъ Анакреона и два разсказа въ прозѣ «Кирилычъ» и «Софья», въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго гдѣ былъ помѣщёнъ цѣлый рядъ переводовъ его изъ Ѳеокрита, Анакреона, Байрона, Шиллера, Гёте, Гейне, Гюго, Мицкевича, Сырокомли, Одынца, Залѣсскаго и другихъ, въ «Пантеонѣ», «Русскомъ Словѣ», «Искрѣ», «Развлеченіи», «Русскомъ Мірѣ», «Народномъ Чтеніи», «Иллюстраціи», «Свѣточѣ», «Времени», «Модномъ Магазинѣ» и даже въ «Сѣверной Пчелѣ», «Петербургскомъ Вѣстникѣ», «Шехеразадѣ», «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», «Сѣверномъ Цвѣткѣ», «Ласточкѣ», «Дамскомъ Вѣстникѣ», «Семейномъ Кругѣ», «Каррикатурномъ Листкѣ» и многихъ другихъ газетахъ, которыхъ самыя названія извѣстны въ настоящее время однимъ только записнымъ библіографамъ.

Несмотря на свою несомнѣнную даровитость, Мей никогда не пользовался большою извѣстностью въ публикѣ, хотя послѣднее время писалъ много и во всѣхъ родахъ, чтó, конечно, и было главной причиной нѣкоторой холодности къ нему публики и критики, причёмъ послѣдняя или буквально обходила его въ своихъ обозрѣніяхъ, или ограничивала свои воззрѣнія на его произведенія тѣмъ, что сочиняла на его менѣе удачныя произведенія пародіи, какъ это сдѣлалъ И. И. Панаевъ, написавшій въ «Современникѣ», по поводу выхода его «Сервиліи» отдѣльной книжкой, цѣлую шуточную пьесу: «Апронія», въ которой изложилъ въ каррикатурѣ всё содержаніе трагедіи Мея, далеко не лишонной достоинства. Изъ оригинальныхъ произведеній Мея, всего болѣе замѣчательны его драмы, поэмы и мелкія стихотворенія изъ русскаго быта; именно: «Царская невѣста», «Псковитянка», «Хозяинъ», «Избавитель», «Русалка», «Вихорь», «Запѣвка» и другія. Всѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ близкаго знакомства съ русскою жизнью, и тщательнаго изученія родной страны. Затѣмъ, слѣдуютъ поэмы изъ библейскаго и древняго міра; именно: «Юдиѳь», «Отойди отъ меня Сатана», «Слѣпорождённый», «Цвѣты» и нѣкоторыя другія, отличающіяся могучимъ и гармоническимъ стихомъ, и глубокимъ знаніемъ «Библіи», исторіи и древностей. Наконецъ, Мей былъ замѣчательнымъ переводчикомъ съ древнихъ и новыхъ языковъ. Зная основательно языки греческій, латинскій, древне-еврейскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и польскій, онъ переводилъ свободно со всѣхъ этихъ языковъ — и переводилъ превосходно. Его полный переводъ Анакреона, девяти идиллій Ѳеокрита, двухъ песенъ «Потеряннаго Рая» Мильтона, двухъ драмъ Шиллера («Лагерь Валленштейна» и «Димитрій Самозванецъ») и нѣкоторыхъ изъ его балладъ и всѣ библейскія переложенія — по истинѣ изумительны.

Проживъ около десяти лѣтъ въ Петербургѣ и посвящая всё своё время исключительно одной литературѣ, Мей, скончался 16-го мая 1862 года, послѣ непродолжительной болѣзни, на сорокъ первомъ году жизни. Смерть застала его за диктовкой повѣсти для «Моднаго Магазина», издававшагося въ то время и донынѣ издающагося Софьею Григорьевною Мей, тогда его женой, а нынѣ супругой профессора Императорской Военной Академіи С. С. Рехневскаго. Тѣло покойнаго погребено на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, около самой церкви.

Если произведенія Мея — особенно послѣдняго періода — и хранятъ на себѣ печать нѣкоторой поспѣшности въ работѣ и не отличаются надлежащей отдѣлкой тѣмъ не менѣе Мей принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. «Мей былъ поэтомъ съ тѣхъ-поръ, какъ началъ помнить себя», говоритъ В. Р. Зотовъ, товарищъ и другъ покойнаго поэта и, слѣдовательно, хорошо знавшій его. «Онъ остался бы имъ и до глубокой старости, если бы такіе люди, какъ онъ, могли жить долго. Умирая въ державинскія лѣта, онъ писалъ бы всё такіе же стихи, какъ въ полной силѣ своего таланта; можетъ-быть лучше, но ни какъ не хуже. Поэтическій родникъ не могъ никогда въ нёмъ изсякнуть.»

Какъ человѣкъ, Мей былъ необыкновенно симпатиченъ. Онъ соединялъ въ себѣ замѣчательную мягкость характера и сердечную доброту съ беззаботностью, не знавшей предѣловъ. «Умѣренность и акуратность были антипатичны для Мея даже въ семейной жизни», говоритъ г. Зотовъ. «Большого труда стоило его домашнимъ поддерживать въ хозяйствѣ порядокъ, часто нарушаемый добрымъ, но беззаботнымъ поэтомъ, никогда недумавшимъ не только о будущемъ, но даже и о завтрашнемъ днѣ. Отъ этого ему часто приходилось испытывать въ жизни временныя лишенія и нужды. Но въ самыя стѣснённыя минуты, чтобъ выйдти изъ затруднительнаго положенія, никогда чистая, благородная

душа поэта не прибѣгала къ поступкамъ, сколько-нибудь сомнительнымъ, или не одобряемымъ самою строгою, щекотливою деликатностью. У него было много долговъ, но для покрытія ихъ онъ никогда не употреблялъ средствъ, извиняемыхъ вообще нашимъ невзыскательнымъ обществомъ, но отвергаемыхъ безусловною честностью поэта. Но строгій къ самому себѣ, Мей былъ даже черезъ-чуръ добръ и снисходителенъ къ другимъ. Мягкость чувства отражалась во всѣхъ его сношеніяхъ съ другими лицами. Всякій, кто близко зналъ поэта, поневолѣ любилъ его. У него сходились иногда лица самыхъ крайнихъ литературныхъ партій; ихъ примиряла всѣхъ его добродушная, гуманная терпимость и широкій, нравственный космополитизмъ.»

Изъ сочиненій Мея, кромѣ драмъ «Царская Невѣста» и «Сервилія» и перваго изданія перевода «Слова о полку Игоря», составляющія отдѣльные оттиски изъ журналовъ «Москвитянинъ» и «Отечественныя Записки», гдѣ они были напечатаны первоначально, были отпечатаны отдѣльно слѣдующія: 1) Слово о полку Игоревѣ, сына Святославля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Изданіе второе. Спб. 1856. 2) Стихотворенія Л. Мея. Спб. 1857. 3) Сочиненія и переводы Льва, Мея. Книга первая. Былины и повѣсти. Изданіе Печаткина. Спб. 1861. 4) Сочиненія Л. А. Мея. Три тома. Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Спб. 1862 и 1863.

I.

ЗАПѢВКА.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещёная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ мятелицей!

II.

ХОЗЯИНЪ.

Въ низенькой свѣтёлкѣ, съ створчатымъ окномъ,
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонёчекъ то совсѣмъ замрётъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольётъ.
Новая свѣтёлка чисто прибранà:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсь окна;
Полъ отстругáнъ гладко, ровенъ потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ — укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.
На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно пересыпалъ хмѣлемъ пуховикъ.
Крѣпко спитъ — не слышитъ хмѣльный старина,
Чтò во снѣ лепечетъ пòдъ ухомъ жена.
Душно ей, неловко возлѣ старика:
Свѣсилась съ кровати полная рука,
Губы раскраснѣлись, словно корольки,
Кинули рѣсницы тѣнь на полъ-щеки,
Одѣяло сбито, свёрнуто въ комокъ,
Съ головы свалился шолковый платокъ,
На груди сорочка ходитъ-ходенёмъ
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.

А за печкой кто-то нèхотя ворчитъ:
Знать, другой хозяинъ по ночамъ не спитъ!
На жену, на мужа смотритъ домовой
И качаетъ тихо дряхлой головой:
«Сладко имъ соснулось! Полночь на дворѣ;
Жучка призатихла въ тёплой канурѣ.
Обошолъ обычнымъ я дозоромъ домъ:
Весело хозяить въ домикѣ такомъ!
Погреба набиты, закромà полны
И на сѣновалѣ сѣна съ три копны.
Отъ конюшни кучки снѣга отгребёшь,
Корму дашь лошадкамъ, гривы заплетёшь,
Сходишь въ кладовыя, отомкнёшь замки —
Клади дорогія ломятъ сундуки.
Всё бы было ладно, всё мнѣ понутру,
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору:
Больно черноброва, больно молода,
Нà сердцѣ — тревога, въ головѣ — бѣда!
Кровь-то говорлива, грудь-то высока:
Мигомъ одурачитъ мужа-старика.
Знать, и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ чорною косой!
При людяхъ смѣётся, а глядишь — тайкомъ
Плачетъ, да вздыхаетъ — знаю я по комъ!
Погоди жь, я съ нею шуточку сшучу
И отъ чорной думы разомъ отучу:
Только обоймётся съ грёзой горячо —
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо,
За косу поймаю, сдёрну простыню —
Волей аль неволей грёзу отгоню.

Этимъ не проймётся — пропадай она,
Баба-перемётка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дамъ ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце въ крѣпкіе тиски:
Скажутъ, что зачахла съ горя и тоски.»

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЦВѢТЫ».

Въ разгарѣ пиръ. Мѣняются чредой
Неслыханно-затѣйливыя блюда;
Финифтью расцвѣчённая посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой;
Прельщая вкусъ и удивляя взоры,
Обходятъ избалованныхъ гостей
Завѣтныя потэры и амфоры,
Безцѣнныя и рѣдкостью своей,
И нектаромъ, заботливо хранённымъ:
Спокойное фалернское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское — хіосскимъ благовоннымъ,
Хіосское — ѳазосскимъ золотымъ,
Ѳазосское — коринѳскимъ вѣковымъ.

Шумнѣе пиръ; смѣлѣе разговоры;
Нескромный смѣхъ; живѣй огонь очей.
Одни, въ толпѣ ликующихъ гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоній Тигеллинъ:
На ихъ челѣ — сомнѣніе, забота
И тайный страхъ. Но Рима властелинъ
Софонію шепнулъ украдкой что-то,
А на Поппею бросилъ бѣглый взглядъ —
И лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли.
Межь-тѣмъ тимпаны, трубы и свирѣли,
И струны лиръ торжественно гремятъ,
И рѣзвый рой менадъ гостей забавитъ,
И хоръ пѣвцовъ царицу пира славитъ,
Красавицу, богиню изъ богинь.
Ужь за полночь. Гостей не потревожа,
Поппея тихо поднялася съ ложа
И, скрытая толпой нѣмыхъ рабынь,
Скользнула незамѣтно изъ столовой.
Но видѣлъ всё внимательный Неронъ:
Онъ также всталъ, нахмуренный, суровый,
И также вышелъ изъ чертога вонъ,
Безмолвно опершись на Тигеллина —
И двери затворилися за нимъ.
Переглянулись съ ужасомъ нѣмымъ
Всѣ гости по уходѣ властелина.
Вдругъ затрещалъ надъ ними потолокъ —
И Флора уронила къ нимъ цвѣтокъ.
Упала пышно-лиственная роза,
За ней другая, третья — словно вязь
Въ перстахъ лилейныхъ Флоры расплелась
И, волею боговъ, метаморфоза
Свершалась очевидно: съ высоты
Лилися внизъ дождёмъ благоуханнымъ
Мгновенно оживавшіе цвѣты.
Поражены явленіемъ нежданнымъ,
Вскочили гости, словъ не находя,
Чтобъ выразить всю силу изумленья,
Но — минулъ краткій мигъ оцѣпенѣнья —
И мѣрный шумъ цвѣточнаго дождя
Покрыли оглушительные крики:
«Живи во-вѣки, кесарь нашъ великій!
Да здравствуетъ божественный Неронъ!
Благословенны дни его драгіе!»
Ликуютъ снова гости молодые
И снова смѣхъ и чашъ весёлый звонъ
Триклиніумъ умолкшій огласили.
Недавній страхъ и ужасъ далеки.
Изъ яркихъ розъ и бѣлоснѣжныхъ лилій
Свиваются пахучіе вѣнки;
Плетутся вязи длинныя фіалокъ,
Нарцисовъ, гіацинтовъ, васильковъ.
«Менадъ сюда! канатныхъ плясуновъ!
Вина, вина! Кто пить усталъ, тотъ жалокъ!
Придумывай скорѣй, архимагиръ,
Чѣмъ заключить достойнѣе нашъ пиръ!»

Всѣ девять музъ украшены вѣнками;
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ;
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Усѣяны, усыпаны цвѣтами.
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой!
Генгитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,
И пса толкнулъ могучею пятой:
Рванулся пёсъ, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ. И вотъ рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады.
Кой-гдѣ погасли пирныя лампады.
Весёлый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные, слитые разговоры;
Замолкнулъ клиръ и потемнѣли хоры.

И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И сыплются дождёмъ неудержимымъ.
Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты

Селянки загорѣлыя и дѣти.
И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И зыблются, какъ радужныя сѣти,
Спущённыя на землю съ высоты.
Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
Корзинами, копнами; ароматъ
Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ;
Клокочетъ кровь и сердце замираетъ
Отъ жара и несносной духоты.
И падаютъ, и падаютъ цвѣты!
Напрасенъ крикъ пирующихъ: «Пощады!
Мы умираемъ!» Падаютъ цвѣты —
Пощады нѣтъ: всѣ двери заперты;
Потухли всюду пирныя лампады...

IV.

ИЗЪ ДРАМЫ «ПСКОВИТЯНКА».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ II.

ВѢРА *и* НАДЕЖДА.

ВѢРА.

Охъ, не кори! И ты бы полюбила,
Когда бъ *ему* въ недобрый часъ попалась
На зоркій глазъ, на ласковое слово —
И ты бы грѣхъ на душу приняла.

НАДЕЖДА.

Да кто жь такой?

ВѢРА.

Не спрашивай, Надежда!
Не вымолвить, а то языкъ отсохнетъ!
Я и въ молитвахъ шопотомъ боюся
Проговорить желанное словечко —
Назвать *его* по имени. Послушай!
Грѣхъ говорить, а промолчать не въ-силу.
Хоть кàзнися, да выслушай!

НАДЕЖДА.

Не бойся:
Я не стыжусь — я вышла изъ подростковъ.

ВѢРА.

Такъ слушай же! Шла зàмужъ я неволей —
Привыкла послѣ. Мой Иванъ Семёнычъ
Пренравный, а души во мнѣ не чаялъ
И баловалъ, какъ малаго ребёнка:
Въ глаза глядитъ — и мысли-то, кажися,
Всѣ выглядитъ, да высмотритъ насквозь.
Сегодня — что ни есть мнѣ приглянулось,
А завтра — ужь несутъ на дворъ купцы.
Даритъ, даритъ, да самъ еще боится —
Въ угоду ли? Колечко — не колечко,
Запястье — не запястье. Такъ мы жили
Съ нимъ до весны. Весною слышно стало:
На нѣмцевъ рать сбираютъ. Мой хозяинъ
Куды тужилъ, что надо намъ разстаться;
Да какъ тутъ быть? пошолъ и онъ въ походъ.
Поплакала я, Богу помолилась —
Дала обѣтъ къ печерскимъ чудотворцамъ
Сходить, какъ только радостную вѣстку
Услышу. Вотъ и прискакалъ гонецъ:
«Сломали нѣмцевъ — Богъ послалъ побѣду!»
Недѣли съ три прошло — другой гонецъ:
«Царь будетъ въ Псковъ, и наши съ нимъ вернутся!»
Пріѣхалъ царь, вернулися и наши,
А мужа нѣтъ: остался на сторóжѣ
Подъ Колыванью — словно не надолго;
Прислалъ поклонъ мнѣ съ нашими, гостинцы.
Жду, жду — не ѣдетъ. Думаю: навѣрно
Господь меня за-то и наказуетъ,
Что я дала обѣтъ — и не сдержала.
Взяла съ собою дѣвушекъ — пошла
Угодникамъ господнимъ поклониться.
Ты не была въ монастырѣ?

НАДЕЖДА.

Въ Печерскомъ?
Нѣтъ, не была.

ВѢРА.

Туда дорога лѣсомъ;
А лѣсъ густой: берёзы да осины
Переплелися, спутались вѣтвями,
Какъ волосá, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнёмъ раскинулся, разросся —
Проходу нѣтъ. Идёмъ мы по опушкѣ,
Вдругъ Степанида мнѣ и говоритъ:
«Боярыня, гляди-ка: подосиникъ!
Пойдёмъ искать грибовъ.»

НАДЕЖДА.

Ты и пошла?

ВѢРА.

Я и пошла. Давно ужь это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ:
Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ — что ковёръ шелкóвый подъ ногами;
А впереди деревья гуще, чаще,
Темнѣй, темнѣе — такъ къ себѣ и манятъ.
Иду — кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь:
Тутъ боровикъ, волнянка, подорѣшникъ;
Тутъ земляника. Тишь въ лѣсу такая,
Что ни одинъ листокъ не шелохнётся.
Вотъ слышится мнѣ, будто бы кукушка

Кукуетъ гдѣ-то, только далеко.
Дай, думаю, послушаю поближе
На долго ли Господь грѣхамъ потерпитъ?
Аукнула и побѣжала дальше.
За мной: «ау! ау!» а я выряю
Промежь кустовъ, не хуже куропатки.
Вотъ и иду. Кустарникъ чаще, чаще —
Всё жимолость — да цѣпкая такая;
То тамъ, то здѣсь лѣтникъ сучкомъ прихватитъ.
На ту бѣду моя кукушка смолкла;
Куда идти — не знаю, да и полно!
Остановилась, духъ перевела,
Подумала: заблудишься, пожалуй!
Пошла назадъ тихонько, а сама
По сторонамъ гляжу, ищу дороги.
Кажися, здѣсь? Прошла шаговъ съ десятокъ —
Нѣтъ, здѣсь не шла; свернула полѣвѣе —
Опять не тó; взяла на право — топь:
По щиколдку ушла нога въ болото.
Я крикнула — никто не отвѣчаетъ;
Ещё, ещё — опять отвѣту нѣтъ;
Я не сробѣла, крикнула погромче,
Прислушалась: чу! кто-то отозвался;
Я нà голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать,
Всё цѣликомъ, по хворосту, по кочкамъ;
Изорвала лѣтникъ, каптуръ сронила,
Валежникомъ всѣ ноги исколола,
Всѣ руки исцарапала — задаромъ:
Не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ.
Трущоба, глушь; а сучья, словно руки,
Такъ вотъ тебя за полы и хватаютъ.
Страхъ обуялъ! Я побѣжала шибче,
Куда глаза глядѣли, безъ пути,
Безъ памяти — бѣжала и кричала,
Пока языкъ и ноги не отнялись;
Споткнулася о что-то и упала —
Тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ.

НАДЕЖДА.

Какъ ты жива осталась? Жутко, Вѣра!
И слушать — страхъ!

ВѢРА.

Не страшенъ страхъ, Надёжа,
А страшенъ грѣхъ! Вотъ какъ любовь-змѣя
Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
Да высосетъ всю кровь изъ ретивòго,
Да какъ не тò, что о грѣхѣ молиться,
А, кажется, молилась бы грѣху —
Такъ тутъ вотъ жутко: что твой лѣсъ потёмный!
Ну, что со мною было — я не знаю.
Какъ сквозь просоновъ слышала: кричали,
Трубили въ рогъ. Очнулася я поздно —
Ужь въ сумерки. Въ какомъ-то я шатрѣ.
Гляжу: ковёръ подосланъ подо мною,
А въ головѣ камчатная подушка,
И парчевой попоной я накрыта.
Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
Народъ гуторитъ.

НАДЕЖДА.

Что жь это такое?
Бояре, что ль, охотилися?

ВѢРА.

Онъ!
Приподняла я голову — подходитъ.
Въ потьмахъ лица не видно, только очи —
Какъ уголья въ жаровнѣ. Говоритъ:
«Долгонько спалось, гостья дорогая!
А намъ бы вотъ довѣдаться: какъ гостья
Велитъ себя по имени назвать,
Какъ величать по отчеству?» Самъ — въ поясъ.
Я ни гу-гу: языкъ не шевелится;
А вижу-то, что изъ бояръ бояринъ:
По рѣчи слышно — голосъ такъ и льётся.
Что за осанка! что за ростъ и плечи!
Онъ мнѣ опять: «Мужовая жена,
Аль красная дѣвица — обзовися:
Мы до дому проводимъ.» Я молчу.
Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
«Князь Вяземскій, послать сюда дѣвчёнку!»
И вышелъ вонъ. Втолкнули Степаниду —
А тамъ ужь какъ свезли меня домой,
Какъ на постель раздѣли — положили —
Не помню.

НАДЕЖДА.

Вѣра, знаешь ли ты?

ВѢРА.

Что?

НАДЕЖДА.

И я бы также полюбила.

ВѢРА.

Надя,
Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?
Душа изъ тѣла рвётся! Ты послушай!

(Слышенъ отдаленный звукъ трубъ.)

НАДЕЖДА.

Что это? трубы?

ВѢРА.

Пусть-себѣ трубятъ!
Дослушай лучше пѣсенку мою.
Проснулася я ночью на постели:
Щемитъ мнѣ сердце — сладко таково;
По тѣлу дрожь, какъ искры, пробѣгаетъ;
Коса трещитъ, вертится изголовье;

Въ глазахъ круги огнёвые пошли…
Вскочила я, окошко распахнула,
Дышу, дышу всей грудью. А въ саду
Роса дымится и укропомъ пахнетъ
И подъ окномъ въ травѣ куётъ кузнечикъ.
Ну, что, Надёжа — что бы ты сказала,
Какъ еслибъ онъ да шасть изъ-за угла,
Да пошептомъ промолвилъ: «эхъ, молодка!
Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?
Аль бѣлою рукою не поманешь?
Пустила бы въ свѣтёлку…» Я шатнулась
И о косякъ ударилась плечёмъ,
А самоё трясётъ какъ въ лихоманкѣ.
Сказать хотѣла: «отойди, проклятый!»
А говорю: «влѣзай же, что ль, скорѣе!»
Ужь видно Богъ попуталъ за грѣхи!
Да что тутъ! Вырвалъ сердце мнѣ изъ груди,
Какъ изъ гнѣзда безкрылую косатку,
Ударилъ ó земь — да и прочь пошолъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ, занимающій третье мѣсто послѣ Пушкина и Лермонтова, родился 22-го ноября 1822 года, въ одномъ изъ мѣстечекъ, Каменецъ-Подольской губерніи, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексѣй Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, тамошней уроженкѣ, съ семьёй которой познакомился онъ незадолго предъ тѣмъ въ Херсонской губерніи. Оставивъ службу съ чиномъ маіора, въ продолженіи которой сдѣлалъ всю кампанію 1812 — 1814 годовъ въ качествѣ адъютанта графа Витгенштейна и потерялъ двухъ старшихъ братьевъ, павшихъ въ сраженіи при Бородинѣ, отецъ Николая Алексѣевича поселился окончательно въ своёмъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой. У Николая Алексѣевича всего было тринадцать братьевъ и сестёръ, изъ которыхъ теперь въ живыхъ двое и одна сестра.

Первоначальное воспитаніе Некрасовъ получилъ дома, а съ тринадцати-лѣтняго возраста сталъ посѣщать Ярославскую гимназію, начиная съ четвёртаго класса. Пробывъ въ названномъ заведеніи два года, Некрасовъ, согласно желанію отца, оставилъ гимназію и, снабжонный его письмомъ на имя начальника петербургскаго округа корпуса жандармовъ, генерала Полозова, отправился въ Петербургъ. Отдавая письмо Полозову, Некрасовъ объявилъ ему прямо, что содержаніе его ему хорошо извѣстно; но что онъ не желаетъ поступать въ Дворянскій Полкъ, нынѣ Константиновское военное училище, какъ того желаетъ отецъ, а намѣренъ готовиться къ поступленію въ университетъ, такъ-какъ чувствуетъ сильную склонность къ литературнымъ занятіямъ, весьма мало совмѣстнымъ съ военной службой. Полозовъ нашолъ рѣшимость шестнадцати-лѣтняго юноши какъ нельзя болѣе благоразумной — и совѣтовалъ ему поскорѣе приступить къ дѣлу. Тогда Некрасовъ ревностно принялся за книги и сталъ готовиться съ лихорадочной поспѣшностью къ грозному экзамену, долженствовавшему быть ровно черезъ годъ. Но вскорѣ всякаго рода препятствія стали тормазить успѣшно-начатое дѣло. Первымъ и главнымъ препятствіемъ къ осуществленію благихъ намѣреній юноши былъ недостатокъ въ деньгахъ, безъ которыхъ трудно было сдѣлать что-нибудь, такъ-какъ безъ учителей изучать математику и латинскій языкъ не было никакой возможности. Впрочемъ, для математики и физики Некрасовъ вскорѣ добылъ себѣ дешоваго наставника; что же касается латыни, то этотъ предметъ подвигался туго, несмотря на усилія знакомаго ему студента Медико-Хирургической Академіи. Наконецъ случай свёлъ его, въ одномъ изъ трактировъ Выборгской Стороны, съ профессоромъ Медицинской Академіи Успенскимъ, который, узнавъ о затрудненіяхъ Некрасова касательно латыни, не только любезно предложилъ давать ему уроки даромъ, но даже пригласилъ его переселиться на нѣкоторое время въ его квартиру. Некрасовъ принялъ предложеніе — и долбленіе латыни началось. Благодаря основательному знанію какъ латинскихъ классиковъ, такъ равно и латинской грамматики и просодіи, Успенскій въ какіе-нибудь полъ-года такъ хорошо ознакомилъ своего новаго ученика со всѣми таинствами языка Цицерона, что ужь въ самомъ началѣ 1840 года Некрасовъ былъ совершенно готовъ къ университетскому экзамену, бывающему, какъ извѣстно, въ августѣ мѣсяцѣ. Начались экзамены. Большая часть предметовъ, въ томъ числѣ и латынь съ профессоромъ Фрейтагомъ, отличавшимся крайней строгостью, сошли благополучно, но математика и физика испортили всё дѣло — и Некрасовъ волей неволей долженъ былъ отказаться отъ чести поступить въ число студентовъ университета, довольствуясь званіемъ вольнаго слушателя

Посѣщая усердно университетскія лекціи въ теченіе 1840 и 1841 годовъ, Некрасовъ тогда же началъ помѣщать свои стихотворенія и небольшія повѣсти и рецензіи въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ. Первымъ поэтическимъ опытомъ Некрасова было стихотвореніе «Мысль», напечатанное въ «Сынѣ Отечества на 1838 годъ, а вторымъ — «Жизнь», помѣщённое въ 7-мъ № «Библіотеки для Чтенія» на 1839 годъ. Затѣмъ въ «Сынѣ Отечества» на 1839 годъ, томы 2-й, 4-й, 6-й и 7-й, были напечатаны ещё пять его стихотвореній «Безнадежность», «Человѣкъ», «Смерть», «Офелія», «Скорбь и Слёзы» и повѣсть «Пѣвица», въ «Пантеонѣ» на 1840 годъ (томъ I и III) поэма — «Провинціальный подъячій въ Петербургѣ». Стихотворенія эти — плодъ досуга 16-ти лѣтняго поэта — были замѣчены. Это обстоятельство порѣшило дѣло: онъ рѣшился избрать поэтическую дѣятельность своей карьерой. Въ томъ же 1840 году вышелъ первый сборникъ стихотвореній Некрасова, подъ заглавіемъ «Мечты и Звуки», причёмъ Жуковскій, прочтя эту небольшую книжку, отозвался о ней съ похвалою. Что же касается Полевого, помѣстившаго у себя въ «Сынѣ Отечества» первое стихотвореніе Некрасова, то онъ принялъ самое живое участіе въ начинающемъ поэтѣ. Одинъ Бѣлинскій встрѣтилъ книжку недружелюбно, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ его рецензіи, помѣщённой въ 3-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» на 1840 годъ: «Прочесть цѣлую книгу стиховъ, встрѣчать въ нихъ всё знакомыя и истёртыя чувствованьица, общія мѣста, гладкіе стишки и — много-много — если наткнуться иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ риѳмованныхъ строчекъ — воля ваша, это чтеніе, или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочесть о нихъ въ журналахъ извѣстіе въ родѣ: «выѣхалъ въ Ростовъ». Посредственность въ стихахъ — нестерпима. Вотъ мысли, на которыя навели насъ «Мечты и Звуки» г. Н. Н.»

Впрочемъ, этотъ суровый приговоръ не помѣшалъ поэту и критику вскорѣ послѣ того познакомиться и сблизиться. Знакомство это имѣло большое и благодѣтельное вліяніе на развитіе таланта Некрасова, требовавшаго въ то время поддержки и указанія. Начиная съ 4-й книжки «Отечественныхъ Записокъ» на 1845 годъ, гдѣ было напечатано первое изъ стихотвореній: «Современная ода», произведенія молодого поэта стали всё чаще и чаще являться на страницахъ этого, въ то время лучшаго, русскаго журнала. Мы говоримъ о стихотворныхъ произведеніяхъ Некрасова; что же касается прозы, то-есть небольшихъ повѣстей и разсказовъ, то они, начиная съ повѣстей «Опытная женщина», и «Необыкновенный завтракъ», напечатанныхъ въ томъ же журналѣ (1841 г. № 10 и 1843 г. № 12), печатались въ нёмъ гораздо раньше. Въ 1843 году Некрасовъ издалъ вмѣстѣ съ В. З. Зотовымъ, двѣ маленькихъ книжки, подъ заглавіемъ: «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», въ которыхъ помѣстилъ двѣ главы изъ «Говоруна», записокъ петербургскаго жителя А. Ѳ. Бѣлопяткина, обратившаго на себя вниманіе критики. Затѣмъ, въ «Петербургскомъ Сборникѣ» и въ 4-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года были напечатаны слѣдующія три его пьесы: «Въ дорогѣ», «Огородникъ» и «Когда изъ мрака заблужденья», которыми начинаются всѣ изданія «Стихотвореній Некрасова». Въ тѣхъ же 1846 — 1848 годахъ Николай Алексѣевичъ издалъ свой *комическій иллюстрированный альманахъ* «Первое Апрѣля», похваленный Бѣлинскимъ, «Петербургскій Сборникъ», «Физіологію Петербурга» и «Иллюстрированный Альманахъ», а съ 1847 года сталъ издавать, вмѣстѣ съ покойнымъ И. И. Панаевымъ, журналъ «Современникъ», выходившій потомъ безъ малаго цѣлыхъ двадцать лѣтъ — и во всё продолженіе этого времени стоявшій постоянно во главѣ русской журналистики.

Ещё за годъ до появленія въ свѣтъ 1-й книжки «Современника», благодаря цѣлой тучѣ публикацій, читающей и мыслящей публикѣ, было хорошо извѣстно: кто такіе будутъ сотрудниками новаго журнала и чего можно будетъ ожидать отъ него. Почти всѣ писатели — цвѣтъ русской науки и литературы того времени — были объявлены его исключительными сотрудниками, причёмъ были названы многія изъ ихъ произведеній, долженствовавшихъ украсить страницы новаго журнала, въ томъ числѣ оба приложенія «Кто виноватъ?» романъ Искандера и «Лукреція Флоріани», романъ Жоржа Занда, въ переводѣ Кронеберга, извѣстнаго переводчика «Гамлета» и «Макбета» Шекспира. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если мы скажемъ, что появленія 1-й книжки «Современника» всѣ мыслившіе русскіе люди того времени, ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, 1-го января 1847 года книжка вышла вмѣстѣ съ двумя обѣщанными приложеніями, и — можно сказать — превзошла даже самыя смѣлыя ожиданія читающей публики. И не мудрено! Въ ней помѣщены были: повѣсть Тургенева, романъ Герцена, начало романа Панаева, стихотворенія

Некрасова, Тургенева и Огарёва, статьи Бѣлинскаго, Кавелина, Соловьёва, графа Уварова, Никитенка и Кронеберга; наконецъ самая «Смѣсь» была составлена изъ такихъ произведеній, какъ «Хорь и Калинычъ» Тургенева, «Романъ въ десяти письмахъ» Достоевскаго, первыя «Письма изъ Парижа» Анненкова и другихъ; даже статья о модахъ была написана совершенно въ новомъ родѣ, именно — въ видѣ живого фельетоннаго разсказа. Послѣдовавшія за январской, остальныя одиннадцать книжекъ «Современника» 1847 года оказались если не лучше, то — во всякомъ случаѣ — не хуже первой, такъ-какъ въ нихъ были помѣщены: стихотворенія Некрасова, Майкова и Огарёва, «Обыкновенная Исторія» — первый романъ Гончарова, повѣсть «Жидъ» и первые семь разсказовъ изъ «Записокъ Охотника» Тургенева, «Записки доктора Крупова» и четыре письма изъ «Avenue Marigny» Искандера, «Антонъ Горемыка» и «Полинька Саксъ» — первыя и лучшія повѣсти Григоровича и Дружинина, «Письма объ Испаніи» Боткина, «Письма изъ Парижа» Анненкова, статьи Бѣлинскаго, Савича, Буняковскаго, Рулье, Афанасьева, Милютина и другихъ. «Современникъ» 1848 года, не смотря на совершенное отсутствіе стиховъ, былъ не менѣе предыдущаго богатъ прекрасными повѣстями и учоными и критическими статьями, подписанными именами Тургенева, Гончарова, Герцена, Даля, Григоровича, Дружинина, Гребёнки, Грановскаго, Соловьёва, Кавелина, Ковалевскаго, Перевощикова и другихъ. Эти первые два лучшихъ года существованія «Современника» подъ новою редакціей, ознаменованныя совокупными трудами лучшихъ представителей русской науки и русской литературы, помимо благотворнаго вліянія на развитіе вкуса въ публикѣ и охоты къ чтенію, замѣчательны особенно тѣмъ, что выдвинули впередъ и сдѣлали извѣстными имена лучшихъ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ: И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина и В. П. Боткина, и упрочили едва начинавшуюся извѣстность И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова.

Начало «Современника» совпало какъ разъ съ началомъ гоненія на стихи, поднятаго «Отечественными Записками» и продолжаемое другими журналами, между-прочимъ и «Современникомъ», хотя во главѣ его и стоялъ поэтъ. Начиная съ 1848 года, въ который редакція «Современника» не нашла во всей русской литературѣ ни одного стихотворенія, годнаго занять мѣсто на ея страницахъ, и продолжая это гоненіе въ теченіи всего слѣдующаго года, она только во 2-й книжкѣ 1850 года нашла возможнымъ помѣстить у себя «Странную ночь», комедію въ стихахъ г. Жемчужникова. Стихотворенія же Некрасова стали появляться только съ іюльской книжки того же года. Такимъ образомъ, цѣлые три года Некрасовъ не печаталъ у себя ни чужихъ, ни своихъ стихотвореній, ограничивая свою литературную дѣятельность составленіемъ мелкихъ статей для смѣси и небольшихъ рецензій для отдѣла критики, да сочиненіемъ *неправдоподобныхъ разсказовъ*, въ родѣ «Новоизобрѣтённой привиллегированной краски Дерлинга и К°», напечатанной въ 4-й книжкѣ журнала на 1850 года и прошедшей почти ни кѣмъ не замѣченной.

Первыми стихотвореніями Некрасова, появившимися послѣ трёхлѣтняго молчанія на страницахъ «Современника» (1850, № 9), были двѣ коротенькихъ пьесы любовнаго содержанія: «Буря» и «Ты всегда хороша несравненно», не представляющихъ ничего замѣчательнаго; но, начиная съ 3-й книжки журнала на 1853 годъ, гдѣ было помѣщено извѣстное его стихотвореніе «Блаженъ незлобивый поэтъ», стали появляться тѣ лучшія изъ его поэтическихъ произведеній, которыя, впослѣдствіи, прославили его имя и сдѣлали его дорогимъ для каждаго русскаго. Стихотворенія эти были: «Муза», «Въ деревнѣ», «Несжатая полоса», «Забытая деревня», «Маша», «Власъ,» «Внимая ужасамъ войны», «Замолкни, муза мести и печали», «Застѣнчивость» и нѣкоторыя другія. Затѣмъ, въ теченіи 1857—1860 годовъ, Некрасовъ не написалъ ни чего замѣчательнаго, и только начиная съ 1861 года, въ которомъ былъ напечатанъ его стихотворный разсказъ «Коробейники», стали снова появляться въ печати какъ мелкія его пьесы, такъ и цѣлыя поэмы, исполненныя высокаго достоинства. Изъ большихъ его произведеній, напечатанныхъ въ этотъ послѣдній періодъ существованія «Современника», особенно выдаются: разсказъ «Морозъ Красный Носъ» и первая глава поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Съ прекращеніемъ «Современника» на 4-й книжкѣ 1866 года, Некрасовъ перенёсъ свою литературную дѣятельность въ «Отечественныя записки», перешедшія, въ началѣ 1868 года, подъ другую редакцію, гдѣ и напечаталъ цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, разсказовъ и поэмъ, въ томъ числѣ двѣ главы изъ поэмы «Русскія женщины» — «Княгиня Т***» и «Княгиня Вол—ская» (1872, № 4 и 1873, № 1), восемнадцать главъ изъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (1869, №№ 1 и 2, 1870, № 2, 1873, № 2, и

1874, № 1), «Герои времени», «Горе стараго Наума» и «Послѣднія пѣсни» (1876, №№ 1 и 3, и 1877, № 1).

Въ началѣ 1875 года Некрасовъ почувствовалъ въ первый разъ тѣ нервныя боли и желудочные припадки, которые черезъ три года свели его въ преждевременную могилу. Первое время припадки эти случались съ нимъ періодически; но года за полтора до смерти они усилились до того, что страданія его почти не прекращались, возобновляясь ежедневно всё съ большею и большею силой. Какъ онъ страдалъ отъ своей болѣзни, что выносилъ — представить трудно. Нервныя боли онъ чувствовалъ во всёмъ тѣлѣ и постоянно долженъ былъ перемѣнять положеніе. То онъ ходилъ, то прижимался въ уголъ и стоялъ неподвижно, то упирался головою объ стѣну, то лежалъ, но и тутъ не могъ оставаться и нѣсколькихъ минутъ въ одномъ положеніи: то переворачивался на одинъ бокъ, то на другой, то садился и судорожно сжималъ руками ноги, то клалъ ноги выше головы, то отчаянно закидывалъ голову назадъ. Когда же боли усиливалися до того, что долѣе терпѣть и выдерживать становилось не въ мочь, такъ-какъ всѣму есть предѣлы, то комната начинала оглашаться его крикомъ и стонами. Эти припадки случались ежедневно и по нѣсколько разъ въ день. Ему давали одуряющія вещества — и онъ засыпалъ. Весной 1877 года страданія усилились наконецъ до того, что несчастный рвалъ на себѣ бѣльё, схватывалъ себя за горло. Тогда рѣшено было сдѣлать операцію, которая и была произведена надъ несчастнымъ поэтомъ 12-го апрѣля 1877 года, которая, по словамъ доктора Н. А. Бѣлоголоваго, «спасла Некрасова отъ неминуемо угрожавшей ему смерти въ нѣкоторой степени облегчила страданія и продлила его существованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ, хотя существованіе это оставалось далеко незавиднымъ.» Большую часть дня онъ продолжалъ проводить въ постели, но все-таки вставалъ по нѣскольку разъ въ день, сидѣлъ ежедневно часа по два за чтеніемъ газетъ и журналовъ и видимо интересовался событіями общественной и литературной жизни. Но въ общемъ значительнаго улучшенія не было и это вліяло на нравственное состояніе его духа. Около же 20-го ноября стали появляться приступы изнурительной лихорадки.

Такъ продолжалось до 14-го декабря, когда съ нимъ сдѣлалось вдругъ очень дурно, послѣ чего силы его стали падать всё болѣе и болѣе — и 27-го декабря 1877 года въ 8 часовъ 50 минутъ пополудни Некрасова не стало. По вскрытіи тѣла оказалось, что причиной смерти поэта былъ — ракъ.

Погребеніе Некрасова совершилось 30-го декабря. Эти похороны отличались необыкновеннымъ характеромъ: едва ли когда либо и кто-либо изъ русскихъ литературныхъ дѣятелей былъ почтёнъ такимъ живымъ и знаменательнымъ сочувствіемъ общества при проводахъ его въ послѣдній пріютъ. Громадная толпа по-крайней-мѣрѣ въ три-четыре тысячи человѣкъ сопровождала гробъ поэта, который до самаго кладбища былъ несёнъ на рукахъ. Большая часть этой толпы состояла изъ литераторовъ и учащейся молодёжи. Всѣ наличныя литературныя силы были тутъ, начиная отъ сверстниковъ поэта, заслуженныхъ и извѣстныхъ писателей и кончая начинающими дарованіями. Кромѣ того, множество почитателей и поклонниковъ покойнаго положительно всѣхъ званій и всякаго состоянія, не исключая и простыхъ крестьянъ, шли за гробомъ «народнаго» поэта. Похоронное шествіе продолжалось три часа. Большой соборъ Новодѣвичьяго монастыря былъ полонъ народомъ. На монастырскомъ кладбищѣ, у могилы, готовой принять бренные останки поэта, дожидалась огромная сплошная масса.

Гробъ былъ принесёнъ къ могилѣ открытымъ. Нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ друзей поэта, литераторовъ и студентовъ, были произнесены у гроба рѣчи. Первымъ говорилъ г. Панаевъ, близко знавшій покойнаго; затѣмъ — Ѳ. М. Достоевскій. Въ рѣчахъ того и другого были высказаны глубоко тёплые отзывы какъ о великомъ значеніи покойнаго въ русской поэзіи, такъ и о его многолюбящемъ сердцѣ, отзывавшемся на горе и страданія угнетённыхъ.

«Стихотворенія Н. А. Некрасова» выдержали, въ теченіи двадцати-двухъ лѣтъ, семь изданій изъ которыхъ 1-е было напечатано въ 1856 году, въ Москвѣ, въ одномъ томѣ, 2-е — въ 1858, въ Петербургѣ, въ одномъ томѣ, 3-е — въ 1862, тамъ же, 4-е — тамъ же, въ 1864, въ трёхъ частяхъ, 5-е — тамъ же, въ 1869, въ четырёхъ частяхъ, 6-е — тамъ же, въ 1873—1874, въ шести частяхъ, и 7-е — тамъ же, въ 1879, въ четырёхъ томахъ.

Кромѣ того, Некрасовымъ были изданы ещё слѣдующія книги: 1) Мечты и Звуки. Стихотворенія Н. Н. Спб. 1840. 2) Статейки въ стихахъ безъ картинокъ. Спб. 1843. 3) Физіологія Петербурга. Спб. 1845. 4) Первое апрѣля. Комическій иллюстрированный альманахъ. Спб. 1846. 5) Петербургскій Сборникъ. Спб. 1846. 6) Иллюстрированный альма-

нахъ. Спб. 1848. 7) Три страны свѣта. Романъ въ восьми частяхъ. Изд. 1-е — Спб. 1848, изд. 2-е и 3-е — тамъ же, 1852 и 1872. 8) Мёртвое озеро. Романъ въ трёхъ частяхъ. Спб. 1852. 9) Красныя книжки. 3 части. Спб. 1863. 10) Баба-яга — костяная нога. Изд. 1-е — Спб. 1863, изд. 2-е — Спб. 1871, и 11) Послѣднія пѣсни Н. А. Некрасова. Спб. 1877.

I.

МУЗА.

Нѣтъ, Музы ласково-поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пелёнкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и Муза и Любовь;
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рождённыхъ для труда, страданья и оковъ —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумиръ.
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ — и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею; но тотъ же скорбный стонъ
Ещё пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ.
Всё слышалося въ нёмъ въ смѣшеніи безумномъ:
Разсчёты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слёзы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы.
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой;
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: «мщеніе!» и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ.
Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной.
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ — и выкупалось вдругъ
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой:
«Прощай врагамъ своимъ!» шептала надо мной.
Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда, наконецъ, обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточённый бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрезъ бездны тёмныя насилія и зла,
Труда и голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила.

II.

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлёкъ —
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что̀ было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена —
Вѣрь, я внималъ не безъ участья,
Я жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ всё, дитя несчастья,
Я всё простилъ и всё забылъ.
Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?
Не вѣрь толпѣ — пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!
Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣи въ груди —
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

III.

* * *

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искренен привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.

Ему сочувствіе въ толпѣ
Какъ ропотъ волнъ ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ —
Сей пытки творческаго духа.

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ —
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ.

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья —

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ и пустыхъ и людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ — поймутъ,
И какъ любилъ онъ — ненавидя!

IV.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слёзы —
То слёзы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

V.

РОДИНА.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенной
И неребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ.
Воспоминанія дней юности — извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,
Наполнивъ грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной.

Вотъ тёмный, тёмный садъ! Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальной?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ — о, знаю, знаю я!
На-вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ —
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы:
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы.
Но знаю: не была душа твоя безстрастна!

Она была горда, упорна и прекрасна
И всё, что вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ?

И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужь также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила.
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой.
Вотъ сѣрый, старый домъ! Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А встарь? Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ. Ахъ, няня! сколько разъ
Я слёзы лилъ о ней въ тяжолый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?
Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты —
И грудь моя полна враждой и злостью новой.
Нѣтъ, въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но, всё, что, жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легко неотразимымъ —
Всему начало здѣсь, въ краю моёмъ родимомъ!

И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ тёмный боръ —
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьёмъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

VI.

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна —
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зёрна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,
Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьётъ.
Гдѣ же нашъ пахарь? чего ещё ждётъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?
Нѣтъ, мы не хуже другихъ — и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?
Вѣтеръ несётъ имъ печальный отвѣтъ:
«Вашему пахарю моченьки нѣтъ!
Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ — не ѣстъ и не пьётъ,
Червь ему сердце больное сосётъ,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,
Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шолъ полосою.

VII.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избёнку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: «нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!»
—«Вотъ пріѣдетъ баринъ: баринъ насъ разсудитъ
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу» — думаетъ старушка.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячёкъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ маперомъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»
Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово —
И землицу нашу отдадутъ намъ снова.»

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута — урожай сторицей;

Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредитъ —
Барина всё нѣту! баринъ всё не ѣдетъ!

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернёю цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ, а за гробомъ — новый.
Стараго отпѣли, новый слёзы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

VIII.

ВЛАСЪ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнажонной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ; обувь бѣдная;
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ.
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями
Конокрадовъ укрывалъ.

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ чорный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдерётъ.

Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ — и грянулъ громъ!

Власу худо: кличетъ знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще всё неможется.
Годъ прошолъ, а Власъ лежитъ —
И построитъ церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Всё мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза:
Ефіопы — видомъ чорные
И какъ угліе глаза.

Крокодилы, змѣи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ.
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Чорный тигръ-шестокрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ.
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочёлъ:

Сочтены дѣла безумныя.
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать.

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ.
Внялъ Господь — и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ своё имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ —
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошолъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужь скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается —
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была.

Полонъ скорью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,

Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далёкаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберётся и въ Рязань.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой всё говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студёную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещёную
На посильные дары —

И даютъ, даютъ прохожіе.
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

IX.

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу:
Довольно мы съ тобою проклинали!
Одинъ я умираю — и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда бъ хоть легче было отъ того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой тёмный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу тёплаго луча.

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя — во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя — теперь ужь не зову!

Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить:
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

X.

ИЗЪ ПОЭМЫ:
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО».

1.

ПОПЪ.

Потупился, задумался,
Въ телѣжкѣ сидя, попъ
И молвилъ: «Православные,
Роптать на Бога грѣхъ!
Несу мой крестъ съ терпѣніемъ;
Живу, а какъ — послушайте!
Скажу вамъ правду-истину,
А вы крестьянскимъ разумомъ
Смекайте.» — «Начинай!»
— «Въ чёмъ счастіе по вашему?
Покой, богатство, честь —
Не такъ ли, други милые?»
Они сказали: «такъ!»
— «Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу покой?
Начать, признаться, надо бы
Почти съ рожденья самаго,
Какъ достаётся грамота
Поповскому сынку,
Какой цѣной поповичемъ
Священство покупается —
Да лучше помолчимъ!
Дороги наши трудныя,
Приходъ у насъ большой.
Болящій умирающій,
Рождающійся въ міръ
Не избираютъ времени:
Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
Въ глухую ночь осеннюю,
Зимой, въ морозы лютые
И въ половодье вешнее
Иди — куда зовутъ.
Идёшь безотговорочно —
И пусть бы только косточки
Ломалися одни:
Нѣтъ, всякій разъ намается,
Переболитъ душа.
Не вѣрьте, православные —
Привычкѣ есть предѣлъ:
Нѣтъ сердца выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,

Сиротскую печаль.
Аминь! Теперь подумайте —
Каковъ попу покой?
Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу почётъ?
Задача щекотливая:
Не прогнѣвить бы васъ?
Скажите православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чуръ! отвѣчать на спросъ?»
Крестьяне позамялися,
Молчатъ — и попъ молчитъ.
«Съ кѣмъ встрѣчи вы боитеся,
Идя путёмъ-дорогою?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!»
Кряхтятъ, переминаются,
Молчатъ. «О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя
И пѣсни непристойныя,
И всякую хулу?
Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякаго —
Какъ чествуете вы?
Кому въ догонъ, злорадствуя,
Кричите: го-го-го!»

Потупились ребятушки,
Молчатъ — и попъ молчитъ.
Крестьяне думу думали,
А попъ широкой шляпою
Въ лицо себѣ помахивалъ
Да нá небо глядѣлъ.
Весной что внуки малые
Съ румянымъ солнцемъ-дѣдушкой
Играютъ облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась
Стемнѣла и заплакала:
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ,
Весёлыхъ облачковъ
Смѣётся солнце красное,
Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась —
Попъ шляпой накрывается:
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна:
Тамъ дождь перестаётъ.
Не дождь — тамъ чудо Божіе:
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшены мотки.

«Теперь посмотримъ, братія,
Откудова богачество
Поповское идётъ?
Во время недалёкое
Имперія Россійская
Дворянскими усадьбами
Была полнымъ-полна —
И жили тамъ помѣщики,
Владѣльцы именитые,
Какихъ теперь ужь нѣтъ!
Плодилися и множились —
И намъ давали жить.
Что свадебъ тамъ игралося,
Что дѣтокъ нарождалося
На даровыхъ хлѣбахъ!
Хоть часто крутонравые,
Однако доброхотные
То были господа;
Прихода не чуждалися:
У насъ они вѣнчалися,
У насъ крестили дѣтушекъ,
Къ намъ приходили каяться,
Мы отпѣвали ихъ.
А если и случалося,
Что жилъ помѣщикъ въ городѣ,
Такъ умирать навѣрное
Въ деревню пріѣзжалъ.
Коли умрётъ нечаянно —
И тутъ накажетъ нá крѣпко
Въ приходѣ схоронить.
Глядишь — ко храму сельскому,
На колесницѣ траурной
Въ шесть лошадей наслѣдники
Покойника везутъ:
Попу — поправка добрая,
Мірянамъ — праздникъ праздникомъ.
А нынѣ ужь не то!
Какъ племя іудейское,
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.
Теперь ужь не до гордости —
Лежать въ родномъ владѣніи,
Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами!

Да и владѣнья многія
Барышникамъ пошли.
Ой, холеныя косточки
Россійскія, дворянскія!
Гдѣ вы не позакопаны?
Въ какой землѣ васъ нѣтъ?

«Потомъ, статья — раскольники.
Не грѣшенъ: не живился я
Съ раскольниковъ ничѣмъ.
По счастью, нужды не было:
Въ моёмъ приходѣ числится
Живущихъ въ православіи
Двѣ трети прихожанъ.
А есть такія волости,
Гдѣ сплошь почти раскольники:
Такъ тутъ какъ быть попу?
Всё въ мірѣ перемѣнчиво!
Прейдётъ и самый міръ!
Законы, прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчилися,
А съ ними и поповскому
Доходу матъ пришолъ.

«Перевелись помѣщики:
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя —
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подаритъ;
Никто не вышьетъ воздуховъ —
Живи съ однихъ крестьянъ:
Сбирай мірскія гривенки,
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается —
И радъ бы далъ, да нечего.
А то ещё не всякому
И милъ крестьянскій грошъ.
Угодья наши скудныя:
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходитъ въ проголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ нé куда.
Припрётъ нужда — продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай;
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозитъ бѣда великая
И въ нынѣшнемъ году:
Зима стояла лютая,
Весна стоитъ дождливая;
Давно бы сѣять надобно,
А на поляхъ — вода.
Умилосердись Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!»

Снявъ шляпу, пастырь крестится
И слушатели тожъ.

«Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые,
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вѣчныя —
Господь прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ копѣйками
Живиться тяжело.
Случается, къ недужному
Придёшь: не умирающій —
Страшна семья крестьянская
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять.
Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ. А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое —
За требу воздаяніе:
Не брать — такъ нечѣмъ жить;
Да слово утѣшенія
Замрётъ на языкѣ —
И, словно какъ обиженный,
Уйдёшь домой. Аминь!»

2.

ПОМѢЩИКЪ.

Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:
«Я далъ вамъ слово честное
Отвѣтъ держать по совѣсти,
А не легко оно.
Хоть люди вы почтенные,
Однако не учоные —
Какъ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо бы,
Что значитъ слово самое:
Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что-нибудь?»

— «Лѣса намъ не заказаны:
Видали древо всякое!»
Сказали мужики.

— «Попали пальцемъ въ небо вы!
Скажу вамъ вразумительнѣй:
Я роду именитаго;
Мой предокъ Оболдуй
Впервые поминается
Въ старинныхъ русскихъ грамотахъ
Два вѣка съ половиною
Назадъ тому. Гласитъ
Та грамота: «Татарину
«Оболту Оболдуеву
«Дано суконце доброе,
«Цѣною въ два рубля:
«Волками и лисицами
«Онъ тѣшилъ государыню,
«Въ день царскихъ имянинъ;
«Спускалъ медвѣдя дикаго
«Съ своимъ, и Оболдуева
«Медвѣдь тотъ ободралъ.»
Ну, поняли, любезные?»

— «Какъ не понять! Съ медвѣдями
Не мало ихъ шатается,
Прохвостовъ, и теперь.»

— «Вы всё своё, любезные!
Молчать! ужь лучше слушайте
Къ чему я рѣчь веду:
Тотъ Оболдуй, потѣшившій
Звѣрями государыню,
Былъ корень роду нашему;
А было то̀, какъ сказано,
Съ залишкомъ двѣсти лѣтъ.
Прапрадѣдъ мой по матери
Былъ и того древнѣй:
«Князь Щепинъ съ Васькой Гусевымъ»,
Гласитъ другая грамота,
«Пыталъ поджечь Москву:
«Казну пограбить думали,
«Да ихъ казнили смертію.»
А было то̀, любезные,
Безъ мала триста лѣтъ.
Такъ вотъ оно откудова
То дерево дворянское
Идётъ, друзья мои!»

— «А ты, примѣрно, яблочко
Съ того выходишь дерева?»
Сказали мужики.

— «Ну, яблочко, такъ яблочко!
Согласенъ! Благо, поняли
Вы дѣло наконецъ.
Теперь вы сами знаете:
Чѣмъ дерево дворянское
Древнѣй, тѣмъ именитѣе,
Почётнѣй дворянинъ.
Не такъ ли, благодѣтели?»

— «Такъ!» отвѣчали странники:
«Кость бѣлая, кость чорная —
И поглядѣть, такъ разныя:
Имъ разный и почётъ.»

— «Ну, вижу, вижу: поняли!
Такъ вотъ, друзья — и жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почётъ.
Не только люди русскіе —
Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало — ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на̀ небѣ:
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ;
Пойдёшь ли деревенькою —
Крестьяне въ ноги валятся;
Пойдёшь лѣсными дачами —

Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса;
Пойдёшь ли пашней, нивою —
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ.
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
«Жирѣй, жирѣй до времени!»
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
«Шептала: я твоя!»
Краса и гордость русская,
Бѣлѣли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ,
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками;
На каждомъ флагъ игралъ,
Игралъ-манилъ привѣтливо,
Гостепріимство русское
И ласку обѣщалъ.
Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники,
Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актёры, музыка;
Прислуги — цѣлый полкъ.
Бывало, въ осень позднюю
Лѣса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкіе
Охотничьи рога.
Унылые, поблёкшіе
Лѣса полураздѣтые
Жить начинали вновь;
Стояли по опушечкамъ
Борзовщики-разбойники,
Стоялъ помѣщикъ самъ,
А тамъ, въ лѣсу, выжлятники
Ревѣли, сорви-головы,
Варили-варомъ гончія.
Чу! подзываетъ рогъ!
Чу! стая воетъ — сгрудилась:
Никакъ по звѣрю красному
Погнали. Улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матёрая
Летитъ, хвостомъ метётъ.
Присѣли, притаилися,
Дрожа всѣмъ тѣломъ, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе! къ намъ, молодчикамъ,
Подальше отъ кустовъ!
Пора! Ну, ну! не выдай конь!
Не выдайте собаченки!
Эй! улю-лю! родимыя!
Эй! улю-лю! а-ту!»

Гаврило Аѳанасьевичъ
Вскочилъ съ ковра персидскаго,
Махалъ рукой, подпрыгивалъ,
Кричалъ. Ему мерещилось,
Что травитъ онъ лису.
Крестьяне молча слушали,
Глядѣли, любовалися,
Посмѣивались въ усъ.

«Ой ты, охота псовая!
Забудутъ всё помѣщики,
Но ты, исконно-русская
Потѣха, не забудешься
Ни во̀ вѣки вѣковъ!
Не о себѣ печалимся —
Намъ жаль, что ты, Русь-матушка,
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ.
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля.
У каждаго помѣщика
Сто гончихъ въ напуску;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями, да съ музыкой
Мы двинемся впередъ,
На что кавалерійская
Дивизія твоя!

«Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія
Въ порядки древне-русскіе

Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія:
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Я въ Воскресенье Свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ.
Бывало, накрывается
Въ гостиной столъ огромнѣйшій:
На нёмъ и яйца красныя,
И пасха и куличъ.
Моя супруга, бабушка,
Сынишка, даже барышни
Не брезгаютъ — цалуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
«Христосъ воскресъ!» — «Во-истину!»
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино.
За-то, скажу не хвастая,
Любилъ меня мужикъ.

« . . . . Не весело
Глядѣть, какъ измѣнилося
Лицо твоё, несчастная,
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ-будто всё попряталось,
Повымерло. Куда
Ни ѣдешь — попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные,
Да глупые посредники,
Да иногда пройдётъ
Команда. Догадаешься:
Должно-быть, взбунтовалося
Въ избыткѣ благодарности
Селенье гдѣ-нибудь!
А прежде что тутъ мчалося
Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
Дормезовъ шестернёй!
Катитъ семья помѣщичья:
Тутъ маменьки солидныя,
Тутъ дочки миловидныя
И рѣзвые сынки.
Поющихъ колокольчиковъ,
Воркующихъ бубенчиковъ
Наслушаешься всласть.

«А нынче чѣмъ разсѣешься?
Картиной возмутительной —
Что шагъ — ты поражонъ:
Кладбищемъ вдругъ повѣяло —
Ну, значитъ, приближаемся
Къ усадьбѣ. Боже мой!
Разобранъ по кирпичику
Красивый домъ помѣщичій —
И акуратно сложены
Въ колонны кирпичи.
Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣянный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь лёгъ: мужикъ любуется
Какъ много вышло дровъ.
Черства душа крестьянина!
Подумаетъ ли онъ,
Что дубъ, сейчасъ имъ сваленный,
Мой дѣдъ рукою собственной
Когда-то насадилъ?
Что вотъ подъ той рябиною
Рѣзвились наши дѣтушки,
И Ганичка и Вѣрочка
Аукались со мной?
Что тутъ, подъ этой липою,
Жена моя призналась мнѣ,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашимъ первенцомъ,
И спрятала на грудь мою,
Какъ вишня, покраснѣвшее,
Прелестное лицо?
Ему была бы выгода —
Радёхонекъ помѣщичьи
Усадьбы изводить.
Деревней ѣхать — совѣстно:
Мужикъ сидитъ — не двинется;
Не гордость благородную —
Жолчь чувствуешь въ груди.
Въ лѣсу не рогъ охотничій
Звучитъ — топоръ разбойничій:
Шалятъ! А что подѣлаешь?
Кѣмъ лѣсъ убережошь?
Поля — не доработаны,
Посѣвы — не досѣяны,
Порядку нѣтъ слѣда.
О, матушка! о, родина!
Не о себѣ печалимся:
Тебя, родная, жаль!
Ты, какъ вдова печальная,
Стоишь съ косой распущенной,
Съ неубраннымъ лицомъ.»

—

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, авторъ комедій «Странная ночь» и «Сумасшедшіе», сынъ сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Жемчужникова, родился въ 1822 году. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ отца, онъ былъ отданъ на двѣнадцатомъ году въ Училище Правовѣдѣнія, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1841 году, съ чиномъ девятаго класса. Затѣмъ служилъ довольно долго въ Сенатѣ, а послѣднее время занималъ мѣсто помощника статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ настоящее время — онъ въ отставкѣ и проживаетъ за границей.

Первымъ печатнымъ произведеніемъ Жемчужникова была — извѣстная въ своё время комедія «Странная Ночь», появившаяся во 2-й книжкѣ «Современника» на 1850 годъ и обратившая на себя общее вниманіе, благодаря замысловатому сюжету, взятому изъ свѣтской жизни, прекрасноведённымъ разговоромъ дѣйствующихъ лицъ и звучному стиху, напоминающему Грибоѣдовскій. Успѣху этой пьесы въ публикѣ много способствала ея хорошая постановка на сценѣ Александринскаго театра, въ бенефисъ Вѣры Васильевны Самойловой, причёмъ главныя роли были исполнены самой бенефиціанткой, Максимовымъ и Сосницкимъ. Затѣмъ въ 11-й книжкѣ того же «Современника» на 1851 годъ было напечатано одно изъ лучшихъ его стихотвореній: «Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ», которое читатель найдётъ въ предлагаемомъ изданіи, а въ 11-мъ нумерѣ 1852 года — «Сумасшедшіе», его вторая комедія, встрѣченная, какъ и первая, общими похвалами критики и публики. Данная, годъ спустя, на александринской сценѣ, въ бенефисъ Самойловой 2-й, она имѣла значительный успѣхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ рецензента «Отечественныхъ Записокъ» (1853 годъ № 3): «Хотя комедія и не имѣетъ достоинствъ сценическихъ, по отсутствію въ ней всякаго драматическаго движенія, тѣмъ не менѣе, однако, благодаря основной своей мысли, нѣкоторымъ удачно-очерченнымъ характерамъ и очень хорошимъ стихамъ, она понравилась публикѣ — и авторъ ея былъ вызванъ.»

Продолжая печатать свои стихотворенія въ «Современникѣ», гдѣ, въ теченіи 1854 — 1857 годовъ, были помѣщены слѣдующія его пьесы: «Старая дорога», «Прощаніе съ Патмосомъ», «Съ вечера ѣдетъ всё лѣсомъ дремучимъ...», «Septuor Бетховена», «Первый снѣгъ», «Мятель», «Вечеръ въ деревнѣ» и «Деревня въ ноябрѣ», Жемчужниковъ помѣщалъ ихъ въ то же время и въ другихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», начиная съ 4-й книжки 1855 года, гдѣ, между-прочимъ, были напечатаны нижеслѣдующія пьесы: «Примиреніе», «Недавно силою предубѣжденій свѣтскихъ...», «Въ степи», «Къ другу», «Я музыку страстно люблю, но порою...», «На кладбищѣ» и другія. Начиная съ 1858 года, стихотворенія Жемчужникова исчезли на цѣлыя десять лѣтъ со страницъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», да и въ другихъ жуналахъ появлялись только изрѣдка; но, съ переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ 1868 году подъ другую редакцію, они снова стали появляться въ первомъ изъ нихъ. Такъ, во 2-мъ нумерѣ этого года была помѣщена его поэма «Сны», въ 1-мъ и въ 8-мъ 1869 — «Заколдованный мѣсяцъ» и «Современныя пѣсни», въ 8-мъ 1870 — «Неосновательная прогулка», въ 9-мъ, 10-мъ и 11-мъ 1871 — «Думы оптимиста», «Въ Европѣ» и «Журавли», въ 1872 году (2-я и 5-я книжки) — «Къ ***», «Въ чёмъ вся суть...» и въ 1877 году (5-я книжка) — «За днями ненастными съ тёмными тучами...», «Чувствъ и думъ не смѣтный рой...» и «Привѣтъ веснѣ».

Кромѣ указанныхъ двухъ комедій, поэмы и ряда мелкихъ стихотвореній, подписанныхъ полнымъ именемъ и фамиліей автора, Жемчужниковъ, при содѣйствіи графа А. К. Толстаго, брата своего Владиміра Михайловича и другихъ лицъ, написалъ множество шуточныхъ стихотвореній и сценъ въ прозѣ, прикрываясь псевдонимомъ «Кузьмы Пруткова». Первые опыты въ этомъ родѣ были напечатаны въ 1-мъ выпускѣ «Литературнаго Ералаша», вышедшемъ въ видѣ приложенія къ 1-й книжкѣ «Современника» на 1854 годъ. Здѣсь, подъ общимъ заглавіемъ: «Досуги Кузьмы Пруткова», были напечатаны слѣдующія его пьесы: «Споръ греческихъ философовъ объ изящномъ», «Эпиграмма № 1-й», «Поѣздка въ Кронштадтъ», «Честолюбіе», «Мысли и афоризмы», «Урокъ внучатамъ», «Эпиграмма № 2-й», «Письмо изъ Коринѳа», «Изъ Гейне», «Древней греческой старухѣ» и «Желаніе быть испанцемъ». Затѣмъ, во 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 6-мъ выпускахъ того же «Литературнаго Ералаша», приложенныхъ къ 3, 4, 6 и 10 №№ «Современника», нашла мѣсто цѣлая группа произведеній Кузьмы Пруткова; а именно: «Къ толпѣ», «Подражаніе Гейне», «Возвращеніе изъ Кронштадта», «Безвыходное положеніе», «Эпиграмма № 3-й», «Пятки не кстати»,

«Осада Памбры», «Въ альбомъ красивой чужестранкѣ», «Выдержки изъ записокъ моего дяди», «Историческіе матеріалы», «Баллада», «Пластическій грекъ», «Путникъ», «Въ альбомъ», «Изъ Гейне», «Новые аѳоризмы», «Блонды», «Къ друзьямъ послѣ женитьбы», «Моё вдохновеніе», «Аквилонъ», «Желаніе поэта» и «Мой сонъ». Наконецъ въ 4-мъ, 5-мъ и 7-мъ выпускахъ «Свистка», замѣнившаго «Литературный Ералашъ», приложенныхъ къ 4-й и 6-й книжкамъ «Современника» на 1860 годъ и къ 1-му № того же журнала на 1861 годъ, были помѣщены ещё слѣдующія произведенія Кузьмы Пруткова: «Къ моему портрету», «Помѣщикъ и садовникъ», «Память прошлаго», «Помѣщикъ и трава», «Осень», «Разочарованіе», «Философъ въ банѣ», «Черепословъ, сирѣчь Френологъ, оперетта въ трёхъ картинахъ» и «Чиновникъ и курица».

Кромѣ того, во 2-мъ № «Искры» на 1859 годъ было напечатано одно шуточное его стихотвореніе «Разногласіе», да въ «Развлеченіи» на 1861 годъ: драма въ трёхъ дѣйствіяхъ «Любовь и Силинъ» и два юмористическихъ стихотворенія, подъ названіемъ: «Простуда» и «Сестру задѣвъ случайно шпорой...»

Всѣ исчисленныя нами здѣсь произведенія принадлежащія, по увѣренію ихъ автора, перу геніальнаго, хотя и мало извѣстнаго писателя Кузьмы Пруткова, отличаются тѣмъ неподдѣльнымъ, чисто русскимъ юморомъ, которымъ такъ богата наша литература, справедливо гордящаяся цѣлымъ рядомъ такихъ стариковъ, какъ Фонвизинъ, Нарѣжный, Грибоѣдовъ, Гоголь, Козакъ-Луганскій (Даль), Основьяненко (Квитка) и Щедринъ (Салтыковъ).

I.

ПРИТЧА О СѢЯТЕЛѢ И СѢМЕНАХЪ.

Шолъ сѣятель съ зёрнами въ полѣ и сѣялъ —
И вѣтеръ повсюду тѣ зёрна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали: порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли —
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно —
И въ терніи дикомъ заглохло оно.
Напрасно шолъ дождь и съ прохладной зарёю
Поля освѣжались небесной росою:
Одинъ за другими проходятъ года —
Отъ зёренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода;
Но въ добрую землю упавшее сѣмя —
Какъ жатвы настанетъ урочное время —
Готовя сторатно умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно растётъ,
И блещетъ красою, и жизнею дышетъ!
Имѣющій уши, чтобъ слышать — да слышитъ!

II.

Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы за́живо тлѣемъ въ гробахъ —
Забита тяжолая крыша.
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Какъ будто бы рѣчь прозвучала —
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ —
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта.

III.

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На всё, что́ свершается въ мірѣ,
Порой я взираю яснѣе
И мыслю свободнѣй и шире.

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную
И, полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую.

И слышу я ангеловъ хоры,
И стону людскому я внемлю,
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слёзы на землю.

IV.

За днями ненастными съ тёмными тучами
Земля дождалась красныхъ дней,
И знойное солнце лучами могучими
Любовно сверкаетъ на ней.

Вблизи ли, вдали ли, мнѣ видится, слышится,
Что міръ, наслаждаясь, живётъ

Такъ радостно въ полѣ былинка колышется,
Такъ весело птичка поётъ!

И въ запахахъ, въ блескѣ, въ журчаніи, въ шелестѣ
Такъ явственъ восторгъ бытія,
Что, сердцемъ подвластенъ всей жизненной прелести,
Съ природою ожилъ и я.

О, сердце безумное, сердце живучее,
Открытое благамъ земли —
Уже-ль одиночества слёзы горючія
Насквозь твоихъ ранъ не прожгли?

Чего тебѣ ждать, когда нѣтъ уже болѣе
Любовнаго сердца съ тобой?
Плачь, плачь надъ былою счастливою долею
И вѣчную память ей пой!

—

А. В. ДРУЖИНИНЪ.

Александръ Васильевичъ Дружининъ, извѣстный русскій писатель и авторъ «Полиньки Саксъ» и «Чернокнижникова», родился 8-го октября 1824 года въ Петербургѣ, въ которомъ и провёлъ всю свою послѣдующую жизнь, почти безвыѣздно. Воспитывался онъ сначала дома, потомъ въ частномъ пансіонѣ и наконецъ въ Пажескомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ 2-го августа 1843 года въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ прапорщикомъ, гдѣ уже служили два его старшихъ брата и гдѣ онъ сошолся съ Федотовымъ, прославившимся впослѣдствіи какъ первый русскій жанристъ. Здѣсь, благодаря основательному знанію языковъ французскаго, англійскаго и итальянскаго, любви къ чтенію и расположенію къ нему всѣхъ его товарищей безъ исключенія, видѣвшихъ его не надежное здоровье, онъ былъ вскорѣ избранъ единогласно обществомъ офицеровъ въ полковые библіотекари только-что начинавшейся тогда библіотеки. Эта должность пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу молодому офицеру — и онъ оставался библіотекаремъ до самаго выхода изъ полка, послѣдовавшаго въ началѣ 1846 года. Затѣмъ Дружининъ поступилъ въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ оставался до начала 1851 года, послѣ чего оставилъ службу навсегда, имѣя въ виду посвятить всѣ свои силы исключительно одной литературѣ. Впрочемъ, литературная извѣстность началась для него ещё преждѣ, благодаря появленію въ декабрьской книжкѣ «Современника» на 1847 годъ «Полиньки Саксъ», лучшей изъ его повѣстей заинтересовавшей публику, расхваленной критикою, введшей автора въ литературный кругъ и съ разу показавшей, чего можно было ожидать отъ него впереди. Выйдя въ отставку, Дружининъ отдался весь литературѣ и уже не оставлялъ её до самой смерти, проживая большею частью въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжая или въ деревню или заграницу.

Ободрённый успѣхомъ первой своей повѣсти, Дружининъ написалъ цѣлый рядъ повѣстей, разсказовъ и одинъ романъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Жюли», но всѣ они, за исключеніемъ прекраснаго «Разсказа Алексѣя Дмитріевича», напечатаннаго во 2-й книжкѣ «Современника» на 1848 годъ, оказались ниже первой его повѣсти и потому не имѣли успѣха. Тогда Дружининъ обратился къ критикѣ и началъ её блистательно «Письмами иногороднаго подписчика», появлявшимися въ «Современникѣ» въ теченіи цѣлыхъ восьми лѣтъ, начиная съ первой книжки 1849 года, сначала ежемѣсячно, а потомъ всё рѣже и рѣже и наконецъ совершенно прекратившимися въ 1856 году. Не довольствуясь успѣхомъ своихъ весёлыхъ фельетоновъ, онъ напечаталъ въ «Современникѣ» на 1850 годъ цѣлый рядъ статей, подъ общимъ названіемъ «Галлереи замѣчательныхъ романовъ старыхъ и новыхъ временъ», съ біографическими свѣдѣніями объ авторахъ, причёмъ имѣлъ въ виду ознакомить русскую публику съ исторіею романа отъ времёнъ рыцарства до полнаго развитія плаксиваго тона эпохи 17-го и 18-го столѣтій, что и выполнилъ блистательно въ пяти статьяхъ, озаглавленныхъ «Кларисса Гарловъ», «Векфильдскій священникъ», «Исторія маленькаго Жака Сентре и дамы его сердца», «Лѣсъ или Сенъ-клерское Абатство» и «Одинъ изъ тринадцати», въ которыхъ разобралъ и изложилъ содержаніе этихъ пяти романовъ, подписанныхъ именами: Ричардсона, Гольдсмита, Графа де-Трессона, госпожи Радклифъ и Бальзака. Затѣмъ, всё болѣе и болѣе увлекаемый своими давними симпатіями къ англійской литературѣ, онъ напечаталъ въ «Современникѣ» на 1854 годъ «Жизнь и драматическія произведенія Ричарда Шеридана», «Лекціи Текерея объ англійскихъ юмористахъ» и «Георгъ Краббъ» и его произведенія», въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1851 и 1852 года — «Джонсонъ и Босвель» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1854 годъ — «Вальтеръ-Скоттъ и его современники».

Огромный успѣхъ исчисленныхъ нами выше этюдовъ изъ англійской литературы, побудилъ Дружинина попробовать свои силы надъ переводомъ

нѣкоторыхъ пьесъ Шекспира, что́ онъ и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ, благодаря прекрасному стиху и тщательному изученію подлинника. Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что переводчикъ въ видахъ, не всѣми раздѣляемыхъ безусловно, перевёлъ первую изъ четырёхъ трагедій Шекспира, переложенныхъ имъ на русскій языкъ, именно — «Короля Лира», не совершенно въ такомъ видѣ, какъ оно извѣстно намъ въ подлинникѣ, но выбрасывая всё, что́, по его мнѣнію, «составляло признакъ случайный и временный, гдѣ Шекспиръ долженъ былъ жертвовать опрятностью отдѣлки довольно невзыскательному вкусу современниковъ.» Къ счастью, справедливыя замѣчанія критики по поводу этихъ передѣлокъ заставили переводчика тотчасъ отказаться отъ своего ошибочнаго взгляда, вслѣдствіе чего остальные три перевода, сдѣланные имъ въ сравнительно короткое время и — главное — весьма близко къ подлиннику, трагедій «Коріоланъ», «Ричардъ Третій» и «Король Джонъ», могутъ быть смѣло названы образцовыми. Независимо отъ всѣхъ этихъ почтенныхъ трудовъ, Дружининъ неустанно редактировалъ до самаго 1861 года «Библіотеку для Чтенія», перешедшую къ нему въ 1855 году, въ которой, вмѣстѣ съ «Письмами иногороднаго подписчика» и своими шуточными фельетонами, за подписью Ивана Чернокнижникова, написалъ цѣлый рядъ весьма дѣльныхъ критическихъ разборовъ, по поводу произведеній Бѣлинскаго, Гончарова, Островскаго, Писемскаго, графа Толстого, Майкова, Полонскаго, «Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ» и многихъ другихъ.

Но, несмотря на свои усиленныя занятія по редактированію «Библіотеки для Чтенія» и сочиненію громаднаго количества статей самаго разнообразнаго содержанія, его не оставляла ни на минуту давно лелѣянная имъ мысль объ учрежденіи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и учонымъ, которая была, наконецъ, заявлена печатно въ 1859 году, а два года спустя осуществлена, одновременно съ прекращеніемъ газеты «Вѣкъ», въ изданіи которой Дружининъ также принималъ довольно дѣятельное участіе, хотя редакторомъ и считалось другое лицо. Сдѣлавшись сначала однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ, а потомъ и распорядителемъ новаго общества, устроеннаго по его мысли, Дружининъ тотчасъ же отказался отъ редакторства «Библіотеки для Чтенія», что́, впрочемъ, не помѣшало ни на волосъ его честному продолженію служенія страстно любимой имъ литературѣ. Напротивъ, дѣятельность его стала ещё болѣе усиленной и разнообразной, причёмъ статьи его стали появляться не только почти во всѣхъ петербургскихъ, но и нѣкоторыхъ московскихъ журналахъ, а также и въ разныхъ газетахъ, не исключая и «Сѣверной Пчелы». Чуждый всѣхъ литературныхъ дрязгъ и преданный исключительно изученію своего любимаго предмета — исторіи англійской литературы, онъ одновременно печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Санкпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ англійскихъ романовъ.

Послѣдними статьями, написанными Дружининымъ, были: «Англійскій наблюдатель въ Сѣверной Америкѣ» и «Первые годы царствованія Фридриха Великаго», напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» на 1863 годъ и «Англійскіе романы послѣдняго сезона», «Томасъ Гудъ» и шесть статей подъ заглавіемъ «Новости англійской литературы», появившіяся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» того же года.

Страдая около двухъ лѣтъ разстройствомъ груди, онъ въ исходѣ 1863 года слёгъ окончательно въ постель и умеръ 19-го января 1864 года въ Петербургѣ, на 39 году жизни, гдѣ и похоронёнъ на Смоленскомъ кладбищѣ. На выносъ тѣла его собрались многіе изъ друзей покойнаго, между прочими: Тургеневъ, Некрасовъ, Фетъ, Боткинъ, Анненковъ, Гаевскій, Гербель и другіе, причёмъ, по возвращеніи съ похоронъ въ бывшую квартиру покойнаго, на завтракъ, А. А. Фетъ почтилъ память покойнаго слѣдующимъ задушевнымъ стихотвореніемъ:

Умолкъ твой голосъ на всегда
И сердце жаркое остыло:
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.
На миръ усопшаго лица
Кладу послѣднее лобзанье!
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба, ни призванье!
Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу
И жизни мутною волной
Ты чистымъ донесёнъ въ могилу.
Спи! Вѣчность правды настаётъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый —
И Муза строгая кладётъ
Тебѣ на гробъ вѣнецъ лавровый.

Заключаемъ нашу статью словами Некрасова, вылившимися у него по возвращеніи съ похоронъ Дружинина:

«Это былъ характеръ прямой и серьёзный. Не смотря ни видимую мягкость свою и отвращеніе отъ крайностей, это былъ человѣкъ самый крайній тамъ, гдѣ того требовали обстоятельства. У него не было отношеній натянутыхъ и двусмысленныхъ. «Это — *едрило!*» говорилъ Дружининъ о человѣкѣ, который ему не нравился — и отворачивался отъ него, не справляясь, какъ это отразится на его житейскихъ дѣлахъ. За-то онъ умѣлъ любить своихъ друзей, не охотно измѣнялъ о нихъ доброе мнѣнье и считалъ долгомъ вступаться за нихъ всякій разъ, какъ слышалъ сужденіе, казавшееся ему несправедливымъ или преувеличеннымъ. Эта благородная черта характера придавала какую-то величавую простоту и въ тоже время значительность отношеніямъ Дружинина къ своимъ друзьямъ — чувствовалась ихъ цѣна. Дружинина искренно любили и уважали.»

I.

ДАНТЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Съ змѣёй въ груди, унылый и суровый,
Я шолъ одинъ по площади торговой;
Былъ душенъ день и зной меня палилъ.
Съ усиліемъ и медленно ступая,
Я кончилъ путь; но видъ чужого края
Изгнаннику былъ тягостенъ, не милъ.

Казалась мнѣ мрачна морей столица:
Ряды дворцовъ глядѣли какъ гробница;
Безсмысленно бродилъ народъ пустой.
Я изнемогъ — и дрогнули колѣни,
И я присѣлъ у храма на ступени,
Склонясь на мраморъ скорбной головой.

Вблизи меня двѣ женщины сидѣли:
Одна была стара — едва глядѣли
Ея глаза изъ-подъ сѣдыхъ бровей;
У той же — юной и пышноволосой —
Какъ змѣй семья, къ ногамъ сбѣгали косы
И слышенъ былъ мнѣ шопотъ ихъ рѣчей.

«Взгляни, дитя: вонъ тотъ изгнанникъ смѣлый!
Не ужился въ Италіи онъ цѣлой.
Желѣзный духъ судьбой въ него вложёнъ;
Онъ въ рубищѣ глядитъ какъ царь плѣнённый;
Онъ предался наукѣ потаённой;
Въ сердцахъ людей всѣ тайны видитъ онъ.

«Онъ мстилъ за зло и самъ не зналъ пощады;
Чтобъ отомстить, онъ самъ въ обитель ада
Съ вампиромъ блѣднымъ объ руку входилъ
И видѣлъ тамъ враговъ своихъ мученья,
Но не скорбѣлъ, а, полный духомъ мщенья,
Проклятьемъ тѣхъ несчастныхъ заклеймилъ.»

И, крестъ творя, умолкнула старуха;
Но въ тотъ же мигъ опять коснулся слуха
Дѣвичій говоръ, будто лепетъ водъ:
«Въ его глазахъ не видно злого блеску!
Скажи мнѣ, мать, не онъ-ли про Франческу
Сложилъ ту пѣснь, что знаетъ весь народъ?

«Какъ страшенъ этотъ путникъ величавый!
Какъ грозенъ видъ главы его курчавой!
Небесный огнь её какъ бы спалилъ.
Такъ вотъ онъ, Дантъ, неукротимый мститель!
Онъ былъ въ аду: нещадный зла гонитель,
Онъ всюду зло проклятіемъ клеймилъ!»

И смолкла рѣчь и сердцу сладко стало —
И съ торжествомъ воспрянулъ духъ усталый,
Почуявши привѣтъ простыхъ сердецъ.
Въ простыхъ рѣчахъ и въ сказкѣ суевѣрной
Я, дань принявъ любви нелицемѣрной,
Благословилъ тяжолый свой вѣнецъ.

И я сознавъ, что за моё изгнанье,
За тяжкій трудъ и тяжкое мечтанье
Моя мечта къ народу перейдётъ.
И вспять пошолъ я твёрдою стопою —
И, тихо всколыхнувшись предо мною,
Почтительно раздвинулся народъ.

II.

ОТРЫВОКЪ.

Тому давно, лѣтъ двадцать пять назадъ,
Межъ Нарвской и Московскою заставой,
Гдѣ высится садовъ дремучій рядъ
Аллеею прямой и величавой,
Раскинутъ былъ въ старинномъ вкусѣ садъ,
Съ прудами и широкою канавой —
И сквозь тотъ садъ, съ таинственностью важной,
Глядѣлъ на городъ домъ многоэтажный.

И чуденъ былъ тотъ барскій, старый домъ!
Такъ только дѣды строиться умѣли!
Подъ княжескимъ владѣтелей гербомъ
Былъ видѣнъ гербъ художника Растрели —
И виллы полубарскія кругомъ,
Казалося, отъ зависти блѣднѣли,

Иль съ робостью на домъ глядѣли гордый,
Какъ русскій фатъ на англійскаго лорда.

И зодчаго любимый идеалъ
Являлся въ сгруппированныхъ колоннахъ,
И въ высотѣ глубокихъ, звонкихъ залъ,
И въ статуяхъ, и въ выступныхъ балконахъ.
И весь Олимпъ собраніе державъ
На мастерски расписанныхъ плафонахъ,
А садъ Ленотра шолъ къ дворцу сѣдому,
Какъ пудра шла къ старинному бель-ому.

Ужь десять лѣтъ, какъ домъ пустымъ стоялъ,
Глядясь угрюмо въ сумрачныя воды.
Не разъ ужь онъ владѣтелей мѣнялъ;
Не было счастья княжескому роду:
За княземъ князь несчастно жизнь кончалъ,
Въ своёмъ дворцѣ не выживши и году.
Единственный наслѣдникъ оставался —
И тотъ всю жизнь Богъ знаетъ гдѣ скитался.

И слухи про наслѣдника того
Престранные ходили по столицѣ:
Изъ нашихъ баръ не зналъ онъ никого,
Женился на плясуньѣ иль пѣвицѣ,
И чуть родня возстала на него,
Онъ бросилъ всё — уѣхалъ заграницу,
Довольно здѣсь поиспытавши горя —
И бывъ отъ всѣхъ обругамъ con amore.

П. М. КОВАЛЕВСКІЙ.

Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, потомокъ стариннаго малороссійскаго дворянскаго рода, родился 5-го декабря 1823 года въ деревнѣ отца своего Вертѣевкѣ, Харьковской губерніи и уѣзда. Воспитывался онъ до тринадцати лѣтъ дома, послѣ чего былъ отвезёнъ въ Петербургъ и помѣщёнъ въ Горный институтъ, гдѣ пробылъ до 1845 года. Выпущенный изъ института съ чиномъ поручика, Ковалевскій былъ отправленъ на службу въ Луганскій литейный заводъ, нынѣ уѣздный городъ Екатеринославской губерніи. Пробывъ здѣсь годъ, онъ былъ командированъ за границу — въ Англію, Францію и Бельгію для усовершенствованія въ каменноугольномъ дѣлѣ. По возвращеніи изъ за-граничной поѣздки, гдѣ пробылъ слишкомъ два года, Ковалевскій женился на дѣвицѣ Аннѣ Ѳёдоровнѣ Кожевниковой, харьковской уроженкѣ, а въ 1850 году вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ; но въ концѣ 1853 года разстроенное здоровье заставило его снова отправиться за границу, гдѣ онъ и провёлъ, вмѣстѣ съ женою, около пяти лѣтъ, проживая по долгу въ разныхъ городахъ Швейцаріи и Италіи, преимущественно въ Римѣ. Отсюда-то сталъ Ковалевскій посылать свои статьи въ «Отечественныя Записки» Краевскаго, въ которыхъ они и были помѣщаемы въ теченіе 1857 и 1858 годовъ, подъ общимъ названіемъ: «Картины Италіи и Швейцаріи», а съ половины 1859 года — въ «Современникѣ» Панаева и Некрасова, гдѣ они были напечатаны, подъ общимъ заглавіемъ: «Путевыя впечатлѣнія Ипохондрика», въ 10-й и 11-й книжкахъ на 1859 годъ. Въ 1864 году всѣ эти статьи были собраны авторомъ въ одну книгу и изданы имъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Этюды Путешественника. Италія. Швейцарія. Путешественники и путешествіе. Сочиненіе П. Ковалевскаго. Спб. 1864.» Книга была встрѣчена весьма сочувственно, какъ публикой, такъ и критикой, причёмъ она была весьма тщательно разобрана въ «Современникѣ» (1864, № 10), «Голосѣ» (1864, № 322), «Отечественныхъ Запискахъ» (1865, № 2) и «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1865, № 62). Вотъ, напримѣръ, что̀ было сказано въ «Современникѣ»: «Этюды Путешественника» имѣютъ то большое достоинство, что свѣдѣнія, сообщаемыя ими объ Италіи, являются не въ отрывочныхъ указаніяхъ, а въ широкой и привлекательной картинѣ, передающей живо общій характеръ страны, жизни, нравовъ и обычаевъ народонаселенія, въ картинѣ, обличающей художника, не только умѣющаго ощущать, но умѣющаго также отдавать отчётъ въ своихъ ощущеніяхъ. По этой картинѣ, тамъ и сямъ, являются особенно-типичныя детали, брошенныя какъ бы вскользь, а потому не только не утомляющія зрителя, но дополняющія общее впечатлѣніе и совершенно необходимыя. Каждая мѣстность этой богатой и разнообразной страны выходитъ отчётливо, со всѣми оригинальными оттѣнками, такъ-что особенности, отличающія римлянъ отъ тосканцевъ, неаполитанцевъ и прочихъ другъ отъ друга, выступаютъ весьма рельефно въ самомъ простомъ и не хитромъ описаніи жизни туриста среди этихъ отдѣльныхъ итальянскихъ народностей. Въ послѣднемъ случаѣ книжка г. Ковалевскаго является не только занимательнымъ чтеніемъ, но нѣкоторымъ образомъ гидомъ для человѣка размышляющаго и имѣющаго, въ своёмъ путешествіи по Италіи, какую-либо иную цѣль, а не бросанье денегъ за окно.»

По возвращеніи своёмъ въ 1859 году въ Петербургъ, Ковалевскій сталъ помѣщать свои стихотворенія сначала въ «Современникѣ», а по запрещеніи этого журнала, въ «Отечественныхъ Запискахъ», перешедшихъ съ января 1868 года подъ новую редакцію, а потомъ, начиная съ 5-й книжки 1870 года — и въ «Вѣстникѣ Европы». Первымъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ Павломъ Михайловичемъ, былъ переводъ изъ Барбье, подъ заглавіемъ «Прогрессъ», помѣщённый въ 9-й книжкѣ «Современника» на 1859 годъ. За нимъ послѣдовали: «Жена австрійца» изъ Берше (1859, № 10), «Побѣдитель» изъ Барбье 1860, № 3), «Нагнись, нагнись живѣе...» изъ Барбье, «Послѣдняя пѣсня Шенье» (1862, № 4), «Нашимъ сверстникамъ», «Ненастье», «Блаженни милостивіи», «Въ деревнѣ», «Осенніе голоса», «Опоздалые» (1863, №№ 1, 4, 10 и 11), «Сапогъ» — изъ Джусти, «Пожатая нива», «Какъ подъ убранною нивой», «Италія» изъ Барбье (1864, №№ 3, 6 и 7), «Одному изъ многихъ», «Сорокъ лѣтъ», «На Сѣверѣ», «Лѣто» и «Возвратъ тепла» (1866, № 2). Кромѣ того, во 2-мъ нумерѣ «Современника» на 1861 годъ былъ помѣщёнъ разсказъ Ковалевскаго «Уголокъ Италіи», а въ 11-й книжкѣ того же журнала на 1864 годъ — повѣсть въ двухъ частяхъ: «Непрактическіе люди». Затѣмъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» были напечатаны слѣдующія его произведенія: «Русскому дитяти» (1868, № 3), «Непогодь», «По блѣдной осенней лазури...» «Пустой садъ», «Весна», «Я посѣтилъ унылое жилище», «Война», «Осень», «Не о томъ мнѣ поётъ соловей», «Она оживаетъ отъ ласокъ весны», «Вопль матери», «О, не зови воспоминаній...», «Родное», «Могила» (1869, №№ 3 и 7), «Современные куплеты», «Блаженни миротворцы», «Пѣсенка», «Не говори ты мнѣ про звуки», «Покойникъ», «Ш—ѣ», «Какъ долго билась и стонала», «Мать», «Жолтый листъ», «Съ новымъ годомъ» (1870, № 12), «Осень», «Весною», «Послѣ грозы», «Осенніе листы» и «Дары жизни» (1872, № 11). Кромѣ названныхъ стихотвореній, здѣсь были напечатаны двѣ «Замѣтки» о выставкахъ въ Академіи Художествъ 1868 и 1872 годовъ (1868, № 11, и 1872, № 4) и очеркъ «Лѣто въ Путбусѣ». Наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы» появились слѣдующія его пьесы: «Наши шмели», «Скромчыя ожиданія», «Осенній цвѣтъ», «Встрѣча осени», «Смерть», «Не требую готовыхъ приговоровъ», «Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья...», (1870, №№ 3 и 5), «Забвеніе», «Затишье», «Осенній полдень» (1871, № 4), «Гроза», «А—ѣ», «Сирени», «Что-то ждётъ», «Обновленіе», «Ш—ѣ», «Предчуствіе смерти» и «Послѣдній лучъ» (1872, №№ 2 и 12), «Позднія розы», «На югъ» (1873, № 12), «Покинутыя мѣста», «Изъ-за дали и разлуки...» «Весна», «Буря», «Отрадный слухъ» и «Багровыя листья», (1876, №№ 5 и 11). Кромѣ того, здѣсь были помѣщены четыре его обзора по части художествъ: «Первые и послѣдніе шаги», «Художественныя выставки Петербурга», «Годичная выставка въ Академіи Художествъ» и «Картина г-на Якоби» (1870, №№ 3, 4, 11 и 12).

Въ 1862 году, послѣ двѣнадцати-лѣтней отставки, Ковалевскій снова поступилъ на службу по Морскому Министерству, гдѣ, въ настоящее время, занимаетъ должность управляющаго контрольною экспедиціею.

I.

СМЕРТЬ.

Всё въ жизни невѣрно и смерть лишь одна
Вѣрна — неизмѣнно вѣрна!
Всё кинетъ, минуетъ, забудетъ, пройдётъ —
Она не минуетъ, найдётъ
Покинутыхъ, скорбныхъ, послѣднихъ изъ насъ,
До мошки, незримой для глазъ.
Она не забудетъ, придётъ, приголубитъ,
Обниметъ, на-вѣки полюбитъ
И брачный свой тяжкій надѣнетъ вѣнецъ,
И жизненной сказкѣ — конецъ.

II.

Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья,
Когда она полна прощенья и участья —
И вѣетъ тихій миръ забвеніемъ святымъ
На язвы старыхъ битвъ съ недобрымъ прожитымъ,
Когда готовъ врага привѣтствовать, какъ брата,
Когда любовью грудь и нѣжностью объята.
Въ тѣ дни зовёшь и ждёшь — и, кажется, вотъ-вотъ,
Отцвѣтшая, но вновь желанная, придётъ
Она, мечта весны — и трепетъ ожиданья
Захватываетъ духъ, какъ прежде въ мигъ свиданья.
Но меркнетъ день и съ нимъ твой свѣтлый идеалъ —
И видишь ты, увы, что къ призраку взывалъ;
Что также, какъ вчера, дѣйствительность сухая
Бредётъ, костлявыми ногами ковыляя,
Что тотъ, кого просилъ, къ тебѣ пылаетъ зломъ,
Что исцѣленья нѣтъ, что только боль во всёмъ —
И другъ, который звалъ такъ страстно и такъ нѣжно,
Привѣтствуетъ тебя такъ холодно-небрежно.

III.

За чтó вашъ гнѣвъ на племя молодое?
За чтó такой неумолимый судъ?
Иль васъ гнѣвитъ безслѣдно прожитóе
И тó, что слѣдъ другіе ужь кладутъ?

Пускай, увы, загубленные годы
Лежатъ горой, какъ жолтые листы,
Оббитые рукою непогоды:
Благословимъ весенніе цвѣты!

Незрѣлыхъ дѣлъ не оскорбимъ улыбкой!
Зачѣмъ, забывъ своихъ ошибокъ рядъ,
Кичиться намъ ихъ каждою ошибкой
И съ гордостью показывать назадъ?

Назадъ! Ихъ путь иной отъ колыбели,
Иныхъ заботъ зналъ бремя юный умъ,
Тогда-какъ мы пустыя пѣсни пѣли
И громкихъ словъ любили праздный шумъ.

И вы на насъ воздвигнули гоненья
За-то, что мы, подъ снѣгомъ сѣдины,
Взлюбили жизнь иного поколѣнья,
Весну другой, намъ неданной, весны —

За-то, что мы сознали немощь нашу
И, жизни ядъ испивъ весь до чиста,
Любуемся, какъ юныя уста
Пьютъ новыхъ силъ непочатую чашу.

IV.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Душа моя нѣжна. Возлюбленная, гдѣ ты!
Румянымъ золотомъ края небесъ одѣты —
Послѣдней роскошью плѣнительнаго дня.
Спѣши, далёкая, покуда грудь моя
Полна тоской любви, такъ сладостно томящей,
Пока ещё дрожитъ тотъ лучъ, едва сквозящій —
Тотъ въ небѣ и въ душѣ послѣдній свѣта лучъ,
Готовый утонуть въ безбрежномъ морѣ тучъ.

V.

Она оживаетъ отъ ласокъ весны:
Лазурное небо глядитъ съ вышины;
Лиловыя вѣтви цвѣтущей сирени
Простёрли надъ нею пахучія тѣни
И блѣдной берёзы, блестящъ и душистъ,
На солнцѣ играетъ лепечущій листъ...

VI.

О, не зови воспоминаній!
Былыхъ надеждъ, былыхъ страданій,
Былого праздника любви
Изъ ихъ забвенья не зови!
Но жизни съ вѣчными дарами,
Съ надеждой новой и мечтами,
Къ бѣдѣ грозящей впереди
Стопою твёрдою иди.
У пня разбитаго грозою,
Смотри какъ свѣжею лозою,
На встрѣчу вѣтра и дождей,
Идётъ семья живыхъ вѣтвей!

—

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, современный поэтъ и потомокъ стариннаго русскаго дворянскаго рода, родился 22-го ноября 1825 года въ Костромѣ. Дѣтство своё провёлъ онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, куда переѣхалъ двухлѣтнимъ ребёнкомъ, вмѣстѣ съ отцомъ, перешедшимъ туда на службу. Въ 1838 году молодой Плещеевъ былъ отправленъ въ Петербургъ и, спустя два года, опредѣлёнъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда однако же вскорѣ вышелъ и, спустя три года, вступилъ въ Санктпетербургскій университетъ; но и здѣсь курса не окончилъ. Оставивъ университетъ, Плещеевъ отдался весь литературѣ, наклонность къ которой проявилась въ нёмъ очень рано. Первымъ произведеніемъ Плещеева, появившимся въ печати, былъ переводъ стихотворенія Рюкерта «Пѣсня странника», напечатанный въ XXXI томѣ «Современника» Плетнёва на 1843 годъ, то-есть, когда переводчику ещё не исполнилось восемнадцати лѣтъ. Печатанье своихъ стихотвореній въ этомъ журналѣ Плещеевъ продолжалъ до половины 1845 года. Затѣмъ стихотворенія его стали появляться на страницахъ «Иллюстраціи» Кукольника; но и здѣсь сотрудничество Плещеева ограничилось помѣщеніемъ всего четырёхъ стихотвореній («Странникъ», «Её мнѣ жаль» и «Двѣ пѣсни»), напечатанныхъ въ 20, 24 и 30 нумерахъ на 1845 годъ. Наконецъ, въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Межевича, въ теченіе 1845 и 1846 годовъ, было напечатано нѣсколько мелкихъ его стихотвореній, изъ которыхъ многія вошли во всѣ собранія его стихотвореній. Въ 1846 году стихотворенія Плещеева, какъ напечатанныя

въ журналахъ, такъ и новыя, не нашедшія въ нихъ мѣста, были собраны въ одну небольшую книжку и изданы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Стихотворенія А. Плещеева. Спб. 1846». Книжка была встрѣчена благосклонно почти всѣми тогдашними журналали и газетами, за исключеніемъ «Сѣверной Пчелы», рецензентъ которой, нѣкто Брантъ, авторъ романа «Говорящій диванъ», отнёсся къ ней крайне враждебно. Всѣхъ радушнѣе встрѣтили появленіе книжки «Отечественныя Записки» (1846, № 10), въ которыхъ между-прочимъ было сказано, что «въ томъ жалкомъ положеніи», въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, г. Плещеевъ безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время. Какъ великъ чинъ перваго поэта въ такое время, какъ наше, знаютъ всѣ тѣ, которые сколько-нибудь слѣдятъ за нашими нынѣшними стихотворцами и ихъ произведеніями. Мы знаемъ только, что г. Плещеевъ первый нашъ поэтъ.» Первый періодъ своей литературной дѣятельности (1843 — 1849) Алексѣй Николаевичъ заключилъ слѣдующими повѣстями и разсказами: «Енотовая шуба», «Шалость», «Дружескіе совѣты» и «Папироска», изъ которыхъ первые три были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1847, № 10, 1848, № 11 и 1849, № 9, а четвертая въ «Современникѣ» (1848, № 1).

Въ началѣ 1849 года Плещеевъ, въ бытность свою въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ по домашнимъ дѣламъ, былъ арестованъ, по прикосновенности къ политическому дѣлу Петрашевскаго, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. По рѣшенію военнаго суда, Плещеевъ былъ приговоренъ, вмѣстѣ съ 23 другими лицами, къ разстрѣлянію; но государь императоръ Николай Павловичъ смягчилъ этотъ приговоръ — и Плещеевъ, по Высочайшей конфирмаціи, назначенъ былъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Послѣ девяти-мѣсячнаго заключенія въ крѣпости, онъ былъ 24-го декабря 1849 года отправленъ въ Оренбургскій край, гдѣ и оставался до 1858 года. Первое время Алексѣй Николаевичъ служилъ въ Уральскѣ, потомъ принималъ участіе въ экспедиціи, предпринятой генералъ-адъютантомъ Перовскимъ для взятія коканской крѣпости Акмечетъ, нынѣ — Перовскъ, и принималъ участіе въ штурмѣ этой крѣпости, за что произведёнъ былъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1856 году — въ прапорщики. Затѣмъ, прослуживъ ещё годъ во фронтѣ, Плещеевъ перешолъ въ гражданскую службу, въ оренбургскую пограничную коммиссію, въ которой прослужилъ до выхода въ отставку въ 1858 году. 17-го апрѣля 1857 года ему возвращены были права потомственнаго дворянства, а годъ спустя онъ получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ. Это послѣднее обстоятельство позволило Плещееву исполнить давнишнее его желаніе — поселиться въ Москвѣ, что ему и удалось осуществить въ половинѣ 1859 года. Проживъ здѣсь слишкомъ одиннадцать лѣтъ, Плещеевъ въ январѣ 1872 года переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и проживаетъ по настоящее время, находясь на службѣ въ Государственномъ Контролѣ.

Замолкнувъ въ началѣ 1849 года, Плещеевъ въ теченіи цѣлыхъ семи лѣтъ ни одной строкой, ни однимъ стихомъ не напомнилъ о себѣ русской публикѣ — и только въ 1856 году снова появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ», съ робостью новичка печатая свои стихотворенія подъ неполной фамиліей А. П—ва. Но многіе изъ прежнихъ почитателей его таланта узнали знакомый голосъ и радушно приняли «старыя пѣсни на новый ладъ», какъ называлъ Алексѣй Николаевичъ свои стихи, печатая ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Кромѣ цѣлаго ряда переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній, Плещеевъ напечаталъ въ названномъ журналѣ, въ продолженіе 1856—1859 годовъ, четыре большихъ повѣсти: «Наслѣдство», «Будневъ», «Отецъ и дочь» и «Пашинцевъ», изъ которыхъ вторую въ двухъ, а четвёртую въ трёхъ частяхъ. Начиная съ 9-й книжки «Современника» на 1858 годъ, стихотворенія Плещеева стали появляться въ этомъ журналѣ, причёмъ первыми пьесами здѣсь напечатанными въ этомъ году были слѣдующія три стихотворенія: «Мой знакомый», «Изъ Шевченки» и «На улицѣ» (№№ 9 и 11). Затѣмъ, въ 1859 году здѣсь были напечатаны, кромѣ пяти мелкихъ стихотвореній, его переводъ драматической баллады Гейне «Вильямъ Радклифъ», послужившій сюжетомъ для оперы г. Кюи того же имени, и повѣсть «Карьера» (№№ 11 и 12); въ 1860 году—между-прочимъ—переводъ поэмы Шевченки «Работница» (№ 4) и статья «Поль-Люи Курье, его жизнь и сочиненія» (№ 11); въ 1861 и 1862 — рядъ мелкихъ стихотвореній; въ 1862 — драматическая сцена «Счастливая чета» (№ 4), а въ 1863 и 1864 — рядъ переводовъ изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ поэтовъ, нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній и разсказъ «Лотерея» (№ 5). Въ то же время, въ «Библіотекѣ для Чтенія» Дружинина на 1858 годъ были напечатаны два разсказа Плещеева: «Ломбардный билетъ» и «Неудавшаяся афера», въ журналѣ «Свѣточъ» — повѣсть «Призваніе», въ «Вѣкѣ» 1861 года — рядъ переводовъ изъ Ленау, Герверга, Роберта Прутца и другихъ нѣмецкихъ

поэтовъ, а во «Времени» покойнаго Достоевскаго — на 1861 и 1862 года — цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, переводъ четырёхъ-актной драмы Геббеля «Магдалина» (1861, № 2) и четыре драматическихъ пьесы: «Ловкая барыня», «Крестница», «Свиданіе» (1861, №№ 5 и 11) и «Командирша» (1862, № 10). Что же касается «Эпохи», то изъ сочиненій Плещеева нашла здѣсь мѣсто лишь одна изъ его драматическихъ сценъ, подъ названіемъ: «Попутчики», помѣщённая въ 9-мъ нумерѣ этого журнала на 1864 годъ. Съ прекращеніемъ «Современника» въ 1866 году и переходомъ «Отечественныхъ Записокъ» подъ другую редакцію, Плещеевъ перенёсъ свою дѣятельность въ этотъ послѣдній журналъ, и, начиная съ 9-й книжки 1868 года, напечаталъ въ нёмъ, въ теченіи пяти лѣтъ, цѣлый рядъ своихъ переводовъ изъ Байрона, Тенисона, Фелиціи Гименсъ, Альфіери, Гейне, Прутца, Гаммерлинга и другихъ, и нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній (1868, №№ 9 и 10, 1869, №№ 2 и 3, 1870, № 7, 1871, №№ 2 и 11, 1872, №№ 3, 4, 8, 10, 11 и 12). Наконецъ, въ 5, 6 и 7 книжкахъ «Вѣстника Европы» на 1870 годъ былъ напечатанъ его переводъ пяти-актной трагедіи Михаила Бэра «Струензе». Въ томъ же журналѣ печатались неоднократно и лирическія стихотворенія его, бо́льшею частью переводныя — изъ Байрона и нѣмецкихъ поэтовъ.

Всё, написанное Плещеевымъ въ теченіе всей его литературной дѣятельности, начиная съ 1843 года, запечатлѣно глубокой задушевностью, въ слѣдствіе чего появленіе на страницахъ петербургскихъ журналовъ 1843 — 1848 годовъ первыхъ его стихотвореній было тотчасъ же замѣчено многими, такъ-какъ, несмотря на всю слабость нѣкоторыхъ изъ нихъ, они почти всё безъ исключенія отличались тѣмъ благородствомъ чувствъ и мыслей, которые располагаютъ каждаго въ пользу автора. Если въ разныхъ стихотвореніяхъ Плещеева не было той поэтической силы, которая невольно покоряетъ себѣ чужую мысль и чужое чувство, тѣмъ не менѣе нельзя было видѣть въ его стихахъ и тѣхъ фразъ, справедливости которыхъ не вѣритъ и самъ авторъ, примѣры чего встрѣчались въ то время весьма часто между современными ему поэтами. Заключивъ первый періодъ своей литературной дѣятельности первымъ изданіемъ своихъ стихотвореній въ 1846 году, Плещеевъ открылъ второй ея періодъ напечатаніемъ въ 1858 году сорока́ новыхъ своихъ стихотвореній, выпущенныхъ имъ въ свѣтъ отдѣльной книжкой въ Петербургѣ. Правда, въ ней уже не было тѣхъ гордыхъ увлеченій, тѣхъ отчасти безразсудныхъ надеждъ, съ которыми онъ такъ смѣло вступилъ-было на своё литературное поприще; но за-то прежняя искренность и задушевность остались при нихъ — и читающая публика радушно приняла его «Старыя пѣсни на новый ладъ», какъ весьма удачно назвалъ ихъ самъ авторъ. Всё написанное Александромъ Николаевичемъ послѣ и собранное въ двухъ послѣдующихъ изданіяхъ его стихотвореній, отличается тѣми же достоинствами, которыя сдѣлали его имя всѣмъ извѣстнымъ и всѣмъ любимымъ въ Россіи, что выпадаетъ на долю далеко не всѣмъ поэтамъ. Поэты, съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе Плещеева, чьё каждое стихотвореніе есть непремѣнно плодъ или его мыслей или его впечатлѣній, всегда будетъ дорогимъ для всѣхъ благородныхъ сердецъ и полезнымъ для общественнаго воспитанія юношества.

Независимо отъ исчисленныхъ нами сочиненій и переводовъ Алексѣя Николаевича, онъ издавалъ въ Москвѣ, въ теченіе 1859 — 1860 годовъ, политико-литературную газету «Московскій Вѣстникъ», выпустилъ въ свѣтъ, въ 1861 — 1866 годахъ, семь выпусковъ «Географическихъ Очерковъ и Картинъ», составленныхъ по Грубе и другимъ источникамъ и напечаталъ въ 11-й книжкѣ «Современника» на 1860 годъ статью «Поль-Люи Курье, его жизнь и сочиненіе», а въ 194 нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» на 1867 годъ: «Некрологъ одного молодаго учонаго», то-есть — Д. И. Соколова.

Изъ сочиненій А. Н. Плещеева отдѣльно напечатаны были: 1) Стихотворенія А. Плещеева. 1845 — 1846. Спб. 1846. 2) Стихотворенія А. Н. Плещеева Спб. 1858. 3) Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева. М. 1860. 4) Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно дополненное. Спб. 1861. 5) Новыя стихотворенія А. Плещеева. М. 1863.

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Оренбургскомъ краѣ, вскорѣ по производствѣ въ офицеры, Плещеевъ женился на тамошней уроженкѣ; но черезъ семь лѣтъ имѣлъ несчастіе её потерять, оставшись вдовцомъ съ тремя малолѣтними дѣтьми.

I.

ВПЕРЁДЪ.

Вперёдъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужь въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй — дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ —
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растётъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать —
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведёмъ на битву рать.

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падёмъ предъ нимъ во прахъ.

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ —
И за него снесёмъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

Блаженъ кто жизнь въ борьбѣ кровавой
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ!
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ —
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.

Внемлите жь, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ!
Впередъ, впередъ — и безъ возврата,
Чтобъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

II.

РАЗДУМЬЕ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ,
Когда жь минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждётъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ,
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты:
Морозы раннія безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ, и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
Что жь обрѣла въ замѣнъ всѣхъ грёзъ душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью всё-таки разстаться было бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Ещё невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль.

III.

ОТЧИЗНА.

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душѣ моей печальной;
Когда-то въ дни моей промчавшейся весны
Манилъ меня чужбины берегъ дальной.

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ всё блестящія картины:
Я вижу сводъ небесъ прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатыя вершины.

Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось, миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей
И розы мнѣ киваютъ молчаливо...

То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній,
Ещё не помышлялъ и — легкомысленъ — я
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.

Но быстро та пора исчезла безъ слѣда —
И скорбь меня нежданно посѣтила,
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого и мило.

Покинулъ я тогда завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далёкой —
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока.

Поля изрытыя, колосья жолтыхъ нивъ,
Просторъ степей безмолвно величавый,
Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно шумящія дубравы.

Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошолъ, великій день свободы.

Васъ понялъ я тогда — и сердцу такъ близка
Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой,
Звучала ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
Иль слышался разгулъ неудержимый.

Отчизна, не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ;
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы.

IV.

Была пора — своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ —
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ —
И, отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы, какъ встарину —
Въ иную славную войну.

И вотъ опять она зовётъ
Своихъ сыновъ на бой упорный;
Но этотъ бой уже не тотъ:
Со зломъ и тьмой, съ неправдой чорной
Она зовётъ теперь на бой,
Во имя истины святой.

Не страшенъ намъ и новый врагъ —
И съ нимъ отчизна совладаетъ.
Смотрите, ужь рѣдѣетъ мракъ,
Ужь свѣтъ повсюду проникаетъ
И, содрагаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло!

V.

Нѣтъ мнѣ отъ лютаго горя покоя:
Знать, ни куда не уйду отъ него я.
Взялся бы я за свѣжительный трудъ,
Жилъ бы, какъ добрые люди живутъ —

Только гдѣ сила, гдѣ воля на это?
Нѣту въ душѣ на вопросъ мой отвѣта.

Были когда-то и сила и воля —
Всё доканала суровая доля.

Нѣтъ! не встряхнуть мнѣ кудрями опять,
Гордо чела предъ бѣдой не поднять:

Съ юностью честною, бодро и смѣло
Мнѣ ли идти на полезное дѣло!

Бурею смятый, кой-какъ я бреду:
Смотришь — и тёмная яма ввиду.

Лютое горе, о, если бъ ты въ ней
Сномъ безпробуднымъ заснуло скорѣй!

VI.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки;
Вонъ вдали — соломой крытыя избушки.
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя берёзы, жидкія осины,
Пашни да овраги — грустныя картины:
Не пройдёшь безъ думы безъ тяжолой мимо!
Что же къ нимъ всё тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни берёзъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи;
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

—

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

Александръ Николаевичъ Островскій, извѣстный современный русскій драматическій писатель, родился 30-го марта 1824 года въ Москвѣ. Воспитаніе своё началъ онъ дома, продолжалъ въ одной изъ московскихъ гимназій и окончилъ въ Московскомъ университетѣ. Склонность къ литературѣ обнаружилась въ нёмъ очень рано, то-есть — ещё въ гимназіи; первыя же попытки его выступить на литературное поприще относятся къ 1847 году,

когда въ двухъ московскихъ журналахъ были напечатаны два первыхъ его опыта, подъ названіемъ: «Сцены изъ замоскворѣцкой жизни» и «Очерки замоскворѣчья». Нѣкоторый успѣхъ этихъ небольшихъ пьесъ поощрилъ молодого писателя къ дальнѣйшей дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдилъ его не выходить въ своихъ новыхъ произведеніяхъ изъ той сферы московской жизни, изображенію которой были посвящены два первые его опыта, то-есть — изъ жизни и нравовъ московскаго купечества. Слѣдующимъ произведеніемъ Островскаго, появившимся въ свѣтъ три году спустя послѣ первыхъ двухъ его пьесъ, была извѣстная его комедія въ пяти дѣйствіяхъ «Свои люди — сочтёмся», напечатанная въ «Москвитянинѣ» на 1850 годъ и обратившая на себя общее вниманіе критики и публики. Это капитальное и едва-ли не лучшее произведеніе Островскаго сразу поставило его имя на ряду съ лучшими писателями того времени и вызвало цѣлый рядъ рецензій, которыя, не смотря на всё различіе своихъ взглядовъ не только на пьесу, но и на самое драматическое искусство, сошлись, однако, въ томъ, что пьеса — произведеніе замѣчательное. Словомъ, успѣхъ комедіи, какъ литературнаго произведенія, былъ громаденъ, что, впрочемъ, не помѣшало, кому слѣдуетъ, не допустить её къ постановкѣ на сцену. Успѣхъ «Своихъ людей», превзошедшій самыя ожиданія молодого драматурга, поощрилъ его къ новымъ трудамъ — и вскорѣ цѣлый рядъ превосходныхъ комедій появился въ журналахъ и на сценѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: «Бѣдная невѣста» («Москвитянинъ», 1852, № 4), «Не въ свои сани не садись» (тамъ же, 1853, № 5), «Бѣдность не порокъ» (тамъ же, 1854, № 1), «Не такъ живи какъ хочется» (тамъ же, 1855, № 17 и 18), «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Доходное мѣсто» («Русская Бесѣда», 1857, ч. 1), «Воспитанница» («Библіотека для Чтенія», 1859, № 1) и «Гроза». Кромѣ того, Островскій написалъ и напечаталъ, въ теченіи тѣхъ же десяти лѣтъ, цѣлый рядъ сценъ изъ московской жизни, подъ заглавіемъ: «Семейная картина» («Современникъ», 1856, № 4), «Утро молодого человѣка», «Праздничный сонъ — до обѣда» («Современникъ», 1857, № 2), «Не сошлись характерами» (тамъ же, 1858, № 1), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», «За чѣмъ пойдёшь, то и найдёшь» и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» («Современникъ», 1860, № 9).

Начиная съ 1862 года, въ журналахъ стали появляться драматическія произведенія Островскаго въ новомъ родѣ, именно — историческія его драмы, или драматическія хроники, какъ ихъ называетъ самъ авторъ. Первою изъ этихъ драматическихъ хроникъ, появившихся въ печати, была — драма въ пяти дѣйствіяхъ «Кузьма Захаровичъ Мининъ-Сухорукъ», напечатанная въ 1-й книжкѣ «Современника» на 1862 годъ. Затѣмъ, въ томъ же журналѣ на 1865 годъ, нумеръ 1-й, явилась вторая его хроника: «Воевода, или сонъ на Волгѣ», впослѣдствіи поставленная на сцену и имѣвшая значительный успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ нашего высоко-талантливаго В. В. Самойлова. Въ 1867 году появились въ свѣтъ ещё двѣ хроники: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» и «Тушино», изъ которыхъ первая также была играна и также имѣла успѣхъ, благодаря хорошему выполненію главной роли покойнымъ Монаховымъ, показавшимъ при этомъ, что отъ него можно многаго было ожидать. Послѣдней хроникой Островскаго была — драма въ пяти дѣйствіяхъ «Василиса Мелентьева», напечатанная во 2-й книжкѣ «Вѣстника Европы» на 1868 годъ. Всѣ названныя нами хроники, несмотря на свою прекрасную стихотворную форму и многія весьма поэтическія мѣста, не выдерживаютъ строгой критики и, вообще, несравненно слабѣе его бытовыхъ комедій и драмъ, отличающихся первокласными достоинствами. Впрочемъ, одновременно съ сочиненіемъ историческихъ хроникъ, Островскій продолжалъ писать и свои комедіи и сцены изъ купеческаго быта, прославившія его имя. Такъ, въ 1-й книжкѣ «Времени», на 1863 годъ, была напечатана его новая четырёхъ-актная драма «Грѣхъ да бѣда на кого не живётъ», въ «Современникѣ» на 1863, 1864 и 1865, №№ 10, 9 и 9, были помѣщены три слѣдующія пьесы: «Тяжолые дни», сцены изъ московской жизни, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, «Шутники», картины московской жизни, въ 4-хъ дѣйствіяхъ и «На бойкомъ мѣстѣ», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, а въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» на 1867 годъ — «Пучина», сцены изъ московской жизни, въ 4-хъ сценахъ. Кромѣ того, въ 11-мъ нумерѣ «Современника» на 1865 годъ былъ напечатанъ его прекрасный переводъ пяти-актной комедіи Шекспира «Усмиреніе своенравной», перепечатанный въ 2-мъ томѣ «Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей». Къ сожалѣнію, надо сказать, всѣ исчисленныя здѣсь пьесы Островскаго, написанныя одновременно съ хрониками, за исключеніемъ «Шутниковъ», несравненно ниже предшествовавшихъ имъ пьесъ, написанныхъ до появленія въ свѣтъ «Минина», и часто представляютъ одинъ только внѣшній интересъ жи-

выхъ сценъ и блестящее изложеніе. Тоже самое можно сказать и о пьесахъ, написанныхъ имъ въ слѣдъ за выше-поименованными и появлявшихся въ послѣдніе четыре года весьма аккуратно, по одной и по двѣ въ годъ и, притомъ исключительно на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», перешедшихъ съ 1868 года подъ другую редакцію. Вотъ ихъ заглавія: «На всякаго мудреца довольно простоты» (1868, № 11), «Горячее сердце» (1869, № 1), «Бѣшеныя деньги» (1870, № 2), «Лѣсъ», «Не всё коту масляница» (1871, №№ 1 и 9), «Не было гроша, да вдругъ алтынъ» (1872, № 1), «Комикъ» (1873, № 2), «Поздняя любовь» и «Трудовой хлѣбъ» (1874, №№ 1 и 11), «Волки и овцы» (1875, № 11), «Богатыя невѣсты» (1876 № 2), «Правда хороша, а счастье лучше» (1877, № 1), «Послѣдняя жертва» (1878, № 1), и «Безприданница» (1879, № 1). Какъ на счастливое исключеніе въ этомъ рядѣ новыхъ комедій, можно указать на пьесы: «Не всё коту масляница», «Трудовой хлѣбъ», «Богатыя невѣсты» и «Безприданница», въ которыхъ талантъ автора выказался во всёмъ своёмъ прежнемъ блескѣ. Наконецъ, къ числу послѣднихъ произведеній Островскаго, къ сожалѣнію, надо причислить его переводы пяти весьма плохихъ итальянскихъ и французскихъ комедій: «Заблудшія овцы», «Великій Банкиръ», «Кофейная», «Рабство мужей» и «Семья преступника».

15-го марта 1872 года была годовщина 25-ти лѣтней драматической дѣятельности Александра Николаевича Островскаго — и почитатели его таланта отпраздновали этотъ день торжественнымъ обѣдомъ въ Петербургскомъ Собраніи Художниковъ, на которомъ, къ сожалѣнію, не присутствовалъ самъ юбиляръ, не могшій по болѣзни пріѣхать изъ Москвы. На обѣдѣ этомъ, послѣ тоста, провозглашоннаго въ честь юбиляра, было сдѣлано предложеніе объ учреждени въ деревнѣ, унаслѣдованной Островскимъ отъ отца, школы его имени. Предложеніе было принято всѣми присутствовавшими единогласно, и сумма, собранная тутъ же по подпискѣ, достигла 1000 рублей. По окончаніи обѣда, собраніе художниковъ отправило Алаксандру Николаевичу адресъ, изящно нарисованный, а петербургскіе любители драматическаго искусства поднесли юбиляру драматургу роскошный альбомъ.

«Сочиненія А. Н. Островскаго» были издаваемы три раза: въ первый разъ — графомъ Г. А. Кушелевымъ - Безбородко. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1859; во второй разъ — Кожанчиковымъ. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1868; затѣмъ имъ же — томы 3-й, 4-й и 5-й. Спб. 1867 — 1870. Наконецъ въ 1874 году вышло третье и послѣднее изданіе, подъ заглавіемъ: «Собраніе сочиненій А. Н. Островскаго». Восемь томовъ. Спб. 1874. Чтоже касается переводовъ его, то они были изданы подъ слѣдующимъ названіемъ: «Драматическія переводы А. Островскаго. Спб. 1872.»

Островскій, талантливый продолжатель славной дѣятельности нашихъ знаменитыхъ комиковъ Грибоѣдова и Гоголя, можно сказать, создалъ самобытную русскую комедію и далъ русской сценѣ, до того весьма бѣдной хорошими пьесами, цѣлый рядъ превосходныхъ и вполнѣ художественныхъ произведеній. Не только лучшія его комедіи, какъ, напримѣръ, «Свои люди сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ», «Доходное мѣсто», «Воспитанница», «Гроза», «Не всё коту масляница» и «Безприданница», но и тѣ, которыя мы назвали слабыми только по сравненію съ его же первоклассными произведеніями, отличаются такими достоинствами, предъ которыми меркнутъ произведенія всѣхъ остальныхъ современныхъ драматическихъ писателей нашихъ, какъ луна передъ солнцемъ. Наконецъ заслуга Островскаго, какъ драматическаго писателя, ещё важна и замѣчательна тѣмъ, что онъ своими комедіями разработалъ всесторонне цѣлую область до него нетронутую литературой, и познакомилъ русскую публику съ бытомъ купечества, этой замкнутой кастой, съ ея особыми обычаями, образомъ жизни и нравами, образующими отдѣльный міръ.

I.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ «МИНИНЪ».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ III.

Мининъ *(одинъ).*

Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
Бурлаки, трудъ тяжолый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житьё безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! громче пойте! Соберите
Всѣ слёзы съ матушки широкой Руси,
Новогородскія, псковскія слёзы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ они въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнёмъ.

И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы:
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетённыхъ братій —
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите!
Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня
И за гордыню покарать захочетъ,
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ —
Тогда я къ вамъ приду, бурлàки-братья,
И съ вами запою по Волгѣ пѣсню —
Печальную и длинную затянемъ.
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь!
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ
И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ вёдрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкіе измочитъ рукава;
Бурлàки запоютъ её подъ лямкой
И балахонцы, за своей работой
Надъ новою расшивой съ топорами.
И пронесётся пѣсня, и прольётся
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи, грѣшу я: малъ я духомъ —
Смѣлъ усумниться въ благости Твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ Твой вижу ясно!
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
«Возстань за Русь — на то есть воля Божья!»

II.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ВОЕВОДА».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА *подходитъ къ разобранному тыну, изъ-за котораго выходитъ* БАСТРЮКОВЪ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ диво-то! Не съ неба ли свалился?
Какъ занесло?

БАСТРЮКОВЪ.

По моему прошенью,
По щучьему велѣнью. Надоѣло
Черезъ заборъ вести переговоры:
И видитъ глазъ, да зубъ неймётъ. Поближе
Хотѣлось быть; лицомъ къ лицу, бокъ ò бокъ
Рѣчь тайную, любовную держать
И миловаться, какъ душѣ угодно.
Мы разобрали тынъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ты, парень, ловокъ!

БАСТРЮКОВЪ.

Вѣдь рано ль, поздно ль — надо жь будетъ, Маша,
Тебѣ покинуть свой терёмъ высокій,
Чужую сторону узнать — такъ лучше
Съ милымъ дружкомъ тишкомъ лужкомъ уѣхать!
Кто знаетъ думу батюшки-отца,
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубятъ вѣкъ, спихнутъ за старика
Постылаго на горе да на слёзы.
Чего же ждать? чтò думать? Свистнуть, что ли?
У насъ готово — люди въ лодкѣ, только
Сѣсть да поѣхать.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Какъ же, дожидайся,
Такъ и поѣду! Нѣтъ, ошибся, парень.
Ты поглупѣй ищи!

БАСТРЮКОВЪ.

Такъ вотъ какъ, Маша!
Чтò — жь, нéлюбъ сталъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

За-что тебя любить-то?
Обманщикъ ты! Охаживать гораздъ
Кругомъ да около. Тебѣ повѣрить —
Трёхъ дней не проживёшь. О святкахъ, помнишь,
У насъ въ дому плясали скоморохи —
Ты мѣхоношей былъ — ты чтó мнѣ баялъ?
Что ты купецкой сынъ, Иванъ Ковригинъ.
Зима прошла, весна-краснà настала,
На деревѣ у моего окна
Ты по ночамъ сидѣлъ — и коротали
Тайкомъ съ тобой весеннія мы ночи.
Ты нянекъ, мамокъ деньгами осыпалъ;
Не разъ, не два я спрашивать пытала
Объ имени и отчествѣ твоёмъ:
«Иванъ Ковригинъ» — только и отвѣту.
Ну, кàкъ тебѣ не грѣхъ? Я всё узнала:
Ты не купецкій, а боярскій сынъ
Степанъ Семёнычъ, Бастрюковыхъ роду,
И скоморохи-то — твои всё люди,
И самъ ты — скоморохъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Тебѣ же лучше:
Боярскій сынъ — тебѣ почёту больше;
Со скоморохомъ веселѣе жить.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Ну, нѣтъ: старуха на̀ двое сказала!
Купецкій сынъ-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворѣ-то
Всё краденыя дѣвки да молодки;
И я въ такихъ же буду. Нѣтъ, зачѣмъ же?
А надоѣмъ — къ отцу прогонишь. Лучше
Я дома посижу — изъяну меньше.
Одинъ изъянъ, что новый тынъ попорченъ:
Такъ батюшкѣ скажу — поправятъ завтра.
А ты — женись, какъ слѣдуетъ, порядкомъ —
Тогда вези куда душѣ угодно.

БАСТРЮКОВЪ.
Да я бы радъ, да, вишь, Нечай Шалыгинъ
Берётъ сестру твою Прасковью замужъ...
Онъ врагъ заклятый и отцу и мнѣ!
Не то̀, что сватать — мнѣ нельзя и носу
Къ вамъ показать.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Ну, станемъ дожидаться!
Мнѣ лѣтъ не много: я не перестарокъ.

БАСТРЮКОВЪ.
Толкуй съ тобой! А замужъ отдадутъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станутъ — ну, тогда не знаю,
Быть-можетъ, парень, выйдетъ на твоё:
Тогда ломайте тынъ, готовьте лодку,
Бери въ охабку и тащи домой.

БАСТРЮКОВЪ.
Голубушка! *(Обнимаетъ.)*

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Ты волю-то не очень
Давай рукамъ: повремени до срока!
Придётъ пора — ни слова не скажу,
Твоя же буду.

БАСТРЮКОВЪ.
Жизнь моя, лебёдка!
Пройди весь свѣтъ отъ края и до края,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ немирнымъ,
Ищи другого парня — не найдёшь,
Чтобъ такъ любилъ, какъ я. Да вотъ что, Маша!
По нашему любить, такъ вотъ какъ: видишь
Булатный ножъ? *(Вынимаетъ ножъ изъ-за пояса.)*

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Да что ты! Богъ съ тобой!

БАСТРЮКОВЪ.
Нѣтъ, погоди! Промолви только слово —
И глазомъ не мигну — по рукоятку
В грудь опущу. Вели!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Да вѣрю, вѣрю.

БАСТРЮКОВЪ.
Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Да лжошь ли, нѣтъ ли — самъ отвѣтишь Богу,
А слушать сладко.

БАСТРЮКОВЪ.
Значитъ, по рукамъ? *(Подаетъ руку.)*

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Да что ужь говорить! Тебя полюбишь,
Такъ не разлюбишь скоро. Поведёшься
Съ тобой, такъ на другихъ потомъ не взглянешь.
Ишь ты какой пригожій уродился!

БАСТРЮКОВЪ.
И поцалуемся?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
Изволь, голубчикъ.
Грѣха тутъ нѣтъ. Цалуемся со всѣми;
Чужихъ цалуемъ, а тебя подавно. *(Цалуются.)*

III.

ИЗЪ КОМЕДІИ «БѢДНАЯ НЕВѢСТА».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ IX.

АННА ПЕТРОВНА, БЕНЕВОЛЕНСКІЙ *и* ДОБРОТВОРСКІЙ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ. Честь имѣю представиться: коллежскій секретарь Беневоленскій.

АННА ПЕТРОВНА. Очень пріятно познакомиться. Милости просимъ садиться. Служить изволите-съ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ. Какъ-же, служу-съ съ 838 года. Я вамъ скажу: я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и своимъ начальствомъ. Къ службѣ я человѣкъ усердный, съ подчиненными строгъ.

АННА ПЕТРОВНА. И родство имѣете здѣсь, въ Москвѣ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ. Нѣтъ, совершенно никого-съ.

АННА ПЕТРОВНА. Я думаю, вамъ... *(Добротворскому.)* Какъ, бишь, Платонъ Маркычъ, я всё забываю?

ДОБРОТВОРСКІЙ. Максимъ Дорофеичъ.

АННА ПЕТРОВНА. Памяти нѣтъ совсѣмъ, Максимъ Дорофеичъ! Вотъ что̀ ты будешь дѣлать, право. Я думаю, вамъ, Максимъ Дорофеичъ, скучно. Я вотъ по себѣ сужу: дѣло женское, сами знаете... Ещё при покойникѣ-то было туда-сюда: ну, знакомство всё этакое; а теперь просто не знаю что дѣлать.

Беневоленскій. Я съ вами, сударыня, согласенъ.

Анна Петровна. Вотъ процессъ теперь. Какъ это безъ мужчины: пожалуй, проиграешь.

Беневоленскій. А позвольте узнать, въ чёмъ состоитъ ваше дѣло?

Анна Петровна. Я ужь и не запомню всего-то, ещё, пожалуй, переврy; а вотъ ужь вамъ Платонъ Маркычъ разскажетъ.

Добротворскій. Вникните, батюшка, Максимъ Дорофеичъ, вникните!

Беневоленскій. Хорошо — я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сдѣлать, такъ сдѣлаемъ, а если нельзя, такъ не взыщите — наше дѣло такое. Конечно, кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ; но я вамъ доложу, нынче на счётъ этого очень строго.

Добротворскій. Точно, матушка, строго. Это они правду говорятъ. Строгости пошли. Это такъ точно.

Анна Петровна. Скажите, пожалуста!

Беневоленскій. Нынче ужь держи ухо востро. Я вамъ про себя скажу: въ постоянномъ страхѣ находишься. Нельзя, чтобы грѣшковъ не было; того гляди, подъ судъ отдадутъ, выгонятъ изъ службы — куда дѣнешься? Ну, хорошо, я холостой человѣкъ, а другой — женатый?

Анна Петровна. А вы не намѣрены обзавестись семействомъ?

Беневоленскій. Это вопросъ, сударыня, очень важный въ жизни, особенно въ моей. Я имѣю состояніе, всего у меня много, своихъ лошадей держу. Кабы посмотрѣли, какую я квартиру занимаю. Вотъ Платонъ Маркычъ видѣлъ. Ты видѣлъ, Платонъ Маркычъ, квартиру?

Добротворскій. Какъ-же, видѣлъ-съ: квартира отличная.

Беневоленскій. Слѣдовательно, чего-же я долженъ искать, я васъ спрашиваю?

Анна Петровна. Подругу жизни, Максимъ Дорофеичъ: я такъ думаю.

Беневоленскій. Я съ вами согласенъ, сударыня. Но, сколько мнѣ извѣстно, всякая жена есть подруга жизни. Я долженъ преимущественно искать хозяйку. Моё дѣло — пріобрѣтать всѣми силами, а ея дѣло — хозяйничать. У меня порядку нѣтъ въ домѣ; вѣдь, пожалуй, и растащатъ у холостого человѣка. Всё можетъ случиться.

Анна Петровна. Что мудрёнаго, Максимъ Дорофеичъ.

Добротворскій. Мудрено-ли, долго-ли до грѣха. Это точно.

Беневоленскій. Я желалъ-бы, чтобъ недурна была собой и образована, чтобы не стыдно было въ люди показаться, выѣхать куда-нибудь. Хотя у насъ знакомство и неважное, всё больше мелкіе чиновники; но, всё-таки, знаете-ли, я вамъ скажу откровенно, пріятно имѣть красивую и образованную жену. А главное — мнѣ нужно хозяйку.

Анна Петровна. Вы справедливо разсуждаете, Максимъ Дорофеичъ; но, можетъ-быть, вы захотите также большого приданаго?

Беневоленскій. Я? Нѣтъ-съ, я не того ищу. Дѣвушку съ состояніемъ за меня не отдадутъ, по незначительности моего происхожденія и даже самаго положенія въ свѣтѣ. А есть невѣсты благородныя и образованныя, но бѣдныя — и для нихъ-то — я вамъ безъ гордости скажу — такой женихъ, какъ я — находка.

Анна Петровна. Я съ вами согласна, Максимъ Дорофеичъ.

Беневоленскій. Разумѣется, я красотой не могу похвалиться; образованіе я тоже получилъ, сказать вамъ по простонародному выраженію, на мѣдныя деньги; но видѣлъ людей, не конфужусь въ обществѣ и могу сказать, что очень развязенъ даже съ дамами. Теперь я васъ спрошу, что такое красота въ мужчинѣ? — послѣднее дѣло.

Анна Петровна. Это одна глупость, Максимъ Дорофеичъ. Такъ — фантазія!

Беневоленскій. Умная дѣвушка не обратитъ вниманія на красоту; для нея довольно, чтобы мужчина былъ умёнъ, ну, тамъ — одѣтъ порядочно.

Анна Петровна. Не пьющій.

Беневоленскій. Конечно. А знаете-ли вы, сударыня — я вамъ осмѣлюсь сказать — что въ мужчинѣ даже и это — ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Маркычъ, объ этомъ?

Добротворскій. Ничего, сударыня, Анна Петровна: мужчинѣ это не мѣшаетъ. Былъ-бы добрый человѣкъ.

Анна Петровна. Ну, какъ-же, Платонъ Маркычъ? Развѣ ужь изрѣдка, а то какъ-же?

Беневоленскій. Въ женщинѣ это порокъ — я съ вами согласенъ; а для мужчины даже составляетъ иногда необходимую потребность. Особенно, если дѣловой человѣкъ: долженъ-же онъ имѣть какое-нибудь развлеченіе. Разумѣется, я самъ первый осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ къ этому большое пристрастіе. *(Молчаніе).* Такъ вотъ, сударыня, я какое мнѣніе имѣю на счетъ женитьбы. Впрочемъ, мнѣ ещё торопиться нѣкуда: я могу выбрать невѣсту совершенно по моему желанію.

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ II.

Добротворскій, Беневоленскій *и* Марья Андреевна.

Беневоленскій. Вы, сударыня, только извольте приказывать, а ужь я буду всё исполнять въ точности.

Марья Андреевна. Вы меня станете слушаться во всёмъ, Максимъ Дорофеичъ?

Беневоленскій. Честное слово благороднаго человѣка.

Марья Андреевна. Я вамъ откровенно скажу: мнѣ въ вашемъ характерѣ кой-что́ не нравится: мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы оставили нѣкоторыя привычки. Съ тѣмъ и иду за васъ. Вы меня послушаетсь?

Беневоленскій. Всё, что вамъ угодно. Изъ любви къ вамъ, я на всё готовъ. Вамъ не угодно было, чтобъ я водку пилъ — я её бросилъ; вы мнѣ не приказывали табакъ нюхать — я и не нюхаю. А, Платонъ Маркычъ, ты здѣсь! Приходи ко мнѣ какъ-нибудь: я тебѣ подарю серебряную табакерку.

Добротворскій. Покорно благодарю, Максимъ Дорофеичъ. Зайду какъ-нибудь.

Беневоленскій. Я вашъ покорнѣйшій слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцаловать. Вамъ, можетъ-быть, угодно здѣсь однѣмъ остаться?

Марья Андреевна. Да, мнѣ нужно поговорить съ Платономъ Маркычемъ.

Беневоленскій. Ухожу-съ. Видите, какъ я послушенъ. *(Подходитъ къ Платону Марковичу.)* Что́, ловко я себя держу?

Добротворскій *(одобрительно кивая головой)*. Хорошо. *(Беневоленскій уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Андреевна *и* Добротворскій.

Марья Андреевна. Глупа я, Платонъ Маркычъ, скажите мнѣ? Такъ, вѣдь — не правда-ли?

Добротворскій. Что́ вы! Кто смѣетъ сказать! Нѣтъ, вы у насъ умница.

Марья Андреевна. Послушайте, Платонъ Маркычъ, что́ мнѣ въ голову пришло. Можетъ-быть, вамъ это смѣшно покажется. Я думала, думала… да, знаете-ли до чего додумалась? *(Добротворскій смотритъ на нее.)* Только вы не смѣйтесь надо мной. Мнѣ показалось, что я затѣмъ иду за него замужъ, чтобы исправить его, сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Глупо, вѣдь, это, Платонъ Маркычъ? Вѣдь, это пустяки, нельзя этого сдѣлать, а? Платонъ Маркычъ, не такъ ли? Всё это дѣтскія мечты?

Добротворскій. Звѣри лютые — и тѣ укрощаются.

Марья Андреевна. Безъ этой мысли, Платонъ Маркычъ, мнѣ было-бы очень тяжело. Только этимъ я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платонъ Маркычъ.

Добротворскій. Знаете-ли, барышня, я вамъ русскую пословицу скажу: что́ будетъ, то будетъ; а что́ будетъ, то Богъ дастъ. А другая ещё пословица говорится: суженаго конёмъ не объѣдешь. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Марья Андреевна *и* Меричъ.

Марья Андреевна *(не оборачиваясь къ входящему Меричу)*. Зачѣмъ вы?

Меричъ. Поглядѣть на васъ въ послѣдній разъ. Неужели въ этомъ откажете?

Марья Андреевна *(поворачиваясь къ нему)*. Хороша я?

Меричъ. Обворожительны.

Марья Андреевна. Прощайте, мнѣ пора къ жениху.

Меричъ. Ахъ, погодите, Марья Андреевна, ради Бога! Выслушайте меня. Позвольте мнѣ хоть полюбоваться на васъ ещё нѣсколько минутъ.

Марья Андреевна. Я слушаю. Что̀ вамъ угодно?

Меричъ. Не сердитесь на меня, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Я на васъ не сержусь.

Меричъ. Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не такъ поняли. Мнѣ хочется передъ вами оправдаться.

Марья Андреевна. Въ чёмъ вамъ оправдываться? Я во всёмъ виню себя. Я думала, что вы человѣкъ способный любить — и ошиблась. Я искала любви, вы — интриги, побѣдъ. Мы съ вами не пара.

Меричъ. Васъ я любилъ истинно, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Это неправда, Владиміръ Васильичъ. *(Подумавъ.)* Скажите, пожалуста, кого вы обманываете? Чѣмъ вы берёте? Всѣ ваши побѣды, вѣроятно, то-же, что́ было со мной. Дѣвушка сама бросается къ вамъ, а вы потомъ хвастаетесь

побѣдой. Не такъ-ли? Я-бы васъ сама разлюбила скоро, какъ-бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданій, раскаянія, стыда, а всё-таки разлюбила-бы васъ. Мнѣ нужно было, чтобъ меня любили! Только этого я хотѣла.

Меричъ. Безцѣнная женщина!

Марья Андреевна. Вы прежде не хотѣли меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Какъ-бы я была счастлива, еслибъ я родилась полегкомысленнѣе. Меня бы занимали наряды, маленькія интрижки — и всё бы было такъ легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замужъ и хочу быть хорошей женой.

Меричъ. Боже мой, какъ я ошибался! Я не зналъ васъ, Марья Андреевна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведенія.

Марья Андреевна. Не знаю, отъ души вы сознаётесь, или нѣтъ; но я вамъ вѣрю: не хочу васъ обижать. За себя я на васъ не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вамъ урокомъ. Разстанемся друзьями. *(Протягиваетъ ему руку.)*

Меричъ *(цалуя ея руку)*. Мери, я люблю тебя!

Марья Андреевна. Поздно, Владиміръ Васильичъ, поздно. Предо мной новый путь — и я его напередъ знаю. У меня ещё много впереди для женскаго сердца! Говорятъ, онъ грубъ, необразованъ, взяточникъ; но это, быть-можетъ, оттого, что подлѣ него не было порядочнаго человѣка, не было женщины. Говорятъ, женщина много можетъ сдѣлать, если захочетъ. Вотъ моя обязанность. И я чувствую, что во мнѣ есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконецъ — дѣти: я буду жить для дѣтей. Вы улыбаетесь! Какъ это честно съ вашей стороны! Даже еслибы всё, что̀ я вамъ говорю, были мечты однѣ, которымъ никогда не осуществиться, вы всё-таки не должны разочаровывать меня. Мнѣ онѣ нужны, чтобы поддержать меня въ моёмъ теперешнемъ положеніи. Ахъ, Владиміръ Васильичъ, Богъ съ вами! Вѣдь, мнѣ тяжело, мнѣ очень тяжело — и никто не хочетъ знать этого.

Меричъ. Я вамъ желаю всякаго счастія. Но мнѣ кажется, что съ такимъ человѣкомъ оно для васъ невозможно.

Марья Андреевна. Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, вамъ не видать моихъ страданій. Я не доставлю вамъ удовольствія пожалѣть меня. Какія-бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой — хочу, чего-бы мнѣ это ни стоило. За что̀-же мнѣ страдать? Разсудите сами — ну, разсудите? За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконецъ, исполняю долгъ и спасаю мать. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я буду счастлива, буду любима. Не правда-ли? Скажите — да! да! Говорите-же! Мнѣ такъ нужно: не противорѣчьте мнѣ.

Меричъ *(подумавъ)*. Да!

Марья Андреевна. Покорно васъ благодарю. Прощайте. *(Уходитъ.)*

Меричъ *(одинъ)*. Какая умная дѣвушка! Желалъ-бы я знать, что̀ она обо мнѣ думаетъ. Неужели она меня считаетъ пустымъ человѣкомъ? А, впрочемъ, ещё, слава Богу, что такъ кончилось; будь она поглупѣе, такъ не зналъ-бы какъ и развязаться; однимъ упрёкамъ не было-бы конца, а ещё, пожалуй, женили бы.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Беневоленскій *и* Добротворскій.

Беневоленскій. Благодаренъ тебѣ, Платонъ Маркычъ, весьма благодаренъ. Ты меня много, много обязалъ. Марья Андреевна и умна, и образована. Именно такую жену мнѣ и нужно.

Добротворскій. Хе, хе, хе, любезнѣйшій! Что̀ ужь теперь толковать. Поддѣли молодца! Какова ни есть, ужь теперь нѐчего назадъ пятиться! Шучу, шучу!

Беневоленскій. Да-съ, я тебѣ скажу, съ этакой женой не стыдно показаться въ общество. *(Останавливается передъ зеркаломъ и гладитъ подбородокъ.)* Что̀-жь, насъ будетъ пара: какъ ты думаѐшь?

Добротворскій. Ахъ, вы, проказникъ! *(Хохочетъ.)* Ишь ты, какія штучки выдумываетъ!

Беневоленскій. Чему-же ты смѣёшься?

Добротворскій. Будетъ вамъ проказничать-то, уморили со смѣху! Поцалуемтесь. *(Цалуются.)*

Беневоленскій *(въ сторону)*. Чему онъ смѣётся? *(Добротворскому.)* Послушай, Платонъ Маркычъ, у меня есть къ тебѣ серьёзное дѣло.

Добротворскій. Что̀ прикажите?

Беневоленскій *(беретъ его подъ руку)*. Всѣ мы были молоды. *(Добротворскій киваетъ головой въ знакъ согласія.)* Молодость, какъ ты знаешь, имѣетъ свои слабости. Ты самъ это очень хорошо знаешь, иначе я-бы тебѣ и не сталъ говорить.

Добротворскій. Всѣ мы грѣшны и всѣ мы смертны.

Беневоленскій. Это правда, да не объ томъ рѣчь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любилъ одну дѣвушку...

Добротворскій. Гм! Скажите! Хорошенькая была дѣвушка?

Беневоленскій. Очень недурна. Ну, конечно, изъ низкаго сословія; но очень не дурна. Только характеръ у нея совсѣмъ не соотвѣтствовалъ наружности: ревнива...

Добротворскій. Вамъ это кажется удивительно. Эхъ, молодость! Поживите-ка съ наше, такъ не то увидите! Вотъ я вамъ сейчасъ какую исторію разскажу — вотъ послушайте. Не вашей чета; а то чтò вы мнѣ разсказываете! Это ещё до француза было...

Беневоленскій. Ахъ, какой ты безтолковый, Платонъ Маркычъ! Я боюсь, что она сюда придётъ.

Добротворскій. Кто?

Беневоленскій. Эта дѣвушка-то.

Добротворскій. Зачѣмъ? Нѣтъ, зачѣмъ она пойдётъ! Чтó вы говорите!

Беневоленскій. Пойми ты меня, Платонъ Маркычъ: я тебѣ говорю, что она ревнива, такъ я боюсь, чтобы она тутъ шуму какого не надѣлала.

Добротворскій. Вотъ чтó! А! Теперь я васъ понялъ.

Беневоленскій. Такъ ужь ты распорядись, братецъ, такъ, чтобы не пускали никого изъ постороннихъ.

Добротворскій. Чтò-жь вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андревной дѣлаете! Вы этакъ у меня её уморите, сердечную. А ужь вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

Беневоленскій. Чтó ты, чтó ты! Я давно оставилъ. Только всё-таки осторожность не мѣшаетъ. Понимаешь ты меня?

Добротворскій. Хорошо-съ, теперь понимаю. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Беневоленскій *(одинъ)*. Въ жизни главное дѣло — умъ и предусмотрительность. Что такое я былъ, и что я теперь? Вотъ она — исторія-то! Бывало, всякому встрѣчному кланяешься, чтобъ тебя не прибилъ какъ-нибудь, а теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть, и жену красавицу нашолъ. Чортъ возьми! *(Пожимаетъ руки, потомъ деретъ себя за хохолъ.)* Ахъ ты, Максимка Беневоленскій! А думалъ-ли ты объ этомъ счастіи, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ? Ничего, братецъ! Вотъ *(стучитъ себя пальцемъ по лбу)*, вотъ чѣмъ пробьёмъ себѣ дорогу. Нужда умъ родитъ, а умъ родитъ деньгу, а съ умомъ да съ деньгами всё можно сдѣлать! *(Задумывается.)* Не поучится-ли мнѣ танцовать? Поучусь. Или не надо? Нѣтъ, что! Дѣловому человѣку неловко.

ЯВЛЕНІЕ X.

Беневольскій, Дуня и Паша.

Дуня *(входя)*. Ахъ, Максимъ Дорофеичъ, здравствуйте! Наше вамъ почтеніе. *(Беневоленскій отворачивается въ сторону)*. Что-жь, ты меня не узналъ, что-ли?

Беневоленскій. Ахъ, это ты, Дуня! Зачѣмъ-же ты...

Дуня. Невѣсту твою посмотрѣть.

Беневоленскій. Да какъ-же это! вѣдь, я не велѣлъ-было ..

Дуня. Что это не велѣлъ? Ты меня пускать не велѣлъ! Ахъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Безстыжіе твои глаза!

Беневоленскій. Нѣтъ, я ничего: я такъ! Что-жь, Дуня, посмотри, поди. Тамъ вонъ невѣста; тамъ приданое...

Дуня. То-то, посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебя. Вотъ, Паша, смотрѣть посылаетъ. Видишь, какой добрый! Самъ всё покажетъ. Что-жь, матушка, вѣдь не чужой. Ахъ, ты, соколикъ!

Беневоленскій. Ты, Дуня, поосторожнѣй — увидитъ кто-нибудь, нехорошо! *(Становится въ позицію.)*

Дуня. А хочешь, сейчасъ дебошь сдѣлаю?

Беневоленскій. Дура, дура! Что ты, что ты!

Дуня. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не въ тебя.

Беневоленскій. Нѣтъ, Дуня, полно, въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приди.

Дуня. Не пойду я къ тебѣ, не безпокойся.

Беневоленскій. А здѣсь, Дуня, тебѣ что-жь дѣлать? Посмотри невѣсту и ступай.

Дуня. Ужь я видѣла! Хороша, вѣдь, Паша, ужь можно сказать, что хороша. *(Къ Беневоленскому.)* Только съумѣешь-ли ты съ этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужого вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это, вѣдь не со мной: жили — жили, да и былъ таковъ. *(Утираетъ глаза.)*

Паша. А ты говорила, что тебѣ его не жаль

Дуня. Вѣдь я его любила когда-то. Что-жь, надо-же когда-нибудь разставаться: не вѣкъ такъ жить.

Ещё хорошо, что женится; авось, будетъ жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то́ возьми, лѣтъ пять жили: вѣдь, жалко. Конечно, немного я отъ него добраго видѣла — больше слёзъ; одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость — и помянуть нечѣмъ.

Паша. Что дѣлать, Дуня.

Дуня. А, вѣдь, бывало, и ему рада-радёшенька, какъ пріѣдетъ. Смотри-жь, живи хорошенько!

Беневоленскій. Ну, ужь, конечно.

Дуня. То-то же. Эта, вѣдь, тебѣ на вѣкъ: не то, что я. Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура, расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! О, махнёмъ рукой, Паша! завьёмъ горе верёвочкой!

Беневоленскій. Прощай, Дуня!

Дуня. Адьё, мусьё! Пойдёмъ Паша. *(Уходятъ.)*

Беневоленскій. Сумасшедшая женщина! Ещё хорошо, что такъ обошлось. Однако, я-было перетрухнулъ. *(Входитъ оффиціантъ.)* Дай-ка мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. *(Оффиціантъ подноситъ.)* Благодарю, любезный. *(Уходитъ.)*

IV.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ДОХОДНОЕ МѢСТО».

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ II.

Жадовъ, Досужевъ, Василій *и* Григорій.

Досужевъ *(садясь за столъ.)* Гарсонъ, жизни!

Василій. Какой прикажете?

Досужевъ. Рябиновой, съ приличной нашему званью закуской.

Василій. Слушаю-съ. *(Идетъ къ двери.)*

Досужевъ. Французской горчицы! Слышишь? Трактиръ запечатую. Григорій, запусти шарманку.

Григорій. Сейчасъ-съ. *(Заводитъ машину.)*

Жадовъ. Вотъ это, должно быть, холостой!

Досужевъ. Что́ вы на меня смотрите? Я вотъ карася дожидаюсь.

Жадовъ. Какого карася?

Досужевъ. Придётъ съ рыжей бородой: я его буду ѣсть. *(Василій приноситъ водку.)* Ты, Василій, поглядывай его тамъ. Какъ придётъ — такъ скажи мнѣ. *(Машина играетъ.)* Господа, видали, какъ пьяные нѣмцы плачутъ? *(Представляетъ плачущаго нѣмца. Жадовъ смѣется. Машина замолкаетъ. Досужевъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Входятъ Юсовъ, Бѣлогубовъ *и* 1-й *а* 2-й чиновники.

Бѣлогубовъ. Акимъ Акимычъ-съ, мы тамъ пообѣдали, позвольте васъ здѣсь виномъ угостить, и музыка поиграетъ-съ.

Юсовъ. Угощай, угощай!

Бѣлогубовъ. Какого прикажете? Шампанскаго-съ?

Юсовъ Ну его!

Бѣлогубовъ. Такъ рейнвейну-съ? Господа, садитесь! *(Садятся всѣ, кромѣ Бѣлогубова.)* Василій, принеси рейнвейну, заграничной разливки. *(Василій уходитъ.)* А, братецъ, здравствуйте! Не угодно-ли съ нами за компанію? *(Подходитъ къ Жадову.)*

Жадовъ. Благодарю васъ. Я не пью.

Бѣлогубовъ. Что́ это, братецъ, помилуйте! Для меня-то! — одну рюмочку? Мы съ вами теперь родственники! *(Василій приноситъ вино. Бѣлогубовъ подходитъ къ своему столу.)* Наливай! *(Василій наливаетъ.)*

Юсовъ. Ну, братъ, за твоё здоровье! *(Беретъ рюмку и встаетъ.)*

1-й *и* 2-й чиновники. За ваше здоровье-съ! *(Берутъ рюмки и встаютъ.)*

Юсовъ *(показывая пальцемъ на голову Бѣлогубова)*. Въ этомъ лбу, въ этой головѣ я всегда видѣлъ прокъ. *(Чокаются рюмками.)* Поцалуемся! *(Цалуются.)*

Бѣлогубовъ. Нѣтъ, позвольте ручку-съ.

Юсовъ *(прячетъ руку)*. Не надо, не надо. *(Садится.)*

Бѣлогубовъ. Черезъ васъ человѣкомъ сталъ-съ.

1-й *и* 2-й чиновники. Позвольте-съ! *(Чокаются съ Бѣлогубовымъ, пьютъ и садятся.)*

Бѣлогубовъ *(наливаетъ рюмку и подаетъ на подносѣ Жадову.)* Братецъ, сдѣлайте одолженіе.

Жадовъ. Я вамъ сказалъ, что не пью.

Бѣлогубовъ. Нельзя-съ, братецъ: обидете.

Жадовъ. Это скучно, наконецъ.

Бѣлогубовъ. Коли вина не угодно, чѣмъ прикажете васъ подчивать? Чего только пожелаете, братецъ, всё съ удовольствіемъ.

Жадовъ. Ничего мнѣ не нужно. Оставьте меня въ покоѣ! *(Читаетъ.)*

Бѣлогубовъ. Ну, какъ угодно. Не знаю, братецъ, за что́ обижаете. Я со всѣмъ расположеніемъ... *(Отходитъ къ своему столу.)*

Юсовъ *(тихо)*. Оставь его.

Бѣлогубовъ *(садясь).* Господа, ещё по рюмочкѣ. *(Наливаетъ.)* Пирожнаго не прикажете-ли? Василій, принеси пирожнаго побольше! *(Василій уходитъ.)*

Юсовъ. Ты что-то ныньче разгулялся! Должно быть, ловко хватилъ?

Бѣлогубовъ *(показывая на карманъ).* Попало-таки! А кому? всё вамъ обязанъ.

Юсовъ. Зацѣпилъ, должно-быть?

Бѣлогубовъ *(вынимать пачку ассигнацій.)* Вотъ онѣ-съ.

Юсовъ. Да ужь я знаю тебя: у тебя рука-то не сфальшивитъ.

Бѣлогубовъ *(пряча деньги).* Нѣтъ, позвольте! Кому-же я обязанъ? Развѣ-бы я понималъ что — кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошёлъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой-бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всёмъ, а то гдѣ-бы мнѣ съ моимъ-то умомъ! Другой отецъ того не сдѣлаетъ для сына, что вы для меня сдѣлали. *(Утираетъ глаза.)*

Юсовъ. У тебя душа благородная: ты можешь чувствовать, а другіе не могутъ. *(Василій приноситъ пирожное.)*

Бѣлогубовъ. Чтобы я былъ? Дуракъ-съ! А теперь членъ общества, всѣ уважаютъ; по городу идёшь, всѣ купцы кланяются, въ гости позовутъ, не знаютъ, гдѣ посадить, жена меня любитъ. А то за что-бы ей любить-то меня, дурака? Василій, нѣтъ-ли у васъ конфектъ какихъ дорогихъ?

Василій. Можно достать-съ.

Бѣлогубовъ. Это женѣ-съ! *(Василію.)* Ну, такъ ты заверни въ бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалѣю. *(Василій идетъ.)* Постой! И пирожнаго туда положи всякаго.

Юсовъ. Будетъ съ неё, избалуешь.

Бѣлогубовъ. Нельзя-съ. *(Василію.)* Всего положи, слышишь?

Василій. Слушую-съ. *(Уходитъ.)*

Бѣлогубовъ. Люблю, очень люблю жену-съ. Будешь угождать — и она будетъ больше любить, Акимъ Акимычъ. Что я передъ ней-съ? Она образованная-съ. Платье ныньче купилъ-съ; то-есть не купилъ, а такъ взялъ — послѣ сочтёмся.

Юсовъ. Всё равно. Неужели деньги платить? Можетъ-быть, дѣло какое-нибудь будетъ — ну и квитъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится. *(Василій приноситъ конфекты въ бумагѣ.)*

Бѣлогубовъ. Положи въ шляпу. Ещё по рюмочкѣ-съ. *(Наливаетъ.)* Василій, ещё бутылку.

Юсовъ. Будетъ.

Бѣлогубовъ. Нѣтъ, ужь позвольте-съ. Здѣсь не вы распоряжаетесь, а я. *(Василій уходитъ.)*

1-й чиновникъ. Какой случай былъ! Писарёкъ у насъ, такъ дрянненькой, какую штуку выкинулъ! Фальшивую копію съ рѣшенія написалъ! Что ему въ голову пришло — и подписался за всѣхъ присутствующихъ, да и снёсъ къ истцу. А дѣло-то интересное, денежное. Только онъ копію-то не отдалъ, себѣ на умѣ, а только показалъ. Ну, и деньги взялъ большія. Тотъ послѣ пришолъ въ судъ, анъ дѣло-то совсѣмъ не такъ.

Бѣлогубовъ. Это ужь подлость! За это выгнать нужно.

Юсовъ. Именно — выгнать. Не марай чиновниковъ. Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону; живи такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. Что за большимъ-то гоняться! Курочка по зёрнышку клюётъ, да сыта бываетъ. А этотъ ужь что за человѣкъ! Не ныньче, такъ завтра подъ красную шапку угодитъ.

Бѣлогубовъ *(наливаетъ рюмку.)* Пожалуйте, Акимъ Акимычъ! Что я у васъ попрошу, вы мнѣ не откажете? Я вамъ въ ножки поклонюсь.

Юсовъ. Проси.

Бѣлогубовъ. Помните, вы прошлый разъ прошлись подъ машину: «По улицѣ мостовой-съ?»

Юсовъ. Ишь, что выдумалъ!

Бѣлогубовъ. Осчастливьте, Акимъ Акимычъ! Такъ, чтобъ ужь я всю жизнь помнилъ!

Юсовъ. Изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улицѣ мостовой».

Бѣлогубовъ. Эй, Василій, пусти — «По улицѣ мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошолъ кто.

Василій. Слушаю-съ. *(Заводитъ машину.)*

Юсовъ *(показывая на Жадова).* Вотъ этотъ-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумаетъ что-нибудь.

Бѣлогубовъ *(садясь къ Жадову).* Братецъ, будьте съ нами по-родственному. Вотъ Акимъ Акимычъ васъ конфузится.

Жадовъ. Чего же онъ конфузится?

Бѣлогубовъ. Да они потанцовать хотятъ. Надо, братецъ, и развлеченіе какое-нибудь имѣть послѣ трудовъ. Не всё-же работать. Что-жь такое! Это удовольствіе невинное — мы никого не обижаемъ.

Жадовъ. Танцуйте, сколько угодно — я вамъ не мѣшаю.

Бѣлогубовъ *(Юсову)*. Ничего-съ, Акимъ Акимычъ: онъ съ нами по-родственному.

Василій. Прикажете пустить?

Юсовъ. Пускай! *(Машина играетъ «По улицѣ мостовой». Юсовъ пляшетъ. По окончаніи, всѣ, кромѣ Жадова, хлопаютъ.)*

Бѣлогубовъ. Нѣтъ, ужъ теперь нельзя-съ! Надо шампанскаго выпить! Василій, бутылку шампанскаго! Да много-ли денегъ за всё?

Василій *(считаетъ на счетахъ)*. Пятнадцать рублей-съ.

Бѣлогубовъ. Получи! *(Отдастъ.)* Вотъ тебѣ полтинникъ на чай.

Василій. Благодарю покорно-съ. *(Уходитъ.)*

Юсовъ *(громко)*. Вы, молодёжь, молокососы, чай, смѣяться надъ старикомъ!

1-й чиновникъ. Какъ можно, Акимъ Акимычъ! Мы не знаемъ, какъ васъ благодарить!

2-й чиновникъ. Да-съ.

Юсовъ. Мнѣ можно плясать. Я всё въ жизни сдѣлалъ, что̀ предписано человѣку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ — мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу — и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу — и на него радуюсь: премудрость во всёмъ вижу. *(Василій приноситъ бутылку, откупориваетъ и наливаетъ въ продолженіи рѣчи Юсова.)* Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ учоныхъ! Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что̀ ещё сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ-быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а, можетъ-быть, самъ завтра будешь воромъ. Почемъ мы знаемъ своё опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся *(показывая глазами на Жадова)*, что я плясалъ; а завтра, можетъ-быть, хуже меня запляшешь. Можетъ-быть *(кивая головой на Жадова)* и за подаяніемъ пойдёшь, и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: «сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!» и пойдётъ всякій по своему дѣлу.

—

V.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ II.

Бальзаминовъ. Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей сторонѣ — страсть! Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройду по рынку мимо лавокъ лишній разъ — сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ, кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясники какіе, только и дѣла, что собакъ гладятъ, да играютъ съ ними; а собаки-то, маменька, какъ львы. Вѣдь, по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ? Сейчасъ засвищутъ, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Какъ-же это можно живого человѣка собаками травить?

Бальзаминовъ. Какъ можно? Что̀ вы, маменька! Развѣ они знаютъ учтивость? Ему-бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а тамъ хоть человѣка до смерти загрызи: ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразованіе!

Бальзаминовъ. Меня раза три травили. Во-первыхъ, перепугаютъ до-смерти, да ещё бѣжишь съ вёрсту, духу потомъ не переведёшь. Да и срамъ какой срамъ-то, маменька! Ты тутъ ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдругъ видятъ тебя изъ окна, что ты летишь во всѣ лопатки. Что̀ за видъ, со стороны-то посмотрѣть! Невѣжество въ высшей степени — что̀ ужь тутъ! А вотъ теперь, какъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ вмѣстѣ ходимъ, такъ меня никто не смѣетъ тронуть. А знаете, маменька, что̀ я задумалъ?

Бальзаминова. А что̀?

Бальзаминовъ. Я хочу въ военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся-ли совсѣмъ-то, или ещё всё бредишь?

Бальзаминовъ. Нѣтъ, позвольте, маменька это дѣло разсудить надо.

Бальзаминова. Да что̀ тутъ разсуждать-то! Много-ли ты лѣтъ до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминовъ. Сколько-бы я ни прослужилъ: вѣдь, у меня такъ-же время-то идётъ, за то офицеръ! А теперь что̀ я? Чинъ у меня маленькій, притомъ-же я человѣкъ робкій, живёмъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь всё такія не-

приличныя; да и насмѣшки... А вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло — ужь тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу — сидитъ барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Всё вздоръ какой говоришь! А чѣмъ жить-то мы будемъ, пока ты въ офицеры-то произойдёшь?

Бальзаминовъ. Ахъ, Боже мой! Я и забылъ про это: совсѣмъ изъ головы вонъ! Вотъ видите, маменька, какой я несчастный человѣкъ! Ужь отъ военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мнѣ нельзя. Я вамъ, маменька, говорилъ, что я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ: вотъ такъ оно и есть. Въ какомъ я мѣсяцѣ, маменька, родился?

Бальзаминова. Въ маѣ.

Бальзаминовъ. Ну, вотъ всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы разсудите сами: въ нашемъ дѣлѣ безъ счастья ничего не сдѣлаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вотъ ужь правду-то русская пословица говоритъ: «не родись умёнъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ.» А всё-таки я, маменька, не унываю. Этотъ сонъ... хоть я его и не весь видѣлъ — чортъ возьми эту Матрёну — а всё-таки я отъ него могу ожидать много пользы для себя. Этотъ сонъ, если разсудить, маменька, много значитъ; охъ, какъ много!

Бальзаминова. Да ты помнишь-ли въ лицо ту даму, которую видѣлъ во снѣ-то?

Бальзаминовъ. Помню, маменька; какъ сейчасъ гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминовъ. Это, маменька, для насъ первое дѣло. У кого въ лицѣ строгость — я, вѣдь, съ тѣмъ человѣкомъ разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминовъ. Другой на тебя смотритъ — точно допросъ тебѣ дѣлаетъ. Ну, что-жь тутъ хорошаго! Конечно, если строго разобрать, такъ мы имѣемъ недостатки въ себѣ, въ образованіи, ну и въ платьѣ тоже. Когда на тебя смотрятъ строго, что-жь тутъ дѣлать? Конфузиться да обдёргиваться.

Бальзаминова. Разумѣется. А вотъ ты, коли ждёшь кого, такъ одѣлся-бы пошолъ; что въ халатѣ-то сидишь!

Бальзаминовъ. Да, маменька, я сейчасъ одѣнусь. Лукьянъ Лукьянычъ, вѣдь, человѣкъ свѣтскій; какія у него трубки, съ какими янтарями, маменька! *(Уходитъ.)*

Бальзаминова. Какой странный сонъ! Ужь очень прямо; такъ что-то даже неловко: «я васъ люблю и обожаю». Хорошо, какъ такъ и на яву выйдетъ, а то, вѣдь, сны-то больше всё наоборотъ выходятъ. Еслибы она ему сказала: «господинъ Бальзаминовъ, я васъ не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было-бы гораздо лучше.

—

А. Ѳ. ПИСЕМСКІЙ.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, извѣстный современный писатель, авторъ «Тысячи думъ» и «Горькой судьбины» и потомокъ древней дворянской фамиліи, родился 20-го марта 1820 года. Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда, въ усадьбѣ Раменьѣ, отъ брака отставного полковника Ѳеофилакта Гавриловича Писемскаго съ дѣвицей Евдокіей Алексѣевной Шиповой, дочерью мѣстнаго предводителя дворянства. Первоначальное воспитаніе молодой Писемскій получилъ дома, послѣ чего, на тринадцатомъ году, былъ отданъ въ Костромскую гимназію, въ которой пробылъ семь лѣтъ, причёмъ всегда считался прилежнымъ ученикомъ. Здѣсь, между-прочимъ, онъ прочиталъ едва-ли не всѣ романы, какъ русскіе, такъ и переводные, выходившіе тогда въ баснословномъ количествѣ не только въ Москвѣ, но даже въ Орлѣ и другихъ губернскихъ городахъ, и принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ домашнихъ спектакляхъ, затѣваемыхъ гимназистами, причёмъ исполнялъ постоянно однѣ комическія роли. По окончаніи полнаго гимназическаго курса въ 1840 году, Писемскій въ сентябрѣ того же года былъ принятъ въ число студентовъ Московскаго университета, по математическому факультету, на которомъ пробылъ четыре года и откуда вышелъ въ 1844 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Прослуживъ затѣмъ два года въ костромской и московской палатахъ государственныхъ имуществъ, онъ оставилъ въ 1846 году службу и поселился въ деревнѣ. Здѣсь Алексѣй Ѳеофилактовичъ, погрузясь снова въ чтеніе, написалъ въ 1847 году первую свою повѣсть «Боярщина», появившуюся въ печати только одиннадцать лѣтъ спустя, и другую, подъ названіемъ «Тюфякъ», также напечатанную черезъ три года въ №№ 19—21 «Москвитянина» на 1850 годъ и обратившую на себя вниманіе критики и публики.

Женившись въ 1848 году на Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной, дочери извѣстнаго въ своё время писателя и издателя первыхъ «Отечественныхъ Записокъ» П. П. Свиньина, Писемскій снова поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій къ костромскому военному губернатору, каковую должность и занималъ до 1853 года, когда снова вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ. Въ этотъ пятилѣтній періодъ Писемскій написалъ и напечаталъ цѣлый рядъ повѣстей и разсказовъ — въ томъ числѣ: «Monsieur Батмановъ» и «Питерщикъ» — и два романа: «Сергей Петротивъ Хазаровъ и Марья Ступицына» («Москвитянинъ», 1851) и «Богатый женихъ» («Современникъ», 1851, №№ 10 — 12 и 1852, №№ 1 — 5). Въ 1853 году появились въ «Современникѣ» же его комедія «Раздѣлъ» и разсказъ «Лѣшій», обратившіе на себя общее вниманіе; въ 1854 году были напечатаны — разсказъ «Фанфаронъ», драматическій очеркъ «Ветеранъ и новобранецъ» (первый въ «Современникѣ», а второй въ «Отечественныхъ Запискахъ»), а въ 1855 году, въ «Современникѣ» же, повѣсть «Виновата ли она?»

Въ 1856 году Алексѣй Ѳеофилактовичъ, по приглашенію морского министерства, сдѣлалъ поѣздку, съ литературною цѣлью, въ Астрахань, результатомъ которой была его статья «Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и пріёмъ ихъ астраханскими жителями», напечатанная въ шестой книжкѣ «Морского Сборника» на тотъ же годъ. Затѣмъ, напечатавъ въ первой книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» на 1857 годъ повѣсть «Старая барыня», Писемскій приступилъ наконецъ къ печатанью въ «Отечественныхъ Запискахъ» своего самаго капитальнаго произведенія, романа «Тысяча душъ», молва о достоинствахъ котораго облетѣла весь Петербургъ ещё задолго до появленія его въ печати. Этотъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ романъ, помѣщавшійся въ теченіи цѣлаго полугодія на страницахъ названнаго выше журнала, можно сказать — удовлетворилъ всѣхъ и каждаго. Что же касается критики, то она встрѣтила его большими хвалебными статьями, подписанными именами Дружинина, Анненкова и Дудышкина. Въ 1859 году Писемскимъ было написано другое капитальное произведеніе — драма въ четырёхъ дѣйствіяхъ «Горькая судьбина», напечатанная въ одиннадцатой книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» того же года. Несмотря на разнорѣчивые отзывы журналовъ, пьеса эта имѣла огромный успѣхъ и доставила автору большую золотую медаль, присуждённую Императорскою Академіею 25-го сентября 1860 года, въ день четвёртой раздачи Уваровскихъ наградъ за сочиненія драматическія.

Напечатавъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» на 1861 годъ разсказъ «Старческій грѣхъ», а въ первой книжкѣ «Русскаго Слова» на 1862 годъ другой прекрасной разсказъ «Батька», Писемскій оставилъ Петербургъ на всегда и поселился въ Москвѣ, гдѣ вскорѣ принялся за печатаніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» на 1863 годъ новаго своего романа «Взбаломученное море». Напечатанный въ 3 — 8 книжкахъ этого журнала, онъ былъ встрѣченъ весьма недружелюбно нѣкоторыми петербургскими рецензентами, въ томъ числѣ и Зайцевымъ, присяжнымъ критикомъ «Русскаго Слова», написавшимъ противъ автора огромную статью. Въ 1865 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ напечатанъ рядъ его очерковъ, подъ названіемъ «Русскіе лгуны», во «Всемірномъ Трудѣ», 1866 и 1868 годовъ три драмы, подъ заглавіемъ: «Самоуправцы», «Поручикъ Гладковъ» и «Былые соколы», въ «Зарѣ» 1869 года — большой романъ «Люди сороковыхъ годовъ» и, наконецъ, въ «Бесѣдѣ» новый большой романъ «Въ водоворотѣ».

Въ 1875 году былъ отпразднованъ въ Москвѣ, по инпціативѣ Общества любителей Россійской Словесности, тридцатилѣтній юбилей Алексѣя Ѳеофилактовича, въ которомъ приняла участіе вся интеллигенція первопрестольной нашей столицы, причёмъ онъ былъ почтёнъ цѣлымъ рядомъ привѣтственныхъ рѣчей.

Изъ послѣднихъ произведеній Писемскаго укажемъ на комедію «Подкопы» и драмы «Ваалъ» и «Просвящённое время», напечатанные въ «Гражданинѣ» на 1873 и «Русскомъ Вѣстникѣ» 1873 и 1875 годовъ.

Кромѣ «Полнаго собранія сочиненій А. Ѳ. Писемскаго», изданнаго въ 1861 году Стелловскимъ въ Петербургѣ въ четырёхъ томахъ, начиная съ 1856 года, были напечатаны отдѣльно слѣдующія сочиненія Писемскаго: 1) Очерки изъ крестьянскаго быта. Спб. 1856. 2) Тысяча душъ. Романъ. 4 части. Спб. 1848. 3) Горькая судьбина. Драма въ 4 д. Спб. 1860. 4) Ветеранъ и новобранецъ. Драматическій случай изъ 1854 года. Спб. 1861. 5) Ипохондрикъ. Комедія въ 4 д. Спб. 1861. 6) Раздѣлъ. Комедія въ 3 д. Спб. 1861. 7) Взбаломученное море. Романъ въ шести частяхъ. М. 1863. 8) Самоуправцы. Трагедія въ 5 д. Спб. 1868. 9) Въ водоворотѣ. Романъ въ 3 ч. М. 1872. 10) Комедіи, драмы и трагедіи. 2 ч. М. 1874. 11) Финансовый геній. Комедія въ 4 д. Спб. 1876.

ИЗЪ ДРАМЫ «ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА».

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ II.

Матрена *и* Спиридоньевна, *съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ, стоятъ противъ дверей, въ которыя входятъ* Ананій Яковлевъ, Лизавета *и* дядя Никонъ *съ кисой на плечѣ.*

Дядя Никонъ. Вотъ тѣ, бабушка, купца питерскаго привёзъ. У меня лошадь важная: сто пудовъ вали на неё — свезётъ. Вѣрно!

Матрена. Здравствуй, батюшка, соколъ мой ясный.

Дядя Никонъ. Кланяйся, братъ Ананій Яковличъ, и мнѣ въ ноги, сдѣлай и мнѣ это почтеніе. *(Беретъ отъ Матрены хлѣбъ съ солью.)*

Ананій Яковлевъ *(слегка улыбаясь).* Что-жь — отчего? Можемъ-съ! *(Кланяется дядѣ Никону въ полспины, потомъ цалуется съ нимъ.)*

Дядя Никонъ. Вотъ это, братъ, такъ ладно! Стариковъ, братъ, уважай! На стариковскомъ, значитъ, разумѣ свѣтъ держится, аки на китахъ-рыбахъ. Вѣрно!

Ананій Яковлевъ *(женѣ).* Возьмите ужь и вы-съ. *(Лизавета, конфузясь, беретъ хлѣбъ съ солью; Ананій Яковлевъ кланяется ей въ ноги и потомъ цалуетъ ее.)*

Матрена *(толкая дочь).* Поклонись, дура, самато ему въ ноги! *(Лизавета кланяется; Ананій Яковлевъ поднимаетъ ее и опять цалуетъ.)*

Спиридоньевна *(жеманно).* Здравствуйте, батюшка, Ананій Яковлевичъ! Какой нарядный да хорошій стали! Какъ живёте-можете?

Ананій Яковлевъ. Ничего-съ, по маненьку Богъ грѣхамъ терпитъ. *(Къ дядѣ Никону.)* Одолжите пожалуста, на минуточку кису-то.

Дядя Никонъ *(сбрасывая съ плеча кису).* На-те вотъ вамъ черта-борова какóва. Дѣвки и бабы, значитъ иди сюда, лапки! всѣмъ будутъ подарки!

Ананій Яковлевъ *(вынимая изъ кисы драдедамовый платокъ и подавая его матери).* Пожалуйте-съ!

Матрена *(цалуя его въ локоть руки).* Ай, батюшка, благодарствую, красавецъ мой бриллiантовый.

Спиридоньевна. Ну вотъ, баунька, настоящій тебѣ старушечій: къ лицу будетъ, очень пойдётъ.

Матрена. Нешто, мати! Наряжаютъ да ублажаютъ меня, а я, старая, и поблагодарить-то неумѣю, какъ хорошенько.

Ананій Яковлевъ *(вынимая изъ кисы кусокъ шолковой матеріи и подавая его женѣ).* Это для васъ теперь, пожалуйте-съ! *(Лизавета молча беретъ и цалуетъ у мужа руку.)*

Спиридоньевна *(разсматривая съ завистью подарокъ Лизаветы).* Вона, мать, гарнитуры-то какіе! Мы и не видывали здѣсь этакихъ. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привёзъ. Словно кукла нарядная, будешь ходить у насъ въ шелкахъ да бархатѣ.

Ананій Яковлевъ *(Спиридоньевнѣ).* А васъ, извините на томъ, не чаялъ здѣсь захватить! Позвольте, по крайности, хоть полтинничкомъ поклониться. *(Даетъ ей полтинникъ.)*

Спиридоньевна. Ой, чтой-то, судырь-батюшка! Очень вамъ благодарна! *(Цалуетъ у него руку.)*

Дядя Никонъ. А мнѣ дляче красной шапки не привёзъ? Это ужь братъ не ладно — право!

Ананій Яковлевъ. Нынѣ народъ-то прозорливъ сталъ: и безъ красной шапки понимаютъ человѣка.

Спиридоньевна. Ужь именно, судырь! Можетъ, наскрозь видать, кто каковъ есть человѣкъ.

Матрена *(зятю).* Садись, батюшка, за столъ-то. *(Дочери).* Поди тамъ, вынимай изъ печи-то, что тамъ есть. *(Спиридоньевнѣ.)* Анна Спиридоньевна, потрапезуй, матка, съ нами. *(Дядѣ Никону.)* Полно, старый хрѣнъ, болтаться-то тутъ тебѣ, словно мотовило. Залѣзай въ переднiй-то уголъ.

Дядя Никонъ *(садясь).* Залѣзъ, бабушка! Я тѣ водки привёзъ, ей-Богу! Шельма твой Анашка, питерскій вѣдь кулакъ, распоясалъ мошну на одинъ полштофъ, да и думаетъ: баста! Нѣтъ, братъ, говорю, шалишь! Съ тётки Матрёнинымъ пирогомъ ещё надо водку пить! *(Вынимаетъ изъ кармана полуштофъ и гладитъ его.)* Вотъ оно, благословлённое-то моё! Вынимай баушка, ковши да ендовы!

Матрена *(ставя изъ шкафчика небольшіе стаканы).* Пьёшь и стаканчиками; нынѣ вино-то дорогое! *(Всѣ садятся за столъ. Лизавета подаетъ щи и свѣжинину.)*

Ананій Яковлевъ *(женѣ).* Что-жь, садитесь и вы! Маменька, позвольте имъ-съ! Давно тоже мы рядкомъ-то съ ней не сиживали.

Матрена *(дочери).* Садись!

Дядя Никонъ *(первый наливаетъ и пьетъ).* Здравія желаемъ, съ похмѣлья умираемъ: нѣтъ ли гривенъ шести, душу отвести?

Матрена *(Спиридоньевнѣ).* Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

Спиридоньевна. Ой, нѣтъ, бабунька, не охота что-то.

Матрена. Да полно, чтой-то! Ты попригубь, такъ можетъ и поправится.

Спиридоньевна *(выпивая)*. Съ Успеньева дни, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяюшка почтенная!

Матрена. О, полно-ко, мать, какая ужъ я пивица. *(Къ зятю.)* Ты самъ-то, батюшка, не выпьёшь ли хоть передъ хлѣбомъ-то солью?

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, благодарю, не имѣю той привычки.

Дядя Никонъ. Вотъ Лизунька такъ выпьетъ, потому самому — съ радости: мужъ пріѣхалъ, веселѣй, значитъ, принимать его будетъ. Вино, значитъ, теперь духъ человѣку даётъ. Вѣрно!

Ананій Яковлевъ. Пошто имъ пить. Что это за глупыя рѣчи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна. Что, батюшко, Ананій Яковлевичъ, вологодскимъ трактомъ, чай, изволилъ ѣхать?

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, какое тутъ вологодскій? Пустое дѣло это нынче трактъ сталъ: почесть, что заброшенъ! Теперь чугунка народу тысячи по три за разъ везётъ — и словно птица летитъ: вёрстъ по тридцати въ часъ уходитъ.

Матрена и Спиридоньевна *(въ одинъ голосъ)*. Ой, батюшки, чтой-то? Будто ужъ и по тридцати вёрстъ?

Ананій Яковлевъ. Это ещё не такъ оченно много, такъ-какъ, значитъ, дѣло это ещё у насъ вновѣ, такъ опасаются тоже маненько; а что въ иностранныхъ земляхъ она и шибче того ходитъ и теперь, хоша бы насчётъ времени, этимъ большое сбереженье: значитъ и на харчахъ барышъ. Бока тоже не наломаетъ: сидишь, словно въ комнатѣ, не тряхнётъ, не вальнётъ. Штука отмѣнная-съ!

Дядя Никонъ. Это, братъ, я знаю, видалъ. Теперь тысяча человѣкъ ѣдетъ; махина съ домъ, а лошадей четвёрка только везётъ, ей-Богу. Потому самому — дорога гладкая... по этому... по шоссе идётъ...

Ананій Яковлевъ *(нѣсколько потупившись)*. Никакой тутъ лошади нѣтъ-съ ни единой, а ежели и есть какая, такъ ея самоё везутъ. Вы это, можетъ, дилижанецъ видали; а чугунка другое дѣло: тутъ паръ дѣйствуетъ.

Спиридоньевна. Да какъ же это, батюшки, паръ-то? Онъ у насъ токмо что въ банѣ и есетка, да горшки имъ парить умѣемъ.

Матрена. Дошолъ, видно, ныньче народъ до всего.

Дядя Никонъ. И это братъ, знаю, что ты говоришь, и то знаю! А вы ужъ: «ахъ, ихъ, ухъ!» и дивуютъ! Прямыя бабы, право! Митюшка, кузнецъ, значитъ, нашъ досконально мнѣ всё предоставилъ: тутъ не тб, что выходитъ паръ, а нечистая, значитъ, сила. Ей-Богу, потому самому, что ажно ржотъ, какъ съ мѣста поднимаетъ: тяжело, значитъ, съ разу съ мѣста поднять. Нѣмецъ теперь, выходитъ, самого дьявола къ своему дѣлу пригналъ: на-ка, говоритъ, чортъ-дьяволъ этакой, попробуй, повози!

Спиридоньевна. Ой, полноте, чтой-то всё чертыкаешься: нашолъ мѣсто за столомъ.

Дядя Никонъ. Ей-Богу, такъ, курносая! А ты что думала? Я больше его знаю. Что онъ бахвалитъ?

Ананій Яковлевъ *(солидно)*. Никакого тутъ дьявола нѣтъ, да и быть не можетъ. Теперь даже по морской части, хошь бы эти паруса али греблю, какъ напредь того было, почесть, что совсѣмъ кинули, такъ-какъ этимъ самымъ паромъ стало не въ примѣръ сподручнѣе дѣло дѣлать. Поставятъ, спокойнымъ манеромъ, машину въ нутро корабля; она вертитъ колёса — и какая ни на есть тамъ буря, ему нипочёмъ. Какъ теперича сталъ вѣтеръ крѣпчать, развели огонь посильнѣе — и пошолъ скакать съ волны на волну.

Матрена. Ничего такого, мать Спиридоньевна, мы, вѣкъ-то съ тобой изживучи, не увидимъ.

Спиридоньевна. Какія ужъ мы, бауныка, видальщицы; только на осины да на берёзы и гляди сколько хошь. Вона Лизавета, поди, чай, побываетъ съ мужемъ въ Питерѣ, наглядится на всё!

Ананій Яковлевъ. Дляче имъ не побывать! Можетъ-быть, даже нынѣшнимъ годомъ этотъ случай приладимъ. Чѣмъ чужую кухарку нанимать, такъ лучше своя будетъ.

Лизавета *(вспыхивая)*. Гдѣ ужъ намъ, сударь, въ Питеръ ѣхать: женщины мы деревенскія, не бывалыя и глядѣть по тамошнему не умѣемъ, а не то, что говорить.

Ананій Яковлевъ. Что-жь вы такъ себя оченно низко ставите; а какъ мы тоже Питеръ знаемъ, такъ вамъ надо быть тамъ не изъ худыхъ, а, можетъ, изъ самыхъ лучшихъ; по крайности я такъ, по своему къ вамъ расположенію, понимаю.

Дядя Никонъ. Ты, Анашка, меня, значитъ, въ Питеръ возьми — ей-Богу, такъ! потому самому — я тѣ всё документы представить могу. Меня, можетъ, токмо-што въ деревнѣ родили, а въ Питерѣ крестили. Вѣрно! Теперь баринъ мнѣ, значитъ, говоритъ: «Никашка», говоритъ, «пошто ты, старый пёсъ, свои старыя кости въ задѣльи ломаешь: шолъ бы въ Питеръ.» — «Давайте, говорю, ваше высокородіе, тысячу цѣлковыхъ: а какой я теперича человѣкъ, значитъ, безъ денегъ. Какіе артикулы могу представить, али фасоны эти самые... и не могу.»

Ананій Яковлевъ. Въ Питерѣ-то и безъ вашихъ денегъ много въ кабакъ уходитъ. *(Обращаясь къ Спиридоньевнѣ.)* Опять теперь, Анна Спиридоньевна, насчётъ того же пару...

Спиридоньевна. Да, да, батюшко, голубчикъ; поговори-ка о хорошемъ; больно повадно твои умныя рѣчи слушать-то.

Ананій Яковлевъ. Ни одной, почесть, фабрики нѣтъ безъ него. На другую, можетъ, прежде народу требовалось тысячи двѣ, а теперь одна эта самая машина только и дѣйствуетъ; какіе тамъ станы есть, али колёса — всё одна ворочаетъ: страсти взглянуть, когда вотъ тоже случалось видать, и человѣкъ двадцать какихъ-нибудь суётся промежь всего этого и то больше для чистоты.

Дядя Никонъ. Ты, теперича, Анашка, говоришь: машина. Что, что такое значитъ машина?

Ананій Яковлевъ *(не обращая на него вниманія)*. Начальство теперь на счётъ только того въ сумнѣніи находится, что дровъ оченно много требуется, лѣса переводятся. Ну такъ тоже землю этакую нашли — болотину, значитъ, съ разными этакими кореньями, пнями въ ней. Всё это самое пресуютъ, сушатъ — и она горѣть можетъ. Каменный уголь тоже изъ иностранныхъ земель идётъ и тѣмъ большое подспорье для лѣса дѣлаютъ.

Дядя Никонъ. Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому — ты человѣкъ торговый; а человѣкъ мастеровой, значитъ, знаетъ это. Ты теперича знаешь Николу Морского?

Ананій Яковлевъ *(улыбаясь)*. Какъ не знать-съ: церьковь извѣстная.

Дядя Никонъ. Я теперича эту самую, значитъ, колокольню щекотурилъ. Теперича, значитъ, машина сейчасъ была не въ своёмъ видѣ: я — трахъ — упалъ. Саженъ сорокъ вышины было. Баринъ тутъ изъ военныхъ сейчасъ былъ. «Привидете, говоритъ, его, канальи, въ чувство!» Меня сейчасъ привели. Онъ мнѣ два штофа водки далъ: я и выпилъ.

Спиридоньевна. Какъ тя, стараго хрыча, всего не расшибло: съ экой вышины кувыркнулся.

Ананій Яковлевъ. Вѣрно-ли вы разстояніе-то промѣряли? а то словно бы, кажись, какъ съ сорока то саженъ человѣкъ слетитъ, такъ водки не захочетъ.

Дядя Никонъ. О, чортъ, дьяволъ — право! Не захочетъ? Захотѣлъ-же! Вотъ и теперь выпью — вѣрно! *(Пьетъ.)* Въ главнокомандоческомъ тоже домѣ графа Милорадыча въ залѣ, съ двойнымъ просвѣтомъ, карнизъ выводили, такъ тоже надо было, паря, каждую штуку потрафить. Я какъ теперича на глазомѣръ прикинулъ, такъ и ставь тутъ: вѣрно будетъ.

Ананій Яковлевъ. Всему дѣлу выходитъ уставщикъ вы были?

Дядя Никонъ. Былъ, братъ, я всѣмъ. Теперича, что такое значитъ мастеровой человѣкъ али купецъ? Я теперича своё дѣло въ своёмъ видѣ представить долженъ. А что теперича торговый? Торговый человѣкъ — на̀ вотъ тебѣ, значитъ, на грошъ говядинки купилъ, а на гривну продалъ. Торговый человѣкъ, значитъ, плутъ!

Ананій Яковлевъ. За што-же вы такъ всё званіе порочите? Мы тоже мѣста имѣемъ; разъ обманулъ, такъ другой и брать не станутъ.

Дядя Никонъ. Не станутъ, да! Что такое теперь, значитъ, купецъ? Мыльный пузырь! — трахъ! ткнулъ его пальцемъ и нѣтъ его! А мастеровой человѣкъ... Графу Милорадычу теперь надо коляску изготовить, платье себѣ изшошить, супругѣ своей подаркомъ какую-нибудь вещь сдѣлать — мастеровой человѣкъ и будь готовъ, сейчасъ команда: «пошолъ во дворецъ» — и являйся.

Ананій Яковлевъ. Нѣтъ-съ, это словно бы не такъ! Торговый человѣкъ завсегда долженъ паче себя наблюдать, чѣмъ мастеровой. У насъ теперь, по нашей разносной торговлѣ, можетъ праздника Христова нѣтъ; всё мы передъ публикой на глазахъ быть должны; а мастерового человѣка мы тоже знаемъ: шесть дней поработалъ, а седьмой, пожалуй, и въ кабакѣ за бочкой проваляется.

Дядя Никонъ. Никогда этого не можетъ быть. Я теперича мастеровой человѣкъ; а ужь бабѣ меня не надуть — шалишь! *(Всѣ бабы блѣднѣютъ; Никонъ тянется за водкой.)*

Спиридоньевна *(не давая ему)*. Полно-ко, полно, старый пёсъ — и то ужь налопался: говоришь не знамо что.

Матрена. Шолъ бы, батюшко-старичокъ, домой. Тоже умаялся, чай, съ дороги. Изъ кушанья ничего ужь больше не будетъ — извини на томъ!

Дядя Никонъ *(не обращая ни на кого вниманія)*. У меня теперь, слава тѣ Господи, полна изба ребятъ, а всё мои, всё Никонычи: какъ разъ такъ пригнано — вѣрно! а у торговаго человѣка, можетъ... Да, торговому, видно, во всёмъ отъ баръ счастье; и тутъ лишняя копейка даромъ перепала.

Ананій Яковлевъ. Къ чему же это вы рѣчь вашу такую клоните? Мудрено что-то ужь оченно заговорили.

(Лизавета и Матрена сидятъ какъ полумертвыя.)

Спиридоньевна. О, мелево, мелево и есть че-

ловѣкъ! За хозяйскимъ кушаньемъ сидитъ, хозяйское вино пьётъ, а только обиды экія говоритъ — глупая башка этакая!

Дядя Никонъ. Что-жь — сидитъ? Я и встану. *(Встаетъ изъ-за стола.)* За что онъ теперь сердце моё раздражаетъ? Что онъ за человѣкъ теперь выходитъ, коли я однимъ словомъ его оконфузить могу?

Ананій Яковлевъ. Какое же это слово такое, чтобъ оконфузить меня?

Дядя Никонъ. Слово — да! Что ты купецъ али генералъ? Барскій своякъ ты — и больше ничего. Чей у тебя ребёнокъ, ну-ко, говори? Въ томъ, значитъ, только и счастье твоё, что твоя коренная у барина на пристяжкѣ пошла — право, черти, дьяволы экіе! *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ VII.

Ананій Яковлевъ, Бурмистръ, Өедоръ Петровъ *и толпа мужиковъ.*

Лизавета *(быстро появляясь изъ-за перегородки въ худомъ сарафанчикѣ и босикомъ).* Нѣту! нѣту! Не бывать по вашему никогда! Довольно вы надо мной поначальствовали! Я вотъ, господинъ бурмистръ, теперь заявляю вамъ — онъ тиранилъ меня, а чтó напредь ещё сдѣлаетъ — неизвѣстно тó: самъ про то не сказываетъ.

Ананій Яковлевъ *(опуская руки).* Лизавета, уйди. Бога ради, уйди, оставь меня при моёмъ дѣлѣ.

Лизавета. Это не ваше дѣло, а моё! *(Обращаясь къ мужикамъ.)* Всѣ вы, можетъ, видѣли, какъ я и повѣнчана-то за него была: въ свадебныхъ-то саняхъ, почесть, что связанную везли. Честь мою дѣвичью мнѣ легче бы было кинуть разбойнику въ лѣсу, чѣмъ ему. Такъ съ меня спрашивать тоже много нечего — грѣшница, али праведница черезъ то стала? А что стыдъ теперь всякой свой потеряючи, при всёмъ народѣ говорю, что барская полюбовница есть — и теперь, значитъ, вéдите меня къ господину. Послѣдней коровницей али собакой но при нихъ быть желаю, а ужь слушаться и шею свою подставлять злодѣю своему не хочу. Онъ теперь обувку и одёжу обобралъ. Не остановитъ меня тò: уйду къ барину. *(Начинаетъ искать на голбцѣ и по лавкамъ платье себѣ.)*

Ананій Яковлевъ. Лизавета, ещё разъ тебѣ говорю — не дѣлай ты этого.

Бурмистръ. Нечего тутъ — не дѣлай! *(Молодому парню.)* Дай ей своего полушубка и сапогъ: до усадьбы только довести её.

Ананій Яковлевъ *(обращаясь къ мужикамъ).* Господа-міряне, чтó же это такое? Заступитесь хоша вы за меня, несчастнаго! Примѣните хоша маненько къ себѣ теперешнее моё положенье: середь бѣлаго дня приходятъ и этакой страмъ и поруганье чинятъ. *(Становится на колѣни.)* Слезно и на колѣняхъ прошу васъ — обстойте меня хоша сколько-нибудь и не доводите меня до послѣдняго. Богъ васъ наградитъ за-то! *(Кланяется общимъ поклономъ всему міру въ ноги.)*

Өедоръ Петровъ. Я, другъ любезный, это что? Нечего: по тебѣ говорить надо! *(Лизаветѣ.)* Какъ же ты, мужнина жена, сходишь отъ мужа и какъ ты смѣешь-то! Ты спроси — позволитъ ли и баринъ тѣ сдѣлать это.

Бурмистръ. Позволено, коли дѣлаютъ. Старый чортъ, суётся туда же! *(Молодому парню.)* Говорятъ тебѣ, скорѣй разболокайся и давай полушубокъ и сапоги!

Молодой парень. Нѣтъ у меня про это ни полушубка, ни сапоговъ. *(Быстро уходитъ.)*

Бурмистръ. О, дьяволъ, грубіянъ-народъ! Нà, Лизавета, надѣвай мою сибирку. *(Снимаетъ съ себя сибирку.)*

Лизавета. Давайте, судырь! Я въ нее младенца, красавчика моего, заверну, а сама и такъ добѣгу: мнѣ ничего. *(Проворно уходитъ за перегородку.)*

Ананій Яковлевъ *(вскакивая и вбѣгая за ней).* Не дамъ я тебѣ младенца!

Бурмистръ. Чортъ, прибьётъ ещё бабу-то! Свяжите его, ребята, сейчасъ же! *(Никто изъ мужиковъ не трогается.)*

Голосъ Лизаветы. Подай младенца, подай, а то ослѣплю тебя.

Голосъ Ананья Яковлева. Ахъ, ты, бестія, смѣла ещё руку свою поднять на меня! Нà, вотъ, тебѣ твоё поганое отродье! *(Раздается страшный ударъ и пронзительный крикъ ребенка.)*

Голосъ Лизаветы. Батюшки, убилъ младенца-то!

Бурмистръ. Согрѣшили грѣшные! Говорилъ вамъ, кажется, черти-дьяволы, вяжите его! *(Бьетъ по шеѣ рябого мужика.)*

Рябой мужикъ. Чего вязать-то? Давайте верёвку-то! Гдѣ верёвка-то?

Давыдъ Ивановъ *(стаскивая съ полицы веревку).* Нà, вотъ тѣ верёвку-то! Входи туда!

Рябой мужикъ. Чего входить? Цапнетъ топоромъ ещё, пожалуй. Сунься-ко самъ!

Голосъ Лизаветы. Батюшки — совсѣмъ ужъ не дышитъ: вся головка раскроена!

Выборный (*несмѣло заглянувъ въ дверь*). Ничего, значитъ, не цапнетъ: окно высадилъ и убѣгъ.

Бурмистръ. Караулъ! бей скорѣй въ набатъ и ловите его, окаянный народъ! Что теперь баринъ-то съ нами сдѣлаетъ! Пропали наши головы!

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ дверяхъ показывается Ананій Яковлевъ, *съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Выраженіе лица его истощенное и совершенно страдальческое. Въ дверяхъ набивается толпа мужиковъ и бабъ.*

Чиновникъ, Бурмистръ *и* Никонъ.

Чиновникъ. Гдѣ-жь ты всё это время пробывалъ?

Ананій Яковлевъ. Въ лѣсу на пустошахъ жилъ.

Чиновникъ (*значительно*). Я думаю. Кто-жь тебѣ туда пищу доставлялъ?

Ананій Яковлевъ. Какая ужь пища! Кто её доставитъ? Въ первый-то день, только какъ ужь очень въ горлѣ пересохнетъ, таки и водицы изопьёшь; а тутъ опосля тоже... Всё ещё видно плоть-то человѣческая немощна: осилитъ всякаго. Не вытерпѣлъ тоже — и на дорогу вышелъ: женщина тутъ на задѣльѣ ѣхала, такъ у ней коровай хлѣба купилъ: только тѣмъ и питался.

Чиновникъ. Зачѣмъ же сдался? И жилъ бы тамъ въ пустынѣ, питался акридами.

Ананій Яковлевъ. Не жизни, судырь, я тамотка искать ходилъ, а смерти чаялъ: не растерзаютъ ли, по крайности, думалъ, хотя звѣри лѣсные. Отъ суда человѣческаго можно убѣжать и спрятаться, а отъ Божьяго — некуда!

Чиновникъ. Гмъ, философъ какой! А давно ли и съ кѣмъ именно жена твоя имѣла связь? (*Ананій Яковлевъ молчитъ.*)

Чиновникъ. Можетъ-быть, съ бариномъ?

Ананій Яковлевъ (*краснѣя и потупляя глаза*). Ничего я того, судырь, не знаю; да, кажись, это и къ дѣлу вовсе не касающееся.

Чиновникъ. А — не касающееся! Вслѣдствіе чего же ты убилъ младенца?

Ананій Яковлевъ (*еще ниже потупляя голову*) Убилъ... Это дѣло въ азартѣ было.

Чиновникъ. А отъ чего же самый азартъ этотъ произошолъ?

Ананій Яковлевъ (*тяжело вздыхая*). Отъ того, что я съ малолѣтства, видно, окаяннымъ человѣкомъ на свѣтѣ былъ: на всякую малость гнѣвъ свой срывалъ да не сдерживалъ себя. Всё это теперь чувствуешь и понимаешь, какъ адъ-то кромѣшный разверся передъ тобою со всѣхъ сторонъ.

Чиновникъ. Объ адѣ помышляешь, а самъ лжошь. Взгляни-ка на образъ и повтори, что ты сказалъ. (*Ананій Яковлевъ потупляетъ глаза.*)

Чиновникъ. Ну, гляди же! Ахъ, ты шельма, мерзавецъ! Ни Бога, ни совѣсти! (*Къ Никону.*) Поди, уличай его!

Никонъ. Что мнѣ, ваше благородіе, уличать его? Нечего! Не очень они насъ, стариковъ, слушаютъ. Ты его наставляешь на хорошее: «дѣлай-молъ, паря, такъ и такъ!» такъ онъ тебя только облаетъ. Я самъ, ваше благородіе, питерецъ коренной. Не супротивъ ихъ, можетъ, человѣкъ былъ; мнѣ тоже горько переносить отъ нихъ это — помилуйте! (*Плачетъ.*)

Чиновникъ. Ты говорилъ, что жена его была въ связи съ бариномъ?

Никонъ. Али нѣту? Она сама, ваше благородіе, тутъ сидитъ? (*Лизаветѣ.*) Что не говоришь? Сказывай, чертовка! Намъ васъ тоже прикрывать не изъ чего! Немного, ваше благородіе, отъ нихъ вина-то видѣли, своё пьёмъ — вѣрно такъ! Вонъ онъ изъ Питера пришолъ, полштофчикомъ поклонился, да и шабашъ на томъ.

(*Лизавета начинаетъ рыдать. Сотскій зажимаетъ ей ротъ.*)

Чиновникъ. О, чортъ, кричитъ тутъ! Выведите её.

Сотскій (*уводя Лизавету*). Пойдёмъ, экая какая ты! (*Ананій Яковлевъ смотритъ съ чувствомъ въ слѣдъ за женою.*)

Чиновникъ (*указывая Ананью Яковлеву на Никона*). Что-жь — возражай ему!

Ананій Яковлевъ. Нечего мнѣ, судырь, возражать. Пускай болтаетъ, что хочетъ; а я только го и знаю, что мой грѣхъ до меня, видно, пришолъ, и никто тому не причиненъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чиновникъ (*нѣкоторое время походивъ по комнатѣ въ сильномъ азартѣ, а затѣмъ снова обращаясь къ Ананію*). А ты — дуракъ, совершенный дуракъ! Пойми ты, рожа твоя глупая, что когда ты докажешь, что у жены твоей былъ незаконный ребёнокъ, ты наказанье себѣ облегчишь: вмѣсто того,

чтобъ тебя, каналью, отдать подъ кнутъ, сошлютъ, можетъ-быть, только на покаяніе.

Ананій Яковлевъ. Всё это, сударь, я самъ очепно знаю, но и себя тоже чувствуешь: ежели паче чаянія, что и сдѣлали они супротивъ меня, не мнѣ ихъ судьёй и докащикомъ быть: мой грѣхъ больше всѣхъ ихнихъ, и наказанье себѣ облегчить нисколько того не желаю; помоги только Богъ съ терпѣньемъ перенесть, а что хоша бы муки смертныя принять готовъ, авось хоша за то мало-мальски будетъ прощенье моему великому прегрѣшенью.

Чиновникъ. Нѣтъ, ты не Богу, а тому же дьяволу хочешь служить, потому-что подкупленъ.

Ананій Яковлевъ *(горько улыбаясь.)* Не для чего мнѣ, сударь, теперь ни на какой подкупъ идти: я вотъ свои, кровнымъ трудомъ нажитые, 500 цѣлковыхъ имѣю и тѣ представляю. *(Вынимая и кладя деньги на столъ.)* Такъ какъ теперь тоже, можетъ, доступу ко мнѣ не будетъ, такъ я желаю, чтобы священникъ нашъ ихъ принялъ. Дѣло моё они знаютъ и какъ имъ угодно: младенца ли на нихъ поминать, въ церковь ли примутъ, али сродственникамъ, семейству моему раздадутъ — ихняя воля; а мнѣ они не для чего.

Чиновникъ. Какой благочестивый. Ахъ, вы окаянный народецъ! человѣка убилъ да свѣчку потолще поставилъ, и думаетъ, что Богъ проститъ ему. Нѣтъ, онъ лучше бы помиловалъ тебя, какъ бы ты говорилъ правду.

Ананій Яковлевъ. Позвольте, ваше благородіе, поклониться народу.

Чиновникъ. Сдѣлай милость.

Ананій Яковлевъ *(кланяется).* Простите меня, христіане православнѣе! *(Начинаетъ со всѣми цаловаться и съ первымъ Бурмистромъ, а потомъ и съ прочими мужиками.)*

Давыдъ Ивановъ. Прощай, Ананій Яковличъ! Виноватъ, братъ, что привёлъ тя — самъ проспался.

Никонъ *(обливаясь слезами).* Всѣ тамъ, Анаша, будемъ, всѣ — до единова.

(Ананій подходитъ къ матери и женѣ. Та бросается ему сначала на руки. Онъ цалуетъ ее въ голову. Она упадаетъ и обнимаетъ его ноги.)

Ананій Яковлевъ. Отнимите её маненько. *(Потомъ прощаясь съ Матреной.)* Прощайте-съ. Благословите, коли не очень гнѣваетесь. *(Матрена его креститъ. Онъ снова, обращаясь къ народу.)* Ещё разъ земно кланяюсь: не помяните меня, окаяннаго, лихомъ и помолитесь о моей душѣ грѣшной! *(Уходитъ.)*

—

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ.

Юлія Валерьяновна Жадовская, дочь статскаго совѣтника, родилась въ 1825 году въ отцовскомъ помѣстьи, Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Появленіе на свѣтъ ребёнка сильно опечалило его родителей, такъ-какъ онъ оказался съ физическимъ недостаткомъ: дѣвочка родилась безъ лѣвой руки; на правой же было всего три пальца. Затѣмъ, на второмъ году отъ рожденія она потеряла мать, единственное существо, которое любило и ласкало её. Видя безпомощное положеніе ребёнка, старушка-бабушка, съ материнской стороны, взяла малютку подъ своё покровительство и перевезла её къ себѣ, въ сельцо Панфилово, лежащее въ 20-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Буя, гдѣ маленькая Жадовская прожила до 15-ти-лѣтняго возраста. Слабое здоровье дѣвочки и природный физическій недостатокъ, о чёмъ было сказано выше, долго заставляли пренебрегать ея воспитаніемъ. Старушка-бабушка сама, шутя, выучила её, ещё на шестомъ году, русской грамотѣ, и заставляла читать разныя недѣтскія произведенія русской литературы. Писать же ребёнокъ выучился самоучкой, такъ-какъ учить этому было трудно, вслѣдствіе указаннаго физическаго недостатка. Когда Жадовской исполнилось 13 лѣтъ, родная тётка ея, Анна Ивановна Корнилова, извѣстная въ печатномъ мірѣ болѣе подъ своей прежней фамиліей — Готовцевой, взяла её къ себѣ, чтобы поучить её въ теченіи нѣкотораго времени. Ученье пошло въ прокъ: спустя съ небольшимъ годъ, она стала понимать по-французски и пріобрѣла нѣкоторыя поверхностныя свѣдѣнія въ исторіи и географіи и болѣе основательныя въ Законѣ Божіемъ, подъ руководствомъ сельскаго священника. Когда Жадовской исполнилось 15 лѣтъ, её отдали, по желанію отца, въ Костромской пансіонъ благородныхъ дѣвицъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по ея поступленіи пансіонъ этотъ закрылся по недостатку средствъ и малому числу ученицъ, и отецъ взялъ её въ 1841 году къ себѣ, въ Ярославль, гдѣ онъ находился на службѣ. Здѣсь она стала брать уроки русскаго языка и словесности, которые и принесли ей много пользы и вскорѣ навели её на мысль самой взяться за перо и сдѣлаться поэтомъ.

На литературное поприще г-жа Жадовская выступила въ 1844 году, со стихотвореніемъ «Водяной», помѣщоннымъ въ 6 № «Москвитянина» того же года, и, затѣмъ, въ 1846 году, съ небольшой книжкой своихъ стихотвореній, встрѣченныхъ весь-

ма радушно всѣми любящими поэзію. Затѣмъ стихотворенія ея стали появляться въ разныхъ московскихъ изданіяхъ: въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», «Московскомъ Сборникѣ», «Москвитянинѣ», «Раутѣ», «Ярославскомъ Сборникѣ» и другихъ, а также и въ петербургскихъ: «Сынѣ Отечества» на 1856 и 1857 года и въ «Сборникѣ въ память Смирдина». Понимающіе дѣло прочитывали ихъ съ удовольствіемъ; но въ публикѣ имя г-жи Жадовской было весьма мало извѣстно, всего болѣе, вѣроятно, потому, что журналы, въ которыхъ она почти исключительно печатала свои произведенія, не имѣли большого круга читателей. Въ 1857 году, г-жа Жадовская обратила на себя вниманіе публики замѣчательнымъ романомъ: «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», помѣщённымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» того же года, №№ 5, 6, 7 и 8 и отпечатаннымъ въ томъ же году отдѣльной книжкой въ Москвѣ; но о стихотвореніяхъ ея всё-таки знали не многіе. Наконецъ, въ 1858 году всѣ стихотворенія г-жи Жадовской, какъ помѣщённыя въ книжкѣ, изданной въ 1846 году, такъ и разбросанныя по разнымъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ, были собраны ею въ количествѣ 119 пьесъ и выпущены въ свѣтъ отдѣльною книжкой. На этотъ разъ книжка была замѣчена многими, а журналы, съ рѣдкимъ единодушіемъ, осыпали ея автора самыми вѣскими похвалами. Вотъ, напримѣръ, отзывъ рецензента «Современника»: «Стихи г-жи Жадовской не имѣютъ внѣшнихъ достоинствъ рѣзко бросающихся въ глаза. Но мы, ни мало не задумываясь, рѣшаемся причислить эту книжку стихотвореній къ лучшимъ явленіямъ нашей поэтической литературы послѣдняго времени. Стихъ г-жи Жадовской, какъ сказали мы, не отличается внѣшней отдѣлкой, такъ поражающей насъ въ произведеніяхъ новѣйшихъ поэтовъ. Риѳма часто измѣняетъ ей, иногда выходятъ стихи неловкіе, незвучные, отзывающіеся прозой. Но мы признаёмся, что даже эти прозаическіе стихи ея намъ нравятся и что именно многіе изъ нихъ произвели на насъ сильное впечатлѣнье своей простотою и задушевностью. Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія — вотъ главныя достоинства стихотвореній г-жи Жадовской. Настроеніе чувствъ ея — грустное; главные мотивы ея — задумчивое созерцаніе природы, сознаніе одиночества въ мірѣ, воспоминаніе о быломъ, когда-то свѣтломъ, счастливомъ, но безвозвратно прошедшемъ.»

Одновременно съ «Стихотвореніями Юліи Жадовской», вышедшими въ 1858 году, появились въ продажѣ и «Повѣсти Юліи Жадовской», но такъ-какъ онѣ оказались гораздо ниже ея перваго романа, то и прошли почти незамѣченными.

Послѣдними произведеніями г-жи Жадовской были: «Женская исторія», романъ въ трёхъ частяхъ, напечатанный во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ нумерахъ «Времени» на 1861 годъ и потомъ вышедшій отдѣльно, и «Отсталая», повѣсть, напечатанная въ 12-й книжкѣ того же журнала и того же года.

I.

МОЛИТВА.

Міра Заступница, Матерь всесвятая!
Я предъ Тобою съ мольбой:
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнутъ меня испытанія,
Скорби, утраты, враги —
Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія
Ты мнѣ, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце моё положи!
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

II.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберёшь;
Ты новыя чувства узнаешь —
И можетъ-быть счастье найдёшь.
Я — тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей, жизненный путь;
И какъ я люблю и страдаю —
Узнаетъ могила одна.

III.

НЕВЫДЕРЖАННАЯ БОРЬБА.

Боролась я долго съ суровой судьбой —
Душа утомилась неравной борьбой.
Всей силой надежду я въ сердцѣ хранила;
Но силы не стало — судьба ихъ убила;

И я, съ затаённой глубоко тоской,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Что дѣлать? Мнѣ стыдно и грустно, и больно —
И лью я горячія слёзы невольно.

IV.

Не зови меня безстрастной
И холодной не зови:
У меня въ душѣ есть много
И страданій, и любви.
Проходя передъ толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушіемъ наружнымъ,
Чтобъ себѣ не измѣнить.
Такъ идётъ предъ господиномъ,
Затая невольный страхъ,
Рабъ, ступая осторожно,
Съ чашей полною въ рукахъ.

V.

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ
Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, что̀ я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ порой дрожать достойные — увы,
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путёмъ хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ,
И, можетъ-быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдётъ.
На то, что̀ скажетъ онъ, на то̀, о чёмъ помыслитъ,
Я, вѣрно, отзовусь безсмертною душой...
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и несмыслитъ,
Какое счастье быть всегда съ самимъ собой!

VI.

КТО МНѢ РОДНЯ.

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути, въ томленьи и слезахъ,
И думалъ про себя въ тоскѣ невыразимой:
«О, гдѣ моя родня? гдѣ близкій, гдѣ любимый?»
И много мимо шло... Но что жь? никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжолыхъ ранъ моихъ...
Иной бы и желалъ, да вдаль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжолый стонъ.
Ужь мной овладѣвалъ холодный смерти сонъ;
Ужь на устахъ моихъ стенанья замирали,
Въ тускнѣющихъ глазахъ ужь слёзы застывали;
Но вотъ пришолъ одинъ, склонился надо мной
И слёзы мнѣ отёръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но, полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью.
Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ,
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ...
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
«Вотъ, кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый!»

—

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ (В. КРЕСТОВСКІЙ).

Надежда Дмитріевна Хвощинская, извѣстная въ русской литературѣ болѣе подъ своимъ псевдонимомъ «В. Крестовскій», родилась въ 1825 году, въ Рязани, гдѣ отецъ ея занималъ мѣсто окружного начальника, по вѣдомству государственныхъ имуществъ. Надежда Дмитріевна воспитывалась дома и своимъ развитіемъ обязана исключительно самой себѣ. Любовь къ поэзіи проявилась у ней очень рано, вслѣдствіе чего первыми произведеніями ея, явившимися въ печати, были два стихотворенія, помѣщённыя въ 46 нумерѣ «Иллюстраціи» на 1847 годъ, подъ названіемъ: «Въ сумерки» и «Птичка». За этой первой попыткой выдти на литературную арену, послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, напечатанныхъ ею на страницахъ «Литературной Газеты» того же года, и подписанныхъ, какъ и первыя два, полнымъ именемъ и фамиліей автора. На этотъ разъ они обратили на себя вниманіе многихъ и были почтены похвалами людей, интересующихся появленіемъ новыхъ талантовъ. Такъ шло дѣло до половины 1850 года, когда на страницахъ 6-й книжки «Отечественныхъ Записокъ» явилась ея первая повѣсть: «Анна Михайловна», подписанная не именемъ автора, а псевдонимомъ: «В. Крестовскій» и обратившая на себя вниманіе многихъ. Обрадованная этой первой удачей, Надежда Дмитріевна отправилась въ Петербургъ — и это былъ ея первый выѣздъ изъ Рязани и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое посѣщеніе столицы, гдѣ она встрѣтила самый радушный пріёмъ. Затѣмъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» того же года была напечатана другая ея повѣсть: «Сельскій учитель», понравившаяся всѣмъ и возбудившая любопытство

многихъ относительно личности автора, умѣвшаго такъ хорошо подмѣтить и передать такъ наглядно всю ту внутреннюю жизнь молодого учителя, которая, вообще, весьма трудно поддаётся нашей наблюдательности. Новая повѣсть, какъ и предъидущая, была подписана псевдонимомъ: «В. Крестовскій», который съ-тѣхъ-поръ сталъ неизмѣнно являться подъ каждымъ прозаическимъ ея произведеніемъ. Что же касается стихотвореній, то они продолжали печататься подъ ея настоящимъ именемъ.

Ободрённая успѣхомъ своей второй повѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поощрённая полученнымъ за неё приличнымъ гонораріемъ, г-жа Хвощинская, тотчасъ по своёмъ возвращеніи въ Рязань, съ удвоенною ревностью принялась за перо — и вскорѣ цѣлый рядъ романовъ и повѣстей сталъ являться одинъ за другимъ съ изумительной быстротой, такъ что вскорѣ даже «Отечественныя Записки», книжки которыхъ достигали въ это время крайняго предѣла своей растяжимости, именно 52 листовъ, не были въ состояніи вмѣщать въ себѣ всего, создаваемаго г-жою Хвощинскою, такъ что ей пришлось искать поневолѣ другого пріюта для своихъ произведеній, который и нашолся въ лицѣ «Пантеона». Въ теченіи 1852 и 1853 годовъ на долю «Отечественныхъ Записокъ» пришлось три повѣсти («Ещё годъ, дневникъ сельскаго учителя», «Искушеніе» и «Нѣсколько лѣтнихъ дней»), одинъ романъ въ двухъ частяхъ («Кто жь остался доволенъ?»), одна драматическая сцена («Рѣшительный часъ») и пять стихотвореній («Вы улыбаетесь», «Въ прощальный, смертный часъ», «Свой разумъ искусивъ не разъ», «Солнце сегодня за тучей» и «Нѣтъ, я не назову обманомъ»); на долю же «Пантеона» выпалъ призъ менѣе крупный; именно — драматическая фантазія въ стихахъ «Джуліо» (1850, т. III, № 6), стихотворная повѣсть «Деревенскій случай» и десятка два мелкихъ стихотвореній. Изъ всей массы романовъ, повѣстей и прочаго, выпавшихъ на долю «Отечественныхъ Записокъ», только объ одной повѣсти «Искушеніе», да о стихотвореніи «Вы улыбаетесь» можно отозваться съ полной похвалой; всё же остальное, не исключая и романа, или посредственно, или даже слабо. Что же касается повѣсти въ стихахъ, помѣщённой въ «Пантеонѣ», то она была встрѣчена даже не совсѣмъ благосклонно, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго отзыва о ней, помѣщённаго въ 1-й книжкѣ «Современника» на 1854 годъ и написаннаго по поводу выхода ея въ свѣтъ отдѣльною книжкой: «Прочитавъ до конца, и, признаёмся, не безъ труда, произведеніе г-жи Хвощинской, мы невольно задали себѣ вопросъ: почему всё это написано стихами, а не прозой?» Не знаемъ, какъ отнеслась г-жа Хвощинская къ указанной нами рецензіи, но мы находимъ её совершенно справедливой и притомъ весьма сдержанной. У г-жи Хвощинской много ума и наблюдательности, что доказывается большинствомъ ея прозаическихъ произведеній; изъ всего видно, что она много думала и много испытала и что житейская опытность есть отличительная черта ея характера, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней незамѣтно тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человѣка поэтомъ. Доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить стихотвореніе, напечатанное въ 8-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1852 годъ и начинающееся стихомъ: «Вы улыбаетесь?... Раздумье не мѣшаетъ...» Это прекрасное стихотвореніе испорчено одиннадцатью вступительными и двумя заключительными стихами которые даже вовсе не нужны и которыхъ бы *поэтъ* никогда не помѣстилъ, особенно двухъ послѣднихъ, вливающихъ ложку дёгтю въ бочку меду. И при всёмъ томъ у г-жи Хвощинской есть нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, которыя мы помѣщаемъ въ нашемъ изданіи, и даже въ той пьесѣ, о которой мы говорили выше, вся середина — прелестна, вслѣдствіе чего мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи напечатать ее въ нашемъ собраніи.

Въ 1854 году Надежда Дмитріевна помѣстила въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ нумерахъ «Отечественныхъ Записокъ» новый свой романъ въ трёхъ частяхъ: «Испытаніе», а въ 1856 году, въ 1-й, 2-й, 3-й, 11-й и 12-й книжкахъ того же журнала напечатала ещё два романа: «Послѣднее дѣйствіе комедіи» и «Свободное время», изъ которыхъ первый — въ 3-хъ, а второй въ 2-хъ частяхъ. Оба романа были прочтены публикою съ тѣмъ же вниманіемъ и, можно сказать, терпѣніемъ, къ которому уже стали мало по малу приучаться почитатели таланта г-жи Хвощинской, продолжавшей называться В. Крестовскимъ, когда уже два подлинныхъ В. Крестовскихъ, романистъ, авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», и водевилистъ, авторъ «Цыганки», «Дипломатики жены», «Нашествія иноплеменныхъ», «Бѣдовой дѣвушки» и многихъ другихъ, уже приближались къ зениту своей славы, а публика, добродушно смѣшивая ихъ имена, не знала кому поклоняться. Путаница эта дошла, наконецъ, до того, что самъ А. А. Краевскій спуталъ ихъ въ своемъ «Алфавитномъ указателѣ» къ «Отечественнымъ Запискамъ»,

гдѣ, на стр. 41-й, пьеса водевилиста Крестовскаго «Дипломатика жены» помѣщена въ числѣ сочиненій В. Крестовскаго, то-есть г-жи Хвощинской. Это такъ поразило уважаемаго редактора журнала, что онъ въ примѣчаніи къ новой повѣсти г-жи Хвощинской «Новый годъ» сдѣлалъ слѣдующее выноску: «нужнымъ считаемъ замѣтить, что авторъ этой повѣсти, избравшій себѣ псевдонимъ В. Крестовскаго, не имѣетъ ничего общаго съ другимъ г-мъ Крестовскимъ, можетъ-быть и не псевдонимомъ, авторомъ драматическихъ пьесъ: «Цыганка», «Нашествіе иноплеменныхъ», «Бѣдовой дѣвушки» и другихъ, играемыхъ на сценѣ Александринскаго театра.» Не стану утомлять читателя дальнѣйшимъ исчисленіемъ всего написаннаго и напечатаннато г-жою Хвощинской въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ. Скажемъ только, что изъ всего, написаннаго ею въ это время, обратили на себя общее вниманіе только двѣ повѣсти: «Баритонъ» и «Въ ожиданіи лучшаго», напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» на 1861 годъ. Изъ нихъ послѣдняя вышла въ Москвѣ отдѣльнымъ изданіемъ.

Стихотворенія Надежды Дмитріевны, кромѣ «Литературной Газеты», «Отечественныхъ Записокъ» и «Пантеона», о чёмъ было сказано выше, печатались также и въ «Иллюстраціи» на 1858 и 1859 года, гдѣ, между-прочимъ, было помѣщено весьма хорошее стихотвореніе «Кладбище». Въ 1859 году вышло полное собраніе ея сочиненій въ шести томахъ, подъ заглавіемъ: «Романы и повѣсти В. Крестовскаго. Спб. 1859». Сюда вошло всё, написанное г-жою Хвощинской въ теченіи ея десяти-лѣтней литературной дѣятельности, начиная съ 1850 года.

Дальнѣйшими произведеніями г-жи Хвощинской появившихся въ печати, были два большихъ романа, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1869, №№ 8 и 9) и въ «Вѣстникѣ Европы» (1870, №№ 3, 4, 7, 8 и 9 и 1871, №№ 4, 5, 6 и 11) подъ названіемъ: «Первая борьба» и «Большая медвѣдица», двѣ большихъ повѣсти, подъ названіемъ «Два памятныхъ дня» и «На вечерѣ», появившіяся на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» (1868, № 4-й и 1876, № 1.) и «Альбомъ, группы и портреты» помѣщенные въ «Вѣстникѣ Европы», (1874 № 12, 1875, № 2 и 9 и 1877 № 5). Изъ нихъ романъ «Большая медвѣдица», превосходящій объёмомъ всё остальныя, не смотря на многіе недостатки и значительную идеализацію нѣкоторыхъ лицъ, понравился всѣмъ, и даже журнальные рецензенты отозвались о нёмъ весьма благосклонно, что въ настоящее время случается довольно рѣдко. Что же касается ея послѣдняго романа, появившагося въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1878 годъ, то онъ былъ также встрѣченъ общими похвалами журналовъ и утвердилъ за ней окончательно имя первой изъ русскихъ современныхъ беллетристокъ, ещё колебавшееся до того времени между той писательницей, пишущей подъ именемъ «Марка Вовчка».

I.

ОТРЫВОКЪ.

Ихъ домъ былъ барскій домъ и въ нёмъ она жила,
Какъ птичка грустная, привыкши къ клѣткѣ тѣсной.
Отецъ былъ строгъ, угрюмъ, съ холодною душой
И домогался всё чего-то — не извѣстно.
Мать славилась своей роскошной красотой,
Своимъ таинственнымъ вліяніемъ въ гостиной,
А дочь... Она, какъ тѣнь, передо мной стоитъ.
Ужь вечеръ. Купидонъ на мраморномъ каминѣ
У стрѣлки часовой лукаво сторожитъ.
Она у зеркала одна, совсѣмъ одѣта;
Весёлый, шумный балъ давно невѣсту ждётъ
И тотъ, кому она — на зависть, толки свѣта —
И руку дѣтскую, и сердце отдаётъ.
«Союзъ сей, зависти самихъ боговъ достойный»,
Воспѣтъ піитами. Но будущій супругъ
Отъ почестей другимъ не могъ уснуть спокойно —
И станъ его согнулъ томительный недугъ
Напрасныхъ происковъ, обманутыхъ желаній,
Хоть сладко онъ умѣлъ улыбкою прикрыть
Предъ сильными земли всю злость своихъ страданій,
Улыбкой самъ умѣлъ счастливить и язвить,
Привѣтно кланялся новорождённой славѣ
И это дѣлалъ онъ ужь много, много лѣтъ —
Но крылась сѣдина подъ пудрой величавой,
А дряхлость блѣдныхъ рукъ подъ кружевомъ манжетъ.
Онъ вздумалъ полюбить! И образъ нѣжный, милый,
При имени любви, опять передо мной!...

Въ ту ночь она балконъ поспѣшно растворила
И сходитъ въ тёмный садъ, печальный и пустой.
Дитя! ей страшенъ шумъ листовъ, ночныя тѣни,
Ея отчаянный, свободный первый шагъ.
Но кто-то передъ ней склонился на колѣни
На сбитыхъ осенью, поблёкнувшихъ листахъ
И ручка бѣлая съ ея кольцомъ вѣнчальнымъ
На чью-то голову кудрявую легла,
И слёзы горькія лились во тьмѣ печальной,

И непогода ихъ, разсѣявъ, унесла.
И были слёзы тѣ о счастьи невозможномъ,
О горести его, о горести своей,
О томъ, чтобъ не винилъ онъ, пылкій и тревожный,
Въ невѣрности её, чтобы простилъ онъ ей.

II.

Свой разумъ искусивъ не разъ
И сердце вопросивъ съ участьемъ,
Мы знаемъ — всё прошло для насъ
И даже не къ лицу намъ счастье.

Мы знаемъ, что напрасно ждёмъ;
Одно прошло, пройдётъ другое,
И — хоть съ печалью — сознаёмъ
Благоразуміе покоя.

Мы знаемъ — путь нашъ недалёкъ;
Но всё душа мечты ласкаетъ.
Такъ иногда дитя въ песокъ
Цвѣты завялые сажаетъ.

III.

Подъ шумъ заботы ежедневной
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья жизни молодой.

Ихъ будитъ какъ-то непріятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ,
Имъ наши чувства непонятны —
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.

Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерзко кажется оно,
Досадно наше убѣжденье,
Безумно гордо и грѣшно.

Не побѣдивъ упорнымъ крикомъ,
Они пугаютъ небомъ насъ.
Внимая ихъ угрозамъ дикимъ,
Я грустно думаю подъ-часъ:

Зачѣмъ за истину святую
Я не могу ихъ толкъ принять,
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать —

Негодованье и волненье
Смиривъ, дать миръ душѣ моей,
Чтобъ къ невозможному стремленье
Не оставалося у ней?

Мечты, желанья! О, Богъ съ ними,
Когда имъ воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Имъ выражаться суждено!

IV.

Нѣтъ, я не назову обманомъ
Того, чѣмъ жизнь казалась мнѣ!
Надъ моремъ жизни нѣтъ тумана:
Всё видно на прозрачномъ днѣ.

Въ него, въ раздумьи не гадая,
Руки не опускала я
И перловъ не искала — зная,
Что перлы тѣ не для меня.

Покорно, безотвѣтно ими
Я любовалась на другой,
Благоговѣя, какъ рабыни
Передъ нарядной госпожой.

—

И. С. НИКИТИНЪ.

Иванъ Савичъ Никитинъ, поэтъ-самоучка, родился 21-го сентября 1824 года въ Воронежѣ, въ мѣщанской семьѣ. Отецъ его, владѣвшій воскобѣлильнымъ заводомъ въ самомъ городѣ, былъ человѣкъ достаточный — и молодой Никитинъ, до восемнадцати-лѣтняго возраста, то-есть, до конца 1844 года, когда дѣла старика-отца поразстроились, жилъ себѣ припѣваючи, не зная ни горя, ни нужды. Шести лѣтъ его стали учить грамотѣ, а на седьмомъ году отдали въ уѣздное духовное училище, въ которомъ будущій поэтъ пробылъ цѣлыхъ пять лѣтъ, посвящая всё свободное отъ классныхъ занятій время чтенію старинныхъ романовъ, нѣкогда славныхъ, а нынѣ забытыхъ авторовъ: Коцебу, Дюкре-дю-Мениля и г-жи Радклифъ. Затѣмъ, въ 1838 году онъ былъ переведёнъ въ Воронежскую семинарію, гдѣ началъ знакомиться съ произведеніями отечественныхъ поэтовъ и писателей, изъ которыхъ Пушкинъ, Жуковскій и Кольцовъ вскорѣ сдѣлались его любимцами. Здѣсь же, по переходѣ въ классъ философіи, написалъ онъ своё первое стихотвореніе, заслужившее одобреніе профессора словесности Чехова и опредѣлившее его призваніе. Но въ томъ же классѣ философіи застало семнадцати-лѣтняго юношу извѣстіе о разстройствѣ дѣлъ его отца — и сынъ принуждёнъ былъ оставить семинарію, не окончивъ полнаго курса, чтобы

принять на свои плечи всю обузу разстроеннаго домашняго хозяйства и дѣлъ по заводу. Покончивъ съ кредиторами, для чего надо было пожертвовать заводомъ, молодой Никитинъ, на вырученныя деньги, завёлъ постоялый дворъ и поселился въ нёмъ, вмѣстѣ съ больнымъ старикомъ-отцомъ. Уединённая жизнь съ хворымъ отцомъ на концѣ города, въ совершенномъ отчужденіи отъ образованнаго общества, развила въ Никитинѣ страсть къ загороднымъ прогулкамъ и охотѣ, во время которыхъ онъ иногда зачитывался по цѣлымъ часамъ, или, улёгшись подъ деревомъ, сочинялъ стихи, которые потомъ ревниво припрятывалъ отъ посторонняго глаза, зная очень хорошо, что вскормившая его среда можетъ встрѣтить ихъ только одними насмѣшками. Только въ началѣ 1850 года рѣшился онъ прервать своё невольное молчанье — и послалъ въ «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» два свои стихотворенія: «Лѣсъ» и «Дума», съ просьбою ихъ напечатать. Редакція нашла стихи хорошими, но печатать ихъ отказалась, такъ-какъ ей неизвѣстно было имя автора. Спустя три года, Никитинъ снова доставилъ въ редакцію «Воронежскихъ Вѣдомостей» три новыхъ своихъ стихотворенія: «Русь», «Съ-тѣхъ-поръ, какъ міръ нашъ необъятный...» и «Поле», при письмѣ, въ которомъ, между-прочимъ, было сказано: «Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечётъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ-быть, я ничтожный ремесленникъ. Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою моё одинокое, незавидное существованіе. Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать тёплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть-можетъ, мою любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы назовёте плодомъ раздражоннаго воображенія и смѣшною претензіею выдти изъ той сферы, въ которою я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ — или моё значенье, или одну ничтожность, моё нравственное быть или не быть.» Редакторъ «Воронежскихъ Вѣдомостей» напечаталъ стихотвореніе «Русь» и принялъ горячее участіе въ его авторѣ, вслѣдствіе чего Никитинъ былъ радушно принятъ воронежскимъ образованнымъ обществомъ въ свою среду и прославленъ, какъ нарождающійся талантъ. Тогда, ободрённый общимъ вниманіемъ и громкими похвалами своихъ поклонниковъ, Никитинъ съ новымъ рвеніемъ взялся за перо и написалъ цѣлый рядъ весьма граціозныхъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній его музы; напримѣръ: «Жена ямщика», «Ночлегъ извощиковъ», «Зимняя ночь въ деревнѣ», «Измѣна», «Ссора», «Зашумѣла, разъигралась...» и «Утро на берегу озера». Въ 1856 году графъ Д. И. Толстой, заинтересованный какъ стихами Никитина, такъ и его личностью, задумалъ познакомить русскую публику съ музой молодого самоучки-поэта; но изданныя имъ въ томъ же году «Стихотворенія Ивана Никитина» не имѣли желаннаго успѣха: публика отнеслась къ нимъ довольно-холодно, а журналистика встрѣтила ихъ даже больше, чѣмъ не благосклонно. Въ 1858 году Никитинъ издалъ въ Москвѣ поэму «Кулакъ». На этотъ разъ журналы отозвались о стихахъ нашего поэта гораздо благосклоннѣе, а «Атеней» даже призналъ его поэму за одно изъ «лучшихъ литературныхъ явленій послѣдняго времени». Въ 1859 году Никитинъ выпустилъ свои стихотворенія вторымъ изданіемъ, причёмъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались передѣланными противъ изданія 1856 года, а другія, болѣе слабыя, были вовсе исключены; но и эти передѣлки и исключенія не сдѣлали критику болѣе снисходительной къ музѣ Никитина: она по прежнему утверждала, что въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго: что всё они напоминаютъ то Пушкина, то Тютчева, то Майкова, то Кольцова; что поэтическаго таланта въ нёмъ очень мало. Всё это отчасти справедливо; но, тѣмъ не менѣе, у Никитина есть нѣсколько стихотвореній, быть-можетъ и навѣянныхъ произведеніями нашихъ великихъ поэтовъ, но всё же очень хорошихъ, которыя мы и помѣщаемъ въ нашемъ изданіи.

Никитинъ умеръ 16-го октября 1861 года, въ Воронежѣ, на 37-мъ году отъ рожденья. Тѣло его погребено на городскомъ кладбищѣ, не далеко отъ могилы Кольцова.

По смерти Никитина всё имъ написанное было собрано г. Курбатовымъ и издано имъ въ 1869 году въ Воронежѣ въ двухъ томахъ. Послѣднее же и самое полное изданіе сочиненій Никитина, сдѣлано г. Де-Пуле, отпечатавшимъ его въ 1878 году въ Москвѣ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Сочиненія И. С. Никитина, съ портретомъ, facsimile и біографіей, составленной и вновь исправленной М. Ѳ. Де-Пуле.»

I.

СОХА.

Ты, соха ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумна пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.

Про тебя и вспомнить некому!
Что жь молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идётъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужика рука желѣзная —
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зелёная,
Полынь дикая качается:
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужь и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена.

II.

НИЩІЙ.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходятъ съ сумою,
Христа ради на помощь зовётъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрёшь ты безъ крова зимой —
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій —
Не пойдётъ онъ просить подъ окномъ:
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днёмъ.

Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безъисходной тоскѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

Въ землю зёрна по смерть онъ бросаетъ,
По смерть жнётъ, а нужда продаётъ;
О нёмъ облако слёзы роняетъ
Про тоску его буря поётъ.

III.

Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь не весёлая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонёкъ, замерла.

Что же? усни моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землёю придавится:
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убыль его никому не больна!
Память о нёмъ никому не нужна!

Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная,
Гостья погоста, пѣвунья залётная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается...
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! о жизни покончeнъ вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсень, ни слёзъ!

IV.

ДѢДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ какъ лунь; на лбу морщины;
Съ испитымъ лицомъ...
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своёмъ.

Всё прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живётъ:
Старъ и онъ и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнётъ!

Старику не много надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя —
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу —
Въ тёмный уголокъ.
Гдѣ же черпалъ эту силу
Бѣдный мужичёкъ?

—

Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.

Григорій Петровичъ Данилевскій, авторъ романовъ «Бѣглые въ Новороссіи» и «Девятый валъ», извѣстныхъ въ Россіи и переведённыхъ на нѣмецкій языкъ, родился 14-го апрѣля 1829 года въ имѣніи своей тётки по отцу въ селеньи Даниловкѣ, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, а дѣтскіе годы провёлъ частью въ зміевскомъ имѣніи дяди, селѣ Пришибѣ, близъ Донца, частью въ смежномъ отцовскомъ выселкѣ.

Получивъ первоначальное воспитаніе дома, Данилевскій продолжалъ его въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ и окончилъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата и награжденіемъ серебряною медалью за представленное имъ сочиненіе на тэму «О Пушкинѣ и Крыловѣ». Прослуживъ около восьми лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи чиновника особыхъ порученій, онъ вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ 1857 году въ отставку и прожилъ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ въ Харьковѣ и въ родовомъ имѣніи отца, причёмъ въ теченіе этого времени прошолъ службу по выборамъ, какъ членъ зміевскаго училищнаго совѣта, гласный харьковскаго губернскаго земскаго собранія и членъ харьковской губернской земской управы. Избранный въ 1867 году въ почётные мировые судьи Зміевскаго уѣзда, Данилевскій предполагалъ заняться адвокатурой и въ 1868 году уже былъ утверждёнъ присяжнымъ повѣреннымъ харьковскаго судебнаго округа, когда въ Петербургѣ возникла мысль объ изданіи «Правительственнаго Вѣстника», причёмъ ему было предложено, а имъ принято мѣсто помощника его главнаго редактора, которое онъ и занимаетъ съ-тѣхъ-поръ по настоящее время.

Писать, какъ стихи, такъ и прозу, Данилевскій началъ очень рано, именно — еще во время пребыванія своего въ стѣнахъ института; по вступленіи же въ университетъ произведенія его весьма скоро стали появляться на страницахъ «Звѣздочки», почему напечатанныя въ 12-й книжкѣ этого дѣтскаго журнала на 1847 годъ статья «Пещера тигровъ» и стихотвореніе «Брату» могутъ быть названы первыми плодами досуга начинавшаго писателя, явившимися въ печати. Хотя, благодаря своей крайней слабости, оба названныя произведенія прошли передъ глазами критики и публики совершенно незамѣченными, тѣмъ не менѣе они сдѣлали своё дѣло, побудивъ молодаго писателя къ дальнѣйшей дѣятельности на поприщѣ русскаго слова, что можно заключить изъ того, что, спустя всего годъ по окончаніи университетскаго курса, онъ уже успѣваетъ сдѣлаться сотрудникомъ чуть не всѣхъ петербургскихъ журналовъ и газетъ, наводняя ихъ своими оригинальными и переводными стихотвореніями, фельетонами, корреспонденціями и множествомъ мелкихъ статей самаго разнообразнаго содержанія.

Но не долго довольствовался Данилевскій скромнымъ кругомъ своей дѣятельности въ качествѣ репортёра. Мысль написать что-нибудь болѣе значительное не давала ему покоя — и вотъ, спустя годъ, онъ является на страницахъ ноябрьской книжки «Библіотеки для Чтенія» на 1849 годъ съ большой поэмой изъ мексиканской жизни, подъ заглавіемъ «Гвая Лиръ». Но на этотъ разъ дѣло обошлось далеко не такъ мирно, какъ при появленіи въ печати его первыхъ стихотвореній, ни кѣмъ не замѣченныхъ и благополучно сошедшихъ въ Лету. Напротивъ, большинство крупныхъ журналовъ шумно обрушилось на новое произведеніе молодого писателя, причёмъ Дружининъ въ восьмомъ письмѣ «Иногороднаго Подписчика», напечатанномъ въ 11-й книжкѣ «Современника» на 1849 годъ, разобравъ довольно подробно всю поэму, заключилъ свой отзывъ слѣдующимъ хотя и довольно колкимъ, но тѣмъ не менѣе весьма простодушнымъ замѣчаніемъ: «Одинъ изъ знаменитѣйшихъ композитровъ, имѣвшій большую антипатію къ духовымъ инструментамъ, говоря о значеніи каждаго изъ нихъ въ оркестрѣ,

выразился такъ: «что же касается флейты, то, по моему мнѣнію, хуже этого инструмента можетъ быть одно только: двѣ флейты.» Я могу сказать почти тоже о новомъ произведеніи русской музы: «хуже журнальнаго стихотворенія можетъ-быть, въ наше время, одна только вещь: болѣе длинное стихотвореніе.» Что же касается рецензій на эту поэму, помѣщённыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» за 1850 годъ, явившихся въ слѣдъ за появленіемъ названной поэмы въ свѣтъ отдѣльной книжкою, то они оказались ещё болѣе рѣзкими.

Второе стихотворное произведеніе Данилевскаго, выпущенное имъ въ 1851 году отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ «Крымскія Стихотворенія», подверглось ещё большимъ нападкамъ со стороны большинства нашихъ журналовъ и газетъ, причёмъ въ 3-мъ нумерѣ «Современника» на 1851 годъ было сказано: «Имя г-на Данилевскаго, если не ошибаемся, въ послѣднее время начало довольно часто появляться въ разныхъ газетахъ и журналахъ. Онъ былъ фельетонистомъ въ одной газетѣ и писалъ путевыя впечатлѣнія по Финляндіи, гдѣ пьютъ «водку, чистую какъ слеза растроганной чухонки»; онъ переводилъ стихами Шекспира въ одномъ журналѣ; онъ напечаталъ недавно въ другомъ журналѣ длинное стихотвореніе безъ риѳмъ, которое, откровенно признаёмся, мы не совсѣмъ поняли; онъ даже отдѣльно издалъ какую-то поэму, о которой мы, кажется, говорили въ «Современникѣ», но о которой теперь не скажемъ ни слова. Г-нъ Данилевскій пишетъ преимущественно стихами — слѣдовательно онъ *поэтъ*. Но развѣ всѣ пишущіе стихами называются поэтами. Лѣтъ двадцать тому назадъ, точно титло поэта пріобрѣталось у насъ довольно легко: стоило написать пятистрочный акростихъ, чтобы прослыть поэтомъ — и тогда было несмѣтное количество поэтовъ. Но кто же теперь знаетъ о существованіи этихъ поэтовъ? Они исчезли безъ слѣдовъ,

Какъ лёгкій паръ вечернихъ облаковъ.

«Въ «Крымскихъ стихотвореніяхъ» г-на Данилевскаго мы не нашли ни поэтическихъ картинъ, ни счастливыхъ стиховъ ни поэтическихъ образовъ, ни поэтическихъ оборотовъ. Мы уже не говоримъ о содержаніи: въ его стихахъ нѣтъ никакого содержанія, ни малѣйшей самобытности.»

Затѣмъ, появленіе въ 10-й книжкѣ «Пантеона» на 1852 годъ двухъ новыхъ поэтическихъ произведеній Данилевскаго «Катулъ» и «Арабская Касида» вызвало новую бурю на голову молодого писателя, причёмъ въ одиннадцатой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1852 годъ появилась особая статья, озаглавленная такъ: «Г-нъ Данилевскій какъ классикъ и арабскій поэтъ», въ которой было между прочимъ сказано: «Г-нъ Данилевскій ещё недавно познакомилъ насъ съ геніемъ Шекспира, по переводу г. Кетчера — и мы должны были прочесть, волей-неволей, «Ричарда III» и «Цимбелина». Потомъ онъ промѣнялъ музу Шекспира на воловъ Украйны, увлёкшись малороссійскими разсказами Гоголя — и плодъ этого увлеченія «Степныя сказки» лежатъ предъ изумлённымъ читателемъ, изумлённымъ контрастами музы и воловъ, увлекающихъ г. Данилевскаго. Отъ «Степныхъ Сказокъ», казакованья и чумакованья г. Данилевскій перешолъ прямо въ классическій міръ, сѣлъ на классическаго Пегаса, далъ ему учоныя шпоры въ бока и помчался къ берегамъ Тибра — туда, туда, въ языческую древность. Передавъ намъ Шекспира и эллинскую поэзію, выучивъ насъ пѣснямъ чумаковъ и гарцованью казаковъ, выжавъ для насъ лучшій сокъ изъ Катула и римской поэзіи, г. Данилевскій затѣмъ знакомитъ насъ съ арабской поэзіею, съ арабской касидою, съ арабскимъ стихомъ, съ арабскимъ взглядомъ на коня и на людей.»

Несмотря на всю рѣзкость приведённыхъ нами выше журнальныхъ отзывовъ, направленныхъ противъ поэтической дѣятельности г. Данилевскаго, они тѣмъ не менѣе принесли свою долю пользу начинающему писателю, заставивъ его во́ время отказаться отъ поэзіи и перейти окончательно къ прозѣ, которая впослѣдствіи доставила ему почётную извѣстность романиста, которою онъ совершенно справедливо пользуется въ настоящее время. Что-же касается его стихотворныхъ переводовъ съ малороссійскаго и иностранныхъ языковъ, то изъ нихъ можно указать на «Украинскія сказки», выдержавшія четыре изданія, что уже одно говоритъ въ ихъ пользу, и весьма удачное переложеніе шиллерскаго «Resignation» на русскій языкъ, сдѣланное имъ для «Полнаго Собранія Сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей» и замѣченнаго всѣми любителями поэзіи.

И такъ всѣ изложенныя выше неудачи заставили Данилевскаго отказаться отъ поэзіи и обратиться къ прозѣ. Однимъ изъ первыхъ разсказовъ Данилевскаго, обратившихъ на себя вниманіе критики и публики, была «Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисараѣ», появившаяся въ первый разъ въ 8-й книжкѣ «Современника» на 1852 годъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ же разсказовъ, почерпнутыхъ изъ украинскаго быта, со-

бранныхъ впослѣдствіи въ одну книгу и изданныхъ подъ названіемъ «Слобожане». Здѣсь уже встрѣчается нѣсколько небольшихъ разсказовъ весьма поэтическихъ по вымыслу, изящныхъ по изложенію и полныхъ правдиваго мѣстнаго колорита. Словомъ, дарованіе молодого писателя сказалось въ этомъ небольшомъ сборникѣ со всѣми его характеристическими особенностями. Конечно, авторъ не психологъ; внутренняго, душевнаго анализа искать у него нѣчего; но подъ простымъ и, повидимому, даже поверхностнымъ разсказомъ скрывалось знаніе человѣческаго сердца и весьма чуткое отношеніе къ жизненной правдѣ. Вслѣдъ за этими первыми шагами на поприщѣ беллетристики, повѣсти и разсказы Данилевскаго стали появляться всё чаще и чаще на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», «Современника», «Времени», «Эпохи», «Свѣточа», «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ и завоевали, въ концѣ-концовъ, подобающее имъ мѣсто въ русской литературѣ. Изъ числа этихъ разсказовъ, какъ на лучшія, укажемъ на «Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича» и «Екатерина Великая на Днѣпрѣ» («Библіотека для Чтенія», 1856 и 1858), «Село Сорокопàновка» («Современникъ», 1859), «Разсказъ прабабушки» и «Лейбъ-кампанецъ» («Русскій Вѣстникъ», 1870 и 1871), «Бабушкинъ рай» («Складчина на 1874 годъ») и «Потёмкинъ на Дунаѣ» («Вѣстникъ Европы», 1878). Главнѣйшее достоинство почти всѣхъ повѣстей Григорія Петровича это — правдивость самой ихъ фабулы. Не смотря на тò, что она бываетъ у него часто очень сложна, тѣмъ не менѣе вы чувствуете ея правдивость, сознаёте, что выдуманнаго, сочинённаго въ разсказѣ ни чего нѣтъ и что авторъ не гоняется за внѣшними эффектами, ради которыхъ весьма часто приходится жертвовать правдою изложенія. Это-то искренное, подчасъ даже переходящее въ наивность отношеніе къ жизни и описываемымъ явленіямъ и составляетъ лучшую сторону таланта Данилевскаго.

Въ 1866 году Григорій Петровичъ собралъ въ отдѣльное изданіе, подъ заглавіемъ «Украинская старина», нѣсколько статей по исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Въ сборникѣ этомъ помѣщены біографіи: украинскаго философа Сковороды, основателя харьковскаго университета Каразина и малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко. Это послѣднее сочиненіе удостоилось въ 1868 году уваровской преміи Академіи Наукъ.

Но не эти небольшія, хотя и талантливыя вещи составляютъ главную заслугу Данилевскаго, доставивъ ему замѣтное мѣсто среди современныхъ русскихъ беллетристовъ. Его литературная репутація основывается на двухъ большихъ романахъ: «Бѣглые въ Новороссіи» и «Бѣглые воротились», изданныхъ впослѣдствіи подъ общимъ названіемъ «Воля». Эти два романа рисуютъ намъ недавнюю исторію Новороссійскаго Края, его заселенія и нравовъ, его обитателей — исторію, первое слово которой было сказано ещё въ далёкую эпоху существованія Запорожской Сѣчи, а послѣднее произнесено съ изданіемъ манифеста объ уничтоженіи крѣпостной зависимости. Съ незапамятныхъ времёнъ Новороссійскій Край былъ обѣтованной землёй для всего того, чтò не уживалось съ родными порядками и бѣжало сюда отъ горькой, тяжолой жизни, чтобъ хоть разъ вздохнуть передъ смертью вольной грудью, свободнымъ воздухомъ. Новороссія того времени была для всей обширной Руси тѣмъ же, чѣмъ для Англіи, въ первую эпоху колонизаціи Сѣверной-Америки, были Висконсинъ и Пенсильванія. Весь контингентъ новороссійскихъ бѣглецовъ состоялъ исключительно изъ крестьянъ и дворовыхъ, бѣжавшихъ отъ одного общаго горя — рабства. Какъ эмигранты всѣхъ времёнъ и народовъ, и наши бѣглецы были также людьми энергичными и далко недюжинными; но переходъ для нихъ отъ полной зависимости къ самой широкой свободѣ былъ уже слишкомъ рѣзокъ и потому не мудрено, что въ первое время они какъ бы пьянѣли и, хлопоча о защитѣ своихъ правъ, зачастую переходили къ безграничному самоуправству и произволу, отъ котораго сами же бѣжали, кинувъ всё имъ дорогое и родное? Конечно, нечего и говорить, что нравы бѣглыхъ, какими описываетъ ихъ авторъ, были дики и грубы, причёмъ грабежи, поджоги и насилія совершались одно за другимъ и безсильная мѣстная администрація принуждена была терпѣть такой порядокъ вещей, справедливо сознавая, что измѣнить его не въ состояніи. Но эти же бродяги, у которыхъ на душѣ каждаго было часто не одно преступленіе, оставались людьми способными на горячую преданность, самоотверженную дружбу, для доказательства которой они не задумывались жертвовать самой жизнью. Правда, «Бѣглыхъ въ Новороссіи» нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ слова — романомъ, такъ-какъ того, что принято называть фабулой, интригой произведенія, въ романѣ почти нѣтъ и слѣда. Сюжетомъ ему служатъ лишь жизнь и нравы этихъ бѣглыхъ, да ещё художественное описаніе окружающей ихъ обстановки: за-то эта жизнь изображена

весьма яркими и правдивыми красками, а типы собранные въ этомъ романѣ, представляютъ цѣлую вереницу хорошо очерченныхъ портретовъ.

«Бѣглые воротились» — служитъ продолженіемъ этому роману, хотя въ нёмъ являются на сцену совершенно новыя дѣйствующія лица. Среди бѣглаго населенія Новороссіи, стали ходить сначала тёмные, а потомъ всё болѣе и болѣе опредѣлённые слухи о томъ, что приходитъ конецъ крестьянскому рабству, что скоро всѣ будутъ свободны. Зашевелилась, поднялась Новороссія и, какъ общее, единодушное желаніе всѣхъ бѣглецовъ, сказалась мысль — снова вернуться на родину, теперь уже вольную, освобождённую. Но добровольное возвращеніе къ прежнимъ помѣщикамъ не удалось, такъ-какъ воля въ моментъ ихъ возвращенія ещё не была объявлена, вслѣдствіе чего произошли столкновенія съ помѣщиками и властью, окончившіяся весьма печально для возвратившихся.

Въ общемъ романъ «Бѣглые воротились» нѣсколько слабѣе перваго романа и именно потому, что авторъ, при его сочиненіи, не удовольствовался простою передачею жизни описываемой имъ среды, а присоединилъ къ ней ещё чисто романическую, нѣсколько сантиментальную интригу любви.

Къ этимъ двумъ романамъ Данилевскій присоединилъ впослѣдствіи третій «Новыя мѣста», также посвященный описанію новороссійскаго края, но взятый изъ другой сферы — не бѣглыхъ крестьянъ, а тамошней администраціи и дворянства Сюжетъ его довольно широкій, но вполнѣ исключительный и совсѣмъ не подходящій къ содержанію романа, вслѣдствіе чего онъ оказался несравненно слабѣе двухъ предыдущихъ.

Послѣднимъ произведеніемъ Григорія Петровича былъ большой романъ изъ современной жизни: «Девятый валъ», сначала напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» на 1874 годъ, а потомъ вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ. Нельзя не пожалѣть, что критика наша обратила такъ мало вниманія на это во всякомъ случаѣ выдающееся произведеніе, въ которомъ авторъ возвышается до вполнѣ правильнаго взгляда на современныя явленія нашей соціальной жизни и смѣлой, опытной кистью набрасываетъ картины провинціальнаго быта. Современныя стремленія къ исключительно практической дѣятельности, жажда быстрой наживы, хотя бы и тёмными, преступными путями, вліяніе вѣка, сказывающееся въ семейныхъ отношеніяхъ — всё это не забыто авторомъ въ своёмъ произведеніи, въ которомъ, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ картинки современной жизни. Если же картинки эти весьма часто отрывочны и лишь случайно связаны между собою, то въ этомъ виноватъ не авторъ, а сама жизнь наша, не создавшая еще до-сихъ-поръ ничего полнаго, прочнаго и устойчиваго.

Въ послѣднее время Данилевскій приготовилъ къ печати новый большой романъ, подъ заглавіемъ «Мировичъ», который явился въ «Вѣстникѣ Европы» текущаго 1879 года.

Изъ сочиненій Данилевскаго были изданы отдѣльно слѣдующія: 1) Гвая Лиръ или мексиканскія ночи. Поэма. Спб. 1849. 2) Жизнь и смерть короля Ричарда III. Драма Шекспира. Переводъ съ англійскаго Г. Данилевскаго. Спб. 1850. 3) Цимбелинъ. Драма Шекспира. Переводъ Г. Данилевскаго. Спб 1851. 4) Крымскія стихотворенія Г. П. Данилевскаго. Спб. 1851. 5) Степныя сказки. Спб. 1852. 6) Слобожане. Малороссійскіе разсказы. Спб. 1854. 7) Основьяненко. Спб. 1856. 8) Изъ Украйны. Сказки и Повѣсти. Три тома. Спб. 1860. 9) Украинскія сказки для дѣтей. Спб. 1863. 10) Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. Т. I. Бѣглые въ Новороссіи. Т. II. Бѣглые воротились. Спб. 1864. 11) Украинская старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Харьковъ. 1866. 12) Новыя мѣста. Романъ. М. 1867. 13) Новыя сочиненія Г. П. Данилевскаго. Два тома. Спб. 1868. 14) Девятый валъ. Романъ. Спб. 1874. 15) Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Четыре тома. Спб. 1878.

СНѢГУРКА.

Жилъ да былъ старикъ съ старухой;
Не давалъ Господь имъ дѣтокъ —
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба;
А на улицѣ надъ рѣчкой
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
Вотъ и спрашиваетъ баба:
«Не пойти ли, человѣче,
«Намъ на улицу съ тобою?»
— «А и въ самомъ дѣлѣ, баба!»
Отвѣчаетъ дѣдъ на это.
И шары лѣпить изъ снѣгу
Начинаютъ дѣдъ и баба.
«Что вы дѣлаете, старцы?»
Молвитъ, кланяясь, прохожій
Старый, дряхлый, съ бородою.
— «Лѣпимъ дитятко!» съ усмѣшкой,
Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.

«Помогай же Богъ вамъ, старцы!»
Молвитъ, кланяясь, прохожій —
И за рѣчкой исчезаетъ.
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
Тёплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись —
И красавица Снѣгурка,
Отряхая мягкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась какъ живая.
«Крошка!» молвила старуха:
«Будь отнынѣ нашей дочкой!»
И, въ тулупъ закутавъ тёплый,
Унесла Снѣгурку въ хату.
Вотъ идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, а по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
Осмотрѣться, оглядѣться,
Стала дѣвочкой-рѣзвушкой
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Справить ей на косы ленты,
А на шубку позументы,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая Снѣгурка.
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота.
Всѣмъ была она красотка,
Только вовсе безъ румянцу,
Безъ одной кровинки въ тѣлѣ;
Да ещё бывала рада
Тучамъ, будто милымъ сёстрамъ,
Вольнымъ бурямъ и мятелямъ,
Будто сватьямъ да золовкамъ,
А туману, словно брату.
Бокогрѣй-февраль спустился,
Потянулъ весенній вѣтеръ
И затаяли потоки.
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая Снѣгурка.
Разъ зарёю ранней было,
Вешнихъ водъ струи сбѣгали.
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
«Посмотри, какою павой
Выступаетъ наша дочка!»
А красавица Снѣгурка
Отъ рѣки, промежъ заборовъ,
Коромысло взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась —
И тихонько стала таять,
Стала таять, словно свѣчка:
Заклубилась лёгкимъ паромъ,
Тихо въ облачко свернулась
И разсѣялась въ лазури.

—

П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

Пётръ Исаевичъ Вейнбергъ, русскій современный писатель и переводчикъ Шекспира и Гейне, родился въ 1830 году въ городѣ Николаевѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ извѣстномъ одесскомъ пансіонѣ Золотова — впослѣдствіи автора всѣмъ извѣстныхъ педагогическихъ сочиненій. Затѣмъ продолжалъ его въ одесской гимназіи, по окончаніи полнаго курса въ которой, поступилъ въ Ришельевскій лицей, на юридическій факультетъ, но за полгода до окончанія курса оставилъ его и перешолъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, въ которомъ на этотъ разъ и окончилъ курсъ въ 1855 году, со степенью кандидата. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ Симбирскѣ и напечатавъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года нѣсколько небольшихъ стихотвореній, онъ переѣхалъ въ 1858 году на жительство въ Петербургъ, а въ 1868 году снова оставилъ его и переселился въ Варшаву, гдѣ получилъ мѣсто профессора исторіи всеобщей литературы въ тамошней Главной Школѣ (нынѣ Варшавскій университетъ). Послѣднюю должность занималъ онъ до начала 1873 года. Въ настоящее время Вейнбергъ въ отставкѣ и проживаетъ снова въ Петербургѣ, гдѣ занимается чтеніемъ лекцій исторіи всеобщей и русской литературы въ женскихъ педагогическихъ курсахъ.

На литературное поприще Вейнбергъ выступилъ въ 1854 году съ книжкой своихъ стихотвореній, изданной въ Одессѣ, въ составъ которой вошло нѣсколько его оригинальныхъ и переводныхъ сти-

хотвореній (въ томъ числѣ переводъ одной изъ юношескихъ поэмъ лорда Байрона «Оскаръ Д'Альва»), не представляющихъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. По переѣздѣ же въ 1858 году въ Петербургъ, онъ сталъ помѣщать свои оригинальныя и переводныя стихотворенія сначала въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Иллюстраціи» и «Искрѣ», а потомъ въ «Современникѣ», «Будильникѣ» и другихъ журналахъ. Въ 1860 году Вейнбергъ, вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ, предпринялъ изданіе еженедѣльнаго журнала «Вѣкъ», продолжавшагося всего одинъ годъ и прекратившагося по недостатку въ подписчикахъ. Здѣсь Вейнбергъ помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, пародій, подписанныхъ псевдонимомъ Гейне изъ Тамбова, и прозаическихъ статей, подписанныхъ также псевдонимомъ, составляющимъ переводъ имени и фамиліи автора: Камень Виногоровъ (Pierre Weinberg). По прекращеніи «Вѣка», Пётръ Исаевичъ сталъ снова печатать почти во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ свои переводы изъ Гейне, Фаллерслебена, Гервега, Шамиссо, Ленау, Гуцкова и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ.

Въ 1864 году Вейнбергъ принялся за переводъ Шекспира и въ теченіи трёхъ лѣтъ перевёлъ девять его пяти-актныхъ пьесъ, изъ которыхъ трагедіи: «Отелло», «Король Генрихъ VIII» и «Тимонъ Аѳинскій» были напечатаны въ первый разъ въ 4-й и 5-й книжкахъ «Библіотеки для Чтенія» за 1864 годъ и 8-мъ и 10-мъ нумерахъ «Современника» того же года, а комедіи «Венеціянскій купецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно», «Конецъ—всѣму дѣлу вѣнецъ», «Виндзорскія проказницы», «Комедія ошибокъ» и «Безплодныя усилія любви» въ «Шекспирѣ въ переводѣ русскихъ писателей». Кромѣ поименованныхъ здѣсь девяти драматическихъ произведеній Шекспира, Вейнбергъ перевёлъ ещё слѣдующія драматическія произведенія: Байрона — «Сарданапалъ» («Байронъ въ переводахъ русскихъ поэтовъ»), Шелли — «Ченчи» («Дѣло»), Гутцкова — «Уріэль Акоста» («Отечественныя Записки» 1872, № 2, 11 и 12), комедіи: Шеридана — «Школѣ злословія», Коппе — «Двѣ судьбы» («Отечественныя Записки» 1874, № 10 и 1875, № 12), поэмы: Гейне — «Іуда Бенгалеви» и «Бимини» («Отечественные Записки», 1870, № 2 и 4), Лонгфелло — «Евангелина», Ленау — «Жижка» и другія, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1869 и 1870 годовъ. Наконецъ, Вейнбергъ издалъ сочиненія Гёте и Гейне въ русскихъ переводахъ, первыя въ шести, а вторыя въ двѣнадцати томахъ. Изъ большихъ же статей Вейнберга можно указать ещё на «Людвига Бёрне» («Современникъ», 1864, №№ 1) «Менцеля — французоѣда» («Русское Слово», 1864, № 4) и «Посмертныя Сочиненія Гейне» («Отечественныя Записки», 1870, № 1). Изъ оригинальныхъ стихотвореній серьёзнаго содержанія, которыхъ Вейнбергъ написалъ не много, три лучшія напечатаны въ предлагаемомъ изданіи; что же касается сатирическихъ и шуточныхъ его пьесъ, которыхъ онъ написалъ великое множество, то для интересующихся ими мы можемъ сказать только, что они печатались въ «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Вѣкѣ» и, преимущественно, въ «Искрѣ», куда мы и отсылаемъ всѣхъ, желающихъ съ ними познакомиться. Лучшія же изъ нихъ напечатаны въ предлагаемомъ изданіи.

Впрочемъ, извѣстность Вейнберга въ литературѣ нашей, какъ поэта, зиждется не на оригинальныхъ его произведеніяхъ, а на стихотворныхъ переводахъ съ англійскаго и нѣмецкаго языковъ, которые пріобрѣли ему почётное мѣсто среди русскихъ переводчиковъ. Переводы его, независимо отъ звучнаго и всегда правильнаго стиха, отличаются замѣчательною вѣрностью духу и буквѣ подлинника. Нѣкоторыя изъ его переводовъ изъ Гейне, Ленау (напримѣръ — поэма «Жижка»), Фаллерслебена, Гервега и нѣкоторыхъ другихъ немецкихъ поэтовъ — превосходны, а комедіи Шекспира «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно» и «Комедія Ошибокъ» могутъ быть поставлены въ примѣръ всѣмъ переводчикамъ Шекспира. Къ сожалѣнію, современная критика не обратила на нихъ никакого вниманія и прошла молча мимо всѣхъ девяти его переводовъ — девяти лучшихъ трагедій и комедій величайшаго изъ поэтовъ.

I.

ИЗЪ «СОЖЖОННЫХЪ ПИСЕМЪ».

1.

Когда мы сходимся въ гостиной,
И я, участвуя съ другими наравнѣ,
Въ бесѣдѣ церемонно-чинной,
Такъ говорю съ тобой, какъ-будто ты и мнѣ,
Какъ и другимъ, знакомая простая —
Когда, постыдную комедію играя,
Я говорю тебѣ холодныя слова,
Межь-тѣмъ какъ кровь кипитъ, пылаетъ голова

И рвутся изъ груди неодолимо звуки
И счастья вѣчнаго и безконечной муки,
Когда передъ людьми я мужу твоему
Съ улыбкою Іуды руку жму,
Когда ещё полна святого обаянья
Невыразимыхъ чаръ недавняго свиданья,
Въ таинственной тиши, со мной наединѣ,
Съ улыбкой свѣтскою подходишь ты ко мнѣ,
Когда мы вѣжливо прощаемся съ тобою
И уѣзжаешь ты съ другимъ,
Его законною рабою,
Оставивши меня съ мученіемъ моимъ —
О, въ эти гнусныя мгновенья
Позорно-лицемѣрной лжи,
Мои порывы озлобленья
Ты понимаешь ли, скажи?
Ты слышишь ли, что эта злоба
Не противъ общества? О, нѣтъ!
Разъ навсегда создалъ свои законы свѣтъ
И твёрдо ихъ блюдётъ. Нѣтъ, только мы, мы оба
Мнѣ возмутительны ничтожествомъ своимъ,
Трусливой робостью, съ которой мы стоимъ
Въ цѣпяхъ неволи, сознавая
Нашъ нескончаемый позоръ
И только сердцемъ возставая
На жосткій свѣта приговоръ,
Тупой выносливостью боли,
Безсильемъ стать на новый путь
И комедьянтовъ жалкихъ роли
Съ себя презрительно стряхнуть.

2.

Каждый разъ, какъ только въ сердце,
Въ сердце я твоё взгляну —
Вижу солнце, вижу розы,
Вижу свѣтлую весну.
Каждый разъ, какъ ты запрёшься
Въ строгой логикѣ ума —
Предо мной и снѣгъ и холодъ
И мертвящая зима.
Ахъ, дитя моё, на свѣтѣ
Зябну я и безъ того;
Что жь ты прячешь въ мозгъ холодный
Солнце сердца твоего?

II.

Никакъ не пойму я разгадки печально-мудрёной!
Ликуетъ и блещетъ природа въ одеждѣ зелёной:
Въ ней щедро разлиты всѣ чары роскошнаго лѣта,
Въ ней столько сокровищъ тепла и лазурнаго свѣта.
Но — странное дѣло — въ такую чудесную пору
Тоскливо и тщетно дыханіе ищетъ простору,
Свинцовая тяжесть ложится на душу сурово,
На сжатыхъ губахъ замираетъ свободное слово
И слышится уху — какіе-то странные крики
Несутся отвсюду, зловѣщи, отчаянны, дики,
И видится глазу — какіе-то гадкіе люди
Хохочутъ и топчутъ высокія, мощныя груди,
И губятъ, и давятъ, и — чорствы, заносчивы, тупы —
Съ проклятіемъ грознымъ садятся на бѣдные трупы.
А лѣто ликуетъ и блещетъ въ одеждѣ зелёной.
Никакъ не пойму я загадки печально-мудрёной!

III.

ДВѢ СВАДЬБЫ.

Залита огнями церковь; блещутъ роскошью наряды;
Всюду праздничныя лица и торжественные взгляды.
Представители бомонда живописно-пёстрымъ роемъ
Собрались вокругъ стоящихъ передъ свадебнымъ налоемъ.
Устремились зорко взоры всей толпы щеголеватой
На виновниковъ счатливыхъ свадьбы знатной и богатой:
Онъ — старикъ гнилой и дряхлый, еле-ходитъ, еле дышетъ;
Въ ней всё жизнью молодою такъ и брызжетъ, такъ и пышетъ.
Онъ глядитъ сатиромъ гадкимъ на пурпуровыя губки,
На роскошнѣйшія плечи и въ восторгѣ отъ покупки;
А покупка — вся подъ гнётомъ скорби тяжкой и унылой,
И стоитъ она какъ-будто передъ мрачною могилой.
Конченъ весь обрядъ вѣнчальный. Хоръ весёлыхъ поздравленій
Молодыхъ встрѣчаетъ шумно — и чрезъ нѣсколько мгновеній
Экипажъ великолѣпный мчитъ въ квартиру щегольскую
Гниль отжившую и съ нею жизнь цвѣтуще-молодую.
«Жертва бѣдная!» шепчу я съ чувствомъ грусти и досады:
«Продала ты противъ воли красоту свою и силу —
И нашла въ позорномъ бракѣ безысходную могилу;
Въ раззолоченной могилѣ ты угаснешь одиноко —
И никто въ блестящемъ свѣтѣ не замѣтитъ, какъ глубоко
Ты страдала, какъ томилась безпощадно, ядовито,
Сколько слёзъ на шолкъ и бархатъ изъ очей твоихъ пролито.»

Такъ скорбѣлъ я, бѣдной жертвѣ много горя предвѣщая.
Въ это время въ церковь свадьба появляется другая.
Люди бѣдные, какъ видно. Приглашонныхъ очень мало;
Всѣ безъ свѣтской политуры, всѣ одѣты какъ попало;
Но женихъ такъ свѣжъ и молодъ; онъ съ такой надеждой ясной
Руку далъ своей невѣстѣ, то же юной и прекрасной,
И глядятъ въ глаза другъ другу такъ свѣтло и прямо оба,
Что съ души моей спадаетъ и уныніе и злоба —
И шепчу я: «будетъ ясенъ путь вашъ скромный и нешумный;
Будетъ вамъ опорой вѣчный трудъ здоровый и разумный;
Ваша преданность другъ другу и взаимное участье
Мнѣ ручаются за ваше продолжительное счастье.»

Года три прошло. Я снова встрѣтилъ обѣ пары эти:
Та, которой я пророчилъ столько слёзъ — блистала въ свѣтѣ,
Беззаботно толковала про гулянья и наряды,
На развалину-супруга очень ласковые взгляды
Устремляла и я слышалъ, какъ вокругъ меня твердили:
«Вотъ счастливица!» И правду эти люди говорили:
Бракъ, сулившій столько горя, столько муки и позора,
Въ бракъ спокойный и завидный превратился очень скоро —
И слѣды гнуснѣйшей купли и постыднѣйшей продажи
Уничтожили на-вѣки деньги, платья, экипажи.
Но за-то другая пара — та, которой обѣщало
Всё спокойную дорогу, та, въ которой всё дышало
Свѣжей жизнью, дружной силой, безпредѣльнымъ упованьемъ —
Какъ она перемѣнилась подъ безвыходнымъ страданьемъ!
На ихъ лицахъ исхудалыхъ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ
Я читалъ разсказъ о долгой и губящей душу мукѣ,
О борьбѣ съ трудомъ и ложью, объ утратѣ вѣры ясной
Въ жизнь, которая казалась имъ цвѣтущей и прекрасной.
Эти вѣчныя невзгоды, эти вѣчныя мученья
Отравили оба сердца горькимъ ядомъ озлобленья
И изъ устъ, что такъ недавно про любовь свою шептали,
Только мрачныя проклятья безпощадно вылетали.

—

В. С. КУРОЧКИНЪ.

Василій Степановичъ Курочкинъ, талантливый русскій поэтъ-сатирикъ, редакторъ «Искры» во всё время ея существованія и лучшій изъ русскихъ переводчиковъ Беранже, родился 28-го іюля 1831 года въ Петербургѣ. Призваніе къ литературѣ обнаружилось въ нёмъ ещё въ раннемъ дѣтствѣ. На седьмомъ году онъ самъ, безъ учителя, выучился читать, съ восьми — проводилъ буквально цѣлые дни за чтеніемъ, а десяти лѣтъ уже сочинялъ, причёмъ первымъ опытомъ его въ сочинительствѣ были три комедіи въ стихахъ, написанныхъ въ подражаніе всему тому, чтò онъ вычиталъ по этой части на страницахъ издававшихся въ то время «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго и «Репертуара» и «Пантеона» Кони. Въ 1841 году Курочкинъ былъ опредѣлёнъ въ 1-й Кадетскій корпусъ, въ которомъ оставался до 1846 года, когда былъ переведёнъ въ Дворянскій полкъ, откуда, спустя два года, былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Гренадерскій принца Евгенія Виртембергскаго полкъ. Не чувствуя рѣшительно никакого расположенія къ военной и особливо къ фрунтовой службѣ, онъ тѣмъ не менѣе промыкался въ ней около трёхъ лѣтъ, проведя изъ нихъ съ годъ на гауптвахтѣ, куда попалъ по суду за самовольное оставленіе своего взвода, возвращавшагося съ парада на Царицыномъ Лугу, чтò было замѣчено императоромъ Николаемъ.

Къ этому времени относится сочиненіе Курочкинымъ первой своей сатиры «Путешествіе хромого бѣса въ Старую-Руссу», оставшейся не напечатанной. Выпущенный изъ крѣпости, куда онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ по приговору полевого военнаго суда, онъ порѣшилъ или попытаться вступить въ Военную Академію, для полученія высшаго образованія, или — въ случаѣ неудачи — совсѣмъ оставить военную службу. Но для осуществленія перваго изъ этихъ предположеній слѣдовало, во-первыхъ, получить отпускъ, съ правомъ на жительство въ Петербургѣ, а во-вторыхъ добыть себѣ средства къ существованію въ столицѣ. Такъ-какъ перваго ему не давали, а вторыхъ добыть было негдѣ, то ему, совершенно здоровому и жаждавшему жизни молодому человѣку, ничего болѣе не оставалось, какъ лечь на цѣлый почти годъ въ госпиталь, въ ожиданіи того счастливаго мгновенья, когда дѣло о пріёмѣ его въ академію или о выпускѣ въ отставку придётъ къ вожделѣнному концу. Съ этою цѣлью онъ поступилъ во второй военно-сухо-

путный госпиталь, гдѣ сталъ готовиться къ экзамену. Единственнымъ его развлеченіемъ за всё это время, какъ и на гауптвахтѣ, были ежедневныя посѣщенія брата его, Николая Степановича, который состоя въ это время вольно-слушателемъ Медицинской Академіи, нарочно поселился противъ госпиталя. Но, несмотря на всѣ хлопоты, поступить въ Военную Академію Василію Степановичу не удалось; всё же дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ увольненъ въ отставку съ чиномъ провинціальнаго секретаря, XIII-го класса. Тогда, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, хотя стихи его уже съ годъ какъ печатались во многихъ журналахъ безъ вознагражденія, онъ принуждёнъ былъ подумать о службѣ — и опредѣлился въ существовавшій тогда департаментъ ревизіи отчётовъ, въ вѣдомство Путей Сообщенія, съ жалованьемъ чуть ли не по 14 рублей въ мѣсяцъ, которымъ онъ и долженъ былъ довольствоваться въ теченіи почти двухъ лѣтъ, вплоть до полученія штатнаго пятидесятирублёваго мѣста. Въ госпиталѣ Курочкинъ писалъ очень много и, между-прочимъ, сочинилъ цѣлый романъ, подъ заглавіемъ «Увлеченіе», который, не смотря на всѣ хлопоты автора и достоинства текста, не былъ принятъ ни въ одинъ журналъ и такимъ образомъ остался ненапечатаннымъ, какъ равно и переводъ «Мизантропа» Мольера, который также ни одна изъ существовавшихъ тогда редакцій не сочла удовлетворительнымъ и достойнымъ напечатанія.

Только начиная со второй половины 1854 года стихотворенія Курочкина стали появляться въ нѣкоторыхъ мало-распространённыхъ петербургскихъ журналахъ и газетахъ, сначала безъ подписи, а потомъ и подписанныя полными его именемъ и фамиліею; но, тѣмъ не менѣе, стихи никѣмъ замѣчены не были. Затѣмъ прошло ещё года три — и стихотворенія Курочкина стали являться въ журналахъ болѣе распространённыхъ, какъ, напримѣръ, въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечествѣ» и другихъ; но и это послѣднее обстоятельство нисколько не повліяло на увеличеніе ихъ извѣстности. Это невниманіе критики и публики къ произведеніямъ Курочкина продолжалось вплоть до появленія въ печати первыхъ его переводовъ изъ Беранже, которые были тотчасъ всѣми замѣчены — и впослѣдствіи пріобрѣли ему извѣстность и титулъ «переводчика Беранже».

Съ успѣхомъ переводовъ Беранже роли мгновенно перемѣнились — и къ Курочкину изо-всѣхъ редакцій посыпались приглашенія о сотрудничествѣ, начиная съ эфемернаго «Общезанимательнаго Вѣстника» и кончая солиднымъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Успѣхъ же переводовъ былъ такъ великъ, что когда авторъ собралъ ихъ въ одну книгу, то она въ теченіи пяти-шести лѣтъ выдержала пять изданій, одно изъ которыхъ — именно пятое — появилось въ 1864 году съ приложеніемъ двѣнадцати гравюръ, сдѣланныхъ по рисункамъ Бойе.

Успѣхъ переводовъ изъ Беранже и, особенно, нѣкоторыхъ оригинальныхъ юмористическихъ пьесъ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечества» и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, навели Василія Степановича на мысль объ изданіи сатирическаго журнала съ каррикатурами, подъ названіемъ «Искра», 1-й нумеръ котораго долженъ былъ выдти ещё въ 1857, а вышелъ только 1-го января 1859 года, подъ редакціей его и Н. С. Степанова, извѣстнаго нашего каррикатуриста. Редактированіе литературной части новаго журнала развило ещё болѣе сатирическую сторону таланта Курочкина — и вскорѣ изъ подъ пера его вышло множество стихотвореній, весьма живыхъ, мѣткихъ и, по временамъ, захватывающихъ очень серьёзныя явленія нашей общественной жизни. Въ началѣ 1864 года изданіе и редакція «Искры» перешли въ исключительное завѣдываніе Курочкина, такъ-какъ соредакторъ его, Степановъ, начиная съ этого года, сталъ издавать свой собственный сатирическій журналъ, — «Будильникъ», перенесённый имъ впослѣдствіи въ Москву, которому и посвятилъ всю свою дѣятельность.

Съ выходомъ первыхъ нумеровъ «Искры» дружескія отношенія большинства нашихъ журналовъ и газетъ къ «переводчику Беранже» начали мало по мала и притомъ весьма скоро перемѣняться въ враждебныя къ нему, какъ къ редактору новаго сатирическаго изданія, едва только основной характеръ его выяснился. Съ появленія перваго нумера «Искры», Курочкинъ, если только можно такъ выразиться, отдалъ всего себя этому дѣлу и связалъ неразрывно личную свою судьбу съ судьбами «Искры», и не измѣнялъ ни на минуту ей до окончательнаго ея прекращенія. Да и было надъ чѣмъ поработать! «Искра» представляла собою у насъ первый опытъ внесенія въ нашу жизнь сатирической прессы, составляющей не маловажную силу во всѣхъ европейскихъ обществахъ. Такъ-какъ у насъ въ литературѣ для нея не было ничего подготовлено, не существовало никакихъ для нея традицій, не было выработано никакихъ формъ, годныхъ для обличительной сатиры и обществен-

наго юмора, и почти не существовало ни каррикатурной живописи, ни художниковъ, за исключеніемъ Степанова, которые могли бы осмысленно рисовать каррикатуры, то Курочкину пришлось быть какъ бы создателемъ всего этого. При этомъ надо замѣтить, что Василій Степановичъ былъ неутомимъ въ работѣ и отличался изумительной плодовитостью. Довольно будетъ сказать, что изъ слишкомъ 700 нумеровъ, составляющихъ полное изданіе «Искры» за всё время ея существованія, едва ли найдётся нумеръ, въ которомъ бы не было помѣщено его передовой или обличительной статьи, его оригинальнаго или переводнаго стихотворенія.

Здѣсь не мѣсто распространяться о судьбахъ «Искры»; но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что газета эта, ставшая вскорѣ по своёмъ появленіи въ свѣтъ на одномъ уровнѣ съ англійскимъ «Пончемъ», французскимъ «Шаривари» и нѣмецкимъ «Клятдерадачемъ» и расходившаяся въ числѣ 10,000 экземпляровъ по всѣмъ городамъ Россіи, въ теченіи многихъ лѣтъ сряду представляла значительную литературную силу и пользовалась значительною популярностью и вліяніемъ.

Въ періодъ изданія «Искры», Василій Степановичъ помѣщалъ свои стихи только въ немногихъ журналахъ, а именно: въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Недѣлѣ», «Семьѣ и Школѣ» — и только. Что же касается болѣе крупныхъ вещей, то въ «Отечественныхъ Запискахъ» отъ времени до времени появлялись прозаическія его статьи о русскомъ театрѣ, а на сценѣ Александринскаго театра его оригинальныя и переводныя оперетки, но какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ публика осталась совершенно равнодушною.

По прекращеніи въ 1873 году «Искры», Курочкинъ, оставшійся, какъ и при началѣ своего литературнаго поприща, безъ всякихъ средствъ, вынужденъ былъ снова искать работы въ чужихъ журналахъ для подержанія своего существованія. Какъ на послѣднія работы Курочкина, можно указать на его переводъ поэмы Грессе «Попугай», напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» и фельетоны, появлявшіеся въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и бывшіе, притомъ, плодомъ его предсмертныхъ трудовъ, предпринятыхъ изъ-за насущнаго хлѣба.

Современные фельетонисты обыкновенно бываютъ плотью отъ крови вновь появляющихся издателей печатныхъ органовъ. Но Курочкинъ съумѣлъ остаться независимымъ отъ всего навѣяннаго въ роли фельетониста чужой газеты. Роль эта его мучила, но — вѣчно терпѣливый и кроткій — онъ молчалъ и не высказывался. Стоитъ пробѣжать фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», чтобы увидѣть, что въ нихъ нѣтъ ни одной чужой мысли, ни одного полемическаго слова, высказаннаго по приказанію. Онъ умеръ такимъ же юнымъ и честнымъ, какимъ оставался всю жизнь.

Кромѣ Беранже, изъ котораго Курочкинъ перевёлъ до ста пьесъ, онъ переводилъ изъ Мольера («Мизантропъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ), Вольтера («Макаръ и Телэма»), Альфреда де Виньи («Смерть волка» и «Гнѣвъ Самсона»), Альфреда де Мюссе («Ночи», «Ива», «Пѣснь Фортуніо»), Виктора Гюго («Грозный годъ» и другіе пьесы), Барбье («Бэдламъ», «Всемірная сила» и другія) и Надо (цѣлый рядъ пѣсень), а также изъ Борнса («Пѣснь бѣдняка»), Шиллера («Начало новаго вѣка» и «Лаурѣ») и другихъ поэтовъ.

Курочкинъ умеръ совершенно неожиданно, на сорокъ четвёртомъ году отъ рожденія, вслѣдствіе неосторожнаго леченія ничтожной болѣзни, и похоронёнъ на Волковомъ кладбищѣ, не далеко отъ могилъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Рѣшетникова.

Неожиданная и преждевременная смерть Курочкина поразила всѣхъ, его близко знавшихъ и видѣвшихъ его весёлымъ и здоровымъ не далѣе какъ за нѣсколько дней до роковового дня и, притомъ, поразила такъ, какъ вообще поражаетъ всякая неестественная смерть, сопряжонная съ отравленіемъ организма, благодаря неразумному леченію, и сопровождаемая судебно-медицинскимъ вскрытіемъ трупа, со всевозможными слѣдствіями и разслѣдованіями.

Изъ сочиненій и переводовъ В. С. Курочкина, кромѣ указанныхъ нами выше пяти изданій «Песенъ Беранже», изъ которыхъ послѣднее вышло въ въ 1864 году въ Петербургѣ, въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ, и съ приложеніемъ двѣнадцати гравюръ, сдѣланныхъ по рисункамъ Бойе, существуютъ ещё слѣдующія: 1) Собраніе стихотвореній Василія Курочкина. Спб. 1867. 2) Собраніе стихотвореній Василія Курочкина. Новое дополненное изданіе. Два тома. Спб. 1869. 3) Фаустъ на изнанку. Опера-Буфъ въ трёхъ дѣйствіяхъ и четырёхъ картинахъ. Слова Кремье. Передѣлана съ французскаго В. Курочкинымъ. Спб. 1869. 4) Дочь рынка. Комическая опера въ трёхъ дѣйствіяхъ Клервиля, Сидодена и Кенента. Для петербургской сцены передѣлана В. Курочкинымъ. Музыка Лекока. Спб. 1874.

I.

18-е юля 1857 года.

Зачѣмъ Парижъ въ смятеніи опять?
На площадяхъ и улицахъ солдаты!
Народныхъ волнъ не можетъ взоръ обнять!
Кому спѣшатъ послѣдній долгъ воздать?
Чей это гробъ и катафалкъ богатый?
Тревожный слухъ въ Парижѣ пролетѣлъ:
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Великая скатилася звѣзда,
Свѣтившая полвѣка кроткимъ свѣтомъ
Надъ алтарёмъ страданья и труда;
Простой народъ простился навсегда
Съ своимъ роднымъ учителемъ-поэтомъ,
Воспѣвшимъ блескъ его великихъ дѣлъ.
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Зачѣмъ пальба и колокольный звонъ,
Мундиры войскъ и ризы духовенства,
Торжественность тщеславныхъ похоронъ
Тому, кто жилъ такъ искренно, какъ онъ —
Пѣвцомъ любви, свободы и равѣнства,
Несчастнымъ льстилъ, но съ сильными былъ смѣлъ?
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Зачѣмъ пѣвцу напрасный ѳиміамъ,
Дымъ пороха въ невыносимомъ громѣ,
Дымъ дорогой тщеславнымъ богачамъ —
Зачѣмъ ему, когда Богъ добрыхъ Самъ,
Благословивъ младенца на соломѣ,
Не быть ничѣмъ поэту повелѣлъ?
Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ!

Народъ всѣхъ странъ, страданіе и трудъ,
И сладкихъ слёзъ надъ пѣснями отрада
Громчей пальбы къ безсмертію зовутъ!
И въ нихъ, поэтъ, тебѣ верховный судъ:
Великому великая награда,
Когда поэтъ пѣснь лебедя пропѣлъ
И, внемля ей, народъ осиротѣлъ.

II.

НА ПРАЗДНИКАХЪ.

Весёлый трезвонъ по церквамъ
На всѣхъ колокольняхъ окрестныхъ
И — чистые сердцемъ — во храмъ
Стремятся въ одеждахъ воскресныхъ.
Отпущены людямъ грѣхи —
И только поэтъ одиноко
Творитъ не молитву — стихи
Въ безпраздничной скорби глубокой.

Онъ видитъ, какъ въ будничной мглѣ,
О воздухѣ, свѣтѣ, теплѣ
Идётъ окаянная битва —
И въ бой съ торжествующимъ зломъ
Кидаетъ сатиру, какъ громъ!
Сатира есть таже молитва.

III.

Какъ въ наши лучшіе года
Мы пролетаемъ безъ участья
Помимо истиннаго счастья!
Мы молоды, душа горда;
Какъ въ насъ заносчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога —
Проходятъ лучшіе года!

Проходятъ лучшіе года —
Мы всё идёмъ дорогой ложной:
Вслѣдъ за мечтою невозможной
Идёмъ невѣдомо куда;
Но вотъ оврагъ — вотъ мы споткулись;
Кругомъ стемнѣло; оглянулись —
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!

Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожалѣнья;
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нѣтъ силы, подкосились ноги —
Погасла дальняя звѣзда!

Погасла дальняя звѣзда!
Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода,
Или, съ безсильемъ старой дѣвы,
Твердить упорно: «гдѣ вы, гдѣ вы,
Вотще минувшіе года!»

Вотще минувшіе года
Не лучше ль справить честной тризной?
Не осквернимъ же укоризной
Господень міръ — и никогда

Съ безсильной злобой оскорблённыхъ,
Не осмѣёмъ четы влюблённыхъ,
Влюблённыхъ въ лучшіе года!

IV.

ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

Мелкіе скандальчики съ крупными безпутствами,
Разоренья честныя съ злостными банкрутствами,
Фокусы бумажные, изъ нулей могущества
И на каждой улицѣ описи имущества.

И на каждой улицѣ, съ музыкою, съ плясками,
Разоряютъ вѣжливо, обираютъ съ ласками
И — притоны мрачные, кутежи съ злодѣйствами
И убійства звѣрскія цѣлыми семействами.

И работа вѣчная и неугомонная,
И холодность мёртвая, строгость непреклонная,
И съ трибунъ словесниковъ рѣчь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на всё готовая.

Скорбь, такъ скорбь безмолвная, горе, какъ нахлынуло,
Всё существованіе разомъ опрокинуло:
Знаетъ погибающій, что никто не сжалится —
И какъ снопъ безчувственный самъ въ могилу валится.

Смѣхъ, такъ смѣхъ насильственный, злобы не скрывающій,
Или разухабистый и стыда не знающій,
Или ужь отчаянный, съ умоизступленіемъ
Надъ собой, надъ ближними и надъ всѣмъ твореніемъ

Роскошь, такъ ужь роскошь — истинно безпутная;
Бѣдность, такъ ужь бѣдность — смерть ежеминутная;
Голодъ, такъ ужь голодъ — областію цѣлою;
Пьянство, такъ ужь пьянство — всё съ горячкой бѣлою.

Моды, такъ ужь моды — всё перемудрённыя;
Дамы, такъ ужь дамы — полуобнажонныя;
Шлейфы, такъ ужь шлейфы — двухъ и трёхъ саженные:
На полъ нагло брошены камни драгоцѣнные.

Нѣчто лучше женщины въ красотѣ искусственной,
Съ шикомъ нарисованной, чувственно-безчувственной:
Обаянье демона, ангела незлобіе —
Во второмъ изданіи божіе подобіе.

Похоть, такъ ужь похоть — съ роковою силою,
Деньгамъ, сердцу, разуму — всѣмъ грозитъ могилою:
Старцы льнутъ и падаютъ, какъ грудныя дѣточки
И за ними дѣти ихъ — плодъ отъ той же вѣточки

Воры, такъ ужь воры — крупные, съ кокардами;
Кражи, такъ ужь кражи — чуть не милліардами;
Жуликовъ-мазуриковъ въ эту пору грозную —
Какъ на небѣ звѣздочекъ въ ноченьку морозную.

V.

Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ,
Жилъ я для слова родного.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благаго
Въ жизни прошолъ я путёмъ.

Пѣлъ и боролся со зломъ
Силой я смѣха живого.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошолъ я путёмъ.

Н. С. КУРОЧКИНЪ.

Николай Степановичъ Курочкинъ, современный писатель и родной братъ переводчика Беранже и издателя «Искры», родился 2-го іюня 1830 года въ Петербургѣ, гдѣ воспитывался сначала въ третьей гимназіи, а потомъ въ Медико-Хирургической академіи, откуда вышелъ въ 1854 году со званіемъ лекаря.

Литературой сталъ заниматься Курочкинъ со школьной скамьи и, будучи ещё ученикомъ четвёртаго класса, напечаталъ переведённый имъ романъ Арсена Гуссе «Три сестры» въ журналѣ «Пантеонъ», издававшемся тогда покойнымъ Кони, а въ теченіи всего своего студенчества поддерживалъ своё существованіе единственно литературными работами. Сдѣлавшись врачомъ, онъ занималъ въ первое время мѣсто окружного доктора нѣсколькихъ уѣздовъ Петербургской губерніи, а затѣмъ перешолъ въ военные медики, послѣ чего былъ командированъ въ Крымъ, во время осады Севастополя, гдѣ и находился во всё продолженіе войны. Вынужденный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ отказаться временно отъ чисто литературныхъ работъ, онъ, по окончаніи войны и возвращеніи въ Петербургъ, при-

нуждёнъ былъ обратиться къ практикѣ, которой и занимался почти исключительно три года, помѣщая въ тоже время статьи въ «Московской Медицинской Газетѣ» Смирнова. Затѣмъ, опредѣлившись въ 1857 года въ Русское Пароходное Общество врачомъ, онъ провёлъ два съ половиной года въ странствованіяхъ по морямъ, причёмъ побывалъ на Кавказѣ, во Франціи, Италіи, Азіи и Африкѣ. Въ январѣ 1860 года онъ былъ вызванъ братомъ своимъ, Василіемъ Степановичемъ, въ Петербургъ, для раздѣленія съ нимъ трудовъ по редактированію юмористической газеты «Искра», начавшей своё существованіе съ 1859 года, хотя мысль о ней зародилась гораздо раньше. Здѣсь Курочкинъ помѣстилъ множество юмористическихъ стихотвореній, драматическихъ сценъ и всякаго рода статей подъ разными псевдонимами. Тамъ же началъ онъ печатать свои переводы изъ итальянскихъ сатириковъ Джусти и Порта, а во время отлучки брата, проведшаго 1861 годъ за границей, редактировалъ «Искру». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сотрудничалъ и помѣщалъ свои статьи и стихотворенія въ «Русскомъ Мірѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Времени», «Очеркахъ» и другихъ журналахъ, а въ теченіи 1861 года редактировалъ «Иллюстрацію», въ 1865 и 1866 годахъ — «Книжный Вѣстникъ», а въ 1867 — «Невскій Сборникъ». Наконецъ въ январѣ 1868 года онъ былъ приглашонъ въ число членовъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ завѣдывалъ въ теченіи четырёхъ лѣтъ отдѣломъ библіографіи, причёмъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ слѣдующія шесть большихъ статей: «Западная наука на русской почвѣ», «Европейская наука у себя дома», «Анри Рошфоръ и его «Фонарь», «Годы развитія Прудона», «Корни невзгодъ современной Франціи» и «Необходимы ли тюрьмы» цѣлый рядъ стихотвореній, преимущественно переводныхъ изъ французскихъ и итальянскихъ поэтовъ, и помѣстилъ въ сокращеніи нѣсколько романовъ съ французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ. Такъ продолжалась литературная дѣятельность Курочкина до начала семидесятыхъ годовъ, когда хроническая болѣзнь, которою онъ сталъ страдать около этого времени, вынудила его ограничиться почти исключительно переводами, изъ которыхъ можно указать, какъ на лучшія, на двѣ слѣдующія пьесы: «Весёлый огонь», сцены въ стихахъ, съ французскаго, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» на 1874 годъ, и «За монастырской стѣной» — драму, дающуюся съ успѣхомъ по настоящее время на сценѣ Александринскаго театра.

I.

Довольно лѣтъ я прожилъ. Понимать
Казалось бы я могъ всё въ мірѣ ясно,
Чтобъ на людей безплодно не пенять
И не бранить судьбы своей напрасно.

Стремленье знать не глохнуло во мнѣ:
Я весь былъ это страстное стремленье;
А между-тѣмъ я всё брожу во тьмѣ
Безсилія и скорби и сомнѣнья.

Одно вполнѣ понятно для меня
И мозгъ терзаетъ правдой роковою,
Что человѣкъ, разбитый злобой дня,
Ужъ не боецъ со злобой вѣковою.

II.

Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй,
Чѣмъ чувство глубже и сильнѣе,
Тѣмъ въ злую темень нашихъ дней
Жить человѣку тяжелѣе.
Повсюднымъ мракомъ умъ смущёнъ,
Доводитъ страсть до озлобленья
Сознанья горечь — и ни въ чёмъ
Для сердца нѣтъ успокоенья.

Весь гнётъ ошибокъ вѣковыхъ
И лжи тысячелѣтней бремя
Выноситъ на плечахъ своихъ,
Изнемогая, наше время.
Живучесть лжи, громадность зла
Встаютъ въ сознаньи скорбномъ ясно
И слышитъ сердце безъ числа
Лишь стоны гибнущихъ напрасно.

Стремимся силой роковой
Мы въ юности къ борьбѣ тревожной —
И нѣтъ для мысли молодой
На свѣтѣ цѣли невозможной;
Но жизнь съ безстрастіемъ тупымъ
Мечтѣ подрѣзываетъ крылья —
И умираемъ мы съ однимъ
Сознаньемъ своего безсилья.

III.

Уныло и темно день тянется за днёмъ
Для тѣхъ кто, разгадавъ встревоженнымъ умомъ
Тщету тщеславія и шаткость суевѣрья,
Не примиряется съ безстыдствомъ лицемѣрья;

Кто сдёрнулъ сотканный изъ лжи и звонкихъ словъ
Съ неправды жизненной чарующій покровъ,
Предъ кѣмъ весь міръ стоитъ скелетомъ обнажоннымъ,
Растенья остовомъ, листвы своей лишоннымъ;

Кто горько оскорблёнъ надменной пустотой
Ничтожной суеты и пошлости людской
И вмѣстѣ утомлёнъ попыткою напрасной
Исканья истины въ природѣ безучастной.

Стремленьямъ дорогимъ сознанью съ юныхъ лѣтъ
Въ безстрастныхъ выводахъ ума — отвѣта нѣтъ;
А прежнія мечты разбиты какъ химеры —
И сердцу всё темно и мёртвенно безъ вѣры.

—

П. А. КУСКОВЪ.

Платонъ Александровичъ Кусковъ родился 18-го ноября 1834 года въ Петербургѣ, воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ, куда поступилъ въ 1848 году и гдѣ окончилъ полный курсъ въ 1853 году, послѣ чего былъ немедленно командированъ обязательно на службу въ одесскій приказъ общественнаго призрѣнія, на счётъ котораго онъ получилъ своё воспитаніе. Пробывъ въ Одессѣ всего около шести мѣсяцевъ, Кусковъ былъ переведёнъ въ петербургскій приказъ. Переѣхавъ въ самомъ началѣ 1854 года въ Петербургъ, онъ уже не оставлялъ его болѣе. Въ 1861 году онъ вышелъ въ отставку и цѣлые два года оставался безъ службы, до поступленія своего въ главное выкупное учрежденіе, въ которомъ и служитъ по настоящее время.

Первыя два стихотворенія Кускова были напечатаны въ іюльской книжкѣ «Современника» на 1854 годъ, въ отдѣлѣ «Литературный Ералашъ» куда они попали совершенно случайно и безъ подписи автора. Стихотворенія эти носили слѣдующія заглавія: «Рѣка» и «Послѣдняя просьба». Въ обѣихъ пьесахъ не было ни чего особеннаго, но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ было «нѣчто оригинальное, дѣлающее ихъ стоющими прочтенія», какъ справедливо отозвалась о нихъ сама редакція, помѣстившая у себя названныя стихотворенія. Затѣмъ, въ 1856 году, на страницахъ «Сына Отечества», издававшагося въ то время г-мъ Старчевскимъ, появилось нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній Кускова, а въ «Современникѣ» на 1859 — 1861 года (томы 77, 79 и 90) были напечатаны слѣдующія восемь пьесъ: «Люблю я памятникъ Великаго Петра», «Возвращеніе», «Искатель службы», «Комары и мухи», «И вотъ я вновь одинъ...», «Всё въ умѣ лѣса да горы...», «Мнѣ снилась ты въ лѣсу...» и «Весною». Одновременно съ этимъ въ «Русскомъ Словѣ» было помѣщено нѣсколько переводовъ Кускова изъ Гейне, а въ теченіи всего 1861 года онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи журнала «Время», издававшагося тогда Михаиломъ Достоевскимъ, братомъ извѣстнаго современнаго писателя, гдѣ, кромѣ цѣлаго ряда критическихъ статей безъ имени автора было напечатано девять его оригинальныхъ стихотвореній («Не смѣйся надъ нимъ...», «Старичёкъ» «Много сновъ мнѣ чудныхъ снится ..», «Ночь», «Весною», «Дитя весёлое, въ глаза твои смотря...», «Послѣ бури», «Какъ хорошо, что занятая...» и «Я люблю тебя, ребёнокъ...») и разсказъ, подъ заглавіемъ: «Повѣсть объ одномъ сумасшедшемъ поэтѣ». Въ 1862 году онъ перенёсъ свою дѣятельность въ журналъ «Свѣточъ», гдѣ помѣщалъ свои стихотворенія, критическія статьи и написалъ свой первый фельетонъ. Наконецъ, въ теченіи всего 1863 года, онъ дѣятельно сотрудничалъ въ газетѣ «Голосъ», въ которой помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ фельетоновъ и небольшихъ рецензій, послѣ чего вовсе отказался отъ журнальной дѣятельности и сталъ посвящать свободное отъ служебныхъ занятій время переводу драмъ Шекспира. Результатомъ этихъ трудовъ былъ переводъ знаменитой пяти-актной его трагедіи «Отелло» и одной сцены изъ «Ромео и Юліи». Оба перевода были напечатаны въ 1870 году въ 4-й и 10-й книжкахъ вскорѣ послѣ того прекратившагося журнала «Заря».

I.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Люблю я памятникъ великаго Петра,
Стоящій весело надъ царственной Невою:
Проста и нехитра гранитная гора,
Что, кажется, звенитъ подъ мощною пятою
Могучаго коня. Съ открытой головою,
Какой-то плащъ простой накинувъ на плечà,
Великій всадникъ вдаль, съ приподнятой рукою,
Глядитъ, открытый всѣмъ, безъ шпоръ и безъ меча.
И всю его любовь къ Руси непросвѣщённой
Въ движеніи его душою умилённой
Я чувствую — и говорю безъ словъ:
Всё пусто на землѣ — лишь велика любовь!

II.

ПОСЛѢ БУРИ.

Посмотри, какъ стихла буря,
Посмотри, какъ горы эти
Поднимаяся надъ нами,
Мрачно тонутъ въ лунномъ свѣтѣ;
Какъ въ прорѣху чорной тучи
Ясно смотритъ мѣсяцъ полный,
И подъ нами лижутъ камни
Успокоенныя волны —
Лижутъ нехотя, угрюмо,
Пѣнясь въ воздухѣ стемнѣвшемъ,
Точно всё забыть не могутъ
Распри съ вѣтромъ усмирѣвшимъ.

III.

И вотъ я вновь одинъ; опять вокругъ меня
Ни слёзъ, ни брани нѣтъ, ни зависти, ни сплетенъ;
Опять мой тихій день идётъ едва замѣтенъ
И новаго за нимъ я жду спокойно дня.
Не слышу ничего, что слуха недостойно,
Не вижу ничего, что оскорбляетъ взоръ —
И мысли шествуютъ торжественно, спокойно,
И жизни вижу я обиды и позоръ;
Но въ мысляхъ это всё приличный видъ пріемлетъ
И сердца не мутитъ. И самый сердца крикъ
Благопристойно-тихъ и важенъ, какъ старикъ,
Рѣчамъ котораго покорно юность внемлетъ.
Не то случается, когда въ кругу людей,
Уставъ отъ злобы ихъ, въ ожесточеньи дикомъ,
Готовъ бываешь ты за тридевять морей
Бѣжать, кляня судьбу, съ отчаяньемъ и крикомъ.

Д. Д. МИНАЕВЪ.

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ, современный поэтъ и переводчикъ, родился 21-го октября 1835 года въ Симбирскѣ. Начавъ воспитаніе своё въ домѣ отца, переводчика «Слова о полку Игоря» и окончивъ его въ Дворянскомъ полку, онъ былъ выпущенъ изъ него въ 1852 году, съ чиномъ 14-го класса, для поступленія въ гражданскую службу. Прослуживъ затѣмъ около двухъ лѣтъ въ симбирской казённой палатѣ, онъ вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ опредѣлился снова на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ земскій отдѣлъ по крестьянскому вопросу, въ которомъ прослужилъ до половины 1857 года, послѣ чего, выйдя въ отставку, поселился окончательно въ Петербургѣ и посвятилъ себѣ исключительно литературной дѣятельности. Хотя Минаевъ началъ писать стихи ещё въ бытность свою въ Дворянскомъ полку, но печататься сталъ гораздо позже, именно — съ 1858 года. Начиная съ этого времени, стихотворенія Минаева стали появляться сначала изрѣдка въ «Иллюстраціи» Зотова, «Сынѣ Отечества» Старчевскаго, «Русскомъ Мірѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» шестидесятыхъ годовъ, а потомъ и гораздо чаще въ «Русскомъ Словѣ», «Модномъ Магазинѣ», «Искрѣ», «Будильникѣ», «Свѣточѣ», «Времени», «Современникѣ», «Дѣлѣ», новыхъ «Отечественныхъ Запискахъ» и нѣкорыхъ другихъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему вести въ то же время въ «Русскомъ Словѣ», въ теченіи четерёхъ лѣтъ, постоянный еженедѣльный фельетонъ, подъ рубрикой: «Дневникъ тёмнаго человѣка». Начиная же съ 1860 года, онъ обратился къ переводамъ стихотворныхъ произведеній знаменитѣйшихъ изъ европейскихъ поэтовъ, сперва — французскихъ: Альфреда де-Виньи, Виктора Гюго («Рюи-Блазъ» и «Эрнани») Барбье, Мюссе и Надо, а потомъ англійскихъ: Чосера, Марло («Фаустъ»), Борнса, Фелиціи Гименсъ, Корнваля, Андерсона, Шелли («Освобождённый Прометей») и Байрона, причёмъ изъ послѣдняго перевёлъ цѣлый рядъ самыхъ большихъ его поэмъ, какъ-то: «Донъ-Жуанъ», «Чайльдъ Гарольдъ», «Беппо», «Манфредъ» и «Каинъ».

Изъ послѣднихъ большихъ стихотворныхъ переводовъ Минаева, можно указать на «Германію» и «Зимнюю сказку» Гейне», на трилогію Данта, изъ которой переведены «Адъ» и «Чистилище», на четыре поэмы Сырокомли: «Ночлегъ Гетмана», «Три литвинки», «Странствованія Пилигрима» и «Форнарина» и, въ особенности, на комедію Мольера «Учоныя барыни», напечатанную въ 12-й книжкѣ «Вѣстника Европы» на 1875 годъ.

Изъ оригинальныхъ же стихотвореній Минаева, серьознаго содержанія, какъ на лучшія можно указать на тѣ, которыя были написаны послѣ выхода въ свѣтъ его «Сумерокъ» и потомъ напечатаны въ изданіи его стихотвореній 1871 года. Однимъ изъ послѣднихъ оригинальныхъ произведеній Минаева была комедія «Спѣтая пѣсня», напечатанная въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» на 1874 годъ и удостоенная большой уваровской преміи. Что же касается его шуточныхъ стихотвореній, то они

печатались въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Гудкѣ» и «Развлеченіи», подъ псевдонимами: Обличительный Поэтъ, Тёмный Человѣкъ, Михаилъ Бурбоновъ, Дм. Свіяжскій, Литературное Домино и другими, а впослѣдствіи были собраны и изданы два раза подъ ниже слѣдующимъ заглавіемъ: 1) Перепѣвы. Стихотворенія Обличительнаго Поэта. Спб. 1859. и 2) Здравія желаю! Стихотворенія отставного майора Михаила Бурбонова. Спб. 1867.

Кромѣ названныхъ выше двухъ собраній сатирическихъ стихотвореній, сочиненія и переводы Минаева были издаваемы пять разъ, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Думы и Пѣсни Д. Д. Минаева и юмористическія стихотворенія Обличительнаго Поэта. Двѣ части. Спб. 1863 — 1864 2). Въ Сумеркахъ. Сатиры и Пѣсни Д. Д. Минаева. Спб. 1868. 3) Пѣсни и Поэмы Д. Д. Минаева. Спб. 1870. 4) На перепутьи. Новыя стихотворенія Д. Д. Минаева. Спб. 1871. Въ этомъ же изданіи была перепечатана его оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ «Либералъ», первоначально напечатанная въ 12-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1870 годъ, гдѣ, между-прочимъ, были напечатаны и двѣ поэмы его: оригинальная — «Сфинксъ» (1868, № 8) и переводная, изъ Альфреда де-Виньи, «Потопъ» (1869, № 12). 5) Пѣсни и Сатиры Д. Д. Минаева, съ прибавленіемъ комедіи «Раззорённое гнѣздо». Спб. 1875.

I.

НАСУЩНЫЙ ВОПРОСЪ.

Гражданинъ.

Молчи толпа: твой дѣтскій ропотъ
Тревожитъ мирный сонъ гражданъ!
Ужели былъ напрасно данъ
Тебѣ на свѣтѣ долгій опытъ?
Тебя, капризную толпу,
Ведёмъ мы къ истинѣ, къ наукѣ
И, яркій свѣточъ взявши въ руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряемъ блескомъ знанья.
Среди блестящаго собранья
Мы проливаемъ много слёзъ,
Слагая рѣчь за бѣдныхъ братій,
За всѣхъ, кто много перенёсъ
Обидъ, гоненій и проклятій;
Твои невзгоды и тоску
Мы чтимъ въ созданіяхъ поэта
И среди земскаго совѣта
Даёмъ мы мѣсто мужичку.
Всему, что сиро и убого,
Мы сострадали столько разъ
И Ломоносова дорога
Открыта каждому изъ васъ.
Чего-жь вамъ надо? Не робѣя,
Вкушайте знанья сладкій сокъ:
Сплетёмъ лавровый мы вѣнокъ
Для геніяльнаго плебея
И будь онъ селянинъ простой —
Предъ нимъ преклонимся мы дружно.
Чего же вамъ, безумцы, нужно?
Того-ль, чтобъ дождикъ золотой,
Какъ манна, падалъ прямо съ неба,
Балуя праздностью народъ?
Чего же вамъ недостаётъ?
Чего жь хотите?

Толпа.

Хлѣба! хлѣба!

II.

ВѢЧНАЯ НЕВѢСТА.

Молода, безсмертна, какъ природа,
Какъ невѣста, сходитъ въ міръ свобода.
Передъ ней — благоговѣйно тихъ —
Міръ не разъ склонялся какъ женихъ
И не разъ межь нихъ — землѣ казалось —
Обрученья тайна совершалась
И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ
Близокъ былъ божественный союзъ.
На челѣ богини новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный;
Но при видѣ брачнаго вѣнца
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица
И, съ себя роняя покрывало,
Каждый разъ невѣста исчезала.
И до нынѣ сходитъ въ міръ она,
Цѣломудріемъ своимъ защищена,
Оставаясь вѣчно для вселенной
Недоступной, чистой и нетлѣнной.

III.

СМѢХЪ.

Всегда неподкупленъ, великъ
И страшенъ для всѣхъ безъ различья
Смѣхъ честный — живой проводникъ
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, какъ дитя,
Какъ мать — многолюбящій, нѣжный,
Онъ мудрости учитъ шутя,
Смягчаетъ удѣлъ безнадежный.

Струясь, какъ по камнямъ вода,
Какъ чистый фонтанъ водоёма,
Торжественный смѣхъ иногда
Доходитъ до грохота грома,

Сливаясь въ густыхъ облакахъ
Въ немолчное, грозное эхо —
И тотъ, кто забылъ всякій страхъ,
Дрожитъ отъ подобнаго смѣха.

Смиряя рыданья порывъ,
И, гордую скорбь гражданина
Подъ маской шута затаивъ,
Запрятавъ подъ плащъ арлекина,

Стремленіе къ лучшей судьбѣ
Родитъ онъ въ груди всего міра
И, съ гидрой пороковъ въ борьбѣ,
Сверкаетъ и бьётъ какъ сѣкира.

Онъ сонную мысль шевелитъ
И будитъ во мракѣ глубокомъ:
Плясалъ вкругъ ковчега Давидъ,
Но былъ и царёмъ и пророкомъ.

VI.

ПРИЗРАКЪ.

Въ эпоху античнаго вѣка
Мудрецъ, засвѣтивъ свой фонарь,
Ходилъ и искалъ человѣка,
Искалъ человѣка онъ встарь.

Столѣтья прошли какъ видѣнья,
Исчезнувъ въ прошедшемъ, какъ дымъ
И въ гробъ не одно поколѣнье
Сошло чередуясь съ другимъ —

А тѣнь Діогена всё бродитъ
По міру съ своимъ фонарёмъ
И свѣтъ безнадежно наводитъ
На встрѣчныхъ и ночью и днёмъ.

—

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ, извѣстный критикъ и сатирическій поэтъ, родился 24-го января 1836 года въ Нижнемъ Новгородѣ. Дѣтство Добролюбова прошло безцвѣтно и однообразно, какъ проходитъ оно для бо̀льшей части дѣтей его среды. Совокупными усиліями отца, Александра Ивановича, священника нижегородской Никольской церкви, человѣка дѣятельнаго и энергическаго, и матери, Зинаиды Васильевны, женщины умной и доброй, мальчикъ на пятомъ году уже умѣлъ читать и немного писать и прекрасно произносилъ нѣкоторыя изъ басень Крылова, которыя заучивалъ очень скоро со словъ матери. Когда же ему исполнилось восемь лѣтъ, то въ учители къ нему былъ приглашонъ семинаристъ философскаго класса Костровъ, женившійся впослѣдствіи на старшей сестрѣ Добролюбова. Въ 1847 году одиннадцати-лѣтній Добролюбовъ былъ отданъ въ духовное училище, гдѣ, черезъ годъ, уже былъ въ четвёртомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднемъ классѣ заведенія. Въ 1848 году Добролюбовъ переходитъ въ Нижегородскую семинарію и всецѣло погружается въ учебныя занятія и чтеніе русскихъ авторовъ, учоныхъ сочиненій и журналовъ. Эти усиленныя занятія молодого семинариста съ перваго же года обратили на него общее вниманіе какъ профессоровъ, такъ и товарищей. По переходѣ же въ среднее отдѣленіе семинаріи, онъ сталъ изумлять всѣхъ громадными своими сочиненіями по философскимъ тэмамъ изъ которыхъ нѣкоторыя достигали ста листовъ. Впрочемъ, независимо отъ писанія этихъ учоныхъ хрій, Добролюбовъ предавался и настоящему авторству, выражавшемуся въ писаніи стиховъ, причёмъ онъ, между-прочимъ, переводилъ Горація. Въ 1850 году онъ даже собирался отослать въ «Москвитянинъ» сорокъ своихъ стихотвореній, съ просьбой уплатить за нихъ 100 рублей, а въ 1852 послалъ въ редакцію «Сына Отечества» двѣнадцать стихотвореній, подъ псевдонимомъ Владиміра Ленскаго.

Но, несмотря на всѣ успѣхи Добролюбова въ семинаріи, о которыхъ отецъ его слышалъ весьма часто отъ ректора и профессоровъ заведенія, несмотря на рѣдкую мягкость характера и благонравіе молодого семинариста, отношенія между отцомъ и сыномъ были крайне натянуты. Что бы получить надлежащее понятіе объ этихъ отношеніяхъ, кидающихъ яркій свѣтъ на всю молодость Добролюбова и знакомящихъ нѣсколько

съ обстановкою его родительскаго крова, стоитъ только выписать слѣдующій небольшой отрывокъ изъ дневника его:

«11-го января 1852 года. Вотъ и ещё одинъ годъ юркнулъ въ вѣчность! И ещё годъ прошолъ, и ещё годомъ сократилась жизнь моя! Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него. Но вотъ пришолъ онъ — и, при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыпаются прахомъ. Я поздно пришолъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи нелѣпой фантазіи, пришедшей мнѣ въ голову — поздравить въ церкви А. Н. Н.....ю, которая мнѣ только кивнула на моё привѣтствіе — и ушолъ, не достоявъ молебна. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мою крестную — Л. В. П. Я пошолъ, встрѣтилъ сухой пріёмъ, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, былъ раздосадованъ невниманіемъ къ себѣ, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить — и не знаю ещё, какъ отдѣлаюсь. Дома ждало меня достойное заключеніе этого чуднаго дня. Нужно было случиться, что бы у насъ въ этотъ день сбѣжала со двора наша корова. Папенька и такъ нынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа по нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно растерялся — и, пришедши домой, я засталъ его въ крайне мрачномъ расположеніи, особенно потому, что это случилось въ новый годъ и, слѣдовательно, предвѣщало несчастія въ будущемъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу — за дѣло! — и принялся писать свои дѣла. Я думалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчу и пошолъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что если бы я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, если бы у меня хотя немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ бы его безъ вниманія, будто мнѣ всё равно, хоть всё гори, всё распропади. Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я-таки испугался предстоящей сцены — поскорѣе, по приказанію папаши, сошолъ въ кухню и разспросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донёсъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить и вдругъ, Богъ-вѣсть какъ, разговоръ перешолъ ко мнѣ — и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробностяхъ. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ: изъ тебя толку не много выйдетъ; ты учонъ, хорошо сочиняешь, но все это — вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда-нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужь проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ я не нахожу отрады; весь свѣтъ — подлецъ всѣ твои науки — никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньгу; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги — охъ, трудно достаются! Надо умѣть, да и умѣть пріобрѣтать ихъ. Какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрёте; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ. Изъ тебя же ничего хорошаго не выйдетъ. Хило-гнило, хило-гнило! Не много въ тебѣ мозгу, а еще умнымъ считаешься. Все это, на разные манеры повторяемое, я слушалъ съ 8-ми до 11-ти часовъ: ровно три часа. Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки; но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, а очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Не такъ, не такъ надо со мною говорить, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость побѣдить это чувство приличія передъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость — и тогда явится эта младенческая искренность и простота. Впрочемъ, что винить папашу? Я виноватъ, одинъ я причиной этого! Должно-быть, я гордъ — и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это, впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи.»

Переходъ отъ дѣтства къ юности выразился у Добролюбова глубокой религіозностью, въ которую онъ погрузился всей душою и которая сопутствовала ему въ теченіи всей его юности, доходя по временамъ до суроваго аскетизма, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго отрывка его дневника:

17-го марта 1853 года, 1-й часъ пополудни. Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ ли

у меня силъ давать себѣ каждый день отчётъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, по-крайней-мѣрѣ, прошу Бога моего, что бы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! какъ мало ещё прошло времени и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это — не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому-что не рѣшился сказать духовнику, что ещё рано разрѣшить меня, что я ещё не всё сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня. Но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря — и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ; затѣмъ человѣкоугодіе и, хотя лёгкій, смѣхъ съ товарищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ увеличили число грѣховъ моихъ.»

Впрочемъ, не одно религіозное чувство исключительно владѣло въ это время его помышленіями. Разнообразное чтеніе, преимущественно свѣтскихъ авторовъ, и жизнь, кипѣвшая вокругъ, возбуждали въ нёмъ всё новыя и новыя впечатлѣнія и увлекали его всё дальше и дальше.

Такъ, въ одно и то же время, онъ, по собственнымъ словамъ своимъ, то «хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать какъ Чацкій», то впадалъ въ самый суровый аскетизмъ, то мечталъ объ университетѣ и о литературной славѣ. Но всѣ эти золотыя мечты о славѣ, наукѣ и университетѣ вскорѣ разлетѣлись, какъ прахъ, гонимый вѣтромъ. Дѣлать нечего, пришлось отказаться отъ университета и удовольствоваться поступленіемъ въ Петербургскую Духовную Академію. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ августѣ 1853 года, Добролюбовъ узналъ о возможности поступить въ Педагогическій Институтъ — и поступилъ туда, выдержавъ отлично экзаменъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ математики, физики и французскаго языка, въ которыхъ оказался гораздо слабѣе. Но не успѣлъ ещё Добролюбовъ углубиться, какъ слѣдуетъ, въ изученіе предметовъ новаго курса, какъ судьба стала наносить ему ударъ за ударомъ. Не прошло и году по вступленіи его въ институтъ, какъ страшная вѣсть о смерти горячо-любимой матери повергла его въ глубокое горе. Не успѣлъ онъ оправиться отъ этого перваго удара, какъ тяжкая болѣзнь свела въ могилу и отца, оставившаго послѣ себя восемь человѣкъ дѣтей, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ отчаяніи, Добролюбовъ уже хотѣлъ оставить институтъ и опредѣлиться уѣзднымъ учителемъ въ своёмъ городѣ; но по настоянію родственниковъ и знакомыхъ, предложившихъ ему взять его братьевъ и сестёръ къ себѣ на воспитанье, до окончанія имъ курса въ институтѣ, онъ согласился остаться въ заведеніи. Тѣмъ не менѣе, Добролюбовъ не могъ допустить-что бы его братья и сёстры существовали исключительно милостью другихъ — и вотъ онъ, сверхъ своихъ институтскихъ занятій, даётъ уроки, переводитъ для журналовъ и такимъ образомь пріобрѣтаетъ деньги на содержаніе своего семейства. Конечно, вся масса семейнаго горя, упавшая такъ неожиданно на голову Добролюбова, не могла не повліять какъ на здоровье, такъ и на нравственныя и умственныя его убѣжденія. «За что такъ строга судьба?» сказалъ онъ однажды одному изъ своихъ товарищей по институту: «Матушка моя была такъ религіозна, такъ набожна и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей. Зачѣмъ было отнимать её у насъ? Поневолѣ задумаешься.»

Во время своего пребыванія въ институтѣ, Добролюбовъ очень усердно слѣдилъ за лекціями профессоровъ, причёмъ отличался особеннымъ тактомъ въ своихъ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіяхъ, онъ никогда не переписывалъ ихъ на чисто и вовсе не занимался ихъ обработкой, считая это безполезной тратой времени. Всё свободное отъ научныхъ занятій время, посвящалъ онъ чтенію журналовъ и книгъ самаго разнообразнаго содержанія. Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, онъ всегда охотно оставлялъ своё занятіе для живого разговора. Съ переходомъ на третій курсъ. Добролюбовъ, начиная съ 1-го сентября 1855 года, сталъ издавать подъ своей редакціей рукописную газету «Слухи», которая продолжалась всего около четырёхъ мѣсяцевъ и окончила своё существованіе въ исходѣ того же года, на 19-мъ нумерѣ. Одновременно съ изданіемъ «Слуховъ», Добролюбовъ вздумалъ-было испробовать свои силы по части беллетристики; но опытъ оказался не вполнѣ удачнымъ. Окончивъ первыя главы своей повѣсти, онъ отправился къ одному изъ главныхъ сотрудниковъ Современника» — и тотъ прямо и положительно объявилъ Добролюбову, что бы онъ не совался въ беллетристику: что онъ пишетъ не повѣсть, а критику на сцены, имъ самимъ придуманныя. Это мѣткое замѣчаніе опытнаго литератора какъ нельзя лучше опредѣлило родъ будущей дѣятельности Добролюбова

и, надо думать, окончательно направило его на тотъ путь, на которомъ онъ вскорѣ прославилъ своё имя.

Добролюбовъ выступилъ на литературное поприщѣ, въ ролѣ критика, лѣтомъ 1856 года, за годъ до окончанія курса въ институтѣ, съ историко-литературною статьёю о «Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова», напечатанной въ «Современникѣ» того же года; а спустя нѣсколько мѣсяцевъ напечаталъ въ томъ же журналѣ разборъ «Акта Главнаго Педагогическаго Института». «Въ обѣихъ этихъ статьяхъ», говоритъ г. Скабичевскій въ своихъ «Очеркахъ развитія нашего общества»: «Добролюбовъ выступилъ не такъ, какъ обыкновенно выступаютъ начинающіе писатели, то-есть съ задатками будущаго таланта, и, въ то же время, съ неопредѣлёнными, шаткими взглядами и подъ вліяніемъ предшественниковъ и учителей; напротивъ, онъ сразу явился передъ публикой во всей силѣ и зрѣлости таланта, вполнѣ сформировавшагося. Будучи студентомъ 3-го курса, онъ уже стоялъ впереди своего вѣка и первыя статьи его являются передъ нами нисколько не слабѣе послѣднихъ, писанныхъ передъ смертью. Такъ, въ статьѣ объ Актѣ вы видите ту же спокойную, сдержанную и тѣмъ болѣе безпощадную иронію, какую можете встрѣтить въ послѣднихъ статьяхъ «Свистка». Въ статьѣ о «Собесѣдникѣ» васъ поражаетъ громадная начитанность Добролюбова: вы видите, что онъ успѣлъ уже изучить всю русскую литературу съ Ломоносова и до новѣйшаго времени — и изучилъ её не поверхностнымъ дилетантскимъ способомъ, а чисто учонымъ, до мельчайшихъ библіографическихъ подробностей.»

Обѣ статьи были замѣчены: о нихъ заговорили. Одни восхищались ими, другіе же, напротивъ, видѣли въ нихъ глумленіе надъ наукой и легкомысленное отрицаніе ея. Хотя статьи явились въ журналѣ безъ подписи, тѣмъ не менѣе Добролюбовъ понялъ очень хорошо, что оне, при огласкѣ, могутъ навлечь на него большія непріятности въ институтѣ, и потому призналъ за лучшее отложить своё сотрудничество въ «Современникѣ» до выхода изъ заведенія. Окончивъ курсъ въ 1857 году, онъ былъ выпущенъ съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя гимназіи, но, благодаря ходатайству профессоровъ Срезневскаго и Благовѣщенскаго, былъ освобождёнъ отъ обязательства прослужить восемь лѣтъ по учебному вѣдомству. Почувствовавъ себя свободнымъ, онъ снова обратился къ «Современнику» — и въ половинѣ 1857 года началъ своё постоянное сотрудничество въ этомъ журналѣ, а въ концѣ слѣдующаго года принялъ въ своё исключительное завѣдываніе отдѣлы критики и библіографіи, которые съ того времени стали почти исключительно наполняться его статьями, по большей части не подписанными или подписанными окончательными буквами (*—бовъ*). Но не долго продолжалась дѣятельность Добролюбова. Съѣздивъ за границу въ 1860 году и пролечившись тамъ — въ Германіи и Италіи — слишкомъ полтора года, онъ возвратился осенью 1861 года въ Петербургъ, гдѣ скончался 17-го ноября того же года, на 26-мъ году отъ рожденія и похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ.

Сочиненія Добролюбова были собраны послѣ его смерти и изданы затѣмъ три раза въ четырёхъ томахъ, съ портретомъ автора, въ С.-Петербургѣ, въ 1862, 1871 и 1876 годахъ.

I.

Силъ молодецкихъ размахи широкіе,
Я никогда васъ не зналъ:
Съ первыхъ лѣтъ дѣтства усвоилъ уроки я
Смиренно-мудрыхъ началъ.
Только и зналъ, что корпѣлъ всё надъ книжками,
Горбясь да портя глаза.
Если ругнётъ кто, бывало, мальчишкою —
Такъ и прохватитъ слеза.
Гордо смотрѣлъ я на шалости сверстниковъ,
Бѣгалъ ихъ игръ молодыхъ:
Всё добивался быть въ роли наперсниковъ
У резонёровъ сѣдыхъ.
Старцы мой умъ и степенность прославили;
Въ школѣ всё первымъ я былъ;
Дѣтямъ знакомыхъ въ примѣръ меня ставили —
Какъ я послушенъ и милъ.
Сами товарищи местью обычною
Мнѣ не хотѣли платить:
Видно фигуру такую приличную
Было неловко дразнить.

II.

О, грустно, грустно убѣждаться
Въ безсильи нравственномъ своёмъ
И тяжело въ нёмъ сознаваться
Предъ строгимъ внутреннимъ судомъ;

Но тяжелѣй, грустнѣй, больнѣе,
Когда ты видишь предъ собой
Людей взывающихъ: «скорѣе!
Скорѣй зажги свѣтильникъ твой!

«Ты показалъ намъ, что ты можешь!
Иди — работай же! пора!
Ты зло и глупость потревожишь
Во имя чести и добра!»

О, братья, тщетные порывы!
Надежды нѣтъ вамъ на меня:
За свѣтъ живительный сочли вы
Лишь отраженіе огня.

Съ чужимъ свѣтильникомъ я рано
Въ кружокъ вашъ сумрачный вступилъ;
Въ тьмѣ предразвѣтнаго тумана
Огонь мой вамъ замѣтенъ былъ.

Но волны свѣта, возрастая,
Бѣгутъ ужь въ небѣ голубомъ —
И меркнетъ, меркнетъ, замирая,
Огонь въ фонарикѣ моёмъ.

Погасимъ, братья, наши свѣчи:
Имъ не горѣть средь бѣла дня!
И выйдемъ радостно на встрѣчу
Дневного вѣчнаго огня! *)

III.

Ещё работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Ещё тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Ещё пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья! хочу быть вашимъ!
На трудъ и битву я готовъ —
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло вмѣсто словъ.
Но если — нѣтъ: моё презрѣнье
Меня далёко оттолкнётъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопреньѐ
Опять права свои возьмётъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской —
Всё лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовнёй.
Но знаю я — работа наша
Ужь пилигримовъ новыхъ ждётъ
И не минётъ святая чаша
Всѣхъ, кто её не оттолкнётъ!

IV.

Пускай умру — печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной;

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слёзъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принёсъ;

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землёю
Не сталъ любви предметомъ я;

Чтобъ всё, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

---

*) Оба предъидущія стихотворенія Добролюбова являются здѣсь въ первый разъ въ печати. Первое изъ нихъ получено мною въ оригиналѣ отъ самого автора, не задолго до его смерти, для моего альбома, а второе — списано мною съ подлинника, и потому — какъ за подлинность обоихъ стихотвореній, такъ равно и за вѣрную ихъ передачу — я могу вполнѣ ручаться. Н. Г.

К. К. СЛУЧЕВСКІЙ.

Константинъ Константиновичъ Случевскій родился 26-го іюля 1837 года въ Петербургѣ. Воспитывался онъ въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1855 году, былъ выпущенъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семёновскій полкъ; затѣмъ онъ перешолъ лейбъ-гвардіи въ стрѣлковый Его Величества батальонъ, прослуживъ въ которомъ около двухъ лѣтъ, поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба, а въ 1861 году вышелъ въ отставку и въ томъ же году отправился за границу. Проведя въ Парижѣ цѣлый годъ, употреблённый имъ на посѣщеніе лекцій въ Сорбонѣ, и проживъ слишкомъ четыре года въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, въ университетахъ которыхъ онъ прослушалъ полный курсъ философіи, Случевскій выдержалъ экзаменъ въ послѣднемъ изъ этихъ университетовъ и былъ удостоенъ, въ 1865 году, степени доктора философіи, послѣ чего возвратился въ Россію и поступилъ на службу въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ

въ которомъ оставался до 1874 года, послѣ чего перешолъ въ министерство Государственныхъ Имуществъ, въ которомъ продолжаетъ служить по настоящее время.

Первыми произведеніями Случевскаго, явившимися въ печати, были шесть небольшихъ стихотвореній: два оригинальныхъ («Я сказалъ ей...» и «Каріатиды») и четыре переводныхъ (двѣ «Еврейскія мелодіи» Байрона и двѣ пьесы изъ В. Гюго), помѣщённыя въ 3-мъ нумерѣ «Общезанимательнаго Вѣстника» на 1857 годъ, безъ означенія имени автора. За этимъ первымъ опытомъ послѣдовалъ вскорѣ цѣлый рядъ его стихотвореній, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ. Затѣмъ, начиная съ 1859 года, стихотворенія Случевскаго, уже съ означеніемъ имени и фамиліи автора, стали появляться на страницахъ «Иллюстраціи», а съ 1860 — въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Первыя стихотворенія Случевскаго, появившіяся въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» и «Иллюстраціи», прошли ни кѣмъ не замѣченныя; но когда они стали появляться въ «Современникѣ», лучшемъ въ то время журналѣ, во главѣ котораго стоялъ извѣстный поэтъ, общее вниманіе скоро сдѣлало ихъ предметомъ разговоровъ, а потомъ и споровъ, превратившихся вскорѣ въ ожесточённую полемику между ихъ хвалителями, во главѣ которыхъ стоялъ покойный Аполлонъ Григорьевъ, и ихъ порицателями, органами которыхъ явились наши сатирическіе журналы «Искра» и «Будильникъ». Не входя въ разбирательство того, кто былъ болѣе правъ въ этомъ спорѣ — Григорьевъ ли и его сторонники, увлёкшіеся въ своихъ похвалахъ уже слишкомъ далеко, или ихъ противники, доведшія свои порицанія до крайнихъ предѣловъ — скажемъ только, что результатомъ этой горячей полемики было то̀, что стихотворенія Случевскаго перестали являться на страницахъ нашихъ журналовъ, о чёмъ нельзя было не пожалѣть, при крайней скудости современной литературы нашей талантами вообще и поэтическими въ особенности. Такъ шли дѣла вплоть до 1879 года если не считать случайнаго появленія нѣсколькихъ стихотвореній молодого поэта въ «Складчинѣ» и «Братской Помочи», когда совершенно неожиданно на страницахъ «Новаго Времени» и «Русскаго Вѣстника» текущаго года появилось разомъ двѣ его поэмы: «Въ снѣгахъ» и «Картинка въ рамкѣ», обратившая на себя вниманіе критики и публики своими вполнѣ поэтическими описаніями, въ особенности первая.

Лучшими изъ стихотвореній Случевскаго можно назвать тѣ, которыя были помѣщены въ «Современникѣ» на 1860 годъ (нумера 1-й, 2-й, 3-й и 5-й), въ числѣ тринадцати, и носятъ слѣдующія названія: «Статуя», «На кладбищѣ», «Ходитъ вѣтеръ избочась», «Весталка», «Прощанье лѣта», «Людскіе вздохи», «Бандуристъ», «Ночь весны», «Снѣга», «Вечеръ на Леманѣ», «Мои желанья», «Онъ не любилъ ещё...» и «Давнымъ давно тебя похоронилъ я...» Всѣ названныя пьесы, что̀ бы ни говорили ихъ порицатели, носятъ на себѣ несомнѣнную печать таланта, а двѣ изъ нихъ — «Статуя» и «Весталка» — полны поэзіи. Что же касается двухъ послѣднихъ поэмъ, то, не смотря на кой-какіе недостатки и даже нѣкоторыя неправильности въ самыхъ стихахъ, они свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи ихъ автора и способности его къ образности выраженій, которыя, вмѣстѣ съ счастливыми живыми поэтическими картинами природы и составляютъ всю суть того, что̀ нравится намъ въ этихъ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Константина Константиновича.

По возвращеніи изъ-за границы въ 1866 году, Случевскій принялся за прозу — и первымъ плодомъ его новой дѣтельности была книга, отпечатанная подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Явленія русской жизни подъ критикою эстетики. К. Случевскаго. Спб. 1866.» Она состоитъ изъ слѣдующихъ трёхъ статей: 1) Прудонъ объ искусствѣ, его переводчики и критикъ. 2) Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. 3) Какъ Писаревъ эстетику разрушалъ.

I.

СТАТУЯ.

Надъ озеромъ тихимъ и соннымъ,
Прозраченъ, игривъ и пѣвучъ,
Сливается съ камней на камни
Холодный желѣзистый ключъ.

Надъ нимъ молодой гладіаторъ:
Онъ раненъ въ тяжоломъ бою;
Онъ силится брызнуть водою
Въ глубокую рану свою.

Какъ только затеплятся звѣзды
И ночь величаво сойдётъ,
Выходятъ на землю туманы,
Выходитъ наяда изъ водъ.

И къ статуѣ грудью прижавшись,
Косою ей плечи обвивъ,

Томится она и вздыхаетъ,
Глубокія очи закрывъ.

И видятъ полночныя звѣзды,
Какъ проситъ она у него
Отвѣта, лобзанья и чувства,
И какъ обнимаетъ его.

И видятъ полночныя звѣзды
И шепчутъ двурогой лунѣ,
Какъ холоденъ къ ней гладіаторъ
Въ своёмъ заколдованномъ снѣ.

И долго два чудныя тѣла
Бѣлѣютъ надъ спящей водой.
Лежитъ неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;

Сіяетъ торжественно небо,
На землю туманы ползутъ
И слышно, какъ мхи проростаютъ,
Какъ сонныя травы цвѣтутъ.

Подъ утро уходитъ наяда,
Печальна, бѣла и блѣдна —
И, въ сонныя волны спускаясь,
Глубоко вздыхаетъ она.

II.

ВЕСНОЙ.

Послѣднимъ льдомъ своимъ спирая
Судовъ высокіе бока,
Въ теплѣ весны, шумя и тая,
Готова тронуться рѣка.

На югъ сіяющій и знойный,
Къ странѣ счастливой и иной
Ты добѣжишь, потокъ спокойный,
Своей работницей-волной.

Съ журчаньемъ нѣжнымъ и печальнымъ,
Другимъ звѣздамъ, въ вечерній часъ,
Чужимъ землямъ и людямъ дальнымъ,
Рѣка, повѣдай и о насъ.

Скажи, какъ къ намъ весна приходитъ,
Что долго ждёмъ, что скучны дни,
Что смерть съ весной здѣсь дружбу водитъ
И люди гаснутъ, какъ огни.

III.

ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ.

Не смѣйся надъ пѣснею старой
Съ напѣвомъ ея немудрёнымъ,
Служившей завѣтною чарой
Отцамъ нашимъ, нѣжно влюблённымъ!

Не смѣйся стихамъ мадригаловъ,
Топорщенью фижмъ и манжетовъ,
Вихрамъ боевыхъ генераловъ
Качавшимся въ ладъ минуэтовъ!

Надъ смысломъ альбомовъ старинныхъ
Съ пучками волосъ неизвѣстныхъ,
Съ собраніемъ шалостей чинныхъ,
Забавныхъ, но, въ сущности, честныхъ!

Не смѣйся! Тѣ вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили
И матери насъ воспитали.

IV.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВЪ СНѢГАХЪ».

1.

Можетъ въ Европѣ, а можетъ въ Сибири,
Вдоль по безмолвной, немѣрянной шири,

Берегомъ озера жолтымъ, сыпучимъ,
Слѣва обставлена боромъ дремучимъ,

Вдоль по пологому скату отрога
Въ гору идётъ ни тропа, ни дорога.

Какъ сиротинка, забыта, одна,
Блѣднымъ вьюномъ пробѣгаетъ она;

Тутъ незамѣтна, а тамъ повиднѣй,
Вертится, вьётся у камней и пней.

Шла она степью — пробьётся и боромъ:
Споритъ, безумная, съ мощнымъ просторомъ.

Не на бумагѣ её сочинили,
Не на казённыя деньги взводили —

А родилась она гдѣ-то сама,
Дѣломъ какимъ-то, чьего-то ума.

Въ степи отважилась, въ горы пустилась,
Въ тёмныя пущи, въ ущелья пробилась;

Лѣзетъ изъ мёртвыхъ, гніющихъ трясинъ
Къ свѣтлымъ зазубринамъ твёрдыхъ вершинъ;

Лѣпится съ краю мохнатыхъ утёсовъ;
Скачетъ безъ всякихъ мостовъ и откосовъ.

Штуку такую порой удерётъ,
Что у прохожаго сердце замрётъ —

Такъ она гдѣ-нибудь дерзко взбѣжитъ,
Въ воздухѣ, будто шутя, провиситъ

И оборвётся и сгинетъ тайкомъ
Въ Божьей пустынѣ, охваченной сномъ.

2.

Что-то давно ужъ, дорога-змѣя,
Ты не встрѣчала людского жилья;

А о ночлегѣ что ты посѣтила,
Чай ты, дорога, совсѣмъ позабыла.

Чтó за дорога? Кому тутъ пройти,
Тутъ, гдѣ людского жилья не найти?

Вьючные кони тебя протоптали,
Ноги людскія топтать помогали.

Къ розсыпямъ, къ золоту, лѣтней порой
Ѣздятъ охочіе люди тобой —

Ѣздитъ всё ловкій, умѣлый народъ.
Только какъ ранняя осень придётъ,

Ночи длиннѣй, молчаливѣе станутъ,
Горы совсѣмъ непролазными станутъ —

Самой дороги тогда не сыскать,
Словно ей любо какъ сонъ исчезать:

Любо, чтобъ люди скорѣй позабыли,
Чтобъ за пескомъ золотымъ не ходили,

Чтобы не ѣздилъ тутъ ловкій народъ,
Тотъ, что за золото всё отдаётъ,

Чтобы самой ей заснуть лежебокомъ,
Въ бѣломъ снѣгу, безконечномъ, глубокомъ,

Чистомъ, невинномъ, какъ грёзы дѣтей,
Полномъ однихъ только звѣздъ, да лучей.

3.

Божье присутствіе всё возмущаетъ:
Вѣчный порядокъ оно нарушаетъ.

Грань между жизнью и смертью мутится;
Чтó невозможно — то можетъ случиться.

Такъ это будетъ у насъ и теперь.
Тотъ, кто согласенъ повѣрить — повѣрь!

Въ рощѣ еловой, за яркимъ костромъ,
Мѣсяцы-братья сидѣли кругомъ.

Всѣ королевичи, всѣ однолѣтки,
Въ пламя кидали трескучія вѣтки:

Копьями груду костра шевеля,
Въ ночь поджидали къ себѣ Февраля.

А по рукамъ у нихъ чаша ходила,
Пьянымъ медкомъ языки разводила.

Шутка весёлую шутку гоняла;
Братьямъ ни спать, ни молчать не давала.

Вспыхнулъ костёръ, огласилася даль,
Вѣтеръ пронёсся — явился Февраль.

Блещетъ алмазами древко копья,
Звѣздочка свѣтитъ съ конца острія,

Панцырь чешуйками льдинокъ покрытъ,
Поясъ въ сосулькахъ — что мѣхомъ обшитъ;

Щитъ и шеломъ на бокахъ своихъ кованыхъ
Полны фигурокъ морозомъ рисованныхъ;

Мечъ тёплымъ таяньемъ полдней червлёнъ.
Отдалъ Февраль своимъ братьямъ поклонъ.

«Шлютъ вамъ привѣтъ свой на многія лѣта
Наши родные съ широкаго свѣта.

«Бабушка наша, старушка Зима,
Видно сердиться устала сама —

«Встрѣтилась у моря съ младшей сестрой,
Съ младшей сестрой, свѣтлоокой Весной;

«Долго и тихо о чёмъ-то шептались,
И — на прощаньи — поцаловались.

«Матушка наша, вдовица-Луна,
Также какъ прежде грустна и одна.

«Ясныя Зорюшки, наши сестрицы,
Въ тихихъ свѣтлицахъ, какъ прежде — дѣвицы.

«Рядятся, шьютъ, что ни день молодѣютъ,
Замужъ хотятъ — жениховъ не имѣютъ.

«Парочка звѣздъ, отъ любви и печали,
Въ Муромскій лѣсъ втихомолку сбѣжали.

Будетъ по утру въ звѣздахъ недочётъ!
Вѣтряный, влюбчивый, глупый народъ!

«Двухъ нашихъ тётокъ постигла невзгода:
Тётушку Утро — прогнала погода,

«Тётушка Ночь — опалила свой хвостъ.
Справили люди великій свой постъ:

«Время тебѣ, братецъ Мартъ, выходить!
Выйди скорѣе Весну залучить!

«Въ тёмной землѣ — тамъ броженье идётъ,
Въ сѣмечкахъ духъ недовольства живётъ.

«Если намъ мѣръ никакихъ не принять,
Надо тогда возмущенія ждать!»

Всталъ мѣсяцъ Мартъ. Наклонясь надъ костромъ,
Сталъ онъ ворочать полѣнья копьёмъ.

Вскинулось пламя живѣй, веселѣй,
Сдались морозы и стало теплѣй.

—

А. Н. АПУХТИНЪ.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ, потомокъ старой русской дворянской фамиліи, родился въ 1840 году въ селѣ Болховѣ, Орловской губерніи. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ своихъ родителей, онъ продолжалъ его и окончилъ, въ 1859 году, въ Училищѣ Правовѣдѣнія, съ чиномъ девятаго класса, то-есть — по первому разряду. Въ настоящее время онъ продолжаетъ службу при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ чинѣ колежскаго совѣтника.

Апухтинъ началъ печатать свои стихотворенія въ 1859 году, то-есть тотчасъ по окончаніи курса наукъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія: именно, въ 9-й книжкѣ «Современника» этого года появились первыя его стихотворенія, въ числѣ девяти, подъ общимъ заглавіемъ «Деревенскіе очерки», а въ 11-мъ нумерѣ того же журнала и года ещё три стихотворенія: «19-е октября 1858 года», «Memento mori» и «Изъ Ленау.» Затѣмъ, во «Времени» 1861 года, нумера 3-й и 12 й и 1862, нумера 2-й и 6-й — было напечатано ещё четыре его стихотворенія: «Греція», «Актеры», «Современнымъ витіямъ и» «Весна», да въ двухъ-трёхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ появилось двѣ-три пьесы, подписанныя его именемъ. Этими двумя десятками мелкихъ стихотвореній завершился первый періодъ поэтической дѣятельности Апухтина. Затѣмъ послѣдовалъ промежутокъ въ цѣлыя десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ стихотворенія молодого поэта вовсе перестали появляться на страницахъ нашихъ журналовъ. Наконецъ, съ появленіемъ въ свѣтъ первыхъ нумеровъ «Гражданина» на 1872 годъ, стихотворенія Апухтина снова стали появляться въ печати, но только безъ подписи. Лучшимъ изъ стихотвореній этого періода поэтической дѣятельности Апухтина, есть — «Недостроенный памятникъ», пьеса, обратившая на себя общее вниманіе. Читая названное стихотвореніе, носящее на себѣ несомнѣнную печать значительнаго таланта, нельзя не пожалѣть о тѣхъ десяти годахъ, которые прошли безслѣдно для поэта. Встрѣченный при самомъ началѣ своего литературнаго поприща похвалами такихъ знатоковъ дѣла, какъ И. С. Тургеневъ и покойный Н. А. Некрасовъ, Апухтинъ, спустя четыре года послѣ появленія въ свѣтъ своихъ первыхъ стихотвореній, почему-то пересталъ печатать ихъ, и затѣмъ цѣлыя десять лѣтъ ни одной строкой не заявилъ о себѣ печатно.

I.

НЕДОСТРОЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ.

Однажды снилось мнѣ, что площадь русской сцены
Была полна людей, гудѣли голоса;
Огнями пышными горѣли окна, стѣны
И съ трескомъ падали ненужные лѣса —
И изъ-за тѣхъ лѣсовъ, въ сіяніи великомъ,
Явилась женщина. Съ высокаго чела
Улыбка свѣтлая на зрителей сошла —
И площадь дрогнула однимъ могучимъ крикомъ.
Волненье усмиривъ движеніемъ руки,
Промолвила она, склонивъ къ театру взоры:
«Учитесь у меня, россійскіе актёры!
Я роль свою сыграла мастерски.
Принцессою кочующей и бѣдной,
Какъ многія, явилася я къ вамъ —
И также жизнь моя могла пройти безслѣдно;
Но было иначе угодно небесамъ.
На шаткія тогда ступени трона
Ступила я безтрепетной ногой —
И заблистала старая корона
Надъ новою, надъ чуждой головой.
За-то какъ высокó взлетѣлъ орёлъ двухглавый!
Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
Какой немеркнущею славой
Покрылись наши знамена!
Съ дворянства моего оковы были сняты;

Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда;
Въ столицу Грознаго сзывались депутаты;
Изъ нѣдръ степей вставали города.
Я женщина была — и много я любила;
Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
Ни разу я отчизны не забыла
И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
Когда Тавриды князь, наскучивъ пыломъ страсти,
Надменно отошолъ отъ сердца моего,
Не пошатнула я его могучей власти —
И Русь попрежнему цвѣла у ногъ его.
Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
Но не былъ онъ похожъ на стёртую монету,
На скопище безцвѣтное льстецовъ.
Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
За-то въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро,
И чудаки такіе, какъ Суворовъ.
За-то и я могла свободно говорить
Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ,
Что лучше десять оправдать виновныхъ,
Чѣмъ одного невиннаго казнить.
И небыло то слово буквой праздной!
Однажды пасквиль мнѣ рѣшилися подать:
Въ нёмъ я была, какъ женщина, какъ мать,
Поругана со злобой безобразной.
Заныла грудь моя отъ гнѣва и тоски;
Ужъ мнѣ мерещились допросы, приговоры...
Учитесь у меня, россійскіе актёры!
Я роль свою сыграла мастерски!
Я пасквиль тотъ взяла — и написала съ краю:
«Оставить автора, стыдомъ его казня.
«Что здѣсь — какъ женщины — касается меня,
«Я — какъ царица — презираю!»
Да, управлять подчасъ бывало не легко!
Но всюду — дома ли, въ Варшавѣ ль, въ Византіи —
Я помнила лишь выгоды Россіи —
И знамя то держала высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые —
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!
Но время шло, печальные слѣды
Вокругъ себя невольно оставляя:
Качалася на мнѣ корона золотая
И ржавѣли въ рукахъ державныя бразды.
Когда случится вамъ, питомцы Мельпомены,
Творенье генія со славой разыграть
И вами созданныя сцены
Заставятъ зрителей смѣяться и рыдать,
Тогда — скажите ради Бога —
Уже ль вамъ не простятъ правдивыя сердца
Неловкость выхода, неровности конца
И даже скуку эпилога?»

Тутъ гулъ по площади пошолъ со всѣхъ сторонъ:
Гремѣли небеса, людскому хору вторя —
И былъ сначала я, какъ-будто ревомъ моря,
Народнымъ воплемъ оглушонъ.
Потомъ всѣ голоса слилися воедино —
И ясно слышалъ я изъ говора того:
«Живи, живи, Екатерина,
Въ безсмертной памяти народа твоего!»

II.

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Ни у домашняго простого камелька,
Ни въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.

Лѣнивой поступью прошолъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ всё, что на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ.

Искусства, знанія, событья нашихъ дней —
Всё откликъ вѣрный въ нёмъ будило неизбѣжно,
И словомъ, брошеннымъ на факты и людей,
Онъ клейма вѣчныя накладывалъ небрежно.

Вы помните его среди его друзей?
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитыя!

Въ нёмъ злобы не было; когда-жь онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ раболѣпнымъ вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ.

В. В. КРЕСТОВСКІЙ.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, современный поэтъ и авторъ романа «Петербургскія Трущобы», родился 11-го февраля 1840 года въ Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, въ имѣніи своей бабушки, селѣ Малая Березянка. Здѣсь же провёлъ онъ своё

дѣтство и получилъ первоначальное образованіе. Затѣмъ, въ 1850 году, былъ отвезёнъ въ Петербургъ и опредѣлёнъ въ тамошнюю 1-ю гимназію, по окончаніи полнаго курса въ которой, поступилъ, въ 1857 году, въ Петербургскій университетъ, на филологическій факультетъ, но курса въ нёмъ не окончилъ. Писать Крестовскій началъ очень рано — именно, съ четвёртаго класса гимназіи, причёмъ небольшая пьеса его на заданную тэму—«Вечеръ послѣ грозы» — обратила на себя общее вниманіе педагоговъ заведенія. Затѣмъ, въ теченіи послѣднихъ трёхъ лѣтъ своего пребыванія въ гимназіи, онъ перевёлъ почти половину «Одъ» и всю книгу «Эподъ», Горація, четыре первыя пѣсни «Энеиды» и цѣлый рядъ стихотвореній Гейне, изъ которыхъ многіе, впослѣдствіи, явились на страницахъ нашихъ журналовъ. Первыми печатными произведеніями Крестовскаго были: переводъ оды Горація «Къ Хлорѣ», помѣщённый въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» на 1857 годъ и разсказъ въ стихахъ «Безъ дочери», напечатанный тамъ же. Начиная съ 1858 года, стихотворенія и повѣсти Крестовскаго стали появляться въ «Иллюстраціи», «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Сынѣ Отечества». Затѣмъ, во всё продолженіе 1859 года, Крестовскій былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Слова», издававшагося въ то время подъ редакціей Аполлона Григорьева, а въ 1860 — «Русскаго Міра». Начиная съ 1861 года, онъ сталъ помѣщать свои стихотворенія и повѣсти во «Времени», а по прекращенія его — въ «Эпохѣ», «Свѣточѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Модномъ Магазинѣ». Первый прозаическій разсказъ Крестовскаго былъ помѣщёнъ въ «Иллюстраціи» на 1858 годъ. Затѣмъ въ «Русскомъ Мірѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія» на 1859 годъ были напечатаны двѣ повѣсти его: «Любовь дворовыхъ» и «Не первый и не послѣдній», въ «Свѣточѣ» 1860 — повѣсть «Бѣсёнокъ», во «Времени» 1861 — разсказъ «Погибшее но милое созданье», въ «Русскомъ Словѣ» 1860 — повѣсти: «Пчельникъ» и «Сфинксъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1864 — 1867 — романъ въ семи частяхъ «Петербургскія трущобы» и путевые очерки «По дорогѣ», въ «Рускомъ Вѣстникѣ» 1869 — романъ въ трёхъ частяхъ «Панургово стадо», въ «Нивѣ» 1870 и 1871 — двѣ повѣсти: «Подъ каштанами Саксонскаго сада» и «Панъ Пшепендовскій», въ «Зарѣ» 1869 и 1871 годовъ — два очерка изъ кавалерійской жизни: «Буяновъ мой сосѣдъ» и «Отъ штаба до зимнихъ квартиръ», въ «Русскомъ Мірѣ», «Всемірной Иллюстраціи» 1872 года и въ «Нивѣ» 1874 — три очерка изъ кавалерійской жизни, въ «Военномъ Сборникѣ» 1871 — 1874 — нѣсколько эпизодовъ изъ «Исторіи Ямбургскаго полка», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1874 — романъ «Двѣ силы», составляющій продолженіе романа «Панургово стадо». Оба названные романа, подъ общимъ заглавіемъ «Кровавый Пуфь», вышли въ свѣтъ въ 1875 году.

Изъ стихотвореній Крестовскаго, какъ на лучшія, можно указать на слѣдующія: «Весенняя смерть», поэма («Русское Слово», 1860), «Калика перехожая» («Свѣточъ,» 1860), «Солимская Гетера» и «Ванька-ключникъ» («Время», 1861, № 1, и 1862, № 3) и «Послѣдняя баррикада».

Въ началѣ 1868 года Крестовскій поступилъ юнкеромъ въ 14-й уланскій полкъ, черезъ два года былъ произведёнъ въ корнеты, а въ 1871 году — командированъ въ Петербургъ для составленія «Исторіи Ямбургскаго уланскаго полка», гдѣ былъ вскорѣ произведёнъ въ поручики. Затѣмъ, въ самомъ началѣ 1874 года, когда «Исторія Ямбургскаго уланскаго полка» была написана и отпечатана, составившая большой томъ въ 54 листа, онъ былъ представленъ Государю Императору и августѣйшему шефу полка Ея Императорскому Высочеству великой княгинѣ Маріи Александровнѣ, не задолго до дня ея бракосочетанія. Въ награду за этотъ трудъ Государь Императоръ соизволилъ перевести ея автора въ Лейбъ-Гвардіи Уланскій Его Величества полкъ тѣмъ же чиномъ, въ который онъ былъ произведёнъ 20-го января 1874 года, а въ 1877 году, состоя при штабѣ главнокомандующаго, въ качествѣ исторіографа войны, онъ сдѣлалъ весь послѣдній турецкій походъ, причёмъ переходилъ Балканы и былъ въ Адріанополѣ. Въ настоящее время Крестовскій состоитъ при штабѣ гвардейскаго корпуса и проживаетъ въ Петербургѣ.

Сочиненія Крестовскаго были изданы два раза, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Сочиненія и стихи В. Крестовскаго. Пять томовъ. Спб. 1862. 2) Сочиненія В. В. Крестовскаго. Двѣ части. 1873.

Кромѣ того, отдѣльно были изданы слѣдующія его сочиненія: 3) Петербургскіе типы. Очерки В. Крестовскаго. Три части. Спб. 1865. Изданіе II. Спб. 1868. 4) Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ въ шести частяхъ. Четыре тома. Спб. 1867. То-же. Спб. 1867. (Изданіе Стелловскаго, составляющее 10-й томъ его «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ»). То-же. Изданіе III. Спб. 1875. 5) Повѣсти, очерки и разсказы Всеволода Крестовскаго. Три тома. Спб. 1868. Изданіе II. Спб. 1870. Изданіе III. Спб. 1872. 6) На

западѣ и востокѣ. Очерки В. Крестовскаго. Спб. 1872. 7) Внѣ закона. Романъ въ четырёхъ частяхъ. Всеволода Крестовскаго. Спб. 1873. 8) Исторія 14-го уланскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества великой княжны Маріи Александровны полка. Всеволода Крестовскаго. Спб. 1874. 9) Изъ походныхъ очерковъ. В. Крестовскаго. Спб. 1874. 10) Кровавый пуфъ. Романъ въ двухъ отдѣленіяхъ. Спб. 1875. 11) Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи. (1877—1878.) В. Крестовскаго. Спб. 1879.

I.

СОЛИМСКАЯ ГЕТЕРА.

Свѣтла, какъ образъ серафима,
Межъ падшихъ жонъ была одна
Далёкой Греціи жена —
Живой кумиръ всего Солима.
Когда она на пышный пиръ,
Въ благоуханьи сладкихъ мирръ,
Бывало, явится царицей
Съ золотострунною цѣвницей
И кубокъ стараго вина,
Въ гирляндахъ розовыхъ, она
Надъ головою, какъ менада,
Въ вѣнкѣ изъ миртъ и винограда,
Подниметъ нѣжною рукой,
Отбросивъ съ персей покрывало,
И запоётъ передъ толпой —
Ей всё восторженно внимало.
Гулъ острыхъ словъ и соль сатиръ
И смѣхъ гостей и всё — смолкало,
Когда, подъ звуки нѣжныхъ лиръ,
Изъ «Пѣсни Пѣсней» Соломона
Иль старика Анакреона
Она имъ пѣла. Плески, крикъ,
Стихи, сложонные поэтомъ,
На пѣсню были ей отвѣтомъ —
И юный отрокъ, и старикъ
Въ восторгѣ млѣли. Всѣ заботы
Сжигалъ огонь ея очей
И даже постникъ-фарисей
При всѣхъ, забывъ уставъ субботы,
Дрожа, лобзалъ колѣна ей.
Былъ пиръ у ней. Среди маслинъ
На ложа кругъ гостей склонялся
И въ искрометной пѣнѣ винъ,
Казалось, жемчугъ растоплялся.
Изъ вазъ на эллинскій кумиръ
Благоуханія кропились;
Изъ вертограда доносились
Напѣвы трепетные лиръ;
Въ ладъ говорливой сикоморы
Звучали праздничные хоры,
Гремѣли бубны па отлётъ
И брызгалъ перлы водомётъ.
Блистая роскошью Востока,
Ликуетъ пиръ — и кругъ гостей
Всё шире, бойче и хмѣльнѣй.
На праздникъ ждали всѣ пророка.
О нёмъ чудесная молва
Межь возлежавшими ходила,
Что будто въ нёмъ святая сила
Сокрыта, что его слова
Вѣщаютъ странныя сказанья,
Что онъ страдалъ — но презрѣлъ онъ
Всѣ эти дряхлыя преданья
И вызвалъ истины законъ.
Онъ въ человѣкѣ видитъ брата;
Его крушитъ одна утрата
Любви и истины въ сердцахъ
И такъ онъ святъ, что предъ толпою
Любая грѣшница съ мольбою
Предъ нимъ повергнется во прахъ.
И вдругъ, съ надменною улыбкой,
Презрѣнья гордаго полна,
Лѣниво выгнувъ станъ свой гибкой,
Отъ ложа вспрянула она.
«Не вѣрю я», она сказала,
«Чтобъ вашъ прославленный пророкъ
Прельститься женщиной не могъ!
Повѣрьте мнѣ: я испытала
Съ-измладу силу женскихъ чаръ,
Когда и царственный кидаръ
Склонялся къ этому подножью,
Какъ-будто къ жертвеннику божью.
Не вѣрю я! И знайте — онъ
Ко мнѣ склонится, какъ повѣса,
Призывомъ первымъ охмѣлёнъ!»

Но вотъ расторглася завѣса —
И входитъ Онъ — и простъ и святъ.
И всѣ замолкли — ждутъ, глядятъ!
И встала гордая блудница.
Соблазна женскаго полна,
Въ величьи царственномъ она
Къ нему подходитъ; какъ орлица,
Взглянула въ очи — мигъ — и вдругъ
Въ ея чертахъ нѣмой испугъ...
Уста и взоръ полураскрыты...
Вздрогнула, съ ужасомъ въ очахъ,

Лицо скрывая въ покрывало —
И вдругъ повергласе во прахъ
И въ изступленьи зарыдала.
И передъ Нимъ, склонясь у ногъ,
Она дрожитъ — и, сквозь рыданье,
У ней вдругъ вырвалось признанье
«Ты побѣдилъ меня, пророкъ!
Прости же дерзкому невѣрью,
Простри цѣлительную длань —
И въ жизнь войду я узкой дверью!»
И онъ сказалъ ей кротко: «встань!»

II.

ПОСЛѢДНЯЯ БАРРИКАДА.

Мнѣ снился мучительный сонъ:
Гасъ вечеръ на небѣ багровомъ
И въ воздухѣ грохотъ и стонъ
Носились въ величьи суровомъ.
Вся улица кровью полна,
Весь городъ въ смятеньи отъ страха —
И вонъ ужь позорно видна
На площади чорная плаха.
Подъ ядрами рушится домъ,
Визжитъ и взвивается пламя
И вѣетъ во пламени томъ
Кровавое, красное знамя.
Работаютъ дружно штыки,
Гремятъ вдалекѣ барабаны
И ломятся массой полки
Къ заваламъ, въ народные станы.
Рѣдѣетъ защитниковъ строй,
Густѣютъ враговъ ихъ громады —
И падаютъ всѣ чередой
Одна за другой баррикады.
Но вотъ и послѣдній упалъ
Оплотъ угасавшей надежды!
Вдругъ кто-то надъ павшими всталъ
Въ сіяніи бѣлой одежды:
Надъ облакомъ дыма, во мглѣ,
Стоялъ Онъ на той баррикадѣ
Съ терновымъ вѣнцомъ на челѣ
И съ мукой предсмертной во взглядѣ.
Онъ руки свои простиралъ,
Гвоздями пробитыя руки
И ликъ его кроткій дышалъ
Страданьемъ божественной муки.
Вѣтвь мира для міра всего
Держалъ онъ средь павшаго стана
И въ правомъ боку у него
Сочилася новая рана.
И тихо народъ умиралъ,
Лобзая священныя раны —
А вечеръ во мракѣ вставалъ
И били вдали барабаны.

Ѳ. Н. БЕРГЪ.

Ѳёдоръ Николаевичъ Бергъ родился 11-го сентября 1840 года въ Пензенской губерніи. На литературное поприще выступилъ онъ въ 1860 году съ двумя стихотвореніями: однимъ оригинальнымъ, начинающимся стихомъ: «На улицахъ среди толпящихся людей...» и другимъ — переводнымъ, «Изъ Барбье», напечатанными въ 12-й книжкѣ «Современника» на 1860 годъ. Затѣмъ въ 6-й и 12-й книжкахъ того же журнала на 1861 годъ было напечано ещё шесть оригинальныхъ и переводныхъ его стихотвореній, во «Времени» того же года (№№ 3, 5, 6, 7, 9 и 12) — десять пьесъ, а въ слѣдующемъ 1862 году — двѣнадцать, въ томъ числѣ — «Въ полѣ» и «Зайка» — два лучшія его стихотворенія, въ «Свѣточѣ» того же 1862 года — десять, въ «Иллюстраціи» (томъ X) — четыре, наконецъ, въ 1863 году явились въ первыхъ четырёхъ книжкахъ «Времени» и «Современника» послѣднія шесть его пьесъ, послѣ чего они уже не появлялись болѣе въ обѣихъ журналахъ. Затѣмъ, стихотворенія Берга стали появлятся въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ видѣ переводовъ изъ Гейне; но вскорѣ исчезли и оттуда, и съ тѣхъ-поръ уже не являлись на страницахъ журналовъ до 1869 года, когда они снова стали печататься въ «Зарѣ», но уже подъ псевдонимомъ: *Боевъ.* Здѣсь, въ теченіе 1869 и 1870 годовъ (№№ 1, 4, 8, 9, 10 и 2, 4, 8 и 12), было напечатано одиннадцать новыхъ его стихотвореній, въ томъ числѣ два переводныхъ: «Болгарская пѣсня» изъ Гартмана и «Забота» изъ Гейне. Кромѣ исчисленныхъ здѣсь стихотвореній, Бергъ писалъ и прозой. Именно — въ «Современникѣ» 1863 года, книжка 2-я и 3-я, былъ напечатанъ его романъ въ двухъ частяхъ «Закоулокъ», въ «Зарѣ» на 1869 и 1870 года (нумера 10, 11 и 12, и 8) «Замѣтки изъ путевой книжки» и «Страна горъ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Иллюстраціи» и «Библіотекѣ для Чтенія» — разсказы: «Незадача», «Необычный случай», «Три ключа», «Хорестка», «Каменный Островъ» и другіе.

Независимо отъ перечисленныхъ здѣсь сочиненій и переводовъ Берга, помѣщённыхъ въ журна-

лахъ, онъ издалъ — самъ и вмѣстѣ съ покойнымъ поэтомъ В. Костомаровымъ — слѣдующія три сборника стихотворныхъ переводовъ: 1) Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ. Переводы В. Костомарова и Θ. Берга. Два выпуска. М. 1860 и 1862. 2) Поэты всѣхъ времёнъ и народовъ. Переводъ В. Костомарова и Θ. Берга. Спб. 1862. 3) Полное собраніе сочиненій Г. Гейне въ русскомъ переводѣ, изданномъ подъ редакціею Θ. Н. Берга. Томъ I. Спб. 1863. 4) Романсеро Г. Гейне. Переводы В. Костомарова и Θ. Берга. Спб. 1864. 5) Заозёрье. Очерки и разсказы изъ жизни лѣсного края. Н. Боева. Спб. 1874. 6) Въ четырёхъ стѣнахъ. Повѣсть изъ поденевныхъ записокъ Н. Боева. Спб. 1874. Кромѣ того, онъ издалъ, вмѣстѣ съ А. П. Плещеевымъ, книжку для дѣтскаго чтенія, подъ заглавіемъ: «Дѣтская книжка. А. Плещеевъ и Θ. Бергъ.» М. 1861.

I.

ВЪ ПОЛѢ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти сёла, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струёй благовонною
Въ рощу зелёную,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, вёдра въ поля
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку чорную,
Шире косой размахнуться проворную —
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьётъ, саранча не напустится.
Какъ всё кругомъ зацвѣтётъ да распустится —
Знай увози собирай!
Въ полдень ли жаркій, полуночью ль тихою,
Мёдомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба что стѣна
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое
И зашумятъ, какъ волна.
Пѣсни по сёламъ споются весёлыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжолыя —
Горы сноповъ повезутъ.
Всё чѣмъ поля за труды ни поплотятся
Всё на току на сухомъ умолотится,
Всё въ закрома покладутъ.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Что бы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слёзъ неутѣшныхъ не лилось —
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

II.

ЗАРЯ.

Заря! Уныньe, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьётся жизни жаждой.
Толпою бодрою идёмъ на жизнь и трудъ;
Своё для всѣхъ положитъ каждый.

Идёмъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы.

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная,
По сёламъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужь вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землёй!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни —
И храма ветхаго — подъ твёрдою стопой —
Дрогнули мшистыя ступени.

В. П. БУРЕНИНЪ.

Викторъ Петровичъ Буренинъ, сынъ свободнаго художника, родился въ 1841 году въ Москвѣ. Воспитывался онъ сперва дома, а потомъ въ Архитектурномъ училищѣ въ Москвѣ. Окончивъ курсъ въ этомъ заведеніи, Буренинъ, не чувствуя никакой склонности къ своей спеціальности, на изученіе которой употребилъ не мало труда и времени, круто повернулъ въ другую сторону и смѣло по

шолъ тернистымъ путёмъ писателя, который манилъ его съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Хотя Буренинъ, начавшій писать оченъ рано, сочинялъ во всѣхъ родахъ, въ стихахъ и прозѣ, тѣмъ не менѣе, ещё въ училищѣ, произведенія его отличались преимущественно сатирическимъ направленіемъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что первыми печатными произведеніями его были юмористическіе куплеты, появившіеся въ «Искрѣ» и «Свисткѣ». Эти въ первый разъ напечатанныя стихотворенія были: «Шабашъ на Лысой горѣ, или журналистика въ 1862 году», помѣщённый въ 46-мъ нумерѣ «Искры» на 1862 годъ и «Драматическія сцены по поводу выхода «Современника», напечатанныя въ 4-й книжкѣ «Современника» на 1863 годъ, съ подписью: «Владиміръ Монументовъ». Затѣмъ, на страницахъ «Искры» 1863 — 1866 годовъ появился цѣлый рядъ юмористическихъ стихотвореній Буренина, подписанныхъ тѣмъ же псевдонимомъ, изъ которыхъ многія обратили на себя вниманіе читателей этого сатирическаго журнала, благодаря своей весёлости и звучности стиха. Рядомъ съ этими юмористическими стихотвореніями, на страницахъ тѣхъ же двухъ журналовъ, стали появляться и пьесы серьёзнаго содержанія, уже подписанныя настоящимъ именемъ ихъ автора. Этими, въ первый разъ напечатанными, пьесами Буренина въ «Современникѣ» были слѣдующія два оригинальныхъ его стихотворенія: «Поникъ я долу головой...» и «Какая жалкая судьба...» (1863, № 3), а въ «Искрѣ» — переводъ «Минотавра» Барбье (1863, № 50). Продолжая сотрудничать въ «Современникѣ» до его запрещенія въ 1866 году, Буренинъ помѣстилъ въ нёмъ слѣдующія стихотворенія: «Много въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ...», два перевода изъ Барбье: «Жертвы» и «Прогрессъ» (1863, №№ 4 и 6) одинъ изъ Гуда — «Сонъ «Евгенія Арама» (1864, № 5), и «Парижъ» изъ Барбье (1865, № 11). Затѣмъ онъ перенёсъ свою дѣятельность въ «Вѣстникъ Европы», гдѣ, начиная съ 9-й книжки 1868 года, были напечатаны слѣдующіе восемь его переводовъ: «Грѣшница», поэма А. де Виньи (1868, № 9), «Неронъ», трагикомедія Гуцкова (1869, №№ 3, 5, 6 и 7), «Нищая на мосту» изъ Мередита (1870, № 12), «Греція» изъ «Гяура» Байрона, «Моисей на Нилѣ» изъ Гюго, «Къ Италіи», изъ Леопарди (1871, №№ 2, 6 и 11), «Дочь воздуха», изъ трагедіи Кальдерона и «Ролла», поэма Альфреда де-Мюссе (1872, №№ 3 и 10) и три оригинальныхъ пьесы: «Чурило Пленковичъ», «Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ» и «Микула Селяниновичъ» (1872, №№ 4 и 6). Въ то же время въ журналахъ «Отечественныя Записки», перешедшемъ съ начала 1868 года подъ другую редакцію, были помѣщены слѣдующія оригинальныя и переводныя пьесы Буренина: «Воспоминаніе ночи 4-го декабря» и «Весёлая жизнь» — изъ Гюго, «Пѣсня работника» изъ Гуда (1869, №№ 2, 3 и 8), «Изъ «Châtiments» Гюго», «Пѣснь Цирка», изъ Гюго (1870, № 11), «Праздникъ Нерона», изъ Гюго, «Жалобы», «Пѣсни дня», «Изъ В. Гюго», «Общественное мнѣніе», «Изъ Гейне», «Всё улучшается» и «Исторія» (1871, №№ 3, 4, 6 и 9). Кромѣ того, въ томъ же журналѣ (1871, №№ 1 и 3) былъ напечатанъ цѣлый рядъ юмористическихъ его стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ «Военно-поэтическіе отголоски», куда вошло 14 слѣдующихъ пьесъ: «Графъ Шенгаузенскій», «Прусская каска», «Дары прогресса», «Шмидтъ и его сыновья», «Герой», «Талисманъ», «Генералъ», «Вопль пруссака», «Торжество побѣдителей», «Будущность прогресса», «Современный типъ», «Цѣль жизни при всеобщей военной повинности», «Миръ и война» и «Гимнъ лиро-поэтическій на полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генералъ лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія». Стихотворенія эти подписаны псевдонимомъ: «Выборгскій пустынникъ», какъ равно и «Пѣснь о Педефилѣ и Педемахѣ», напечатанная тамъ же (1871, № 6). Наконецъ, онъ помѣщалъ иногда свои стихотворенія въ прекратившейся «Бесѣдѣ» и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

Начиная съ 1865 года, Буренинъ сталъ преимущественно посвящать своё время журнальной дѣятельности, работая въ качествѣ одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ еженедѣльно, почти въ теченіи десяти лѣтъ, появлялись его статьи, подъ заглавіемъ: «Журналистика», подписанная буквою Z. Въ настоящее же время Викторъ Петровичъ состоитъ однимъ изъ постоянныхъ членовъ редакціи газеты «Новое Время», въ которомъ еженедѣльно являются его «Литературныя Очерки».

ПРИЗНАКИ.

Много въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ
Слышалъ я отъ няни старой;
Западали въ душу тайно
Ихъ пугающія чары.
Ночью, лёжа на постелѣ,
Я дрожу во тьмѣ, бывало,
Въ страхѣ дѣтскую головку

Закрывая въ одѣяло.
Всё мнѣ чудится, что свищетъ
И гудётъ мятель сердито,
Лѣсъ шумитъ — и слышенъ топотъ,
Топотъ лѣшаго копыта.
Всё мнѣ чудится, что поле
Принакрыто снѣгомъ бѣлымъ,
И надъ нимъ несутся вѣдьмы
Съ мертвецомъ окоченѣлымъ.
Всё мнѣ чудится, что въ домѣ
Ставни оконъ заскрипѣли:
Вотъ подходитъ тихо-тихо
Домовой къ моей постели.
Словно листъ, дрожу я въ страхѣ
И, уткнувъ лицо въ подушку,
Я бужу внезапнымъ крикомъ
Няню, добрую старушку.
И, проснувшись, няня съ лаской
Ликъ сѣдой ко мнѣ склоняетъ,
Креститъ мнѣ постель и громко
«Да воскреснетъ Богъ» читаетъ.
И, обнявъ ей крѣпко шею,
Я съ боязнію рыдаю,
Но, старушкой успокоенъ,
Скоро сладко засыпаю.

Дни младенчества промчались,
Унеслися грёзы эти
Мрака страшныя видѣнья
Смѣлой мысли при разсвѣтѣ.
Только призраки иные
Ихъ смѣнили чередою,
Что и въ яркомъ дня сіяньи
Тяготѣютъ надъ душою.
То ни демоны, ни вѣдьмы,
Что проносятся въ туманахъ:
Вотъ лежитъ на камнѣ голомъ
Нищій въ рубищѣ и ранахъ;
Вотъ судья: лохмотья съ бѣдныхъ
Рвали часто эти руки —
И теперь онѣ несчастныхъ
Палачу ведутъ на муки;
Вотъ пророки: правды слово
Возвѣщалось ихъ устами —
И они страдаютъ въ тюрьмахъ,
Истомлённые цѣпями.
Сонмы гнусныхъ лицемѣровъ,
Палачей толпы народной,
Денегъ звонъ, разврата клики,
Вопли бѣдности голодной —
И надъ всѣмъ тупая сила,
Вѣя мракомъ зла, тлетворно
Налегла видѣньемъ страшнымъ,
Налегла, какъ демонъ чорный.
Сонмы призраковъ проходятъ,
Полны воплей и стенаній —
И теперь ихъ не отгонятъ
Крестъ и ласка старой няни.

II.

Поникъ я долу головой,
Осиленъ горемъ до истомы.
Вотъ нива жизни: жгучій зной
Всё сжогъ — и грудами соломы
Колосья тощіе лежатъ.
На утро съ первыми лучами
Надъ ней серпы не зазвенятъ,
И жолтые снопы подъ рядъ
Не лягутъ пышными скирдами.

Я помню: съ горъ сошла вода;
Весна дохнула тёплымъ вздохомъ —
И вотъ пришла работа сохамъ,
Пришли святые дни труда.
Я въ нѣдрахъ почвы благотворной
Желѣзомъ острымъ борозду
Провёлъ рукой, въ трудѣ упорной
И въ землю смѣло бросилъ зёрна —
И благодати ждалъ труду.

Съ зарёй надъ нивою звенѣла
Пѣснь жавронка, лилась роса —
И нива пышно зеленѣла,
И долгій колосъ поднялся.
Съ нимъ вѣтеръ заигралъ проворный
И, отъ межи и до межи,
Клонилась рожь волной покорной
И тѣнь отъ облаковъ узорно
Плыла по золотистой ржи.

И что жь? упалъ засохшій колосъ,
Не блещетъ нива красотой
И тщетно жаворонка голосъ
Надъ нею слышится съ зарёй;
И тщетно влагою холодной
Её кропитъ роса ночей:
Никто не оживитъ безплодной!
И съ думой горя безысходной
Стою я, пахарь, передъ ней.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предъидущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Въ вечеру, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ — о, Мерзляковъ —
Изъ Омира по-сю-пору
Недописанныхъ стиховъ.

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ
И въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ Жолтый Домъ.

Отъ любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,

О, Каверинъ! Долгъ романамъ
Былъ тобою заплачёнъ;
Но, сказавъ «прости» обманамъ,
Ты давно ужь сталъ умёнъ.

Ахъ, и я!... Но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
Я чиннёхонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой владѣть луной
И портретъ Наполеона
Намалёванъ какъ живой.

Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень чётко: «Сей отдѣлъ
Прозаистамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторàмъ;
Не по чину, не по лѣтамъ —
Здѣсь мѣста по нумерамъ.»

Двери настежь надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
«Нумеръ первый — вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ!
Букву *«э»* на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжотъ.»
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поётъ.

То кавыки созерцаетъ,
То, обнюхивая, гниль
Духу розъ предпочитаетъ,
То стряхаетъ съ книжицъ пыль,

И, въ восторгѣ восклицая,
Набиваетъ ею ротъ:
«Соръ славянскій, пыль родная,
Слаще ты, чѣмъ медъ и сотъ!»

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненый, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ,
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.

Нумеръ третій — на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не закупоренъ стоитъ;
«Книга Кормчая» отверста,
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены:

«О, Расинъ, откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго «Стоглава»
Ты «Гофолію» укралъ!
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ «Андромахѣ» — подражанье
«Погребенію кота».

«Ты ль, Хвостовъ?» къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я. «Тебѣ ль здѣсь быть?
Ты дуракъ — не сумасшедшій:
Не съ чего тебѣ сходить».
— «Въ Буало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезглавилъ».
Быстро онъ проговорилъ —

И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую «ѳиту».

И на утвари повсюду
Коронованныя «кси»,
Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ «юсъ» и «пси»,
Томъ, въ сафьянъ переплетённый,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумлённый —
И узналъ, что то́ Шишковъ.

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
«Се, се, россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ зіяетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ
И чрезъ Ворсклу при препавѣ,
Градовъ на сушѣ творецъ
Съ дерзостью потолъ ко славѣ —
И поэмы сей конецъ!»

Вотъ Жуковскій: въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ;
То глазкомъ ей подмигнётъ
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и ревётъ.

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
Бюстъ грызётъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течётъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

Вотъ Станевичъ. Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ, потомство, за меня
Злому критику отмстите!
Мой изъ бронзы выливъ ликъ —
Монументъ соорудите:
Я великъ, великъ, великъ!»

Чудо: подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ сидитъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ
И поётъ онъ сладкогласно:
«Тихъ спокоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно — ужасно:
Крокодилъ на нёмъ лежитъ.»

Вотъ Грузинцевъ: онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
— «Вѣрно ваше сочиненье?»
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
— «Нѣтъ, Софоклово творенье!»
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

Вотъ Измайловъ, авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ;
Мой предметъ — носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!»

Я бѣжать безъ дальнихъ сборовъ.
— «Вотъ ещё!» сказали мнѣ.
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Если бъ такъ какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала бъ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ!»

Отъ досады и отъ смѣху
Утомлёнъ, я поспѣшилъ
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
«Рады вы, или не рады,
Но указъ ужъ получёнъ:
Вамъ отсель нельзя ни пяди!»
И указъ тотчасъ прочтёнъ:

«Тотъ Воейковъ, что Делиля
Такъ безбожно исказилъ,
Запятнать хотѣлъ «Эмиля»
И Виргилію грозилъ —
Долженъ быть, какъ сумасбродный,
Въ цѣпь посаженъ, въ жолтый домъ.
Голову обрить сегодня
И тереть почаще льдомъ!»

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И, проснувшись, не очнулся
И не вѣрилъ самъ, что спалъ.
Други, къ вамъ я за совѣтомъ!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать — не быть поэтомъ!
А писать начать — боюсь!

И. П. МЯТЛЕВЪ.

ИЗЪ «СЕНСАЦІЙ КУРДЮКОВОЙ».

I.

Я доѣхала до Берна.
На дворѣ ужасно скверно:
Дождикъ, вѣтеръ, *де ля нежъ* —
Такъ-что даже не въ терпежъ.
Харитону любо стало:
Русь ему напоминало!
Снѣгъ и слякоть! Фанатизмъ!
Этакой патріотизмъ —
Есть патріотизмъ холопа.
Не завидуетъ Европа
Нашимъ вьюгамъ и снѣгамъ,
Ни курнымъ у насъ избàмъ,
Ни мятелямъ, ни ухабамъ,
Ни крестьянскимъ нашимъ бабамъ,
Что одѣты *а пе пре*,
Комъ де сакъ, и ни икрѣ,
Ни сосулькамъ, ни баранкамъ,
Ни батвиньѣ, ни цыганкамъ —
А завидуетъ она,
Что Россія такъ сильна,
Что народъ такой чудесный:
Духомъ, твёрдостью извѣстный,
Молодецъ всё къ молодцу,
Преданъ такъ царю-отцу,
Что скажи онъ только слово —
Всё стремится, всё готово,
Всё кипитъ, и захоти —
Рады всѣ на смерть идти;
Мановеньемъ только брови
До послѣдней капли крови
Онъ потребуй — отдадутъ!
Вотъ и говорятъ «нихтъ гутъ» —
Иностранцы. Имъ досадно,
Что у насъ въ Россіи ладно,
Точно какъ семья одна
И, какъ моська на слона,
Издали на насъ ярятся.
Пусть ихъ лаютъ: утомятся,
Какъ увидятъ, что ихъ крикъ
Ни почёмъ. Нашъ Богъ великъ!
Велика у насъ и вѣра:
Вотъ успѣховъ нашихъ мѣра!

Мы стоимъ гора-горой!
Осѣнивъ себя рукой,
Никого не задѣваемъ:
Всѣмъ имъ здравствовать желаемъ;
Но не тронь они и насъ,
Иль не сыщется *ля плясъ*,
Гдѣ когда-то ихъ видали:
Просто — поминай какъ звали!

Вотъ чѣмъ русскій патріотъ
Долженъ дорожить и вотъ,
Что такъ бѣситъ иностранцевъ,
Нѣмцевъ, англичанъ, испанцевъ
И французовъ, *э ле свисъ*.
Какъ ни силься, ни ярись —
Какъ волна она морская,
Съ ревомъ, съ пѣной прибѣгая,
На кронштадтскій нашъ гранитъ
Налетитъ — и отбѣжитъ;
А гранитъ не замѣчаетъ
Этихъ брызговъ — и сіяетъ
Еще болѣе отъ нихъ,
Когда солнце, какъ женихъ,
Изъ морскихъ зыбей воспрянетъ,
На Кронштадтъ любовно взглянетъ,
Какъ привѣтствіе утра
Славной памяти Петра.

Но про нашихъ патріотовъ
Есть не мало анекдотовъ.
Патріотъ иной у насъ
Закричитъ: «*дю* квасъ, *дю* квасъ,
Дю разсольникъ огуречный!»
Пьётъ и морщится сердечный:
Кисло, солоно, *мове*,
Ме се Рюсъ — э ву саве —
Надобно любить родное,
Дескать даже и такое,
Что не стоитъ ни гроша.
Же не ди па — ла каша
Манная, *авекъ де* пѣнки,
Ла марошка, *лез' апенки*,
Поросёнокъ *су ле* хрѣнъ,
Ле кисель, *э ле студенъ*
Очень вкусны; но не въ этомъ
Ле патріотизмъ! Замѣтимъ,
Что онъ долженъ быть въ душѣ.
Въ кушаньѣ — *с'етъ енъ пеше*:
Са с'апель — служить мамону.
Про свою я вотъ персону
Растолкую просто — такъ:

Постою за свой буракъ
И за свой горшокъ со щами,
Какъ другая; но — межь нами —
Если поваръ мнѣ подастъ
Иногда, *пуръ ле контрастъ*,
Де фуа-гра пате Страсбурга,
Или *бефъ сале* Гамбурга,
Иль французскій *дендъ трюфе* —
Что жь такое? *ке-с'къ са фе?*
Отъ того не измѣнюся,
Что наѣмся иль напьюся
Коместиблей чуждыхъ странъ.
Же не сви па басурманъ;
Но по мнѣ лафитъ, нѣтъ слова,
Лучше пѣннаго простова.

2.

Для меня готова барка:
Отправляюсь. Къ льву Сантъ-Марка
Надо съѣздить на поклонъ.
Этотъ левъ — *де са колонъ* —
На весь міръ металъ перуны;
Покрывалися лагуны
Кораблями разныхъ странъ;
И коммерція *анъ-гранъ*,
И военные успѣхи,
И искусства, и утѣхи
Процвѣтали *а Венизъ*.
Правилъ ей *Консель де Дизъ*,
Книги бархатной вельможи;
Королями были — дожи.
Былъ у нихъ *ле бусанторъ*,
Энъ плашкотецъ, весь *анъ оръ* —
И на воду опускался,
Съ моремъ дожъ когда вѣнчался.

Какъ подумаешь — *геласъ* —
Отчего не родилась
Я во время этихъ свадебъ?
Мнѣ подумалося: я-де бъ
Тутъ вошла въ *ривалите*
Съ моремъ — *э де монъ коте*
Нарядилась бы сиреной:
Газомъ *анъ аржанъ*, какъ пѣной,
Окружилась бы — и что жь?
Можетъ-быть — *мосье ле дожъ*,
Видя и меня и море,
Предпочёлъ бы въ этомъ спорѣ
Дамы бѣлокурой ликъ

А ла меръ Адріатикъ.
Это дѣло *сантимента!*
По каналу *де ла* Брента,
Что межь дачъ и какъ въ саду
Тянется *депюи Паду*,
Подвигаясь по немногу —
И вдругъ вскрикнула, ей-Богу:
Удивилась! Предо мной
Море синее: волной
Насъ привѣтствуетъ, играя,
И, роскошно дорогая,
Солнце небо золотитъ.
Запоздалая летитъ,
Въ дальней влагѣ небосклона
Исчезая, гальціона.
Такъ мечта о прежнихъ дняхъ,
Невозвратныхъ, въ небесахъ
Иногда намъ засіяетъ —
И въ туманѣ исчезаетъ.

Но вотъ вдругъ, среди валовъ,
Средь зыбей, ряды домовъ,
Точно лебеди, всплываютъ;
Изъ-за нихъ въ огнѣ сіяютъ
Тамъ и сямъ главы церквей.
Помнится, *данъ л'«Одиссей»*
Говоритъ Гомеръ: изъ пѣны
Выплывали такъ сирены,
И плескалися въ волнахъ,
И рѣзвились при лучахъ
Догорающей денницы.
Я гомеровы страницы
Развернула: *ла Венизъ*
Изъ воды, *комъ юнъ сюрпризъ*,
Появилась предо мною —
И я мыслей и душою
Унеслась въ тѣ времена,
Гдѣ такъ славилась она.
И весь бытъ ея, крамолы,
Маскарады, баркароллы,
Пѣсни, ревность и любовь,
Инквизиція и кровь —
Всё такъ живо мнѣ явилось,
Будто бы вчера случилось,
Будто бы при нихъ была
Я сама. Вотъ тутъ цвѣла
Красотою Дездемона:
На челѣ ея корона
Счастья, нѣги и любви —
Вдругъ кинжалъ въ ея крови
Омываетъ изступлённый
Мавръ, отчаянный, влюблённый,
Довѣряясь клеветѣ.
Тутъ въ безмолвьи, въ темнотѣ
Засѣдала инквизицья,
Преужасная полицья!
Десять аргусовъ такихъ,
Что не скроешься отъ нихъ.
Тутъ *иль Понте дей Соспире*,
Гдѣ въ туманѣ и въ эѳирѣ
Исчезали вздохи тѣхъ
Жертвъ несчастныхъ, что, на грѣхъ,
Инквизицьи попадались,
И въ мѣшки ей зашивались
И бросалися въ каналъ.

Вотъ здѣсь былъ тотъ карнавалъ
Знаменитый, незабвенный,
Гдѣ со всѣхъ концовъ вселенной
Отставные *мажесте*,
Философы и *боте*
Собирались и гуляли,
И другъ съ другомъ толковали
Объ утратѣ ихъ коронъ.

Вотъ, быть-можетъ, тотъ балконъ,
Гдѣ красавица внимала
Серенадѣ — и давала
Знакъ условный при лунѣ,
О желаньи *промене.*
И красавица на волѣ,
И красавица въ гондолѣ
Съ милымъ другомъ; но супругъ
Догадался... Для услугъ
У него всегда есть *бравы.*
Тасса между-тѣмъ октавы,
При плесканіи волны,
Раздаются — и полны
Страсти, нѣги, упоенья,
Безъ заботы, безъ сомнѣнья
Ѣдутъ *нозъ герезъ аманъ*
По каналу *Малеманъ.*
До Пьяцетты доплываетъ
Ихъ гондола: тутъ гуляетъ
Незнакомый *домино;*
Подошолъ — и рѣшено:
Трупъ любовника въ каналѣ:
Поминай его какъ звали!

—

Н. Ф. ПАВЛОВЪ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лотерей
Весь годъ я тѣшилъ въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.

Для братьевъ сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ:
Я танцовалъ для хромоногихъ,
Я для голодныхъ ѣлъ и пилъ.

Рядился я для обнаженныхъ,
Для нищихъ сдѣлался купцомъ;
Для погорѣвшихъ, разорённыхъ
Отдѣлалъ за̀-ново свой домъ.

Моихъ малютокъ милыхъ кучу
Я человѣчеству обрёкъ:
Плясала Машенька качучу,
Дивила полькою Сашокъ.

Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
Занемогла моя Анюта
Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.

Я для слѣпыхъ пошолъ въ картины
И отличался, какъ актёръ;
Я для глухихъ пѣлъ каватины,
Я для калѣкъ катался съ горъ.

Вѣдь мы не варвары, не турки:
Кто слёзы отереть не радъ?
Ну какъ не проплясать мазурки,
Когда страдаетъ меньшій братъ?

Во всёмъ прогрессъ по волѣ неба,
Законъ развитія во всёмъ:
Людей безъ крова и безъ хлѣба
Всё больше будетъ съ каждымъ днёмъ.

И съ бо̀льшей жаждой дѣлъ прекрасныхъ
Пойду, храня священный жаръ,
Опять на всё я за несчастныхъ —
На балъ, на раутъ, на базаръ!

—

Ѳ. С. ЧЕРНЫШОВЪ *).

ИЗЪ «СОЛДАТСКОЙ СКАЗКИ».

Становитесь въ круговую
Слушать сказку удалую!
Разскажу вамъ — не солгу,
Только — чуръ — ужь ни гугу:
Будетъ быль, не небылица!
Въ ротѣ, въ комнатѣ одной,
Въ полночь самую, порой,
Треснетъ полъ, какъ лёдъ зимой,
И запляшетъ половица;

*) Ѳёдоръ Сергѣевичъ Чернышовъ — авторъ извѣстной «Солдатской сказки про двухъ царей, Россійскаго и Нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь Русскій, перещеголявъ царя Нѣмецкаго, поступилъ великодушно» — родился въ 1805 году въ Калужской губерніи, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, съ 1815 по 1824 годъ, изъ котораго выпущенъ былъ въ Преображенскій полкъ прапорщикомъ въ 1824 году. Въ 1835 были извѣстные Калишскіе манёвры: Пруссія браталась съ Россіей. Весьма понятно, что при безпрестанныхъ встрѣчахъ офицеровъ и солдатъ обѣихъ армій, прусской и русской, не сбошлось безъ сравненій, шутокъ, насмѣшекъ и соревнованія другъ передъ другомъ — и плодомъ этихъ встрѣчъ и столкновеній была названная нами выше «Солдатская Сказка», написанная молодымъ офицеромъ Чернышовымъ и облетѣвшая мгновенно всю Россію во множествѣ списковъ. Говорятъ, что императоръ Николай Павловичъ находилъ её весьма забавною и что будто, по его повелѣнію, она была налитографирована. Въ 1838 году Чернышовъ былъ уже капитаномъ и въ томъ же году пожалованъ въ флигель-адъютанты и получилъ 675 рублей награды, а въ 1839 году, за сочиненіе солдатской пѣсни, по случаю бородинскаго сбора войскъ для празднованія годовщины славнаго дня битвы при деревнѣ этого имени, ему пожалованъ бриліантовый перстень въ двѣ тысячи рублей и орденъ Св. Владиміра 4-го класса. Въ 1843 году Чернышовъ оставилъ фронтовую службу въ чинѣ полковника и съ 1848 года продолжалъ её, послѣ пятилѣтняго нахожденія въ безсрочномъ отпуску, въ званіи члена разныхъ комитетовъ по улучшенію ружей, а также въ командировкахъ по осмотру резервныхъ и запасныхъ батальоновъ, по производству наборовъ рекрутъ, и—съ 1853— по формированію запасныхъ войскъ. Въ севастопольскую кампанію, онъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя, причёмъ былъ тамъ при бомбардированіи его 24-го августа. Въ 1858 году Чер-

Изъ-подъ ней, въ сѣдыхъ усахъ,
Лѣзетъ котъ на трёхъ ногахъ,
И, мурлыча и мяуча,
Онъ колечкомъ хвостикъ вьётъ,
Сладко пѣсенки поётъ.
У него, вѣдь сказокъ куча:
Распотѣшитъ хоть кого.
Котъ мнѣ кумъ — я весь въ него!
Чтó прислушалъ, по солдатски
Подѣлюся тѣмъ по братски;
А кто сказку перебьётъ,
Или взыщется за слогомъ,
Котъ хвостомъ того убьётъ,
Чортъ повѣситъ надъ порогомъ.

Жили-были два царя:
Царь россійскій, царь нѣмецкій.
Русскій царь — царь молодецкій —
Какъ румяная заря,
Свѣжъ лицомъ и станомъ строенъ,
Какъ копьё богатыря;
Смѣлымъ взглядомъ — Божій воинъ;
Подъ ногой дрожитъ земля;
Между плечъ — сажень косая,
Очи — полночь, бровь густая,
И — чтó стѣны у Кремля —
Грудь широкая, крутая.
Ну, ни въ сказкахъ не сказать,
Ни перомъ не написать!

Царь нѣмецкій — царь пшеничный
И не боекъ красотой:
Рыжій, низенькій, худой,
Взглядъ куриный, носъ брусничный,
А душа вся въ пятачокъ;
Руки фертомъ подъ бочёкъ,
Грудь — что наша рукавица,
Умъ — съ куриное яйцо,
Въ жилкахъ — мутная водица
И какъ чорствый хлѣбъ лицо.
Словомъ, чорту на потѣху!
Но, политику храня,
На нѣмецкаго царя
Русскій царь смотрѣлъ безъ смѣху,
И, какъ слышно даже, встарь,
Какъ-то, гдѣ-то, на походѣ,
Какъ и съ нами на разводѣ,
Поздоровался съ нимъ царь.
Видя первенство большое
Русскихъ славнаго царя,
Молодца-богатыря,
Затаилъ мечтанье злое
Въ бусурманской злой крови
Царь нѣмецкія земли:
Диво выдумать такое,
Славу русскихъ помрачить
И во что бы то ни стало —
Чѣмъ бы, какъ бы ни попало —
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить.

Пролетаютъ дни за днями,
И нѣмецкій весь народъ
Думу думаетъ — и вотъ,
Русскимъ счётомъ черезъ годъ,
Къ нѣмцу съ добрыми вѣстями
Лѣзутъ прямо во дворецъ
И кричатъ, глядя спѣсиво:
«Царству русскому конецъ!
Осрамимъ его на диво!
Отыскался молодецъ:
Хочетъ замокъ онъ построить,
Замкомъ милю заселить,
Крышей облака раздвоить.»

— «Ну, спасибо! Такъ и быть,
Денегъ я не пожалѣю:
Всё отдамъ, чтó ни имѣю,
Только бъ русскому царю,
Молодцу-богатырю,
Моему врагу, злодѣю,
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить.»

Принялися за работы:
Роютъ, мажутъ и стучатъ.
Годъ проходитъ — и ворота
Замка дивнаго стоятъ;
Годъ, другой летитъ, какъ птица —
Стала крыша ужь видна;
Въ третій годъ на кончикъ шпица
Насадили каплуна.
Раздоволенъ царь нѣмецкій:
Свищетъ, пляшетъ и поётъ;
То присядетъ, то вскокнётъ,

нышовъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Коммиссіи, учреждённой въ Петербургѣ для словеснаго разбирательства по просьбамъ и искамъ, но облечённымъ въ законную форму. Потомъ, въ 1861 году, произведёнъ въ генералъ-лейтенанты, а 21-го декабря 1867 года уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Скончался онъ въ 1869 году, въ Петербургѣ.

То, какъ-будто конь турецкій,
Гордо голову дерётъ,
И, спѣсивясь не на шутку,
Наряжаетъ онъ посла,
И велитъ того жь числа,
Въ тотъ же часъ и въ ту жь минутку,
Ѣхать къ русскому царю,
Молодцу-богатырю,
И отдать ему предъ трономъ
Харатейную съ поклономъ.
Пишетъ въ ней нѣмецкій царь:
«Русскій, славный государь!
У меня въ землѣ — всё худо;
Но одно есть — замокъ-чудо!
Въ день кругомъ не обойдёшь,
Въ мѣсяцъ оконъ не сочтёшь
И не можетъ соколъ-птица
Долетѣть до верху шпица;
Крышу только увидать,
Надо шапку прежде снять,
А спину согнуть дугою.
Дивной рѣдкостью такою
Подивить могу я васъ.
Осчастливьте много насъ:
Пріѣзжайте хоть на часъ!»

И поѣхалъ царь на зовъ
И безъ часу въ сто часовъ
Доѣзжаетъ до границы —
Видитъ пламенные шпицы
Свѣтятъ въ небѣ далеко.
Царь подъѣхалъ — высоко
Замокъ выстроенъ чудесный;
Но, досады кроя видъ,
Нѣмцу съ смѣхомъ говоритъ:
«Звалъ меня ты, другъ любезный,
Чудо-замокъ посмотрѣть:
Да у насъ въ Россіи клѣть
Курамъ строятъ вдвое выше.
Хвастай нѣмецъ, да потише!
Знай и совѣсть, знай и честь!
Самъ подумай, чѣмъ дивиться?
У меня солдатикъ есть:
Здѣсь ему ни стать, ни сѣсть,
А куда ужь развалиться.
Шалашышка — замокъ твой!
Чтò смотрѣть! — пора домой.
Мой дворецъ такъ впрямь отличенъ,
Точно близокъ къ чудесамъ;
Но я хвастать не привыченъ:
Пріѣзжай — увидишь самъ».

Получивши приглашенье,
Царь нѣмецкій поспѣшилъ:
Собралъ всё своё имѣнье —
Взялъ въ фурманку уложилъ;
Взялъ всё войско — сотню счётомъ
(Всѣ — на пѣгихъ лошадяхъ,
Всѣ на сѣдлахъ и съ намётомъ,
Всѣ въ желѣзныхъ шишакахъ).
Самъ гофмаршалъ фонъ-деръ-Херовъ,
Съ цѣлой парою пажей,
Впереди шолъ офицеровъ,
Что бъ кричать: «держи правѣй!»
И безъ дня недѣля съ годомъ,
Путь-дорога имъ была.
Сказку сказываютъ ходомъ,
Скокомъ дѣлаютъ дѣла.
Скоро ль, долго ль, но походомъ
Царь нѣмецкія земли,
Весь измученный, въ пыли,
Усталóй, худой и блѣдный
Подъѣзжаетъ наконецъ —
Видитъ — ужасъ — не дворецъ!
Землю жмётъ фундаментъ мѣдный,
Небо жжотъ златой вѣнецъ;
Шире моря-окіана,
Крыша словно безъ конца;
Стѣны, будто изъ тумана,
Всѣ сибирскаго свинца;
По угламъ — рѣзныя башни,
Окна въ нихъ — сердолики,
А на шпицахъ наши шашни,
Сестрорѣцкіе штыки.
Въ башняхъ странствуютъ солдаты;
При бедрахъ у нихъ булаты,
А въ рукахъ ковши, лопаты.
Въ зимній холодъ для потѣхъ
Загребаютъ въ небѣ снѣгъ,
Снѣгъ бросаютъ на долины —
И россійскаго царя,
Молодца-богатыря,
Грудь и очи соколины
Превозносятъ въ небесахъ.
Солнце — мячикъ въ ихъ рукахъ:
Имъ солдатушки лихіе
Въ дни играютъ гулевые;
А съ молодушкой-луной,
Какъ съ подругой дорогой,
Разговоръ ведутъ и дружбу,
День и ночь несутъ ей службу:
Моютъ свѣжею водой,
Берегутъ лица румянецъ,

Трутъ кирпичикомъ, золой
И зубкомъ наводятъ глянецъ.
Словно маленькой сестрой,
Новой тѣшатся луной.
Старой — плохо: тесаками
Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
Какъ потѣшными огнями,
Разукрасить неба сводъ,
Словно Питеръ въ новый годъ.
Пёстры курочки рядами
И повзводно пѣтушки,
Золотые гребешки,
Разноцвѣтными хохлами,
Разнопёрыми хвостами
Пыль на башенькахъ метутъ.

Въ нѣмцѣ жизни не замѣтно,
Стыдъ коверкаетъ лицо.
Царь ведётъ его привѣтно
На широкое крыльцо
Чрезъ гранитныя ступени,
Въ малахитовыя сѣни.
Двери вскрылися собой —
Такъ и блещутъ бирюзой.
За дверями часовой
Въ ярко-вышитомъ мундирѣ;
Всѣ кресты, какіе въ мірѣ
Можно выдумать и счесть,
На груди его — всѣ есть;
На рукахъ пятьсотъ шевроновъ:
Цѣлыхъ двѣсти золотыхъ,
Остальные — изъ басоновъ,
Не простыхъ, а вышивныхъ;
Въ каждомъ — два десятка клѣтокъ,
Въ каждой клѣткѣ — сто замѣтокъ,
Счётъ забрàнныхъ городовъ;
Въ часъ не вымѣрять усовъ;
А рукою богатырской —
И подумать — задрожишь:
Лондонъ городъ и Парижъ
Зашвырнётъ за край Сибирской.
Изъ сѣней покоевъ рядъ
Поражаетъ нѣмца взглядъ
Блескомъ радуги чудесной:
Всѣ блестятъ, какъ сводъ небесный.
Черезъ нихъ рѣзнымъ поломъ,
Шитымъ бисеромъ ковромъ,
Въ залъ проходятъ танцовальный,
Весь гранный, весь хрустальный —
Стѣны, полъ и потолокъ;
Искры — каждый уголокъ:
Всё горитъ огнёмъ хитрецкимъ,
Смысломъ русскимъ, молодецкимъ.
Какъ поспѣлъ хрустальный залъ,
Стало солнышко проситься —
Посмотрѣть и подивиться.
Зодчій промаха не далъ
(Какъ фельдфебель былъ удалъ)
Солнце ввёлъ и — заперъ залъ —
И горитъ оно въ затворѣ.
Русски дѣвушки въ уборѣ,
Въ дымкахъ, словно въ облачкахъ,
Всѣ въ торжковскихъ кушачкахъ,
Всѣ въ глазетныхъ башмачкахъ,
Пляшутъ, вьются до упада.
Шолку — кудри ихъ досада,
Зубки — жемчугу не надо,
Щёчки — розаны изъ сада,
Вздохи — вешняя прохлада,
Станъ и плечи — всё подъ рядъ;
А изъ отблесковъ алмаза
Каждой вставлены два глаза;
Да за-то ужь и горятъ!

Видя странности такія,
Царь нѣмецкій: «Ахъ! да ахъ!»
Да вдругъ въ ноги чубурахъ
И кричитъ: «Ура, Россія!»
А россійскаго царя,
Молодца-богатыря,
Проситъ — бѣдный — со слезами
Въ живѣ къ дому отпустить,
И клянётся небесами
Впредь на вѣкъ покорнымъ быть,
Дурь нѣмецкую забыть.
Любятъ русскіе смиренье!
Въ молодецку царску грудь
Западаетъ сожалѣнье:
Царь не сердится ничуть,
Не бранитъ его нисколько —
Щолкнулъ по носу — и только,
Говоря: «умнѣе будь!»

—

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

РЕВЕЛЬСКІЙ БАРОНЪ.

Близь Ревеля баронъ, любитель псовъ,
    Жилъ съ деревенской простотою.
Онъ, день и ночь гоняя русаковъ,
    Увязъ въ долгахъ — и съ головою.

Ему не былъ законъ знакомъ!
Онъ продалъ барскій домъ съ селомъ
И съ милой родиной простился.
Бѣжитъ баронъ тишкомъ пѣшкомъ;
Пришолъ въ Москву—рядкомъ съ крыльцомъ
Въ трактирѣ скромно поселился.

Баронъ въ Москвѣ безъ прихотей, безъ слугъ,
И кошелёкъ его въ чахоткѣ.
Въ изгнаньи съ нимъ его вѣрнѣйшій другъ —
Султанъ, извѣстный въ околодкѣ.
Казалъ его конямъ, полямъ,
Охотникамъ, гостямъ, псарямъ:
Пускался съ мѣста онъ стрѣлою;
Летая по горамъ, доламъ,
Рвалъ рёбра русакамъ, лисамъ —
И съ лапкой возвращался съ бою.

Ещё другой отрадою скорбей
Былъ рогъ охотничій старинный:
Всѣ радости давно минувшихъ дней
Онъ оживлялъ въ душѣ пустынной.
Сражонный рокомъ, мой герой,
Услышавъ звукъ живой, родной,
Летѣлъ въ предѣлы отдаленны,
Гдѣ солнце надъ горой крутой
Льётъ утренній свой лучь златой
На древни рыцарскія стѣны.

Баронъ въ Москвѣ, проснувшись на зарѣ,
Блуждалъ вокругъ знакомой кровли.
Вдругъ видитъ онъ напротивъ — на стѣнѣ —
Картину милой псовой ловли:
Встаётъ — схватилъ свой рогъ, какъ могъ,
Потомъ съ постели скокъ. Мой Богъ!
Баронъ себя не помнитъ болѣ
Порскáетъ онъ, гудитъ, трубитъ,
Атукаетъ, шумитъ, кричитъ,
Какъ въ старину въ отъѣзжемъ полѣ.

Надъ головой охотника до псовъ
Жилъ отставной корнетъ уланскій.
Онъ цѣлый день, запёршись отъ долговъ,
Курилъ табакъ по вольности дворянской;
Но, къ умноженью скукъ и мукъ,
Онъ слышитъ страшный стукъ и звукъ,
Какъ въ псарнѣ лѣтомъ до обѣду;
Хлопъ трубку и чубукъ изъ рукъ,
И, разорвавъ сюртукъ объ крюкъ,
Бѣжитъ къ шумливому сосѣду.

— «Зачѣмъ, судáрь, вы прервали мой сонъ,
Шумя въ часъ утренній, безмолвный?»
— «Прошу, судáрь, потише: я баронъ!»
— «Что нужды мнѣ: я самъ чиновный!
Корнетомъ я служилъ, кружилъ,
Курилъ, любилъ, билъ, пилъ, рубилъ —
И наглецовъ учить умѣю!»
— «Короткій вамъ, сосѣдъ, отвѣтъ:
До васъ мнѣ дѣла нѣтъ, корнетъ!
Въ своихъ травить я дачахъ смѣю.»

Уходитъ гость; а храбрый нашъ герой
Съ восторгомъ продолжаетъ травлю.
«Постой же братъ!» кричитъ уланъ лихой:
«И самъ я друга позабавлю.
Воды сюда!» Содомъ кругомъ!
Бѣжитъ корнетъ — весь домъ вверхъ дномъ.
Корнетъ сулитъ рубли — и вскорѣ
Бѣгутъ шесть батраковъ, скотовъ,
Льютъ нá полъ шесть чановъ съ головъ —
И на полу бушуетъ море.

Корнетъ въ углу съ верёвкой крюкъ нашолъ —
И смотритъ на потопъ съ постели.
Межь-тѣмъ вода, проѣвши старый полъ,
Ручьями льётся, бьётся во всѣ щели.
Охотнику жестокъ урокъ:
Бѣжитъ сквозь потолокъ потокъ.
Спасенья ищетъ онъ напрасно;
Его шумящій рогъ умолкъ;
Онъ съ головы до ногъ промокъ —
И мигомъ выкупанъ прекрасно.

Баронъ бѣжитъ къ сосѣду съ палашомъ,
Потомокъ рыцарей достойный.
Что жь видитъ онъ? Корнетъ сидитъ съ крюкомъ
И удитъ рыбу преспокойно.
«Проказить брось, уланъ-буянъ!
Иль будь я истуканъ, болванъ,
Коль въ мигъ уняться не принужу!»
— «Ты, право, мнѣ смѣшонъ, баронъ,
Коль всякъ волёнъ пугать воронъ:
Ты травишь тамъ, а я здѣсь ужу!»

—

К. К. ПАВЛОВА.

ДУМА.

Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой,
Какъ ни текли года —
Всё думу слалъ къ подругѣ милой
Вездѣ я и всегда.

Вездѣ влачилъ я, чуждъ забавамъ,
Какъ цѣпь, свою мечту:
И въ Альбіонѣ величавомъ,
И въ дикомъ Томбукту —

Въ Москвѣ, при колокольномъ звонѣ,
Отчизну вновь узрѣвъ;
Въ иноплемённомъ Лисабонѣ,
Средь португальскихъ дѣвъ —

И тамъ, гдѣ снится о гяурѣ
Разбойнику въ чалмѣ,
И тамъ гдѣ пляшутъ въ Сингапурѣ
Индійская Альмэ —

И тамъ, гдѣ городá подъ лавой,
Безмолвствуютъ дома,
И тамъ, гдѣ царствуетъ со славой
Тамеа-меа-ма —

Когда я въ вальсѣ мчался съ дамой,
Одѣтою въ атласъ,
Когда предъ грознымъ далай-ламой
Стоялъ я, преклонясь —

Когда летѣлъ я въ авангардѣ
На рукопашный бой,
Когда на мрачномъ Сенъ-Готардѣ
Я слушалъ вѣтра вой —

Когда я въ ложѣ горе Тэклы
Дѣлилъ, какъ весь Берлинъ,
Когда глядѣлъ на пламень Геклы,
Задумчивъ и одинъ —

Въ странахъ далёкихъ или близкихъ,
Въ тревогѣ тяжкихъ дней,
На берегахъ Миссисипійскихъ,
На высяхъ Пиреней —

На бурномъ морѣ безъ компаса,
Въ лѣсу, въ ночной порѣ,
Въ глухихъ степяхъ на Чимборасо,
Въ столицѣ Помаре —

Гдѣ ни бродилъ съ душой унылой,
Какъ ни текли года,
Всё думу слалъ къ подругѣ милой
Вездѣ я и всегда!

—

А. П. БАХТУРИНЪ *).

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

(Пародія на балладу Жуковскаго «Смольгольмскій баронъ».)

До развѣта поднявшись, перо очинилъ
Нечестивый Брамбеусъ баронъ,
И чернилъ не щадилъ — *сихъ* и *оныхъ* бранилъ —
До полудня безъ отдыха онъ.
Улыбаясь, привсталъ и статью отослалъ
Въ типографію Праца баронъ:
Въ ней онъ Греча ругалъ, но подъ видомъ похвалъ,
Разобравъ съ *тѣхъ* и *этихъ* сторонъ.
Фантастическій бѣсъ въ кацавейкѣ своей,
Потирая руками, гулялъ.
Слышенъ стукъ у дверей — и на зовъ «ну, скорѣй!»
Въ кабинетъ Т...... въ вбѣжалъ.
«Подойди мой уродецъ, поэтъ мой плохой!
Ты мнѣ три года другъ и родня.
Будь мнѣ преданъ душой, а не тó — чортъ съ тобой!
Пропадёшь ты, какъ пёсъ, безъ меня.
Я въ отлучкѣ день былъ. Кто у Смирдина былъ?
На меня не точилъ ли ножи?
И къ кому онъ ходилъ и хлѣбъ-соль съ кѣмъ водилъ?
Что замѣтилъ — ты всё разскажи.»

— «Безъ тебя, мой баронъ, непогода была:
Цѣлый день нашъ купецъ хлопоталъ —
И реформа пошла: Смирдинá всѣ дѣла
Полевой обработывать сталъ.
Тихомолкомъ прокрался я къ нимъ въ кабинетъ
И внималъ ихъ преступную рѣчь.

---

*) Константинъ Петровичъ Бахтуринъ, авторъ драмъ «Кузьма Рощинъ» («Репертуаръ» 1839 года), «Шестнадцать лѣтъ, или зажигатели» и многихъ другихъ, и цѣлаго ряда пародій на извѣстныя баллады нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, родился въ самомъ концѣ перваго десятилѣтія текущаго вѣка. Въ молодости служилъ онъ въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ, но въ чинѣ поручика вышелъ въ отставку и затѣмъ, до смерти, постоянно проживалъ въ Петербургѣ, занимаясь литературой. Стихотворенія его, печатавшіяся охотно въ современныхъ журналахъ и альманахахъ, были, впослѣдствіи, собраны авторомъ въ одну книгу и изданы имъ въ 1837 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Стихотворенія К. Бахтурина. Часть первая. Спб. 1837», причёмъ появленіе книжки было встрѣчено похвальной статьей Ѳ. А. Кони, напечатанной въ 170 № «Сѣверной Пчелы» на 1837 годъ. Скончался Бахтуринъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Петербургѣ.

Передать силы нѣтъ Полевого совѣтъ...
Вдругъ дверь настежъ и входитъ къ нимъ Гречъ.
И, ему поклонившись почти до земли,
Нашъ Филиппычъ осклабилъ уста.
Тутъ бесѣды пошли: разобрали, нашли,
Что твой умъ и учёность — мечта,
Что ты Смирдина скоро въ банкротство введёшь,
Что его ты султанъ Богадуръ,
Что ему ты всё врёшь, празднословишь и лжошь,
Что богатъ онъ и простъ черезъ-чуръ,
Что безстыднымъ нахальствомъ ты всѣхъ оттолкнулъ,
Что откармливалъ только себя,
Что ты *сихъ* обманулъ, что ты *оныхъ* надулъ,
Что надежда плоха на тебя.
И спасенья у нихъ вымолялъ нашъ Смирдинъ.
Призадумались Гречъ съ Полевымъ.
«Ты нашъ другъ!» восклицаетъ «Отечества Сынъ»,
А другой повторяетъ за нимъ:
«Пусть отъ злости зачахнетъ ехидный баронъ!
Но ты честенъ, желаешь добра —
И теперь ты спасёнъ, и не страшенъ намъ онъ.
Обличить самозванца пора!ё
Тутъ взялися за шляпы, за трости они
И Филиппычъ ихъ сталъ провожать;
И сокрылись они, и потухли огни —
Я домой поспѣшилъ убѣжать.»

И Брамбеусъ баронъ поражонъ, раздражонъ,
И кипѣлъ, и горѣлъ, и сверкалъ;
Злобный вырвался стонъ: «Дамъ Іудѣ трезвонъ!
Онъ, клянусь сатаною, пропалъ!
Но обмануть ты не былъ ли глупой мечтой,
Напримѣръ, хоть мистерій твоихъ?
Ты невольно порой — охъ, раздуй те горой! —
Съ панталыку сбиваешься въ нихъ.»

— «Не мистерилось мнѣ, не писалъ я пять дней,
А всё видѣлъ и слышалъ я самъ,
Какъ онъ сталъ веселѣй, проводивши гостей,
Какъ онъ гнулъ непристойности намъ.
Если ты не покажешь свой гнѣвъ, свою власть
Смирдину и клевретамъ его,
Я предвижу напасть: намъ придётся пропасть,
Намъ не будутъ платить ничего.
Но бороться опасно: могучъ Полевой,
Не доступенъ бываетъ и Гречъ;
Не рискуй же собой ты, баронъ удалой,
Вѣдь тебя имъ, какъ плюнуть, распечь.
Они бойко владѣютъ перомъ и умомъ,
Ихъ привыкли давно уважать,
И живутъ хоть домкомъ, да нажили путёмъ,
А не такъ... Но къ чему пояснять!
Что сказалъ, то — я знаю, ты понялъ, баронъ:
Вѣрь, слова не притворны мои.
Ты отвѣсь имъ поклонъ — и не выгонятъ вонъ,
А не то насъ облупятъ они.»

— «Ахъ, ты, Миѳъ Тимофеичъ, изъ лыка ты шитъ!
Мнѣ ты смѣешь совѣты давать?
Во мнѣ ярость кипитъ: пусть Смирдинъ задрожитъ;
Я его поспѣшу наказать.
Кто Брамбеусъ — измѣннику я покажу;
Будь свидѣлелемъ мести моей —
Я языкъ привяжу, я дружка уложу.
Въ путь-дорогу сбирайся скорѣй!»

— «Я не властенъ идти, я не долженъ идти,
Я не смѣю идти!» — былъ отвѣтъ:
«Что шумѣть безъ пути! Да и ты не кути!»
И бѣжитъ безъ оглядки поэтъ.
Сѣлъ въ коляску баронъ; кони борзые мчатъ
Изъ Почтамской на Невскій его.
Часу мщенія радъ. Въ безпорядкѣ нарядъ;
Всё мутится въ глазахъ у него.
Вотъ подъѣхалъ къ крыльцу, вотъ ужь онъ на крыльцѣ
Вотъ въ знакомый вбѣжалъ магазинъ.
Вытеръ потъ на лицѣ; нѣтъ лица на купцѣ:
Душу въ пятки упряталъ Смирдинъ.

— «Я съ тобою опять, другъ почтеннѣйшій мой!»
— «Въ добрый часъ, благородный баронъ!»
— «Ты въ чести сталъ большой. Что, здоровъ Полевой?
Ну, скажи мнѣ, что дѣлаетъ онъ?»
Отъ вопроса Смирдинъ измѣнился лицомъ
И ни слова; ни слова и тотъ.
Что-то будетъ съ купцомъ? Счётъ плохой съ наглецомъ
А онъ кстати и счётъ подаётъ.
Содрогнулся Смирдинъ и въ очахъ меркнетъ свѣтъ:
Счётъ ужасенъ. «Что будетъ со мной?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ: ты мнѣ сбавишь, иль нѣтъ?»
Но Брамбеусъ затрясъ головой.
— «Беззаконную черти караютъ пріязнь!
Нашей дружбѣ съ тобою конецъ!
Ты извѣдалъ боязнь и ужасную казнь
Заслужилъ, вѣроломный купецъ!»
И тяжолою шуйцей коснувшись стола,
Онъ въ минуту замокъ разломалъ,
Гдѣ наличность была: всё десница взяла —
И Смирдинъ караулъ закричалъ.

Въ томъ столѣ пустота роковая видна;
Счотъ огромный лежитъ передъ нимъ.

Простъ голубчикъ! одна его въ этомъ вина —
И закрылъ онъ съ-тѣхъ-поръ магазинъ.

Есть въ больницѣ «Скорбящихъ» недавній жилецъ:
Онъ дичится, на свѣтъ не глядитъ;
Съ нимъ ужасенъ конецъ; блѣденъ онъ, какъ мертвецъ
И безъ умолку всё говоритъ:
«Былъ богатъ, былъ богатъ, а теперь разорёнъ!
На козлы бы его, да подъ кнутъ!
Не баронъ, не баронъ, не Брамбеусъ баронъ —
Онъ мошенникъ, отъявленный плутъ!»
Есть на Невскомъ проспектѣ огромнѣйшій домъ:
Громобоемъ хозяинъ живётъ:
Каждой ночью и днёмъ зло пируетъ онъ въ нёмъ
И, въ добавокъ, журналъ издаётъ.
Сей счастливецъ богатый и пышный — кто онъ?
Кто больницы «Скорбящихъ» жилецъ?
То злодѣй, нечестивый Брамбеусъ баронъ,
То нашъ Смирдинъ, извѣстный купецъ!

—

П. А. ѲЕДОТОВЪ *).

ИЗЪ ПОЭМЫ «МАЙОРЪ».

Вотъ майоромъ десять лѣтъ,
А надежды нѣтъ, какъ нѣтъ
Въ подполковники подняться:
Всё смотры мнѣ не клеятся,

*) Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ, извѣстный живописецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ всѣмъ извѣстной поэмы «Майоръ», написанной въ поясненіе лучшей изъ его картинъ «Сватовство» майора, родился въ 1815 году въ Москвѣ, воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и, какъ первый ученикъ, выпущенъ 1833 году лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ. Любовь къ живописи и поэзіи обнаружились въ нёмъ ещё въ корпусѣ, гдѣ онъ отличался болѣе какъ портретистъ. Поступивъ въ полкъ, онъ продолжалъ заниматься живописью, занимаясь преимущественно изображеніемъ военныхъ сценъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны четыре: «Французскіе мародёры въ русской деревнѣ», «Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку на манёврахъ», «Вечернія увеселенія въ казармахъ, по случаю полкового праздника» и «Казарменная жизнь». Въ 1844 году Ѳедотовъ оставилъ службу съ чиномъ капитана и посвятилъ всего себя живописи. Своею извѣстностью онъ обязанъ всего болѣе лучшей своей картинѣ «Сватовство майора», на которую онъ потратилъ много труда и времени. Кромѣ извѣстности, она доставила Ѳедотову званіе академика и 300 рублей ежегодной пенсіи отъ Академіи Художествъ. Лучшими его картинами, послѣ «Сватовства», считаются: «Утро послѣ пирушки», «Вдовушка», «Опасное положеніе молодой дѣвушки» и «Разборчивая невѣста».

Но не одна живопись служила Ѳедотову для выраженія врождённаго юмора, а также и поэзія. Его сатирическія стихотворенія, не смотря на довольно-слабую форму, въ которую онъ ихъ облекалъ, имѣли огромный успѣхъ въ публикѣ, которой они были извѣстны только по спискамъ, и притомъ часто весьма не точнымъ. Хотя, конечно, успѣху лучшаго его произведенія, поэмы «Майоръ», много способствовала тогдашняя ея нецензурность, тѣмъ не менѣе, и помимо этого обстоятельства, она не могла не обратить на себя вниманія, благодаря вѣрному изображенію той части общества, которая искала и находила средства жизни не въ трудѣ, а въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ и богатой женитьбѣ, а средства къ возвышенію — въ обѣдахъ и родствѣ. Само собою разумѣется, что о напечатаніи стихотвореній Ѳедотова при его жизни не могло быть и рѣчи. Поэтому не удивительно, что авторъ нисколько не заботился объ отдѣлкѣ своихъ стиховъ и довольствовался тѣмъ, что читалъ ихъ въ рукописи друзьямъ и близкимъ знакомымъ. Въ первый разъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Ѳедотова и отрывки изъ его «Майора» были напечатаны покойнымъ Толбинымъ въ его статьѣ о Ѳедотовѣ, помѣщённой въ 1-й книжкѣ «Пантеона» на 1854 годъ. Затѣмъ, въ 4-мъ нумерѣ «Русскаго Слова» на 1862 годъ, въ статьѣ г. Витковскаго, было приведено нѣсколько новыхъ отрывковъ и, между-прочимъ, всё «Предисловіе» къ «Майору». Наконецъ, полный текстъ этой послѣдней поэмы былъ напечатанъ въ 5-мъ нумерѣ «Русской Старины» на 1872 годъ, а варіанты къ ней — въ 8-й книжкѣ того же журнала и за тотъ же годъ.

Стѣснённыя обстоятельства, изъ которыхъ Ѳедотовъ не выходилъ никогда, въ началѣ 1851 года сдѣлались для него ещё болѣе тяжолыми, такъ-какъ, по продажѣ дома, единственнаго достоянія его старухи-матери и сестёръ, они остались буквально безъ всякихъ средствъ къ существованію. Это послѣднее обстоятельство, къ которому вскорѣ присоединились нервное разстройство и болѣзнь глазъ, имѣло на Ѳедотова самое пагубное вліяніе. Онъ сталъ задумываться и въ іюнѣ 1852 года заболѣлъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Пространдавъ цѣлыя пять мѣсяцевъ, онъ скончался 14-го ноября того же года въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, близъ Петербурга. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, не подалёку отъ могилы знаменитой драматической актрисы и красавицы Асенковой.

Всё робѣю на смотрахъ;
Слово «смотръ» наводитъ страхъ.
Просто, хуже всякой бабы!
Нервы, что ли, очень слабы —
Ужь не знаю, а всегда
На смотру, глядишь, бѣда!
Позапрошлой годъ стояли
Мы въ каре и всё стрѣляли;
Вдругъ командуютъ «впередъ!»
Съ фланга мнѣ пришолъ черёдъ.
Ужь не даромъ ненавижу
Я каре! Засуетясь,
Позабылъ назначить фасъ,
Гаркнулъ: «маршъ!» и что же вижу:
Фасы, кто куда лицомъ,
Какъ стояли, врозь крестомъ
Дуютъ; только я шестомъ,
Одурѣвъ, торчу въ срединѣ;
Музыканты тоже врозь,
Кто куда — бѣда, хоть брось!
Не забуду и понынѣ
Я объ этомъ тяжкомъ днѣ,
Какъ тогда досталось мнѣ!

Прошлый годъ мнѣ въ построеньяхъ
Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ:
Я ошибся только разъ,
Да и то дымъ пушекъ спасъ.
Ну, я думалъ, въ добрый часъ,
Чтобъ не сглазить! А предъ старшимъ
Церемоніальнымъ маршемъ
Намъ пройти ужь ни-по-чёмъ.
Незамѣченный ни въ чёмъ,
Вѣрно буду я представленъ:
Подполковника схвачу —
И въ мечтахъ лечу, лечу!
Вижу: армія большая,
Всѣ колоннами идутъ
И знамёна преклоняя,
Всѣ мнѣ почесть воздаютъ;
Барабаны громко бьютъ,
Громко музыка играетъ
И народъ кругомъ зѣваетъ;
Дамы такъ ко мнѣ… а я
Такъ лорнирую свободно…
Но, постой, мечта моя!
На яву идутъ повзводно.
Всѣ идутъ, идутъ, идутъ,
Мѣрнымъ тактомъ землю бьютъ;
Поле гладкое трясётся,
Гулъ далёко раздается,
Эхо ближнихъ рощъ и горъ
Дразнитъ музыкантскій хоръ
И отъ взводовъ крикъ несётся.
«Радъ стараться, ваше — ство!»
И на лицахъ торжество.
Взводъ щетинистой грядою
Взводъ смѣняетъ чередою —
Всё впередъ, впередъ, впередъ.
Вотъ подходитъ мой черёдъ.
Радъ и страшно: сердце бьется.
Вдругъ по полю раздаётся
Командирскій голосъ: «стой!»
Барабановъ смолкнулъ бой,
Стихло всё, остановилось —
Всё какъ въ землю пригвоздилось,
И лишь только, тамъ и сямъ,
Офицеры по рядамъ
Потихоньку пробѣгаютъ
И солдатиковъ ровняютъ.
Всѣ чего-то ожидаютъ,
Всѣ боятся… Но зачѣмъ,
Для чего бояться всѣмъ?
Есть одинъ — для всѣхъ несчастный:
Это — я! О, рокъ ужасный!
Такъ и есть: въ мой пятый взводъ
Прямо корпусный идётъ.
Вотъ всевидящее око!
Онъ замѣтилъ издалёка
У канальи у одной
Въ пятомъ взводѣ подъ сумой
Съ табакомъ кисетъ проклятый.
Погубилъ меня взводъ пятый!
Ждалъ схватить иль чинъ, иль крестъ,
А попался подъ арестъ!
Пуще жь всѣхъ годовъ мнѣ это
Было нынѣшнее лѣто:
Только третій боевой
Какъ пойдётъ — хоть волкомъ вой.

—

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ.

Я всталъ однажды рано утромъ,
Сидѣлъ впросонкахъ у окна.
Рѣка играла перламутромъ;
Была мнѣ мельница видна —
И мнѣ казалось, что колёса
Напрасно мельницѣ даны:
Что ей, стоящей возлѣ плёса,
Приличнѣй были бы штаны.

Вошолъ отшельникъ. Велегласно
И неожиданно онъ рекъ:
«О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь человѣкъ!»
Онъ говорилъ — я прослезился;
Сталъ утѣшать меня старикъ;
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротникъ…

—

Н. Ѳ. ЩЕРБИНА.

I.

ФИЗІОЛОГІЯ «НОВАГО ПОЭТА».

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой-то господинъ
О *бонъ-тонъ* разсуждаетъ,
Какъ въ *дворянствѣ мѣщанинъ.*

Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ:
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны *свѣта* сообщилъ.

Съ-той-поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Коленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ.

Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портного,
Брань на мыслящихъ людей.

Снобсовъ рьянаго витію
Онъ собой изобразилъ —
И на цѣлую Россію
Вдругъ печатно протрубилъ:

Что онъ запросто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ, какъ lionceau.

Съ той поры онъ въ фельетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ,
Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ купилъ;

Что его — до мелкой пряжки —
Славный Шармеръ одѣвалъ,
Что голландскія рубашки
Утро каждое мѣнялъ.

Онъ не можетъ похвалиться
Ни талантомъ, ни умомъ:
Пусть себѣ онъ отличится
Передъ публикой бѣльомъ.

Въ свой романъ каррикатурный
Втиснулъ онъ друзей своихъ —
И журналъ литературный
Сдѣлалъ органомъ портныхъ.

Но журнальную букашку
Не замѣтилъ модный свѣтъ,
Какъ въ голландскую рубашку
Ни рядился нашъ поэтъ.

II.

АВТОРУ «КНИГИ ПЕЧАЛЕЙ».

Да, призванья есть благія!
И не даромъ, о поэтъ,
Времена познавъ крутыя,
Свой тебѣ несётъ Россія
Благодарственный привѣтъ.

Насъ враги одолѣвали,
Намъ терпѣть не стало силъ,
Мы веселью чужды стали —
Издалъ ты свои «Печали»
И всѣхъ насъ развеселилъ.

III.

ДВОЙНОЕ ГОРЕ.

Слышны вопли, стонъ и клики
Лучшихъ родины сыновъ:
«Умеръ Гоголь нашъ великій!
Живъ и здравствуетъ Сушковъ!»

—

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

I.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ВЪ ЕВРОПУ.

Какъ дядю моего Ивана Ильича
Нечаянно сразилъ ударъ паралича,
Въ его наслѣдственномъ имѣніи Корсунскомъ —
Я памятникъ ему воздвигнулъ сгоряча,
А души заложилъ въ совѣтѣ опекунскомъ.

Мои домашніе, особенно жена,
Пристали: «жизнь для насъ на родинѣ скучна!»
Кто: «ангелъ!» кто: «злодѣй! вези насъ за границу!»
Я крикнулъ старосту Ивана Кузьмина,
Имѣнье сдалъ ему и — укатилъ въ столицу.

Въ столицѣ получивъ немедленно паспортъ,
Я сѣлъ на пароходъ и уронилъ за бортъ
Горячую слезу, невольный даръ отчизнѣ.
«Утѣшься»! прошепталъ насъ увлекавшій чортъ:
«Отраду ты найдёшь въ нѣмецкой дешевизнѣ.»

И я утѣшился. И тутъ ужь не долга
Развязка мрачная: минули мы брега
Священной родины, минули Свинемюнде,
Пріѣхали въ Берлинъ — и обрѣли врага
Въ Луизѣ-Августѣ-Фернандѣ-Кунигундѣ.

Такъ горничная тварь въ гостинницѣ звалась.
Но я предупредить обязанъ прежде васъ,
Что Лидія, моя дражайшая супруга,
Ужасно горяча, какъ-будто родилась
Подъ небомъ Африки: въ ней дышутъ страсти юга.

Въ отечествѣ она не знала имъ узды!
Покорно ей вручивъ правленія бразды,
Я скоро подчинилъ ей волю и разсудокъ:
Въ сочельникъ крошки въ ротъ не бралъ я до звѣзды,
Хоть голоду терпѣть не можетъ мой желудокъ.

И всякъ за мною въ слѣдъ во всёмъ ей потакалъ
Противорѣчіемъ никто не раздражалъ
Изъ опасенья слёзъ, трагическихъ истерикъ.
Въ гостинницѣ едва я умываться сталъ,
Вдругъ слышу: Лидія бушуетъ, словно Терекъ.

Я бросился туда. Вотъ что̀ случилось съ ней!
О, ужасъ! о, позоръ! Въ небрежности своей,
Луиза, Лидію съ дороги раздѣвая,
Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидія моя, не долго размышляя...

Но что̀ тутъ говорить? Тутъ нужны не слова —
Тутъ громы нужно бы! Недвижна, чуть жива
Стояла Лидія въ какой-то думѣ новой —
Растрёпана коса, поникла голова:
На натискъ пламенный ей былъ отпоръ суровой!

Слова моей жены: «о другъ, Иванъ Ильичь!»
Мнѣ вспомнились тогда: «здѣсь грубость, мракъ и дичь!
Здѣсь жить я не могу — вези меня въ Европу!»
Ахъ! лучше бъ, душечка, въ деревнѣ дѣвокъ стричь,
Да надирать виски безгласному холопу!

II.

ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ, въ гиперборейскомъ краѣ,
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ,
Столица новая возникла при Петрѣ.
Возникнувъ, съ помощью чухонскаго народа,
Изъ топей и болотъ въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:
Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ,
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій
И надъ обоими господствуетъ французскій.
А рѣчи истинно-народной оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ.
Да, патріота тамъ наищешься со свѣчкой:
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка тёплаго добиться и потомъ
Безбожно торговать и честью и умомъ —
Таковъ тамъ человѣкъ! Но, впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдуться исключенья.
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ растётъ негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ напримѣръ Жуковскій —
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской.
Театры и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли
Затѣи роскоши, музеи просвѣщенья,
Музеи древностей — «всѣ признаки ученья»
Въ томъ городѣ найдёшь; нѣтъ одного — души!

Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ барыши;
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность!
И такъ, друзья мои, кляну тщеславный градъ!
Рыдаю и кляну. Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ,
Онъ погружается по прежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняетъ.

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіе, и царскіе дворцы?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ, бушуетъ «Русскій Вѣстникъ»,
Гдѣ «Атеней», какъ ручеёкъ, журчалъ.
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Учоный говоритъ: тотъ градъ славнѣе Рима,
Прозаикъ — «сердцемъ родины» зовётъ,
Поэтъ гласитъ: «Россіи дочь любима!»
И «матушкою» чествуетъ народъ.
Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слёзы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ двѣнадцатомъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ.
Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади;
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди;
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ —
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ:
Въ послѣдней ли войнѣ, въ вопросѣ ли крестьянскомъ
Мы не одинъ найдёмъ тому примѣръ.
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и Плющихи —
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ;
Всё взоры веселитъ, всё сердце умиляетъ,
На выспренній настраиваетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ
И сорокъ-сороковъ безъ умолку гудятъ.
Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмяна,
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность,
Что комара не примутъ за слона,
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ всё — оцѣнятъ, разберутъ:
Анафемѣ тамъ преданъ Чернышевскій
И Кокорева умъ нашолъ себѣ пріютъ!
Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудрёный градъ! По приговору сейма,
Тамъ судятся и люди и статьи;
Учоный Бабстъ стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары
Ужь точно ли не нужно сѣчь дѣтей?
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей.
Мудрёный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,
Байборода Крылова обличилъ;
Тамъ Бонапартъ былъ поражонъ сугубо;
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ;
Тамъ, что ни мужъ — то жаркій другъ прогресса
И лишь не вдругъ могли уразумѣть,
Что на пути къ нему вѣрнѣе — пресса
Или умно направленная плеть?
Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьёзный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любятъ тамъ;
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ.
И что́ романъ? Тамъ поражаютъ пьянство,
Устами Чанинга о трезвости поютъ,
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ «Свистокъ» проклятью предаютъ.
Серьёзный градъ! Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

—

КУЗЬМА ПРУТКОВЪ (А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ).

I.

ПОМѢЩИКЪ И САДОВНИКЪ.

Помѣщику однажды въ воскресенье
Поднёсъ презентъ его сосѣдъ:
То было нѣкое растенье,
Которыхъ, кажется, въ Европѣ даже нѣтъ.
Помѣщикъ посадилъ его въ оранжерею,
Но такъ-какъ самъ не занимался ею
(Онъ дѣломъ занятъ былъ другимъ:
Вязалъ набрюшники роднымъ),
То разъ садовника къ себѣ онъ призываетъ
И говоритъ ему: «Ефимъ
Блюди особенно ты за растеньемъ симъ:
Пусть хорошенько прозябаетъ!»
Зима настала между-тѣмъ —
Помѣщикъ о своёмъ растеньи вспоминаетъ
И такъ Ефима вопрошаетъ:
«Что̀, хорошо ль растенье прозябаетъ?»
«Изрядно», тотъ въ отвѣтъ: «прозябло ужь совсѣмъ.»

Пусть всякъ садовника такого нанимаетъ,
Который понимаетъ,
Что значитъ слово «прозябаетъ».

II.

ПОМѢЩИКЪ И ТРАВА.

На родину изъ службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всёмъ успѣхи,
Собралъ своихъ крестьянъ: «Друзья, межъ нами связь
Залогъ утѣхи!
Пойдёмте же мои осматривать поля.»
И преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
Пошолъ онъ съ ними купно.
«Что жь здѣсь моё?» — «Да всё», отвѣтилъ голова:
«Вотъ тимофеева трава...»
— «Мошенникъ!» тотъ вскричалъ: «ты поступилъ преступно!
Корысть мнѣ недоступна!
Чужого не ищу; люблю свои права.
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю;
Но эту возвратить немедля Тимофею!»

Оказія сія по мнѣ ужь не нова:
Антоновъ есть огонь; но нѣтъ того закону,
Что бъ онъ всегда принадлежалъ Антону.

III.

ВАГНЕРЪ И КОХЪ.

Фрицъ Вагнеръ, студьозусъ изъ Іены,
Изъ Бона Іеронимусъ Кохъ
Вошли въ кабинетъ мой съ азартомъ,
Вошли, не очиствъ сапогъ.

«Здорово нашъ старый товарищъ!
Рѣши поскорѣе нашъ споръ:
Кто доблестнѣй — Кохъ или Вагнеръ?»
Спросили съ бряцаніемъ шпоръ.

«Друзья, васъ и въ Іенѣ и въ Бонѣ
Давно уже я оцѣнилъ:
Кохъ логикѣ славно учился,
А Вагнеръ искусно чертилъ.»

Отвѣтомъ моимъ недовольны —
«Рѣшай поскорѣе нашъ споръ» —
Они повторяли съ азартомъ
И съ тѣмъ же бряцаніемъ шпоръ.

Я комнату взглядомъ окинулъ
И, будто узоромъ прельщонъ —
«Мнѣ нравятся очень обои»
Сказалъ имъ — и выбѣжалъ вонъ.

Понять моего каламбура
Изъ нихъ ни единый не могъ —
И долго стояли въ раздумьи
Студьозусы Вагнеръ и Кохъ.

IV.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Вянетъ листъ, проходитъ лѣто,
Иней серебрится.
Юнкеръ Шмитъ изъ пистолета
Хочетъ застрѣлиться.

Погоди, безумный: снова
Зелень оживится!
Юнкеръ Шмитъ, честно̀е слово —
Лѣто возвратится!

V.

ЖЕЛАНІЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМЪ.

Тихо надъ Алямброй;
Дремлетъ вся натура;
Дремлетъ за̀мокъ Памбра;
Спитъ Эстремадура.

Дайте мнѣ мантилью,
Дайте мнѣ гитару,
Донну-Инезилью,
Кастаньетовъ пару!

Дайте руку вѣрную,
Два вершка булату,
Ревность непомѣрную,
Чашку шеколату!

Закурю сигару я,
Лишь взойдётъ луна...
Пусть дуэнья старая
Смотритъ изъ окна —

За двумя рѣшотками
Пусть меня клянётъ,
Пусть шевѐлитъ чотками,
Старика зовётъ.

Слышу на балконѣ
Шорохъ платья... Чу!
Подхожу я къ доннѣ,
Сбросилъ епанчу.

Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шолковую лѣстницу
Выну изъ кармана!

О, сеньора милая,
Здѣсь темно и сѣро!
Страсть кипитъ унылая
Въ нашемъ кавальеро.

Здѣсь, передъ бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

И на этомъ мѣстѣ,
Если вы мнѣ рады,
Будемъ пѣть мы вмѣстѣ
Ночью серенады.

Будетъ въ вашей власти
Толковать о мірѣ,
О враждѣ, о страсти,
О Гвадалквивирѣ,

Объ улыбкахъ, взорахъ,
Вѣчномъ идеалѣ,
О торреадорахъ,
Объ Эскуріалѣ.

Тихо надъ Алямброй;
Дремлетъ вся натура;
Дремлетъ за̀мокъ Памбра;
Спитъ Эстремадура.

VI.

СПОРЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ ОБЪ ИЗЯЩНОМЪ.

КЛЕФИСТОНЪ.
Да, я люблю среди лавровъ и розъ
Смуглыхъ сатировъ затѣи!

СТИѲЪ.
Да, я люблю и Лезбосъ и Паросъ!

КЛЕФИСТОНЪ.
Да, я люблю Пропилеи!

СТИѲЪ.
Да, я люблю, чтобъ пѣвецъ Демодокъ
Въ душу вдыхалъ мнѣ свой пламень!

КЛЕФИСТОНЪ.
Ѳивскаго мрамора бѣлый кусокъ...

СТИѲЪ.
Тирскій увѣсистый камень...

КЛЕФИСТОНЪ.
Ту̀ники складки...

СТИѲЪ.
Хламиды извивъ...

КЛЕФИСТОНЪ.
Пляску въ движеніи мѣрномъ...

СТИѲЪ.
Сукъ, наклонённый, подъ бременемъ сливъ...

КЛЕФИСТОНЪ.
Чашу съ душистымъ фалерномъ.

СТИѲЪ.
Любо смотрѣть мнѣ на группу бойцовъ,
Такъ охватившихъ другъ друга!
(Показываетъ руками.)

КЛЕФИСТОНЪ.
Взмахи могучихъ люблю кулаковъ!

СТИѲЪ.
Мышцы, надутыя туго!

КЛЕФИСТОНЪ.
Ногу на столько подвинуть впередъ!
(Оба подвигаютъ ногу.)

СТИѲЪ.
Руку вотъ этакъ закинуть!
(Каждый подымаетъ руку.)

КЛЕФИСТОНЪ.
Тѣлу изящный придать поворотъ...
(Оба пластически изгибаются.)

СТИѲЪ.

Ногу назадъ отодвинуть...

(Оба поспѣшно отодвигаютъ ногу.)

КЛЕФИСТОНЪ.

Часто лежу я подъ сѣнью деревъ...

СТИѲЪ.

Внемлю кузнечиковъ крикамъ...

КЛЕФИСТОНЪ.

Нравится мнѣ на стѣнѣ барельефъ...

СТИѲЪ.

Я всё брожу подъ портикомъ...

КЛЕФИСТОНЪ.

Думы рождаетъ во мнѣ кипарисъ...

СТИѲЪ.

Плачу подъ звукъ тетрахординъ...

КЛЕФИСТОНЪ.

Страстно люблю архитравъ и карнизъ...

СТИѲЪ.

Я же — дорическій орденъ...

КЛЕФИСТОНЪ *(разгорячась).*

Барсову кожу я гладить люблю...

СТИѲЪ *(съ жаромъ).*

Нюхать янтарные токи...

КЛЕФИСТОНЪ *(со злобою).*

Ѣмъ виноградъ...

КЛЕФИСТОНЪ *(съ гордостью).*

Я жь охотно треплю

Отрока полныя щёки.

КЛЕФИСТОНЪ *(торжественно).*

Свесть не могу очарованныхъ глазъ

Съ формы изящной котурна.

СТИѲЪ *(съ достоинствомъ).*

Послѣ прогулокъ моихъ, утомясь,

Я опираюсь на урну.

(Изящно изгибаясь, опирается на жертвенникъ. Клефистонъ бросаетъ на него завистливый взглядъ и оба медленно расходятся въ противоположныя стороны, злобно посматривая другъ на друга.)

А. А.

СЕРЕНАДА.

Городъ спитъ въ дали туманной;
Освѣщёнъ лишь бельведеръ —
И играетъ иностранный
На гитарѣ офицеръ.

Звучно стройная гитара
Изливаетъ нѣжный стонъ:
«Cara mia, mia cara,
Выйди, выйди на болконъ!»

Полны слёзъ глаза живыя;
Но безволвенъ бельведеръ —
И опять «о cara mia!»
Продолжаетъ офицеръ.

Голосъ плакалъ музыканта;
Вотъ услышали его:
Изъ окна — Maria Santa —
Чѣмъ-то облили всего.

«Жаль мнѣ новаго мундира!
Maledetto бельведеръ!»
И въ водахъ Гвадалквивира
Сталъ купаться офицеръ.

ИВАНЪ ЧЕРНОКНИЖНИКОВЪ (А. В. ДРУЖИНИНЪ).

РАЗДУМЬЕ АРТИСТА.

ПЕТАНЛЕРЪ *и* КЛАВИКОРДОВЪ.

КЛАВИКОРДОВЪ.

Кто здѣсь портной?

ПЕТАНЛЕРЪ.

Pour vous servir, monsieur.

КЛАВИКОРДОВЪ.

Ты, Петанлеръ, французъ?

ПЕТАНЛЕРЪ.

Daignez prendre place.

КЛАВИКОРДОВЪ.

И здѣсь давно живёшь?

ПЕТАНЛЕРЪ.

Sept ans, monsieur.

КЛАВИКОРДОВЪ.

Такъ можешь и по-русски говорить.
Я не люблю нарѣчій чужестранныхъ —
И требовать могу, чтобы въ Россіи
Со мною каждый говорилъ по-русски.

(Петанлеръ улыбается.)

Напрасно носъ свой сморщилъ ты; повѣрь,
Со мной дѣла вести не трудно будетъ:
Я простъ и прямъ; долги свои плачу
Почище лоботрясовъ тѣхъ, что бродятъ
По Невскому, какъ-будто кулики.
Поди жь сюда, возьми побольше мѣрку,
Да не зѣвай! Мнѣ надобна бекешь,
Шинель, штановъ штукъ пять, да фракъ зелёный,

Глухихъ жилетовъ три или четыре,
А главное — сюртукъ одинъ хорошій.

ПЕТАНЛЕРЪ.

Пиджакъ иль redingotte à deux...

КЛАВИКОРДОВЪ.

Молчи!
Ты сшей сюртукъ, да сшей его на славу,
Чтобъ былъ широкъ — толстѣю я въ деревнѣ,
Чтобъ проченъ былъ — мнѣ денегъ жаль на платье,
Чтобъ длиненъ былъ — я бѣгать отъ долговъ
Привычки не имѣю. Вотъ задатокъ.
А деньги остальныя ты получишь,
Какъ принесёшь всё на домъ. Начинай!

Входятъ Графъ Бутаревъ, *съ молодымъ* Мерзлякинымъ *и другими львами. Вся компанія насмѣшливо оглядываетъ Клавикордова. Французъ, начавшій снимать мѣрку, видимо конфузится.*

КЛАВИКОРДОВЪ.

Длиннѣй пусти.

ПЕТАНЛЕРЪ.

Monsieur, то длинно будетъ.

КЛАВИКОРДОВЪ.

И здѣсь пошире...

ПЕТАНЛЕРЪ *(въ сторону).*

О, невѣжда грубый!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Что руки у тебя дрожатъ?

ПЕТАНЛЕРЪ *(въ сторону).*

Я опозоренъ!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Длиннѣй, длиннѣй сюртукъ.

ПЕТАНЛЕРЪ.

Но кто же носитъ
Такіе сюртуки?

КЛАВИКОРДОВЪ.

Кто? *Я* ношу!

ПЕТАНЛЕРЪ *(изумлённый).*

Вы?... вы?... Но модѣ слѣдовать намъ дóлжно.

КЛАВИКОРДОВЪ.

Такъ пусть она сама слѣдитъ за мною!
Теперь штаны.

ПЕТАНЛЕРЪ *(скрежеща зубами, въ сторону).*

Неистовый вандалъ!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Что? что? зачѣмъ ты мѣркой сжалъ колѣно?
Чтобъ я носить сталъ узкіе штаны!
Ещё пусти, чтобъ было здѣсь широко;
Пошире, говорю.

ПЕТАНЛЕРЪ *(въ сторону).*

Вся кровь кипитъ!
Глаза не видятъ! Гнѣвъ меня задушитъ!

КЛАВИКОРДОВЪ.

Ну, что стоишь?

ПЕНТАЛЕРЪ.

Я шире шить не стану!

КЛАВИКОРДОВЪ *(смѣясь).*

Вишь ты какой!

ПЕТАНЛЕРЪ

(въ неистовствѣ кидаетъ мѣрку на земь).

Чтобъ я... чтобъ я... чтобъ я
Невѣждѣ шилъ широкія шальвары!
Чтобъ я, артистъ, художникъ вдохновенный,
Сюртукъ нелѣпый свѣту подарилъ!
Чтобъ я тебѣ кроилъ жилетъ глухой —
Тебѣ... тебѣ... художества гонитель!

(Закрываетъ лицо руками.)

КЛАВИКОРДОВЪ *(хохочетъ, держась за бока).*

Ай да чудакъ! Задалъ шпектакль на славу!
Онъ въ самомъ-дѣлѣ плачетъ! Эй, французъ,
За что мнѣ обижать тебя? Послушай,
Мнѣ панталонъ не надо; остальное
Ты заготовь какъ нужно, а штаны,
Чтобы не оскорблять твоихъ привычекъ,
Готовыми я самъ куплю въ Москвѣ.

ПЕТАНЛЕРЪ *(бросается къ нему).*

Злодѣй!
Развитья врагъ! насмѣшникъ! Мефистофель!
Не за себя, а за моё искусство
Проклятіемъ тебя я поражаю!
Пусть жизнь свою ты проведёшь въ халатѣ!
Пусть, въ свадьбы часъ, разрушится твой фракъ!
Пусть на балу грязнѣйшую манишку
Ты подъ своимъ жилетомъ обнаружишь!
Пусть цѣлый міръ тебя на-вѣкъ ославитъ
Неистовымъ, противнѣйшимъ медвѣдемъ,
Позоромъ человѣческихъ племёнъ!
Такъ, превзойди невѣжества всю мѣру!
Пусть о тебѣ исторія гласитъ:
«Онъ оскорбилъ артиста Петанлера —
И пусть его народный судъ казнитъ!»
Какъ! сочетать съ твореньями моими
Намѣренъ ты готовыя издѣлья
Московскихъ неотёсанныхъ портныхъ?
Ихъ грубую, презрѣнную работу
Ты станешь надѣвать съ моей бекешью?
И я... и я... чтобъ это потерпѣлъ!
Иди отсель! сокройся въ бездны ада!
Оставь меня! бери задатокъ свой!
Ненужно денегъ мнѣ... О, ты хохочешь!
Уйди, уйди! тебя я умоляю!
Уйди, уйди! я говорю тебѣ!
(Кидается на колѣни. Клавикордовъ уходитъ, взявъ

деньги и хохоча во всё горло. Графъ Бутаревъ и Мерзликинъ кидаются въ объятія Петанлера.)

ГРАФЪ.

О, ты великъ! Вотъ истинный художникъ!

ПЕТАНЛЕРЪ *(сквозь слёзы).*

Друзья мои, я вашу похвалу
Цѣню всѣмъ сердцемъ; но прогнавъ медвѣдя,
Задатка я лишился. Денегъ нѣту;
Матерій много — трудно извернуться.
Нельзя ли вамъ, на память грустной сцены,
Мнѣ что-нибудь по счотамъ уплатить.

(Графъ быстро убѣгаетъ; половина львовъ тоже.)

МЕРЗЛИКИНЪ *(еще разъ цалуя француза).*

Да что жь ты, другъ, мнѣ раньше не сказалъ?
Ещё сегодня въ долгъ я далъ пять тысячъ;
Ещё сегодня думалъ о тебѣ.
Покоенъ будь: на той недѣлѣ разомъ
Ты весь свой долгъ получишь и съ лихвою.
Сегодня жь — не взыщи — въ моёмъ карманѣ
Лежитъ на всѣ расходы два цѣлковыхъ.

(Уходитъ быстро съ остальными львами.)

ПЕТАНЛЕРЪ.

Такъ вотъ они — вотъ эти львы и денди!
Такъ вотъ она, художника судьба!
Одни цалуютъ и гроша не платятъ,
Другіе оскорбляютъ всё искусство!
Эй, мальчикъ! побѣги за тѣмъ медвѣдемъ,
Что былъ сейчасъ у насъ и постарайся
Его вернуть сюда — на водку будетъ.

(Мальчикъ убѣгаетъ. Петанлеръ уходитъ въ заднюю комнату, закрывъ лицо руками.)

Л. Л. Л.

I.

ПАССАЖЪ ВЪ ПАССАЖѢ.

Поклонникъ вре-бонтона,
Армянскій жантильомъ,
Читающій Прудона
Подъ пальмовымъ листомъ;
Другъ мыслей современныхъ,
Чуть-чуть не комунистъ;
Удавъ — для подчиненныхъ,
Передъ начальствомъ — глистъ.

Н. Т—ВЪ.

Горитъ огнями залъ Пассажа;
Наполненъ публикою залъ;
У каждой двери по два стража:
Къ дверямъ стремится старъ и малъ.

Не Пеликанъ, не Стасюлевичъ
Читаютъ лекціи свои,
Не юный Сѣрно-Соловьевичъ
Гремитъ про цифры и паи;

Не звуки трубъ и контробасовъ
Встаютъ какъ смертные грѣхи:
Тургеневъ, Майковъ и Некрасовъ
Читаютъ прозу и стихи.

И всё молчитъ, полно вниманья.
Вдругъ кто-то всталъ и черезъ залъ,
При громкомъ шиканьи собранья,
Къ дверямъ спокойно зашагалъ.

Кто ты — подумалъ я невольно —
Кто ты, достойный жантильомъ,
Идущій такъ самодовольно
При громкомъ шиканьи кругомъ?

Твои глаза, армянскій профиль,
И волоса, какъ смоль, и носъ,
Похожій больше на картофель —
Всё говоритъ, что ты не *Росъ*;

Но что ты *росъ* подъ небомъ дальнымъ,
Гдѣ вѣчно-хмурый Араратъ
Мрачитъ челомъ своимъ печальнымъ
Твой отчій домъ и вертоградъ.

Да, это ты — Анахоретовъ,
Неукротимый генералъ,
Герой Тургеневскихъ куплетовъ,
Тебя воспѣвшихъ на-повалъ.

Пускай зовутъ тебя нахаломъ,
Пускай враги тебя бранятъ
Литературнымъ подлипаломъ
И осуждаютъ, какъ хотятъ:

Я не склонюсь предъ общимъ мнѣньемъ,
Всегда останусь при своёмъ,
Что ты общественнымъ презрѣньемъ
Презрѣлъ какъ истый жантильомъ.

II.

ВВЕДЕНІЕ КЪ НЕНАПЕЧАТАННОЙ ПОЭМѢ.

Пробѣжавъ по струнамъ,
Золотымъ пѣвунамъ,
Не жалѣю ни груди, ни глотки:
И сіяй, и свѣтлѣй
Незабвенный Лицей,
Знаменитый Лицей Безбородки!

Гдѣ окрѣпъ, возмужалъ
Тотъ, кто выше похвалъ,
Дивный Гоголь, изъ геніевъ геній,
Гдѣ Торкватовъ пѣвецъ
Ужь мечталъ про вѣнецъ,
Гдѣ трудился Гребёнка Евгеній.

Гдѣ Пётръ Рѣдкинъ корпѣлъ,
Гдѣ Рославскій потѣлъ
Надъ латынью сухой, гдѣ Базили
О Элладѣ мечталъ
И гдѣ росъ-выросталъ
Крѣпко-тѣлый Домбровскій Василій.

Гдѣ Миклуха, Собкó
Усвояли легко
Математики высшей начала
И гдѣ въ мракѣ ночей
Проработалъ надъ ней
Нашъ Журавскій Димитрій не мало.

Гдѣ Иванъ Лашнюковъ
На кропанье стиховъ
Промѣнялъ упражненье въ латынѣ,
И гдѣ, половъ любви,
Всѣ надежды свои
Созидалъ Эккебладъ на Троцинѣ.

И свѣтлѣй, и сіяй
Дорогой «Неминай»,
Украшеніе Нѣжина-града!
Пусть бутылки твои
Съ искрометнымъ аи
Возрастутъ до библейскаго стада!

Гдѣ нашъ Ш—а Иванъ,
Минестрель и боянъ,
Нашъ К—кій, Ш—ко, М—ровъ
Напивались со мной
До того, что порой
Принимали людей за омаровъ.

Западъ вспыхнулъ огнёмъ:
За сосѣднимъ холмомъ
Догоралъ — такъ роскошенъ и нѣженъ —
Умирающій день —
И вечерняя тѣнь
Осѣняла безжизненный Нѣжинъ.

Огоньки кое-гдѣ;
Но какъ пусто вездѣ
На ристалищахъ Нѣжина-града!
Всё заснуло кругомъ,
Лишь подъ чьимъ-то окномъ
Замирала въ дали серенада.

Это *онъ* и *она!*
Чуть зажжотся луна —
Ужь, съ дрянною гитарой подъ мышкой,
Онъ стоитъ у воротъ
И бренчитъ, и поётъ —
И смѣётся *она* надъ мальчишкой.

Да извозчикъ домой
Проѣзжалъ стороной,
У трактира похрюкивалъ боровъ,
Да какой-то бѣднякъ,
По дорогѣ въ кабакъ,
Пробирался вдоль длинныхъ заборовъ;

Да въ стеклянныхъ дверяхъ
Появлялся въ очкахъ
Дорогой властелинъ «Неминая»,
И глядѣлъ на востокъ,
И сморкался въ платокъ,
Понапрасно гостей поджидая.

—

ДІАМАНТОВЪ
(Б. Н. АЛМАЗОВЪ). *)

I.

МОСКОВСКІЙ ПОЭТЪ И ПЕТЕРБУРГСКІЙ ОБЫВАТЕЛЬ.

Какъ нынѣ сбирается жолчный поэтъ
Отмстить Петербургскимъ журналамъ:
Ихъ прозу и вирши за гнусный памфлетъ
Обрёкъ онъ во снѣдь эпиграммамъ.

*) Борисъ Николаевичъ Алмазовъ, поэтъ и критикъ, родился въ половинѣ третьяго десятилѣтія нашего вѣка. Его первыя критическія и полемическія статьи, исполненныя весьма тонкаго юмора, были напечатаны въ «Москвитянинѣ» 1852 года и, затѣмъ, продолжали печататься на его страницахъ почти до самаго конца его существованія, послѣ чего стали появляться повременамъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ въ четвёртой книжкѣ на 1862 годъ была напечатана, между-прочимъ, его дѣльная статья: «Первое полное изданіе «Горя отъ Ума». Что же касается его юмористическихъ стихотвореній и пародій, вышедшихъ въ 1863 году въ Москвѣ отдѣльной книжкой, подъ названіемъ «Диссонансы», то они, по бóльшей части, были напечатаны въ первый разъ въ «Развлеченіи» на 1860, 1862 и 1863 года.

Въ татарскомъ халатѣ, за старымъ бюро
Сидитъ онъ и злобно кусаетъ перо.

Изъ тёмной передней предъ нимъ вдругъ предсталъ
Прихвостникъ всѣхъ русскихъ талантовъ,
Редакторовъ русскихъ курьеръ и фискалъ,
Наперсникъ неопытныхъ франтовъ,
Для сплетенъ и кляузъ встающій чѣмъ свѣтъ —
И сплетнику водки подноситъ поэтъ.

«Скажи мнѣ, Тряпичкинъ, какъ въ обществѣ львовъ
Находятъ мои сочиненья,
И скоро ль, на гибель отчизны враговъ,
Собранье моихъ громозвучныхъ стиховъ
Достигнетъ второго тисненья?
Скажи мнѣ всю правду, не бойся — и въ даръ
За-то ты получишь стиховъ экземпляръ.»

«Мы, денди и львы, не боимся писакъ;
Стихи же твои мнѣ не нужны.
Попробуй, сгруби мнѣ — отдѣлаютъ такъ:
Со мной всѣ редакторы дружны.
Я въ Питерѣ знаю весь избранный кругъ
По скачкамъ, гуляньямъ и клубамъ:
Самъ Гречъ мнѣ родня, Григоровичъ мнѣ другъ,
Я даже на ты съ Соллогубомъ.
Нашъ критикъ извѣстный играетъ въ ланскне
Съ моею прислугой въ передней;
Аскоченскій чай пить заходитъ ко мнѣ,
Идучи отъ ранней обѣдни;
Мнѣ деньги разъ двадцать въ займы предлагалъ
Андрей Александрычъ Краевскій
И въ долгъ папиросы всегда отпускалъ
Редакторъ Мишель Достоевскій;
Некрасовъ партнёръ мой: съ нимъ въ клубѣ сижу
За картами я до разсвѣта,
Съ Тургеневымъ вмѣстѣ на утокъ хожу
И съ Майковымъ у́жу всё лѣто;
Панаевъ впервые у Шармера фракъ
По мо́ему сдѣлалъ совѣту;
Нерѣдко у Мея пивалъ я коньякъ
И риѳмы подыскивалъ Фету.
Иванъ Гончаровъ для меня издаётъ
Романъ про мадамъ Бѣловодовъ,
А Гербель, какъ встрѣтитъ, сейчасъ пристаётъ:
Изъ Шиллера дай переводовъ.
Громека мнѣ отдалъ свой синій картузъ
Въ тотъ день, когда снялъ эполеты,
А Боткинъ привёзъ мнѣ мѣшокъ кукурузъ
А тёщѣ моей кастаньеты;
Съ Бодянскимъ я вмѣстѣ въ коза́кахъ служилъ,
А съ Хавскимъ Петромъ — въ лейбъ-гусарахъ;
Про Пушкина Анненковъ мнѣ говорилъ,
При встрѣчѣ со мной въ Чебоксарахъ,
А Писемскій часто при мнѣ умиралъ —
Разъ сорокъ: какія страданья!
Отходную съ чувствомъ надъ нимъ я читалъ,
А онъ диктовалъ завѣщанье.
Толстой Алексѣй, Теофилъ и Леонъ,
И всѣ что ни пишутъ Толстые —
Ихъ много: названіе имъ легіонъ —
Со мной хороши чуть не съ самыхъ пелёнъ...
Такіе всѣ, право, чудны́е!
Ристори съ Ольриджемъ, Рашель съ Бурдинымъ
Мои посѣщали салоны;
Бурдинъ безъ утайки, но на̀ ухо, имъ
Открылъ, какъ любимымъ адептамъ своимъ,
Искусства святые законы.
Въ Москвѣ каждый вечеръ я въ клубѣ сижу:
Тамъ царствуетъ Лонгиновъ Миша.
Кричитъ онъ ужасно; я только твержу:
«Мой милый, потише, потише!»
При мнѣ всѣ комедьи свои написалъ
Извѣстный писатель Островскій;
Во всѣхъ мнѣ изданьяхъ паи предлагалъ
Извѣстный издатель Основскій.
Съ Садовскимъ знакомъ я; Мартынова зналъ:
Я другъ и наставникъ артистовъ!
И даже мнѣ руку однажды пожалъ —
Повѣритъ ли кто? — Ѳеоктистовъ!
Нашъ Щепкинъ не разъ про жакартовъ станокъ
Разсказывалъ мнѣ со слезами;
Я тоже отъ слёзъ удержаться не могъ —
И плакали Корши всѣ съ нами.
Въ печатнѣ Каткова я часто внималъ
Тисненья торжественный грохотъ;
Мнѣ Павелъ Якушкинъ самъ пѣсни пѣвалъ
И слышалъ я Кетчера хохотъ.
Я зрѣлъ драматурговъ россійскихъ главу
Потѣхина — то-есть второго,
И въ Брынскихъ лѣсахъ середь дня, на яву,
Григорьева видѣлъ живого!
Всѣ двѣсти россійскихъ писательницъ-дамъ
Мнѣ туфли къ святой вышиваютъ;
Колошинъ Сергѣй и калужскій Имамъ
Меня одного уважаютъ.
При мнѣ Аѳанасьевъ, московскій Нарцисъ,
Глядѣлся въ колодезь въ Мытищѣ;
Кузьма Солдатёнковъ — Козьма Медичисъ —
При всѣхъ на Рогожскомъ кладбищѣ
Меня поощрялъ, и обѣдъ мнѣ давалъ
И дачу мнѣ съ прудомъ купить обѣщалъ.

«Совѣтъ сихъ улемовъ, собравшись вчера
На общемъ торжественномъ сеймѣ,
Въ виду колоссальной статуи Петра,
Рѣшилъ, при самомъ Розенгеймѣ,
Что вирши нечёсанной музы твоей
Не стоятъ и браннаго слова:
Что площе они аравійскихъ степей,
Наивнѣе папскихъ всѣхъ буллъ и рѣчей,
Пошлѣе комедіи Львова.
На счастье твоё былъ Аскоченскій тутъ
И подалъ протестъ дерзновенный —
И вирши твои поступаютъ на судъ
Къ какой-то просвирнѣ почтенной.»

II.

ПОХОРОНЫ «РУССКОЙ РѢЧИ».

Палъ журналъ новорожденный,
Органъ женскаго ума —
И надъ плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма.
Важенъ, толстъ, какъ частный приставъ,
Жертва злобной клеветы,
Палъ великій Ѳеоктистовъ
Съ двухъаршинной высоты.

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Катковъ заклалъ.
«Слава Зевсу и Палладѣ!»
Онъ Леонтьеву сказалъ:
«Слава мышцамъ Аполлона,
Ратоборца свѣтлыхъ силъ!
Онъ шипящаго Пиѳона
Прямо въ темя угодилъ.»

«Зритель», «День» и «Развлеченье»
И журналовъ цѣлый полкъ —
Всѣ сошлись на погребенье,
Чтобъ отдать послѣдній долгъ
Брату, падшему со славой,
Какъ отчизны вѣрный сынъ —
И вломились всей оравой
Къ Базунову въ магазинъ.

Тамъ, взваливъ къ себѣ на плечи,
Какъ священный нѣкій кладъ,
Хламъ останковъ «Русской Рѣчи»
Понесли въ Лоскутный рядъ.
У Петровскаго бульвара
Ихъ догнавъ, библіофилъ
«Русской Рѣчи» экземпляра,
Какъ диковинки, просилъ.

Съ воплемъ шла толпа густая
Горько плачущихъ Коршей:
Слёзы падали, блистая
Изъ безчисленныхъ очей.
И, смиривъ свой пылъ воинскій,
Польско-русскій Маколей,
Шолъ задумчивъ панъ Вызинскій,
Хитро-умный Одиссей.

Провожая прахъ любезный,
Шла редакція-вдова
И причитывала слезно
Прежестокія слова:
«Ахъ когда бъ на дѣлѣ знала
Я журнальные труды —
Я бъ журналъ не затѣвала!
Вотъ безумія плоды!
Но могла ль я Олимпійца
Снесть восточный произволъ?
Онъ, редакторъ кровопійца,
Не щадитъ и слабый полъ:
Онъ терзалъ мои созданья
И подъ каждою статьёй
Дѣлалъ дерзко примѣчанья
Святотатственной рукой.
Нѣтъ, крутымъ его законамъ
Ни за чтó не подчинюсь:
Съ нимъ, какъ Сталь съ Наполеономъ,
Хоть умру, а не сойдусь!»

Кетчеръ, жизнью убѣлённый,
Нацѣдилъ вина бокалъ
И вдовицѣ сокрушонной
Подкрѣпиться предлагалъ:
«Пей и знай: виномъ заморскимъ
Накатиться нѣтъ грѣха;
Вотъ другое дѣло горскимъ
Или водкой — ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино лекарство!
Ха, ха, ха! Ну, пей скорѣй!
Ха, ха, ха! Ну, къ чорту барство!
Пей да только не пролей!
Вспомни матерь Ніобею,
Чтó извѣдала она,
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена;
Но и въ вѣкъ тотъ безотрадный
Солдатёнковъ тоже жилъ:
Онъ ей влаги виноградной

Цѣлый ящикъ подарилъ.
Ты, чай, знаешь: Ніобея
Схоронила всѣхъ дѣтей.
Ну такъ пей же, не робѣя,
Въ память внучки «Атенея»,
«Рѣчи», дочери твоей!»

Но редакція подняла
Гордо голову свою
И съ презрѣньемъ отвѣчала:
«Отвяжитесь, я не пью!»
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокалъ;
Влага брызнула — и снова
Кетчеръ вдругъ захохоталъ.

И на хохотъ Провъ Садовскій,
Запыхавшись прибѣжалъ:
Жбанъ эпохи допетровской
Онъ въ рукахъ своихъ держалъ.
Силой генія чудесной
Чрезъ толпу Коршей пролѣзъ
И куда-то — неизвѣстно —
Быстро съ Кетчеромъ исчезъ.
«Смерть велитъ умолкнуть злобѣ»,
Жрецъ Аскóченскій сказалъ:
«Миръ покойницѣ во гробѣ:
Преневинный былъ журналъ!»

Миша-книжникъ книжной ражи
Удержать въ себѣ не могъ —
И на улицѣ сейчасъ же
Настрочилъ онъ некрологъ:
«Молъ, жила-была газетка,
Такъ-себѣ не безъ грѣшковъ,
(Сей журналъ, ужасно рѣдкій,
Здѣсь читалъ одинъ Сушковъ)
Нравъ имѣла тихій, кроткій:
Не бросалась на своихъ;
А скончалась отъ сухотки
Къ сожалѣнію родныхъ.»

«Господа, ей Богу тошенъ
Жребій родины моей!»
Загремѣлъ Сергѣй Колошинъ,
Катилина нашихъ дней:
«У боговъ на умномъ вѣчѣ
Видно правда не живётъ:
Нѣтъ громóвой «Русской Рѣчи»,
«Наше Время» всё не мрётъ!»

«Да, нашъ вѣкъ ужасно скверенъ!
Нѣтъ людей — всё я одинъ!»
Возгласилъ Борисъ Чичеринъ,
Публицистъ и дворянинъ.
«Всѣ желаютъ вертикально
Мой народъ разгородить;
Я хочу — горизонтально:
Кто мнѣ можетъ запретить?»

Взоръ вперяя изступлённый
Въ сѣроватый небосклонъ,
Вдругъ Медузой вдохновлённый,
Рекъ Григорьевъ Аполлонъ:
«Демоническимъ началамъ
Честно, вѣрно я служу,
И съ сочувствіемъ немалымъ
За паденьями слѣжу:
Легіоны журналистовъ,
Точно мухи, такъ и мрутъ:
Нынче умеръ Ѳеоктистовъ,
Завтра Павлову капутъ.»

ГЕЙНЕ ИЗЪ ТАМБОВА (П. И. ВЕЙНБЕРГЪ).

I.

ЭЛЕГІЯ.

Я любилъ её такъ нѣжно,
Такъ высоко, поэтично!
Всё въ ней было такъ эѳирно,
Такъ небесно гармонично.
Но вчера, о боги, боги,
Приключеніе какое!
Ту, которая являлась
Мнѣ, какъ нѣчто неземное,
Окруженная цвѣтами,
Въ обстановкѣ идеальной —
Ту красавицу увидѣлъ
Я въ палатѣ госпитальной.
Съ инструментомъ, подлѣ трупа,
Дѣва милая стояла
И, по правиламъ науки,
Трупъ спокойно разсѣкала.
Я отпрянулъ въ изумленьи
Отъ невиданнаго дѣла,
А она въ глаза мнѣ прямо
И учоно посмотрѣла;
Протянула мнѣ спокойно
Окровавленныя руки

И сказала: «другъ, ты видишь
Здѣсь служителя науки!»
И опять припала къ трупу.
Я стоялъ, глотая слёзы.
Чорной пылью разсыпались
Поэтическія грёзы:
Ихъ, какъ молнія смѣняли
Медицинскія картины —
И шепталъ я: «дѣва рая —
Докторъ, докторъ медицины!»

II.

Дождь и слякоть: по аллеѣ
Безбородкинскаго сада
Ты гуляешь, приподнявши
Кончикъ свѣжаго наряда.
Стройно стянутую ножку
Выставляешь ты наружу,
Но, увы, ты поскользнулась —
И попала прямо въ лужу.
Другъ мой, такъ и въ жизни нашей:
Какъ ни дѣйствуй осторожно,
А запачкаться въ болотѣ
Очень можно, очень можно!

III.

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она — генеральская дочь;
Онъ робко въ любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошолъ титулярный совѣтникъ
И пьянствовалъ съ горя всю ночь —
И въ винномъ туманѣ носилась
Предъ нимъ генеральская дочь.

IV.

Къ укротителю въ звѣринецъ
Онъ привёлъ свою супругу —
И сказалъ онъ: «Крейцбергъ старшій,
Окажи ты мнѣ услугу!

«Ты владыка надъ звѣрями:
Укрощаешь львовъ, шакаловъ;
Ты смиряешь крокодиловъ
И съ сигарами нахаловъ.

«Укроти мою супругу
Взглядомъ, голосомъ, хлыстами:
Докажи, что ты волшебникъ
И начальникъ надъ скотами!»

Посмотрѣвъ ей въ очи, Крейцбергъ
Опустилъ свой хлыстъ любимый
И промолвилъ тихо, робко:
«Это звѣрь неукротимый!»

V.

Въ фотографіи недавно
Снялъ свою я образину.
Ахъ, когда бъ могли вы видѣть
Эту чудную картину!

Перенёсъ меня художникъ
На бумагу вѣрно, живо:
Носъ, глаза и бакенбарды
Смотрятъ бойко и красиво.

Далъ портретъ я той, къ которой
Пламенѣю я любовью,
За которою охотно
Я пожертвовалъ бы кровью.

Но — коварная — вчера я
Къ ней явился на свиданье:
Вдругъ — у самой двери — слышу
Странный хохотъ и шептанье.

Въ дверь взглянулъ я — и отпрянулъ,
Будто обданъ сильнымъ жаромъ:
Я красавицу увидѣлъ
Въ нѣжной позѣ съ лейбъ-гусаромъ.

На портретъ смотря, шептали:
«Образина-то похожа!»
И сквозь хохотъ повторяли:
«Эка рожа! эка рожа!»

—

В. С. КУРОЧКИНЪ.

I.

ОБЩІЙ ЗНАКОМЫЙ.

Не высокъ, ни толстъ, ни тонокъ,
        Холостъ, среднихъ лѣтъ,
Взглядъ пріятенъ, голосъ звонокъ,
        Хорошо одѣтъ;

Безъ запинки, гдѣ придётся,
Всюду поретъ дичь —
И поэтому зовется:
Милый Пётръ Ильичъ!

Молодое поколѣнье
Съ жаромъ говоритъ,
Что брать взятки — преступленье,
Совѣсть не велитъ;
Онъ сейчасъ: «Ужь какъ угодно,
Взятки — сущій бичъ!
Ахъ! какой онъ благородный,
Милый Пётръ Ильичъ!

Старичковъ остатокъ злобный,
Чуя зло вездѣ,
Образъ мыслей неподобный
Видитъ въ бородѣ —
Онъ сейчасъ: «на барабанѣ
Всѣхъ-бы ихъ остричь!»
Старички-то и въ туманѣ.
Милый Пётръ Ильичъ!

Съ дамами глядитъ амуромъ
Въ цвѣтникѣ изъ розъ;
Допотопнымъ каламбуромъ
Насмѣшитъ до слёзъ;
Губки сжавъ, въ альбомы пишетъ
Сладенькую дичь
И изъ устъ прелестныхъ слышитъ:
«Милый Пётръ Ильичъ!»

Тамъ старушки о болонкахъ
Мелютъ, о дровахъ,
Приживалкахъ, компаньонкахъ,
Крѣпостныхъ людяхъ....
Онъ и къ этимъ разговорамъ
Приплетаетъ дичь;
А старушки дружнымъ хоромъ:
«Милый Пётръ Ильичъ!»

Съ сановитыми тузами
Мастеръ говорить
И умильными глазами
Случай уловить.
Своему призванью вѣрный,
Вѣдь съумѣлъ достичь
Аттестаціи: «примѣрный,
Милый Пётръ Ильичъ.»

Польки пляшетъ до упада,
Въ картахъ черту братъ —
И хозяйка очень рада
И хозяинъ радъ.
Ужь его не разбираютъ,
Не хотятъ постичь,
А до гроба величаютъ:
«Милый Пётръ Ильичъ!»

II.

ПРИГОВОРЪ.

Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека!
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Пироговъ, Щедри́нъ, Громека —
Обличительнаго вѣка
Безпокойный факультетъ!

Господа, мы не созрѣли!
Вотъ какой принёсъ намъ плодъ
За стремленье къ доброй цѣли
Въ двѣ послѣднія недѣли
Пятьдесятъ девятый годъ!

Какъ мальчишкамъ нужны сказки,
Такъ намъ всѣмъ, въ родномъ краю,
Нужны помочи, указки.
Такъ уснёмъ, закрывши глазки,
Баю-баюшки-баю!

Обличительныхъ погромовъ
Уничтоживъ самый слѣдъ,
Будемъ спать, какъ спалъ Обломовъ,
Въ продолженіи двухъ томовъ,
Въ продолженіи ста лѣтъ.

Бросивъ гласности химеры
Неприличныя дѣтямъ,
Да пребудутъ полны вѣры
Господа акціонеры
Къ господамъ директорамъ!

И такъ далѣе... и выше,
И въ судахъ, и въ остальномъ,
Съ каждымъ днёмъ всё тише, тише,
Благодатный миръ подъ крыши
Заберётся въ каждый домъ.

И невѣдѣньемъ хранима,
Зломъ невидимымъ сильна,
Въ крѣпкомъ снѣ непобѣдима,
Безглагольна, недвижима,
Будетъ Русская страна!

III.

Я не поэтъ — и, не связанный узами
Съ музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.
Родинѣ преданъ любовью безвѣстною,
Честною,
Не воспѣвая съ пѣвцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, съ равными шансами
Стансами,
Я положилъ своё чувство сыновнее
Всё въ неё.
Но не могу же я плакать отъ радости
Съ гадости,
Или искать красоту въ безобразіи
Азіи,
Или курить въ направленіи заданомъ
Ладаномъ,
То-есть — заигрывать съ зломъ и невзгодами
Одами.
Съ риѳмами лазить особаго счастія
Къ власти я
Не нахожу, тамъ какія бы ни были
Прибыли.
Риѳмы мои ходятъ поступью твёрдою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!
Ну, не дадутъ мнѣ за нихъ въ академіи
Премія;
Не приведутъ ихъ въ примѣрахъ піитики
Критики:
«Нѣтъ ничего — молъ — для чтенья народнаго
Годнаго,
Нѣтъ возносящаго душу паренія
Генія,
Нѣту воинственной, храброй и въ старости,
Ярости
И ни одной для Петруши и Васеньки
Басенки.»

Что жъ? Мнѣ сама мать-природа оставила
Правила,
Чувствомъ простымъ одаривъ одинаково
Всякаго.
Если найдутъ книжку съ пѣснями разными,
Праздными
Добрые люди вниманія стоющей —
Что̀ ещё?
Если жъ я риѳмой, свободной и смѣлою,
Сдѣлаю,
Кромѣ того, впечатлѣнье извѣстное,
Честное —
Въ нёмъ и поэзія будетъ обильная,
Сильная
Тѣмъ, что не связана даже и съ музами
Узами.

IV.

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ.

Трагедія въ трёхъ дѣйствіяхъ, безъ соблюденія трёхъ единствъ, такъ какъ происходитъ въ разное время, въ разныхъ комнатахъ и подъ вліяніемъ различныхъ страстей и побужденій.

ДѢЙСТВІЕ I.

ПРИРОДА.

Комната поэта.

Поэтъ *(пишетъ и читаетъ).*

Пришла весна. Увы, любовь
Не манитъ съ тихія дубравы:
Нѣтъ, негодующая кровь
Зовётъ меня на бой кровавый!

КАБИНЕТЪ РЕДАКТОРА.

Редакторъ *(поправивъ написанное поэтомъ, читаетъ).*

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятій —
И я бы, кажется, готовъ
Расцаловать всѣхъ меньшихъ братій.

КАБИНЕТЪ ЦЕНЗОРА.

Цензоръ *(поправивъ написанное поэтомъ и исправленное редакторомъ, читаетъ).*

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечётъ подъ сѣнь дубравы,
Не плоть, а духъ! Я вижу вновь
Творца во всёмъ величьи славы.
(Подписываетъ: «Одобрено цензурою».)

ДѢЙСТВІЕ II. ВИНО.

Поэтъ.

Люблю вино. Въ нёмъ не топлю,
Подобно слабенькимъ натурамъ,
Скорбь гражданина — а коплю
Вражду къ проклятымъ самодурамъ!

Редакторъ *(поправивъ, читаетъ)*.

Люблю вино. Я въ нёмъ топлю
Свои гражданскія стремленья —
И видитъ Богъ, какъ я терплю
И какъ тяжолъ мой крестъ терпѣнья!

Цензоръ *(поправивъ, читаетъ)*.

Люблю вино; но какъ люблю?
Какъ сладкій мёдъ, какъ скромный танецъ.
Пью рюмку въ день — и не терплю
Косматыхъ нигилистовъ-пьяницъ.

ДѢЙСТВІЕ III. ЛЮБОВЬ.

Поэтъ.

Люблю тебя. Любовь одна
Даётъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
Чтобъ чашу зла испивъ до дна,
Непобѣждённымъ лечь въ могилу.

Редакторъ *(поправляетъ)*.

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
Ведётъ такъ сладко до могилы
Въ неровной роковой борьбѣ
Мои погубленныя силы.

Цензоръ *(поправляетъ)*.

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господамъ писакамъ,
Обязанъ вѣкъ любить тебя,
Соединясь законнымъ бракомъ.

(Подписываетъ. Занавѣсъ падаетъ. Въ печати появляется стихотвореніе: «Природа, вино и любовь», *подъ которымъ красуется имя поэта. Въ журналахъ выходятъ рецензіи, въ которыхъ говорится о вдохновеніи, непосредственномъ творчествѣ, смѣлости мысли, оригинальности оборотовъ рѣчи и выраженій, художественной цѣлости и гражданскихъ стремленіяхъ автора.)*

ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПОЭТЪ (Д. Д. МИНАЕВЪ).

I.

ГРАЖДАНИНЪ НЕВСКАГО ПРОСПЕКТА.

На Невскомъ Проспектѣ въ четыре часа
Пышнѣй и нарядней столицы краса:
Счесть всѣхъ экипажей блестящихъ нельзя
И зимнее солнце, по окнамъ скользя,
Дробится лучами въ зеркальномъ стеклѣ.
Огромные шлейфы влача по землѣ
И шляпкой прикрывши затылокъ едва
(Подобная мода у насъ не нова)
Мелькаютъ обычныя группы изъ львицъ,
Румяныхъ старушекъ и чахлыхъ дѣвицъ,
И вьются вблизи ихъ — то вычурный франтъ,
То сбруей гремящій лихой адъютантъ,
То модный художникъ съ кудрями до плечъ.
Но, чу! раздаётся знакомая рѣчь!
Въ обѣденный часъ цѣлый Невскій Проспектъ
Судьбой осуждёнъ на привычный эфектъ —
Смотрѣть какъ гуляетъ чиновный пріапъ,
Разгуловъ вакхическихъ менторъ и рабъ,
Которому память такая дана,
Что знаетъ камелій онъ всѣхъ имена,
Ихъ адресъ послѣдній и нумеръ квартиръ
И, если заглянемъ въ ихъ замкнутый міръ,
У каждой подъ рамкой знакомый портретъ
На стѣнкѣ красуется, какъ амулетъ.
Смотрите, бѣжитъ онъ! Смѣясь, на бѣгу
Жмётъ женскія ручки на каждомъ шагу:
Съ одной перекинется парою словъ,
Съ другою къ Борелю поѣхать готовъ,
Забывъ своё дѣло, служебную цѣль
И съ срочной работой изящный портфель.
Юнѣйшій изъ старцевъ! Бездѣлью ты радъ —
Пропустишь ли ты хоть одинъ маскарадъ?
Забудешь ли новый скандальный балетъ,
Гдѣ съ каждой статисткой знакомъ много лѣтъ?
Кто лучше научитъ богатыхъ повѣсъ
Скоромнымъ куплетамъ французскихъ піесъ?
Кто лучше устроитъ секретный пикникъ,
Гдѣ жрицы веселья, разгульный старикъ,
Откинувъ назадъ соблазнительный станъ,
Тебя увлекаютъ въ безумный канканъ
И пѣсни смѣняются крикомъ: «ура!»
И оргія длится всю ночь до утра.
А утромъ? А утромъ въ пріёмной твоей,
Подъ скромной вуалью, у самыхъ дверей

Видали просительницъ. Гнётъ нищеты
Не съ каждой стираетъ слѣды красоты;
Не каждую женщину бѣдность хранитъ
Отъ пошлыхъ намёковъ и горькихъ обидъ.
Красавицы прелесть, какъ ловкій знатокъ,
Подъ бѣдной одеждой замѣтить ты могъ
И, слушая голосъ, дрожащій отъ слёзъ,
Вопросъ предлагалъ ты — невинный вопросъ:
«Хотите любить меня, милочка?» Что жь,
Ну чѣмъ же подобный вопросъ не хорошъ
И чѣмъ онъ обидѣнъ? Съ чего же она
Вдругъ вся задрожала и вышла блѣдна,
Какъ-будто бы грубо была принята?
Рѣшительно портитъ людей нищета!
О, юный изъ старцевъ, не трать своихъ словъ
Для бѣдныхъ чиновницъ и плачущихъ вдовъ!
Зачѣмъ переходятъ онѣ твой порогъ?
Оставь ты въ покоѣ такихъ недотрогъ
И крови напрасной своей не тревожь:
Ихъ ласки — печальны, ихъ гнѣвъ — не хорошъ;
Онѣ огрубѣли отъ вѣчныхъ заботъ —
И съ честною женщиной много хлопотъ.
Ласкай ты цыганокъ, танцовщицъ, актрисъ;
За шляпу, за шляпу скорѣе берись —
Тебя ожидаютъ побѣдъ чудеса
На Невскомъ проспектѣ въ четыре часа.

II.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Новаго года лишь вспыхнетъ денница,
Съ ранняго часа проснётся столица.
Въ праздничный день никого не смутитъ,
Стонетъ ли вѣтеръ иль вьюга крутитъ,
Хлещетъ ли снѣгомъ въ лицо непогода —
Всюду на улицахъ волны народа:
Мчатся кареты то взадъ, то впередъ,
Смѣло шагаетъ вездѣ пѣшеходъ,
Словно съ плеча его спала забота,
Словно свершилось великое что-то,
Словно сегодня — не то, что вчера.
Городъ проснулся и ожилъ съ утра:
Хмурыя лица — свѣжѣй и пригожѣй;
Баринъ въ медвѣдяхъ, въ тулупѣ прохожій,
Женщинъ головки въ замёршемъ окнѣ;
Только не весело что-то всё мнѣ.
Право, не знаю — отъ зависти что ли —
Только смотрѣть не могу я безъ боли
И безъ досады на праздный народъ:
Что же васъ тѣшитъ? что жизнь вамъ даётъ?
Что веселитесь, бѣснуетесь что вы?
Дай ка взгляну я на ваши обновы
И, замѣшавшись въ толпѣ безъ труда,
Ближе на васъ погляжу, господа!
Вотъ вы скользите по гладкой панели:
Сколько жь обновокъ на васъ, въ самомъ дѣлѣ!
Золотомъ шитый швейцаръ у дверей,
Яркіе канты потёртыхъ ливрей,
Кружева модницъ, рубины булавокъ;
Вотъ и герои Милютиныхъ лавокъ,
Баловни счастья и щедрой судьбы.
Какъ металлически блещутъ ихъ лбы!
Въ лицахъ читаешь всю важность ихъ цѣлей:
«Устрицъ бы свѣжихъ, да свѣжихъ камелій!»
Блескомъ нарядовъ смущается глазъ —
Бархатъ и соболь и мягкій атласъ;
Только ходи, да записывай цѣны.
Моды столичной гуляютъ манкены —
И усмиряетъ капризный мой сплинъ
Выставка женщинъ, дѣтей и мужчинъ.
Долго портные, модистки, торговки
Шили имъ къ празднику эти обновки.
Жаль, что не шьютъ они новыхъ идей —
Вотъ бы примѣрить на этихъ людей.
Въ мысли здоровой дать лучшую моду —
Какъ бы пристало-то къ новому году!
Право, пристало бы; но, говорятъ:
Намъ не къ лицу незнакомый нарядъ.
Дальше смотрю я: фельдъегеръ несётся;
Въ ветхой шинелькѣ чиновникъ плетётся;
Тащитъ подъ мышкой старушка салопъ;
Ванька, качаясь, заѣхалъ въ сугробъ
И предъ толпой разодѣтой, богатой
Тянетъ шарманка мотивъ «Травіаты» —
Плачетъ въ сказаньѣ какихъ-то потерь.
Вотъ и питейнаго зданія дверь!
Входитъ въ питейный, съ оглядкой, бѣднякъ,
Чтобъ, заложивъ свой послѣдній армякъ,
Выпить подъ праздникъ, забыться не много:
Завтра опять трудовая дорога,
Сѣрыя будни и ночи безъ сна —
Какъ не хватить зеленаго вина!
Тутъ, одержимъ публицистики бѣсомъ,
Думалъ смутить бѣдняка я прогрессомъ,
Думалъ блестящій прочесть монологъ:
«Пьянство-де страшный, великій порокъ!
Новаго дѣла приспѣла минута!»
Но посмотрѣлъ — и замолкъ почему-то
И, какъ пристыженный школьникъ иной,
Съ новой досадой побрёлъ я домой.

III.

ДОМИНО.

Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!
Говоритъ немного,
Больше «да» и «нѣтъ»,
Сядетъ молча, строго,
Съ кипою газетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Всѣ его встрѣчали,
Но не зналъ ни кто
Въ театральной залѣ,
Въ клубѣ у лото.
Для него дорога
Не закрыта въ свѣтъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Въ дверь у Доминика
Входитъ, «Вѣсть» берётъ.
«Вотъ онъ! посмотри-ка!»
Кто-нибудь шепнётъ.
Общая тревога:
Опустѣлъ буфетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Утромъ въ день пріёмный
Журналисту онъ,
Съ рукописью, скромный
Отдавалъ поклонъ,
Корчилъ демагога,
Порицалъ бюджетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Въ залѣ Бернардаки
Чтеніе — народъ:
Онъ ужь въ чорномъ фракѣ
Прокрался́ впередъ
Слушать прелесть слога
И живой куплетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Ночью въ часъ урочный
Начался шпицбалъ —
Аккуратный, точный
Онъ ужь тамъ — и взялъ
Тотчасъ у порога
Даровой билетъ.
Кто онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

Тучи вкругъ нависли;
Въ слякоть, черезъ мостъ
Труженика мысли
Тащатъ на погостъ.
Поотставъ немного,
Онъ бредётъ во слѣдъ.
Кто жь онъ? Ради Бога,
Дайте намъ отвѣтъ!

—

ЯКОВЪ ХАМЪ (Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ).

I.

МОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.

Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ «Вѣдомостяхъ Московскихъ»
Прочёлъ презрительный укоръ.

Я лилъ потоки слёзъ нежданныхъ
О томъ, что презрѣнъ я въ Москвѣ;
Себѣ-жь, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ.

Но плѣшью пріобрѣлъ я право
Смотрѣть на будущность свѣтло.
Съ-тѣхъ-поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ моё чело:

Меня живитъ родная пресса —
И, полнъ святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я.

II.

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

Ещё одинъ общественный вопросъ
Прибавился въ общественномъ сознаньи:

Кто были тѣ, отъ коихъ имя «Росъ»
Къ намъ перешло по древнему сказанью?
Изъ-за́ моря тогда они пришли:
Изъ-за моря идётъ къ намъ всё благое!
Но кто жь они? Въ какихъ краяхъ земли
Шумѣло море то своей волною?
Не знаемъ мы! Искали мы его
Отъ Каспія, куда струится Волга,
Гдѣ дешева икра — вплоть до того,
Гдѣ странствовалъ Максимовъ очень долго.
На Чорномъ морѣ думали найти,
Гдѣ общество родного пароходства
Цвѣтётъ, растётъ и будетъ всё цвѣсти,
Десятки лѣтъ, на зло недоброхотству.
На Балтикѣ его искали мы,
Гдѣ вознеслась полночная столица,
Гдѣ, средь болотъ, тумановъ и зимы,
Жизнь такъ легко и весело катится.
Такъ мы не день, не мѣсяцъ и не годъ,
А цѣлый вѣкъ, отъ моря и до моря,
Метались, какъ угорѣлый котъ,
Томительно изслѣдуя и споря.
Но, наконецъ, измучаясь, истомясь,
Рѣшились всѣ на томъ остановиться,
На чёмъ засталъ моментъ послѣдній насъ,
Чтобъ съ этимъ дѣломъ больше не возиться.
Въ такой-то часъ норманство водворилъ
И далъ прочесть намъ господинъ Погодинъ —
И съ-той-поры весь русскій людъ твердилъ,
Что Рюрикъ нашъ съ норманами былъ сроденъ.

Но снова мы сомнѣніемъ полны,
Волнуются тревожно наши груди:
Мы слышимъ, что норманы смѣнены
Варягами-литовцами изъ Жмуди.
Нормановъ уничтожилъ, говорятъ,
Въ статьѣ своей профессоръ Костомаровъ.
Погодинъ хочетъ встать за прежній взглядъ —
И вѣрно ужь не пощадитъ ударовъ.
Кому-то пасть? кому-то предлежитъ
Насъ озарить открытьемъ благодатнымъ?
Богъ вѣсть! Но грудь у всѣхъ у насъ горитъ
Предчувствіемъ какимъ-то непонятнымъ.
Привѣтъ тебѣ, счастливая пора
Поднятія общественныхъ вопросовъ!
Въ дни торжества науки и добра
Томитъ насъ вновь призывъ варяго-россовъ!
Что жь дѣлать намъ? Какъ разрѣшить вопросъ,
Который такъ давно насъ всѣхъ тревожитъ?
Онъ въ дѣтствѣ намъ такъ много стоилъ слёзъ
И, кажется, въ могилу насъ уложитъ!

III.

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Зрѣетъ всё, что было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ:
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришолъ!

Вѣкъ Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
«Вѣкъ» Кавелина, Дружинина
Возвратилъ намъ цѣликомъ.

Въ «Вѣкѣ» Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь да гладь,
Ибо въ нёмъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.

«Вѣкъ» счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкроту дастъ кредитъ.

Будетъ зрѣло всё, что зелено —
И свершится человѣкъ.
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Вѣкъ»!

—

МОНУМЕНТОВЪ (В. П. БУРЕНИНЪ).

I.

ГРАФЪ ШЕНГАУЗЕНСКІЙ.

Торжественный праздникъ весельемъ шумѣлъ
Въ Версали, при главной квартирѣ;
Хозяинъ, графъ Отто фонъ-Бисмаркъ, сидѣлъ
Въ блестящемъ майорскомъ мундирѣ.
Фонъ-Мольтке безмолвно сигару курилъ,
Подбѣльскій напитки въ бокалы цѣдилъ,
И штабные — младшіе чиномъ —
Стояли поодаль начальниковъ въ рядъ,
На вытяжку, будто свершали парадъ
Они на плацу подъ Берлиномъ.

И Бисмаркъ, наполнивши пивомъ стаканъ,
Вѣщаетъ съ привѣтомъ во взглядѣ:
«Прекрасенъ мой пиръ: цѣлый воинскій станъ
Предсталъ сюда въ полномъ парадѣ!

Блескъ пуговицъ, касокъ, погоновъ такъ чистъ!
Но гдѣ жь возбудитель веселья, горнистъ,
Съ чудесно-звучащей трубою?
Чтобъ сердце мнѣ маршемъ военнымъ плѣнить,
Чтобъ пѣснею прусской мой слухъ усладить —
Да явится онъ предо мною!»

Сказалъ — и горниста приводятъ: по швамъ
Онъ держитъ почтительно руки.
Графъ молвитъ: «пропой, братецъ, что-нибудь намъ:
Поёшь ты не хуже, чай, Луккп?»
Весь штабъ засмѣялся на острый вопросъ —
И всё въ одобреніи общемъ слилось:
За юморъ былъ графъ восхваляемъ.
«Не можемъ мы, ваше сіятельство, знать,»
Горнистъ отвѣчаетъ: «что спѣть иль сыграть
Прикажете — то и сыграемъ.»

«Не мнѣ управлять ландвермана душой»,
Властитель Европы вѣщаетъ:
«О чёмъ пожелаешь, о томъ и запой:
Графъ Бисмаркъ тебя не стѣсняетъ.»
Отъ ласковой рѣчи сей духомъ горнистъ
Взыгралъ несказанно и, будто артистъ,
Почувствовалъ онъ вдохновенье;
Глаза на начальство по формѣ скосилъ,
Напрягся съ усердьемъ, что было въ нёмъ силъ —
И вдругъ полилось его пѣнье:

«Однажды въ пивную заходитъ майоръ
(Онъ былъ представителемъ «правой»)
И видитъ: вопя о правительствѣ вздоръ,
Сидятъ радикалы оравой.
Онъ пива спросилъ и, присѣвъ за столомъ,
Сурово поникъ надъ газетнымъ листомъ;
А шумъ всё сильнѣй раздавался.
Особенно ярый одинъ радикалъ,
На власть огрызаясь, какъ злобный шакалъ,
Весьма неприлично ругался.

«Вдругъ бравый майоръ, будто столбъ верстовой,
Возсталъ: въ нёмъ отвага вспылала;
Взмахнулъ онъ — не саблею — кружкой пивной
И въ лобъ поразилъ радикала.
Посыпались на полъ осколки; кругомъ
Затихли ораторы, въ страхѣ нѣмомъ;
Хулитель властей усмирился;
Майоръ же прикрикнулъ лакею: «болванъ,
Возьми зильбергрошъ за разбитый стаканъ!» —
И вонъ изъ пивной удалился.

«Тогда поражонный вскочилъ радикалъ
И, шишку на лбу осязая,
Внезапно пророческимъ духомъ вспылалъ
И рекъ, тьму времёнъ прозрѣвая:
«О, мужъ знаменитый! о, прусскій герой!
Чело сокрушилъ ты мнѣ кружкой пивной:
Сей подвигъ — начало дѣлъ славныхъ!
Удѣлъ твой въ грядущемъ великъ: ты въ судьбѣ
Европы играть будешь роль — к тебѣ
Въ майорахъ не сыщется равныхъ!»

Задумавшись, голову Бисмаркъ склонилъ:
Минувшее въ нёмъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
Въ горнистѣ онъ зритъ радикала, чей лобъ
Подвергся одной изъ блистательныхъ пробъ
На юнкерскій ладъ усмиренья.
Всѣ смолкли, на графа уставивши взоръ —
И всякъ догадался, кто бравый майоръ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

II.

ПРУССКАЯ КАСКА.

Скажи мнѣ, каска пѣхотинца,
Чьё украшала ты чело?
Въ какомъ полку — какого принца —
Твой мѣдный верхъ сіялъ свѣтло?

Не на главѣ ли ландвермана
Востока лучь тебя ласкалъ
Въ тотъ день, когда герой Седана
Напрасно гибели искалъ?

Играли ль маршъ на барабанѣ,
Иль пѣли «Wacht am Rein» въ тотъ часъ,
Когда на храбромъ ландверманѣ
Ты возсіяла въ первый разъ?

И живъ ли онъ ещё понынѣ?
Всё также ль любитъ плацъ-парадъ?
Всё также ль преданъ дисциплинѣ
И побивать «думкопфовъ» радъ?

Иль, внявши Бисмарка приказу,
Онъ долженъ былъ къ Парижу течь
И тамъ ему влѣпили сразу
Въ широкій лобъ его картечь?

Повѣдай: набожной рукою
Кто перенёсъ тебя сюда?
Грустилъ порой онъ надъ тобою
О томъ, что губитъ міръ вражда?

Иль — прусской рати лучшій воинъ —
Начальства слушая приказъ,
Онъ билъ людей и былъ спокоенъ,
Въ битьѣ исправностью гордясь?

Хранима дѣтямъ для примѣра,
Ты подъ стекляннымъ колпакомъ
Стоишь въ квартирѣ филистéра,
Стальнымъ увѣнчена штыкомъ.

Шишакъ, чудесно заострённый,
Орёлъ и штыкъ — символъ святой,
Всё дышетъ выправкой казённой
Вокругъ тебя и надъ тобой!

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ «НОВЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ».

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Начну слегка на пушкинскій манеръ:
Наскучила мнѣ нестерпимо проза.
И отчего въ дни наши, напримѣръ,
Не написать хоть просто для курьоза
Романъ стихами? Выберемъ размѣръ
Прельстительный «Orlando furioso»
И «Донъ-Жуана» и пойдёмъ сейчасъ
Октавы набирать, благословясь.

Вы думаете, можетъ-быть, спасую
Я передъ риѳмами? Да я могу
Не только что романъ — «передовую»
Стихами сочинить, ей-ей — не лгу!
Угодно доказательства? Любую
Давайте тэму: я не убѣгу,
Я не почувствую ни страха, ни смущенья
И обработаю её въ одно мгновенье.

Вамъ надобенъ образчикъ? Очень радъ:
«Санктъ-Петербургъ (число и годъ). Съ Востока
Извѣстія тревожны и грозятъ,
Что часъ войны быть-можетъ недалёко.
Въ Алимусьидѣ сбралъ Ханъ-Сіадъ
5,000...» Тьфу! возможно ль такъ жестоко
Шутить надъ музою, какъ я шучу?
Нѣтъ, продолжать я больше не хочу!

Пускай я не поэтъ, но музы ласки
Мнѣ дороги: могу увѣрить въ томъ.
Что мнѣ въ стихахъ ненадобно указки —
Наглядно убѣдитесь вы потомъ
При чтеніи дальнѣйшемъ этой сказки:
Я написать октавъ намѣренъ томъ;
Теперь-же, миновавъ опасный рифъ, мы
Поговоримъ, за что люблю я риѳмы —

За что́ ихъ прозѣ чинной предпочёлъ,
Романъ писать задумавъ фельетонный.
Вотъ видите: мнѣ нуженъ произволъ
Въ разсказѣ, какъ и въ жизни, а казённой
Дорогою я никогда не шолъ.
Разсѣянно, какъ юноша влюблённый
Иль какъ Проспекта Невскаго фланёръ,
По сторонамъ хочу бросать я взоръ.

Сказать прямѣй, я склоненъ къ отступленьямъ,
Къ замѣткамъ à propos и къ болтовнѣ.
Въ романѣ съ прозаическимъ теченьемъ
Недостаётъ свободы полной мнѣ:
Тамъ заниматься надо похожденьемъ
Героевъ, героинь и, въ сторонѣ
Оставивъ шутки въ духѣ фельетона,
Вести разсказъ къ развязкѣ неуклонно.

А здѣсь гуляй и тѣшь болтливый нравъ,
Не кстати, кстати обо всёмъ бесѣдуй
И выводи себѣ ряды октавъ;
Смѣяться нѣтъ охоты — проповѣдуй;
Начни разсказъ и, вдругъ его прервавъ,
За пылкою фантазіей послѣдуй
Хоть на луну — бѣды не будетъ тутъ:
Стихи всё стерпятъ, всё перенесутъ.

Но вотъ бѣда: въ дни наши не въ фаворѣ
Поэзія и фебовы сыны;
Для публики ихъ пѣснопѣнья — горе,
Пѣвцы же сами попросту смѣшны.
Стиховъ читать совсѣмъ не станутъ вскорѣ
Читатели родимой стороны.
Я это знаю и намѣренъ всё жь я
Писать стихи: на то, знать, воля божья,

Хотя талантъ и небольшой мнѣ данъ:
Не Байронъ я — «И по всему замѣтно» —
Но всё-таки мой «Новый Донъ-Жуанъ»
Появится на этотъ свѣтъ не тщетно:
Я для себя «пѣвца» стяжаю санъ —
Охъ, жажду я его, скажу секретно —
Потомъ, плоды поэзіи цѣня,
Собратья по перу прочтутъ меня.

Меня прочтётъ Полонскій вдохновенный
И Майковъ Аполлонъ, и нѣжный Фетъ,
И Страховъ, нашъ эстетикъ незабвенный,
Крестовскій, пылкій ротмистръ и поэтъ,

И Розенгеймъ — онъ судія военный,
Но любитъ музы ласковый привѣтъ —
И Марковы Василій и Евгеній
Меня прочтутъ и мой оцѣнятъ геній.

Прочесть меня, конечно, всѣ прочтутъ:
Не въ этомъ суть фатальнаго вопроса,
А въ томъ, каковъ за чтеньемъ будетъ судъ?
Вдругъ критики посмотрятъ слишкомъ косо
И порицанья слово изрекутъ?
Ахъ, что бы тамъ въ грядущемъ ни стряслося,
Вступленье сдѣлано въ разсказъ — ура!
Теперь къ герою перейти пора.

«I want a hero» — Байронъ «Донъ-Жуана»
Когда-то началъ, такъ и я начну:
Героя мнѣ для новаго романа!
Но вѣдь герои были въ старину,
А въ наши дни искать ихъ, право, странно:
Всѣ люди въ форму вылиты одну,
Ѣдятъ и пьютъ, какъ подобаетъ людямъ —
И мы за-то ихъ осуждать не будемъ.

Великихъ лицъ я не поклонникъ — нѣтъ,
Особенно въ моей отчизнѣ милой.
Героя образъ въ грёзахъ юныхъ лѣтъ
Мнѣ представлялся мрачный и унылый.
Онъ былъ плащомъ иль тогою одѣтъ;
Но время ликъ завѣтный измѣнило —
И нынѣ мнѣ герой земли родной
Является фигурою иной:

Жидомъ, погонцевъ сотни уморившимъ,
Иль адвокатомъ, крупный кушъ сейчасъ
Отъ крупнаго мерзавца получившимъ,
Котораго отъ каторги онъ спасъ,
Или кассиромъ, милліонъ стащившимъ
Изъ кассы банка. Много есть у насъ
Теперь такихъ героевъ: ихъ исчислить —
Объ этомъ я боюся и помыслить.

Но тотъ, кого введу я въ мой романъ,
Конечно, будетъ не изъ этой клики
Прославленныхъ молвою россіянъ,
Съ печатью наглой подлости на ликѣ.
Хоть нашихъ дней онъ грѣшный Донъ-Жуанъ,
Но у него доходы не велики
И потому онъ честный индивидъ.
Пусть терминъ сей читатель мнѣ проститъ!

Что Исаакъ рождёнъ отъ Авраама,
Іакова далъ міру Исаакъ,
Что Поляковъ, Коганъ и Горвицъ прямо
Изъ племени Іуды — это такъ;
Но родъ героя моего упрямо
Покрылъ временъ неодолимый мракъ:
Я изъ его забытой родословной
Знакомъ лишь съ бабушкой Анфисовой Провной.

И васъ я долженъ познакомить съ ней.
Зачѣмъ? Я послѣ объясню причину,
Теперь же мой разсказъ отъ нашихъ дней
Въ прошедшее я разомъ отодвину.
Съ эпохой нашей чудною, ей-ей,
Мнѣ жалко разставаться, но покину
Её я не надолго — и потомъ
Ужь съ ней не разлучусь, клянуся въ томъ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе. — Н. Гербеля V
Предисловіе. — Н. Гербеля VII
I. М. В. Ломоносовъ 1
1. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ 4
2. Іовъ 5
3. Изъ оды «На день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы» . . . 6
4. Изъ «Письма о пользѣ стекла» 7
5. Изъ поэмы «Пётръ Великій» 8
II. А. П. Сумароковъ 9
1. На суету человѣка 11
2. Епистола о русскомъ языкѣ . . . . . —
3. Къ неправеднымъ судьямъ 13
4. Кулачный бой . . . . —
5. Изъ трагедіи «Димитрій Самозванецъ» . —
III. М. М. Херасковъ 15
1. Изъ поэмы «Россіада» 16
2. Изъ поэмы «Владиміръ возрождённый» . —
IV. Д. В. Фонвизинъ 17
1. Къ уму моему 20
2. Посланіе къ слугамъ . . . . —
3. Лисица-казнодѣй 21
4. Изъ комедіи «Недоросль» 22
V. В. П. Петровъ 30
Изъ посланія «Къ ***, изъ Лондона» . . —
VI. И. Ѳ. Богдановичъ 31
Изъ поэмы «Душенька» 32
VII. А. О. Аблесимовъ 35
Изъ оперы «Мельникъ» 36
VIII. И. И. Хемницеръ 39
1. Метафизикъ 41
2. Богачъ и бѣднякъ . . . . —
3. Два сосѣда 42
4. Друзья . . . . —
IX. Я. Б. Княжнинъ 43
1. Изъ трагедіи «Вадимъ Новгородскій» . 44
2. Изъ комедіи «Хвастунъ» 45
X. Г. Р. Державинъ 48
1. Богъ 52
2. Фелица 53
3. Изъ оды «На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока» 56
4. Властителямъ и судьямъ . . . . . . —
5. На смерть князя Мещерскаго 57
6. Вельможа 58
7. Изъ оды «Водопадъ» 60
8. Рожденіе красоты 62
9. Соловей во снѣ . . . . —
10. Къ первому сосѣду . . . . —
11. Изъ посланія «Жизнь званская» . . . 64
12. Цѣпи 65
13. Памятникъ . . . . —
14. Послѣдніе стихи Державина . . . . —
XI. Е. И. Костровъ 66
1. Екатеринѣ Великой . . . . —
2. Творцу «Фелицы» 67
XII. В. И. Майковъ 68
1. Изъ оды «О суетѣ міра» 69
2. Изъ поэмы «Елисей» 70

XIII. В. В. Капнистъ 71
1. На рабство 72
2. Обуховка 74
3. Мотылёкъ 75
4. Изъ комедіи «Ябеда» 76
XIV. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій . . . 77
1. *Выйду я на рѣченьку* 78
2. *Ты велишь мнѣ равнодушнымъ* . . . . —
3. *У кого душевны силы* 79
4. Къ лунѣ . . . . —
XV. Князь И. М. Долгорукой . . . . . —
1. Каминъ въ Москвѣ 81
2. Приказъ швейцару 83
3. Изъ «Несчастной красавицы» 85
4. Завѣщаніе . . . . —
5. Взглядъ старца на заходящее солнце . 86
XVI. Н. М. Карамзинъ 88
1. Гимнъ глупцамъ 91
2. Къ добродѣтели 92
3. Изъ поэмы «Илья Муромецъ» 93
XVII. И. И. Дмитріевъ 94
1. Размышленія по случаю грома 96
2. Пѣсня . . . . —
3. Къ Хлоѣ . . . . —
4. Къ друзьямъ моимъ 97
5. Чужой толкъ . . . . —
6. Чижъ и зяблица 99
7. Часовая стрѣлка . . . . —
8. Ермакъ 100
XVIII. П. П. Сумароковъ 101
Амуръ лишонный зрѣнія 103
XIX. Г. П. Каменевъ 106
Громвалъ . . . . —
XX. В. Л. Пушкинъ 110
1. Къ Арзамасцамъ 112
2. Изъ «Посланія къ Дашкову» 113
XXI. В. А. Озеровъ . . . . —
1. Гимнъ богу Любви 116
2. Изъ трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ» . . —
3. Изъ трагедіи «Фингалъ» 117
4. Изъ трагедіи «Димитрій Донской» . . 118
XXII. И. А. Крыловъ 120
1. Демьянова уха 123
2. Слонъ и моська 124
3. Осёлъ и соловей . . . . —
4. Волкъ на псарнѣ . . . . —
5. Квартетъ . . . . —
6. Котъ и поваръ 125
7. Музыканты . . . . —
8. Ларчикъ . . . . —
9. Роща и огонь 126
10. Бритвы 126
11. Щука и котъ 127
12. Вельможа . . . . —
13. Тришкинъ кафтанъ . . . . —
14. Гуси 128
15. Любопытный . . . . —
16. Ворона и курица . . . . —
XXIII. А. Е. Измайловъ 129
1. Пьяница 130
2. Лгунъ . . . . —
3. Лѣстница 131
4. Кукушка . . . . —
5. Осёлъ и конь 132
6. Возраженіе пьяницы . . . . —
7. Страсть къ стихотворству . . . . . —
XXIV. А. Н. Нахимовъ 133
1. Элегія-сатира 134
2. Изъ поэмы «Пурсоніада» . . . . . . —
XXV. М. В. Милоновъ 136
1. Къ Сильвіи 137
2. Уныніе . . . . —
XXVI. В. И. Панаевъ 138
Сновидѣніе 139
XXVII. А. Ѳ. Мерзляковъ 140
1. Велизарій 141
2. Изъ «Посланія о стихотворствѣ» . . . 142
3. Пѣсня . . . . —
XXVIII. А. И. Тургеневъ 143
Элегія 144
XXIX. В. А. Жуковскій 145
1. Пѣсня 151
2. Близость весны . . . . —
3. Мимопролетѣвшему знакомому генію . —
4. Море 152
5. Ночь . . . . —
6. Теонъ и Эсхинъ . . . . —
7. Царскосельскій лебедь 154
8. Изъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» 155
9. Бородинская годовщина 157
10. Свѣтлана 159
11. Изъ поэмы «Громобой» 162
12. Изъ поэмы «Вѣчный Жидъ» 165
XXX. К. Н. Батюшковъ 167
1. Пробужденіе 168
2. Разлука . . . . —
3. Надежда 169
4. Карамзину . . . . —
5. Тѣнь друга . . . . —
6. Умирающій Тассъ 170
XXXI. Н. И. Гнѣдичъ 171
Рыбаки 173

XXXII. А. Ѳ. Воейковъ 178
1. Посланіе къ Сперанскому . . . . . —
2. Изъ поэмы «Искусства и Науки» . . . 180
XXXIII. И. И. Козловъ 181
1. Моя молитва 183
2. Вечерній звонъ 184
3. Венеціянская ночь . . . . —
4. Молитва 185
5. Радость . . . . —
6. Изъ повѣсти «Чернецъ» 186
7. Изъ повѣсти «Н. Б. Долгорукая» . . . 187
XXXIV. Д. В. Давыдовъ 190
1. Пѣсня стараго гусара 193
2. Посланіе Бурцову . . . . —
3. Челобитная . . . . —
4. Современная пѣсня 194
XXXV. Князь П. А. Вяземскій 195
1. Тройка 196
2. На церковное строеніе . . . . —
3. Масляница на чужой сторонѣ 197
4. Изъ стихотворенія «Самоваръ» 198
5. Изъ стихотворенія «Станція» 199
6. Эперне 200
XXXVI. Ѳ. Н. Глинка 201
1. Исканіе Бога 202
2. Ангелъ . . . . —
3. Перелётная птичка 203
4. Явленіе Невѣдомаго . . . . —
5. Тройка 204
6. Изъ поэмы «Карелія» . . . . —
XXXVII. С. Е. Раичъ 205
1. Отъ переводчика «Освобождённаго Іерусалима» 206
2. Друзьямъ . . . . —
XXXVIII. М. А. Дмитріевъ 207
1. Подводный городъ 210
2. Дума 211
XXXIX. К. Ѳ. Рылѣевъ 212
1. Видѣніе 215
2. Гражданское мужество 216
3. Къ временщику 217
4. А. А. Бестужеву 218
5. *Мнѣ тошно здѣсь какъ на чужбинѣ* . . —
6. *О милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой* —
7. Святополкъ 219
8. Изъ поэмы «Войнаровскій» . . . . . —
9. Исповѣдь Наливайки 220
XL. Князь А. И. Одоевскій 220
1. Къ отцу 223
2. Два образа 224
3. Съ Сѣвера на Югъ . . . . —
4. *Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ* . . 224
XLI. Князь А. А. Шаховской . . . . . —
1. Изъ поэмы «Расхищенныя шубы» . . . 227
2. Изъ комедіи «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды» 232
3. Изъ комедіи «Пустодомы» 234
XLII. Н. И. Хмѣльницкій 235
1. Изъ комедіи «Воздушные замки» . . . 236
2. Изъ комедіи «Говорунъ» 239
XLIII. М. Н. Загоскинъ 243
1. Баллада 246
2. Къ Людмилу . . . . —
3. Изъ комедіи «Благородный театръ» . . 248
4. Изъ комедіи «Урокъ холостымъ» . . . 249
XLIV. Писаревъ 251
Изъ комедіи «Лукавинъ» 254
XLV. А. С. Грибоѣдовъ 260
Изъ комедіи «Горе отъ ума» 264
XLVI. А. С. Пушкинъ 279
1. Пророкъ 288
2. Ангелъ . . . . —
3. Туча . . . . —
4. Муза . . . . —
5. Стансы 289
6. Воспоминаніе . . . . —
7. *Для береговъ отчизны дальной* . . . . —
8. *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ* . . . —
9. Кавказъ 290
10. Анчаръ . . . . —
11. Памятникъ . . . . —
12. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ 291
13. Утопленникъ 292
14. Изъ поэмы «Русланъ и Людмила» . . 293
15. Изъ поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ» . —
16. Изъ поэмы «Цыганы» 294
17. Изъ поэмы «Полтава» 295
18. Изъ повѣсти «Мѣдный всадникъ» . . 296
19. Изъ романа «Евгеній Онѣгинъ» . . . 297
20. Изъ драмы «Борисъ Годуновъ» . . . 299
21. Изъ драмы «Каменный гость» 302
22. Изъ драмы «Скупой рыцарь» 304
XLVII. Баронъ А. А. Дельвигъ 305
1. Романсъ 307
2. Русскія пѣсни . . . . —
3. Вдохновеніе 308
XLVIII. Е. А. Баратынскій . . . . . —
1. Финляндія 309
2. Родина 310
3. Весна . . . . —
4. Римъ 311
5. Истина . . . . —

6. На смерть Гёте . . . 312
XLIX. Н. М. Языковъ . . . —
1. Геній . . . 315
2. Къ музѣ . . . 316
3. Молитва . . . —
4. Водопадъ . . . —
5. Вечеръ . . . —
6. Поэту . . . 317
7. Двѣ картины . . . —
8. Ливонія . . . —
9. Изъ «Пѣсни Балтійскимъ водамъ» . . . 318
10. Къ нянѣ А. С. Пушкина . . . —
11. Землетрясеніе . . . —
L. П. А. Плетневъ . . . 319
1. А. С. Пушкину . . . 321
2. Ночь . . . 322
LI. В. И. Туманскій . . . —
1. Звено . . . 324
2. Мысль о Югѣ . . . —
3. Мысль о Сѣверѣ . . . —
4. Моя любовь . . . 335
LII. Ѳ. А. Туманскій . . . —
1. Птичка . . . 326
2. А. С. Пушкину . . . —
LIII. В. А. Тепляковъ . . . —
1. Кавказъ . . . 327
2. Изъ «Ѳракійскихъ элегій» . . . 328
LIV. Д. В. Веневитиновъ . . . 330
1. Поэтъ . . . 332
2. Италія . . . 333
3. Сонетъ . . . —
4. Утѣшеніе . . . —
LV. И. П. Мятлевъ . . . —
1. Фонарики . . . 335
2. Бывало . . . 336
LVI. Ѳ. И. Тютчевъ . . . —
1. Весенніе воды . . . 340
2. *Не остывшая отъ зною* . . . —
3. *Дума за думой, волна за волной* . . . —
4. *Не то, что мните вы, природа* . . . —
5. *И такъ опять увидѣлся я съ вами* . . . —
6. Покинутая вилла . . . 341
7. Осенній вечеръ . . . —
8. Весенняя гроза . . . —
9. *Обвѣянъ вѣщею дремотой* . . . —
10. *Я помню время золотое* . . . 342
11. *Пошли Господь свою отраду* . . . —
12. *Какъ птичка раннею зарей* . . . —
13. *Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной* . . . —
14. *Песокъ сыпучій по колѣни* . . . 343
15. День и ночь . . . —
16. *Флаги вѣютъ на Босфорѣ* . . . 343
17. Нѣманъ . . . 344
LVII. А. И. Подолинскій . . . —
1. Звѣзда . . . 345
2. Гурія . . . 346
3. Изъ поэмы «Дивъ и Пери» . . . 347
4. Изъ повѣсти «Борскій» . . . 348
LVIII. Д. П. Ознобишинъ . . . 349
1. Кювье . . . 350
2. Кисловодскъ . . . 351
3. Пятигорскъ . . . —
LIX. М. Д. Деларю . . . 352
1. Муза . . . 354
2. Къ генію . . . —
3. Воплощённый идеалъ . . . 355
LX. Э. И. Губеръ . . . —
1. Памяти Пушкина . . . 356
2. Смерть и время . . . 357
3. На покой . . . —
4. Пѣсня . . . —
5 Изъ поэмы «Вѣчный Жидъ» . . . —
LXI. И. И. Лажечниковъ . . . 358
Пѣсня . . . 360
LXII. Н. Ф. Павловъ . . . —
1. Сѣверъ . . . 362
2. *Не говори, что сердцу больно* . . . —
3. Куплеты . . . —
LXIII. А. Ѳ. Вельтманъ . . . 363
Пѣснь атамана . . . 364
LXIV. Н. В. Гоголь . . . —
1. Италія . . . 372
2. Изъ поэмы «Ганцъ Кюхельгартенъ» . . . —
3. Изъ комедіи «Ревизоръ» . . . 373
4. Изъ комедіи «Женитьба» . . . 379
LXV. А. С. Хомяковъ . . . 386
1. Мы — родъ избранный . . . 388
2. Кіевъ . . . —
3. Не гордись . . . 389
4. Видѣніе . . . —
5. Сербская пѣсня . . . 390
6. Орелъ . . . —
7. Желаніе . . . —
8. Элегія . . . 391
9. Къ дѣтямъ . . . —
10. Изъ трагедіи «Димитрій Самозванецъ» . . . —
LXVI. С. П. Шевыревъ . . . 394
1. Мадонна . . . 395
2. Стансы . . . 396
3. Я есмь . . . —
LXVII. А. И. Полежаевъ . . . 397
1. Море . . . 399

2. Къ моему генію 400
3. Ожесточённый . . . . —
4. Живой мертвецъ 401
5. Цѣпи . . . . —
6. Грѣшница 402
LXVIII. А. В. Кольцовъ. . . . . —
1. Пѣсня старика. 404
2. Раздумье селянина . . . . —
3. *Что ты спишь, мужичёкъ* . . . . . . —
4. Вопросъ 405
5. Косарь. . . . . —
6. Лѣсъ 406
7. Пѣсня пахаря . . . . —
LXIX. Н. С. Цыгановъ 407
1. *По полю, полю чистому*. 408
2. *Не шей ты мнѣ, матушка*. 409
3. *Ахъ, чара моя* . . . . —
4. *Охъ, болитъ* . . . . —
LXX. Д. И. Минаевъ. 410
Дѣдушка Донъ Ивановичъ 411
LXXI. П. П. Ершовъ. 412
Изъ сказки «Конёкъ-Горбунокъ» 414
LXXII. В. Г. Бенедиктовъ 419
1. И нынѣ 421
2. Вѣрю . . . . —
3. Могила. 422
4. Борьба. . . . . —
5. Горныя выси 423
6. Южная ночь . . . . —
7. *Я помню приволье широкихъ дубравъ* . . —
8. Къ моей музѣ 424
9. Онъ. . . . . —
LXXIII. А. В. Тимофеевъ. 425
1. Выборъ жены 426
2. Тоска . . . . —
3. Борода. 427
LXXIV. В. И. Соколовскій . . . . . . —
Изъ поэмы «Міозданіе» 429
LXXV. Н. В. Кукольникъ. 430
1. Изъ драматической фантазіи «Торквато Тассо» 433
2. Прологъ къ трагедіи «Паткуль» 434
3. Изъ драмы «Джуліо Мости». 438
4. Изъ драмы «Князь Холмскій» 439
5. Двѣ пѣсни изъ драмы «Лейзевицъ» . . 440
6. Изъ поэмы «Марія Стюартъ» . . . . —
LXXVI. Н. Я. Прокоповичъ 441
Городъ. 444
LXXVII. Е. П. Гребенка . . . . —
1. Пѣсня 445
2. Почтальонъ . . . . —
LXXVIII. А. К. Жуковскій (Е. Бернетъ). 446
1. Семейное чувство. 448
2. Прощаніе. . . . . —
3. Изъ поэмы «Вѣчный Жидъ». 449
LXXIX. Н. П. Грековъ 450
1. Облака. 451
2. *Бываетъ порою* . . . . —
3. *Цѣлую ночь на востокъ играетъ*. . . . —
4. Примѣты осени 452
5. Ожиданіе . . . . —
6. Лѣтняя ночь . . . . —
LXXX. В. И. Красовъ . . . . —
1. Пѣсня 453
2. Элегія . . . . —
3. *Пронеслась моя молодость* 454
4. Ночной товарищъ. . . . . —
5. *Мечтой и сердцемъ охладѣлый* . . . . —
6. *Ахъ ты, мать моя* 455
LXXXI. И. П. Клюшниковъ . . . . . . —
1. Мой геній 456
2. Красавицѣ . . . . —
3. Жизнь 457
4. Воспоминаніе . . . . —
5. Меланхоликъ . . . . —
6. *Я помню взоръ твой* 458
7. По прочтеніи байронова «Каина». . . —
8. Старая печаль . . . . —
LXXXII. Д. Т. Ленскій. . . . . —
1. Разставанье 463
2. Изъ водевиля «Левъ Гурычъ Синичкинъ» —
LXXXIII. П. А. Каратыгинъ. 470
Изъ водевиля «Булочная, или петербургскій нѣмецъ» 473
LXXXIV. Ѳ. А. Кони 480
1. Гондольеръ 482
2. Сны. 483
3. Изъ водевиля «Петербургскія квартиры» —
LXXXV. К. К. Павлова. 487
1. *Къ ужасающей пустынѣ* 489
2. *Когда карателямъ великимъ* . . . . . —
3. Бесѣда въ Тріанонѣ. . . . . —
LXXXVI. Графиня Е. П. Ростопчина. . 492
1. Послѣдній цвѣтокъ 494
2. *Не бойтесь насъ, цари земные*. . . . —
3. Насильный бракъ. 495
LXXXVII. М. Ю. Лермонтовъ 497
1. Дума 501
2. *Выхожу одинъ я на дорогу* 502
3. *Когда волнуется желтѣющая нива* . . . —
4. Молитва . . . . —
5. Тучи . . . . —

6. Пророкъ 503
7. Ребёнку . . . . —
8. Ангелъ. . . . . —
9. И скучно, и грустно. 504
10. Сонъ . . . . —
11. Вѣтка Палестины. . . . . —
12. Изъ поэмы «Демонъ» . . . . —
13. Изъ поэмы «Мцыри» 505
14. Изъ «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» 506
LXXXVIII. И. С. Тургеневъ. 508
1. Весенній вечеръ 516
2. Безлунная ночь . . . . —
3. *Въ ночь лѣтнюю* . . . . —
4. *Откуда вѣетъ тишиной*. 517
5. Ѳедя . . . . —
6. Изъ комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ» . . —
LXXXIX. Графъ А. К. Толстой 521
1. Ой-кабы 523
2. Спѣсь . . . . —
3. *Звонче жаворонка пѣнье*. . . . . . —
4. *Край ты мой, родимый край* . . . . —
5. Изъ поэмы «Грѣшница» . . . . . . —
6. Алёша Поповичъ 524
7. Послѣднее стихотвореніе 526
8. Изъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». —
9. Изъ трагедіи «Царь Борисъ» 528
XC. Я. П. Полонскій. 530
1. Птичка. 533
2. *Посмотри — какая мгла* . . . . . . —
3. Ночь въ Крыму . . . . —
4. Весна . . . . —
5. *Пришли и стали тѣни ночи* . . . . —
6. Наяды. 534
7. Пчела . . . . —
8. У Аспазіи . . . . —
9. Агарь 535
10. Изъ поэмы «Кузнечикъ-музыкантъ» . . —
11. Изъ поэмы «Келіотъ» 538
XCI. А. Н. Майковъ 539
1. Сонъ. 542
2. Сомнѣніе. 543
3. *Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты*. —
4. Горный ключъ. . . . . —
5. Свирѣль . . . . —
6. Нива . . . . —
7. Ангелъ и демонъ. 544
8. Анакреонъ . . . . —
9. *Опять горитъ Востокъ*. . . . . . . —
10. Клермонтскій соборъ 545
11. Дурочка 547
XCII. А. А. Шеншинъ (Фетъ) 549
1. Тайна 551
2. *Чудная картина* . . . . —
3. *Шопотъ, робкое дыханье* 552
4. *Облакомъ волнистымъ*. . . . . . . —
5. Берёза. . . . . —
6. *Жди яснаго на завтра дня* . . . . . —
7. *Еще весны душистой нѣга*. . . . . . —
8. Пчёлы . . . . —
9. *На зарѣ ты ее не буди*. 553
10. *Я пришолъ къ тебѣ съ привѣтомъ* . . . —
11. *Постой, здѣсь хорошо* . . . . —
12. Узникъ. . . . . —
13. *Люди спятъ* . . . . —
14. *Растутъ, растутъ причудливыя тѣни* . —
15. *Надъ озеромъ лебедь* 554
16. *Ея не знаетъ свѣтъ, она еще ребенокъ*. —
17. *Спи — еще зарею* . . . . —
18. *Тёплый вѣтеръ тихо вѣетъ* . . . . . —
19. *О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной*. —
XCIII. С. Ѳ. Дуровъ 555
1. *Когда трагическій актёръ* . . . . . —
2. *Въ насъ воля разума слаба* 556
3. *Иные дни — мечты иныя*. . . . . . —
XCIV. М. А. Стаховичъ. . . . . —
Дѣдушкинъ садъ 557
XCV. А. Н. Яхонтовъ 558
1. Голосъ природы 559
2. Мысль . . . . —
3. Весенній дождь 560
XCVI. В. Р. Зотовъ 560
Изъ философской сказки «Жизнь и Люди». 562
XCVII. К. С. Аксаковъ 564
Луна и солнце 565
XCVIII. И. С. Аксаковъ. 566
1. *Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ* . . . 567
2. Двѣ дороги 568
3. Вечеръ. . . . . —
4. *Добро бъ мечты, добро бы страсти* . . —
5. Изъ поэмы «Бродяга» 569
XCIX. Ѳ. Б. Миллеръ . . . . —
Судья Шемяка. 570
C. М. П. Розенгеймъ 572
1. 19-е февраля 1862 года. 573
2. Пророкъ 574
3. *Горе ты, горе, змѣя подколодная*. . . —
4. Воспоминаніе . . . . —
CI. Н. Ѳ. Щербина. . . . . —
1. Эллада. 576
2. Дѣтская игра . . . . —

3. Загорѣвшая дѣвушка 577
4. Весенній гимнъ . . . . —
5. Купанье . . . . —
6. Голоса ночи 578
CII. А. А. Григорьевъ . . . . —
1. Городъ 582
2. Старая книга . . . . —
3. Прости 583
CIII. Л. А. Мей 583
1. Запѣвка 585
2. Хозяинъ . . . . —
3. Спаситель . . . . —
4. Изъ поэмы «Цвѣты» 586
5. Изъ драмы «Псковитянка» 587
CIV. Н. А. Некрасовъ 589
1. Муза 593
2. *Когда изъ мрака заблужденья* . . . . —
3. *Блаженъ незлобивый поэтъ* 594
4. *Внимая ужасамъ войны* . . . . . . —
5. Родина . . . . —
6. Несжатая полоса 595
7. Забытая деревня . . . . —
8. Власъ 596
9. *Замолкни муза мести и печали* 597
10. Изъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо» . . . . —
CV. А. М. Жемчужниковъ 603
1. Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ 604
2. *Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ* . —
3. *Восторгомъ святымъ пламенья* . . . . —
4. *За днями ненастными* . . . . —
CVI. А. В. Дружининъ 605
1. Дантъ въ Венеціи 607
2. Отрывокъ . . . . —
CVII. П. М. Ковалевскій 608
1. Смерть 609
2. *Есть дни, когда душа* . . . . . . —
3. *За что нашъ гнѣвъ* 610
4. Послѣдній лучъ . . . . —
5. *Она оживаетъ отъ ласокъ весны* . . . —
6. *О, не зови воспоминаній* . . . . . . —
CVIII. А. Н. Плещеевъ . . . . —
1. Вперёдъ 612
2. Раздумье 613
3. Отчизна . . . . —
4. *Была пора — своихъ сыновъ* 614
5. *Нѣтъ мнѣ отъ лютаго горя покоя* . . . —
6. *Отдохну-ка сяду, у лѣсной опушки* . . —
CIX. А. Н. Островскій . . . . —
1. Изъ Драматической хроники «Мининъ». 616
2. Изъ комедіи «Воевода» . . . . . . —
3. Изъ комедіи «Бѣдная невѣста» . . . 618
4. Изъ комедіи «Доходное мѣсто» 623
5. Изъ комедіи «Женитьба Бользаминова» 625
CX. А. Ѳ. Писемскій 626
Изъ драмы «Горькая Судьбина» 628
CXI. Ю. В. Жадовская 633
1. Молитва 634
2. *Ты скоро меня позабудешь* . . . . . —
3. Невыдержанная борьба . . . . . . —
4. *Не зови меня безстрастной* 635
5. *Нѣтъ, никогда* . . . . —
6. Кто мнѣ родня . . . . —
CXII. Н. Д. Хвощинская . . . . —
1. Отрывокъ 637
2. *Свой разумъ искусивъ не разъ* . . . . —
3. *Подъ шумъ заботы ежедневной* . . . . —
4. *Нѣтъ, я не назову обманомъ* . . . . —
CXIII. И. С. Никитинъ . . . . —
1. Соха 640
2. Нищій . . . . —
3. *Вырыта заступомъ яма глубокая* . . . —
4. Дѣдушка . . . . —
CXIV. Г. П. Данилевскій 641
Снѣгурка 644
CXV. П. И. Вейнбергъ 645
1. Изъ «Сожжонныхъ писемъ» 646
2. *Никакъ не пойму я разгадки* 647
3. Двѣ свадьбы . . . . —
CXVI. В. С. Курочкинъ 648
1. 18 іюля 1857 года 651
2. На праздникахъ . . . . —
3. *Какъ въ наши лучшіе года* . . . . . —
4. Въ наше время 652
5. *Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ* . . . . —
CXVII. Н. С. Курочкинъ . . . . —
1. *Довольно лѣтъ я прожилъ!* 653
2. *Чѣмъ выше умъ* . . . . —
3. *Уныло и темно* . . . . —
CXVIII. П. А. Кусковъ 654
1. Памятникъ Петру Великому . . . . . —
2. Послѣ бури 655
3. *И вотъ я вновь одинъ* . . . . . . —
CXIX. Д. Д. Минаевъ . . . . —
1. Насущный вопросъ 656
2. Вѣчная невѣста . . . . —
3. Смѣхъ . . . . —
4. Призракъ 657
CXX. Н. А. Добролюбовъ . . . . —
1. *Силъ молодецкихъ размахи широкіе* . . 660
2. *О, грустно, грустно убѣждаться* . . . —
3. *Ещё работы въ жизни много* 661

4. *Пускай умру* 661
CXXI. К. К. Случевскій. . . . . —
1. Статуя. 662
2. Весной. 663
3. Про старые годы . . . . —
4. Изъ поэмы «Въ снѣгахъ» . . . . . . —
CXXII. А. Н. Апухтинъ. 665
1. Недостроенный памятникъ . . . . . —
2. Памяти Ѳ. И. Тютчева 666
CXXIII. В. В. Крестовскій. . . . . . —
1. Солимская гетера. 668
2. Послѣдняя баррикада 669
CXXIV. Ѳ. Н. Бергъ . . . . —
1. Въ полѣ 670
2. Заря . . . . —
CXXV. В. П. Буренинъ. . . . . —
1. Призраки. 671
2. *Поникъ я долу головой* . . . . —

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

I. А. Ѳ. Воейковъ.
Домъ сумасшедшихъ. 675
II. И. П. Мятлевъ.
Изъ «Сенсацій госпожи Курдюковой» . . 677
III. Н. Ф. Павловъ.
Благотворитель. 680
IV. Ѳ. С. Чернышовъ. . . . . —
Изъ «Солдатской сказки». . . . . . . —
V. Неизвѣстный.
Ревельскій баронъ 683
VI. К. К. Павлова.
Дума 684
VII. К. П. Бахтуринъ. 685
Баронъ Брамбеусъ . . . . —
VIII. П. А. Ѳедотовъ. 687
Изъ поэмы «Майоръ» . . . . —
IX. Графъ А. К. Толстой.
Я всталъ однажды рано утромъ 688
X. Н. Ѳ. Щербина.
1. Физіологія «Новаго Поэта» 689
2. Автору «Книги Печалей». . . . . . —
3. Двойное горе . . . . —
XI. Н. А. Некрасовъ.
1. Первый шагъ въ Европу 690
2. Переписка Москвы съ Петербургомъ . . 690
XII. Кузьма Прутковъ (А. М. Жемчужниковъ).
1. Помѣщикъ и садовникъ 692
2. Помѣщикъ и трава . . . . —
3. Вагнеръ и Кохъ . . . . —
4. Изъ Гейне . . . . —
5. Желаніе быть испанцемъ. . . . . . —
6. Споръ греческихъ философовъ 693
XIII. А. А.
Серенада 694
XIV. Чернокнижниковъ (А. В. Дружининъ).
Раздумье артиста. . . . . —
XV. Л. Л. Л.
1. Пассажъ въ Пассажѣ 696
2. Отрывокъ изъ ненапечатанной поэмы . —
XVI. Діамантовъ (Б. Н. Алмазовъ). . . 697
1. Московскій поэтъ и петербургскій обыватель . . . . —
2. Похороны «Русской Рѣчи» 699
XVII. Гейне изъ Тамбова (П. И. Вейнбергъ).
1. Элегія 700
2. *Дождь и слякоть*. 701
3. *Онъ былъ титулярный совѣтникъ* . . . —
4. *Къ укротителю въ звѣринецъ* . . . . —
5. *Въ фотографіи недавно* . . . . . . —
XVIII. В. С. Курочкинъ.
1. Общій знакомый . . . . —
2. Приговоръ 702
3. *Я не поэтъ* 703
4. Природа, вино и любовь . . . . . . —
XIX. Обличительный поэтъ (Д. Д. Минаевъ).
1. Гражданинъ Невскаго проспекта. . . 704
2. Первое января. 705
3. Домино. 706
XX. Яковъ Хамъ (Н. А. Добролюбовъ).
1. Моё обращеніе. . . . . —
2. Новый общественный вопросъ . . . . —
3. Новый вѣкъ. 707
XXI. Монументовъ (В. П. Буренинъ).
1. Графъ Шенгаузенскій . . . . —
2. Прусская каска 708
3. Изъ поэмы «Новый Донъ-Жуанъ» . . 709

5.
6. Нп
7. Анг
8. Анак
9. *Опять*
10. Клермо

густѣ») въ переводахъ: Вейнберга, Гербеля, Минаева и Соколовскаго. Томъ IV. Двѣ поэмы («Лара» и «Островъ»), двѣ трагедіи («Двое Фоскари» и «Вернеръ») и одна мистерія («Небо и земля»), въ переводахъ: Буренина, Гербеля, Г*** и Соколовскаго. Цѣна — по 2 руб. за томъ; въ изящномъ англійскомъ переплетѣ, тиснёномъ золотомъ — по 2 руб. 50 коп.

V. Полное собраніе сочиненій Гофмана. Томы I—IV. Спб. 1867. Цѣна — 3 руб.

VI. Полное собраніе сочиненій А. В. Дружинина. Восемь большихъ томовъ. Спб. 1865. Цѣна — 10 руб.

VII. Полное собраніе сочиненій Е. П. Гребенки. Пять томовъ. Спб. 1860. Цѣна — 6 руб.

VIII. Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей. Большой томъ, отпечатанный въ два столбца и содержащій въ себѣ 34½ листа (552 страницы) большого формата. Спб. 1873. Содержаніе: «О славянскихъ народныхъ пѣсняхъ» — О. Ѳ. Миллера; девять обозрѣній девяти славянскихъ литературъ — А. С. Будиловича, А. Ѳ. Гильфердинга, Я. Ѳ. Головацкаго и Н. И. Костомарова; 144 народныхъ пѣсни и 313 стихотворныхъ произведеній извѣстнѣйшихъ поэтовъ всего славянства, въ переводахъ: Бенедиктова, Берга, Гербеля, Гребёнки, Данилевскаго, Дурова, Кирѣевскаго, Козлова, Лепко, Лермонтова, Луговскаго, Майкова, Максимовича, Мея, Миллера, Петровскаго, Плещеева, Пушкина, Фета, Щербины и другихъ. Цѣна — 3 руб. 50 коп.: въ переплетѣ — 4 руб. 20 коп.

IX. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. *Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное.* Большой томъ въ 728 страницъ. Спб. 1879. Содержаніе: 1) 129 большихъ біографій всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова и кончая современными поэтами, составленныя издателемъ, частью по новымъ печатнымъ источникамъ, частью по собраннымъ имъ лично матеріаламъ; 2) до 550 лучшихъ изъ существующихъ въ русской литературѣ оригинальныхъ стихотвореній, и 3) до 180 большихъ и малыхъ отрывковъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ трагедій, драмъ, комедій и поэмъ. Цѣна — 3 рубля; въ изящномъ англійскомъ переплетѣ, тиснёномъ золотомъ — 3 руб. 70 коп.

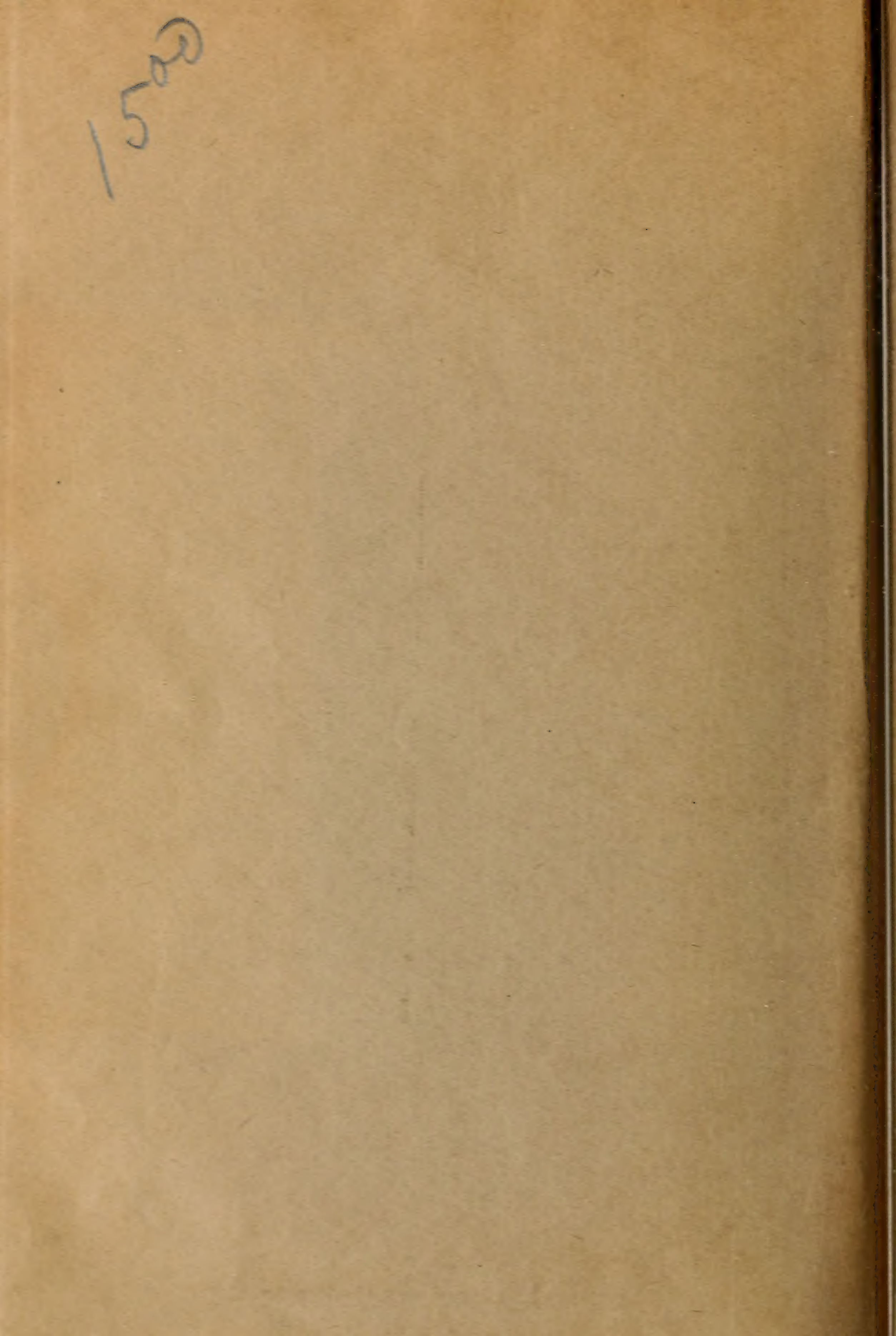
X. Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Большой томъ въ два столбца (480 страницъ). Спб. 1875. Содержаніе: 1) Очеркъ англійской поэзіи; 2) 34 біографіи англійскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ и американскихъ поэтовъ; 3) слишкомъ сто лучшихъ изъ существующихъ въ англійской поэзіи стихотвореній, и 4) до 150 отрывковъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ драматическихъ произведеній и поэмъ. Цѣна — 2 руб. 50 коп.; въ переплётѣ — 3 руб. 20 коп.

XI. Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Большой томъ въ 700 страницъ. Спб. 1877. Содержаніе: 5 литературныхъ очерковъ по части нѣмецкой поэзіи, составленныхъ по Гервинусу, Рокету, Штродтману и Шюре, 85 біографій нѣмецкихъ поэтовъ, составленныхъ по Курцу, Шерру и другимъ, 5 цѣльныхъ большихъ пьесъ, 353 мелкія стихотворенія и 128 большихъ и малыхъ отрывковъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ поэмъ и драмъ, въ переводахъ — гг. Апухтина, Бенедиктова, Берга, Буренина, Вейнберга, Гербеля, Грекова, Губера, барона Дельвига, Достоевскаго, Жадовской, Жуковскаго, Измайлова, Крешева, Крылова, Лермонтова, Майкова, Мея, Миллера, Минаева, Мина, Михаловскаго, Плещеева, Полонскаго, Соколовскаго, Струговщикова, гр[illegible] фа Толстого, Тургенева, Тютчева, Фета, Х[illegible] ра, Яхонтова и другихъ. Цѣна — 3 р[illegible] скомъ переплетѣ — 3 руб. 70 коп.

XII. Игорь, князь Сѣверскій. [illegible]ъ 12 пѣсняхъ. Стихотворный переводъ «С[illegible]а о пълку Игоревѣ». Изданіе 5-е, вновь исправленное и дополненное. Переводъ напечатанъ вмѣстѣ съ подлинникомъ (Texte en regard) и украшенъ 6-ю оригинальными рисунками извѣстныхъ художниковъ М. А. Зичи и А. И. Шарлемаля, отпечатанными въ два тона. Цѣна въ красивомъ переплетѣ, съ золотою виньеткою, исполненною художникомъ М. О. Микѣшинымъ и представляющею арматуру стариннаго русскаго вооруженія — 3 руб., безъ переплета, въ красивой оберткѣ, отпечатанной двумя красками — 2 руб.

XIII. Кобзарь Тараса Шевченко. *Изданіе третье.* Содержаніе: Автобіографія, 1 поэма, 2 повѣсти, 5 думъ, 8 пѣсень, 13 балладъ и 10 мелкихъ стихотвореній, въ переводахъ Берга, Гербеля, Крестовскаго, Курочкина, Мея, Михайлова, Плещеева и Сурикова. Цѣна — 1 руб. 25 коп.; въ переплётѣ — 1 руб. 75 коп.

XIV. Горе отъ ума. Комедія А. С. Грибоѣдова. *Изданіе тридцатое,* напечатанное въ первый разъ съ соблюденіемъ всѣхъ стихотворныхъ правилъ, при размѣщеніи стиховъ по стопамъ. Спб. 1873. Ц. 25 коп.



UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 17 20 04 014 4